

ИВ. ЖДАНОВЪ.

РУССКІЙ БЫЛЕВОЙ ЭПОСЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

I — V.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Л. Ф. Пантелѣва.

1895.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая № 27.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
Предисловіе	V—XII.
Повѣсти о Вавилонѣ и «Сказаніе о князехъ Владиміръскихъ».	1—151
Повѣсть объ Александрѣ и Людовикѣ и былина: «Неразсказанный сонъ»	152—192
Василій Буслаевичъ и Волхъ Всеславьевичъ	193—424
Пѣсни о князѣ Романѣ	425—523
Пѣсни о князѣ Михаилѣ	524—572
Приложенія:	
I. Сказаніе о Вавилонѣ градѣ	574—579
II. О Соломонѣ и царицѣ Южской	580—581
III. Посланіе въ Вавилонъ градъ отъ царя греческаго Улевуя	582—587
IV. Сказаніе о князехъ Владимірскихъ	588—603
V. Посланіе Спиридона Савы	589—602
VI. Походъ Владиміра Мономаха къ Цареграду	604
VII. Новгородскіе разбойники Кій, Щекъ и Хоривъ	605—606
VIII. Легенда о человѣкѣ, обреченномъ демону	607—610
IX. Демонъ Летавецъ	611—614
Дополненія и поправки	615—617
Указатель	618—629

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, вызываемыхъ изученіемъ нашихъ былинъ, — вопросъ объ ихъ литературной исторіи, о первоначальномъ составѣ нашего эпоса и о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя могли и должны были испытать историческія пѣсни, прожившія нѣсколько вѣковъ.

Наша древняя письменность сохранила, какъ извѣстно, очень скудныя свѣдѣнія о составѣ и движеніи былевой поэзіи минувшихъ вѣковъ. Записи былинъ не восходятъ далѣе XVII вѣка. Отъ болѣе древняго времени дошло до насъ лишь нѣсколько псевдо-историческихъ сказаній и лѣтописныхъ замѣтокъ, въ основѣ которыхъ можно предполагать эпическій матеріалъ.— При такой скудости письменной традиціи вопросъ объ исторіи нашего эпоса, объ обработкѣ и переработкѣ былевыхъ пѣсенъ можетъ быть рѣшаемъ преимущественно на основаніи изученія и оцѣнки тѣхъ эпическихъ данныхъ, которыя сохранились въ области такъ называемой народной словесности. Но въ этой области, загроможденной обломками разныхъ эпохъ, нельзя свободно подвигаться впередъ, если предварительно не будетъ разчищенъ путь для движенія, если разновременные обломки не будутъ распределены въ опредѣленномъ порядкѣ.

Въ смѣшанномъ, неоднородномъ составѣ нашего эпоса, кромѣ спутанныхъ напластованій историческо-бытоваго характера, могутъ быть различаемы слои иного рода,—слои собственно литературные, особенности которыхъ объясняются разнообразіемъ того литературнаго матеріала, который вошелъ въ составъ той или другой быliny.—По различію литературныхъ основъ удастся, быть можетъ, распределить наши «старины» на нѣсколько группъ, установить нѣсколько типовъ былевой

пѣсни. Сравненіе же этихъ типовъ можетъ указать на ихъ взаимное отношеніе, на послѣдовательность, съ которой выступали въ нашей эпикѣ былевья пѣсни того или другого состава. Намѣчается так. обр. одинъ изъ тѣхъ путей, которые могутъ приблизить насъ къ рѣшенію вопроса объ историческомъ развитіи русскаго эпоса.

Наблюденіе надъ разнообразіемъ литературнаго состава нашего эпоса опредѣлило выборъ тѣхъ произведеній былевой поэзіи, которыя разсматриваются въ книгѣ, представляемой на судъ читателей.

1) Эпосъ былевой предполагаетъ историческую основу. При такомъ только предположеніи объясняется генезисъ былеваго эпоса, его выдѣленіе въ особый, своеобразно развивающійся видъ народнаго творчества. Свидѣтельства, сохранившіяся въ нашей древней письменности, придаютъ этому предположенію значеніе достовѣрнаго факта. Авторъ Слова о полку Игоревѣ, писатель XII вѣка, зналъ пѣсни о событіяхъ и лицахъ болѣе древняго времени. Въ Словѣ изображается вѣщій пѣвецъ, который пѣлъ «славу» князьямъ: «старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пѣлки Касожьскими, красному Романови Святославичу.»—Какъ бы мы ни смотрѣли на загадочнаго Бояна, это свидѣтельство о древне-историческихъ пѣсняхъ остается вѣдъ сомнѣній. Что касается народно-былевыхъ пѣсенъ, то нѣкоторыя изъ нихъ обнаруживаютъ замѣчательную силу и жизненность эпической памяти. Такова напри- мѣръ извѣстная пѣсня о Щелканѣ, точно передающая эпическое воспоминаніе о событіи начала XIV столѣтія (1327 г.). Нѣсколько вѣковъ устной передачи не разрушили ни литературной полноты, ни исторической ясности этой старой были. Изъ тѣхъ народно-поэтическихъ произведеній, которыя разсматриваются въ моей книгѣ, къ этому отдѣлу былицъ въ собственномъ смыслѣ слова могутъ быть отнесены нѣкоторыя пѣсни, связанныя съ именемъ князя Романа, а именно: малорусская пѣсня о Воротарѣ и великорусскія пѣсни о женѣ князя Романа. Я пытаюсь доказать, что въ пѣсняхъ этихъ сохранилось воспоминаніе о событіяхъ XIII вѣка, объ исторически извѣстномъ лицѣ,—князѣ Романѣ Мстиславичѣ. Къ этому же ряду древне-

историческихъ пѣсенъ должна была принадлежать и та поэтическая быль, которая лежитъ въ основѣ сказаній о Мономаховыхъ инсигніяхъ.

Отраженіе въ поэзіи историческихъ событій, характеризующее былевой эпосъ въ его основѣ, не объясняетъ однако всѣхъ явленій, всѣхъ разновидностей былевой пѣсни. Вліяніе историко-литературныхъ теченій могло значительно отклонять движеніе эпоса отъ его первоначальнаго направленія. Поэтому рядомъ съ пѣснями, сложившимися на историческо-былевой основѣ и удерживающими эту основу и въ позднѣйшихъ пересказахъ, находимъ такіа произведенія эпической поэзіи, въ которыхъ историческія воспоминанія замѣняются инымъ литературнымъ матеріаломъ. Какой же именно матеріаль вошелъ въ нашъ былевой эпосъ, измѣняя составъ и характеръ исторической пѣсни? Недостаточно указать, что это матеріаль заходжій, матеріаль, непринадлежащій къ кругу нашихъ былей. Нужно опредѣлить тотъ отдѣлъ поэтической литературы, подъ вліяніемъ котораго опредѣлился составъ той, или другой былины. При такомъ изученіи выяснится живая связь, соединяющая былевой эпосъ съ другими, параллельными ему теченіями народнаго творчества, исторія былины не останется уединенной, а войдетъ въ общую картину движенія старо-русской поэзіи.

2) «Сказка-складка, а пѣсня быль», говоритъ народная половица. При ближайшемъ ознакомленіи съ нашими былевыми пѣснями это опредѣленіе половицы не всегда, однако, оправдывается. Законы эпическаго творчества недостаточно строго охраняютъ межу, отдѣляющую быль отъ складки, полосу историческаго эпоса отъ участковъ, принадлежащихъ «нѣкоторому царству, нѣкоторому государству». Въ области русской былевой поэзіи нерѣдко можно напасть на ясныя слѣды, указывающіе на вторженіе въ эту область литературныхъ сосѣдей изъ царства складки. Есть даже цѣлыя былины, содержаніе которыхъ повторяется въ памятникахъ сказочнаго характера. Такова именно разсматриваемая ниже пѣсня: «Неразсказанный сонъ». Пѣсня эта приурочиваетъ къ имени царя Ивана Васильевича одну изъ сказокъ, занесенныхъ въ Книгу о семи мудрецахъ.

Эта же сказка известна въ цѣломъ рядѣ народно—устныхъ пересказовъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что примѣры влiянiя сказокъ на былины могутъ быть указаны и въ такихъ пѣсняхъ, основы которыхъ относятся, вѣроятно, къ древнѣйшей порѣ. Припомнимъ былинѣ о Михайлѣ Потыкѣ. Одинъ изъ отдѣловъ этой былины встрѣчается, какъ известно, въ сказочныхъ пересказахъ.

3) Въ ряду памятниковъ нашего былевого эпоса есть особаго рода произведенiя, которыя можно назвать былинами бытовыми или побывальщинами въ поэтической формѣ. Дѣйствующiя лица этихъ побывальщинъ рѣдко появляются не широкой исторической аренѣ рядомъ съ величавыми фигурами эпическихъ знаменитостей; они выступаютъ обыкновенно передъ нами, какъ исполнители той или другой роли въ драмѣ бытового содержания, разыгрываемой на домашней сценѣ. Имена этого рода пѣсенныхъ героев—имена безвѣстныхъ: Ванька Ключникъ, Гость Терентьище и т. п. Иногда, правда, въ этихъ бытовыхъ былинахъ упоминаются имена, за которыми скрываются, быть можетъ, какiя нибудь опредѣленныя, хотя и трудно разгадываемыя, историческiя воспоминанiя: кн. Михайло, кн. Данило, кн. Димитрiй и др. Но несмотря на черты, указывающiя на историческое приуроченiе побывальщины, все содержанiе такого рода пѣсни ясно даетъ понять, что интересъ ея сосредоточивается на развитiи не историко-эпической, а психологическо-бытовой темы. Пѣсня рассказываетъ о какой-нибудь семейной драмѣ, въ которой, какъ дѣйствующiя лица, выступаютъ мужъ и жена, свекровь и невѣстка, братья и сестры; содержанiе драмы—проявленiе любви и ревности, довѣрчивости и коварства, преступленiе и раскаянiе. Эти психологическiя темы развиваются, какъ известно, во множествѣ бытовыхъ пѣсенъ. И тѣ пѣсни, которыя известны въ видѣ бытовыхъ былинъ, встрѣчаются нерѣдко безъ опредѣленнаго приуроченiя, безъ упоминанiя именъ дѣйствующихъ лицъ. Получая историческую окраску, вторгаясь въ область исторической пѣсни, поэтическая побывальщина соединяетъ потокъ былевого эпоса съ широкимъ русломъ бытовыхъ пѣсенъ. Къ кругу указываемыхъ бытовыхъ былинъ, относятся разсматриваемыя ниже

пѣсни о князѣ Михаилѣ. Такова же пѣсня о томъ, какъ «князь Романъ жену терялъ», примкнувшая къ эпическимъ воспоминаніямъ о князѣ Романѣ Галицкомъ. Примѣры подобнаго приуроченія побывальщинъ къ былинамъ отыщутся и въ области богатырскаго эпоса. Припомнимъ былинку объ Алешѣ Поповичѣ и сестрѣ братьевъ Збродовичей. Что это, какъ не побывальщина, въ которую только вставлено имя извѣстнаго богатыря? Таковы же и нѣкоторыя пѣсни о Дунаѣ, гдѣ этотъ богатырь является въ положеніи Ваньки-Ключника.

4) Въ старо-русской письменности есть обширный и интересный отдѣлъ, слагавшійся подъ несомнѣннымъ вліяніемъ поэтическаго замышленія. Отдѣлъ этотъ—литература легендъ и назидательныхъ притчъ. Изъ книгъ легенда и притча проникла въ народъ, давая матеріалъ для духовныхъ стиховъ и благочестивыхъ разсказовъ въ прозѣ. Не осталась внѣ вліянія легенды и былевая поэзія. Такъ, былина о Васильѣ Буслаевичѣ повторяетъ въ примѣненіи къ новгородскому ушкуйнику легенды о покаявшемся разбойникѣ, о челоуѣкѣ, обреченномъ демону. Былина о Волхѣ Всеславьевичѣ примыкаетъ къ новгородскимъ преданіямъ о Волхвѣ Словеничѣ, а изъ-за этого Волхва выглядываетъ фигура Симона Мага, извѣстнаго по апокрифнымъ дѣяніямъ апостола Петра.

5) Апокрифныя сказанія заходили къ намъ путемъ переводовъ. Русской литературѣ принадлежать лишь усвоеніе и переработка этихъ сказаній. Къ числу такихъ же завожнихъ произведеній относятся и многія другія легенды, притчи, побывальщины и сказки, усвоенныя нашей письменностью, и перенесенныя въ нашу народную словесность.—Эти притчи и сказки могли находить то или другое историческое приуроченіе еще до перехода на русскую почву. Русскіе сказочники и пѣвцы пытались связать съ родными преданіями и такія заносныя былины. Примѣрами подобнаго вторичнаго приуроченія могутъ служить повѣсти и сказки о Вавилонѣ. Съ именемъ греческаго царя Льва соединялось сказаніе о добываніи драгоцѣнностей, принадлежавшихъ Навуходonosору. Это сказаніе переходитъ на Русь и примыкаетъ въ нашемъ эпосѣ къ преданіямъ о князѣ Владимірѣ или о царѣ Иванѣ Васильевичѣ.

Имя Владиміра находимъ въ дополнительной замѣткѣ, присоединяемой къ книжной повѣсти о греческомъ посольствѣ въ Вавилонъ; имя Ивана встрѣчается въ народныхъ сказкахъ о Бормѣ, ходившемъ за древними драгоценностями по порученію московскаго царя. Пѣсенные пересказы византійско-русской повѣсти не извѣстны, но это не мѣшаетъ, конечно, причислить сказки о Бормѣ и преданія о походѣ Владиміра на Цареградъ къ матеріаламъ для исторіи русской эпикѣ.

Отношеніе историческаго преданія къ литературнымъ наслоеніямъ въ эпосѣ не одинаково. Сказки и легенды, побывальщины и причты могутъ проникать въ былины или путемъ литературнаго замѣщенія или путемъ бытоваго приуроченія. Въ первомъ случаѣ такой или иной литературный матеріалъ примыкаетъ къ рапѣ сложившимся историческимъ сказаніямъ, осложняя и измѣняя ихъ первоначальный составъ. Сходство эпической темы или только нѣкоторыхъ подробностей даетъ поводъ замѣнить старый рассказъ новымъ, или, по крайней мѣрѣ, внести въ прежній рассказъ новые эпизоды. Примѣры такого замѣщенія встрѣчаемъ въ пѣсняхъ о кн. Михайлѣ, о кн. Романѣ («какъ князь Романъ жену терялъ»), въ былинахъ, связанныхъ съ именемъ царя Ивана (Неразсказанный сонъ, Подсолнечное царство). При эпическо-бытовомъ приуроченіи наблюдается обратное явленіе. Рассказъ, не имѣвшій первоначально связи съ былевымъ эпосомъ, прикрѣпляется къ опредѣленной исторической почвѣ, открывая доступъ для внесенія тѣхъ или другихъ бытовыхъ подробностей, придающихъ переработанной пѣснѣ былевой складъ и характеръ. Заходяя пѣсня оказывается удобной формой, въ которую влагается мѣстное, своеземное содержаніе. Образцомъ такого эпическаго приуроченія можетъ служить былина о Васильѣ Буслаевичѣ.

Явленія замѣщенія и приуроченія различаются не только способомъ соединенія были и небылицы, но и нѣкоторой историко-литературной послѣдовательностью. Само собою понятно,

что повѣствованія, чуждыя первоначально нашему эпосу, могли получать русскую историческую окраску въ томъ только случаѣ, если пѣсни былевыя по основѣ, послѣ постепенной переработки, стали утрачивать строго-историческую опредѣленность, стали смѣшиваться съ повѣствованіями изъ круга сказокъ и легендъ. Русская быль, принявшая черты захожей легенды или сказки, открывала путь и для обратнаго превращенія: захожая легенда передѣлывалась въ русскую быль. Самсонъ «богатырь святорусскій» могъ, конечно, появиться въ нашемъ эпосѣ только тогда, когда мѣстные богатыри вышли ему на встрѣчу, когда образы этихъ богатырей, потемнѣвшіе отъ времени и не разъ подновлявшіеся, потеряли былевую опредѣленность, когда поэтому и появленіе среди такихъ богатырей библейскаго силача не могло показаться несообразностью, нарушающею цѣльность русскаго эпоса.

Раздѣленіе былинь на двѣ группы не предрѣшаетъ вопроса о литературной цѣнности пѣсенъ той или другой группы. Пѣсни съ былевой основой послѣ ряда замѣщеній и передѣлокъ могутъ потерять и историческую, и литературную опредѣленность. Пѣсни же сказочно-легендарныя получаютъ иногда такую яркую историческую окраску, которая придаетъ имъ значеніе замѣчательнѣйшихъ памятниковъ старо-русской поэзіи. Былина о Васильѣ Буслаевичѣ не оригинальна по литературной основѣ, но по мастерскому изображенію нѣкоторыхъ сторонъ старо-русскаго, именно новгородскаго быта, былина эта — одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ остатковъ старо-русскаго эпоса. Пѣснотворцы стараго времени пользовались готовыми образами для выраженія думъ, которыя будила въ нихъ русская историческая жизнь.

Въ книгѣ моей рассматриваются лишь нѣкоторые, немногіе памятники нашего былеваго эпоса. Нѣтъ сомнѣнія, что указанныя выше явленія въ области былеваго творчества могутъ быть изучены и показаны и на другихъ примѣрахъ, на

такихъ пѣсняхъ и сказкахъ, которыхъ я не касался. Мой выборъ объясняется желаніемъ остановиться на произведеніяхъ менѣе извѣстныхъ, рѣже привлекавшихъ вниманіе изслѣдователей. Собирая и разсматривая эпическія *параллѣлы*, я имѣлъ въ виду представить не совсѣмъ, быть можетъ, безполезныя дополненія къ трудамъ моихъ славныхъ предшественниковъ въ дѣлѣ изученія нашей народной поэзіи.

Въ заключеніе считаю долгомъ засвидѣтельствовать глубочайшую благодарность всѣмъ лицамъ, благосклонное содѣйствіе которыхъ облегчало мнѣ собраніе и отысканіе научно-литературнаго матеріала.

ПОВѢСТИ О ВАВИЛОНѢ

и

«СКАЗАНИЕ О КНЯЗЕХЪ ВЛАДИМИРСКИХЪ».

I.

Въ сборникѣ сказокъ и преданій Самарскаго края, собранныхъ Д. Н. Садовниковымъ, помѣщена сказка о Бормѣ Ярыжкѣ, любопытная по смѣшенію сказочнаго матеріала съ подробностями книжной повѣсти и по приуроченію этого смѣшаннаго разсказа къ событіямъ русской исторической жизни.

Вотъ что передается въ сказкѣ: царь Иванъ Васильевичъ кликалъ кличъ: «Кто мнѣ достанетъ изъ Вавилонскаго царства корону, скипетръ, рукъ державу и книжку при нихъ?» По трое сутки кликалъ онъ кличъ, но никто не являлся. Приходитъ Борма Ярыжка. «Я, говоритъ, могу достать, а для этого мнѣ надо снарядить корабль, да тридцать человекъ дайте мнѣ матросовъ; корабль чтобы весь былъ окованъ жестью, все снасти и мачты, да тридцать бочекъ въ него пороху, да на три года провизіи, и если я черезъ три года не ворочусь, значить—меня живъ не будетъ. А теперь мнѣ съ молодцами дайте поить да погулять». Спустя шесть недѣль, Борма и его спутники отправились въ путь.—«Пріѣзжаютъ къ Вавилонскому царству. Онъ сошелъ на берегъ, взялъ двоихъ съ собой матросовъ. А Вавилонское царство все было съѣдено змѣями. На берегу они нашли часовенку. Они ее разбили, и нашель онъ въ ней корону, скипетръ и рукъ державу и книжку при нихъ. Матросы говорятъ: «Ну теперь добыли, пойдѣте на корабль!» А онъ: «нѣтъ, говоритъ, надо въ городъ сходить, а то насъ будутъ спрашивать, а мы ничего не знаемъ». Змѣи все пожирали, ничего кругомъ не осталось, а спали между

обѣдней и заутреней въ Свѣтло Христова Воскресенье. Въ это время Борма и вышелъ на берегъ. Царь вавилонскій издалъ указъ, чтобы на семь змѣи были вырѣзаны и написаны: и на чашкахъ, и на ложкахъ, и на монетахъ. Богъ его и наказалъ: все эти змѣи ожили и поѣли все живое. Около города, вмѣсто стѣны, змѣя обвилась: Ну вотъ Борма Ярыжка, чтобы перелѣзть стѣну и змѣя не задѣтъ, слѣпилъ лѣстницу и перелѣзъ. Когда онъ шелъ городомъ, змѣи, какъ мертвыя, подъ ногами лежали. Иная взметнется, какъ наступить, и опять спить. Онъ никого живого не нашелъ и пошелъ прямо во дворецъ. Приходить—все комнаты пустыя, а въ послѣдней царской комнатѣ сидитъ Царь-Дѣвка—на половину змѣя, на половину дѣвка. Она надъ всемъ змѣинымъ царствомъ царствовала. Когда Борма Ярыжка вошелъ, она увидала и говоритъ: «А, Борма Ярыжка! Ты шелъ изъ Русскаго царства доставать корону, скипетръ, рукъ державу и книжку, и они у тебя?»—У меня.—«Досталъ?»—Досталъ—«Разорву, съѣмъ!»—Ну, чего ты меня разорвешь? Много ли во мнѣ мяса? Вотъ и тебѣ двоихъ въ залогъ оставлю, да и остальныхъ приведу: все одно вмѣстѣ пропадать. Черезъ часъ вернусь». Она отпустила его, да и говоритъ: «Ну, ступай, да не обмани». Не успѣлъ онъ ступить изъ ея комнаты, Царь-Дѣвка на матроса..... разорвала матроса при немъ же. А Борма Ярыжка, какъ прибылъ на корабль, такъ закричалъ: «Рубите канаты! Поднимайте паруса!» — Царь-Дѣвица, замѣтивъ хитрость Бормы, отправляетъ въ погоню за нимъ змѣй. Борма разсыпалъ на палубѣ корабля порохъ и поджегъ его.—«Змѣи налетѣли, обцѣпили корабль и все снасти облѣпили... Порохъ взорвало и у змѣевъ все крылья опалило; которыхъ добили, которыхъ пожгли».—Царь-дѣвица посылаетъ змѣя Горыничя, «что около города стѣной лежалъ, и съ нимъ много змѣевъ». Борма поджегъ двадцать семь бочекъ съ порохомъ: «змѣй многихъ пожгло, а Змѣй Горыничъ уцѣлѣлъ и началъ корабль топить, корабль и потонулъ». Борма бросается въ лодку, добирается до берега и пускается въ путь—дорогу отыскивать родную сторону.

«Шелъ много ли, мало ли, приходитъ къ великолѣпному дому. Окруженъ домъ каменною стѣной и ворота заперты. Началь стучаться—отзыву нѣтъ, никто не окликается... Сѣлъ на лавочку и сталъ ждать». Къ вечеру пришелъ хозяинъ великолѣпнаго дома—*одноглазый* великанъ, братъ Царь-Дѣвицы, живущей въ Вавилонѣ. Великанъ грозитъ разорвать и съѣсть Борму. «Ну, что ѣсть-то: развѣ отъ меня сытъ будешь?»—говоритъ Ярыжка—а вотъ давай по-братски сѣлаемъ: у тебя вотъ одинъ глазъ то, а я тебѣ два сѣлаю.

Ты теперь одно царство видишь, а тогда два. Пойдемъ!» На это предложеніе Бормы великанъ отвѣчалъ согласіемъ. Борма скрутилъ его воловьими жилами, пошелъ, взялъ олова, растопилъ, да и говорить великану; «Растопырь глазъ то, а то ошибешься, не такой сдѣлаешь». Тотъ раскрылъ глазъ, а Борма и вылилъ туда горячаго олова. Великанъ порвалъ воловьѣ жилы, все изорвалъ и поломалъ. «А, говорить, ты меня обманулъ! Ну, да постой, найду!» Затворилъ ворота и камень къ нимъ привалилъ. Некуда Бормѣ дѣться. А у одноглазаго, въ родѣ товарища, козелъ громадный жилъ. Вотъ Борма то и подвязался къ козлу подъ брюхо, а то не уйдешь пожалуй,— и давай его подъ бока щекотать. А козелъ то привыкъ съ одноглазымъ играть, разбѣжится, разбѣжится, да и ткнетъ. А тотъ говоритъ: «Уйди, Васька, теперь не до тебя». Надоѣлъ онъ одноглазому. Тотъ разсердился, схватилъ козла за рога, хотѣлъ объ стѣну расшибить, да съ Бормой вмѣстѣ черезъ стѣну и перекинулъ.— Борма, какъ только очутился на той сторонѣ, отвязался отъ козла и крикнулъ: «А я здѣсь!»—«А, Борма Ярыжка,—закричалъ одноглазый,—хитеръ ты и мудеръ». Ну, на отъ меня на память золотой топорикъ!...» Борма Ярыжка думаетъ: «Не даромъ онъ кидаетъ». Подошелъ да мизинцемъ чуть дотронулся до топорика. Какъ дотронулся, топорикъ и закричалъ: «Хозяинъ! Здѣсь! Держу» Борма Ярыжка схватилъ ножикъ и отрѣзалъ себѣ палець. Пока тотъ отваливалъ камень, Борма убѣжалъ. «Эхъ! крикнулъ топорилъ, не поспѣлъ! Вотъ тебѣ одинъ палець!» Великанъ кинулся, весь его сгрызъ, а Борма гдѣ за дерево спрячется, гдѣ камнемъ лукнетъ—ушелъ».

Выбравшись отъ одноглазаго, Борма попадаетъ къ его второй сестрѣ. У нея пришлось Ярыжкѣ остаться надолго. «Эта дѣвка его каждый день смертью страшала и двадцать лѣтъ съ нимъ прожила и прижила сына. Стало сыну двадцать лѣтъ. Вотъ разъ она уходитъ въ Вавилонское царство къ сестрѣ, а Борму на цѣпи оставила и говорить сыну: «Я пойду, цѣлый день не буду. Смотри, съ цѣпи отца не отпускай, а то онъ хитеръ и мудеръ. Самого разорву, колипустишь; а къ вечеру я сама вернусь!» Борма уговорилъ сына идти вмѣстѣ на охоту, пострѣлять утокъ на рѣкѣ. Убилъ Борма утку и послалъ сына за уткой; самъ плотъ сдѣлалъ на рѣкѣ и поплылъ. «Батюшка! закричалъ сынъ, что ты дѣлаешь?» А дѣвка ужъ на берегъ приѣгла, кричитъ: «А, Борма Ярыжка! хитеръ и мудеръ! На вотъ тебѣ твою то половину, не надо мнѣ!» Разорвала сына да и кинула ему половину. Одна капля нечистой крови попала на плотъ, онъ сталъ тонуть. Борма взялъ да ножомъ и вырѣзалъ.

Плоть оный поплыть и переѣхалъ въ Русь Святую. Дѣвка побѣсилась, побѣсилась, а сдѣлать нечего: на ту сторону не перекинешься. Борма поемѣлся надъ ней и дальше пошелъ». Дорогой, увидѣвъ, какъ левъ боролся со змѣемъ, Борма помогасть льву, подстрѣливъ змѣя. Благодарный звѣрь въ три часа домчать Ярыжку до роднаго города, до котораго тому пришлось бы идти еще три года: «Борма пошелъ прямо во дворецъ и сказать о себѣ, а тамъ ужъ и забыли о немъ, потому что тридцать лѣтъ какъ его не было. Стали искать въ архивахъ и нашли, что дѣйствительно тридцать лѣтъ назадъ былъ отправленъ корабль за поискомъ короны, скипетра, рукъ державы и книжки при нихъ. — «Ну что, чѣмъ мнѣ тебя наградить? спрашиваетъ Борму Иванъ Васильевичъ. «Да что? Дозволь мнѣ три года безданно-безпошлинно шить во всѣхъ кабакахъ!» И вотъ сталъ Борма пить-попивать, пьяницъ за нимъ не толчена труба. Напившись разъ, онъ хвалиться сталъ: «мнѣ бы еще три года идти, да меня левъ подвезъ въ три часа за то, что я змѣя убилъ». Какъ эти слова выговорилъ и спохватился». Дѣло въ томъ, что, по требованію льва, Борма далъ обѣщаніе подъ страхомъ смерти никому не рассказывать о своей побѣдѣ. Чтобы вынудиться изъ бѣды, Ярыжка распорядился приготовить три котла: одинъ — съ медомъ, другой — съ виномъ, третій — съ самымъ крѣпкимъ спиртомъ. «Поднялась буря, и велѣдъ за ней бѣжить левъ и сейчасъ же къ Бормѣ: «А, ты мной похвалился! Такъ я тебя съѣмъ!» — «Это не я!» — «А кто же?» — «Хмѣль». — «А гдѣ онъ?» Онъ ему указалъ на котель съ медомъ. Левъ весь котель выпилъ и выворотилъ изъ земли». Затѣмъ выпилъ левъ и остальные два котла и пьяный тутъ же растянулся. — «Борма велѣлъ вбить около льва столбы и оковать цѣпями. Когда левъ встряхнулся — хватъ и встать нельзя. Борма подошелъ и говорить: «Вотъ видишь, что хмѣль то дѣлаетъ. Не я тобой хвалился, а хмѣль. Я тебѣ бы теперь могъ голову срубить, да не сдѣлалъ этого». — «Ну, пусть Борма Ярыжка!» — Тотъ велѣлъ его расковать; левъ и убѣжалъ. Послѣ этого Борма недѣли три пьянствовалъ и опился въ кабаки» ¹⁾.

¹⁾ Сказки и преданія Самарскаго края, собранныя и записанныя Д. Н. Садовниковымъ (*Записки Русскаго географическаго общества*, по отдѣленію Этнографіи, т. XII, 1884 г.) стр. 22—27. Въ другомъ вариантѣ, записанномъ г. Садовниковымъ («Иванъ Туртыгинъ») добываніе государственныхъ драгоценностей замѣнено возвращеніемъ похищенной змѣей царевны Скипетры. Отыскиваетъ эту царевну Иванъ Туртыгинъ. „Подъѣзжаетъ къ царству, гдѣ этотъ самый Змѣй Горыничъ живетъ; оставилъ корабль, а самъ пошелъ пѣший. Подходить къ

Варианты этой сказки записаны 1. *Романовым* в Могилевской губ., 2. *Иваничким* в Вологодской губ., 3. *Добровольским* в Смоленской губ.

В Вологодском пересказѣ имя царя не названо. «Не въ какомъ царствѣ, не въ какомъ государствѣ, не именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ былъ царь да царица, а у этого царя не было короны. Онъ и сталъ собирать свое царство и собралъ всѣхъ главныхъ начальниковъ и простова роду мужиковъ, кто бы ему корону могъ достать съ острова, гдѣ она хранилась. Вотот-ка выискался одинъ,—Михайло Трунциковъ». Передъ отправленіемъ въ путь, пролѣтянствовавъ 12 дней, Михайло попросилъ у царя команду солдатъ и 13 кораблей; всѣ корабли, кромѣ одного, наполнены были порохомъ. «Отправился Михайло Трунциковъ въ дорогу и подъѣзжаетъ къ тому мѣсту, на которомъ острову была корона. (Названіе Вавилонскаго царства забыто). Сейчасъ и зачалъ распорядиться: причаливайтесь! Команда причалилась къ острову, вышелъ М. Т.—въ изъ корабля и пошелъ по острову, взялъ съ собою трехъ солдатъ.

Идетъ онъ островомъ, а на этомъ острову маленькихъ змѣй по колѣно брели. Но у нихъ была такая одежда, што они не боялись: Подходя къ дому, а у этого дома лежала змѣя 30 сажень длины и 12 ширины. Они сильно испугались ее, но М. Т.—въ не струсилъ, перешелъ по ей и солдаты за имъ, перешли всѣ четверо, она

царству—пастухи скотину пасуть. „Что, пастухи, чье это царство?“—Змѣя Горыничка.—„А что, онъ у васъ женатъ, али холостъ?“—Нѣтъ, онъ недавно женился: у блага царь дочь унесъ.—„А что, мнѣ придти можно?“—Можно у насъ ни часовыхъ, ни вѣстовыхъ.—Всходитъ Иванъ Туртыгинъ въ палаты, беретъ Скипетру-царевну за руку и уводитъ съ собой. Увелъ на корабль, велѣлъ корабельщикамъ, чтобы на палубу какъ можно пороху насыпать и фитиля зажигать. Поплыли они. Вдругъ Змѣй Горыничъ узналъ и—въ погоню. Они зажгли порохъ, онъ крылья спалилъ и отлетѣлъ“. Возвращаясь отъ Змѣя Горыничка, Иванъ встрѣчается а) съ сестрой Змѣя—Лютюй Змѣйцей, б) съ кривымъ богатыремъ, в) съ Заплетаемъ Заплетачемъ, г) со львомъ.—Разсказъ о кривомъ Богатырѣ передается сходно съ соответствующимъ отдѣломъ сказки о Борюѣ.—Эпизодъ встрѣчи Ивана съ Заплетаемъ приведенъ будетъ ниже.—Въ разсказѣ о левѣ Змѣй замѣненъ „Окаяннымъ“. Иванъ „взялъ саблю и снесъ съ окаяннаго годову. Левъ и говоритъ: „Ну, садись на меня! Я тебя до царства донесу. Довезъ онъ его до царства, снялъ съ себя и говоритъ: „Ну, Иванъ Туртыгинъ, дѣшьяна не напивайся, а мной, звѣремъ не похваляйся“.—Одинъ изъ спутниковъ Ивана, который ранѣе прибылъ къ отцу Скипетры, выдаетъ себя за ея освободителя. Готовится свадьба. Прибытіе Ивана открываетъ обманъ. Сказка заканчивается появленіемъ льва и его опьяненіемъ.—Иванъ женится на Скипетрѣ—царевнѣ.

ещь, я тебя съѣмъ! А медвѣдь-отъ былъ милосливый. И
рошати М. Т—въ, чтобы онъ его спасъ». Медвѣдь (соот-
вѣствующій льву самарской сказки) не только попалъ Ми-
но и перенесъ его къ царю, добывавшему корону. «Царь
видѣлъ его, сейчасъ схватилъ въ оханку и спросилъ: гдѣ
ялся? А вотъ, гдѣ, они уѣхали, а меня медвѣдь привезъ.
Я сказалъ все царю подробно, какъ дѣло было. Разсердился
и разстрѣлялъ совдатовъ,—гѣхъ, которые обманули его, только
я оставилъ, которые были въ зѣбномъ превѣ». Слѣдуетъ
замѣтить, что медвѣдь, его описаніе; подробности эти передаются сход-
но самарской сказкой. «А М. Т—въ получилъ отъ царя поло-
ву царства и женился на царевнѣ у того же царя.» *).

Въ Могилевскомъ пересказѣ («Проварна ярыжка») царя Ивана
Ивановича замѣняетъ Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ. «А
онъ бывъ большій карцѣжникъ и любивъ крѣпко у карты гуляць.
Онъ былъ на возморъи, у которомъ то царетви, жила тамъ Василиска
Михайловска, и она тожъ охотница у карты гуляць». Иванъ царе-
вичъ отправился къ ней. Стали играть. Русскій царевичъ проигралъ
корону. «И такъ онъ обманулся, што и государственную корону проигралъ»,
Василиска «замуровала гѣту корону у печь». Вернувшись
домой, царевичъ сталъ отыскивать человѣка, который взялся бы
возвратить корону. Вызвался Проварна Ярыжка, прогоркая пья-
ница. Передъ отправленіемъ въ путь, онъ заявилъ, что для испол-
ненія труднаго дѣла ему «надо солдатовъ полкъ, и надо корабль,
и надо пороху, и надо увесъ припасъ солдатскій». Корабль былъ
приготовленъ, и Ярыжка съ отрядомъ солдатъ пустился въ путь-
дорогу. Завидѣвъ дворецъ Василиски, онъ вышелъ на берегъ, при-
казавъ спутникамъ ожидать его. «Ну, приходзя проварна Ярыжка
прогоркая пьяница подъ дворецъ, а тамъ кругомъ яе дворца обвив-
ся большій вужъ, и въ зубы хвостъ узявъ; и хто идзе у дворъ къ
ей, онъ пуская, а хто идзе зъ двора, того ня пуская. Ну, упустивъ
онъ яго. И уходзиць онъ у первую комнату, Проварна Ярыжка. И
сычасъ якъ увыйшовъ онъ, и увидавъ онъ государскую корону,
замурованную у печь, и чуць она видна. Ну, гѣтый Проварна
Ярыжка сычасъ яе выдравъ и сховавъ за пазуху». Представившись
загѣмъ Василискѣ, Ярыжка просить позволенія сходить на корабль:
«у мяне есть,—говорить онъ,—книжачка такая, што вы можаця увесъ

* *Иванчикій*, Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи, стр. 165—
166. (Въ Извѣстіяхъ Моск. Общества любителей естествознанія, антропологіи и
этнографіи, т. LXIX).

и не слыхала, вошли въ домъ, а въ домѣ въ переднемъ углу стояла корона. Взялъ М. Т — въ корону и воротились назадъ. Только изъ дома вышли, а змѣя повернулась къ нимъ ротомъ, а сама говорить человѣческимъ голосомъ: а! гтъ, вы пришли корону воровать! Сама ротъ распелила и хочетъ всѣхъ съѣсть. А М. Т—въ и говорить: не ѣшь, дай мнѣ снести корону на корабль, такъ втожно (тогда) и ѣшь, а коли топере съѣшь меня и корону, такъ тебѣ барышу нѣтъ и намъ убытокъ. А она гтъ: не повѣрю, ты, гтъ, не придешь. А М. Т—въ: я, гтъ, тебѣ оставляю трехъ совдатовъ подъ закладъ. И оставилъ трехъ совдатовъ, самъ пришелъ въ корабль и сказалъ своимъ совдатамъ: отчаливайтесь скорѣе! Сейчасъ отчалились и поѣхали обратно въ путь.» — Змѣя замѣтивъ обманъ, проглотила трехъ солдатъ и послала маленькихъ змѣй въ погоню за похитителемъ. Змѣи подожгли три корабля съ порохомъ и погибли. Посланы остальные змѣи. Набросились они на четыре корабля съ порохомъ и стали прожигать крыши. «Какъ только прожгли и дотронулись жигаломъ до пороху, порохъ спыхнулъ, разорвало корабли и всѣхъ змѣй». Отправилась въ погоню старшая змѣя и бухнулась на пять кораблей. «Какъ она сѣла, корабли угрузли въ воду. Испугался М. Т—въ, што подмочить порохъ и не спыхнетъ, но не успѣла она сѣсть на корабли и проткнула жигаломъ крышу, дотронулась жигаломъ до пороху и спыхнулъ порохъ и разорвало пять кораблей и ее расахватило на мелкія части. Црево изъ ся выкинуло на берегъ съ тремъ совдатамъ, которые были отданы подъ закладъ: они были неврежены». Михайло причалилъ къ берегу, чтобы взять этихъ солдатъ, вышелъ и самъ на берегъ. Спутники его воспользовались этимъ, чтобы присвоить себѣ подвигъ добыванія короны: «дома скажемъ, что его змѣи съѣли, а мы, моль, корону достали, насъ царь наградить».

Покинутый Михайло побрелъ вдоль берега. Слѣдуетъ встрѣча Михайла съ чертомъ, замѣняющимъ одноглазаго великана самарской сказки. «Высочилъ изъ лѣсу чортъ, бѣжить да самъ и кричить: а! ты у насъ корону увезъ и всѣхъ змѣй перевелъ, вотъ ужъ топере не убѣжать, я тебя съѣмъ! М. Т—въ побѣжалъ отъ чорта и перескочилъ за канавку, тутъ ужъ чорту дѣла нѣтъ до него, онъ не можетъ за канавку перейти, тутъ ужъ земля не чорта, а медвѣди. Только онъ за канавку перескочилъ, сейчасъ ему медвѣдь на встрѣчу, три сажени вышины да двѣ ширины, разѣлъ насъ и говорить: зайди ко мнѣ въ ротъ, отъ меня ужъ не уйдешь. Ты корону увезъ и всѣхъ змѣй перевелъ, да и отъ чорта ушелъ, а ужъ отъ меня

не уйдешь, я тебя съѣмъ! А медвѣдь-отъ былъ милосливый. И сталъ просить М. Т.—въ, чтобы онъ его спасъ». Медвѣдь (соответствующій льву самарской сказки) не только пощадилъ Михайла, но и перенесъ его къ царю, добывавшему корону. «Царь какъ увидѣлъ его, сейчасъ схватилъ въ охапку и спросалъ: гдѣ ты взялся? А вотъ, гть, они уѣхали, а меня медвѣдь привезъ. И рассказать все царю подробно, какъ дѣло было. Разсердился царь и разстрѣлялъ совдатовъ,—тѣхъ, которые обманули его, только трехъ оставилъ, которые были въ змѣнномъ цревѣ». Слѣдуетъ появленіе медвѣдя, его опынѣніе; подробности эти передаются сходно съ самарской сказкой. «А М. Т.—въ получилъ отъ царя половину царства и женился на царевнѣ у того же царя.» *).

Въ Могилевскомъ пересказѣ («Проварна ярыжка») царя Ивана Васильевича замѣняетъ Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ. «А ѣнъ бывъ большій карцѣжникъ и любивъ крѣпко у карты гуляць. И была на возморѣ, у которомъ то царствѣ, жила тамъ Василиска Дьяболска, и ина тожъ охвотница у карты гуляць». Иванъ царевичъ отправился къ ней. Стали играть. Русскій царевичъ проигрался. «И такъ ѣнъ обигрався, што и государственную коруну проигравъ», Василиска «замуровала гзгу коруну у печь». Вернувшись домой, царевичъ сталъ отыскивать человѣка, который взялся бы возвратить корону. Вызвался Проварна Ярыжка, прогоркая пъяница. Передъ отправленіемъ въ путь, онъ заявилъ, что для исполненія труднаго дѣла ему «надо солдатовъ полкъ, и надо корабль, и надо пороху, и надо увесь припасъ солдатскій». Корабль былъ приготовлень, и Ярыжка съ отрядомъ солдатъ пустился въ путь-дорогу. Завидѣвъ дворець Василиски, онъ вышелъ на берегъ, приказавъ спутникамъ ожидать его. «Ну, приходзя проварна Ярыжка прогоркая пъяница подъ дворець, а тамъ кругомъ яе дворца обвився большій вужъ, и въ зубы хвостъ узавъ; и хто идзе у дворъ къ ей, ѣнъ пуская, а хто идзе зъ двора, того ня пуская. Ну! упусивъ ѣнъ яго. И уходзиць ѣнъ у первую комнату, Проварна Ярыжка. И сычасъ якъ увыйшовъ ѣнъ, и увидавъ онъ государскую коруну, умурованную у печь, и чуць ина видна. Ну, гэты! Проварна Ярыжка сычасъ яе выдравъ и сховавъ за назуху». Представившись загѣмъ Василискѣ, Ярыжка просить позволенія сходить на корабль: «у мяне есть,—говорить онъ,—книжачка такая, што вы можаця увесь

*) *Иванчикій*, Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи, стр. 165—166. (Въ Извѣстіяхъ Моск. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, т. LXIX).

свѣтъ обыйграць». Василиска приказала пропустить Ярыжку. «Ну пошовъ енѣ. Приходзя на корабѣ и говора солдатамъ: смотри, робяты; будзець до васъ отъ Василиски Дыяболска нападенья! Ну, а самъ у лехкую лотку свѣтъ и поѣхавъ». Нападеніе дѣйствительно было сдѣлано. «А гэта Василиска Дыяболска посылала на корабѣ, и яны ня могли доступитца до корабля». (Упомянана о змѣяхъ нѣтъ). Тогда сама Василиска сѣла въ ступу, прилетѣла къ кораблю и сѣла всѣхъ солдатъ одного за другимъ. Ярыжка въ это время продолжалъ свой путь: «Идзе берегомъ, стоиць хатка. Уходиць енѣ у хатку, ажъ тамъ на столѣ стоиць чанъ канусты, чанъ кашни». Ярыжка поѣлъ и сталъ дожидать хозяина хатки. Явился этотъ хозяинъ—«косовокий богатырь». Стѣдуетъ разсказъ объ ослѣпленіи этого богатыря, передаваемый сходно съ самарской сказкой: Ярыжка обвязалъ косовокаго крѣпкимъ ланцюгомъ и идеснулъ ему въ глазъ растопленной смолы. Козель выносить Ярыжку изъ жилища богатыря. Приключеніе съ топоромъ. Выбравшись отъ одноглазаго, Ярыжка встрѣчается съ другимъ богатыремъ—Оплеталомъ. Этотъ «Оплетавъ богатырь» сѣлъ Ярыжкѣ на плечи и приказалъ нести себя. Ярыжка успѣлъ однако отдѣлаться и отъ этого богатыря. Онъ поднесъ его къ яблонѣ и попросилъ позволенія достать яблокъ. Богатырь позволилъ. «Енѣ полѣзь, доставъ яблоковъ и давъ яму ѣсь. Енѣ якъ изѣѣвъ, дакъ и заснувъ. Проварна Ярыжка бача, што Оплетовъ—богатырь заснувъ, и пошовъ» ⁶⁾. Сказка оканчивается знакомымъ уже намъ приключеніемъ: Ярыжка помогаетъ льву, боровшемуся со змѣей; левъ переноситъ путника на его родину.

«Проварна Ярыжка принося къ цару крѣпку державу и отдае цару. Царъ яго спрашуя: што табѣ треба за гэто?—Треба мнѣ за гэто, штобъ куды ни пошовъ, усюды кабаки были отчипняты!.. Царъ

⁶⁾ Есть сходный эпизодъ въ самарской сказкѣ объ Иванѣ Туртыгинѣ: «Нашелъ на него Заплетай Заплетанчъ, сорокъ рукъ, сорокъ ногъ и обלאпиль его; и не можетъ онъ отъ него отодратъся. На себѣ его долго посилъ, даже усталъ; шелъ и заппулся за мертвую богатырскую голову. Взялъ да и толкнулъ ее ногой. Та и говоритъ: «Не толкай меня, Иванъ Туртыгинъ! Лучше хорони въ песокъ. Я отъ его рукъ въ землю пошелъ». (отъ Заплетая Заплетанча стало быть). Присѣлъ Иванъ, вырылъ ямку и положилъ голову въ песокъ. Голова и говоритъ: «Я тебѣ скажу, какъ отъ него избавитъся: пойдешь ты вотъ этимъ доломъ и нападеши на ягоды; однѣ ягоды сладкія и манныя, а другія ягоды—пьяныя; сладкихъ самъ поѣшь, а пьяныхъ ему бросай черезъ плечо; когда онъ напьется, ты сядь на припарѣ солнца». Иванъ Туртыгинъ все это сдѣлалъ. Заплетай Заплетанчъ опьянѣлъ, уснулъ; и руки и ноги расплелись. Иванъ убѣжалъ, а его тутъ оставилъ.—(Садосниковъ, ор. с. стр. 21).

дозволивъ. Вотъ роспився Проварна Ярыжка, распягнувався, и похвалився пьяный, што на льву-звѣру ѣхавъ. Якъ похвалився, такъ сейчасъ кабаки и закрылись» *)).

Своеобразенъ по многимъ подробностямъ другой могилевскій вариантъ, записанный г. Романовымъ въ Климовицкомъ уѣздѣ. Добывающій корону носитъ въ этомъ пересказѣ имя: Дикій Бурьма.

«Бывъ собою хозяинъ богатый. Што у яго была дочарь вельми пригожая. И яна, замужъ ня вышовши, забременѣла». Когда родился у нея сынъ, она отнесла его въ лѣсъ и бросила тамъ. Проѣзжавшій мимо купецъ взялъ себѣ брошеннаго ребенка. «И трехъ годъ ѣнъ яго отдавъ у школу, до семи годъ енъ вышовъ и съ школы, и якъ ёсь на свѣци якая грамата, такъ ёнъ усю понявъ». Сосѣди купца донесли царю о мудромъ мальчикѣ: «што вотъ, такъ и такъ, у такого то купца живець Знайдзёнъ, малецъ такіи вумный, такіи разумный, што ёнъ будзецъ годзятца вамъ у сынодъ. Прозваніе его Дзікій Бурьма».—«Потребувавъ яго царъ къ сабѣ, спросивъ у яго акзаминтовъ изъ разныхъ языковъ. Енъ яму отдавъ акзаминты на дванацати языкахъ доразу. Знявши зъ яго етые акзаминты, сычасъ яго перевяли у сынодъ. И што у сынодзи ёнъ скажець, ня можець ниhto перемяницъ—ни царъ, ни хто». Когда Бурьмѣ исполнился двадцать одинъ годъ, царъ выдалъ за него свою дочь. «Цяперъ на придзевятомъ царствіи, на тридцесятой зямлі номѣръ царъ. Осталося отъ яго костыль и панахвида и царьская коруна».—Царъ предлагаець Бурьмѣ достать эти вещи. Бурьма отправился въ путь, взявъ «дужо много солдатовъ, цѣлную, можа, берегату (бригаду). . . и капальію съ собою, музыку». (Снаряженіе корабля опущено; Бурьма и его спутники ѣдутъ на конихъ). Не доѣзжая версты или двухъ до того города, гдѣ нужно было достать костыль и корону, путники замѣтили хатку. Въ этой хаткѣ жила старушка. «и яна етой царицы удовѣ не изъ родни, а значитца, знакома етой царицы». При помощи этой старушки Бурьма заводитъ знакомство съ царицей.—«Пріѣхали яны, музыка зайграла, сама царица вышла, приняла ихъ до чеспи». Начался пиръ. Когда царица утомилась и заснула, Бурьма похитилъ костыль и корону. На обратномъ пути Бурьма и его спутники остановились разъ отдохнуть и покормить коней. Когда Бурьма уснулъ, товарищи его поспѣшили уѣхать, захвативъ съ собою царскія вещи. Проснулся Бурьма только черезъ три дня. «Тоды уставъ. Богу перякцився—

*) Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, вып. 3, № 30, стр. 212—214.

нема нечого при имъ! И ѣще хочетца, и негдзи купиць, и грошій нема при имъ и соусимъ голый. Такъ сабѣ думаетъ: «э, што Богъ дасць, да дасць—пойду етой дорогой, куды-нибудь да выйду». На пути Бурьма встрѣчается съ сестрой той царицы, у которой похитилъ корону, съ одноглазымъ великаномъ, съ лявомъ и змѣемъ. Всѣ эти встрѣчи передають сходно съ самарской сказкой о Бормѣ ¹⁾.

Близокъ къ этой самарской сказкѣ и смоленскій пересказъ. «Оедыръ Барма Пьяница» вызывается достать царю скипетръ и державу. По его желанію готовится корабль—бритвенныя снасти. «Якъ карабль быѣ гатоѣ, Барма набраѣ сабѣ таваришіѣ и паллѣ у змяинныя царства. Призжають у тоѣ змяинныя царства, у тѣѣ змяинный гораць: кругомъ горада ляжить змѣѣ; галава и хвостъ у мѣсти. Царица съ тога горада и гаворить Бармѣ: «Даляко ты, Барма, литайшь, буйну голыву тириишь!»—Оедыръ пупрасіѣ у царицы пазваленія сходитъ у храмъ пумалитца Богу,—«Да я ня тѣѣ вѣры: ни магу туды вѣсти тябе». Оедыръ Барма узялъ тады у царицы ключи, а ей заставилъ свайго прислужника, да ѣ пайшоль у храмъ. *Узялъ у храми скипетръ и державу*, да скарѣѣ на карабѣ. Царица застаѣлнныга матроса зѣѣла». Погоня: на корабль налетѣла несмѣтная сила змѣѣ, но всѣ тѣ змѣѣ порѣзались о бритвенныя снасти. «Уйшоѣ Оедыръ Барма ать змѣѣ и стали яго таварыши завидывать яго сдабычи и хатять сбросить Оедыра Барму съ корабля: Оедыръ Барма узналъ объ тымъ, сѣѣ на плюпку и уѣхыѣ ать таварышіѣ». Встрѣча съ одноглазымъ богатыремъ (Козьма Кривой). Борьба льва со змѣемъ. Возвращеніе Борьмы на родину. На вопросъ царя о наградѣ Борма отвѣчаетъ: «Ничога мнѣ ни нада, акрамя таго, ваша вяличества, штобъ у якеѣ кабаць увайду, была бѣ мнѣ тамъ вотка, сколько народу ни привяду, усѣ были бѣ пьяны» ²⁾.

Кромѣ этихъ сказокъ о пьяницѣ Бормѣ, преданіе о добываніи царскаго вѣнца изъ змѣинаго царства сохранилось еще въ другой редакціи, извѣстной мнѣ по пересказу г. Барсова. Въ этомъ пересказѣ дѣйствующими лицами выступаютъ также царь Иванъ Васильевичъ и Оедоръ Борма, путешествующій въ Вавилонъ, но самое путешествіе обставлено иными подробностями—не сказочнаго, а легендарнаго характера.

«Вышніе люди Царя-города выбрали Оедора Борму, чтобы шель онъ въ градъ Вавилонъ и добылъ оттуда царскую порфиру и ко-

¹⁾ *ibid.* № 28, стр. 205—211.

²⁾ *Добровольскій, Смоленскій этнографическій сборникъ, ч. I, № 86, стр. 150—152.*

рону, и царскіе жезлы и скипетръ царскій. Пришелъ онъ изъ Царяграда къ морю и встрѣчаетъ здѣсь у берега съ судномъ неизвѣстнаго человѣка, который называетъ себя «Правдою». «Правда» перевезла его на другой берегъ и, когда узнала, зачѣмъ онъ ѣдетъ, рассказала ему судьбу Вавилонскаго царства.

Въ семь градѣ Вавилонѣ устроили граждане валъ земляной кругомъ всего города и сдѣлали змѣя въ воротахъ, у липины голова, а у другой хвостъ. Былъ здѣсь царь Поръ, который издалъ указъ изображать змѣя на монетахъ и писать змѣя на посудѣ—на чашкахъ и ложкахъ, и дома украсить змѣянами. Одинъ старѣйшій думный человѣкъ въ царскомъ синклитѣ говорилъ Пору: Царю! голова моя, а мечъ твой: не вели этого дѣлать, станутъ эти змѣяныши потреблять людей да и самого большого змѣя надо кормить. Царь распорядился, но поздно спохватился... Великій змѣй и всѣ змѣяныши живы стали, и истребилъ нечистый духъ во градѣ Вавилонѣ всѣхъ людей и все царство царя Пора. Теперь во всемъ градѣ стоятъ лишь церкви, а въ ней у Егорья Побѣдоносца да Митрія Салынскаго хранятся и порфира, и корона, и жезлы, и скипетры царскіе, да жива есть еще тамъ дѣвица, которая вышиваетъ коверъ Егорью Побѣдоносцу да Митрію Салынскому. Въ градъ можно проникнуть только въ полночь; тогда дѣвица молится Егорью Храбромъ да Митрію Салунскому, и великій змѣй и всѣ змѣяныши споконимѣются.

Вознесъ благодарность Ѳедоръ Борма этой «Правдѣ» и отправился во градъ Вавилонъ. Вошелъ онъ въ градъ, какъ научила его Правда, и по Божьему «опричьму» приходитъ въ храмъ Егорья Побѣдоносца да Дмитрія Салынскаго и взмолился онъ этой дѣвицѣ: «сбереги меня отъ напрасной смерти и пособи мнѣ добыть корону и порфиру, скипетръ и жезлы царскіе въ семь храмѣ». И отвѣчала ему дѣвица: «рабъ Божій Ѳедоръ Борма! Вотъ тебѣ коверъ, который я вышила золотомъ и серебромъ съ ликами Егорья Побѣдоносца и Митрія Салынскаго, раскинь его на воду, поѣзжай по морю и вези царскія сокровища царю православному!» И приѣзжаетъ онъ къ Царюграду—скоро скажется, тихо дѣется—изъ моря на берегъ. Но тутъ было во Царѣ-градѣ великое кровопролитье; рушилась вѣра православная, не стало царя православнаго. И пошелъ Ѳедоръ Борма отъ Цари-града въ нашу Русію подселенную, и пришелъ онъ во Казань городъ и вошелъ онъ въ палаты княженецкія, въ княженецкія палаты богатырскія, и стали спрашивать его, гдѣ добылъ онъ порфиру и вѣнецъ, и скипетры и жезлы царскіе. И рассказалъ тутъ

Федоръ Борма, какъ указала ему «Правда» «путь прямую» въ Вавилонъ градъ и какъ дѣвица указала нести царскія сокровища къ царю правовѣрному. И улегла тутъ порфира и корона съ града Вавилона на голову грознаго царя правовѣрнаго, Ивана царя Васильевича, который рушилъ царство «Проходима», поганаго князя казанскаго ¹⁾).

Нѣкоторыя подробности сказокъ о Бормѣ указываютъ на воспоминанія, связанныя съ временемъ Ивана Васильевича Грознаго, царствованіе котораго оставило, какъ извѣстно, много слѣдовъ въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ ²⁾. Въ ряду событій эпохи Грознаго, отмѣченныхъ народно-поэтической лѣтописью, не осталось забытымъ и царское вѣнчаніе Ивана. Объ этомъ вѣнчаніи нѣтъ, правда, отдѣльныхъ пѣсенъ, но оно упоминается въ былинахъ о покушеніи царя на убійство сына и о покореніи Казани.

Когда-жъ то возсіяло солнце красное,
Тогда-то воцарился у насъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Заводилъ онъ свой хорошъ почестный пиръ:
Всѣ на почестномъ напивалися
И всѣ на пиру порасхвастались.
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Есть чѣмъ царю мнѣ похвастати:
Я повывнесъ царенье изъ Царя-града,
Царскую порфиру на себя одѣлъ,
Царскій костыль себѣ въ руки взялъ,
И повыведу измѣну съ каменной Москвы!»...

(Рыбн. I, стр. 383. Ср. Гильф. 785).

Или:

Повывнесъ я порфиру изъ Царя-града,
И повывелъ я измѣну съ каменной Москвы,
Ужъ я выведу измѣну изъ Нова-города. (Ibid. 389).

Вариантъ:

Хочу вывести измѣнушку со Опскова. (Ibid 396).

Въ нѣкоторыхъ пересказахъ порфира представляется вывезенной изъ Казани:

Какъ я Грозень царь, чѣмъ похвастаю:

¹⁾ Барсова, Историческій очеркъ чиновъ вѣнчанія на царство, стр. XXIV—XXV (Чтенія въ Общ. ист. и древн. Росс., 1883, кн. I).

²⁾ Преданія объ Иванѣ Грозномъ были рассмотрѣны *Буслаевымъ* (Очерки, I, 512—515) и *Веселовскимъ* (Древн. и нов. Россія, 1876 г., № 4) О пѣсняхъ есть книга г. *Вейнберга*: «Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ». Варшава, 1872.

Вывелъ я измѣну изъ Пскова,
 Вывелъ я измѣну изъ каменной Москвы,
 Казанское царство мимоходомъ взялъ,
 Царя Симіона подь миръ склонилъ,
 Снялъ я съ царя порфиру царскую,
 Привезъ порфиру въ каменну Москву,
 Крестилъ я порфиру въ каменной Москвѣ,
 Эту порфиру на себя наложилъ,
 Послѣ этого сталъ Грозный царь.

(*Кирѣевскій*, VI, стр. 98—99).

Вариантъ:

Эту порфиру на себя положилъ,
 Послѣ того я сталъ Пресвитеръ-царь,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ. (*Ibid.* 95) ¹⁾.

Въ пересказахъ былины о взятіи Казани:

Онъ и взялъ съ него (царя Симеона) царскую корону
 И снялъ царскую порфиру,
 Онъ царской костью въ руки принялъ,
 И въ то время князь воцарился
 И насѣлъ въ Московское царство,
 Что тогда-де Москва основалася,
 И съ тѣхъ поръ великая слава.

(*Кирша Даниловъ*, 286—287. Ср. *Гильф.* 684).

Колѣбаніе пѣсни, приурочивающей порфиру то къ Казани, то къ Цареграду, имѣеть историческія основанія. Русскій народъ привыкъ соединять титулъ царя съ именемъ ордынскихъ хановъ, бывшихъ властителей Руси ²⁾. Тотъ же титулъ перенесенъ былъ на хановъ

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ вариантахъ названіе порфиры (перфиры) смѣшано съ собственнымъ именемъ Порфирій (Перфиль), при чемъ упоминается и перфила, и Перфиль:

Ай повynesъ онъ царство изъ Царя-града,
 А царя-то Перфила онъ подь мечъ склонилъ,
 А царицы-то Елены голову срубилъ,
 Царскую перфилу на себя одѣлъ,
 Царскій костью да себи въ руки взялъ. (*Гильф.* ст. 104).

Въ вариантѣ Кирѣевского:

Вывелъ я измѣну изъ своей земли,
 Вывезъ Перфила изъ Царя-града. (VI, стр. 56).

Или:

Вывелъ Перфила изъ Новагорода. (*Ibid.*, стр. 77).

²⁾ Изъ множества относящихся сюда примѣровъ приведу хоть два. Въ повѣсти о нашествіи Тохтамыша: «и *царя* обведе (Олегъ Рязанскій) около своей отчины, земли Рязанскыя». Въ посланіи Вассіана Рыло къ Ивану III: «аще ли же еще любопришися и глаголеши, яко подь клятвою есмы отъ прародителей еже не поднимати руки противъ *царя*» и т. д.

Казани, Астрахани, Крыма. Отсюда постоянныя выраженія: Казанское царство, Астраханское царство, казанскій царь, перекопскій царь ¹⁾. Покоривъ Казань (1552), а позже—и Астрахань (1556), московскій князь являлся замѣстителемъ власти ихъ владѣтелей, преемникомъ ихъ достоинства и ихъ титула. Въ 1554 году наши послы къ Сигизмунду Августу говорили по вопросу о царскомъ титулѣ такъ: «опричь Русскіе земли нынѣ государю нашему Богъ далъ царство Казанское, и что ему государю нашему, Богъ далъ, и то хто у него оставить? И государь нашъ нынѣ зъ Божьєю волею пишется царемъ Русскимъ и Казанскимъ, и то, панове, мѣсто Казанское, и сами знаете, извѣчное царское потому жъ, какъ и русское». Послы наши, бывшіе въ Польшѣ въ 1556 году, кромѣ Казани, указывали еще на Астрахань: «нынѣ государю нашему Богъ далъ къ его государству великіе два мѣста царскіе, на которыхъ государствахъ и вѣчно цари же были; и что государю нашему Богъ далъ, то у насъ кто возметъ?» Польскій король отвѣчалъ: «никоторый государь у крѣстьянствѣ тымъ именемъ не называетца, кромѣ бусурманскихъ царей, а онъ, братъ нашъ, есть государемъ крѣстьянскимъ» ²⁾. Въ народномъ сознаніи казанскій походъ остался самымъ яркимъ и блестящимъ воспоминаніемъ эпохи Грознаго. Сопоставленіе этого похода съ царскимъ вѣнчаніемъ Ивана (1547) давало наглядное, всѣмъ понятное объясненіе принятія московскими князьями новаго титула и установленія новаго церковнаго обряда ³⁾. Завое-

¹⁾ Напримѣръ, у Курбскаго въ «Исторіи князя великаго Московскаго»: «не противъ единого царя ополчашеся, но абіе противъ трехъ великихъ и сильныхъ сирѣчь супротивъ *Перекопскаго царя, и Казанскаго, и супротивъ князатъ Ногайскихъ*».—«Въ тѣхъ же лѣтѣхъ, аки мало предъ тѣмъ, даровалъ ему къ Казанскому другое *царство Астраханское*» (Сказанія, изд. 3, стр. 11, 54). Выраженія: «Царь Казанскій, Царь Астраханскій» перешли и въ титулъ московскаго государя.

²⁾ Сборникъ Русск. историч. общества, т. 59-й, стр. 437, 452, 446. Ср. еще стр. 476, 500, 528.

³⁾ Выраженія: новый титулъ, новый обрядъ нуждаются въ нѣкоторой оговоркѣ. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а именно въ грамотахъ къ иностраннымъ правительствамъ, наименованіе «царь» употреблялось въ титулѣ московскихъ государей еще со времени Ивана III. При Василіѣ Ивановичѣ чеканились уже монеты съ царскимъ титуломъ. Въ памятникѣхъ литературныхъ наименованіе царя въ примѣненіи къ русскимъ князьямъ встрѣчается и ранѣе Ивана III. Напримѣръ, объ Изяславѣ Мстиславичѣ въ лѣтописи (подъ 1151 г.) сказано: «и възхитиша и руками своими съ радостію, яко *царя* и князя своего». Больше подробныя указанія см. у *Лавіера* («Исторія титула государей Росці» въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1847 г., ч. LVІ) и *Прозоровскаю* («О значеніи

вавъ Казань, Иванъ сталъ царемъ, устроивъ предварительно церковное освященіе бусурманской порфиры:

Привезъ порфиру въ каменну Москву,
Крестилъ я порфиру въ каменной Москвѣ,
Эту порфиру на себя наложилъ.

Въ повѣсти о Ѳеодорѣ Бормѣ говорится, что порфира принесена изъ Вавилона въ Казань: «и улегла тутъ порфира и корона съ града Вавилона на голову грознаго царя правовѣрнаго Ивана царя Васильевича который рушилъ царство Проходима ¹⁾, поганаго князя казанскаго».

Ѳеодоръ Борма отправляется въ Вавилонъ изъ Цареграда, но, вернувшись изъ путешествія, онъ засталъ во Царѣградѣ великое кроволітѣе: «рушилась вѣра правовѣрная, не стало царя православнаго. И пошелъ Ѳеодоръ Борма отъ Царяграда въ нашу Русію» и т. д. Историческій смыслъ этого разсказа, такъ же какъ и пѣсен-

царскаго титула до принятія русскими государями титула императорскаго“ въ Извѣстіяхъ русск. археолог. общ., т. VIII и IX). Въ „Словѣ о съставленіи осьмага собора“ относительно вел. кн. Василія Васильевича замѣчено, что онъ только „смирена ради благочестія и величествомъ разума благовѣрія не зовется царемъ, но княземъ великимъ рускимъ“ (*Шавловъ*, Критич. опыты по исторіи грекорусской полемики противъ латинянъ, стр. 100—101). Съ этимъ замѣчаніемъ любопытно сопоставить „Отписку Филиппа Петрова Новгородскому архіепископу Геннадію о приходѣ въ Псковъ латинскихъ монаховъ и о прѣвнѣихъ съ ними священниковъ“ (ок. 1491 г.). Псковичи въ отвѣтъ на замѣчаніе о Флорентійской уніи говорили: „тое сборнице окаянное на нашей памяти было, и едва утекъ гордяналь Исидоръ отъ нашего государя великаго князя Василія Васильевича, *царя всея Русіи*, и злѣ въ Римѣ животь скончалъ“ (Акты истор. I, № 286, стр. 523). Что касается обряда царскаго вѣнчанія, то о немъ, какъ и о титулѣ царскомъ, нужно сказать, что онъ пріобрѣтаетъ значеніе постоянного установленія только со времени Ивана IV, но извѣстенъ былъ у насъ и ранѣе. Иванъ III вѣнчалъ внука своего Дмитрія (чинъ его поставленія на великое княжество изданъ въ „Лѣтоп. занятій археогр. комиссіи“ вып. 3). Въ рукописныхъ Потребникахъ встрѣчается „Молитва на поставленіе царя“. Одинъ изъ списковъ этой молитвы (нач. „Господи Боже нашъ, царю царствующимъ и Господи господствующимъ, вже Самонломъ пророкомъ избравый раба своего Давида“ и т. д.), вошедшей въ составъ повдѣйшаго „Чина поставленія“... изданъ былъ *Невоструевымъ* (Гласникъ српскогъ ученогъ друштва, т. XXII, 1867, изъ Требника сербскаго письма, рукоп. Синод. библиот., № 807). Другой списокъ съ отмѣткой: „погруженіе смѣрнаго митрополита всея Русіи Кыпріана“ нашель я въ Потребникѣ, принадлежавшемъ извѣстному попу Сильвестру (Бѣлоз. библи., № ^{715/}₅₁₉). Если молитва переписывалась, то, вѣроятно, и употреблялась.

¹⁾ Въ былинѣ: «Казанское царство *мимоходомъ* взялъ». Нѣтъ ли связи между этимъ выраженіемъ и именемъ «Проходимъ»?

наго выраженія: «повынесъ царенье изъ *Царяграда*»,—ясень. Историческое преданіе указывало на Царьградъ, какъ на столицу православнаго міра, средоточіе его церковной и государственной жизни. Иванъ IV шлетъ пословъ въ цареградскому патриарху (1557), благословеніе котораго должно было дать высшее освященіе принятому имъ царскому титулу. «А котораго для дѣла—писалъ царь патриарху—приняли есмь вѣнчанье царства Русскаго изволеніемъ и рукоположеніемъ и соборными молитвами о Святѣмъ Дусѣ отца нашего и богомольца Макарія, митрополита всея Русіи, и всего священнаго собора Рускіе митрополити, и великимъ милосердіемъ и неизреченною милостію преблагаго Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа взяли есмь царство Казанское и царство Астороханское со всѣми ихъ подлежащими, и какъ начальники тѣхъ царствъ богохульные цари со всѣми ихъ воинствы гнѣвомъ Божиимъ, яко огнемъ, нашею саблею потребишася, и нѣмъ жь въ нашихъ рукахъ просвѣтишася банею святаго крещенія и обще съ нами Богу хвалу воздають, христіанскихъ же душъ премногое множество тѣхъ царствъ разореніи избавилъ Богъ отъ безбожныхъ томительства,—якожь восхотѣ Богъ, сіе и сотвори,—о томъ о всемъ, принеся Богу благодареніе, х тебѣ есмь приказали словомъ съ вашимъ посланникомъ митрополитомъ Евгринскимъ Иасафомъ и ты бѣ его выпросилъ и хвалу воздалъ милосердому Богу, излившему на насъ премногую благодать свою, и намъ бы еси о нашемъ вѣнчанѣ благословеніе свое соборне отписать своею грамотою съ нашимъ посланникомъ, съ священноинокомъ Феодоритомъ». Въ наказѣ Феодориту было сказано: если получитъ онъ отъ патриарха соборную грамоту о царскомъ вѣнчанѣ, то «съ тою грамотою ѣхати ко царю и великому князю не мотчая, а грамота вести одноконечно бережно»¹⁾. Какъ видно, Иванъ придавалъ цареградской грамотѣ большое значеніе. Припомнимъ, что въ это время московскіе князья уже привыкли считать себя преемниками византийскихъ императоровъ. Иванъ III, женившись на греческой принцессѣ, принялъ гербъ Римской имперіи.

¹⁾ Обстоятельства, при которыхъ отправлено было посольство въ Константинополь и получена грамота отъ патриарха, подробно изложены кн. *Оболенскимъ* въ изданіи: «Соборная грамота духовенства православной восточной церкви утверждающая санъ царя за великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ 1561 года», Ср. *Муравьевъ*, Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, I, 74—122; *Терновскій*, Изученіе византийской исторіи и ея приложеніе въ древней Руси, вып. II, 67—68; *Каптеревъ*, Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку, 26—33 (изд. 2). Приведенные отрывки взяты изъ изданія Оболенскаго, стр. 32—33, 34.

Сложилось представление о Москвѣ — третьемъ Римѣ: «два Рима пало, а третій стоитъ—Москва, а четвертому не быть»¹⁾. Въ это же время получило литературную обработку преданіе о такъ называемыхъ мономаховыхъ регаліяхъ, отодвигавшее перенесеніе на Русь «цареня изъ Царяграда» въ отдаленную до-монгольскую эпоху²⁾. Титуль византійскихъ императоровъ постоянно передавался у насъ именемъ «царь». Грамота константинопольскаго патріарха о царскомъ титулѣ Ивана Васильевича должна была явиться торжественнымъ признаніемъ третьяго Рима.

Воспоминанія о коронованіи Грознаго придаютъ повѣстямъ о Бормѣ нѣкоторую историческую окраску, которая не закрываетъ однако сказочно-легендарной основы этихъ повѣстей.

Самарская сказка о Бормѣ Ярыжкѣ стоитъ въ ближайшей связи:

а) Съ сказкой о Лихѣ Одноглазомъ и ея многочисленными родичами въ разныхъ литературахъ, начиная отъ Гомерова Полифема. Сказки этой группы были обстоятельно разсмотрѣны В. Гриммомъ, а въ недавнее время—Крекомъ, Комаровымъ и Вс. О. Миллеромъ³⁾. Повторять то, что собрано этими учеными, нѣтъ, конечно, надобности. Замѣчу только, что всѣ подробности приключеній Бормы у одноглазаго великана находятся и въ сказкѣ о Лихѣ (выкалываніе глаза у великана, подвязыванье къ козлу, чудесный топоръ).

б) Съ группой сказокъ о благодарныхъ животныхъ: герой сказки вырываетъ животное изъ бѣды, какъ Борма льва; животное отплачиваетъ за это человѣку какой-нибудь услугой⁴⁾. Подробности этого

¹⁾ О Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ, см. въ указанномъ выше трудѣ г. *Кантерева*, а также въ сочиненіяхъ г. *Иконникова* (Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи, стр. 366—370) и г. *Дьяконова* (Власть московскихъ государей, *passim*). Съ инымъ значеніемъ эта преемственность царствъ представляется въ Псковской лѣтописи. «И восхотѣ (Иванъ IV) царство устроить на Москвѣ, и якоже написано во Апокалипсисѣ глава 54: пять бо царствъ минуло, а шестое есть, но не убо пришло, но се абие уже настало и пряде» (П. С. Р. Лѣт. IV, 307).

²⁾ Объ этомъ преданіи см. далѣе въ гл. IV и V.

³⁾ Die Sage von Polyphem (въ *Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Berlin* 1857); *Krek*, Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte, 2 Aufl. 1865—758, Ср. *Аванасьевъ*, Сказки, № 170 (2 изд.); *Комаровъ*, Эпическіе и сказочный міръ М. 1886, стр. 5—109 («Одноглазый великанъ народныхъ преданій»); *Всес. Миллеръ* (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1886, декабрь, 360—367), въ статьѣ о «Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа»; Кавказскія сказанія и циклопахъ въ *Этногр. Общ.*, кн. III, стр. 25—44. (Ср. *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1890, ноябрь, стр. 25—44).

⁴⁾ Ср. *Benfey*, *Rapport* I., *Кирпичниковъ*, Поэмы Ломб. цикла, 43, 176—177; *Аванасьевъ*, Сказки, стр. 163; *Marx*, Griechische Märchen von dankba russkij vyzevoj epozь.

1471. 4240 2

рода сказокъ повторяются и въ памятникахъ иного рода. Такъ, борьбу льва съ змѣемъ или дракономъ находимъ въ поемахъ объ Ивейнѣ, о Вольфдитрихѣ, о Генрихѣ Львѣ, въ повѣсти о Брунсвикѣ, известной и въ нашей старинной письменности.

в) Нужно еще указать на сходство сказки о Бормѣ Ярыжкѣ съ рассказомъ, приведеннымъ Аванасьевымъ въ примѣчаніи къ сказкѣ о молодцѣ-удальцѣ, молодильныхъ яблокахъ и живой водѣ. Рѣчь идетъ о кривой царевнѣ. «Весельчакъ—*пьяница* вызвался выгнать ея глаза и поѣхалъ въ змѣиное царство: въ томъ царствѣ жили одни змѣи да гады. Кругомъ города лежала большая змѣя, обвившійся кольцомъ, такъ что голова съ хвостомъ сходилась. Пьяница воспользовался сномъ исполинской змѣи, сдѣлалъ веревочную лѣстницу съ желѣзными крюками на концѣ, накиннулъ лѣстницу на городскую стѣну, забрался въ городъ и посреди его напелъ камень, а подъ камнемъ цѣлебную мазь: стоитъ только помазать ею глаза, какъ слѣпота тотчасъ же проходитъ. Взялъ онъ эту мазь, спряталъ подъ мышку, сѣлъ на корабль—и въ море. Пробудилась большая змѣя, погналась за воровъ; плыветъ по морю, а подъ ней вода словно въ котлѣ кипитъ; махнула хвостомъ и разбила корабль въ дребезги. Пьяницѣ удалось выплыть на берегъ: онъ выгнать кривую царевну и получилъ щедрую награду»¹⁾.

Аванасьевъ относитъ этотъ рассказъ о кривой царевнѣ къ группѣ сказокъ о добываніи живой воды, но сходство ограничивается здѣсь только тѣмъ, что весельчакъ, какъ и герой сказокъ о живой водѣ, добываетъ лѣкарство для больного; характеристическихъ подробностей сказокъ о живой водѣ (больной отецъ, спящая или очарованная красавица, у которой хранится вода; любовь героя сказки къ красавицѣ и ея пробужденіе; позднѣйшая встрѣча дѣвicy съ добывателемъ живой воды)²⁾ въ рассказѣ о весельчакѣ нѣтъ.

Изъ иного вида представляется отношеніе рассказа о весель-

gen Thieren. und Verwandtes 1889. Ср. *Liebrecht*, Zur Volkskunde, 152—153 *Веселовскій*, Южно-русскія былины, II, 50—52; *Миллеръ*, Илья, 527—528. Способъ, какимъ Борма справляется со львомъ, напоминаетъ отношенія Соломона къ Китоврасу (*Веселовскій*, Соломонъ, стр. 209, ср. стр. 18—19; 106—107; 131; 256, 259, 320). Ср. *Kuhn*, Die Herabkunft des Feuers (1859), S. 38—34.

¹⁾ *Аванасьевъ*, Сказки, IV, стр. 197—202. Такимъ же пьяницей, какъ Борма и весельчакъ, изображается и Балдакъ Борисьевичъ, посланный царемъ Владиміромъ къ султану турецкому, чтобы увести у него коня золотогриваго и убить кога бахаря (Ае. № 180, изд. 2).

²⁾ Ср. въ моей книгѣ: «Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи», стр. 143—150.

чакъ къ сказкѣ о Бормѣ. Весельчакъ и Борма отправляются въ городъ, окруженный змѣями, и добываютъ то, что имъ нужно; змѣи пускаются за ними въ погоню; корабль тонетъ; и Борма и весельчакъ успѣваютъ спастись. Герои той и другой сказки — пьяницы. Словомъ, сходство разсказовъ о Бормѣ и весельчакѣ такъ велико, что нельзя не признать въ нихъ вариантовъ одной и той же сказки.

Что касается повѣсти о Ѳедорѣ Бормѣ, то на ея содержаніе, какъ было уже замѣчено, имѣли вліяніе памятники не сказочнаго, а легендарнаго характера. Въ повѣсти говорится, что въ Вавилонѣ, опустѣвшемъ царствѣ царя Пора¹⁾, «стоитъ лишь церковь, а въ ней у Егорья Побѣдоносца да Митрія Салынскаго хранятся и порфира, и корона, и жезлы, и скипетры царскіе да жива есть еще тамъ дѣвица, которая вышиваетъ коверъ Егорью Побѣдоносцу, да Митрію Салынскому»; дѣвица передаетъ Бормѣ вышитый ею коверъ: «раскинь его на воду, поѣзжай по морю и вези царскія сокровища царю православному». Этотъ чудесный коверъ — ремнищенція изъ легенды о св. Димитріи Солунскомъ. Въ стихѣ объ этомъ святомъ разсказывается, какъ невѣрный царь Мамай, разбитый и прогнанный отъ Солуны св. Димитріемъ, увозитъ «во свою сторону порубежную» двухъ дѣвицъ полонянокъ. Мамай спрашиваетъ дѣвицу какой это «царь, или бояринъ, или воевода» помогаетъ Солунянамъ:

Единъ мою невѣрную силу побѣждаетъ,
Съчетъ онъ, и рубить, и за рубежъ гонить?

Дѣвицы отвѣчаютъ:

„О злодѣй, невѣрный Мамай царь!
Это не князь, не бояринъ и не воевода:
Это нашъ святой отче
Димитрій Солунскій Чудотворецъ“.

Возговорилъ невѣрный царь Мамай

Ко двумъ ко дѣвицамъ:

— «Когда это у васъ святой отче,
Димитрій Солунскій чудотворецъ,
Вышейте вы мнѣ на коврѣ
Лицъ своего чудотворца Димитрія Солунскаго
Коню моему на прикрасу,
Мнѣ царю на потѣху,
Предайте лице его святое на поруганье».

¹⁾ Царь Поръ, замѣстившій имя Вавилонскаго царя, принимался здѣсь изъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ. Поводъ къ смѣшенію могли дать разсказы о змѣяхъ, водившихся около Александріи (*Веселовскій*, Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 337 и слѣд.).

Дѣвицы отказываются.

Тогда же невѣрный царь Мамай
 На двухъ дѣвицъ опалился:
 Вынимаетъ онъ саблю мурзавецкую
 Да и хочетъ онъ главы ихъ рубити
 По ихъ плечи по могучія.

Устрашенные плѣнницы даютъ согласіе исполнить требованіе царя:

Двѣ дѣвицы шили коверъ, вышивали,
 Святое лицо на коврѣ вышивали,
 На небеса возирали,
 Горючія слезы проливали,
 Молвились онѣ Спасу, Пречистой Богородицѣ
 И святому Дмитрію Солунскому чудотворцу.
 Поздо вечеромъ они просидѣли,
 На коврѣ спать ложились и пріуснули.
 По Божьему все повелѣнью
 И по Дмитрія святаго моленью
 Воставали сильныя вѣтры,
 Подымали коверъ со двумя со дѣвицами,
 Подносили ихъ ко граду ко Солуну,
 Ко святой соборной Божіей церкви,
 Ко празднику Христову.
 Ко святому Дмитрію Солунскому чудотворцу:
 Положило ихъ святымъ духомъ за престоломъ.

(*Калики Перех.*, вып. 3, стр. 590—592).

Этотъ разсказъ о чудесномъ коврѣ съ изображеніемъ св. Дмитрія читается, какъ указалъ профессоръ Кирпичниковъ, въ Четивхъ-Минсехъ Дмитрія Ростовскаго и въ Прологѣ, но въ греческихъ сказаніяхъ о Солунскомъ чудотворцѣ не отыскивается¹⁾.

¹⁾ Поэтому проф. Кирпичниковъ далъ своей статьѣ, въ которой разсматривается легенда о св. Дмитрѣ, такое заглавіе: «Особый видъ творчества въ древне-русской литературѣ» (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1890, апрѣль, 306—313). О чудѣ съ ковромъ почтенный ученый говоритъ: «Disjecta membra, изъ которыхъ составленъ этотъ разсказъ, думается мнѣ, указать не трудно. Самымъ важнымъ основаніемъ была, конечно, побѣда Дмитрія Донскаго надъ Мамаемъ; известно, что поминованіе по убиеннымъ на Куликовомъ полѣ совершалось въ Дмитровскую субботу, между 18 и 26 октября, а Дмитрій Донской былъ на Дмитрія Солунскаго пмяннникомъ. Далѣе: матеріаломъ послужило сходное чудо (объ Агриковѣ сынѣ Василѣ) св. Николая, святаго еще болѣе популярнаго на Руси съ первыхъ временъ христіанства, между чудесами котораго есть и чудо о дѣвицахъ, избавленныхъ имъ, положимъ, не отъ поганыхъ, а отъ бѣдности и разврата и о коврѣ (его же купивъ и пакы взврати вспять) и изъ св. главы котораго, какъ и изъ мощей Дмитрія, истекаетъ чудотворное миро.» (312).

Что касается сопоставленія имени св. Димитрія съ именемъ Георгія Храбраго въ повѣсти о Бормѣ, то такое совмѣстное упоминаніе двухъ христіанскихъ героев довольно обычно въ памятникахъ европейскаго эпоса, при чемъ св. Георгій и Димитрій являются либо братьями, либо товарищами¹⁾. Позже мы встрѣтимся еще съ другими, болѣе важными чертами сходства нѣкоторыхъ памятниковъ европейскаго эпоса и нашими сказаніями о Бормѣ.

Приключенія Оедора Бормы и Бормы Ярыжки не одинаковы, но тотъ и другой путешествуютъ въ Вавилонъ, окруженный змѣями, и приносятъ оттуда знаки царскаго достоинства. Эти народные рассказы о Вавилонѣ и добываніи оттуда короны связаны родственными отношеніями съ повѣстью о посольствѣ въ Вавилонъ, отправленномъ греческимъ императоромъ Львомъ, а повѣсть эта представляетъ въ свою очередь часть сказаній о Вавилонскомъ царствѣ, извѣстныхъ по старо-русскимъ рукописямъ.

II.

Сказанія о Вавилонѣ, сохранившіяся въ старо-русскихъ рукописныхъ пересказахъ, не разъ были изданы и рассмотрѣны. Первое сообщеніе объ одномъ изъ такихъ сказаній дано было въ 1854 году Ѡ. И. Буслаевымъ въ статьѣ о русскихъ пословицахъ²⁾. Въ томъ же году А. Н. Пыпинъ издалъ въ «Извѣстіяхъ втораго отдѣленія Академіи Наукъ» «Сказку о Вавилонскомъ царствѣ» по рукописи Румянцовскаго музея (№ 374); къ изданію присоединена объяснительная замѣтка³⁾. Позже (1858) повѣсти о Вавилонѣ подробнѣе были рассмотрѣны г. Пыпинымъ въ его «Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ»⁴⁾. Затѣмъ эти повѣсти по спискамъ не одинаковыхъ редакцій изданы были Н. И. Ко-

Сравни. еще замѣчанія того же ученаго въ статьѣ: «Источники нѣкоторыхъ духовныхъ стиховъ» (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1877, октябрь, 146—147) и въ Исторіи русской словесности *Галазова*, изд. 2, т. I, стр. 231—233.

¹⁾ *Веселовскій*, Разысканія въ области русскаго дух, стиха, II, (св. Георгій), стр. 5; Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. 1, стр. 125.

²⁾ Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи, кн. II, пол. 2, отд. IV, стр. 47—49. Содержаніе повѣсти о посольствѣ въ Вавилонъ отъ царя Давуя пересказано по рукописи XVII вѣка, сообщенной автору г. Шестаковымъ.

³⁾ *Извѣстія Академіи Наукъ по отдѣлу русскаго языка и словесности*, т. III, 313—318.

⁴⁾ Стр. 99—102 (*Уч. Записки втораго отд. Акад. Наукъ*, кн. IV и отд.).

стомаровымъ ¹⁾ и Н. С. Тихонравовымъ ²⁾. Въ 1876 г. въ 3-мъ томѣ «Славянскаго сборника» появилось изслѣдованіе А. Н. Веселовскаго «Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ. Повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ» ³⁾. Въ этомъ трудѣ данъ сводный текстъ повѣсти по изданнымъ спискамъ; къ тексту присоединенъ обширный историко-литературный комментарий. Въ позднѣйшихъ работахъ г. Веселовскій не разъ возвращался къ сказаніямъ о Вавилонѣ ⁴⁾.

Въ виду общеизвѣстности упомянутыхъ изданій и изслѣдованій я ограничусь бѣглымъ изложеніемъ свѣдѣній о занимающихъ насъ повѣстяхъ, а подробнѣе остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ пунктахъ, относительно которыхъ нахожу возможнымъ и не бесполезнымъ сдѣлать нѣкоторыя дополненія.

Старо-русскія сказанія о Вавилонѣ ⁵⁾ могутъ быть раздѣлены на три отдѣла.

I. «Притча о Вавилонѣ градѣ» или «Повѣсть града Вавилона». Эта притча или повѣсть слагается изъ двухъ рассказовъ: о Навуходносорѣ и о сынѣ его Василіѣ Повуходносоровичѣ.

II. Посланіе отъ Льва царя греческаго, во святомъ крещеніи Василія, иже посла въ Вавилонъ градъ посланники своя испытати

¹⁾ Памяти. стар. русской литературы, изд. гр. *Кушелевымъ-Безбородко*, вып. 2 (1860), 391—396.

²⁾ Лѣтописи русской литературы и древности, изд. *Тихонравовымъ*, т. I (1859), отд. III, стр. 161—165. т. III (1861), отд. III, стр. 20—33.

³⁾ Стр. 122—165. Тоже въ *Archiv für Slav. Philologie*, II. (1878).

⁴⁾ Замѣтки по литературѣ и народной словесности (Прилож. къ XLV т. *Записокъ Акад. Наукъ*), стр. 9—14; *Журналъ Мин. Нар. Просв.*, 1885, ноябрь; 1888, мартъ; *Archiv. für. Slav. Phil.* VIII (1885), 2; Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 405, прим.; Разысканія въ области русск. дух. стиха, гл. XI, 88—93.

⁵⁾ Перечень рукописей, въ которыхъ встрѣчаются сказанія о Вавилонѣ, см. въ указанныхъ сочиненіяхъ гг. *Лыцма* (Исторія повѣстей) и *Веселовскаю* (Отрывки визант. эпоса). Къ этому перечню могу присоединить указанія: а) на рукописные сборники Погодинскаго древлехранящаща, №№ 1592, 1608, 1604, 1986 (*Бычковъ*, Опис. рукоп. Имп. Публ. Библиот., ч. I, стр. 280, 274, 324, 480) б) на рукоп. Моск. Публ. Румянц. музея № 589 (=Пискарев. № 154), л. 151 и сл. (*Ср. Викторозъ*, Каталогъ рукописей Пискарева, стр. 35), в) на принадлежащій мнѣ рукописный сборникъ XVII в. (Текстъ этого списка напечатанъ въ *Журналѣ Минист. Народн. Просвѣщ.* 1891, октябрь, стр. 362—363) и г) на рукописный сборникъ XVIII в., принадлежащій проф. Московскаго Университета М. Ив. Соколову. Съ дозволенія владѣльца, которому слѣдуетъ засвидѣтельствовать глубочайшую благодарность, помѣщаю текстъ этого списка въ приложеніяхъ (№ I).

и взяти тамо знаменіе у святихъ трехъ отроковъ Ананія, Азарія и Мисаила».

III. Разсказъ о женитьбѣ Навуходносора на дочери перскаго царя.

Эти отдѣлы передаются въ рукописяхъ въ неодинаковымъ видѣ:

а) Встрѣчается въ видѣ отдѣльной статьи первый отдѣлъ сказанія ¹⁾ или только первый разсказъ перваго отдѣла (о Навуходносорѣ) ²⁾.

б) Первый отдѣлъ соединяется со вторымъ (повѣсть о Навуходносорѣ, его сынѣ Василіѣ и о посольствѣ въ Вавилонъ отъ императора Льва) ³⁾.

в) Второй отдѣлъ имѣетъ видѣ отдѣльной статьи ⁴⁾.

г) Третій отдѣлъ встрѣчается только въ видѣ вступленія, присоединяемаго къ отдѣлу второму (извѣстіе о женитьбѣ Навуходносора на перскаго царевнѣ, затѣмъ—разсказъ о посольствѣ отъ императора Льва) ⁵⁾.

Каждый изъ указанныхъ видовъ сказанія представляетъ значительныя разницы въ изложеніи, дающія право говорить о различіи редакцій старо-русской повѣсти о Вавилонѣ. Списки повѣсти—очень поздняго времени. Это затрудняетъ рѣшеніе вопроса о томъ, въ какомъ именно разрядѣ рукописныхъ текстовъ цѣльнѣе сохраненъ первоначальный видѣ памятника. Можно только замѣтить, что сводные

¹⁾ Лѣтоп. р. лѣт. и др. III, 20—26. Текстъ взятъ изъ Синодальнаго сборника XVII вѣка, № 850.

²⁾ Памятн. стар. р. лѣт. II, 391—393 (изъ сборника проф. Буслаева).

³⁾ Лѣтоп. р. лѣт. и др. III, 27—31 (по рукописи новаго письма, принадл. А. В. Горскому). Каждый отдѣлъ повѣсти имѣетъ особое заглавіе: «Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ и о царѣ Аскерисѣ, какъ онъ людей своихъ отъ моря соблюлъ». — «Сказаніе о царѣ Василей, сынѣ Навуходносора, царя Вавилонскаго». — «Сказаніе о царѣ Алевутѣ и о царицѣ Александрѣ и о посланіи въ Вавилонъ градъ». Текстъ того же извода—въ моемъ рукописномъ сборникѣ. Къ своднымъ текстамъ принадлежатъ и указанные выше списки Пискарева и М. И. Соколова.

⁴⁾ *Извѣстія Академіи Наукъ*, III, 314—318 (по рукоп. Румянцовскаго музея № 374); Памятн. стар. р. лѣт. II, 394—396 (по той же рукописи); Лѣтоп. русск. литер., III, 31—33 (изъ раскольническаго сборника новаго письма). Ср. указанія выше рукоп. Погод. др. лѣт. № 1592, л. 104—105; 1604, л. 727—731; 1936, л. 87—98, а также *Толстаго*, II, № 229 (=Публ. Библіот. Q. XVII, 82), л. 57—60. Текстъ, передаваемый этими списками, близокъ вообще къ извѣстнымъ по изданіямъ; нѣкоторыя разночтенія указаны будутъ ниже.

⁵⁾ Лѣтоп. р. лѣт. I, 161—165 (по рукоп. гр. Уварова № 66; варианты ихъ списка Забѣлина; обѣ рукописи XVIII вѣка). Ср. рукоп. Погод., № 1603, л. 340 об.—346.

тексты, передающие первый и второй, или третий и второй отрывки повести, носят следы более глубокой переработки. Чем тексты, в которых упомянутые отрывки излагаются отдельно.

Третий отрывок повести, рассказ о женитьбе Навуходоносора, представляет, как указано было еще г. Тихонравовым, передатку сказания Палея о царице Савской. В этом сказании говорится, что «царица Южичская» пришла испытать мудрость Соломона. «Слышав же Соломонъ пришедшую царицу, сѣде на полатяхъ стекла бѣлаго на помостѣхъ, хотя бо искусити ю. Она же видѣ, яко в водѣ сѣдитъ царь, воздѣя порты противу ему; онъ же видѣ, яко красна есть лицемъ, тѣло же ей власяно бысть, яко щеть, власы же онѣми она убадаше мужа бывающа с нею. И рече Соломонъ мудрецемъ своимъ: створите мовѣкражму(?) съ зелиемъ и помажете тѣло ея на отпадение власомъ. Хитреци же и книжници молвахуть, яко совокупляется с нею; заченши же отъ него и иде в землю свою и роди сынь, и сей бысть Новходоносоръ»¹⁾. В некоторых сводных списках повести о Вавилонѣ этот рассказ помещается как вступительный отрывок. У царицы Южской родился от Соломона сын. Она призвала вѣрнаго слугу и «повелѣ ему отрока своего въ Вавилонскіе предѣлы отнести, на лѣсу положити повелѣ». (Далѣе слѣдуютъ извѣстія о царѣ Аксерксѣ, объ его смерти, объ избраніи въ цари Навуходоносора)²⁾.

Этот же рассказ, нѣсколько измѣненный, переносится на отношеніи Навуходоносора къ Перской царицѣ.

«Въ Вавилонѣ градѣ былъ первый царь Іоаннъ именемъ Невротъ, потомъ царь Новходоносоръ, и покрылъ онъ градъ Вавилонъ весь желѣзомъ, и позлатилъ кровлю ясно и повелѣ сотворити во градѣ палату стекляную, а въ полатѣ царское мѣсто стекляное же. И обручилъ за себя царицу перскаго царя и повелѣ внити къ себѣ въ стекляную палату, а самъ сидитъ на царскомъ мѣстѣ. А царица къ нему вниде въ палату, а въ той полатѣ мостъ стекляной, и видѣ тотъ мостъ царица, аки вода, ризы своя подыше; царь же видѣ тѣло ея и пусти огонь въ полатѣ и подпали ей нижніе власы, и то ради вины царица сама его нарекла Навуходоносоромъ, прозва его

¹⁾ Лѣтоп. р. лѣт. 1, 162, примѣч. 5. (По списку синод. Палея 1477).

²⁾ Рукоп. Моск. Публ. Румянц. Музея № 589, л. 151—152. См. Приложенія (№ II).

Насоромъ за то, что нижніе власы подпалилъ» ¹⁾. Далѣе прибавлено что Навуходоносоръ приказалъ «около всего града Вавилона сотворити змія великаго; и повелѣ царь дѣлати на всякихъ сосудѣхъ и на перстняхъ, и на чаркахъ змѣи, и тѣ змѣи все ожили, которые дѣланы на сосудѣхъ, и перстняхъ. и на чаркахъ, и учинилось отъ тѣхъ змievъ пояденіе великое, и тотъ Вавилонъ градъ опустѣлъ и обладаша ими змѣи и на многія лѣта». Эта сокращенная передача того, что подробнѣе разсказывается въ «Притчѣ о Вавилонѣ градѣ».

Во второмъ отдѣлѣ разсматриваемыхъ сказаній рѣчь идетъ о томъ, какъ послы, отправленные въ Вавилонъ греческимъ царемъ Львомъ, добываютъ тамъ вещи, принадлежавшія нѣкогда Навуходоносору. Собравъ войско, Левъ направляется къ Вавилону. Не доходя пятнадцати поприщъ до этого города, онъ останавливается, выбираетъ трехъ благочестивыхъ мужей (грека, обожанина и русскаго) и посылаетъ ихъ въ Вавилонъ «взять знаменіе» у святыхъ трехъ отроковъ Ананіи, Азаріи и Мисаила. «Идоша посланники медливо зѣло, понеже нуть тѣсенъ, и съ великою нуждою идоша». Вокругъ города на шестнадцать верстъ «израсте быліе великое, аки есть волчець, трава безугодная». Было тутъ кромѣ того много «гадовъ всякихъ, змій и жабы великія,.... имъ же числа нѣсть, аки великія копны сѣнныи віющеса отъ земли и до верху: ови свѣсташа, а ныи шипяше, и отъ иныхъ студено изхождаше, аки въ змѣѣ студено бысть». Пробравшись благополучно мимо всеѣхъ гадовъ, посланники увидѣли стѣны города, вокругъ котораго лежалъ великій змѣи. Къ стѣнѣ городской была приставлена лѣстница съ надписью на языкахъ греческомъ, обожскомъ и славянскомъ ²⁾. Надпись гласила, что по наружной лѣстницѣ можно безопасно подняться на городскую стѣну и затѣмъ по другой лѣстницѣ спуститься внутрь города. а тамъ ужъ легко добратъся до церкви, гдѣ находятся гробницы святыхъ трехъ отроковъ. Послы такъ и сдѣлали, какъ сказано было въ надписи. Въ церкви они нашли на гробницѣ святыхъ кубокъ «чюдень зѣло, сотворень отъ злата и украшенъ жемчюгомъ и каменіемъ драгимъ, стоитъ же тотъ кубокъ полънъ мира и ливана. Посланники же взяша тотъ кубокъ, истина изъ него, быша весели и уснуша многое время». Проснувшись, послы хотѣли было взять кубокъ, но

¹⁾ Лѣтоп. I, 162. Относительно сказаній о хрустальныхъ полахъ см. указаніе *Веселовскаго*: Соломонъ и Китоврасъ, стр. 345, прим. 2, стр. 347—348.

²⁾ „Славянскимъ и россійскимъ языкомъ“ (Румянц. рук.); „русскимъ языкомъ“ (Рукоп. гр. Уварова).

въ это время изъ гробницы послышался голосъ: «не держайте сего кубка взяти, но поидѣте въ царскія сокровища, сія рече въ царевъ дворъ, а тамо возьмите знаменіе». Во дворцѣ пришельцы увидѣли въ одной палатѣ «одръ царской, сотворенъ отъ драгихъ узорочей и украшенъ, на немъ же два вѣнца царскихъ: первой Навходоносора цари Вавилонскаго и всея вселенныя, (второй) его царицы; и тутъ же видѣна грамота лежашу, написану греческимъ языкомъ». Въ грамотѣ значилось, что вѣнцы сдѣланы были Навуходоносоромъ, «нынѣ же будутъ на греческомъ царѣ Львѣ, во святомъ крещеніи Василии, и на его царицѣ Александрѣ». Послы взяли вѣнцы и грамоту. Въ другой палатѣ они нашли дорогія занавѣси, но лишь только дотронулись до нихъ, ткани рассыпались, «понеже лежатъ много лѣтъ». Въ той же палатѣ послы «видѣша крабицу сердоликову, въ ней бысть царская багряница, сія рече порѣира ¹⁾, да тутъ же видѣша, стоятъ два ларца насыпаны злата и сребра и бисера драгаго и многоцѣннаго каменія; и тутъ же видѣша кубокъ златый таковъ же, что и въ церкви святыхъ на гробѣ у святаго Ананія. Посланицы же, взявше крабицу, и злато, и тотъ кубокъ, и царскую багряницу, и вѣнцы, и каменія драгаго числомъ 25 камней, и драгихъ тѣхъ вещей, какъ бы можно нести къ царю Василию, и возвратишася отъ царскаго двора и приидоша наки въ церковь трехъ святыхъ отроковъ и поклонишася гробамъ ихъ, и ужъ къ нимъ гласа нѣсть отъ гробовъ тѣхъ». Подкрѣпившись опять изъ чудеснаго кубка святыхъ отроковъ, пришельцы уснули. На другой день, слѣдуя голосу отъ гробовъ, они пустились въ обратный путь. Двое изъ посланниковъ (грекъ и русинъ) благополучно перебрались по лѣстницѣ черезъ великаго змѣя. «Единъ же отъ нихъ, Ияковъ Обезанинъ, ступи съ верху на третію ступень и упаде съ лѣстницы на великаго того змѣя и убуди его отъ сна. Великій же той змѣй послыша его, и воста на немъ чешуя, яко волны морскія, и нача колебатися. Посланицы же, взявше третяго своего друга Якова, и скоро бѣжаша». Они успѣли уже добратся до мѣста, гдѣ оставили своихъ коней, и положили на нихъ свою добычу. Въ это время «свиснулъ великій змѣй, и не бысть таковаго звуку слышати нигдѣ же. Посланицы же отъ свистанія того съ коней повергошася на землю, и лежаша на земли долгъ часъ мертвы; по малѣ же времени очнулись и сѣдши на кони своя, и поидоша на мѣсто, идѣже стоялъ царь Василій съ

¹⁾ Въ Погод. рукоп. № 1936: „и приидоша въ палатѣ сердоликову крабицу а въ ней лежаше царскія виссонъ і порѣира, и шапка мовомахова, і скипетръ царскій».

воинствомъ своимъ». Оказалось, что змѣнный свистъ произвелъ опустошеніе среди греческаго стана. Войны Льва попадали съ коней, многіе замертво, не мало и погубило и коней. Царь съ оставшимися въ живыхъ пустился въ бѣгство и остановился ожидать пословъ за тридцать поприщъ отъ Вавилона. Посланники, отыскавъ царя Льва, рассказали ему, что имъ пришлось видѣть и испытать, и передали драгоценности, взятые въ Вавилонѣ.

Заключительная часть разсказа о путешествіи въ Вавилонъ посланцевъ царя Льва передается въ рукописяхъ не одинаково. Въ списокѣ Румянцевскаго музея (изд. Пыпинымъ и Костомаровымъ) говорится, что, царь, взявъ у пословъ принесенную ими грамоту, пошелъ къ патріарху: «патріархъ же возьмъ у посланниковъ царскія вѣнцы и положи на главу царю Василию, а другой царцѣ Александрѣ и благослови ихъ». Часть драгоценныхъ камней, добытыхъ въ Вавилонѣ, царь послалъ въ Іерусалимъ и только пять камней оставилъ у себя. «А что они посланники принесоша золота и сребра, и бисера драгата и всякихъ узорочевъ царскихъ, и то все царю обьявиша Василию. Царь же Василій не взя у нихъ ничтоже, и отдавъ имъ, и свыше того давъ имъ свой даръ по пятидесяти златницъ золота; и тако глагола царь Василій: «пойдите со мною, и просите у мене, елико хочите, и азъ по прошенію вашему и со вторницею (сторницею?) дамъ вамъ». Посланницы же, слышавше то отъ царя Василія, и поклонившася ему, и спешедше, прославиша Бога и благочестиваго царя Льва, во святомъ крещеніи Василія».

Въ текстѣ, изданномъ г. Тихонравовымъ по раскольническому сборнику новаго письма («Иѳописи», т. III), читаемъ: «Царь же возьмъ вѣнцы, и кубокъ, и камыки, и земцюгу себѣ, а имъ золота много даде и сребра, и отпусти ихъ царь въ дома своя и глаголя имъ: «Прославите Бога и Господа, и святыхъ тріехъ отрокъ, Азанія, Азарія и Мисаила, и мене, царя Василія». И возьмъ царь полнъ кубокъ золота послалъ во Іеросалимъ къ патріарху и глаголя царь «Да не буду азъ отлученъ отъ Іеросалима». И самъ царь поиде на страны полунощныя, на языки иновѣрныя, и призывая себѣ вышняго Бога на помощь». Слѣдуетъ затѣмъ неудачно приставленная замѣтка о запустѣніи Вавилона: вавилоняне «обложиша около града змія древяна и сотвориша его хитра вельми, яко жива, и на вѣхъ хоромахъ... и вселся во змія дьяволъ и нача пожирати челоувѣки, на всякъ день множество людей, и видѣша людіе погубель града своего и разыдошася вси по единому лицу всея земли, и запустѣ градъ, и домове ихъ падоша во многыхъ лѣтахъ, и токмо едини змій жи-

вуть; людій же нѣсть ни единого живущаго въ Вавилонѣ». Въ текстѣ, изданномъ въ «Лѣтописяхъ русской литературы» (т. I) по рукописямъ гр. Уварова и г. Забѣлина: «царь же чествоваше ихъ (пословъ) и дарова имъ многими дарьми, и поиде царь во градъ (=во Царьградъ), и бысть ему радость великая и всѣму міру извѣщеніе о Вавилонскомъ градѣ». Далѣе читается рассказъ о томъ, какъ «сердоликова крабца со всѣмъ виссомъ царскимъ» перешла во владѣніе русскаго князя Владиміра. То же заключеніе въ рукописи Публичной Библиотеки изъ Погодинскаго древнехранилища № 1603 (ср. ниже, гл. IV и V). Въ сборникахъ Погодинскаго древл. №№ 1604 и 1592, а также въ рукописи Публичной библиотеки Q. XVII, 82 (=Толст. II, № 229) рассказъ о путешествіи заканчивается упоминаніемъ о намѣреніи царя Льва идти въ Индію: «царь же восхоте оттоле ити во

Индею: Давыдъ же царь греческнѣ (вар. крѣтѣяски) рече: поиди на страны полуношныя, на враги иноверны за веру и за родъ христіанскнѣ¹⁾: инече: «царь же оттолѣ восхотѣ изыти в'Индію и на страны полуношныя на враги иноверны за родъ христіанскнѣ»

Въ моемъ сборникѣ: «царь Алевуй слышавъ великия радости наполнися і поиде к Царю-граду со всеми силами своими, і прииде в Царьградъ, великая же царица великия радости наполнися; і сотвори царь пиръ на князи и на бояра і на велможы и на оныхъ трѣхъ мужей». На пиру «русенинъ» поднесъ царю и царицѣ порфиру и вѣнецъ Навуходоносора; «гречанинъ» — царское дивное узорочье, отъ котораго освѣтилась вся палата; «объшенинъ» — смирну и фиміамъ. «І много на пиру царь Алевуй веселися, оныхъ трѣхъ мужей потчивалъ царскою честію и отпустилъ ихъ в дома своя. Они же те три мужи придоша в дома своя благодаря Бога і святыхъ страсто-терщевъ Ананию і Азарію і Мисаила».

Проф. Веселовскій въ упомянутой выше статьѣ указалъ слѣды извѣстности сказанія о путешествіи въ Вавилонъ за знаменіемъ — вѣнѣ предѣловъ русской литературы. Въ житіи св. Кира и Іоанна рассказывается «объ александрійскомъ епископѣ *Аполлинаріи*, который строилъ въ честь вавилонскихъ отроковъ храмъ и посылаетъ въ Вавилонъ именитаго боголюбиваго мужа съ грамотой къ святымъ, въ которой молить ихъ дать ему для новаго храма частицу ихъ мощей. Посланный молится у ихъ гроба; рука св. мученика, лежавшаго посреди двухъ другихъ, протягивается къ грамотѣ и беретъ ее. Не по-

¹⁾ *Бычковъ*, Опис. рук. Публ. Библ., I, 324.

²⁾ Погодинскій сборникъ, № 1592.

лучивъ отвѣта на свое моленіе, посланный возвращается назадъ и затѣмъ вторично идетъ въ Вавилонъ, по настоянію епископа... Послѣ слезныхъ молитвъ у гроба, посланный беретъ грамоту, которую святой держалъ въ рукѣ, и рука чудесно отдѣляется отъ тѣла вмѣстѣ съ грамотою. Посоль доставляетъ эти мощи епископу Аполлинарію¹⁾. Въ поэмѣ Генриха von Neustadt: «*Apollonius von Tyrus*» рѣчь идетъ о томъ, какъ Аполлоній, называющій себя въ это время Лоніемъ, попадаетъ въ плѣнъ къ Немроду (Nemrot), королю Романіи²⁾, и по его порученію идетъ въ пустынный Вавилонъ. Послѣ ряда приключеній Аполлоній достигаетъ Вавилона и приноситъ оттуда пряжку и шахматы изъ драгоценныхъ камней, принадлежавшіе некогда Навуходоносору³⁾.

Этотъ разсказъ нѣмецкаго поэта возвращаетъ насъ къ тѣмъ русскимъ сказкамъ о Бормѣ, которыя мы разсматривали въ предшествующей главѣ.

Зависимость этихъ сказокъ отъ указанныхъ выше повѣстей о Вавилонѣ и о посольствѣ отъ царя Льва — несомнѣнна. Эта зависимость обнаруживается не только въ самомъ замыслѣ сказки, но и въ ея подробностяхъ. Въ сказкѣ говорится: «царь Вавилонскій издалъ указъ, чтобы на всемъ змѣи были вырѣзаны и написаны: и на чашкахъ, и на ложкахъ, и на монетахъ». Извѣстіе о такомъ именно «указѣ» мы находимъ въ «Притчѣ о Вавилонѣ», содержаніе которой изложено будетъ ниже. — «Змѣи все пожирали, говоритъ сказка, ничего кругомъ не осталось, *а стали между обѣдной и заутренней въ Свѣтло Христова Воскресеніе*. Въ одномъ изъ пересказовъ повѣсти о послахъ греческаго царя замѣчено: «змѣевъ и гадовъ много во градѣ безъ числа, но Божіимъ повелѣніемъ *въ воскресеніе отъ восхода солнечнаго змѣи лежатъ, яко мертви, до захожденія солнцу*, къ понедѣльнику же оживуть»⁴⁾.

Вліяніемъ повѣсти не исчерпывается однако все содержаніе сказки. Борма встрѣчается съ царь-дѣвицей и ея сестрой, путешествуетъ на львѣ. Повѣсть не знаетъ подобныхъ приключеній.

¹⁾ Славянскій сборникъ, III, 159.

²⁾ Любопытно наименованіе Немрода королемъ Романіи. Нѣмецкіе памятники упоминаютъ die wust Rumeneu, гдѣ Теодорихъ долженъ биться съ змѣями (mit wuigen mus er streiden). См. *Веселовскій*, Разысканія въ обл. русск. дух. стиха, V, 118; Изъ исторіи романа, II, 333. Эпитетъ Романіи и указаніе на змѣй напоминаетъ Вавилонъ.

³⁾ Славянскій сборникъ, III, 160—163.

⁴⁾ Лѣтоп. р. литер. и древн., III, 3, 32.

Какъ же объяснить появленіе этихъ приключеній въ сказкѣ? Слѣдуетъ ли въ нихъ видѣть выраженіе своеобразнаго творчества русскаго сказочника, или нужно допустить, что эти сказочныя подробности—отголосокъ какой-то особой версін сказанія о посольствѣ въ Вавилонъ. При отыскиваніи отвѣта на этотъ вопросъ нельзя опустить изъ виду замѣчательный параллелизмъ между самарской сказкой о Бормѣ и упомянутой выше нѣмецкой поэмой.

1) Лоній, прибывъ въ Вавилонъ, проникаетъ въ обширный, богато украшенный и наполненный драгоценностями дворецъ; здѣсь онъ встрѣчается съ двумя чудовищными существами: верхняя часть ихъ тѣла — человѣчья, нижняя—лошадиная; одно существо было мужскаго, другое женскаго пола. «Лоній ударилъ кентавра-мужчину, который скрывается по потасной лѣстницѣ на баню; женщина хотѣла было послѣдовать за нимъ, но Лоній схватилъ ее за волосы и повалилъ на землю. . . . Ея спутникъ является снова, вооруженный лукомъ, и стрѣляетъ въ Лонія. Имя кентавра — Пирамортъ; его жены—Плиадесъ; она — дочь Ахирона, предлагаетъ Лонію въ откупъ за себя два перстня и пряжку и бѣжить къ своему мужу» ¹⁾. Любопытно, что въ поэмѣ дается преимущественное значеніе кентавру-женщинѣ: съ нею бьется Лоній, отъ нея получаетъ Навуходоносоровы драгоценности. Нанъ Борма Ярыжка сталкивается въ Вавилонѣ съ чудовищемъ иного вида: «пошелъ прямо во дворецъ; приходитъ—все комнаты пустыя, а въ послѣдней царской комнатѣ сидитъ Царь-Дѣвка, на половину змѣя, на половину дѣвка; она надъ всемъ змѣинымъ царствомъ царствовала».

2) Лоній успѣваетъ выбраться изъ Вавилона при помощи инорога Milgot, который снабдилъ его какимъ-то волшебнымъ зельемъ. Намекъ на помогающее животное находимъ и въ повѣсти о послахъ греческаго царя. Когда послы приблизились къ Вавилону, «они пустиша кони своя въ поле и *обрѣтоша мало звѣря*, ту бо израсте быліе великое, аки есть волчець-трава безугодная, кругъ всего Вавилона града» ²⁾. Въ другомъ текстѣ: «когда пріѣхаша близъ Вавилона, и видѣша стезицу малую—*единого звѣря хожденіе*, а градъ бѣяше оброслъ быліемъ, едва видѣша» ³⁾. Иначе: «дойдоша до великаго града Вавилона и *найдоша на пути течемаго звѣря зайца*, и поставиша кони своя, и убили того звѣря, а сами пойдоша за-

¹⁾ Слав. Сборникъ, III, 161.

²⁾ Памятники стар. р. литературы, вып. 2, 394.

³⁾ Лѣтоп. р. литер. и др. III, 3, 31.

ячьимъ слѣдомъ и дошли ко граду Вавилону» ¹⁾. Значеніе звѣря представляется такимъ образомъ не яснымъ, забытымъ. Нужно предполагать, что въ первоначальномъ видѣ повѣсти звѣрю принадлежала иная, дѣятельная роль, роль помогающаго животного. Съ помогающимъ животнымъ встрѣчаемся мы и въ сказкѣ о Бормѣ, при чемъ нужно замѣтить, что эпизодъ встрѣчи Бормы со львомъ едва ли удачно отнесенъ въ заключительную часть сказки.

3) Уходя изъ Вавилона, Лоній слышитъ, что за нимъ гонятся драконы, змѣи, кентавры. «Прибывъ къ рѣкѣ, Лоніи подкрѣпиль своего коня чудотворнымъ зельемъ и . . . перебрался на другой берегъ . . . Сзади онъ слышитъ ревъ чудовищъ: они столпились на томъ берегу, потому что не въ состояніи были переправиться» ²⁾. Въ подобномъ же положеніи находился и Борма. «Велѣлъ онъ матросамъ всѣ бочки (съ порохомъ) выкатить и разбить на палубѣ, а самъ въ лодку сѣлъ одинъ и уѣхалъ . . . Царь-Дѣвка на крыльцѣ заплясала. «Ну, Борма Ярыжка, потонулъ таки!»—«Ну, чортъ, пляши! Я то здѣсь, да вотъ товарищей жалъ».

4) Отдѣлавшись отъ Вавилонскихъ чудовищъ, Лоній не безъ приключеній добирается до стана Немврода: «Наступила ночь, конь Лонія усталъ, и самъ онъ сѣгнѣлъ въ лѣсъ, гдѣ располагается на ночлегъ около одного источника, сложивъ оружіе и спрятавъ въ шлемѣ пражку и шахматы. Въ полночь является дикая женщина, которая угоняетъ лошадь Лонія, нагрузивъ на нее его оружіе и драгоценности» ³⁾. Съ трудомъ только удается Лонію и прибывшему къ нему на помощь Климодину поймать дикую женщину и отобрать у нея похищенные сокровища.—Въ сказкѣ этому приключенію съ дикой женщиной соответствуетъ встрѣча Бормы съ сестрой Царь-Дѣвки.

Параллелизмъ, наблюдаемый въ рядѣ подробностей поэмы и сказки, не можетъ быть явленіемъ случайнымъ. Слѣдуетъ поэтому отдать предпочтеніе второму изъ выставленныхъ выше предположеній, то-есть, признать, что въ сказкѣ о Бормѣ и въ рассказѣ нѣмецкой поэмы до насъ дошли остатки какого-то древнѣйшаго сказанія, въ содержаніи котораго были подробности, не сохранныя повѣстью о посольствѣ отъ царя греческаго Льва. Что касается разницъ въ изложеніи сказки и поэмы, то эти разницы легко объясняются характеромъ обработки (или точнѣ переработки) того и другаго па-

¹⁾ Ibid. I, 3, 163.

²⁾ Слав. сборн. III, 162.

³⁾ Ibidem.

мятника. Нѣмецкій пересказъ примкнулъ къ повѣсти объ Аполлоніѣ Тирскомъ ¹⁾, при чемъ этотъ древній романъ въ новой обработкѣ нѣмецкаго поэта принялъ тѣ черты своеобразнаго литературнаго синкретизма, которымъ характеризуются всѣ старо-европейскія передѣлки завожгихъ сказаній. Дѣйствующіи лица, появляющіяся въ рассказѣ Генриха, представляютъ неструю смѣсь литературныхъ припоминаній: Аполлоній Тирскій, Валтасаръ, владѣтель Арменіи, сынъ его Асуръ, Аввакумъ Болгаринъ, царь Лодомеръ (Владиміръ?) ²⁾, Хиранъ, король Македонскій, Немротъ, король Романія, кентавръ Пиромортъ, его жена Плиадесъ, дочь Ахирона. Рядомъ съ кентаврами, взятыми изъ завожгихъ сказаній, появляется «дикая женщина», часто упоминаемая въ народныхъ нѣмецкихъ преданіяхъ и сказкахъ ³⁾. Русскій вариантъ сохранился въ формѣ народной сказки, и въ ея изложеніи, рядомъ съ вліяніемъ книжной повѣсти, открывается несомнѣнное воздѣйствіе ближайшаго литературнаго сосѣдства (сказка о Лихѣ одноглазомъ и др.).

Вторая повѣсть о Бормѣ, упоминающая о св. Георгіѣ и Дмитріѣ Солунскомъ, также не стоитъ совершенно одиноко среди сказаній, такъ или иначе связанныхъ съ Вавилономъ. Я имѣю при этомъ въ виду старо-французскій романъ объ Оберонѣ.

Романъ открывается поэтической родословной его героевъ — Георгія и Оберона. Иуда Маккавей, —человѣкъ добродѣтельный, какого не бывало со временъ Ноя, и совершеннѣйшій рыцарь, —женится на дочери побѣжденнаго имъ царя Vandifort'a. Отъ этого брака рождается прекрасная Brunehaut. Она выходитъ за мужъ за римскаго императора Césaire. Сынъ ихъ, Юлій Цезарь, вступаетъ въ бракъ съ сестрой короля Артура феей Morgue. Ихъ дѣти — святой Георгій и Оберонъ (Auberon). При рожденіи перваго явились три феи: первая предсказываетъ, что онъ будетъ римскимъ императоромъ, вторая говоритъ о счастливой женитьбѣ, третья указы-

¹⁾ Эта повѣсть извѣстна была и въ старо-русской письменности (см. *Лыниъ*, *Исторія повѣстей и сказ. русскихъ*, 193, 242, *Веселовскій* въ *Ист. р. словесности Галахова*, изд. 2-е, стр. 436—438; текстъ русскаго перевода въ «*Лѣтоп. р. литературы и древн.*» 1, 2, 1—33, съ предисловіемъ проф. *Тихомирова*, и въ «*Ривскихъ Дѣянїяхъ*», изд. Общ. люб. древн. письменности). Относительно вопроса о родинѣ «Аполлонія» мнѣнія ученыхъ расходятся: одни предполагаютъ греческій оригиналъ, другіе утверждаютъ, что дошедшій до насъ латинскій текстъ не переводъ, а подлинникъ. (Ср. *Журналъ Мин. Нар. Просв.*, 1888 декабрь, стр. 464).

²⁾ Ср. *Lodomeria* — названіе Владиміро-Волынскаго княжества.

³⁾ См. *Grimm*, *D. Mythologie* I, 358—360; III, 121, 440.

ваетъ на посмертную святость. Разсказъ о приключеніяхъ Георгія начинается извѣстіемъ объ его путешествіи въ Персію. У царя персидскаго была красавица дочь, въ которую влюбляется Георгій и которая отвѣчаетъ ему взаимностью. Боясь, что связь ихъ станетъ извѣстна ея отцу, Георгій и его подруга бѣгутъ *изъ Вавилона*. Дорогою Георгію приходится выдержать борьбу со змѣемъ. Змѣй убитъ, но и побѣдитель получилъ тяжелыя раны. Царевна чувствуетъ между тѣмъ приближеніе родовъ и настаиваетъ, чтобы Георгій удалился. Въ это время проходила тутъ св. Дѣва Марія съ Іосифомъ и Божественнымъ младенцемъ. Услышавъ крики, она останавливается и помогаетъ бѣдной женщинѣ. Раны Георгія исцѣлены водой, въ которой купали младенца Иисуса. Лишь только это совершилось, на путешественниковъ напали разбойники, ограбили св. Іосифа и унесли только что родившагося ребенка. Георгій бросился на нихъ, разбилъ и отнялъ похищенное. По прибытіи въ Римъ, Георгій отпраздновалъ свадьбу съ персидской царевной и немедленно отправился въ Индію (*Inde majour*), гдѣ принялъ царское вѣнчаніе.

Оберонъ, какъ и его братъ, получилъ при рожденіи вѣщія пожеланія фей: онъ будетъ королемъ, будетъ владѣть силой исполнять всѣ свои желанія, достигнувъ юношескаго возраста, не будетъ старѣть, проживетъ 300 лѣтъ, будетъ самымъ красивымъ человѣкомъ въ мірѣ, но ростомъ будетъ только трехъ футовъ. Отъ матери и отъ бабки Оберонъ получаетъ въ подарокъ чудесныя вещи: волшебный рогъ, напоминающій сказочныя гусли-самогуды, чашу съ неисчерпаемымъ запасомъ вина и кольчугу, защищающую отъ поражений въ битвахъ. Впослѣдствіи чудодѣйственный панцырь былъ похищенъ у Оберона великаномъ Гордецомъ (*l'Orgueilleux*), отецъ котораго былъ побѣжденъ и убитъ отцемъ Оберона—Юліемъ Цезаремъ. Великанъ, дѣйствовавшій по наущенію сатаны, началъ на карлика въ то время, когда тотъ снялъ волшебныя латы. Оберонъ—въ отчаяніи. *Gruehaut* утѣшаетъ его: «Не скорби! Будетъ время, когда ты найдешь свой панцырь. Сегодня родился въ Бордо ребенокъ, по имени *Huon* (*Hugo*). Онъ накажетъ великана и возвратитъ твою кольчугу» ¹⁾).

¹⁾ *L. Gautier, Les épopées françaises, 2 ed. III, 724—730.* Разборъ легенды о Георгіи, переданной въ «Оберонъ», и другихъ параллельныхъ ей версій см. въ соч. *Веселовскаго*: Разысканія въ области русскаго дух. стиха, II (св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ), гл. V, стр. 104—125. Разсказъ о путешествіи св. семейства и о чудѣ, совершенномъ младенцемъ Христомъ, представляющей несомнѣнную реминисценцію пѣснѣ „Евангелій дѣтства“, указываетъ на приуроченіе русскій вылевой эпосъ.

Въ романѣ о Huon de Bordeaux, которому Auberon служитъ введеніемъ, рассказывается о странствованіи Гюона въ Вавилонъ по волѣ Карла Великаго. Гюонъ, чтобы загладить свою вину (убійство сына Карла), долженъ отправиться къ вавилонскому властителю Годису (l'amiral Gaudisse) и выполнить слѣдующія порученія: убить перваго язычника, котораго онъ встрѣтитъ во дворцѣ, три раза поцѣловать Есклармонду (Esclarmonde), дочь Годиса, и принести четыре зуба и бороду самого Годиса. Гюонъ встрѣчается съ Оберономъ и при его содѣйствіи (карликъ даетъ Гюону волшебный рогъ, неисчерпаемую чашу) исполняетъ приказанія Карла. При этомъ ему удается не только поцѣловать Есклармонду, но и вызвать ея любовь. Она оставляетъ Вавилонъ вмѣстѣ съ Гюономъ. Кромѣ разсказа о приключеніяхъ въ Вавилонѣ, романъ упоминаетъ еще о столкновеніи Гюона съ великаномъ l'Orgueilleux. Великанъ побѣждаетъ, чудодѣйственный панцырь достается побѣдителю ¹⁾.

нѣе Георгіевыхъ походовъ къ Египту. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ Георгіевой легенды такое приуроченіе вступаетъ еще яснѣе: Георгій освобождаетъ Сабру, дочь Египетскаго царя Птолемея (*Веселовскій*, 1. с. 109). На такое географическое смѣшеніе могло конечно, оказать влияніе представленіе о Вавилонѣ Египетскомъ, то-есть, Каирѣ (см. слѣд. примѣч.) Не мѣшаетъ припомнить, что въ житіи св. Кира и Иона посольство въ Вавилонъ усвоется *Александрійскому* епископу Аполлинарію.

¹⁾ *L. Gautier*, op. с. 732—773. Припомнимъ, что *Op. Th. Muller* сравнивалъ съ поэмой о Huon de Bordeaux нашу сказку о Балдакѣ (Илья Муромецъ, 714). Въ сказкѣ упоминается чудесный рожокъ, при помощи котораго Балдакъ спасается отъ смерти. Разсказъ объ игрѣ приговореннаго къ повѣшенію Балдака—повтореніе соответствующей сцены въ сказаніяхъ о Соломонѣ. Но нельзя ли предположить, что первоначально разсказъ о рожкѣ построенъ былъ нѣсколько иначе, при чемъ сходство между Балдакомъ и Гюономъ, дѣйствующимъ при помощи Оберонова рога, могло выступать болѣе ясно?.. Во французской повѣи Вавилонъ представляется великолѣпнымъ, многолюднымъ городомъ; Гюонъ побывалъ во дворцѣ властителя этого города, увлекъ его дочь. Это не «пустынный Вавилонъ», жилище змѣй и гадовъ. *G. Paris* въ этомъ Вавилонѣ, который постигъ Гюонъ, узнаетъ Багдадъ: «cette position géographique de Babylone indique une date antérieure aux expéditions de saint Louis; depuis cette époque Babylone signifie le Caire en Égypte (voy. Joinville), et la ville ici désignée est appelée Baudas (Bagdad) [*Revue Germanique*, 1861, t. 16, 358]. Въ памятникахъ русской письменности также, кромѣ древняго, разрушеннаго Вавилона, упоминается новый, цвѣтущій Вавилонъ—Багдадъ: «а гиланской ханъ Ахметъ былъ у Турскаго, а Турской отпустилъ его въ Багдадъ, а по русски въ Вавилонъ» (*Карамзинъ*, Исторія Г. Р., X, примѣч. 326). Въ замѣткѣ «О земляхъ за Араратомъ» читаемъ: «Рѣки (Тигръ и Евфратъ) потекли на полдень и на полднѣ сошлись въ одну рѣку... Тутъ было царство Вавилонское и городъ Вавилонъ, о которомъ голосъ ангела небеснаго сказавъ: падеть, падеть Вави-

Въ романѣ объ Оберонѣ настъ интересуеть связь, которая устанавливается между легендой о св. Георгіѣ и разсказами о Вавилонѣ и о странствованіяхъ въ Вавилонѣ. Подобная же связь повторяется и въ нашей легендѣ о Бормѣ, при чемъ рядомъ съ Георгіемъ упоминается его эпическій спутникъ—св. Дмитрій Солунскій. Эта связь должна быть вмѣнена какому-то древнѣйшему сказанію, слабыя, колеблющіяся отраженія котораго проглядываютъ и во французской поэмѣ и въ нашей легендѣ. Воздерживаюсь отъ сопоставленія подробностей; замѣчу только, что разсказъ о чудѣ съ ковромъ

лонецъ великій и народы поучатся. Теперь не видно, гдѣ и стоялъ онъ. Когда овладѣли невѣрные этими землями, то ихъ цари построили городъ Багдадъ изъ камней Вавилона». (*Срезневскій*, Хожденіе за три моря Ае. Никитина въ Уч. зап. 2 отд. *Акад. наукъ*, II, 2, стр. 230). Этимъ названіемъ Багдада Вавилономъ объясняется, вѣроятно, упоминаніе пришельцевъ «отъ Вавилона» въ путешествіи игумена Даніила, ꙗ также указаніе на Вавилонъ въ перечнѣ владннѣй Тамерлана. Въ Изборникѣ XIII в. и въ посланіи М. Климента: «не саламандръ оугаси Багдадскою пещь, рекше Вавилонскою». (*Никольскій*, О литер. трудахъ М. Климента Смолятича, стр. 130—131). Смѣшеніе названій книжныхъ и народныхъ въ старорусской географической терминологіи давно было отмѣчено Срезневскимъ (въ указанной статьѣ о хоженіи Ае. Никитина, гдѣ рассмотрѣны и повѣсти о Тамерланѣ). Говоря о разнообразномъ географическомъ приуроченіи имени Вавилона, нельзя еще не упомянуть о двухъ преданіяхъ, нѣмецкомъ и русскомъ, въ которыхъ упоминается Вавилонъ, какъ названіе туземныхъ урочищъ. «In Westfalen, zwischen Lübbecke und Holzhausen, oberhalb des dorfes an der Weser liegt ein hügel die Babilonie genannt, in dem *Wedekind* (Wekind) versunken sitzt und harrt bis seine zeit kommt; begünstigte finden den eingang und werden beschenkt entlassen» (*Grimm*, D. Mythologie, 4 Ausg. II, 797). На Руси названіе Вавилона приурочено было къ какому-то урочищу въ сѣверномъ поморьѣ, близъ Норвежской границы: «Быль въ Корелѣ и во всей Корельской земли большой владѣтель, именовъ Валитъ, Варентъ тожь, а послушна была Корела къ В Новгороду съ Двинскою землею, и посаженникъ былъ тамъ Валитъ на Корельское владѣнье отъ новгородскихъ посадниковъ, и какъ онъ ту Мурманскую землю учалъ войною приводити подъ свою власть, и мурмане били челомъ норвецкимъ нѣмцамъ, чтобъ они по сосѣдству за нихъ стали... и отстояти (нѣмцы) ихъ не могли, потому что онъ самъ собою былъ дороденъ, ратной человекъ и къ рати необычный охотникъ... и побивалъ нѣмецъ, а въ Варенгѣ на побоищѣ нѣмецкомъ, гдѣ Варенской лѣтней погость, на славу свою принесши съ берегу своими руками положилъ камень, въ вышину отъ земли есть и нынѣ больше косые сажени; а около его подаль выкладено каменемъ, кабы городской окладъ, въ 12 стѣнъ, а названъ у него былъ тотъ окладъ Вавилономъ». Тому же Валиту приписывается укрѣпленіе Колы и постройка крѣпости на островѣ, посреди губы морской, въ 35 верстахъ отъ Печенгской губы. «А какъ Валита не стало, а въ крѣпелъ ему было имя Василій, и положенъ въ Корелѣ на посадѣ». Эту богатырскую сагу о Валитѣ разсказывали русскіе послы, отправленные въ 1601 году въ Копенгагенъ, для переговоровъ объ установленіи русско-норвежской границы (*Карамзинъ*, И. Г. Р. XI, прим. 56. Ср. *Бестужевъ-Рюминъ*, О лѣтописи, 60).

въ нашей легендѣ явился, вѣроятно, замѣстителемъ какого-нибудь инаго приключенія ¹⁾).

Остается сказать нѣсколько словъ о самыхъ «знаменіяхъ», приносимыхъ изъ Вавилона.

Въ житіи Кира и Іоанна упоминаются части мощей святыхъ отроковъ; въ поэмѣ объ Аполлоніи—драгоценные камни и пряжка

¹⁾ Соединеніе легенды о Георгіѣ съ преданіями о Вавилонѣ облегчалось, конечно, представленіемъ о Георгіѣ-змѣборцѣ. Припомнимъ одну изъ заставъ встрѣчаемыхъ Георгіемъ Храбрымъ, въ русскомъ духовномъ стихѣ: «Наѣзжалъ Егорій на стадо на змѣиное, нельзя Егорию проѣхати» и т. д. (Калки перек., I, 418). По нѣкоторымъ пересказамъ нашего стиха борьба Георгія съ змѣемъ приурочивается къ Вавилону; «святый Георгій доѣхавши до того до царства до дальняго, до того *царства Вавилоускаго*...» (ibid. 420). Любопытно при этомъ обратить вниманіе на нѣкоторые, правда неясные, намеки, находящиеся въ нѣмецкихъ памятникахъ, указывающіе на связь сказаній о Георгіѣ, Альберихѣ и Вавилонѣ,—связь, подобную той, которая отыскивается во французскихъ поэмкахъ. Вольфдитрихъ, по нѣкоторымъ пересказамъ поэмы о немъ,—крестникъ св. Георгія и обладатель чудесной, непробиваемой рубашки этого святаго. «Уже въ первой половинѣ XIII в. (ок. 1225 г.) циклъ Вольфдитриха представляется въ сплоченіи съ легендой объ Ортнитѣ, поглощенной змѣемъ; отомстителемъ является Вольфдитрихъ. Ортнитъ нѣмецкой поэмы—сынъ демоническаго Альбериха, Auberon'a французской Chanson de geste о Huon de Bordeaux». Такимъ образомъ черезъ Вольфдитриха и Ортнита Георгій и въ нѣмецкихъ памятникахъ вступаетъ въ эпическое родство съ Альберихомъ-Оберономъ. (*Веселовскій*, Св. Георгій, 10, 122—124. О связи поэмъ о Гюонѣ и Ортнитѣ см. соч. *F. Lindner'a: Ueber die Beziehungen des Ortnit zu Huon de Bordeaux*. 1872). На поэмы такъ называемаго Ломбардскаго цикла оказывать, очевидно, извѣстное вліяніе тотъ же кругъ спутанныхъ представленій о Вавилонѣ (древнемъ и новомъ, «пустынномъ» и цвѣтущемъ, который отразился въ поэмкахъ объ Оберонѣ и Гюонѣ (припомнимъ, что *сирійскій* царь посылаетъ на владѣнія Ортнита губительныхъ змѣй; припомнимъ Имелота и Василистія «изъ пустынной Вавилоніи» въ поэмѣ о Ротерѣ). Подобная же спутанность замѣчается и въ нашей легендарной повѣсти о Бормѣ. Жители Вавилона истреблены змѣями; уцѣлѣла однако одна *дѣвица*. То, что рассказывается объ этой дѣвицѣ, дѣлкомъ взято, какъ мы видѣли, изъ легенды о св. Дмитріѣ. Не слѣдуетъ ли предполагать, что дѣвица являлась первоначально въ иномъ положеніи, болѣе близкомъ къ положенію красавицы въ сказаніяхъ о Георгіѣ и Ортнитѣ? Подобный же вопросъ вызываетъ и «человѣкъ, который назвалъ себя Правдой». Въ легендѣ о Георгіѣ, приурочивающей его дѣятельность къ Египту, говорится, что, отправившись въ эту страну, Георгій встрѣчается съ пустыннымъ и отъ него узнаетъ объ опустошеніяхъ, которыя пропаводитъ ядовитый драконъ (*Веселовскій*, Георгій, 109). Гюону рассказываетъ о путяхъ къ Вавилону какой-то старецъ Жеромъ. Если признать, что человѣкъ, сообщившій Бормѣ свѣдѣнія о Вавилонѣ,—родня собесѣдникамъ Георгія и Гюона, то нужно будетъ допустить, что легенда о Бормѣ могла имѣть первоначально какое-то иное содержаніе, спутанное впоследствии съ повѣстью о посольствѣ въ Вавилонъ отъ царя Льва.

Навуходоносора. Только въ русскихъ повѣстяхъ и сказкахъ рѣчь идетъ о царскихъ инсигніяхъ. Это даетъ основаніе предполагать, что упоминаніе о вавилонскомъ вѣнцѣ не представляетъ существенной, исконной подробности разсматриваемаго круга сказаній. Внесеніе этой подробности, соединеніе разсказа о Вавилонѣ съ преданіемъ о добычаніи царскаго вѣнца ¹⁾, можетъ быть объяснено вліяніемъ пред-

Проф. Веселовскій въ одной изъ недавнихъ «Замѣтокъ къ былинамъ» указалъ на нѣкоторое сходство Альбериха (Оберона) съ нашимъ Вольгой (Волхомъ), который, по пересказу Кирши Данилова, проникаетъ въ *царство Индійское* (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1890, мартъ). По нѣкоторымъ пересказамъ повѣсти о посольствѣ въ Вавилонъ, царь Левъ, получивъ вещи Навуходоносора, «восхотѣ ити въ *Индію*». Въ *Индію* отправляется и св. Георгій послѣ женитьбы на дочери вавилонскаго правителя. Намекъ на Индію находимъ и въ повѣсти о Бормѣ: царемъ вавилонскимъ, установившимъ изображеніе змѣй, называется здѣсь не Навуходоносоръ, а Поръ. Это имя припуталось изъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ. На эти же сказанія объ Александрѣ указываетъ, быть можетъ, и упоминаніе Индіи въ разсказахъ о Вавилонѣ. Александръ, побѣдивъ Даріа, овладѣваетъ Вавилономъ, женится на дочери вавилонскаго царя, получаетъ богатые дары («кръзно Сексена (Ексерксена) царя перскаго, иже бѣ сѣтворено отъ *зміеихъ очію* съ многоцѣннымъ каменіемъ, и *стѣнацъ* Сынхова вьселенскаго царя» и др.), отправляется потомъ въ пустынные мѣста, посѣщаетъ заброшенный и *необитаемый дворецъ* Семирамиды. Изъ Вавилона Македонскій завоеватель направляется въ *Индію*, борется съ царемъ Поромъ и по побѣждаетъ его. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ повѣсти объ Александрѣ замѣчаются слѣды примѣсы изъ сказаній о Вавилонѣ, о вавилонскомъ змѣѣ (*Веселовскій*, Изъ исторіи романа, I, 405); могло быть и обратное смѣшеніе: въ разсказы о пустынномъ Вавилонѣ могли входить кое-какія подробности изъ Александріи.

¹⁾ Объ отношеніяхъ имп. Льва къ Вавилону упоминаетъ еще Добрыня Андрейковичъ (арх. Антоній) въ описаніи путешествія въ Цареградъ: «стой царь Корлей взявъ *грамоту* Вавилонъ во гробъ у св. пророка Данила и особа содержа, по смерти же его по мнозѣхъ лѣтѣхъ принесена бысть въ Царьградъ и преведена бысть отъ философовъ на греческій языкъ. Написано бысть—имена въ ней царей греческихъ, кому царемъ быти, дондеже стоитъ Цареградъ». Въ Повѣсти о посольствѣ въ Вавилонъ также упоминается о «*грамотѣ*, написанной греческимъ языкомъ». Указавъ на сходство этихъ извѣстій (припомнимъ, что и въ сказкѣ о Бормѣ упоминается какая-то «книжка»), *Веселовскій* замѣчаетъ: «разсказъ Антонія нельзя отдѣлать отъ посланія Льва въ русской повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ. Это даетъ мнѣ поводъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) что уже въ XII вѣкѣ существовало въ Византіи сказаніе, сходное по типу и по имени главнаго дѣйствующаго лица съ *посланіемъ* русской повѣсти; 2) что посланіе это явилось эпическимъ отвѣтомъ на вопросъ о происхожденіи загадочныхъ пророчествъ о судьбѣ Византіи, въ которомъ знаменательно чередовались имена Данила и Льва Мудраго». (Замѣтки по литер. и нар. словесности, 13). Преданіе указанное Добрыней, имѣло, какъ видно, нѣсколько иной составъ, чѣмъ дошедшая до насъ повѣсть о посольствѣ въ Вавилонъ. Слѣдуетъ, быть можетъ, пред-

ставленій о змѣиномъ царѣ, о змѣиной коронѣ. Нѣмецкое преданіе рассказываетъ о молодой дѣвушкѣ-красавицѣ: каждый разъ, когда она доила коровъ, къ ней подползалъ змѣй съ короной на головѣ; дѣвушка поила его теплымъ молокомъ; въ благодарность змѣй подарилъ ей потомъ свою корону. Въ Нижнихъ Лужицахъ извѣстно повѣрье о змѣиномъ царѣ съ драгоцѣннымъ вѣнцомъ на головѣ; обладаніе этимъ вѣнцомъ приноситъ богатство. Кто хочетъ добыть волшебную корону, долженъ разостлать на лугу бѣлый платокъ и имѣть наготовѣ верховую лошадь. Змѣиный царь придетъ и будетъ играть съ другими змѣями; на время игры онъ оставляетъ корону на платкѣ. Смѣльчакъ долженъ схватить корону и мчаться какъ можно скорѣе. За собой онъ услышитъ угрожающее шипѣніе змѣй. Опасность преслѣдованія прекращается, когда онъ достигнетъ города. «По болгарскому повѣрью, змѣиный царь бываетъ о двухъ головахъ, на одной головѣ корона, а языкъ—изъ брилліанта; если убить этого царя (что впрочемъ, весьма трудно, ибо онъ окруженъ самыми лютыми змѣями, которые всѣ поднимутся на его защиту) и завладѣть брилліантомъ и короною, то сдѣлаешься повѣлителемъ всего міра и будешь безсмертнымъ»¹⁾. Подобныя повѣрья легко могли ассимилироваться съ

положить, что въ нашей повѣсти сказаніе о перенесеніи въ Византію загадочной Давидовой грамоты соединилось съ какими-то преданіями, связанными съ драгоцѣнностями византійскихъ царей. Ирипомнимъ упоминаніе о чудесномъ камнѣ въ изображеніи имп. Льва: «На странѣ же дверей стоитъ икона велика, а на ней написанъ царь Корлѣй о софосѣ, и у него камень драгій въ челѣ и свѣтитъ въ нощи по святѣй Софѣи» (Путеш. Добрыни Андр. 68—69); съ этой диковинкой сходенъ камень въ коронѣ германскаго императора, о которомъ говоритъ Альбертъ Великій «*Orphanus est lapis, qui in corona romani imperatoris est, neque unquam alibi visus est, propter quod etiam orphanus vocatur... Est autem lapis perlucidus et traditur, quod aliquando fulsit in nocte, sed nunc tempore nostro non micat in tenebris. Fertur autem, quod honorem servat regalem.*» (Ср. еще упоминаніе о камнѣ, добытомъ во время странствованій герцога Эристомъ. *Grimm, D. Myth.* II, 1018, *Uhlands Schriften*, VIII, 570 f.).

¹⁾ *Авантисъ*, Повѣст. возр. славянъ, II, 541—543, *Grimm, Mytholog.*⁴ II, 571—572, 1020; III, 198; *Märchen*, III, 185—186, № 105. Коровованные змѣи извѣстны и въ области библейско-апокрифной литературы. Въ библейскомъ Апокалипсисѣ (гл. XII, ст. 3) читаемъ: „и явися ино знаменіе на небеси, и се змѣй великъ черменъ, имѣя главъ семь и роговъ десять, и на главахъ его семь вѣнецъ“. Ср. упоминаніе о коронѣ вавилонскаго дракона въ пророцествахъ Мерлина (Слав. Сборн. III, 150). Народныя и книжныя преданія легко могли перепутываться, но видѣть во всѣхъ повѣрьяхъ о змѣиномъ царѣ и о змѣиной коронѣ только отраженіе завожнихъ сказаній о Вавилонѣ нѣтъ, конечно, основаніи. Упомянутыя повѣрья стоятъ въ ближайшей связи съ цѣлымъ рядомъ преданій о змѣяхъ (змѣи, охраняющіе клады, владѣющіе живой водой и т. п.). Нѣтъ также

преданіями о Вавилонѣ: самый блестящій и самый драгоцѣнный вѣнецъ—вѣнецъ змѣйнаго царя, а змѣиное царство въ Вавилонѣ.

О томъ, какъ змѣи овладѣли Вавилономъ, рассказывается въ «Притчѣ о Вавилонѣ градѣ». Рассказъ связанъ съ именами царя Навуходносора и сына его Василія.

І. Царствовалъ иѣкогда въ Вавилонѣ царь Аксерксъ. Для предохраненія города отъ «мороваго повѣтрія» онъ издалъ такое постановленіе: «аще у котораго князя или у боярина, или у вельможи, или отъ простыхъ людей увидить на лбу красно съ копейку, и царь Аксерксъ велитъ тѣхъ людей выслати изъ града на лѣсъ за двадцать попритчъ отъ града, да пусть тамо живутъ, а хотя и помрутъ». Родные приносили изгнанникамъ пищу, оставляя ее на пняхъ. По смерти Аксеркса жившіе въ лѣсу «начаша собиратися, хотяху бо во градъ итти. И обрѣтоша на соснѣ сову, да тутю же подъ сосною младенецъ, да у той сосны козу дикую. И тѣ люди не знающе, какъ младенцу имя дати, и нарекоша совѣ имя *Носоръ*, а козѣ имя *Аха*, а младенцу имя *Находъ*; и даша младенцу изъ обою во трою Навходносоръ¹⁾. И взяша младенца и начаша питати его. И пойдоша вси людие безчисленно много во градъ Вавилонъ, и внидоша вси людие во градъ съ лѣсу, и бысть радость велика во градѣ Вавилонѣ, что вси сродичи сиждошася, а иніи мнози на лѣсу помроша. Князи же, и болире, и вельможи, и вси вавилоняне живяху немногое время²⁾, донележе царя не бысть». Стали думать о выборѣ новаго царя и основаній сводить къ воспоминаніямъ объ опустѣвшемъ Вавилонѣ всѣ преданія о городахъ, окруженныхъ змѣями. Такой именно городъ изображается въ апокрифномъ житіи Моисея. „Отправляясь на войну противъ армянъ и персовъ, Киканосъ, царь сарацинскій, поручилъ охранять свою столицу убѣжавшимъ изъ Египта волхву Валааму и двумъ его сыновьямъ; но Валаамъ измѣнилъ Киканосу, возмущилъ противъ него сарацинъ и заперся въ столицѣ, укрѣпивъ ее съ двухъ сторонъ стѣною, съ третьей огромными рвами, а съ четвертой—змѣями и скорпіонами, которыхъ онъ собралъ „шептаниемъ своимъ и потворы“. Возвратившись съ войны, Киканосъ девять лѣтъ осаждалъ свою столицу; въ это время явился къ нему Моисей; Киканосъ принялъ его съ честью и сдѣлалъ своимъ думцею.. Но не успѣвъ взять столицы, Киканосъ умеръ; Моисей, избранный войскомъ на мѣсто Киканоса царемъ, истребилъ змѣй и скорпіоновъ, защищавшихъ столицу, посредствомъ аястовъ, которыхъ онъ велѣлъ наловить своимъ воинамъ“, Оригиналъ этого сказанія о Моисей—въ еврейской книгѣ Яшаръ (*Порфиреъ*, Апокриф. сказ. о востозав. лицахъ и событіяхъ, 290, 57). Ср. *Аванасеъ*, Поэтич. возвр. II, 530.

¹⁾ Лвт. р. литер. III, 3, 21. Вариантъ: и даша имя совѣ Осоръ, младенцу Находъ, а козѣ Аханза; младенцу второе имя Находъ Осоръ“. (Памятн. стар. лят. 2, 391).

²⁾ „Три лѣта“ (Пам. ст. р. лит. 2, 391).

«приговориша вси вавилоняне, что поставити рогъ со измирномъ во вратѣхъ градныхъ. И повелѣша всѣмъ княземъ, и боляромъ и велможамъ, и всѣмъ вавилонянамъ итти и ѣхати изъ града вонъ и во градъ вѣхати; и надъ кѣмъ рогъ воскипитъ, тотъ и царь буди надъ нами въ Вавилонѣ. И сотвориша тако: поставиша рогъ со измирномъ во вратѣхъ градныхъ, той же часъ по едину вси князи, и боляре, и велможи, и вси вавилоняне ѣздыше конные и пѣшіе хождаху изъ града и во градъ многажды и ни надъ кѣмъ рогъ ни воскипѣлъ. Какъ поѣхалъ найденной младенецъ Навходьносоръ изъ града и во градъ, той же часъ рогъ воскипѣлъ со измирномъ». Навуходносоръ провозглашенъ бысть царемъ. «И введоша его въ царской домъ и возложиша на него царское одѣяніе и вѣнецъ царскій возложиша на главу ему, и скипетръ царскій въ руку ему вдаша и посадиша его на царскомъ престолѣ и поклонишася вси, князи, и боляре, и велможи и вси вавилонстїи витязи, и рекоша: «радуйся, великій, сильный и храбрый, велеумный Навходьносоръ, царю вавилонскій, царствуя въ скипетродержательномъ Вавилонскомъ государствѣ!». Той же Навходьносоръ, царь Вавилонскій, бысть младъ зѣло, но велеумною мудростію и храбростію старъ ¹⁾. Нача царствовати и бысть мудръ зѣло». «Въ нѣкоторый день» Навуходносоръ объявилъ вавилонянамъ такой приказъ: «князи, и боляре, и велможи и вси вавилонстїи витязи, сотворите мнѣ новый градъ Вавилонъ о седми стѣнахъ, на семи верстахъ, а въѣздъ и выѣздъ едины врата, а около града сотворите змїи великъ, во главу бы змїеву въѣздъ во градъ» ²⁾. Когда городъ былъ построенъ, царь объявилъ новое распоряженіе: «и повелѣ Навходьносоръ царь во всемъ Вавилонѣ градѣ знамя учинити на платьѣ, и на оружіе, и на коняхъ, и на сѣдлахъ, и на уздахъ, и на хоромахъ на всякомъ бревнѣ, и на дверяхъ, и на окошкахъ, и на сосудахъ, на ставцахъ, и на блюдахъ и на всякомъ скоту. Знамя—все змїи». Затѣмъ «повелѣ себѣ сдѣлати мечъ самосѣкъ аспидъ-змїи ³⁾,

¹⁾ Ср. въ Словѣ Даниїла Заточника: «юнь возрастъ имѣю, а старъ смысломъ».

²⁾ Въ рукописяхъ встрѣчается особая статья: «О созданіи града Вавилона великаго». Навуходносоръ построилъ Вавилонъ «отъ плетъ жьженыхъ» и камня; каждый камень имѣлъ въ ширину—3 локтя, въ длину—6 локтей; мѣра города—40 стадій, высота стѣны—80 локтей, толщина—30 л. Въ городѣ выкопано было озеро великое, созданы были «тверди каменные и превысоки зѣло» и разведенъ былъ садъ, точно густой лѣсъ: въ немъ гуляла жена Навуходносора «никимъ же видима» (Толст. II, 276—Публ. Библиот. Q. 262, л. 265 об.). Источникъ этой статьи въ хроникѣ Георгія Амартола (ср. *Истрия*, Александрія русск. хронографовъ стр. 178).

³⁾ Подобные мечи извѣстны и по западнымъ памятникамъ. „Map brachte

и взя за себя царицу отъ великаго роду царьскаго и прижилъ съ нею сына царевича, имянемъ Василя».

Разъ собрались противъ Вавилона многіе цари съ великими силами ¹⁾. Они уже успѣли вторгнуться въ Вавилонскіе предѣлы, овладѣли многими городами и приближались къ столицѣ. Навуходоносоръ двинулъ противъ враговъ многочисленное войско подъ начальствомъ Тевриза Моренстровича, Атлана Вавилонянина и Дятковича властелиннча Болгаристра. Обѣ стороны бились отважно. Много было побито враговъ, но не мало пало и вавилонянь. «Слышавъ же Навходъносоръ, царь вавилонскій, что побито вавилонянь, на утрѣи же день Навходъносоръ царь убрався во златокованные царскіе воньскіе брони и опояса по бедрѣ своей мечъ свой самосѣкъ аспидь-змій, и повелѣ себѣ великій конь осѣдлати, и всѣде на великій конь и взя съ собою двора своего царскаго храбрыхъ витязей 100,000 (или 200,000), поиде за градъ къ своимъ на помощь. Егда войско съ войскомъ сразншася, начаша битися, Навходъносоръ царь вельми борзо приспѣ къ своимъ и вмѣнися во свое войско. Тогда мечъ самосѣкъ аспидь-змій отъ царя изъ ноженъ выпорхнулъ и нача безъ милости сѣчь; тотъ часъ всѣхъ царей посѣче съ великими силами, токмо единъ царь Траклинскій со стомъ конникъ утече». Побѣдитель Навуходоносоръ съ торжествомъ возвратился въ Вавилонъ.

Царствовавъ много лѣтъ, Навуходоносоръ «узна свою смерть и повелѣ во градную стѣну мечъ свой самосѣкъ аспидь-змій замуравати, и закла,—не повелѣ вынимати до скончанія вѣку. И умре великій и сильный, грозный и храбрый и велеумный Навдохъносоръ царь Вавилонскій отъ царствія своего, и на его мѣсто постави(ша) во цари въ Вавилонъ на царство сына его царевича Василя» ²⁾.

II. При Василю Навуходоносоровичѣ снова напали на Вавилонъ «многіе цари съ великими силами». Василю выслалъ противъ нихъ своихъ воеводъ съ большимъ войскомъ: «они же грозніи воеводы вавилонстїи начаша битися, но не въ силу имъ бѣше, вспять ко граду понуждаемѣ». Царю совѣтуютъ достать отцовскій мечъ-самосѣкъ. Василю боится нарушить запрещеніе Навуходосора: «Заклятъ мечъ у отца моего до скончанія вѣка, не повелѣлъ его вынимати. Они же вси велегласно рекоша: «выми, государь на ныschlangen als zauber in schwertern und auf helmen an“... (*Grimm, D. Mythologie* II, 573).

¹⁾ Упоминаются цари Траклинскіе и Далматинскіе.

²⁾ Этимъ оканчивается списокъ, изд. въ Пам. стар. р. литер. 2. 393.

нѣшнее время, а какъ минется воинское время, и ты, царю, опять сохрани его». Царь согласился: досталъ мечь-самосѣкъ и выѣхалъ съ нимъ къ своему войску. «Егда же царь Василій Навходъносоровичъ вмѣнися въ свои полки, хотѣ битися, тотъ же часъ мечь-самосѣкъ аспидь-змій отъ царя изъ ноженъ выпорхнулъ и отсѣче царю Василю главу и царей великихъ посѣче съ великими силами. А у вавилонскихъ витязей.... что у нихъ было знамя на платин, и на оружіи, на коняхъ, и на уздахъ, и на сѣдлахъ и всякой воинской збруѣ змій, тѣ всѣ змій живы стали, вавилонское войско всѣ поѣли. А во градѣ что было знамя-змій, женъ и дѣтей поѣли и всякой скотъ, а что былъ великій змій около града камень, и тотъ живъ сталъ, свистая и рыкая. Отъ тѣхъ-же мѣсть и доннѣ царствующій Вавилонъ градъ новый пусть сталъ» ¹⁾.

Отрывки приведеннаго разсказа о Навуходносорѣ, извѣстнаго до сихъ поръ только по передачѣ старо-русской «Притчи», отыскиваются и въ памятникѣхъ западно-европейской письменности. Одинъ изъ такихъ западныхъ пересказовъ разсматриваемаго преданія переведенъ былъ на русскій языкъ. Я имѣю при этомъ въ виду небольшую статью, которая извѣстна мнѣ по двумъ рукописнымъ сборникамъ: Софійской библіотеки № 1464, л. 179—180, и Погодинскаго древлехранилнища № 1570, л. 50 об.—51 ²⁾.

Въ Софійской рукописи статья имѣетъ такое заглавіе: «В Даниловѣ пророчествѣ в латынскомъ толкованіи въ главѣ первой»; въ сборникѣ Погодинскомъ: «отъ Данилова пророчества тѣ. В главѣ первой». Заглавіе ясно указывало на латинскій оригиналъ. И дѣйствительно, по справкѣ оказалось, что наша статейка представляетъ переводъ небольшого отрывка изъ книги итальянскаго богослова Менокки (1577—1655): *Brevis explicatio sensus litteralis totius Scripturae* ³⁾. Указанный отрывокъ читается въ толкованіи на первую

¹⁾ Въ спискѣ проф. Соколова, такое опустошеніе Вавилона отнесено ко времени Навуходносора.

²⁾ Описаніе Софійской рукописи см. въ «Лѣтоп. занятій археогр. комиссіи» вып. 3, отд. III, стр. 44—52; содержаніе Погодинскаго сборника изложено въ «Описаніи рукоп. сборниковъ Публ. Библ.» А. О. Бычкова, стр. 188—211.

³⁾ Johannes Stephanus Menochius (Menocchi), родомъ изъ Павіи, въ молодыхъ годахъ вступилъ въ орденъ іезуитовъ, былъ преподавателемъ св. писанія и нравственнаго богословія въ Миланской коллегіи, принималъ участіе in multis gravibusque societatis administrationibus; ум. въ Римѣ въ 1655 году. Кромѣ упомянутаго труда (*Brevis explicatio*), ему принадлежатъ: *Hieropoliticon sive institutionis politicae e sacris scripturis depromptae libri tres*, 1625; *Institutionis oeconomicae ex sacris litteris depromptae l. II*, 1625; *De republica Hebraeorum*

главу книги пророка Данила (ст. 1—2).—Помѣщаю текстъ перевода по Софійской рукописи; варианты, очень незначительные, рукописи Погодинской отмѣчаю въ скобкахъ; рядомъ съ переводомъ даю мѣсто тексту оригинала.

В сей части три суть сумнѣнія: первое, кто бысть сей Навуходоносоръ (Наоуходоносоръ), понеже мнози чтутся (чтѣ) бывше (имѣ) сице именовани; второе, кто (приб. есть) сей Іоакимъ тѣмже съвѣщаніемъ; третье, что ради Навуходоносоръ (Наоуходоносоръ) приде нанъ войною. В первыхъ глаголется, яже той Навуходоносоръ (Наоу.....) бысть великій, и глаголется отъ величества дѣлъ, зане царство халдейское, иже преже его бѣ мало, велии распространилъ и монархію сътворилъ, яко Кароль великій глаголется отъ величества дѣлъ, понеже первый отъ царей франскихъ въсприятъ римское царство. Глаголетъ же ся нѣвкомъ (в нѣкомъ) исторіахъ, яже (якоже) Навуходоносоръ (Наоу.....) сей первое названъ (званъ) бысть симъ именемъ, и сіе отъ случая, понеже егда новороженъ бысть, бѣ в дубравѣ поверженъ (пороженъ) и оставленъ, но по Божію устроению приде коза дикая (дивія), отроча млекою питая, яко писано есть въ псалмѣ: храняй младенца Господь; сова же надлетѣ на древо надо отрокомъ, ея же прокаженный по лѣсу прехода видѣвъ и начя (начать) дивитися, понеже та птица мало является въ день, сего ради прилѣжнейше (прилѣжнѣ) внемля уарѣ козу сосящу отроча подъ древомъ, егоже вземъ кормити сътвори, егоже Навуходоносоромъ (Наоу.....) отъ случая прозва. Наву

Circa istam partem tria sunt haec dubia. Primo, quis fuerit iste Nabuchodonosor, quia plures leguntur fuisse sic nominati. Secundo, quis iste Ioa-kim eadem ratione. Tertio, quare Nabuchodonosor venit contra eum in praelium. Ad primum dicendum, quod iste Nabuchodonosor fuit magnus, et dicitur a magnitudine operum, quia regnum Chaldaeorum, quod ante ipsum erat parvum, valde ampliavit et monarchiam fecit. Sic Carolus magnus dicitur sic a magnitudine operum, quia primus de regibus Francorum adeptus est Romanum imperium. Dicitur autem in aliquibus historiis, quod Nabuchodonosor iste primo vocatus est hoc nomine, et hoc ab eventu, quia quando de novo fuit natus, fuit in sylvam projectus et dimissus, sed ex divina ordinatione venit capra sylvestris puerum lactans, quia est scriptum in Psalm. Custodiens parvum Dominus. Bubo etiam advolavit super arborem juxta puerum, quem leprosus per nemus transiens vidit et coepit admirari: quia illa avis parum apparet de die, propter quod diligentius attendens vidit capram lactantem puerum sub arbore, quem assumens nutriri fecit at eum Nabuchodonosor ab eventu vocavit. *Nabu* enim bubo dicitur in illa lingua, *Chodo* capra, *nosor* leprosus. Et patet, quod non fuit ille Nabuchodonosor, sub quo historia Judith dicitur fuisse, quia ille fuit post

l. VIII, 1648. (См. Menochii vita въ изд. *Migne*'я: Scripturae sacrae cursus completus, t. XIII; ср. *Grässe*, Lehrbuch einer allg. Literärgeschichte, III, 1, 832, 834; III, 2, 920). Комментарій Меночки на книгу пророка Данила перепечатанъ былъ въ Biblia maxima изд. De la Haye (1660), а отсюда перенесенъ въ изданіе *Migne*'я: S. S. cursus completus, t. XX. Я имѣлъ въ рукахъ это послѣднее изданіе.

(Наоу) бо сова глаголется в томъ языкѣ, хо—коза, носоръ—прокаженный И явить, яже не бысть онъ Навуходоносоръ, при немже исторія Юдѣвна (Юдифина) глаголется бывша (баше), понеже той бысть после того за много время (лѣтъ) и обще глаголется, яже бысть сынъ Куровъ, понеже исторія Юдифина (Юдифина) бысть по възвращеніи плѣна Вавилонскаго яко явить (да явить) тамо. Второе вѣдомо да есть, яко сей Іоакимъ бысть сынъ Іосіанъ (Іессеанъ) царя Іудина, который плѣнену брату его Іоахаму отъ царя египетскаго, (*приб.* отъ того царя египетскаго) поставленъ бысть царь, отъ того премѣнену имени оного (его), иже преже Еліахимъ звашеся, яко явить въ 4-мъ Царствѣ, въ 23 главѣ, и царствоватой 11 лѣтъ и по немъ бысть сынъ езо Іоакимъ ипрочая.

istum per magnum tempus, et communiter dicitur, quod fuit filius Cyri, quia historia Judith fuit post reditum captivitatis Babylonicae, ut patet ibidem. Ad secundum dicendum, quod iste Joakim fuit filius Josiae regis Juda, qui captivato fratre ejus Joachaz per regem Aegypti, ab eodem rege Aegypti constitutus est rex Juda mutato nomine ipsius, qui prius Eliachim vocabatur, ut patet 4 Reg. 23, et regnavit iste 5 annis, cui successit filius ejus Joachim.

Menochius ссылается на какія-то «исторіи» (legitur in aliquibus historiis). Не берусь опредѣлить, какіе именно памятники имѣлъ при этомъ въ виду италіанскій богословъ. Могу только замѣтить, что разсказъ о Навуходоносорѣ, тождественный съ Менохіевымъ, читается въ обширной исторической компіляціи Готфрида de Viterbo ¹⁾ (XII в.) «Pantheon»:

Origo regis Nabuchodonosor.

Quidam quaerunt, cujus filius fuerit Nabuchodonosor rex Babylonis? Respondemus, quia neque de regibus Assyriorum, neque de regibus Medorum ortus est, sed de Chaldaeis extraordinarius rex fuit, natus ex incerto coitu, ex quadam regiae propaginis foemina, qui statim ut natus fuit, est in sylvam proiectus et a quodam homine leproso, ibi tunc transeunte, inventus, et deportatus, et educatus, et suo nomine nominatus, scilicet a bubone, capra et lepra.

¹⁾ Время жизни и общественное положеніе Готфрида опредѣляются его замѣчаніемъ: me Gotfridum hujus libri auctorem capellanum et notarium fuisse regis Conradii tertii et Friderici imperatoris et filii ejus Henrici sexti (Panth. 344). Годъ смерти Готфрида не извѣстенъ. Есть основаніе думать, что онъ умеръ вскорѣ послѣ 1190 года. (См. *H. Ulmann*, Gotfrid von Viterbo. Beitrag zur Historiographie des Mittelalters. Göttingen, 1868).

Bubo enim supra infantem stabat, capra eum lactabat, leprosus eum deportabat. Unde in lingua Armena et Chaldaea tria haec nomina in uno nomine Nabuchodonosor continentur. *Nabuc* enim, id est bubo; *Chodir*, capra; *Nosor*, lepra. Haec namque tria componunt unum nomen Nabuchodonosor.

Этотъ разсказъ о Навуходоносорѣ изложенъ Готфридомъ вторично въ стихотворной формѣ:

De etymologia hujus nominis Nabuchodonosor.

Quid sonet hoc nomen Nabuchodonosor, videamus,
 Quo casu, qua sorte fuit, si gesta feramus,
 Rem satis ignotam prodigiumque damus.
 Nascitur incerto coitu puer ex muliere;
 Foemina moecha domi puerum non ausa tenere
 Projicit in sylvam, nil pietate gerens.
 Bubo reservat eum, lactat capra, virque leprosus
 Forte venit miseransque capit puerum speciosum,
 Nominat et puerum vir Nabuchodonosor.
 Hoc nomen tria continet haec, quae iam memoravi,
 Quae tria componens hoc nomine vir numeravit,
 Sicut et inferius pagina lecta canit.
Nabuc id est bubo; *chodir*, capra, *nosora*, lepra;
 Haec tria singula, tam bene consona, nomina tetra,
 Sunt Nabuchodonosor, sic docuere metra,
 Armena lingua noscas haec dicta fuisse,
 Haec et ab Armenis fateor me sic didicisse ¹⁾

Разсказъ Готфрида и Менохія представляетъ, какъ очевидно, отрывокъ того именно сказанія о Навуходоносорѣ, которое въ болѣе полномъ видѣ распространено было въ нашей письменности. Упомянутое прокаженнаго, который нашель малютку, объясняетъ разсказъ о распоряженіи Аксеркса, переданный русской повѣстью. Разница замѣчается лишь въ указаніи значенія составныхъ частей Навуходоносорова имени.

Въ латинскихъ пересказахъ:

Nabu, nabuc—bubo,
 Chodo, chodir—capra,

Въ русскихъ пересказахъ:

Носоръ. осоръ—сова,
 Аха (Ахавзда)—коза,

¹⁾ Illustrium veterum scriptorum qui rerum a Germanic... gestarum historias vel annales posteris reliquerunt, tom II. Ex bibliotheca Pistorii (1613), pag. 168, 184. Въ новомъ изданіи сочиненій Готфрида (Monumenta Germaniae historica: Scriptorum t. XXII) тѣ отдѣлы Pantheon'a, въ которыхъ излагается древняя исторія, опущены.

Новог—leprosus, lepra

Находъ, Находъ—имя младенца ¹⁾.

Въ «Азбуковникѣ» та же этимологія передана ближе къ латинскимъ вариантамъ: «*Ноходоносоръ*, прокаженный; съ притчи бо сіе имя дано естъ. сказуетъ бо ся: *ноу*, сова; *ходо*, коза; *носоръ*, прокаженный» ²⁾. Предполагаемая академикомъ Веселовскимъ связь между рассказомъ о сынѣ Навуходносора Василии и упоминаніемъ какого-то Василистія въ нѣмецкой поэмѣ о Ротерѣ даетъ возможность допустить, что не безызвѣстна была на западѣ и вторая часть «Притчи о Вавилонѣ» ³⁾.

Готфридъ въ рассказѣ о Навуходносорѣ ссылается на устные сообщенія армянь. Ульманъ въ сочиненіи о Готфридѣ считаетъ это указаніе вѣроятнымъ ⁴⁾. Съ нимъ соглашается и новый издатель Готфридовыхъ сочиненій Вайцъ ⁵⁾. Припомнимъ при этомъ, что

¹⁾ Название младенца Навходомъ, Находомъ, указывающее на вліяніе „народной этимологіи“, сходно съ именемъ Симеона *Находа* (найденыша) сербскихъ пѣсень (*Караджичъ*. II, № 14, 15).

²⁾ *Сахаровъ*. Сказанія русскаго народа, т. II, кн. V, 173. Укажу здѣсь кстати нѣкоторыя другія этимологіи имени «Навуходносоръ». Въ Исторіи династій Абуль-Фараджа говорится, что имя Навуходносоръ на сирійскомъ языкѣ означаетъ какое-то говорящее божество: *Estque nomen ejus yugiae Nabuchadnezar, i. e. Mercurius loquitur* (Латин. перев. р. 47, ср. нѣм. перев. S. 67). Въ «Хрисмологіонѣ» *Н. Спафарія* замѣчено: «Толкуется же имя его: Навуходносоръ, по еврейски Небукадънезаръ, сирѣчь творяи смерть или красоты навѣтникъ» (Син. библ. № 192, л. 41). Въ прошломъ столѣтіи нѣкоторые филологи пытались объяснить имя Навуходносора изъ славянскихъ корней. «Обыкновенное окончаніе халдейскихъ именъ на *царъ* навело проникательнаго, впрочемъ, Михаелиса на мысль, что вавилонскіе халдеи были, можетъ быть, славяне. Великій знатокъ языковъ Бютнеръ, коему сообщилъ онъ свою догадку, не только подрѣпилъ его въ оной, но и объяснилъ даже имя *Nebucadnezar* чрезъ *Nebjesadzenui—tsar*, небомъ поставленный царь, Старшій Форстеръ пошелъ еще далѣе и хотѣлъ всѣ халдейскія имена производить изъ словенскаго языка. Въ *Nebucadnezar* читалъ онъ: небу годной царь. Шлеперъ, наконецъ, настоящимъ историческимъ изслѣдованіемъ кончилъ сіи этимологическія забавы». (*Эверсъ*, Предварит. критич. изслѣдованія для русской исторіи, I, 71). Дѣйствительное значеніе имени вавилонскаго царя выяснилось только съ развитіемъ научнаго изученія клинописи. Въ Исторіи Востока *Масперо* принято теперь объясненіе передано такъ: *Nabou-koudour-oussour: Nabo, protégé la couronne* (р. 495).

³⁾ Слав. Сборникъ III, 152.

⁴⁾ *Cotfrid von Viterbo*, 47—48.

⁵⁾ *Multa etiam ex populi ore in itineribus suis collegit vel ad iis accepit, quibuscum per longam vitam versatus est. Graecos et Sarracenos, Persas et Armenios, qui ad curiam imperialem et papalem venerant, ipsum instruxisse,*

указаніе на сказанія о Вавилонѣ находимъ въ повѣсти грузинскаго происхожденія о царицѣ Динарѣ ¹⁾. Въ нашей повѣсти о посольствѣ въ Вавилонъ упоминается абхаецъ (обежанинъ); въ одномъ изъ пересказовъ повѣсти жена царя Льва названа армянкой: «патріархъ же вземъ два венца, прочеть грамоту и возложи венецъ на царя Василія и другии на царицу его Александрію, *родомъ арменію*» ²⁾. Сопоставленіе этихъ данныхъ указываетъ, можетъ быть, на область первоначальнаго распространенія повѣсти о Вавилонѣ ³⁾, но дѣлать отсюда какіе либо выводы о путяхъ перехода этого памятника въ старо-русскую письменность, при отсутствіи болѣе точныхъ указаній, не рѣшаюсь. Вопросъ можетъ разъясниться при участіи знатоковъ армянской и грузинской литературъ.

Въ дополненіе рѣшаюсь указать,—какъ на матеріалъ для изученія прѣисторіи сказанія о хожденіи въ Вавилонъ,—на одинъ изъ памятниковъ древне-христіанской поэзіи. Памятникъ этотъ—гимнъ о душѣ, сохранившійся въ сирійскихъ дѣяніяхъ ап. Θомы ⁴⁾.

gloriatur; quod dicat, etiam scripta eorum se accepisse, non magni faciendum est, sed narrationes, quales apud orientales populos viguisse compertum habemus, tunc temporis in occidentem esse perlato et a Gotifredo receptos, verisimile est. (Monumenta Germ. hist. Script. XXII. 8). По поводу указанія на рассказы, извѣстные у восточныхъ народовъ, можно припомнить свидѣтельство *Масуди* о существованіи какихъ-то «многихъ сказаній» о Навуходоносорѣ (Les Prairies d'or, II, 122—123).

¹⁾ После побѣды надъ персами, Динара «взятъ вся сокровища прежнихъ царей, и каменіе многоцѣнное, и блюдо ланное (лальное), на немъ же ядыше Навуходоносоръ царь» (Пам. стар. р. литер. 2, 375, 376).

²⁾ Рукоп. Толст. II, 229—Публ. Библиот. Q. XVII. 82, л. 60.

³⁾ Это сопоставленіе не рѣшаетъ, конечно, вопроса о томъ, слѣдуетъ ли признать повѣсти о Навуходоносорѣ и о посольствѣ въ Вавилонъ частями одного первоначальнаго сказанія, или нужно допустить, что эти повѣсти только позже слиты были въ одно цѣлое. Указано, какъ мы видѣли, нѣсколько параллелей для сказанія о посольствѣ въ Вавилонъ, но ни въ одномъ изъ этихъ параллельныхъ памятниковъ нѣтъ упоминанія о Навуходоносорѣ—найденныгъ. Составителямъ рассказовъ о добываніи въ Вавилонѣ «знаменія» оставалось, какъ видно, не извѣстнымъ преданіе, сохраненное нашей Притчей о Вавилонѣ.

⁴⁾ Сирійскія дѣянія Θомы изданы были *Wright'омъ* (Apostol. Acts of the Apostles). Переводъ и объясненіе гимна о душѣ можно найти въ трудахъ *К. Маске*: Syrische Lieder gnostischen Ursprungs (Theologische Quartalschrift 1874, I H., 27—69), *R. A. Lipsius'a* (Die apocryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden, I B., 291—300, II. 2, 420—425). Греческіе періоды Θомѣ (*Tischendorf*, Acta apostolorum apocrypha. p. 192 sq.) не сохранили гимна о душѣ. Нѣтъ этого гимна и въ славянскомъ переводѣ Дѣяній ап. Θомы (изд. *Личемъ*, въ журн. *Starine*, V, 96—108. Ср. *Порфирьевъ*, Апокр. сказанія о новозав. лицахъ и событіяхъ, стр. 101).

Гимнъ изложенъ отъ лица юнаго пароянскаго царевича. Этотъ царевичъ, сопровождаемый двумя спутниками, ⁶) отправляется, по волѣ родителей, на западъ, въ Египеть, чтобы принести оттуда драгоценную жемчужину. Жемчужину нужно достать въ морѣ, вокругъ котораго обвился громко шипящій змѣй. Добравшись до Египта, юноша простился съ своими спутниками, приблизился къ змѣю и сталъ ходить около него, ожидая его сна. Въ это время познакомился съ пароянскимъ путешественникомъ другой выходецъ съ Востока, ранѣе прибывшій въ Египеть. Чтобы не возбуждать подозрительности туземцевъ, заходящій царевичъ одѣлся въ египетскую одежду, но жители той страны все-таки узнали въ немъ иностранца и постарались отвлечь его отъ цѣли путешествія. Юноша забылъ о томъ, что онъ царскій сынъ, забылъ и о жемчужинѣ, которую долженъ былъ достать. Песелъ угощенія туземцевъ онъ уснулъ ⁷). Узнали объ этомъ родители царевича и написали письмо: «Приснись, вспомни о томъ, что ты царскій сынъ, сбрось съ себя рабство, въ которое попалъ, вспомни о драгоценности, за которой посланъ». Письмо полетѣло, какъ орелъ, примчалось къ царевичу и «стало словомъ». Когда раздался голосъ этого слова, юноша проснулся, вспомнилъ о своемъ происхожденіи и о порученіи, данномъ родителями. Онъ постарался усыпить змѣя. Когда тотъ уснулъ, царевичъ взялъ жемчужину и поспѣшилъ въ родину. Его путеводителемъ былъ посланецъ отца, его слово. Вернувшись домой, юноша радостно былъ принятъ отцемъ и облекся въ блестящую одежду, снятую передъ путешествіемъ.

Дѣянія апостола Оомы и гимны въ нихъ внесенные—гностичес-

⁶) Припомнимъ трехъ мужей, посланныхъ въ Вавилонъ царемъ Львомъ.

⁷) Въ нашей повѣсти: «и видѣша посланницы: кубокъ стояше на гробѣ чуденъ зѣло... Посланницы же взяша тотъ кубокъ, испиша изъ него, быша весели и уснуша многое время. И воспрянуша отъ сна своего и хотѣша взяти тотъ кубокъ... Бысть же имъ въ то время отъ гробовъ въ девятомъ часѣ дни гласъ: «не дерзайте сего кубка взяти, но пойдете въ царскія сокровища, сія рече въ царевъ дворъ, и тамо возьмите знаменіе». Иначе: «Обрѣтоша на столѣ скатерть покрыта, на золотомъ блюди и хлѣбецъ малъ былъ, да на столѣ склянница съ виномъ. Они же хлѣбецъ разрѣзаша на три укруга, испиша вина по три чары, хлѣбецъ съѣша и быша сыты и пьяны и уснуша долгъ часъ. Бысть же имъ гласъ отъ гробовъ святыхъ страсотерпцевъ. «Полно вамъ спать; вѣдь вы взяли царское знамя, взойдите вы ко гробамъ святыхъ страсотерпцевъ и возьмите взмирну и фиміанъ и ладонъ и поидите изъ града вонъ, до конхъ мѣстъ змѣй великій не возбудилъ».

каго происхожденія ¹⁾. Гимнъ, рассказывающій о страствованіяхъ парянскаго царевича въ Египетъ, представляетъ аллегорическое изложеніе гностическаго ученія о душѣ, удалившейся изъ царства свѣта и послѣ блужданій земной жизни, послѣ пребыванія въ мысленномъ Египтѣ, возвращающейся на свою небесную родину. Змѣй, опоясывающій земной міръ, упоминается и въ другихъ памятникахъ гностической литературы. «Тьма кромѣшняя (говорится въ Pistis Sophia Валентина) есть великій драконъ, хвостъ котораго— въ устахъ его; онъ внѣ всего міра и объемлетъ весь міръ» ²⁾. Жемчужина, которую долженъ достать царевичъ,—искра свѣта, запавшая въ матеріальный міръ изъ высшей области. Блестящая одежда, оставленная царевичемъ на родинѣ,—эфирное тѣло, замѣненное египетской одеждой, т. е. грубой земной плотью. Сонъ царевича— забвеніе душой ея высшей природы и ея свѣтлой родины. Посланіе отъ отца—Божіе откровеніе ³⁾.

¹⁾ Unter allen uns noch erhaltenen apokryphen Apostelgeschichten,— замѣчаетъ Липсиусъ,—haben jedenfalls die *periōdōi* Θομά noch die *bedeutendsten gnostischen Ueberreste* bewahrt. Verschiedene Gesänge und Gebete sind in völlig unveränderter Gestalt auf uns gekommen; andre Stücke enthalten wenigstens noch erhebliche Spuren des ursprünglich gnostischen Colorits. (op. cit. I, 291). Особенно ярко этотъ гностическій колоритъ выступаетъ въ гимнѣ о душѣ. По выраженію Nöldeke, Dies ist unzweifelhaft ein *unverfälschter gnostischer Gesang* und zwar ein syrisches Original. По мнѣнію этого ученаго, гимнъ—памятникъ II вѣка; составителемъ гимна могъ быть знаменитый гностикъ Вардесанъ (Zeitschrift der deutschen morgenländ. Gesellschaft, 1871, B. XXV, 676—678). Къ мнѣнію Нельдеке присоединяются Маке и Липсиусъ. Было высказано предположеніе, что за гностическимъ рассказомъ объ апостолахъ Индіи (какимъ представляется Θομα) кроется болѣе древняя основа—буддйская. Доказательства, представленныя въ пользу этой догадки Gutschmid'омъ, не вполне убѣдили повѣднѣшаго изслѣдователя Дьяніи Θοма. Eine Einwirkung des Buddhismus auf die Detailzüge der Legende erscheint... sehr fraglich, замѣчаетъ Липсиусъ, но при этомъ прибавляетъ: Darum kann aber die Beobachtung selbst richtig sein, dass hier eine buddhistische Bekehrungsgeschichte für das Christenthum annectirt ist. При такомъ предположеніи удобно объясняется путь Θοма, указанный въ Дьяніяхъ, и пребываніе апостола при дворѣ царя Гундафора (op. cit. I, 282—283). Слѣдуетъ еще замѣтить, что приуроченіе дѣятельности Св. Θοма къ Индіи даетъ поводъ къ сближенію преданій объ этомъ апостолѣ съ извѣстнымъ сказаніемъ объ Индіи богатой; посредствующимъ звеномъ служить при этомъ рассказъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ о какомъ-то архіепископѣ (=патріархѣ) Индіи, побывавшемъ въ началѣ XII вѣка въ Византію и въ Римъ (ibid. II, 2, 420—422).

²⁾ *Maake*, op. cit. 54.

³⁾ Объясняя гимнъ о душѣ, Маке припомпнаетъ рассказъ о Перп, переданный Томасомъ Муромъ въ поэмѣ: Лалла Рукъ. Рассказъ этотъ всѣмъ знакомъ русскій вылевой эпосъ.

Памятники гностической литературы не оставались достояніемъ еретическихъ кружковъ. Дѣянія апостоловъ, слагавшіяся на почвѣ гнозы, распространялись и въ правовѣрно-церковной средѣ, причѣмъ болѣе или менѣе рѣзкія выраженія еретической догматики устранились или передѣлывались сообразно съ ученіемъ церкви ¹⁾.

Но рядомъ съ такой церковно-учительной перелицовкой могло идти иное, народно-поэтическое усвоеніе и измѣненіе памятниковъ древне-апокрифной литературы ²⁾. Такія произведенія, какъ Дѣянія апостоловъ могли представлять чисто литературный интересъ, могли привлекать вниманіе занимательностью разсказа, яркостью и разнообразіемъ поэтическихъ картинъ.

Это общее замѣчаніе примѣнимо и къ переданному выше гимну. Его скрытое символическое значеніе не всѣмъ было ясно, но самое содержаніе гимна могло нравиться, какъ занимательная притча, напоминавшая, по своему складу, преданія эпической старины. Дальнѣйшее измѣненіе притчи могло опредѣлиться вліяніемъ литературной аналогіи. Гимнъ помѣщаетъ змѣя, охраняющаго сокровище, въ Египтѣ; такая локалізація отвѣчала принятому у гностиковъ сим-

по переводу Жуковского. Пери, стоявшая «у вратъ потеряннаго рая», слышитъ голосъ «стража эдемской двери»:

Узнай, что небожь рѣшено:
Той Пери будетъ прощено,
Которая ко входу рая
Изъ дальняго земнаго края
Съ достойнымъ даромъ прилетитъ.

Пери отыскиваетъ такой даръ и возвращается на небо.

¹⁾ Такую именно передѣлку представляютъ и извѣстныя теперь Дѣянія Фомы. Если же въ сирійскомъ текстѣ Дѣяній удержался такой ярко-гностическій памятникъ, какъ гимнъ о душѣ, то это объясняется той аллегорической формой, въ которую облечены въ этомъ гимнѣ еретическія воззрѣнія. Die Erhaltung dieses kostbaren Restes gnostischer Poesie,—говорятъ Липсиусъ,—ist der glücklichen Unwissenheit des katholischen Bearbeiters zu danken, welcher nicht ahnte, welche ketzerische Schlange unter den lieblichen Blumen dieser Dichtung verborgen sei. Das Beste zur Verdeckung des wirklichen Sinns hat die geographische Einkleidung gethan. Aus der Seele die aus ihrer himmlischen Heimath herabgesunken, in der untern Welt ihres himmlischen Ursprungs vergisst, ist ein parthischer Königssohn geworden, der gen Westen durch Babylonien, nach Aegypten wandert, um dort die von der Schlange behütete Perle zu suchen (op. cit. I, 296—297).

²⁾ Можно при этомъ припомнить старо-русскую легенду объ апостолѣ Андрѣ, основы которой кроются въ апокрифныхъ преданіяхъ о первоименомъ апостолѣ. (См. „Русско-византійскіе отрывки“ проф. Васильевского въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1877 г., № 1).

волицескому значенію Египта, изображавшаго матеріальный міръ, страну мрака ¹⁾. Въ обще-христіанской литературѣ гораздо болѣе извѣстенъ былъ иной образъ темнаго царства, образъ Вавилона, жилища змѣй и бѣсовъ ²⁾. Египетскій змѣй могъ поэтому переселиться въ Вавилонъ ³⁾. Подъ вліяніемъ же такой локализациі разсказъ о хожденіи за жемчужиной, понимаемый безъ символизма, вызывалъ въ памяти преданія о богатствахъ древняго Вавилона ⁴⁾, о святыняхъ въ немъ хранившихся, о гробницахъ св. Ананіи, Азаріи, и Мисаила ⁵⁾. Аллегорическій гимнъ превращался при этомъ въ псевдо—историческую повѣсть, постепенно осложнявшуюся новыми подробностями.

Позднѣйшій пересказъ этой повѣсти находимъ въ знакомомъ намъ «Посланіи отъ Льва, царя греческаго, во святомъ крещеніи Василия, иже послалъ въ Вавилонъ градъ посланники своя испытати и взяти тамо знаменіе у святыхъ трехъ отроковъ, Ананія, Азарія, и Мисаила». Замѣчательно, что и въ этомъ позднемъ пересказѣ черты родства повѣсти и древнегностической притчи высту-

¹⁾ *Nöldeke, l. c. 676.*

²⁾ Рядъ указаній на такое представленіе Вавилона см. въ указанной выше статьѣ *А. Н. Веселовскаго* (Славянскій сборникъ, III, стр. 148—151). Изъ русскихъ свидѣтельствъ можно указать на изображеніе «темнаго Вавилона» въ «Зерцалѣ Богословія» Кирилла Транквиліана. (См. приложение III).

³⁾ Замѣчательно однако, что Египетъ упоминается, какъ мы видѣли въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ того круга, къ которому принадлежитъ и повѣсть о Вавилонѣ.

⁴⁾ Въ библейскомъ апокалипсисѣ читаемъ: «Паль, паль Вавилонъ, великая блудница, сдѣлался жилищемъ бѣсовъ и пристанищемъ всякому нечистому духу, пристанищемъ всякой нечистой и отвратительной птицѣ.... Горе, горе, тебѣ, великій городъ Вавилонъ, городъ крѣпкій! ибо въ одинъ часъ пришелъ судъ твой. И купцы земные восплачутъ и возрыдають о ней, потому что товаровъ ихъ никто уже не покупаетъ, товаровъ золотыхъ и серебрянныхъ и камней драгоценныхъ, и жемчуга и виссона, и порфиры, и шелка, и багрянницы, и всякаго благовоннаго дерева и всякихъ издѣлій изъ слоновой кости, и всякихъ издѣлій изъ дорогихъ деревъ, изъ мѣди, и желѣза и мрамора; корицы и ошміама, и мѹра и ладана, и вина, и елея, и муки и пшеницы, и скота и овецъ, и коней и колесницъ, и тѣлъ и душъ человеческихъ, и плодовъ, угодныхъ для души твоей не стало у тебя, и все тучное и блистательное удалилось отъ тебя.... Горе, горе тебѣ великій городъ, одѣтый въ виссонъ и порфиру и багрянницу, украшенный золотомъ и камнями драгоценными и жемчугомъ. Ибо въ одинъ часъ погнбло такое богатство. И всѣ кормчіе и всѣ плывущіе на корабляхъ, и всѣ корабельщики, и всѣ торгующіе на морѣ стали вдали. (Гл. XVIII, ст. 2, 10—14, 16—17).

⁵⁾ Ср. *Истрингъ*. Александрія русскихъ хронографовъ, 178—187.

паютъ еще съ достаточной ясностью. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, не обратить вниманія на то, что въ древней притчѣ отыскиваются всѣ основныя подробности поздней повѣсти. Трое путниковъ отправляются по приказанію царя, за драгоцѣнностью, которую нужно доставить въ мѣстѣ, окруженномъ змѣей. Перебраться черезъ змѣю можно только во время сна. Не доставъ драгоцѣнности, путешественникъ-царевичъ засыпаетъ. Его пробуждаетъ чудесный голосъ.—Драгоцѣнность взята и принесена царю.

Со временемъ откроются, быть можетъ, новыя данныя, которыя дадутъ возможность болѣе точно опредѣлить связь, соединяющую древне-гностическій гимнъ съ его позднѣйшими перепѣвами.

III.

Народное преданіе любитъ набрасывать на рожденіе и дѣтство великихъ людей покровъ загадочности и тайны. Малютка, отвергнутый родителями, относится куда-нибудь въ лѣсъ или въ степь на вѣрную смерть, но спасается отъ гибели, благодаря участію сердобольнаго человѣка или даже животнаго. Позже какой-нибудь случай или «знаменіе» выдвигаетъ такого заброшеннаго человѣка, и выдвигаетъ не даромъ: онъ совершаетъ великіе подвиги, дѣлается народнымъ вождемъ, основываетъ новое царство и т. п. ¹⁾ Таковъ именно Навуходносоръ нашего сказанія, рожденный *ex incerto coitu*, воспитанный козой, отысканный и призрѣнный прокаженнымъ, а потомъ выбранный въ цари по указанію чуда ²⁾.

Было бы большою ошибкой объяснять происхожденіе такихъ пре-

¹⁾ Обзоръ сказаній о выброшенныхъ и чудесно спасенныхъ дѣтяхъ дали: *Hahn*, *Arische Aussetzungs- und Rückkehr—Formel* (*Sagwissenschaftliche Studien*, 1876, 340), *Bauer*, *Die Kyrossage und Verwandtes* (*Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der k. Akademie d. Wissenschaften zu Wien*, 1882, 495—578) и др. Перечни такихъ преданій находимъ еще у древнихъ писателей (*Aelian* *Var. historiae*, 1. XII, cap. XLII; *Hygini Fabulae*, CCLII).

²⁾ Замѣчательно близкое сходство съ сказаніемъ о Навуходносорѣ представляетъ монгольскве преданіе о Чингисханѣ „У монголовъ не было хана; въ это время находятъ младенца, лежащаго подъ деревомъ; на деревѣ сидитъ сова; младенца питаетъ дерево собственнымъ сокомъ; въ его уста вставленъ листъ, согнутый жолобомъ, и по нему въ ротъ втекаетъ древесный сокъ. Найденна сдѣлала Ханомъ; при посаженіи его на престолъ какая-то птица кричала: Чингисъ! Чингисъ! Поэтому и назвали его Чингисъ-Ханомъ (*Потанинъ*, *Богдо-Гесаръ и славянская повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ въ „Этнографич. Обозр.“*. Кн. XI, стр. 117—118).

даній однимъ лишь «культу́мъ героевъ», который побуждалъ изображать ихъ существами, отмѣченными судьбой, который заставлялъ отыскивать даже въ дѣтствѣ великихъ людей черты необычайнаго. Генезисъ означенныхъ преданій—явленіе болѣе сложное.

Основа ихъ стоитъ въ несомнѣнной связи съ стародавнимъ обычаемъ выбрасыванія лишнихъ дѣтей ¹⁾. Обычай этотъ, замѣстившій еще болѣе дикое явленіе дѣтоубійства, до сихъ поръ сохраняется кое-гдѣ за окраинами и на окраинахъ культурнаго міра; тамъ, гдѣ этотъ обычай былъ потомъ совершенно забытъ, вымирание его совершалось, конечно, какъ всѣ бытовые процессы, съ медленной постепенностью. Сказанія о выброшенныхъ, но не погибшихъ дѣтяхъ—плодъ такого переходнаго времени; они любопытны, какъ отраженіе глубокаго нравственнаго переворота, сопровождавшаго отживаніе жестокой старины. Выбрасываніе дѣтей уже возбуждало отвращеніе, но «пошлина» и нужда продолжали поддерживать существованіе древней повадки. Судьба несчастныхъ малютокъ стала при этомъ вызывать невольный интересъ и состраданіе. Хотѣлось думать, что эти дѣти, отвергнутыя людьми, найдутъ себѣ неожиданныхъ и неганданныхъ покровителей, что они будутъ спасены хоть какою-нибудь чудомъ. Здѣсь сказалось то же настроеніе мысли, которое лежитъ въ основѣ русскаго повѣрья, что «красивниги» бываютъ баловнями судьбы, что природа выказываетъ относительно ихъ большую щедрость, чѣмъ относительно другихъ дѣтей. Не было ничего естественнѣе, какъ перенести подобныя представленія на дѣйствительныхъ баловней судьбы, на людей, жизнь которыхъ озарилась успѣхомъ и славой.

Это представленіе о героѣ-найденнышѣ могло потомъ получить особенную устойчивость въ связи съ дальнѣйшимъ развитіемъ нравственныхъ понятій. Есть не мало рассказовъ, въ которыхъ эпические герои представляются людьми темнаго происхожденія, выпедшими изъ самой скромной общественной среды и столь же неожиданно выдвигающимися на общественную высоту, какъ и герои-найденныши (Сауль, Премысль, Пясть) ²⁾. Любопытную аналогію съ этими раз-

¹⁾ О выбрасываніи дѣтей, какъ бытовомъ явленіи, см. *Ploss*, *Das Kind in Brauch und Sitte der Völker*, 2 Aufl. II, 243; *Воеводскій*, *Каннибализмъ въ греческихъ мифахъ*, § 14, стр. 127—150; *Кумшере*, *Очерки сравнительной этнографіи и культуры*, гл. V, стр. 46—56.

²⁾ О преданіяхъ такого рода см. *Grimm*, *Gesch. d. d. Sprache*, I, 43; *Massmann*, *Erasmius*, 370; *v. d. Hagen*, *Gesammtabenteuer*, III, CLI. (*Kaiser Dagobert*) *Миллеръ*, *Илья Муромецъ*, 226—237.

сказами представляють нѣкоторые бытовыя явленія, а именно—подробности обрядовъ поставленія царей, вождей и другихъ носителей власти. Припомнимъ хорутанскій обрядъ избранія князя, обрядъ избранія кошевого атамана у запорожцевъ ¹⁾ и др.

Смыслъ всѣхъ этихъ рассказовъ и обрядовъ ясенъ до очевидности. Это—образное, въ стилѣ народной символики, выраженіе мысли объ условномъ значеніи всякаго земнаго величія. Высшая сила, судьба или народная воля, даетъ человѣку силу и власть, даетъ для выполненія великихъ задачъ, для труднаго и важнаго дѣла. Благо избраннику, если онъ помнитъ это, и горе ему, если онъ забываетъ истинное значеніе своего величія, если онъ вздумаетъ считать это величіе принадлежностью своей особы, а не своего служенія. Представленія такого рода легко примѣшивались къ сказаніямъ о счастливыхъ найденнышахъ, при чемъ болѣе ранніе рассказы прилаживались къ позднѣйшему пониманію, получая при этомъ новую окраску, новый смыслъ и значеніе. Слѣды этого есть и въ нашемъ рассказѣ о Навуходоносорѣ, Онъ не только найденнышъ; онъ—человѣкъ, вышедшій изъ самой несчастной и жалкой среды,—пріемышъ прокаженнаго. Власть Вавилонскихъ царей находится въ зависимости отъ чудеснаго меча: «и узна (Навуходоносоръ) свою смерть и повелѣ во градную стѣну мечъ свой самосѣкъ аспидъ-зміи замуровать, и закла. — не повелѣ вынимати до скончанія вѣку». Сынъ Навуходоносора рѣшился нарушить закліятіе и былъ пораженъ волшебнымъ мечемъ.

Подъ вліяніемъ той же мысли объ условности и обманчивости человѣческаго величія и силы слагались сказанія о наказанныхъ гор-

¹⁾ *Кулишеръ*, оп. с. гл. X, стр. 168—192. Припомнимъ еще любопытную подробность византійскаго коронованія, отмѣченную въ путешествіи діакона Игнатія: «по патріарховыхъ глаголѣхъ няктожь можаше и смѣяше преже приступити ко царю и глаголати ему о здравіи, ни князи, ни бояре, ни вои. Но тоцію приступать къ нему мраморницы и гробоздательи, принесше показуютъ ему мраморы и каменіе отъ различныхъ лицъ и видуть к нему и глаголютъ: «которымъ лицемъ велить быти держава твоя гробу твоему?» притчею воспоминающе ему, глаголюще: человекъ еси смертенъ и тлѣненъ, мимоходя въ суетнѣмъ семъ исчезаеомъ и скоропогпаеомъ бѣднемъ житіи..... И сиде имъ глаголавшимъ, якоже тамо во уставѣ писано есть, и потомъ идоша князи, и стратилаты, и попы, и вои, и вся велможи, глаголюще ему по обычаю ихъ». (Никон. лѣт. IV, 176). Подобное же значеніе придается и нѣкоторымъ другимъ подробностямъ византійскаго коронаціоннаго обряда: *Dès son enfance, alors que des moines l'ont entouré, dès son couronnement, alors qu'on lui a mis entre les mains l'akakia, ce sachet de soie, plein de la poussière des tombeaux, il (византійскій императоръ) s'est familiarisé avec sa mort inévitable* (*Rambaud, L'empire grec au X-me siècle, 48*). Ср. *Барсовъ*, Памятн. вѣнчанія царей, стр. 23.

децахъ, о людяхъ, мечтавшихъ помѣриться съ «силой не здѣшней». Прототипомъ для такихъ сказаній могли служить мифическія преданія о борьбѣ боговъ и титановъ, но позднѣйшее развитіе мысли переработывало эти древнія преданія, давало имъ новое значеніе. При этомъ рядомъ съ такими передѣланными сказаніями слагались на ту же тему новыя притчи, которыя были уже какъ нельзя болѣе далеки отъ всякаго мифологическаго значенія ¹⁾. Пересматривая эти сказанія, мы опять встрѣчаемся съ именемъ Навуходоносора. Я разумѣю рассказъ о безуміи Вавилонскаго царя, переданный въ книгѣ пророка Даніила. Позднѣйшіе писатели охотно припоминали и повторяли этотъ рассказъ. Въ литературныхъ памятникахъ христіанскихъ народовъ Навуходоносоръ выступаетъ обыкновенно, какъ типическій представитель безумной гордыни, какъ зазнавшійся влстодержецъ, которому пришлось однако убѣдиться въ ничтожности своего призрачнаго величія: «отъяся отъ него слава его, отгнанъ бысть отъ царства своего». Рядомъ съ именемъ Навуходоносора назывались имена Неврода, Хозроя, Тиридата и другихъ представителей челоѣческой заносчивости ²⁾. Старорусскіе читатели знакомились съ рассказомъ о наказаніи Навуходоносора по библейской книгѣ и по житію пророка Даніила, которое встрѣчается въ нашихъ рукописяхъ то въ полномъ составѣ, то въ видѣ отдѣльныхъ статей, передающихъ тотъ или другой эпизодъ изъ жизни ветхозавѣтнаго праведника. О Навуходоносорѣ въ этомъ «житіи» говорится, что когда онъ былъ звѣремъ, «глава бѣ ему, аки волу, а рущѣ и нозѣ, аки лву». По временамъ «приходяше емуна сердцѣ мысль челоѣческая: плакаше горко, милъ ся дѣя Богу», такъ что «бѣша ему очи заросли, яко мертвымъ мясомъ, отъ плача». Молился за Навуходоносора я Даніилъ. Послѣ семилѣтняго искуса Вавилонскій царь получилъ прощеніе грѣховъ. «Тогда Навуходоносоръ исповѣдаше грѣхи своя и неправды, по отпущеніи же его дасть ему Господь Богъ царство его». Послѣ этого Навуходоносоръ «нача ни хлѣба, ни мяса ясти, ни вина пити, исповѣдаяся Господеви, якоже бѣ ему заповѣдалъ Даніилъ» ³⁾.

¹⁾ Такова повѣсть о гордомъ царѣ, извѣстная во многихъ пересказахъ (*Веселовскій*, Соломонъ и Китоврасъ, 40—49; 92—93. Разысканія въ области русск. дух. стиха, V, 103—123).

²⁾ *Grimm*, D. Mythologie ⁴, I, 319, III, 110; *Веселовскій*, въ Слав. сборн. III, 143—146. Ср. *Востоковъ*. Описаніе рукописей Румянцевскаго музея, стр. 526; „Просвѣтитель“ Іосифа Волоцкаго, гл. 16, стр. 591 (Казанск. изд.).

³⁾ Рукоп. Погод. древлехр., № 1590, л. 122 об.—123. Ср. *Chronicon pascha-*

Указывая на связь рассказов о Навуходоносорѣ съ другими, аналогичными имъ народно-эпическими преданіями, я ограничивался лишь общими бѣглыми замѣчаніями. Останавливаться долѣе на этихъ аналогіяхъ значило бы повторять много разъ сказанное и разъясненное. Исключеніе позволю сдѣлать для рассказа о выборѣ царя по «знаменію», который рѣже останавливалъ на себѣ вниманіе изслѣдователей.

Когда не стало царя Аксеркса, вавилоняне придумали «поставити рогъ съ измирномъ во вратѣхъ градныхъ, и повелѣша всѣмъ княземъ, и бояромъ, и велможамъ, и всѣмъ вавилоняномъ итти и ѣхати изъ града вонъ и во градъ въѣхати, и надъ кѣмъ рогъ возкипитъ, тотъ и царь буди надъ нами въ Вавилонѣ». Рогъ воскипѣлъ надъ Навуходоносоромъ.

Этотъ рассказъ о воскипѣвшемъ рогѣ повторяется въ русской повѣсти о Басаргѣ. Юноша Борзосмыслъ принимаетъ помазаніе на царство: «и вниде патріархъ въ церковь, и сотвори молитву, якоже подобаетъ патріархомъ, и постави на немъ рогъ масла деревяннаго, и воскипѣ на немъ рогъ, и благослови его патріархъ на царство. И людіе вси возкликнуша отъ мала и до велика: «много лѣтъ государю нашему, новому царю, Богомъ вѣнчанному Борзосмыслу Дмитріевичю!»¹⁾

Ближайшее сходство съ этимъ чудомъ кипящаго масла представляетъ знаменіе самозагорающейся свѣчи, упоминаемое въ цѣломъ рядѣ рассказовъ о выборѣ царя. Изъ такихъ рассказовъ упомянемъ прежде всего двѣ русскія побывальщины:

1) Побывальщина о выборѣ царя въ Москвѣ. «Когда-то случилось въ Москвѣ быть безъ царя; народное вѣче присудило избрать того, при входѣ котораго въ Спасскія ворота сама засвѣтитса свѣча у надворотнаго образа. Наконецъ, одинъ въѣхалъ первый въ ворота и нареченъ царемъ». Имя избраннаго царя—Борисъ (Годуновъ) или Михайлъ (Романовъ)²⁾. Въ пересказѣ этого преданія, записанномъ

le, I, 298—300. (Corpus script. hist. byzant.). Житіе Даніила—часть повѣствованія о пророкахъ, авторомъ котораго называется Дороеей или Елифаній Кипрскій.

¹⁾ Памятн. стар. русской литерат., вып. II, 351, 355.

²⁾ *Снегиревъ*, Лубочн. картины, стр. 104 (изд. 1861 г.). Преданіе, называющееся имя Бориса, см. въ ст. г. *Барсова*: Сѣверныя народныя сказанія о древнерусскихъ царяхъ и князьяхъ («*Древняя и Новая Россія*», 1879, № 9, стр. 409). Преданіе о Михайлѣ Феодоровичѣ указано пр. *Терновскимъ* (Изученіе визант. исторіи въ древней Русіи, I, стр. 60). Недавно напечатанъ грузинскій пересказъ этого русскаго преданія. Дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ здѣсь Петръ Ве-

въ Симбирской губерніи, выбранный царь называется Иваномъ Грознымъ. Когда не стало царя, москвичи, по совѣту яродиваго, купили пудовую свѣчу и поставили передъ иконой Богоматери на Варварскихъ воротахъ. Выборъ палъ на кучера какого-то генерала: «Подъѣхалъ на тройкѣ, сидитъ на козлахъ, вдругъ кони въ пень стали подъ воротами и ни съ мѣста, а надъ нимъ загорѣлась свѣча и издала многосіянный свѣтъ. Тотчасъ подхватилъ народъ подъ руки кучера Ивана и посадилъ на Московское царство; новый царь первымъ дѣломъ отдалъ приказъ—повѣсить того генерала, у котораго онъ находился въ услуженіи. Съ тѣхъ поръ и стали называть Ивана грознымъ царемъ» ¹⁾).

2) Побывальщина о дворянинѣ безсчастномъ молодцѣ. Вариантъ этой побывальщины—сказка о Васильѣ царевичѣ и Еленѣ прекрасной. Въ стольномъ во городѣ во Кіевѣ у ласкова князя у Владимира жилъ дворянинъ безсчастный молодецъ; служилъ онъ двадцать пять годовъ, не выслужилъ ни слова гладкаго, ни перины мягкія никакого чина, ни повышенія, ни себѣ жалованья. Горькая судьба этого молодца мѣняется, когда онъ находитъ себѣ покровительницу въ лицѣ «престарѣлой женщины», которая, какъ потомъ оказалось, была португальская королева, тайно удалившаяся въ Кіевъ послѣ нашествія враговъ на ея родину. Старуха помогаетъ молодцу исполнить трудныя порученія Владимира, а затѣмъ выдаетъ за него дочь. На пиру у Владимира добрый молодецъ расхвастался красотой своей жены. Тутъ выскочилъ изъ-за столика задняго Оедька насмѣшникъ и говоритъ: «Солнышко Владимиръ стольно-кіевскій! Я съ его хозяйкой три года живу, а про то никто не знаетъ». Говоритъ Владимиръ стально-кіевскій: «Когда ты съ его хозяйкою живешь три года, такъ принеси подлинный знакъ: монисты золотыя съ крестами». Оедька при содѣйствіи «сѣнной служаночки», на которой общается жениться, достаетъ монисты. Разгнѣванный молодецъ продаетъ свою обвиненную въ невѣрности жену заморскимъ купцамъ. Пріѣзжаетъ она съ ними въ Португальское царство. «А тамъ король преставился. И стали тамошніе люди избирать короля: у кого въ царскихъ вратахъ, противъ Преображенія Христова, загорится свѣча, золотомъ повитая, тотъ король. И стали ходить князья-бояра думные, воеводы, и стали ходить купцы изъ своего града: ни у кого

ликій, бывший до избранія въ цари кучеромъ (Сборн. матеріаловъ для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, вып. X, стр. 47).

¹⁾ Труды 3-го археологическаго съѣзда, I, 337—338, (въ ст. *Аристова*: Русскія народныя преданія объ историч. лицахъ и событіяхъ).

не загорѣлась свѣча, золотомъ повитая. И стали ходить кушцы стран-
ные. Пошла и жена дворянина безчастнаго молодца, подрѣзала во-
лосы по мужески, одѣвала мужеское платье, и пошла къ царскимъ
вратамъ: у ней загорѣлась свѣча, золотомъ повитая. И всѣ люди
взрадовалися, все ей крестъ цѣловали и королемъ нарекали». Позже
жена молодца, ставшая королею, побывала въ Кіевѣ, отыскала здѣсь
мать и мужа. Дѣло разъяснилось. Оедька наслѣдникъ казнень. «По-
слѣ того король и королева погостили у князя Владиміра и поѣ-
хали домой» ¹⁾).

Въ указанномъ выше вариантѣ вмѣсто безчастнаго молодца вы-
ступаетъ Василій царевичъ, прозванный несчастнымъ потому, что
«ни въ чемъ ему счастья не было»; вмѣсто Владиміра царь Иванъ.
живущій «въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ»; Ое-
дора наслѣдника замѣняетъ Алеша Поповичъ. Старуха покрови-
тельствуеетъ Василью, а потомъ она же помогаетъ Алешѣ достать у
Елены кольцо, которое должно было служить доказательствомъ мни-
мой невѣрности. Обстоятельства выбора царя сходны съ рассказомъ
побывальщины ²⁾).

3) Сказка о милосердомъ бѣднякѣ.—Бѣднякъ этотъ дѣлился съ
нищими послѣднимъ кускомъ и за то награжденъ былъ подъ ста-
рость богатствомъ и почетомъ. Нужда заставила его покинуть ро-
дину. Старикъ, его жена и двое дѣтей разбрелись въ разные сто-
роны. Бѣднякъ нашелъ себѣ пріютъ въ чужой землѣ у доброй
старушки. «Пашоу старикъ па горыду съ сумкый, насабирау торбу
хлѣба и денежку. Ипять къ старухи на нычъ. Три раза хадіу ста-
рикъ и сабрау три денежки. Помиръ царь. Дѣланца публикація у
двинацатымъ часу ибъ царю, штоба усякій имѣу свячу: чія свича
загаритца, тѣй и будитъ царемъ. За гаспадами, за купцами, за ни-
шю братію у церкви праходу не была. Старикъ самъ сабѣ думантъ:
Паду и я, стану у вуглушку съ сумучкый. Стау сабѣ и іонъ со
свячой. Якъ запѣли хирувимы, ни у каво ни загаритца свича; за-
пѣли тожа—ни у кова; у утретій якъ запѣли,—агу, нырхъ свича
у старика и запалилась. Подхватили старика подъ пахи и сдѣлали
царемъ». Старушка, пріютившая у себя бѣдняка, оказывается его
женой. Позже возвращаются къ нимъ и дѣти ³⁾).

¹⁾ Пѣсни, собр. *Рыбниковымъ*, II, № 51, стр. 274.

²⁾ *Аванасыевъ*, Сказки, изд. 2, № 179. Разборъ этой побывальщины см. въ
Южнор. был. *Веселовскаю*, вып. II, гл. XI. Ср. его же „Мелкія замѣтки къ бы-
ллинамъ“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1885, декабрь).

³⁾ *Добровольскій*, Смоленскій этнографич. сборникъ, ч. I, стр. 530—532

4) Сказка объ уткѣ съ золотыми яйцами. Бѣдняку достается утка, несущая золотыя яйца. Жена разбогатѣвшаго заводитъ знакомство съ какимъ-то молодцомъ. Любовникъ нашель подъ крыломъ утки подпись: «ежели кто эту уточку съѣсть, тотъ царемъ будетъ». По его требованію утка зарѣзана и поставлена въ печь. Пришелъ домой сынъ хозяина, заглянулъ въ печь, нашель тамъ жареную утку и съѣлъ. Узналъ объ этомъ отецъ, побилъ жену, а сына выгналъ изъ дому. «Малой Иванушка пошелъ путемъ-дорогою и шелъ, куда и самъ не знаетъ, а туда, куда глаза глядятъ; шелъ десять дней и десять ночей и пришелъ къ нѣкому государству. И когда пошелъ во градскія ворота, увидѣлъ великое множество народу; и тотъ народъ думалъ думушку крѣпкую и такую думу, что царь ихъ умеръ, а они не знали, кого царемъ выбрать, и уговорились между собою такъ: который человекъ прежде придетъ къ нимъ въ градскія ворота, то того и царемъ сдѣлать надъ собою. И какъ на ту пору Иванушка пришелъ во градскія ворота, тогда весь народъ закричалъ: «вотъ идетъ нашъ царь!» и старѣйшины подхватили Иванушку подъ руки, и повели въ царскіе чертоги и облекли его въ царскія ризы и посадили на царской престолъ, и начали всѣ ему кланяться, яко истинному царю своему, и спрашивали отъ него разныхъ приказовъ. Тогда Иванушка подумалъ, что онъ царемъ себя во снѣ видитъ, а не на яву; однако опомнился и увидѣлъ себя настоящимъ царемъ, возрадовался всѣмъ сердцемъ и началъ повелѣвать народомъ и учредилъ многихъ чиновныхъ людей».

Въ вариантѣ этой сказки упоминаются два брата: одинъ съѣлъ голову утки и сталъ царемъ, другой—сердце и сталъ богачемъ. Сказка заканчивается свиданіемъ родныхъ. послѣ котораго «старшій братъ взялъ отца въ свое царство жить, меньшей поѣхалъ невѣсту некать, а мать одное покинули». Выборъ царя передается

(„Ибъ Ивани Миласернымъ“).—Въ томъ же сборникѣ находимъ еще другую сказку, въ которой повторяется тоже чудо самозагорѣвшейся свѣчи. „Иванъ Ивановичъ, купеческій сынъ, спасаетъ атъ паруганія вобразъ Никола Чудатворца. Съ помыщу Никола Чудатворца ѣдитъ у Ваксонскій градъ на бломакъ старыга атпоўскага корабля. Никола Чудатвориць даеъ ему савѣтъ, якъ стяречь гробъ ваўшебницы, царскыи дачири. Съ помыщу Никола Чудатворца И. И. алишю ваўшебницу алей силы и жаніўся зъ ею. Жонка И. И. пирядиватца и дѣлаитца царимъ па Божьму суду: яе свича сама собою загаряитца“. (I, стр. 546—554). Какъ видно и изъ этого краткаго изложенія, сказка представляетъ соединеніе побывальщины о безчастномъ молодцѣ съ легендой о чудѣ Св. Николая (Ср. *Аничковъ*, Никола угодникъ и Св. Николай, стр. 28—31 въ Запискахъ нео-филологич. общества, вып. II, № 2).

такъ: «Большій братъ ...шелъ, шелъ и пришелъ въ иное царство; попросился къ старушкѣ ночь ночевать, переночевалъ, всталъ поутру, умылся, одѣлся, Богу помолился. А въ томъ государствѣ померъ тогда царь, и собираются всѣ люди въ церковь со свѣчами: у кого прежде свѣча сама собою загорится, тотъ царь будетъ. «Поди и ты, дитятко, въ церковь, говоритъ ему старушка,—можетъ, у тебя свѣча прежде всѣхъ загорится». Дала ему свѣчу, онъ и пошелъ въ церковь; только что входитъ туда, у него свѣча и загорѣлась; другимъ князьямъ да боярамъ завидно стало, начали огонь тушить, самого мальчика вонь гнать. А царица сидитъ высоко на тронѣ и говоритъ: «не троньте его! худъ ли, хорошъ ли—видно судьба моя!» Подхватили этого мальчика подъ руки, привели къ ней; она сдѣлала ему во лбу печать своимъ золотымъ перстнемъ. приняла его во дворецъ къ себѣ, выростила, объявила царемъ и вышла за него замужъ» ¹⁾).

5) Сказка о мудромъ мальчикѣ, извѣстная въ нѣсколькихъ пересказахъ. Въ нѣкоторые изъ этихъ пересказовъ внесена картина избранія царя «по знаменію» ²⁾).

а) Пересказъ, сообщенный г. Радловымъ въ его *Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens* ³⁾). Жилъ былъ старикъ со старухой. Родился у нихъ сынъ. Когда мальчикъ подросъ, родители отдали его въ ученіе. Черезъ три года отецъ, по просьбѣ сына, пришелъ за нимъ и оба отправились въ путь. Когда они проходили лѣсомъ, отецъ, желая испытать мудрость сына, спрашиваетъ его, что говорятъ птицы. Сынъ прислушивается, понимаетъ рѣчь птицъ, но отказывается ее передать. По настоятельному требованію отца, сынъ заявляетъ потомъ, что птицы говорили ему, какъ онъ

¹⁾ *Авантюръ*, Сказки, изд. 2, № 114, 115. *Худяковъ*, Великор. сказки, вып. 3, № 119. Народн. сказки, изд. *Эрленгейма*, № 10, стр. 46—47). Ср. еще въ послѣднемъ сборникѣ сказки № 19, гдѣ дѣйствующими лицами выступаютъ Буръ-Храберъ, Иванъ Царевичъ и Дмитрій Царевичъ. «Пли-шли они, стоитъ набушка, Иванъ царевичъ говоритъ: братья, давайте, у кого набушка отворится, свѣча затеплится, тотъ намъ будетъ большой братъ. Иванъ царевичъ бился бился, набушка не отворилась, свѣчи не затеплились, и Дмитрій царевичъ—также. Буръ-Храберъ сказалъ слово: тотчасъ набушка отворилась и свѣчи затеплились. Иванъ царевичъ и говоритъ: вотъ будетъ намъ большой братъ» (стр. 93).

²⁾ Въ другомъ рядѣ вариантовъ этой сказки избраніе въ царя замѣняется женитьбой на царицѣ. См. ниже въ статьѣ: „Повѣсть объ Александрѣ и Людовикѣ и былина: Неразказанный сонъ“.

³⁾ *Der schriftkundige Sohn* (I B. № XIV, S. 208).

будетъ царемъ и устроить пирь; на этомъ пиру будетъ и отецъ, при чемъ ему придется попробовать отвратительнаго питья ¹⁾). Разгнѣванный отецъ убилъ сына; завернулъ трупъ въ лошадиную шкуру и бросилъ въ воду. Свертокъ былъ прибитъ къ берегу у какой-то деревни. Увидѣла этотъ свертокъ женщина и раскрыла; оттуда вышелъ юноша цѣль и невредимъ. Въ это время умеръ князь той страны. Дѣтей у него не было; поэтому жители стали выбирать себѣ князя. Устроили среди деревни ворота и поставили на нихъ двѣ свѣчи; рѣшено было, что княземъ будетъ тотъ, на кого упадутъ свѣчи. Знаменіе указало на чудесно спасеннаго юношу: когда онъ появился между столбами, свѣчи упали и загорѣлись ²⁾). Сбылось предсказаніе птицъ о сынѣ, сбылось и объ отцѣ.—Сказка оканчивалась примиреніемъ родителей съ сыномъ.

б) Бретонскіе пересказы ³⁾). Герой сказки — такой же необыкновенный мальчикъ, какъ и тотъ, о которомъ говорится въ сибирской сказкѣ. Въ дѣтствѣ онъ предсказываетъ свое величіе ⁴⁾); разгнѣванные родители замышляютъ погубить свое дитя, но счастливый случай спасаетъ его отъ гибели. Позже герой сказки, послѣ цѣлаго ряда приключеній, въ которыхъ успѣваетъ выказать свою необыкновенную прозорливость, попадаетъ въ Римъ, когда тамъ готовились къ выбору папы. Было постановлено избрать папу по знаменію самовозгорающейся свѣчи. Къ торжественной процессіи, въ которой шли кардиналы, епископы, священники, монахи, присоединился и захожій юноша. У него не было денегъ, чтобы купить свѣчу; онъ шелъ съ прутикомъ вмѣсто свѣчи. Чудо указало на него, какъ на

¹⁾ „Wenn ich dort (во дворцѣ) das Volk versammelt habe, so wirst du, Vater, meinen Urin trinken, so haben die Vögel gesprochen“. Позже, когда сынъ сталъ царемъ, это исполнилось: отецъ, напившись на пиру, ночью по ошибкѣ отвѣдалъ жидкости изъ грязнаго горшка.

²⁾ Zu jener Zeit war in jenem Lande kein Fürst, der Fürst war gestorben und hatte keinen Sohn. Seine Unterthanen nahmen zwei goldene Pfosten und befestigten auf ihrer Spitze zwei Kerzen. Diese beiden Pfosten stellten sie in der Mitte des Dorfes auf. Alles Volk musste zwischen diesen Pfosten hindurchspringen. An denjenigen Menschen, welcher ihr Fürst sein sollte, sollten die beiden Kerzen herabfallen. Alles Volk sprang hindurch, die beiden Kerzen fielen nicht herunter. Jetzt ging unser Jüngling zu den Pfosten, als er dort hinkam, fielen die beiden Kerzen auf seinen Nacken und brannten“.

³⁾ *Mélusine*, 1878, 300—308, 374—383.

⁴⁾ „Il viendra un jour où vous serez heureux de me verser de l'eau pour me laver les mains, et vous, ma mère, vous serez heureuse de me présenter une serviette pour les essuyer“.

избранника неба. Въ заключительной части сказки говорится о свиданіи папы съ родителями ¹⁾).

5) Преданіе о выборѣ іерусалимскаго короля. Когда святой городъ былъ взятъ крестоносцами, рѣшено было выбрать короля завоеванной страны изъ числа прибывшихъ вождей. Выборъ долженъ былъ опредѣлиться указаніемъ чуда: королемъ будетъ тотъ, у кого въ пасхальную утреню прежде другихъ загорится свѣча. Выбраннымъ оказался по однимъ пересказамъ Готфридъ Бульонскій, по другимъ— Робертъ, герцогъ Нормандскій ²⁾).

Самовозгараніе свѣчи при выборѣ властителя ³⁾ представляетъ только частное проявленіе чудеснаго знаменія, извѣстнаго и въ другихъ проявленіяхъ. Такъ, преданіе объ іерусалимскомъ королѣ соединяетъ избраніе царя съ чудомъ пасхальнаго огня, хорошо всѣмъ знакомымъ по описанію нашего древняго паломника. Свѣчи, которыя сами засвѣтились, извѣстны и народнымъ пѣснямъ ⁴⁾).

IV.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ повѣсти о Вавилонѣ вслѣдъ за рассказомъ о путешествіи пословъ царя Льва читается дополнительная замѣтка, связанная съ воспоминаніями о событіяхъ русской исторіи. «В то же время услыша князь Владимиръ Кіевскій, посла войны своя на Царьградъ. Царь же Василій, видѣвъ войны силныя Владимеровы подъ градомъ стояше, и убоися ихъ и посла къ великому князю Владимиру посла своего, а с нимъ посла дары великія и ту

¹⁾ Юноша, избранный въ папы, называется въ одномъ *Christic*, въ другомъ *Innocent*. Последнее имя указываетъ, кажется, на воспоминаніе о папѣ Иннокентіи III, о которомъ рассказывали, что избраніе его возвѣщено было знаменіемъ,—появленіемъ благаго голубя (*Grimm Märchen*, III, 63—64).

²⁾ *Isländische Legenden, Novellen und Märchen hrsg. v. H. Gering*, II, № XVII, S. 47, 53—56, 394.

³⁾ Кромѣ кипѣня масла, назначеннаго для царскаго помазанія, чудеснаго заживанія свѣчей, упоминаются при подобныхъ же обстоятельствахъ еще иныя знаменія: опусканіе вѣнца на голову избранника божества (рассказъ о вѣнцѣ, опустившемся на голову Александра Македонскаго въ Египтѣ), чудесный колокольный звонъ (сказка изъ сборника *Wobster'a*, указанная *R. Köhler'омъ* въ *Mélusine*, 1878, 385). Чудесное заключается здѣсь въ необычайномъ проявленіи такихъ дѣйствій, которыя совершались обыкновенно при поставленіи правителей (покрываніе головы вѣнцомъ, звонъ); то же нужно сказать и о заживаніи огнемъ (Ср. *Grimm*, *D. Mythologie*, 4 Ausg. I, 524; III, 178).

⁴⁾ *Потѣбля*, Обзоръ поэтич. мотивовъ колядокъ и щедровокъ, 757—761.

сердоликову крабицу со всѣмъ, что в ней: виссонъ царскій, і порфира, і шапка манамахова, і скипетръ царскій. Князь же Владимиръ радостенъ бысть, прія такія честныя дары отъ царя Василія, и не повоева Царяграда и отступи отъ него; и отъ того часа прослы великіи князь Владимиръ Киевскій Мономахъ; і до сего дни во всей Россіи вѣнчашася цари московскія в нынѣшнемъ вѣцѣ виссомъ і пореирою царскою и шапкою мономаховою і до сего дни» ¹⁾).

Эта замѣтка возвращаетъ насъ къ тѣмъ литературнымъ фактамъ, которыхъ мы коснулись въ первой главѣ. Правда, сказка о Бормѣ упоминаетъ о царѣ Иванѣ, а приведенная замѣтка называетъ иное, болѣе древнее имя, но и въ сказкахъ, и въ замѣткѣ обнаруживается воздѣйствіе историко-литературной аналогіи, приводившей къ соединенію завожихъ сказаній о Вавилонѣ съ русскими историческими преданіями.

Соединеніе это выражается, впрочемъ, не одинаково: каждый изъ указанныхъ памятниковъ представляетъ въ этомъ отношеніи своеобразныя черты. Самарская сказка о Бормѣ сложилась путемъ простаго перенесенія на русскаго царя Ивана того, что въ книжной повѣсти рассказывается объ императорѣ византійскомъ Левѣ. Въ легендѣ о Бормѣ начало разсказа, его завязка удерживаются на византійской почвѣ; конецъ, развязка переносятся на Русь, приурочиваясь къ опредѣленному историческому событію (завоеваніе Казани). Что касается замѣтки о Владимірѣ, то она имѣетъ видъ отдѣльнаго разсказа, содержаніе котораго не представляетъ никакого сходства съ повѣстью о Вавилонѣ. Императоръ Левъ шлетъ въ Вавилонъ пословъ; этимъ посламъ не грозитъ опасность вступить въ борьбу съ вооруженной силой; имъ приходится пройти черезъ опас-

¹⁾ Погод. рукоп. № 1603, л. 345. См. Описаніе рукоп. сборниковъ Публ. библиот. А. О. Бычкова, № LVII, стр. 270—278. Въ текстѣ, наданномъ проф. *Тихомировымъ* (по рукоп. гр. Уварова и г. Забѣлина), приписка о князѣ Владимірѣ изложена такъ: „Въ то же время, услышавъ князь Владиміръ Киевскій и посла воя сильныя владимірова; и убоися ихъ и посла царь Василій къ великому князю Владимиру посла своего (съ миромъ), и съ нимъ посла дары великіе и ту сердоликову крабицу со онимъ всѣмъ виссомъ царскимъ, и отъ того часа прослыша великіи князь Владимиръ Киевскій Мономахова, иже есть взятіи отъ Вавилона. И донныѣ та шапка манамахова въ русскомъ государствѣ, въ богохранимомъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, у великихъ государей, царей великихъ князей Иоанна Алексіевича, Петра Алексіевича всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержцевъ“ (Лѣтоп. р. лѣтер. и древн. т. 1, отд. III, стр. 165).

ности особаго рода, при чемъ ихъ выручаетъ лишь высшая помощь. Нашъ Владиміръ идетъ на Царьградъ съ войскомъ; греческій царь, чтобы отвратить бѣду, шлетъ Владиміру дары. Эти дары напомнили старо-русскому писателю о чудесныхъ вещахъ, добытыхъ императоромъ Львомъ ¹⁾, и онъ поспѣшилъ присоединить русскій рассказъ къ переводной повѣсти, но отдѣльность рассказа и повѣсти совершенно ясно выступаетъ и въ этомъ соединеніи.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что рядомъ съ преданіемъ о походѣ Владиміра на Царьградъ могъ существовать рассказъ и о посольствѣ отъ Владиміра въ Вавилонъ,—рассказъ сходный по содержанию со сказкой о Борнѣ. Я имѣю при этомъ въ виду извѣстіе позднихъ лѣтописныхъ сводовъ о гостяхъ, отправленныхъ Владиміромъ на востокъ: «Того же лѣта (1001) посла Володимеръ гостей своихъ, аки въ послѣхъ, въ Римъ, а другихъ во Іерусалимъ, и въ Египеть и въ Вавилонъ съглядати земель ихъ и обычаевъ ихъ» ²⁾. Если это упоминаніе о Вавилонѣ въ самомъ дѣлѣ намекаетъ на существованіе русскаго преданія, аналогичнаго съ сказаніемъ о послахъ императора Льва, то придется допустить, что сказка о Борнѣ могла образоваться путемъ вторичнаго переноса: рассказъ о Левѣ былъ усвоенъ

¹⁾ Имя императора Льва служило, какъ извѣстно, эпическимъ центромъ цѣлой группы преданій, аналогичныхъ большею частью съ тѣми рассказами, которые соединялись въ средніе вѣка на Западѣ съ именемъ Вергилія. Въ путешествіи нашего дьякона Зосимы упоминается о жабѣ, которая при царѣ Левѣ Премудромъ „по улицамъ ходя, сметіе жерла“, (*Сказаніе о Путеш. русскихъ людей*, ч. II, стр. 40). Рассказъ объ этой жабѣ и нѣкоторыя другія преданія о царѣ Левѣ занесены въ хронику Дороева, митрополита Монеивасійскаго (*Liebrecht Zur Volkskunde*, 85—87. Есть русскій переводъ Дороевской хроники: см. *Востокъ*, Описаніе рукоп. Румянц. музея, № ХСVІІ, стр. 167—168; *Викторъ*, Каталогъ рукоп. Пискарева, № 170, стр. 43). Въ „Римскихъ Дѣяніяхъ“ помѣщенъ рассказъ о необыкновенныхъ статуяхъ, устроенныхъ Львомъ (*Gesta Romanorum*, изд. Н. Oesterley-я, гл. 8, стр. 282—283, 714: *Leo regnavit* и т. д.). Въ космографіи Бѣльскаго пересказано преданіе, записанное еще Лютпрандомъ: цесарь Леонъ философъ ходилъ ночью переодѣтый осматривать стражу; первый отрядъ поддался на подкупъ, второй—также, третій отрядъ схватилъ мнимаго бродягу; утромъ царь открылся: третій отрядъ получилъ награду, первый и второй—наказаніе (рукоп. Публ. библ. F. IV, 162, л. 410—411). Любопытно, что нѣкоторыя преданія, связанные съ именемъ Льва, приурочивались у насъ къ Киеву. Таково преданіе о чудесномъ зеркалѣ, записанное Лассотой (*Дневникъ Лассоты*, пер. Бруна, стр. 18. Ср. *Терновскій*; *Изученіе Византіи*. I, 108—109; *Веселовскій*, Мелкія замѣтки къ былиннамъ, II: „Нерушимая стѣна и волшебное зеркало въ Киево-Софійскомъ соборѣ“ въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1885, декабрь, 186).

²⁾ Полное собр. р. лѣтоп. 1X, 68 (Никон. лѣт.).—Ср. Степен. книга, 1. 170.

Владимиру; усвоенное Владимиру перенесено на Ивана. Но возможность или вѣроятность существованія повѣсти о посольствѣ отъ Владимира въ Вавилонъ можетъ служить только новымъ доказательствомъ самостоятельнаго значенія той замѣтки, которую находимъ въ концѣ повѣсти о Вавилонѣ. Преданіе о «гостяхъ» должно было рассказывать совѣмъ не то, что передается въ замѣткѣ. Оба сказанія могли существовать рядомъ, какъ произведенія, независимыя одно отъ другаго и не похожія одно на другое.

Слабо, даже нѣсколько случайно связанная съ повѣстью о Вавилонѣ, замѣтка о драгоцѣнностяхъ, добытыхъ Владимиромъ, не стоитъ одиноко въ ряду сказаній «Владимірова цикла». Кромѣ упомянутой замѣтки, можно указать три разсказа, въ которыхъ идетъ рѣчь о томъ, какъ русскому князю Владимиру удастся добыть царскій вѣнецъ, бармы и т. п.

I. Разсказъ о Константиѣ Мономахѣ, царѣ греческомъ, и о русскомъ князѣ Владимірѣ Всеволодовичѣ Мономахѣ. Владиміръ задумываетъ идти на Царьградъ по примѣру своихъ предшественниковъ. Русскія дружины, послѣ удачнаго набѣга на греческія владѣнія, съ богатой добычей возвращаются въ Кіевъ. Константинъ шлетъ къ Владимиру пословъ, которые должны были передать князю царскіе дары: крестъ, вѣнецъ и другія драгоцѣнности. Владиміръ принялъ дары и былъ съ тѣхъ поръ въ мирѣ и любви съ царемъ Константиномъ Мономахомъ.

Это преданіе извѣстно въ нѣсколькихъ пересказахъ, совершенно сходныхъ въ существенныхъ чертахъ. Разница пересказовъ сводится къ тому, излагается ли преданіе отдѣльно, или въ связи съ извѣстіями и разсказами совершенно инаго содержанія.

A. *Посланіе о Мономаховомъ вѣницѣ Спиридона-Савы*, современника великаго князя Василья Ивановича ¹⁾. Посланіе открывается бѣглыми, отрывочными историческими припоминаніями, восходящими до временъ Ноя. За разсказомъ о раздѣленіи земли между потомками Сима, Хама и Иафета, слѣдуетъ перечень великихъ владетельцевъ: называются имена Сеостра и Филікса, царей египетскихъ, Александра Македонскаго, Юлія Цезаря. По смерти Юлія братъ его Августъ, находившійся съ войсками въ Египтѣ, провозглашенъ былъ властителемъ вселенной; его облекли въ одежду царя

¹⁾ Первое сообщеніе о посланіи Спиридона-Саввы находимъ въ „Описаніи рукоп. сборниковъ Публ. библиот.“ А. О. Бычкова, I, стр. 58—59 (Рукоп. Древлехр. Погодина № 1567, изъ собранія Строева, л. 95—106). Помѣщая ниже (прилож. IV) полный текстъ Спиридонова посланія.

Сеостра, на голову возложили митру Пера царя Индѣйскаго, принесенную Александромъ Македонскимъ, плечи покрыли «окрайницею» царя Филикса; кромѣ того, Августъ увѣнчанъ былъ «вѣнцемъ Римскаго царства». Ставши верховнымъ властодержцемъ, Августъ «начать рядъ покладати на вселенную: постави брата своего Патрекія царя Египту, и Августалія брата своего Александрѣи властодержца постави, и Киринѣи Сирии властодержца положи, и Ирода же Антипатрова отъ Аманитѣи... постави царя еврейска во Ерусалимѣ; Аспю всю поручи Евлагерду сроднику своему, и Илирика брата же своего постави в повершии Истра, и Пиона постави в Затопехъ златыхъ, иже нынѣ наричутся Угрове, а Пруса въ брезехъ Вислы рѣки, во градѣ глаголемыи Мамборокъ, и Турокъ и Хвойница и преславный Гданескъ и иныхъ многихъ градовъ по рѣку глаголемую Нѣмокъ, впадшую въ море». По имени этого Пруса «зывается Пруская земля». Слѣдуетъ затѣмъ разсказъ о призваніи русскихъ князей. По совѣту Гостомысла, новгородцы отправились «въ Прускую землю и обрѣтоша тамо нѣкоего князя, именемъ Рюрика, суца отъ рода римска цесаря Августа». По приглашенію русскихъ пословъ Рюрикъ, вмѣстѣ съ братьями Синеусомъ и Труворомъ, прибылъ въ Новгородскую землю. «Отъ великаго князя Рюрика четвертое колѣно—князь великій Володимѣрь, просвѣтивый землю рускую святымъ крещеніемъ,... и отъ него четвертое колѣно—князь великій Володимѣрь Всеволодичъ».

Такова первая, вступительная часть Спиридонова посланія. Во второй части читается разсказъ объ отношеніяхъ Владиміра Всеволодовича къ греческому царю Константину. Владиміръ держитъ совѣтъ съ своими князьями и боярами: «Егда азъ есмь юнѣишии, говоритъ онъ, прже мене державствовавшихъ и хорогови правящихъ скипетра великія Росія, яко той князь великій Олегъ ходилъ и взять съ Константинополя, съ Новаго Рима, по главамъ дань и здравъ возвратися во свояси; и потомъ князь великій Святославъ Игоревичъ, пореколь имый Лехкіи, и иде въ ладіяхъ на двою тысящъ и седмью сотъ и взять на Константиновѣ градѣ тяжчайшую дань и возвратися во свое отечество, Кіевскую область, и скончаваетъ житіе; а мы есмь наслѣдницы прародителей своихъ и отца моего Всеволода Ярославича и наслѣдницы тояже чести отъ Бога, и совѣта ишу отъ васъ, моя полаты, князи, и бояре, и воеводы и всего подъ вами христіюлюбиваго воинства,... кій ми совѣтъ воздаваете?» Отвѣчали князю Владиміру князи, и бояре, и воеводы: «мы—въ твоей волѣ, государь». Собралъ тогда Владиміръ многія

тысячи войнства и, поставивъ надъ нимъ искусныхъ воєводъ, тысячникъ, сотникъ, пятидесятникъ, отправилъ во Фракію. Дружины русскія «пѣлѣнша ю довольно и возвратишася со многимъ богатствомъ во здравіи мнозѣ во свояси».

Разсказъ прерывается извѣстіемъ о папѣ Формозѣ, впадшемъ въ ересь (flіoqne). Царь Константинъ Мономахъ, по совѣту патріарха Керуларія, созываетъ церковный соборъ, на которомъ рѣшено было удалить «папину имя изъ паралипомена церковныхъ престолъ». Послѣ этого отступленія авторъ снова возвращается къ отношеніямъ Руси и Византіи.

Царь Константинъ Мономахъ отправилъ къ Киевскому князю послъ: Неофита, митрополита ефесскаго, двухъ епископовъ, Августиа александрійскаго и игемона іерусалимскаго Евстафія. Послы принесли дары: крестъ «отъ самого животворящаго древа, на немъ же распяты владыка Христосъ», вѣнецъ царскій, «крабицу сердоликову, изъ нея же Августъ кесарь весолишеса», ожерелье, «иже на плещу своею ношаше», золотую кадильницу (кацыю), и иные многіе дары. Вѣнецъ царскій назначался для коронованія Владимира, которое долженъ былъ совершить ефесскій митрополитъ. «И отъ того времени князь великій Володимерь Всеволодичъ нареченъ Мономахъ и царь великія Росія, и отъ того часа тѣмъ вѣнцемъ царскимъ, что присла великій царь греческій Константинъ Мономахъ, вѣнчаются вси великіе князи Володимерскіе, егда ставятся на великое княженіе русское».

Авторъ посланія называетъ себя двойнымъ именемъ: «Спиридонъ рекомый, Сава глаголемый». Кто же именно былъ этотъ Спиридонъ Сава? Изъ самаго памятника мы узнаемъ, что авторъ былъ лице духовное, носилъ священный санъ, повидимому епископскій. Спиридонъ пишетъ: «сынови смиренія нашего радоватися, аще ти въ потребу молитва нашего смиренія»; такія обращенія встрѣчаются обыкновенно въ епископскихъ посланіяхъ. Авторъ жилъ въ какомъ-то монастырѣ: «слышаніе мое, еже потребовалъ еси отъ насъ своимъ писаніемъ и нашими чернѣи»... Изъ заключительной части посланія узнаемъ, что оно писано въ княженіе Василя Ивановича и при томъ не позже 1523 г. ¹⁾; авторъ былъ «старостію одержимъ мно-

¹⁾ Въ концѣ посланія читаемъ: «якоже и сие волный и самодержаць царь великія Росія Василей Ивановичъ, второй надесять по колѣну отъ великаго князя Володимера Манамаха, а отъ великаго князя Рюрика 25 колѣно, и братья его Ивановичи и Андрѣевичи». Ивановичи — родныя братья Василя: Андрей († 1537), Георгій († 1536), Симеонъ († 1518), Димитрій († 1521). Андреевичи—

гою», имѣя отъ роду лѣтъ «девятнадцать и едино». Кто-то настойчиво просилъ Спиридона сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія «отъ историкѣи»; какъ видно, авторъ посланія былъ человѣкъ, извѣстный своими познаніями, своей начитанностью.

Соображеніе всѣхъ этихъ данныхъ позволяетъ съ достаточной вѣроятностью указать, кто именно былъ авторомъ посланія о Мономаховомъ вѣнцѣ. Это—Спиридонъ, бывший нѣкоторое время митрополитомъ кievскимъ (1476—1477), а потомъ доживавшій вѣкъ въ Ферапонтовомъ монастырѣ ¹⁾. Онъ извѣстенъ, какъ авторъ «Изложения о православной вѣрѣ» ²⁾ и житія свв. Зосимы и Савватія Соловецкихъ. О времени составленія житій узнаемъ изъ приписки самого Спиридона: «списашася житія сія въ лѣто 7011 (1503) митрополитомъ Спиридономъ, поточену ми бывшу тогда въ странахъ Бѣла сзера, въ монастыри пречистыя Богородица въ Ферапонтовѣ». Игуменъ Соловецкій Досифей, по просьбѣ котораго работалъ митрополитъ, говоритъ о немъ «такъ: бывшу ми на Бѣлѣ езерѣ, въ Ферапонтовѣ монастырѣ, и понудихъ тамо пребывающаго бывшаго митрополита Спиридона преписати и изложити стройно житіе начальниковъ Соловецкихъ... бѣ бо онъ тому мудръ добръ, умѣя писанія ветхая и новая. И Божіимъ изволеніемъ не отречеся и написа въ общую пользу хотящихъ ревновати сихъ преподобныхъ житію» ³⁾. Другой современникъ Спиридона, извѣстный новгородскій архіепископъ Геннадій, отзывался о бывшемъ митрополитѣ такъ: «сеи че-

двоюродные Васильевы братья, дѣти Андрея Васильевича: Иванъ и Дмитрій; первый изъ нихъ, постригшійся въ монахи подъ именемъ Игнатія, умеръ въ 1523 году (*Барсуковъ*, Источники русской агиографіи, 206—207; Игнатій причисленъ къ святымъ; есть и „житіе“ его); другой братъ Дмитрій пережилъ Василія (*Карамзинъ*, И. Р. Г., VIII, 37). Спиридонъ писалъ, когда живы были оба Андреевича, то-есть, до 1523 года. Любопытно, что въ посланіи не упомянуты другіе двоюродные братья Василія—Борисовичи, сыновья Бориса Васильевича: Иванъ, умершій въ 1503 г. (Никон. лѣт. VI, 170), и Федоръ, умершій въ 1513 г. (*ibid.* 194). Не указываетъ ли это на то, что посланіе Спиридона явилось уже послѣ смерти этихъ князей, то-есть, послѣ 1513 г.?

¹⁾ Сводъ извѣстій о митрополитѣ Спиридонѣ см. въ Исторіи русской церкви пр. *Макарія*, т. IX (1879), стр. 63—68. Ср. *Строевъ*, Списки іерарховъ, отд. 35; *Яхонтовъ*, Житія сѣверно-русскихъ подвижниковъ, 17—32; *Ключевскій*, Житія, 200—201; *Филаретъ*, Обзоръ русск. духовн. литературы, § 113; *Евгений*, Словарь духовныхъ писателей, II, 230.

²⁾ Ср. (*Смирновъ*) Описаніе рукописныхъ сборниковъ Новг. Соф. библиотеки, № 1451, л. 243 (Лѣтопись занятій археографической комиссіи, вып. 3, III, стр. 24—25).

³⁾ *Православный Собесѣдникъ*, 1859, ч. II, стр. 219, 221.

ловѣкъ бѣаше столпъ церковный» ¹⁾. Эти извѣстія о митрополитѣ Спиридонѣ вполне совпадаютъ съ тѣмъ, что мы знаемъ объ авторѣ посланія. Извѣстность Спиридона, какъ человѣка, знавшаго «писанія ветхая и новая», объясняетъ, почему тотъ, кто желалъ имѣть свѣдѣнія о родѣ русскихъ князей, обратился именно въ бывшему кievскому митрополиту. Двойное имя автора посланія указываетъ, вѣроятно, на то, что Спиридонъ принялъ въ это время «схиму», при чемъ постригаемый мѣняетъ имя.

Былъ ли Спиридонъ первымъ писателемъ повѣсти о родѣ русскихъ князей и о Мономаховомъ вѣнцѣ, или онъ только пересказалъ болѣе раннее произведеніе,—отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ только послѣ ознакомленія съ другими пересказами изучаемаго нами преданія.

Б. *Сказаніе о великихъ князехъ Владимірскихъ* ²⁾. Содержаніе и изложеніе сказанія представляетъ ближайшее, большею частью дословное сходство съ посланіемъ Спиридона. Это сходство открывается съ первой же строки сказанія: «отъ исторіи Ханаонова и предѣла рекома Арфаксадова» и т. д. Эти же слова читаются въ началѣ Спиридонова посланія. Послѣ вступительнаго разсказа (отъ Ноя до Пруса) слѣдуетъ, какъ и у Спиридона, извѣстіе о походѣ Владиміровыхъ дружинъ во Фракію и о дарахъ царя Константина. Замѣтка о Формозѣ, изложенная нѣсколько иначе, чѣмъ въ посланіи, помѣщается въ концѣ памятника. Нѣкоторыя разнорѣчія посланія и сказанія будутъ указаны ниже.

В. *Родословіе великихъ князей русскихъ*. Памятникъ этотъ извѣстенъ въ пересказахъ, сходныхъ въ основѣ, различныхъ по передачѣ или опущенію нѣкоторыхъ подробностей. Укажемъ нѣкоторые изъ этихъ пересказовъ:

а) Родословная книга начала XVII столѣтія, времени царя Василия Шуйскаго ³⁾. Здѣсь, какъ и въ сказаніи о князехъ Владимірскихъ, находимъ повтореніе того же вступительнаго разсказа

¹⁾ Макарій, I. с.

²⁾ Сказаніе о князехъ Владимірскихъ извѣстно мнѣ по рукописямъ Публичн. Библиотеки: О. IV, № 21 (=Толст. III, 68), л. 350 и сл.; Ф. IV, № 238, л. 450 и сл.; Погод. древлекр. № 1522, л. 1 и д.; № 1572, л. 115 и сл.; № 1604, л. 525 и д.; Румянц. музея № 459, л. 525 и сл.

³⁾ Издана по рукописи Московской синод. библиотеки № 860 въ *Временникъ Общества Ист. и Древн. Росс.*, кн. X (1851), отд. II, стр. 1—130. Ср. рукописи Публичн. библиотеки Ф. IV, 207 (=Толст. I, 66), Ф. IV, 117 (=Толст. I, 300); Описаніе рукоп. археограф. комиссіи, стр. 5—6 (Лѣтопись занятій археограф. комиссіи, I, отд. III).

(«Отъ исторіи ханаановы, отъ предѣла Арфаксадова»), который извѣстенъ намъ по посланію Спиридона. Отличіе родословной заключается въ присоединеніи къ вступительному разсказу (о знаменитыхъ властодержцахъ до Августа и Пруса) краткихъ извѣстій о великихъ князьяхъ, преемственно занимавшихъ столь кievскій, владимірскій, московскій при чемъ сообщаются по мѣстамъ свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, при которыхъ вступилъ на великое княженіе тотъ или другой князь, объ отношеніяхъ великаго князя къ удѣльнымъ, о княжескихъ усобицахъ и т. п. Этотъ отдѣлъ, имѣющій видъ краткой лѣтописи, обрывается въ рассматриваемой родословной на 7106 (1598) г., на извѣстии о смерти Федора Ивановича. О Владимірѣ Мономахѣ замѣчено только, что въ лѣто 6622 (1114) онъ «сяде въ Кіевѣ», хотя редактору родословной и извѣстно было сказаніе о византійскихъ дарахъ. Вслѣдъ за краткой лѣтописью помѣщено «Родословіе великихъ князей російскаго государства по степенемъ, написано въ перечень въкратцѣ» (нач.: «Прінде на Русь въ великій Новгородъ изъ Прускіе земли княжить князь великій Рюрикъ I...»). Въ этой статьѣ о Владимірѣ Мономахѣ замѣчено: «князь великій Владимиръ Мономахъ 7, сей взятъ у греческаго царя Костянтина у Манамаха царскій вѣнецъ и скипетръ» ¹⁾.

б) Родословная книга времени цари Ивана Васильевича ²⁾. Вступительная часть («отъ исторіи Ханаановы») опущена. Лѣтопись великихъ князей начинается Рюрикомъ. («Въ лѣто 6370 сѣде на великомъ Новѣгородѣ первой князь великой Рюрикъ»), оканчивается царемъ Иваномъ Васильевичемъ («Въ лѣто 7042 сяде на государствѣ князь великій Иванъ Васильевичъ...»). Подъ 6621 (1113) г. помѣщенъ разсказъ о византійскихъ дарахъ, присланныхъ Владиміру Мономаху,—разсказъ совершенно сходный съ посланіемъ Спиридона и сказаніемъ о князехъ Владимірскихъ: «князь великій Володимерь Всеволодовичъ Мономахъ... началъ совѣтъ творити со князьми своими: «Еда азъ есмь малъ, рече, преже мене царствовавшихъ и хоругви правящихъ скипетра великія Росіи» и т. д. Замѣтки о Формозѣ нѣтъ.

с) Magni Moscoviae ducis genealogiae brevis epitome ex ipsorum manuscriptis annalibus excerpta ³⁾, переводъ родословія, принадле-

¹⁾ *Временникъ*, X, отд. II, стр. 24.

²⁾ *Ibid.* 204—266 (по рукоп. Московск. архива минист. иностр. дѣлъ). О царскомъ родословцѣ времени Ивана Грознаго см. въ сочиненіи г. *Лизачева*. Разрядные дѣяніи XVI вѣка, 405—414.

³⁾ *Regum moscoviticarum auctores varii. Francof. 1600.* Переводъ генеалогіи появился въ 1576 г.

жациѣ XVI вѣку. Въ началѣ читается извѣстiе объ Августѣ и Прусѣ: «Augusto (sit fides penes legentem) aliquot fuere vel fratres, vel agnati, qui provinciis quibusdam praefecti fuere. Ex hisce Prussus ad mare Balthicum et Vistulam fluvium celebrem consedit, Prussiaeque nomen dedit. Hujus nepotes ab ipso quarto gradu distantes fuere Rureck, Sinaus et Truvor». Далѣе о Владимірѣ Мономахѣ: «Hujus posterioris (Всеволода) filius Wladimirus Kyoviae ad Boristhenem urbe avita, consedit et post varias concertationes cum agnatis, cum omnes provincias sibi vicissim subiecisset, μονόμαχος dictus est. Hic, libet enim ea referre, quae ipsorum habent manuscripti annales, regi Constantinopolitano Constantino bellum movit, cumque Thraciam depopulatus, magnaue et opulenta praeda onustus, domum reversus esset, et novum bellum moliretur, Constantinus Metropolitam Ephesinum Neophytum atque duos episcopos, praefectum item Antiochiaе atque archimandritam Hierosolymitanum Eustaphium ad ipsum mittit magnisque muneribus, utpote parte de Christi Salvatoris cruce, diademate aureo, poculo ex sardonyche lapide fabrefacto, humerali multis gemmis eximio, atque torque aureo, ipsum affecit, Zari nomine, quod si proprie interpreteris, regem significat, non Caesarem, uti multis ostendi posset, ipsum salutare jussit et firmissimum foederis atque amicitiae vinculum cum ipso sanxit». Этотъ же рассказъ былъ извѣстенъ Даниилу Принцу ¹⁾: «Норум (Рюрика, Синеуса и Трувора) originem Rutheni ad Augustum Caesarem referunt; qua id autoritate fiant, judicent alii. In annalibus enim suis, quorum tamen cum difficultate nostratibus copiam faciunt, scriptum habent: Augusti fratrem Prussum ad mare Balthicum et Vistulam consedisse Prussiaeque nomen dedisse: referunt item ab hoc arces Mamborock, quae fortasse est Marienburgum, a Polonis Malburg dicta, Turonium et Gedanum ad fluvium Nemon occupatas». О Мономахѣ: «Deinde scribunt Wladimirum Kyoviensem ducem a regibus Constantinopolitanis, cum quibus affinitatem contraxerat, transmissis per metropolitam pileo cum humerali, insignibus nempe imperialibus, ad eam dignitatem evectum esse.

Г. *Рассказъ о Мономаховыхъ утвержжъ, какъ отдѣльная статья безъ родословнаго введенiя. Таковъ рассказъ, внесенный въ нѣкоторые списки хронографа ²⁾; тотъ же рассказъ читается на затворахъ*

¹⁾ Scriptores rerum Livonicarum, II, 692, 721. Ср. *Аделунъ*, Обзоръие путеш. по Россiи ч. I, отд. 79, стр. 196.

²⁾ *Цоповъ*, Изборникъ славянск. и русскихъ сочиненiй, внесенныхъ въ хронографы, стр. 20—23. Ср. Обзоръ хронографовъ, II, 60—61.

царскаго мѣста въ Успенскомъ соборѣ ¹⁾; нерѣдко встрѣчается этотъ разсказъ, какъ отдѣльная статья, и въ рукописныхъ сборникахъ ²⁾. Текстъ разсказа совершенно сходенъ съ посланіемъ Спиридона и съ сказаніемъ о князехъ Владимірскихъ ³⁾.

Д. *Краткіе пересказы.*

а) Пересказъ лѣтописнаго свода московской редакціи ⁴⁾. Начинается: «Того же лѣта 6622 (1114) нача Владимиръ совѣтовати съ бояры своими, хотя ити на Царьградъ».... По содержанію это тотъ же разсказъ, который знакомъ намъ по посланію Спиридона и который повторяется въ другихъ, указанныхъ выше памятникахъ. Сокращеніе коснулось лишь нѣкоторыхъ подробностей изложенія: опущена вступительная рѣчь Владиміра; о сборѣ войска, вмѣсто перечня «чинона начальниковъ» (тысячники, сотники, пятидесятники), замѣчено только: «и князь великій съвокупивъ войско, отпущаше воеводу сво-

¹⁾ Путеводитель къ древностямъ и достопамяностямъ Московскимъ (М. 1792) ч. II, стр. 218—224; *Списокъ*, Памятники московск. древн. 27—28. Царское мѣсто устроено въ 1551 году. («в лѣто 7060, сентеврия въ 1 день⁴⁾); объ этомъ мы узнаемъ изъ особой замѣтки, сохранившейся въ томъ же Погодинскомъ сборникѣ (№ 1567), гдѣ помѣщено посланіе Спиридона—Саввы. *Бычкова*, Описаніе сборн. Публичн. библіотеки, стр. 59. Ср. замѣтку *Забѣлина* («Археологическая находка») въ *Москвитяинѣ* 1850, III, № 11.

²⁾ Повѣсть о Мономаховой шапкѣ, передаваемая отдѣльной статьёй, имѣетъ обыкновенно такое заглавіе: «Поставленіе (или: О поставленіи) великихъ князей русскихъ на великое княженіе отгуду бѣ, и како начаша ставитися святыми бармами и царскимъ вѣнцемъ». Издано «Поставленіе»: а) въ *Древн. Росс. Вивліоникѣ*, ч. VII (изд. 2), стр. 1—4; б) въ трудѣ г. *Барсова*: *Древнерусскіе памятники св. вѣнчанія царей на царство (Чтенія съ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1888, кн. I)*, стр. 39—41. (По списку посольскаго приказа, XVI в.): Изъ рукописей могу указать: Публичн. библіотеки F. XVII, 19 (=Толст. I, 236), л. 221—222 (О постановленіи...); Q. VI, 66 (=Толст. II, 155), л. 1—3 (Поставленіе...); *Погод.* № 1576, л. 147—150 (Написаніе о царскомъ вѣнцѣ, когда і како принесенъ бысть изъ Царяграда в Клевъ; *Погод.* № 1615, л. 224—226 (О шапкѣ Манамаховѣ); *Погод.* № 1560, л. 43—44 (безъ загл.); *Погод.* № 1567, л. 107—108 (безъ загл.); *Моск. снв. библіот.* № 963, л. 23—26; *Моск. публ. музея* № 587 (=Пискарь. № 152), л. 135 и д. (Поставленіе...).

³⁾ Нѣкоторое разнообразіе замѣчается лишь въ концѣ памятника. Въ большей части списковъ повѣсть оканчивается замѣчаніемъ: «тѣмъ вѣнцемъ царскимъ вѣнчаются великіи князи Владимірстии». Въ нѣкоторыхъ спискахъ вслѣдъ за этой замѣткой приписано извѣстіе о кончинѣ Владиміра Мономаха (*Вивліоника*, VII). Въ одномъ изъ списковъ (*Погод.* № 1560) уцѣлѣла, хотя и въ сокращенномъ видѣ, замѣтка о *Формозѣ*: «Въ царство же Константина Манамаха отлучился Римъ отъ Царяграда, исаде папа Римскій отъ вѣры православныя *Формуся*».

⁴⁾ Полное собраніе р. лѣтописей, IX, стр. 143—144; VII, стр. 23.

ихъ на Фракію Царяграда», наказная рѣчь Константина Мономаха сокращена.

б) Пересказъ, записанный въ Степенной книгѣ ¹⁾ и въ похвальномъ словѣ Михаилу кн. Черниговскому черноризца Филолога ²⁾. Владиміръ Мономахъ «греческаго царя (у Филолога: отъ греческаго царя) Константина Мономаха діядиму и вѣнецъ, и крестъ животворящаго древа пріемъ и порамниду (у Филолога, порамницу) царскую и крабійцу сердоличную, изъ нея же веселяшесе иногда Августъ кесарь римскій, и чепъ златую аравицкаго злата и иныя многія царскія почести въ дарахъ пріемъ мужества ради своего и благочестія; и не просто рещи таковому дарованію (прибавл. и) не отъ человекъ, но (прибавл. по) Божіимъ судьбамъ неизреченнымъ претворяюще и преводяще славу греческаго царства на російскаго царя. Вѣнчанъ же бысть тогда въ Кіевѣ тѣмъ царскимъ вѣнцемъ въ святѣй величѣй соборнѣй и апостольстѣй церкви отъ святѣйшаго митрополита Неофита Ефесскаго и отъ прочихъ святителей *Митулнскаго и Митилнскаго, вкупъ съ митрополитомъ пришедшихъ отъ Царяграда* (словъ, означенныхъ курсивомъ, у Филолога нѣтъ); и оттолѣ боговѣнчанный царь нарицашесе въ Російскомъ царствіи» ³⁾.

¹⁾ Степенная книга, I, 247 (по изд. Миллера).

²⁾ Великія Мненіи-Четвіи, собр. митрополитомъ *Макаріемъ* (изд. археографич. комиссіей), сентябрь, ч. 20, ст. 1318.

³⁾ Къ числу краткихъ пересказовъ можно отнести также извѣстія о Владиміръ Мономахѣ, находящіяся въ посольскихъ бумагахъ времени Ивана IV. Прямѣрь: „Нашъ государь учинился на царствѣ по прежнему обычаю, какъ прародитель его великій князь Владимиръ Мономахъ вѣнчанъ на царство русское, *коли ходилъ ратью на царя греческаго Костянтина Манамаха*, и царь Костянтинъ Мономахъ тогда прародителю государя нашего великому князю Володимеру добилъ челомъ и прислалъ къ нему дары, вѣнецъ царскій и діядиму, съ митрополитомъ ефескимъ киръ Неофитомъ, и иные дары многіе царскіе прислалъ, и на царство митрополитъ Неофитъ вѣнчалъ, и отъ (того) времени именовавъ царь и великій князь Владимиръ Мономахъ“. (Сборникъ русск. ист. общ. 59, стр. 345: посольство къ Сигизмунду Августу 1550 г.). Упомянутое о мономаховомъ вѣнцѣ находимъ еще въ Повѣсти о бѣломъ клубукѣ (Памяти. стар. русск. литературы, вып. I, 296). Эта новгородская повѣсть — литературный коррелятивъ Сказанія о князехъ Владимірскихъ. Въ сказаніи упоминается о папѣ Формозѣ, какъ современникѣ Мономаха; присылка вѣнца связывается хронологически съ раздѣленіемъ церкви. Въ Новгородской повѣсти говорится, что папа Формозъ, отступивъ отъ правой вѣры, не влюбилъ „святаго бѣлаго клубука“, спряталъ его въ каменной стѣнѣ. Царская шапка, присланная изъ Византіи, выставилась символомъ перенесенія на Русь греческаго царства. Новгородскому клубуку придается еще болѣе высокое значеніе. Святой мужъ, явившійся патриарху Филовею, говоритъ: „Въ древняя гѣта, изволеніемъ зем-

Е. *Пересказы, изъятые из Густынской летописи и Синописи.*
 Особность этих пересказовъ въ замѣнѣ имени Константина Мономаха именемъ Алексѣя Комнина, который, кромѣ даровъ, посылаетъ Киевскому князю грамоту: «Алексѣй Комнинъ, милостию Божіею царь православный Греческій, великому въ державныхъ князехъ русскихъ Володымеру радоватися. Повеже съ нами единыя вѣры еси, паче же мать и сивокровенъ, отъ крове бо великого Константина Мономаха, царя греческаго идеши, сего ради не брань, но миръ и лютекъ, яко сивокровнымъ подобаетъ намъ имѣти со собою; и да показаша любовь нашу, яже бо твоему благородству имамы, се посылаю ти вѣнецъ царскій Константина Мономаха, отца матере твоея, и скиптръ и діадиму, еще же и крестъ златый со животворящимъ древомъ, и гривны, и иная царская знаменія и дары, ими же да въмечать благородство твое посланныи отъ мене святители, яко да оудеши отсудѣ боговѣнчанный царь русскій ты и по тебѣ будущии обладателѣ рускія землѣ». Эта грамота—передѣлка того наказа, который данъ былъ (по упомянутымъ выше пересказамъ) Константиномъ Мономахомъ его посланцу, отправленному въ Киевъ ¹⁾).

Сказаніе о Мономаховыхъ драгоценностяхъ, сохранившееся въ перечисленныхъ памятникахъ, интересуесть насъ со стороны его историко-литературнаго значенія, но, чтобы уяснить себѣ это значеніе, нужно предварительно остановиться на нѣсколькихъ вопросахъ, вы-

мно имя Константина, отъ царствующаго сего града царскій вѣнецъ данъ бысть русскому царю бѣлый же сей клубукъ, изволеніемъ небеснаго царя Христова имяна дже будетъ архиепископу великаго Новаграда, и коими сий честнѣе омажи» Константинъ Великій хотѣлъ было передать папѣ Сильвестру царскій вѣнецъ, но, по ижезвѣстію апостоловъ Петра и Павла, *вмѣсто вѣнца* устроилъ бѣлый клубукъ, соединивъ такимъ образомъ въ одномъ символѣ выраженіе и царственнаго и церковно-іерархическаго достоинства. Подаривъ клубукъ Сильвестру, Константинъ «святѣ благъ приемъ и рече: яко ижеже святительска князь и христинскаго благочестія глава небеснымъ царемъ уставлена бысть, не у достойно естъ тако власть имѣти земному царю». Поручивъ великій Римъ Сильвестру, Константинъ отправился въ Византію и «созда градъ великъ и славою и нарече его по имя свое Константинъ градъ и живяше ту». Разборъ повѣсти о бѣломъ клубукѣ см. въ сочиненіяхъ *Петрова* (О судьбѣ вѣна Константина, въ *Грудаго Кожной духовной академіи*, 1865, декабрь; Западное вліяніе на древней русской литературѣ, *ibid.* 1872, апрѣль), *Субботина* (Какъ издавна книги о речемъ, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, 1862, май), *Терновскаго* (Изученіе византійской исторіи, вып. I, 89—90; вып. II, 171—174).

¹⁾ Полное собр. русскихъ летописей, II, стр. 290; Синопись, стр. 125—128 (по изд. 1733 г.).

зывается содержанием сказанія, составомъ и взаимнымъ отноше-
ніемъ его пересказовъ.

1) Всѣ пересказы повѣсти о византійскихъ дарахъ, полученныхъ Владиміромъ Мономахомъ, принадлежать времени значительно отдаленному отъ тѣхъ событій, о которыхъ говорится въ сказаніи. Поэтому первый вопросъ, возбуждаемый этимъ сказаніемъ, — вопросъ историко-критическій, вопросъ о томъ, могутъ ли считаться достоверными приведенныя выше извѣстія объ отношеніяхъ Владиміра Мономаха къ византійскому царю. Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ—отрицательный. Еще писателями XVII вѣка замѣченъ былъ анахронизмъ въ сопоставленіи имени Константина и Владиміра Мономаховъ. Византійскій Мономахъ умеръ въ 1055 году, когда русскому Мономаху было только около двухъ лѣтъ ¹⁾. Для устранения этой-то несообразности въ Густынской лѣтописи и въ Синописи имя Константина замѣнено именемъ Алексѣя Комнена (1081—1118), современника Владиміра Всеволодовича ²⁾. Эта поправка ученыхъ XVII вѣка принята была Татищевымъ, который относитъ принесеніе вѣнца къ 1119 году и по этому поводу высказываетъ такія соображенія: «Въ Степенной и въ житіи Іоанна I писано, что Владиміру прислано оное отъ дѣда его Константина Мономаха, токмо оной за долго умеръ, здѣсь же хотя и Алексія сказуютъ, токмо и Алексій Комнинъ умеръ прежде въ 1118 году; однакожь сіе сумнительства не наносятъ тѣмъ, что Алексій послы отпусти умеръ, и они 1119 года въ Кіевъ пришли и договоры учинили, какъ и о смерти Алексія вскорѣ потомъ сказуютъ,—знатно, что вѣдомость вскорѣ получена» ³⁾. Интересенъ и самый рассказъ Татищева объ отношеніяхъ Владиміра Мономаха къ Византіи. «Владиміръ, хотя отмститъ грекамъ смерть зятя своего Леона и удѣлъ его удержатъ оставшему младенцу сыну его Василию, велѣлъ всѣмъ своимъ войскамъ готовиться, такожъ звалъ всѣхъ прочихъ своихъ князей въ помощь, напередъ же къ Дунаю послалъ воеводу Яна Вышатича, а самъ хотѣлъ со всѣми князи весною итти. Алексій же Императоръ увѣдавъ о томъ, прислалъ ко Владиміру великое посольство, митрополита, епи-

¹⁾ Владиміръ Мономахъ родился въ 6561 (1053) году (Лавр. лѣт. 157).

²⁾ „Обрѣтается же въ вѣкхъ лѣтописцахъ, яко отъ Константина Мономаха, кесаря греческаго, прислана быша вся тая знаменія царская Владиміру Мономаху, самодержцу российскому: но событіе того по смерти Константина Мономаха лѣтъ болѣе пятидесяти отъ прочихъ лѣтописцевъ российскихъ и отъ Бароніуса и Стріновскаго изъясняется“ (Синопись, изд. 1735, стр. 127).

³⁾ Исторія Россійская, кн. 2, стр. 460—461, прим. 369.

скоповъ и вельможъ знатныхъ со многими дары, въ нихъ же знатнѣйшее Вѣнецъ царскій, хламида, поясъ драгоцѣнный, скипетръ, чаша сердоликовая съ драгоцѣнными камнями и нарекиши его себѣ братомъ и царемъ, а при томъ просилъ о мирѣ. Владимиръ же пріялъ оное любовно, и пословъ оныхъ чествовалъ. Потомъ просилъ послы, чтобъ Владимиръ далъ внуку свою, дочь Мстиславу, за сына императорскаго Иоанна, что Владимиру не противно явилось, если Императоръ надлежащей съ нимъ договоръ учинить, представляя имъ учиненные Греками съ Леономъ зятемъ его неправды, и что удѣлъ данной ему у сына его отняли, чего и впредь опасно; но по многой просьбѣ и обѣщаніямъ пословъ Владимиръ одаря ихъ отпустилъ, и съ ними для учиненія обстоятельнаго договора послалъ своихъ знатныхъ пословъ, которые бывъ договоры учинили на томъ, что Владимиръ внука своего города уступилъ Иоанну нареченному зятю сына его, за которое Греки Леонову сыну Василію дали деньги, а о бракѣ младости ради сочетающихся отложили на два года, и съ тѣмъ послы Владимировы одарены пребогато возвратились, и была о семъ Владимиру и всѣмъ людямъ радость великая»¹⁾. Въ этомъ разсказѣ знакомое намъ преданіе о Мономаховомъ вѣнцѣ соединено съ извѣстіями о походѣ русскихъ дружинъ на Дунай въ 1116 году. О походѣ этомъ сохранился извѣстіе въ южно-русскомъ лѣтописномъ сводѣ: «Въ се же лѣто иде Леонъ царевичъ, зять Володимеръ, на куръ Алексія царя, и влася городовъ ему Дунайскихъ нѣколко; и въ Дельстрѣ городѣ лестию убиста и два сорочинина, посланая царемъ, мѣсяца августа въ 15 день. Въ се же лѣто князь великій Володимеръ посла Ивана Войтишича, и посажа посадники по Дунаю... Томъ же лѣтѣ ходи Вячеславъ на Дунай съ Оомою Ратиборичемъ и пришедъ Дрьестру и не въспѣвше ничтоже воротипася». Далѣе, подъ 1122 годомъ: «Ведена Мъстиславна въ Греки за царь»²⁾. Карамзинъ передаетъ разсказъ о походѣ на Константинополь и о греческомъ посольствѣ съ такой оговоркой: «Если въ-рять новѣйшимъ повѣствователямъ, то Владимиръ ужасалъ и греческую имперію»³⁾. Въ примѣчаніи историкъ высказывается съ большей опредѣленностью, прямо называя повѣсть о мономаховомъ вѣнцѣ «сказкой»⁴⁾. Позже, кромѣ давно замѣченнаго анахронизма въ имени византійскаго императора, указаны были въ нашей «сказ-

¹⁾ Ibid., стр. 221—222.

²⁾ Полн. собр. лѣтоп. II, стр. 7, 8, 9. Ср. стр. 291, 292.

³⁾ Ист. гос. рос. т. II, гл. VII, стр. 90.

⁴⁾ Ibid., примѣч. 220.

кѣ» и другія историческія несообразности. Константинъ Мономахъ присылаетъ Владиміру дары съ *митрополитомъ ефесскимъ Неофитомъ*; въ спискѣ ефесскихъ митрополитовъ имени Неофита не отыскивается ¹⁾. Кромѣ Неофита, въ составѣ византійскаго посольства были два епископа мелитинскій и митилинскій ²⁾, стратигъ антиохійскій, августалій alexандрійскій и игемонъ іерусалимскій, «Но во время Мономаха, замѣчаетъ проф. Васильевскій, не было ни alexандрійскихъ августаліевъ, ни іерусалимскихъ игемоновъ. Августалій есть титулъ префектовъ Египта въ періодъ Римской имперіи, а Египеть и Сирія давно были въ рукахъ мусульманскихъ» ³⁾. Сомнительнымъ представляется и появленіе стратига антиохійскаго ⁴⁾.

Не смотря на всѣ эти очевидныя ошибки и несообразности, нѣкоторые ученые пытались однако отыскать въ повѣсти о Мономаховой утвари черты исторически-достовернаго извѣстія. По мнѣнію князя Оболенскаго, Константинъ Мономахъ *могъ* прислать дары Владиміру Мономаху: «Весьма естественно, что императоръ, не оставляя послѣ себя потомства по мужескому колѣну, желать передать и дѣйствительно *передалъ царское достоинство*, вмѣстѣ съ регаліями, своему малюткѣ-внуку, какъ великое наслѣдіе въ своемъ родѣ». Князь Оболенскій допускаетъ даже, что надъ ребенкомъ «по желанію дѣда» совершенъ былъ обрядъ царскаго вѣнчанія ⁵⁾. Несостоятельность этого страннаго мнѣнія выяснена была съ убѣдительною, не допускающею спора, гг. Васильевскимъ и Прозоровскимъ ⁶⁾. Не

¹⁾ *Терновскій*, Изученіе византійской исторіи, II, стр. 159.

²⁾ Мелитина и Митилина были митрополіями, а не епископіями. (*Скабаланичъ*, Византійское государство въ XI вѣкѣ, стр. 408, 413).

³⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1875, № 12, стр. 312 (въ статьѣ: „Русско-византійскіе отрывки. I. Два письма византійскаго императора Михаила VII Дуки къ Всеволоду Ярославичу“). Замѣтимъ, что въ нашихъ Азбуковникахъ титулу „августалій“ придается широкое значеніе: „Августалій—воевода великій. Древле въ Еллинахъ чѣстно бѣ имя Августъ, тѣмъ же въ почеть коему сановнику царскому дающеса нареченіе се“ (*Сахаровъ*, Сказанія русскаго народа т. II, кн. V, стр. 141). Вмѣсто: „игемонъ іерусалимскій“ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ читается „игуменъ іерусалимскій“.

⁴⁾ „Il est aussi improbable qu'il existât en ce temps un stratège d'Antioche, car Antioche était alors une principauté latine fondée par les croisés“. (*Regel*, *Analecta byzantino-russica*, p. LXX).

⁵⁾ Соборная грамота духовенства православной церкви, утвержд. санъ царя за в. кн. Иваномъ IV, стр. 7.

⁶⁾ *Васильевскій*, Русско-византійскіе отрывки (см. выше); *Прозоровскій*, По вопросу о регаліяхъ, припис. Владиміру Мономаху (Труды 3-го археологическаго съѣзда, т. II, стр. 145—149); Обѣ утваряхъ, приписываемыхъ Владиміру

повторяя ихъ соображеній и доказательствъ, замѣчу только, что нельзя, конечно, допустить, чтобы какому нибудь византійскому императору пришла мысль, будто онъ можетъ передать свое царское достоинство иноземному князю. Да и что общаго между предполагаемымъ вѣнчаніемъ двухлѣтняго Всеволодова сына и тѣмъ вѣнчаніемъ Владиміра, о которомъ говорится въ сказаніи?..

С. М. Соловьевъ, по примѣру Татищева, соединяетъ рассказъ о присылкѣ инсигній съ извѣстіями о Дунайскомъ походѣ: «Дочь Мономахова Марія была въ замужествѣ за Леономъ, сыномъ императора греческаго Диогена; извѣстны обычныя въ Византіи перевороты, которые возвели на престоль домъ Комненовъ въ ущербъ дома Диогенова. Леонъ, безъ сомнѣнія, не безъ совѣта и помощи своего тестя, русскаго князя, вздумалъ въ 1116 году вооружиться на Алексѣя Комнина и добыть себѣ какую нибудь область; нѣсколько дунайскихъ городовъ уже сдались ему, но Алексѣй подослалъ къ нему двухъ арабовъ, которые коварнымъ образомъ умертвили его въ Доростолѣ. Владиміръ хотѣлъ по крайней мѣрѣ для внука своего Василія ¹⁾ удержать приобрѣтенія Леоновы и послалъ воеводу Ивана Войтишича, который посажалъ посадниковъ по городамъ дунайскимъ, но Доростоль былъ захваченъ уже греками; для его взятія ходилъ сынъ Мономаховъ Вячеславъ съ воеводою Ѡмою Ратиборовичемъ на Дунай, но принужденъ былъ возвратиться безъ всякаго успѣха. *По другимъ извѣстіямъ*, русское войско имѣло успѣхъ во Фракіи, опустошило ее, и Алексѣй Комненъ, чтобы избавиться отъ этой войны, прислалъ съ мирными предложеніями къ Мономаху Неофита, митрополита ефесскаго, и другихъ знатныхъ людей, которые поднесли Кіевскому князю богатые дары, крестъ изъ животворящаго древа, вѣнецъ царскій, чашу сердоликовую, принадлежавшую императору Августу, золотыя цѣпи и проч.,—при чемъ Неофитъ возложилъ этотъ вѣнецъ на Владиміра и назвалъ его царемъ... Извѣстіе это не заключаетъ ничего невѣроятнаго ²⁾».

Допустимъ, что сопоставляемые историкомъ извѣстія дѣйствительно говорятъ объ одномъ и томъ же событіи,—о дунайскомъ походѣ. Извѣстія эти противорѣчатъ одно другому, между ними при-

Мономаху (*Записки отдѣленія русской и слав. археологій р. арх. общества*, т. III, стр. 1—64).

¹⁾ Объ этомъ Василіѣ Леоновичѣ находимъ извѣстіе въ лѣтописи подъ 6644 (1136) годомъ: «Тогда же (въ битвѣ Мономаховичей съ Ольговичами на р. Супоѣ) Василко Леоновичъ царевичъ убиенъ бысть» (П. Собр. Лѣтоп., II, 13).

²⁾ *Исторія Россіи*, II, 82.

ходится дѣлать выборъ. Мы знаемъ, что одни извѣстія—лѣтописныя замѣтки, сохранившіяся въ южно-русскомъ лѣтописномъ сводѣ; «другія извѣстія» — знакомое намъ сказаніе о Мономаховомъ вѣнцѣ. Чтобы признать, что рассказъ о византійскихъ дарахъ дѣйствительно «не заключаетъ ничего невѣроятнаго», нужно допустить, что сказаніе, несомнѣнно позднее, представляетъ сообщенія болѣе достовѣрныя, чѣмъ замѣтка древняго лѣтописнаго свода. Мы могли бы согласиться съ такимъ предложеніемъ только въ томъ случаѣ, если бы было указано, что въ болѣе древнемъ извѣстіи есть подробности, вызывающія сомнѣнія, противорѣчащія обстоятельствамъ дѣла, между тѣмъ какъ болѣе позднее извѣстіе, чуждое такихъ подробностей, имѣетъ печать исторической правды. Таково ли отношеніе разсматриваемыхъ рассказовъ? Лѣтописныя извѣстія о возстаніи царевича Леона и о походѣ русскихъ дружинъ на Дунай не вызываютъ сомнѣній. Что же касается сказанія о византійскомъ посольствѣ, то прежде, чѣмъ ввести его въ рядъ историческихъ извѣстій, придется сдѣлать въ немъ нѣсколько существенныхъ поправокъ: вмѣсто имени Константина Мономаха нужно написать имя Алексѣя Комнена: нужно затѣмъ исправить дату, ибо указанія на 1116 годъ нѣтъ ни въ одномъ изъ списковъ сказанія; перечень пословъ (митрополита Неофита и другихъ) надо совсѣмъ вычеркнуть. Неужели такой, требующій кореннаго измѣненія рассказъ можно серьезно противопоставлять лѣтописнымъ извѣстіямъ? Нужно еще замѣтить, что и самое сопоставленіе сказанія и лѣтописи не оправдывается составомъ извѣстій: лѣтопись говоритъ о царевичѣ Леонѣ, о походѣ русскихъ дружинъ на Дунай, о посадникахъ Владиміровыхъ въ дунайскихъ городахъ: сказаніе не упоминаетъ ни объ одной изъ этихъ подробностей, а говоритъ о какомъ-то походѣ «во Оракію Царяграда».

2) Мы видѣли, что повѣсть о византійскихъ дарахъ, полученныхъ княземъ Владиміромъ, дошла до насъ въ пересказахъ не одинаковаго состава: въ одномъ рядѣ пересказовъ повѣсть соединена съ вступительной статьей, излагающей воспоминанія изъ древней исторіи («Отъ исторіи Ханаонови»); въ другомъ рядѣ пересказовъ повѣсть имѣетъ видъ отдѣльнаго сказанія, не имѣющаго родословнаго введенія, при чемъ текстъ повѣсти передается или въ томъ же самомъ видѣ, какъ и въ пересказахъ перваго ряда, или сокращенно. На какой же группѣ пересказовъ слѣдуетъ остановиться, какъ на болѣе древней, передающей сказаніе въ первоначальномъ, или, по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе близкомъ къ первоначальному виду?

Было высказано мнѣніе, что статья «отъ исторіи Ханаоной» и повѣсть о Мономаховомъ вѣнцѣ сложились независимо одна отъ другой, имѣли первоначально видъ отдѣльныхъ произведеній и только позже соединены въ одно цѣлое ¹⁾. Въ пользу такого мнѣнія говорить, повидному, существованіе памятниковъ, въ которыхъ Родословіе и Повѣсть о Мономаховомъ вѣнцѣ дѣйствительно передаются отдѣльно. Остановимся на этихъ памятникахъ.

Подробная повѣсть о Мономаховыхъ драгоценностяхъ (хронографъ; написъ на царскомъ мѣстѣ въ Успенскомъ соборѣ; рассказъ о «поставленіи великихъ князей русскихъ») представляетъ, какъ было уже замѣчено, *тотъ же самый текстъ*, который читается и въ Сказаніи о князехъ Владимирскихъ и въ посланіи Спиридона. Важно при этомъ обратить вниманіе на первыя строки повѣсти. Въ нѣкоторыхъ спискахъ повѣсть начинается такъ: «*Въ лѣто 6496* (то-есть, въ 988 году), *и отъ великаго и блаженнаго князя Володимира четвертое колѣно правнукъ его князь великій Владимиръ Всеволодовичъ Мономахъ*, той убо царь и Мономахъ прозвася отъ таковы вины: сгда на великое кшиженіе сѣде въ Кіевѣ, совѣтъ творяше съ князьми своими и боляры...» ²⁾. Какъ объяснить это странное указаніе на 988 годъ при разказѣ о Владимирѣ Мономахѣ? Отвѣтъ дастъ справка съ текстомъ Сказанія о князехъ Владимирскихъ. Въ сказаніи читаемъ: «отъ великаго князя Рюрика четвертое колѣно князь великій Володимеръ просвѣтивый землю Рускую святымъ крещеніемъ *въ лѣто 6496, и отъ великаго князя Володимера четвертое колѣно князь Володимеръ Всеволодичъ...*» ³⁾. Ясно, что тотъ, кто отдѣлялъ разказъ о Мономахѣ отъ Сказанія о князехъ Владимирскихъ принялъ по ошибкѣ годъ, относящійся къ крещенію Руси, за годъ вступленія Мономаха на великое княженіе. Эта ошибочная дата, драгоценная какъ несомнѣнный показатель связи соединявшей повѣсть о великокняжескихъ уборахъ съ разказомъ «отъ исторіи Ханаоной», исправлена въ нѣкоторыхъ спискахъ повѣсти, при чемъ вмѣсто 6496 года выставились 6622 (1114) или 6621 (1113) годы ⁴⁾. Но и въ этихъ исправленныхъ спискахъ удерживается большею частью при имени Мономаха родословное опредѣ-

¹⁾ М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей, 79.

²⁾ Рукоп. Публ. библиот. изъ древлехр. Погод. 1576, 1567; написъ на царскомъ мѣстѣ.

³⁾ Погод. древлехр. № 1572, 1604; Публ. библиот. О. IV. 21.

⁴⁾ Публ. библиот. Q. IV. 66; F. XVII, 19. *Временникъ Общ. Ист. и Древн. Росс., X., II, 206.*

леніе («четвертое колѣно», «правнукъ великаго князи Владиміра, просвѣтившаго русскую землю святымъ крещеніемъ»...), связывавшее въ Сказаніи повѣствованіе о византійскихъ дарахъ съ воспоминаніями о древнѣйшихъ русскихъ князьяхъ. Уцѣлѣло въ нѣкоторыхъ спискахъ повѣсти и упоминаніе о палгѣ Формозѣ, о которомъ рассказываетъ посланіе Спиридона и Сказаніе о князехъ Владимірскихъ. На основаніи всѣхъ этихъ указаній съ рѣшительностью можно и должно утверждать, что подробная повѣсть о Мономаховыхъ драгоцѣнностяхъ есть отдѣльно переписывавшаяся часть Сказанія о князьяхъ Владимірскихъ.

Обратимся къ краткимъ пересказамъ повѣсти.

Пересказ Московскаго лѣтописнаго свода, какъ было уже замѣчено, представляетъ несомнѣнно сокращеніе подробнаго разсказа «Начя Владимерь совѣтовати съ бояры своими, хотя ити на Царьградъ; *отъцаша* ему бояре его: сердце царево въ Божіей руцѣ» и т. д.—Бояре отвѣчали, а что же спрашивалъ у нихъ Владимір? Объ этомъ мы узнаемъ изъ подробной повѣсти. Помимо подобныхъ сокращеній текстъ лѣтописнаго разсказа дословно сходенъ съ сказаніемъ о князехъ Владимірскихъ.

Менѣе яснымъ представляется отношеніе сказанія къ краткому извѣстію Степенной книги. Г. Прозоровскій, въ указанномъ выше изслѣдованіи «Объ утваряхъ, приписываемыхъ Владиміру Мономаху», высказываетъ предположеніе, что разсказъ Степенной книги былъ источникомъ всѣхъ болѣе подробныхъ пересказовъ повѣсти о Мономаховыхъ инсигніяхъ. «Говорятъ, что царскія утвари были присланы Владиміру Мономаху изъ Византіи для коронованія и указываютъ на древнее преданіе объ этомъ событіи, которое однакожь записано въ историческихъ памятникахъ не одинаково, самые же памятники, упоминающіе о томъ, не только не современны Мономаху, но моложе и Татарскаго періода, такъ какъ всѣ они составлены хотя по старой основѣ, но съ перемѣнами и съ добавленіями уже въ XVI, а нѣкоторые въ XVII вѣкѣ. Въ наиболѣе старыхъ памятникахъ вовсе не находимъ никакого намека на означенное преданіе, а позднѣйшія рукописи не указываютъ на источники, изъ которыхъ онѣ это преданіе заимствовали. Впрочемъ, есть основаніе полагать, что единственнымъ источникомъ въ этомъ случаѣ была Степенная книга...; другіе памятники либо повторяютъ сказаніе Степенной книги, либо излагаютъ его согласно своимъ понятіямъ, выведеннымъ изъ историческихъ соображеній всегда неудачныхъ»¹⁾.

¹⁾ *Записки отд. русск. и слав. археол.* III. 2—3.
русскій вылевой эпосъ.

Хронологія дошедшихъ до насъ текстовъ, передающихъ преданіе о Мономахѣ, не подтверждаетъ соображеній г. Прозоровскаго. Редакція извѣстнаго намъ разсказа Степенной книги принадлежитъ, по словамъ самого г. Прозоровскаго, XVI вѣку, точнѣе—второй половинѣ этого вѣка. «Первоначально Степенная книга была составлена св. митрополитомъ Кипріаномъ; не извѣстно, продолжалась ли она послѣ него; наконецъ, *митрополитомъ Макаріемъ приведена въ тотъ составъ, въ какомъ мы ее теперь видимъ...*». Если нѣтъ возможности опредѣлить точно всѣ добавленія, сдѣланныя послѣ Кипріана, то можно по крайней мѣрѣ опредѣлить степень вліянія позднѣйшаго времени на Кипріаново сочиненіе и въ особенности на преданіе о вѣнчаніи Владиміра Мономаха. Дѣйствительно, печать XVI вѣка лежитъ на всемъ составѣ Степенной книги. Владиміръ Мономахъ называется въ ней «царемъ и великимъ княземъ», титуломъ, установившимся уже послѣ коронованія Іоанна Грознаго въ 1547 году, а затѣмъ въ заключительной къ четвертой степени замѣткѣ сказано, что послѣ Владиміра «пятый степень начинается, иже есть начало московскому царствію», о которомъ при Кипріанѣ еще никто и не думалъ.... По всѣмъ указаннымъ признакамъ можно смѣло утверждать, что *Кипріанъ или совсѣмъ ничего не писалъ о вѣнчаніи Владиміра Мономаха, или его изложеніе преданія въ XVI вѣкѣ совершенно переправлено* ¹⁾. Подробное сказаніе о Мономаховой утвари явилось ранѣе этой Макаріевой редакціи Степенной книги: м. Спиридонъ писалъ свое посланіе при Василіѣ Ивановичѣ, и притомъ ранѣе 1523 года. Можно, конечно, замѣтить, что хронологія дошедшихъ до насъ текстовъ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія при обсужденіи вопроса о взаимномъ отношеніи редакцій того или другаго Сказанія. Краткій разсказъ Степенной книги могъ вѣрнѣе сохранить черты первоначальнаго Сказанія, чѣмъ болѣе ранній памятникъ—Спиридоново Посланіе. Но такое предположеніе можетъ быть допущено только въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что краткое извѣстіе свободно отъ тѣхъ ошибокъ и позднѣйшихъ примѣсей, которыя встрѣчаются въ подробномъ разсказѣ. Если же это доказано быть не можетъ, то мы, по необходимости, должны предположить иное отношеніе разсматриваемыхъ извѣстій, то-есть, признать, что болѣе позднее, краткое извѣстіе есть извлеченіе изъ подробнаго разсказа, сокращеніе болѣе ранняго памятника. Къ такому именно выводу приводитъ сличеніе извѣстій Степенной книги съ разсказомъ Спиридонова Посланія и Сказанія о

¹⁾ Ibid. 57—58, 61.

князехъ Владимірскихъ. Въ сказаніи несомнѣнно позднимъ и неудачнымъ домысломъ представляется упоминаніе о митрополитѣ Неофитѣ и его спутникахъ. Упоминаніе это повторяется и въ Степенной книгѣ: «Вѣнчанъ же бысть тогда въ Кіевѣ тѣмъ царскимъ вѣнцемъ въ святѣй величѣй соборнѣй и апостольстѣй церкви отъ святѣйшаго митрополита Неофита Ефесскаго и отъ прочихъ святитель Митулинскаго и Митилинскаго, вкупѣ съ митрополитомъ пришедшихъ отъ Царяграда». Зачѣмъ именно прибыли въ Кіевъ Неофитъ и его спутники, Степенная книга не говоритъ, но упоминаніе о греческихъ святителяхъ въ связи съ извѣстіемъ о дарахъ, полученныхъ княземъ Владиміромъ, даетъ основаніе догадываться, что эти именно лица и принесли царградскіе дары. Въ подробномъ Сказаніи обстоятельства дѣла представляются съ полной ясностью: митрополитъ Неофитъ и другіе епископы посланы изъ Царяграда съ дарами; по прибытіи въ Кіевъ, они передаютъ эти дары Владиміру и вѣнчаютъ его царскимъ вѣнцемъ. Извѣстіе Степенной книги упоминаетъ и о Константиѣ Мономахѣ: «Его же ради мужества и греческаго царя Константина Мономаха діадиму и вѣнецъ и крестъ животворящаго древа приемъ» и т. д. Г. Прозоровскій обращаетъ вниманіе на то, что въ этомъ извѣстіи не говорится, будто дары присланы отъ Константина Мономаха, между тѣмъ какъ въ другихъ пересказахъ преданія «присылка утварей прямо приписывается Константину Мономаху» ¹⁾. По поводу этого замѣчанія нужно сказать слѣдующее: а) Извѣстіе, находящееся въ Степенной книгѣ, повторяется, какъ было уже замѣчено, въ похвальному словѣ Михаилу Черниговскому. Въ текстѣ этого Слова читаемъ: «отъ греческаго царя Константина Мономаха діадиму и вѣнецъ... приемъ». Можно ли доказать, что чтеніе Степенной книги слѣдуетъ назвать основнымъ? ²⁾ б) Въ извѣстіи Степенной книги сказано: «греческаго царя Константина Мономаха діадиму и вѣнецъ и крестъ... приемъ, и парамиду царскую и крабійцу сердоличную... и чепъ златую... и иныя многія царскія почести въ дарахъ приемъ». Допустимъ, что слова: «Константина Мономаха» указываютъ не на лицо приславшее дары, а лишь на лицо, которому принадлежали присланныя вещи. Всѣ ли упомянутые въ извѣстіи подарки, или только нѣкоторые признаются мономаховыми? Если всѣ, то слова «Константина Мономаха» и «отъ

¹⁾ Ibid. 3.

²⁾ Въ одномъ изъ списковъ Степенной книги интересующее насъ мѣсто передано такъ: «его же ради мужества и храбрости греческии царь Константинъ Мономахъ в дарѣхъ почести присла ему діадиму царскую» и т. д. Рукоп. Публ. Библиот. Q. XVII, 72 (=Толст. II, 282).

Константина Мономаха» будутъ имѣть одинаковый смыслъ, ибо что иное можетъ значить выраженіе «получилъ дары Константина Мономаха», какъ не то, что эти дары были получены отъ Константина Мономаха? Если же принадлежавшими Константину называются лишь нѣкоторыя вещи (діадима, вѣнецъ, крестъ), то кому же принадлежали остальные? Не странно ли, что, упомянувъ о царѣ Константинѣ, преждемъ владѣльцѣ вѣнца и діадимы, авторъ замѣтки не счелъ нужнымъ назвать того, кто прислалъ въ Кіевъ эти вещи, присоединивъ къ нимъ пирамиду, крабійцу, цѣпь золотую и другіе подарки? в) Значеніе присланныхъ изъ Византіи вещей опредѣлялось не принадлежностью ихъ дѣду Владиміра Мономаха, а тѣмъ, что онѣ были выраженіемъ «царскихъ почестей»; съ полученіемъ этихъ вещей связано было перенесеніе «славы греческаго царства на руссійскаго царя». Очевидно, вѣнецъ, крестъ и прочія драгоценности переданы были князю Владиміру какимъ-то греческимъ царемъ (иначе не было бы и перенесенія «славы») и назначались именно для коронованія русскаго князя. Редакторъ Степенной книги дѣластъ намекъ на это, но не даетъ прямого и яснаго указанія; извѣстіе остается недосказаннымъ, неопредѣленнымъ. Эта недосказанность, эта неопредѣленность заставляютъ предполагать какой-то болѣе подробный и болѣе ясный рассказъ о присылкѣ византійскихъ даровъ,—такой именно рассказъ, какой находимъ въ Посланіи м. Спиридона и въ Сказаніи о князехъ Владимірскихъ. Редакторъ Степенной книги сократилъ подробное сказаніе, но оно просвѣчиваетъ сквозь недомолвки и намеки «краткаго извѣстія». г) Въ извѣстіи Степенной книги нѣтъ указанія, по какому поводу, при какихъ обстоятельствахъ прислана была Мономаху царская утварь. Подробные рассказы сообщаютъ, что причиной византійскаго посольства былъ походъ Владиміровыхъ дружинъ къ Цареграду. Какъ объяснить появленіе этого извѣстія, если допустить, что показанія Степенной книги были источникомъ всѣхъ другихъ пересказовъ повѣсти о шапкѣ Мономаха?

Въ защиту мнѣнія о первоначальной отдѣльности сказанія «Отъ исторіи Ханаонова» и повѣсти о Мономаховомъ вѣнцѣ можно, пожалуй, указать еще на списки Родословія, въ которыхъ читается сказаніе, но нѣтъ повѣсти. Таковъ, какъ мы видѣли, списокъ Синодальной бібліотеки, изданный въ *Временникъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*. Но этотъ списокъ принадлежитъ довольно позднему времени, а именно началу XVII вѣка. Въ списокѣ, переданномъ латинскимъ переводомъ XVI вѣка, родословіе и рассказъ о вѣнцѣ соединены. Соединенными представляются эти отдѣлы и въ памят-

никъ начала XVI вѣка—въ Посланіи Спиридона. Важно при этомъ обратить вниманіе на то, что соединеніе упомянутыхъ сказаній не ограничивается тѣмъ, что сказанія эти влючаются въ одинъ и тотъ же памятникъ; замѣчается связь и въ изложеніи и въ содержаній сказаній. Разсказъ о Мономахѣ открывається родословной замѣткой (отъ великаго князя Владиміра четвертое колѣно), которая служить продолженіемъ подобныхъ же замѣтокъ, помѣщенныхъ въ концѣ родословія. Содержаніе соединенныхъ сказаній представляетъ любопытную попытку связать исторію Московскаго царства съ исторіей всемірной. Главный, центральный пунктъ въ разсказѣ о древнихъ властодержцахъ—свѣдѣнія о кесарѣ Августѣ. Юлій Кесарь отправилъ Августа въ Египетъ. Приходитъ вѣсть о смерти Юлія. Римскія дружины провозглашаютъ Августа императоромъ. Провозглашеніе сопровождается обрядомъ переодѣванія. Августъ одѣтъ былъ въ порфиру и виссонъ Сеостра, начальнаго царя Египту; голова покрыта была митрой индѣйскаго царя Пора, принесенной Александромъ Македонскимъ; на плечи накинута была крайница царя Филикса. Этотъ пестрый костюмъ долженъ былъ служить символическимъ выраженіемъ всемірной власти римскаго кесаря: онъ—наслѣдникъ Сеостра, Филикса, Пора, Александра... Въ его лицѣ сходилась все величіе былого, отъ него же разошлась власть и сила по отдѣльнымъ странамъ: ставленники Августа сѣли и въ Египтѣ, и въ Сириі, и на берегахъ Истра, и тамъ, гдѣ обитаютъ угры, и на побережьѣ Вислы рѣки. Исторія Московскаго государства двойнымъ уломъ связана съ этимъ давнимъ величіемъ Римской имперіи. Русскіе князья—потомки Пруса, брата Августа и его намѣстника. Въ рукахъ московскихъ князей—завѣтная святыня, писаніи Византійскихъ царей, властителей новаго Рима, преемниковъ Августовой власти. «А царству ихъ (московскихъ князей) начатокъ отъ Сеостра и отъ Августа, кѣсаря Римска, сей бо Августъ пооблада вселенною». Такъ оканчивается посланіе Спиридона. Передъ мыслью писавшаго эти строки носился образъ всемірной монархіи. Въ шапкѣ Мономаха и въ крабійцѣ, изъ которой «Августъ кесарь веселяшеса», ему видѣлся символическій залогъ будущаго необъятнаго величія Москвы. Являлись вызванныя изъ сумрака вѣковъ величавыя тѣни римскаго императора и загадочнаго египетскаго фараона и открывали передъ московскими князьями заманчивую даль, на горизонтѣ которой рисовалось блестящее марево всемірной власти.

3) Повѣсть о древнихъ монархахъ и ея продолженіе, разсказъ о Мономахѣ, передаются въ Сказаніи о князьяхъ Владимірскихъ и въ

послании Спиридона-Савы. Изложение этих памятников, при до- словномъ большею частью сходствѣ, представляетъ однако и нѣкото- рья разницы. Какъ объяснить эти разницы? Въ какомъ порядкѣ слѣ- дуетъ распредѣлить изучаемые тексты? Гдѣ первоначальная основа и гдѣ позднѣйшая переработка? Сличеніе Сказанія и Посланія не даетъ отвѣта на эти вопросы: видимъ разницы, но не отыскиваемъ оснований для предпочтенія одного чтенія другому. Отношеніе этихъ текстовъ можетъ нѣсколько разъясниться лишь путемъ сопоставле- нія Сказанія и Посланія съ текстомъ, пореданнымъ въ «Родословцѣ великихъ князей». Вотъ данныя, полученныя при такомъ сопо- ставленіи.

а) Въ началѣ и въ концѣ Спиридонова посланія мы находимъ замѣтки, изъ которыхъ узнаемъ объ авторѣ и о времени появленія этого произведенія. Въ Сказаніи и Родословцѣ такихъ замѣтокъ нѣтъ; это—памятники анонимные.

б) Первый отдѣлъ повѣствованія о древнихъ владостержцахъ до разказа объ Юліѣ Кесарѣ и Августѣ совершенно сходенъ въ Ска- заніи и Родословцѣ. У Спиридона въ этомъ отдѣлѣ есть нѣкоторыя добавки. Послѣ извѣстія о нѣкоемъ начальникѣ, появившемся въ Калаврійскихъ странахъ, Спиридонъ говоритъ: «имяше же и Симъ, сынъ Ноевъ, сынъ именовъ Армаксадъ, отъ его же рода правнукъ его Гайдуварій». Этихъ словъ нѣтъ въ Сказаніи и Родословцѣ: Гай- дуварій называется правнукомъ упомянутого выше калаврійскаго «на- чальника», имя котораго обозначается не одинаково (Фарсисъ, Фа- рисъ, Арфаксъ). Нѣтъ въ Сказаніи и Родословцѣ и замѣтки о Пто- ломеяхъ: «И отъ Птоломѣя Заѣчича до Птоломѣя прокаженнаго пре- минуло во Египте Птоломѣевъ 20». Спиридонъ вставилъ эту замѣтку передъ извѣстіемъ объ удаленіи матери Александра къ ея отцу Фолу.

в) Второй отдѣлъ повѣсти, разказъ объ Юліи Кесарѣ и о борьбѣ Августа съ Антоніемъ, сходенъ въ Сказаніи и Посланіи; Родосло- вецъ измѣняетъ порядокъ подробностей. Въ первыхъ двухъ памят- никахъ послѣдовательность событій такая: Юлій посылаетъ зятя своего Антонина въ Египеть; Клеопатра вступаетъ съ нимъ въ переговоры, которые оканчиваются бракомъ римскаго полководца и египетской царицы. Узнавъ о томъ, что Антонинъ «воцарился» въ Египтѣ, Юлій отправилъ противъ него брата своего Августа. Походъ окон- чился покореніемъ Египта. Антоній убитъ: Клеопатра «умори себе ядомъ аспидовымъ». Въ это время противъ Юлія Кесаря возстали ипаты Врутосъ, Помплій и Красъ. Юлій убитъ. Извѣстіе объ этомъ дошло до Египта. Римскія дружины провозгласили Августа импера-

торомъ. Въ Родословцѣ тѣ же событія разсказаны въ иной послѣдовательности. Вслѣдъ за извѣстіемъ о Клеопатрѣ, управлявшей Египтомъ «подъ отцемъ своимъ Птоломеемъ», читаемъ: «и въ то время бысть въ Римѣ первый римскій кесарь Іуліе, и пришедъ во Египеть и сотвори Египеть и Клеопатру подѣ областію римскою и прииде въ Римъ». Брутусъ, Помпій и Красъ убили Юлія. Августъ, его сыновець, объявленъ императоромъ и торжественно коронованъ. Въ это время пришло извѣстіе, что Клеопатра свергла власть Рима. Августъ посылаетъ противъ нея своего зятя Антонина. Антонинъ перешелъ на сторону египетскѣй царицы. Августъ съ своими братьями, собравъ большое войско, двинулся въ Египеть. Антонинъ убитъ. Клеопатра умерла отъ яда.

г) Вслѣдъ за тѣмъ что переданными извѣстіями въ Сказаніи и въ Родословцѣ читаемъ: «въ лѣто 5457 году Августу кесарю Римскому грядущу во Египеть со своею братією и со своими ипаты, со многимъ воинствомъ на Клеопатру царицу, яже бѣ власть египетская, роду суци Птоломѣева, и срѣте его Иродъ Антипатовъ асколонитянинъ и творя ему великое послуженіе вои, пищею и дары, предаде же Богъ Египеть и Клеопатру въ руцѣ Августу Кесарю». У Спиридона этой замѣтки нѣтъ.

д) Въ перечнѣ Августовыхъ намѣстниковъ Сказаніе опускаетъ имя Киринаея, упомянутое въ Посланіи Спиридона и въ Родословцѣ.

е) Въ Родословцѣ вступительная часть, имѣющая сходство съ Посланіемъ и Сказаніемъ, оканчивается извѣстіемъ о Прусѣ. Слѣдующій затѣмъ разсказъ о призваніи князей составленъ по лѣтописи. Въ Посланіи и въ Сказаніи преданіе о Гостомыслѣ и Рюрикѣ изложено одинаково.

ж) Сходны, какъ выше было замѣчено, разсказы о Владимірѣ Мономахѣ, помѣщенные въ Сказаніи и въ Посланіи. Исключеніе составляетъ одна подробность: въ сказаніи, послѣ упоминанія о походѣ русскихъ войскъ во Фракію, сказано; «Тогда бѣ во Царѣградѣ благочестивый царь Константинъ Мономахъ, и в то время брань ими с персы и съ латыми»¹⁾. У Спиридона этого извѣстія нѣтъ.

з) Замѣтка о папѣ Формозѣ въ Сказаніи помѣщена въ концѣ; въ Посланіи она вставлена въ разсказъ о Мономахѣ. Въ изложеніи замѣтки есть разницы²⁾.

¹⁾ Это извѣстіе о персахъ и латыняхъ удерживается и въ спискахъ сказанія о мономаховой шапкѣ, передаваемого въ видѣ отдѣльной статьи.

²⁾ Текстъ замѣтки о Формозѣ см. въ приложеніи IV (примѣч. къ Спиридону посланію).

На основаніи этихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ сопоставленія трехъ параллельныхъ текстовъ, съ увѣренностью можно утверждать, что Сказаніе о князехъ Владимірскихъ сохранило намъ текстъ древнѣйшій, наиболѣе близкій къ первоначальному. Въ Посланіи Спиридона находимъ нѣсколько такихъ добавокъ, которыя не повторяются ни въ Сказаніи, ни въ Родословцѣ (объ Арфаксадѣ, о Птоломеевѣ Заечичѣ); эти добавки составляютъ принадлежность только Спиридонова Посланія. Подобнымъ же образомъ въ Родословцѣ есть такія измѣненія (порядокъ извѣстій объ Августѣ и Антоніѣ), которыя принадлежатъ только этому памятнику. Сказаніе о князьяхъ свободно отъ этихъ добавокъ и перестановокъ, находимыхъ въ Посланіи и въ Родословцѣ, почему особенности этихъ послѣднихъ памятниковъ легко могутъ быть объяснены, какъ неодинаковое измѣненіе того основнаго изложенія, которое находится въ Сказаніи. Чтобы полнѣе убѣдиться въ справедливости этого замѣчанія, допустимъ иное объясненіе. Предположимъ, что основнымъ текстомъ слѣдуетъ признать Посланіе Спиридона. Какъ при этомъ объяснить, что редакторы Сказанія и Родословца сошлись въ измѣненіи этой предполагаемой основы? Тотъ и другой прибавили извѣстіе о встрѣчѣ Августа съ Иродомъ, тотъ и другой выбросили извѣстіе о Птоломеевѣ Заечичѣ. Можно, пожалуй, допустить новую догадку: Посланіе Спиридона было переработано въ Сказаніи о князьяхъ; составитель Родословца воспользовался этой переработкой, но не оставилъ бывшаго у него подъ руками текста неизмѣненнымъ, а внесъ въ него новыя поправки. Остановиться на этомъ предположеніи мѣшаютъ особенности тѣхъ мѣстъ Спиридонова Посланія, которыми оно отличается отъ Сказанія. У Спиридона упоминаются два Арфаксада, сынъ Ноя и сынъ Симы, предокъ Гайдуварія. Въ Сказаніи и въ Родословцѣ Гайдуварій, какъ мы видѣли, называется потомкомъ Афета, правнукомъ Фарсиса (или Арфакса). Какъ объяснить эту разницу? Въ Сказаніи два раза упоминается объ Арфаксадѣ, при чемъ въ одномъ случаѣ онъ называется сыномъ Ноя («отъ исторіи Ханаонова и предѣла Арфаксадова, перваго сына Ноева, рождынагося по потопѣ»), въ другомъ сыномъ Симы («и благослови *Симова сына* Арфаксада, яко да вселится въ предѣлахъ ханаонскихъ»). Это противорѣчіе указываетъ на очевидную порчу текста. Повидимому, подобный же испорченный текстъ былъ и подъ руками Спиридона. Чтобы устранить разногласіе, онъ и во второмъ случаѣ назвалъ Арфаксада сыномъ Ноя: «благослови же и четвертаго *своего сына* Арфаксада вселитися въ ханаоновыхъ предѣлахъ». Но чтобы сохранить упоминаніе и о Симвомѣ

сынъ Арфаксадъ (о которомъ Спиридонъ могъ знать изъ Библии), онъ вставилъ замѣтку: «имяше же и Симъ, сынъ Ноевъ, сынъ именемъ Арфаксадъ». Обратное предположеніе, признаніе Спиридонова текста основнымъ оставляетъ необъяснимымъ, почему редакторы позднѣйшихъ текстовъ нашли нужнымъ опустить только что приведенную замѣтку. Также было бы трудно объяснить опущеніе извѣстія Спиридона о Птотомеѣ Заечичѣ.

Обратимъ еще вниманіе на вступительныя строки Спиридонова Посланія: «Слышаніе мое еже потребовалъ еси отъ насъ своимъ писаніемъ и нашими черныцы, ищучи отъ насъ нѣкихъ прежнихъ глѣтъ ото историкіи, отъ Ханаонова предѣла, рекомаго отъ Арфаксадова» и т. д. На основаніи этихъ словъ можно, кажется, утверждать, что Спиридонъ не былъ первымъ писателемъ переданнаго имъ сказанія. Тотъ, кто спрашивалъ Спиридона, имѣлъ, очевидно, въ виду что-то опредѣленное, какое-то повѣствованіе, о которомъ, вѣроятно, слышалъ, но не имѣлъ подробныхъ и ясныхъ свѣдѣній. Если же въ то время, когда Спиридонъ получалъ какіе-то настойчивые запросы отъ своего духовнаго сына, совсѣмъ не было извѣстно сказаніе «отъ исторіи Ханаоновы», если оно впервые сложено самимъ Спиридономъ, то о чемъ же спрашивалъ его тотъ, къ кому обращено посланіе?.. Правда, въ концѣ посланія Спиридонъ говоритъ: «увидѣхоть отъ историкіи Гаднуарія нѣкоего именемъ отъ рода Арфаксадова, первое исписавшу астрономию во Асирью Еврѣиска и о(тъ) капитулы римскы; не просто бо глаголетъ государей нашихъ поколѣнства благочестія удръжавшихъ православныя вѣры, родомъ бо ихъ начатокъ отъ Месрема внука Ноева». Такъ говорить могъ, повидимому только первый писатель сказанія. Но самое содержаніе приведенной замѣтки устраняетъ, конечно, возможность видѣть въ ней указаніе на первоначальные источники Спиридонова Посланія. У какого астронома нашелъ Спиридонъ свѣдѣнія о родѣ русскихъ князей? О Гаднуаріи (или Гайдударіи) авторъ Посланія узналъ, конечно, изъ того же сказанія, которое передавалъ. Замѣтка о первомъ писателѣ астрономіи помѣщена въ сказаніи въ началѣ памятника, прежде разсказовъ объ Августѣ, Прусѣ и т. д. Спиридонъ принялъ эту мимоходную замѣтку за цитату, за указаніе на литературный источникъ. Выраженіе: «капитулы римскы» указываетъ только на то, что Спиридонъ зналъ латинское слово: capitulum, какъ зналъ его и составитель Азбуковника, написавшій: «капитулумъ—глава» ¹⁾. Римскіе

¹⁾ Сазаровъ, Сказ. р. народа, т. II, стр. 163.

нежели съ малоуміемъ иаліати крови челоѣческія». Вѣроятно, въ такомъ именно видѣ передавалась рѣчь Клеопатры и въ первоначальномъ текстѣ. Выше я указалъ на странную путаницу, окружающую имя Арфаксада: въ Сказаніи Арфаксадъ называется сначала сыномъ Ноя, а потомъ — сыномъ Сима; у Спиридона въ томъ и другомъ случаѣ Арфаксадъ — сынъ Ноя; объ Арфаксадѣ, сынѣ Сима, въ посланіи помѣщена особая замѣтка; въ Родословцѣ упоминается одинъ только Арфаксадъ — сынъ Сима. Последнее чтеніе, опирающееся на Библию, нужно, конечно, назвать основнымъ. Видимъ такимъ образомъ, что Родословецъ сохранилъ по мѣстамъ первоначальный текстъ лучше, чѣмъ Сказаніе и Посланіе.

Нельзя еще не обратить вниманія на нѣкоторую отрывочность изложенія въ началѣ и въ концѣ Сказанія. Памятникъ начинается словами: «Отъ исторіи Ханаоноvy и предѣла Арфаксадова, перваго сына Ноева, рождышагося по потоу; по отца своего Ноя благословенію раздѣлѣна вся вселенная на три части» и т. д. Въ такомъ зачинѣ бросается въ глаза отсутствіе вступительной замѣтки, отсутствіе «приступа», столь обычнаго въ произведеніяхъ нашихъ старинныхъ книжниковъ. Что касается окончанія Сказанія, то оно обрывается, какъ мы видѣли, на замѣткѣ о папѣ Формозѣ; въ нѣкоторыхъ спискахъ эта замѣтка опущена. Такое вступленіе и заключеніе придаютъ Сказанію видъ какого-то фрагмента, видъ небольшой главы, входившей первоначально въ составъ какого-то болѣе обширнаго труда. Отрывочность Сказанія подтверждается и самымъ его заглавіемъ. Памятникъ называется: «Сказаніе о князехъ Владимірскихъ», но о князьяхъ Владимірскихъ въ немъ совсѣмъ не говорится. Первоначально заглавіе и содержаніе, конечно, совпадали.

Какой же видъ могъ имѣть этотъ первоначальный памятникъ, на основѣ котораго сложилось Сказаніе о князехъ Владимірскихъ и его позднѣйшая переработка? Сказаніе расположено по родословной схемѣ: Рюрикъ — отъ рода кесаря Августа; отъ Рюрика четвертое колѣно — Владиміръ святой, отъ него четвертое колѣно Владиміръ Всеволодовичъ. На рассказъ о Владимірѣ Всеволодовичѣ сказаніе обрывается. Не слѣдуетъ ли предположить, что родословіе продолжалось и далѣе?

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на то, что текстъ Повѣсти «Отъ исторіи Ханаоноvy» вносился въ «Родословецъ великихъ князей», а этотъ Родословецъ помѣщался, какъ вступительная глава, въ родословныхъ книгахъ. Припомнимъ свидѣтельство Татищевскаго свода о митрополитѣ Кипріанѣ, который будто бы описалъ «степени великихъ князей русскихъ»¹⁾. Въ этомъ извѣстіи нужно отдѣлить

¹⁾ Исторія Росс., кн. IV, стр. 424.

упоминание о памятникѣ отъ опредѣленія его автора. Имя Кипріяна могло быть внесено въ извѣстіе на основаніи преданія или догадки, точность которыхъ нельзя доказать. Иное значеніе имѣетъ указаніе на памятникъ. Тотъ, кто первый записалъ извѣстіе, сохраненное Татищевымъ, имѣлъ, конечно, въ виду какое-то опредѣленное произведеніе. Ни извѣстный намъ Царскій Родословецъ, ни Степенная книга въ ея позднѣйшемъ составѣ не могли быть приписаны Кипріяну. Не представляеть ли Сказаніе о князехъ Владимірскихъ отрывка того именно генеалогическаго труда, который приписывался (хотя бы ошибочно) м. Кипріяну? Схема, данная этимъ памятникомъ, могла лечь въ основу позднѣйшихъ генеалогическихъ работъ, причѣмъ первоначальный текстъ могъ подвергаться и сокращеніямъ и добавкамъ. На той же генеалогической схемѣ, осложненной сводомъ историческихъ извѣстій и сказаній, построена и Степенная книга.

Извѣстная намъ редакція Степенной книги выработана несомнѣнно при м. Макаріѣ († 1564), не ранѣе при томъ 1555 года ¹⁾. Но мы имѣемъ прямыя указанія на то, что памятникъ, носившій названіе Степенной книги, извѣстенъ былъ и ранѣе этого времени. Василій Тучковъ, написавшій въ 1537 году житіе Михаила Клопскаго, ссылается въ этомъ трудѣ на Степенную книгу ²⁾. Въ позднѣйшей Макаріевой редакціи Степенной несомнѣнно подверглись существенной переработкѣ первыя, вступительныя страницы древняго памятника. Макаріева Степенная начинается, какъ извѣстно, житіями княгини Ольги и Св. Владиміра. Оба эти житія написаны при м. Макаріѣ, по его благословенію. Что же находилось на первыихъ страницахъ древней редакціи Степенной книги? Вѣроятно, въ этой древней редакціи не было обстоятельныхъ свѣдѣній объ Ольгѣ и Владимірѣ; поэтому-то и понадобилось написать и внести въ пополнившуюся книгу ихъ житія. Такое отсутствіе разсказовъ объ Ольгѣ и Владимірѣ; не покажется страннымъ, если допустимъ, что составитель первоначальной Степенной поставилъ себѣ задачей представить свѣдѣнія о князьяхъ именно Московскихъ. Онъ могъ поэтому ограничиться лишь бѣглымъ упоминаніемъ о древнѣйшихъ князьяхъ, а болѣе подробное повѣствованіе начать съ ближайшаго родоначальника князей Московскихъ—Владиміра Мономаха. Такое именно изложеніе мы и найдемъ въ Сказаніи о князехъ Владимірскихъ, если

¹⁾ Макаріѣ, Исторія р. церкви, VII, стр. 459; *Ключевскій*, Древне-русск. житія святыхъ, стр. 242.

²⁾ Памяти. старинн. русск. литерат., вып. IV, стр. 48.

допустимъ, что Сказаніе это имѣло продолженіе въ видѣ ряда историческихъ извѣстій о представителяхъ младшей линіи Мономаховичей—потомкахъ Юрія Владиміровича ¹⁾).

4) Когда появилось Сказаніе о князехъ Владимірскихъ или тотъ болѣе ранній памятникъ, изъ котораго извлечено было это сказаніе?—Посланиемъ Спиридона опредѣляется *terminus ad quem*: Сказаніе появилось не позже 1523 года. Что касается другой грани, ранѣе которой не могло явиться Сказаніе, то она, конечно, не можетъ быть опредѣлена вполне точно; можно только замѣтить, что мы едва-ли имѣемъ право отодвигать эту грань на далекое разстояніе отъ указаннаго конечнаго пункта. Спиридонъ сообщаетъ своему корреспонденту повѣсть «отъ исторіи Ханаоновы» какъ произведеніе мало извѣстное, какъ своего рода литературную новинку. По этому поводу можно, пожалуй, замѣтить, что знакомство съ великокняжескимъ родословіемъ могло быть не всѣмъ доступно, извѣстность этого памятника могла распространяться не легко и не скоро. Припомнимъ приведенное выше извѣстіе Данила Принтца: *In annalibus suis, quorum tamen cum difficultate nostratibus copiam faciunt, scriptum habent, Augusti fratrem Prussum ad mare Balthicum et Vistulam consedisse* и т. д. То, что считалось запретнымъ для иностранцевъ, не пользовалось, вѣроятно, извѣстностью и въ русскомъ обществѣ, ибо иначе и самое запрещеніе лишено было бы значенія. Можно бы остановиться на этомъ соображеніи, еслибы не было данныхъ, позволяющихъ утверждать, что не далѣе, какъ во второй половинѣ XV вѣка, Сказаніе о князехъ Владимірскихъ не было извѣстно лицамъ, для которыхъ преданіе о родѣ русскихъ князей не могло, конечно, быть тайной. Я имѣю при этомъ въ виду посланіе ростовскаго архіепископа Вассіана къ Ивану III по поводу нашествія хана Ахмата (1480). Въ этомъ посланіи читаемъ: «поревнуй прежебывшимъ прародителемъ твоимъ великимъ княземъ; не точію Рускую землю обороняю отъ поганыхъ, но иныя страны приимаю подъ себе, еже глаголю Игоря и Святослава, и Владимира, иже на греческихъ царехъ дань имали,

¹⁾ Встрѣчаются указанія на списки Степенной книги особаго состава, отступающаго отъ Макаріевой редакціи. Въ 1845 г. *Поюдинъ* помѣстилъ въ *Москвитянина* (т. VI, 154) такую замѣтку: «я приобрѣлъ *хронографъ*; въ немъ, кромѣ обыкновенныхъ извѣстій, помѣщена Степенная книга безъ житій и словъ».—Въ Московской Синодской бібліотекѣ есть списокъ Степенной (№ 277), который во многомъ не сходенъ съ печатнымъ изданіемъ; оканчивается 16 степенью», то-есть, Васиіемъ Ивановичемъ (*Савва*, Указ. сн. ризн. и библиот. 1858, стр. 254; ср. *Записки отд. р. и слав. археологій*, III, стр. 57, прим.).

потомъ же и Владимира Мономаха, како и коли бился со окаянными Половци за Русьскую землю, и иные мнози, ихъ же паче насъ ты вѣси». Это обращеніе къ Ивану III очень близко напоминаетъ своимъ составомъ ту рѣчь, съ которой обращается Владиміръ Мономахъ къ своей дружинѣ въ Сказаніи о князехъ Владимірскихъ: «егда азъ есмь юнѣйшій преже мене державствовавшихъ и хоругви правящихъ скипетра великія Росія, яко той князь великій Олегъ ходилъ и взять съ Царяграда великую дань и здравъ возвратился во свояси, и потомъ князь великій Святославъ Игоревичъ взять на Константиновѣ градѣ тяжчайшую дань, а мы есмь наслѣдницы прародителей своихъ и отца моего Всеволода» и т. д. Вассіанъ говоритъ о походахъ на Цареградъ нашихъ древнихъ князей, называетъ при этомъ Игоря, Святослава, Владимира Святаго; онъ упоминаетъ и о Владиміръ Мономахѣ, но не даетъ ему мѣста въ ряду князей, боровшихся съ греческими царями: о Мономахѣ говорится только, что онъ бился съ Половцами. Нельзя допустить, чтобы Вассіанъ оставилъ не упомянутымъ такое блистательное дѣло, какъ походъ русскихъ дружинъ во Фракію, походъ, окончившійся пріобрѣтеніемъ царскаго вѣнца, если только походъ этотъ извѣстенъ былъ Ростовскому архіепископу. Вассіанъ, очевидно, не зналъ Сказанія о князехъ Владимірскихъ. Но можно-ли предполагать, что ростовскій архіепископъ, ближайшій совѣтникъ Ивана III, его духовный отецъ, не былъ знакомъ съ памятникомъ, передающимъ свѣдѣнія о родѣ русскихъ князей, если только памятникъ этотъ существовалъ въ то время, когда написано Вассіаново посланіе?... Остается признать, что въ 1480 г. Сказаніе о князехъ Владимірскихъ еще не было извѣстно ¹⁾. Отсут-

¹⁾ Ср. *Прозоровскій* op. cit. 15. Въ сборникъ Румянцевскаго музея (358) начала XVI вѣка помѣщено «Родословіе великихъ князей русскихъ», доведенное до Ивана III. Статья эта начинается такъ. «Первый князь на роускои земли Гурякъ, пришедь изъ немецкои земли, роди Игоря» (*Востоковъ*, Опис. рукоп. Рум. Музея, стр. 508). Такое же родословіе см. въ лѣтописи *Дерамки* (кон. XV или нач. XVI в.) и въ спискѣ XV вѣка Новгородской первой лѣтописи, (II. Собр. р. лѣт. XVI, 261, 307; Новгород. первая лѣтоп. изд. 1889 г., 431). Упоминанія о Прусѣ нѣтъ. Какъ видно, генеалогія русскихъ князей отъ римскаго влстителя еще не пользовалась извѣстностью въ началѣ XVI вѣка.— Въ чинѣ поставленія на великое княжество Дмитрія Ивановича (въ 1498 г.) упоминаются шапка и бармы княжескія, но нѣтъ никакого указанія на историческое значеніе этихъ вещей. Въ чинѣ царскаго вѣнчанія съ именемъ Ивана IV упоминается уже крестъ животворящаго древа, который прислалъ «греческый царь Костянтинъ Мономахъ на поставленіе великимъ княземъ русскимъ съ бармами и съ шапкою, съ Неофитомъ ефесскимъ митрополитомъ и съ прочими посланниками» (*Барсовъ*, Древне-русскіе памятн. вѣнчанія царей, 38, 50, 61).

стві какихъ бы то ни было слѣдовъ этого сказанія въ памятникахъ русской письменности до XVI вѣка служить безмолвнымъ подтвержденіемъ этого положенія.

Случаевъ, при которыхъ могло бы припомниться сказаніе, представлялось не мало. Старо-русскіе писатели, когда имъ приходилось касаться положенія родной земли послѣ нашествія монголовъ, охотно возвращались мыслью къ болѣе древней порѣ, когда Русь еще не знала иноземнаго ига, когда не появлялся еще «языкъ не милостивъ, языкъ лють, языкъ не щадящъ красы уныхъ, немощи старецъ, младости дѣтій». По противоположности съ временемъ господства свирѣпыхъ инородцевъ предшествующая, домонгольская эпоха рисовалась въ чертахъ идеальнаго величія и счастья, какъ пора національной славы и общепризнаннаго могущества. «Отъ Рюрика начася державство въ Новѣгородѣ,—читаемъ въ древнемъ родословцѣ русскихъ князей,—отъ Игоря же сына его в Киевѣ и до Всеволода Юрьевича державствоваху, отъ нихъ же вси страны трепетаху ближніи и далніи, и сами гречестіи царіе, вси повиновашуся имъ и дань даяху отъ моря до моря: Угрове, и Чахи, и Ляхи, и Ятвязи, и Литва, и Нѣмцы, и Чюдь, и Корѣла, и Устюгъ, и обои Болгары, Буртасы и Черкасы, Мордва и Черемиса, и саміи Половци дань даяху и мосты мостяху; *Литва же тогда бояхуся и изъ лѣсовъ выницати*, Татарове же тогда ни слухомъ именовашуся» *). Вспоминались при этомъ имена знаменитыхъ князей, изъ ряда которыхъ выдѣлялся съ особенной яркостью образъ «добраго страдальца за Русскую землю». Въ «Словѣ о погибели Роускыя земли» читаемъ: «отсель до Оугоръ и до Ляховъ, до Чаховъ, отъ Чаховъ до Ятвязи, и отъ Ятвязи до Литвы, до нѣмецъ, отъ Нѣмецъ до Корѣлы, отъ Корѣлы до Оустьюга, гдѣ тамо бяху тоимици погани и за дышючимъ моремъ, отъ моря до Болгарь, отъ Болгарь до Боуртасъ, отъ Боуртасъ до Чермисъ, отъ Чермисъ, до Морьдви,—то все покорено было Богомъ кртіяньскому языкоу, поганьскыя

*) Рукоп. Погод. дрвлекхран. № 1423. Такое изображеніе благо величія Русской земли повторяется и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ памятникахъ. Такъ въ «Сказаніи о началѣ Московскаго рода» Каменевича-Рвовскаго послѣ перечисленія племенъ, платившихъ нѣкогда дань Руси, читаемъ: «Литва вся убо тогда бояхуся и изъ лѣсовъ вонъ вынитца, татарове же тогда не сказовахуся и ниже слухъ ихъ къ намъ доношашеся и ни именовашеся». (Рукоп. Моск. синод. библиот. № 964, л. 501). Къ былымъ данникамъ Руси причисляются Каменевичемъ: Угры, Чехи, Ляхи, Ятвяги, Литва, Нѣмцы, Чудь, Корела, Устюгъ, Болгары двои, Буртасы, Черкасы Запорожскіе, Мордва, Черемиса, Половцы.

страны великому князю Всеволоду, отцу его Юрию князю Киевскому, дѣду его Володимеру Манамаху, которымъ то Половоци дѣти своя ношаху в колыбѣли, а *Литва из болота на сѣтъ не выникиваху*, а Оугры твердаху каменны города желѣзными вороты, абы на нихъ великыи Володимеръ тамо не выѣхалъ, а иѣмца радовахоуся, далече боудоуче за синимъ моремъ; Боуртаси, Черемиси, Вада и Морѣдва бортьничахоу на князя великаго Володимера, и жюръ *Маноуиль црегородскый* опасъ имѣя, поне и *великыя дары посилаша к нему*, абы подъ нимъ великыи князь Володимеръ црягорода не взялъ»⁶⁾. Авторъ «Слова» рисуеть силу и могущество Владимира Мономаха, подробно говоритъ объ его отношеніяхъ къ соседямъ, упоминаеть о греческомъ царѣ и умалчиваетъ о походѣ русскихъ дружинъ къ Цареграду, о полученіи царскаго вѣнца и бармъ.

⁶⁾ «Слово о погибели Русскыя земли» найдено и издано *Хр. М. Лопаревымъ* (Памятники древней письменности, 1892, № LXXIV). Рукопись изъ которой извлеченъ изданный текстъ, — XV вѣка, самый памятникъ издатель относитъ къ XIII вѣку. — «Слово» слагается изъ трехъ частей: а) небольшого вступленія; б) отрывка изъ сказанія о нашествіи монголовъ и в) житія Александра Невскаго. Во вступленіи рисуется такая картина: «О свѣтло свѣтлая и украсно украсена земля Русская! И многими красотами удивлена еси, озера многими удивлена еси, рѣками и кладязьми мѣсточестыными, горами крутыми, холми высокими, дубравами чистыми (частыми?), полями дивными, звѣрми различными, птицами бесчисленными, городами великими, селы дивными, винограды обителными, дома церковными, и князьми грозными, бояры честными, вельможами многими! всего еси исполнена земля руская, о правовѣрная вѣра христіанская!» Вступленіе это — одинъ изъ образцовъ агиографической риторикки. Подобное же вступленіе находимъ въ житіи св. Феодора кн. ярославскаго, составленномъ Андреемъ Юрьевымъ: «О свѣтлая и пресвѣтлая Русская земле! и преукрашенная многими рѣками и различными птицами, и звѣрми и всякою различною тварію потѣшая Богъ человека, и сътворилъ вся его ради на потѣху и на потребу различныхъ искушеній чловѣческаго ради естества, и потомъ подарова Господь православною вѣрою, св. крещеніемъ, наполнивъ ю великими грады и дома церковными и насытивъ ю боголюбивыми книгами» и т. д. (*Ключевскій*, Древне-русскія житія святыхъ, какъ историч. источникъ, стр. 173). — Вслѣдъ за приведеннымъ вступленіемъ въ «Словѣ о погибели» читаемъ: «Отселъ (?) до Угоръ и до Ляховъ, до Чаховъ, отъ Чаховъ до Ятвгана» и проч. Безсвязность изложенія, неожиданность перехода указываютъ на работу нечеловкаго компилятора. Вступленіе, очевидно, не входило въ составъ сказанія о «Погибели русскія земли», а присоединено позже тѣмъ книжнымъ чловѣкомъ, который переработалъ житіе Александра Невскаго, дополнивъ его выдержками изъ повѣсти о нашествіи монголовъ. Замѣтимъ еще, что выраженія, сходныя съ «Словомъ о погибели» встрѣчаются въ томъ житіи Александра Невскаго, которое помѣщено въ Степенной книгѣ (въ изд. Миллера; ч. I, стр. 322—323)

Новое доказательство позднего появления разсказа о мономаховыхъ инсигніяхъ!

Въ Сказаніи о князехъ Владимірскихъ Владиміръ Всеволодовичъ представляется современникомъ византійскаго императора Константина Мономаха. Въ «Словѣ о погибели» — иной анахронизмъ: Владиміръ Мономахъ († 1125) получаетъ дары отъ императора Мануила (1143—1180). Извѣстно, что Мануилъ находился въ живыхъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми русскими князьями: дружилъ съ галицкими князьями Владиміркомъ и Ярославомъ Осмомысловъ, пріютилъ у себя братьевъ Андрея Боголюбскаго, которыхъ тотъ изгналъ изъ предѣловъ Руси, ¹⁾ прислалъ въ 1164 году *богатые дары великому князю кievскому* Ростиславу Мстиславичу: «присла царь (Мануилъ) дары многы Ростиславу, оксамиты и паволокы и вся узорочья разноличнаа» ²⁾, сказано въ лѣтописи. «Слово о погибели» замѣняетъ имя Ростислава именемъ его знаменитаго дѣда. Для объясненія такой замѣны нужно обратить вниманіе на хронологическую запутанность, окружающую въ нашихъ временникахъ имя императора Мануила. Подробныя Византійскія хроники, извѣстныя въ славянскомъ переводѣ, обрываются на историческихъ данныхъ, предшествующихъ эпохѣ комниновъ. Хроника Манассіи доходитъ до 1081 г., т. е. до вступленія на престолъ Алексѣя Комнина; болѣе поздняя хроника Зонары обрывается *въ переводѣ* на болѣе ранней порѣ ³⁾. Откуда же брали наши древніе писатели хронологическія указанія, касающіяся византійской исторіи XII, XIII, XIV вв.? По древне-русскимъ рукописямъ извѣстна краткая Византійская хроника («Цари царствующіи въ Константинѣ градѣ, православніи же и еретници»), доходящая до 1391 или даже до 1425 г. ⁴⁾. Хроника эта помѣщалась, обыкновенно, вслѣдъ за «Лѣтописцемъ въскорѣ» патріарха Никифора, какъ его продолженіе; содержаніе хроники ограничивается перечнемъ византійскихъ императоровъ съ указаніемъ лѣтъ ихъ царствованія и съ отмѣтками, кто изъ царей былъ православенъ и кто еретикъ. Въ перечнѣ есть крупныя ошибки. Такъ, продолжительность царствованія Алексѣя Комнина опредѣлена въ *семь лѣтъ и шесть мѣсяцевъ* вмѣсто *тридцати семи лѣтъ и пяти мѣсяцевъ* ⁵⁾.

¹⁾ Карамзинъ, И. Г. Р. II, 156, 184, 181.

²⁾ П. Собр. р. лѣтоп. II, 92.

³⁾ Поповъ, Обзоръ хронографовъ, II, 8—15.

⁴⁾ Ibid. I, 186, II, 15.

⁵⁾ П. Собр. р. лѣтоп. IX, стр. XXI. Ср. Терновскій, изученіе византійской исторіи въ древней Руси, I, стр. 142—143.

русскій выливной эпосъ.

Эта роковая ошибка вела къ неизбежному анахронизму, при сопоставленіи византійской исторіи съ русской. Такъ, царствованіе императора Мануила, отодвигаясь при означенной ошибкѣ на 30 лѣтъ назадъ, должно было падать на 1113—1150 гг. *Мануилъ* оказывался повтому *современникомъ Владимира Мономаха*. «По Иванѣ царствова сынъ его Мануилъ Порфирогенить, сирѣчь Багренородный, лѣтъ 38, православенъ... При семь цари Мануилѣ, по преставленіи Святополка Изяславича, вниде Володимеръ Манамахъ, сынъ Всеволожъ, внукуъ Ярославль, правнукуъ великаго Владимира, въ Кіевъ, въ недѣлю, и сяде на великомъ княженіи, на столѣ отца своего Всеволода въ Кіевѣ, мѣсяца марта въ 20 день» ¹⁾. Такъ сказано въ лѣтописномъ сводѣ московской редакціи. Эта ошибка повторяется въ хронографѣ: «при семь цари Мануилѣ въ лѣто 6620 преставися Святополкъ Изяславичъ, былъ на великомъ княженіи лѣтъ 21. И сѣде на великое княженіе въ Кіевѣ Владимиръ Мономахъ, сынъ Всеволожъ» ²⁾. Эту же мнимую современность Мануила и Владимира Мономаха имѣлъ въ виду и авторъ «Слова о погибели рускія земли». Онъ зналъ, что императоръ Мануилъ прислалъ богатые дары великому князю Кіевскому, а такъ какъ Владимиръ Мономахъ признавался современникомъ Мануила, то извѣстіе о дарахъ этого царя получило въ «Словѣ» такой видъ: «Жюрь Мануилъ великия дары послаше к нему» (Владимиру Мономаху). Трудно усмотрѣть какую-либо связь этого псевдо-историческаго извѣстія съ Сказаніемъ о князехъ Владимірскихъ. Павлоки и оксамиты Мануила не могли подсказать преданія о царскомъ вѣнцѣ и о походѣ во Фракію; самое имя Мануила не могло бы исчезнуть безслѣдно въ позднѣйшихъ сказаніяхъ, если бы эти сказанія дѣйствительно имѣли связь съ извѣстіями объ отношеніяхъ Мануила къ русскимъ князьямъ.

Возвращаюсь на предняя: конецъ XV вѣка (отъ 1480 г.) и начало XVI (до 1522 г.)—таковы грани, которыми опредѣляется время составленія повѣсти «отъ исторіи ханаоновы».

5) Подъ вліяніемъ какихъ литературныхъ и общественныхъ вѣяній сложилась эта повѣсть? Какія данныя легли въ ея основу? Ученая оцѣнка той части повѣсти, гдѣ говорится о Пгрусѣ, родоначальникѣ русскихъ князей, сдѣлана была еще въ прошломъ столѣтіи Т. З. Байеромъ. По мнѣнію этого ученаго, генеалогія русскихъ князей отъ Августова брата, сложилась подъ вліяніемъ польской истори-

¹⁾ П. Собр. лѣтоп. IX, стр. 143—144.

²⁾ Изборникъ слав. и русскихъ статей, внесенныхъ въ хронографы, стр. 20, 143.

ческой литературы. У польскихъ анналистовъ передается басня о римскихъ выходцахъ, поселившихся въ Пруссіи; *inde jam facilis erat suspicio. et plena gloriae fratrem aliquem germanum Augusti deduxisse*. Басня же о римскихъ поселенцахъ могла быть плодомъ невѣрнаго пониманія какого нибудь извѣстія древнихъ писателей. *Quid movit Polonos, ut crederent Prutenos Romanae stirpis populum fuisse? Multa sane, sed intemperanter adhibita. Si quis eorum apud Plinium (is enim fere in manibus erat omnium) legerat, Neronem Augustum in haec littora misisse Julianum equitem, is ex eo solo jam cetera de coloniis somniabat, et Neronis oblitterata memoria ad Augustum, — quem alium aut notiozem in illis tenebris, quam Caesarem? — totam memoriam applicabat* ¹⁾. Мнѣніе Байера повторено съ нѣкоторыми дополненіями Татищевымъ. «У насъ, говоритъ историкъ, ни въ какихъ старыхъ хроникахъ сего, чтобъ родъ Рюриковъ отъ пруссовъ и отъ цесарей Римскихъ пошелъ, нѣтъ, а только извѣстно то, что оную сказку, отъ Цесаря Августа происшествіе, не смотря на то, что ни отъ него, ни отъ брата никакого отродія, ни по женскомъ отъ Нерона не осталось, перво Глинскій, *слыша оная басни въ Литвѣ*, привнесъ, Герберштейнъ утвердилъ, а Макарій митрополитъ первой въ свою лѣтопись... безъ всякаго отъ древнихъ доказательства за истину принявъ положилъ». Имя Глинскаго представляетъ, конечно, только ученую догадку Татищева. Въ другомъ мѣстѣ своей исторіи онъ выражается такъ: «Макарій митрополитъ, *или мало прежде его никто, прельстися польскими баснями*, хотѣлъ родъ Рюриковъ отъ Августа

¹⁾ *Paradoxa Russica de originibus Prussicis* въ изданіи *Acta Borussica ecclesiastica, civilia, literaria*, I Th. (1730), 6-tes Stück, 881—895 (статья изложена въ видѣ письма Байера къ издателю Актовъ — Michaeli Lilienthalio). — Послѣ замѣчанія о генеалогіи русскихъ князей отъ Пруса, Байеръ переходитъ къ извѣстіямъ объ Августѣ въ хроникѣ епископа Христіана: *Opportune hoc loco tibi in memoriam revocanda ducō, quae Christianus episcopus ex Rutheno item scriptore de Augusto prodidit* (887). Хроника Христіана извѣстна только по отрывкамъ, сохранившимся у позднѣйшихъ прусскихъ лѣтописцевъ. Въ одномъ изъ этихъ отрывковъ говорится, что у Христіана была въ рукахъ какая-то русская лѣтопись: «ein Buch in Reuscher Sprache, aber mit Greckschen buchstaben geschrieben dat Ime von Iaroslao die Zeit Thumprobst zu Plotzko in der Masauen geliehen wurde». Христіанъ рассказываетъ о римскихъ посланцахъ, побывавшихъ въ Россіи, Ливоніи, Пруссіи. Подробный разборъ христіановыхъ извѣстій см. въ приложеніи къ 1 тому Исторіи Пруссіи *Voigt'a* (*Geschichte Preussens*, I, Beilage IV, 667—678). — Къ мнѣнію Байера о польскомъ вліянніи на генеалогію отъ Пруса присоодинился и *Г. Хр. Миллеръ* (См. *Magazin für die neue Historie und Geographie*, v. *A. Büsching*, XVI, 340—341).

Кесаря произвести» ¹⁾). На генеалогіи русских князей отъ Августа останавливается и Шлецеръ въ своемъ «Несторѣ»; соображенія знаменитаго критика представляютъ развитіе догадки Байера и Татищева ²⁾). Ученые нашего времени также указываютъ обыкновенно на польскіе образцы того родословія, которое внесено въ Сказаніе о князехъ Владимірскихъ. Такъ академикъ Куникъ называетъ это родословіе *die durch die polnische Gelehrsamkeit jener Zeit in Russland eingedrungene Sage* ³⁾). Такого же взгляда держится и профессоръ Первольфъ: «Русскіе книжники XVI вѣка, зная кое что о производствѣ Литвы изъ Италиі, Рима,—какъ это утверждали «ученые» литовскіе лѣтописцы,—стали тоже рассказывать, что Рюрикъ былъ отъ рода римскаго кесаря Августа; этотъ кесарь назначилъ де своего брата Пруса правителемъ сѣверныхъ странъ балтійскихъ отъ Вислы до Нѣмана, въ землѣ, названной по Прусу—прускою» ⁴⁾). Особнякомъ стоитъ мнѣніе г. Гедеонова, который хотѣлъ разглядѣть въ нашей родословной слѣды преданія о славянскомъ происхожденіи «варяжскихъ» князей. «Въ этихъ преданіяхъ (о Прусѣ и его потомкѣ Рюрикѣ) Шлецеръ и Куникъ хотятъ видѣть плодъ подражанія проникшей въ Русь XVI столѣтія польской учености; между тѣмъ ни одинъ польскій историкъ не производитъ и не могъ производить русскихъ князей отъ Августа кесаря; какъ поляки, такъ и нѣмцы смѣются не безъ тайной досады надъ генеалогическими притязаніями русскихъ царей ⁵⁾). Плодомъ польской учености было извѣстіе о занесенныхъ бурей въ Балтійское море римлянахъ, о Ромовской колоніи, Полемонѣ и т. д. ⁶⁾); плодомъ русской учености—сказка объ Августѣ Кесарѣ, Прусѣ и пр. По основанію этой сказки все-таки остается убѣжденіе, что Варяги, у которыхъ поселился братъ Августовъ Прусъ и

¹⁾ Исторія Россійская, кн. I, ч. 2, стр. 390, 553.

²⁾ Несторъ, ч. I, стр. 276—288 (по перев. Языкова).

³⁾ *Berufung der Rodsen*, I, 115.

⁴⁾ Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи, т. II, 436—437. *Г. Иловайскій* замѣчаетъ: По всей вѣроятности, эта легенда появилась вслѣдствіе соревнованія съ подобной же легендой о происхожденіи Литовскихъ князей, а слѣдственно и Ягеллоновъ, отъ римскаго выходца Полемона, относимаго также ко временамъ Августа. Сія послѣдняя легенда съ особою наглядностью около того времени выступила въ западно-русской хроникѣ, извѣстной подъ именемъ Быховца. (Ист. Россіи III, 664).

⁵⁾ Авторъ указываетъ при этомъ на Стефана Баторія и переводчика генеалогіи (M. *Moscoviae ducis genealogiae brevis epitome*).

⁶⁾ Пересказъ всѣхъ этихъ извѣстій можно найти въ исторіи *Татищева* (кн. I, ч. 2, стр. 239—240; 388—390).

отъ которыхъ въ 862 г. вышли Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, жили не въ Швеци, не въ Упландскомъ Роденѣ, а на берегахъ Вислы рѣки, то-есть, были западно-славянскаго происхожденія. Не отъ сказки объ Августѣ и Прусѣ родилось преданіе о поморской отчизнѣ варяжскихъ князей, а наоборотъ; въ эпоху, когда никто еще не думалъ объ этой сказкѣ, лѣтопись упоминаетъ о сербскихъ князьяхъ «съ Кашубъ, отъ поморія Варязскаго, отъ старога града за Кгданскомъ» (Ипат. 227) ¹⁾.

Каково бы ни было значеніе общихъ соображеній г. Геденова о варяжскихъ князьяхъ и о варяжско-славянскомъ поморьѣ, съ той частью приведенной замѣтки, которая касается родословія отъ Пруса, нельзя не согласиться. Польскіе временники могли познакомить нашихъ книжниковъ съ манерой псевдо-историческихъ домысловъ, но не могли подсказать той родословной отъ Августа и Пруса, которую находимъ въ Сказаніи о князехъ Владимірскихъ. Вызываетъ, впрочемъ, сомнѣніе и самый фактъ вліянія польской литературы на произведеніе русской письменности конца XV или начала XVI вѣка. Въ Сказаніи нѣтъ нѣтъ и намека на тѣ рассказы о римскихъ колонистахъ, которые передаются польскими писателями. Еслибы «польскія басни» дѣйствительно были извѣстны русскому книжнику, онѣ такъ или иначе отразились бы въ его произведеніи, какъ отразились онѣ въ позднѣйшихъ передѣлкахъ родословія. Образцомъ такой позднѣйшей передѣлки можетъ служить рассказъ Манкіева. Упомянувъ о томъ, что Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ вели родъ «отъ сѣмене Пруса, двоюроднаго брата Кесаря Августа», авторъ «Ядра русской исторіи» прибавляетъ: «ихъ предковъ пришествіе изъ италійскихъ странъ было купно съ Полемономъ и Публиемъ Ливономъ, княземъ римскимъ, въ котораго дружинѣ было 250 благородныхъ римскихъ лицъ» ²⁾ Такъ нашелъ необходимымъ дополнить рассказъ о Прусѣ писатель, *дѣйствительно* знакомый съ псевдо-историческими извѣстіями польскихъ анналистовъ. Предполагать подобное же знакомство въ авторѣ Сказанія нѣтъ основаній. И содержаніе, и изложеніе Сказанія переносятъ насъ въ эпоху, предшествовавшую проникновенію къ намъ польской учености. Начитанность, какую выказываетъ составитель Сказанія, напоминаетъ своимъ составомъ кругъ свѣдѣній, которымъ владѣли такіе книжные люди, какъ составитель первой редакціи хронографа. Библія, греческія хроники, Слово

¹⁾ Варяги и Русь, I, 138—139.

²⁾ Ядро Росс. вст. (1770), стр. 22—24.

Мееодія Патарскаго, сочиненія противъ латинянъ,—вотъ та литература, на которой воспиталась историческая ученость нашего автора. Нѣкоторыя сопоставленія, приведенныя ниже въ примѣчаніяхъ къ тексту Спиридонова Посланія (приложеніе IV) могутъ служить подтвержденіемъ этого. Обратимъ еще вниманіе на форму нѣкоторыхъ именъ (Врутось, Патрикій), ясно указывающую на вліяніе памятниковъ греческихъ или, по крайней мѣрѣ, переведенныхъ съ греческаго. Все это заставляетъ поискать объясненій для загадочной родословной внѣ польской исторической литературы.

Указанное выше свидѣтельство, сохраненное Татищевымъ, говоритъ что м. Кипріанъ: «книги своею рукою писаше, яко въ наставленіе душевное переписа соборы бывшіе въ Руси, много житія святыхъ русскихъ и степени великихъ князей русскихъ, иныя же въ наставленіе плотское, яко правды, и суды и лѣтопись русскую отъ начала земли рускія вся по ряду»¹⁾. Мы не можемъ воспользоваться этимъ свидѣтельствомъ для опредѣленія автора повѣсти, «отъ исторіи Ханаоновы»: повѣсть появилась не ранѣе послѣднихъ десятилѣтій XV вѣка, то есть, много лѣтъ спустя послѣ смерти Кипріана († 1406). Но упоминаніе имени этого митрополита, какъ составителя княжескаго родословія, можетъ имѣть другое значеніе. Извѣстіе Татищева, приписывающее Кипріану цѣлый рядъ учено-литературныхъ работъ, указываетъ, повидимому, на то, что имя Кипріана стало своего рода центромъ, къ которому стягивались, по догадкѣ, произведенія, носившія печать одного и того же направленія, одной и той же литературной школы, первымъ, самымъ памятнымъ представителемъ которой былъ м. Кипріанъ.

Болгаринъ по происхожденію, современникъ и другъ знаменитаго Терновскаго патріарха Евфимія, Кипріанъ первый познакомилъ русское общество съ тѣмъ образовательнымъ движеніемъ, которое открылось въ это время среди южныхъ славянъ. Движеніе началось въ Болгаріи, гдѣ главнымъ дѣятелемъ выступилъ упомянутый Евфимій: онъ заботился объ исправленіи церковныхъ книгъ, объ установленіи правилъ для вѣрной передачи священнаго текста, собиралъ и излагалъ свѣдѣнія о лицахъ и событіяхъ, съ которыми связаны были священныя, важныя для болгаръ, воспоминанія: писалъ житія, похвальныя слова, посланія. Это болгарское движеніе, начатое Евфиміемъ, вскорѣ переходитъ въ Сербію, гдѣ находитъ для себя удобную и подготовленную почву. Григорій Цамвлякъ, плодovitый пи-

¹⁾ Ист. Росс. IV, стр. 424.

сатель Евфиміевой школы, былъ нѣкоторое время настоятелемъ сербскаго монастыря въ Дечанахъ. Константинъ Костенчскій, ученикъ одного изъ сотрудниковъ Евфимія, переселился послѣ паденія Болгарскаго царства (1393) въ Сербію, гдѣ нашель пріютъ при дворѣ деспота Стефана Лазаревича († 1427), жизнь котораго впослѣдствіи описалъ ¹⁾. Печальное время, наставшее послѣ смерти Стефана, усиленіе турецкой власти въ сербскихъ земляхъ не благоприятствовало, конечно, спокойному ходу учено-литературной работы, но работа все таки не прекратилась. Она нашла себѣ пріютъ на Аѳонѣ, гдѣ давно существовали славянскіе монастыри, въ которыхъ и продолжала теплиться любовь къ книжному дѣлу. Назовемъ при этомъ знаменитую Хиландарскую лавру, гдѣ «жило постоянно по нѣскольку сотъ сербскихъ монаховъ, которые, кромѣ отправленія монастырскихъ обѣдовъ, занимались еще писаніемъ книгъ. Въ Хиландарскомъ монастырѣ всего болѣе было написано древне-сербскихъ книгъ: лучшіе и драгоцѣннѣйшіе древне-сербскіе литературные памятники были здѣсь составлены или переведены, написаны или списаны, и отсюда распространены по всей Европѣ» ²⁾.

Успѣхи юго-славянской письменности XIV—XV вѣка не остались безъ вліянія на ходъ русской образованности. Я упомянулъ о м. Кипріянѣ, дѣятельность котораго развивалась параллельно съ трудами Евфимія и его сотрудниковъ ³⁾. Любопытно, что та сербская окраска,

¹⁾ О болгаро-сербскомъ просвѣтительномъ движеніи XIV—XV вв. см. въ сочин. *Попова* (Обзоръ хронографовъ, ч. II, стр. 25—53), *Несрасова* («Пахомій Сербъ» въ *Запискахъ Новоросс. универс.*, 1871 г., т. VI, стр. 1—26), *Пыпина* *Исторія слав. литературъ*, т. I, изд. 2, стр. 91—96), *Сырку* (Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в.).

²⁾ *Яичъ* *Исторія сербско-хорватской литературы*, 182.

³⁾ См. «Св. Кипріянь, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи» (*Прибавленія къ Твор. св. отцовъ*, ч. VI, кн. 2, 1848 г.); «Кипріянь до восшествія на Московскую митрополію» (*Чтенія съ Общ., Ист. и древн. Росс.*, 1867, кн. 2); *Шевыревъ*, *Исторія р. слов* (ч. III, л. 13); *Филаретъ*, *Обзоръ р. дух. лит. отд.* 74; *Буслаевъ*, *Лекція изъ курса исторіи р. литературы* (Лѣтописи р. литер. и древн., т. III, стр. 69—71); *Макарій*, *Исторія р. церкви* (т. IV и V); *Ключевскій*, *Древне-русскія житія* (гл. III); *Амфилохій*, *Что внесъ св. Кипріянь изъ своего роднаго нарѣчія и изъ переводовъ его времени въ наши богослужебныя книги?* (въ *Трудахъ 8-го археолог. съѣзда*); 2) *Мансветовъ* (М. Кипріянь въ его литургической дѣятельности, М. 1882). Ср. выше въ гл. I, прим. на стр. 15. Кромѣ Кипріяна слѣдуетъ еще припомнить его земляка и родственника, м. *Григорія Цамблака*. См. *Шевыревъ* (ч. III, л. 15), *Макарій* (т. IV и V), *Сырку*, *Новый взглядъ на жизнь и дѣятельность Григорія Цамблака*, по поводу книги еп. *Мельгиседека*: *Жизнь и сочиненія Григорія Цамблака* (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1884, ноябрь).

которую получило движеніе, вышедшее изъ Болгаріи, перенесена была у насъ и на дѣятельность м. Кипріяна. «М. Кипріянь, говорилъ Нилъ Курлятевъ, по гречьски гораздо не разумѣлъ и нашего языка довольно не зналъ же (аще съ ними единъ нашъ языкъ, сирѣчь словенскій, да мы говоримъ по своему языку чисто и шумно, а они говорятъ моложаво, и въ писаніи рѣчи наши съ ними не сходятся), и онъ мнилъся, что поправилъ псалмы по нашему, а большее неразуміе въ нихъ написалъ, въ рѣчахъ и словехъ все *по-сербски* написалъ»¹⁾. Этотъ упрекъ, обращенный къ памяти Кипріяна (который долго слылъ у насъ за серба), объясняется тѣмъ вліяніемъ сербской письменности, которое замѣчается у насъ въ XIV—XV вѣкѣ. «При усилившихся сношеніяхъ нашихъ обитателей съ аеонскими, къ намъ тѣмъ удобнѣе стали приходять труды тамошнихъ сербскихъ и болгарскихъ иноковъ, особенно въ переводахъ съ греческаго языка. *Болше всего снабждала ими сербская обитель Хиландарская*»²⁾. Приносились на Русь сербскія книги, являлись и сербскіе книжники. Назовемъ знаменитаго Пахомія Сербина (XV вѣка), который пользовался славою образцоваго писателя, которому подражали русскіе агіографы. Позже, въ началѣ XVI вѣка, работали для русской литературы другой сербскій писатель Аникита Левъ Филологъ, составившій похвальныя слова Соловецкимъ святымъ и св. Михаилу Черниговскому³⁾. Памятникомъ того живаго интереса, съ какимъ читались у насъ произведенія южно-славянскихъ писателей, можетъ служить хронографъ первой редакціи (1512 года), въ который внесены извле-

¹⁾ *Амфилохій*, op. cit.

²⁾ О сношеніяхъ русской церкви съ Святогорскими обителями (*Прибавл. къ Твор. св. отцовъ*, ч. VI, 1848) стр. 137—138. Ср. *Христ. Чтеніе*, 1853, ч. II, 290—317 (Русскіе иноки на Св. горѣ), а также указанное выше сочиненіе г. Некрасова о Пахоміѣ Сербѣ (гл. I).

³⁾ О Пахоміѣ см. указанныя сочин. *Некрасова* и *Ключевскаго* (Житія, гл. IV). «Свѣдѣнія о Филологѣ Черноривцѣ» въ *Прибавл. къ Твор. св. отцевъ* 1859 г., ч. XVШ, кн. IV. Ср. замѣчанія *Ключевскаго* (op. c. 266—269), *Макарія* (Ист. р. п. VП, 402—403), *Яхонтова* (Житія сѣверно-русскихъ подвижниковъ, 15).—Сербское культурное вліяніе выказывалось у насъ не въ одной только литературной области. Въ 6912 (1404) году появились въ Москвѣ первые башенные часы, вызывавшіе не малое удивленіе: «не бо человекъ ударяше, замѣчено въ летописи, но человекovidно, самозвонно и самодвижно, страннодѣльно нѣкако створено естъ человекскою хитростью, преимечтатно и преушищрено. *Мастерь же и художникъ сему башне нѣкоторый чернецъ, иже отъ Святыхъ Горы пришедый, родомъ сербинъ, именемъ Лазарь*» (*Карамзинъ*, И. Г. Р. V, прим. 249)

ченія изъ сочиненій Евфимія Терновскаго, Григорія Цамвлака, Константина Костенческаго и др. ¹⁾).

Захожіе болгары и сербы являлись къ намъ съ запасомъ литературной образованности, они цѣнились какъ книжные люди, искусные въ плетеніи словесъ; но литературнымъ вліяніемъ не ограничивалось значеніе этихъ представителей юго-славянской учености. Митр. Кипріанъ былъ не литературнымъ только, но и государственнымъ дѣятелемъ. Ему приходилось считаться съ задачами и стремленіями московскаго правительства, съ вопросами, выдвигавшимися движеніемъ русской государственной жизни. Отвѣты, которые могъ давать на эти вопросы ученый болгаринъ, опредѣлялись, конечно, кругомъ тѣхъ политическихъ воззрѣній, которыя были въ ходу на его далекой родинѣ, которыя сложились подъ вліяніемъ исторіи балканскихъ госудаствъ. Припомнимъ нѣкоторые факты. Въ княженіе Василія Димитріевича, при м. Кипріанѣ, у насъ было отмѣнено церковное поминаніе именъ византійскихъ императоровъ. Объ этомъ мы узнаемъ изъ любопытной грамоты константинопольскаго патріарха къ русскому князю (1393 года) ²⁾. «Слышу нѣкоторыя слова, писалъ патріархъ которыя произносить благородство твое о державнѣйшемъ и благочестивомъ самодержцѣ моемъ и царѣ, и скорблю, что ты возбраняешь, какъ говорятъ, митрополиту поминать божественное имя царя... ³⁾. Слышу, что ты говоришь: мы имѣемъ церковь, но царя не имѣемъ... Не возможно христіанамъ имѣть церковь, а царя не имѣть. Царство и церковь имѣютъ между собою тѣсное единеніе и общеніе и не возможно отдѣлять одно отъ другаго. Христіане отвергаютъ только царей-еретиковъ, которые неистовствовали противъ церкви и вводили догматы извращенные и чуждые ученію апостольскому и отеческому. Но державнѣйшій и благочестивый мой самодержецъ, по благодати Божіей, есть православнѣйшій, вѣрнѣйшій поборникъ церкви, защитникъ и блюститель, и не возможно, чтобы нашелся такой архіерей, который бы не номиналъ его». Патріархъ упрекалъ одного только князя, но

¹⁾ Поповъ, 1. с., Не къ этой ли половѣ сербскаго литературнаго вліянія слѣдуетъ отнести и переходъ къ намъ такихъ произведеній, какъ романъ о Бовѣ?

²⁾ Макарій, Ист. р. церкви, т. V, прилож. XI, стр. 469—473 (изъ Acta Patriarch. Conat. II, 188—192). Отвѣтомъ на эту заносчивую грамоту могла служить «милостыня», собранная на Руси и отправленная въ Царьградъ въ 1397 году (Никон. лѣт. IV, 271—272).

³⁾ 'Εν τοῖς διπτύχοις. Пр. Макарій переводитъ: «на сугубыхъ эктеніяхъ». Переводъ, конечно, не вѣренъ. Диптихи—поминальныя записи.

...мѣра, какъ отмѣна поми-
 ...безъ согласія митрополита.
 ...архъ верховнаго апостола Петра,
 ...посланиіи говорить: Бога
 ...дарей»,—*дабы кто не подумалъ*
 ...у *каждаго народа*, но «царя»,
 ...каволическій царь... Если же нѣ-
 ...самимъ себѣ имя царя, то это не
 ...богѣ по производу и наслію».
 ...по производу и наслію присвоили
 ...Василію Димитріевичу, что къ
 ...причислить и сербовъ, и болгаръ. За
 ...году, сербскій краль Стефанъ Душанъ
 ...карство и принялъ титулъ «царя Сербіи
Σαυρας χη Ρομανίας). Болгарскіе властители
 ...карскій титулъ и пользовались имъ до
 ...Болгаріи. Послѣдній болгарскій царь Іоаннь
 ...былъ современникъ Василія Димитріевича.
 ...москвичамъ, какъ возникли и пали юго-
 ...онъ могъ рассказать о той долгой и упорной
 ...который проходитъ черезъ исторію сербовъ и
 ...воспитала въ нихъ мысль о «царствѣ», какъ
 ...государственной самостоятельности, автократіи,
 ...гrecескимъ государствомъ. О подобной же само-
 ...думать и московскій князь, когда говорилъ: «церковь
 ...не имѣемъ». Греческій патріархъ держался, конечно,
 ...чьмъ русскій князь и митрополитъ-болгаринъ.
 ...ставился, что русскіе вступали на ту же дорогу, по
 ...олгары и сербы: мѣра, принятая русскимъ княземъ,
 ...ность къ «каволическому царю», могли казаться
 ...шагомъ на этомъ пути, первымъ проявленіемъ на
 ...и наслія», для которыхъ уже имѣлись примѣры
 ...нѣкоторыхъ христіанъ». Припомнимъ при этомъ,

...какъ можно допустить, что патріархъ вѣлъ при этомъ въ виду госу-
 ...западныхъ императоровъ священной римской имперіи. Въ грамотѣ чи-
 ...«Христіане отвергають царей-еретиковъ, которые... вводили догматы
 ...и чуждые ученію апостольскому и отеческому». Если-бы патріархъ
 ...хотѣлъ указать на императоровъ западныхъ, онъ не пропускалъ
 ...случая упомянуть, что это цари не только не законные, но и не
 ...главные, держащіеся неодобрительныхъ догматовъ.

что тотъ же митрополитъ Кипріанъ, при которомъ состоялась отмѣна поминанья греческихъ царей, дѣлаеть у насъ извѣстной (а можетъ быть, и употребительной?) «молитву на поставленіе царя или князя»¹⁾. Припомнимъ также, что въ Кипріановомъ житіи м. Петра впервые записано извѣстное пророчество о Москвѣ, открывавшее передъ потомками Калиты величественную перспективу: «градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ градѣхъ русскихъ, и святители поживутъ въ немъ, и въздуть руцѣ его на плеча врагъ его».

Другой юго-славянскій выходецъ—монахъ Пахомій, современникъ сына и внука Василя Димитріевича, не занималъ такого важнаго и вліятельнаго положенія, какъ м. Кипріанъ, но и его дѣятельность не лишена была политическаго значенія. Я имѣю при этомъ въ виду не Пахоміевы житія, написанныя по заказу московскихъ властей, а «Слово избрано отъ св. писаній еже на Латыню». Слово это, написанное по поводу избранія и поставленія м. Феодосія (1461 года), должно считаться, по счастливой догадкѣ профессора Павлова, принадлежащимъ перу сербскаго книжника. «Здѣсь прежде всего бросается въ глаза, говорить г. Павловъ, постоянное употребленіе титула *царь* и *богочинный царь* при имени великаго князя Василя Васильевича. Для *русскаго* писателя титулъ этотъ былъ еще слишкомъ необыченъ, между тѣмъ въ Словѣ ономъ, очевидно, употребляется уже въ опредѣленномъ, хорошо сознаваемомъ смыслѣ. Авторъ заставляеть самого греческаго царя Іоанна Палеолога признать за русскимъ великимъ княземъ несомнѣнное право на этотъ титулъ и торжественно заявить о томъ предъ восточными и западными іерархами, собравшимися на соборъ въ Феррару. «И не зборовааше долго, ожидающе отъ великыя Руси митрополита Исидора... Царь же тогда курь Іоаннъ извѣствоваше слово Еугенію папѣ римскому и всѣмъ, бывшимъ ту, яко вѣсточніи земли суть русстїи и *большее православіе и вѣншее христіанство Бѣлые Руси*, въ нихже есть государь великій, братъ мой Василей Васильевичъ, ему же вѣсточніи царіе прислухаютъ, и велиции князи съ землями служатъ ему. *Но смиренїа ради благочестїа и величествомъ разума благовѣрїа не зовется царемъ, но княземъ великимъ рускимъ своихъ земель православіа*». Дальнѣйшія событія, по мысли автора, навсегда утвердили

¹⁾ Ср. выше въ главѣ I-й, стр. 15. По поводу прощальной грамоты Кипріана, Карамзинъ говоритъ: «замѣтимъ, что митрополитъ именуеть Василя Димитріевича великимъ княземъ *всехъ Руси*, другихъ же князей великихъ просто *русскими*, и въ особенности говоритъ о князьяхъ *мѣстныхъ* или *помѣстныхъ*» (И. Г. Р. V примѣч. 286).

за русскимъ великимъ княземъ титулъ царя, провизорно данный ему византійскимъ императоромъ. Такъ мыслить и писать могъ только человекъ, воспитавшійся подъ *ближайшими* вліяніями Византіи, очевидецъ паденія своего роднаго царства, современникъ такой же участи греческаго Царя-града и, съ другой стороны, свидѣтель сравнительнаго могущества русской земли и ея неизмѣнной вѣрности православію. Такой писатель могъ даже находить особенное нравственное утѣшеніе въ томъ, чтобы называть православнаго русскаго государя не иначе, какъ *богочиннымъ царемъ*. Дѣйствительно, въ сочиненіяхъ, *несомнѣнно принадлежащихъ Пахомію Сербу*, титулъ царя и самодержца дается московскому великому князю съ замѣчательнымъ постоянствомъ¹⁾. Мысль о Московскомъ царствѣ была такимъ образомъ высказана вполне ясно. Оставалось найти для этой мысли опредѣленную формулу и историческія оправданія.

Съ 1453 года Цареградъ находился въ рукахъ турокъ. Не было уже «каѳолическаго царя». Московскимъ князьямъ улыбалась мысль замѣстить своей властью оказавшійся пробѣлъ. Имъ не трудно было воспользоваться при этомъ тѣми внушеніями, которыя приходилось слышать отъ греческаго духовенства: «не возможно христіанамъ имѣть церковь, а царя не имѣть». Константинопольскій патріархъ, писавшій эти слова въ 1393 году, не могъ, конечно, предполагать, что его теорія направленная *противъ* «такъ называемыхъ» царей, противъ «мѣстныхъ правителей», покушавшихся на прерогативы единаго истиннаго царя, вскорѣ обратится въ орудіе, которымъ воспользуются въ своихъ интересахъ потомки того русскаго князя, которому приходилось давать наставленія объ истинномъ значеніи «царства». Для московскихъ претендентовъ на византійское наслѣдство представлялось однако затрудненіе со стороны традиціоннаго смысла византійскаго царства: каѳолическій царь отождествлялся съ императоромъ римскимъ. «Хотя по допущенію Божію (читаемъ все въ томъ же патріаршемъ посланіи 1393 года) языческіе народы окружили державу царя и предѣлы,—не смотря на это, царь доннынѣ имѣетъ такое же посвященіе отъ церкви, какъ и прежде, удостоенъ такого же миропомазанія и поставленъ *въ царя и самодержца римскаго, то-есть, всѣхъ христіанъ*»²⁾. Но вѣдь въ амнй

¹⁾ *Павловъ*, Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ, стр. 100—101, 108 (Отчетъ о XIX присужденіе награды гр. Уварова).

²⁾ *Макарій*, 1. с. 471. О значеніи „римскаго царства“ ср. еще сужденія Кяннама (стр. 241—242 русск. перевода).

Цареградъ, этотъ новый Римъ, развѣ не перенесена была власть изъ другаго, древняго Рима? Римское царство обладаетъ, очевидно, способностью передвиженія. Поэтому, и удаленное изъ Цареграда, оно, это передвижное «царство», могло отыскать себѣ какой-нибудь новый пріютъ. Гостепріимная Москва радушно предложила этотъ пріютъ въ своихъ стѣнахъ, во дворцѣ своихъ великихъ князей. Дѣлаясь такимъ образомъ резиденціей Римскаго царства, Москва уже переросла свое бывшее, мѣстное значеніе. Явилось представленіе, что Москва—третій Римъ, при чемъ, конечно, предполагалось, что этотъ третій Римъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдній. «Два Рима пали, третій—Москва стоитъ, а четвертому не быть». Новѣдъ Константинъ, основатель втораго Рима, былъ дѣйствительно римскимъ императоромъ; римская власть переселялась на берега Босфора въ его лицѣ. Какимъ путемъ и по какому праву римская власть, удаленная изъ Константинова града, должна переселиться въ Москву? Московскій князь не могъ быть провозглашенъ римскимъ императоромъ. Оставалось перенести вопросъ на почву генеалогическихъ отношеній и историческихъ связей, отыскать для перенесенія имперіи въ Москву какія-нибудь основанія въ быломъ. Нужно было предъявить права на наслѣдство и представить при этомъ оправдательные документы.

«Сказаніе о князехъ владимірскихъ» имѣетъ значеніе такого именно документа. Мы узнаемъ изъ него, что предокъ московскихъ князей былъ коронованъ византійскимъ императорскимъ вѣнцемъ, принявъ при этомъ титулъ царя; узнаемъ затѣмъ, что наши князья приходятся сродни самому основателю римской имперіи—Августу.

Образцы такихъ вымышленныхъ генеалогій, составленныхъ съ цѣлю оправдать притязанія на римское царство, можно найти и у сербовъ и у болгаръ, ранѣе русскихъ пытавшихся перенести имперію на свою родную почву. По рассказамъ сербскихъ книжниковъ, родъ Неманей былъ въ родствѣ съ Константиномъ Великимъ. Въ жизнеописаніи Стефана Лазаревича, составленномъ въ 1431 г. упомянутымъ выше Константиномъ Костенчскимъ, читаемъ слѣдующее: «Конста великій, Зеленый нареченіемъ, великаго Константина отъць, мужъ по всему кротчайшии благочьстие любя, тѣмъ же христіаны приемляше, въ Вретаніи царствіе правя, въ лѣта она, егда Діоклитіанъ и Максиміанъ Еркуліе, по еже побити тѣмъ многия тмы христіанъ, оставльша царство и въ простыхъ житіи бѣста. Максиміанъ же на вѣстоцѣ удрѣжа, у егоже умучителя Константинъ великий въ уталъствѣ баше; Максентіе же въ самомъ велицѣмъ Римѣ

царствоваше. Великыи убо Конста роди три сины: Константина и Анавалонъ Константіа, и Далматія Консту, и дьщеръ Констанцію, юже великыи Константинъ вдасть Ликинію въ жену, ему же и греческую чьсть отдѣли царствіе... Сеи же Ликиніе бѣше долматійскыи господинъ, родомъ Сръбинъ, и роди отъ Константіа сына Бѣла Уроша, Бѣло Урошъ же роди Тѣхомила, Тѣхомиль же роди Немана, иже въ иноческомъ образѣ наречень бысть Сімеонъ Монахъ»¹⁾. Авторъ біографіи Стефана Лазаревича, конечно, только пересказалъ родословіе, ранѣе его составленное. Есть извѣстіе, что архіепископъ Никодимъ, жившій въ первой половинѣ XIV вѣка, «написа и основа родословіе сербскихъ кралей и царей до него»²⁾. Въ лѣтописяхъ сербскихъ, приведенное родословіе повторяется съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями. Въ одной лѣтописи читаемъ: «бысть же великыи жупанъ (Неманя) отъ племени благочѣстиваго и коренѣ вѣтвь, прѣвнукъ Константіе, сестры великаго Константина, отъ племени римскаго господства и сродства Августа Кесара» и т. д.³⁾. Въ другомъ памятникѣ рассказывается, что въ Герцеговинѣ, въ селѣ Луца, жилъ «Стефанъ пресвитеръ греческаго закона... и сеи Стефанъ влечетъ отъ рода царя Константина великаго». У Стефана былъ сынъ Любомиръ, у Любомира—Урошъ, у этого—Деша, у Деша—Неманя⁴⁾. Что касается болгарскихъ царей Асений, то мы знаемъ, что они претендовали на происхожденіе изъ Рима. Въ письмахъ папы Иннокентія III къ болгарскому царю Іоанну (конецъ XII и начало XIII вѣка) упоминается о томъ, что этотъ Асень считалъ себя римляниномъ по происхожденію (*qui ex nobili Romanoque prosapia diceris descendisse*). Въ письмѣ самого царя къ папѣ говорится: «Мы получили ваше священное письмо, которое намъ дороже всѣхъ сокровищъ въ мірѣ, и возсылаемъ благодареніе всемогущему Богу, который *привелъ насъ къ памятованію крови и нашего отечества, откуда мы приходимъ* (*qui reduxit nos ad memoriam sanguinis et patriae nostrae, a qua descendimus*)»⁵⁾.

¹⁾ *Гласник*, XXVIII (1870), стр. 379—380. *Поповъ*, Изборникъ, 100—101.

²⁾ *Некрасовъ*, Пахомій Сербъ, стр. 6—7.

³⁾ *Гласник*, XI (1859), стр. 144.

⁴⁾ *Гласник*, XXI (1867), стр. 233. Въ одномъ сборникѣ сербскаго письма, извѣстномъ мнѣ по описанію Востокова, помѣщено „Родословіе сербскихъ кралей отъ Констанція Хлора“; родословію предшествуютъ космографія и астрономія, начин. словами: «Потрѣба есть вѣдѣти, яко вѣдомое населеніе земли...» (*Востоковъ*, Описаніе рукописей Норова, № XIII въ Уч. Запискахъ втораго Отдѣленія Академіи Наукъ II, 2, стр. 108).

⁵⁾ *Успенскій*, Образованіе втораго Болгарскаго царства, стр. 210—213.

Сербы навязывались въ родство основателю новаго Рима, болгары говорили о какомъ-то «знатномъ римскомъ родѣ». Составитель русской генеалогіи пошелъ по ихъ слѣдамъ, но двинулся дальше и смѣлѣе: родоначальникомъ нашихъ князей онъ назвалъ Пруса, брата кесаря Августа. Кто былъ этотъ смѣлый генеалогистъ, мы не знаемъ. Нельзя ли однако предположить, что Сказаніе о князехъ Владимірскихъ вышло изъ-подъ услужливаго пера того же Пахомія Сербина, который, мы знаемъ, много и охотно работалъ по заказу московскаго правительства. Тотъ кругъ свѣдѣній, который обнаруживаетъ авторъ сказанія, его начитанность и литературная споровка, его безцеремонное обращеніе съ фактами ¹⁾, тенденція лежащая въ основѣ его произведенія,—все это вполне совпадаетъ съ тѣмъ, что извѣстно о знаменитомъ агиографѣ. Хронологическихъ затрудненій для этой догадки о Пахоміи нѣтъ. Дѣятельность Пахомія продолжалась до 80-хъ и можетъ быть, даже до 90-хъ годовъ XV столѣтія ²⁾. Въ это время, то есть, въ послѣднія десятилѣтія XV вѣка, и могло быть составлено Пахоміемъ Сказаніе о князехъ Владимірскихъ. Сказаніе это, по нашему предположенію, могло представлять вступительную главу въ Степенной книгѣ древней, до-Макаріевой редакціи. Изъ свидѣтельства Василія Тучкова мы знаемъ, что въ древней Степенной находилось какое-то житіе св. Алексѣя: «якоже въ житіи чудотворца Алексія въ *Степеннѣ* сказаетъ». Какое именно житіе Алексѣя помѣщено было въ этой древней Степенной? Отвѣтъ можетъ дать редакція житія св. Алексѣя, которая читается въ Макаріевой Степенной. Въ основу этой редакціи положено житіе, составленное Пахоміемъ ³⁾ дополненное на основаніи другихъ источниковъ. Такъ какъ трудъ Макарія и его сотрудниковъ сводился къ пересмотру,—дополненію и исправленію,—существовавшаго уже текста Степенной книги, то указанная связь житія Алексѣя Макаріева времени съ произведеніемъ Пахомія даетъ право догадываться, что въ древнюю редакцію Степенной включено было именно Пахоміево житіе Алексѣя. Не была ли трудомъ Пахомія и вся Степенная книга древней редакціи?..

Эта догадка о Пахоміѣ, конечно, можетъ быть только болѣе или менѣе вѣроятною. Но несомнѣнною представляется связь Сказанія о князехъ владимірскихъ съ тѣми политическими теоріями, которыя

¹⁾ Примѣры безцеремонности Пахомія см. у *Ключевскаго* (Житія, 131, 138—140, 167).

²⁾ *Ключевскій*, 126; *Некрасовъ*, 58—59.

³⁾ *Ключевскій*, 245.

были у насъ въ ходу въ XV вѣкѣ, и съ тѣми литературными вѣяніями, которыя господствовали въ эту пору. Въ исторіи русскаго государства время Василия Темнаго и Ивана III есть время превращенія Московскаго княжества въ державу всея Руси; въ исторіи русской литературы—это время вліянія сербской образованности на нашу письменность. Эти два ряда явленій не могли оставаться уединенными: литература давала выраженіе тому, что назрѣвало въ жизни, но форма, въ какую облекались идеи вѣка, опредѣлялась ходомъ литературной исторіи. Обратимъ при этомъ вниманіе на одну подробность; и въ Посланіи Спиридона-Саввы, и въ Сказаніи о князехъ Владимірскихъ передается извѣстіе о раздѣленіи церквей: о папѣ Формозѣ, о патриархѣ Кирулларіи. Вставка этого извѣстія, не имѣющаго прямой связи съ рассказомъ объ отношеніяхъ Владимира Мономаха къ Византіи, не могла быть случайна. Упомянутіе о раздѣленіи церквей, поставленное рядомъ съ извѣстіемъ о принесеніи на Русь царскаго вѣнца, даетъ намекъ на ту же мысль, которая выражается въ «Словѣ на Латыню», приписываемомъ Пахомію Сербу. Перенесеніе византійскаго вѣнца на Русь, коронованіе этимъ вѣнцемъ русскаго князя совершается одновременно съ раздѣленіемъ церквей. Русское «царство» зарождается, такимъ образомъ, на почвѣ обособившейся восточно-православной церковности. Проходитъ нѣсколько вѣковъ. На Флорентійскомъ соборѣ греческія власти, съ царемъ во главѣ, примкнули къ уніи, отступили отъ восточнаго правовѣрія. Но они забыли, что уже съ давнихъ поръ въ казніи московскихъ князей хранился византійскій царскій вѣнецъ. Теперь этотъ вѣнецъ получилъ новый блескъ. Обладатель этого вѣнца—«споспѣшникъ и исходатай» восточнаго правовѣрія, а столица его—третій Римъ.

Остается коснуться еще одного вопроса, возбуждаемаго изученіемъ Сказанія о князехъ Владимірскихъ,—вопроса о судьбѣ этого памятника, объ его историко-литературномъ значеніи.

Сказаніе появилось въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка. На первыхъ порахъ оно не пользовалось, повидимому, большою извѣстностью. Тотъ, къ кому обращено Спиридоново Посланіе, не разъ обращался къ своему духовному отцу съ просьбой пересказать повѣсть «отъ исторіи Ханаонови»; какъ видно, достать списокъ этой повѣсти было не легко. Родословіе отъ Пруса и сказаніе о Мономаховомъ вѣнцѣ получили широкую извѣстность только со временъ Ивана IV. Грозный царь, словесной премудрости риторъ, не могъ не обратить вниманія на замысловатія историческія построенія, из-

ложенныя въ Сказаніи о князехъ Владимірскихъ. Въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній время царя Ивана не разъ повторяется указаніе на римское происхожденіе московскихъ князей; генеалогія отъ Пруса придаетъ при этомъ значеніе несомнѣннаго историческаго извѣстія. «Мы отъ Августа кесаря родствомъ ведемся», писалъ Иванъ IV шведскому королю. «Это всѣмъ извѣстно», замѣтилъ Грозный литовскому послу Мих. Гарабурдѣ, упомянувъ о томъ же римскомъ родословіи ¹⁾. Торжественное коронованіе Ивана придало особенный интересъ и второму отдѣлу нашего сказанія — разсказу о Мономаховомъ вѣнцѣ. Въ 1552 году устроено было «царское мѣсто, еже есть престоль»; на затворахъ этого мѣста помѣщенъ, какъ мы знаемъ, разсказъ о войнѣ Владиміра Мономаха съ греческимъ царемъ и о присылкѣ вѣнца изъ Византіи. Припомнимъ еще, что къ царствованію же Грознаго относится пересмотръ Степенной книги и царскаго Родославца; въ томъ и другомъ памятникѣ нашли мѣсто извѣстія и о Прусѣ, и о Константиѣ Мономахѣ. Въ царствованіе Ивана IV появляется и латинскій переводъ нашего родословія, познакомившій съ сказаніями о Прусѣ и о Мономахѣ европейскихъ читателей.

Генеалогія русскихъ царей отъ Августова брата не долго однако пришлось сохранять то важное значеніе, которое придано было ей при царѣ Иванѣ. Съ прекращеніемъ династіи Рюриковичей, потомковъ Пруса, упоминаніе объ этой генеалогіи теряло силу ²⁾. За повѣстью «отъ исторіи Ханаюновы» осталось значеніе занимательнаго повѣствованія, которое продолжали читать и переписывать любители литературной старины. Болѣе прочное положеніе заняла вторая часть Сказанія — повѣсть о Мономаховомъ вѣнцѣ. Упомянутіе о Мономаховыхъ утваряхъ находимъ въ грамотахъ и «чинахъ вѣнчанія» времени Бориса Годунова, Михаила Феодоровича, Алексѣя Михайловича ³⁾. Въ связи съ «чиномъ вѣнчанія», какъ его историческое объясненіе, помѣщается нерѣдко въ рукописяхъ статья: «Поставленіе великихъ князей русскихъ откуда бѣ, и како начаша ставитися на великое княженіе святыми бармами и царскимъ вѣнцемъ».

¹⁾ Карамзинъ, Ист. Г. Р. IX, прим. 131, 414; Соловьевъ, Ист. Р. VI, 255, 322.

²⁾ Василій Шуйскій въ грамотѣ о своемъ воцареніи не забылъ упомянуть о римскомъ происхожденіи Рюриковичей: «государство это даровалъ Богъ прародителю нашему Рюрику, бывшему отъ Римскаго кесаря», и т. д. (Соловьевъ VIII, 160).

³⁾ См. Строевъ, Выходы государей, указат., стр. 54; W. Regel, Analecta byzantino-russica, p. LXIV — LXV.

Было уже замѣчено, что эта статья представляет дословное сходство со вторымъ отдѣломъ Сказанія о князехъ Владимірскихъ.

Содержаніе Сказанія объясняется, какъ мы видѣли, кругомъ тѣхъ историко-политическихъ представлений, которыя стали обращаться въ нашей литературѣ послѣ Флорентійской уніи и особенно послѣ паденія Константинополя. Какое же значеніе имѣли всѣ эти памятники старо-московской публицистики, въ которыхъ повторялось на разные лады, что истинное благовѣріе удержалось только въ Москвѣ, что Москва — третій Римъ, а московскій князь — наследникъ власти римскихъ императоровъ и т. п.? Въ этой публицистикѣ нужно различать ея живой историческій смыслъ и условную литературную оболочку. Смыслъ сказаній объ Августѣ и Прусѣ, о византійскомъ вѣнцѣ, о третьемъ Римѣ представится намъ вполне яснымъ, если припомнимъ то значеніе, которое получаетъ Московское княжество при Иванѣ III и Василии Ивановичѣ. Рядомъ съ московскимъ княземъ не стало на Руси такихъ представителей власти, которые могли бы считать себя равными ему, независимыми отъ него. Силы, которыя стояли выше московскаго князя, исчезли: пала власть византійскихъ царей, пало «иго» Золотой орды. Московскій князь поднимался на какую-то невѣдомую высоту. Нарождалось въ Москвѣ что-то новое и небывалое. Книжные люди позаботились дать этому новому и небывалому опредѣленную форму, стиль которой отвѣчалъ историческому кругозору и литературному вкусу ихъ времени. Придавать этой формѣ самостоятельное значеніе, видѣть въ этихъ сказаніяхъ о Прусѣ и о третьемъ Римѣ указаніе на византійское начало, вносившееся въ русскую государственную жизнь, утверждать, что московскій князь дѣйствительно преобразовывался въ «каѳолическаго царя», значило бы придавать слишкомъ мало цѣны русскимъ историческимъ преданіямъ государственнымъ и церковнымъ. Можно ли думать, что среди русскихъ людей откроется какое-то особенное увлеченіе византійскими идеалами какъ разъ въ то время, когда государственный строй, ихъ воплощавшій, терпѣлъ крушеніе, когда византійскому «царству» пришлось выслушать суровый историческій приговоръ? Наши предки долго и пристально наблюдали процессъ медленнаго умиранія Византіи. Это наблюденіе могло давать уроки отрицательнаго значенія, а не вызывать на подражаніе, могло возбуждать отвращеніе, а не увлеченіе. И мы видимъ дѣйствительно, что какъ разъ съ той поры, когда будто бы утверждаются у насъ византійскіе идеалы, наша государственная и общественная жизнь медленно, но безо-

вероятно вступает на тот действительно новый путь, который привелъ къ реформѣ Петра. Любопытно, что изъ всей повѣсти «отъ исторіи Ханаонова» Иванъ IV придавалъ значеніе одной подробности, происхожденію Рюрика отъ Пруса. Оторванная отъ цѣлаго, поставленная внѣ связи съ рассказомъ объ Августѣ, мировомъ владостодержцѣ, подробность эта получала совершенно новый смыслъ. Ивану Грозному, при его несомнѣнныхъ, хотя нѣсколько сумбурныхъ, влеченіяхъ къ Западу, генеалогія отъ Пруса правилась также, какъ правилась и причудливая этимологія слова: «бояре» отъ Вауегп. «Мои предки были нѣмцы», говаривалъ Иванъ Васильевичъ, если вѣрить Флетчеру. Генеалогическіе отрывки изъ повѣсти «отъ исторіи Ханаонова» встрѣчаются и въ лѣтописныхъ сборникахъ, и въ родословныхъ росписяхъ, и въ Степенной книгѣ Макаріевой редакціи ¹⁾. Во всѣхъ этихъ памятникахъ удерживается опять таки только тотъ отдѣлъ повѣсти, въ которомъ идетъ рѣчь о Прусѣ и Рюрикѣ. Этотъ же только отдѣлъ повѣсти передается и въ латинскомъ переводѣ Родословца. «Въ лѣто 6370 приде на Русь изъ Нѣмецъ, изъ Прусъ, мужъ честень отъ рода Римска царя Августа кесаря, имя ему князь Рюрикъ, да съ нимъ два брата, Труверъ да Синеусъ да племянникъ его Олегъ». Такъ изложено извѣстіе о происхожденіи Рюрика въ одномъ изъ списковъ родословной книги (времени Ѳедора Ивановича). Въ такой редакціи генеалогія отъ Пруса получала тотъ именно смыслъ, какой придавалъ этой генеалогіи Иванъ IV, смыслъ указанія на древнѣйшія связи Руси съ Западомъ ²⁾. Но и эти новыя, западныя влеченія не мѣшали нашимъ государственнымъ людямъ твердо стоять на русской исторической почвѣ и ясно понимать національное значеніе русской государственности. Въ 1587 году, послѣ смерти Стефана Баторія, велись переговоры между нашимъ правительствомъ и литовскими боярами о выборѣ царя Ѳедора въ короли польско-литовскіе. Возбужденъ былъ при этомъ вопросъ о титулѣ будущаго царя и короля. Московскіе бояре заявили, что титулъ будетъ такой: «царь и великій князь Владимірскій и Московскій, король польскій и великій князь литовскій». Иная форма титула не могла быть допущена. «Хотя бы—сказали бояре—и Римъ старій, и Римъ новій, царь-

¹⁾ Степенная книга, 7, 78. *Временникъ Общ. Исторіи и Древн. Росс.*, X, отд. II, стр. 131.

²⁾ Составитель Сказанія о князехъ Владимірскихъ, ограничивавшій владѣнія Пруса пространствомъ между Вислой и Нѣманомъ, едва ли хотѣлъ выставить на видъ, что Рюрикъ прѣзванъ былъ именно «изъ нѣмецъ».

ствующій градъ Византія, начали прикладываться къ нашему государю, то какъ ему можно свое государство Московское ниже какого нибудь государства поставитъ?»¹⁾ Въ глазахъ людей, говорившихъ такія рѣчи, могли ли имѣть какую нибудь цѣну мечты о византійскомъ наслѣдствѣ, о католической монархіи?...

Авторъ Сказанія о князехъ Владимірскихъ присоединяетъ къ разсказу о Владимірѣ Мономахѣ извѣстіе о папѣ Формозѣ, о патриархѣ Керулларіѣ. Мы видѣли, что и это извѣстіе, кажущееся неумѣстною приставкою, объясняется тѣмъ представленіемъ о Московской Руси, какъ странѣ «большаго православія», къ которому такъ часто и такъ охотно возвращались наши писатели XV—XVI вѣка. Такое повтореніе одной и той же мысли имѣло историческія причины. Попытки Рима къ сближенію съ Москвою, къ воздѣйствію на нее съ мыслью объ «единеніи», не прекратились и послѣ удаленія изъ Москвы митрополита Исидора (1441 г.). Припомнимъ сношенія Москвы съ Римомъ по поводу брака Ивана III съ Софьей Палеологъ и обстоятельства, сопровождавшія пріѣздъ къ намъ греческой принцессы (1472 г.)²⁾. Припомнимъ еще заѣзжихъ италіанцевъ, ко-

¹⁾ *Соловьевъ*, Истор. Р. VII, 290.

²⁾ Переговоры Москвы съ Римомъ по поводу брака русскаго князя и греческой царевны подробно разсказаны въ книгѣ о *Папѣ Пирринѣ*: Россія и Востокъ. Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ, Иванъ III и Софія Палеологъ. (СПБ. 1892). Согласіе папы на бракъ католички Софіи съ православнымъ государемъ оставляетъ почтеннаго изслѣдователя въ нѣкоторомъ недоумѣніи. При переговорахъ о бракѣ ссылались правда на флорентійскую унію, къ которой присоединился и русскій митрополитъ Исидоръ, но вѣдь въ Римѣ не могла остаться неизвѣстной печальная судьба этаго уніата, неудача его единительныхъ стремленій. «Какимъ образомъ объяснить, спрашиваетъ о. Пирлингъ, благопріятный пріемъ оказанный папой предложеніямъ, основаннымъ на рядѣ заблужденій? Можно-ли предположить при Римскомъ дворѣ столь глубокое невѣдѣніе истиннаго положенія дѣлъ? Тщетно бы мы искали отвѣта въ современныхъ документахъ: они не заключаютъ въ себѣ точныхъ указаній, однако, если судить о фактахъ по нимъ самимъ, то подозрѣніе падаетъ на Вольпе, (черезъ котораго велись переговоры Москвы съ Римомъ). Не сыгралъ ли онъ двойной игры и не воспользовался ли онъ во зло своимъ положеніемъ?» (стр. 54). Изслѣдователь припоминаетъ подобныйже бракъ, заключенный при папѣ Мартинѣ V. «Сыновья императора Мануила получили разрѣшеніе отъ папы Мартина V жениться на католичкахъ. Папское бреве объявляетъ, что это снисхожденіе дѣлается съ цѣлю облегчить соединеніе восточной и западной церкви, сводя всѣ условія къ одному, чтобы эти браки не причиняли вреда истинной вѣрѣ. Уступки папы не могли идти далѣе этого умолчанія. Сикстъ IV находился по отношенію къ Ивану въ томъ же положеніи, въ какомъ Мартинъ V къ Мануилу: необходимое разрѣшеніе могло быть даровано Зоѣ, лишь бы только интересы церкви не пострадали.— Если

торые появляются въ Москвѣ при томъ же Иванѣ III. Въ виду такихъ сношеній съ «латинянами» благочестивые книжники считали не лишнимъ почаще напоминать о византійскихъ церковныхъ преданіяхъ, о нашей вѣковой связи съ православнымъ востокомъ. Но всѣ эти указанія и напомнанія о православномъ царствѣ не могли, конечно, установить у насъ какихъ-то новыхъ церковно-государственныхъ отношеній, не могли измѣнить того пониманія этихъ отношеній, какое выработала русская историческая жизнь. «Церковь имѣемъ, а царя не имѣемъ», говорилъ Василій Дмитріевичъ. Эта формула, такъ ясно отдѣлявшая церковь и государство, шла въ разрѣзъ съ византійскими представленіями. Цареградскій патріархъ старается доказать русскому князю, что онъ заблуждается, что «царство и церковь имѣютъ между собою тѣсное единеніе и общеніе, и не возможно отдѣлять одно отъ другаго». Но всѣ доводы грека, цѣль которыхъ была вполне ясна, не казались убѣдительными для нашихъ предковъ. Та и другая сторона, греческая и рус-

всѣ предосторожности не были приняты, это значить, что Ватиканъ не имѣлъ достаточныхъ свѣдѣній, можетъ быть былъ обольщенъ обманчивыми увѣреніями Вольпе.» (стр. 55—56). Отъ вниманія о. Пирлинга ускользнулъ одинъ документъ, давно отмѣченный въ „Описаніи рукописей Московской синод. бібліотеки“ (отд. II, Ч. 3, стр. 305—306). Документъ этотъ—посланіе къ папѣ Сиксту, написанное „въ опроверженіе клеветы, что народъ Русскій не совершенъ въ вѣрѣ христіанской“? Папа называется въ посланіи «вселеннѣй учительный отецъ»; его просятъ быть благосклоннымъ «къ намъ ко всѣмъ, требующимъ благословія твоего святаго, послѣдующи своего прѣвначальнѣйшаго пастыря, яко грядущихъ къ нему не изгоняетъ вонъ, но всѣхъ равно купно милостиве къ себѣ приметъ, отъ востока, запада, сѣвера, моря».—«Съ папою Сикстомъ IV,—замѣчаютъ Горскій и Невоструевъ,—было сношеніе русскаго двора по дѣлу о бракосочетаніи Іоанна III съ Греческою царевною Софією. Въ Римѣ тогда дѣйствительно сомнѣвались въ православіи сего монарха и народа его, но папа, какъ и послы наши, увѣрили въ приверженности Русскихъ къ Римскому престолу, какъ и писалъ Сикстъ въ отвѣтъ Іоанну». (См. Ист. Гос. Рос. т. VI, стр. 39—41). Въ посланіи есть замѣчательное мѣсто, не отмѣченное въ Описаніи синод. рукописей: *«мѣсть бо разньства о Христвѣ грекомъ и римляномъ и намъ сущимъ росиискимъ славяномъ, вси едино тоже суть»*. (Рукоп. Моск. синод. бібліот. № 700, л. 307 об.—308). Это—открытое признаніе уніи. Кто былъ авторомъ посланія, имѣло ли оно значеніе документа, исходившаго непосредственно изъ властной среды,—вопросы, требующіе особыхъ разысканій. Можно лишь сказать, что посланіе написано отъ лица жителей сѣверной Руси, обитающихъ «на благоцвѣтущихъ горахъ сѣверныхъ страны, яже суть ребра сѣверова» (л. 305). Появленіе такого посланія во время переговоровъ о бракѣ Ивана III и Софіи (Зои) Палеологъ можетъ дать нѣкоторое объясненіе и «заблужденій» Рима и той тревоги, которую выказали представители нашей церкви при приближеніи къ Москвѣ папскаго легата.

ская, осталась при своемъ мнѣніи. Ужели призракъ третьяго Рима и сказка о Прусѣ могли измѣнить установившееся воззрѣніе? То положеніе, которое примѣнялось у насъ къ «святому» каволическому царю, могло-ли утратить свой смыслъ и значеніе потому только, что царство, по мысли нѣкоторыхъ книжниковъ, переселилось изъ Цареграда на берега Москвы-рѣки? Въ посланіи Ивана Грознаго къ Курбскому читаемъ: «Нигдѣ же обрящеши, иже не разорится царству, еже отъ поповъ владому. Ты убо почто ревнуеши? *иже во грѣсѣхъ царствіе поубившихъ и туркомъ повинувшихся?* Сію убо погибель и намъ совѣтуеши? И сія убо погибель на твою главу наче да будетъ» ¹⁾). По мысли царя, нужно было оградить государство отъ такого неумѣстнаго вліянія клира, примѣры котораго онъ находилъ именно въ Византійской исторіи. «Боюсь грѣха» говорилъ Иванъ III, когда пылкіе противники жидовствующихъ требовали, чтобы князь казнилъ еретиковъ. Вмѣшательство государственной силы въ вопросы совѣсти казалось ему дѣломъ опаснымъ, дѣломъ грѣховнымъ. Въ словахъ Ивана III и Ивана IV просвѣчивается то же начало разграниченія церкви и государства, которое, лишь въ иномъ примѣненіи, высказано было Василіемъ Димитріевичемъ.

V.

Въ Сказаніи о князехъ Владимірскихъ самый важный и интересный для насъ отдѣлъ—разсказъ о Владимірѣ Мономахѣ и его отношеніяхъ къ греческому царю. Невозможность отыскать въ этомъ разсказѣ черты исторически-достовернаго извѣстія указана выше. Мы не можемъ однако считать этотъ разсказъ такимъ же искусственнымъ построеніемъ какого-то книжника, какъ повѣствованіе объ Августовыхъ намѣстникахъ, о Прусѣ, поселившемся на берегу Вислы. Предположеніе «выдумки» устраняется существованіемъ особаго рода изводовъ сказанія о княжескихъ инсигніяхъ, изводовъ, не похожихъ на Сказаніе о князехъ Владимірскихъ. Преданіе, сохранившееся въ нѣсколькихъ версіяхъ, необъяснимыхъ одна изъ другой, предполагаетъ существованіе болѣе древняго памятника, служившаго для нихъ общею основою.

Кромѣ разсказовъ, переданныхъ выше (разсказъ о Владимірѣ Всеволодовичѣ и Константинѣ Мономахѣ въ Сказаніи о князехъ Владимірскихъ; разсказъ о князѣ Владимірѣ и о греческомъ царѣ

Сказанія кн. Курбскаго, изд. 3, стр. 149.

Василіѣ въ нѣкоторыхъ спискахъ Повѣсти о посольствѣ въ Вавилонѣ), намъ остается еще познакомиться съ двумя извѣстіями о князѣ Владимірѣ, какъ первовѣчанномъ князѣ.

А) Разказъ о борьбѣ Владиміра Мономаха съ правителемъ генуэзскаго города Кафы. Краткое упоминаніе о походѣ на Кафу находимъ у Герберштейна. Описавъ обрядъ коронованія внука Ивана III Дмитрія, Герберштейнъ говоритъ: «Бармы есть родъ широкаго ожерелья изъ мохнатаго шелку; снаружи онѣ прекрасно отдѣланы золотомъ и всякаго рода драгоценными камнями; *Владиміръ отнялъ ихъ у одного генуэзскаго правителя Кафы, побѣжденнаго имъ*. Pileus называется на ихъ языкѣ шапка: ее носилъ Владиміръ Мономахъ; она украшена драгоценными камнями и чудно сдѣлана изъ золотыхъ пластинокъ, которыя извиваются на подобіе змѣй» ¹⁾. Болѣе подробныя свѣдѣнія о войнѣ съ генуэзской колоніей переданы *Стрыйковскимъ*: Владиміръ Мономахъ Polowców poganów kilokrót poraził i Genuensów Włochów, którzy w ten czas w Taurice, gdzie dziś Prekopska horda, panowali, i Kaphe, albo Teodosia, miasto stołeczne sławne, pod nimi wziął. Tenże, gdy się miał drugi raz potykać z Genuensami nad morzem, wyzwiał sam a sam na rękę hetmana ich starostę Kapheńskiego, którego, gdy obadwa do siebie skoczyli, Wołodimir z konia mężnie kopiją wysadził, a poimawszy związał i przywiódł go zbrojnego do swojego wojska, zjął też z niego łańcuch wielki złoty, perlami i kamieniami drogimi misternie sadzony, który zostawił po sobie Wielkim Xiędzom potomkom, i dziś go ma Moskiewski w skarbie, a zawždy, kiedy Moskiewskich kniaziów poświęcają, ten łańcuch, który Barmai nazywają, na nich kładą; pas także ze złotem i s perlami, także *czapkę* xiążczą z blachami złotymi, perlami i klejnotami drogimi, kosztownie oprawioną, na poświęcanie na xięstwo i dla majestatu koronaciej zostawił, których także klejnotów i dziś Wielcy Kniaziowie Moskiewscy, jego potomkowie, z wielką uczciwością używają. O czym Herberstein wspomina fol. 22 *de rebus Moschoviticis*. A iż sam a cam ten Władimir, monarcha, z nieprzyjacioly zawždy rad potykał, *aperto duello*, przezwano go dla tego Monomachem po grecku. Z tego tedy Wołodimira Monomacha Wsewoldawica, wszyscy Wielcy Kniaziowie Moskiewscy i insze xiążęta Ruskie, naród porządną genealogia, wiedą i dla tego się jedynowłajcami i Carzami wszej Rusi tytułują, a żadnemu narodowi w tym przodku pozwolić nie chcą ²⁾.

¹⁾ Записки о Московіи, перев. *Анонимова*, стр. 37 и 16.

²⁾ Кроника, изд. 1846 г., т. I, стр. 188.

Подобныя же свѣдѣнія сообщаетъ *Петрей*: при коронаваніи царь надѣваетъ «маленькую шапочку» (ein klein köstlich Mützelein), украшенную золотомъ, жемчугомъ и драгоценными каменьями, и «драгоценное золотое облачение» (ein köstlicher Rock von gülden Stücken). «По мнѣнію русскихъ, великій князь, по имени Дмитрій Мономахъ, досталъ и вывезъ эту одежду изъ Кафы, когда воевалъ съ татарами, и потомъ постановилъ, чтобы она употреблялась собственно для облачения великаго князя, когда бываетъ его вѣнчаніе» ¹⁾. Вѣроятно, Петрей зналъ извѣстіе Герберштейна, но спуталъ имя Дмитрія Ивановича, вѣнчаніе котораго описано Герберштейномъ, съ именемъ князя, о которомъ тотъ упоминаетъ при описаніи коронаціонной утвари.

Преданіе о драгоценностяхъ, вывезенныхъ русскимъ княземъ изъ Кафы, было извѣстно и на дальнемъ западѣ. Въ сочиненіи Hieronymi de Marinis, Patricii Genuensis: «Genua sive reipublicae Genuensis compendiaria descriptio», въ рассказѣ о генуэзской колоніи Θεодосіа («hodie Caffa»), помѣщена такая замѣтка: Quam vero in vastis illis Regionibus, et hodie, certe usque ad patrum nostrorum memoriam, duret inclyta Genuensium fama, colligi potest ex iis, quae scribit Antonius de Herera Philippi II Hispaniorum Regis historicus, qui lib. XVI. cap. VIII primae partis suae *generalis Historiae* de Moscovia agens deque Magno ejusdem Duce, Russiae Imperatore, tradit, quomodo succedatur in Imperio, et praecipue de consecratione Imperatoris, quae fit hoc modo. Inter Missarum solennia a duobus Archiepiscopis successor accipit mitram, innumeris lapidibus pretiosis ac margaritis ornata, quae fuit Volodomeri, olim Russiae imperatoris, una cum baculo argenteo atque aureo monili ab eodem Volodomero bello quaesitis, dum praeliaretur cum Consule Genuensi, qui Theodosiam urbem regebat. Tanti aestimant Russiae Moscoviaequae nationes aliquando Imperatorem suum aliquod victoriae insigne de Consule unius Civitatis, Genuensibus subditae, reportasse, ut baculum illum ac monile, quasi pro sceptro atque corona, in insigni et solemnī die suae consecrationis novus Imperator accipiat ²⁾.

¹⁾ Исторія о великомъ княжествѣ московскомъ, собр. П. Петрей. перев. Шемакина, ч. II, стр. 103 (*Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ* 1866, кн. I), ч. III, стр. 344 (*Чтенія*, 1867, кн. II); *Regum rossicarum scriptores exteri*, t. I, p. 277.

²⁾ *Thesaurus antiquitatum et historiarum Italiae st. I. G. Graevii*, t. I, p. 2, 1485. У Гереры (libr. XI, cap. VIII) упоминаются архіепископы Новгорода (Norgadia) и Ростова (Rostavia).

Историческія несообразности всѣхъ этихъ извѣстій указаны были еще Карамзинымъ: «Стриковскій, Петрей и Герера не справились съ хронологіею: въ княженіе Мономаха не было еще въ Кафѣ ни татарь, ни генуэзцевъ, которые завладѣли ею въ XIII вѣкѣ» ¹⁾. Въ разсказѣ о Владимірѣ Мономахѣ и о правителѣ Кафы мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ такою же исторической сказкой, какъ и преданіе о сношеніяхъ Владиміра Всеволодовича съ Константиномъ Мономахомъ.

Б) Кромѣ Мономаха, получившаго царскій вѣнецъ и титулъ изъ Византіи, московское преданіе знало еще другаго князя Владиміра, который также принялъ царское вѣнчаніе отъ царя и патриарха греческихъ. Въ переговорахъ русскаго правительства съ польскимъ по поводу принятія Иваномъ IV царскаго титула не разъ упоминается о Владимірѣ Святославичѣ, какъ первомъ вѣнчанномъ царѣ. Въ наказѣ посламъ, отправленнымъ къ Сигизмунду Августу въ 1554 году, было сказано: «Василью съ товарищи говорити: государь нашъ зоветца царемъ потому: прародитель его, великій князь Владиміръ Святославичъ, какъ крестился самъ и землю русскую крестилъ, и царь греческой и патриархъ вѣнчали ево на царство русское, и онъ писался царемъ». Въ 1556 году наши бояре говорили польскимъ посламъ: «великій князь Владиміръ Святославичъ вѣнчанъ на царство русское царемъ Васильемъ греческимъ, какъ принялъ отъ грекъ святое крещеніе» ²⁾. Рядомъ съ такимъ извѣстіемъ въ тѣхъ же посольскихъ наказахъ и боярскихъ рѣчахъ приводится и разсказъ о царскомъ вѣнци, присланномъ Владиміру Мономаху. Получается такимъ образомъ своеобразная историческая редупликація: два князя Владиміра получаютъ изъ Византіи вѣнецъ и царскій титулъ.

Этой редупликаціи соответствуетъ любопытный параллелизмъ, который замѣчается между нѣкоторыми извѣстіями о Владимірѣ Мономахѣ и о Владимірѣ Святославичѣ. Владиміръ Мономахъ, по свидѣтельству Сказанія о князехъ Владимірскихъ, воюетъ съ греками; его войска идутъ во *Фракію, Царярада область*. Есть подобное же извѣстіе и о Владимірѣ Святославичѣ. Въ «Повѣсти о латынѣхъ», при упоминаніи о греческихъ царяхъ Константинѣ и Василѣ, замѣчено: «и въ днехъ царства ея абие *сиде Владимерь князь роускии съ всею силою своею великою дажде и до самаго Царярада съ враж-*

¹⁾ Ист. Гос. Россійскаго П, прим. 221. Ср. *Мурзакевичъ*, Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму, 5—8; *Келлеръ*, О древностяхъ южнаго берега Крыма, 81—82.

²⁾ Сборникъ Русск. ист. общества, т. 59, стр. 437, 474, 504, 527.

Божнимъ и благодатию
 зѣрнаго права на смирение
 вѣсто волка, и тако сн
 ему царь на святомъ креще
 изъ Кафу и возвращается побѣдите
 о Владимірѣ Святомъ. У того
 рассказъ о борьбѣ Мономаха
 Владиміръ Святосла
 отправился въ Тавриду, gdzie dobył
 miasta sławnego pod grekami. Далѣ Стрый
 рассказъ объ осадѣ и взятіи Корсуна²⁾.
 принимаетъ титулъ царя. Есть упомина
 Владиміра Святославича. Кромѣ приведен
 бумажъ, можно указать свидѣ
 Стрыйковскаго: Владиміръ *wszystkę Ruś pól
 południe leżącą, Białą i Czarną, pod swoje moc
 się pisał Carzem albo królem, Jednowładcą i wiel
 Rusi*³⁾.

помощаеомъ въ связи съ повѣстью о Вавилонѣ
 преданіи, приурочиваемыхъ къ Владиміру Свя
 Владиміру Мономаху. «И отъ того часа прослы великій
 Владиміръ Киевскій *Мономахъ*, і до сего дни во всей Россіи
 царі московскія в нынѣшнемъ вѣдѣ виссомъ і пороурою
 мономаховою і до сего дне». Эта замѣтка состав
 знакомаго намъ сказанія о дарахъ, получен
 Владиміромъ Мономахомъ изъ Византіи. Но повѣсть о путе
 въ Вавилонъ не упоминаетъ о Константинѣ Мономахѣ; гре
 царь, съ которымъ воюетъ Владиміръ, называется въ по
Василіемъ.

Всѣ приведенные рассказы о царскихъ утваряхъ сходны въ суще
 ственныхъ чертахъ, почему и можно разсматривать ихъ какъ варианты

¹⁾ *Монохъ*, Историко-литературный обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, 187 (Ср. Обзоръ хронографовъ, 91; Полн. собр. русск. летоп. XVI, 26). Въ одномъ изъ списковъ хронографа помѣщено извѣстие о морскомъ походѣ Владиміра на Царьградъ: «Иде Володимерь въ Греки въ 2000 людинъ.— Походъ Аскольда и Дира приписанъ, Владиміру», замѣчаетъ объ этомъ извѣстіи Востоковъ (Описание рукоп. Румянц. музея, стр. 730).

²⁾ *Кроника*, изд. 1846 г., I, стр. 129.

³⁾ *Ibid.* 125.

одного и того же преданія. Это преданіе говорило о какомъ-то князѣ Владимірѣ, съ именемъ котораго не соединялось, какъ видно, ближайшаго опредѣленія, отчего и открывалась возможность узнавать въ этомъ Владимірѣ и Владимира Всеволодовича, и Владимира Святославича. Сказаніе о князехъ Владимірскихъ и замѣтка о князѣ Владимірѣ и царѣ Василіи въ повѣсти о Вавилонѣ говорятъ, что князь Владиміръ велъ войну съ греками и получилъ отъ побѣжденнаго греческаго царя богатые дары: вѣнецъ, крабійцу и проч. Въ извѣстїи, рассказывающемъ о вѣнчаніи Владимира Святаго, не упоминается прямо о войнѣ съ греками, но на такую войну указываетъ связь вѣнчанія съ крещеніемъ: «вѣнчанъ на царство русское царемъ Васильемъ греческимъ, какъ *принялъ отъ грекъ святое крещеніе*». Обстоятельства Владимірова крещенія были общеизвѣстны: Владиміръ воюетъ съ греками, овладѣваетъ греческимъ городомъ. Версія, сообщаемая Герберштейномъ и Стрѣйковскимъ, вмѣсто грековъ говоритъ объ италянскихъ колонистахъ, вмѣсто Корсуна называетъ Кафу, но мы видѣли, что и взятіе Кафы приурочивается къ имени Владимира Святаго, причемъ Кафа называется «городомъ греческимъ». Какой видъ могло имѣть первоначальное преданіе, отразившееся во всѣхъ этихъ рассказахъ? Надъ какимъ матеріаломъ работали книжные люди, писавшіе объ отношеніяхъ князя Владимира къ греческому царю или генуэзскому воеводѣ?

О какихъ-нибудь литературныхъ, письменныхъ источникахъ приведенныхъ рассказовъ не можетъ быть рѣчи. Извѣстіе, записанное въ формѣ-ли лѣтописной замѣтки, или въ формѣ исторической повѣсти, не могло дать такихъ разнообразныхъ отраженій, какъ рассказы о Владимірѣ Святомъ и о Владимірѣ Мономахѣ, о походѣ на грековъ и о борьбѣ съ генуэзскими колонистами. Въ замѣткѣ или повѣсти даны были бы опредѣленные имена лицъ и опредѣленные мѣстныя названія, устранявшія необходимость догадокъ и противорѣчивыхъ соображеній и о самомъ князѣ Владимірѣ, и объ его противникахъ. Нужно, кромѣ того, припомнить, что въ памятникахъ литературныхъ до XVI вѣка мы не находимъ никакихъ извѣстій, которыя можно было бы признать основою занимающаго насъ сказанія въ его разнообразныхъ редакціяхъ. Остается, такимъ образомъ, допустить, что въ основѣ сказаній о вѣнчаніи князя Владимира лежало какое-то устное преданіе ¹⁾.

¹⁾ Говоря объ «устномъ» преданіи, я имѣю въ виду указать только на народно-поэтическій характеръ того сказанія, которое легло въ основу изучаемыхъ повѣствованій. Преданіе о войнѣ князя Владимира съ греками могло, конечно,

Но устное преданіе могло быть не одинаково. Могло быть преданіе родовое, династическое, связанное съ святынями и драгоцѣнностями, хранившимися въ велико-княжеской семьѣ и слышшимъ подъ названіемъ «мономаховыхъ» или «владиміровыхъ»; могло быть и преданіе народное, сохранявшееся въ формѣ побывальщины или

быть записано и въ такомъ именно видѣ рукописнаго памятника стать извѣстнымъ составителямъ сказаній о вѣнчаніи Владиміра Мономаха или Владиміра Святаго, но способъ передачи преданія не могъ измѣнить его эпической природы. При разсмотрѣніи вопроса объ источникахъ сказаній о Владиміровомъ вѣнчаніи нельзя еще миновать нѣкоторыхъ извѣстій, попадающихся въ памятникахъ византійской письменности. *Константинъ Порфирородный* сообщаетъ, что скиевскія племена, какъ хазары, руссы (Ῥως), требовали верѣдко отъ византійскихъ императоровъ царскихъ одеждъ, коронъ (στέμμα) и т. п. (De administr. imp. cap. XIII). На это извѣстіе обратилъ вниманіе еще *Карамзинъ* (Ист. Гос. Росс. II, примѣч. 221). Никифоръ Григора, писатель XIV вѣка, рассказываетъ, что при дворѣ Константина Великаго находился какой-то русскій князь (ῥῆμας), занимавшій должность императорскаго столбника: ὁ δὲ Ῥωσικὸς τὴν τε στέμναι καὶ τὸ ἀξίωμα τοῦ ἐπὶ τῆς τραπέζης παρὰ τοῦ μεγάλου κεκληρωτὰς Κωνσταντίνου. (Nic. Gregoras, VII, 5, Боннск. изд. vol. I. p. 239. Объ этомъ извѣстіи см. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1875, кн. 12, стр. 313). Первое изъ приведенныхъ свидѣтельствъ можетъ представлять извѣстную важность для исторіи инсигній нашихъ князей. „Въ виду какъ замѣченныхъ Карамзиннымъ требованій русскими государями въ X вѣкѣ царской утвари, такъ и подаренныхъ Юстиніаномъ Ринотмитомъ Болгарскому князю Тривалу регалій за содѣйствіе къ восстановленію императора на престолѣ (Кедрия), можно принять за несомнѣнное, что къ (русскому) великому князю были присланы нѣкогда собственно императорскіе знаки», замѣчаетъ г. *Прозоровскій* (*Записки Отдѣл. р. и слав. археологіи*, III, 17). Кромѣ болгарскаго князя можно еще указать на Цтаѳіа, царя лавовъ (Ζαθάσιος ὁ τῶν Λαζῶν βασιλεὺς), который, принявъ христіанство, женился въ Цареградѣ на дочери „римскаго патриція“ и получилъ царскій вѣнецъ и другіе дары отъ императора Юстина (VI в.); «καὶ δευτεῖρας παρὰ τοῦ βασιλέως ἐφοτίσθη, καὶ χριστιανὸς γενόμενος ἠγάγετο γυναῖκα Ῥωμαίαν, τὴν ἐκγόνην Νόμου τοῦ πατρικίου, ὀνόματι Οὐαλεριάνην, καὶ ἔλαβεν αὐτὴν μεθ' ἑαυτοῦ εἰς τὴν ἰδίαν αὐτοῦ χώραν, στεφθεὶς παρὰ Ἰουστίνου, βασιλέως Ῥωμαίων, καὶ φορέσας στεφάνιον Ῥωμαϊκὸν βασιλικὸν καὶ χλαμύδα ἀσπρον ὀλοστήρικον» и т. д. (*J. Malalas*, lib. XVII, Боннск. изд. p. 413. Позже, при Михаилѣ Палеологѣ, византійцы, по свидѣтельству Георгія Пахимера (VI, 34), оспаривали правда царя лавовъ носить знаки императорскаго достоинства). Императоръ Василій I далъ царскій титулъ и царскій вѣнецъ правителю Арменіи (*Reges*, *Analecta byzantino—russica*, p. LXXIX—LXXX, LXXXIV—LXXXV). Въ виду такихъ указаній возможность полученія русскими князьями знаковъ власти изъ Византіи не подлежитъ сомнѣнію. Припомнимъ еще при этомъ два извѣстія, относящіяся, правда, къ позднему времени, именно къ царствованію Федора Ивановича. Въ 1591 году прибылъ въ Москву митрополитъ терновскій Діонсій; онъ поднесъ царю въ даръ частицы св. мощей и «вѣнецъ царской золотъ съ камнемъ и съ жемчуги»; царяцѣ — также мощи и «вѣнецъ царской» (*Карамзинъ*, Ист. Гос. Росс. X, прим. 220). Въ 1593 году александрійскій патриархъ Мелетій пи-

даже пѣсни. Какой изъ этихъ двухъ видовъ преданія слѣдуетъ допустить какъ основу сказаній о драгоценностяхъ, добытыхъ княземъ Владиміромъ?

Свѣдѣнія о дорогихъ вещахъ, принадлежавшихъ великимъ князьямъ московскимъ, сохранились въ ихъ душевныхъ грамотахъ. Сводъ и раз-

саль Федору Ивановичу: «тебѣ за твои подвиги слѣдуетъ быть увѣнчаннымъ двойною діадимомъ. Одну ты имѣешь свыше отъ предковъ; другую же представляемъ тебѣ мы. Эта діадима дана святымъ ефесскимъ соборомъ, бывшимъ при достославномъ самодержцѣ Іустиніанѣ, апостольскому престолу александрійской церкви и ею послѣ святѣйшаго папы старѣйшаго Рима одни предстатели александрійской церкви имѣли обычай украшаться. Цѣнно это одѣяніе не столько блескомъ камней или другимъ веществомъ, сколько своею почтенною и славною древностью». (*Терновскій*, Изученіе Византійской исторіи, I, стр. 12). Предположимъ, что были извѣстія, подобныя только-что приведеннымъ, но относящіяся къ болѣе древней порѣ. Эти извѣстія о византійскихъ дарахъ не объяснили бы все-таки намъ ни разсказа о счастливомъ походѣ русскихъ дружинъ противъ грековъ или генуэзскихъ колонистовъ, ни извѣстій объ осадѣ этими дружинами какого-то города, ни упоминанія о добычѣ, доставшейся побѣдителямъ послѣ удачной войны. Для всѣхъ этихъ подробностей, равнообразная передача которыхъ составляетъ главное содержаніе изучаемыхъ нами сказаній, пришлось бы поискать какихъ нибудь иныхъ объясненій, иныхъ источниковъ. Подобное же недоумѣніе вызываетъ и греческое преданіе о русскомъ князѣ и царѣ Константинѣ, записанное Ник. Григорой. Трудно установить какую нибудь связь между этимъ преданіемъ и теми русскими повѣстями, которыя знакомы намъ по Сказанію о князехъ Владимірскихъ и по извѣстіямъ Герберштейна и Стрыйковского. Могло ли въ самомъ дѣлѣ преданіе о стольникѣ царя Константина вызвать такія литературныя отраженія, какъ расказы о походѣ русскихъ войскъ во Фракію или объ осадѣ Кафы?.. Для уясненія дѣла считаю не лишнимъ припомнить здѣсь преданіе, связанное съ короной «священной римской имперіи». Въ Германіи рассказывали, что герцогъ Эрнстъ во время своего странствованія на востокъ (черезъ Угрію и Болгарію — въ Константинополь, оттуда въ Іерусалимъ, Вавилонъ, Индію) добылъ чудный камень, единственный въ своемъ родѣ, а потому прозванный «сиротой» (*der Waïse, Orphanus*). Вернувшись на родину, Эрнстъ подарилъ этотъ камень императору Оттону, который украсилъ имъ свою корону. «*Consummata harum et consimilium precum instanciam, ecce lux primitus rarescens se ex gracia increatae lucis illis obtulit et ingens gaudium contulit. Tunc montem valde fulgorum (?) aspexere et lapidem unionem dictum ab uno, quod unus sit et nunquam sint ejusdem generis duo lapides, ab illo monte abruptere. Hunc lapidem romanus imperator quilibet, in corona regali propter decoris ingens augmentum collocatum ab Ottone imperatore, cui illum dux Hearnestus, ut dicetur in sequentibus, credidit, baculare solet*». Объ этомъ камнѣ говорили, что онъ honorem servat regalem. Или:

Hujus mira satis virtus: si sederit aequo
Vertice, romani resplendet imagine regni.

(*Uhlands Schriften*. VIII, 571, 575. Ср. выше, гл. II, примѣч. на стр. 38). Преданія о герцогѣ Эрнстѣ и о принесенномъ имъ камнѣ передавались и въ повмахъ, и въ мнимо-историческихъ сказаніяхъ. Едва ли кто нибудь будетъ утверждать, что

... Строева, Снегирева, Вельт-
... изъ названныхъ ученыхъ путемъ
... изъ великокняжескихъ завѣща-
... устраивающему предположеніе
... данные, говоритъ г. Прозоров-
... первоначально вещамъ не присвой-
... того, какое онѣ имѣли въ кня-
... вещи родовыя, частью какъ обыкно-
... Степенною книгою и другими
... Мономаху вещи, кромѣ шапки и бармъ,
... степенно; в) что ни въ одномъ изъ завѣ-
... Ивана Грознаго, нѣтъ ни малѣйшаго намека
... даръ греческихъ царей кому-либо изъ
... какъ даръ патриарха Филофея указанъ
... вещи въ духовныхъ упомянуты подъ именами
... прислодать; г) что между шапкою и бармами
... никакой особенной связи; д) что ни изъ
... шапка-ли Семена Ивановича поступила во владѣніе
... или у Ивана Ивановича явилась особенная шапка;
... поступившей Семену Ивановичу вмѣстѣ съ шапкою
... болѣе нигдѣ не упоминается; е) что бармъ было
... принадлежность разнородныхъ одеждъ, но
... получили знаменитость—не извѣстно»³⁾. Трудно
... новаторство этихъ выводовъ. Можно, пожалуй, замѣ-
... такихъ памятникахъ, какъ духовныя завѣщанія, не мѣ-
... рассказывать фамильныя воспоминанія. Но умѣстность такихъ
... и не предполагается. При существованіи родового преда-

... сказаній могли быть какія-нибудь неясныя преданія о драгоцѣн-
... доставленныхъ когда-то германскому императору съ востока. Сказанія
... сложились на основѣ эпическихъ воспоминаній о событіяхъ герман-
... истории время Саксонской и Франконской династій,—воспоминаній, ослож-
... зажими рассказами (магнитная гора, путешествіе на грифахъ и т. п.).
... чудеснаго камня повторяетъ одинъ эпизодъ Сяндбадова
... сказочномъ сборникѣ: «Тысяча и одна ночь» (*Umland*, VIII, 571;
V, 325—343).

1) *Строевъ*, Выходы государей, стр. 53—54; *Вельтманъ*, Московская Ору-
жейная палата, стр. 17 и слѣд.; *Снегиревъ*, Памятники моск. древности, стр. 265;
Прозоровскій—въ указанной выше статьѣ «Объ утваряхъ, приписываемыхъ Вла-
диміру Мономаху» (*Зап. отд. р. и слав. археол.*, т. III, стр. 26—29).

2) Этотъ даръ упомянутъ впервые въ духовной Василія Димитріевича:
«крестъ животворящій патриаршъ Филофѣевской».

3) *Op. cit.* 28—29.

нія, связаннаго съ нѣкоторыми вещами, можно было бы однако ожидать, что эти вещи будутъ такъ или иначе выдѣлены изъ числа другихъ, будутъ обозначены какимъ нибудь опредѣленіемъ, отвѣчавшимъ ихъ исторической важности, не останутся скрытыми подъ такими общими упоминаніями; «шапка золотая» или «цѣпь золотая съ крестомъ». Вѣдь упоминаются же въ завѣщаніяхъ: «крестъ патриаршъ Филоеевскій», крестъ Петра чудотворца, крестъ Парамшина дѣла, крестъ въ рацѣ Цареградской и т. п. Когда преданіе о Мономаховыхъ инсигніяхъ успѣло установиться, когда оно получило опредѣленную литературную форму, вошло въ завѣщанія и упоминаніе о Мономаховыхъ вещахъ. Въ духовной Ивана IV читаемъ: «да сына же своего Ивана благословляю царствомъ русскимъ, шапкою мономаховскою и всею чиною царскимъ, что прислалъ прародителю нашему царю и великому князю Владиміру Мономаху царь Константинъ Мономахъ изъ Царяграда»¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ сказанія о Мономаховыхъ вещахъ помѣщена въ концѣ замѣтка о судьбѣ присланныхъ изъ Византіи даровъ. Владиміръ Мономахъ, говорится въ этой замѣткѣ, умирая «вручилъ царскую утварь шестому сыну своему Георгію, велѣлъ хранить оную, какъ душу или зѣницу ока, и передавать изъ рода въ родъ, пока Богъ воздвигнетъ царя, истиннаго самодержца въ государствѣ великороссійскомъ». Пока не явится такой царь, потомки Мономаха, по его завѣту, не имѣли права одѣваться въ царскіе уборы, вѣнчаться на царство²⁾. Признать эту замѣтку за отголосокъ родового преда-

¹⁾ Дополн. къ Актамъ Историч., т. I, № 222

²⁾ *Карамзинъ*, Ист. Гос. Росс. II, примѣч. 220. Извѣстіе передано историкомъ по рукописи Синод. Библи. № 365. Такой же рассказъ о судьбѣ Мономаховыхъ утварей нашель я въ краткомъ лѣтописцѣ, сохранившемся въ рукописи XVII в. Публ. Библиот. Q. XVII, № 71 (=Толс. II, № 250. См. *Калайдовича* и *Строева*, Описание рукоп. гр. Э. А. Толстова, стр. 408—409). Послѣ разсказа о дарахъ, присланныхъ въ Кіевъ Константиномъ Мономахомъ, и о царскомъ венчаніи Владиміра Всеволодовича, сообщается слѣдующее: „В лѣто 6633 царь и великій князь Владиміръ Всеволодовичъ Манамахъ впаде в болѣзнь тяжку и собравъ дѣтей своихъ и бояръ и всякого чину служилыхъ людей приказываетъ и заповѣдуетъ имъ всѣмъ по смерти своей, да не ставятся на его мѣсто на царство царемъ ни отъ дѣтей его, ни отъ бояръ для того, что в то время всѣ были удѣльные князи, и аще кого поставятъ себѣ царя, то завистию убьютъ царя и межъ собою побьются. По глаголаніи же семъ, по смерти царя і великаго князя Владиміра Всеволодовича Монамаха, приметъ животворящій крестъ Господень, его же присла изъ Царяграда греческіи царь Константинъ Манамахъ, и порфиру, и виссонь, и гривну алатую и вѣнецъ царскій сынъ царя и великаго князя Владиміра Игорь (вм. Георгій) Владиміровичъ и по повелѣнію отчю сохрани я и печашея соблюсти я, аки душу свою, или аки зѣницу очей своихъ, а по смерти

нія,—слідовъ котораго мы не находимъ въ памятникахъ семейныхъ отношеній московскихъ князей,—конечно, нельзя. Замѣтка явилась, очевидно, какъ отвѣтъ на недоумѣнія и сомнѣнія, которыя могло возбуждать сказаніе о Мономаховой шапкѣ,—сказаніе, офіціально признанное и часто повторявшееся при Иванѣ IV, но не встрѣчав-

своей такоже повелѣть отдать сыну своему, иже бы могъ сей великии даръ царевъ в сохраненіи препроводити, дондеже отъ рода ихъ кого водвигнетъ Богъ в велицѣи Россіи царя и самодержца». Въ дальшѣйшемъ теченіи лѣтописнаго разсказа читается рядъ одинаково выраженныхъ замѣтокъ о томъ, какъ цареградскія утвари передавались въ линіи младшихъ Мономаховичей: Игорь (то есть, Георгій) Владимировичъ передалъ ихъ сыну своему Всеволоду, Всеволодъ—сыну Ярославу. Послѣ ярослава Всеволодовича упоминаются: Александръ Невскій, Даниилъ Александровичъ, Иванъ Калита, Иванъ Ивановичъ, Дмитрій Донской, Василій Дмитріевичъ, Василій Темный, Иванъ Васильевичъ, Василій Ивановичъ. О послѣднемъ замѣчено: «въ соборной церкви царскую всю утварь на него возложиша і' царя его і' великаго князя Василя Ивановича Московскаго і' всея Россіи нарекоша». (Ср. Моск. синод. библиот. № 964, л. 208—209, 210—215). Эта замѣтка о царскомъ вѣнчаніи Василя Ивановича напоминаетъ указаніе, находящееся въ странномъ памятникѣ: «Выписъ изъ государевы грамоты, что прислана къ великому князю Василю Ивановичу о сочтаніи втораго брака и о разлученіи перваго брака чадородіа ради. Твореніе Паисіино, старца Ферапонтова монастыря (Изд. въ *Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ*, 1847 № 8, отд. IV). Старецъ Вассіанъ, сообщаетъ въ сказаніи Паисія, отговаривалъ Василя отъ развода съ Соломоніей, напоминая при этомъ князю, что въ случаѣ расторженія перваго брака и второй женитьбы, «ни на прагъ церковный стопамя ногъ твоихъ коснутися правила не повелѣвають», оставаясь же въ первомъ бракѣ, Василій имѣеть право «итти въ царскія двери, вземъ свой царскій скипетръ и царскую діадиму, рекше багряницу, и сердоликову крабицу и прародителя своего великаго князя Владимира Мономаха ардарилъ (=ялдарилъ), рекше шапку, да сѣсти на престолѣ». Еще Карамзинъ высказалъ сомнѣніе въ достовѣрности Паисіева сказанія. Издатель «Выписъ» присоединяется къ мнѣнію пр. Филарета (см. его статью о Максимѣ Грекѣ въ *Москвитянинахъ* 1842 года; ср. Обзоръ русск. дух. литературы, § 106), не раздѣлявшаго подозрѣній Карамзина. Трудно одноко отыскать ясныя признаки подлинности приписываемаго Паисію произведенія. Правда, извѣстіе о томъ, что Вассіанъ отговаривалъ Василя отъ развода, что это именно отговариваніе было причиной опалы и ссылки Вассіана, повторяется не въ одномъ сказаніи „о сочтаніи втораго брака“, но послѣ указаній, приведенныхъ пр. Макаріемъ (*Ист. русск. церкви*, VI, стр. 175—176), связь несчастій Вассіана съ женитьбой Василя на Еленѣ Глинской едва ли можетъ быть признаваема. Остается присоединиться къ мнѣнію, что мнимо-Паисіево сказаніе составлено уже въ царствованіе Ивана IV и представляетъ оправданіе мысли, высказанной Курбскимъ: „и родилася въ законопреступленію и во сладострастію лютость» (Сказаніи Курбскаго, изд. 3, стр. 5. Ср. *Иловайскій*, *Исторія Россіи*, т. III, стр. 609). Въ изображеніи вел. князя, идущаго въ алтарь въ мономаховомъ «ялдарилѣ» (?), съ сердоликовой коробкой въ рукахъ, едва-ли можно отыскать черты бытовой правды.

шееся въ памятникахъ древняго времени. Забѣтка пытается объяснить, почему это сказаніе оставалось не извѣстнымъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Оказывается, что шапка и другія вещи, полученные отъ греческаго царя, находились подъ закліятіемъ самого Мономаха. Истинное значеніе этихъ вещей, скрытое до поры до времени, должно было обнаружиться только тогда, когда появится на Руси настоящій царь. Это упоминаніе о царѣ—*veticintum post eventum*, когда московскій князь принялъ царскій титулъ и царскій вѣнецъ. Также мало имѣетъ значенія другая забѣтка, отысканная въ одномъ позднемъ лѣтописномъ сборникѣ: «въ лѣто 6811 преставися великій князь Данило Александровичъ Невскаго; животворящій крестъ и порфиру, и виссонъ, и златую гривну и вѣнецъ Мономаховъ предаде четвертому своему сыну Іоанну Калитѣ»¹⁾. Забѣтка говоритъ о порфирѣ, виссонѣ, золотой гривнѣ. Нечего и говорить, что завѣщанія Ивана Даниловича и его потомковъ не упоминаютъ о такихъ вещахъ. Забѣтка,—очевидно, поздняго происхожденія. Она не объясняетъ сказанія о Мономаховомъ вѣнцѣ, а объясняется имъ.

Мы подошли такимъ образомъ къ народной «старинѣ», къ какому-то устно передававшемуся сказанію о князѣ Владимірѣ, которое въ книжныхъ передѣлкахъ получило видъ повѣствованій о Константинѣ Мономахѣ, о борьбѣ русскаго князя съ правителемъ Кафы и пр.

Въ народномъ сказаніи говорилось о какомъ-то удачномъ походѣ князя Владиміра. Книжные люди старались угадать, къ какому князю Владиміру и къ какому именно его походу долженъ быть отнесенъ этотъ рассказъ. Сопоставленіе намековъ, которые находились въ преданіи, съ историческими извѣстіями, которыя казались наиболее соответствующими этимъ намекамъ, приводило къ неодинаковымъ выводамъ, такъ какъ для сопоставленія избирались не одни и тѣ же извѣстія. Такимъ образомъ, на одной и той же основѣ создавались не одинаковыя повѣствованія, причемъ каждое изъ такихъ повѣствованій представляло сплавъ народно-эпическаго преданія съ

¹⁾ *Амфилозіи*, Лѣтописныя и другія древнія сказанія о св. князѣ Данилѣ Александровичѣ (М. 1875), стр. 1. Извѣстіе взято изъ рукописи Ундольскаго № 755. Въ «Очеркѣ собранія рукописей В. М. Ундольскаго» объ этой рукописи сообщено слѣдующее: «Лѣтописецъ русскій, сначала подробный, преимущественно по Степенной книгѣ, а потомъ краткій продолженный до 1648 года; тщательной скорописи половины XVII вѣка, въ 4-ку, 170 л.» (*Викторозъ*, Рук. Ундольскаго, стр. 21).

тѣми или другими подробностями, навѣянными литературой современниковъ и историческихъ сказаній.

а) Въ извѣстїи о вѣнчанїи Владиміра Святославича черты историческія выступаютъ съ полной ясностью: Владиміръ вѣнчался, когда принялъ крещеніе. Преданіе о вѣнцѣ сливается съ воспоминаніями объ отношеніяхъ князя Владиміра къ греческому царю **Василію**. Имя другаго царя, Константина, въ извѣстїи не упоминается. Имя греческаго царя Василія упоминается и въ спискѣ къ повѣсти о Вавилонѣ.

б) Труднѣе опредѣлить историческій матеріалъ, который вошелъ въ сказаніе о борьбѣ Владиміра Всеволодыча съ Константиномъ Мономахомъ. Выше было уже указано лѣтописное извѣстїе о походѣ русскихъ дружинъ на Дунай въ 1116 году. «Въ се же лѣто князь великій Володимеръ посла Ивана Войтишича, и посажа посадники по Дунаю... Томъ же лѣтѣ ходи Вячеславъ на Дунай съ Оомою Ратиборичемъ и пришедъ къ Дрьстру и невѣспѣвше ничтоже воротиса» ¹⁾. Едва-ли можно допустить, что составитель сказанія о вѣнцѣ имѣлъ въ виду извѣстїе объ этомъ именно Дунайскомъ походѣ. Правда, въ лѣтописной замѣткѣ упоминается имя Владиміра Мономаха, говорится о походѣ русскихъ дружинъ въ области принадлежавшія греческому царю, но содержаніе лѣтописной замѣтки не объясняетъ такихъ существенныхъ подробностей сказанія, какъ упоминаніе о походѣ къ Цареграду, о Константиנѣ Мономахѣ, о греческихъ дарахъ. Съ большой вѣроятностью можно предположить, что составитель сказанія о вѣнцѣ смѣшалъ Владиміра Мономаха съ Владиміромъ Ярославичемъ, который въ 1043 году дѣйствительно ходилъ съ войскомъ къ Константинополю *въ царствованіе Константина Мономаха*. Въ древнемъ лѣтописномъ сводѣ объ этомъ походѣ, который одинъ изъ нашихъ историковъ называетъ «последней греческой войной», говорится слѣдующее: «Посла Ярославъ сына своего Володимера на Грьки и вда ему вон многы, а воеводство поручи Вышатѣ, отцю Яневу. И поиде Володимеръ в лодяхъ; и придоша в Дунай, и поидоша къ Цесарю граду, и бысть буря велика, и разби корабли Руси, и княжь корабль разби вѣтеръ, и взя князя в корабль Иванъ Творимричь, воевода Ярославль. Прочни же вон Володимери вывержени быша на брегъ, числомъ 6000, и хотящимъ пойти в Русь, и не идяше съ ними ничтоже отъ дружины княжее. И рече Вышата:

¹⁾ Полное собр. русск. лѣтописей, II, стр. 7 — 8. Любопытно что у Татищева присылка вѣнца изъ Византіи поставлена въ связь съ обстоятельствами Дунайскаго похода (Исторія Россійская, кн. II, стр. 221, ср. стр. 217, 218.

«азъ пойду с ними»; и высѣде ис корабля к нимъ, и рече: «аще живъ буду, то с ними, аще погynu, то с дружиною». И поидоша хотяще в Русь, и бысть вѣсть грѣкомъ, яко избило море Русь, и посла царь, именемъ Мономахъ, по Руси оладыи 14; Володимеръ же, видѣвъ с дружиною, яко идуть по немъ, вспятивъся изби олады греческия, и възвратися в Русь, встѣше в корабль свой. Вышату же яша съ изверженными на брегъ, и приведоша я Цесарюграду и слѣпиша Руси много; по трехъ же лѣтѣхъ миру бывшю, пущенъ бысть Вышата в Русь к Ярославу» ¹⁾. Въ одной изъ позднихъ лѣтописей (Густынской) объ обстоятельствахъ Владимірова возвращенія замѣчено: «Володимеръ же бися съ ними крѣпко, и побѣди ихъ, и възвратися въ Русь». Далѣе узнаемъ, что и Вышата вернулся изъ плѣна при обстоятельствахъ, свидѣтельствовавшихъ о почетномъ для Русскихъ мирѣ. Вышата прибылъ вмѣстѣ съ греческой царевной, будущей матерью Владиміра Мономаха. «По трехъ же лѣтѣхъ смирися Ярославъ со греки, и поять дщерь у Константина Мономаха, царя греческаго, за сына своего Всеволода; и тогда отпущенъ бысть и Вышата» ²⁾.

Лѣтописныя извѣстія говорили о томъ, какъ князь Владиміръ пошелъ къ Цареграду, бился крѣпко съ греческими войсками и побѣдителемъ возвратился на Русь. Составитель Сказанія о князехъ Владимірскихъ, не отличавшійся заботливостью объ исторической точности своихъ рассказовъ, легко могъ спутать генеалогію князей и хронологію событій: вмѣсто Владиміра Ярославича онъ выставилъ другое, болѣе извѣстное и громкое имя, имя Владиміра Всеволодовича. Упомянутое о дарахъ, полученныхъ Владиміромъ отъ грековъ, о вѣнчаніи князя подсказаны были тѣмъ устнымъ преданіемъ, которое въ извѣстіяхъ Герберштейна и Стрыйковскаго приурочивается къ иному событію, къ походу на Кафу.

в) Въ Татищевскомъ лѣтописномъ сводѣ находимъ два извѣстія о походахъ Владиміра Мономаха въ Тавриду. Первое извѣстіе (подъ

¹⁾ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 150—151. Объ этомъ походѣ есть греческія извѣстія въ хроникахъ Кедрина (т. II, р. 551—555, по Бониск. изд.), Глики (595), Зонары (II, 253—254 Пар. изд.).

²⁾ Полн. собр. русск. лѣтописей, II, 267. Лѣтописные рассказы объ отношеніяхъ Ярослава къ грекамъ слагаются изъ двухъ извѣстій: а) о походѣ и возвращеніи Владиміра Ярославича, б) о возвращеніи «по трехъ лѣтѣхъ, миру бывшю», воеводы Вышаты. Подобная же двойственность замѣчается и въ сказаніи о мономаховой шапкѣ: а) походъ русскихъ войскъ къ Цареграду и возвращеніе ихъ съ богатой добычей; б) посольство изъ Цареграда съ дарами и заключеніе Владиміромъ мира съ греческимъ царемъ.

6584—1076 г.): «Михаилъ, царь греческій, иже отца своего Романа царства лишивше, самъ пріялъ, но вскорѣ отъ болгаръ побѣжденъ, и Корсуняне ему отреклися, прислазъ ко Святославу пословъ со многими дары и обѣщаніи, прося его и Всеволода о помощи на болгаръ и корсунянь. Святославъ же согласяся со Всеволодомъ хотѣлъ на болгары самъ итти съ сыны, а *Владимира сына новца и съ нимъ сына Глѣба послалъ на корсунянь*; но вскорѣ самъ разболевся, пословъ отпустилъ съ тѣмъ, что самъ немедленно пойдетъ, или сыновъ своихъ пошлетъ. По смерти же Святослава пришла отъ грекъ вѣдомость, что Михаилъ умеръ, а царство пріялъ Никифоръ. Всеволодъ же войско все распустилъ въ дома, и *сына Святослава изъ Корсуня возвратилъ*» ¹⁾. Другое извѣстіе (подъ 6603 — 1095 г.): «Корсуняне, напавъ на русскіе корабли, разбили и многое богатство пограбили, о чемъ *Святополкъ и Владимиръ посылали къ царю Алексію просить и къ корсунянамъ, но не получили достойнаго награжденія, для котораго Владимиръ съ Давидомъ Игоревичемъ и Ярославомъ Ярополчицемъ, имѣющимъ войски Святополковы, къ тому же взявъ Торковъ и Козаровъ, пошелъ въ Корсунъ и сошедшисъ съ войски корсунскими у града изъ Кафы побѣдилъ*, по которомъ корсуняне, заплатя всѣ убытки Владимиру, миръ испросили, и Владимиръ возвратился съ честію и *богатствомъ великимъ*» ²⁾. Въ примѣчаніи къ этому разсказу Татищевъ говоритъ: «Сей походъ Владимировъ и поединокъ съ генуэзскимъ генераломъ, отъ котораго Владимиръ Мономахъ проименовался, въ нѣкоторыхъ Степенныхъ и у Стрыйковскаго описано, въ *манускриптахъ же Несторовыхъ, кромъ Симонова, бывшаго у Волинскаго, ни похода не упомянуто*» ³⁾. Въ «манускриптѣ Волин-

¹⁾ Исторія Россійская, II, 131. Критическій анализъ этого извѣстія сдѣланъ проф. Васильевскимъ (*Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія*, 1875, кн. 12, стр. 292 и слѣд.). Ср. Сениновъ, Историко-критич. изслѣдованія о Новгород. лѣтописяхъ и о Росс. Исторіи В. Н. Татищева, стр. 332—334.

²⁾ Исторія Россійск., II, 156.

³⁾ Ibid. 445. Разсказъ о поединкѣ князя Владимира съ генуэзскимъ вождемъ переданъ Татищевымъ въ концѣ XII главы второй книги (стр. 230). Въ примѣчаніи къ этому разсказу историкъ, повторивъ свидѣтельство Стрыйковскаго, говоритъ: «Здѣ Стрыйковскій *согласно съ русскою* о поединкѣ говоритъ, которое имѣеть быть тогда случилось, какъ онъ къ Кафѣ въ 1095 году ходилъ, токмо о поединкѣ и взятіи Кафы тогда ни въ одномъ видѣнномъ мною манускриптѣ не написано, да и о походѣ его и при окончаніи жизни о поединкѣ токмо въ двухъ написано, знатно оное давно утрачено» (стр. 465). О лѣтописцѣ, принадлежавшемъ Волинскому, Татищевъ сообщаетъ, что списокъ былъ «довольно

скаго» извѣстіе о походѣ Владиміра изложено было, очевидно, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ передано оно Татищевымъ. Въ этомъ извѣстіи нѣтъ упоминанія о поединкѣ; война ведется съ греками, а не съ итальянскими колонистами.

Замѣна грековъ генуэзцами должна быть вмѣнена составителю того своднаго (основаннаго частью на историческихъ данныхъ, частью на народномъ преданіи) разсказа, который извѣстенъ намъ по сообщеніямъ Герберштейна и Стрыйковскаго. Любопытно, что и у Татищева упоминаются рядомъ Корсунъ и Кафа: «пошелъ въ *Корсунъ* и сошедшись съ войски корсунскими у града ихъ *Кафы* побѣдилъ»¹⁾. Нельзя признать невѣроятнымъ, что подобнымъ же образомъ могло быть изложено извѣстіе о Владиміровомъ походѣ и въ томъ памятникѣ, который былъ источникомъ историческихъ свѣдѣній составителя своднаго разсказа; но не устраняется возможность и иного предположенія: названіе Кафы могло явиться, какъ неудачное подновленіе, принадлежащее самому составителю своднаго разсказа. Какъ бы то ни было, названіе Кафы дало поводъ припомнить тѣхъ, кому принадлежала Кафа. Явился разсказъ о томъ, какъ Владиміръ Мономахъ ходилъ въ Тавриду и боролся тамъ съ генуэзскими колонистами.

За вычетомъ историческихъ добавокъ, внесенныхъ въ книжные пересказы народнаго преданія о князѣ Владимірѣ, получается нѣкоторый эпическій остатокъ, общій всѣмъ версіямъ изучаемаго сказанія. Содержаніе этого остатка представляется на первый взглядъ чрезвычайно скуднымъ: какой-то князь Владиміръ велъ войну съ греками, одолѣлъ ихъ и получилъ отъ побѣжденныхъ богатые дары. Такой разсказъ остался бы загадочнымъ обломкомъ, лишеннымъ историческаго и литературнаго значенія, еслибы не открывалась возможность указать то эпическое цѣлое, къ которому принадлежалъ этотъ обломокъ, еслибы не былъ извѣстенъ цѣлый кругъ поэтическихъ сказаній, сосредоточивающихся около имени князя Владиміра,—

старый... кончанъ раззореніемъ Москвы отъ Токтамыша въ 1384 году“ (кн. I, ч. 1, стр. 58).

¹⁾ Корсунъ и Кафа соединяются у Татищева и въ другихъ случаяхъ, напримеръ: „въ Степенной и хронографъ... именуютъ Корсунъ или Кафа“ (кн. II, стр. 407); „Стрыйковскій пишетъ, что Анастасій былъ протопопъ въ Кафѣ,... равно-же въ Степенной и хронографъ именуеть его протопопомъ Херсонескимъ“ (ib. 408).

сказаній, сохранившихся и въ памятникахъ письменности и въ произведеніяхъ народной словесности.

Беликорусскія былины, записанныя въ XVIII—XIX вв., называютъ о ласковомъ князѣ Владимірѣ, объ его дружинѣ, о стольномъ городѣ Кіевѣ, куда собираются сильные—могучіе богатыри. Далекая историческая основа этихъ былинныхъ сказаній восходитъ къ событіямъ X—XI вѣковъ, къ слѣдамъ, оставленнымъ въ народной памяти дѣятельностью Владиміра Святославича. Преданія, записанныя въ древней лѣтописи, свидѣтельствуютъ, что еще въ началѣ XII вѣка образъ «старого Владиміра» сталъ достоиніемъ народнаго эпоса. Кое-какіе слѣды поэтическихъ сказаній о Владимірѣ попадаютъ и въ позднѣйшихъ сводахъ историческихъ извѣстій: въ лѣтописяхъ, хронографахъ, Степенной книгѣ. Редакторы этихъ сводовъ пытались воспользоваться данными былеваго эпоса, *какъ историческимъ матеріаломъ*; знакомые съ сказаніями о Владимірѣ не только письменными, но и «глаголемыми» ¹⁾, они вносили въ свои труды

¹⁾ Въ житіи св. Владиміра, помѣщенномъ въ Степенной книгѣ, замѣчено: «о немъ же (Владимірѣ) и преже сего обрѣтаеми суть многія повѣсти *маголемыя* и пишемыя, и похвалями достойно украшены, но обаче не во единомъ мѣстѣ, но на многіи части особь кажда» (стр. 76, по изд. Миллера). Этими словами опредѣляется задача и составъ той работы, которую старался выполнить авторъ житія, работавшій по «благословленію и повелѣнію господина преосвященнаго митрополита Макарія всея Русіи». Составитель житія—компіляторъ, соединяющій „во единомъ мѣстѣ“ всѣ знакомыя ему сказанія о Владиміровомъ времени. Въ запасѣ этихъ сказаній отыскался матеріалъ и для особой главы (65) «о храбрыхъ мужехъ» (стр. 168—169 печати. текста). Заботясь о полнотѣ свода, сотрудникъ Макарія написалъ произведеніе «растянутое и многословное», которое „обнимаетъ не одну жизнь Владиміра, но вкоротѣ и всю нашу исторію, церковную и гражданскую, отъ начала Руси до его кончины“ (*Макарій, Исторія р. церкви, VII, 454—55*). Въ изложеніи Владимірова житія, въ характерѣ литературной работы его автора, отчасти въ самомъ содержаніи памятника замѣчается близкое сходство съ житіемъ княгини Ольги, помѣщеннымъ въ той же Степенной книгѣ. Вѣроятно, то и другое житіе написаны однимъ и тѣмъ же лицомъ. Въ одномъ спискѣ Ольгина житія находится такая приписка: «Списано любомудрецомъ Селивестромъ, провѣтеромъ царствующаго града Москвы» (*Макарій, 1. с. Ср. Замѣтку Коншина о житіи Ольги въ ст. «Благовъщ. іерей Сильвестръ и его писанія» Голохвастова и Леонида, помѣщ. въ Утеніяхъ общ. исторіи и древн. росс. 1874 г., кн. 1, стр. 108—110*). Нѣтъ основаній отвергать это указаніе. Нельзя ли предположить, что и житіе Владиміра, внесенное въ Степенную книгу, написано тѣмъ же любомудрецомъ Сильвестромъ? Замѣчу еще, что это же житіе Владиміра помѣщено въ Милютинскихъ Четіяхъ Миняехъ подъ 15 іюля. (См. Оглавленіе четіяхъ миней свящ. Іоанна Милютина, составленное архим. *Іосифомъ* въ *Утеніяхъ Моск. общ. любителей дух. просвѣщенія, 1868, стр. 229—230*).

отрывки этих глаголемыхъ сказаній,—отрывки несомнѣнно родственные съ нашими былинами.

Приведенные выше рассказы о князѣ Владимірѣ представляютъ подобную же попытку привлечь эпическій матеріалъ къ изображенію исторически-былевого. Тема этихъ рассказовъ—борьба Руси съ греками—въ дошедшихъ до насъ пѣсняхъ почти забыта, но въ болѣе раннюю пору она несомнѣнно была извѣстна народнымъ пѣвцамъ. Въ рукописи XVII вѣка отыскано «Сказаніе о Кѣвскихъ богатырехъ, какъ ходили въ Царьградъ и какъ побѣдили цареградскихъ богатырей, учинили себѣ честь» ¹⁾. Другой пересказъ этого памятника носитъ заглавіе: «Сказаніе о семи русскихъ богатыряхъ» ²⁾. Царь Константинъ, говорится въ сказаніи, отпускаетъ изъ Царяграда своихъ богатырей: «велитъ имъ Кіевъ изгубити», Князь Владиміръ объявляетъ объ этомъ своимъ богатырямъ, проситъ ихъ остаться въ Кіевѣ: «берегли бы естя града Кіева і всеѣ моя вѣщина». Богатырямъ такое предложеніе не нравится. Вмѣсто того, чтобы ожидать нападенія, они рѣшаются предупредить его и отправляются къ Цареграду. Дорогой богатыри встрѣчаются съ каліками и мѣняются съ ними платьемъ. Въ Цареградѣ эти мнимые каліки находятъ доступъ къ Константину. Греческіе богатыри, окружающіе царя, хвалятся своею силой: пойдутъ они на Кіевъ, побьютъ русскихъ богатырей, а князя и княгиню въ полонъ возьмутъ. Эту похвальбу ожидала жестокая расплата. Царь Константинъ велитъ показать калікамъ какихъ-то диковинныхъ коней. Русскіе богатыри отняли себѣ по добру коню и начали расправу съ цареградскими витязями: многихъ побѣдили, а одного, Тугарина Змѣевича, взяли въ плѣнъ и привезли въ Кіевъ.—Историческая стихія выражена въ этой былинѣ

¹⁾ «Сказаніе» издано *Е. В. Барсовымъ*, по рукописи ему принадлежащей (Сборникъ, XVII в.) подъ заглавіемъ: „Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка“ (приложеніе къ XL тому *Записокъ Академіи Наукъ*).

²⁾ «Повѣсть о семи богатыряхъ» (изъ сборника *О. И. Буслаева*) — въ «Памятникахъ стар. русской литературы» (вып. 2, стр. 311—315). Ср. Пѣсни собр. Кірѣвскимъ, вып. 4, стр. 22—38. Упомянутое о походѣ на Царьградъ встрѣчается въ пѣсняхъ обрядовыхъ и игорныхъ. Такова с.-р. хороводная пѣсня:

Подойду, подойду,
Ночь Царьгородъ подойду...

(*Снегиревъ*, Русскіе простонародныя праздники и обряды, вып. III, стр. 45—46 *Сахаровъ*, Сказ. р. народа, т. I, кн. 3, стр. 36—37, 81). Въ нѣкоторыхъ вариантахъ ю.-р. колядки объ осадѣ города, осаждаемымъ представляется «Царівградъ»; побѣдителя «свели панну в короні» (*Антоновичъ* и *Драгомановъ*, Ист. пѣсни ю.-р. народа, I, стр. 14—15).

слабо. Сказаніе, которое легло въ основу извѣстій о вѣнчаніи князя Владиміра, крѣпче держалось на почвѣ русскаго историческаго преданія. Объ этомъ можно догадываться по тѣмъ очертаніямъ сказанія, которыя могутъ быть возстановлены путемъ сличенія его разнообразныхъ версій.

1) Князь Владиміръ рѣшается начать войну съ греками.—Въ сказаніи о князехъ Владимірскихъ и въ пересказахъ отъ него идущихъ это рѣшеніе передается въ формѣ совѣщанія Владиміра съ его дружиной. «Великій князь Владиміръ Всеволодовичъ нача совѣтовати со князми своими и съ боляры, хотя итти на Царьградъ, глаголя: «егда азъ есмь юнѣйшій преже мене державствовавшихъ и хоругви правящихъ скипетра великія Россіи, яко той великій князь Олегъ ходилъ на Царьградъ и дань велію на вся воя своя взялъ и здравъ возвратися, и потомъ князь великій Всеславъ (Святославъ) Игоревичъ ходилъ и взялъ на Константиѣ градъ тягчайшу дань и возвратися въ свое отечество, а мы есмы Божією милостію настолницы прародителей своихъ и отца моего великаго князя Всеволода Ярославича, и настѣдницы той же чести отъ Бога; и совѣта ищучь отъ васъ, моея палаты—князей, и боляръ и воеводъ и всего подъ нами христоролюбиваго воинства, да превознесетъ имя святыхъ живоначальныхъ Троицы ваша храбрости могутствомъ, Божією волею и нашимъ повелѣніемъ, кій ми совѣтъ вовдасте?» Изъ-за книжныхъ выраженной московской эпохи просвѣчиваетъ здѣсь знакомая эпическая картина, такъ часто повторяющаяся въ былинахъ Владимірова цикла.

«В столномъ было градъ Кіевъ, у великаго князя Владиміра было пиrowанье почестное на многіа князи, и бояря и на сильныя могучія богатыри... И зговорить князь Владиміръ кіевски своимъ русскимъ богатырямъ: князямъ, богатырямъ вѣдомо ли, что отпускаетъ на меня царь изъ Царяграда сорокъ два богатыря, а велигы итти ко мнѣ изгономъ въ Кіевъ градъ. А вамъ богатырямъ, накрѣпко стоять, с столнаго града Кіева отъѣзду никакого не учинить никуда себѣ изъ моея вотчины».

(„Повѣсть о семи богатыряхъ“).

И.ш:

Говорилъ втогда Владиміръ князь...
 „Ужь вы ой еси, князи моя бояра,
 Да вы ой еси, паленицы да удалые,
 Ише весь-то вы народъ да православные!
 А в хто бы то видѣ съѣздилъ да въ чисто поле,
 Да пересчитывать силы невѣрныя?

(Кирѣевскій, III, 44).

Въ пересказѣ повѣсти о Мономаховой шапкѣ, находящемся въ указанной выше рукописи Публичной библіотеки Q. XVII, 71, походъ противъ грековъ замѣненъ посольствомъ: «В лѣто 6621 сяде в Кіевѣ князь Владимиръ Всеволодовичъ. Посовѣтовавъ з боляры своими послалъ во Царьградъ пословъ своихъ к греческимъ царемъ *за прошлыя годы дань имать*, якоже и преже сего великие князи Олегъ, Игорь, Святославъ, Владимиръ, Всеволодъ годовые дани имали. Послы же отъ великого князя Владимира во Царьградъ ко царю Константину Мономаху придоша и у царя Константина на великаго князя Владимира на многія лѣта дани просиша». Царь Константинъ отправляетъ въ Кіевъ пословъ и дары: вѣнецъ, крестъ и ир. ¹⁾. Любопытно здѣсь упоминаніе о дани «за прошлыя годы», напоминающее часто повторяющіяся выраженія былины. Князь Владимиръ говоритъ, напримѣръ, Добрынь:

Молодой Добрыня, сынъ Никитиничъ!
Выкушай чашу зелена вина
И послужи мнѣ, князю, вѣрой-правдою:
Съѣзди ты въ Царьградъ
Собери-тко дани за семь лѣтъ,
А впередъ бери за двѣнадцать лѣтъ.

(Рибниковъ, II, стр. 59).

2) Дружина кіевская отправляется въ походъ. По Сказанію о князехъ Владимірскихъ, самъ князь не принималъ участія въ походѣ. «Великій князь Владимиръ Всеволодовичъ собираетъ воеводы благоискусные и многообразные и поставляетъ чиновначальники надъ различными воинствы... и совокупи многія тысящи воинства и отпусти ихъ въ Фракію, Царяграда область». По разсказу, сообщаемому Герберштейномъ и Стрыйковскимъ, Владимиръ отправился вмѣстѣ съ своею дружиною и въ рукопашной схваткѣ побѣдилъ генуэзскаго воеводу. На основаніи извѣстныхъ теперь былинь можно бы отдать предпочтеніе первой версіи. Владимиръ, неподвижный и трус-

¹⁾ Подобное же упоминаніе о дани находимъ въ двухъ пересказахъ повѣсти о Мономаховой шапкѣ, помѣщенныхъ въ рукоп. сборникъ моск. синод. библіотеки № 964 (л. 205—206 и 444—446). Текстъ одного изъ этихъ пересказовъ (л. 444) сходенъ съ приведеннымъ отрывкомъ изъ рукоп. Публ. библіотеки. По другому пересказу (л. 205), Владимиръ посылаетъ сына своего Мстислава «и прочая воеводы со множествомъ вой на Фракію и на прочая греческія грады». Поводъ къ походу Владимиръ объясняетъ такъ: «Прежде бывшіи насъ великіи князи кіевскія Олегъ, Игорь, Святославъ, Владимиръ, Всеволодъ годовые дани с Царяграда вимали, нынѣ же гречаскіе цари намъ дань не даютъ».

ливый, охотно дастъ порученія богатырямъ, но самъ не беретъ на себя ихъ труднаго дѣла. Но въ болѣе древнюю пору нашъ эпосъ зналъ, повидимому, иной образъ Владимира,—образъ, въ которомъ пиrowанье съ дружиной не заслонило всѣхъ другихъ проявленій дѣятельности ласковаго князя. Въ одной изъ версій сказаніе о вѣнчанѣ князя приурочивается къ обстоятельствамъ крещенія Владимира Святаго. Такое приуроченіе не могло бы состояться, еслибы между разсказомъ о походѣ Владимира на Корсунь и устнымъ преданіемъ о войнѣ съ греками не было замѣчено какого-то ближайшаго сходства; а такъ какъ въ корсунскомъ походѣ Владимиру принадлежала первенствующая и при томъ дѣятельная роль, то, вѣроятно, въ подобной же роли выступалъ и Владиміръ,—герой устпаго преданія. Припомнимъ при этомъ упоминаніе о богатырствѣ князя Владимира, находящееся въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича къ китайскому правительству. Любопытный отрывокъ изъ этой грамоты отмѣченъ былъ недавно А. Н. Веселовскимъ. Въ отрывкѣ упоминается знакомая намъ генеалогія русскихъ князей отъ Августа, затѣмъ сообщается, что «Владиміръ Святославичъ (Се-фу-ла-ди-дио) прославился подъ именемъ богатыря и храбреца (батурманга) въ государствѣ Греція (Хэ-рэ-си-я) ¹⁾. Въ указанной выше «Повѣсти о Латынѣхъ» говорится: «*сниде* Владимиръ князь рускій съ всею силою своею великою дажде и до самаго Царяграда съ враждою *идый* на царство греческое» ²⁾. Любопытно, что въ посольскихъ бумагахъ, относящихся къ переговорамъ Москвы и Польши при Иванѣ IV, извѣстіе о Мономахѣ передается въ такихъ выраженіяхъ, которыя указываютъ на личное участіе Владимира въ греческой войнѣ: «великій князь Владиміръ Мономахъ вѣнчанъ на царство русское, коли ходилъ ратью на царя греческаго Константина Моно-

¹⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1889, май, стр. 32—33. Слово Святославичъ передано: Си-вэй-я-дос-ла-вэ-юнь-дао; поэтому Се-фу-ла-ди-дио, вѣроятно,—не Святославичъ, а Всеволодовичъ.

²⁾ *Поповъ*, Обзоръ полемики, сочиненій пр. Латиняна, 187. Въ замѣткѣ, приписанной къ повѣсти о Вавилонѣ: „Владиміръ... не повоева Царяграда и *отступил* отъ него“. Выше (стр. 122) отмѣчено уже было извѣстіе хронографа о морскомъ походѣ Владимира: „Иде Володимеръ въ Греки въ 200 лодки“. (Опис. рукоп. Рум. музея, стр. 730).—Въ одномъ краткомъ лѣтописцѣ поздняго времени къ Царяграду приурочено и крещеніе Владимира: „В лѣто 6492 великий князь Владиміръ приде во Царьградъ, крестися самъ и сыновъ своихъ і всѣхъ боляръ своихъ. В лѣто 6493 великий князь Владиміръ изъ Царяграда пришедь во свою землю отчину во градъ Киевъ и крести Киевъ і вся предѣлы“. (Рукоп. Моск. син. библиот. № 964, л. 441 об.).

маха, и царь Константинъ Мономахъ тогда... вел. кн. Владимиру добилъ челомъ и прислалъ къ нему дары» и т. д. ¹⁾ Въ одномъ изъ пересказовъ повѣсти о мономаховой шапкѣ, вмѣсто упоминанія объ отправленіи войскъ, говорится, что Владиміръ Мономахъ «собра вои многи и иде во греки ко Царюграду, тогда же во Царѣградѣ царствующу Константину, нарицаемому Мономаху» ²⁾. На личное участіе князя въ войнѣ указываетъ и легенда о Борнѣ. Въ легендѣ царь Иванъ Васильевичъ, замѣстившій князя Владимира, получаетъ вавилонскія драгоцѣнности во время казанскаго похода. Это замѣщеніе могло явиться только въ томъ случаѣ, если преданіе рассказывало о Владимірѣ что-то похожее на обстоятельства казанскаго похода, въ которомъ, какъ извѣстно, принималъ участіе самъ царь.

Остается еще упомянуть объ единоборствѣ Владимира Мономаха съ правителемъ Кафы. Нельзя, конечно, съ рѣшительностью утверждать, что такой подробности не могло быть въ устномъ преданіи, но нельзя также не обратить вниманія на этимологическія соображенія, которыми сопровождается Стрыйковский извѣстіе о поединкѣ: *a iz sam a sam ten Włodimir monarcha z nieprzyjacioly zawzdy rad potikal aperto duello przezwano go dla tego Monamachen po grecku*. Значеніе имени «Мономахъ» въ связи съ рассказами о походахъ Владимира могло быть причиной появленія и самаго извѣстія объ его единоборствѣ.

3) Русскія дружины взяли непріятельскій городъ. Такъ рассказываетъ преданіе, упоминающее о Кафѣ. Въ повѣсти о Вавилонѣ: «воины сильные Владиміровы *подъ градомъ* стояша». Получивъ дары, Владиміръ «не повоева Царяграда и *отступи отъ него*». Въ сказаніи о шапкѣ Мономаха нѣтъ такихъ подробностей. Данныя, указанная выше, побуждаютъ и въ этомъ случаѣ отдать преимущество первой версіи. Владиміръ Святославичъ осаждаетъ Корсунь; Иванъ IV беретъ приступомъ Казань. Эти факты сливались съ воспоминаніями древняго преданія; вѣроятно, въ преданіи были подробности, дававшія поводъ къ такому слиянію, было упоминаніе объ осадѣ и взятіи какого-то города. На это намекаетъ и отмѣченный выше пересказъ, упоминающій объ участіи въ походѣ самаго Владимира: «Онъ же (Владиміръ) со многимъ воинствомъ приде ко Царюграду і посла ко царю: аще не покоришимся, то вскорѣ градъ возму и

¹⁾ Сборникъ Русск. историч. общ., т. 59, стр. 345.

²⁾ Рукоп. Моск. сн. библиот. № 964, л. 315—317. Текстъ этого пересказа см. въ приложеніяхъ (№ VI).

васъ вѣхъ подь мечь подклоню». (Син. библиот. № 964, л. 315). Если вѣрно, что на сказаніе о Мономаховой шапкѣ оказало вліяніе извѣстіе о походѣ Владиміра Ярославича, то этимъ смѣшеніемъ историческихъ и эпическихъ данныхъ и можно объяснить отсутствіе въ сказаніи упоминанія объ осадѣ; Владиміру Ярославичу и Вышатѣ не пришлось осаждать греческихъ городовъ.

4) Послѣ побѣды Владиміру и его дружинѣ достается богатая добыча. Съ этимъ упоминаніемъ о добычѣ связывается извѣстіе о княжескомъ вѣнчаніи. По разсказу, переданному Герберштейномъ и Стрыйковскимъ, русскому князю достались бармы генуэзскаго воеводы. Владиміръ, послѣ поединка съ этимъ воеводой, снявъ съ него «цепь златую великую», бисерами и драгоценными камнями изрядно устроенную, которая и нынѣ есть въ сокровищахъ русскихъ, и когда государи русскіе помазываются на престолъ, сію цепь, коже барми именуютъ на себя возлагаютъ: такожь есть поясъ со златомъ и бисеромъ и шапка княжая со златыми дщницами и драгимъ каменіемъ изрядно сдѣлана, ко священію на княженіе и къ вѣнчанію на престолъ оставилъ, ихъ же и нынѣ государи русскіе... употребляютъ» ¹⁾. По Сказанію о князехъ Владимірскихъ, царь греческій послѣ пораженія его войскъ посылаетъ Владиміру крестъ, вѣнецъ, бармы и иные многіе дары; греческіе епископы вѣнчаютъ Владиміра, какъ царя. Царское вѣнчаніе упоминается и въ приведенномъ выше извѣстіи о Владимірѣ Святомъ: «великій князь Владимиръ Святославичъ, какъ крестился самъ и землю русскую крестилъ, и царь греческой и патриархъ вѣнчали его на царство русское».

Последнее извѣстіе совпадаетъ ²⁾ съ догадкой нѣкоторыхъ археологовъ. «Регалии, говоритъ Строевъ, присланы были великому князю Киевскому Владиміру Святому по брачному родству его съ домою тогдашнихъ императоровъ» ³⁾. Это замѣчаніе повторено

¹⁾ *Татищевъ*, Ист. Русс., кн. II, стр. 464—465.

²⁾ Говорю „совпадаетъ“, потому что археологи не указывали на извѣстія, находящіяся въ посольскихъ дѣлахъ.

³⁾ Выходы государей, 53. *Строевъ* пытался найти основаніе для своей догадки въ грамотѣ восточнаго духовенства Ивану Грозному 1561 года. Подобное же соображеніе высказано *Катаевымъ*: „очевидно, что вѣнчаніе Владиміра Мономаха нельзя смѣшивать съ вѣнчаніемъ Владиміра Святого, потому что послѣдній (супругъ царевны Анны) вѣнчанъ былъ митрополитомъ Ефесскимъ и Антиохійскимъ, а первый (Всеволодовичъ) Неофитомъ, митрополитомъ Ефесскимъ, и архіепископами Митулинскимъ (Митиленскимъ) и Милетинскимъ (Милетинскимъ), какъ сказано въ книгѣ Степенной“. (О свящ. вѣнчаніи и помаза-

Вельтманомъ, указавшимъ въ подтвержденіе своего мнѣнія на примѣры вѣнчанія нѣкоторыхъ государей по принятіи ими крещенія ¹⁾.

ниа царей на царство, стр. 72). Замѣчаніе—не точное. Въ грамотѣ упоминается не митрополитъ, а епархъ Антиохійскій. Стратига Антиохійскаго знает и сказаніе о князехъ Владимірскихъ.

¹⁾ „Царскій золотой вѣнецъ и царскія утвари, присланныя греческими императорами Василемъ и Константиномъ первовѣнчанному вел. князю Владиміру Кіевскому“ въ *Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс.* 1860 г. кн. I. Указывая также на грамоту 1561 года, Вельтманъ замѣтилъ, что въ ней послѣ имени царя Константина нѣсколько словъ подскоблено. Недавно г. Регель сдѣлалъ опытъ восстановления первоначальнаго текста, основываясь на разсмотрѣніи остатковъ соскобленнаго письма (*Analecta byzantina—rusaica*, p. LXX—LXXII, 75—78). Въ грамотѣ говорится, что царь Московскій Іоаннъ ведетъ свой родъ отъ царевны Анны, сестры императора Василія (ἀδελφῆς τοῦ αὐτοκράτορος Βασιλίου τοῦ πορφυρογενήτου). Вслѣдъ за этими словами рѣчь идетъ о Константиѣ Мономахѣ, приславшемъ царскій вѣнецъ князю Владиміру: ἐπιτα Μονόμαχος δὲ ὁ εὐσεβέστατος βασιλεὺς Κωνσταντῖνος, μετὰ τοῦ τότε πατριάρχου, καὶ τῆς τηλικαῦτα ἱεράς τῶν ἀρχιερέων συνόδου, ἀποστείλαντες τὸν τότε ἱερώτατον μητροπολίτην Ἐφέσου καὶ τὸν τῆς Ἀντιοχείας ἐπαρχόν, ἐστάψαν εἰς βασιλεῖα τὸν εὐσεβέστατον Βελίχ Κνίς Βολοντιμοῦρον, καὶ ἐδωρήσαντο αὐτῷ τὸ τε βασιλικὸν στέμμα ἐπὶ τῆς κεφαλῆς καὶ τὸ μετὰ μαργαριτῶν διάδημα καὶ τὰλλα βασιλικά σημεῖα καὶ ἄμφια. По догадкѣ г. Регеля, въ первоначальномъ текстѣ было сказано: Іоаннъ—потомокъ царевны Анны „сестры самодержца Василія. Этотъ Василій и благочестивѣйшій царь Константинъ—вѣнчали князя Владиміра“ (ἀδελφῆς τοῦ αὐτοκράτορος κυρίου Βασιλίου. οὗτος δὲ Βασίλειος καὶ ὁ εὐσεβέστατος βασιλεὺς Κωνσταντῖνος κ. τ. λ.). Получается такимъ образомъ указаніе на царское вѣнчаніе не Владиміра Мономаха, а Владиміра Святаго. Но предполагаемое г. Регелемъ чтеніе и его объясненія вызываютъ нѣкоторыя сомнѣнія. 1) Страннымъ представляется самое предложеніе: царь Іоаннъ—потомокъ Анны, сестры императора Василія. Этотъ Василій и царь Константинъ послали и проч. Почему имя Константина не упомянуто въ первомъ предложеніи? Составитель грамоты точно забылъ сперва объ этомъ царѣ, о второмъ братѣ царевны Анны, а потомъ вспомнилъ и присоединилъ его имя къ имени Василія. Можно было бы ожидать иного словорасположенія: Іоаннъ—потомокъ Анны, сестры царей Василія и Константина. Эти цари послали и проч. Въ известномъ теперь текстѣ непоследовательности нѣтъ: имя царя Константина, брата Анны, не упоминается совсѣмъ. При этомъ возможна такая догадка: въ первоначальномъ, черновомъ текстѣ могли быть упомянуты оба брата Анны: „сестры царей Василія и Константина“; затѣмъ слѣдовало упоминаніе о Константиѣ Мономахѣ. Переписчикъ грамоты сдѣлалъ ошибку: пропустилъ нѣсколько словъ, смѣшавъ при этомъ двухъ одноименныхъ царей, брата Анны и Мономаха. Ошибка была замѣчена поздно, и, при недостаткѣ мѣста, не нашли возможнымъ исправить эту ошибку иначе, какъ выбросивъ совсѣмъ имя втораго брата царевны Анны. На такую именно ошибку намекаютъ странныя выраженія русскаго перевода грамоты: „Іоанъ отъ роду Анны, сестры самодержца и царя Багрянороднаго Мономаха, въ шестыхъ же (?) отъ благочестиваго царя Константина и съ тогдаш-

Г. Прозоровскій нѣсколько видоизмѣнилъ мнѣніе своихъ предшественниковъ. По его предположенію, царское вѣнчаніе Владимира могло быть соединено съ брачнымъ обрядомъ. «Вступая въ импера-

нимъ патриархомъ и со священными архіерѣи собора Константина града пошла тогда пресвященного митрополита Ефесскаго и Антіохійскаго изрядно-начальнѣйшаго епарха и вѣнчаша благочестиваго вел. князя Владимира на царство». (*Оболенскій*, стр. 20). Такое чтеніе не объяснимо ни изъ извѣстнаго теперь греческаго текста, ни изъ конъектуры г. Регеля; неясность и запутанность перевода указываютъ на ошибки и путаницу въ оригиналѣ. По замѣчанію г. Миллюкова, реставрація текста, предложенная г. Регелемъ, не отвѣчаетъ и остаткамъ стертаго письма. «Остатки затертыхъ буквъ вышли на синигѣ (приложенномъ къ книгѣ г. Регеля) гораздо меньше отчетливо, чѣмъ въ оригиналѣ грамоты.... Между *κορροφωρήτου* и *ἐπιτα*, можно, напримѣръ, довольно отчетливо разобрать буквы *μαου*». (*Русская Мысль*, 1894, Май, стр. 134—135). 2) Грамота ссылается на показанія достовѣрныхъ людей и на письменныя свидѣтельства хронографовъ: *ἡ μετρίότης ἡμῶν ἐκ κορροφωρήτου καὶ ἐπιτάθη, οὐ μόνον ἐκ παραδόσεως πολλῶν ἀξιόπιστων ἀνδρῶν, ἀλλὰ καὶ ἀπὸ ἐγγράφων ἀποδείξεων τῶν χρονογράφων*. Можно ли видѣть въ приведенныхъ словахъ прямое указаніе на свидѣтельства греческихъ хроникъ о вѣнчаніи Владимира? Едва-ли. (Ср. *Regel*, р. LXXII). Достовѣрные мужи, о которыхъ говоритъ грамота,—конечно, русскіе уполномоченные, которые вели съ патриархомъ переговоры о царскомъ титулѣ Ивана Васильевича. Эти уполномоченные не только могли, но и должны были передать грекамъ тѣ извѣстія о Константинѣ Мономахѣ и его отношеніяхъ къ русскому князю, которыя знакомы намъ по Сказанію о князехъ Владимірскихъ; тѣ свѣдѣнія о Владимірѣ Святомъ и его свойствѣхъ съ греческими царями, которыя сохранились въ нашихъ летописяхъ и житіяхъ. Послы ссылались, конечно, при этомъ на письменныя свидѣтельства историческихъ памятниковъ. Для большей убѣдительности и ясности послать пришлось, быть можетъ, представить также письменное изложеніе своихъ разсказовъ на греческомъ языкѣ. Развѣ не могло указаніе грамоты на какіе-то хронографы относиться къ этимъ именно сообщеннымъ патриарху русскимъ разсказамъ? Слѣдуетъ вообще замѣтить, что въ виду обстоятельствъ, при которыхъ написана была грамота, придавать ей показаніямъ (каковы бы онѣ ни были) самостоятельное значеніе едва-ли можно. Московское правительство добивалось (не скупясь при этомъ на убѣжденія и подарки), чтобы дана была грамота такого содержанія, какое для Москвы было желательно и нужно. Греки исполнили это желаніе; при этомъ они, конечно, должны были сообразоваться съ тѣми данными, которыя были имъ сообщены. Поэтому въ грамотѣ появился тотъ же митрополитъ Ефесскій, тотъ же епархъ Антіохійскій, которые выступаютъ и въ Сказаніи о князехъ Владимірскихъ. Въ соответствіи вѣнцу и *барма*мъ явились *στέμμα* и *δαδάμα*. 3) Отыскивая въ грамотѣ слѣды извѣстій о царскомъ вѣнчаніи Владимира, г. Регель находитъ подтвержденіе своей догадки въ иной области,—въ области нумизматики. Par l'examen des monnaies de Vladimir et de ses successeurs,—говоритъ исследователь,—nous arrivons à voir que nous y trouvons représentés les insignes des dignitaires byzantins. La couronne et le sceptre que nous y rencontrons prouvent que ces insignes n'étaient donnés à Byzance ni au César, ni au nobiliss-

торскую семью, Владиміръ, конечно, имѣлъ полное право одѣться въ вѣнцу сообразно одѣянію невѣсты, при томъ же здѣсь и самый брачный вѣнецъ могъ имѣть, кромѣ обыкновеннаго, и иное значе-

sime, mais appartenait à l'empereur seul La charte (въ чтеніи г. Регеля) concorde entièrement sur le fait, en disant que Vladimir avait reçu les insignes des empereurs Basile II et Constantin VIII (р. LXXIX). До насъ дошло нѣсколько древнихъ повѣствованій о князѣ Владимірѣ (Слово о законѣ и благодати, приписываемое м. Иларіону; Память и похвала князю р. Володимеру мнѣха Іакова; житіе Владиміра занесенное въ лѣтопись). Возможно ли допустить, что составители этихъ повѣствованій пропустили, оставили безъ упоминанія такое крупное и славное событіе, какъ полученіе Владиміромъ царскаго вѣнца и царскаго титула? Авторъ Слова о законѣ и благодати, современникъ Ярослава, ищетъ наиболѣе сильныхъ выраженій для возвеличенія русской земли и ея князей, и находитъ лишь титулъ великаго кагана, который и примѣняетъ къ Владиміру. „Похвалимъ . . . по силѣ нашей малыми похвалами великая и дивная сѣтворшаго нашего учителя и наставника, великаго кагана наша земля Владимера, внука стараго Игоря, сына же славнаго Святослава, иже въ своя лѣта владычествующе, мужествомъ же и храбрествомъ прослуша въ странахъ многихъ, и побѣдами и крѣпостью поминаются нынѣ и словуть. Не въ худѣ бо и не въ невѣдомѣ земли владычествоваша, но въ русьской, яже вѣдома и слышима есть всѣми концы земля“. Тотъ же авторъ, намекая на значеніе имени, принятаго Владиміромъ послѣ крещенія, говоритъ: „имя примѣ въчно и имянито въ роды и роды — Василій“. О соответствіи этого имени съ царственнымъ достоинствомъ Владиміра—ни слова. Въ другихъ русскихъ памятникахъ Владиміръ называется, обыкновенно, княземъ, въ греческихъ хроникахъ—*αρχων* (Ср. *Regel*, р. LXXXI). Г. Регель указываетъ еще на то, что жена Владиміра Анна называется, обыкновенно, въ русскихъ памятникахъ царицей (наприм. «Преставися царица Володимеря Анна»). Но такое титулованіе Анны не подтверждаетъ, а опровергаетъ догадку г. Регеля. Если Анна постоянно называется царицей, а Владиміръ никогда не титулуется царемъ, значитъ, онъ и не носилъ такого титула. Анна называлась царицей по ея родству съ греческими царями. Замѣчаніе г. Регеля, что Анна въ такомъ случаѣ называлась бы не царицей, а царевной, слѣдуетъ признать обмолвкой. Наши предки не стали бы называть замужнюю женщину царевной. Въ виду отсутствія указаній на царскій титулъ Владиміра св., нумизматическія данныя (недостаточно при томъ точныя, по несовершенству чеканки) не могутъ имѣть рѣшающаго значенія. Объ употребленіи же знаковъ царскаго достоинства безъ соответствующаго титула не можетъ, конечно, быть и рѣчи, потому что при этомъ и самые знаки не имѣли бы никакой символической цѣнности. Какъ же объяснить изображеніе Владиміра на его монетахъ? Мастера, чеканившіе монеты, были, вѣроятно, греки. Получивъ заказъ, они нашли необходимымъ присоединить къ изображенію князя привычныя для грека атрибуты власти, мало заботясь о соответствіи такого изображенія съ дѣйствительностью. Наши древнія монеты представляютъ несомнѣнно подражаніе монетамъ византійскимъ. Эта подражательность обнаруживается даже въ изображеніи предметовъ русскаго быта. На монетахъ Владиміра читается надпись: „Владиміръ на столѣ“,—надпись, отвѣчающая подобнымъ же

ніе, почему и надобно полагать, что при вѣнчаніи великій князь имѣлъ видъ царя и что на него была тогда возложена царская корона вмѣсто вѣнца брачнаго, и даже при этомъ слѣдуетъ допустить возможность возложенія на Владиміра царской утвари съ приличными молитвами» ¹⁾).

Къ подобному же выводу, требующему только нѣсколько иной постановки, приводитъ и литературный анализъ извѣстныхъ намъ версій сказанія о Владиміровомъ вѣнчаніи. Древнее преданіе, послужившее источникомъ книжныхъ сказаній, имѣло такое содержаніе: Владиміръ, посовѣтовавшись съ дружиной, начинаетъ войну съ греками; осаждаегь и беретъ греческій городъ; получаетъ отъ побѣжденныхъ богатые дары. Обстоятельства Корсунскаго похода Владиміра Святославича вполнѣ совпадаютъ съ схемой этого преданія. Связь былинъ Владимірова цикла съ воспоминаніями о Владимірѣ Святославичѣ придаетъ этому совпаденію еще большую вѣроятность. Не яснымъ остается только упоминаніе о «вѣнчаніи» князя Владиміра, о полученныхъ имъ царскихъ утваряхъ. Какія именно подробности древняго преданія могли дать поводъ къ такому упоминанію? Если разсматриваемое нами преданіе дѣйствительно имѣло отношеніе къ событіямъ 988 года, то въ воспоминаніяхъ объ этихъ событіяхъ должно отыскаться и объясненіе царскаго вѣнчанія Владиміра. Только при возможности найдти такое объясненіе сопоставленіе преданія о войнѣ Владиміра съ греками и Корсунскаго похода можетъ получить нѣкоторое значеніе, какъ матеріалъ для опредѣленія историческихъ основъ нашего былевого эпоса.

Корсунскій походъ завершился бракомъ Владиміра съ греческою царевной. Христіанскій брачный обрядъ издавна назывался у насъ словомъ «вѣнчаніе», представляющимъ переводъ греческаго *στέφανω-*

лѣтописнымъ выраженіемъ („сѣде на столѣ“). На нѣкоторыхъ монетахъ дѣйствительно изображено княжеское сѣдалище. Объ этомъ сѣдалищѣ знатокъ нашей древней нумизматики замѣчаетъ: „Перенести на штемпель дѣйствительную форму великокняжескаго престола было, вѣроятно, не по силамъ изготовителямъ штемпелей... Наши мастера упростили свою работу, скопировавъ прямо нужный имъ престолъ съ хорошо знакомыхъ имъ византійскихъ монетъ, не заботясь о томъ, что, можетъ быть, великій князь никогда на такомъ тронѣ не сидѣлъ“ (Гр. И. И. Толстой, О древнѣйшихъ русскихъ монетахъ X—XI вв., въ Запискахъ р. археологич. общества, т. VI, стр. 335).—Нѣсколько всѣхъ замѣчаній, по поводу соображеній г. Регеля сдѣлалъ Д. Θ. Буляевъ во второй книгѣ своихъ извѣстныхъ *Byzantina* (стр. 216—217).

¹⁾ *Записки отдѣл. русск. и слав. археол.* III, 22—23.

на ¹⁾. Въ пѣсняхъ вступленіе въ бракъ обыкновенно обозначается выраженіемъ: «принять вѣнецъ».

Въ былинѣ о Добрынѣ:

Сегодня имъ идти ко Божьей церкви,
Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.

(Рыбн. I, 132).

Въ пѣснѣ о «двухъ любовникахъ»:

Взялъ онъ Салфею за бѣлы руки,
Повелъ Салфею во Божью церкву,
Принялъ съ Салфеей золоты вѣнцы.

(Гильф. 155).

Въ былинѣ о князѣ Василіѣ:

Потонулъ тутъ Василій князь
Отъ злата вѣнца идущи.

(Кур. V, 66).

Въ пѣснѣ: «Невольное постриженіе»:

Да батюшко идѣ да молода князя ведетъ,
Молодой князь идѣ да золоты вѣнцы несѣ.

(Гильф. 1279).

Въ устномъ сказаніи о Владиміровомъ походѣ могло быть упомянуто о бракѣ князя, о томъ, какъ онъ «принялъ золотой вѣнецъ». Позднѣйшіе писатели, искавшіе историческихъ свѣдѣній о царскихъ уборахъ, о царскомъ вѣнчаніи, обратили вниманіе на это упоминаніе о вѣнцѣ, которое, казалось имъ, бросало свѣтъ на интересовавшій ихъ темный вопросъ. Извѣстіе, имѣвшее отношеніе къ брачному вѣнчанію, было принято за указаніе на вѣнчаніе царское. Такое смѣшеніе двухъ вѣнцовъ не покажется особенно страннымъ, если припомнимъ, что подобное же, если не смѣшеніе, то сопоставленіе находимъ въ такомъ памятникѣ, какъ рѣчь митрополита Макарія, сказанная Ивану IV и Анастасіи Романовнѣ послѣ ихъ брачнаго вѣнчанія. «Днесъ отъ Бога съчетана еста, говорилъ Макарій, царскимъ и законнымъ бракомъ, яко же и прочіи святіи цари и царици святіи, и почтени есте отъ Бога, и *вѣнчани царскимъ вѣнцемъ великаго царства російскаго*» и т. д. ²⁾. Царское вѣнчаніе Ивана совершено было 16-го января 1517 года, а брачное—4-го февраля.

¹⁾ Стефановъ, *стѣфановѣнцѣ*—matrimonio conjugere; *стѣфановѣнцѣ*—nuptiae, matrimonium (Glossarium Дюканжа, т. II, в. в.). Примѣры употребленія словъ: *вѣнцы*, *вѣнчаніе*, *вѣнчати* см. въ Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка *Срезневскаго* (вып. I, стр. 488—489).

²⁾ Дополн. къ акт. вст. I, № 40, стр. 53.

РУССКІЙ ВЫЛЕВОЙ ВѢСЬ.

Нельзя отрицать, что въ древней былинѣ о войнѣ съ греками, кромѣ упоминанія о Владиміровомъ вѣнчаніи, могло находиться указаніе и на какія нибудь драгоценности, доставшіяся Владиміру послѣ Корсунскаго похода. Припомнимъ извѣстіе древней лѣтописи: «поима съсуды церковныя и иконы на благословенье себѣ... Взя же... мѣдянѣ двѣ капищи и четыре коня мѣдяны, иже и нынѣ стоятъ за святою Богородицею, *якоже невѣдуще мнятъ я мраморяны суца*»¹⁾. Въ этомъ извѣстіи особенно любопытно указаніе на народныя толки о привезенныхъ изъ Корсуни предметахъ. Припомнимъ, что воспоминаніе о Корсунскихъ вещахъ, взятыхъ Владиміромъ, оставило слѣдъ въ рядѣ преданій (Корсунскія иконы, Корсунскія врата)²⁾.

Въ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ упоминаются, какъ мы видѣли, корона, костыль и порфира, взятые въ Казани у царя Симеона:

И бѣжалъ тутъ великій князь Московскій
 На тое ли высокую гору,
 Гдѣ стояли царскія палаты.
 Что царица Елена догадалась,
 Она сыпала соли на ковригу,
 Она съ радостью Московскаго князя встрѣчала...
 И за то онъ царицу пожаловалъ,
 И привелъ въ крещеную вѣру,
 Въ монастырь царицу постригли.
 А за гордость царя Симеона,
 Что не встрѣтилъ великаго князя,
 Онъ и вынулъ ясны очи косицами,
 Онъ и взялъ съ него царскую корону,
 И снялъ царскую порфиру,
 Онъ царской костыль въ руки принялъ.
 И въ то время князь воцарился
 И насѣлъ въ Московское царство.

(*Кириша Даниловъ*, 286—287).

Подобное же упоминаніе о Казани находимъ въ пѣснѣ о покушеніи Ивана на жизнь сына. Но въ нѣсколькихъ пересказахъ этой пѣсни Казань замѣняется Цареградомъ:

Ай повynesъ онъ царенъе изъ Царяграда,
 А царя-то Перфила онъ подъ мечъ склонилъ,
 А царицы-то Елены юлову срубилъ,

¹⁾ Лѣтоп. по Лаврентьевск. списку 113—114. Въ Никон. лѣт. прибавлено: „По семь многи послы приходиша изъ Грекъ отъ царей съ многою честію и в дары и съ любовію“. Въ перечнѣ предметовъ, взятыхъ въ Корсуніи, упомянуты еще „три лвы мѣдяны“ (Поли. собр. лѣтоп. IX, 57).

²⁾ *Аделунтъ*, Корсунскія врата, стр. 107—109, 216—217.

Царскую перфицу на себя одѣлъ,
Царскій востыль да себи въ руки вьзялъ.

(Гилуб. 104).

Эта замѣна хорошо знакомой и памятной Казани далекимъ Царградомъ намекаетъ на какія-то литературныя вліянія, на какую-то примѣсь, попавшую въ пѣсни объ Иванѣ изъ другаго эпического круга. Припомнимъ при этомъ загадочное мѣсто, находящееся въ краткомъ житіи князя Владиміра: «шесть взя Корсунъ градъ, князя и княгиню оуби, а дщерь ихъ за Ждѣберномъ; не распустивъ полковъ и посла Ольга воеводу своего съ Ждѣберномъ въ Царьградъ къ царемъ просити себе сестры ихъ» ¹⁾. Въ одномъ позднемъ памятникѣ лѣтописнаго содержанія этотъ рассказъ о князѣ и княгинѣ Корсунскихъ передавъ съ подробностями, не извѣстными по древнему сказанію. Владиміръ стоялъ «подъ градомъ Херсунемъ многое время», надѣясь истомить жителей голодомъ. «Бысть же въ томъ градѣ мужъ варяженниъ, именовъ Ижбернъ, се же написалъ ярлыкъ и вложи в стрелу и стрелялъ в полкъ ко Владиміру». Ижбернъ замѣняетъ такимъ образомъ Анастаса Корсунянина, который, по сказанію древней лѣтописи, «стрѣли ...напсавъ сице на стрѣль: кладязи, яже суть за тобою отъ вѣстока, ис того вода идетъ по трубѣ, копавъ переими». Въ ярлыкѣ Ижберна было сказано, что Владиміръ напрасно тратитъ время на осаду: «а сего не веси, яко корабли во градъ приходятъ с питьемъ и с кормомъ». — «Князь же Владиміръ вскоре велель путь перекопати и по трехъ мѣсяцахъ взялъ градъ, а князя и княгиню поймавъ привязалъ къ сохе шатерной, а дщерь взялъ и предъ ихъ очима сотворилъ с нею беззаконіе ²⁾. I по трехъ днехъ князя и княгиню повелѣлъ смерти предать, а дщерь ихъ далъ за прежереченнаго Ижберна, и постави его властодержцомъ Херсуню граду». Сватовство Владиміра передано такъ; «Князь же Владиміръ посла к нимъ (греческимъ царямъ) посла своего и рече имъ: цари Василіе и Константине, аще ли не дадите за мя сестры своей, то азъ сотворю вамъ аки князю Херсунскому: градъ возму и землю вашу приму, а вась нечестныхъ сотворю» ³⁾.

¹⁾ *Востоковъ*, Описание рукоп. Румянц. музея, 687: „Оуспеніе благовѣрнаго вел. князя Владиміра“ (Издано г. *Соболескимъ* въ Сборникѣ въ память 900-лѣтія крещенія Руси).

²⁾ Нѣчто подобное рассказывается объ отношеніяхъ Владиміра къ дочери Рогволода: «Добрыня поноси ему и дщери его... и повелѣ Володимеру быти с нею предъ отцемъ ея и матерью» (Лѣтоп. по Лавр. сп. 285).

³⁾ Публ. Библиот. Q. XVII. 72 (=Толст. II, 282), рукоп. XVII вѣка. Па-

Отзвуки сказанія о женитьбѣ князя Владиміра слышатся и въ дошедшихъ до насъ памятникахъ народной поэзіи. Припомнимъ пѣсню «женитьба князя Владиміра», былины о Дунаѣ и Иванѣ гостинномъ сынѣ, сказку объ Илюшкѣ, сынѣ матроса ¹⁾). Конечно, и въ этихъ пѣсняхъ, и въ этой сказкѣ мы напрасно стали бы искать слѣдовъ историческаго преданія о корсунскомъ походѣ Владиміра.

мятникъ, въ которомъ читается приведенный рассказъ, имѣетъ такое заглавіе: „Лѣтописецъ, написанъ отъ Рождества Христова, о царѣхъ жидовскихъ, и греческихъ, и русскихъ и что гдѣ и въ которомъ граде и при которомъ царѣ и въ которомъ году учинились, и о святыхъ Его знаменіяхъ, явльшихся с небесина землю Господемъ нашимъ Исусомъ Христомъ, наказуя насъ грѣшныхъ всячески“ л. 240). Передъ второй частью лѣтописца налагающей событія русской исторіи, находится особое заглавіе: (Н)ачало русиныхъ князей отъ чево зачалось руское княженіе“. (л. 263). Въ 6370 году „придоша словяне з Новагорода великаго торговать за море к варягамъ в немецкую землю в область во градъ Прусы и рекоша словяне княземъ варяжскимъ: земля, господине, наша, рекомая Словенская Русь, добра и обилна“ и т. д. Явились на Русь три брата. По смерти Рюрика остался малолѣтній сынъ Игорь: „сей же убо есть рускин князь и весь родъ его отъ колѣна Августа кесаря Тивирядцаго“. Правиль Олегъ „И в тѣ времена и лѣта Олговы бысть в великомъ Новѣградѣ нѣдци мужи воини, сирѣчь разбойницы лютиі, три брата“—Кій, Щекъ и Хоривъ. Долго терпѣли отъ нихъ Новгородцы. Наконецъ, удалось схватить разбойниковъ. Кій, Щекъ и Хоривъ, вмѣстѣ со всей ихъ родней („всѣ были храбры и сильны добръ“, посажены въ порубъ; просятъ объ освобожденіи, обѣщаясь удалиться изъ Новагорода. Отпущены. Шли дебрями около двухъ мѣсяцевъ; наконецъ, добрались до рѣки великой—Днѣпра. На горахъ, гдѣ святой Андрей поставилъ крестъ, Кій поселился. Спустя нѣкоторое время, Олегъ отправилъ къ греческому царю. Михаилу пословъ—Оскольда и Дира. Дойдя до города Кіева, они овладѣли имъ, убили Кія и весь родъ его и, забывъ о посольствѣ, поселились на берегахъ Днѣпра, гдѣ „совдаша градець болѣ перваго“. Олегъ побѣждаетъ Оскольда и Дира и утверждаетъ въ Кіевѣ. Походъ Олега на Цареградъ и наложеніе дани на грековъ. Женитьба Игоря: „въ Плескове поня собѣ княжну именемъ Олгу, дщерь Таракона, князя Половецкаго“. Смерть Олега. Походы Игоря противъ Древлянъ. Игорь убитъ.—Взятіе города посредствомъ птицъ приурочено къ землѣ Цареградской. Крещеніе Ольги. Сынъ ея Святославъ княжилъ многія лѣта, имѣя миръ ко всѣмъ странамъ.—Ср. Древлехр. Погодина № 1578, л. 1 и сл. (*Бычковъ*, „Описаніе рукоп. сборниковъ Публ. библиот.“, стр. 153—154); Моск. синод. библиот. № 964, л. 45—66, 343.

¹⁾ „Сказка о князѣ Владимірѣ и Илюшкѣ матросовомъ сынѣ“ напечатана въ *Запискахъ Геогр. общ. по отдѣленію этнографіи*, ч. I, 659—661. Въ примѣчаніи указаны нѣкоторыя сходныя пѣсни—сербскія и болгарскія. Ср. *Миллеръ*, *Илья Муромецъ*, стр. 358, 332. Припомнимъ еще былинну о Волгѣ, которую, какъ было уже замѣчено (гл. II, стр. 37), *А. Н. Веселоскій* сближаетъ съ поэмой объ Ортнитѣ: „я сравниваю ее съ поэмой объ Ортнитѣ, предполагая, что въ основѣ ихъ мотивы сходились ближе, и что нѣкоторое равногласіе внесено лишь позднѣйшей передѣлкой. Ортнитъ сверхъестественнаго происхожденія;

Связь рассказовъ о Дунаѣ и Илюшкѣ съ преданіемъ о Владиміровомъ бракѣ основывается лишь на сходствѣ эпической темы. Нельзя даже сказать, что рассказы о Дунаѣ и Ильѣ слились съ древнимъ преданіемъ о сватовствѣ Владиміра. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіями не *слиянія*, а *замѣщенія* сказаній. Тема сватовства и брака дана была исторической былью; позже на эту тему нанизывались сказанія разнообразнаго состава и неодинаковаго происхожденія ³⁾. Правда, въ одной изъ указанныхъ былинъ, именно въ пѣснѣ о женитьбѣ Владиміра, можно подмѣтить нѣкоторыя черты сходства съ преданіями о Корсунскомъ походѣ, но едва ли можно утверждать, что эти немногія сходныя черты должны быть объясняемы, какъ несомнѣнные остатки забытаго сказанія о русскомъ князѣ и греческой царевнѣ.

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
Жилъ—былъ славный Владиміръ князь,
Похотѣлъ тутъ князь пожениться
За славнымъ за синимъ моремъ
У того короля у Литовскаго
На той Настасѣ королевичной.
Вызываетъ онъ сватовъ—добрыхъ молодцевъ,
Добрыхъ молодцевъ, братьевъ родимыхъ,
Родимыхъ братьевъ любимыхъ.
Одного звали Ѳеодоромъ Ивановичемъ,
А другого Васильемъ Ивановичемъ.

Въ указанномъ выше сказаніи упоминаются также два посла Владиміра: «посла Ольга воеводу своего съ Ждѣберномъ въ Царьградъ къ царемъ просити за себе сестры ихъ».—И въ пѣсняхъ о Дунаѣ этотъ сватъ Владиміровъ сопутствуется обыкновенно другимъ лицомъ (Добрыней, Екимомъ Ивановичемъ).

Во время пребыванія въ Литвѣ сваты Владиміра получаютъ отъ него письмо съ такимъ наказомъ:

его отецъ—демонъ Альберихъ; его чудесной помощи Ортнигъ обязанъ успѣхомъ своей брачной повѣдки... Повѣдка Вольги не брачная; только у Кирши онъ женится на дочери убитаго имъ царя Индѣйскаго; другіе варианты дѣлаютъ цѣлью повѣдки Турецъ-землю, либо Золоту орду. Я не рѣшусь сказать, что въ основѣ пѣсни лежало сватовство за невѣсту, но считаю это вѣроятнымъ“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1890 г., мартъ, 23—24).

³⁾ По поводу былинъ о Владиміровой женитьбѣ нужно еще замѣтить, что въ нихъ могли, конечно, отразиться воспоминанія не только о греческой царевнѣ, но и о женахъ Владиміра языческой поры. Въ извѣстномъ рассказѣ о Рогнѣдѣ (въ сказаніи „вѣдущихъ“ о Всеславичахъ) замѣтены несомнѣнный отпечатокъ эпическаго повѣствованія.

Ай же ты, Федоръ Ивановичъ,
 Ай же ты, Василій Иввовичъ,
 Вуде честью отдасть, то честью везите,
 Вуде честью не отдасть, возьмите безъ чести.

(Рман. III, 9—11).

Такими же «грозными послами» являются сваты Владиміра и въ книжныхъ сказаніяхъ.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ повторить въ самыхъ короткихъ словахъ тѣ выводы, къ которымъ привело насъ изученіе сказаній о добываніи вавилонскихъ и цареградскихъ драгоценностей.

1) Въ XV—XVI вѣкахъ извѣстно было на Руси народно-поэтическое сказаніе о войнѣ князя Владиміра съ греками. Это сказаніе, родственное съ дошедшими до насъ былинами Владимірова цикла, представляло эпическое воспоминаніе о походѣ Владиміра Святославича на Корсунь.

2) Древняя «былина» о войнѣ Владиміра съ греками не дошла до насъ въ ея первоначальномъ видѣ. Она извѣстна намъ по книжнымъ передѣлкамъ XV—XVI вѣковъ (разсказъ с войнѣ Владиміра Всеволодовича съ греческимъ царемъ Константиномъ Мономахомъ; разсказъ о походѣ Владиміра Мономаха на Кафу; извѣстіе о царскомъ вѣнчаніи Владиміра Святого послѣ взятія Корсуни). Разница въ составѣ этихъ разсказовъ объясняется не одинаковыми историческими пріуроченіями одного и того же основнаго преданія.

4) Литературная исторія сблизила сказанія о перенесеніи на Русь греческихъ царскихъ утварей съ переводной повѣстью о томъ, какъ царь Левъ добылъ изъ Вавилона драгоценности, принадлежащія Навуходоносору. Сближеніе этихъ двухъ сказаній, туземнаго и захожаго, выразилось въ памятникахъ письменности и въ произведеніяхъ устной словесности неодинаково:

а) въ нѣкоторыхъ спискахъ повѣсти о греческомъ посольствѣ въ Вавилонъ находится въ концѣ дополнительная замѣтка, въ которой говорится о томъ, какъ греческій царь принужденъ былъ передать добытыя въ Вавилонѣ драгоценности русскому князю Владиміру, войска котораго угрожали Цареграду. Извѣстіе о нашихъ царскихъ утваряхъ приводится такимъ образомъ въ связь съ разсказомъ о греческомъ посольствѣ въ Вавилонъ, но при этомъ удерживается отдѣльность и самостоятельность того и другаго преданія.

б) въ Самарской сказкѣ о Бормѣ-арыжкѣ, сказаніе о посольствѣ

въ Вавилонѣ не сопоставляется съ русскимъ преданіемъ, а замѣщаетъ его: то, что въ переводной повѣсти разсказывается о греческомъ царѣ, переносится въ сказкѣ на царя Московскаго Ивана Васильевича. Вѣроятно, имя Грознаго замѣнило въ этомъ случаѣ другое, болѣе древнее имя, — князя Владиміра. Въ содержаніи сказки находимъ такія подробности, которыя не объясняются извѣстными намъ старорусскими пересказами повѣсти о Вавилонѣ. Быть можетъ, въ основѣ самарской сказки лежалъ текстъ, аналогичный съ тѣмъ, который переработанъ былъ Генрихомъ von Neustadt въ поэмѣ объ Аполлоніи Тирскомъ.

в) въ легендѣ о Бормѣ соединеніе сказанія о Вавилонѣ съ русскимъ преданіемъ о царскихъ инсигніяхъ выражено такъ: Борма отправляется въ Вавилонѣ *изъ Цареграда*; вернувшись, онъ застаётъ въ Цареградѣ «великое кровопролитіе» и отправляется *въ русскую землю*, гдѣ и отдаётъ добытыя драгоцѣнности царю Ивану Васильевичу. Сохраняется такимъ образомъ намекъ на первоначальную отдѣльность двухъ соединенныхъ сказаній. Сравненіе легенды съ повѣстью о Вавилонѣ даетъ основаніе предполагать, что разсказъ объ Иванѣ Грозномъ и объ осадѣ Казани явился въ легендѣ замѣной инаго, древнѣйшаго приуроченія. Замѣчательно въ разсказѣ о Бормѣ упоминаніе именъ святаго Георгія и святаго Димитрія Солунскаго. Подобное же, только полнѣе и яснѣе выраженное соединеніе преданій о Вавилонѣ съ легендами о святомъ Георгіѣ находимъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ западныхъ (романъ объ Оберонѣ и др.). Такой параллелизмъ объясняется, вѣроятно, воздѣйствіемъ какихъ-то одинаковыхъ, не ясныхъ пока, литературныхъ вліяній.

4) Кромѣ повѣсти о греческомъ посольствѣ въ Вавилонѣ, въ нашей старинной письменности извѣстно было еще другое сказаніе о Вавилонѣ: «Притча о Вавилонѣ градѣ». Въ этой притчѣ, не безызвѣстной, какъ мы видѣли, и на западѣ, рѣчь идетъ о Навуходоносорѣ и сынѣ его Василіи, о построеніи Вавилона и объ его запустѣніи. «Притча» о Навуходоносорѣ и повѣсть о послахъ царя Льва принадлежать, конечно, къ одному и тому же кругу сказаній о пустынномъ Вавилонѣ, но нѣтъ достаточныхъ основаній утверждать, что притча и повѣсть составляли когда-то одно литературное цѣлое.

ПОВѢСТЬ ОБЪ АЛЕКСАНДРѢ И ЛЮДОВИКѢ И БЫЛИНА: «НЕРАЗСКАЗАННЫЙ СОНЪ».

Повѣсть объ Александрѣ и Людовикѣ занесена къ намъ вмѣстѣ съ Книгой о семи мудрецахъ, переводъ которой появился въ XVII вѣкѣ ¹⁾. Пѣсня «Неразказанный сонъ», иначе. «Похожденія Ивана»

¹⁾ Свѣдѣнія о русскомъ переводѣ Повѣсти о семи мудрецахъ собраны въ книгѣ г. *Цыпина* (Очеркъ лит. исторіи стар. повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 251—260) и въ статьѣ г. *Мурко*: *Die Geschichte von den sieben Weisen bei den Slaven* (*Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der k. Akademie der Wiss. zu Wien*, B. 122, 1890). «Въ русскомъ переводѣ, — замѣчаетъ г. Цыпинъ, — не встрѣчалось намъ прямыхъ указаній на подлинникъ; по аналогіи, отчасти по языку, можно предполагать, что подлинникъ былъ польскій» (стр. 254). Г. Мурко, говоря о славянскихъ переводахъ семи мудрецовъ, останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на спискахъ русскаго перевода. Сравненіе этихъ списковъ, представляющихъ немалое разнообразіе, приводитъ изслѣдователя къ предположенію, что Книга о семи мудрецахъ могла быть усвоена нашей литературой путемъ постепеннаго перевода: первоначальный «переводъ» могъ представлять лишь переписку кириллицей польскаго текста (примѣры такой переписки польскихъ текстовъ извѣстны; ср. *Линникъ*, *op. cit.*, 262); некоторыя малоизвѣстныя слова могли быть при этомъ замѣнены соответствующими русскими реченіями; позднѣйшія измѣненія и исправленія предали мало-по-малу русскій обликъ первоначальному полу-польскому тексту. Этимъ постепеннымъ измѣненіемъ объясняется и обиліе вариантовъ русскаго перевода повѣсти. Текстъ нашего перевода изданъ Обществомъ любителей древней письменности подъ редакціей г. *Булакова* (Пб., 1878); въ основу изданія положена рукопись XVII вѣка, принадлежащая библиотекѣ Общества; разночтенія взяты изъ двухъ списковъ XVII же вѣка (Публ. Сибл. и библиот. кн. Вяземскаго). Тексту повѣсти предпослано вступленіе, представляющее бѣглый очеркъ литературной исторіи изданнаго памятника. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что повѣсть объ Александрѣ и Людовикѣ встрѣчается въ нашихъ рукописяхъ и въ видѣ отдѣльной статьи. Въ

(Васильевича), известна по пересказу, записанному г. Рыбниковымъ въ Повѣнецкомъ уѣздѣ ¹⁾.

I.

Повѣсть о семи мудрецахъ известна во множествѣ переводовъ и пересказовъ, принадлежащихъ литературамъ и европейскихъ и азіатскихъ народовъ. Повѣсть, по своему составу, представляетъ, какъ известно, сборникъ притчъ и сказокъ, соединенныхъ въ нѣкоторое цѣлое при помощи охватывающей эти притчи повѣствовательной рамки. Эта повѣствовательная рамка, то-есть, рассказъ, въ который введены отдѣльныя притчи, сходно передается во всѣхъ версияхъ: различія замѣчаются лишь въ мелочахъ.

Герой повѣсти—молодой царевичъ. Его воспитаніе поручено семи мудрецамъ (по другой версіи воспитатель царевича—одинъ; семь мудрецовъ выступаютъ лишь какъ совѣтники царя). Спустя опредѣленное время, царевичъ, воспитывавшійся вдали отъ двора, призванъ къ отцу. Видъ красиваго юноши возбудилъ преступныя желанія въ сердцѣ его мачихи (=одной изъ женъ его отца). Но женская страсть не находитъ отголоска въ цѣломудренномъ сердцѣ добродѣтельнаго человѣка. Разгнѣванная неподатливостью пасынка мачиха обвиняетъ его въ покушеніи на ея супружескую вѣрность. Царевичу грозитъ висѣлица. Мудрые совѣтники (=воспитатели царевича) уговариваютъ царя отложить казнь. Мачиха, чтобы поддержать гнѣвъ мужа, рассказываетъ притчу, приуроченную къ этой цѣли. На эту притчу отвѣчаетъ (притчей же или, по другой версіи, двумя притчами) первый мудрецъ. Слѣдуетъ затѣмъ новая притча царицы и отвѣтная притча (или притчи) второго мудреца и т. д. Въ этихъ спорахъ проходитъ недѣля. Самъ царевичъ хранить все это время молчаніе. По рѣшенію судьбы, онъ долженъ былъ оставаться нѣмымъ въ теченіе первыхъ семи дней послѣ возвращенія въ родительскій домъ. По истеченіи этого срока, даръ слова возвращается къ царевичу, и онъ обличаетъ злую и преступную женщину. Версія, упоминающая о семи воспитателяхъ, и заканчивается притчей царевича. Редакція, въ которой выступаютъ семь

XVIII вѣкъ повѣсть была напечатана въ сказочномъ сборникѣ: «Историческія сказки», С.-Пб., 1793 (*Пыльицъ*, Для любителей книжной старины, стр. 4—5).

¹⁾ „Отъ крестьянина дер. Горки Абрама Евтимьева Чуквоева, по прозвищу Бутылки“ (*Пѣсни*, собр. *Рыбниковымъ*, т. III, № 58, стр., 305—319).

мудрецовъ и воспитатель, присоединяетъ къ *притчамъ* царевича дополнительный рассказъ его наставника.

Притчи, которыми обмѣниваются царица, царевичъ и мудрецы, представляютъ въ пересказахъ повѣсти, принадлежащихъ разнымъ литературамъ, значительное разнообразіе, указывающее на неоднократную передѣлку сказочнаго сборника. По составу притчъ пересказы повѣсти дѣлятся на двѣ главныхъ группы: къ первой группѣ принадлежатъ греческій *Συντίπας* и цѣлый рядъ восточныхъ пересказовъ (сирійскій, еврейскій, персидскій, арабскій); вторую группу составляютъ пересказы западные, къ числу которыхъ принадлежитъ и русскій переводъ Книги о семи мудрецахъ ¹⁾.

Изъ всѣхъ притчъ, занесенныхъ въ повѣсть о семи мудрецахъ, насъ интересуютъ теперь одна лишь *заключительная притча западной группы пересказовъ*. Согласно съ терминологіей латинскихъ текстовъ, притча эта, *рассказанная царевичемъ*, упоминается обыкновенно подъ заглавіемъ: *Vaticinium*.

Въ пересказахъ повѣсти *Vaticinium* передается неодинаково, въ

¹⁾ Греческій *Συντίπας* изданъ Буассонадомъ (*Boissonade, De Syntipa et Cyri filio Andronopi narratio, Paris, 1828*) и Эбергардомъ (*Eberhard, Fabulae Romanenses, vol. I, Leipzig, 1872, вь Bibliotheca Teubneriana*). Различаются три редакціи греческой повѣсти. Первая, древнѣйшая редакція издана впервые Эбергардомъ (по Мюнхенской рукоп. XIV вѣка); вторая редакція извѣстна была по изданію Буассонада; снова напечатана Эбергардомъ (по Вѣнской рукописи XV вѣка съ разночтеніями по двумъ Парижскимъ рукописямъ, извѣстнымъ Буассонаду); изъ третьей редакціи, quae vermone Graecorum recentiore conscripta est, изданы Эбергардомъ лишь excerpta (*Fabulae Romanenses, pag. 136—196, 1—135, 197—224*). О Сынтіпѣ вообще см. *Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Litteratur, 470—473*. Сирійскій пересказъ, ближайшій къ греческому, изданъ *Fr. Baethgen'омъ: Sindbad oder die sieben weisen Meister, syrisch und deutsch, Leipzig, 1879*. Общее обозрѣніе пересказовъ восточной группы см. въ книгѣ: *Mischle Sindbad, Secundus-Syntipas. Edirt, emendirt und erklärt... v. Paulus Cassel (1888)*; на стр. 362—363 помѣщена сравнительная таблица, объясняющая составъ отдѣльныхъ пересказовъ. Подобную же таблицу, касающуюся западныхъ пересказовъ, см. въ статьѣ *K. Goedeke: Liber de septem sapientibus (Orient und Occident, 1864, III)*. Ср. *M. Landau, Die Quellen des Dekameron, 2 Aufl., Tabelle B. Uebersicht der in den wichtigsten Bearbeitungen der sieben Weisen enthaltenen Erzählungen*. Эта таблица представляетъ приложение къ тому отдѣлу книги Ландау (§§ 6—13, стр. 28—89), въ которомъ налагаются свѣдѣнія какъ о восточныхъ, такъ и о западныхъ пересказахъ „семи мудрецовъ“. Замѣчательно, что къ группѣ западныхъ пересказовъ принадлежитъ армянскій переводъ. Аналогическое явленіе представляетъ литературная исторія *Физиолога*, обработки котораго распадаются также на двѣ группы—восточную и западную; армянскій *Физиологъ* принадлежитъ ко второй, западной группѣ (*Byzantinische Zeitschrift, III, 1, 26, уь ст. г. Каргѣева, о Физиологѣ*).

краткой или болѣе сложной редакціи. Въ спискахъ старорусскаго перевода находимъ разсказъ второй, сложной редакціи, но, какъ увидимъ, у насъ не безызвѣстенъ былъ разсказъ и краткаго извода.

Содержаніе разсказа этого краткаго извода таково: У нѣкоего рыцаря былъ сынъ, умѣвшій понимать языкъ птицъ ¹⁾. Однажды рыцарь, слушая пѣніе птицъ, замѣтилъ: «Дивнымъ бы даромъ обладалъ тотъ, кто умѣлъ бы растолковать, что говорятъ птицы».—Я ихъ понимаю,—отозвался сынъ.—«Ну, скажи, что говорятъ теперь птицы?» — Онѣ говорятъ, что придетъ время, когда вы, отецъ и мать, впадете въ крайнюю бѣдность; я же достигну такого высокаго положенія, что вы согласитесь подать мнѣ воду для умыванья рукъ.— Отецъ, разсерженный этимъ предсказаніемъ, бросилъ сына въ море, но утопавшій былъ замѣченъ и спасенъ экипажемъ проходившаго неподалеку корабля. Моряки продали юношу въ Сицилію. Въ это время король Сицилійскій не зналъ покоя отъ трехъ вороновъ, которые всюду слѣдовали за нимъ и надоѣдали ему своимъ крикомъ. Король объявилъ, что отдастъ руку своей дочери и половину царства тому, кто объяснитъ значеніе этого докучливаго спутничества вороновъ. Юноша, купленный однимъ изъ сицилійскихъ рыцарей, объявилъ, что онъ можетъ дать отвѣтъ на королевскій вопросъ. Призванный къ королю, юноша сказалъ: три ворона спорятъ между собой и хотятъ, чтобы король рѣшилъ ихъ тяжбу. Дѣло ихъ слѣдующее: воронъ, который постарше, оставилъ свою подругу и сталъ ухаживать за другой; покинутая ворониха подыскала другаго сожителя, помоложе; когда первый воронъ постарѣлъ, онъ вернулся къ прежней подругѣ и сталъ предъявлять свои супружескія права; молодой воронъ и его сожительница не признаютъ этихъ правъ. Король рѣшилъ дѣло въ пользу молодаго ворона: старикъ, покинувшій когда-то подругу, самъ отказался де отъ своихъ правъ. Послѣ этого птицы оставили короля. Мудрый юноша женился на его дочери.

Предсказаніе о величіи, ожидавшемъ юношу, сбылось. Исполнилось и пророчество объ его родителяхъ. Преступленіе рыцаря, бросившаго сына въ море, стало извѣстно. Онъ былъ изгнанъ за это изъ своего родоваго замка и поселился съ женой въ Сициліи. Жили они здѣсь въ крайней бѣдности. Однажды королевскій зять проѣзжалъ черезъ Мессину и увидѣлъ здѣсь бѣдныхъ старика и старуху, въ которыхъ узналъ своего отца и мать. Онъ вошелъ въ ихъ жи-

¹⁾ Разсказовъ, основанныхъ на повѣрѣяхъ о птичьемъ языкѣ, извѣстно не мало. Я предполагаю коснуться этихъ разсказовъ въ особой замѣткѣ.

лице, не называя своего имени. Старикки подали ему воду для обмыванія рукъ. Знатный гость вступилъ въ бесѣду съ бѣдняками. «Какого наказанія заслуживаетъ отецъ, который убилъ бы такого сына, какъ я?»—спросилъ гость.—Для такого преступленія нѣтъ достаточно сильнаго наказанія, — отвѣтилъ старый рыцарь.—«Такое преступленіе совершили вы, бросивъ меня въ море, но Богъ спасъ меня. Я не буду платить зломъ за зло».

Содержаніе этого разсказа съ замѣчательной точностью повторяется въ одной изъ великорусскихъ сказокъ. Чтобы наглядно убѣдиться въ этомъ сходствѣ, привожу рядомъ текстъ латинскаго и русскаго пересказовъ:

Pater unus miles fuit et dominus unius castri, qui filium habuit tantae subtilitatis, ut voces avium sic intelligeret, ut voces humanas. Et quia castri patris erat in insula maris, dum quadam die omnes irent ad castrum et aves multae cantantes sequerentur navem, dixit pater filio et uxori, quam mirabilis virtus esset intelligere istas aves. Cui filius: „Ego optime, quid dicunt, intelligo“. Cui pater: „Obsecro, expone et revela“. Tunc filius respondit: „Dicunt, quod vos venietis cum domina matre mea ad tantam paupertatem, quod panem non habebitis ad comedendum, et ego veniam ad tantum nobilem statum, ut pro lotione manuum detis mihi aquam“.

Tunc pater indignatus eum projecit in mari, et invento postea de naufragio a nantis de Sardina est elevatus a mari. Et tandem venditus cuidam militi de Sicilia. Pater vero propter scelus et projectionem juvenis a suis hominibus est exheridatus a castro et cum uxore apud Siciliam est exilio relegatus.

Въ одномъ городѣ жилъ купецъ съ купчихою, и далъ имъ Господь сына, не по годамъ смышленнаго, по имени Василія. Разъ какъ-то обѣдали они втроемъ, а надъ столомъ висѣлъ въ клеткѣ соловей и такъ жалобно пѣлъ, что купецъ не вытерпѣлъ и проговорилъ: „еслибъ сыскался такой человекъ, которой отгадалъ бы мнѣ въ правду, что соловей распѣваетъ и какую судьбу предвѣщаетъ, кажись—при жизни бы отдалъ ему половинну имѣнія, да и по смерти отказалъ много добра“. А мальчикъ—ему было лѣтъ шесть тогда—посмотрѣлъ отцу съ матерью въ глаза озорливо и сказалъ: „я знаю, что соловей поетъ, да сказать боюсь“.—Говори, безъ утайки! пристали къ нему отецъ съ матерью, и Вася со слезами вымолвилъ: „соловей предвѣщаетъ, что придетъ пора-время, будете вы мнѣ служить: отецъ станетъ воду подавать, а мать полотенце—лицо, руки утирать“.

Слова эти больно огорчили купца съ купчихою, и рѣшились они сбыть свое дѣтище: построили небольшую лодочку, въ темную ночь положили въ нее соннаго мальчика и пустили въ открытое море. На ту пору вылетѣлъ изъ клетки соловей вѣщунъ, прилетѣлъ въ лодку и сѣлъ мальчику на плечо. Вотъ плыветъ лодка по морю, а на встрѣчу ей корабль на всѣхъ

Tunc tres corvi sequebantur regem Siciliae quo ibat, et quia per quinque annos tenuerant hoc, nec de die, nec de nocte dabant ei requiem, fecit praecognisari, ut quicumque veraciter exponeret sibi praesagium corvorum et causam sequelae, ipse daret sibi filiam suam cum medietate regni sui. Tunc juvenis hoc audiens accessit ad militem dominum suum rogando, ut praesentaret eum regi, et quia ipse sciebat significationem corvorum. Tunc miles gavisus praesentavit eum regi, supplicando juveni, ut habito bono et medietate regni non esset immemor sui. Tandem rex requirit causam. Juvenis vero requirit confirmationem promissi. Qua facta juvenis sic ait: „Hic sunt duo corvi et una corva, unus antiquus et alter juvenis; unde antiquus lascivius vacans corvam hanc dimisit, cum qua diu conhabitaverat, et conjunxit se junioribus. Iste corvus juvenis hanc derelictam ad alio in suam recepit ac nutrit et protexit usque nunc. Et quia antiquior corvus dimissus est a junioribus, nunc vult recuperare istam, quam gratis et absque culpa dimisit, eo quod non potest invenire aliam corvam juniorem, et nititur auferre ab isto, quia sic eam protexit. Et quia iste junior modo non vult eam dimittere, sequuntur te, et requirunt iudicium, cujus debet esse“. Tunc rex habito consilio et convocatis corvis ad praesentiam suam, dedit sententiam,

парусахъ летить. Увидалъ корабельщикъ мальчика, жалко ему стало: взялъ его къ себѣ, распросилъ про все и обѣщалъ держать и любить его, какъ роднаго сына ¹⁾... Ни мало, ни много прошло времени, присталъ корабль къ городу Хвалынску; а у здѣшняго короля уже сколько годовъ передъ дворцовыми окнами летаютъ и кричатъ воронъ съ воронихою и вороненкомъ, ни днемъ, ни ночью никому угомону не даютъ. Что ни дѣлали, никакими хитростями не могутъ ихъ отъ окошекъ отжить; даже дробь не беретъ! И приказано было отъ короля прибыть на всѣхъ перекресткахъ и пристаняхъ такому грамоту: ежели кто сможетъ отжить отъ дворцовыхъ окошекъ ворона съ воронихою, тому король отдастъ въ награду полцарства своего и меньшую королевну въ жены; а кто возьмется за такое дѣло, а дѣла не сдѣлаетъ, тому отрублена будетъ голова. Много было охотниковъ породниться съ королемъ, да всѣ головы свои подъ топоръ положили. Узналъ про то Вася, сталъ проситься у корабельщика: „позволь пойдти къ королю—отогнать ворона съ воронихою“. Сколько ни уговаривалъ его корабельщикъ, никакъ не могъ удержать: „ну, ступай, говорить; да, если что недоброе случится, на себя пеняй!“ Пришелъ Вася во дворецъ, сказалъ королю и велѣлъ открыть то самое окно, возлѣ котораго воронье летало. Послушалъ птичьяго крику и говоритъ королю: „ваше величество, сами видите, что летаютъ здѣсь трое: воронъ, жена его ворониха и сынъ ихъ вороненокъ; воронъ съ воронихою спорятъ, кому принадлежитъ сынъ—отцу или

¹⁾ Пропускаю подробности плаванія, во время котораго мальчикъ по пѣню соловья предсказалъ бурю и встрѣчу съ разбойничьими кораблями. Подробности эти встрѣтятся намъ при разборѣ другихъ сказокъ подобнаго же содержанія (см. гл. III).

ut junioris corvi esset corva et non antiqui. Tunc antiquior solus recessit et juvenis cum corva similiter. Tunc juveni datur filia regia. Et militem dominum minorem in suo hospicio constituit.

Tandem sic sublimatus est ad tantum honorem, dum quodam mane equitaret per Messanam, vidit patrem et matrem sedere ad portam cujusdam hospiti in vilissimo habitu. Et non cognitus ab eis, sed ipse eos cognoscens descendit et misit pro cibariis, ut in domo eorum pranderet. Qui portantes aquam ad abluionem manuum et (quam) accepisset a patre et matre aquam, dum sedissent ad mensam, ait juvenis patri: „Qua poena dignus est pater, qui talem filium, sicut ego sum, interficit?“ Cui pater: „Non possent satis multiplicari poenae contra enormitatem tanti peccati“. Cui juvenis: „Vos estis ille, qui projecistis me in mari propter declarationem vocum avium, et ideo non reddam vobis malum pro malo, quia a Deo ordinata sunt ista“. Ita, dico, pater, si interfecisses me, malum tibi procurasses; sed Deus me custodivit a tanto malo“²⁾.

Русскій переводъ Повѣсти о семи мудрецахъ, появившійся въ XVII вѣкѣ, передастъ, какъ было уже замѣчено, рассказъ царевича въ иной, болѣе сложной редакціи. Сходство нашей сказки съ латинской притчей краткаго извода не даетъ еще, конечно, права утверждать, что у насъ извѣстенъ былъ другой переводъ повѣсти, но это сходство свидѣтельствуетъ, однако-жь, о томъ, что рассказы

матери, просятъ разсудить ихъ. Ваше величество! скажите, кому принадлежить сынъ?“—Король говоритъ: отцу. Только изрекъ король это слово, воронъ съ вороненкомъ полетѣли вправо, а ворониха—влѣво. Послѣ того король взялъ мальчюка къ себѣ, и жилъ онъ при немъ въ большой милости и чести, выросъ и сталъ молодецъ молодцомъ, женился на королевнѣ и взялъ въ приданое полцарства.

Вадумалось ему какъ-то поѣздить по разнымъ мѣстамъ, по чужимъ землямъ, людей посмотрѣть и себя показать; собрался и поѣхалъ странствовать. Въ одномъ городѣ остановился онъ ночевать; переночевалъ, всталъ по утру и велитъ, чтобъ подали ему умываться. Хозяйка принесъ ему воду, а хозяйка подала полотянце; поразговорился съ ними королевичъ, и узналъ, что то были отецъ его и мать, заплакалъ отъ радости и упалъ къ ихъ ногамъ родительскимъ; а послѣ взялъ ихъ съ собою въ городъ Хвалынскъ, и стали они всѣ вмѣстѣ жить—поживать да добра наживать¹⁾.

¹⁾ *Авантисъ*, Сказки, кн. II, № 138, стр. 459—461 («Птичій языкъ»).

²⁾ *Orient und Occident*, 1864, III, 420—421 (*Goedeke*, Liber de septem sapientibus).

Повѣсти распространялись у насъ не изъ одного только источника, извѣстнаго теперь переложенія Книги о семи мудрецахъ.

Притчи царевича передаются и въ греческомъ Сиятипѣ и въ другихъ пересказахъ восточной группы. Но содержаніе этихъ притчъ не имѣетъ никакого сходства съ только что переданной притчей западныхъ пересказовъ¹⁾. Это обстоятельство не предрѣшаетъ, впрочемъ, вопроса о первоначальной родинѣ изучаемаго повѣствованія. Если не самая притча, то ея основная тема издавна была извѣстна на Востокѣ. Припомнимъ знакомый всѣмъ съ дѣтства—разсказъ объ Іосифѣ. Въ ранней молодости, когда любимому сыну Іакова было семнадцать лѣтъ, приснился ему вѣщій сонъ, будто солнце, луна и одиннадцать звѣздъ поклонились ему. Разсказъ Іосифа объ этомъ снѣ возбудилъ недовольство его отца и братьевъ. Сновидецъ проданъ братьями въ Египетъ. Здѣсь онъ прослылъ мудрецомъ, послѣ того, какъ растолковалъ сны хлѣбодара и виночерпія Фараона. Приглашенный къ Фараону, Іосифъ объяснилъ его сны о полныхъ и пустыхъ колосьяхъ, о жирныхъ и тощихъ коровахъ, давъ при этомъ совѣтъ, какъ предупредить бѣдствія будущихъ неурожаевъ. Мудрый совѣтчикъ сдѣланъ былъ правителемъ Египта. Настала неурожайная пора. Голодь коснулась и земли Ханаанской. Іаковъ два раза посылалъ за хлѣбомъ въ Египетъ своихъ сыновей, а потомъ и самъ двинулся на чужбину по приглашенію возвеличившагося сына. Передъ смертью Іаковъ выразилъ желаніе быть погребеннымъ на родинѣ. Іосифъ поклялся, что воля отца будетъ исполнена. «И поклонися Ісраиль на конецъ жезла его» (Книга Бытія, гл. XXXVII—XLVII).

Давно уже изслѣдователи обратили вниманіе на то, что основа Повѣсти о семи мудрецахъ (то-есть, разсказъ, служащій рамкой для внесенныхъ въ повѣсть притчъ) представляетъ ближайшее сходство съ разсказомъ о томъ же прекрасномъ Іосифѣ и о женѣ Пентефрія²⁾. Мачиху царевича волнуютъ такія же грѣшныя вожделѣнія, какъ и жену египетскаго вельможи; царевичъ и Іосифъ—цѣломудренныя юноши, которымъ приходится выдержать одинаковое искушеніе и подвергнуться преслѣдованію за добродѣтельное упрямство.

Это сходство могло быть замѣчено еще въ ту далекую пору,

¹⁾ Въ греческомъ Сиятипѣ находимъ четыре притчи царевича: о людяхъ, отравленныхъ на пиру (*Eberhard*, 86—87, 156—159), о мудромъ трехлѣтнемъ мальчикѣ (92—94, 159—161), о мудромъ же пятилѣткѣ (94—99, 161—166), о купцѣ, торговавшемъ благовоннымъ деревомъ (99—110, 166—174).

²⁾ *P. Cassel*. op. cit., 23—24. Рядъ сходныхъ разсказовъ отмѣченъ въ указанной выше книгѣ Ландау (§ 12: Die Rahmenerzählung der Sieben Weisen).

когда слагалась западная редакція повѣсти. Быть можетъ, подъ вліяніемъ этого именно сходства притчи царевича, извѣстныхъ по «восточному» изводу, замѣстились разговоромъ, отвѣчавшимъ воспоминанію о томъ же библейскомъ юношѣ, образъ котораго вызванъ былъ уже первыми страницами Повѣсти. Западный изводъ начинается разговоромъ объ искушеніи цѣломудреннаго царевича, оканчивается разговоромъ о мудромъ юношѣ, предсказавшемъ въ дѣтствѣ свое величіе. И тотъ и другой разговоръ напоминаютъ преданія объ Иосифѣ. Вступленіе и заключеніе повѣсти смыкаются такимъ образомъ нѣкоторой связью, подсказанной реминисценціями изъ библейской исторіи.

II.

Вторая редакція разсказа царевича—Повѣсть объ Александрѣ и Людовикѣ. Повѣсть эта, повторяя все содержаніе разсказа первой редакціи, присоединяетъ къ нему особое сказаніе о двухъ друзьяхъ³⁾.

Мудрый юноша, понимавшій языкъ птицъ, носитъ имя Александра. Соловей предсказываетъ ему будущее величіе въ такихъ выраженіяхъ, которыя оскорбили его отца. Александръ брошенъ въ море. Корабельщики, вытащивъ его изъ воды, привезли въ Египетъ и продали князю египетскому. Королю Египта не даютъ покоя три ворона. Александръ объясняетъ значеніе этой птичьей неотвязчивости: вороны хотятъ, чтобы король разобралъ ихъ тяжбу. Когда дѣло было рѣшено, и вороны удалились, король сказалъ Александру: «О чадо, нынѣ тебѣ приказываю: никого отцомъ не зови, кромѣ меня, и дамъ за тебя дочь свою въ жену, и по моей смерти краль будешь въ Египтѣ». Проживъ въ Египтѣ три года, Александръ сталъ просить короля, чтобы тотъ отпустилъ его къ славившемуся своею мудростью цесарю, да еще бы «у него премудрости навъкъ». Король отпускаетъ Александра, но беретъ съ него слово, что онъ вернется: «Заклинаю же ты, да не замедлиши тамо, буди ко мнѣ и поими дочь мою».

Прибывъ къ цесарю, Александръ поступилъ къ нему на службу кравчимъ. Была у цесаря дочь, по имени Флорента, необыкновенная красавица. Однажды цесарь приказалъ Александру отнести обѣдъ Флорентѣ. «И Флорента видѣ и рече: кто ты еси? Александръ же сказася ей. Она же рече: Иже кто мя увидитъ, и тотъ умретъ. Алек-

³⁾ Передаю содержаніе повѣсти по тексту, данному Обществомъ любителей древней письменности (см. выше стр. 152. примѣч. 1).

сандръ же рече: Я и краше тебя видалъ, а не умирывалъ». Цесарь удивился, что красота дочери не поразила кравчаго, и съ этихъ поръ сталъ посылать его къ Флорентѣ.

«Нѣвкое время» прѣхалъ къ цесарю сынъ египетскаго короля, по имени Людовикъ. Молодой иностранецъ опредѣленъ былъ чашникомъ. Александръ и Людовикъ подружились и вступили въ братство названное. «Бѣ же Александръ съ Людвигомъ лицомъ и возрастомъ, власы и гласы приличны другъ другу и молвіемъ въ рѣчахъ во всемъ подобны, токмо мудростію другъ друга раздѣлены». Была еще разница въ томъ, что «Александръ бѣ зѣло мочень, а Людвигъ младъ и не мочень».

Свиданія королевской дочери съ кравчимъ не прошли безслѣдно. Флорента полюбила Александра и «хотѣ имѣти себѣ мужемъ, понеже быше храбръ и мудръ». Разъ Александръ попросилъ Людовика замѣстить его при цесарскомъ столѣ. При сходствѣ двухъ друзей цесарь не замѣтилъ, что ему служить не Александръ, и по обычаю послалъ кравчаго отнестн обѣдъ Флорентѣ. Красота королевны поразила Людовика: «видѣ красоту ея и смутися и нача скорбѣти о красотѣ ея, и приде въ домъ свой и ляже на смертной постелѣ». Александръ угадалъ причину болѣзни своего друга и вызвался ему помочь. Купивъ дорогой умывальникъ, золотой съ драгоценными камнями, Александръ передалъ его Флорентѣ отъ имени Людовика и открылъ красавицѣ страданія своего друга. Страданія эти не тронули, однако, Флоренты; она намекнула, что желала бы услышать о любви къ ней не Людовика, а Александра. Вѣрный другъ не обратилъ вниманія на этотъ намекъ. Онъ снова запасается дорогимъ подаркомъ («купи зеркало драгое») и снова ходатайствуетъ за брата названнаго. Ходатайство и на этотъ разъ остается безуспѣшнымъ. Только послѣ третьяго подарка («ларецъ драгій со многимъ различнымъ каменіемъ») красавица склонилась на просьбу страдавшаго поклонника. Начались ночныя свиданія Флоренты и Людовика.

Провѣдали объ этихъ свиданіяхъ цесаревы «дворяне» и задумали погубить удачливаго поклонника Флоренты. Они подстерегали Людовика на дорогѣ. Александръ, узнавъ объ опасности, угрожавшей его другу, напалъ на его недруговъ и избилъ ихъ.

«По днехъ же нѣкихъхъ приде Александру листъ о смерти короля Египецкаго». Александръ послѣшилъ въ Египеть, чтобы получить королевское наслѣдство. При прощаніи названный братъ подарилъ ему перстень «на воспоминаніе любви». Замѣстителемъ Александра въ званіи цесарева кравчаго явился Сидонъ, сынъ короля

Испанскаго. Онъ разсказалъ цесарю о свиданіяхъ Людовика и Флоренты. Призванный къ отвѣту Людовикъ обозвалъ Сидона клеветникомъ, за что и вызванъ былъ имъ на поединокъ. Страшно стало Людовику, потому что Сидонъ былъ «мужъ возрастомъ мочень». Флорента посовѣтовала своего поклоннику прибѣгнуть къ обману. «Иди борзо,—сказала она,—къ цесарю отцу моему и глаголи ему, еже отъ отца твоего къ тебѣ листъ пришелъ, что отецъ твой лежить на смертной постели и просися, иже бы отпустилъ отца навѣстить, а день битвѣ отсрочить, и егда ты цесарь отпустишь, ты же поѣди борзо ко кралою Александру и проси у него милости, дабы возстаніе учинилъ, тебѣ помогъ, пріѣхалъ, за тебя съ Сидономъ бился. Вѣмъ убо, что вы оба сличны; оприче меня никто васъ не знаетъ; аще ли се сотвориши, можеша смерти уйти и честь свою взяти». Людовикъ такъ и сдѣлалъ. Онъ прибылъ въ Египеть какъ разъ наканунѣ свадьбы Александра, но это обстоятельство не помѣшало вѣрному другу исполнить просьбу названнаго брата. «Азъ поѣду къ сроку,—сказалъ Александръ,—на день битвѣ, а ты въ мое мѣсто во Египтѣ буди кралемъ; вѣмъ убо, яко никто ты не познаеть за наше приличіе... и въ мое мѣсто поими жену мою и справляй, яко краль, егда же придеша на ложе зъ женою моею, буди въ вѣрѣ, не коснися ея».

Александръ отправился въ Египеть, а Людовикъ справилъ вмѣсто его свадьбу съ египетской королевой. Довѣріе друга не было обмануто: «вниде на ложе Людикъ съ кралевою и взя мечъ обнаженъ и положи межъ собою и кралевою, что тѣло его не дотыкалось до кралевы тѣла». Александръ прибылъ между тѣмъ къ цесарю и бился съ Сидономъ. «И поможе Богъ Александру, съѣче главу Сидону и несе ее къ цесаревнѣ. Цесаревна же, вземъ главу съ веселіемъ, и несе къ отцу своему и рече: Возми главу того, кто мя осрамоти и тебѣ лживо оклеветалъ, и мнѣ вдаи того въ мужа, которой за мя умиралъ и за мою срамоту невинную». Цесарь изъявилъ согласіе. Тогда мнимый Людовикъ, ссылаясь на болѣзнь отца, уѣхалъ, обѣщаясь скоро вернуться. Прибывъ въ Египеть, Александръ разсказалъ Людовику о своей поѣздкѣ и посовѣтовалъ другу поспѣшить къ Флорентѣ: «поѣди зъ Богомъ и служи цесарю и поими дщерь его». Людовикъ такъ и сдѣлалъ. Но, женившись на дочери римскаго цесаря, Людовикъ не остался у него на службѣ, а вернулся на родину и «королевствова во Израли».

Египетская королева не подозрѣвала, что въ первое время послѣ свадьбы дѣлила ложе не съ Александромъ, а съ его двойникомъ.

Поэтому мечь, которымъ отдѣлялъ себя Людовикъ отъ жены друга, оскорбилъ и разгнѣвалъ ее. Не догадываясь о перемѣнѣ, она перенесла свое недовольство и на возвратившагося Александра, хотя мечь не отдѣлялъ ее уже теперь отъ мужа. «Кралева же сама въ себѣ помысли: еже ты ми сотвори, азъ тебѣ то же учиню, и отъ тѣхъ мѣстъ нача любити нѣкоего рыцаря и нача съ нимъ мыслити, како бы убити его или окормити смертнымъ ядомъ. Во единъ же день дастъ она Александру зелья пяти. Александръ же нача пухнути и отрудоватѣль. Жена же его рече гражаномъ: Видите, яко краль мой трудовать, не можетъ королевства держати, вы же изрините его изъ королевства. И помалѣ изринуша его отъ королевства». Больной, изгнанный изъ Египта Александръ упросилъ нѣкоего боголюбиваго человѣка отвести его къ Людовику. Добравшись до королевскаго дворца, Александръ, когда настало время обѣда, обратился къ одному изъ слугъ съ просьбой: «Государю мой, иди къ цысарю и рци ему: убогій азъ для Бога и для египецкого короля Александра прошу его милости, иже бы азъ напился изъ того кубка, изъ котораго онъ самъ пьетъ». Кубокъ былъ принесенъ. Александръ опустилъ въ него перстень, который далъ ему Людовикъ. Израильскій король тотчасъ же узналъ свой подарокъ и приказалъ слугамъ смотрѣть за больнымъ, чтобы тотъ не ушелъ. По окончаніи обѣда Людовикъ призвалъ къ себѣ больного. Александръ открылся другу. Призваны были со всѣхъ странъ врачи, осмотрѣли больного и признали его неизлечимымъ. «Цысарь же слышавше велии смутися и повелѣ звати убогихъ и законниковъ, иже бы ся о немъ молили, а самъ цысарь уклонися такоже на молитву и постися довольно, иже бы далъ Господь здравіе кролю Александру». Молился и самъ Александръ. Разъ ночью онъ услышалъ голосъ: «Аще ли цысарь Лодвикъ убиетъ своихъ пяти сыновъ своими руками и кровь ихъ источить и тою кровію обмыешися, да будетъ плоть твоя, яко отрочате млада». Александръ не рѣшается передать это откровеніе своему другу. Спустя нѣсколько дней услышалъ голосъ и Людовикъ: «Что плачеша и молишися объ Александрѣ, вѣсть убо и самъ Александръ про себя, чѣмъ можетъ уздравленъ быти». Людовикъ настоялъ, чтобы Александръ открылъ ему возвѣщенное свыше средство исцѣленія. Узнавъ же страшную тайну, вѣрный другъ не задумался пожертвовать дѣтми для спасенія брата названнаго. Онъ искалъ только «подобна времени».

Разъ, когда Флорента была въ церкви, Людовикъ вошелъ въ комнату, гдѣ были дѣти. Убивъ ихъ, онъ собралъ кровь въ сосудъ и

принесъ ее Александру. Тотъ умылся кровью, и «ста тѣло его, яко отрочатъ, чисто». Флорента, узнавъ объ участи дѣтей, спокойно перенесла страшную вѣсть. Она вполне одобрила рѣшеніе мужа. «Благословенъ день той,—сказала она,—вонъже дѣти побихъ для Александра. Нынѣ же молю тя, дай ми его видѣти. Цысаръ же, поемъ ея, иде ко Александру. Флорента же видѣ Александра и паде отъ радости». Стали между тѣмъ готовиться къ похоронамъ дѣтей; пришли въ комнату, гдѣ онѣ были оставлены, и нашли ихъ живыми. «Флорентѣ, Людовику, Александру и всѣмъ людямъ бысть велия радость... и хваляху Бога, показавшаго имъ таковыя чудеса».

Собравъ войско, Людовикъ и Александръ двинулись въ Египеть. Измѣнница и ея «чужеложникъ» были взяты въ плѣнъ и казнены. Воцарившись снова въ Египтѣ, Александръ женился на сестрѣ Людовика. «Потомъ же помысли ѣхати ко отцу своему и матери своей, отъ которыхъ былъ вкинутъ въ море и посла къ нимъ посла своего, а велѣлъ имъ вѣсть учинить, что хоцетъ къ нимъ кразь прѣѣхати и столовати у нихъ». Когда король прибылъ къ отцу, «рыцаръ же поставилъ обѣдъ и предъ столомъ принесе ему воды на руки, а мати его полотенце; Александръ же видѣвъ то и усмѣхнулся и помысли въ сердцы своемъ соловьево воспѣваніе. Рече цысаръ: «Господине мой рыцаръ, что ми воду самъ подаешь на руки мои, или у тебя некому служити? И самъ тому разсмѣхнулся». Послѣ обѣда король сталъ разспрашивать рыцаря объ его семьѣ. Рыцаръ разсказалъ о сынѣ брошенномъ въ море. Александръ открылся: «Азъ вашъ сынъ, его же вкинуста въ море, и Богъ милосердіемъ своимъ изъ глубины морскія возстави и сотвори мя короля и государя Египту. Они же слышавше то убояшася и падша на землю и прошаху милости. Александръ же рече: не бойтеса, не будетъ злаго ничего, и объемъ цѣлова отца своего и матеръ, и паки рече имъ: «Идите во Египеть и царствуйте со мною». Пробывъ на родинѣ нѣсколько дней, Александръ отправился въ Египеть, взявъ съ собой и родителей своихъ».

Разсказъ о вѣрныхъ друзьяхъ, который повѣсть объ Александрѣ и Людовику сплетаетъ съ притчей о мудромъ юношѣ, извѣстенъ и въ отдѣльной обработкѣ, въ связи съ упомянутой притчей. Изъ ряда литературныхъ произведеній, въ которыхъ сохранилась эта отдѣльная обработка, слѣдуетъ прежде всего остановиться на пересказахъ старо-французской саги о двухъ друзьяхъ, именуемыхъ Amis и Amiles, Amicus и Amelius (=Omelius) ¹⁾. Эти пересказы восхо-

¹⁾ Въ концѣ XI вѣка французскій монахъ Радульфъ (Radulphus Tortarius)

дять до XI вѣка. Въ виду того, что содержаніе саги повторяется въ переданной уже повѣсти, внесенной въ Книгу о семи мудрецахъ, нѣтъ надобности останавливаться на всѣхъ подробностяхъ сказанія объ Amis и Amiles. Ограничусь лишь припоминаніемъ общей послѣдовательности этого сказанія, какъ оно передается въ *chanson de geste*.

Два друга, Amis и Amiles, вступаютъ въ ряды дружинниковъ Карла Великаго ¹⁾, принимаютъ участіе въ его походахъ, одерживаютъ нѣсколько блестящихъ побѣдъ. Одинъ изъ удалцовъ, Amis, женится на племянницѣ важнаго сановника Hardré и удаляется отъ двора. Amiles остается у Карла. Дочь императора Belissant полюбила Амелія и встрѣтила взаимность. Молодые люди отыскали возможность увидѣться и отдаться своему чувству. Hardré доноситъ объ этомъ Карлу. Амелій называетъ доносъ клеветой и вызываетъ Hardré на поединокъ. Не довѣряя, однако, своимъ силамъ и опасаясь, что судъ Божій не оправдаетъ его, Амелій рѣшается обратиться за помощью къ своему другу. Поразительное сходство Amis'a и Amiles'a дозволяетъ имъ замѣстить одинъ другаго. Amis соглашается исполнить просьбу пріятеля, бьется на поединкѣ съ Hardré и побѣждаетъ его. Amiles въ это время остается въ домѣ друга, жена котораго принимаетъ его за своего мужа. Ночью мнимыхъ супруговъ раздѣляетъ

въ одномъ изъ своихъ посланій (*Epistolae ad diversos*) пересказалъ сагу de Amico et Amelio, какъ одинъ изъ примѣровъ вѣрной дружбы. Радольфъ замѣчаетъ, что сага пользовалась въ его время значительной распространенностью:

*Historiam Gallus, breviter quam replico, novit,
Novit in extremo littore Saxo situs.*

Отъ XI—XII вѣка дошла *Vita sanctorum Amici et Amelii*. Позже это житіе было пересказано Винцентіемъ Бовэ (въ *Speculum historiale*, lib. XXIV) и Альберикомъ Триумъ фонтиумъ (въ его хроникѣ). Къ XII—XIII вѣку относятся: *chanson de geste* и прозаическій рассказъ: *Li amities de Ami et Amile*. Въ XIV вѣкѣ легенда объ этихъ друзьяхъ обработана была въ драматической формѣ (*Miracle de Nostre Dame d' Amis et Amile*). Въ XV и XVI вѣкахъ появились прозаическіе рассказы, имѣющіе заглавіе «романъ» и «исторія» (*Histoire des deux vaillants chevaliers Amis et Amiles*). Извѣстны, кромѣ того, англійскій итальянскій, исландскій-нѣмецкій пересказы этой саги. Указаніе всѣхъ вариантовъ можно найти въ книгѣ К. Hofmann'a: *Amis et Amiles und Jourdain de Blayvies* (первое изд. 1852, второе 1882). Ср. Grässe, *Allg. Literärgeschichte* II, 3, 348—350; Keller, *Li romans des sept sages*, предисл., стр. ССXXXII; Dunlop-Liebrecht, *Geschichte der Prosa-dichtungen*, S. 478, Anm. 213 a; L. Gautier, *Les épopées francaises*, I, p. 463—473 (по 2 изд.), P. Schwieger, *Die Sage von Amis und Amiles* (*Jahresbericht über das K. Friedrich-Wilhelms-Gymnasium zu Berlin*, 1885).

¹⁾ Въ „Vita“ Amicus—thesaurarius, a Amelius—dapiferъ Карла.

мечъ ¹⁾. Послѣ счастливо окончившагося поединка роли мѣняются: Amis возвращается къ своей женѣ; Amiles выступаетъ побѣдителемъ и получаетъ руку принцессы.

Спустя нѣкоторое время Amis'a постигло несчастье. Онъ заболѣлъ проказой и принужденъ удалиться изъ своего дома. Послѣ долгихъ блужданій онъ прибылъ къ Amiles'у, который узналъ несчастнаго друга и пріютилъ его у себя. Средство исцѣленія прокаженнаго указано свыше: Amiles долженъ убить своихъ дѣтей и кровью ихъ обмыть больнаго. Въ душѣ Амелія борются чувства привязанности къ дѣтямъ и состраданія къ другу. Последнее чувство побѣдило. Дѣти убиты. Кровь ихъ вылѣчила Amis'a. Жертва любви не осталась безъ награды: дѣти чудомъ возвращены къ жизни.

Вмѣсто именъ Amis и Amiles, Александра и Людовика въ нѣкоторыхъ пересказахъ саги о двухъ друзьяхъ встрѣчаются иныя имена: Engelhard и Dietrich, Olivier и Artus, Loher и Maller ²⁾. Очевидно, одна и таже основная сага развѣтвилась на нѣсколько версій, при чемъ преимущество древности остается несомнѣнно за сказаніемъ de Amico et Amelio.

Гдѣ сложилось это сказаніе? Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей саги, Швигеръ, настаиваетъ на ея западномъ, европейскомъ происхожденіи: «Ueberschant man die vielfachen Wandlungen, welche die Sage durchgemacht hat... so ergiebt sich zunächst, dass die Amis-Sage, so wie sie seit dem 11 Jahrhundert auftritt und das ganze Mittelalter durchzieht, keinerlei Beziehungen zu den Fabeln des Orients aufweist, sondern durchaus für das Abendland in Anspruch zu nehmen ist ³⁾. Швигеръ обращаетъ при этомъ вниманіе на сходство старо-французскаго преданія съ сагой о Нибелунгахъ. Da bietet nun eine Vergleichung der Amis-Sage mit den Nibelungen übertra-

¹⁾ Мечъ, отдѣляющій мнимыхъ супруговъ, извѣстенъ по Нибелунгамъ и по цѣлому ряду позднѣйшихъ повѣствованій (ср. *Dunlop-Liebrecht*, op. cit., 515), находимъ этотъ мечъ и въ народныхъ сказкахъ (*Авантюръ*, Сказки, IV, стр. 159). Есть указанія на бытовое значеніе этого эпическаго обычая (*Grimm*, *Deutsche Rechtsalterthümer*, SS. 169—170).

²⁾ Енгельгартъ и Дитрихъ выступаютъ въ повѣсть Конрада Вюрцбургскаго (XIII вѣка): Engelhart und Engeltrut (изд. Haupt'омъ). Olivier и Artus—старо-французская повѣсть, извѣстная и въ нѣмецкой передѣлкѣ. Loher und Maller появляются въ нѣмецкомъ разсказѣ, основанномъ на французскомъ оригиналѣ. (*F. Bobertag*, *Geschichte des Romans I*, 69—78). Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ повторяется тоже основное содержаніе, которое извѣстно и по пересказамъ саги объ Amis и Amiles.

³⁾ Op. cit. 82.

schende Anhaltspunkte und Beweise dafür, dass der Kern der Sage viel älter ist als die Zeit Karls des Grossen und bis auf die ältesten Ueberlieferungen der Germanen zurückgeht. Schon Loiseleur wies auf gewisse Anklänge der Amis-Sage an die nordische Sage von Sigurd und seinem Waffengefährten Gunar hin, und Mone hat ihr mit Recht deutschen Ursprung zugeschrieben ¹⁾. Cara o Нибелунгахъ приурочилась къ историческимъ преданіямъ франковъ, соотвѣтствующая ей saga объ Amis и Amiles локализовалась въ Бургундіи. Wir haben es in der Amis-Sage nicht mit orientalischer Sage, auch nicht etwas mit keltischer Ueberlieferung oder mit Entlehnung aus dem klassischen Alterthume... zu thun, sondern mit einer ursprünglich deutschen Ueberlieferung, und zwar, da sowohl Clermont in der Auvergne als auch Bourges in Berry zum alten Königreich Burgund gehörten, mit einer burgundischen Stammes-Sage, die sich im Laufe der Zeit in durchaus eigentümlicher und erheblich abweichender Gestalt neben der verwandten fränkischen Sage von den Nibelungen entwickelt hat ²⁾. Исследователь не можетъ, однако, не признать, что въ этой «бургундской сажѣ» сквозятъ заходяія идейно-литературныя вліянія. Die burgundische Sage steht von vorn herein unter dem mächtigen Einflusse der christlichen Religion, ihre Helden werden zu Märtyrern erhoben. Der Kindermord zeigt deutliche Anlehnung an Isaaks Opfer, und nur verstohlen klingt der alte Aberglaube von der Wunderkraft unschuldigen Blutes als eine Erinnerung aus der Heidenzeit in die christliche Darstellung hinein ³⁾.

Присутствіе заходящихъ литературныхъ мотивовъ въ сажѣ объ Amis и Amiles давно предположено было Гриммомъ ⁴⁾. По его мнѣнію saga принадлежитъ къ числу сказаній, зашедшихъ на западъ изъ греческой и византийской литературы. Знаменитый филологъ обратилъ при этомъ вниманіе на имя Amelius или *Omelius*. Эту послѣднюю форму Гриммъ сближалъ съ греческимъ ομηλικός, familiaris famulus.

Нѣкоторымъ подтвержденіемъ догадки Гримма могутъ служить разказы, встрѣчающіеся въ литературахъ, входившихъ въ районъ

¹⁾ Ibid., 34.

²⁾ Ibid., 36. Клермонъ—родина Amis'a, а Буржь—Amiles'a (по chanson de geste.)

³⁾ Ibid., 36. Amicus и Amelius пали въ битвѣ, принимая участіе въ войнахъ Карла Великаго съ лангобардскимъ королемъ Дезидеріемъ. Война начата была по просьбѣ папы Адріана.

⁴⁾ Въ предисловіи къ изданію поэмы Гартмана von Aue: Armer Heinrich.

византийскаго культурнаго вліянія,—разказы, сходные по составу съ преданіями объ Amis и Amiles. Я имѣю при этомъ въ виду старорусскую повѣсть о милостивомъ купцѣ и одну изъ грузинскихъ сказокъ.

Полное заглавіе русской повѣсти такое: «Слово о христороби-вомъ купцѣ, ему же сотворя бѣсъ напасть, милостыни его не терпя, благый же Богъ добродѣтели его ради отъ недуга исцѣли, и дѣтища заколеннаго его ради чудодѣя въскреси»¹⁾. Купецъ, о которомъ разсказываетъ «слово», былъ человѣкъ благовѣрный и милостивый: «елико убо Богъ даеше ему, то все убогымъ раздаваше». Однажды, во время торговою поѣздки, онъ остановился въ гостинницѣ. Пришелъ туда нищій и попросилъ милостыни. Купецъ отправилъ весь свой товаръ впередъ, и потому ничего не могъ дать бѣдняку, кромѣ обѣщанія оставить для него подарокъ въ слѣдующій пріѣздъ. «Глагола нищій: како убо приходъ твой въдомъ будетъ мнѣ? Купецъ же рече: в ты дни ожидай мене; аще ли тогда не обратиши мене, и показа ему дѣску, лежащу ту, и рече къ нищему: что ми Богъ повелитъ, подъ сею положю дскою, ты же възми, яже обратиши, и моли о мнѣ Бога» Купецъ не могъ прибыть въ назначенное имъ время. Нищій, не зная объ этомъ, пришелъ къ гостинницѣ, поднялъ указанную доску и нашелъ подъ ней «сокровище злата». Накупивъ себѣ всякаго добра, бывшій бѣднякъ «поятъ себѣ жену отъ велможъ и начатъ жити славно». Спустя нѣкоторое время «приде онъ благовѣрный купецъ и, бывъ на мѣстѣ, въспомяну нищаго, и въземъ злато въ руку, възхотѣ положить под ону дску, якоже обѣщася нищему, и порази его духъ лукавый, и паде нанъ язва зла отъ ногу и до главы, якоже на блаженнаго Іова; и раздаа все имѣніе врачемъ, и нача самъ, яко единъ отъ нищихъ ходя, просити милостыни, и приде в домъ сего богатаго, бывшаго прежде нищаго». Богачъ пріютить у себя больнаго, приглашалъ врачей, но ни одинъ изъ нихъ не могъ

¹⁾ Памятники старинной русской литературы, вып. I, стр. 117—118: легенда объ умерщвленномъ младенцѣ (по списку XVI вѣка). Легенда помѣщалась въ прологъ подъ 28-мъ октября; встрѣчается она и въ поучительныхъ сборникахъ инаго состава. Въ «Златой Матицѣ» (рукоп. Погод. древнехран., № 1024, л. 318 об.) Слово о купцѣ помѣщено, какъ чтеніе, пріуроченное къ понедѣльнику первой недѣли по Богоявленіи. Г. Драгомановъ въ статьѣ «Славянскитѣ сказанія за пожертвование собственно дѣте» (Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина, кн. I) сопоставляетъ (стр. 81—83) легенду съ тѣмъ кругомъ сказаній, представителемъ котораго можетъ служить стихъ о женѣ-милосердой. Сходство сопоставляемыхъ сказаній очень отдаленное, почему и самое сопоставленіе терять въ нѣкоторой мѣрѣ историко-литературный интересъ.

исцѣлить страшнаго недуга. «Послѣди же всѣхъ инъ врачъ прииде, глаголя: ничимъ же възможете. страсти тоа исцѣлити, но аще кто зарѣжетъ младенць первенець и тою кровію помажетъ отъ главы и до ногу, и будетъ здравъ болный. И положи си богатый на сердце, быше бо у него младенць первенець, помысли заклати младенца сдравиа ради недужна. Печаше бо ся велми о того спасеніи за многую любовь. Искаше времени, да без матере младенца заколетъ; обрѣте же часъ, егда жена его в баню иде мытиса, видѣ своего младенца на ложи спяща покровенна, и с тщаніемъ притече закла и, и источи кровь в лохань, и паки вложи мертваго младенца и покры и, и поимъ болящаго на мѣсто скровно, и сволкъ его, и постави на мѣстѣ нага, и вземъ кровь младенца, помаза его по всему тѣлу отъ главы и до ногу, и абіе здравъ бысть болный, якоже исперва». Когда мать вернулась изъ бани, она подошла къ кроваткѣ ребенка, и «егда откры лице младенца, и нача по обычаю дѣтя верещати. Слышавъ же отецъ притече къ дѣтищю ужасенъ и видѣ своего дѣтища жива, егоже бѣ заклалъ исцѣленія ради болнаго, и прослави Бога, таковая створша чюдеса, яко болнаго исцѣли, мертваго възскреси. Се же бысть обою вѣры ради и милостыня ради и любви».

Грузинская сказка сходнаго содержанія помѣщена въ сборникѣ Орбелиани. Привожу текстъ этой сказки по переводу проф. Цагарели: «У подошвы Бонлиской горы, гдѣ проходила дорога, построили одинъ хорошій постоялый дворъ; тамъ же жилъ содержатель этого двора. Онъ былъ такой человекъ, что всякаго путешественника принималъ, давалъ даромъ ночлегъ, ѣсть, пить, для лошади ячмень, солону; не бралъ платы за это и отправлялъ на слѣдующій день. Прибылъ одинъ большой караванъ и остановился тамъ. Онъ хорошо угостилъ ихъ ночью. Въ ту ночь пошелъ такой снѣгъ, что прервалъ сообщеніе въ горахъ, караванъ не могъ ни переправиться черезъ гору, ни воротиться назадъ. Караванъ остался въ томъ постояломъ дворѣ. Содержатель его ничего не позволялъ издерживать, и людей и верблюдовъ содержалъ онъ на собственный счетъ. Богатый купецъ (владѣлецъ каравана) и содержатель постоялаго двора сошлись близко. Купецъ спросилъ его: «есть у тебя сынъ?» Содержатель двора отвѣтилъ ему: не имѣю». У него былъ сынъ; но оказалось, онъ его не показывалъ потому, что онъ былъ прокаженный, думая: «моему гостю будетъ непріятно видѣть его, и мои увеселенія не понравятся ему больше». Онъ сына не выпустилъ на дворъ до тѣхъ поръ пока купецъ не уѣхалъ. Настала весна, открылось сообщеніе въ горахъ. Этотъ богатый купецъ уѣхалъ признательнымъ и старался отпла-

тить ему за это. Послѣ того содержатель постоялаго двора выпустилъ сына. Этотъ разсердился на отца и сказалъ ему: «такъ какъ ты меня ненавидишь, то уйду отсюда». Онъ погнался за караваномъ и догналъ его. Богачъ купецъ спросилъ его: «кто ты такой?» Этотъ сказалъ ему: «я сынъ содержателя постоялаго двора; онъ тебѣ сказалъ, что не имѣетъ сына, думая, что ты пожелаешь видѣть меня, и, такъ какъ я уродъ, то, быть можетъ, ничего бы не понравилось тебѣ. Теперь я разсердился на него и ушелъ, или найду гдѣ нибудь исцѣленіе, или пропаду». Купецъ далъ ему клятву, говоря: «если можно будетъ помочь чѣмъ нибудь, то помогу». Онъ его взялъ съ собой и отправился. Прибылъ домой; приказалъ привести врача. Тотъ не нашелъ никакого средства вылечить его. Одинъ врачъ сказалъ ему: «Если отецъ добровольно отдастъ единственнаго двухлѣтняго сына красиваго и добраго, закладъ, обогреть его кровью, этимъ онъ вылечится». Купецъ опечалился. Кто бы согласился дать ему сына? Оказалось, что у этого купца былъ такой сынъ, больше никакого не было. Онъ сказалъ такъ: «если не отдамъ на закланіе сына моего, то чѣмъ я могу отплатить за услуги, оказанныя мнѣ его отцомъ?» Жену онъ обманомъ отправилъ въ гости къ другимъ, остался дома онъ одинъ, закололъ своего сына и обогрять его кровью прокаженнаго. Тотчасъ же отпала съ него кожа, какъ древесная кора, и онъ выздоровѣлъ. Мертваго ребенка купецъ положилъ въ люльку и прикрылъ простыней. Въ гостяхъ жена купца почувствовала жжогу въ сосцахъ и животѣ; прибѣжала и сказала мужу: «у меня сосцы болятъ, не случилось ли чего съ ребенкомъ?» Мужъ сказалъ ей: «что же могло случиться? Онъ себѣ спитъ хорошо». Подошла мать и дала грудь ребенку. Этотъ взялъ ее въ ротъ и сталъ сосать! Она его вынула изъ люльки здороваго такъ, что ребенокъ сталъ смѣяться и ласкаться къ ней. На шеѣ у ребенка было что-то такое, какъ золотой ободокъ. Она позвала мужа, говоря: «что это такое?» Мужъ, увидѣвъ ребенка живымъ, пальницею, воздалъ благодареніе Богу и рассказалъ женѣ все случившееся» ¹⁾).

Въ сказкѣ перемѣщены нѣкоторыя подробности: заболѣвшимъ представляется не странствующій купецъ, какъ въ русскомъ разсказѣ, а сынъ содержателя гостинницы; купецъ жертвуетъ своимъ ребенкомъ для спасенія больнаго. При этихъ незначительныхъ раз-

¹⁾ Книга мудрости и лжи (Грузинскія басни и сказки XVII—XVIII стол.). Саввы Сулхана Орбелиани, пер. *Ал. Цагарели*, С.-Пб., 1878, стр. 136—138.

ницахъ главное, основное содержаніе грузинской сказки вполне совпадаетъ съ нашей повѣстью о христолюбивомъ купцѣ. Есть и западная легенда, близкая по содержанію къ русско-грузинскому сказанію. Легенда рассказываетъ о молодомъ человѣкѣ, отправившемся на богомолье въ Компостеллу ¹⁾. Дорогою онъ познакомился и подружился съ другимъ пилигримомъ, направлявшимся также на поклоненіе мощамъ св. Іакова. Путешественники уговорились идти вмѣстѣ. Во время пути одинъ изъ нихъ умеръ (ваг. убитъ) ²⁾. Спутникъ устроилъ носилки и принесъ мертваго въ Компостеллу. Совершилось чудо: по молитвѣ св. Іакова мертвый воскресъ. Пилигримы пустились въ обратный путь и вскорѣ разстались: каждый вернулся на свою родину. Прошло нѣсколько лѣтъ. Странникъ, носившій мертвеца, заболѣлъ проказой и нашелъ себѣ пріютъ въ домѣ воскресшаго. Тайственный голосъ (ваг. совѣтъ пустытника или врача) указываетъ больному средство исцѣленія—дѣтскую кровь. Бывшій товарищъ по путешествію, узнавъ объ этомъ, убиваетъ свое дитя (ваг. двухъ дѣтей) и кровью мажетъ больнаго. Прокаженный выздоравливаетъ. Дѣти ожили.

Въ легендѣ, какъ и въ русско-грузинской повѣсти, исцѣленіе кровью связывается съ рассказомъ о путешествіи, о дорожной встрѣчѣ. Особенности легенды объясняются приуроченіемъ ея къ кругу сказаній о чудесахъ св. Іакова ³⁾.

¹⁾ Известно нѣсколько пересказовъ легенды на французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ языкахъ. Французскій вариантъ носитъ заглавіе: *Le dit des trois rommes*. Заглавіе объясняется вступительной подробностью, не повторяющейся въ другихъ пересказахъ: отецъ юнаго пилигрима даетъ ему передъ отправленіемъ въ путь три яблока; если встрѣтятся странники, идущіе также въ Компостеллу, юноша яблоками можетъ испытать ихъ: кто возьметъ яблоко и не подыметъ—человѣкъ, которому довѣрять нельзя; кто возьметъ и подыметъ, съ тѣмъ стоитъ познакомиться и вмѣстѣ продолжать путь. Подобная же подробность встрѣчается въ упомянутой выше повѣсти Конрада Вюрцбургскаго: *Engelhard*. Обзоръ пересказовъ легенды см. въ статьѣ *R. Köhler'a: Die Legende von den beiden treuen Jacobsbrüdern (Germania, X, 1866, S. 447—455)*, *L. Gautier* причисляетъ *Le dit de trois rommes* къ ряду пересказовъ саги объ *Amis* и *Amiles*. По его опредѣленію, *Le Dit—Complainte populaire où la fiction est étrangement défigurée* (*Les épopées françaises, I, 471*). Такое опредѣленіе требуетъ, конечно, доказательствъ.

²⁾ Замѣчательно, что въ старѣйшемъ пересказѣ легенды (*Le Dit*) убійство странника связано съ посѣщеніемъ гостиницы. Юноша, слѣдуя совѣту отца, останавливается въ ея гостиницѣ. *Ne prens pas, —говоритъ отецъ,—autre hostel au chemin que le mien*. На что именно намекаетъ это выраженіе, легенда не объясняетъ.

³⁾ Такихъ сказаній известно не мало (см. *Acta Sanctorum Julii, tom VI, p. 47—68*).

Общая основа всѣхъ приведенныхъ выше разсказовъ—широко распространенное повѣрье о лечебныхъ свойствахъ человѣческой, преимущественно дѣтской крови ¹⁾. Считалось особенно полезнымъ употребленіе крови именно при проказѣ. По свидѣтельству Плинія. *Aegypti peculiare hoc malum et cum in reges incidisset, populis funebre: quippe in balineis solia temperabantur humano sanguine ad medicinam eam* (Н. Н. 26. 5). По еврейскому преданію, египетскій фараонъ, пораженный проказой, лѣчился ваннами изъ дѣтской крови. для чего отбирали дѣтей у евреевъ. Господь, внимая плачу Израиля, исцѣлилъ фараона. Сходное по основѣ преданіе приурочивалось къ имени Константина Великаго. Когда онъ заболѣлъ проказой, жрецы посоветовали ему выкупаться въ крови дѣтей. Человѣколюбивый Константинъ отвергъ это предложеніе; Господь исцѣлилъ его водою крещенія. О папѣ Иннокентіѣ VIII разсказывали, будто бы какой-то врачъ совѣтывалъ ему лечиться дѣтской кровью. Ипотребленіе крови, какъ лечебнаго средства, приписывалось также Людовику XI. Подобные разсказы ходили во Франціи даже въ XVIII вѣкѣ: былъ слухъ, что Людовикъ XV для восстановленія силъ бралъ ванны изъ дѣтской крови. Мнѣніе о цѣлебномъ свойствѣ крови повторялось, какъ преданіе старины, и въ ученой литературѣ. *Ab antiquo receptum est, — писалъ Бэконъ, — balneum ex sanguine infantium sanare lepram et carnes jam corruptos restituere, adeo ut hoc ipsum fuerit regibus quibusdam invidiae apud plebem* ²⁾.

¹⁾ Съ дѣтской кровью соединялось представленіе о чистотѣ, невинности. Вѣрили, что сила этой непорочной жизни можетъ обновить и исцѣлить пораженное нечистотой и разрушающееся тѣло. Поэтому же, кромѣ дѣтской крови, повѣрье указывало также на кровь дѣвственницъ, какъ на сильное цѣлебное средство. На этой именно равнозначности повѣрья основанъ разсказъ Германа von Aue о „бѣдномъ Генрихѣ“ (Armer Heinrich). Швабскій рыцарь Генрихъ заболѣлъ проказой. Врачъ изъ Салерно, осмотрѣвъ больнаго, нашелъ, что недугъ можетъ быть исцѣленъ только кровью молодой дѣвушки (der magei herzen blut), Дочь одного изъ „вольныхъ земледѣльцевъ“ (ein frler bûman) жившихъ на землѣ рыцаря, согласилась пожертвовать собой для пользы ближняго. Врачъ готовъ уже открыть ей кровь, но Господь оцѣнилъ ея милосердіе и простилъ рыцаря, очистивъ его отъ проказы. Въ Исторіи Св. Граля (Histoire du S. Graal) разсказывается о женщинѣ, заболѣвшей проказой: для ея исцѣленія нужна кровь дѣвушки, qui fust vierge en volenté et en oeuvre.

²⁾ Я привелъ лишь нѣсколько указаній. Обильный матеріалъ извѣстій и преданій, касающихся леченія кровью, можно найти въ сочиненіяхъ: Die Symbolik des Blutes und „Der arme Heinrich“ von Hartmann von Aue (Berlin. 1882) v. P. Cassel (гл. IX, стр. 158—186: von der Heilung des Aussatzes durch Blut); Hartmanns Armer Heinrich mit Anmerkungen und Abhandlungen von W. Wacker-

Проникая въ область литературнаго творчества, преданіе о дѣтубійствѣ, кромѣ знакомыхъ уже намъ сочетаній, сплетались и съ иными эпическими подробностями. Примѣромъ такого сплетенія можетъ служить народная сказка, въ которой картина дѣтубійства соединяется съ разсказомъ о женитьбѣ сказочнаго героя на чудной красавицѣ. Въ русскомъ вариантѣ герой сказки ¹⁾—Иванъ-царевичъ, добывающій себѣ невѣсту, живущую за тридцать земель въ тридцатомъ государствѣ. Ивану помогаетъ Булатъ-молодецъ. Завладѣвъ красавицей, Иванъ и Булатъ возвращаются домой. Настала ночь. Василиса Кирбитьевна и царевичъ уснули. Булатъ стережетъ ихъ. «Въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло и сдѣлались двѣнадцать дѣвицъ.» Дѣвицы предсказываютъ бѣду: «какъ прійдетъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести свою собачку любимую, она вырвется у псаря и разорветъ царевича на мелкія части, а кто это слышитъ да ему скажетъ, тотъ по колѣна будетъ каменной». Въ слѣдующую ночь слышится предсказаніе о конѣ, который вырвется у конюха и убьетъ царевича, а въ третью ночь—о коровѣ, которая подниметъ царевича на рога. Когда царевичъ вернулся домой, онъ приказалъ привести свою любимую собачку, потомъ—коня, наконецъ—корову. Булатъ убиваетъ животныхъ. Разгѣванный царевичъ приговариваетъ его къ казни. Булатъ объясняетъ свои дѣйствія. «Разсказалъ Булатъ-молодецъ про первую ночь, какъ въ чистомъ полѣ прилетали двѣнадцать голубицъ и что ему говорили, и тотчасъ окаменѣлъ по колѣна; разсказалъ про другую ночь—окаменѣлъ по поясъ... Разсказалъ про третью ночь, и оборотился весь въ камень. Иванъ-царевичъ поставилъ его въ особой палатѣ и каждый день сталъ ходить туда съ Василисой Кирбитьевной да горько плакаться. Много прошло годовъ; разъ какъ-то плачется Иванъ-царевичъ надъ каменнымъ Булатомъ-молодцомъ и слышитъ,—изъ камня голосъ раздается: «что ты плачешь? мнѣ и такъ тяжело!»—Какъ мнѣ не плакать? вѣдь я тебя загубилъ.—«Если хочешь,

nage], herausg. v. W. Toischer (Basel, 1885), стр. 162—199 (Ausatz und dessen Heilung innerhalb der Geschichte), 199—206 (Sagenhafte Ausbildung und Anwendung des geschichtlichen Stoffes, der mit dem Ausatz und dessen üblicher und vermeintlicher Heilung durch unschuldiges Blut gegeben war), Ср. еще Der Blutaberglaube in der Menschheit von H. L. Strack, 4 Aufl. (1892). SS. 20—24. Сочиненіе—полемическое, направленное противъ извѣстнаго обвиненія евреевъ въ обрядовомъ употребленіи крови.

¹⁾ *Аванасыевъ*, Сказки, кн. 1, № 93, вар. с. стр. 463—472. Ср. Народныя сказки, собр. сельскими учителями изд. *Эрленгейна*, № XII, стр. 50—72; Труды этногр. статист. экспедиціи въ Юго-Западный край, т. II, № 80, стр. 308—322.

можешь меня спасти: у тебя есть двое дѣтей—сынъ да дочь, возьми ихъ, зарѣжь, нацѣди крови и той кровью помажь камень». Иванъ-царевичъ рассказываетъ про то Василисъ Кирбитьевнѣ, потушили они, погоревали и рѣшились зарѣзать своихъ дѣтей. Взяли ихъ, зарѣзали, нацѣдили крови и только помазали камень, какъ Булатъ-молодецъ ожилъ. Спрашиваетъ онъ у царевича и его жены: «что вамъ жалко своихъ дѣтокъ?»—Жалко, Булатъ-молодецъ!»—Ну, пойдите въ ихъ комнатку». Пришли, смотреть, а дѣти живы. Отецъ съ матерью обрадовались и на радостяхъ задали пиръ на весь мѣръ».

Въ нѣмецкомъ пересказѣ ¹⁾ рѣчь идетъ о королѣ, который по портрету влюбился въ красавицу, живущую въ златоверхомъ теремѣ (die Königstochter vom goldenem Dache). Влюбленный и его вѣрный слуга, der treue Johannes, снаряжаютъ корабль и отправляются подъ видомъ купцовъ въ ту страну, гдѣ жила красавица. Королева завлечена на корабль и увезена. Во время обратнаго пути Іоаннъ подслушиваетъ разговоръ трехъ вороновъ, которые предсказываютъ королю бѣду. По приѣздѣ домой вѣрный дядька дѣйствуетъ также рѣшительно, какъ и нашъ Булатъ, и подобно Булату же превращается въ камень. Изъ камня послышался голосъ: король долженъ убить своихъ дѣтей, кровь ихъ вернуть къ жизни вѣрнаго слугу. Der König erschrock, als er hörte, dass er seine liebsten Kinder selbst tödten sollte, doch dachte er an die grosse Treue und dass der getreue Johannes für ihn gestorben war, zog sein Schwert und hieb mit eigenen Hand den Kindern den Kopf ab. Uud als er mit ihrem Blute den Stein bestrichen hatte, so kehrte das Leben zurück, und der getreue Johannes stand wieder frisch und gesund vor ihm. Er sprach zum König: «deine Treue soll nicht unbelohnt bleiben», und nahm die Häupter der Kinder, setzte sie auf, und bestrich die Wunde mit ihrem Blut, davon wurden sie im Augenblick wieder heil, sprangen herum und spielten fort, als wär ihnen nichts geschehen.

Измѣняя подробности, сказка удерживаетъ, однако, эпическую схему, новторяющуюся и въ сагѣ объ Amis и Amiles и въ цѣломъ рядѣ сходныхъ съ нею повѣстей: король, герой сказки, овладѣваетъ красавицей при помощи преданнаго человѣка; за эту услугу королю приходится расплачиваться кровью своихъ дѣтей; дѣти возвращаются къ жизни. Замѣчательно, что въ одномъ изъ нѣмецкихъ вариантовъ сказки преданный дядька замѣняется вѣрнымъ другомъ. Es ist offen-

¹⁾ Grimm, Märchen, № 6: Der treue Johannes (стр. 23—30).

bar die Sage von den treuen Freunden, dem Amicus und Amelius, замѣчаетъ по поводу этой сказки Гриммъ ¹⁾).

III.

Въ повѣсти объ Александрѣ и Людовикѣ рассказъ о мудромъ мальчикѣ, предсказавшемъ свое величіе, соединяется съ преданіемъ объ исцѣленіи проказы человѣческой кровью. Въ области народныхъ сказокъ этотъ рассказъ объ юномъ мудрецѣ встрѣчается въ **иныхъ** и при томъ неодинаковыхъ сочетаніяхъ. Поэтому составъ сказки представляетъ въ вариантахъ значительное разнообразіе.

а) Мордовская сказка ²⁾. Герой сказки — мальчикъ, отданный отцомъ въ ученіе какому-то мудрому старцу. Срокъ ученія — три года. Мальчикъ успѣлъ въ это время научиться **всѣмъ** человѣческимъ языкамъ, потомъ языку животныхъ; наконецъ — языку птицъ. По истеченіи срочныхъ лѣтъ отецъ пришелъ за сыномъ, но встрѣтилъ при этомъ неожиданное затрудненіе. Оказалось, что мальчикъ можетъ вернуться домой только въ томъ случаѣ, если отецъ узнаетъ его въ образѣ сокола, голубя и т. п. При помощи сына отецъ выдерживаетъ испытаніе, узнаетъ свое чадо милое во **всѣхъ** превращеніяхъ. Желая съ своей стороны испытать сына, отецъ потребовать разъ, чтобы мальчикъ объяснилъ ему, что говорить воронъ. Юный мудрецъ сначала отказывается, но послѣ настойчивыхъ требованій объясняетъ, что воронъ говорить, будто настанетъ пора, когда отецъ будетъ пить воду съ ногъ сына. Старикъ разсердился и прогналъ сына. Юноша поступаетъ на службу къ нѣкому царю; успѣваетъ оказать ему важную услугу и получаетъ за это руку царевны ³⁾. Обидѣвшій отецъ царскаго зятя приходитъ къ нему за милостыней, но не узнаетъ въ немъ своего сына. Старикъ принять былъ радушно. Ночью онъ захотѣлъ пить и взялся за чашку, въ которой, какъ оказалось, сынъ его мылъ ноги. Царскій зять замѣтилъ

¹⁾ Ibid., III B. (Anmerkungen), S. 18.

²⁾ *Ahlquist*, Versuch einer Mokscha-Mordwinischen Grammatik (Пб. 1861), SS. 97—107.

³⁾ Услуга такая: царь отправился на войну; понадобились ему какія-то бумаги, оставленные дома; юноша вызвался доставить ихъ въ необыкновенно короткое время. На обратномъ пути онъ, почувствовавъ утомленіе, прилегъ и уснулъ. Нѣкій коварный генералъ воспользовался этимъ, чтобы выдать себя за исполнителя царскаго порученія: онъ убилъ юношу и захватилъ бумаги. Обманъ, однако, былъ обличенъ, а вѣщій юноша возвращенъ къ жизни.

движеніе старика, удержалъ его отъ питья и открылся ему. Отецъ остался жить у возвеличившагося сына. Перебралась къ нему и мать.

б) Мазурская сказка ¹⁾. Богатый купецъ отдалъ своего единственнаго сына въ ученіе челоѣку, который зналъ языкъ птицъ. Спустя опредѣленное время, юноша вернулся домой. Однажды отецъ и мать услышали, что сынъ ихъ разговариваетъ съ жаворонкомъ. По требованію родителей, юноша открываетъ, что говорила ему птичка: «Будешь богатъ; мать будетъ мыть тебѣ ноги, а отецъ вышьетъ воду съ твоихъ ногъ». Разгнѣванный отецъ продаетъ сына заѣзжему купцу. Во время пути обнаруживается мудрость юноши (вѣщіе сны) ²⁾. Прибывъ на чужбину, онъ очищаетъ церковь, которой овладѣли черти, исцѣляетъ королевскихъ дѣтей и отражаетъ нападеніе враговъ. Въ награду за это получаетъ руку исцѣленной принцессы и царство. Сказка оканчивается исполненіемъ предсказанія объ отцѣ и матери юнаго царя.

в) Валашская сказка ³⁾. «У одного строгаго отца былъ сынъ Петръ, которому *приснилось*, что онъ сдѣлается знатнѣе всѣхъ своихъ родичей и будетъ современемъ царемъ. Мальчикъ не могъ скрыть своей радости. «Отчего ты такъ весель?» пристаётъ къ нему отецъ, и Петръ, чтобы избѣжать разспросовъ, покидаетъ родительскій домъ. Утомленный долгимъ странствованіемъ, онъ сѣлъ подъ кустомъ и заплакалъ; вдругъ поднялась по дорогѣ пыль, и подъѣхала колесница, запряженная бѣлыми, какъ молоко, лошадьми, въ которой сидѣлъ царь; на немъ была бѣлоснѣжная одежда и на головѣ корона. Разспросивши мальчика, о чемъ онъ плачетъ, царь взялъ его съ собою: «я, сказалъ онъ, Бѣлый царь и могу тебя сдѣлать знатнымъ челоѣкомъ». Случилось однажды,—за царскимъ столомъ зашелъ разговоръ о сновидѣніяхъ; царь потребовалъ при этомъ, чтобы Петръ разсказалъ свой сонъ, но тотъ, опасаясь возбудить противъ себя подозрѣніе, отказался. Царь, разгнѣванный такимъ упорствомъ, приказалъ заточить его въ развалинахъ замка и уморить голодомъ. Къ счастью, его полюбила царица; она тайно являлась по ночамъ къ заключеннику, приносила ему и питье и пищу. Впослѣдствіи, когда настала въ немъ нужда, Петръ былъ освобожденъ».

¹⁾ *Toerpen*, Aberglauben aus Masuren, SS. 150—154 (Die Prophezeiung der Lerche).

²⁾ Эти вѣщіе сны напоминаютъ подобную же подробность русской сказки «Птичій языкъ» (юноша предсказываетъ бурю и встрѣчу съ пиратами).

³⁾ *Schott*, Walachische Märchen, № 9. Содержаніе сказки передано по сокращенному пересказу Аванасьева (Сказки, кн. IV, стр. 314—315).

день; онъ помогъ Бѣлому царю разрѣшить три загадки, заданныя ему враждебнымъ королемъ (краснымъ); побѣдилъ этого послѣдняго, занялъ его престолъ и женился на прекрасной царевнѣ, дочери Бѣлаго царя».

г) Телеутская сказка ¹⁾. Объ этой сказкѣ также, какъ и объ упоминаемой ниже сказкѣ бретонской, я имѣлъ уже случай говорить въ предыдущей статьѣ ²⁾. Поэтому передаю здѣсь содержаніе этихъ вариантовъ съ возможной краткостью. Мальчикъ, отданный въ ученіе. Возвращеніе его домой. Разговоръ птицъ. Мальчикъ предсказываетъ свое величіе и униженіе родителей. Удаленіе его изъ родительскаго дома. Прибытіе въ страну, гдѣ умеръ князь. Выборы новаго князя: избранъ заходжій юноша по знаменію загорѣвшейся свѣчи. Предсказаніе о родителяхъ исполняется.

д) Бретонская сказка ³⁾. Мальчикъ, предсказывающій свое величіе. Удаленіе его изъ родительскаго дома. Избраніе въ папы по знаменію. Встрѣча съ родителями.

Общая основа всѣхъ указанныхъ пересказовъ вполне ясна. Особенности отдѣльныхъ пересказовъ объясняются смѣшеніемъ основной притчи съ другими сказками и преданіями.

Бретонская и телеутская сказки соединяютъ притчу о мудромъ мальчикѣ съ преданіемъ объ избраніи властителя (царя, папы) по знаменію самовозгорающейся свѣчи ⁴⁾. Мазурская сказка говоритъ объ очищеніи зданія, занятаго чертями, объ исцѣленіи царевны; эти подробности повторяются въ той группѣ сказокъ, къ которой принадлежитъ наша сказка о солдатѣ и чортѣ, нѣмецкая *Bruder Lustig* и др. ⁵⁾. Мордовскій пересказъ сплетаетъ съ притчей изображеніе одного изъ такихъ трудныхъ порученій, о какихъ говорится во многихъ сказкахъ ⁶⁾. Валацкая сказка замѣняетъ предсказаніе птицъ вѣщимъ сномъ, напоминающимъ подобныя же сновидѣнія прекраснаго Іосифа.

¹⁾ *Radloff*, Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, I, 208.

²⁾ Повѣсти о Вавилонѣ и Сказаніе о князехъ Владимірскихъ, гл. III, стр. 60—62.

³⁾ *Méluine*, 1878, 300—308, 374—388.

⁴⁾ Ср. статью, указанную выше (Повѣсти о Вавилонѣ).

⁵⁾ *Аванасьева*, Русскія нар. сказки, №№ 90, 91 (кн. I, стр. 421—427, 427—431); *Grimm*, Märchen, № 81.

⁶⁾ Ср. *Аванасьева*, Сказки, кн. IV, стр. 271, 295.

РУССКІЙ ВЫЛЕВОЙ ЭПОСЪ.

IV.

Русскія сказки разсматриваемаго круга представляют нѣсколько разновидностей.

а) Не разъ упомянутая выше сказка «Птичій языкъ» (*Аванасьевъ*, № 138) сохраняет простоту первоначальной притчи, внося въ нее лишь нѣсколько несущественныхъ добавленій.

б) Сказки, помѣщенные въ сборникъ *Аванасьева* подъ № 140 (варианты д и е), сплетаютъ знакомую намъ притчу съ сказкой о «Хитрой наукѣ». Содержаніе этой послѣдней сказки *безъ комбинаціи съ притчей* ¹⁾ таково. Нѣкто отдалъ своего сына учиться хитрой наукѣ. Подъ этой наукой разумѣется искусство превращеній. Когда отецъ пришелъ въ назначенное время за мальчикомъ, учитель превращаетъ своихъ питомцевъ въ голубей, лошадей и т. п. При помощи условныхъ знаковъ, указанныхъ сыномъ, отецъ узнаетъ его во всѣхъ превращеніяхъ ²⁾. На пути въ родительскій домъ юноша оборачивается то охотничьей собакой, то красивымъ конемъ. Слѣдуя совѣту сына, отецъ продаетъ его въ этихъ превращеніяхъ за дорогую цѣну; оборотень снова принимаетъ человѣчeskій видъ и возвращается къ отцу. Учитель-волшебникъ отправляется въ погоню за ловкимъ питомцемъ, но овладѣть имъ не можетъ.

Сходство темы,—изображеніе необычной мудрости,—дало поводъ къ смѣшенію этой сказки съ притчей о птичьемъ языкѣ. Вотъ для образца одинъ изъ отмѣченныхъ выше вариантовъ *Аванасьева*:

«Жилъ-былъ купецъ съ купчихою, и было у нихъ одно дѣтище любимое; отдали они его учиться на разные языки къ одному мудрецу, а въ то же знающему человѣку, чтобъ повсячески зналъ—птица ли запоетъ, лошадь ли заржетъ, овца ли заблеетъ; ну, словомъ, чтобъ все зналъ! Пощился онъ одинъ годокъ, а ужъ лучше учителя все зналъ. Какъ кончилось ученье, пріѣзжаетъ за сыномъ отецъ, хотеть его выкупить. А учитель говоритъ старику: «за ученье триста руб-

¹⁾ Пересказы безъ соединенія съ притчей: *Аванасьевъ*, № 140, вар. а, б, с; *Худяковъ*, № 19 (Иванъ Дорогокупленный), № 94 (Учитель и ученикъ); *Эрленбойкъ*, № 18 (Про старикова сына); *Рудченко*, № 29 (Охъ); *Чубинскій*, № 102 (Охъ або чортъ), 103 (Про оха-чудотвора), 104 (Охъ); *Добровольскій*, Смоленскій этногр. сборникъ, ч. I, стр. 615—619, № 36 (Якъ старуха свайго сына Воху на абученіе отдала). Ср. *Grimm*, Märchen, № 68 и примѣч. (В. III, S. 117—119).

²⁾ Ср. указанную выше мордовскую сказку.

левъ, да прежде того узнай сына!» и сдѣлалъ онъ изъ тридцати учениковъ своихъ тридцать мѣлодцевъ: молодецъ къ молодцу! А сынъ успѣлъ шепнуть отцу: на моемъ де лицѣ мушка сядетъ, а я ее платкомъ смахну. Такъ и сдѣлалъ; по той примѣтѣ старикъ угадалъ сына. «Ну, не ты мудѣрь-хитѣрь, — сказалъ ему учитель, — мудѣрь-хитѣрь твой сынъ! Угадывай сызнава». На другой разъ вывелъ онъ тридцать коней: волосъ къ волосу! Всѣ смирно стоять, а одинъ съ ноги на ногу переступаетъ, и по той примѣтѣ опять угадалъ старикъ своего сына. «Не ты мудѣрь-хитѣрь, мудѣрь-хитѣрь твой сынъ! Угадывай въ третій разъ», — сказалъ учитель и выпустилъ тридцать сизокрылыхъ голубей; всѣ стоятъ, не шелохнутся, а одинъ голубокъ крылышкомъ взмахнулъ. И опять-таки узналъ купецъ сына. Нечего дѣлать, надо было отдать ученика.

Идутъ купецъ съ сыномъ дорогою, а ворона летитъ да кричить: «сынъ станеть ноги мыть, а отецъ воду пить!»—Что это, дитятко, ворона-то кричитъ? — Сыну стыдно было сказать: «не знаю, батко!»—Экой дурень! чему-жъ тебя учили? за что я триста рублей заплатилъ?—«Не попрекай, батко, деньгами; я тебѣ ихъ съ лишкомъ отдамъ. Дойдемъ до базару, я обернусь конемъ; ты меня продавай, только уздечки не отдавай! Вотъ деньги и воротись». — Сказано — сдѣлано; взялъ купецъ за сына триста рублей. Приходитъ домой, а сынъ уже дома. И во второй разъ сынъ оборотился жеребцомъ; купецъ взялъ за него еще триста рублей, а уздечки не отдалъ. Вотъ и въ третій разъ повелъ онъ сына на базаръ. Случись на то время быть тамъ учителю. Присталъ къ купцу: продай, да и продай лошадь!—Изволь, давай триста рублей.—«Дамъ, продай съ уздечкою». Купецъ призадумался. «Продай—надбавлю!» Соблазнился старикъ и продалъ. Учитель сѣлъ на коня, да и былъ таковъ! Взмылилъ онъ коня, вспѣнилъ ему бока; а самъ бьетъ да приговариваетъ: «я-жъ тебя перехитрю, я-жъ тебя перемудрю!» До костей пронылъ, и проѣхалъ на немъ безъ отдыху тридцать верстъ къ сестрѣ своей въ гости; привязалъ коня крѣпко-накрѣпко за кольцо къ столбу, а самъ вошелъ въ горницу. Скоро вышла сестра его и увидала на дворѣ ретиваго коня всего въ пѣнѣ; сжалилась надъ нимъ, разнудала и дала пшена бѣлояраго и сыты медвяной. Вздумалъ учитель ѣхать домой, вышелъ, глядь — поглядь, а коня какъ не бывало; взъялся онъ на сестру: «ты мнѣ больше не сестра, я тебѣ не братъ!» А самъ пустился догонять: плохо пришлось купеческому сыну! На дорогѣ попалась рѣка; онъ скорѣе обернулся карасемъ да въ воду, учитель за нимъ щукою. Купеческій сынъ вы-

скачилъ изъ воды и сдѣлался перстнемъ: лежитъ на проруби, такъ и сияетъ! Шла дѣвка-чернавка, увидала перстень, поскорѣй надѣла его на руку — и домой бѣжать. Марфида-царевна запримѣтила у дѣвки-чернавки тотъ перстень, выпросила себѣ, а на промѣнъ дала цѣлыхъ три кольца. Живетъ купеческій сынъ у царевны: днемъ перстнемъ на рукѣ, а ночью добрымъ молодцемъ на постели.

А учитель все знаетъ, все вѣдаетъ; взялъ себѣ гусли звончатя, идетъ по улицѣ, разыгрываетъ. Марфида-царевна и говоритъ царю: «нельзя ли, батюшко, позвать его къ намъ?» Царь велѣлъ позвать. Вотъ одинъ разъ былъ, на гуслихъ игралъ, царевну съ царемъ потѣшалъ, и въ другой и въ третій былъ. Спрашиваетъ его царь: «чѣмъ тебя наградить, чѣмъ за игру заплатить?»—Да ничего, ваше царское величество, мнѣ не нужно, окромя перстенька, что блеститъ на рукѣ у твоей царевны. Пришлося Марфидѣ-царевнѣ разлучаться съ перстенькомъ. А купеческій сынъ еще прежде научилъ ее: «какъ будешь отдавать перстень, урони словно ненарокомъ; я рассыплюсь мелкимъ жемчугомъ—наступи ногой на одну жемчужину». Она такъ и сдѣлала: перстень упалъ и рассыпался мелкимъ жемчугомъ; учитель обратился въ пѣтуха и давай клевать жемчугъ, а купеческой сынъ въ ту минуту выскользнулъ изъ-подъ ножки царевниной, обернулся соколомъ и свернулъ пѣтуху голову. Ну, дальше что и рассказывать: извѣстное дѣло—купеческой сынъ женился на Марфидѣ-царевнѣ и сдѣлался послѣ царемъ.

А отецъ и мать его обѣдвали и стали ходить по дворамъ, побираться. Разъ на праздникахъ пришли они вмѣстѣ съ другими убогими и нищими на царской дворъ. Царь велѣлъ ихъ накормить, напоить да и спать положить; таковъ былъ милосливъ! Вотъ дали имъ комнатку и уложили спать. Ночью старикъ проснулся, захотѣлось ему испить, посмотрѣлъ кругомъ—видитъ: стоитъ свѣтлой тазъ съ водою, давай изъ него пить. А въ томъ тазу царь на ночь ноги полоскалъ: стало быть, правду ворона сказала. Поутру царь началъ убогихъ разспрашивать: откуда, кто и какъ родомъ? и призналъ своихъ родителей. Съ того времени стали они вмѣстѣ жить-поживать, не горевать» ¹⁾.

б) Сказки въ сборникахъ *Аванасьева* № 123 (Вѣщій сонъ), *Чудинскаго*, № 14 (Вѣщій сонъ), *Худякова* III, № 120 (Двѣнадцать Микитъ) соединяютъ изображеніе вѣщаго сна съ повѣстью о хитрой невѣстѣ. Полное сходство съ этими сказками представляетъ пѣсня,

¹⁾ *Аванасьевъ*, II, стр. 480—483.

помѣщенная въ сборникѣ *Рыбникова* (т. III, № 57, стр. 305—319): «Похожденія Ивана. Перасказанный сонъ».

Въ сказкахъ о хитрой невѣстѣ разсказывается о томъ, какъ царь или царевичъ, прослышавшій о нѣкоей красавицѣ, ѣдетъ къ ней свататься. Дѣвица соглашается выйдти замужъ подь условіемъ, если женихъ рѣшитъ нѣсколько замысловатыхъ загадокъ и исполнитъ нѣсколько трудныхъ порученій ¹⁾. Царь рѣшаетъ загадки и исполняетъ порученія при помощи одного изъ своихъ слугъ. Въ пересказахъ, отмѣченныхъ выше, этотъ мудрый помощникъ жениха изображается вѣщимъ свовидцемъ; повторяются при этомъ знакомыя надъ подробности: мальчикъ, отвергнутый отцомъ; его возвышеніе; родители находятъ приютъ у простившаго ихъ сына.

«Было у отца три сына. Вотъ онъ и поставилъ новый домъ и говоритъ: Надо намъ переходить въ домъ; вамъ надо по ночи ночевать. — Большой сынъ ночевалъ въ домѣ; что привидѣлось, пришелъ, отцу разсказалъ. Другой сынъ ночевалъ; что привидѣлось, пришелъ, разсказалъ отцу. На третью ночь пошелъ меньшой. Ночевалъ, приходитъ къ отцу, не сказываетъ свой сонъ. Отецъ, мать не стали его любить за это» (*Худяковъ*, III, стр. 159). Въ пересказѣ, помѣщенномъ у *Чудинскаго*, переданы и самые сны. Старшіе братья видятъ во снѣ, что на дворѣ у нихъ много всякаго скота; младшему снится, что кто-то подошелъ къ нему и говоритъ: «Гриша! будешь ты царемъ, только отцу не говорить и даже никому» ²⁾.

За отказъ разсказать свой сонъ младшій сынъ посаженъ на три года въ погребъ, но и послѣ этого испытанія онъ не соглашается передать своихъ грѣзъ. «Узналъ про это ихній помѣщикъ и взялъ его къ себѣ: мнѣ, говоритъ, скажетъ» (*Чудинскій*). Въ пересказѣ *Худякова*: «Приходитъ къ нимъ проѣзжій мужикъ. — Что, говоритъ, вѣрно у васъ сынъ не родной? Продайте мнѣ его. Родной-то онъ родной, да не нуженъ онъ намъ, возьмите его». Въ сказкѣ *Аванасьева* — два сына. Младшій за нежеланіе разсказать сонъ привязанъ къ столбу на большой дорогѣ, освобожденъ проѣзжавшимъ мимо царевичемъ. Въ былинѣ:

¹⁾ О сказкахъ, развивающихъ тему трудныхъ порученій, см. замѣчанія *Аванасьева* (Сказки, т. IV, стр. 271). Ср. *Веселовскій*. Замѣтки по литературѣ и народной словесности, стр. 67—68.

²⁾ *Чудинскій*, Русскія народныя сказки, прибаутки и побасенки (М., 1864), стр. 70.

При томъ царѣ при Ѳедорѣ Васильчѣ
 Жилъ-былъ бояринъ богатый.
 У него было три сына, три любимыхъ,
 И выстроилъ всѣмъ по дому по великому.
 Посылалъ онъ перво сына старшаго
 Во во свой домъ новостроенный,
 Самъ говорилъ таковы слова:
 „Ай же ты, мое чадо милое!
 Что тебѣ во снахъ привидится,
 Тотъ мнѣ сонъ поразкажи“.
 Ему во снахъ ничего не привидѣлось.
 По другую ночь послалъ сына средняго,
 И ему ничего не привидѣлось.
 По третью ночь послалъ сына младшаго,
 Ему чуденъ сонъ привидѣлся:
 „Какъ бы я въ таву ноги мылъ,
 А отецъ опосля тую воду пилъ“.
 Убоился удалый добрый молодецъ
 И не смѣлъ того сна поразказать.
 Разсердился родитель его батюшка,
 Отдалъ его во слуги-рабы
 Тому ли большому боярину (ст. 1—22):

Тотъ, кому отданъ былъ юноша, требуетъ, чтобы онъ рассказалъ свой сонъ. Юноша отказывается. Вынужденный послѣ этого оставить своего хозяина сновидецъ поступаетъ на службу къ царю. Повторяется вопросъ о снѣ и отказъ юноши. «Царю стало любопытно узнать то же самое. Онъ говоритъ: «Скажи мнѣ, Гриша, что видѣлъ во снѣ?» Нѣтъ, не скажу.—«Нѣтъ, скажешь».—Нѣтъ, что хотите дѣлайте, не скажу.—Царь думалъ, какъ бы выпытать изъ Гриши тайну, и велѣлъ засадить его въ каменный мѣшокъ, авось скажетъ! Приказалъ царь сдѣлать каменный столбъ, закласть его въ столбъ и сдѣлать только маленькое окопечко, чтобъ подавать ему туда ѣсть. Туда и засадили» (*Чудинскій*). Въ пѣснѣ:

Молодой Иванушко Васильевичъ:
 Онъ въ солдатухахъ служилъ три года
 У того царя Ѳедора Васильича,
 Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною,
 А царь его любилъ-жаловалъ.
 И сталъ его царь спрашивать...
 „Скажи мнѣ-ка сонъ родительскій,
 Не скажешь мнѣ сну отцовскаго,
 Посажу тебя въ тюрьму богадѣльную“.
 И говорить ему Иванъ Васильевичъ:
 „Не сказалъ я сну родитель-батюшку

И не сказал своему барину,
 Не скажу тебѣ, царское величество!
 Разсердился царь Федоръ Васильевичъ,
 Посадилъ его въ тюрьму богадѣльную (ст. 38—43, 47—55).

Спустя нѣкоторое время царь отправился на чужую сторону. «Сбирается потомъ царь ѣхать въ чужія земли жениться и оставляетъ дома одну сестру. Царевна однажды пошла гулять, идетъ мимо этого столба, въ которомъ засоженъ Гриша. Гриша и кричитъ: ваше высочество! прикажите выпустить меня отсюда, а то вашъ братецъ безъ меня тамъ голову положить. Царевна приказала выпустить его. Гриша приходитъ во дворецъ и говоритъ царевнѣ: ваше высочество, чтобы спасти вашего брата, надо мнѣ человекѣкъ 200, чтобы были со мной голодъ въ голодъ, ростъ въ ростъ, волосъ въ волосъ. Для Гриши все было исполнено. Съѣлъ потомъ онъ съ этими молодцами на корабль поѣхалъ» (*Чудинскій*). Въ сказкѣ *Худякова* Микита подбираетъ себѣ «одинадцать Микитъ въ одинъ голодъ, въ одинъ волосъ». То же число повторяется въ сказкѣ *Аванасьева*. Пѣсня не упоминаетъ о спутникахъ вѣщаго юноши. Сестра царя Федора Васильевича, проводивъ брата,

Домой пошла и заплакала,
 Зашла она къ затюремщицамъ,
 Подавала имъ по милостинѣ.
 Говорилъ ей удалый добрый молодецъ:
 „Ай же ты, Анна Васильевна!
 Уѣхалъ твой братецъ за сине море,
 Не будетъ онъ взадъ во живности“.
 Тутъ она порасплакалась.
 Стала у него выспрашивать:
 — Ты скажи, удалый добрый молодецъ,
 Почему ты можешь знать,
 Можешь знать и высказывать?
 Тогда онъ порасхвастался:
 „Когда сдѣлаешь со мной заповѣдь великую,
 Пойдешь за меня замужъ
 И назовешься моей молодой женой,—
 Тогда избавлю отъ смерти отъ напрасныя
 Твоего братца любимаго“.
 Тутъ молода Анна Васильевна
 Бѣжала къ отцу ко духовоому.
 Писали они тутъ духовную
 И давала ему золотой казны,
 Столько давали, сколько надобно
 Отправляли его за сине море.

(Ст. 62—85).

Дорогой герой пѣсни встрѣчается съ разбойниками, которые ссорились изъ-за шапки-невидимки.

Говорить удалый добрый молодець:
 „Я раздѣлю эту шапочку:
 Натяну я свой тугій лукъ,
 Наложу я стрѣлочку каленую.
 Стрѣлю въ одну сторону,
 Бѣжите вы вслѣдъ за стрѣлочкой
 Кто съ этой стрѣлочкой сравняется,
 Тому она доставается“.
 Натягивалъ онъ свой тугій лукъ,
 Налагалъ-то стрѣлочку каленую,
 Стрѣлилъ въ одну сторону.
 Тутъ они сорокъ разбойничковъ
 Бросались за этой стрѣлочкой;
 А онъ удалый добрый молодець
 Тяпнулъ шапочку-невидимочку,
 Садился во свою лодочку
 И поѣзжалъ впередъ по синю морю.

(Ст. 103—119).

Подобнымъ же образомъ достаетъ онъ затѣмъ «скатерточку-хлѣбосолочку» и «коверь самолетный». Въ сказкѣ *Аванасьева* вмѣсто сорока разбойниковъ выступаютъ три старика; молодець достаетъ отъ нихъ шапку-невидимку, коверъ-самолетъ и сапоги-скороходы. Въ пересказѣ *Чудинскаго* два чорта спорятъ о коверѣ самолетѣ и шапкѣ-невидимкѣ. «Гриша и говоритъ: вотъ я брошу цѣлковый, кто скорѣй его найдетъ и принесетъ ко мнѣ, тотъ что хочетъ, то и бери. Черти согласились. Гриша закинулъ цѣлковый далеко. Черти побѣгли, а онъ надѣлъ шапку-невидимку и взялъ подъ мышку коверъ-самолетъ, приползъ на корабль и говоритъ молодцамъ своимъ: плывите домой теперь, а я пойду пѣшій. Они поплыли домой». Въ сказкѣ *Худякова* изображеніе спора опущено.

Царевна, руки которой ищетъ заѣзжій царевичъ, предлагаетъ ему три задачи. «Приѣхали вы жениться на мнѣ, такъ сдѣлайте мнѣ штуку такую, которая будетъ у меня, чтобъ была парная къ ней, а если не сдѣлаете, такъ на мнѣ и не женитесь». Гриша въ шапкѣ-невидимкѣ пробирается къ царевнѣ и узнаетъ, что нуженъ башмакъ бархатный, украшенный драгоценными камнями. «Башмачникъ началъ шить башмакъ, спилъ, а Гриша этотъ башмакъ унесъ, да и пошелъ вонъ изъ дворца. Башмачникъ хватился: гдѣ башмакъ? Нѣту. И давай другой такой же шить». Второе порученіе: принести золотого селезня подъ пару къ серебряной уткѣ. Гриша исполняетъ

и это требованіе. Третья задача: нужны серебряные волосы. Царевна достает эти волосы изъ бороды своего дѣдушки. Гриша въ шапкѣ-невидимкѣ отправляется къ тому же дѣдушкѣ: «заранѣе приготовилъ дубовый крюкъ, замоталъ полбороды, да какъ дернетъ, такъ полбороды и вытащилъ» (*Чудинскій*). Подобныя же задачи перечисляются въ пересказахъ Аванасьева и Худякова ¹⁾. Въ былинѣ трудныя порученія даетъ отецъ невѣсты, грозный царь Василий Левидовъ. Порученія слѣдующія: сплести башмаки сафьянные, какіе онъ вздумаетъ; сплести шубу черныхъ соболей, а паволока, какую онъ вздумаетъ; принести три волосика золоченыхъ съ жемчужинами. Иванъ Васильевичъ исполняетъ за Федора эти замысловатыя порученія.

Послѣ того, какъ задачи рѣшены, неподатливой невѣстѣ приходится волей-неволей исполнить свое слово. Заѣзжій царь женится. «Во дворцѣ ни пиво варить, ни вино курить, а вздумали, значить, да тотъ же часъ и за свадебку,—обвѣнчались» (*Чудинскій*). Пересказъ *Аванасьева* дополняетъ рассказъ о свадьбѣ изображеніемъ неудачной попытки царевны узнать того, кто исполнилъ ея задачи. «Разсердилась Елена Прекрасная, побѣжала въ свою опочивальню и стала смотрѣть въ волшебную книгу: самъ ли царевичъ угадываетъ, или кто ему помогаетъ? И видитъ по книгѣ, что не онъ хитѣрь, а хитѣрь его слуга, купеческой сынъ». У царевича было двѣнадцать слугъ. Елена пыталась уличить того, кто рѣшилъ ея задачи, но это ей не удалось. Пересказъ *Худякова* замѣняетъ узнаваніе хитраго слуги картиной борьбы молодыхъ супруговъ. «Стали ложиться спать. Она и задумала его задушить; онъ и закричалъ: Микита, Микита!—Является Микита и выручаетъ царя изъ бѣды ²⁾.

Въ пѣснѣ нѣтъ упоминанія ни о борьбѣ, ни объ узнаваніи хитраго слуга.

Послѣ рѣшенія задачъ грозный царь

Повыдалъ замужъ свою дочушку
За того за Федора Васильевича,
Далъ онъ вслѣдъ сорокъ кораблей.

(Ст. 385—387).

¹⁾ Въ сказкѣ *Худякова* исполненію трудныхъ порученій предшествуетъ узнаваніе невѣсты. У царя двѣнадцать дочерей: «какъ одна, такъ и другая узнавать невозможно». Царь предлагаетъ жениху указать свою невѣсту. Помогаетъ Микита.

²⁾ Изображеніе подобной борьбы находимъ и въ другихъ сказкахъ. См., напримеръ, въ сборникѣ *Аванасьева* № 116 (Безногой и слѣпой богатыри).

Разсказывается о двухъ свадебныхъ пирахъ. Первый пиръ заводилъ царь Василій Левидовъ.

Какъ тутъ Иванушка Васильевичъ
Одѣлъ онъ шапочку-невидимочку,
Пошелъ въ палаты государевы;
Какъ были тамъ столы накрыты,
Обралъ онъ ѣства сахарныя,
Обралъ онъ питьяца медвяныя,
И вышли всѣ голодны добры молодцы,
Что нечего было ни ѣсть ни пить.

(Ст. 403—410).

Второй пиръ—на кораблѣ у Федора Васильевича:

Какъ тутъ Иванушко Васильевичъ
Налагалъ свою скатереточку-хлѣбосолочку,
Не могли они ѣствяцъ повѣсти,
Не могли они питьяцевъ повыпити.

(Ст. 420—423).

Послѣ свадьбы Иванъ-царевичъ призываетъ своего вѣрнаго Гришу и говоритъ: «Чѣмъ мнѣ тебя благодарить за твою услугу?» А чѣмъ пожалуете, Иванъ-царевичъ!—«Я вотъ тебѣ дамъ письмо, говоритъ Иванъ-царевичъ, отвези его моей сестрѣ». Гриша простился съ Иваномъ-царевичемъ, сѣлъ на коверъ-самолетъ и полетѣлъ. Приѣзжаетъ въ свое царство, приноситъ царевнѣ письмо. Она прочитала. Написано: «Сестрица милая! Позволяю тебѣ принять его къ себѣ во дворецъ на мѣсто меня и выйдти за него замужъ». Ну, и обвѣнчалась. Сдѣлался Гриша царемъ, да и теперь благополучно поживаетъ». Такъ оканчивается сказка *Чудинскаго*. Пересказъ *Худякова* присоединяетъ упоминаніе объ отцѣ вѣщаго молодца: «Прибылъ къ нему его отецъ въ гости. Стали ему слуги ноги мыть, сыну-то; оставили помои. Отцу ночью захотѣлось пить; онъ взялъ изъ таза-то этихъ помой-то и напился. Поутру встаютъ. Микита говоритъ: «вотъ сонъ-то, говоритъ я видѣлъ: что мнѣ будутъ ноги мыть, а тебѣ придется помои пить». По пересказу *Аванасьева* вѣрный слуга, вернувшись на родину, снова сѣлъ въ тюрьму. Возвратившійся царевичъ освободилъ его.

Сходно въ былінѣ:

А этотъ Иванушко Васильевичъ
Садился на коверъ самолетный
И полетѣлъ впередъ червленыхъ кораблей,
Прилеталъ во землю во Русскую
И садился въ тюрьму богадѣльную. (Ст. 440—444).

Когда приѣхалъ домой Ѳедоръ Васильевичъ, онъ приказалъ

Повыпустить Иванушка Васильева,
Отдавалъ за него Анну Васильевну,
Отдѣлилъ ему полцарства-полменства.
Тутъ то Иванушко Васильевичъ
Посылалъ звать своего родимаго батюшка
И заводилъ про него пированье, почестень пиръ.
Накормили его ѣствами сахарными,
Положили спать въ покои царскіе. (Ст. 465--473).

Передъ сномъ Иванъ Васильевичъ вымылъ ноги въ теплой водѣ
и поставилъ тазъ подъ кровать.

Какъ спалъ его родитель-батюшка,
Похотѣлося ему пить похмельному,
И взялъ онъ тазъ сподъ кровати
И выпилъ тую теплу водушку. (Ст. 479—482).

Узнавъ объ этомъ, сынъ вспомнилъ о своемъ снѣ и рассказалъ
его отцу.

Разсердился ты на меня, батюшка,
Потому что я тебѣ сна не рассказалъ,
А я видѣлъ тотъ сонъ во твоёмъ новомъ дому:
Какъ бы я въ тазу ноги мылъ,
А ты, батюшка, опосля тую воду пилъ,
И не смѣлъ того сна поразсказать.
А я тебѣ прощаю теперь твою вину.
Тутъ они съ батюшкой помирился,
Другъ другу въ ноги поклонилися,
И благословилъ его отецъ царствовать. (Ст. 491—500).

Сложное содержаніе пѣсни о приключеніяхъ Ивана и сходныхъ
съ нею сказокъ очевидно. Выше уже было указано на сліянiе въ
нашей пѣснѣ двухъ сказочныхъ темъ. Одна изъ этихъ темъ,—сва-
товство, соединенное съ исполненіемъ трудныхъ задачъ,—разви-
вается въ сказкѣ о хитрой невѣстѣ. Вторая тема знакома намъ по
одной изъ притчъ Книги о семи мудрецахъ ¹⁾, при чемъ пѣсня и
сходныя съ нею сказки замѣняютъ предсказаніе птицъ вѣщимъ сно-

¹⁾ Припомнимъ подобное же соединеніе притчи о мудромъ мальчикѣ съ раз-
сказомъ объ его женитьбѣ на царской дочери въ приведенныхъ выше мордов-
ской, мазурской и валашской сказкахъ.

ни (визитъ ¹⁾). Такимъ же замѣна встрѣтилась уже намъ выше, въ валахскомъ пересказѣ.

Сърмъ эгилъ темъ, нужно отмѣтить еще одну эпическую подробность, примѣшавшуюся въ нашихъ пересказахъ къ повѣсти о мудромъ сновидцѣ. Подробность эта,—изображеніе спора о чудесныхъ вещахъ (шапка-невидимка, коверъ-самолетъ и т. п.),—повторяется въ цѣломъ рядѣ сказокъ. Для примѣра можно указать нѣмецкую сказку въ сборникѣ бр. Гриммъ: Der König vom goldenem Berg (№ 92). Бѣднякъ отдаетъ сына «черному человѣчку» (ein kleines schwarzes Mäppchen). Юноша освобождаетъ царевну, находившуюся въ плѣну у чудовища, и женится на ней. Спустя нѣкоторое время, герой сказки отправился посѣтить родину. На прощанье жена дала ему волшебное кольцо (Wünschring), но взяла слово, что онъ не воспользуется таинственной силой этого кольца,—не будетъ вызывать ее во время путешествія. Мужъ нарушилъ обѣщаніе. Жена явилась, но во время сна мужа успѣшила удалиться. Герой сказки пускается въ обратный путь. Встрѣтились ему три великана, спорившіе о томъ, какъ подѣлить мечъ-самосѣкъ, плащъ-невидимку и сапоги-скороходы. Путешественникъ общается разобрать ихъ дѣло, если они позволяютъ ему убѣдиться въ чудесныхъ свойствахъ спорныхъ предметовъ. Согласіе дано. Овладевъ диковинками, нашъ герой успѣшилъ разстаться съ великанами. Въ сапогахъ-скороходахъ онъ мигомъ перенесся домой, въ плащъ-невидимкѣ тайкомъ пробрался во дворецъ, а мечомъ-самосѣкомъ справился съ собравшимися врагами. Есть сказки такого же содержанія италіанская, мадьярская, норвежская ²⁾. Въ русской сказкѣ: «Въ награду за подвигъ царь выдаетъ за батрака свою дочь, но царевна не любитъ мужа. Прогнанная женою онъ идетъ по лѣсу и встрѣчаетъ трехъ спорщиковъ:

¹⁾ Есть, впрочемъ, пересказы, въ которыхъ удерживается вступленіе основной притчи. „По другимъ, имѣвшимся въ моихъ рукахъ спискамъ,—замѣчаетъ Аванасевъ,—особенности встрѣчаются только въ началѣ разсказа; такъ въ одномъ спискѣ, вмѣсто вѣщаго сновидѣнія, *будущая судьба предсказывается птицами*. Ъхали старикъ съ сыномъ въ телегѣ; вдругъ налетѣлъ ястребъ и сталъ долбить старику голову—едва отъ него отдѣлался. „Я знаю, что вѣщуетъ ястребъ“,—сказалъ сынъ.—А что?—спросилъ старикъ,—„Онъ вѣщуетъ, что придетъ время—будетъ матушка мнѣ на руки воды подавать, а ты, батюшка, будешь съ полотенцемъ стоять“... (Сказки, IV, стр. 313).

²⁾ Варианты сказки указаны Р. Келеромъ въ *Jahrbuch für romanische und englische Literatur*, VII (1866), S. 135—148 (Volksmärchen aus Venetien von G. Widder und A. Wolf mit Nachweisen und Vergleichen von R. Köhler, примѣчаніе къ сказкѣ: Der arme Fischerknabe).

шумять и ссорятся они за три диковинки—за коверь-самолетъ, сапоги-скороходы и скатерть-самобранку. Батракъ вызывается разсудить дѣло: «полѣзайте-ка,—говорить онъ сборщикамъ,—на высокой дубъ; кто прежде влѣзетъ, тому и диковинки!» Тѣ полѣзли на дерево, а онъ взялъ сапоги да скатерть, сѣлъ на коверь-самолетъ и былъ таковъ» ¹⁾. Извѣстна эта сказочная тема и на востокѣ ²⁾.

Былина о походе Ивана—сказка въ пѣсенной передачѣ, сказка въ стихахъ. Пѣсня желаетъ, однако, придать сказкѣ нѣкоторую былевую окраску, связывая бродячую повѣсть съ именемъ царя Ивана Васильевича.

Замѣчательно, что это же историческое имя внесено въ другую былинку такого же сказочнаго состава: «О царствѣ подсолнечномъ, царѣ Иванѣ Васильевичѣ и царевичѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ». Припомнимъ въ короткихъ словахъ содержаніе пѣсни. «При царѣ было Васильѣ Михайловичѣ, жило при царѣ два мастера». Одинъ изъ этихъ мастеровъ сдѣлалъ для царя «орла самолетнаго». Сынъ царскій Иванъ Васильевичъ садится на орла и переносится въ царство Подсолнечное. Узнаетъ онъ, что у царя подсолнечнаго есть дочь Марья Лиховидьевна и влетаетъ на орлѣ въ ея теремъ. Молодые люди приглянулись другъ другу. «Со тья поры, съ того времячка молодой Иванушка Васильевичъ по часту леталъ во царство Подсолнечное». Родился у Марьи сынъ. Иванъ Васильевичъ отдалъ его на воспитаніе «бабушкѣ задворенкѣ». Когда Ѳедору Ивановичу исполнилось 16 лѣтъ, онъ отправился къ отцу.

Приѣзжаетъ онъ къ Ивану Васильевичу,
И услышалъ онъ о своемъ батюшкѣ,
Что отецъ его еще сватаетъ
У того великаго боярина
Молоду Анну Дмитриевичну.

Ѳедоръ знакомится съ этой Анной. Слухъ объ ихъ свиданіяхъ доходитъ до царя. Онъ приказываетъ казнить захожаго молодца. Передъ казнью открылось, что молодецъ — царскій сынъ. Ѳедоръ прощенъ и женится на Аннѣ.

¹⁾ *Аванасеевъ*, Сказки, IV, стр. 249.

²⁾ *Liebrecht*, Zur Volkakunde, S. 117—118; *Веселовскій*, Сказанія о Соломонѣ и Катоврасѣ, стр. 35, примѣчаніе. Ср. *Grimm*, Märchen, III, S. 167—168.

А самъ-то Иванъ Васильевичъ
Взягъ Марью Лебедь Бѣлую
У того у царя у Подсолнечнаго ¹⁾.

Сказочный характеръ этой пѣсни несомнѣненъ. Что же могло дать поводъ къ такому смѣшенію пѣсни и складки, историческихъ воспоминаній и сказочныхъ небылицъ? Очевидно, сказка могла втянуть въ себя историческія имена, могла переработаться въ пѣсню былевого характера только въ томъ случаѣ, если между этой сказкой и опредѣленными былевыми воспоминаніями открывалось нѣчто общее, подмѣчались какія нибудь сходныя черты.

Пѣсня-сказка, о которой идетъ рѣчь, касается эпохи сравнительно поздней, исторически извѣстной. Поэтому опредѣленіе былевыхъ реминисценцій, проникшихъ въ сказку, не требуетъ ни разысканій, ни догадокъ. При сравненіи сказки съ былью оказывается, что сходство ограничивается здѣсь лишь нѣкоторой близостью основной темы.

Есть былевая пѣсня объ Иванѣ IV и его сынѣ Ѳеодорѣ. Пѣсня идетъ отъ опредѣленнаго историческаго факта—убійства Грознымъ царемъ сына его Ивана, имя котораго замѣняется въ пѣснѣ именемъ другаго царевича. Поэтическое отраженіе смягчаетъ ужасныя подробности темнаго дѣла. Иванъ приказываетъ казнить сына, но царевичъ спасенъ отъ смерти Никитой Романовичемъ.

Въ пѣснѣ «О царствѣ Подсолнечномъ» также разсказывается о томъ, какъ «Грозный царь Иванъ Васильевичъ» приказалъ казнить провинившагося удалаго молодца, который оказался его сыномъ:

А тотъ царь Иванъ Васильевичъ
Приказалъ схватить удала добра молодца
И вывести на ступеночку высокую,
Отрубить ему буйна голова.

Открылось, что приговоренный къ казни—царевичъ.

Тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Какъ увидѣлъ сына любимаго,
Вралъ его за ручки за бѣглыя,
Цѣловалъ во уста во сахарныя.

(Рыбниковъ, III, 327—328).

¹⁾ Рыбниковъ, Пѣсни, т. III, стр. 319—328. Подробный историко-литературный разборъ пѣсни см. въ статьѣ А. Н. Веселовскаго: Сказанія о красавицѣ въ теремѣ и русская былина о Подсолнечномъ царствѣ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1878, апрѣль).

Въ исторической былинѣ:

Скричалъ онъ, царь, зычнымъ голосомъ:
 „А есть ли въ Москвѣ немилостивы палачи?
 Возьмите царевича за бѣлы ручки,
 Ведите царевича со царскаго двора
 За тѣ за ворота Москворѣцкія,

 Ко той ко плахѣ бѣлудубовой.

Царевичъ спасенъ Никитой. Царь узнаетъ объ этомъ.

Береть онъ царевича за бѣлы ручки,
 А грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Цѣловалъ его въ уста сахарныя.
 (*Кирша Даниловъ*, 328—329, 335).

Пѣсня о «Подсолнечномъ царствѣ» представляетъ примѣръ эпического замѣщенія. Бродячая сказка переработалась въ мнимо-историческую пѣсню, замѣщающую фантастическими подробностями реальныя воспоминанія былины. Основа замѣщенія—нѣкоторое сходство эпической темы.

Подобнымъ же замѣщеніемъ объясняется и внесеніе имени царя Ивана Васильевича въ сказку о вѣщемъ снѣ. Иванъ Васильевичъ—*первый царь* московскій. Вокругъ этой былевой темы, находившей собою выраженіе и въ историческихъ пѣсняхъ, сплотился рядъ сказокъ и преданій, разнообразно отвѣчающихъ на одинъ и тотъ же вопросъ: какъ московскій князь сталъ царемъ? Народныя пересказы повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, приурочивая къ Ивану IV захожую сказку о добываніи драгоцѣнностей, принадлежавшихъ Навуходносору. Преданіе о выборѣ царя въ Москвѣ рассказываетъ о знаменіи самозагорающейся свѣчи; по такому именно знаменію избранъ де былъ въ цари Иванъ, прозванный Грознымъ ¹⁾. Пѣсня о неразказанномъ снѣ замѣняетъ избраніе по знаменію иными подробностями: Иванъ Васильевичъ помогаетъ царю Ѳедору овладѣть хитрой красавицей и за это получаетъ въ награду руку царевны и царскій титулъ ²⁾.

¹⁾ Труды 3-го Археологическаго Съѣзда, I, 337—338 (*Аристовъ*, Русскія народныя преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ: I. Воцареніе Грознаго).

²⁾ Быть можетъ, частая смѣна властителей послѣ смерти Ѳедора Ивановича можетъ объяснить, почему къ преданіямъ о Московскомъ царствѣ присоединились рассказы, построенные на мысли объ удачѣ, о быстромъ подъемѣ на высоту власти. Припомнимъ судьбу Бориса Годунова. Рассказывали, будто бы занятіе престола было ему предсказано: „истинно тебѣ возвѣщаемъ, — говорили

Пѣсни о Подсолнечномъ царствѣ и о неразсказанномъ снѣ даютъ замѣчательные образцы проникновенія завожгихъ сказокъ въ область нашего историческаго эпоса. Но сложенные, быть можетъ въ довольно позднее время эти сказочныя пѣсни не успѣли вытѣснить изъ народной памяти поэтическихъ былей. Поэтому историческая пѣсня о царѣ Иванѣ и его сынѣ и сказка въ стихахъ подобнаго же содержанія сохраняются рядомъ, не смѣшиваясь одна съ другой. Но при этомъ невольно является вопросъ: всегда ли были и небылицы, пѣсни историческія и проникавшія въ ихъ среду сказки могли уживаться такъ мирно, сохраняя свою раздѣльность и особность? Чѣмъ древнѣе историческія пѣсни, чѣмъ раньше могли проникнуть въ ихъ среду сказочныя повѣсти, тѣмъ труднѣе, конечно, могла удержаться раздѣльность пѣсни и сказки, тѣмъ легче, напротивъ, позднѣйшая повѣсть могла не только стать рядомъ, но и замѣнить, вытѣснить старую пѣсню.

Борису волхвы, — что получиши желаніе свое: будещи на царствіи московскомъ“ (*Карамзинъ*. И. Г. Р., X, примѣч. 221). Осуществленію предсказанія содѣйствовало свойство Бориса съ царемъ Федоромъ. Годуновъ сталъ выше другихъ бояръ, какъ царскій шуринъ. Пѣсня рассказываетъ также о занятіи престола по предсказанію и по свойству съ царемъ; имя царя—Федоръ.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ и ВОЛХЪ ВСЕСЛАВЪЕВИЧЪ.

I.

Былина о Васильѣ Буславичѣ извѣстна по пересказамъ пѣсеннымъ и сказочнымъ. Всѣ эти пересказы могутъ быть раздѣлены на три группы. Первую и вторую группу составляютъ тѣ пересказы, которые передаютъ одну изъ двухъ частей былины: а) дѣтство Василья и его бой съ новгородцами, б) путешествіе Василья во Святую Землю. Пересказы третьей группы—сводные, излагающіе свѣдѣнія и о молодости Василья и объ его поѣздкѣ въ Іерусалимъ ¹⁾.

¹⁾ Пересказы первой группы (Дѣтство Василья и бой его съ новгородцами): а) Древнія російскія стихотворенія, собранныя *Кириемъ Даниловымъ*, № IX, стр. 72—84 (по изд. 1818 г.); б) Пѣсни, собранныя *П. Н. Рыбниковымъ*, ч. I, № 55, стр. 335—344 (пѣсня записана въ Колодозерѣ Пудожскаго уѣзда отъ девяностолѣтняго старика), № 56, стр. 344—351 (записана въ Шальской волости Пудожскаго уѣзда), № 57, стр. 352—357 (запис. въ Купецкой волости Пудожскаго уѣзда, отъ Никифора Прохорова); ч. II, № 32, стр. 197—201 (запис. въ Кижской волости Петрозаводскаго уѣзда отъ Терентія Іевлева); ч. III, № 39, стр. 233—239 (запис. въ Кижской волости); в) Онежскія былины, запис. *А. Ѳ. Гильфердингомъ*, № 30, ст. 152—154 (запис. на Масельгѣ Повѣнецкаго уѣзда, отъ Настасьи Ав. Поповой), № 103, ст. 593—596 (отъ Т. Іевлева, ср. *Рыбниковъ*, II, 32), № 286, ст. 1243—1246 (запис. въ деревнѣ Тамницкой Лахтѣ, на Кенозерѣ, Пудожскаго уѣзда, отъ Федора Гр. Шуманова); г) Пѣсни, собранныя *П. В. Кирѣевскимъ*, выпускъ V, № 1, стр. 3—8 (запис. въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи), № 2, стр. 8—14 (запис. въ Шенкурскомъ уѣздѣ, въ 1844 г.), № 3, стр. 14—23 (перепечатка пѣсни № IX изъ сборника Кириши Данилова); д) Русскія былины старой и новой записи, подъ ред. *Н. С. Тихонравова* и *В. Ѳ. Миллера*, отдѣлъ второй, № 64, стр. 236—237 (запис. отъ Московскаго мѣщанина И. А. Лапшина, постоянно жившаго въ Москвѣ); приложенія, № VI, стр. 289—292 (запис. Гильфердингомъ отъ крестьянина Ив. Як. Гусева, изъ дер. Конецъ Новоладожскаго уѣзда; напеч. первоначально въ «Русской Старинѣ» 1871 г., т. IV, стр. 455—456); е) Русскія сказки *Чулкова*, ч. IV (перепеч. въ сборникѣ Кирѣевского, выпускъ V, прилож., стр. III—XIII); ж) Русскія народныя сказки *Сахарова*, стр. 38—64, 270 («изъ сборника Бѣльскаго», перепеч. въ собраніи Кирѣевского, выпускъ V, прилож., стр. XIII—XXV)

русскій вылевой эпосъ.

II въ сводныхъ, и въ раздѣльныхъ пересказахъ, и въ пѣсняхъ, и въ сказкахъ существенное содержаніе былины передается одинаково. Разница касается лишь подробностей, передаваемыхъ съ не-

Вторая группа пересказовъ (путешествіе Василья въ Іерусалимъ): а) Др. русск. стихотворенія *Кирии Дамилова*, № XVIII, стр. 166—179; б) Пѣсни, собр. *Рыбникова*, I, № 60, стр. 361—363 (запис. въ Шальской волости Пудожскаго уѣзда, отъ того же сказателя, который пѣлъ о боѣ Василья съ новгородцами: I, № 56); III, № 40, стр. 239—241 (запис. въ Кижской волости Петроваводскаго уѣзда, отъ того же сказателя, какъ и III, № 39); в) Пѣсни, собр. *Кирьескима*, вып. V, № 4, стр. 23—33 (перепечатка изъ сборника Кирши).

Сводные пересказы: а) *Рыбниковъ*, ч. I, № 58—59 (запис. въ Кижской волости Петроваводскаго уѣзда, отъ *Тр. Гр. Рябинина*; пѣсня разбита на два №№, потому что сказатель помнилъ лишь отрывки изъ перваго и втораго отдѣла былины); II, № 33, стр. 201—202 (запис. отъ калики изъ деревни Красныя Ляги, Каргопольскаго уѣзда); б) *Гильбердинъ*, № 44, ст. 215—220 (запис. отъ *Тимофея Анисимова* изъ деревни Типеницы Петроваводскаго уѣзда), № 54, ст. 289—295 (отъ *Имж. Прохорова*; *Рыбниковъ*, I, 57, записалъ отъ этого сказателя лишь первый отдѣлъ былины), № 141, ст. 722—727 (запис. въ Сѣногубской волости Петроваводскаго уѣзда, отъ *Домны Вас. Суриковой*), № 259, ст. 1184—1187 (запис. отъ *Ив. Мих. Кропачева*, иначе *Лядкова* въ дер. Мамоновъ на Кеноверѣ), № 284, ст. 1240—1242 (запис. отъ *Марьи Вас. Лоскуновой* изъ дер. Горки на Кеноверѣ); в) *Тихонразовъ и Миллеръ*, отд. II, № 61, стр. 221—231 (записъ сказателемъ *И. А. Касьяновымъ*, крестьяниномъ Олопец. губ.), № 62, стр. 231—233 (запис. въ дер. Трихнова Горка, Пудожск. уѣзда, отъ кр. П. О. Еремѣевой), № 63, стр. 234—236 (запис. въ дер. Трихнова Горка отъ кр. Я. С. Еремѣева); г) Сказка о Васильѣ Буслаевичѣ, записанная въ Пермской губерніи, над. *Аванасъевымъ* (Народныя русскія сказки, кн. III, № 176, стр. 135—136) и *Безсоновымъ* (Пѣсни, собр. Кирьескимъ, V, прилож., № 1, стр. I—II).

Извѣстна еще глубочная картина, на которой изображенъ «сильный богатырь Буслай Буслаевичъ» (*Ровинскій*, Русскія нар. картинки, кн. I, стр. 40, кн. IV, стр. 134—135); текста при картинѣ нѣтъ. Особо стоятъ пѣсни съ именемъ Василья, помѣщенные въ сборникахъ *Рыбникова*, ч. II, №№ 14 и 49. *Тихонразова* и *Миллера*, № 60. Я не упомянулъ о пересказѣ новгородской былины, напечатанномъ *Сахаровымъ* будто бы по «рукописи, принадлежавшей тульскому купцу Бѣльскому» (Сказанія русскаго народа, т. I, ч. IV, стр. 16—22). Текстъ этого пересказа представляетъ полное сходство съ пѣснями Кирши №№ IX и XVIII; разница замѣчается только въ написаніи нѣкоторыхъ словъ (вмѣсто: «въ славномъ... Новѣградѣ»—во славномъ Новѣгородѣ; вмѣсто «оставалось чадо милое»—осталось чадо; вмѣсто «и ходя въ городѣ уродуетъ»—и ходитъ въ городѣ уродуетъ и т. п.); двѣ пѣсни Кирши напечатаны *Сахаровымъ* одна за другой подъ общимъ заглавіемъ («Василій Буслаевъ»), придающимъ тексту видъ своднаго пересказа. Не имѣетъ самостоятельнаго значенія и упомянутая выше сказка *Сахарова*, составленная по Чулкову и Киршѣ. Пѣсня о Васильѣ гостинномъ сынѣ (*Кир.*, VII, стр. 54; прилож., стр. 13—15) отнесена къ кругу былинь о Васильѣ Буслаевичѣ по догадкѣ г. *Безсонова*.

одинаковой полнотой и ясностью. Пересказы раздѣльные вообще полнѣе пересказовъ сводныхъ. Составъ былины можно свести къ слѣдующимъ отдѣламъ:

1) Василій, сынъ стараго Буслая, рано лишившись отца, остается на попеченіи матери.

Въ славномъ Великомъ Новѣградѣ
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ;
Съ Новымъ городомъ жилъ, не перечился,
Со мужики Новгородскими
Поперекъ словечка не говаривалъ.
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и переставился.
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалоса его житье-бытье
И все имѣніе дворянское;
Осталася матера вдова,
Матера Амелфа Тимофеевна,
И оставалоса чадо милое
Молодой сынъ, Василій Буслаевичъ:

(*Кирша*, стр. 72).

Эти свѣдѣнія объ отцѣ и матери Василья сходно передаются въ большей части пересказовъ ¹⁾; можно замѣтить лишь нѣкоторое колебаніе въ обозначеніи именъ и въ опредѣленіи возраста родителей Василья. Отецъ его называется: Буславъ, Буславлюшко, Буславлюшко (*Рыбниковъ*, I, №№ 55, 56; III, 39; *Гильфердингъ*, 30, 44, 141, 286; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, II, 61, Пермская сказка), Буславей (*Рыбниковъ*, II, 32), Буслаевъ (*Рыбниковъ*, II, 33), Бусланей (*Рыбниковъ*, II, 14), Буслай, Буслаюшко (*Кирша Даниловъ*, IX, *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 62, сказка Сахарова, лубочная картинка), Богуслай (сказка Чулкова). Изъ всѣхъ этихъ вариантовъ останавливаетъ вниманіе послѣдній. Называя Васильева отца Богуслай ²⁾, Чулковъ, очевидно, имѣлъ въ виду родство эпическихъ формъ: Буслай, Буславъ, съ именемъ Богуславъ. Догадка Чулкова подтверждается филологами нашего времени: «*Буславъ*, замѣчаетъ А. Ив. Соболевскій,—изъ *Богуславъ*, съ опущеніемъ г=h, откуда отчество

¹⁾ Въ пересказахъ *Рыбн.* I, 57, 58; *Киршевскій*, V, 1, 2; *Гильф.* 54, 289, 284; *Тихонр.* и *Миллеръ*, II, 63, 64, прилож. VI свѣдѣнія объ отцѣ Василья забыты.

²⁾ Въ пересказѣ, записанномъ Гильфердингомъ отъ Ив. Гусева, (*Тихонравовъ* и *Миллеръ*, прилож. VI) отчество Василья—*Богуслаевичъ*. Въ такомъ наименованіи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ выраженіяхъ этого пересказа, замѣтно, повидному, вліяніе Чулковской сказки.

Буславлевичъ, Буславличъ, искаженное Буславьевичъ, Буславьичъ,— одно изъ древнихъ и общеславянскихъ именъ. Оно было у насъ въ древности, повидимому, въ значительномъ употребленіи. Мы знаемъ въ XIII вѣкѣ новгородскаго боярина Богуслава ¹⁾. 1-я Псковская лѣтопись подъ 1500 годомъ говоритъ о посадникѣ Ѳомѣ Буславичѣ. Деревня Буславля упоминается въ XVII вѣкѣ (*Тихонравовъ*, Владимірскаго сборникъ, 186); село *Буслаево* существуетъ теперь въ Костромской губерніи. Фамилія Буслаевъ пользуется у насъ нѣкоторою распространенностью. Имя Богуславъ у чеховъ и поляковъ было нѣкогда въ большомъ употребленіи ²⁾. Не отвергая этого объясненія, замѣчу, что возможна и иная догадка. Нельзя ли въ самомъ дѣлѣ предположить имя болѣе близкое къ формамъ: Буславъ, Буслай? Такимъ предполагаемымъ именемъ могло бы быть: Боуславъ (какъ Святославъ, Всеславъ, Вячеславъ), откуда черезъ стяженіе безударнаго *ю* съ предшествующею гласной (какъ *мово* вм. *моого*) образовалась форма Буславъ. Припомнимъ древнее употребленіе слова буй: «буй Рюриче», «буй Романе», «бuego Святославича» (въ *Словѣ о полку Игоревѣ*). Мать Василья называется: Мамелфа Тимоеевна (*Рыбниковъ*, I, 56, 58, 60; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, прил. VI), Амелфа (*Кирша*, IX, XVIII; *Рыбниковъ*, III, № 39; *Киртесскій*, V, 1, 2; *Гильфердингъ*, 286; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, II, 64; сказки Чулкова и Сахарова), Омельфа (*Гильфердингъ*, 30; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, II, 62, 63), Емельфа (*Рыбниковъ*, II, 33), Намельфа (*Гильфердингъ*, 44), Мальфа (*Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 61) Ванильфа, Вамильфа (Пермская сказка), Фетьма (*Гильфердингъ*, 141), Авдотья Васильевна (*Рыбниковъ* I, 55), Офимья Александровна (*Рыбниковъ*, I, 57 = *Гильфердингъ*, 54). Изъ перваго ряда вариантовъ слѣдуетъ остановиться на формѣ Мамелфа. Мамелхва, имя св. мученицы IV вѣка, память которой отмѣчается въ святцахъ подъ 5 октября ³⁾; извѣстно и небольшое сказаніе объ ея житіи и стра-

¹⁾ На этого Богуслава указывалъ еще раньше *и. Иловайскій* (*Исторія Россіи*, ч. II, стр. 343). «Подъ 1228—1229 г. она (новгородская лѣтопись) упоминаетъ о знатномъ новгородцѣ Богуславѣ Гориславичѣ (который могъ быть отцомъ ватамана повольниковъ Василія Богуславича).

²⁾ *Соболевскій*, Замѣтки о собственныхъ именахъ въ великорусскихъ былинахъ, стр. 103—104 (*Живая Старина*, 1890 г. вып. II). Ср. *его же* Лекція по исторіи русскаго языка, изд. 2, стр. 96, 113. Тождество именъ Буславъ и Богуславъ предположено было еще *и. Безсоновымъ* (*Пѣсни*, собр. *Киртесскимъ*, V, стр. LXVI).

³⁾ *Сергій арх.*, Полный мѣсяцесловъ Востока, т. II; стр. 265, 320—321.

давіяхъ ¹⁾, Въ памятникахъ древней письменности попадаются упоминанія о русскихъ женщинахъ, носившихъ имя Мамелфы ²⁾. Въ нашемъ эпосѣ это имя пользуется почему-то особеннымъ вниманіемъ: Мамелфой зовется и мать Василья Буслаевича, и мать Добрыни, и мать Збута Королевича, и мать Соловья Будиміровича.

Въ большей части пересказовъ повторяется указаніе на девяностолѣтній возрастъ Буслава. Пересказъ Гильфердинга № 286 опредѣляетъ продолжительность жизни Буслава столѣтіемъ:

И жиль-то Буславьюшко сто годовъ
И жиль-то Буславьюшко, не старѣся ³⁾,
И теперь-то Буславьюшко преставился. (Ст. 1243).

Нѣкоторые варианты заходятъ еще дальше, причудливо присоединяя къ 90 годамъ «цѣлу тысячу» (*Рыбниковъ*, III, 39; *Гильфердингъ*, 44, 141). Что касается матери Василья, то вмѣсто выраженія: «матера вдова» (*Кириша*, IX; *Кирѣевскій*, V, 1, 2; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 64), находимъ въ нѣкоторыхъ вариантахъ противоположное обозначеніе: молодая (*Гильфердингъ*, 141, 286; пермская сказка); остальные пересказы, не указывая возраста Мамелфы, ограничиваются названіемъ: «честна вдова».

Есть одинъ только пересказъ (*Рыбниковъ*, I, 55), который во вступительной части былины о Васплѣ представляетъ очень важное и интересное дополненіе. «Передъ былиной,—говоритъ Рыбниковъ,—старикъ ³⁾ рассказалъ, что у Буслава долго не было дѣтей.

¹⁾ Великія Миней-четія м. *Макарія*, изд. Археогр. Комм., выпускъ 5, ст. 806—807, 808—809.

²⁾ Въ житіи св. Зосимы и Савватія записано «Чудо преподобнаго Зосимы о Матееи и о женѣ его *Мамельфѣ*» (*Титовъ*, Житіе Зосимы и Савватія..., стр. 67); въ библіотекѣ Чудова монастыря есть рукописный потребникъ съ такою приписью: «*Мамелѣа* Матвѣева дочь, троецкаго попа Ларивонова попадѣя, продала еси книгу потребникъ мужа своего, поповъ, старцу Боголѣпу» и т. д. (Памятники древней письменности, вып. VI, 1879 г., стр. 157). Устраняется догадка г. *Лавровскаю* (*Дух. Вѣстникъ*, 1864 г., т. IX, стр. 356, примѣч.) о связи эпической Амелфы Тимошеевны съ *Амелфией* или *Мемфией*, женой Пентефрія, по апокрифнымъ сказаніямъ объ Іосифѣ.

³⁾ Это выраженіе «не старѣлся» повторяется въ нѣсколькихъ пересказахъ: *Рыбниковъ*, I, 55; II, 33; III, 39; *Гильфердингъ*, 141.

⁴⁾ Въ «Замѣткѣ собирателя», помѣщенной въ приложеніи къ III тому сборника Рыбникова, сообщаются слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ старикѣ: «въ Колодверѣ я отыскалъ первостепеннаго сказателя, слишкомъ девяностолѣтнаго старика, знавшаго древніе пересказы о Ставрѣ, Чурилѣ, Ильѣ, Дюлѣ, Михайлѣ Потыкѣ, Василѣ Буславѣ; будь я здоровъ, я съ нимъ не расстался бы; а

Стоснулся Буславъ, садился на бѣль-горючъ камень, повѣсилъ буйную головушку, утупилъ очушки во сыру землю, думалъ про себя, удумливалъ: какъ бы породить ему любимое дѣтище. Объявилась ему Бабица матерая и говорила таковы слова: «Эхъ ты, Буславъ Сеславьевичъ! не могъ ты дотерпѣть трехъ мѣсяцевъ, износу дѣтищу не было бы! Ступай-ка къ Авдотѣ Васильевны, бери за груди за бѣлья,.... заигрывай. Понесетъ она дѣтище любимое, сильнаго могучаго богатыря» (стр. 335). Не смотря на то, что эта вступительная замѣтка удержалась только въ одномъ пересказѣ, мы не можемъ не признать ее частью древнѣйшаго состава былины. Старикъ, отъ котораго слышалъ Рыбниковъ разсказъ о Буслаѣ и Бабицѣ матерой, очевидно, не присочинялъ, а лишь смутно припоминалъ полузабытую имъ эпическую интродукцію. Память измѣняла пѣвцу, и онъ передалъ содержаніе разсказа въ неясномъ и несомнѣнно измѣненномъ видѣ. Настроеніе Буслава изображается съ неопредѣленною нѣсколько забавной: «утупилъ очушки во сыру землю, думалъ про себя, удумливалъ: какъ бы породить ему любимое дѣтище». Слова старухи: «не могъ ты дотерпѣть трехъ мѣсяцевъ», неясны. Въ передачѣ колодозерскаго старика уцѣлѣли лишь общія очертанія древняго сказанія. Родители Василья долго, до старости, не имѣли дѣтей. Буславъ тоскуетъ; онъ рѣшается даже нарушить какой-то запретъ (не дотерпѣлъ трехъ мѣсяцевъ), лишь бы не умереть безъ потомства. Матерая бабица помогаетъ Василью добиться желаемаго; очевидно, этой женщинѣ придается какое-то особое значеніе, значеніе вѣдуньи, волшебницы. Что былина о Васильѣ изображала его рожденіе, какъ явленіе необычайное, это подтверждается и упоминаніемъ о преклонныхъ лѣтахъ Буслая. Онъ умеръ 90 или 100 лѣтъ, оставивъ сына *молодаго* Василья Буслаевича. Какова была эта молодость, видно изъ дальнѣйшаго содержанія былины: мы узнаемъ, что Василій спустя уже нѣкоторое время послѣ смерти отца достигъ семилѣтняго возраста.

Въ памятникахъ народнаго эпоса можно найти немало разсказовъ о бездѣтныхъ старикахъ, которымъ только въ концѣ жизни приходится испытать чувство родительской любви. Буслай и Амелфа принадлежать къ числу такихъ именно стариковъ, но самъ Василій

тутъ пришлось записать 5 былинь и некого было попросить заступитъ мое мѣсто, потому что даже старшина былъ не грамотенъ. Мы ѣздили, правда, списать всѣ известныя ему пересказы; но общеніе такъ и осталось общеніемъ» (стр. XXXI). Пересказы колодозерскаго старика записаны Рыбниковымъ въ 1860 году.

совсѣмъ не напоминаеть тѣхъ вымоленныхъ, небомъ дарованныхъ дѣтей, рассказы о которыхъ помнить каждый, также какъ и «бабица матерая» не похожа на вѣстницу неба. Рожденіе Василья связано съ нарушеніемъ какого-то запрета; въ этомъ рожденіи обнаружилось воздѣйствіе какихъ-то темныхъ силъ и мутныхъ внушеній.

2) Когда Василью исполнилось семь лѣтъ, мать отдала его учиться грамотѣ.

Будеть Василья семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амельфа Тимоеевна,
Учить его во грамотѣ.
А грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила перомъ его писать,
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣтью учить церковному,
Пѣтье Василью въ наукъ пошло ¹⁾.
А и пѣть у насъ такова пѣвца,
Во славномъ Новѣгородѣ,
Сопротивъ Василья Вуслаева.

(Кирша, 73).

Въ сходныхъ выраженіяхъ описываетъ ученье Василья пересказъ, записанный въ Москвѣ:

Отдала она его грамотѣ учить:
Грамота Василью въ руку пошла.
Обучивши его грамотѣ,
Отдала его пѣтью учить.
Вотъ и не было у насъ такого пѣвца,
Какъ Василія Вуслаевича.

(Тихоноровъ и Миллеръ, стр. 236).

Въ Пермской сказкѣ: «Отдала Ванильфа Тимоеевна своего сына любимого старику Угрумишу учить во листы писать; а выучился Василій Вуслаевичъ не во листы писать, а выучился соколомъ летать» (Киртесскій, V, прилож., стр. I).

Въ пересказѣ Рыбниковъ, I, 56 новья подробности:

Будеть Василій семнадцати лѣтъ,
Обучился Василій наукъ воинскихъ, ²⁾
Воинскихъ наукъ и рыцарскихъ. (Стр. 345).

¹⁾ Сахаровъ въ сказкѣ говоритъ иное: «Грамота и пѣвье Василь въ науку не пошло» (Киртесскій, V, прилож., стр. XIII).

²⁾ Ср. въ пересказѣ, записанномъ г. Куликовскимъ:

Стать Васильюшко конемъ владать,
Конемъ владать, копьемъ шормовать.

(Миллеръ и Тихоноровъ, стр. 231).

Въ остальныхъ пересказахъ упоминанія объ ученѣ Василя нѣтъ.

3) Непривлекательны были задатки нравственнаго характера Василя: онъ рано сталъ обнаруживать дурной задоръ, жестокость, склонность къ буйству и насилію.

Поводился вѣдь Васька Буслаевичъ
 Со пьяницы, съ безумницы,
 Съ веселыми удалыми добрыми молодцы.
 Допьяна ужъ сталъ напиваться,
 А и ходя въ городъ уродуетъ:
 Котораго возьметъ онъ за руку,
 Изъ плеча тому руку выдернетъ;
 Котораго задѣнетъ за ногу,
 То изъ.... ногу выломить;
 Котораго хватить поперекъ хребта,
 Тотъ кричить, реветъ, окарачъ ползеть.

(Кириш, 73).

Проказы Василя сходно изображаются и въ другихъ вариантахъ. Нѣкоторые пересказы присоединяютъ при этомъ указаніе на возрастъ Василя:

Стало ему быть пятнадцать лѣтъ,
 Сталъ онъ на улица похаживать,
 Со робятмы шутки пошучивать:
 Кого за ногу, нога-то прочь,
 Кого за руку, рука-та прочь.

(Гильбердинъ, ст. 153).

Это указаніе на пятнадцать лѣтъ повторяется въ сказкахъ Чулкова и Сахарова (*Киртневскій*, V, Прилож. стр. III, XIII — XIV). Въ пересказѣ *Рыбниковъ*, I, 56 порядокъ подробностей измѣненъ: рассказъ о недобрыхъ играхъ Василя предшествуетъ упоминанію объ ученѣ; соответственно съ этимъ измѣнено и указаніе лѣтъ.

Будетъ Василій семи годовъ,
 Сталъ онъ по городу похаживать,
 На княженецкій дворъ онъ сагуливать,
 Сталъ шутить онъ, пошучивать,
 Шутить-то шуточки недобрыя
 Со боярскими дѣтмы, со княженецкими:
 Котораго дернетъ за руку, рука прочь,
 Котораго за ногу, нога прочь,
 Двухъ-трехъ виѣсто столкнетъ, безъ души лежать.

Далѣе:

Будетъ Василій семнадцати лѣтъ,
 Обучился Василій наукъ воинскихъ и проч. ¹⁾.

(Стр. 344—345).

¹⁾ Быть можетъ, такое размѣщеніе подробностей имѣло основаніе въ древ-

Новгородцы, выведенные изъ терпѣнія шуточками Василья, обращаются къ его матери съ жалобами и угрозами:

Стали приходять мужики да новгородскіи
 Къ его матушкѣ честной вдовы Омельфы Тимоеевной:
 „Ай же ты, матушка честна вдова Омельфа Тимоеевна!
 Ты уйми-тко свое чадо одинакое,
 Молода Василья Буслаевича,
 Не оставить-то людей на смена“.

(*Гильбердинъ*, ст. 153; ср. ст. 215—218).

Или:

Стали къ Васильевой матушкѣ похаживать,
 Похаживать стая, похаживаться:
 „Ай же ты, честна вдова Амелфа Тимоеевна!
 Уйми-тко свое чадо милое;
 А не уймешь Василья сына Буслаева,
 Пихнемъ его въ рѣку Волхову“.

(*Рыбниковъ*, III, стр. 233; ср. *Гильбердинъ*, ст. 722).

По пересказу Кирши Данилова, мать Василья, выслушавъ жалобы новгородцевъ, стала его журить:

А и мужики Новгородскіе,
 Посадскіе, богатые
 Принесли жалобу они великую
 Матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимофеевнѣ
 На того на Василья на Буслаева;
 А и мать-то стала его журить-бранить,
 Журить-бранить, его на умъ учить.

(Ст. 74).

Подобное же указаніе на материнское уговариваніе находимъ у *Рыбникова*, I, 56, и *Гильбердинъ*, 141 ¹⁾. Иную рѣчь ведетъ Васильева мать въ пересказахъ: *Рыбниковъ*, I, 55, II, 33; она не журить сына, а совѣтуетъ ему собрать дружину хоробрую;

ней редакціи былины, которая, кромѣ обученія грамотѣ, могла говорить и о воинскихъ упражненіяхъ Василья. Въ дѣтствѣ онъ учился читать и пѣть, а въ годы юности «обучился науцѣ воинскихъ».

¹⁾ У *Чулкова*: «Собираются посадники новгородскіе, думаютъ крѣпку думушку, они приходять къ его родимой матери и говорятъ громкимъ голосомъ: «Ты гой еси честная жена Амелеа Тимоеевна! Уйми ты свое мило чадо Василья Богуслаевича, чтобъ онъ не ходилъ на улицу на Рогатицу и не игралъ бы по-своему: уже нашъ Великой градъ отъ его шутокъ людьми порѣже сталъ». Мать уговариваетъ сына (*Киртесскій*, V, Прилож., стр. III). Сказка Сахарова и въ этомъ, какъ и въ другихъ отдѣлахъ, даетъ словъ Кирши и Чулкова.

„Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
 Прибирай-ка собѣ дружину хоробрую,
 Чтoby никто ти въ Новѣградѣ не обидѣлъ“.
 (*Рыбн.* I, стр. 336. Ср. *Тихонр.* и *Милл.*, стр. 222).

Первая версія (журьба матери) представляется болѣе соотвѣтствующей общему содержанию и ходу быliny.

Въ пересказахъ *Рыбниковъ*, I, 57, 58, II, 32 (= *Гильфердингъ*, 103); *Киртесскій*, V, 1, 2; *Гильфердингъ*, 259. 284; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, II, 63; Прилож. VI рассказъ о проказахъ Василья опущенъ.

4) Жалобы и угрозы новгородцевъ раздражили Василья. Онъ задумываетъ новыя, болѣе опасныя шуточки: собираетъ шайку сорванцевъ и дѣлается ея предводителемъ.

Журьба Васькѣ не взлюбилася,
 Пошелъ онъ, Васька, во высокъ теремъ,
 Садился Васька на ременчатый стулъ,
 Писалъ ярмки скорописчаты,
 Отъ мудрости слово поставлено:
 „Кто хочетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
 Валися къ Васькѣ на широкой дворъ,—
 Тотъ пей и ѣшь готовое
 И носи платье разноцвѣтное“.
 Разсмалъ тѣ ярмки со слугой своимъ ¹⁾
 На тѣ улицы широкія
 И на тѣ частые переулочки;
 Въ то же время поставилъ Васька чанъ среди двора,
 Наливалъ чанъ половъ зелена вина,
 Опущалъ онъ чару въ полтора ведра.
 Во славномъ было во Новѣградѣ,
 Грамотны люди шли,
 Прочитали тѣ ярмки скорописчаты,
 Пошли ко Васькѣ на широкой дворъ,
 Къ тому чану, зелену вину;
 Въ началѣ былъ Костя Новоторженинъ,
 Пришелъ онъ Костя на широкой дворъ,
 Василій тутъ его опробовалъ,
 Сталъ его бити червленымъ вязомъ, —
 Въ половинѣ было налито

¹⁾ По пересказу *Рыбниковъ*, I, 55, Василій писалъ «скорописчатые ярмки», привязывалъ ихъ къ стрѣлочкамъ и стрѣлочки стрѣлялъ по Новуграду. (ср. *Гильфердингъ*, № 44). Въ переск. *Рыбниковъ*, II, 83; «Написалъ онъ писемышко... и бросалъ писемышко на Волховъ мостъ». (Ср. *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 61). У *Чукова*: «Посылаетъ онъ бирючей по всѣмъ улицамъ и велитъ имъ кличь кликати».

Тяжела свинцу чебурацкаго,
 Вѣсомъ тотъ вязъ былъ въ двѣнадцать пудъ.
 А бьетъ овъ Костю по буйной головѣ,
 Стоитъ тутъ Костя не шевельнется
 И на буйной головѣ кудри не тряхнутся.
 Говорилъ Василій, сынъ Буслаевичъ:
 Гой еси ты, Костя Новоторженниъ!
 А и будь ты мнѣ названой братъ,
 И паче мнѣ брата родимаго“.
 А и мало времени повамѣшкавши
 Пришли два брата боярченка,
 Лука и Мовсей, дѣти боярскіе,
 Пришли ко Васькѣ на широкой дворъ;
 Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ,
 Тѣмъ молодцамъ сталъ радощень и веселешенець.
 Пришли тутъ мужики Залешена,
 И не смѣлъ Василій показаться къ нимъ.
 Еще тутъ пришло семь братьевъ Сбродовичи.
 Собиралися, сходилися
 Тридцать молодцовъ безъ одинаго ¹⁾,
 Овъ самъ Василій тридцатой сталъ
 Какой зайдетъ, убьютъ его.
 Убьютъ его, за ворота бросать ²⁾.

(*Кирша*, стр. 74—76).

По пересказу *Гильбердина* № 141, Василій завелъ у себя «почестень пирь» и выставилъ бочку и чару съ надписью:

„Тотъ поди ко мнѣ на почестень пирь,
 Кто выпьетъ эту чару зелена вина,
 Кто истерпи мой череной вязъ“.
 Какъ идутъ мужики новгородскіе,
 Скажутъ: къ чорту Василя и съ честнымъ пиромъ.

(Ст. 723).

По другимъ пересказамъ новгородцы напротивъ являются на зовъ Василя цѣлой толпой:

И собиралися мужики новгородскіе уваламы,
 Уваламы собиралися, переваламы,
 И пошли къ Василю на почестень пирь.

¹⁾ Это число (тридцать безъ одинаго) повторяется и въ другихъ пересказахъ: *Рыбникова*, I, 56, 58.

²⁾ Сходно изображается выборъ дружины въ пересказѣ *Рыбникова*, II, 38, упоминаются: Иванище Сильное, Потанюшко Хромненькой, Васиенька Маленькой; всего «набралоса тридцать удалыхъ, добрыхъ молодцевъ». Тридцать число эпическое. «Тридцать молодцевъ безъ одинаго» составляютъ дружину Вольги; тридцать богатырей застаютъ Илья Муромецъ у князя Владимира; дружина, состоящая изъ тридцати удалцевъ, известна и въ сербскомъ эпосѣ (См. *Миллеръ*, Илья Муромецъ, стр. 198, 313, 338; 166, 364).

Пировавшие у Василья дорого заплатились за его угощение:

Высочилъ Василій на широкій дворъ,
Хваталъ-то Василій черный вязъ
И зачалъ Василій по двору похаживати,
И зачалъ онъ вязомъ помаживати:
Куды махнетъ, туды улочка,
Перемахнетъ—переулочекъ;
И лежатъ-то мужики уваламы,
Уваламы лежатъ, переваламы,
Набило мужиковъ, какъ погодою.

(*Рыбниковъ*, I, 55, стр. 336—337; ср. III, 39, стр. 233—234; *Гильфердингъ*, 44, ст. 216; 259, ст. 1184; *Киртесский*, V, I, стр. 2—4; 2, стр. 8—9).

Вследъ за пиромъ (*Рыбниковъ*, I, 55; *Киртесский*, V, 2) или во время самого пира (*Рыбниковъ*, III, 39; *Гильфердингъ*, 259) Василій подбираетъ себѣ дружину, испытывая проходящихъ добровольцевъ чарой и вязомъ. Немногіе отваживаются на такое испытаніе: Костя Новоторжанинъ, Потанюшка Хроменькій, Хомушка Горбатенькій (*Рыбниковъ*, I, 55); Оома Толстородливой, Костя Бѣлозерянинъ, Ванюша Новгороджанинъ (*Гильфердингъ*, 259); Котельная Пригарина, Потанюшко Хроменькій (*Киртесский*, V, 1—2).

Пересказы *Рыбниковъ*, I, 57 и 58, отдѣляютъ пиръ отъ выбора дружины: въ первомъ вариантѣ собраніе добровольцевъ (упоминаются Потанюшка упалый и Оома благоуродливый) предшествуетъ пиру; во второмъ вариантѣ—порядокъ обратный.

Одинъ изъ отмѣченныхъ пересказовъ (*Гильфердингъ*, 259) указываетъ возрастъ Василья, когда онъ собиралъ дружину:

Молодой Василій Буславьевичъ
Да во млада лѣта былъ—восемнадцать лѣтъ,
Заводилъ онъ почестень пиръ—
Изобратъ себѣ дружина хоробрая.

(Ст. 1184).

Въ пересказахъ *Рыбниковъ*, II, 32 (= *Гильфердингъ*, 103); *Гильфердингъ*, 284, 286; *Тихомировъ* и *Миллеръ*, 62, 63, 64, а также въ Пермской сказкѣ описаніе выбора дружины опущено.

5) Васька и его дружинники появляются на пиру, гдѣ собрались новгородцы, и затѣваютъ съ ними ссору. Какъ описаніе самого пира, такъ и разсказъ объ обстоятельствахъ ссоры представляютъ нѣсколько вариантовъ.

а) Василий появляется на «братчинѣ», устроенной новгородцами въ складчину.

Послышалъ Васишка Буслаевичъ,—
У мужиковъ новгородскихъ
Канунъ варенъ, пива ячныхъ,
Пошелъ Василий со дружиною,
Пришелъ во братчину въ Никольщину.
„Не малу мы тебѣ сыпь платимъ:
За всякаго брата по пяти рублевъ“.
А за себя Василий даетъ пятьдесятъ рублей.

(Кириша, стр. 76. Ср. Киртескій, V, 1 и 2).

Въ пересказахъ *Гильфердингъ*, 141, *Рыбниковъ*, I, 57 (= *Гильфердингъ*, 54) пиръ не называется братчиной, хотя устроителями пира представляются «новгородскіе мужики» вообще:

Тутъ мужики новгородскіе
Заводили они почестенъ пиръ,
Накурили они зелена вина,
Наварили пива пьянаго,

(*Гильфердингъ*, ст. 723).

Нѣкоторые варианты называютъ при этомъ отдѣльныя имена: Викулы Окулова *Рыбниковъ*, II, 33, *Тиханоровъ* и *Миллеръ*, 61) Микуды Селяниновича, Козьмы Родіоновича (*Рыбниковъ*, III, 39), Николы Зиновьевича, Оомы Родіоновича (*Киртескій*, V, 1, 2). Пересказъ *Гильфердингъ*, 286, упоминаетъ о новгородскомъ старостѣ:

У тово ли новгородскаго старосты
И хорошъ былъ заведенъ почестной пиръ
И на сильни могучи богатыри
И на всѣ полчищи удалые
И на всѣ на добрые молодцы.

(Ст. 1243).

Пермская сказка хозинномъ пира называетъ учителя Василья—старика Угрюмца (*Киртескій*, V, прилож., стр. I); нѣкоторые Рыбниковскіе пересказы упоминаютъ князи (I, 55) или князей новгородскихъ (I, 56) ¹⁾.

¹⁾ По пересказамъ *Рыбниковъ*, II, 32 (= *Гильфердингъ*, 103) и *Гильфердингъ*, 259, пиръ идетъ у князя Владиміра. Пѣсня *Рыбниковъ*, I, 57, не упоминая о Владимірѣ, припутываетъ къ Новгороду Кіеву: «Молодой Васильюшка Буслаевичъ, онъ ходилъ-гулялъ по городу по Кіеву». По пересказу, записанному Гильфердингомъ отъ Ив. Гусева, пиръ завелъ Грозный царь Ивагъ Васильевичъ. Ко времени этого пира отнесенъ и выборъ Васильемъ дружинниковъ; упоминаются Поташенька сутулъ-горбать, Васька Бѣлозерянинъ (*Тиханоровъ* и *Миллеръ*, стр. 289—290).

б) Василий, по некоторымъ пересказамъ, является на пиръ незваный. Мужики новгородскіе.

А всихъ-то они на пиръ позвали,
А Василья Буслаевича и не позвали.
Спроговори Василій сынъ Буслаевичъ:
— Пойду я, матушка, на почестень пиръ!
Спроговорятъ матушка родимая,
Молодая Фетля Тимофеевна:
„Не ходи, Василій, на почестень пиръ!
Вси придуть на пиръ гости званыи,
Ты придешь на пиръ незваный гость“.
Спроговорятъ Василій сынъ Буслаевичъ:
„Пойду я, матушка, на почестень пиръ!
Куда меня посадятъ, я тамъ сажу,
Что могу достать, то я ѣмъ да пью“.

(*Гильфердингъ*, 141; ср. *Рыбниковъ*, I, 55; III, 39).

Пересказъ *Рыбниковъ*, II, 33 рисуеъ, какъ незванный гость силой вторгается на пиршество:

И говоритъ молодой Василій сынъ Буслаевичъ:
„Пойдемъ-те-тка, брати, въ почестный пиръ
Ко тому къ Викулы къ Окулову“.
И пошли-то они въ почестный пиръ
Къ Викулы ко Окулову.
И увидѣли мужики новгородчана,
Что идетъ Василій сынъ Буславьевичъ,
И заложили ворота крѣпко-во-крѣпко.
И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
„Ай же ты, Васинька Маленькой!
Вскочи-тко ты въ широкій дворъ,
Найди-тко вѣтрянку маненьку ¹⁾
И подними-тко ты съ широка двора,
Отвори-тко ворота-тѣ на пату
И зазови-ко меня хлѣба-соли кушати“.

Васинька Маленькій исполняетъ волю атамана:

И заходилъ Василій сынъ Буслаевичъ
Ко тому Викулѣ ко Окулову
И садился во большомъ углу.

(Стр. 204—205. Ср. *Тихомировъ* и *Миллеръ*, стр. 224—225).

Въ пересказѣ *Рыбниковъ*, I, 57 (= *Гильфердингъ*, 54) объясняется, почему именно новгородцы не пригласили Василья: они чувствовали себя обиженными:

¹⁾ Вѣтрянка — жердь.

Сдѣлалъ-то Васильюшка почестенъ пирь
 Для тыхъ мужичковъ новгородскіихъ

 Кормилъ-поилъ Васильюшка Буслаевичъ
 Свою ли дружину хоробрую,
 А тыхъ мужиковъ новгородскіихъ
 Не кормилъ, не поилъ, да ни чувствовалъ,
 А посылалъ по въ-зашей да въ сутычъ ихъ.
 Тутъ-то мужики новгородскіе
 Впдятъ, что не хорошо то-есть:
 „Осмѣмся мы насмѣшку Васильюшкѣ,
 Сдѣлаемъ мы, ребята, почестенъ пирь,
 Заведемъ для Василья для Буслаевича,
 Не позовемъ-ка мы на почестенъ пирь
 Того Васильюшку Буслаева.

(Стр. 352—353).

Пѣсня въ сборникѣ Кириши представляетъ дѣло иначе: Василій вступаетъ въ братчину съ согласія старосты:

А и тотъ-то староста церковной
 Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину,
 А и зачали они тутъ канунъ варенъ пить
 А и тѣ-то пива ячмыа.

(Стр. 76).

Сказка Чулкова, рассказывая о пирѣ новгородцевъ, описываетъ посѣщеніе Амелфы посадниками: «Пріѣзжаютъ они въ старославенской дворецъ и приходятъ къ княгинѣ, честной женѣ Амелѣ Тимоѣевнѣ съ честію: они просятъ ее въ Великой Новгородъ на почестный пирь. Игъ отвѣтъ держитъ честна жена: «Не мое дѣло по пирамъ ходить; погуляла я и натѣшилась, когда живъ былъ мѡ солнышко, государь Богуслай, вашъ князь. Вы подите къ моему чаду милому Василью Богуслаевичу; можетъ, онъ почтитъ вашъ пирь своею молодостью. Чего ждали, то и сдѣлалось: идутъ мужики новгородскіе къ своему княжичу» и т. д. (*Кириевскій*, V, прилож., стр. VII). По приглашенію является Василій и на пирь князя Владиміра въ пересказѣ *Гильфердингъ*, 259: .

Услыхалъ де солнышко Владиміръ князь да стольне-кіевской,
 Созывалъ онъ Василья къ себѣ на почестенъ пирь.

(Ст. 1184).

в) Опьянѣвшій Васька вызываетъ новгородцевъ на бой.

Тутъ они на пирю напивались,
 Тутъ они на пирю наѣдались,
 Тутъ они другъ другу поперечили,

Подходилъ Васька къ чану зелена вина,
 Размахнулъ Васька въ чанѣ зелено вино,
 Охлеснулъ Васька посудину полтретья ведра,
 Самъ прогдворилъ Васька таково слово:
 „Не боюсь я тебя, Никола Зиновьевичъ,
 Не боюсь я тебя, Ома Родіоновичъ,
 Не боюсь я всего Новгорода!
 Лишó боюсь я крестоваго батюшка,
 Матераго старчища Игнатьища,
 Да боюсь я крестоваго брѣтелка,
 Молода Григорья Игнатьича:
 Имъ отъ меня и честь и почетъ,
 А что по чему, такъ и всѣхъ не боюсь!“
 И ударился Васька о великъ закладъ,
 Не о стѣ рублей, не о тысячѣ,
 Ударился Васька о своей буйной головѣ:
 За утро битъся Васькѣ со всѣмъ Новымъ-городомъ.

(*Киреевскій*, V, 1 и 2).

Въ большей части пересказовъ этотъ вызовъ на бой изображается, какъ выраженіе обычнаго въ эпосѣ застольнаго хвастовства:

Былъ Васильюшка Буславьевичъ
 У князей новгородскихъ на честномъ пиру,
 Напился Василій Буславьевичъ допьяна,
 Напился Василій, порасхвастался
 И ударилъ о великъ закладъ
 Со тремя князьями Новгородскими —
 Выходить на мостикъ на Волховскій
 И биться Василью съ Новымъ-городомъ,
 Побить всѣхъ мужиковъ до единого.

(*Рибниковъ*, I, 56; ср. II, 32, 33; III, 39; *Гильфердингъ*, 259, 284, 286; *Тихоноваго и Миллера*, 61, 62, 63, прилож. VI).

Или:

Всѣ на пиру наѣдались,
 Всѣ на почестномъ напивались
 И всѣ на пиру порасхвастались.
 Возговорить Костя Новоторжанинъ ¹⁾:
 „А нечѣмъ мнѣ-ка, Костѣ похвастати:
 Я остался отъ батюшки малешенежъ.
 Развѣ тымъ мнѣ, Костѣ, похвастати:
 Ударить съ вами о великъ закладъ
 О буйной головы на васъ на Новгородъ,
 Окромѣ трехъ монастырей—
 Спаса Преображенія,
 Матушки Пресвятой Богородицы,

¹⁾ Имя Кости вставлено тутъ, очевидно, по ошибкѣ: слѣдующій за похвалой бой «закладъ» указываетъ на Василья.

Да еще монастыря Смоленскаго.
 Ударилы оны о великѣ закладъ,
 И записи написали,
 И руки приложили,
 И головы приклонили:
 „Итти Василью съ утра черезъ Волховъ мость:
 Хоть свалятъ Василья до мосту,
 Вести на казень на смертную,
 Отрубить ему буйна голова;
 Хоть свалятъ Василья посередъ моста,
 Вести на казень на смертную,
 Отрубить ему буйна голова,
 А ужь какъ пройдетъ третью заставу,
 Тожно больше дѣлать нечего“ .

(Рыбниковъ, I, 55).

Въ двухъ пересказахъ (*Рыбниковъ*, I, 57 и *Гильбердингъ*, 141)
 вызовъ на бой представляется идущимъ не отъ Василья, а отъ нов-
 городцевъ:

Когда ты, Василій, удалъ е,
 Пойдемъ же драться на мостикъ на Волховскій,
 На тою на рѣченьку на Волхову:
 Ты со своимъ со дружинами хоробрима,
 А мы будемъ драться всѣмъ народомъ“ .

(*Рыбниковъ*, I, стр. 353).

Пѣсня у Кириши Данилова вводитъ подробности, не повторяю-
 щияся въ другихъ вариантахъ:

Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ
 Бросился на царевъ кабакъ,
 Со своею дружиною хороброю;
 Напилися они туто зелена вина,
 И пришли во братчину въ Никольщину.
 А и будетъ день ко вечеру,
 Отъ малаго до стараго,
 Начали ужъ ребята боротися,
 А въ иномъ кругу въ кулаки битися;
 Отъ тое борьбы отъ ребячя,
 Отъ того бою отъ кулачнаго
 Началася драка великая;
 Молодой Василій сталъ драку разнимать,
 А иной дуракъ зашолъ съ носка,
 Его по уху оплелъ;
 А и тутъ Василій закричалъ громкимъ голосомъ:
 „Гой еси ты, Костя Новоторженнъ,
 И Лука, Моисей, дѣти боярскіе!
 Уже, Ваську, меня бьютъ“ .

Поскакали удамы добры молодцы,
 Скоро они улицу очистили,
 Прибли уже много до смерти,
 Вдвое, втрое перековеркали,
 Руки ноги цереломали.
 Кричатъ, ревутъ мужики посадскіе;
 Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
 „Гой еси вы, мужики Новгородскіе!
 Бьюсь съ вами о великъ закладъ,
 Напущаюсь я на весь Новгородъ —
 Битися, драться
 Со своею дружиною хороброю;
 Тако вы меня съ дружиною побьете Новымъ Городомъ,
 Буду вамъ платитъ дани-выходы по смерть свою
 На всякой годъ по три тысячи;
 А буде же я васъ побью,
 И вы мнѣ покоритесь,
 То вамъ платитъ мнѣ такову же дань“.
 И въ томъ договорѣ руки они подписали.

(Стр. 76 --78).

Слѣдуетъ, кажется, остановиться на этомъ вариантѣ Кириши, какъ на болѣе древнемъ. Замѣна кулачной потѣхи застольной похвальбой легко объясняется воздѣйствіемъ эпической аналогіи, влияніемъ тѣхъ картинъ пира, которыхъ такъ много въ былинахъ Владимірова цикла. Быть можетъ, и упоминаніе князя въ нѣкоторыхъ пересказахъ, замѣна пива новгородцевъ пиромъ княжескимъ объясняется влияніемъ той же аналогіи. Припомнимъ, что князь въ нѣкоторыхъ вариантахъ прямо называется Владиміромъ стольно-кѣвскимъ. Отмѣчу здѣсь кстати въ пересказѣ Кириши черту древности, хотя и искаженную. Василья принимаетъ въ братчину «староста церковной». При чемъ тутъ этотъ староста? Въ древнемъ текстѣ рѣчь шла, конечно, не о церковномъ старостѣ, а о старостѣ братчины. Позднѣйшій пѣвецъ помнилъ, очевидно, что на пиру выступалъ какой-то староста, но опредѣлить истинное значеніе этого должностнаго лица передатчикъ пѣсни уже не могъ. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что картина именно братскаго пира принадлежала къ древнѣйшему составу былины, ибо только забвеніемъ строя древне-русскихъ братчинъ можно объяснить появленіе «церковнаго старосты» въ роли распорядителя на пиру. Помнитъ, какъ мы видѣли, какого-то «Новгородскаго старосту» и одинъ изъ пересказовъ въ сборникѣ Гильфердинга (№ 286). Подобное же упоминаніе о новгородскомъ старостѣ сохранилось въ пересказѣ Еремѣевой, записанномъ г. Куликовскимъ (*Тихомировъ и Миллеръ*, № 62).

г) Мать Василия, узнавъ объ его «закладѣ», принимаетъ мѣры, чтобы не допустить опаснаго боя.

Провѣдала его государыня матушка,
Честная вдова Мемелфа Тимоеевна,
Про своего сына про Васильюшку,
Что на томъ пиру ударилъ о великъ закладъ,
Выводила своего сына любимаго
Со того ли пира княжецакаго,
Засадила его во погреба глубокіе,

(*Рыбниковъ*, I, 56; ср. *ibidem*, 57).

Нѣкоторые пересказы приводятъ при этомъ разговоръ Мамелфы съ Васильемъ или съ его дружиной:

И пошелъ Василій со пира домой,
Не веселъ идетъ домой, нерадостенъ;
И встрѣчаетъ его желанная матушка,
Честная вдова Авдотья Васильевна:
— Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо, роженое!
Что идешь не веселъ, не радостенъ?
Говорить Васильюшка Буславьевичъ:
„Я ударилъ съ мужикамы о великъ закладъ—
Итти съ утра на Волховъ мость:
Хоть свалить меня до моста,
Хоть свалить меня у моста,
Хоть свалить меня посередь моста,
Вести меня на казнь на смертную,
Отрубить мнѣ буйна голова,
А ужъ какъ пройду третью заставу,
Тожно больше дѣлать нечего“.
Какъ услышала Авдотья Васильевна,
Запирала въ кліточку желѣзную,
Подперла двери желѣзныя
Тымъ ли вязомъ черненымъ ¹⁾.

(*Рыбниковъ*, I, 55; ср. II, 32, III, 39, *Гильфердингъ*,
284, 286; *Киреевскій*, V, 1, 2)

Или Мамелфа спрашиваетъ дружинниковъ Василья:

Каково же васъ, дѣточка,
Во честномъ пиру чествовали?
Говорятъ они таково слово:
„Родитель ты, наша матушка!
Большій братъ нашъ атаманище

¹⁾ Пересказъ *Рыбниковъ*, II, 32, присоединяетъ еще такую подробность:

Тутъ напоила Василья родна матушка
Питіемъ его забудующимъ.

Василій сынъ Буславьевичъ
 Пьяными глазами ударился объ великъ закладъ⁴.
 Взяла его родна матушка,
 Заложивла въ погреба глубокіе.

(*Рыбниковъ*, II, 33; ср. *Гильфердингъ*, 141).

Пересказы *Рыбниковъ*, I, 55, III, 39; *Гильфердингъ*, 141, 284, 286; *Тихомировъ* и *Миллеръ*, 61, 62, 63, а также сказка Чулкова упоминають еще о дарахъ, которые предлагала Мамелфа новгородцамъ, прося ихъ отказать отъ «заклада».

И нашла чашу красна золота,
 Другую чашу чиста серебра,
 Третью чашу скатна жемчуга
 И понесла въ даровья князю Новгородскому¹)
 Чтобы простилъ сына любимаго,
 Говорить князь Новгородскій:
 „Тожно прощу, когда голову срублю!“
 Пошла домой Авдотья Васильевна,
 Закручинилась—пошла, запечалилась,
 Разсыяла красно золото и чисто серебро
 И скатень жемчугъ по чисту полю,
 Сама говорила таковы слова:
 Не дорого мнѣ ни золото, ни серебро, ни скатень жемчугъ,
 А дорога мнѣ буянная головушка
 Своего сына любимаго,
 Молода Васильюшка Буслаева.

(*Рыбниковъ*, I, стр. 341).

Или:

Тутъ молодая Фетьма Тимоеевна
 Чоботы надернула на босы ноги,
 Шубу накиннула на одно плече,
 На мистку положила красна золота,
 На другую чистаго серебра,
 На третью скатнаго жемчуга.
 Пришла она на почестень пиръ,
 Крестъ кладеть по-писаному,
 Поклоны ведеть по-ученому,
 — Здравствуйте, мужики новгородскіе!
 Возьмите дороги подарочки,
 Простите Василья во той винны.
 Говорять мужики новгородскіе:
 „Мы не возьмемъ дороги подарочки
 И не простимъ Василья во той винны.“

¹) «Къ новгородскому ко нову старости» (*Тих. и Милл.*, 62); «къ старосты новгородскимъ» (*ibid.* 63).

Хоть повладѣемъ Васильевыма конями добрыма,
 Повладѣемъ платьями цвѣтными!⁴
 Тутъ молодая Фетъма Тимоѣевна
 Крестъ на лице, да съ терема долой.
 Ударила чоботомъ во липину,
 А улетѣла липина на задній тынъ,
 А у нихъ задній тынъ весь и разсыпался,
 Всѣ крыльца-перильца покосилися.

(*Гильбердингъ*, ст. 724—725).

Въ вариантахъ *Рыбниковъ*, I, 58, *Гильбердингъ*, 30, 44, *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 64 рассказа о ширѣ нѣтъ ¹⁾.

б) На другой день послѣ пира новгородцы и дружинники Василья готовятся рѣшнить, кто выиграетъ положенный закладъ. Начинается бой. Въ это время Василій, запертый матерью въ погребѣ, спокойно спитъ, ничего не вѣдая о томъ, что творится на Волховскомъ мосту. Вѣсть о свалкѣ приносить Василью служанка, «дѣвушка чернавушка» ²⁾, ходившая по воду и видѣвшая Васильеву дружину. Положеніе дружины изображается неодинаково:

а) Какъ дѣвочка, еѣ служаночка,
 Со дубовымъ да со ведерышкомъ,
 Пришла къ Василью во ту погребу,
 Говорила Василью таково слово:
 „Ты, Василій сынъ Буславъевичъ,
 Ты сидишь да вѣдь во погребѣ.
 Какъ идѣ да шумъ да громъ да во Новомъ Градѣ,
 Какъ твои тѣ дружинишки хоробрые,
 Какъ тебя, Василья, ожидаются:
 Еще гдѣ у насъ да славной воинъ есть,
 Славный воинъ-отъ Василій сынъ Буславъевичъ?

(*Гильбердингъ*, 284).

б) Какъ собирались мужики уваламы,
 Уваламы собирались, переваламы,
 Съ тума шалыгами подорожныма,
 Кричатъ оны во всю голову:

¹⁾ Пересказы *Рыбниковъ*, III, 39, *Гильбердингъ*, 141 и 259, *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 63 передаютъ подробности пира и заклада, но не упоминаютъ о запертіи Василья матерью.

²⁾ Только два пересказа (*Киртескій*, V, 1 и 2) опускаютъ рассказъ о служанкѣ; по этимъ пересказамъ, проснувшійся Василій самъ вспоминаетъ о товарищахъ. Припомнимъ, что образъ «дѣвушки-чернавушки» появляется, какъ известно, и въ другихъ былинахъ: чернавка извѣщаетъ Бермяту о знакомствѣ его жены съ Чурилой; чернавку выбираетъ себѣ въ жены Садко, попавшій къ морскому царю. Въ пересказѣ Касьянова чернавку замѣняетъ «нянька Буславьева» (*Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 61).

„Ступай-ка, Василій черезъ Волховъ мость,
 Рушай-ка завѣты великіе!“
 И выскочилъ Хомушка Горбатенькій,
 Убилъ-то онъ силы за цѣло сто,
 И убилъ-то онъ силы за другое сто,
 Убилъ-то онъ силы за третье сто,
 Убилъ-то онъ силы до пяти сотъ.
 На смѣну выскочилъ Потанюшка Хроменькій
 И выскочилъ Костя Новоторжанинъ.

Служанка говоритъ Василью:

„Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ,
 Ты спишь. Василій, не пробудишься,
 А твоя-то дружина хоробрая
 Во крови ходитъ, по колѣнъ бродитъ“.

(*Рыбниковъ*, I, 55).

- в) Ай же ты, Василій сынъ Буславьевичъ!
 Хоть спишь ты, прохлаждаешься,
 Надъ собой незгодушки не вѣдаешь,
 А бьется твоя дружина хоробрая
 На томъ ли на мосточкѣ на Волховѣ;
 И проломаны буйны головы,
 И завязаны платкамы все бѣлыма.

(*Рыбниковъ*, III, 39; ср. I, 56, 57, II, 33; *Кирша*, IX;
Гильбердингъ, 30, 44, 259, 286; *Тихонравова и Миллеръ*, 62, прилож. VI).

- г) За утро встають Котельная Пригарина,
 Потанюшка Хроменькій ранешенько,
 Умываются бѣлѣшенько
 И идуть добры молодцы—сряжаются
 Со всѣмъ биться съ Новымъ-Городомъ трои суточки¹⁾.
 Молотами у нихъ головы испроломаны,
 Кушаками головы завязаны.
 „Что ты, Васька Буславьевичъ,
 Измѣнилъ ты своимъ товарищамъ!“

(*Киршевскій*, V, 2, ср. *ibidem*, 1).

- д) Говоритъ она (служанка) да такovy слова:
 „Хорошо-то было добру молодцу на пиру хвастати,
 А вынѣ-то добра молодца и въ пору не знать;
 Теперь вся твоя дружинишка прибитая!“

(*Рыбниковъ*, II, 32, ср. *Гильбердингъ*, 141).

- е) „Что молодой Василій-да Буславьевичъ
 Спишь да ты, прохлаждаешься,

¹⁾ Такое же указаніе на три дня находимъ у *Рыбникова*, I, 57, *Гильбердинга*, 286; въ вариантѣ *Рыбникова*, I, 56, вмѣсто трехъ дней—три часа. Въ остальныхъ пересказахъ продолжительность дня не опредѣляется.

А надъ собой невзгоды не вѣдаешь:
 Какъ твоей то дружины-хороброй
 Имъ связаны ручки бѣлыя,
 Имъ скованы ножки рѣзвыя
 И загнаны оны во Пучай рѣку.

(Тихонравовъ и Миллеръ, 61).

По нѣкоторымъ пересказамъ дѣвушка, извѣстная Василью о товарищахъ, сама принимала участіе въ боѣ:

А в та-то дѣвушка чернавушка
 На Волхъ рѣку ходила по воду,
 А взмолятся ей тутъ добры молодцы:
 „Гой еси ты, дѣвушка чернавушка!
 Но подай насъ у дѣла у ратнаго,
 У того часу смертнаго“.
 И тутъ дѣвушка чернавушка
 Бросало она ведро кленовое,
 Брала коромысло кипарисово,
 Коромысломъ тѣмъ стало помаховати
 По тѣмъ мужикамъ новгородскимъ, —
 Прибили ужъ много до смерти;
 И тутъ дѣвка запыхалася,
 Побѣжала къ Василью Буслаеву и т. д.

(Кирша, IX; ср. Рыбниковъ, I, 55, 56; Гильфердингъ, 30, 259;
 Тихонравовъ и Миллеръ, Прилож. VI; Пермск. ск.).

Узнавъ о дракѣ, Василій выбирается изъ заключенія: онъ или самъ разбиваетъ всѣ запоры и преграды, или ему помогаетъ при этомъ дѣвушка, принесшая вѣсть о дружинѣ:

Тутъ бросился Васька на ободверны укладныя,
 Высадилъ онъ двери на пятау,
 Разметалъ онъ рогатны бузатныя.

(Киртесскій, V, 1; ср. ididem, 2; Гильфердингъ, 30).

Въ пермской сказкѣ: «Василій Буслаевичъ... вышибъ каменную стѣну и пошелъ силу бить, народъ» (Киртесскій, V, прилож., стр. II).

Иначе:

Говорить же дѣвочки служаночки:
 „Ты одерни-ка рѣшеточку желѣзную,
 Выпусти Васильюшка на бѣлый свѣтъ“.

(Гильфердингъ, 284; ср. ididem, 44, 286; Рыбниковъ, I, 55, 56, 57).

Освобожденный Василій спѣшитъ къ товарищамъ, вооружившись своимъ «черленнымъ вязомъ» (Рыбниковъ, I, 55; III, 39; Гильфер-

динъ, 141, 284; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 63), или попавшейся подъ руку осью телѣжной (*Кириш*, IX; *Рыбниковъ*, I, 56, 57; II, 32, 33; *Гильбердинъ*, 44, 286; *Киртескій*, V, I, 2; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, II, 61, 62, прилож. VI), слягой сарайной (*Гильбердинъ*, 30).

Хваталъ Василій свой череный вязъ
И пришелъ къ мосту ко Волховскому,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Ай же, любезна моя дружина хоробрая!
Поиди-тко теперь опочивъ держать,
А я теперь стану съ ребятами погнрывать“.
И зачалъ Василій по мосту похаживать
И зачалъ онъ вязомъ помахивать:
Куды махнетъ, туды улица,
Перемахнетъ--переулочекъ.
И лежать-то мужики уваламы,
Уваламы лежать, переваламы,
Набило мужиковъ, какъ погодую.

(*Рыбниковъ*, I, 55).

Или:

Не попало у Василья сбруи ратнія,
Палицы воинскія и копыя мурзамецкаго:
У того у погребя глубокаго
Лежала ось телѣжная желѣзная,
Долиною въ двѣ сажени печатныхъ,
А на вѣсь ось та сорока пудъ:
Хватаетъ онъ тую ось желѣзную ¹⁾
На свое плечо богатырское
.
Приходилъ онъ ко мостику ко Волховскому,
И видитъ дружину хоробрую попячену,
Стоитъ дружина по колѣнь въ крови,
Головки шалыгами прщелканы,
Платками руки перевязаны
И ноги кушаками переверчены.
Говоритъ Васильюшка Буславьевичъ:
„Ай моя дружина хоробрая!
Вы теперь позавтракали,
Мнѣ-ко-ва дайте пообѣдати“ ²⁾.

¹⁾ Это хватаніе оси—одинъ изъ примѣровъ часто встрѣчающагося въ эпосѣ вооруженія чѣмъ попало (см. *Миллера*, *Илья Муромецъ* и богатырство кievское, стр. 520, 521, 618, 693, 696, 751).

²⁾ Это упоминаніе объ обѣдѣ и завтракѣ, потворяющееся и въ другихъ былинкахъ (см. напримѣръ, *Гильбердинъ*, № 80, ст. 493), родственно съ распространеннымъ въ народной поэзіи представленіемъ болъ въ образѣ пира. Такое

Становилъ дружину на сторону,
 А самъ началъ по мужичкамъ похаживать
 И началъ мужичковъ пощелкивать,
 Осью желѣзною помахивать:
 Махнеть Васильюшка—улица.
 Отмахнеть назадъ—промежуточекъ,
 И впередъ просунеть—перелучечекъ,
 Мужиковъ новгородскихъ мало ставится,
 Очень рѣдко и мало ихъ.

(Рыбниковъ, I, 56).

Кирша Даниловъ относитъ удаленіе Васьки «въ погребѣ глубо-
кіе» ко времени уже начавшагося столкновенія, раздѣляя такимъ
образомъ картину боя на двѣ части:

Началась у нихъ драва-бой великая,
 А мужики новгородскіе
 И все кушцы богатые,
 Всѣ они вмѣстѣ сходилися,
 На млада Васютку напушались,
 И дерутся они день до вечера.
 Молодой Василій сынъ Буслаевичъ
 Со своею дружиною хороброю
 Приблили они въ Новѣгородѣ,
 Приблили уже много до смерти.
 А и мужики новгородскіе догадалися,
 Пошли они съ дорогими подарки
 Къ матерой вдовѣ Амелфѣ Тимошеевнѣ:
 „Матера вдова Амелфа Тимошеевна!
 Прими у насъ дороги подарочки,
 Уйми свое чадо милое,
 Василья Буслаевича“.

Амелфа посылаетъ за сыномъ «дѣвушку чернавушку». Когда та
«притащила Ваську на широкій дворъ», мать посадила его «въ по-
гребѣ глубокіе».

А его дружина хоробрая
 Со тѣми мужики новгородскими
 Дерутся, бьются до вечера;
 А и та-то дѣвушка чернавушка
 На Волхъ рѣку ходила по воду и т. д.

Слѣдуетъ разсказъ объ участіи дѣвушки въ бою, о возвращеніи
ея домой, объ освобожденіи Василья и пораженіи новгородцевъ.

представленіе встрѣчается, какъ извѣстно, еще въ Словѣ о Полку Игоревѣ
(«Ту пирь докончаша храбрїи русичи»).

7) Во время боя убитъ Васькой его крестный отецъ, старнице-пилигримнице (*Кириша*, IX; *Рыбниковъ*, I, 55, 56, 57; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 64), иначе: старнице угрюмнице (*Гильфердингъ*, 284; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 63), старецъ преугрюмище, старецъ со монастыря преугрюмова (*Рыбниковъ*, II, 33, *Тихонравовъ* и *Миллеръ* 61), старша угрюмища (Пермская сказка), старнице многодѣтище (*Чулковъ*), старецъ сильный богатырь (*Гильфердингъ*, 259). Нѣкоторые пересказы называютъ имя этого старца: Андроннице, Ондроннице (*Рыбниковъ*, III, 39; *Гильфердингъ*, 44, 141), Игнатьище (*Киртеевскій*, V, 1, 2) Елизарище (*Рыбниковъ*, I, 58).

Василій встрѣчается съ старикомъ во время боя:

Побѣжалъ Василій по Новгороду,
 По тѣмъ по широкимъ улицамъ;
 Стоитъ тутъ старецъ Пилигримища,
 На могучихъ плечахъ держитъ колоколъ,
 А вѣсомъ тотъ колоколъ во триста пудъ,
 Кричитъ тотъ старецъ Пилигримища:
 „А стой ты, Васька, не попархивай,
 Молодой глупдырь, не полетывай.
 Изъ Волхова воды не выпити,
 Во Новѣградѣ людей не выбити;
 Есть молодцовъ сопротивъ тебя,
 Стоимъ мы, молодцы не хвастаемъ“.
 Говорилъ Василій таково слово:
 „А и гои еси, старецъ Пилигримища,
 А и бился я о великъ закладъ
 Со мужики Новгородскими,
 Опречь почестнаго монастыря,
 Опречь тебя старца Пилигримища,
 Во задоръ войду—тебя убью“.
 Ударилъ онъ старца во колоколъ
 А и той-то осью телѣжною, —
 Качается старецъ, не шевельвиться;
 Заглянулъ онъ, Василій, старца подъ колоколомъ,
 А и во лбѣ глазъ—ужь вѣку нѣтъ. ¹⁾

(*Кириша*, IX, ср. *Рыбниковъ*, I, 55; *Гильфердингъ*, 141, 284).

Или:

Идетъ къ нимъ силушки на стрѣги чернымъ черно,
 Чернымъ черно, какъ черна ворона,

¹⁾ Въ пересказѣ Лапшина:

Ударилъ онъ старца по колоколу:
 Во лбу глаза у него какъ вѣкъ не было.
 (*Тихонравовъ* и *Миллеръ*, № 64, стр. 286).

Напередъ этой слышки великія
Идеть старчище Елизарище:
На головушку надѣтъ колоколь дѣвяносто пудъ.
Говорить ему Васильюшка Буслаевичъ:
„Ай же ты, крестовый мой батюшка!
Не дано тоби у меня о Христовѣ дни,
А дамъ тоби яичко о Петровѣ дни!“
Билъ его палицей булатней по головушкѣ
И раскололъ ему колоколь девяносто пудъ.
(*Рыбниковъ*, I, 58; ср. *ibidem*, III, 39; *Кирѣевскій*, V, I, 2.
Тихонравовъ и Миллеръ, 63).

По нѣкоторымъ пересказамъ старикъ является на мѣсто драки по просьбѣ новгородцевъ (*Гильфердингъ*, 44, 259; *Рыбниковъ*, II, 33; I, 57; *Тихонравовъ и Миллеръ*, 61; сказка Чулкова); въ пѣснѣ *Рыбникова*, I, 56 новгородцы обращаются къ матери Василья, а та указываетъ имъ на старца; другая пѣсня того же сборника (II, 32) говоритъ, напротивъ, что старчище, передъ отправленіемъ на мѣсто боя, самъ заходилъ къ Мамелѣ и убѣждалъ ее «унять своего сына Васильюшка».

Во всѣхъ этихъ пересказахъ старчище появляется среди уже разгорѣвшагося боя, послѣ того, какъ потѣха, затѣянная на пиру, превратилась при участіи Васьки въ ужасающее душегубство:

Взялъ онъ осью той да помахивать,
Взялъ онъ мужиковъ да поколачивать,
И уже мужиковъ да мало ставится.
Пошли-то мужики да новгородчана.
Пошли къ старцищу, пошли къ Ондрицищу
И къ его оцищу таки крѣстному:
„Ай же ты, старчище, ой же Ондрицище!
И уйми-тко чадо милое, дитѣ любимое,
Еще молода Василья да Буслаева
И оставь-ко мужиковъ хоть и на сѣмена“.
И пошолъ старцище, потомъ Ондрицище, и пр.
(*Гильфердингъ*, ст. 217).

Или:

Видать князя бѣду не минучю,
Прибѣтъ мужиковъ Василій Буславевичъ,
Не оставитъ мужиковъ на сѣмена;
Приходятъ князя Новгородскіе,
Воевода Николай Зиновьевичъ,
Старшина Ѡма Родионовичъ
Ко его государынѣ ко матушкѣ,
Къ честной вдовы Мамелы Тимофеевны.
Сами говорятъ таковы слова:

Ай же ты, честна вдова Мамелфа Тимоеевна!
 Уговори, уйми свое чадо милое,
 Молода Василя Буслаевича:
 Укротилъ бы свое сердце богатырское,
 Оставилъ бы мужиковъ хоть на сѣмена“.
 Говорить Мамелфа Тимоеевна:
 „Не смѣю я, князя новгородскіе,
 Унять свое чадо милое,
 Укротить его сердце богатырское:
 Сдѣлала я винушку великую,
 Засадила его во погреба великіе.
 Есть у моего чада милаго
 Во томъ во монастырѣ во Сергѣевомъ
 Крестовый его батюшка старчище Пилигримище:
 Имѣеть силу нарочитую,
 Попросите, князя Новгородскіе,
 Не можетъ ли унять мое чадо милое, и т. д.

(Рыбниковъ, I, стр. 348—349).

Въ отиѣченныхъ выше пересказахъ *Рыбникова*, III, 39, и *Гильбердинта*, 141, Васька встрѣчается напротивъ съ старикомъ тотчасъ же послѣ пробужденія:

И братъ Василій свой черленый вязъ,
 И поскочилъ Василій на поле на Волхово.
 И стрѣтится Василью старчище Андронище
 На томъ на мосточкѣ на Волховомъ.

(Рыбниковъ, III, стр. 238).

Старчище Елизарище въ приведенномъ выше отрывкѣ встрѣчается съ Васькой также въ самомъ началѣ боя (*Рыбниковъ*, I, 58). Къ началу боя отнесена также встрѣча съ Угрюмищемъ въ пересказѣ Еремѣева (*Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 63).

Въ пѣснѣ Кириши заключеніе Василья въ погребѣ раздѣляетъ, какъ мы видѣли, картину боя на двѣ части; убійствомъ старика открывается вторая часть: Васька выскакиваетъ изъ погреба, наталкивается прежде всего на старца и убиваетъ его.

По пересказу Еремѣевой Василій встрѣчается съ старикомъ *послѣ* боя:

Пошелъ Васильюшко со велика со бонца,
 Стригидся да кресной батюшко
 На томъ мосту на Волховомъ,
 Несе колоколъ да сто пудовъ,
 Одинъ языкъ да еще триста пудъ.
 Тутъ ему да еще смерть придагъ.

(Тихонравовъ и Миллеръ, 62).

Въ трехъ пересказахъ, кромѣ крестнаго отца, упоминается еще крестный братъ Василья.

И встрѣту идетъ крестовый братъ,
Въ рукахъ несетъ шалыгу девяносто пудъ,
А самъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, мой крестовый брателко,
Молодой курень, не попархивай,
На своего крестоваго брата не наскакивай!
Помнишь, какъ учились мы съ тобой съ грамоты:
Я надъ тобой былъ въ тѣ поры большій братъ,
И нынѣ-то я надъ тобой буду большій братъ“.
Говоритъ Василій таковы слова:
„Ай же ты, мой крестовый брателко,
Тебя ли чортъ несетъ на встрѣту мнѣ?
А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется,
Головами, братецъ, играемся“.
И ладить крестовый его брателко
Шалыгой хватить Василья въ буйну голову.
Василій хватилъ шалыгу правой рукой
И билъ-то брателка лѣвой рукой
И пиналъ-то онъ лѣвой ногой:
Давно у брата и души нѣтъ.

(*Рыбниковъ*, I, 55; ср. *Киреевскій*, V, 1 и 2).

Крестный братъ и крестный отецъ Василья убиты. Только немногіе пѣсенные пересказы (*Рыбниковъ*, II, 33; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 61, прилож. VI) и сказки Пермская и Чулкова сохраняютъ старику жизнь.

Молодой Василій Буславьевичъ хватилъ старца преугрюмища,
Сшибъ его подъ вышничку.
Стоячись-то онъ и раздумался:
„Старца убить — не спасенья замись,
А грѣха себѣ на душу“.
И подхватилъ старца на руки:
„Поди-тко ты, старецъ преугрюмище, на свое мѣсто,
А въ наше дѣло не суйся“.

(*Рыбниковъ*, II, стр. 206—207).

Или:

И ухватилъ Василій старца на руки
И сшибалъ его да подъ вышничку,
А самъ стоячись пораздумался:
Отца креснаго убить не спасенье замись.
А самъ говоритъ Василей таково слово;
„Отецъ кресной, старецъ Прюгрюмищо!
Иди-тко назадъ да во Сергіевъ,

Молись-ко Богу Господу,
А въ наше дѣло не вникайся ты.

(Тихонравовъ и Миллеръ, стр. 228).

Чулковъ: «Убивать его Василій Богуслаевичъ не держаль ни въ умѣ—въ разумѣ, а хотѣлъ ему лишь острастку дать. Поднимаетъ онъ его отъ сырой земли, обнимаетъ его въ бѣлыхъ рукахъ и отпустилъ домой съ честію».

Пересказы *Гильфердина*, 30 и 286, опускаютъ рассказъ о крестномъ отцѣ Василья.

Обиліе вариантовъ въ изображеніи столкновенія Василья съ старичищемъ даетъ поводъ предполагать, что этотъ отдѣлъ былины подвергся значительнымъ измѣненіямъ, въ которыхъ затерялся первоначальный видъ сказаза. Кто такой этотъ старичище, убитый Васильемъ? Пѣсенные варианты называютъ его крестнымъ отцомъ; Пермская сказка—учителемъ Василья. («Отдала Ванильфа Тимошеевна своего сына любимаго старику Угрюмищу учить во листы писать»). Последнее опредѣленіе—не случайная ошибка сказателя. Мы видѣли, что и пѣсенные варианты знаютъ крестнаго брата и товарища Василья по ученью:

Помнишь, какъ учились мы съ тобой въ грамоты:
Я надъ тобой былъ въ тѣ поры большій братъ.

Василій убилъ товарища, убилъ и старика, который былъ ихъ воспріемникомъ и *учителемъ*.

Обстоятельства столкновенія Василья съ старичищемъ передаются неодинаково: одни пересказы говорятъ о появленіи старика послѣ того, какъ новгородцы были уже побиты Васильемъ и его дружиной; другіе изображаютъ столкновеніе Василья съ старикомъ, какъ первое убійство, совершенное Буслаевичемъ послѣ освобожденія изъ затвора; Пермская сказка упоминаетъ предварительно о ссорѣ Василья съ Угрюмищемъ на пиру. Не слѣдуетъ ли признать, что столкновеніе съ старикомъ имѣло первоначально видъ особаго эпизода былины¹⁾ и лишь позже поставлено въ связь съ картиной боя Василья и новгородцевъ? Выразительное наименованіе крестнаго отца Василья:

¹⁾ Припомнимъ, что одинъ изъ пересказовъ (Тихонравовъ и Миллеръ, 62) отдѣляетъ встрѣчу со старикомъ отъ картины боя:

Пошелъ Васильюшко со велика со боища
Стрѣтился да кресной батюшко и т. д.

«Старчище-Пилигришище», вызывает другую догадку: не слиты ли въ разказѣ о немъ два кровавыя дѣла Васьки: убійство наставника (=крестнаго отца) и убійство какого-то пилигрима? Замѣчательно, что въ изображеніи старика, убитаго Васильемъ, пересказы былины обнаруживаютъ вообще нѣкоторое колебаніе. Крестный отецъ Василья называется обыкновенно «старчищемъ», то-есть, монахомъ. Соответственно съ этимъ въ нѣкоторыхъ пересказахъ (*Рыбникавъ*, I, 56, 57, II, 33; *Гильфердингъ*, 54, 259) старикъ представляется выходящимъ изъ монастыря. Пермская сказка не знаетъ о монашествѣ Угрюмища. У Чулкова: «Посадники... видятъ бѣду не минучую, поспѣшаютъ они въ Новгородъ. Тамъ жилъ старчище многолѣтище: воевалъ онъ при прежнихъ князьяхъ, побивалъ онъ силы ратныя, разорялъ грады крѣпкіе; но когда обуяли его лѣта древнія, не выходилъ онъ изъ теремовъ своихъ ровно тридцать лѣтъ. Къ нему припадаютъ посадники и молятъ его спасти свою отчизну» (*Киртесскій*, V, прилож., стр. XI). Не указываютъ на монашество старика и нѣкоторые пѣсенные пересказы. Такова, напримѣръ, пѣсня, записанная отъ Терентія Іевлева (*Рыбниковъ* II, 32; *Гильфердингъ*, 103):

Тутъ былъ у него дядька, крестный батюшка:
Идетъ онъ ко своей сестры, ко Васильевой матушки,
Говоритъ ей таково слово,
Что „силушка мужиковъ городокемскіихъ поразбита,
И чтобъ она приуныла своего сына Васильюшка“.
Тутъ скочилъ онъ на башню колокольную,
Его дядька, крестный батюшко,
Тутъ сорвалъ онъ колоколъ девяносто пудъ,
Надѣлъ его себѣ на головушку, и проч.

(*Рыбниковъ*, II, стр. 199—200).

Это разнообразіе въ обрисовкѣ старика также, повидимому, намекаетъ на компликацію образовъ, которые, въ древнѣйшей редакціи былины могли выступать раздѣльно.

8) Окончаніе боя. Противники Василья, убѣдившись, что не въ силахъ съ нимъ справиться, обращаются къ честной вдовѣ Мамелфѣ Тимошеевнѣ съ просьбой унять ея чадо милое.

Тутъ-то два князя новгородскіихъ,
Воевода Николай Зиновьевичъ,
Старшина Юма Родионовичъ,
Приходятъ къ его государынѣ матушкѣ,
Честной вдовы Мамелфы Тимошеевны,
Сама говорятъ таковы слова:

„Ай же ты, честна вдова Мамелфа Тимофеевна,
Упроси свое чадо любимое,
Укротилъ бы свое сердце богатырское:
Мужичковъ въ Новѣградѣ рѣдко ставится,
Убилъ онъ крестоваго батюшку,
Честнаго старчища Пилигримища“.

(*Рыбниковъ*, I, 56, ср. *ibidem*, 57, III, 39; *Гильбердинъ*, 30, 44, 141).

Иначе:

А ужъ мужики покорилися,
Покорилися и помирлися,
Понесли они записи крѣпкія
Къ матерой вдовѣ Амелфѣ Тимофеевнѣ:
Насыпали чашу чистаго серебра,
А другую чашу краснаго золота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бысть челомъ, покланяются:
„Осударыня матушка,
Принимай ты дороги подарочки,
А уйми свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною;
А и ради мы платить
На всякой годъ по три тысячи,
На всякой годъ будемъ тебѣ носить
Съ хлѣбниковъ по хлѣбнику,
Съ калачниковъ по калачнику,
Съ молодицъ повѣнчаное,
Съ дѣвицъ повалешное,
Со всѣхъ людей со ремесленныхъ,
Опречь поповъ и дьяконовъ“.

(*Кирша*, IX; ср. *Рыбниковъ*, II, 33; *Гильбердинъ*, 286) ¹⁾.

Или:

Да новгородскіе да новой староста
Видитъ онъ да бѣду неминучую
.....
Онъ беретъ-то мису злата-серебра,
Онъ беретъ другу да скатня жемчуга,
Пошелъ ко вдовы честной Мамельфы Тимофеевной:
„Вдова честна, Омелфа Тимофеевна!
Бери-тко мису злата-серебра,
Бери другую скатня жемчуга“.

(*Тихомировъ и Миллеръ*, 63; ср. 61, 62).

¹⁾ Въ пересказѣ *Гильбердинъ*, 284, просьба новгородцевъ, обращенная къ Матери Василья, опущена. Нѣтъ этой просьбы и въ глѣсѣ, записанной *Рыбниковымъ* отъ Терентія Іевлева (II, 32); въ записки *Гильбердинъ* (№ 103) тотъ же Іевлевъ вспоминаетъ объ этой просьбѣ.

Въ пересказѣ Лапшина:

Пошли мужики новгородскіе:
Къ матерой вдовѣ Амелфѣ Тимофеевнѣ:
„Уйми ты свое чадо милое,
Василія Буслаевича,
Заплатимъ мы тебѣ дани
За всѣ двѣнадцать лѣтъ“.

(Ibid. 64).

По одному изъ вариантовъ въ усмиреніи Василья принимаетъ участіе сама мать Пресвятая Богородица:

И вышла мать Пресвятая Богородица
Со того монастыря Смоленскаго:
„Ай же ты, Авдотья Васильевна!
Закличь своего чада милаго,
Милаго чада рожонаго,
Молода Васильюшка Буслаева:
Хоть бы оставилъ народу на сѣмена“.

(Рыбниковъ, I, 55).

Мамелфа спѣшитъ на мѣсто боя:

Туть-то старушка покидалася,
Покидалася старушка, пометалася,
Скочила въ чулочкахъ безъ чоботовъ,
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Прибѣгала на мосточикъ на Волховскій.

(Рыбниковъ, I, 57; III, 39; Гильфердингъ, 141).

Или:

А выходитъ его матушка
Честна вдова Омелфа Тимоосевна;
А выходитъ она да на широкій дворъ,
Приходитъ она ко погребу широкому,
Широкому да глубокому,—
Нѣтъ Василія во погребу,
Пенья колоды всѣ разворочены,
А булатніи замочки поразломаны,
Бѣлодубовы двери порастворены,
Запрягала она однуколочку,
Выѣзжала она по Новугороду...

(Гильфердингъ, 30, ср. ibidem, 44).

Иначе:

Тогда государыня его матушка,
Честная вдова Мамелфа Тимоосеевна
Одѣвала платьица черныя,
Одѣвала шубу собольную,
Полагала шоломъ на буйну голову

русскаго былевой впось.

15

И пошла Мамелфа Тимоеевна
Унимать своего чада любимаго.

(*Рыбниковъ*, I, 57).

По одному ряду пересказовъ, слова матери оказывается достаточно, чтобы заставить Василья прекратить бой (*Рыбниковъ* I, 55, 57; II, 33: *Гильфердингъ*, 30, 284, 286; *Тихонризовъ* и *Миллеръ*, 62); въ пересказѣ Кирпи Данилова Василий усмиряется даже при появлении служанки, посланной матерью ¹⁾).

По другому ряду вариантовъ Мамелфъ приходится прибѣгнуть къ хитрости и силѣ, чтобы укротить расходившагося сына:

То выгодно собой старушка догадалася:
Не зашла она спереди его,
А зашла позади его,
И пала на плечи на могучія:
„Ай же ты, мое чадо милое,
Молодой Васильюшка Буславьевичъ!
Укроти свое сердце богатырское,
Не сердись на государыню на матушку,
Убрось свое смертное побойще,
Оставь мужичковъ хоть на сѣмена“.
Тутъ Васильюшка Буславьевичъ
Опускаетъ свои руки къ сырой землѣ,
Выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ
На тую на матеръ сыру землю,
И говоритъ Василий Буславьевичъ
Своей государынѣ матушкѣ:
«Ай ты, свѣтъ государыня матушка,
Тая ты старушка лукавая,
Лукавая старушка, толковая!
Умѣла унять мою силу великую,
Зайти догадалася позади меня.
А ежели бъ ты зашла впереди меня,
То не спустилъ бы тебѣ, государынѣ матушкѣ,
Убилъ бы за мѣсто мужика новгородскаго“.
И тогда Васильюшка Буславьевичъ
Оставилъ тое смертное побойще,

¹⁾ По пересказамъ *Рыбникова*, III, 39, и *Гильфердинга*, 141, мать уноситъ Василья съ мѣста боя:

Захватила Василья въ соболиную шубоньку
И принесла въ свои палаты бѣлокаменны.

Припоминается при этомъ Никита Романовичъ, который «бралъ немалаго постельника подъ полу подъ правую». (*Рыбниковъ*, II, стр. 216. Ср. *Вейнберга*, Пѣсни объ Иванѣ Грозномъ, стр. 27—28, 63—64).

Оставилъ мужичковъ малу часть,
 А набилъ тыхъ мужиковъ, что пройти нельзя.
 (*Рыбниковъ*, I, 56, ср. *ibidem*, II, 32; *Гильфердингъ*, 44, 54),

Пермская сказка не говоритъ о появленіи матери на мѣстѣ боя. Бой прекращается по просьбѣ Угрюмища, изъ-за ссоры съ которымъ и началась бѣда. «Старша Угрюмища ему и взмолился: «Гой ли ты еси, Василій Буслаевичъ! Уходи, говоришь, свое сердце ретивое, утоли плеча богатырскія; я тебѣ пятьсотъ судилъ, а теперь отдамъ всю тысячу». Вотъ Василій Буслаевичъ смиловался и пошелъ къ своей матери: «Ахъ, говоритъ, матушка родимая! Я сегодня много крови пролилъ, много народу погубилъ». Не упоминаетъ о матери и одинъ изъ пѣсенныхъ пересказовъ (*Гильфердингъ*, 259). Чулковъ рассказываетъ о посредничествѣ названныхъ братьевъ Василія: «Въ ту пору (послѣ встрѣчи съ Старчищемъ Многолѣтникомъ), познавъ посадники свою бѣду неубѣжную и завидѣвъ гибель скорую, бросаются въ Новгородъ, во терема тайниціе, они пишутъ крѣпки записи, чтобы быть Василью Богуслаевичу княземъ надъ всѣмъ Новымъ Градомъ, землей Славенскою и Русскою, брать пошлины, какіи онъ хочетъ, и владѣть ему своею волею. Написавъ ту записъ крѣпкую, идутъ они ко дворцу Василія Богуслаевича, умоляютъ его названныхъ братьевъ Оому Ременникова со Шотанею, чтобы шли они упрости своего князя перестать проливать кровь Славенскую, пощадити своихъ подданныхъ и оставити людей хотя на сѣмена». Названные братья Василія, его «богатыри», преклоняются на просьбу посадниковъ, идутъ съ ними въ поле и передаютъ «славянскому князю» новгородскую записъ. «Тутъ Василій Богуслаевичъ укротилъ свой сильный гнѣвъ. Онъ простилъ и пожаловалъ всѣхъ, кто остался отъ побойща» (*Киртесскій*, V, прилож., стр. XII).

9) Разказомъ о боѣ Василія съ новгородцами сказатели и оканчиваютъ обыкновенно первый отдѣлъ былины о сынѣ Буслава ¹⁾. Лишь немногіе пересказы присоединяютъ дополнительную замѣтку о послѣдствіяхъ побойща.

По пересказу Кирши послѣ того, какъ дѣвушка чернавушка привела домой Василія и его дружину,

А сѣли они, молодцы, во единой кругъ,
 Выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина,
 Со того уразу молодецкаго
 Отъ мужиковъ новгородскіихъ;

¹⁾ Пересказы Шенкурскіе (*Киртесскій*, V, 1 и 2) обрывается еще ранѣе, на разказѣ о смерти Старчища Игватѣища.

Вскричатъ тутъ ребята зычнымъ голосомъ:
 «У мота и у пьяницы,
 У млада Васютки Буслаевича,
 Не упито, не уѣдено,
 Вкраснѣ хорошо не ухожено,
 А цвѣтнаго платя не уношено,
 А увѣче на вѣкъ залѣзено».
 И повѣлъ ихъ Василій обѣдати
 Къ матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимоооевнѣ;
 Втапоры мужики новгородскіе
 Приносили Василью подарочки
 Вдругъ сто тысячей,
 И за тѣмъ у нихъ мирова пошла;
 А и мужики новгородскіе
 Покорилися и сами поклонилися.

(Стр. 84).

Или:

Получае Василей Буславьевичъ со князь Владиміра
 По залогу золоту казну до двухъ сотъ тысячъ.
 Какъ Василей Буславьевичъ,
 Со своей-то дружиной хороброю,
 Получили они со князя залогъ золоту казну,
 Пировали они, угощалисе
 Ровно семь де день.

(Гильфердингъ, 259, ст. 1186).

Пересказъ *Рыбникова*, I, 56. не упоминая о новгородскихъ дарахъ, говорить лишь о приглашеніи на пиръ:

Тутъ приходятъ князья новгородскіе,
 Воевода Николай Зиновьевичъ,
 Старшина Оома Родіоновичъ
 Ко тому Васильюшку Буславьеву.
 Пали ко Василью въ рѣзвы ноги,
 Просятъ Василья во гостебнице,
 Сами говорятъ таковы слова:
 „Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
 Прикажи обратъ тѣла убитыя,
 Предать ихъ матери сырой землѣ;
 Во той ли во рѣченькѣ Волховѣ
 На цѣлюю на версту на мѣрную
 Вода съ кровью смѣсилася:
 Безъ числа пластина принарублена“.
 Тутъ-то Васильюшка Буславьевичъ
 Приказалъ убрать тѣла убитыя,
 Не пошелъ къ нимъ въ гостебнице:
 Зналъ де за собой замашку великую,
 А пошелъ въ свои палаты бѣлокаменны,

Къ своей государынѣ ко матушкѣ,
 Со своей дружиной со хороброю.
 И жилъ Васильюшка въ праздности,
 Излѣчалъ дружинишку хоробрую
 Отъ тыхъ отъ ранъ кровавыхъ
 И привелъ дружину въ прежнее здравіе.

(Стр. 351).

Чулковъ, какъ мы видѣли, поклонъ новгородцевъ относитъ ко времени до прекращенія боя; заключеніе сказки таково: *Онъ* (Василій Богуслаевичъ) *владѣлъ Новымъ-градомъ съ мудростью и милостью*¹⁾. Никто не смѣлъ на него подняться, всѣ сосѣди дальніе присылали къ нему мирныхъ пословъ со дарами многими. Вся Чудь платила ему дани съ вѣрностью. Онъ не держалъ рати многія: его рать была въ его братеникахъ: Оомѣ и Потанюшкѣ. Созывалъ онъ богатырей и витязей со всего свѣта бѣлаго, съ кѣмъ бы силы опровердати: но не выискалось ему спорника, ни противоборника. Онъ княжилъ лѣты многія, проживалъ годы мирныя. Не оставилъ онъ по себѣ роду-племени: лишь оставилъ онъ свой стемляной вязъ на память Великому Новгороду».

10) Василій задумываетъ отправиться въ Іерусалимъ, помолиться, покаяться въ грѣхахъ своихъ. Мать даетъ благословеніе и наставленіе. Самый подробный разсказъ объ отправленіи Василья на богомолье находимъ въ пѣснѣ Кирши Данилова (№ XVIII):

Подъ славнымъ, великимъ Новымъ-городомъ,
 По славному озеру по Ильмену
 Плаваетъ, поплаываетъ сѣръ селезень,
 Какъ бы ярой гоголь поныриваетъ;
 А плаваетъ, поплаваетъ червленъ-корабль
 Какъ бы молода Василья Буславъевича,
 А и молода Василья, со его дружиною хороброю,
 Тридцать удалыхъ молодцовъ:
 Костя Никитинъ корму держитъ,
 Маленькой Потаня на носу стоитъ,
 А Василей-то по кораблю похаживаетъ,
 Таково слово поговариваетъ:
 „Свѣтъ, моя дружина хоробрая,
 Тридцать удалыхъ добрыхъ молодцовъ!
 Ставьте корабль поперекъ Ильмена.

¹⁾ Это выраженіе повторяется въ пересказѣ Гусева:

Да ужъ какъ сталъ Василій Богуслаевичъ
 Владѣть да всѣмъ Новымъ—градомъ

(Тихонравовъ и Миллеръ, стр. 292).

Ни въ одномъ изъ остальныхъ пересказовъ подобнаго выраженія нѣтъ.

Приставайте, молодцы, ко Новгороду".
 А и тычками къ берегу притыкались,
 Сходни бросали на крутой бережокъ.
 Походилъ тутъ Василій ко своему онъ двору дворянскому,
 И за нимъ идетъ дружинишка хоробрая:
 Только караулы оставили.
 Приходить Василій Буславьевичъ
 Ко своему двору дворянскому,
 Ко своей сударынѣ матушкѣ,
 Матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимошеевнѣ,
 Какъ вьюнъ около ея убивается,
 Просить благословеніе великое:
 „А свѣтъ ты, моя сударыня матушка,
 Матера вдова Амелѣя Тимошеевна!
 Дай мнѣ благословеніе великое,
 Идти мнѣ Василью въ Ерусалимъ градъ
 Со своею дружиною хороброю,
 Мнѣ-ко Господу помолитися,
 Святой святынѣ приложитися,
 Во Ерданѣ рѣкѣ искупатися".
 Что въговорить матера вдова,
 Матера Амелѣя Тимошеевна:
 „Гой еси ты, мое чадо милое,
 Молодой Василій Буславевичъ!
 То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
 Тебѣ дамъ благословеніе великое;
 То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
 И не дамъ благословенія великаго,
 А и не носи Василья сыра земля".
 Камень отъ огня разгорается,
 А булатъ отъ жару растошляется,
 Матерно сердце распушается,
 И даетъ она много свинцу, пороху,
 И даетъ Василью запасы хлѣбныя,
 И даетъ оружіе долголѣтное:
 „Побереги ты, Василій, буйну голову свою".

(Стр. 166—168).

Между боемъ Василья съ новгородцами и его отправленіемъ въ
 святыя мѣста должно было пройти нѣкоторое время. Поѣздка Ва-
 силья въ Ерусалимъ, очевидно, не первый опытъ его плаванія на
 «червленомъ кораблѣ». Онъ гдѣ-то успѣлъ побывать, онъ откуда-то
 вернулся въ Новгородъ:

Ставьте корабль поперекъ Ильменя,
 Приставайте, молодцы, ко Новгороду.

Василій идетъ къ матери, просить у нея благословенія «идти
 въ Ерусалимъ градъ». Мать отвѣчаетъ условнымъ согласіемъ:

То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
Тебѣ дамъ благословеніе великое,
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дамъ благословенія великаго,
А и не носи Василья сыра земля“.

Въ этихъ словахъ слышится упрекъ и опасенье, объяснимые лишь при предположеніи болѣе ранней поѣздки Василья, къ которой можно было примѣнить слова: «на разбой пойдешь». Мамелфа боится, какъ бы новая затѣя ея сына не оказалась повтореніемъ прежней. Слѣдующее затѣмъ описаніе снаряженія Василья въ путь не напоминаетъ приготовленій къ благочестивому хожденію:

И даетъ она много свинцу, пороху...
И даетъ оружье долгомѣрное.

Описаніе срисовано съ картины какой-то иной, не паломнической поѣздки Василья.

Съ этими намеками пересказа Кирши совпадаютъ выраженія пермской сказки: «Вотъ мать на него осерчала, сдѣлала ему корабль, набрала людей и отправила по морю: сказала ему, чтобъ ѣхалъ куда хочеть, и рукой въ слѣдъ махнула». Эти выраженія непримѣнимы, конечно, къ благочестивому странствованію въ Палестину. Въ пересказѣ *Гильфердинга*, 44, поѣздка Василья непосредственно связана съ рассказомъ о появленіи Мамелфы на мѣстѣ боя. Мать проситъ Василья «оставить мужиковъ хоть на сѣмена».

И говорятъ-то новъ Василій да Буславьевичъ:
Ай же ты, да моя матушка!
Кабы ты ко мнѣ да спереди зашла,
Я теперъ бы тебѣ живой да не спустилъ,
И расходилось мое сердце богатырское.
Я теперъ тебе, матушка, послушаю.
Ай же вы, дружѣ-братѣ хороброе,
Садитесь-ко на насады черленые,
Поѣдете по славному веряжскому“.

(Ст. 218).

О богомольной цѣли поѣздки нѣтъ и помину.

Пѣсни *Рыбникова*, I, 60, II, 33, III, 40; *Гильфердинга*, 141, начинаютъ рассказъ о поѣздкѣ Василья прямо съ указанія на измѣнившееся настроеніе новгородскаго удальца:

Какъ у молада Васильюшка Буславьева
Богатырское его сердце *пожалелось*,

Пожалѣлося сердце и разгорѣлося
 Съѣздить со дружиною хороброю
 На тую на матушку Ердань рѣку,
 Ко тому ко граду Еросѣлнму
 Господу Богу помолитися,
 Ко Господнему гробу приложитися
 И во Ердань рѣкѣ окупатися,
 А на Фаворѣ горѣ осушитися
 Со своей дружиною со хороброю.

(Рыбниковъ, I, стр. 361).

Но и въ одномъ изъ этихъ пересказовъ есть намекъ на иное странствованіе Василія, имѣвшее совсѣмъ не благочестивыя цѣли:

Говорить онъ матушкѣ родимой:
 „Ай же ты, матушка родимая!
 Утромъ я не завтракалъ, вечеръ я и не ужиналъ,
 Дай хоть сегодня пообѣдать,
 Спусти меня, молодца, въ Еросѣлнмъ градъ,
 Во святую святыню помолитися,
 Ко Христову гробу приложитися,
 Во Ердань рѣку окупатися;
 Сдѣлалъ я велико прегрѣшеніе:
 Прибѣлъ много мужиковъ новгородскіихъ.

(Гиллфердингъ, ст. 726).

Переносный смыслъ выраженій: «не завтракалъ, не ужиналъ, хочу пообѣдать», вполне ясенъ. По одному изъ пересказовъ Василіи, явившись изъ затвора на выручку товарищей, говорить:

Ай моя дружина хоробрая!
 Вы теперь позавтракали,
 Мнѣ-ко-ва давайте пообѣдати ¹⁾

(Рыбниковъ, I, стр. 348).

О такомъ же обѣдѣ думаетъ Василій и послѣ того, какъ принужденъ былъ прекратить бои на Волховскомъ мусту. Онъ чувствуетъ себя недовольнымъ, онъ не находитъ въ Новгородѣ достаточнаго простора для своей буйной удали. На червленомъ кораблѣ онъ ѣдетъ туда, гдѣ нѣтъ неприятныхъ стѣсеній, гдѣ можно вдоволь погулять и потѣшиться. Въ Святой Землѣ Василій еще успѣетъ побывать, а теперь онъ, очевидно, направляетъ свой корабль въ какія-то нныя мѣста: онъ ѣдетъ не молиться, а «пообѣдать», хотя позднѣйшая пѣсня и смѣшиваетъ эти противорѣчивыя стремленія.

¹⁾ Ср. выше примѣч. на стр. 216—217.

Пересказъ Кирши указываетъ и путь Василія: онъ ѣдетъ «по морю Каспійскому», не минуя, конечно, Волги, хотя названіе рѣки и не упомянуто въ пѣснѣ. Въ Поволжьѣ Василій, какъ видно, былъ уже извѣстенъ: казачьи атаманы, стоявшіе на островѣ Куминскомъ, не видали еще новгородскаго удалыца, но знаютъ о немъ:

Это де идетъ Василій Буславьевичъ,
Знать де полетка соколиная
Видѣть де поступка молодецкая.

(Стр. 172).

Былина говоритъ о Каспіи при описаніи путешествія Василія въ Іерусалимъ. Но въ такомъ маршрутѣ слѣдуетъ, вѣроятно, видѣть слѣдъ поздняго искаженія пѣсни. Едва ли можно предположить, будто староновгородская былина могла говорить о путешествіи въ Палестину черезъ Волгу и Каспійское море. Паломниковъ къ св. мѣстамъ бывало у насъ не мало, особенно среди новгородцевъ. Еще въ XII вѣкѣ новгородскій клирикъ писалъ: «идуть въ сторону, въ Ерусалимъ къ святымъ, а другимъ азъ бороню, не велю ити: сдѣ велю доброму ему быти». Новгородцы знали, конечно, какъ ходять въ Іерусалимъ градъ, знали о Цереградѣ, гдѣ останавливались наши паломники, направлявшіеся къ св. мѣстамъ ¹⁾. Еще болѣе было извѣстно Поволжье, куда новгородцы издавна проложили себѣ путь. Поэтому, если пѣсня запомнила путь новгородскаго

¹⁾ Нужно, впрочемъ, припомнить, что одинъ изъ старо-русскихъ паломниковъ, Василій Гагара, ходилъ въ Св. Землю (1634—1637) такимъ же необычнымъ путемъ, какой указываетъ и пѣсня Кирши. Гагара шелъ изъ Казани въ Астрахань, отсюда въ Тифлисъ, далѣе—на Ардаганъ, Карсъ, Ерзерумъ, Севастію, Кесарію, Едессу, Дамаскъ. Такой маршрутъ объясняется особыми обстоятельствами: Гагара, казанскій купецъ, знакомъ былъ съ Закавказьемъ по торговымъ сношеніямъ. Самъ онъ говоритъ, что не задолго передъ путешествіемъ «посла чловѣка своего съ товаромъ за море торговати въ Персидскую землю». «И Божіимъ гнѣвомъ,—продолжаетъ Гагара,—за мое окалство, на морѣ бусу со всѣми товары разбило, и все имѣніе мое потонуло. А се иные многія бѣды и напасти приключишася ми. *Въ то время* и въ тѣхъ скорбехъ и напестехъ азъ многогрѣшный и наипаче учалъ обѣщатися ежебъ ми тамо быти во Іерусалимѣ, у гроба Господня», и т. д. (Палестинскій сборникъ, вып. 33: Хожденіе В. Гагары, изд. подъ ред. С. О. Дюлова, стр. 48). Гагара направился путемъ, который представлялся ему болѣе или менѣе знакомымъ. Въ виду такихъ обстоятельствъ, объясняющихъ путь казанскаго купца, едва ли можно придавать значеніе нѣкоторому сходству Гагарина маршрута съ указаніями Кирши Данилова, направляющаго Василія Буслаева къ острову Куминскому на Каспійскомъ морѣ, а оттуда—въ Іерусалимъ градъ.

удальца къ устьямъ Волги, то такое воспомнаніе должно, очевидно, относиться не къ паломничеству Василья, а къ другой, болѣе ранней его повѣздкѣ. Припомнимъ, что добраго молодца, гуляюшаго на Волгѣ, знаетъ и другая новгородская былина:

По славной матушкѣ Волгѣ рѣкѣ
А гулялъ Садко молодець тутъ двѣнадцать лѣтъ.

(Кирша, стр. 266).

Гулялъ, очевидно, на Волгѣ и Василій Буслаевичъ.

Выводъ изъ всѣхъ этихъ намековъ и соображеній—такой: съ полной вѣроятностью можно предполагать, что первоначально былина рассказывала о двухъ повѣздкахъ Василья: сынъ Буслая уѣзжаетъ изъ Новгорода, «гуляетъ» на Волгѣ; позже его настроеніе мѣняется: онъ задумываетъ покаяться въ грѣхахъ, возвращается въ Новгородъ и послѣ бесѣды съ матерью, получивъ ея благословеніе, отправляется въ Іерусалимъ:

11) Путешествіе Василья Буслаевича въ Іерусалимъ. Пѣсня Кирши Данилова передаетъ этотъ послѣдній отдѣлъ былинны съ такими подробностями:

а) Новгородскіе «Молодцы» плывутъ по озеру Ильмену.

Бѣгутъ они ужъ сутка другія,
А бѣгутъ уже недѣлю другую;
Встрѣчу имъ гости корабельщичи:
„Здравствуй, Василій Буслаевичъ!
Куда, молодець, поизволилъ погулять?“
Отвѣчаетъ Василій Буслаевичъ:
„Гой еси вы, гости корабельщичи!
А мое-то вѣдь гулянье неохотное:
Съ молоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душа спасти¹⁾;

¹⁾ Въ былинѣ о Данилѣ Игнатьевичѣ этотъ старый богатырь говоритъ Владимиру:

Видь служилъ я у тебя пятьдесятъ годовъ,
Да убилъ я тобѣ видь пятьдесятъ царѣвъ,
А мелкой силы убилъ—да той и смѣту нѣтъ.
Теперь отъ роду мнѣ стало девяносто лѣтъ:
Ты спусти-тко, спусти, Владимиръ, въ монастырь пречѣстные,
Да во тѣ ли спусти во кельи нявкія,
Да спасти мнѣ-ка, спасти да душа грѣшная.

(Киршевскій, III, стр. 43)

Въ такомъ точномъ смыслѣ выраженіе: «съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душа спасти», непримѣнимо, конечно, къ Василью Буслаевичу.

А скажите вы, молодцы, мнѣ прямого пути
Ко святому граду Иерусалиму“.

Гости корабельщики отвѣчаютъ, что въ Иерусалимъ можно про-
ѣхать двумя путями:

„Прямимъ путемъ въ Иерусалимъ градъ
Вѣжать семь недѣль,
А окольной дорогой полтора года.
На славномъ морѣ Каспійскимъ,
На томъ острову Куминскимъ
Стоить застава крѣпкая,
Стоять атаманы козаціе,
Не много, не мало ихъ—три тысячи,
Грабятъ бусы, галеры,
Разбиваютъ червлены корабли“.
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
„А не вѣрую я, Василья, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
А и вѣрую въ свой червленый вязъ;
А бѣгите-ко, ребята, вы прямимъ путемъ“.

(Стр. 168—169).

б) Василій и его слутники останавливаются у горы Сорочинской
и поднимаются на нее:

Будетъ Василій въ полу-горѣ,
Тутъ лежитъ пуста голова,
Пуста голова, человѣчья кость,
Пнулъ Василій тою голову съ дороги прочь.
Провѣщится пуста голова человѣческая:
„Гой еси Василій Буславъевичъ!
Ты къ чему меня, голову, побрасываешь?
Я, молодець, не хуже тебя былъ,
Умѣю я, молодець, валяться
А на той горѣ Сорочинскія;
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Пуста голова молодецкая,
И лежать будетъ головѣ Васильевой!“
Плюнулъ Василій, прочь пошелъ:
„Али, голова, въ тебѣ врагъ говорить,
Или нечистый духъ“.
Пошелъ на гору высокую;

Это выраженіе имѣеть цѣлю указать не столько разницу лѣтъ, сколько разницу
душевнаго настроенія, хотя и намекаетъ все-таки на извѣстную продолжитель-
ность перваго, регулярнаго періода жизни Василья. Дошедшіе до насъ пере-
сказы помнятъ лишь о боѣ Василья съ новгородцами; краткая редакція былинны
представляла, вѣроятно, болѣе сложную иллюстрацію приведеннаго намека; съ
молоду бито много, *зрѣло*...

На самой сопкѣ тутъ камень стоять,
 Въ вышину три сажени печатныя,
 А и черезъ его только топоръ подать,
 Въ долину три аршина съ четвертью;
 И въ томъ-то подпись подисана:
 „А кто де у камня станеть тѣшиться,
 А и тѣшиться, забавляться,
 Вдоль скакать по камению,
 Сломить будетъ буйну голову“.
 Василий тому не вѣруеть,
 Приходять со дружиною хороброю;
 Стали молодцы забавляться,
 Поперекъ того камению поскакивати,
 А вдоль то его не смѣють скакать.

(Стр. 170—171).

в) Застава корабельная, о которой говорили гости, не задержала Василия. Добравшись до острова, гдѣ стояли «козаки разбойники», Василий «на пристань сталь» и скочилъ на крутъ бережокъ. Атаманы казачьи, узнавъ отъ караульщиковъ о прибытіи корабля, говорятъ приведенныя уже слова:

„Стоимъ мы на острову тридцать лѣтъ,
 Не видали страху великаго,
 Это де видеть Василий Буслаевичъ;
 Знать де полетка соколиная,
 Видѣть де поступка молодецкая“.

Новгородецъ спрашиваетъ казаковъ о прямомъ пути ко святому граду Іерусалиму:

Говорять атаманы казачіе:
 „Гой еси, Василий Буслаевичъ!
 Милости тебя просимъ за единой столъ хлѣба кушати“.
 Втапоры Василий не ослушался,
 Садился съ ними за единой столъ;
 Наливали ему чару зелена вина въ полтора ведра;
 Принимасть Василий единой рукой
 И выпялъ чару единымъ духомъ,
 И только атаманы тому дивуются,
 А сами не могутъ и по полуведру пить.

Послѣ угощенія казаки прощаются съ Васильемъ, даютъ ему богатые подарки и «молодца провожатаго».

г) Каспійскимъ моремъ Василий добирается де Ердань-рѣки:

Будуть они во Ердань рѣкѣ,
 Гросали якори крѣпкіе,

Сходни бросали на кругъ бережокъ,
 Походилъ тутъ Василій Буслаевичъ
 Со своей дружиною хороброю
 Въ Іерусалимъ градъ;
 Пришелъ во церкву соборною,
 Служилъ обѣдни за здравіе матушки
 И за себя, Василья Буславъевича;
 И обѣдню съ панихидою служилъ
 По родимомъ своемъ батюшкѣ
 И по всему роду своему;
 На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
 Про удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
 Что съ молоду бито много, граблено.
 И ко святой святинѣ приложился онъ,
 И въ Ерданѣ-рѣкѣ искупался.
 И расплатился Василій съ попами и съ дьяконами;
 И которые старцы при церкви живутъ, —
 Даетъ золотой казны не считаючи.
 И походить Василій ко дружинѣ
 Изъ Ерусалима на свой червленъ корабль;
 Втапоры его дружина хоробрая
 Купались въ Ерданѣ рѣкѣ,
 Приходила къ нимъ баба залѣсная,
 Говорила таково слово:
 „Почто вы купаетесь во Ерданѣ рѣкѣ?
 А некому купатися, oprичъ Василья Буславъевича.
 Во Ерданѣ рѣкѣ крестился самъ Господь Іисусъ Христось;
 Потерять его вамъ будетъ большаго
 Атамана Василья Буслаевича“.
 И они говорятъ таково слово:
 „Нашъ Василій тому не вѣруеть ни въ сонъ, ни въ чохъ“,
 (Стр. 174—175).

д) На обратномъ пути Василіи останавливается у знакомыхъ
 ему казачьихъ атамановъ.

Поклонились ему атаманы казачіе:
 „Здравствуй, Василій Буслаевичъ!
 Здорово ли съѣздили въ Ерусалимъ градъ?“
 Много Василій не бавтъ съ ними,
 Подалъ письмо въ руку имъ,
 Что много трудовъ за ихъ положилъ,
 Служилъ обѣдни съ молебнами за ихъ, молодцовъ.
 Втапоры атаманы казачіе
 Звали Василья обѣдати,
 И онъ не пошелъ къ нимъ.

(Стр. 175—176).

е) Подъѣхавъ къ горѣ Сорочинской, Василій выходитъ на берегъ.

Повторяется приключеніе съ черепомъ, повторяется и прыганье черезъ камень, но съ иными послѣдствіями. Въ первый разъ Василій не рѣшился перескочить вдоль камня; теперь онъ

Сталъ со дружиною тѣшиться и забавляться,
 Поперекъ камню поскакивати;
 Захотѣлось Василью вдоль скакать,
 Разбѣжался, скочилъ вдоль по камню,
 И не доскочилъ только четверти,
 И тутъ убился подъ каменемъ.
 Гдѣ лежитъ пуста голова,
 Тамъ Василья схоронили.

(Стр. 177).

ж) Дружинники Василья возвращаются въ Новгородъ и приносятъ Мамелѣ вѣсть о смерти сына.

Пошли къ матерой вдовѣ къ Амелѣ Тимошеевнѣ,
 Пошли и поклонилися,
 Всѣ письмо въ руки подали.
 Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
 Говорила таковы слова:
 „Гой вы еси, удамы добры молодцы!
 У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего,
 Подите въ подвалы глубокіе,
 Берите золотой казны не считаючи“.
 Повела ихъ дѣвушка чернавушка
 Къ тѣмъ подваламъ глубокимъ,
 Брали они казны по малу числу;
 Пришли они къ матерой вдовѣ,
 Взговорили таковы слова;
 „Спасибо, матушка Амелеа Тимошеевна,
 Что поила, кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодецъ“.
 Втапору матера вдова Амелеа Тимошеевна
 Приказала наливать по чарѣ зелена вина.
 Подносятъ дѣвушка чернавушка
 Тѣмъ удалымъ добрымъ молодцамъ;
 А и выпили они, сами поклонилися,
 И пошли добры молодцы
 Кому куда захотѣлося.

(Стр. 178—179).

Сравнительно съ пѣсней Кирпи остальные пересказы представляютъ небольшіе отрывки, въ которыхъ уцѣлѣли лишь нѣкоторые подробности Васильева странствованія въ Іерусалимъ градъ.

а) Отдѣлы а, в, д, то-есть рассказы о встрѣчѣ Василья съ го-

стями-корабельщиками и съ казачьими атаманами, не встрѣчаются ни въ одномъ изъ пересказовъ, кромѣ пѣсни Кирши.

β) Лишь въ нѣкоторыхъ пересказахъ (*Рыбникова*, I, 60; II, 33; III, 40; *Гильфердингъ*, 141; *Тихомировъ* и *Миллеръ*, 61) сохранилось упоминаніе о купаньѣ Василія въ Іорданѣ:

И вся его дружина хоробрая,
Купались въ Ердань рѣкѣ во рубашечкахъ,
А онъ же Василій Буславьевичъ
Купался Василій нагимъ тѣломъ.
А его свѣтъ государыня матушка,
Честная вдова Мамелфа Тимошеевна,
По поѣздѣ давала родительское благословеніе:
„Ай же ты, мое чадо милое!
Будешь ты у матушки Ердань рѣки.
Не купнись, Васильюшка, нагимъ тѣломъ:
Нагимъ тѣломъ купался самъ Иисусъ Христосъ!“
А онъ же, Васильюшка Буславьевичъ,
Нарушилъ родительско благословеніе.
Не послушалъ государыни матушки:
Окупался Василій нагимъ тѣломъ.

Пересказы *Рыбникова*, III, 40, и *Гильфердинга*, 141, не упоминаютъ о наставленіи матери, говорятъ о замѣчаніи, сдѣланномъ Василью при купаньѣ дѣвушкой чернавушкой:

Пришелъ Василій сынъ Буславевичъ,
Окупался въ матушкѣ Ердань рѣкѣ.
Идетъ та дѣвушка чернавушка,
Говоритъ Васильюшку Буславьеву:
„Ай Василій сынъ Буславьевичъ!
Нагимъ тѣломъ въ Ердань рѣки не купаются,
Нагимъ тѣломъ купался самъ Иисусъ Христосъ!
А кто купнется, тотъ живъ не бываетъ“.

(*Гильфердингъ*, ст. 726).

Пересказъ Касьянова присоединяетъ такую подробность: на замѣчаніе «дѣвицы прикрасивой». относительно купанья Василій отвѣчаетъ:

Ай же ты, красна дѣвица!
Кабъ была ты, дѣвица, на сей старонѣ,
Я бы сдѣлалъ тебѣ двухъ мальчиковъ,
Двухъ мальчиковъ—двухъ богатырей.“
А тутъ плюнула дѣвица и прочь пошла.

(*Тихомировъ* и *Миллеръ*, стр. 229).

Пѣсня въ сборникѣ *Рыбникова* II, 33 вмѣсто дѣвицы выводятъ «женшину престарѣлую», но удерживаетъ нескромный отвѣтъ Василья (стр. 208).

Въ пѣснѣ Кирши мы встрѣтили также «бабу залѣсную», которая предсказала Васильевымъ дружинникамъ смерть ихъ атамана.

γ) Пересказы *Рыбникова*, II, 33, III, 40, *Гильфердинга*, 141, говорятъ, какъ и пѣсня Кирши, о смерти Василья при возвращеніи его изъ путешествія.

И онъ поѣхалъ въ Іерусалимъ градъ
 Со своимъ дружинишкамъ хоробрима.
 И будетъ онъ противъ матушки Сіонъ-горы,
 И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
 „Ай же ты, дружинишка хоробрая!
 Зайдемъ на матушку на Сіонъ-гору“.
 И зашли они на матушку на Сіонъ-гору,
 И нашель Василій косточку сохояловую,
 И сталъ онъ косточку попинывать
 По матушкѣ по Сіонъ-горы.
 И провѣщется косточка сухоялова
 Ему голосомъ человѣческимъ:
 „Не пивай-ко, Василій сынъ Буславьевичъ:
 Ты будешь лежать со мной
 На матушкѣ Сіонъ-горы вѣкъ по вѣку“.
 Плюнулъ Василій и прочь пошелъ,
 Самъ говорилъ таковы слова:
 „Сама спала, себѣ сонъ видѣла“.

На обратномъ пути, послѣ посѣщенія Іерусалима и купанья въ Іорданѣ, Василій и его спутники опять

Приѣхали противъ матушки Сіонъ-горы,
 И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
 „Ай же ты, дружинишка хоробрая!
 Зайдемъ на матушку Сіонъ-гору,
 Посмотримъ косточки сухояловы“.
 Тутъ они не нашли косточки сухояловы,
 На томъ мѣстѣ лежитъ бѣль горячъ камень.
 И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
 „Ай же ты, дружинишка хоробрая!
 Станемъ скакать черезъ бѣль горячъ камень.
 Дружина скачетъ передомъ,
 А онъ Василій сынъ Буславьевичъ,
 Скочилъ задомъ черезъ бѣль горячъ камень,
 И раскололъ буйную головушку
 И остался лежать вѣкъ по вѣку.

(*Рыбниковъ*, III, стр. 240—241).

О «Сивонъ-горѣ» упоминаетъ и пересказъ *Гильфердинга*, 141 1). На этой горѣ Василій нашель кость сухоялову, которая проговорила «гласомъ человѣческимъ». Слѣдуетъ посѣщеніе Іерусалима и купанье въ Іорданѣ.

Затѣмъ:

Сѣли въ суденышко съ дружинишкой побѣжали.
 Заболѣла у Васильюшка буйная головушка,
 Спроговори Василій сынъ Буславевичъ:
 „Ай же дружинишка хоробрая!
 Болить у меня буйная головушка.
 Вечоръ были мы на матушкѣ Сивонъ-горѣ,
 Пошли мы съ костью разбранилися,
 Пошли мы съ костью не простилися.
 Заѣдемъ-ко на матушку Сивонъ-гору,
 Простимся у кости сухояловой.
 Приѣхали на матушку Сивонъ-гору:
 Гдѣ лежала кость сухоялова,
 Тутъ лежитъ на томъ мѣстѣ синь камень:
 Въ долину камень сорокъ сажень,
 Въ ширину камень двадцать сажень.

Дружинники Василья скачутъ поперекъ камня, а самъ Василій—
 вдоль.

Скочель Васильюшко вдоль камня,
 Палъ Васильюшко о синь камень.

(*Гильфердинъ*, ст. 726—727).

Пѣсня, записанная Гильфердингомъ отъ Никифора Прохорова, изображаетъ путешествіе Василья, какъ гулянье по чисту полю.

А молодой Васильюшко Буславевичъ
 Онъ ходилъ-гулялъ по чисту полю
 А со тыма съ дружинамы съ хоробрыма,
 Съ толстымъ Ѡмой еще съ Благоуродливымъ
 А съ маленькимъ съ упавенькимъ Патанюшкой,
 Какъ приходитъ молодой Василій сынъ Буславевичъ,
 Лежить-то тутъ ужъ какъ вѣдь во чистомъ поли
 Пустая голова человѣческая.

Голова «воспрովѣщила».

Далѣе:

Находися, нагулялся тамъ Васильюшка,
 Пошолъ назадъ туды да обратно бы
 Этимиъ путемъ да дорогою.

1) Пересказы *Рыбникова*, II, 33, и 160, вмѣсто, Сіона называютъ Ѡвароръ.
 русскій вылевой эпосъ

Приходить онъ къ условному тому да помѣстьяцу,
 Гдѣ та голова тутъ лежала-то.
 Какъ смотреть-то еще вѣдь стала тутъ гора каменная;
 Какъ смотреть тутъ Васильюшко Буславьевичъ,
 Какъ на этой горы на каменной
 Подпись та была подписана:
 „А кто-то тутъ черезъ гору перескочить.
 Перескочить черезъ гору три разу,
 Того-то тутъ да вѣдь Господь простить;
 Ахъ кто-то вѣдь есть не перескочить,
 Тотъ будетъ трою проклять на вѣку то быть“.

Дружинники Василья скачутъ «со ратовьемъ» ¹⁾. Иначе поступаетъ ихъ атаманъ:

Какъ тотъ этотъ Васильюшко Буславьевичъ
 Да скочилъ назадъ еще черезъ гору,
 Да скочилъ онъ, Васильюшко, назадъ—пять былъ,
 Какъ тутъ-то вѣдь Василей сынъ Буславьевичъ
 Задѣлъ какъ своимъ чоботомъ сафьяннымъ
 За тую гору да за каменну,
 Поворотило какъ Васильюшка Буславьева
 Вничь его вѣдь молодца головушкой,
 Какъ палъ тутъ Василей о сыру землю,
 Пришла тутъ Васильюшку горькая смерть...
 Какъ тутъ эти дружинушки хоробрыи
 Копали тутъ-то яму на чистомъ поли,
 А распростлился съ Васильюшкомъ Буславьевымъ,
 Спустили какъ тутъ его во матушку сыру землю.
 Только тутъ Васильюшку славы поють.

(Ст. 294—295).

Пѣсня *Рыбникова*, I, № 60, удерживаетъ разсказъ о путешествіи въ Палестину, распредѣляя приключенія съ черепомъ и камнемъ въ такомъ порядкѣ: послѣ купанья въ Иорданѣ Василю и его товарищи

Скоро сядились на добрыхъ коней
 И поѣхали на славу на Фаворъ-гору,
 Ко тому ко камению ко Латырю
 И ко той ко церкви соборній,
 Которая стоять со двѣнадцатю престолами,
 У того у камня у латыря,
 На которомъ камени преобразился самъ Исусъ Христось.
 Не доѣдучись до камня до Латыря,

¹⁾ «То-есть, съ жердью, которая имъ служила опорой». (Примѣч. Гильфердинга).

На томъ на раздолѣ на широкомъ
Увидѣлъ Васильюшка Буславьевичъ
Лежащую кость богатырскую..

Кость воспроговорить, что Василью не доѣхать до церкви соборнія. Василій не обращаетъ вниманія на это предсказаніе и ѣдетъ дальше.

Не доѣдучись до церкви до соборнія,
Увидѣлъ предъ собою бѣгъ и великъ камень,
И на камени подпись подписана:
„Кто перескочитъ трижды черезъ бѣгъ камень.
„Тотъ достигнетъ церкви соборнія..
А кто не перескочитъ черезъ бѣгъ камень,
Тотъ не достигнетъ церкви соборнія“..

Дружина Васильева трижды перескочила черезъ бѣгъ камень.
Самъ Василій два раза перескочилъ

И на третій говоритъ дружны хоробрмя:
Я на третій разъ не передомъ, задомъ перескочу..
И задѣла за камень ножка правая,
И упалъ Васильюшка Буславьевичъ
О жестокъ камень своимъ плечыи богатырскими.
И тутъ Василью славы похоть,
И во вѣки тая слава не минуетъ.

(*Рыбниковъ*, I, стр. 361—363).

Пѣсня въ сборникѣ *Гильфердинга*, № 44, передаетъ разсказъ о смерти Василья безъ указанія на подробности путешествія:

И поѣхали по славному по веряжскому,
Заѣхали на гору сорочинскую
И ничего-то на горы они да не наши;
Столько лежить-то на горы да кость суха глава, и т. д.

Кость провѣщилась.

Ужъ какъ тутъ Василью стосковалоси:
„Ай же вы, дружѣ-братѣ хороброе!
И повдѣмте по горы по сорочинскія“.
И пошли-то по горы по сорочинскія
И ничего-то на горы они да не наши;
Есть только лежить на горы бѣлый камешокъ.

Василій скочилъ вдоль камня и не доскочилъ.

Въ пересказахъ: *Гильфердингъ*, 259 и 284, *Рыбниковъ*, I, 59; *Тихомировъ* и *Миллеръ* 61, 63 нѣтъ упоминанія о горящей кости. Уцѣлѣлъ лишь разсказъ о прыганьѣ черезъ камень. Пересказъ Еремѣевой обрывается на вѣщаніи черепа. (*Тих. и Милл.* 62).

Пермская сказка отступает от иѣсенныхъ вариантовъ, замѣняя черепъ и камень «морской пучиной» ¹⁾).

Путаница въ показаніяхъ о кости и камнѣ (кость и камень помѣщаются на одной и той же горѣ; кость и камень лежатъ отдѣльно; кость превращается въ камень) снова вызываетъ вопросъ: не смѣшаны ли въ былинѣ двѣ поѣздки Василья? Быть можетъ, рассказъ о черепѣ раздѣлялъ первоначально эти двѣ неодинаковыя по цѣли поѣздки. Василій во время своихъ странствованій наталкивается на человѣческой черепъ. Голосъ изъ «сухой кости», напоминавшій о неизбежномъ концѣ, смущаетъ и потрясаетъ удалца, не задумывавшагося до тѣхъ поръ ни надъ своей, ни надъ чужой жизнью. Василій рѣшается «душа спасти», отправляется на богомолье въ Иерусалимъ.

б) Заключительная замѣтка о матери Василья и его дружинѣ встрѣчается только въ пересказахъ *Рыбникова*, II, 33 *Тихонова* и *Миллера* 61. Василій чувствуетъ приближеніе смерти

И наказываетъ своей братіи:
 „Скажите-ко, братія, родной матушкѣ,
 Что сосватался Василій на Оаворь-горѣ
 И женился Василій на бѣломъ горячемъ камешкѣ“.
 Тутъ-то Василій и преставился,
 И похоронили Василья Буславьевича,
 И поѣхали братія, къ его матушкѣ.
 И встрѣчаетъ-то ихъ родна матушка:
 „А гдѣ у васъ, братія, большій братъ, отоманище,
 Молодой Василій сынъ Буславьевичъ?
 —Сосватался, матушка, Василій на Оаворь-горѣ,
 Женился Василій на бѣломъ горячемъ на камешкѣ.
 Тутъ-то его матушка расплакалась
 И собрала она все свое имѣнье-богачество
 И раздала она по Божьимъ церквамъ,
 По Божьимъ церквамъ, по монастырямъ.“

(*Рыбниковъ*, II, Стр. 208).

Въ пересказѣ *Гильфердинга*, 141, сохранился лишь послѣдній наказъ Василья товарищамъ:

¹⁾ «Василій Буславичъ приплылъ на зеленые луга: лежитъ тутъ Морская Пучина, вокругъ глаза. Онъ вокругъ ее похаживаетъ, сапожкомъ ее попинаываетъ, а она ему и говорить: «Не пинай меня и самъ тутъ будешь!» Вотъ послѣ этого рабочіе его распутались межъ собой и стали скакать чрезъ Морскую Пучину: всѣ перескакали; онъ скакнулъ напоследѣ и задѣлъ только ее пальцемъ, да тутъ и померъ». Рассказъ, очевидно, искаженный и спутанный.

„Съѣдешь, дружинишка хоробрая,
Къ моей матушкѣ родное,
Вели помянуть Васильюшка Буславьева“.

(Ст. 727).

И пѣсни, и сказки съ большими или меньшими подробностями передають одинъ и тотъ же разсказъ о смерти новгородскаго удалца: онъ умираеть гдѣ-то на чужбинѣ послѣ неудачнаго прыжка черезъ камень (=гору, морскую пучину). Бурная, молодая жизнь прерывается неожиданно и преждевременно. Есть, однако, основаніе не только догадываться, но и утверждать, что, кромѣ такой, знакомой намъ, развязки быльни о Васильѣ, извѣстна была другая, дававшая разгульному молодцу возможность и время превратиться въ степеннаго посадника. Я имѣю при этомъ въ виду извѣстіе, занесенное подъ 6679 (1171) годомъ въ лѣтописный сводъ XVI вѣка: «Того же лѣта преставися въ Новѣгородѣ посадникъ Васка Буславичъ» ¹⁾. Въ «Опытѣ о посадникахъ новгородскихъ» отмѣчено повтореніе этой замѣтки въ одномъ изъ списковъ хронографа ²⁾. Авторъ «Опыта» пользуется указаніями лѣтописи и хронографа, какъ исторически-достоверными свидѣтельствами, внося имя Васьки въ списокъ новгородскихъ посадниковъ. Иначе оцѣниваетъ приведенное извѣстіе Карамзинъ: «*Никоновская лѣтопись* говоритъ о двухъ нападеніяхъ половцевъ на южную Россію и о походѣ новгородцевъ на чудь, думаю, такъ же справедливо, какъ о смерти въ 1171 году новгородскаго посадника *Васки Буславича*, котораго никогда не бывало» ³⁾. Скептицизмъ Карамзина имѣетъ достаточное основаніе въ молчаніи новгородскихъ лѣтописей, не знающихъ Васьки Буслаева; не упоминають о немъ и перечни новгородскихъ посадниковъ ⁴⁾. Вѣроятно, имя Васьки дошло до того лица, которое занесло

¹⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтописей, IX, стр. 247; Русская лѣтопись по Никонову списку (изд. 1768), ч. II, стр. 215. Подъ этимъ же годомъ помѣщенъ въ Никонов. лѣтоп. разсказъ о знаменитой побѣдѣ новгородцевъ надъ суздальцами.

²⁾ Опытъ о посадникахъ новгородскихъ, стр. 91. Указаны: Никонов. лѣтопись и хронографъ въ собраніи Румянцева («хронографъ рукоп. въ библіот. госуд. канцлера»). Въ примѣчаніи авторъ «Опыта» говоритъ: Память сего посадника сохраняется и теперь въ нашихъ народныхъ сказкахъ и пѣсняхъ (стр. 301).

³⁾ Исторія госуд. Росс., т. III, примѣч. 33. Ср. Д. Прозоровскій, Новые розысканія о новгородскихъ посадникахъ, стр. 1.

⁴⁾ См. списки посадниковъ въ такъ называемой первой Новгородской лѣтописи (Новгор. лѣтопись по Синод. списку, стр. 70—71, 441—442).

въ лѣтопись упомянутую замѣтку, путемъ не книжной, а устной традиціи. Лѣтописная замѣтка — намекъ на народныя сказанія, въ которыхъ хранился образъ мнимаго новгородскаго посадника.

Посадникъ Василій Буслаевичъ былъ, конечно, уже не такимъ удалымъ добрымъ молодцемъ, какимъ мы его знаемъ по былинамъ. Преданіе, отразившееся въ лѣтописной замѣткѣ, рассказывало, вѣроятно, о томъ, какъ Василій, бурно прожившій молодые года, послѣ какого-то глубокаго потрясенія, измѣнился, сталъ мирнымъ и уважаемымъ новгородскимъ гражданиномъ. Быть можетъ, и знакомое намъ заключеніе Чулковской сказки — не позднѣйшій вымыселъ, а лишь передѣлка забытаго теперь преданія. «Онъ владѣлъ надъ Новымъ-градомъ съ мудростью и милостью. Никто не смѣлъ на него подняться, всѣ сосѣди дальніе присылали къ нему мирныхъ пословъ со дарами многими. Вся чюдъ платила ему дани со вѣрностью... Онъ княжилъ лѣты многія, проживалъ годы мирныя» (*Киртесскій*, V, Прилож., стр. XIII). Княжество Василья нужно, конечно, признать прикрасой редактора сказки. Поводъ къ такой прикрасѣ могло дать какое нибудь выраженіе народной пѣсни. Въ пересказѣ *Рыбникова*, III, 39, домъ Мамелфы называется «палатами *княжецецкими*».

Туть пошелъ Василій со чества пира,
Повѣсилъ голову на правую сторонушку,
Утопилъ очи во сыру землю.
Приходить къ палатамъ *княжецецкимъ*,
Говорить его родна матушка, и т. д.

(Стр. 236).

Подобныя выраженія могли встрѣчаться и въ пѣснѣ, послужившей основой для сказки Чулкова. Древнѣйшее сказаніе говорило, конечно, не о княжествѣ Василья, а объ иномъ властномъ его положеніи. Лѣтописная замѣтка указываетъ это положеніе, называя Василья новгородскимъ посадникомъ.

Допустимъ иное предположеніе, признаемъ, что извѣстіе о смерти посадника Васьки Буслаева имѣетъ историческую достовѣрность, что Василій дѣйствительно былъ новгородскимъ посадникомъ; сдѣланный нами выводъ о значеніи лѣтописной замѣтки для опредѣленія первоначальной развязки былинны не измѣнится. Если поэтическое сказаніе прикинуло къ лицу, бывшему посадникомъ, то каковъ бы ни былъ составъ такого сказанія, оно не могло, конечно, говорить о томъ, какъ неожиданно закончилась недолгая жизнь Василья.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о пѣсняхъ, въ которыхъ упоминаніе Василья Буслаева замѣняетъ другія эпические имена.

а) Въ пѣснѣ *Рыбникова*, II, 14, Василій Буслаевичъ появляется передъ нами въ роли Ивана Годиновича.

Жилъ-то Бусланей девянсто лѣтъ,
Живучи онъ состарѣлся и преставился.
Оставался у Бусланей милый сынъ,
Изъ-по имени Василій Бусланеевичъ.
И поѣхалъ-то Василій Бусланеевичъ
Съ молодой женой Настасьей Митріевичной
Во славное раздольце чисто поле.
Ужъ онъ ѣздилъ-гулялъ по чисту полю,
Раскинулъ шатеръ бѣлый полотняный
И ложился на покой съ Настасьей Митріевичной.

Наѣзжаетъ Кощуй Трипетовичъ и овладѣваетъ женой Василья. Мужъ привязанъ къ сыру дубу, а жена и насильникъ остаются въ шатрѣ. (По пересказамъ съ именемъ Ивана Годиновича Настасья прежде, чѣмъ принуждена была выдти замужъ за Ивана, просватана была за Кощя; Кощей, стало быть, только отвѣчаетъ насиліемъ на насиліе). Не долго тѣшился Кощей. Онъ погибаетъ отъ своей же стрѣлы, пущенной въ голубей:

Какъ стрѣлилъ-то въ два сизыихъ голубя,
Высоко стрѣла поднималася
И низко она опускалася,
Она пала на Кощуя сына Трипетовича,
Расколола у него груди бѣлыя.

Привязанный Василій говоритъ женѣ:

„Ужъ ты экая баба неразумная!
Отвяжи Василья отъ сыра дуба“.
Она громко слезами увивалася,
Бѣлымъ платочкомъ утиралася,
Забойлася она, застрашилася
Своего лютаго мужа Василья Бусланенча
И отвязала его отъ сыра дуба.

(Стр. 57—58).

На отвязываніи Василья пѣсня обрывается. Варианты съ именемъ Ивана Годиновича даютъ возможность возстановить утраченный конецъ: Василій убиваетъ Настасью.

б) Въ пѣснѣ, записанной отъ В. Щеголенка (*Рыбниковъ*, II, 49; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 60) съ именемъ Василья Буслаевича связывается рассказъ «о добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой», — рассказъ, извѣстный по цѣлому ряду пѣсенныхъ пересказовъ ¹⁾.

¹⁾ См. *Рыбн.* I, 77, 78, II, 50, III, 52; *Гиллѣф.* 89, 97, 117.

Василій, котораго батюшка «женилъ неволею», оставляетъ постылую жену и пускается въ путь «изъ земли въ землю». Добравшись до .Плтвы, онъ поступаетъ на службу къ королю и сближается съ его дочерью.

Девять лѣтъ жилъ со дочерью,
Со дочерью жилъ королевскою;
Спалъ-то у ней на правой рукѣ,
На правой рукѣ, у бѣлой груди.

Тайна этой связи раскрывается самимъ Васильемъ:

И зашелъ-то добрый молодецъ
Василій Буслаевичъ на царевъ кабакъ,
И выпилъ-то добрый молодецъ
Василій Буслаевичъ чару зелена вина,
И другую выпилъ чару похмельную
И похвасталъ ей, красной дѣвушкой.

Василью грозитъ висѣлица, но заступничество королевны спасаетъ его отъ казни. Василію уходитъ изъ владѣній короля Литовскаго и возвращается домой (стр. 259—264).

Появленіе имени Василья въ этихъ пѣсняхъ имѣло, быть можетъ, основаніе въ какихъ нибудь теперь неясныхъ эпическихъ сближеніяхъ. Повѣсть о походеиіяхъ такого сорванца, какъ Василію Буслаевичъ могла находить вполне подходящее дополненіе въ разсказахъ объ отношеніяхъ Василья къ женщинамъ,—отношеніяхъ, въ которыхъ скромность и нѣжность не были, конечно, преобладающими чертами. Припомнимъ, что Васька даже «женщинѣ престарѣлой» дѣлаетъ такія признанія:

Ай же ты, женщина престарѣлая!
Кабы ты была на сей сторонѣ,
И бы тебѣ сдѣлалъ двухъ мальчиковъ,
Двухъ мальчиковъ—двухъ богатырей.

(*Рыбниковъ*, II, стр. 208).

Обзоръ эпическихъ данныхъ, связываемыхъ съ именемъ Василья Буслаевича, остался бы не законченнымъ, еслибы мы не отмѣтили еще, что новгородскій удалецъ появляется иногда и среди богатырей Владимірова цикла. Такъ, въ пѣснѣ о томъ, «съ какихъ поръ перевелись витязи на святой Руси», въ числѣ погибшихъ храбрецовъ называется и Василію Буслаевичъ (*Киртевскій*, IV, стр. 108). По одному изъ пересказовъ былины о Дюкѣ съ нимъ вступаютъ въ состязаніе Михаилъ Долгомѣровичъ, Иванъ Годимовичъ, Василію

Буслаевичъ (*Рыбниковъ*, III, стр. 174—175). Эти примѣры указываютъ только на смѣшеніе эпическихъ цикловъ, втягивавшее сказаніе о новгородскомъ молодцѣ въ кругъ былинъ кievскихъ. Было и обратное смѣшеніе. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины о Васильѣ появляются Владиміръ, князь стольно-кievскій (*Рыбниковъ*, II, 32. *Гильфердингъ*: 103, 259), Добрыня (*Тихомировъ* и *Миллеръ*, 63).

II.

Василій Буслаевичъ—любимецъ нашихъ историковъ. При изображеніи древне-русскаго быта, при разсказѣ о судьбахъ Великаго Новгорода историкъ всегда отыщетъ мѣсто для воспоминаній о Васильѣ, для передачи сохранившихся о немъ преданій. Археологическое вниманіе привлекается той яркостью бытовыхъ красокъ, которая отличаетъ образъ Буслаева сына въ галереѣ эпическихъ картинъ, сохранныхъ нашей былевой поэзіей. «Въ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ,—говоритъ *С. М. Соловьевъ*,—изъ лицъ историческихъ описываемаго времени (1054—1228) является дѣйствующимъ новгородецъ Василій Буслаевъ. Пѣсня въ нѣкоторыхъ чертахъ вѣрно изображаетъ старину новгородскую, въ нѣкоторыхъ старину общую русскую». Пересказавъ затѣмъ содержаніе былины о Васильѣ, историкъ замѣчаетъ: «Такимъ образомъ разгульная жизнь новгородской вольницы оставила по себѣ память въ народѣ, и предводитель новгородскихъ ушкуйниковъ является въ произведеніяхъ народной фантазіи среди богатырей Владимірова времени» ¹⁾. *Н. И. Костомаровъ* въ Исторіи Новгорода и Пскова отдѣлилъ особую главу для изображенія «новгородскаго удалца по народному воззрѣнію». Удалецъ этотъ—Василій Буслаевъ. «Ничто,—говоритъ историкъ,—такъ хорошо не изображаетъ новгородскихъ нравовъ и явленій древней общественной жизни, какъ превосходная пѣсня о Васильѣ Буслаевѣ. Хотя она сильно расцвѣчена сказочнымъ эпосомъ, но дѣйствительность проглядываетъ изъ-подъ фантастическихъ красокъ во всемъ существѣ своемъ». Слѣдуетъ подробный пересказъ былины о Васильѣ, сопровождаемый нѣкоторыми историческими объясненіями ²⁾. «Бы-

¹⁾ Исторія Россіи, т. III, гл. I (Внутреннее состояніе русскаго общества отъ смерти Ярослава I до смерти Мстислава Торопецкаго), стр. 110—113.

²⁾ Исторія Новгорода, Пскова и Вятки во время удѣльно-вѣчеваго уклада, т. II (Историческія монографіи, т. VIII), гл. IX, стр. 125—148.

лины новгородскія, — замѣчаетъ *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*, — ярко рисуютъ бытъ Новгорода... Въ Васыѣ Буслаевѣ представляются намъ удалцы новгородскіе, не разбирающіе ни своихъ, ни чужихъ; поэтически изображается наборъ дружины пробованіемъ силы: кто выдержитъ ударъ дубиною, того и принимать въ дружину. Любопытно, что богатырь уступаетъ предъ авторитетомъ матери, и что въ концѣ жизни уходитъ замалывать грѣхи» ¹⁾).

Пользуясь указаніями исследователей древне-русской жизни, стараемся свести къ опредѣленнымъ пунктамъ тѣ историко-бытовыя данныя, которыя отыскиваются въ пѣсняхъ и сказкахъ о сынѣ Буслава.

1) Былина о Васильѣ начинается съ воспоминаній объ его отцѣ:

Въ славномъ Великомъ Новѣградѣ
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ;
Съ Новымъ-городомъ жилъ—не перечился,
Со мужики новгородскими
Поперекъ словечка не говаривалъ.

(*Кирша*, стр. 72).

Или:

Съ каменной Москвой не перечился.
Съ Новымъ-городомъ спору не было.

(*Рыбникова*, II, № 33, стр. 201. Ср. III,
стр. 233; *Гильбердингъ*, ст. 152, 722).

Пересказы *Рыбникова*, I, 56, упоминаетъ еще о Псковѣ:

Со Новымъ-городомъ не спаривалъ,
Со Опсковымъ оу не вздоривалъ,
А со матушкой Москвой не перечился.

(Стр. 344).

Это указаніе на Новгородъ, Псковъ и Москву, какъ на три самостоятельныя силы, принадлежитъ къ числу драгоцѣннѣйшихъ обломковъ исторической старины, какихъ въ такой опредѣленной и ясной формѣ немного сохранилось въ былинахъ. Самостоятельность Новгорода и Пскова отошла въ область преданія со временъ Ивана III и сына его Василья. Не только для сказателей нашего времени, но и для пѣвцовъ болѣе ранней поры, — XVIII, даже XVII вѣка, — выраженіе: «съ Новымъ Городомъ не спаривалъ, со Опсковымъ не вздоривалъ», было, конечно, лишь пѣсенной формулой, которая повторялась по привычкѣ, безъ яснаго пониманія ея живаго значенія.

¹⁾ Русская исторія, т. I, стр. 362.

Буславу приходилось ладить съ Новгородомъ, Псковомъ, Москвой. Какъ видно, отецъ Василья занималъ въ родномъ городѣ видное, вліятельное положеніе; онъ, безспорно, принадлежалъ къ классу новгородскихъ бояръ, вятскихъ людей. На это указываетъ и богатство, доставшееся Василью. Онъ содержитъ на свой счетъ цѣлую дружину; вступая въ братчину, онъ платитъ за себя пятьдесятъ рублей, за каждаго изъ своихъ дружинниковъ пять рублей. Мамелфа говорить товарищамъ своего сына: «подите въ подвалы глубокіе, берите золотой казны, не считаячи» (*Кириша*, стр. 178).

Человѣкъ именитый, вліятельный членъ новгородскаго вѣча, Буславъ не могъ не принимать участія въ между-областныхъ дѣлахъ. Ему приходилось улаживать отношенія Новгорода къ Москвѣ, къ Пскову. Умѣлъ онъ ладить и «со мужики новгородскими». Онъ зналъ, что безъ такого умѣнья легко было наклепать на себя бѣду не малую. Черезъ всю исторію Новгорода проходитъ борьба общественныхъ классовъ, меньшихъ и вятскихъ людей, — борьба, вызывавшая иногда усобицы, которыя сопровождались убійствами и грабежомъ. Для примѣра укажу на лѣтописные разказы о новгородскихъ усобицахъ 1255, 1257, 1259 и 1418 годовъ.

На княжескомъ столѣ новгородскомъ, послѣ Александра Ярославича Невскаго, сидѣлъ его сынъ Василій. «Въ лѣто 6763 (1255) выведоша новгородьци изъ Пльскова Ярослава Ярославича (брата Александра) и посадиша его на столѣ, а Василья выгнаша вонъ». Узнавъ объ этомъ, Александръ двинулся ратью къ Новгороду. Тутъ обнаружилось несогласіе между людьми меньшими и вятскими. Рѣшительными противниками князя Василья были меньшіе. «И рече князь: выдайте ми мои вороги», и цѣловаша святую Богородицю меньшии, како стати всѣмъ, любо животь, любо смерть, за правду новгородскую, за свою отчину; и бысть въ вятскихъ свѣтъ золь, како побѣдити меньшии, а князя въвести на своей воли». Главой партіи вятскихъ былъ вѣкій Михалко Степановичъ. Онъ поспѣшилъ къ своему полку, имѣя въ виду «уразити» противную сторону. «И увѣдаше черныи люди, погнаша по немъ и хотѣша на дворъ его». Вмѣшался въ дѣло посадникъ Онанья, пользовавшійся, какъ видно, вліаніемъ среди черныхъ людей: — «Братъе, — сказалъ онъ, — аже того убиете, убійте мене переже»; «не вѣдаше бо, — прибавляетъ лѣтописецъ, — аже о немъ мысль злу свѣцаша — самого яти, а посадничество дати Михалку». Эта «злая мысль» осуществилась. Князь Александръ поставилъ условіемъ мира смѣщеніе посадника Ананія.

Избѣгая кровопролитія, новгородцы согласились исполнить это требование. «И сѣде князь Александръ на своемъ столѣ». Посадничество дано было Михалку Степановичу ¹⁾. Не долго, однако, пришлось ему пользоваться властью. Въ 1257 (6765) г. пришла вѣсть, что татары хотятъ брать на Новгородѣ тамгу и десятину. «И смятошася люди чересь все лѣто; и къ госпожину дни умре Онанья посадникъ, а на зиму убивша Михалка посадника новгородца» ²⁾. Спустя два года, въ 1259 (6767) г., прибыли въ Новгородъ татарскіе посланцы Беркай и Касачикъ для переписи населенія. Боясь жителей, они просили князя Александра дать имъ охранную стражу. «И повелѣ князь стеречи ихъ сыну посадничю и всѣмъ дѣтемъ боярьскимъ по ночемъ». Опасеніе татаръ имѣло основаніе: требованіе числа и дани вызвало противодѣйствіе и смуту. «Чернь не хотѣша дати числа, но рѣша: умремъ честно за святую Софью и за дома ангельскыя! Тогда надвоишася люди: кто добрыхъ, тотъ по святой Софьи и по правой вѣрѣ; и створиша супоръ вятшини, велятъ ся яти меншимъ по числу». Сторона вятшихъ восторжествовала. «И злыхъ свѣтомъ яшася по число: творяху бо бояре собѣ легко, а меншимъ зло» ³⁾. Причиной новгородскихъ раздоровъ въ 1255 и 1259 гг. были дѣла не маловажныя: перемѣна князя, установленіе дани. Но бывали смуты, разгоравшіяся по ничтожному поводу. Такова усобица 1418 года. «Человѣкъ нѣкій Степанко, изымавшє боярина Данила Ивановича, Божица внука, держащи вопиашє людємъ: «а господа! пособиѣте ми тако на злодѣя сего». Людє же, видяще его вошь, влєчашуть, акы злодѣя, к народу и казниша его ринами близъ смерти и сведше и с вѣца, сринауша и с мосту». Брошенный перехваченъ былъ въ челнѣ проѣзжавшимъ рыбакомъ. Спасшись отъ смерти, бояринъ задумалъ отмстить врагу: схвативъ Степанка, «нача мучити» его. Это подлило масла въ огонь. «Слышавъ же народъ, яко изымавъ бысть Степанко, начаша звонити на Ирославди дворѣ вѣче; и сбирахуся людїи множество, кричаху вопиюще по многы дни: «пойдемъ на оного боярина и домъ его расхитимъ!» и пришедь въ доспѣсехъ съ «стягомъ на Кузмадемїану улицу, пограбиша домъ его и иныхъ дворовъ много и на Яневѣ улицѣ берєгъ пограбиша... И пакы възъярившися, акы пїанѣ, на иного боярина, на Ивана на Невлича, на Чюдѣнцевѣ улицѣ, и с

¹⁾ Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку, изд. Археогр. Комм., 1888 г., стр. 275 · 277.

²⁾ Ibid., 278.

³⁾ Ibid., 279—280.

нимъ много разграбиша домовъ боярьскихъ, нъ и монастырь свя-
таго Циколы на полѣ разграбиша, ркуще: «адѣ житницѣ боярьскыи».
И еще того утра на Людгощи улицѣ изграбиша дворовъ много,
ркуще, яко «намъ супостаты суть», и на Прускую улицу придоша,
и они пакы отбишяся ихъ». Въ это время на Торговой сторонѣ
(откуда приходили вороги боярскіе) распространился слухъ, что
Софійская сторона вооружается и хочетъ отвѣчать на насиліе насил-
діемъ. «И начаша звонити по всему граду, и начаша людіе сьры-
скывати съ обою страну, акы на рать, в доспѣсѣхъ, на мость ве-
ликой; быше же и губленіе: овы отъ стрѣлъ, овы же отъ оружіа,
бѣша же мертви, акы на рати; о отъ грозы тоя страшныя и отъ
возмущенія того великаго вѣстрясея весь градъ и нападе страхъ на
обѣ страны» 1). Только вмѣшательство архіепископа Симеона пре-
кратило междоусобный бой.

Виновниками новгородскихъ смуть бывали и сами бояре. Сопер-
ничество и ссоры этихъ людей питали и поддерживали обществен-
ную рознь, доводя ее порой до кровавыхъ усобицъ. Можно вспом-
нить при этомъ о новгородскихъ смутахъ 1230 и 1342 годовъ.

Въ 6738 (1230) году «роспрѣся Степанъ Твердиславиць съ Во-
довикомъ, Иванке Тимошкиниць по Степанѣ, и биша Иванка *на-
робчи посадници*». Эта ссора вызвала усобицу. Противники посад-
ника Водовика разграбили его дворъ; тогда посадникъ и его сто-
ронникъ Семень Борисовичъ подняли «городъ весь»: много дворовъ
было разграблено, двое враговъ Водовика были убиты. Противники
посадника не оставили этого насилія безъ отвѣта. Пріятель Водо-
вика, Семень Борисовичъ, былъ убитъ; домъ и села его были раз-
граблены. Самъ Водовикъ, домъ и села котораго также подверглись
разгрому, бѣжалъ изъ Новгорода. Посадничество перешло къ Сте-

1) Ibid., 405—407. Въ такъ называемой второй Новгородской лѣтописи къ
этому разсказу о безурядицѣ присоединяется еще такая подробность, рисующая
раздраженіе народа противъ боярина Данила: «Быше же и се дивно... жена нѣ-
кая, отвергнуши женскую немоща, вѣемши мужскую крѣпость, выскочивъ же по-
среди сонмища, дасть ему раны, укоряючи его, яко неистова, глаголющи, яко
обидна еси ми» (Новгородскія лѣтописи, стр. 42). Это участіе женщины въ
народной расправѣ приводитъ на память разсказъ былинны о чернавкѣ, вмѣшав-
шейся въ бой Васильевой дружины съ новгородскими (*Кирша*, стр. 80; *Рыбни-
ковъ*, I, стр. 342, 346—347; *Гильфердингъ*, ст. 1185). Замѣчательно, что и об-
разъ женщины-воительницы приурочивается въ нашемъ эпосѣ къ былинѣ о
Ставрѣ, имѣющей новгородскую основу (припомнимъ новгородскаго сотскаго
Ставра, заточеннаго Мономахомъ).

пану Твердиславичу ¹⁾. Въ 6850 (1342) году «Лука Валфромѣвъ, не послушавъ Новаграда и митрополица благословеніа и владычнѣя, *скопивъ съ собою холоповъ збогъ*, и поѣха за волокъ на Двину и постави городокъ Орлицъ». Вскорѣ Лука былъ убитъ заволочанами. Когда слухъ объ его смерти дошелъ до Новгорода, «всташа черныи люди на Одрѣшка, на Федора на посадника на Данилова, а ркуци: яко тѣ заслаша на Луку убити, и пограбиша ихъ дома и села». Опять началась смута. Городъ раздѣлился: «сія страна собѣ, а сіа собѣ». Но владыка Василій и намѣстникъ Борисъ успѣли уладить дѣло и «доконцаша миръ» между враждовавшими сторонами ²⁾.

2) Для борьбы, къ которой привыкли новгородскіе бояре, нужны были бойцы, дружина хоробрая. Въ приведенныхъ извѣстіяхъ находимъ упоминаніе о паробкахъ посадника Водовика, о холопахъ—збогахъ, собранныхъ Лукой Варѣоломѣичемъ. Въ былинѣ честная вдова Амелфа Тимошеевна говорить сыну объ отцѣ:

Не имѣлъ въ карманѣ онъ вѣдь ста рублей,
А имѣлъ дружинну хоробрую.

(Рыбниковъ, II, стр. 202).

Собираетъ себѣ дружинну и Васька. Написалъ онъ ярлыкки скорописчаты:

„Кто хоцетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
Валися къ Васькѣ на широкой дворъ,
Тотъ ѣшь и пей готовое
И носи платье разноцвѣтное!“

Разославъ эти ярлыкки, Василій поставилъ среди двора чанъ, полонъ зелена вина, опустилъ въ него чару въ полтора ведра и сталъ поджидать добровольцевъ.

Во славномъ было во Новѣградѣ:
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыкки скорописчаты,
Пошли ко Васькѣ на широкій дворъ,
Къ тому чану зелену вину;
Въ началѣ былъ Костя Новоторженнѣвъ,
Пришелъ онъ, Костя, на широкой дворъ,
Василій тутъ его опробовалъ,
Сталъ его бити червленымъ вязомъ,..
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ,

¹⁾ Лѣтопись по Синод. списку, стр. 233—236.

²⁾ Ibid., 342—343.

А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ,
 Стоять тутъ Костя не шевельнется,
 И на буйной головѣ кудри не тряхнутся.
 Говорилъ Василій сынъ Буслаевичъ:
 „Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
 А и будь ты мнѣ названой братъ
 И паче мнѣ брала родимаго!“
 А и мало время позамѣшкавши,
 Пришли два брата боярченка,
 Лука и Моисей, дѣти боярскія,
 Пришли ко Васкѣ на широкой дворъ;
 Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ,
 Тѣмъ молодцамъ сталъ радощенъ и веселешенекъ.
 Пришли тутъ мужьки Залешена...
 Еще тутъ пришло семь братовъ Сбродовичи.
 Собиралися, сходилися
 Тридцать молодцовъ безъ единого,
 Онъ самъ Василій тридцатый сталъ.

(Кириша, стр. 74—76).

Васька называетъ выбранныхъ имъ удалцовъ «братьями названными», но это наименованіе соединяется въ былинѣ съ такими отношеніями, которыя не похожи на братскій союзъ. Дружинники Васалья хотять «пить и ѣсть изъ готоваго». Такихъ новгородскихъ братьевъ-наймитовъ мы знаемъ по свидѣтельствамъ историческимъ. Митрополитъ Іона (1448—1458) писалъ въ Новгородъ: «Слышахъ, сынове, яко по изначалнаго врага душъ нашихъ и губителя діаволимъ навѣтамъ, нѣкое богоненавистное и богомерзкое злое дѣло сътворяется въ вашемъ православномъ христіанствѣ... *не тамко отъ простыхъ людей, но и отъ честныхъ отъ великихъ людей*, отъ нашихъ духовныхъ дѣтей: не за кую сію и великую и малую вещь зачинается гнѣвъ и отъ того ярость и свары и прекословія и многонародное събираніе со обояхъ странъ еще и *наймовати на то злое и богоненавистное дѣло... сбродней, пьянчивыхъ и кровопролитныхъ челоувѣкъ, и бои замышляютъ и крови пролитія и души христіанскыя губятъ*»¹⁾. Дружина Василья Буслаевича, не робѣв-

¹⁾ Акты Историч., I, № 44, стр. 89. Іона повторяетъ это обвиненіе въ особомъ посланіи къ архіепископу Евфимію: «И о семъ, сыну и брате, прошю тебе, яко да не позаариши смѣренію нашему, о ихъже вешехъ слышахомъ творящихся отъ нѣкоторыхъ твоихъ дѣтей, православныхъ христіанъ, еще же паче рещи и отъ честныхъ челоувѣкъ въ твоей паствѣ въ Великомъ Новѣгородѣ: нѣкая междоусобнаа спирапіа, и раздоры, и убійства, и кровопролитія и нѣколикія сътворившаася и творящаася душегубства православному христіанству, и на то на злое и богомерзское дѣло наймованія, съ обою страну, алоадныхъ

шая ни передъ чарой, ни передъ дубиной, можетъ служить энической иллюстраціей къ этимъ обличеніямъ митрополита Іоны.

3) Васыка и его товарищи появляются на пиру, который въ старѣйшемъ пересказѣ Кирши Данилова называется «братчиной Никольщиной»¹⁾. Объ этой братчинѣ упоминаетъ и другая новгородская былина (о Садкѣ):

Тѣ мужики новгородскіе сохотилися
На братчину Никольщину,
Начинають пить кануи, пива ячныя.

(Кирша, стр. 270—271).

Наименованіе братчины Никольщиной вполне согласно съ обычаями древней Руси²⁾, хотя бывали, конечно, братчины и при другихъ праздникахъ. Такъ въ лѣтописи, подѣ 6667 (1159) г., при разсказѣ о Ростиславѣ Глѣбовичѣ, князѣ полоцкомѣ, упоминается братчина въ Петровъ день: «И начаша Ростислава звати лѣстью у братьщину къ свѣтѣй Богородици къ старѣй на Петровъ день, да ту имуть и»³⁾. Съ этимъ извѣстіемъ можно сопоставить упоминаніе о Петровѣ дни, повторяющееся въ цѣломъ рядѣ пересказовъ нашей былинны:

Ай же ты, крестный мой батюшка!
Не далъ я ти ячка о Христовомъ дни,
Дамъ тебѣ ячко о Петровомъ дни.

(Рыбниковъ, I, стр. 349, 356, 360, II, 200; Гильбердинъ, ст. 217, 293, 595, 1186; Тихомировъ и Миллеръ, 61)

Братчины—явленіе обще-русское, но болѣе устойчивую организацию и большую самостоятельность эти праздничныя собранія получили именно въ Новгородѣ и другихъ городахъ, обладавшихъ болѣе развитыми формами общественнаго быта. «Въ нѣкоторыхъ областяхъ,—замѣчаетъ С. М. Соловьевъ,—братчины постарались освободиться совершенно отъ вмѣшательства правительственныхъ лицъ и приобрѣсть право суда надъ своими членами, произведшими без-

и хотящихъ кровопролитству, пѣнчивыхъ и о своихъ душахъ нерадящихъ злоторныхъ человекъ» (ibidem, № 48, ст. 88).

¹⁾ Братскій пиръ, какъ было уже указано, кромѣ пересказа Кирши, упоминается еще въ пересказахъ шенкурскихъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ Киршевскаго (V, 1, 2).

²⁾ Снегиревъ, Русскіе престонародные праздники и суевѣрные обряды, вып. I, стр. 50, 162; IV, стр. 83; Калининъ, Церковно-народный мѣсяцесловъ на Русь, 337 (Записки Имп. Р. географич. общ. по отдѣлу этнографіи, т. VII).

³⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. II, стр. 83.

порядокъ во время пира. Легко догадаться, что эту большую степень самостоятельности братчины могли приобрести преимущественно въ Новгородѣ и его владѣніяхъ, во Псковѣ, по известнымъ формамъ тамошняго быта... То же самое право имѣютъ братчины или братства и въ западной или Литовской Россіи, гдѣ быть городовъ... представлялъ сходныя черты съ бытомъ Новгорода и Пскова и гдѣ видимъ сильнѣйшее развитіе цеховаго устройства» ¹⁾.

На важное значеніе братчинъ, въ ряду другихъ проявленій древне-русской общественности, указываютъ и тѣ религиозные обряды, которыми сопровождался братскій пиръ, и тѣ правительственныя постановленія, которыя опредѣляли права и обязанности братчиковъ. По разсказу датчанина Ульфельда, бывшаго въ Россіи въ 1575 и 1578 гг., приготовленію пива предшествовалъ церковный обрядъ освященія воды, хмѣля и ячменя. «Nescio sane, an hic significare debeam, quo pacto sanctorum opem in cerevisia coquenda implorant, quibusque ceremoniis utuntur. Cum aqua dolio infunditur ad manus habent sculpile baculo longo alligatum, quod dolio imponunt confestimque extrahunt, quod etiam fit cum frumentum et lupulus adduntur. Quo facto baculum in altum erigentes imaginem illam curvatis genibus, capitibus demissis frontibusque signo crucis signatis venerantur. Talibus superstitionibus imbuuntur, adeoque his ineptis fascinati sunt, ut hisce ceremoniis neglectis totum laborem irritum esse existiment» ²⁾. Ив. Аѳ. Бычковъ издалъ недавно, по рукописному требнику XVII вѣка, замѣчательную «молитву надъ канонемъ». Въ этой молитвѣ, несомнѣнно новгородской редакціи, читаемъ между прочимъ: «Соблюди, Господи, и помилуй намѣстниковъ новъгоропцкихъ, и иныхъ князей и бояръ и всѣхъ приказныхъ людей, царьскихъ доброхотовъ: соблюди, Господи, и помилуй государя дому сего (имя рекъ), или *старосту братчины сей* (имя рекъ), съ его сынцы и съ ихъ женами и з дѣтьми и з гостыми приходящими и со всѣми православными крестьяны» ³⁾ и т. д.

Что касается правовыхъ отношеній древне-русскихъ братчинъ, то наиболѣе точное и ясное опредѣленіе этихъ отношеній даетъ Псковская судная грамота (XV вѣка): «А братьщина судить, какъ судия». Но подобныя же указанія на большую или меньшую само-

¹⁾ Исторія Россіи, т. VII, стр. 143.

²⁾ Jacobi Ulfeldii Hodoeporicon Ruthenicum, p. 10 (*Starzewski, Historiae Ruth. scriptores, vol. I.*)

³⁾ Каталогъ собранія славяно-русскихъ рукописей *П. Д. Богданова*, вып. I стр. 21.

стоятельность братчинъ находимъ въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ грамотъ, принадлежащихъ разнымъ мѣстностямъ Русской земли. Въ грамотахъ этихъ повторяется обыкновенно одно и тоже постановленіе: «А на пиры и на братчины... незванъ не ѣздитъ никто; кто пріѣдетъ къ нимъ на пиръ и на братчины незванъ, и они того выпшютъ вонъ безпенно; а кто у нихъ станеть пить силою, и случится у нихъ тутъ какая нибудь гибель, ино ему платить вдвое безъ суда и безъ исправы» ¹⁾.

По пересказу *Кирии*, Василій Буслаевичъ внесъ свою долю въ общую складчину и принять былъ въ братчину *старостой*.

Пошелъ Василій со дружиною,
Пришелъ во братчину въ Никольщину:
„Не малу мы тебѣ сыпь платимъ,
За всякаго брата по пяти рублевъ“.
А за себя Василій даетъ пятьдесятъ рублевъ;
А в тотъ-то староста церковной
Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину.

(Стр. 76).

По другимъ пересказамъ, не упоминающимъ, правда, о братчинѣ, Васька является на пиръ ²⁾ незванъ:

Не зовутъ Васильюшки Буслаева
На пированьице, на почестенъ пиръ;
Не ждеть-то онъ чести великія,
А приходилъ онъ къ нимъ на почестенъ пиръ
Со своимъ со дружинами хоробрима
И идеть-то во мѣсто во большее,
Садится молодець въ большой уголь
И раздвигалъ мужиковъ новгородскіихъ,
Садился со дружинами хоробрима;

¹⁾ Сводъ извѣстій о братчинахъ см. въ статьяхъ *С. М. Соловьева*: „Братчины“ (*Русская Бесѣда*, 1856, IV, 108—117) и *А. Н. Попова*: „Пиръ и братчины“ (Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, изд. *Калачовымъ*, кн. II, пол. 2, отд. VI, стр. 19—41).

²⁾ „Изъявленіемъ веселости и радушія,—замѣчаетъ Костомаровъ,—былъ пиръ, который въ Новгородѣ челоувѣкъ зажиточный считалъ обязанностью дѣлать для множества гостей и тѣмъ поддерживалъ свое значеніе... Когда князь пріѣзжалъ въ Новгородъ, избирался и поставлялся владыка, всегда торжество сопровождалось пиромъ. Князь *Изяславъ Мстиславичъ*, желая пріобрѣсть расположеніе новгородцевъ, сдѣлалъ пиръ для цѣлаго города. Какъ много значили пиры въ Новгородѣ и какъ легко было посредствомъ хлѣбосольства пріобрѣсть расположеніе, показываетъ то, что Борецкіе дѣлали пиры и черезъ то подбирали себѣ партію“ (*Исторія Новгорода и Пскова*, II, стр. 155—156).

Говорятъ мужики новгородскіе:
 „А званому гостю хлѣбъ да соль,
 А не званому гостю и мѣста нѣтъ“.

Василій отвѣчаетъ насмѣшкой:

„Званому гостю много мѣста надо,
 Много мѣста надо и честь большая,
 А незваному гостю, какъ Богъ пришлетъ“.

(*Рыбниковъ*, стр. 353; ср. *ibidem*, 339, II, 204—205;
 III, 235—236; *Гильфердингъ*, ст. 290, 723—724).

Грамоты, которыя говорятъ о братчинахъ, предусматриваютъ возможность неприятныхъ столкновений между пирующими, особенно въ тѣхъ случаяхъ, если на пиръ явится кто нибудь незваный: «а кто у нихъ станетъ пить силою, и случится у нихъ тутъ какая нибудь гибель», и т. д. Когда на новгородскомъ пиру появились такіе пьянчивые и кровопролитные люди, какъ Василій и его дружина, «гибель» была неизбежна.

Молодой Василій, сынъ Вуслаевичъ,
 Бросился на царевъ кабакъ
 Со своею дружиною хорабрю;
 Напилися они туто зелена вина,
 И пришли во братчину въ Накольщину.
 А и будетъ день ко вечеру...
 Начали ужъ ребята бороться,
 А въ иномъ кругу въ кулаки битися;
 Отъ тое борьбы отъ ребячія.
 Отъ того бою кулачнаго
 Началася драка великая.

(*Кириа*, стр. 77).

4) Драка началась съ борьбы, которою стали тѣшиться попиравшіе ребята. На другой день послѣ пира назначенъ былъ новый бой новгородцевъ съ Васильевой дружиной, бой уже не случайный, а обставленный нѣкоторыми условіями, обезпеченный залогомъ и записями. Этотъ бой долженъ былъ имѣть такое же значеніе молодецкой потѣхи, состязанія въ силѣ и ловкости, какъ и «борьба ребячья», но бѣшеный задоръ Василья придавъ игрищу видъ кровавой свалки, напоминающей картину новгородскихъ усобицъ. По нѣкоторымъ пересказамъ ожесточеніе Василья объясняется, правда, страшнымъ залогомъ, о которомъ уговорился онъ съ новгородцами:

И ударился Васька о великъ закладъ,
 Не о стѣ рублей, не о тысячѣ,
 Ударился Васька о своей буйной головѣ
 За утро битися Васькѣ со всѣмъ Новымъ-городомъ

(*Киртесскій*, V, стр. 5, 12).

Ударились оны о великъ закладъ:
 Если Василей побьеть, съ князя два ста тысячь;
 Если побьютъ мужикъ Новгорожана,
 То Василью голова срубить.

(*Гильфердингъ*, ст. 1185, ср. *Рыбниковъ*, I, стр. 340).

Но такую версію договора съ залогомъ въ видѣ буйной головы едва ли можно признать отвѣчающей первоначальному замыслу былинны и отражавшемуся въ ней старо-русскому быту ¹⁾. Въ старѣйшемъ пересказѣ Кирши залогъ понимается просто, какъ денежная плата:

Тако вы меня съ дружиною побьете Новымъ городомъ,
 Буду вамъ платитъ дани, выходы по смерть свою,
 На всякой годъ по три тысячь;
 А буде же я васъ побью,
 И вы мнѣ покоритесь,
 То вамъ платитъ мнѣ такову же дань.

На плату намекаетъ и пересказъ *Гильфердинга*, 284:

Сдѣлали залогъ тѣ великіе,
 Пописали запись заболѣ того.

(Ст. 1240).

Въ подобныхъ же общихъ выраженіяхъ говорится о залогѣ и записяхъ и въ остальныхъ пересказахъ:

¹⁾ Говорю такъ, имѣя въ виду сравнительно позднюю историческую пору, отразившуюся въ былинѣ о Васильѣ. Болѣе суровая древность могла изображать составленіе съ закладываніемъ головы. *Як. Гриммъ*, объясняя значеніе немецкаго *Wette*, замѣчаетъ, что это слово, кромѣ значенія *sponsio* и *pignus*, имѣло еще иное, болѣе ограниченное значеніе—*alen*: „Die dingenden setzen gut, freiheit und selbst *das leben* auf ungewissen erfolg, der von einem spiel, von einem lauf... von vollendung einer arbeit oder von andern umständen abhieng. Es war nicht nöthig, dass beide theile dasselbe setzten, einer durfte höheres, der andere geringeres verwetten“. Какъ эпическая формула, заклады, вѣнны головы повторяются и въ нашемъ эпосѣ, при чемъ можно указать на былинны о Иванѣ Гостинномъ сынѣ (*Кирша*, стр. 56, *Рыбниковъ*, III, 198) и о Дюкѣ (*Рыбниковъ*, II, 181), и въ эпосѣ другихъ народовъ (*Миллеръ*, *Илья Мур.*, стр. 85, 509—510, 614—615). „Es ist zeichen der sittenmilderung,—продолжаетъ Гриммъ,—dass schon unsere ältesten gesetze keinen anlass finden, der gefährlichen wetten zu erwähnen; zu der zeit, wo es den treubruchigen schuldnern das haupt kostete, mag es dem wettefälligen spieler an den hals gegangen sein“ (*Deutsche Rechtsalterthümer*, S. 621, по 2 изд.). Въ памятникахъ русской письменности слова: закладъ и запись употребляются обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ объ обязательствахъ денежныхъ или имущественныхъ вообще (См. *Срезневскій*, *Материалы для словаря древне-русскаго языка* вып. II, ст. 918 и 935).

Ударилъ они о великъ закладъ,
 Подписали подписи великія;
 Что съ утра еще ранымъ рано
 Итти-то на рѣченьку на Волхову,
 На тотъ ли на мосточикъ на Волховскій.

(Рыбниковъ, I, стр. 353—354).

Разсказъ о боѣ Василія съ новгородцами, намъ уже знакомый, яркими красками рисуетъ картину старо-русскаго игрища. Общій контуръ той же картины набросанъ въ извѣстномъ правилѣ митрополита Кирилла (1274): «Паки же увѣдѣхомъ бѣсовская еще держаще обычая треклятыхъ клинъ, въ божествыя праздники позоры нѣкакы бѣсовскыя творити съ свистаниемъ, и съ кличемъ и въплемъ *сзываютъ нѣкы скардныя пѣлница и бьющия дрыколѣмъ до самыя смерти* и възнимающе отъ оубиваемыхъ порты»¹⁾. Извѣстія объ игрищахъ попадаются и въ другихъ памятникахъ. Такъ въ лѣтописи подъ 1390 (6898) отмѣчено: «Тое же зимы по Рожествѣ Христовѣ на третій день Осей Кормиличичъ князя великаго поколотъ бысть на Коломнѣ *въ ирушкѣ*»²⁾. Среди новгородскихъ удалцовъ бои разыгрывались едва ли не чаще, чѣмъ въ другихъ русскіхъ городахъ. Иноземцы, заключавшіе въ XIII вѣкѣ договоръ съ новгородцами, нашли нужнымъ внести въ этотъ договоръ особую статью о бояхъ: между дворами нѣмецкими воспрещалась «неистовая забава, въ коей люди бьются дрекольемъ»³⁾; боялись, что бойцы не пощадятъ и заѣзжихъ людей. Припомнимъ еще приведенныя выше обличенія митрополита Іоны. Замѣчательно, что именно въ Новгородѣ хранилось воспоминаніе о какой-то связи боевыхъ игрищъ съ преданіями еще языческой поры. Я имѣю при этомъ въ виду разсказъ о палицѣ Перуна, извѣстный въ нѣсколькихъ пересказахъ. «И прінде епископъ Іоакимъ, и требица разори, и Перуна посѣче, что в Великомъ Новѣградѣ стоялъ на Перыни, и повелѣ повлещи в Волховъ; и повязавше ужи, влечаху ѿ по калу, бѣюще жезліемъ и пхающе, и в то время баше вшелъ бѣсъ в Перуна и нача кричати: «о, горе мнѣ, охъ! достася немилостивымъ судіямъ симъ». И вринуша его въ Волховъ. Онъ же пловяше сквозѣ

¹⁾ Историч. Христоматія *Буслаева*, ст. 392.

²⁾ «Сіе извѣстіе,—замѣчаетъ Карамзинъ,—служить доказательствомъ, что предки наши, подобно другимъ европейцамъ, имѣли рыцарскія игры, столь благопріятныя для мужества и славолюбія юныхъ витязей» (И. Г. Р., V, гл. II, стр. 139 и примѣч. 251).

³⁾ *Ibidem*, III, примѣч. 244.

великій мость. верже палицу свою на мость. еуже безумніи убивающесе утѣху творять бѣсомъ» ¹⁾). Иначе: «Людіе же... влечаху его, біюще, и пришедше на мость вринуша его въ рѣку Волховъ, идѣже абіе погрязе во глубинну, и поматѣ явися зѣ воды; единъ же нѣкто человекъ верже на него палицею, онъ же, вземъ палицу, верже нею на мость и уби тамо мужей килка; порази же слѣпотою новгородцевъ, яко *оттолъ въ сіе время, даже донынѣ, въ каждое лѣто на томъ мосту люди собираются, и раздѣлишся на двое играюще убиваются*» ²⁾). Герберштейнъ присоединяетъ такія подробности: «Даже и нынѣ въ извѣстные дни года бываетъ слышенъ этотъ голось Перуна; услышавъ его, тамошніе граждане тотчасъ сбѣгаются и бьютъ другъ друга палками, и отъ того происходитъ такое смятеніе, что начальникъ съ великимъ трудомъ едва можетъ прекратить его» ³⁾). Уговоръ Василья съ новгородцами, какъ онъ передается во многихъ пересказахъ, указываетъ на тотъ же Волховской мость, гдѣ творилась боевая потѣха по завѣту Перуна.

На этомъ же «великомъ мосту» бывали столкновения новгородскихъ бойцовъ и во время усобицъ. Въ приведенномъ выше описаніи смуты 1418 года замѣчено: «и начаша людіе сѣрыскывати съ обою страну, акы на рать, въ dospѣсѣхъ на *мость великій*». «Слышавъ же,—продолжаетъ лѣтопись,—владыка Семеонъ особнуу рать промежи своими дѣтми и испусти слезы изъ очию и повелѣ предстоящимъ собрати зборъ свой; и вшедъ архиепископъ въ церковь святаго Софѣя, нача молитися съ слезами и облечеса въ священныя ризы съ своимъ зборомъ, и повелѣ крестъ Господень и пресвятыя Богородица образъ взяти, иде на мость.... И пришедъ святитель ста посреде мосту и вземъ животворящій крестъ, нача благословляти обѣ странѣ». Это «святителево пришествіе» успокоило бущевавшихъ: «и разидошася *молитвами святаго Богородица* и благословеніемъ архиепископа Семсона, и бысть тишина въ градѣ» ⁴⁾).

¹⁾ Новгородскія лѣтописи, изд. подъ ред. А. О. Бычкова, стр. 172—173. Полное собраніе русскихъ лѣтоп., III, стр. 207. Брошенъ былъ въ рѣку вдоль Перуна и въ Кіевѣ. Такое низверженіе идоловъ нужно сопоставить съ обрядовымъ бросаніемъ въ воду изображеній Купала, Костромы, съ *Todaustragen* и т. п. (*Аванасевъ*, Повѣст. возрѣвнїа славянъ, III, 720 и сл.; *Grimm*, D. Mythologie, II, 639 и сл., 4 изд.).

²⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтоп., II, 258—259. (Густинская лѣт.). О палицѣ, брошенной въ Перуна, упоминаетъ также Тверская лѣтопись (П. С. Р. Л., XV, 114).

³⁾ Записки о Московіи, стр. 114 (по перев. *Анонимова*).

⁴⁾ Новгор. лѣтопись по Синод. списку, стр. 407—408. Подобнымъ же обра-

Припомнимъ при этомъ прекращеніе боя, какъ оно изображено въ одномъ изъ пересказовъ былины о Васильѣ Буслаевичѣ:

И вышла мать Пресвятая Богородица
 Съ того монастыря Смоленскаго:
 „Ай же ты, Авдотья Васильевна!
 Закличь своего чада милаго,
 Милаго чада рожнаго,
 Молода Васильюшка Буслаева:
 Хоть бы оставилъ народу на сѣмена“.
 Выходила Авдотья Васильевна
 Закликала своего чада милаго,

(Рыбниковъ, I, стр. 344).

5) Василій и его дружинники снаряжаютъ корабль и ѣдутъ по морю, которое въ одномъ изъ пересказовъ, записанныхъ *Гильбердингомъ*, (№ 44), называется «веряжскимъ» а въ пѣснѣ *Кирши*—Каспійскимъ. Мы видѣли уже, что рассказъ о путешествіи Василья заставляетъ предполагать, что сынъ Буслава, подобно Садку, «гулялъ по славной матушкѣ Волгѣ рѣкѣ».

Условія исторической жизни Великаго Новгорода, обширная завоевательско-колонизаціонная дѣятельность ильменскихъ славянъ рано выработали среди нихъ типъ удалаго «молодца», смѣлаго и рѣшительнаго «повольника», всегда готоваго принять участіе въ дѣлѣ, требовавшемъ отваги и предпріимчивости. Начало, даже большая часть новгородскихъ завоеваній относится къ далекой, не захваченной исторической памятью порѣ. Древняя лѣтопись упоминаетъ о дани, какую брали новгородцы съ Перми и Печоры ²⁾. Когда и при какихъ обстоятельствахъ наложена эта дань, не знаемъ. Не знаемъ также, какъ утвердилось новгородское господство надъ Водью, Ижорой, Корелой, когда новгородцы ознакомились впервые съ Югрой. Но завоевательное и колонизаціонное движеніе Новгорода продолжалось и въ болѣе позднее, освѣщенное лѣтописными извѣстіями время. Какъ ни отрывочны эти извѣстія, они все-таки даютъ воз-

зомъ прекратилась усобица въ 1359 году: „И съиха владыка Моисѣй изъ монастыря и Олексѣй, поимя съ собою архимандрита и игумены, благослови я, рекъ: „дѣти! не доспѣйте себѣ брани, а поганымъ похвалы, а святымъ церквамъ и мѣсту сему пустоты, не съступитесь битя“ (ibid., 355). Архіепископъ Моисей жилъ въ это время въ монастырѣ, отказавшись по старости отъ завѣдыванія церковными дѣлами: занималъ каяедру Алексѣй.

¹⁾ Припомнимъ извѣстный рассказъ Гюраты Роговича Новгородца о Печерѣ и Югрѣ. Печера опредѣляется, какъ „люди, иже суть дань дающе Новгороду“. (Лѣтоп. по Лаврентьевск. сп., стр. 226—227, подъ 1096 г.).

возможность съ нѣкоторой ясностью представить картину новгородскаго молодечества.

Начиная съ XI вѣка, мы встрѣчаемъ новгородскія дружины въ постоянныхъ походахъ противъ Чуди, Еми, Литвы. Въ 1042 году «Володимиръ иде на Емь съ Повгородьци сынъ Ярославъ» ¹⁾. Въ 1111, 1113 и 1116 гг. новгородскія дружины ходили на Чудь подъ предводительствомъ князя Мстислава Владиміровича ²⁾. Сынъ Мстислава Всеволодъ предпринималъ съ новгородцами нѣсколько походовъ противъ Еми и Чуди (1123, 1130, 1131, 1133 гг.) ³⁾ Въ 1169 году «иде Даньславъ Лазутиниць за Волокъ даньникомъ съ дружиною, и присла Андрѣй (Боголюбскій) пълкъ свой на нь, и бишася с ними, и бѣше новгородьць 400, а Суждальць 7000: и пособи Богъ новгородцемъ, и паде ихъ 300 и 1000, а новгородьць 15 мужъ; и отступиша новгородьци, и опять воротивъшеся, взяшиа всю дань, а на суждальскихъ смърдѣхъ другую, а придоша здорови вси» ⁴⁾. Къ 1179 году относится походъ новгородцевъ противъ Чуди подъ предводительствомъ Мстислава Ростиславича ⁵⁾. Подъ 1187 г. отмѣчено въ лѣтописи избіеніе новгородскихъ «данниковъ» въ Печерѣ и за Волокомъ: «и паде головъ о стѣ кѣметьства» ⁶⁾. Въ 1191 и 1192 гг. новгородцы воевали съ Емью и Чудью, а годъ спустя «идоша из Новагорода въ Югру ратью съ воеводою Ядремъ» ⁷⁾. Въ 1214 году «иде князь Мьстиславъ съ новгородьци на Чюдь на Бреву, сквозѣ землю Чюдскую къ морю, села ихъ потрати и осѣкы ихъ възма, и ста съ новгородци подъ городомъ Воробинномъ, и Чюдь поклонишася ему, и Мьстиславъ же князь възя на нихъ дань, и да новгородьцемъ двѣ части дани, а третьюю часть дворяномъ; бѣше же ту и Пльсковьскій князь Всѣволодъ Борисовиць съ Пльсковици и Торопьцьскій князь Давидъ, Володимиръ братъ; и придоша здрави вси съ множествомъ полона» ⁸⁾. Къ 1227 году относится походъ новгородцевъ противъ Еми; приведенъ былъ «по-

¹⁾ Новгор. лѣтоп. по Синод. списку, стр. 90; Лѣтоп. по Лавр. сп., стр. 150. Еще ранѣе, подъ 1030 годомъ, лѣтопись упоминаетъ о походѣ на Чудь Ярослава: «иде Ярославъ на Чюдь, и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ» (ibidem, 146) Нѣтъ сомнѣній, что въ этомъ походѣ принимала участіе новгородская дружина.

²⁾ Новгород. лѣтоп. по Синод. сп., стр. 120—121.

³⁾ Ibidem, 123, 125—126.

⁴⁾ Ibidem, 148—149.

⁵⁾ Ibidem, 156.

⁶⁾ Ibidem, 161.

⁷⁾ Ibidem, 163—164, 166—167

⁸⁾ Ibidem, 195.

лонъ бещисла» ¹⁾. Въ 1267 году «ходиша новгородци съ Елефѣрьемъ Сбыславичемъ и с Доумонтомъ съ Пльсковичи на Литву, и много ихъ повоеваша и приѣхаша вси здорови» ²⁾. Подъ слѣдующимъ 1268 годомъ записано въ лѣтописи замѣчательное извѣстіе, свидѣтельствующее о томъ, какъ охотно пускались новгородцы въ воинственныя предпріятія: «Сдумаша новгородци с княземъ своимъ Юрьемъ, *хотѣша ити на Литву, а инии на Полтескъ, а инии за Нарову*; и яко быша на Дубровнѣ, бысть распря, и въспятишася и поидоша за Нарову къ Раковору, и много в земли ихъ потрагаша, а города не взялиа... и приѣхаша здорови» ³⁾. Въ 1278 году «князь Дмитрій съ новгородци... казни Корѣлу и взя землю ихъ на щить» ⁴⁾. Въ 1292 году «ходиша *молодци новгородстѣи* с воеводами съ княжими воевать на Емъскую землю; воевавши, придоша вси здрави» ⁵⁾. Въ 1338 году «ходиша *молодци новгородстѣи* с воеводами и воеваша Городѣцъскую Корѣлу Нѣмечкую (то-есть, признававшую власть шведовъ) и много понутошаша земли ихъ, и обилѣе пожгоша, и скотъ исѣкоша; и придоша вси здрави с полономъ» ⁶⁾. Въ 1364 году вернулись въ Новгородъ воеводы Александръ Абакумовичъ и Стенанъ Ляпа, а также дѣти боярскіе и «*молодыи люди*», ходившіе на Югру, воевавши «по Обѣ рѣки до моря» ⁷⁾.

Во всѣхъ этихъ походахъ дѣйствовали правильно организованныя дружины, подъ предводительствомъ князей ⁸⁾ или воеводъ: «*молодци*» исполняли волю Великаго Новгорода, ходили для завоеваній или для сбора дани («данници»). Но, кромѣ извѣстій о такихъ по-

¹⁾ Ibidem, 223.

²⁾ Ibidem, 286.

³⁾ Ibidem, 286.

⁴⁾ Ibidem, 297.

⁵⁾ Ibidem, 302.

⁶⁾ Ibidem, 334.

⁷⁾ П. С. Р. Л., IV, 64—65.

⁸⁾ Новгородскимъ молодцамъ не сидѣлось дома. Поэтому они охотно принимали участіе и въ такихъ походахъ нашихъ князей, которые не касались новгородскихъ владѣній. Въ 1064 году „бѣжа Ростиславъ Тмутороканю, сынъ Володимиръ, внукъ Ярославъ, и съ нимъ бѣжа Порѣй, Вышата, сынъ Остромиръ, воеводы Новгородскаго; и пришеде выгна Глѣба ис Тмутороканя, а самъ сѣде въ него мѣсто“ (Новг. лѣт. по Синод. сп., 94). Въ 1177 году, когда суздальскій князь Всеволодъ велъ войну съ рязанскимъ княземъ Глѣбомъ, „приѣхали к нему (Всеволоду) новгородци, Милонѣжкова чадь, и рекоша ему: княже! не ходи без новгородскихъ сыновъ, поиди нань единыя с нами“ (Лѣтоп. по Лавр. сп., 363). Выраженіе „Милонѣжкова чадь“ указываетъ, что рѣчь идетъ не о войскѣ Великаго Новгорода, а о дружинѣ повольничковъ.

ходахъ, встрѣчаются лѣтописныя замѣтки подобнаго же содержанія, но въ которыхъ нѣтъ упоминанія о новгородской волѣ: видимъ новгородцевъ, но не видимъ господина Великаго Новгорода. Въ 1186 году «ходиша на Емь молодци о Вышатѣ о Василевниці и придоша опитъ здорови, добывъше полона» ¹⁾. Въ 1219 году «пойде Съмьюнъ Еминъ въ 4-хъ стѣхъ на Тоймокары, и не пусти ихъ Гюрги, ни Ярославъ сквозѣ свою землю; и придоша Новгороду въ лодьяхъ, и ста по полю шатры на зло; и замыслиша,—Твърдиславъ и Якунъ тысячьскій заслаша къ Гюргю не пустити ихъ туда, и възвадиша городъ» ²⁾. Еминъ догадывался, что суздальскіе князья предупреждены были посадникомъ и тысяцкимъ; какъ видно, Еминъ ходилъ безъ воли новгородскихъ властей. Подъ 1340 годомъ въ лѣтописи отмѣчено: «Изъ Новагорода ходивше молодци, воеваша Устижну и пожгоша, нъ угонивше, отъимаша у лодейниковъ полонъ и товаръ; потомъ же и Бѣлозерскую волость воеваша» ³⁾ Къ 1342 году относится знакомое намъ предпріятіе Луки Варѣоломеева, который, скопивъ съ собою холоповъ збоевъ, поѣхалъ за Волокъ, поставилъ городокъ Орлецъ и взялъ на щитъ всю землю Заволоцкую на Двинѣ. Объ этомъ Лукѣ прямо замѣчено въ лѣтописи, что онъ пошелъ, «не послушавъ Новаграда и митрополица благословенія и владычнн» ⁴⁾.

Во второй половинѣ XIV вѣка новгородскіе молодцы, не забывая старинныхъ путей новгородскихъ, отыскиваютъ для своихъ набѣговъ новыя области. Легкіе ушкуи этихъ удалцевъ появляются на Волгѣ, спускаясь до Астрахани, заходя въ волжскіе притоки ⁵⁾. Вотъ рядъ

¹⁾ Новг. лѣтопись по Синод. сп., 160.

²⁾ *Ibidem*, 209—210. По объясненію Карамзина, „Тоймокарама“ называлось мѣсто въ окружности рѣкъ Нижней и Верхней Тоймы, впадающихъ въ Двину близъ границъ Архангельской и Вологодской губерній. (И. Г. Р., III, примѣч. 182).

³⁾ Новгор. лѣтоп. по Синод. сп., 337.

⁴⁾ *Ibidem*, 342—343.

⁵⁾ О походахъ новгородцевъ на Волгу встрѣчаются извѣстія и болѣе раннія, но не вполне точныя. Въ приведенный выше рассказъ о Лукѣ Варѣоломеевичѣ вставлена такая замѣтка: „В тоже время сынъ его Онцифоръ отходилъ на Волгу“ (Лѣтоп. по Синод. сп., 343). Также эта замѣтка читается и въ Никоновской лѣтописи: „В тоже время сынъ его Анцифоръ иде на Волгу“ (III, стр. 175, подъ 1341 г.) Карамзинъ находилъ указаніе на Волгу неумѣстнымъ, замѣняя Волгу Вагой: „а сынъ его Онцифоръ отходилъ на *Вагу* (не Волгу)“ (И. Г. Р., IV, примѣчаніе 337). Это чтеніе внесено въ текстъ лѣтописи, изд. въ 3-мъ томѣ полнаго собранія лѣтописей, при чемъ упоминаніе о Волгѣ не оговорено даже въ примѣчаніи. Если вѣрить „Повѣсти о градѣ Вяткѣ“, то придется допустить, что новгородцы ходили на Волгу еще въ XII столѣтіи: „Въ лѣто 6682 (1174),

лѣтописныхъ извѣстій, изображающихъ, какъ гуляли на Волгѣ новгородскіе ушкуйники. Подъ 1360 годомъ въ новгородской лѣтописи помѣщена такая замѣтка: «взяша новгородци Жюконтинъ и много бесермень поськоша, мужій и женъ» ¹⁾. То же извѣстіе въ Никонской лѣтописи передано такъ: «из Великаго Новагорода *разбойницы* придоша въ Жюконтинъ, и множество татаръ побиха и богатство ихъ взяша, и за то разбойничество христіяне пограблени быша въ Болгарехъ отъ татаръ» ²⁾. Подъ 1366 годомъ въ новгородской лѣтописи: «Бздиша из Новаграда люди молодыи на Волгу без новгородьскаго слова, а воеводоу Есифъ Валѣфромѣвичь, Василіи Федоровичь, Олександръ Обакуновичь; того же лѣта прихаша вси здрави въ Новъгородъ» ³⁾. Въ Воскресенской лѣтописи подъ тѣмъ же годомъ, кромѣ приведеннаго извѣстія, передается еще другое: «Придоша изъ Новагорода Волгою изъ Великаго полтораста ушкуевъ съ *разбойники съ новгородскими* и избиха по Волзѣ множество татаръ и бесермень, и армень, и Новгородъ Нижній пограбиха, а суды ихъ, и кербаты, и павоски, и ладіи, и учины и струги всѣ изсѣкоша; и поидоша въ Каму и проидоша до Болгаръ такоже творяще и вьююще» ⁴⁾. Въ 1369 году «шло Волгою десять ушкуевъ, а иніи шли Камою, и биха ихъ подъ Болгары»; въ слѣдующемъ

при Ярославъ Владиміровичъ, отдѣлишася отъ предѣлъ Великаго Новаграда жители новгородцы самовластцы съ дружиною своею и шедше плываху в судехъ внизъ по Волгѣ рѣкъ“ и т. д. (стр. 1). Очеркъ исторіи новгородскаго повольничества можно найти въ сочиненіяхъ *Ив. Д. Бѣллова* (Рассказы изъ русской исторіи, кн. 2, стр. 96—112) и *Н. И. Костомарова* (Исторія Новгорода и Пскова, т. II, гл. VIII, стр. 119—124).

¹⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтоп., IV, 63.

²⁾ Никон. лѣтоп., III, 216. „Тогожъ лѣта,—продолжаетъ лѣтописецъ,—князи Жюконтинъ поидоша во Орду ко царю и биха челомъ царю, дабы царь оборонилъ себя и ихъ отъ разбойниковъ, повеже многа убиха и грабленія отъ нихъ сотворяшеся беспрестани“. Царь потребовалъ отъ русскихъ князей, чтобы они „разбойниковъ поймали и къ нему прислали“. Требованіе было исполнено: „поймаша разбойниковъ и выдаша ихъ всѣхъ посломъ царевымъ и со всѣмъ богатствомъ ихъ, и тако послаша ихъ во орду“.

³⁾ Новгор. лѣтоп. по Синод. сп., стр. 359. Полное собраніе русскихъ лѣтоп., III, 88, 229.

⁴⁾ П. С. Р. Л., VIII, 13—14. Эти два извѣстія относятся, безъ сомнѣнія, къ одному и тому же набѣгу. Въ такъ называемой новгородской четвертой лѣтописи извѣстіе объ этомъ набѣгѣ передано такъ: „Пришли новгородци въ ушкуевъ, а воеводы Осифъ Валѣфромеевичь, Василіи Федоровичь, Олександръ Обакуновичь на Нижній Новгородъ и много бесермень избиха подъ Нижнимъ Новымъ городомъ, а нашихъ пострѣляли Филипа Утреткова и Бориса Квашенкина да 2 человекъ“ (П. С. Р. Л., IV, 65).

году «двожды шли новгородци Волгою и много зла створиша» ¹⁾. Подъ 1371 г. въ новгородской лѣтописи отмѣчено: «новгородци взяли градъ Ярославль и Кострому» ²⁾; въ Никоновской лѣтописи нападеніе на Кострому отнесено къ 1370 г. («Великаго Новагорода ушкуйницы *разбойницы* взяша Кострому»), а подъ 1371 г. помѣчено лишь взятіе Ярославля («новгородцы взяша градъ Ярославль») ³⁾. Въ 1374 г. «подоша на низъ Вяткою ушкуйницы разбойники, 90 ушкуевъ, и пограбиша Вятку, и шедше взяша Болгары, хотѣша и городъ зажещи, и даша имъ окупа 300 рублей; и оттуду раздѣлишася на двое: 50 ушкуевъ поидоша на низъ по Волзѣ къ Сарая, а 40 ушкуевъ поидоша вверхъ по Волзѣ, и дошедше Обухова, пограбиша все Засуріе и Марьквашь, и перешедъ за Волгу суды все изсѣкоша, а сами поидоша къ Вяткѣ на конехъ, и много селъ по Ветлузѣ идуще пограбиша» ⁴⁾. Годъ спусти, въ 1375 г., на Волгѣ снова появились «новгородския разбойницы в семидесять ушкуевъ, а воевода бѣ у нихъ Прокопей, а други Смольянинъ, бѣ же ихъ всехъ двѣ тысячи». Ушкуйники напали на Кострому. Костромичи, числомъ болѣе 5.000, подъ предводительствомъ воеводы Плещеева, выступили на защиту своего города, но обходное движеніе новгородцевъ, давшее имъ возможность напасть на противниковъ и съ тылу и съ фронта, привело въ смятеніе костромичей. Воевода Плещеевъ первый пустился въ бѣгство, — обстоятельство, давшее лѣтописцу поводъ къ каламбуру: «воевода жь костромскнн *Плещеевъ*, подавъ *плещи*, побѣжа». Взавъ Кострому, ушкуйники разграбили ес дочиста: «вшедше во градъ вся пограбиша и стояша недѣлю во градѣ цѣлую и всяко сокровище потаенное избобрѣтоша и, елико возмогоша, взяли, а елико не возмогоша, та вся пожгоша, а инос в рѣку в Волгу вметаша и многихъ христанъ в полонъ поведоша з женами и з дѣтьми». Отъ Костромы новгородцы направилсь къ Нижнему Новгороду: «и градъ зажгоша и люди избнша, а иныхъ в полонъ поведоша». Спустившись затѣмъ до Камы, ушкуйники завернули и въ нее «и много пограбиша на ней». Вернувшись съ Камы, направилсь «в Болгары, еже есть в Казань». Распродавъ здѣсь полонъ, они снова пустились внизъ по Волгѣ къ Сарая, «гости христанския грабяще и биюще». Последнимъ пунктомъ, до котораго добрались ушкуйники, была Астрахань; здѣсь они продали

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 66.

²⁾ Ibidem, 67.

³⁾ Никоновск. лѣт., т. IV, стр. 30—31. П. С. Р. Л., VIII, 18.

⁴⁾ П. С. Р. Л., VIII, 21.

забранный по пути полонъ, здѣсь же пришлось имъ сложить свои буйныя головы. «Князь астароханскіи Салчѣи начать ухищряти ихъ лестно, и многу честь и кормы даяше имъ; они же начала ухищрятися и быша пьяни, яко мертвы; астароханцы жъ всѣхъ избиша, ни единого ихъ жива оставиша и имѣние взяша. Такову кончину,— заключаетъ свой разсказъ лѣтописецъ,—прияша воевода Прокоеей и другіи воевода Смольянинъ со всею дружиною ихъ; въ ноже мѣру мѣриша, возмѣрися имъ» ¹⁾. Въ 1379 г. вятчане ходили ратью въ Арскую землю, побили «разбойниковъ ушкуйниковъ», убили и воеводу ихъ Рязана ²⁾. Въ 1391 г. Тохтамышъ послалъ рать на Вятку; городъ былъ взятъ, многіе жители побиты или взяты въ плѣнъ. Этотъ набѣгъ не прошелъ татарамъ даромъ. Въ 1392 г. «новгородцы и устюжане и прочіи, къ тому съвѣкупившеся, выидоша въ насадохъ и въ ушкуехъ рѣкою Вяткою на нихъ и взяша Жукотинъ и Казань, и вышедше на Влѣгу пограбивше гостей всѣхъ, възвратися» ³⁾. Упомянутіемъ объ этомъ набѣгѣ 1392 г. заканчиваются, сколько извѣстно, лѣтописныя показанія о новгородскихъ ушкуйникахъ. Правда, подъ 1409 г. встрѣчается лѣтописная замѣтка о походѣ русской рати на Болгары, но въ этой замѣткѣ рѣчь идетъ о двинскомъ бояринѣ Анфалѣ, измѣнившемъ Новгороду, отказавшемся отъ подчиненія его власти и предавшемся великому князю московскому. Въ 1398 г., послѣ похода новгородскихъ войскъ на Двину, этотъ Анфалъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими боярами, «кто водилъ Двинскую землю на зло», былъ схваченъ и отправленъ въ Новгородъ для суда и расправы. Дорогой онъ бѣжалъ и скрылся въ Устюгъ. Въ 1401 г. Анфалъ, начальствуя великокняжеской ратью, ходилъ на Двину, но около Холмогоръ былъ разбитъ дружиной ваянъ. Въ 1409 г. «ходилъ Анфалъ на Бѣлгары Камою и Влѣгою, 100 насадовъ Камою, а Волговъ 100 и 50; избиша ихъ въ Камѣ татарове, а Анфала яша и ведоша во орду, а волжскіе насады не поспѣли» ⁴⁾. Въ виду приведенныхъ выше извѣстій объ Анфалѣ, мы не можемъ причислить его походъ къ ряду набѣговъ новгородскихъ ушкуйниковъ. «Послѣ этого (Анфалова) похода, — замѣчаетъ Вѣлиевъ,—по лѣтописямъ не встрѣчается болѣе извѣстій о похо-

¹⁾ Никон. лѣт., IV, 44—45; П. С. Р. Л., VIII, 23—24, IV, 71—72.

²⁾ П. С. Р. Л., VIII, 34.

³⁾ Ibidem, 61. Замѣтка озаглавлена въ лѣтописи: «О разбойницѣхъ новгородскихъ».

⁴⁾ Ibidem, 84—85. Сводъ извѣстій объ Анфалѣ (Анфанѣ, Алфанѣ) см. въ Указателѣ къ П. С. Р. Л., I, ст. 38.

дах новгородскихъ повольниковъ; но походы сіи, по всему вѣроятію, продолжались по-прежнему, ибо изъ новгородскихъ лѣтописей не видно, чтобы Новгородъ принималъ какія нибудь мѣры для прекращенія повольничества... По всему вѣроятію, повольничество пало вмѣстѣ съ паденіемъ самостоятельности господина Великаго Новгорода» ¹⁾. Повольничество не могло, конечно, прекратиться сразу, но вѣдь и молчаніе лѣтописей не можетъ быть случайнымъ. Нельзя также сказать, что Новгородъ не принималъ мѣръ противъ ушкуйниковъ. Въ 1390 г. новгородцы заключили мирный договоръ со Псковомъ; въ этомъ договорѣ значилось: «хто въ путь ходилъ на Влгу, а за тѣхъ не стояти Псковичемъ, но выдавати ихъ» ²⁾. Если ушкуйники скрывались въ Псковѣ, если новгородцы требовали ихъ выдачи, то, очевидно, Новгородъ имѣлъ и силу и желаніе наложить свою руку на повольничество. Послѣ этого такимъ упрямцамъ, какъ Анфалъ, оставалось только отречься отъ Новгорода и искать себѣ новыхъ политическихъ связей ³⁾.

Но рѣшительныя мѣры противъ ушкуйниковъ приняты были въ Новгородѣ только въ самомъ концѣ XIV вѣка. Ранѣе новгородцы, хотя и не оправдывали участія своихъ молодцовъ въ ушкуйническихъ разбѣздахъ, склонны были, однако, снисходительно смотрѣть на эти кровавыя проказы. Александръ Аввакумовичъ, одинъ изъ тѣхъ «молдыхъ людей», которые въ 1366 г. ходили на Волгу безъ новгородскаго слова, въ 1371 г. начальствовалъ надъ ратью, посланной новгородцами для защиты Торжка противъ тверскаго князя Александра Михайловича; защитникъ Торжка палъ въ битвѣ: «и ту костью паде за Святыи Спасъ и за обиду за новгородскую» ⁴⁾. Въ 1350 г. поставленъ былъ новгородскимъ посадникомъ Онисифоръ Лукичъ ⁵⁾; за восемь лѣтъ передъ тѣмъ (въ 1342 г.) этотъ Онисифоръ принималъ участіе въ походѣ своего стца, начатомъ противъ воли Великаго Новгорода. Такая снисходительность къ людямъ, дѣйствовавшимъ безъ новгородскаго слова, объясняется тѣмъ, что ушкуйники

¹⁾ Рассказы изъ русской исторіи, II, 112. Анфалъ причисляется къ новгородскимъ ушкуйникамъ и Костомаровымъ (Ист. Новгорода и Пскова, II, 124).

²⁾ П. С. Р. Л., VIII, 61.

³⁾ Для распространенія и утвержденія своей власти на восточной украинѣ московскіе князья не пренебрегали услугами повольниковъ. Въ такъ называемой Архангелогородской лѣтописи подъ 1465 годомъ отмѣчено: „велѣлъ кн. вел. Иванъ Васильевичъ Василью Сярябѣ устюжанину Югорьскую землю воевати, а ити съ нимъ хотячіе люди“, и т. д. (стр. 166—167, по изд. 1819 г.).

⁴⁾ Лѣт. по Сян. сп., 362.

⁵⁾ Ibidem, 350.

направляли на первыхъ порахъ свои набѣги въ далекія «бусурманскія» области. При этомъ новгородскимъ удальцамъ, ходившимъ на Волгу, удавалось иногда наносить сильные удары татарской власти. Они, поэтому, имѣли нѣкоторое основаніе хвалиться своей борьбой съ бусурманами,—борьбой, упредившей и битву на Вождѣ, и знаменитое Донское побойще. На эту борьбу съ бусурманами указывали сами новгородцы въ переговорахъ съ Дмитріемъ Донскимъ. Въ 1366 г., послѣ упомянутого уже волжскаго похода новгородскихъ молодыхъ людей, «князь Дмитрій Иоанновичъ на новгородцовъ разгнѣвася, и миръ поруши, и рече имъ тако: «почто есте ходили на Волгу и гостей моихъ пограбили и бесерменъ побили?». Новгородцы же, слышавъ сія, и послаша пословъ своихъ к Москвѣ къ великому князю Дмитрію Ивановичю, с челобитьемъ ради мира, и рекоша тако: ходили, господине, молодые люди на Волгу безъ нашего слова, а твоихъ, господине, гостей не грабили, *только побили бесерменъ*; а ты, господине, пожалуй, по прежнему к намъ миръ и любовь имѣй до конца с нами». Дѣло уладилось ¹⁾. Но ушкуйники, какъ мы знаемъ, не переставали проказить. Въ 1386 г. Дмитрій Ивановичъ, собравъ «воя многы», двинулся на Новгородъ, «дрѣжа гнѣвъ и нелюбіе великое про волжанъ, что взяли разбоемъ Кострому и Новгородъ Нижній». Новгородцамъ пришлось заплатить великому князю «за винные люди... за волжанъ и хто въ путь съ ними ходилъ» 8.000 рублей ²⁾. Снисходительность къ ушкуйникамъ дѣлалась опасной для Новгорода.

Въ приведенныхъ выше извѣстіяхъ, занесенныхъ въ московскій лѣтописный сводъ, ушкуйники называются обыкновенно *разбойниками*. То же названіе примѣняетъ къ новгородскимъ удальцамъ Епифаній Премудрый въ житіи Стефана Пермскаго: «и сами ти новгородци, ушкуйници, разбойници словесы его увѣщеванинн бываху, еже не воевати ны» ³⁾. Въ такомъ названіи отразилось не столько измѣненіе взгляда на повольничество, сколько искаженіе самого повольничества. Новгородскіе молодцы древнѣйшей поры сдѣлали извѣстными имя и власть Новгорода на широкомъ пространствѣ отъ Волхова до Оби. Новгородъ могъ хвалиться своими молодыми людьми, которые составляли опору его силы и славы. За дѣйствія удальцовъ XIV вѣка Новгороду приходилось извиняться. Эти удальцы не умѣли разбирать ни своихъ, ни чужихъ, внося грабежъ и разо-

¹⁾ 2-я новг. лѣтоп., подъ 1366 г.

²⁾ П. С. Р. Л., VIII, 50—51. Лѣтоп. по Синод. сп., 372.

³⁾ Памятники стар. русской литерат., вып. 4, стр. 160.

реніе повсюду, гдѣ только не встрѣчали отпора. Отъ ушкуйниковъ приходилось терпѣть не только бусурманамъ, но и жителямъ русскихъ городовъ: Костромы, Ярославля, Нижняго Новгорода.

Но ушкуйничество не было еще послѣдней ступенью въ деградации повольничества. Стѣсненное и преслѣдуемое на родинѣ, вызывавшее негодаваніе въ другихъ русскихъ областяхъ, новгородское повольничество осуждено было на смерть и вырожденіе. Картину такого именно вырожденія рисуетъ разсказъ о нѣкомъ новгородцѣ Василѣ, занесенный въ чудеса свв. Зосимы и Савватія Соловецкихъ. «*Бѣ нѣкій человекъ болярска рода, ноугородецъ, Василій именемъ, бѣ же силою велми мощенъ, живый несурядное житіе, сиу рѣ боульское, бѣ бо разбойникъ. Приде ему въ умъ, како бы ему отрещися злаго того обычая, приде на Соловки въ обитель Спасову, въ стяжаніе преподобнаго отца нашего Зосимы, тоу и пострижеса и ободкъся во мнишескіи образъ*». Нѣкоторое время Василій спокойно жилъ въ монастырѣ, но потомъ дьяволъ началъ «*влещи его на прѣвья обычай*». Не имѣя силы бороться съ помысловъ, Василій задумалъ бѣжать изъ монастыря. Забравъ у монаховъ книги, платье и другія вещи, «*якоже обычай крадушимъ*», онъ сложилъ наворованное добро въ монастырскую лодку и ночью удалился изъ монастыря. Послѣ непродолжительнаго плаванія, лодка принесена была къ Анзерскому острову, который принадлежалъ Соловецкому же монастырю. Утомленный ночной поѣздкой, Василій уснулъ. Во снѣ явились ему два старца. «*Единъ же ею рече к нему, съ гнѣвомъ възрѣвъ нанъ: како, окаанне, крадеши мя? Азъ създаю, а ты разоряеши*». Василій кается. Спустя нѣкоторое время, бѣглець былъ доставленъ въ монастырь со всѣмъ накраденнымъ добромъ¹⁾.

¹⁾ Рукоп. Публ. Библиот., F. I, № 512. Разсказъ о Василѣ принадлежитъ къ ряду „чудесь“, записанныхъ игуменомъ Вассіаномъ (1514—1527). Ср. А. А. Титова, Житіе и подвизи преп. отецъ нашихъ Зосимы и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ (по рукописи XVII вѣка). М., 1889. Г. Титовъ сообщаетъ въ этомъ трудѣ свидѣнія о *лицевой* рукописи житія, изъ собранія И. А. Вахрамѣева. Картинки, сопровождающія разсказъ о Василѣ, описываются такъ: „Л. 116. Вверху, налѣво большой красивый своими зданіями Великій Новгородъ. Одинъ рослый новгородецъ, Василій, съ саблею въ рукахъ, нападаетъ на беззащитнаго пѣшехода, идущаго съ сумой за плечами и съ посохомъ въ рукахъ, очевидно, съ намѣреніемъ ограбить. Ниже—этотъ разбойникъ плыветъ въ лодкѣ къ Соловецкой обители. Тамъ въ храмѣ Преображенія надъ нимъ совершаютъ обрядъ постриженія. Въ одной изъ келій видно, какъ спитъ монахъ, а постриженный разбойникъ между тѣмъ въ кладовой забираетъ книги и другое церковное имущество. Потомъ забранное имущество переноситъ къ берегу и кладетъ въ лодку, на которой отиравается въ путь и пристаеетъ къ берегу. Л. 117.

Василій—выродившійся повольникъ. Далекіе предки его ходили на Чудь и Литву, собирали дань съ Перми и Югры, а онъ, Василій, мощный силою, любившій буйческое житіе, могъ найти такое житіе только въ разбоѣ... Подъ конецъ онъ опустился еще ниже, сталъ таскать книги и всякій хламъ у соловецкихъ монаховъ. Только чудо спасло Василья отъ окончательной гибели.

Подъ влияніемъ ушкуйничества и установившихся на него возрѣній измѣнялся со временемъ взглядъ и на повольничество вообще. Любопытный въ этомъ отношеніи матеріалъ представляетъ «Повѣсть о градѣ Вяткѣ»¹⁾. Повѣсть эта—памятникъ поздній, въ

Достигнувъ берега, монахъ-воръ втаскиваетъ лодку на берегъ и ложится спать. Во снѣ ему являюся Зосима и Савватій, изъ которыхъ первый грозитъ ему пальцемъ. Монахъ просыпается, идетъ къ берегу и приходитъ въ отчаяніе, не находя ни лодки, ни имущества. Потомъ онъ садится и плачетъ. Въ это время къ берегу подплываетъ лодка, полная крестьянъ, которые и берутъ его съ собою. Л. 118. Два монаха съ берега закидываютъ въ море сѣти. Во время ночи одному изъ нихъ во снѣ являюся Зосима и Савватій. Инокъ просыпается и идетъ къ братіи повѣдать ей о всемъ видѣнномъ имъ; послѣ этого они вмѣстѣ отправляются къ берегу, на который втащено судно, нагруженное церковными вещами» (стр. 43).

¹⁾ Извлеченіе изъ Повѣсти о градѣ Вяткѣ напечатано было а) въ „Опытъ Казанской Исторіи“ Л. Рычкова (стр. 187—196) и б) въ „Дневныхъ Запискахъ“ Н. Рычкова (ч. II, стр. 29—50). Позже „Повѣсть“ (иначе: Вятская лѣтопись) издава была: а) въ *Казанскомъ Вѣстникѣ*, 1824, II (я отдѣльной брошюрой), б) въ *Вятскихъ Губернскихъ Видомостяхъ* 1866 года (я отд. оттискомъ). Еще *Карамзинъ* (Ист. Гос. Росс., III, прим. 31) указалъ на хронологическія несообразности въ рассказѣ объ основаніи Вятки. Въ недавнее время эти несообразности были внимательно разсмотрѣны г. *Верещагинимъ* („Два реферата, читанныхъ въ засѣданіи VII археологическаго съѣзда въ Ярославль“, Вятка, 1887) и привели его къ отрицательному отвѣту на вопросъ: „Заселена ли была Вятка новгородскими выходцами въ XII вѣкѣ?“ (рефератъ I, стр. 1—23). Повѣсть, очевидно, имѣетъ значеніе не исторически-точного разсказа, а записаннаго преданія, интереснаго не по фактическому матеріалу, а по освѣщенію прошлаго Вятки съ точки зрѣнія мѣстныхъ симпатій и завѣтныхъ воспомнаній. Когда записано преданіе? Списки Вятской повѣсти или лѣтописи не идутъ далѣе XVIII вѣка. „Можно съ достовѣрностью сказать,—говоритъ г. Верещагинъ,—что Вятская лѣтопись составлена никакъ не ранѣе конца XVII вѣка“. Что касается источниковъ лѣтописи, то, по мнѣнію г. Верещагина, „всего вѣроятнѣе, что составитель Вятской лѣтописи писалъ по преданіямъ, или слышаннымъ имъ отъ своихъ современниковъ, или, можетъ быть, и записаннымъ какими либо предшествовавшими книжниками“... Разсказъ о самовластіи вятчанъ „едва ли... не составляетъ домысла самого составителя лѣтописи“ (рефератъ II: „Откуда почерпнуты и на сколько достовѣрны вообще показанія Вятскаго лѣтописца?“, стр. 35, 39—40). Вполнѣ согласиться съ этимъ мнѣніемъ трудно. Повѣсть о Вяткѣ, извѣстная по спискамъ XVIII—XIX вв., несомнѣнно редактирована въ

которомъ улеглись рядомъ два пониманія новгородскаго молодечества. «Въ лѣто 6682 (1174)... отдѣлишася отъ предѣлъ Великаго Новогорода жители новгородцы самовластцы з дружиною своею и шедше плываху в судехъ внизъ по Волгѣ рѣкѣ и дошедше рѣки Камы и пребыша ту нѣсколько время и поставиша на Камѣ градъ малъ во обитаніе себѣ». Спустя нѣкоторое время, часть этихъ новгородскихъ поселенцевъ, услышавъ о Вяткѣ рѣкѣ и о живущей по ней Чуди, отправилась вверхъ по Камѣ. Завоеватели подвигались впередъ, «плѣняяше отяцкія жилища и окруженныя земляными валами ратию вземлюще и обладающе ими». Добравшись до города на р. Вяткѣ, расположеннаго на высокой горѣ, «возжелаша ратию взяти его и обѣщашася прародителемъ своимъ... страсотерпцемъ Борису и Глѣбу и заповѣдаша всей дружинѣ своей постигити—ни ясти, ни пити»... Городъ былъ взятъ 24-го іюля, на память свв. Бориса и Глѣба: «и побиша ту множество чуди и отяковъ, а иніи по лѣсомъ разбѣгашася, и по обѣщанію своему поставиша въ томъ градѣ церковь во имя страсотерпцевъ Бориса и Глѣба и нарекоша тотъ градъ Никулицынъ». Когда вѣсть объ этой побѣдѣ дошла до новгородскихъ выходцевъ, остававшихся въ городкѣ близъ устья Камы, они также двинулись въ путь. Подойдя къ городку Кокшарову, они «также обѣщашася и молебная пѣнія Господу Богу воспѣвши, призываху на помощь сродниковъ своихъ... Бориса и Глѣба». Городокъ сдался: жители отворили ворота, «возвѣщающе новгородцемъ, что имъ показася ко граду приступающе неисчетное воинство». Слѣдуетъ затѣмъ разсказъ о томъ, какъ вятскіе поселенцы задумали основать «единъ общій градъ крѣпкій отъ нашествія супостатъ». Передъ началомъ постройки совершилось чудо: «и заутра возставше обрѣтоша нѣкако Божіимъ промысломъ все изготовленіе принесено по Вяткѣ рѣкѣ». Городъ называли Хлыновъ. «И тако новгородцы начаша общежительствовати самовластвующе, правими и обладами своими жители и нравы своя отеческія, и законы и обычаи новгородскія имяху на лѣта многа до обладанія великихъ князей рос-

позднее время, на которое указываетъ г. Верещагинъ. Но первоначальная запись вятскихъ преданій должна быть отнесена къ болѣе далекой порѣ. Въ самомъ дѣлѣ, та страстность тона, которая слышится въ Повѣсти, когда заходятъ рѣчь о клеветѣ на вятскихъ „разбойниковъ“, о послѣдней порѣ вятской независимости, указываетъ на время, когда воспоминаніе объ этой утраченной независимости было еще свѣжо. Нельзя не обратить вниманія и на то, что лѣтописныя замѣтки обрываются въ повѣсти на половинѣ XVI вѣка.

сійскихъ»¹⁾. Въ этомъ разсказѣ сохранились, безъ сомнѣнія, отрывки древнихъ мѣстныхъ преданій. Преданіе окружило жизнь предковъ легендарнымъ сіяньемъ. Новгородскіе повольники получаютъ высшую, небесную помощь: предметы, нужные для постройки города, являются чудесно, Божіимъ промысломъ; туземцы бѣгутъ, устрашаемые видѣніемъ несконечнаго воинства. Легенда продолжала рѣять и надъ дальнѣйшими подвигами новгородскихъ колонистовъ. Утвердившись на Вяткѣ, они продолжали борьбу съ туземцами. Послѣ одной изъ битвъ съ черемисами и вотяками, вятчане установили крестный ходъ изъ села Волкова въ гор. Хлыновъ. Въ этой процессіи переносился чтимый образъ св. Георгія; вмѣстѣ съ образомъ переносились стрѣлы, окованныя желѣзомъ. Изображеніе древняго «побѣдоносца», окруженное стрѣлами, должно было напоминать о томъ, чьей помощи приписывали новгородскіе поселенцы свои успѣхи среди вятской чуди²⁾. «Оставшіяся же въ Новѣгородѣ людѣ,—продолжаетъ Повѣсть,—вознегодовавшие на нихъ, вятчанъ, зѣло и вадяше на нихъ княземъ російскимъ, оболгающе всяко и нарицающе ихъ *Новагорода бѣлѣцами* и разорителями російскихъ князей вотчинъ... наипаче же называху ихъ, вятчанъ, *разбойниками* и отказные на нихъ великимъ княземъ подающе, пишуще ихъ самовольниками»³⁾. Князья московскіе, наслушавшись этихъ внушеній,

¹⁾ Эти выраженія вятской дѣтописи напоминаютъ вступительныя строки нѣкоторыхъ новгородскихъ повѣстей: «Въ тоже время Новаграда людѣ житие няху самовластно по своей волѣ, никимъ же обладаемы, властвующе областію своею, якоже имъ гѣло есть»; или: «Въ гѣта благочестивыхъ великихъ князей нашихъ русскихъ, живущимъ новгородцемъ въ своей свободѣ» и т. д. (Памяти. стар. русской литерат., I, стр. 241, 251).

²⁾ Отрывки легендарныхъ преданій о новгородскихъ повольникахъ уцѣлѣли и до позднѣйшаго времени. См. *Вологодскія губернскія Вѣдомости* 1845 года № 11: «Извѣстіе объ основаніи четырехъ холевскихъ приходоу Никольскаго уѣзда (изъ Записокъ Ильи Страхова, отставнаго солдата)». Въ «Запискахъ» рѣчь идетъ о покровительствѣ св. Георгія новгородскимъ выходцамъ, положившимъ основаніе русской колонизаціи въ предѣлахъ упомянутыхъ приходоу, (Ср. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1863, ч. 117, стр. 27—28 въ ст. *Щапова*: «Историческіе очерки народнаго міросозерпанія и суевѣрія»).

³⁾ Вятчане,—продолжаетъ Повѣсть,—«въ отмщеніе укоризны ихъ рекоша, что будто имъ изъ Новаграда на Вятку бѣжавшимъ, сжившимся съ женами новгородцевъ и дѣтей прижившимъ, а имъ новгородцемъ будто бывшимъ на войнѣ семь лѣтъ, посланнымъ изъ Великаго Новаграда». По другимъ сказаніямъ, это же преданіе приурочивается къ *Холопью юроду* на р. Мологѣ. Татищевъ указывалъ мѣсто Холопьяго города двояко: близъ села Бронницы на Мстѣ (Словарь историческій, I, 195) или близъ села Кямра въ Кашинскомъ уѣздѣ (ibidem, III, 204—205). «Сія басня,—замѣчаетъ Карамзинъ (И. Г. Р., I, 18*

постарались прибрать Вятку къ рукамъ. Великій князь Василій Васильевичъ наложилъ на Вятскую землю дань, а сынъ его, Иванъ III, послалъ на Вятку своихъ восводъ, которые привели жителей къ крестному цѣлованію. Эти извѣстія въ сопоставленіи съ приведенными выше воспоминаніями о чудесахъ, сопровождавшихъ основаніе Хлынова, даютъ наглядное представленіе объ измѣнившихся воззрѣніяхъ на невольничество. Удальцовъ, которымъ помогалъ самъ Егорій Храбрый, стали называть разбойниками, самовольниками, бѣглецами. Авторъ повѣсти, вятскій патриотъ, пытается объяснить недобрую молву о своихъ землякахъ, какъ клевету, вызванную раздраженіемъ обитателей метрополиі противъ непокорныхъ колонистовъ. Враждебныя отношенія между Новгородомъ и Вяткой дѣйствительно были, но не эта, конечно, вражда привела къ паденію вятской независимости. Московскіе князья, стремившіеся къ расширенію своихъ владѣній, не нуждались въ указаніяхъ и совѣтахъ новгородцевъ. Что же касается удалцовъ вятскихъ, то они извѣстны были не менѣе, чѣмъ и новгородскіе ушкуйники. Въ 1417 году «с Вятки, изъ князя великаго отчинѣ,—разсказываетъ *новгородская лѣтопись*,—князь бояринъ Юрьевъ Глѣбъ Семеоновичъ с *новгородскими бѣлицы* съ Семеономъ Жадовскимъ и с Михайлою съ Россохинымъ и съ устюжанъ и с вятчанъ изъихаша в насадехъ безъ вѣсти в Заволочскую землю». Повоевали они волость Борокъ и Емцу, сожгли Холмогоры, набрали плѣнниковъ. Двинскіе бояре отбили полонъ, но нападавшихъ отпустили. За ними пустилась въ погоню дружина заволочанъ: «идоша за *разбойники* в погоню и пограбиша Устюгъ» ¹⁾. Въ 1466 г. «вятчаня ратью прошли мимо Устюгъ на Кокшенгу, а сторожи не слыхали на городѣ, а шли по Сухонѣ рѣцѣ въ верхъ, а воеваша Кокшенгу, а назадъ шли Вагою въ низъ, а по Двинѣ въ верхъ до Устюга». Намѣстникъ устюжскій послалъ объ этомъ вѣсть великому князю; тотъ приказалъ вятчанъ переимать. Намѣстникъ догналъ вятчанъ подъ городкомъ Гледѣномъ: «и вятчаня намѣстнику дали посулъ, стоявъ три дни, и къ Вяткѣ пошли» ²⁾. Въ 1471 году «вятчане, шедъ суды Влггою на низъ, взяша Сарай, и много товара взяша и плѣнъ много поимаша». Татары пытались задержать смѣльчаковъ, для чего «всю Влггу за-

прим. 458),—взята изъ древней греческой сказки о рабахъ скинскихъ; разумеется преданіе объ основаніи Тарента (*Костомаровъ*, 241).

¹⁾ Новгород. лѣтоп. по Синод. сп., стр. 404.

²⁾ Архангелогор. лѣтоп., стр. 167—169 (по изд. 1819 г.).

ступиша суды своими, хотяще ихъ перебити, они же одинако пробишя сквозѣ и уйдоша съ всѣмъ»¹⁾.

Буйство этихъ вятскихъ невольниковъ бросало, какъ видно, тѣнь на всю Вятку. Вятчанѣ стали обзывать разбойниками, распространяя это обидное опредѣленіе и на первыхъ завоевателей края, новгородскихъ повольниковъ древняго времени²⁾. Авторъ «Повѣсти» нашелъ нужнымъ вступить за своихъ земляковъ, но онъ, очевидно, не придавалъ большаго значенія набѣгамъ вятскихъ удальцовъ, если объяснял дурную славу Вятки только злобой и клеветами новгородцевъ. Онъ не позаботился провести рѣзкой грани между смѣлыми повольниками, впервые поселившимися на Вяткѣ, и буйными вятскими выходцами, нападавшими на сосѣдей. Такая грань для него, очевидно, была не ясна. Вятскимъ ушкуйникамъ могло казаться, что они идутъ по слѣдамъ своихъ отцовъ, подражаютъ ихъ лихимъ набѣгамъ, поддерживаютъ наслѣдственную удаль. Преемственность и историко-психологическое родство явленій, дѣйствительно, не подлежатъ сомнѣнію. Вятскіе «разбойники»—такіе же предпріимчивые повольники, какъ и ихъ предки, подвиги которыхъ стали достояніемъ мѣстной легенды. Но разница въ томъ, что позднѣйшимъ повольникамъ пришлось проявлять свою удаль среди условій, не похожихъ на тѣ, которыя застали поколѣнія стараго времени. Измѣнилось время, измѣнились политическія отношенія русскихъ областей, измѣнился и взглядъ на повольничество³⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., VIII, стр. 168.

²⁾ Подъ вліяніемъ глубокаго впечатлѣнія, оставленнаго набѣгами, ушкуйниковъ, пытались иногда отыскивать слѣды извѣстій о «новгородскихъ разбойникахъ» въ отдаленнѣйшей древности. Такъ въ одной поздней хроникѣ новгородскими разбойниками называются Кій, Щекъ и Хоривъ: они должны были удалиться изъ Новгорода и поселились на берегахъ Днѣпра; позже эти новгородскіе выходцы побѣждены были Олегомъ (ср. выше стр. 148). Помѣщая этотъ рассказъ въ приложеніяхъ (№ VII).

³⁾ Въ дополненіе къ рассказамъ о новгородскихъ и вятскихъ разбойникахъ можно еще указать на преданіе объ основаніи города Великія Луки: «Недовольные князьями многіе изъ ильменскихъ славянъ бѣжали къ кривичамъ, обитавшимъ на верховьяхъ Днѣпра, Волги, Двины и на берегахъ Ловати; непроходимые лѣса близъ нынѣшняго города Холма служили имъ надежнымъ убѣжищемъ. Изъ бѣглецовъ составилаея шайка удалыхъ разбойниковъ: они нападали на суда, плывущія мимо, бились съ дикими сосѣдями, воевали съ новгородцами. Между этими вятягами особенно отличался навадничествомъ и богатырствомъ Лука, мужъ великій и дородный. Тѣсно ему стали между удалыми холмитами, и онъ, собравъ своихъ молодцовъ, переселился за 70-ть верстъ вверхъ по Ловати. Между высокими холмами, гдѣ нынѣ городъ Луки, свилъ себѣ гнѣздо ли-

Въ повѣсти о градѣ Вяткѣ слышится голосъ апологета мѣстныхъ отношеній, пытавшагося обѣлить своихъ земляковъ отъ тяжелыхъ обвиненій. Подобный же голосъ долженъ былъ слышаться въ былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ, въ ея первоначальной редакціи, заканчивавшейся посадничествомъ Васьки. Древнее сказаніе изображало, какъ видно, жизнь Василья въ двухъ картинахъ, непохожихъ одна на другую: на одной рисовался Васька буянь, разбойникъ, предводитель шайки отчаянныхъ бездѣльниковъ; на другой—видѣлся степенный посадникъ, именитый гражданинъ Великаго Новгорода Былина не прикрашивала бѣшеной и кровожадной удали Васьки, не пыталась изобразить своего героя *en beau*. Дѣятельность Васьки изображается, какъ дѣятельность преступная, какъ разбой. Мамелфа говоритъ сыну:

То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
Тебѣ дамъ благословеніе великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дамъ благословенія великаго,
А и не носи Василья сыра земля.

Такимъ образомъ благословеніе дается Василью съ оговоркой: быть можетъ, онъ дѣйствительно идетъ на богомолье, но предполагается, что онъ можетъ пуститься въ путь и для дикаго дѣла. Это предположеніе имѣло основанія. Самъ Василій произноситъ о себѣ такой приговоръ: «съ молоду бито много, граблено». Мы видѣли, что въ пылу боя онъ не пощадилъ даже своего учителя и крестнаго отца. Но Васьба не оставался необузданнымъ удалцомъ до конца жизни и пѣсни. Передъ заблудившимся ушкуйникомъ открывался выходъ на прямую дорогу, онъ могъ еще «спасти душу». Въ заключительномъ отдѣлѣ былины и рисовался именно этотъ правый путь, на который удавалось выбраться Василью. Не въ таинственномъ загробномъ мірѣ слышался для него голосъ: *Ist gerettet!* Спасеніе отыскалось здѣсь, на землѣ, въ томъ самомъ Новгородѣ, который былъ свидѣтелемъ кровавыхъ проказъ Василья. Василію сдумѣлъ загладить впечатлѣніе этихъ проказъ. Древнее сказаніе знало и изображало забытаго теперь Василья, полезнаго и сильнаго общественнаго труженика, излюбленнаго посадника Великаго Новгорода.

хой ястребъ. Отсюда, какъ стая хищныхъ птицъ, налетала его дружина на сосѣдей,—кривичей, новгородцевъ, полочанъ, литовцевъ, чудь,—не было пощады и прежнимъ землякамъ холмятянамъ» (Великія Луки и Великолуцкій уѣздъ, замѣтки *Мих. Семевскаю*, стр. 4—5).

«Быль молодцу не укорь». Александръ Аввакумовичъ въ 1366 году ходилъ на Волгу вмѣстѣ съ другими «новгородскими разбойниками»; въ 1372 г. онъ «костю паде за святой Спасъ и за обиду за новгородскую». Лѣтопись упоминаетъ о Васькѣ Буславичѣ подъ 1171 годомъ; въ той же лѣтописи помѣщено подъ этимъ годомъ извѣстіе о неудачной осадѣ Новгорода суздальскими войсками. Не рассказывала ли древняя былина о томъ, какъ Василій спасъ городъ, осажденный врагами? Такой рассказъ и могъ дать поводъ къ воспоминанію о Васькѣ именно подъ 1171 годомъ. Книжный чело-вѣкъ, редактировавшій лѣтописный сводъ, нашелъ въ преданіи имя новгородскаго посадника Васьки Буславича, узналъ, что онъ отбилъ приступъ враговъ, подступившихъ къ городу, и на основаніи этихъ эпическихъ данныхъ построилъ соображеніе, что имя Васьки должно быть приурочено ко времени отраженія суздальцевъ отъ Великаго Новгорода.

Концепція былинны о Васильѣ Буслаевѣ, типическія черты самаго Васьки достаточно ясно указываютъ на ту эпоху, къ которой нужно отнести замышленіе изучаемаго нами новгородскаго сказанія. Василья нельзя поставить рядомъ съ древними новгородскими повольниками, какъ ихъ понимало и изображало народное преданіе, записанное въ повѣсти о градѣ Вяткѣ. Егорій Храбрый не сталъ бы конечно, покровительствовать такимъ друженникамъ, какъ Потанюшка Хроменькій или Оома Благоуродливый, и такому атаману, какъ Василій Буслаевичъ. Еще меньше похожъ Василій на того несчастнаго разбойника, о которомъ рассказывается въ житіи соловецкихъ святыхъ. Василій—новгородскій повольникъ именно ушкуйнической поры,—той поры, когда измѣнившееся молодечество еще жило полной жизнью, но когда новгородцамъ уже приходилось отыскивать оправданіе для своихъ удалцевъ, когда этихъ удалцевъ стали обзывать разбойниками: «Ходили, господине, молодые люди на Волгу безъ нашего слова, а твоихъ, господине, гостей не грабили, токмо побили бесерменъ», говорили новгородцы московскому князю. Нѣчто подобное долженъ былъ думать новгородскій иѣснотворецъ стараго времени, когда онъ «хотяше пѣснь творити» о сынѣ Буслава. Герой пѣсни,—новгородскій «молодецъ», но молодецъ, на которомъ тяготѣетъ обвиненіе въ душегубствѣ,—удалецъ, нуждающійся въ оправданіи, удалецъ той поры, когда стали говорить о «новгородскихъ разбойникахъ», когда явились «ушкуйници-разбойници». Новгородское ушкуйничество опредѣлилось и было по достоинству оценено во второй половинѣ XIV вѣка. Устанавливается такимъ обра-

зомъ крайній предѣлъ, ранѣ котораго не могъ сложиться былинный образъ Василья Буслаевича. Упомянутое о Васькѣ, занесенное въ лѣтописный сборникъ XVI вѣка, указываетъ другой, позднѣйшій пунктъ, за который нельзя перенести былинную о Васильѣ въ ея основномъ замыслѣ, въ ея первичной редакціи.

Для хронологическихъ соображеній важно обратить вниманіе и на другія историческія черты, сохранившіяся въ былинѣ. Пѣсня, какъ мы знаемъ, помнитъ независимость Новгорода и Пскова:

Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
Съ Новымъ-Городомъ не спаривалъ,
Со Опсковымъ онъ не вздоривалъ,
А со матушкой Москвой не перечился.

Отношенія политическаго равенства установились между Псковомъ и Новгородомъ съ 1347 года. По договору, заключенному въ этомъ году, Псковъ былъ признанъ младшимъ братомъ Великаго Новагорода. «Посадникомъ нашимъ,—говорили новгородцы,—у васъ въ Плесковѣ не быти, ни судити, а отъ владыцѣ судити вашему плесковитину, а изъ Новагорода васъ не позывати дворяны, ни подвойскими, ни Софьяны, ни извѣтники, ни биричи»¹⁾. Дальнѣйшія отношенія братьевъ показали, что младшій вовсе не былъ расположенъ признавать старшаго «въ отца мѣсто». Новгородцамъ приходилось употреблять не мало усилій, чтобы ладить съ обитателями бывшаго пригорода новгородскаго. Что касается Москвы, то необходимость ладить съ этой «матушкой» выяснилась для новгородцевъ со времени первыхъ московскихъ князей. Припомнимъ столкновение Новгорода съ Иваномъ Калитой по вопросу о закамскомъ серебрѣ, походъ къ Торжку Симеона Гордаго, отмѣченныя выше отношенія Новгорода къ Дмитрію Донскому, войны Василья Дмитріевича, пребываніе въ Новгородѣ Василья Темнаго и т. д. до конца, то есть, до роковыхъ для Новгорода походовъ Ивана III въ 1471 и 1478 гг.

Устно передававшаяся былина не могла сохранять неизмѣннымъ своего первоначальнаго состава. Представленный въ предшествующей главѣ разборъ пѣсенъ и сказокъ о Васильѣ Буслаевичѣ убѣдилъ насъ, что время, пережитое былинной, оставило на ней глубокіе слѣды. Замѣтны измѣненія, позднѣйшія прибавки и въ истори-

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 58—59.

ческих подробностях пѣсни. По пересказу Кирши Данилова, Василій встрѣчается на Волгѣ съ казацкими атаманами:

На славномъ морѣ Каспійскіамъ,
 На томъ острову на Куминскіамъ
 Стоять застава крѣпкая,
 Стоять атаманы козаціе,
 Не много, не мало ихъ—три тысячи;
 Грабятъ бусы, галеры,
 Разбиваютъ червлены корабли.

(Стр. 169).

«Еще въ малолѣтство Грознаго,—замѣчаетъ историкъ Поволжья,—ногайскіе князья и мирзы начинаютъ въ своихъ грамотахъ къ царю жаловаться на то, что мещерскіе и касимовскіе казаки на нихъ приходятъ и «сжегодъ отгоняютъ отъ нихъ и кѣдуютъ животину, деньги» и людей. Жалобы эти повторяются отъ времени до времени, съ указаніемъ на количество лошадей или людей, уведенныхъ отъ нихъ казаками и севрюками и съ присоединеніемъ требованія, чтобы государь унялъ казаковъ... Отъ нападаній казаковъ не мало терпѣли сами русскіе и даже ихъ служилые люди, изъ чего можно заключить объ ограниченности надъ ними русскаго вліянія и власти» ¹⁾. Въ 1557 году казаки убили царскаго воеводу Ляпуна Филимонова, который посланъ былъ на Волгу для того, «чтобъ казаки не воровали и на нагайскіе улусы не приходили». Вскорѣ затѣмъ «шелъ въ Асторохань Елизаръ Ржевской с казною и з запасы, и тѣ же казаки приходили на Елизара и казну ваяли государеву, и которые были в тѣхъ ушкулѣхъ люди, тѣхъ били». Тогда отправлены были изъ Казани отряды стрѣльцовъ и дѣтей боярскихъ, чтобы «тѣхъ воровъ с Волги згонити, и кого изымаютъ, тѣхъ побити». Казаки убѣжали на Донъ. Для преслѣдованія ихъ отправлено было царское войско ²⁾. Еже равнѣ, въ 1551 году, подвергся нападенію гулявшихъ на Волгѣ казаковъ посоль Севастьянъ, отправленный изъ Москвы въ Астрахань. «Противъ Иргизскаго устья, въ стругѣхъ пришелъ князь Василій Мещерскій да казакъ Личюга хромой, путивлецъ»; одно изъ судовъ посольскаго каравана было разграблено, находившіеся на немъ люди убиты ³⁾.

Былина заставляетъ новгородскаго ушкуйника встрѣтиться съ

¹⁾ *Перетятковичъ*, Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ, стр. 304—305.

²⁾ *Никон. лѣтоп.*, VII, 286—287.

³⁾ *Перетятковичъ*, *op. c.*, 285.

казацкими атаманами, стоявшими на островѣ Куминскомѣ. Въ этой встрѣчѣ, свидѣтельствующей о позднѣйшей подправкѣ новгородской пѣсни, выразился своеобразный эпическій синтезъ, вѣрно схватившій преемственную связь явленій. Казаки смѣнили на Волгѣ прежнихъ ушкуйниковъ. Въ XVI вѣкѣ новгородское повольничество было уже преданьемъ старины. Ушкуйники вымерли. Но не перевелись на Руси люди, любившіе, какъ и ушкуйники, «буяческое житіе». Эти буйныя, бродячія силы направились на окраины Русской земли, и въ формѣ казачества возродили древнее повольничество со всѣми его блестящими и темными чертами.

III.

«У Буслава долго не было дѣтей. Стоснулся Буславъ, сядилъ на бѣль-горючъ камень, повѣсилъ буйную головушку, утупилъ очушки во сыру землю, думалъ про себя, удумливалъ: какъ бы породить ему любимое дѣтище. Объявилась ему бабища матерая и говорила такovy слова: «Эхъ ты, Буславъ Сеславьевичъ! не могъ ты дотерпѣть трехъ мѣсяцевъ, износу дѣтищу не было бы! Ступай-ка къ Авдотѣ Васильевны, бери за груди бѣлыя..... зангрывай. Понесетъ она дѣтище любимое, сильнаго могучаго богатыря» (*Рыбниковъ*, I, стр. 335).

Этотъ вступительный рассказъ былины о Васильѣ Буслаевичѣ имѣетъ видъ неяснаго, полузабытаго отрывка. Рассказъ намекаетъ на какой-то запретъ, нарушенный Буславомъ, на какое-то особенное вѣщее значеніе «бабищи матерой», но эти намеки оставались, очевидно, темными и загадочными для мысли пѣвца, забывшаго полное очертаніе древняго преданія. Первые строки былины, которыя, повидимому, должны были объяснить слѣдующее за ними повѣствованіе о Васильѣ, оказываются такимъ образомъ полустертыми, на половину оборванными. Есть, однако, возможность разглядѣть въ этихъ испорченныхъ временахъ строкахъ кое-какія подробности, повторяющіяся въ другихъ, полнѣе сохранившихся памятникахъ. Путемъ сопоставленія такихъ подробностей можно, если не вполне возстановить полузабытый рассказъ, то, по крайней мѣрѣ, угадать его общій смыслъ.

Кн. Курбскій въ началѣ своей «Исторіи князя великаго московскаго» рассказываетъ о разводѣ Василья Ивановича съ Соломоніей и о женитьбѣ его на Еленѣ Глинской. Второй бракъ Василья, заключенный при жизни первой жены, изображается, какъ дѣло пре-

ступное и нечестивое: «Князь Великій Василій московскій ко многимъ злымъ и сопротивъ закона Божія дѣломъ своимъ и сіе приложилъ:... живши со женою своею первою, Соломонидою, двадцать и шесть лѣтъ, остригъ ее во мнишество не хотящу и не мыслящу ей о томъ, и заточилъ въ далечайшъ монастырь, отъ Москвы больше дву-сотъ миль, въ землѣ Каргопольской лежащъ, и затворити казаль ребро свое въ темницю, зѣло нужную и уныніа исполненну», сирѣчь жену, ему Богомъ данную, святую и неповинную. И понялъ себѣ Елену, дщерь Глинскаго, аще и возбраняющимъ ему сего беззаконія многимъ святымъ и преподобнымъ не токмо мнихомъ, но и сиклитомъ его». И не напрасно, какъ оказалось, смущались святые люди нечестивымъ бракомъ. Беззаконіе не прошло безслѣдно: оно дало страшный плодъ. «Тогда зачала нынѣшній Іоаннъ нашъ, и *родилася въ законопреступленію и во сладострастію лютость*». Далѣе, въ главѣ шестой, Курбскій снова возвращается къ браку Василья съ Еленой и передаетъ при этомъ такіа подробности: Василій со оною предреченною законопреступною женою, юною сущею самъ *старъ будущи, искалъ чаровниковъ презлыхъ отовсюду, да помогутъ ему ко плодотворенію*. О чаровникахъ же оныхъ такъ печашеся, посылающе по нихъ тамо и овамо, ажъ до Корелы.... и отгуду провожаху ихъ къ нему лехтущихъ оныхъ и презлыхъ совѣтниковъ сатанинскихъ, и за помощію ихъ отъ прескверныхъ сѣмень, *по произволенію презлому, а не по естеству отъ Бога вложенному уродилися ему два сына*: единъ таковій прелютый, и кровосійца, и погубитель отечества, иже не токмо въ Русской землѣ такого чуда и дива не слыхано, но вонстинну нигдѣ же никогда же мню;.... а другій былъ безъ ума и безъ памяти и безсловесенъ, такоужъ, аки дивы якої, *родился*» ¹⁾).

Московскій князь Василій и новгородецъ Буславъ одинаково томятся отсутствіемъ потомства. Чтобы помочь горю, князь обращается къ чародѣямъ. Новгородецъ спрашиваетъ совѣта у бабищи матерой, роль которой такимъ образомъ выясняется: бабища принадлежитъ, очевидно, къ числу такихъ же вѣщихъ людей, какъ и тѣ чаровники, которыхъ искалъ Василій Ивановичъ, «да помогутъ ему ко плодотворенію». При помощи ворожбы исполняется желаніе бездѣтныхъ стариковъ. Какъ плодъ чародѣйства, рождается въ Москвѣ жестокій Иванъ Васильевичъ, въ Новгородѣ буйный Василій Буслаевичъ. Еще ранѣе подобное же вліяніе волхвованія замѣчено было въ Полоцкѣ.

¹⁾ Сказанія князя *Курбскаго* стр. 4—5, 88—89 (по 3 изд.).

Въ древней лѣтописи подъ 6552 (1044) годомъ находимъ такую замѣтку о полоцкомъ князѣ Всеславѣ: «В сеже лѣто умре Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимеръ, отецъ Всеславль, и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его, *его же ради мати отъ вълхованья*,— матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: «се язвено навязи наъ, да носить е до живота своего», еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ, — *сею ради не милостивъ есть на кровьпролитъ»*¹⁾).

Говоря о задаткахъ лютости царя Ивана въ самомъ его рожденіи, Курбскій является выразителемъ мнѣнія, распространеннаго въ древнюю пору, когда искали объясненія людскихъ характеровъ и дѣлъ въ воздѣйствіи высшихъ таинственныхъ причинъ. «Родилася въ законопреступленію и во сладострастію лютость».... Хорошія дѣти—Божья награда за цѣломудріе, за добрую, благочестивую жизнь. Нечестіе и невоздержность находятъ себѣ выраженіе и

¹⁾ Лѣтопись по Лаврентіевскому списку, стр. 151. Выраженіе: «се язвено навязи наъ», вѣрно объяснилъ г. Халанскій: «Язвено едва ли здѣсь значить «язвина» (Карамзинъ, Исторія; Пловайскій, Исторія Россіи, I, 111)... Церковно-славянское извенокъ, извено, извно—дѣрмъ, дѣрмъта, согипъ (Miklosich, Востокъ: Церковно-слав. слов.); стало быть, *извено на млатъ*—родяное, напоминающее нѣмецкое helm или haube или сзерек—w szerku się rodził» (Южно-славянскія сказанія о королевичѣ Маркѣ, I, 53). Значеніе „сорочки“ (pileus naturalis), какъ амулета, извѣстное у многихъ народовъ, удерживалось у насъ до поздняго времени. „Вышедшій изъ утробы младенецъ въ сорочкѣ,—писалъ Чулковъ,—почитается отъ простолюднновъ весьма щастливымъ, отъ чего и произошла пословица: въ сорочкѣ родился. Сію сорочку сънимая кладутъ въ маленькій кошелечекъ или мошоночку и привязываютъ на шнурокъ младенцу, на которомъ обыкновенно носимъ крестъ, которая мошонка называется ладонкою, вѣря, что щастіе отъ того младенца въ присутствіи оной сорочки никогда уже не отойдетъ» (Абевега русскіяхъ суевѣрій, стр. 295; ср. стр. 229—230). Относительно повѣрій, связываемыхъ съ сорочкой, см. Grimm, D. Mythologie, II, 728—729, III, 265, по 4 изд.; Ploss, Das Kind in Brauch und Sitte der Völker, I, 12—15, по 2 изд.; Аванасевъ, Повт. воззрѣнія славянъ на природу, III, 360—361; Потебня, О Долѣ и сродныхъ съ нею существахъ въ Трудахъ Московскаго Археологическаго Общества II, 20; Веселовскій, Разысканія въ области русск. дух. стиха, вып. V, гл. XIII, 174—175. Сумцовъ, Культурныя переживанія, гл. 78, 176—178. Въ запасѣ этихъ повѣрій о сорочкѣ мы не найдемъ основаній для того, чтобы выраженіе: „сею ради немилостивъ есть на кровьпролитъ“ поставить въ связь съ предшествующимъ предложеніемъ: «матери бо родивши его бысть ему язвено на главѣ»; то обстоятельство, что Всеславъ родился въ сорочкѣ, не объясняетъ его кровожадности. Замѣчаніе объ «язвенѣ» нибѣтъ, очевидно, значеніе вводнаго предложенія; слова же: «сею ради немилостивъ есть»... нужно поставить въ связь съ первымъ предложеніемъ: „роди мати отъ вълхованья.»

казнь въ дурномъ, зломъ и развратномъ потомствѣ. Злые люди — плодъ грѣха, преступнаго увлеченія, нарушенія Божьихъ заповѣдей. «Многы жены,—читаемъ въ старинномъ поученіи,—не любовно с мужьями своими живуще, нъ ревнощами и свары и *многими чарами*, и непокориви мужемъ своимъ суще. Того ради проказньство на ражающаяся дѣти приносятъ. По сему бо извѣстно ны есть велми, яко испрѣва Каинъ бѣ по преступленіи Божии заповѣди зачать; Авель же плодъ бысть послушания и чядо покоренія в заповѣдехъ Божіахъ. Тако бо и нынѣ иже в бестрашіи Божіи пребываютъ и не творяще воля его, безъ закона живуще, того дѣля проказньство на пороженіе свое приводятъ, *по преслушаніи бо заповѣди Божіа аще ся зачнетъ младенець, то нсть добра в немъ* ¹⁾». Не ограничиваясь такими общими соображеніями, древняя мысль охотно останавливалась на ближайшихъ обстоятельствахъ человѣческаго зачатія. «Аще смеситъся кто с женою в пятницу и в субботу и в недѣлю, да аще зачнетъ, и будетъ тать, или разбойникъ, или блудникъ» ²⁾. Такъ сказано въ «Заповѣди святыхъ отецъ ко исповѣдающимся сыномъ и дочеремъ». Подобный же запретъ и подобная же угроза повторяются въ пересказахъ стиха о двѣнадцати пятницахъ:

Кто эти пятницы не станетъ постить
И постомъ и молитвами,
Ежели во-въ тѣ пятницы
Мужъ женѣ приближенъ будетъ,
Зародится отъ нихъ дѣтище недоброе,
Либо воръ, либо плуть, либо пьяница,
Клеветникъ, еретникъ, или душамъ пагубникъ ³⁾.

Нагляднымъ выраженіемъ этихъ указаній на день зачатія можетъ служить ново-греческое повѣрье о каликантсарахъ (*καλικάνταρος*), страшныхъ существахъ, появляющихся во время святокъ. По представле-

¹⁾ А. С. Архангельскій, Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій, IV (Творенія І. Златоустаго въ древне-русскихъ Измарагдахъ), стр. 189—190.

²⁾ *Тисоноровъ*, Памятники отреченной русской литературы, II, 302—303, 312. Давняя извѣстность у насъ этой суевѣрной заповѣди подтверждается Вопросаніями Кирьяка, который говоритъ: «Прочтохъ же ему (еп. Нифонту) изъ нѣкоторой заповѣди: оже въ недѣлю и въ субботу и въ пятокъ ложить человекъ, а зачнетъ дѣтя», и т. д. «А ты книги годятся съжечи», отвѣчалъ чуждый суевѣрія епископъ (*Калайдовичъ*, Памятники рос. словесности XII вѣка, стр. 188—189).

³⁾ *Везсоновъ*, Калѣки переходіе, вып. VI, стр. 131.

нію, удержавшемуся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Хіосъ, Закинѣ), каликансары—люди родившіеся на 25-е декабря или въ одинъ изъ слѣдующихъ дней Рождественской недѣли (до 1-го января). «Ein solcher Mensch,—говоритъ В. Schmidt,—ist nämlich nach des Volkes naivem Wahn genau neun Monate vorher, an Mariä Verkündigung (Εὐαγγελισμὸς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου, 25 März) gezeugt worden, und man hält es für eine Ungeheuerlichkeit, dass ein sündhaftes Weib zu derselben Zeit empfangen und gebäre, zu welcher die jungfräulich reine Gottesmutter empfangen und geboren hat». Въ наказаніе за невоздержность отца и матери родившіеся въ концѣ декабря дѣлаются на время святого злымъ и кровожаднымъ оборотнемъ, который нападаетъ на людей, впивается въ тѣло, рветъ его зубами и когтями. Особенно опасны каликансары для дѣтей ¹⁾). Подобное же повѣрье извѣстно и на Руси: на Благовѣщенье, по мнѣнію галичанъ зарождаются вѣдьмы и упыри ²⁾).

Чаровниковъ, помогавшихъ Василью Ивановичу «ко плодотворенію». Курбскій называетъ «совѣтниками сатанинскими». «Чары,—говоритъ далѣе этотъ писатель,—яко всѣмъ есть вѣдомо, безъ отверженія Божія и безъ согласія со діаволомъ не бывають» ³⁾). Такимъ образомъ помощь чародѣевъ ко плодотворенію сводится къ воздѣйствію на человѣческое рожденіе духа тьмы, высшей, но злой силы. Для обнаруженія этой силы чародѣянне было лишь однимъ изъ средствъ. Воздѣйствіе духа тьмы могло выражаться и болѣе открыто, безъ посредства волхвовъ и волшебницъ. Средневѣковое повѣрье помнило древне-мифологическія представленія объ инкубахъ и суккубахъ ⁴⁾, о сношеніяхъ людей съ демонами, о зачатіи отъ змѣя и дракона ⁵⁾). Эти стародавнія представленія прилаживались къ новымъ

¹⁾ В. Schmidt, Das Volksleben der Neugriechen, I, 145—146. Ср. Сборникъ за народни умотворенія, кн. IX (1893), стр. 552.

²⁾ Аванасьева, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, III, 471. Этимъ значеніемъ Благовѣщенія, какъ дня воздержанія по преимуществу, объясняется, почему въ рассказѣ объ отношеніяхъ Чурилы къ женѣ Берматы былина отмѣчаетъ день ихъ свиданія: „Наканунъ было праздника Христова дня, чествова Христова Благовѣщенья“ (Рыбниковъ, II, стр. 125, 124, III, стр. 136; Гильбердингъ, ст. 1065 1142, 1312). Это обстоятельство придаетъ волокитству Чурилы значенія нечестія, неуваженія къ святой праздничной ночи.

³⁾ Л. с., 89.

⁴⁾ Сводъ извѣстій о древне-римскихъ инкубахъ см. Preller's Römische Mythologie, 337 (2 Aufl.).

⁵⁾ Указанія на повѣрья о змѣяхъ-насылникахъ будутъ приведены ниже, въ гл. VII.

вѣрованіямъ, при чемъ пикубы и змѣи сливались съ образами дьявола и аггеловъ его ¹⁾. Въ апокрифныхъ дѣянiяхъ апостола Фомы разсказывается о женщинѣ, къ которой привязался демонъ, пощипавшій свою любимицу по ночамъ. Связь эта, тянувшаяся пять лѣтъ, истомила бѣдную женщину. Молитва святаго апостола избавила ее отъ ласкъ нечистаго ²⁾. Въ ряду сочиненiй плодовитаго византийскаго писателя Михаила Пселла есть небольшой трактатъ о дэмонахъ: *Περὶ ἐνεργείας δαιμόνων*. Трактатъ этотъ изложенъ въ формѣ разговора двухъ лицъ, именуемыхъ: *Τιμόθεος* и *Θραξ*. Послѣднiй, ссылаясь на какого-то монаха Марка, опытнаго въ распознаванiи злыхъ духовъ, говоритъ, что есть демоны любострастные, способные къ плодотворенiю: *Πολλὰ γοῦν οὗτος εἶπε καὶ ἐΰεσάρησεν ἄτοκα καὶ δαιμόνια. Καὶ ποτὲ μου πυθομένου εἶ τινές εἰσι δαίμονες ἐμπαθεῖς, «καὶ μάλα, ἢ δ' ὅς· ὥστε καὶ σπερμαίνειν τούτων, ἐνίου καὶ σκόληκας ἀπογεννάσθαι τοῖς σπέρμασιν»*. Такіе демоны возбуждаютъ и въ людяхъ плотскія вожделѣнiя: *Ἐνίοτε δὲ καὶ τὰ ἐν ἡμῶν ὑπογάστρια γαργαλισμοῖς ἐρεθίζοντες εἰς ἐμμανεῖς καὶ παρανόμους ἔρωτας ὑποθήγουσι καὶ μάλιστα ἤν γε καὶ τὰς ἐν ἡμῶν ἐνθέρμους ὑγρότητας λάβωσι συνεργούς* ³⁾.

Подобныя же свидѣтельства можно отыскать и въ памятникахъ западно-европейской письменности. Въ «Бесѣдѣ о чудесахъ» (*Dialogus miraculorum*) *Caesarii Heisterbacensis* находимъ разказы: *De virgine, quam daemon in specie viri procabatur* (dist. III, cap. VI); *De miraculis sancti Bernardi abbatis, qui incubum daemonem a muliere fugavit* (cap. VII); *De filia Arnoldis sacerdotis, quam daemon corripuit* (cap. VIII); *De muliere in Briseke, quae moriens confessa est,*

¹⁾ Обширный запасъ извѣстій и разсужденiй о сношенiяхъ людей съ демонами можно найти въ сочиненiи *Mart. del Rio: Disquisitionum magicarum libri sex* (1612). На вопросъ: *An sint unquam daemones incubi et succubae et an ex tali congressu proles nasci queat?*—авторъ отвѣчаетъ положенiями: 1) *Solent malefici et Lamiae cum daemonibus, illi quidem succubis, hae vero incubis actum Venereum exercere*, 2) *Potest etiam ex hujusmodi concubitu daemonis incubi proles nasci*; 3) *Attamen daemones nequeunt vi sua et ex propria substantia more animantium generare* и т. д. (lib. II, quaestio XV). Разсмотрѣнiемъ средне-вѣковыхъ представлений о дэмонахъ занимались *Roskoff* (*Geschichte des Teufels*, см. Bd. I, S. 297 fg.), *Dreyer* (*Der Teufel in der deutschen Dichtung des Mittelalters*), *Graf* (*Naturgeschichte des Teufels*, см. гл. VII) и др. На русскомъ языкѣ есть статья *Зотова*, Документъ исторiя черта (*Историч. Вѣстникъ*, 1884, т. XV). Ср. *Суминовъ*, „Культурныя переживанiя“, гл. 125, стр. 276—281.

²⁾ *Lipsius*. Die apocryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden, I, 257—258.

³⁾ *Ψέλλος*. M. Psellus de operatione daemonum cum notis Gau[mini], cur. T. Fr. Boissonade (1838), pp. 15, 19.

рикъ,—многіе спаслись; Юстиніанъ не щадилъ никого¹⁾. «Природа, казалось, собрала отъ разныхъ людей ихъ пороки и вложила ихъ въ душу этого человѣка»²⁾. Жестокость Юстиніана, его преступныя наклонности объясняются обстоятельствами его рожденія. «Мать Юстиніана признавалась, что онъ не былъ сынъ ея мужа Савватія или другаго какого нибудь человѣка. Передъ зачатіемъ (сына) посѣщалъ ее демонъ, котораго она не видѣла, но присутствіе котораго ощущала. Демонъ сходилъ съ ней, какъ мужъ съ женой, и потомъ исчезалъ, какъ сонъ»³⁾. Нечеловѣческая природа Юстиніана обнаруживалась иногда съ полной ясностью. Какой-то святой монахъ, приведенный къ Юстиніану, въ ужасѣ бѣжалъ, увидѣвъ, что на тронѣ сидитъ демонъ⁴⁾. «Что онъ былъ не человѣкъ,—замѣчаетъ еще Прокопій,—а демонъ въ образѣ человѣческомъ, это засвидѣтельствуешь каждый, кто только обратитъ вниманіе на множество зла, сдѣланнаго имъ людямъ. Въ чрезмѣрности сдѣланнаго обнаруживается сила сдѣлавшаго. Мнѣ кажется, что никто, кромѣ Бога, не могъ бы опредѣлить число погубленныхъ Юстиніаномъ. Легче, думаю, сосчитать весь песокъ, чѣмъ множество жертвъ этого царя»⁵⁾.

Похожъ былъ на Юстиніана падуанскій правитель Эццелино. Мать его призналась, что зачала своихъ дѣтей, Ezzelino и Alberigo, отъ демона. Узнавъ объ этомъ, Эццелино заявляетъ, что постарается

1) Τὸν μὲν οὖν λοιμὸν, ὡς περ μὲ ἐν τοῖς ἐμπροσθεν λόγοις ἐρρήθη, καίπερ ἐπισκίψαντα εἰς τὴν γῆν ἐύμπασαν, διέφυγον ἄνθρωποι οὐχ ἤσους ἢ ἴσους διαφθαρήναι τετύχηκεν, ἢ οὐδαμῆ τῆ νόσῳ ἀλόντες ἢ ὑγιαζόμενοι, ἐπειδὴ σφισιν ἀλῶνα ξυνέβη; ἄνδρα δὲ τοῦτον διαφυγεῖν ἀνθρώπων γε ὄντι τῶν πάντων Ῥωμαίων οὐδενὶ ξυνήχθη, ἀλλ' ὡς περ τι ἄλλο ἐξ οὐρανοῦ πάθος ὄλω τῷ γένει; ἐπεισπεσόν ἀνέπαρον οὐδένα παντελῶς εἶσσε (ibid., 45—46).

2) Πᾶσαν ἢ φύσις ἐδόκει τὴν κακοτροπίαν ἀφελομένη τοὺς ἄλλους ἀνθρώπους ἐν τῇ τοῦδε τοῦ ἀνδρὸς καταθέσθαι ψυχῇ (ibid., 57).

3) Λέγουσι δὲ αὐτοῦ καὶ τὴν μητέρα φάναι τῶν ἐπιτηδείων τισιν ὡς οὐ Σαββάτιου τοῦ αὐτῆς ἀνδρὸς οὐδὲ ἀνθρώπων τινὸς οὐκ εἶη; ἡνίκα γάρ αὐτὸν κύειν ἐμελλεν, ἐπιφοιτᾶν αὐτῇ δαιμόνιον οὐχ ὀρώμενον, ἀλλ' αἰσθησὶν τινα ὅτι δὴ πάρεστιν αὐτῇ παρασχόν, ἅτε ἄνδρα γυναικὶ πλησιάσαντα, καθάπερ ἐν ὄνειρῳ ἀφανισθῆναι; (ibid., 80). Пѣчто подобное разсказывала о патриархѣ Фотіѣ его врагъ (Ивановъ-Платоновъ, Къ изслѣдованіямъ о Фотіѣ въ Журн. Мин. Нар. Просвѣт., 1892, май, стр. 2).

4) Φάναι λέγουσιν αὐτὸν ἀντικρυς ὡς τῶν δαιμόνων τὸν ἄρχοντα ἐν τῷ παλατίῳ ἐπὶ τοῦ θρόνου καθήμενον ἴδαι; (р. 81).

5) Ὅτι δὲ οὐκ ἄνθρωπος, ἀλλὰ δαίμων τις, ὡς περ εἶρηται, ἀνθρωπόμορφος ἦν, τεκμηριώσαστο ἂν τις τῷ μεγέθει σταθμώμενος ὡς εἰς τοὺς ἀνθρώπους κακῶν ἐώρασεν. ἐν γάρ τῳ ὑπερβάλλοντι τῶν πεπραγμένων καὶ ἡ τοῦ δεδρακότος δύναμις εὐδῆλος γίνεται, τὸ μὲν οὖν μέτρον ἐς τὸ ἀκριβὲς τῶν ὑπ' αὐτοῦ ἀνηρημένων εἰπεῖν οὐκ ἂν ποτε μοι δοκεῖ τῶν πάντων τινὶ ἢ τῳ θεῷ δυνατὰ εἶναι. Θάσσον γάρ τις, οἶμαι, τὴν πᾶσαν ψᾶμμον ἐξαρτιμύσειεν ἢ ἴσους βασιλεὺς οὗτος ἀνήρηκε (р. 106).

стать достойнымъ сыномъ своего отца. Добившись власти, онъ пользуется ею только для проявленія своей безпощадной жестокости; Альберикъ помогаетъ кровожадному брату. Но демонское отродье ждалъ печальный конецъ. Потерпѣвъ поражение въ битвѣ, Эццелино умираетъ въ отчаяніи; вскорѣ погибъ и его братъ¹⁾).

По народному повѣрью дѣти, родившіяся отъ демона, бываютъ обыкновенно безобразны, обжорливы, капризны, злы²⁾. Припомнимъ при этомъ старо-русскую повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи, къ которой повадились ходить «окаянннн демоны». Явились и дѣти демонскія: «и зача... в утробѣ и носила ихъ *полтора года*». По истеченіи этого срока, «приде къ ней отъ тѣхъ темнотрачныхъ демоновъ жена, и нача с нею водитися; и роди ихъ шесть, а *видѣнемъ они сини*, и взя ихъ та жена, что съ нею водилась, и унесе изъ храмины подъ мостъ. Отецъ же ея приде въ домъ со всѣми домашними и начаша ясти, и они темнотрачннн демоны, которые родились, воставше из-подъ моста, *каменіемъ начаша метати и землю бросати*». Много страдала отъ бѣсенятъ и мать, «понеже *ссизу ея за сосцы, яко зми лютыи*»³⁾).

Одно изъ преданій, развившихся на почвѣ представленій «о демоническихъ натурахъ», получило въ средніе вѣка литературную обработку и пользовалось значительной извѣстностью среди читателей стараго времени. Въ преданіи этомъ выступаетъ передъ нами Робертъ, по прозванію дьяволъ, герцогъ нормандскій, въ чертахъ котораго нельзя не замѣтить несомнѣннаго сходства съ нашимъ Васильемъ Буслаевичемъ.

Для того, чтобы это сходство не затерялось среди неодинаково передаваемыхъ подробностей былины, припомнимъ здѣсь ея общее очертаніе.

Буславъ и Мамелфа—бездѣтная чета, томящаяся желаніемъ увидѣть у себя чадо милое. Чадо рождается, подобно Всеславу Полоцкому, «отъ волхвованія». Вскорѣ затѣмъ Буславъ умираетъ.

Когда Василью исполнилось семь лѣтъ, мать отдала его учиться книжной мудрости. Мальчикъ выказываетъ счастливыя дарованія, дѣлается прекраснымъ грамотѣемъ и пѣвцомъ. (Сказка *Сахарова* замѣчаетъ, напротивъ, что «грамота и пѣнье Васкѣ въ науку не пошло»). Вмѣстѣ съ блестящими способностями рано сталъ обнаруживать Василій иныя, непривлекательныя черты своей природы:

¹⁾ Graf, op. cit., 203—204.

²⁾ Сумцовъ, Культурныя переживанія, стр. 278.

³⁾ Памятннкъ старинной русской литературы, I, 153—154.

Стало ему быть пятнадцать лѣтъ,
 Сталъ онъ на улицы похаживать,
 Со ребятами шутки пошучивать:
 Кого за ногу, нога-то прочь,
 Кого за руку, рука-то прочь,

Злой и буйный нравъ Василья дѣлаетъ его опаснымъ для окружающихъ. Появляется Василій на какомъ-то новгородскомъ праздникѣ (братчина, пиръ у князя), праздникъ оканчивается бѣдой. Затѣвается кулачный бой; при участіи Василья потѣха превращается въ кровавое побоище. Встрѣчается Васыка съ старцемъ-пилигримомъ, своимъ крестнымъ отцомъ и наставникомъ; тотъ пытается образумить буяна и платится за это жизнью.

Окруживъ себя шайкой отчаянныхъ головорѣзовъ (одинъ изъ пересказовъ указываетъ при этомъ возрастъ Василья: 18-ти лѣтъ), сынъ Буслава разбойничаетъ не только въ Новгородѣ, но и далеко за его предѣлами. Его знаютъ «казаки-разбойники», стоявшіе на заставѣ корабельной въ устьѣ Волги.

Подъ вліяніемъ какого-то потрясенія, душевное настроеніе Василья мѣняется. Въ разбойникѣ пробуждается совѣсть. Онъ задумываетъ покаяться, «душу спасти», и съ этою мыслью отправляется въ Іерусалимъ градъ. Въ дошедшихъ до насъ пѣсняхъ, разсказывающихъ о путешествіи Василья въ Святую Землю, былина оканчивается извѣстіемъ о преждевременной смерти новгородскаго удальца послѣ неудачнаго прыжка черезъ какой-то камень. Но есть основаніе утверждать, что существовалъ изводъ былины съ инымъ окончаніемъ. Въ этомъ древнемъ изводѣ не было рѣчи о безвременной смерти удальца; говорилось, напротивъ, какъ Василій сталъ уважаемымъ новгородскимъ гражданиномъ. Въ послѣдніе годы жизни онъ былъ посадникомъ. Приуроченіе извѣстія о Васильѣ къ году осады Новгорода суздальскими войсками даетъ поводъ къ догадкѣ, что древняя былина разсказывала о какомъ-то участіи Василья въ защитѣ роднаго города отъ наступавшихъ враговъ.

Возвратимся къ западному родственнику Василья Буслаевича. Сказаніе о Робертѣ Дьяволѣ извѣстно въ нѣсколькихъ пересказахъ, изъ которыхъ древнѣйшіе восходятъ къ XIII вѣку ¹⁾. Этому именно

¹⁾ Обзорніе пересказовъ саги о Робертѣ, а также изслѣдованіе о составѣ саги см. въ книгѣ *K. Breul'*: *Sir Gowther. Eine englische Romanze aus dem XV Jahrhundert, kritisch herausgegeben nebst einer litterarhistorischen Untersuchung über ihre Quelle sowie den gesamten ihr verwandten Sagen- und Legenden-Kreis mit Zugrundelegung der Sage von Robert dem Teufel, 1886.* Изъ болѣе ранней

столѣтію принадлежать: а) небольшой прозаическій разсказъ, написанный по-латыни доминиканскимъ монахомъ Стефаномъ (Etienne de Bourbon) ¹⁾; б) французскій романъ въ стихахъ (li Romans de Robert le Diable или li livres de Robbert le Deable) ²⁾; в) нормандская хроника (Les cronicques de Normendie), въ составъ которой вошла повѣсть о Робертѣ ³⁾. Въ XIV вѣкѣ появились: г) сказаніе о Робертѣ Дьяволѣ (le Dit de Robert le Deable), написанное въ четырехстрочныхъ строфахъ ⁴⁾, и д) драматическая обработка преданія о Робертѣ: Miracle de Nostre Dame de Robert le Diable ⁵⁾. Въ XV вѣкѣ стала извѣстна прозаическая передѣлка преданій о Робертѣ: La vie du terrible Robert le Dyable ⁶⁾. Въ XVIII вѣкѣ издана была новая переработка сказанія о нормандскомъ герцогѣ:

литературы о Робертѣ слѣдуетъ упомянуть богатую содержаніемъ статью *Ed. du Mériel*: De la légende de Robert le Diable (помѣщена въ *Revue Contemporaine*, 1854, t. XIV, перепечатана въ сборникъ статей *Du Mériel*: Études sur quelques points d'archéologie et d'histoire littéraire, 1862).

¹⁾ Разсказъ озаглавленъ: De multiplici utilitate penitencie. Текстъ—у *Breul*: Anhang, S. 208—210.

²⁾ Романъ изданъ былъ въ 1837 г. *Trébutien*'омъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ. Содержаніе романа подробно пересказано было *Литтре* и *Келлеромъ*. Статья Литтре помѣщена въ *Histoire littéraire de la France*, t. XXII (1852), а потомъ вошла въ сборникъ его статей, переведенный *Л. Маркевичемъ* на русскій языкъ (Барвары и средніе вѣка, Одесса, 1874). Нѣмецкій пересказъ Келлера, составленный по изданію *Trébutien*'а, появился въ 1840 году (*Altfranzösische Sagen, gesammelt von H. A. Keller, II Bd., Ss. 58—166.*)

³⁾ Хроника рано появилась въ печати; есть изданія 1487, 1500 и др. годовъ; всѣ эти старопечатныя изданія представляютъ, конечно, величайшую рѣдкость. Краткое извлеченіе изъ хроникъ помѣщено было въ *Mélanges tirés d'une grande bibliothèque*, X, pp. 196—201. У меня были подъ рукою выписки изъ изданія 1487 г. (по экземпляру Парижской національной бібліотеки). Выписки эти я получилъ при содѣйствіи *А. А. Чебышева*, которому считаю долгомъ засвидѣтельствовать глубочайшую благодарность.

⁴⁾ *Auguste Pichard*, Le Dict de Robert le Diable (*Revue de Paris*, 1834, t. VII, 30—51). Пересказъ содержанія и отрывки текста; въ примѣчаніяхъ—нѣсколько мѣстъ изъ Нормандской хроникъ. Нѣкоторыя строфы изъ *Dit* приведены въ указанной выше статьѣ *Du Mériel*'а и въ предложеніи въ книгѣ *Breul*'а (211—215). Полный текстъ „Сказанія“ не изданъ.

⁵⁾ *Miracle* изданъ былъ а) отдѣльно въ 1836 и въ 1879 гг. и б) въ сборникѣ: «*Miracles de Nostre Dame... publiés par G. Paris et U. Robert.*» (t. VI).

⁶⁾ *La terrible et merveilleuse vie de Robert le Diable lequel après fut homme de bien* съ предисловіемъ и примѣчаніями — въ *Nouvelle bibliothèque bleue ou légendes populaires de la France, précédées d'une introduction par M. Charles Nodier et accompagnées de notices littéraires et historiques par M. Le Roux de Lincy*, 1842. Отдѣльно *Vie* издавалась много разъ. См. еще *Uhländ's Schriften*, Bd. VII, 655—661.

рикъ,—многіе спаслись; Юстиніанъ не щадилъ никого¹⁾. «Природа, казалось, собрала отъ разныхъ людей ихъ пороки и вложила ихъ въ душу этого человѣка»²⁾. Жестокость Юстиніана, его преступныя наклонности объясняются обстоятельствами его рожденія. «Мать Юстиніана признавалась, что онъ не былъ сынъ ея мужа Савватія или другаго какого нибудь человѣка. Передъ зачатіемъ (сына) посѣщала ее демонъ, котораго она не видѣла, но присутствіе котораго ощущала. Демонъ сходился съ ней, какъ мужъ съ женой, и потомъ исчезалъ, какъ сонъ»³⁾. Нечеловѣческая природа Юстиніана обнаруживалась иногда съ полной ясностью. Какой-то святой монахъ, приведенный къ Юстиніану, въ ужасѣ бѣжалъ, увидѣвъ, что на тронѣ сидитъ демонъ⁴⁾. «Что онъ былъ не человѣкъ,—замѣчаетъ еще Прокопій,—а демонъ въ образѣ человѣческомъ, это засвидѣтельствуешь каждый, кто только обратитъ вниманіе на множество зла, сдѣланнаго имъ людямъ. Въ чрезмѣрности сдѣланнаго обнаруживается сила сдѣлавшаго. Мнѣ кажется, что никто, кромѣ Бога, не могъ бы опредѣлить число погубленныхъ Юстиніаномъ. Легче, думаю, сосчитать весь песокъ, чѣмъ множество жертвъ этого царя»⁵⁾.

Похожъ былъ на Юстиніана падуанскій правитель Эццелино. Мать его призналась, что зачала своихъ дѣтей, Ezzelino и Alberico, отъ демона. Узнавъ объ этомъ, Эццелино заявляетъ, что постарается

1) Τὸν μὲν οὖν λοιμὸν, ὡς περ μοι ἐν τοῖς ἐμπροσθεν λόγοις ἐρρήθη, καί περ ἐπισκίψαντα εἰς τὴν γῆν ξυμπασαν, διεφυγον ἄνθρωποι οὐχ ἤσους ἢ ὅσοις διαφθαρήναι τατύχηκεν, ἢ οὐδαμῆ τῆ νόσφ ἀλόντες ἢ ὑγιαζόμενοι, ἐπειδὴ σφισιν ἀλῶναι ξυνηβήη ἄνδρα δὲ τοῦτον διαφυγεῖν ἀνθρώπων γε ὄντι τῶν πάντων Ῥωμαίων οὐδενὶ ξυνηγήθη, ἀλλ' ὡς περ τι ἄλλο ἐξ οὐρανοῦ πάθος ὄλω τῷ γένει ἐπεισπεσόν ἀνέπαφον οὐδένα πανταλῶς εἶσαε (ibid., 45—46).

2) Πᾶσαν ἢ φύσις ἐδόκει τὴν κακοτροπίαν ἀφελομένη τοὺς ἄλλους ἀνθρώπους ἐν τῇ τοῦδε τοῦ ἀνδρὸς καταθέσθαι ψυχῇ (ibid., 57).

3) Λέγουσι δὲ αὐτοῦ καὶ τὴν μητέρα φάσαι τῶν ἐπιτηδείων τισὶν ὡς οὐ Σαββατίου τοῦ αὐτῆς ἀνδρὸς οὐδὲ ἀνθρώπων τινὸς υἱὸς εἶη· ἤνικα γὰρ αὐτὸν κύειν ἐμελλεν, ἐπιφοιτᾶν αὐτῇ δαιμόνιον οὐχ ὀρώμενον, ἀλλ' αἰσθησὶν τινα ὅτι ὄη πάρεστιν αὐτῇ παρασχόν, ἅτε ἄνδρα γυναικὶ πλησιάσαντα, καθάπερ ἐν ὄνειρῳ ἀφανισθῆναι (ibid., 80). Нѣчто подобное разсказывала о патриархѣ Фотіѣ его враги (*Ивановъ—Платоновъ*, Къ исследованіямъ о Фотіѣ въ *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.*, 1892, маѣ, стр. 2).

4) Φάσαι λέγουσιν αὐτὸν ἀντικρυς ὡς τῶν δαιμόνων τὸν ἄρχοντα ἐν τῷ παλατίῳ ἐπὶ τοῦ θρόνου καθήμενον ἴδοι (p. 81).

5) Ὅτι δὲ οὐκ ἄνθρωπος, ἀλλὰ δαίμων τις, ὡς περ εἶρηται, ἀνθρωπόμορφος ἔχ, τεκμηριώσασθαι ἂν τις τῷ μεγέθει σταθμώμενος ὡν εἰς τοὺς ἀνθρώπους κακῶν ἐδρασαν. ἐν γὰρ τῷ ὑπερβάλλοντι τῶν πεπραγμένων καὶ τῇ τοῦ δεδρακότος δυνάμει εὐδῆλος γίνεται, τὸ μὲν οὖν μέτρον ἐς τὸ ἀκριβὲς τῶν ὑπ' αὐτοῦ ἀνηρημένων εἰπεῖν οὐκ ἂν ποτε μοι δοκεῖ τῶν πάντων τινὶ ἢ τῷ θεῷ δυνατὰ εἶναι. Θῆσσον γὰρ τις, οἶμαι, τὴν πᾶσαν ψάμμον ἐξαρτιμήσειεν ἢ ὅσους βασιλεὺς οὗτος ἀνήρηκε (p. 106).

стать достойнымъ сыномъ своего отца. Добившись власти, онъ пользуется ею только для проявленія своей безпощадной жестокости; Альберикъ помогаетъ кровожадному брату. Но демонское отродье ждалъ печальный конецъ. Потерпѣвъ поражение въ битвѣ, Эццелино умираетъ въ отчаяніи; вскорѣ погибъ и его братъ ¹⁾).

По народному повѣрью дѣти, родившіяся отъ демона, бываютъ обыкновенно безобразны, обжорливы, капризны, злы ²⁾). Припомнимъ при этомъ старо-русскую повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи, къ которой повадился ходить «окаяннѣи демони». Явились и дѣти демонскія: «и зача... в утробѣ и носила ихъ *полтора года*». По истеченіи этого срока, «приде къ ней отъ тѣхъ темнотрачныхъ демоновъ жена, и нача с нею водитися; и роди ихъ шесть, а *видѣнемъ они сини*, и взя ихъ та жена, что съ нею водилась, и унесе изъ храмины подъ мостъ. Отецъ же ея приде въ домъ со всеми домашними и начаша ясти, и они темнотрачнѣи демони, которые родились, воставше из-подъ моста, *каменіемъ начаша метати и землю бросати*». Много страдала отъ бѣсеняты и мать, «понеже *скажу ея за сосцы, яко зміи лютыи*» ³⁾).

Одно изъ преданій, развившихся на почвѣ представленій «о демоническихъ натурахъ», получило въ средніе вѣка литературную обработку и пользовалось значительной извѣстностью среди читателей стараго времени. Въ преданіи этомъ выступаетъ передъ нами Робертъ, по прозванію дьяволъ, герцогъ нормандскій, въ чертахъ котораго нельзя не замѣтить несомнѣннаго сходства съ нашимъ Васильемъ Буслаевичемъ.

Для того, чтобы это сходство не затерялось среди неодинаково передаваемыхъ подробностей былинны, припомнимъ здѣсь ея общее очертаніе.

Буславъ и Мамелфа—бездѣтная чета, томящаяся желаніемъ увидѣть у себя чадо милое. Чадо рождается, подобно Всеславу Полюцкому, «отъ волхвованія». Вскорѣ затѣмъ Буславъ умираетъ.

Когда Василью исполнилось семь лѣтъ, мать отдала его учиться книжной мудрости. Мальчикъ выказываетъ счастливыя дарованія, дѣлается прекраснымъ грамотѣемъ и пѣвцомъ. (Сказка *Сахарова* замѣчаетъ, напротивъ, что «грамота и пѣнье Васкѣ въ науку не пошло»). вмѣстѣ съ блестящими способностями рано сталъ обнаруживать Василій инныя, непривлекательныя черты своей природы:

¹⁾ *Graf*, op. cit., 203—204.

²⁾ *Сумцовъ*, Культурныя переживанія, стр. 278.

³⁾ Памятники старинной русской литературы, I, 153—154.

Стало ему быть пятнадцать лѣтъ,
 Сталъ онъ на улицы похаживать,
 Со ребятами шутки пошучивать:
 Кого за ногу, нога-то прочь,
 Кого за руку, рука-то прочь,

Злой и буйный нравъ Василья дѣлаеть его опаснымъ для окружающихъ. Появляется Василій на какомъ-то новгородскомъ праздникѣ (братчина, пиръ у князя), праздникъ оканчивается бѣдой. Затѣвается кулачный бой; при участіи Василья потѣха превращается въ кровавое побоище. Встрѣчается Васька съ старцемъ-пилигримомъ, своимъ крестнымъ отцомъ и наставникомъ; тотъ пытается образумить буяна и платится за это жизнью.

Окруживъ себя шайкой отчаянныхъ головорѣзовъ (одинъ изъ пересказовъ указываетъ при этомъ возрастъ Василья: 18-ти лѣтъ), сынъ Буслава разбойничаетъ не только въ Новгородѣ, но и далеко за его предѣлами. Его знаютъ «казаки-разбойники», стояшіе на заставѣ корабельной въ устьѣ Волги.

Подъ вліяніемъ какого-то потрясенія, душевное настроеніе Василья мѣняется. Въ разбойникѣ пробуждается совѣсть. Онъ задумываетъ покаяться, «душу спасти», и съ этою мыслью отправляется въ Іерусалимъ градъ. Въ дошедшихъ до насъ пѣсняхъ, рассказывающихъ о путешествіи Василья въ Святую Землю, былина оканчивается извѣстіемъ о преждевременной смерти новгородскаго удальца послѣ неудачнаго прыжка черезъ какой-то камень. Но есть основаніе утверждать, что существовалъ изводъ былины съ инымъ окончаніемъ. Въ этомъ древнемъ изводѣ не было рѣчи о безвременной смерти удалца; говорилось, напротивъ, какъ Василій сталъ уважаемымъ новгородскимъ гражданиномъ. Въ послѣдніе годы жизни онъ былъ посадникомъ. Приуроченіе извѣстія о Васильѣ къ году осады Новгорода суздальскими войсками даетъ поводъ къ догадкѣ, что древняя былина рассказывала о какомъ-то участіи Василья въ защитѣ роднаго города отъ наступавшихъ враговъ.

Возвратимся къ западному родственнику Василья Буслаевича. Сказаніе о Робертѣ Дьяволѣ извѣстно въ нѣсколькихъ пересказахъ, изъ которыхъ древнѣйшіе восходятъ къ XIII вѣку ¹⁾. Этому именно

¹⁾ Обзорніе пересказовъ саги о Робертѣ, а также изслѣдованіе о составѣ саги см. въ книгѣ *K. Breul'*: *Sir Gowther. Eine englische Romanze aus dem XV Jahrhundert, kritisch herausgegeben nebst einer litterarhistorischen Untersuchung über ihre Quelle sowie den gesamten ihr verwandten Sagen- und Legenden-Kreis mit Zugrundelegung der Sage von Robert dem Teufel, 1886.* Изъ болѣ ранней

столѣтію принадлежать: а) небольшой прозаическій разсказъ, написанный по-латыни доминиканскимъ монахомъ Стефаномъ (Etienne de Bourbon) ¹⁾; б) французскій романъ въ стихахъ (li Romans de Robert le Diable или li livres de Robbert le Deable) ²⁾; в) нормандская хроника (Les cronicques de Normendie), въ составъ которой вошла повѣсть о Робертѣ ³⁾. Въ XIV вѣкѣ появились: г) сказаніе о Робертѣ Дьяволѣ (le Dit de Robert le Deable), написанное въ четырехстрочныхъ строфахъ ⁴⁾, и д) драматическая обработка преданія о Робертѣ: Miracle de Nostre Dame de Robert le Diable ⁵⁾. Въ XV вѣкѣ стала извѣстна прозаическая передѣлка преданій о Робертѣ: La vie du terrihle Robert le Dyable ⁶⁾. Въ XVIII вѣкѣ издана была новая переработка сказанія о нормандскомъ герцогѣ:

литературы о Робертѣ слѣдуетъ упомянуть богатую содержаніемъ статью *Ed. du Mériel'a: De la légende de Robert le Diable* (помѣщена въ *Revue Contemporaine*, 1854, т. XIV, перепечатана въ сборникѣ статей *Du Mériel'a: Études sur quelques points d'archéologie et d'histoire littéraire*, 1862).

¹⁾ Разсказъ озаглавленъ: De multiplici utilitate penitenciae. Текстъ—у *Breul'a: Anhang*, S. 208—210.

²⁾ Романъ изданъ былъ въ 1837 г. *Trébutien'*омъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ. Содержаніе романа подробно пересказано было *Литтре* и *Келлеромъ*. Статья Литтре помѣщена въ *Histoire littéraire de la France*, т. XXII (1852), а потомъ вошла въ сборникъ его статей, переведенный *Л. Марковичемъ* на русскій языкъ (Варвары и средніе вѣка, Одесса, 1874). Нѣмецкій пересказ Келлера, составленный по изданію *Trébutien'a*, появился въ 1840 году (*Altfranzösische Sagen, gesammelt von H. A. Keller*, II Bd., Ss. 58—166.)

³⁾ Хроника рано появилась въ печати; есть изданія 1487, 1500 и др. годовъ; всѣ эти старопечатныя изданія представляютъ, конечно, величайшую рѣдкость. Краткое извлеченіе изъ хроникки помѣщено было въ *Mélanges tirés d'une grande bibliothèque*, X, pp. 196—201. У меня были подъ рукою выписки изъ изданія 1487 г. (по экземпляру Парижской національной бібліотеки). Выписки эти я получалъ при содѣйствіи *А. А. Чебышева*, которому считаю долгомъ засвидѣтельствовать глубочайшую благодарность.

⁴⁾ *Auguste Pichard*, Le Dict de Robert le Diable (*Revue de Paris*, 1834, т. VII, 30—51). Пересказъ содержанія и отрывки текста; въ примѣчаніяхъ—нѣсколько мѣстъ изъ Нормандской хроникки. Нѣкоторыя строфы изъ *Dit* приведены въ указанной выше статьѣ *Du Mériel'a* и въ приложеніи въ книгѣ *Breul'a* (211—215). Полный текстъ „Сказанія“ не изданъ.

⁵⁾ *Miracle* изданъ былъ а) отдѣльно въ 1836 и въ 1879 гг. и б) въ сборникѣ: «*Miracles de Nostre Dame... publiés par G. Paris et U. Robert*». (т. VI).

⁶⁾ *La terrible et merveilleuse vie de Robert le Diable lequel après fut homme de bien* съ предисловіемъ и примѣчаніями — въ *Nouvelle bibliothèque bleue ou légendes populaires de la France, précédées d'une introduction par M. Charles Nodier et accompagnées de notices littéraires et historiques par M. Le Roux de Lincy*, 1842. Отдѣльно *Vie* издавалась много разъ. См. еще *Uhland's Schriften*, Bd. VII, 655—661.

Histoire de Robert le Diable et de Richard sans Peur, son fils ¹⁾.

Кромѣ французскихъ, извѣстны еще пересказы испанскіе, англійскіе, нѣмецкіе, а также португальскій и голландскій. Всѣ эти пересказы ведутъ свой родъ отъ французскихъ оригиналовъ, преимущественно отъ Vie. Нѣкоторой своеобразностью отличаются только: а) англійская поэма о сынѣ австрійскаго герцога, именуемомъ Sir Gowther ²⁾, б) ниже-нѣмецкое стихотвореніе: De vorlorne Sone ³⁾, и с) нѣмецкій прозаическій разсказъ о французскомъ королѣ, изданный недавно К. Боринскимъ ⁴⁾.

Познакомимся съ содержаніемъ разсказовъ о Робертѣ Дьяволѣ.

1) Родители Роберта долгое время были бездѣтны. Въ горѣ и отчаяніи они обращаются къ духу тьмы. Рождается сынъ. *Audivi a duobus fratribus, a fratre, qui hoc se legisse asserebat, quod, cum uxor cuiusdam comitis prole careret et dominum multum rogasset pro ea optinenda, nec daretur ei, ad ultimum promisit dyabolo, quod eam ei daret, si eam ei procuraret, quod et fecit. Que concepit et reperit filium, quem baptizatum vocavit Robertum.* Такъ разсказываетъ Etienne de Bourbon. Въ романѣ XIII вѣка вмѣсто «какого-то графа» (*cuiusdam comitis*) выступаетъ «герцогъ нормандскій»; въ хроникѣ и въ Dit имя герцога—Aubert, въ Vie и Histoire—Hubert ⁵⁾. Мать Роберта въ романѣ—дочь графа; въ хроникѣ и въ Vie—дочь (въ Dit—сестра) герцога Бургундскаго; въ «Исторіи»—Матильда, дочь герцога Бретанскаго. Долго (*longuement* въ романѣ; въ другихъ пересказахъ—17, 18, даже 40 лѣтъ) нормандскій герцогъ и его жена ожидали дѣтей; они молились, давали обѣты, но тщетно: герцогиня оставалась безплодной. Разъ, въ то время, когда мужъ былъ на охотѣ, одинокая женщина съ особенной силой почувствовала свое горе. Отчаявшись въ помощи Божіей, она обращается къ дья-

¹⁾ Bibliothèque bleue ou recueil d'histoires singulières et naïves (1769). Есть русскій переводъ: Исторія Роберта, герцога нормандскаго, прозваннаго Дьяволомъ, переведенная съ французскаго И. Яковлевымъ. С.-Пб. 1785.

²⁾ Breul, op. cit.

³⁾ Flos unde Blankflos. Von Stephan Wactzoldt. Als anhang: De vorlorne Sone (Robert der Teufel) und De Segheler, Bremen, 1880 (*Niederdeutsche Denkmäler*, Bd. III).

⁴⁾ К. Borinski, Eine ältere deutsche Bearbeitung von Robert le Diable (*Germania*, 1892, I, 44—62). Повѣсть издана по двумъ рукописямъ XV вѣка.

⁵⁾ Въ нѣмецкой повѣсти, изд. Боринскимъ: „ein kunig des lanndes franckenreich“. Имена короля и его сына не названы. Въ ниже-нѣмецкомъ стихотвореніи *ein ritter* (безъ имени). Въ англійскомъ пересказѣ—герцогъ австрійскій (Estryk, Ostrych); сынъ его—Gowther.

волу: «Молю тебя, дьяволь.—говорить она,—услышь меня! Если ты дашь мнѣ дитя, я буду съ этихъ поръ молиться тебѣ».

Diable, fait—ele, je te proi
Que tu entenges ja vers moi;
Se tu me dones un enfant,
Je te proi des ore en avant ¹⁾.

Въ Vie это обращеніе къ демону передано такъ: «Si je conçois aujourd'hui un enfant, au Diable soit-il donné, et dès à présent je lui donne de bonne volonté». Подобная же фраза—въ Мираклѣ. Вернувшійся съ охоты мужъ,—разсказываетъ далѣе романъ,—вошелъ къ женѣ. По дѣйствию дьявола, въ немъ вспыхнула страсть. Вскорѣ затѣмъ герцогиня почувствовала себя беременной, но надежда стать матерью не радовала ее: вспоминая свое обращеніе къ духу тьмы, она не ждала добра. Когда наступило время рожденія, несчастная женщина цѣлую недѣлю страдала, прежде чѣмъ увидѣла сына ²⁾.

Въ нормандской хроникѣ виновникомъ грѣха является мужъ; *указывается при этомъ день зачатія Роберта, un jour de samedi* ³⁾. Жена отказывалась исполнить грѣшное желаніе мужа, но должна была уступить его настойчивости, при чемъ у нея вырвалось неосторожное слово. Намекъ объясняется приведеннымъ выше замѣчаніемъ старо-русскаго памятника: «аще смѣяться кто с женою в пятницу и в субботу» и т. д. Въ «Исторіи Роберта» обращеніе къ демону замѣнено волхвованіемъ. Герцогиня обращается къ колдуну сврею, который владѣлъ искусствомъ вызывать тѣни, предсказывать будущее, а также умѣлъ лечить бесплодныхъ женщинъ (*rendre fécondes les femmes stériles*). Послѣ нѣсколькихъ заклинаній, произнесенныхъ колдуномъ, въ глубинѣ пещеры, гдѣ совершалось чародѣяніе, появился молодой чело-

¹⁾ Nouvelle bibliothèque bleue..., p. 300.

²⁾ Въ Vie и Histoire страданія матери Роберта продолжены на цѣлый мѣсяць. Эпосъ знаетъ еще болѣе тяжелые роды (*Миллеръ, Илья Муромецъ* стр. 117).

³⁾ Le duc Aubert vint par ung samedi de chacier des forests et voust gésir oy de sa moullier. La dame refusa à gésir a son mary... et com la dame ne osa deneer la compaignie de son Seignour, par courouz ele dist que ja n'eust, Dieu part en chose qu'ilz feissent. Нижне-нѣмецкій пересказъ (*De vorlorne Sone*) упоминаетъ о святкахъ (*en wunachten auende dat gheschach*)... Въ англійскомъ стихотвореніи прибавлена еще такая подробность: бездѣтный герцогъ грозитъ развестись съ женой, если она не подаритъ ему сына. Подобная угроза встрѣчается и въ другихъ эпическихъ памятникахъ (*Веселовскій, Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ*, стр. 117; *Изъ исторіи романа и повѣсти, I*, стр. 143; *Истрия, Александрія русскихъ хроматографовъ*, стр. 70—71).

вѣкъ удивительной красоты и бросился къ ногамъ Матильды. Явившійся успѣлъ увѣрить доверчивую даму, что онъ никто иной, какъ ея мужъ, лишь помолодѣвшій при помощи волшебнаго искусства. Послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ наединѣ съ мнимымъ мужемъ, Матильда замѣтила, что дѣлившій ея восторги совершенно измѣнился: кажущееся сходство съ герцогомъ исчезло. Оскорбленная и разгнѣванная женщина требуетъ объясненія. «Я демонъ,—сказать обманщикъ,—дитя, которое ты зачала, будетъ имѣть твои добродѣтели и мои пороки; молчи, скрой отъ мужа то, что съ тобой было; вопреки волѣ неба ты хотѣла имѣть сына; черезъ девять мѣсяцевъ ты его увидишь»¹⁾. Герцогиня вернулась домой и поспѣшила лечь въ постель, ссылаясь на нездоровье. На другой день подъ утро вошелъ къ ней мужъ: *il la trouva un peu abattue, il se coucha auprès d'elle, et lui fournit des raisons de douter, si le fils qui devoit naître d'elle, appartiendroit au duc ou au démon.* Когда настало время рожденія, Матильда испытывала страшныя боли, продолжавшіяся цѣлый мѣсяцъ. Появленіе на свѣтъ Роберта сопровождалось знаменіями: небо покрылось тучами, слышались страшныя удары грома; дворецъ герцога казался въ огнѣ; одна изъ дворцовыхъ башенъ разрушена была ураганомъ; сова влетѣла въ комнату Матильды и погасила крыльями всѣ свѣчи, которые снова зажглись сами собой. О подобныхъ же знаменіяхъ, кромѣ Исторіи, разсказываетъ и Vie²⁾.

2) Робертъ—злой и капризный ребенокъ: онъ кусалъ кормилицъ, постоянно кричалъ, а когда подросъ, бросалъ въ окружающихъ все, что попадало подъ руку, сталъ драться съ сверстниками. Злой ребенокъ получилъ прозвище «Дьяволъ», которое за нимъ и осталось.

3) Когда Роберту исполнилось семь (въ нѣкоторыхъ пересказахъ восемь) лѣтъ, родители выбрали для него опытнаго паставника. Мальчикъ былъ даровитъ, но учился неохотно. Много горя при-

¹⁾ Разсказъ о видѣніи демона едва ли можно считать присочиненіемъ редактора «Исторіи»; подобный же разсказъ встрѣчается въ болѣе древнемъ пересказѣ—въ стихотвореніи о Gowther'ѣ.

²⁾ *Peu après que l'enfant fut né, il sourdit une nuée si obscure qu'il sembloit qu'il dût venir nuit et et commença à tonner si merveilleusement et éclaira tellement, qu'il sembloit que le ciel fût ouvert et le feu par toute la maison. Les quatre vents furent aussi émus part elle manière que la maison trembloit tant qu'il y tomba une grande partie de la terre. Lors les seigneurs et dames qui étoient là, pensoient tous prendre fin, vu les terribles tempêtes qui couraient alors: mais à la fin Dieu voulut que le temps s'apaisât et fut doux et serein (Nouv. bibliothèque bleue..., pp. 7—8).*

шлось испытать его наставнику: требованіе занятій, надзоръ, какое нибудь замѣчаніе раздражали Роберта, приводили его въ бѣшенство. Кровавая развязка завершила эти тяжелыя отношенія. Учитель сына нормандскаго герцога умеръ такой же насильственной смертью, какъ и наставникъ нашего Васки Буслаева: *Робертъ убилъ своею наставника*. «Son maistre,—разсказываетъ нормандская хроника,—le reprinst une fois et s'en voust corrigier Robert. Quant Robert eust été corrigiez, com son maistre se dormoit, it occist d'ung coustel trenchant» ¹⁾. Подобный же разсказъ въ Dit. По разсказу, внесенному въ Vie, Робертъ высказываетъ передъ умирающимъ наставникомъ увѣренность, что освободился отъ ученья навсегда. Puis Robert dit à son maitre, en lui jetant son livre par dépit: «Maitre, voilà votre science, jamais prêtre ni clerc ne sera mon maitre, je vous l'ai assez fait connaitre» ²⁾. Въ позднихъ пересказахъ смерть воспитателя изображается, какъ слѣдствіе злой продѣлки Роберта. Однажды ночью воспитатель поднялся въ комнату Роберта, чтобы посмотрѣть, спитъ ли онъ. Мальчикъ, ожидавшій посѣщенія, пропустилъ старика и приблизъ къ полу его туфли, оставленныя на краю лѣстницы. Наставникъ, возвращаясь, всунулъ ноги въ туфли, и хотѣлъ спускаться, но потерялъ равновѣсіе и упалъ. Получивъ при этомъ тяжелыя ушибы и раны, онъ не долго жилъ (Histoire).

4) Съ лѣтами дурныя наклонности Роберта начали обнаруживаться все сильнѣе и сильнѣе. Еще мальчикомъ сталъ онъ, подобно Василью Буслаеву, по улицѣ похаживать: кого за руку возьметъ—рука прочь, кого за ногу—нога прочь. Vie описываетъ это буйство Роберта въ выраженіяхъ, почти дословно сходныхъ съ былинной: Il commença bien jeune à mener mauvaise vie, il rompoit les bras à un et les jambes à l'autre.... Toujours alloit l'enfant par les rues, frappant et heurtant ce qu'il rencontroit, comme s'il fût enragé; nul n'osoit se trouver devant lui ³⁾. Когда Роберту пошелъ 16-й годъ,—говоритъ романъ,—слухъ объ его проказахъ распространился по всей странѣ, такъ что никто не рѣшался появляться при дворѣ герцога. Робертъ былъ, а верѣдко и убивалъ всѣхъ, кто только попадался ему на встрѣчу. Даже молившіеся въ церкви, міряне и священники, не могли считать себя безопасными отъ его нападеній. Справиться съ нимъ никто не могъ. На двадцатомъ году,—замѣчаетъ романъ,—Робертъ превосходилъ всѣхъ и ростомъ и силой.

¹⁾ *Pichard*, I. с.

²⁾ *Nouv. bibliothèque bleue...*, p. 10.

³⁾ *ibid.*, p. 9.

Родителям Роберта приходилось безпрестанно выслушивать жалобы на их буйнаго сына.

5) Не довольствуясь одиночными проказами, Робертъ задумалъ собрать себѣ дружину хоробрую. Дружина составилаь изъ сорванцевъ, похожихъ на братьевъ названныхъ новгородскаго удальца. Къ Роберту шли люди, не умѣвшіе или не хотѣвшіе жить трудомъ, люди, не находившіе себѣ мѣста въ обществѣ, любители легкой наживы, дешево цѣнившіе и свою, и чужую жизнь. *Robert fit assembler avec lui tous les mauvais garçons du pays, et les retint pour le servir; car il y en avoit de mauvais et de diverses sortes, comme larrons, meurtriers, gens pervers et mauvais... geni gloutons et orgueilleux et les plus terribles de dessous les cieux: de telles gens Robert fit une grande assemblée et il étoit capitaine* (Vie) ¹⁾. Въ Мираклѣ дружинники Роберта получаютъ прозвища въ родѣ тѣхъ, которыя въ нѣкоторыхъ пересказахъ примѣняются къ братьямъ названнымъ Василія Буслаева: Увалень (Lambin), Петля (Boute-en-Courroie) ²⁾ Раздави чарочку (Brise-Godet), Бражникъ (Rigolet). Припомнимъ Котельную Пригарину, Ому Благоуродливаго и другихъ товарищей нашего Васьки.

6) Мать Роберта, чтобы образумить его, вызвать въ немъ желаніе исправиться, совѣтуетъ герцогу посвятить сына въ рыцари. Герцогъ соглашается, надѣясь, какъ и его жена, что, получивъ званіе, налагающее извѣстныя обязанности, Робертъ откажется отъ прежней жизни. По случаю посвященія новаго рыцаря при нормандскомъ дворѣ устроенъ былъ большой праздникъ, закончившійся турниромъ. Явившись на этотъ турниръ, Робертъ ведетъ себя такъ, какъ Василій Буслаевичъ послѣ заклада съ новгородцами. Потѣха превращается въ кровавую битву: всѣхъ рыцарей, которыхъ только встрѣчалъ Робертъ, онъ сбрасывалъ съ коня, и при томъ съ такой силой, точно шелъ бой не на живогъ, а на смерть. «Онъ умертвилъ въ этотъ день болѣе тридцати челоуѣкъ и навелъ на всѣхъ такой ужасъ, что никто больше не рѣшался сразиться съ нимъ».—замѣчаетъ романъ. Затѣмъ Робертъ побывалъ еще на нѣсколькихъ турнирахъ и вездѣ, гдѣ онъ появлялся, праздникъ оканчивался бѣдой. Особенно подробно описывается турниръ въ «Исторіи». Привожу это описаніе по русскому переводу прошлаго вѣка: «Назначенный для торжества

¹⁾ Ibid., pp. 15—16. Въ хроникѣ составъ Робертовой дружны опредѣляется эпическимъ числомъ—30.

²⁾ О значенія выраженія Boute-en-courroie см. замѣтку G. Paris въ *Romania*, т. XXI (1892), № 83, pp. 407—413.

и поединковъ день наступилъ уже, и съѣхавшіеся кавалеры всѣ приготовились къ принятію Роберта.... Робертъ, выступивъ на мѣсто поединка, представилъ въ себѣ неустрашимѣйшаго ратоборца; не довольствовался тѣмъ, что побѣждалъ всѣхъ ихъ; но еще выбивалъ у ихъ оружіе, умерщвлялъ подъ ними лошадей и съ толь превеличайшимъ искусствомъ сражался противу наступающихъ, что какъ скоро какой нибудь отважный кавалеръ на его нападалъ, такъ скоро усматривалъ жизнь свою въ опасности и оставлялъ на мѣстѣ поединка или плечо (un bras) или ногу. Всѣ кавалеры имъ были не довольны; и для того предложилъ имъ, что сразится онъ одинъ со всѣми ими вмѣстѣ; но сему противорѣчили законы кавалерства, потому что не было ни малѣйшей славы отъ такой побѣды; но быть отъ одного многимъ побѣжденнымъ было еще гораздо стыднѣе. И потому, дабы учинить свою сторону хотя нѣсколько равною, Робертъ требовалъ, чтобъ ему позволено было выбрать хотя такихъ товарищей, которые бы едва только еще на лошадяхъ сидѣли, и выступить имъ на мѣсто поединка для его подкрѣпленія. Кавалеры, опасаясь, дабы не причтено было имъ въ знакъ трусости, ежели ему откажутъ въ его требованіи, на то согласились: можетъ быть, они чрезъ то надѣялись отмстить ему соединенными силами за всѣ удары, которые каждый изъ нихъ получилъ отъ его въ довольномъ количествѣ. Молодые его товарищи, бывшіе только единственно зрителями сихъ поединковъ, выступили на мѣсто сраженія въ числѣ пятнадцати человекъ. Кавалеры, бывшіе еще въ состояніи съ нимъ сражаться, всѣ предстали: и какъ ихъ числомъ было гораздо болѣе, то они хотѣли было метнуть жребій, но Робертъ требовалъ, чтобъ всѣ они съ нимъ сразились. *Лишь только далъ онъ знакъ своимъ товарищамъ къ нападенію, какъ тотчасъ большая половина лошадей была опрокинута и кавалеры принуждены были отступить.* Тогда Робертъ разъярившись бросился въ ихъ среду; въ одно мгновеніе шишаки, копыя и шпаги были переломаны; самые неустрашимѣйшіе изъ ихъ затрепетали; онъ ихъ гналъ и опрокидывалъ все, что ни попадалось подъ его удары. Конь его изломалось; притупленная шпага его имѣла уже видъ пилы; но онъ тѣмъ опаснѣйшія еще давалъ раны; наконецъ она въ рукахъ у его изломилась; онъ взялъ у своего товарища другую, которая также вскорѣ переломилась. *Итакъ, не имѣя чѣмъ поражать другихъ, увидѣлъ желѣзную дубину (une barre de fer), лежавшую на мѣстѣ сраженія; скочивъ съ лошади, схватилъ сіе новое оружіе и безъ разбору билъ ею какъ лошадей, такъ и кавалеровъ.* Сраженіе учинилось чрезвычайно кровопролитно; трое изъ

самыхъ мужественнѣйшихъ кавалеровъ потеряли тутъ жизнь свою; мѣсто сраженія покрылось обломками оружія, отрубленными членами и убитыми лошадьми. Робертъ еще не преставаля сражаться; но герцогъ, отецъ его, приказалъ прекратить поединки и объявилъ, что турниръ уже окончился: но сынъ его нимаго не внималъ его повелѣніямъ и дышалъ единственно только кровопролитіемъ и убійствомъ. Восемьеро оставшіеся кавалеры, не взирая ни на число, ниже на неравенство силъ, соединились для совокупнаго на его нападенія. Робертъ дожидался ихъ съ твердостью и, чтобъ не быть себѣ обхвачену съ боковъ, приказалъ двумъ своимъ товарищамъ подкрѣпить себя и защищался съ толнымъ мужествомъ, что принудилъ трехъ своихъ соперниковъ грызть землю. Наконецъ народъ, на его негодую за столь многую пролитую кровь, заропталъ и возмущился. Робертъ, безразсудный Робертъ дерзнулъ и на его напасть; уже чернь (la populace) начала въ него бросать каменьями, и бунтъ начиналъ быть всеобщій. *Герцогиня съ заплаканными глазами бросается въ сраженіе, вбѣгаетъ предъ Роберта и показываетъ видъ, что напугивается она пастъ на колыни: тогда-то онъ, постыдився сего движенія, отдалъ оружіе своей матери и далъ себѣ вести въ покоиъ (au palais) ¹⁾.*

При описаніи посвященія Роберта въ рыцари нармандская хроника вводитъ еще такую подробность: когда отецъ взялъ мечъ, чтобы дать новому рыцарю обычный обрядовой ударъ, сынъ обнажилъ и свой; онъ поразилъ бы отца, еслибы его не удержали. Описание турнира опущено. Изображеніе неудачнаго рыцарства Роберта въ хроникѣ и сказаніи (Dit) предшествуетъ разсказу объ образованіи разбойничьей шайки ²⁾.

.Любопытную особенность находимъ въ нѣмецкомъ разсказѣ о французскомъ королѣ, у котораго былъ буйный сынъ. Старикъ умеръ. Do nu das kint also aufwuchse das es kam zu sein jaren,

¹⁾ Исторія..., стр. 52—58.

²⁾ Въ Vie и Histoire отецъ посылаетъ за сыномъ особый отрядъ; Робертъ разбилъ этотъ отрядъ, ослабилъ пѣнниковъ и отослалъ ихъ къ отцу. Въ латинскомъ разсказѣ XIII вѣка грѣхи юности Роберта описываются кратко: qui cum creveret per processum temporis, crescebat malicia plus et plus in eo, ita primo quod mammas nutricum mordebat, post major alios percuciebat, post quem occurrebat, destruebat et rapiebat, post virgines rapiebat et deflorabat et conjugatas, homines capiebat et occidebat; et cum, procedente tempore, cresceret in flagitiis, factus miles, fit magis scelestus. Въ стихотвореніи: De vorlorne Nonne не говорится ни о чемъ подобномъ,—обстоятельство, котораго приведется коснуться въ слѣдующей главѣ.

do starb sein vater der kunig von franckenreich. Сынъ настѣдовалъ тронъ, но, сдѣлавшись королемъ, остался такимъ же необузданнымъ буйномъ, какъ и прежде. Умеръ отъ горя и австрійскій герцогъ, о которомъ рассказываетъ старо-англійское стихотвореніе ¹⁾. Sir Gowther сталъ герцогомъ, но продолжалъ вести прежнюю жизнь.

7) Въ душѣ Роберта совершается перемѣна. Задумавъ покаяться и исправиться, онъ идетъ въ Римъ къ святому отцу. Тотъ отправляетъ его къ благочестивому отшельнику, который выслушавъ исповѣдь разбойника, назначаетъ ему суровую эпитимію.

Cum aliquando mater sua ei dixisset, commota ad querelas conque-
rencium de eo, quod pro nihilo circa eum laboraretur, quia constabat ei, quod non faceret, nisi malum, ipsam impetit extracto gladio
dicens, quod aut eam occideret aut ei diceret, cur hoc ei dixerat et
cur esset ita malus, ipsa autem, timore perterrita, refert, quomodo eum
dyabolo dederat... Такъ рассказываетъ латинская проза XIII вѣка.

... обстоятельства, вызвавшія переломъ въ на-
каются съ подробностями, не упомянутыми
сѣднимъ злодѣяніемъ Роберта,—говорится въ
на женскій монастырь. Монахини были пе-
я преданы огню. Вслѣдъ за тѣмъ Робертъ
(château d'Arques), гдѣ находилась его мать.
иника всѣ разбѣгаются; никто не является
Это одиночество, этотъ общій ужасъ пора-
душѣ поднимаются мучительные вопросы:
отчего всякая добрая мысль тотчасъ же за-
ми, не добрыми влеченіями. Робертъ дога-
зла должна скрываться въ самомъ его ро-
казъ о свиданіи Роберта съ матерью, кото-
требованію сына, открываетъ ему тайну де-
его зачатіе. Сказаніе (Dit) не упоминаетъ о
і монастырь ²⁾; послѣднимъ преступленіемъ
раскаяніе въ его душѣ, представляется убій-
эвъ. Vie и Historie увеличиваютъ число этихъ
оберта до семи. Онъ встрѣтилъ *старцевъ пи-*

Robertus...
 Die...
 Die...
 Die...

¹⁾ Въ ниже-пѣмецкомъ разсказѣ:

Do it to achte yaren quam,
de dot do den vader nam.

²⁾ Въ нормандской хроникѣ есть разсказъ о нападеніи на женскій мона-
стырь, но разсказъ этотъ помѣщенъ передъ извѣстіемъ о посвященіи Роберта
въ рыцари.

самыхъ мужественнѣйшихъ кавалеровъ потеряли тутъ жизнь свои мѣсто сраженія покрылось обломками оружія, отрубленными членами и убитыми лошадьми. Робертъ еще не преставалъ сражаться; и герцогъ, отецъ его, приказалъ прекратить поединки и объявилъ, что турниръ уже окончился: но сынъ его нисколько не внималъ его повелѣніямъ и дышалъ единственно только кровопролитіемъ и убійствомъ. Восемь оставшіеся кавалеры, не взирая ни на число, ниже на неравенство силъ, соединились для совокупнаго на его нападенія. Робертъ дожидаясь ихъ съ твердостью и, чтобъ не быть себѣ обхвачену съ боковъ, приказалъ двумъ своимъ товарищамъ подкрѣпить себя и защищаясь съ толпнымъ мужествомъ, что принудило трехъ своихъ соперниковъ грызть землю. Наконецъ народъ, на его негодуя за столь многую пролитую кровь, заропталъ и возмущился. Робертъ, безразсудный Робертъ дерзнулъ и на его напасть; уже чернота (la populace) начала въ него бросать камнями, и бунтъ начиналъ быть всеобщій. *Герцогиня съ заплаканными глазами бросается въ сраженіе, вбѣгаетъ предъ Роберта и показываетъ видъ, что на мртвца она падетъ на колѣни: тогда-то онъ, постыдившись сего движенія, отдалъ оружіе своей матери и далъ себя вести въ покои: (au palais) ¹⁾.*

При описаніи посвященія Роберта въ рыцари нормандская хроника вводитъ еще такую подробность: когда отецъ взялъ мечъ чтобы дать новому рыцарю обычный обрядовой ударъ, сынъ обнялъ и свой: онъ поразилъ бы отца, еслибы его не удержали. Описание турнира опущено. Изображеніе неудачнаго рыцарства Роберта въ хроникѣ и сказаніи (Dit) предшествуетъ разсказу объ образованіи разбойничьей шайки ²⁾.

Любопытную особенность находимъ въ нѣмецкомъ разсказѣ французскаго короля, у котораго былъ буйный сынъ. Старикъ умеръ. *Do nu das kint also aufwuchse das es kam zu sein jagen*

¹⁾ Исторія..., стр. 52—58.

²⁾ Въ Vie и Histoire отецъ посылаетъ за сыномъ особый отрядъ; Робертъ разбилъ этотъ отрядъ, ослѣпилъ пленныхъ и отослалъ ихъ къ отцу. Въ латинскомъ разсказѣ XIII вѣка грѣхи юности Роберта описываются кратко: *qu cum cresceret per processum temporis, cresecebat malicia plus et plus in eo, ita primo quod mammas nutricium mordebat, post major alios percuciebat, post quem occurrebat, destruebat et rapiebat, post virgines rapiebat et deflorabat et conjugatas, homines capiebat et occidebat; et cum, procedente tempore, cresceret in flagitiis, factus miles, fit magis scelestus.* Въ стихотвореніи: *De vorlon* Sone не говорится ни о чемъ подобномъ,—обстоятельство, котораго приведетъ коснуться въ слѣдующей главѣ.

do starb sein vater der kunig von franckenreich. Сынъ наследовалъ тронъ, но, сдѣлавшись королемъ, остался такимъ же необузданнымъ буйномъ, какъ и прежде. Умеръ отъ горя и австрійскій герцогъ, о которомъ рассказываетъ старо-англійское стихотвореніе ¹⁾. Sir Gowther сталъ герцогомъ, но продолжалъ вести прежнюю жизнь.

7) Въ душѣ Роберта совершается перемѣна. Задумавъ покаяться и исправиться, онъ идетъ въ Римъ къ святому отцу. Тотъ отправляетъ его къ благочестивому отшельнику, который выслушавъ исповѣдь разбойника, назначаетъ ему суровую эпитимію.

Cum aliquando mater sua ei dixisset, commota ad querelas conque-rencium de eo, quod pro nihilo circa eum laboraretur, quia constabat ei, quod non faceret, nisi malum, ipsam impetit extracto gladio dicens, quod aut eam occideret aut ei diceret, cur hoc ei dixerat et cur esset ita malus, ipsa autem, timore perterrita, refert, quomodo eum dyabolo dederat... Такъ рассказываетъ латинская проза XIII вѣка. Въ другихъ пересказахъ обстоятельства, вызвавшія переломъ въ настроеніи Роберта, изображаются съ подробностями, не упомянутыми въ латинской статьѣ. Последнимъ злодѣяніемъ Роберта, — говорится въ романѣ. — было нападеніе на женскій монастырь. Монахини были перебиты, зданія монастыря преданы огню. Вслѣдъ за тѣмъ Робертъ отирается въ замокъ (château d'Arques), гдѣ находилась его мать. При приближеніи разбойника всѣ разбѣгаются; никто не является даже взять его лошадь. Это одиночество, этотъ общій ужасъ поражаютъ Роберта. Въ его душѣ поднимаются мучительные вопросы: отчего онъ такой злой, отчего всякая добрая мысль тотчасъ же заглушается въ немъ иными, не добрыми влеченіями. Робертъ догадывается, что причина зла должна скрываться въ самомъ его рожденіи... Слѣдуетъ рассказъ о свиданіи Роберта съ матерью, которая, по настойчивому требованію сына, открываетъ ему тайну демонскаго вліянія на его зачатіе. Сказаніе (Dit) не упоминаетъ о нападеніи на женскій монастырь ²⁾; последнимъ преступленіемъ Роберта, вызвавшимъ раскаяніе въ его душѣ, представляется убійство трехъ пустынниковъ. Vie и Historie увеличиваютъ число этихъ послѣднихъ жертвъ Роберта до семи. Онъ встрѣтилъ *старцевъ пи-*

¹⁾ Въ ниже-пѣмецкомъ рассказѣ:

Do it to achte yaren quam,
de dot do den vader nam.

²⁾ Въ нормандской хроникѣ есть рассказъ о нападеніи на женскій монастырь, но рассказъ этотъ помѣщенъ передъ извѣстіемъ о посвященіи Роберта въ рыцари.

лириковъ въ лѣсу. «Нещастіе,—разсказываетъ Исторія,—привело къ нему семь пустынноковъ (Hermites), *проходившихъ черезъ Нормандію и возвращавшихся изъ Рима*. Сіи злощастные сами къ нему пришли спрашивать дороги». Робертъ притворился сначала благочестивымъ, разспрашивалъ пилигримовъ объ ихъ путешествіи, а потомъ перевелъ разговоръ на искушенія, которымъ подвергаются пустытники. При этомъ по знаку Роберта появились передъ монахами пять молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ разбойники скрывали въ укрѣпленіи, построенномъ среди лѣса. Пустытники бѣжали, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ (en faisant de grand signes de croix). Робертъ погнался за ними и двухъ убилъ. Одинъ изъ оставшихся обратился къ Роберту съ грозной обличительной рѣчью. «По сихъ словахъ Робертъ разъярился; а *пустытники на него напали* (les Hermites s'élancent sur lui): лишь только сблизилъ его съ ногъ, то женщины подняли ужасный крикъ, который даже услышанъ былъ и въ крѣпости, откуда трое законопреступниковъ выскочили на помощь Роберту; пустытники, симъ уstraшенные, побѣжали, а Робертъ, съ товарищами своими погнавшись за ними, умертвилъ всѣхъ ихъ одного послѣ другаго. Одинъ изъ нихъ умирая сказалъ Роберту съ спокойнымъ и веселымъ духомъ: Робертъ! ты радуешься, а душа твоя раздирается; я никакъ не промѣню моей участи на твою: умираю невиненъ и безъ всякаго смущенія: я тебя прощаю; да и худо бы я поступилъ, когда бы пустился во гробъ съ мерзостѣйшимъ чувствованіемъ ненависти; о! когда бы и небо тебя простило также, какъ я! Прости; я тебя не ненавижу и предвижу, что грызенія совѣсти обратятъ тебя къ добродѣтели; вспоминай о мнѣ и моихъ товарищахъ только въ подобное сему время и будь увѣренъ, что мы всѣ тебя простили». Слова умирающаго, его спокойствіе передъ смертью тронули Роберта и подготовили его раскаяніе. Разговоръ съ матерью завершилъ перемѣну въ его душѣ¹⁾. Въ нормандской хроникѣ подробности обращенія Роберта передаются иначе. Старый герцогъ послѣ того какъ сынъ его сталъ во главѣ разбойничьей шайки, объявилъ Роберта лишеннымъ покровительства закона: каждый могъ безнаказанно отнять у него свободу и жизнь. Этимъ объявленіемъ воспользовался виконтъ de Coustances, у котораго Робертъ убилъ сына. Собравъ дружину, виконтъ напалъ на Роберта; разбойничья банда была разбита; предводитель ея, тяжело раненный, находитъ убійщице у какого-то отшельника. Тотъ ухаживаетъ за больнымъ и

¹⁾ Исторія..., стр. 72—85.

усиѣваетъ вылечить не только тѣло, но и душу Роберта: подѣ влияніемъ благочестиваго пустычника разбойникъ перерождается, отрѣкается отъ прежней жизни и отдается заботамъ о спасеніи своей души. Въ нѣмецкой статьѣ, изданной Боринскимъ, раскаяніе молодаго французскаго короля связано съ описаніемъ неудавшагося сѣзда знатныхъ людей. *Nu geschah zu einen zeiten das ein grosser hofi wart aussgeruffet yn dem lande zu frankenreich. Zu dem hofe komen uil furtsten und heren dy dar zu besant nnd geladen wurden.* Когда стало извѣстно, что на этомъ собраніи будетъ присутствовать и молодой король, никто не явился на зовъ. Король, подѣ влияніемъ чувства стыда и оскорбленнаго достоинства, созываетъ совѣтъ и проситъ объяснить причину того страха, который охватилъ приглашенныхъ на сѣздъ. Совѣтъ намекаетъ королю на его жестокость, а за разъясненіемъ причины зла предлагаетъ обратиться къ матери. Подобныя же подробности передаются и въ поэмѣ о *Gowther*'ѣ ¹⁾.

Послѣ свиданія съ матерью и раскрытія тайны рожденія Робертъ отправляется въ Римъ. *Quod (сказанное матерью) cum audisset, —* передаетъ *Etienne de Bourbon, — relictis omnibus, ivit Romam ingerens se, quomodo posset confiteri papae multo liens. Ad ultimum, in quadam processione, per pedes eum arripit, dicens, quod prius se occidi permitteret, quam non loqueretur ei. Qui cum audisset eum, misit eum ad quemdam sanctum inclusum; qui cum in missa sua rogaret dominum, quod intimaret, quam penitenciam ei injungeret, quia perplexus erat de hoc, quod factum ejus audierat, mittitur ei per columbam quaedam carta, in qua erat scriptum, quod daret ei in penitencia, quod de cetero non loqueretur, nisi de licencia dicti inclusi; quod fatuum se faceret, et injurias sibi illatas a pueris et aliis sibi pacienter portaret, et quod de cetero cum canibus jaceret et non comederet, nisi (quod) ab eis auferret. Quam cum audiret, accepit penitenciam illam gratanter quasi munus a deo sibi missum, promittens, ut hanc penitenciam consummaret. Tonsus ut fatuus ab heremita ivit ad civitatem regiam; insecutus a pueris, ascendit aulam regiam, pugnat cum canibus, rapit ea, quae eis prociuntur, ab eorum dentibus; curiales prociabant ossa et alia eis, ut viderent pugnam eius et canum. Cum autem rex perpenderet, quod aliter non vellet comedere, nisi prociaretur canibus, multa eis prociabat, ut ille, quem fatuum credebat, ea*

¹⁾ Въ испанской драмѣ съ содержаніемъ, взятымъ изъ преданій о Робертѣ, грѣшникъ исправляется послѣ явленія Христа, который обращается къ разбойнику съ словами обличенія и увѣщанія (*Breul*, 95—96, 232).

comederet. Nolebat jacere, nisi cum canibus sub gradibus, ubi pernoctabat in fletu et oracione. Rex autem, multum ei compaciens, non sinebat eum molestari. Въ романѣ покаяніе Роберта изображается съ такими же подробностями. Кающійся грѣшникъ бросилъ свой мечъ, обрѣзаль волосы и пустился въ путь. Придя въ Римъ, онъ убѣдился, что увидѣть «святаго апостола» не легко. Робертъ прибѣгаетъ къ хитрости: прокрадывается незамѣтно въ капеллу св. Іоанна, гдѣ папа каждый день служилъ мессу, и куда не пускали обыкновенно никого. Когда обѣдня окончилась, Робертъ приблизился къ папѣ, распростерся передъ нимъ и, обнявъ его ноги, съ слезами молилъ выслушать исповѣдь грѣшника. Служители хотѣли отогнать Роберта, они готовы даже убить его, но папа ихъ останавливаетъ, выслушиваетъ признанія грѣшника и приказываетъ ему идти къ благочестивому отшельнику, жившему недалеко отъ Рима. Робертъ исполняетъ приказаніе. Пустынникъ затрудняется указать способъ покаянія для такого необычнаго грѣшника; покаяніе для него можетъ быть определено только волей Божіей. Послѣ долгой пламенной молитвы Роберта и старца совершается чудо: съ неба упало письмо, въ которомъ изложены были нужныя наставленія. Робертъ долженъ былъ выдерживать тройную эпитимію: долженъ юродствовать, притвориться безумнымъ и, ходя по улицамъ, терпѣливо переносить толчки и удары прохожихъ; долженъ притворяться нѣмымъ, не произносить ни одного слова, что бы ни случилось; долженъ, наконецъ, питаться только вмѣстѣ съ собаками. Выслушавъ это повелѣніе, Робертъ спѣшитъ приступить къ его исполненію. «Съ палкою въ рукахъ, которой онъ угрожаетъ каждому, не приводя, однако, въ исполненіе своей угрозы, въ одеждѣ юродиваго онъ входитъ въ Римъ, гдѣ народъ смѣется надъ нимъ и бьетъ. Онъ молча переноситъ все, и когда оскорбленія становятся ему не подъ силу, скрывается во дворецъ императора. Здѣсь тоже привратники останавливаютъ его и бьютъ, но ему удается пробраться къ самому императору. Императору жаль этого бѣдняка, и онъ пускаетъ его подъ свой столъ, тѣмъ болѣе, что родъ помѣшательства, которымъ одержимъ Робертъ, возбуждаетъ веселость принца. Роберту даютъ кусокъ мяса, но вмѣсто того чтобы его взять, онъ позволяетъ схватить его находящейся тутъ же собакой, потому ссорится съ нею и отнимаетъ кусокъ. Такъ проходитъ жизнь сына нормандскаго герцога; онъ ходитъ по городу, гдѣ его бьютъ, возвращается драться съ собакой за порцію хлѣба подъ столъ императора, не произносить ни одного слова и стыдится въ одной конурѣ съ

собакой» ¹⁾). Сходно въ общихъ чертахъ описывается покаяніе Роберта и въ другихъ пересказахъ; разницы касаются подробностей. Въ хроникѣ и въ поэмѣ о Gowther'ѣ эпитимія налагается на Роберта не отшельникомъ, а самимъ папой. Въ Dit и Histoire говорится, что передъ отправленіемъ въ Римъ Робертъ направился къ своей дружинѣ и сообщилъ ей о своемъ намѣреніи отказаться отъ прежней жизни; убѣдившись, что дружинники не выказываютъ желанія подражать теперь своему бывшему вождю, Робертъ перебилъ одного за другимъ всѣхъ нераскаивныхъ грѣшниковъ. Въ рассказъ о путешествіи въ Римъ Histoire вводитъ нѣсколько приключеній, неизвѣстныхъ по болѣе древнимъ пересказамъ: въ какомъ-то савойскомъ городѣ Робертъ выступаетъ на сценѣ въ роли Полифема; вытаскиваетъ затѣмъ изъ болота завязшаго въ немъ рыцаря, оказываетъ покровительство молодымъ супругамъ, бѣжавшимъ отъ преслѣдованій тещи. Въ нѣмецкомъ рассказѣ о французскомъ королѣ нѣсколько особенностей: кающійся идетъ сначала къ священнику, отъ него къ епископу, далѣе—къ папѣ, наконецъ—къ отшельнику ²⁾; въ составъ эпитиміи введена новая подробность—хождение на четверенькахъ (*er solt kriechen auf dem ertrich, als eine vihe*); время покаянія въ большей части пересказовъ *семь лѣтъ*, въ нѣмецкой статьѣ—*шесть*; кающійся не возвращается въ Римъ, а идетъ въ Апулію, ко двору неаполитанскаго короля: *Vnt er schide sich mit grossen freuden von dem Einsidel vnd kam... in das lant gen Pullen (Apulien) an des kunigs hoff gen Napels.*

8) По истеченіи семи лѣтъ, въ продолженіе которыхъ Робертъ терпѣливо выдерживалъ наложенную на него эпитимію, онъ отправился въ Іерусалимъ и жилъ тамъ отшельникомъ до блаженной кончины. *Robert... apres ce qu'il ot esté sept ans à Romme sanz parler, il ala a Jherusalem ou il fust hermite toute sa vie et vesqui et mourut tres saintement.* Такъ говоритъ нормандская хроника. Во всѣхъ остальныхъ пересказахъ содержаніе заключительной части повѣсти о Робертѣ—иное. Въ латинской прозѣ XIII вѣка передается слѣдующее. На страну, гдѣ отбывалъ Робертъ свою эпитимію, напали какіе-то враги (*barbari*). Ангелъ Господень явился Роберту, повелѣвая ему принять участіе въ битвѣ, привелъ кающагося къ источнику, который находился въ царскомъ саду, и далъ ему тамъ бѣлое вооруженіе съ краснымъ крестомъ и бѣлаго коня (*eum arma-*

¹⁾ *Литтре*, *op. cit.*, 253.

²⁾ Подобный же порядокъ въ *De vorl. Sone*.

vit armis albis cum cruce rubra et imposuit super equum album). Вооружившись, Робертъ поспѣшилъ къ мѣсту битвы, разбилъ и прогналъ враговъ, а затѣмъ, слѣдуя наставленію, данному ангеломъ, сложилъ оружіе и оставилъ коня на томъ мѣстѣ въ саду, откуда отправился въ бой. Была у царя нѣмая дочь. Она видѣла изъ окна, какъ Робертъ отправился въ путь и какъ сложилъ оружіе послѣ побѣды. Когда царь вернулся домой и сталъ спрашивать о рыцарѣ въ бѣломъ вооруженіи, дѣвушка указала на юродиваго, но отецъ не обратилъ на это вниманія. Спустя нѣкоторое время, враги снова напали на царя, у котораго пріютился Робертъ. По повелѣнію ангела, Робертъ отправляется къ источнику, вооружается, какъ прежде, бросается въ бой и одерживаетъ побѣду. Царь, слѣдившій за дѣйствіями неизвѣстнаго рыцаря, отдалъ своимъ дружинникамъ приказаніе схватить побѣдителя, желая наградить его по заслугѣ. Одинъ изъ дружинниковъ, пытаясь исполнить волю царя, но не имѣя силъ догнать Роберта, пустилъ въ него копье и ранилъ побѣдителя въ ногу, при чемъ желѣзный наконечникъ копья остался въ ранѣ. Робертъ, добравшись до источника, снялъ вооруженіе, вынулъ желѣзо изъ раны и прикрылъ ее (*mustum supra vulnus posuit*). Царская дочь, видѣвшая все это, поспѣшила къ источнику и взяла брошенный Робертомъ наконечникъ копья. Царь объявилъ между тѣмъ, что отдаетъ побѣдителю руку своей дочери и признаетъ его своимъ наследникомъ. Сенешаль царскій, узнавъ о такой наградѣ, задумалъ обмануть своего повелителя: ранилъ себя въ ногу, отломилъ желѣзо у копья и представилъ его, какъ доказательство своихъ подвиговъ; воинъ, ранившій Роберта, хотя и видѣлъ обманъ, не рѣшился, однако, заявить, что представленный сенешалемъ обломокъ копья не тотъ, которымъ раненъ былъ побѣдитель. Нѣмая царевна знаками старалась объяснить, что она отвергаетъ притязанія сенешаля, и продолжала указывать на Роберта. Когда король рѣшился силой принудить дочь подчиниться его рѣшенію, отверзъ Господь уста нѣмой; она рассказала отцу все, что видѣла, и принесла наконечникъ копья, который дружинникъ призналъ своимъ. Въ это же время, по Божію откровенію, пришелъ пустынный, наложившій епитимію на Роберта, и разрѣшилъ ему прервать молчаніе. Истина открывается ¹⁾). Въ другихъ пересказахъ повѣсти о Робертѣ основное содержаніе послѣдняго отдѣла передается сходно съ латинской статьёй; отличія заклю-

¹⁾ Въ *Vie* явившійся пустынный говоритъ: *vous êtes maintenant agréable à Dieu, car au lieu de diable vous aurez nom l'homme de Dieu.*

чаются лишь въ прибавленіи или опущеніи тѣхъ или другихъ подробностей. Въмѣсто неопредѣленныхъ варваровъ (*barbari*) въ романѣ и въ позднѣйшихъ пересказахъ являются турки или сарацины; три раза подступаютъ они къ Риму и каждый разъ отражаются Робертомъ. Нѣмецкій разсказъ говоритъ о двухъ приступахъ къ Неаполю; нападаютъ «турки и невѣрные» (*dy Turcken vnd dy vnglaubigen*). Въ англійскомъ стихотвореніи рѣчь идетъ о войнѣ съ персами; при каждомъ изъ трехъ нападений герой появляется въ вооруженіи неодинаковаго цвѣта (чернаго, краснаго, бѣлаго); о продѣлкахъ сенешиа не упоминается ¹⁾.

Побѣдителю царь (король, императоръ) предлагаетъ руку дочери, но Робертъ отказывается отъ брака. Отказывается онъ также отъ нормандскаго наслѣдства и удаляется въ пустыню. *Cum autem rex vellet ei filiam suam unigenitam dare et regnum suum resignare et illud ei dimittere, et homines patris sui, hoc audientes, eum repeterent, ut eis dominaretur, noluit eos exaudire; sed cum dicto heremita, relictis omnibus, ivit et heremiticam duxit vitam.* Таково же заключеніе романа о Робертѣ и нѣмецкаго разсказа о французскомъ королѣ. Романъ прибавляетъ, что по смерти Роберта тѣло его принесено было въ Римъ и погребено у святаго Іоанна, именуемаго Латранскимъ, какъ войти въ церковь—направо:

Enterré l'ont à Saint Iehan,
Celui que l'on dit de Latran,
Si com entre et moustier à destre.

Позже мощи св. Роберта перенесены были во Францію графомъ Пюи (Pui) и положены въ основанномъ имъ монастырѣ.

Въ другихъ пересказахъ (*Dit, Vie, Histoire*) повѣсть заканчивается извѣстіемъ о бракѣ побѣдителя съ дочерью царя, при дворѣ котораго жилъ каявшійся удалецъ. Послѣ женитьбы,—говоритъ *Vie*,—Робертъ возвратился на родину и принялъ на себя управление Нормандіей (отецъ Роберта умеръ еще до возвращенія сына). Послѣ долгой добродѣтельной жизни герцогъ Робертъ скончался, оставивъ сына Ришара, который прославился, какъ участникъ походовъ Карла Великаго. Также оканчивается *Исторія* ²⁾. Припомнимъ при этомъ

¹⁾ Въ *De vorl. Sone* Робертъ узнается не царевной, а побѣжденнымъ султаномъ.

²⁾ Поэма о *Gowther*'ѣ оканчивается разсказомъ о томъ, какъ онъ вернулся въ Австрію, какъ потомъ наслѣдовалъ владѣнія и корону императора, какъ много сдѣлалъ добра при жизни и какъ, наконецъ, прославился чудотвореніями по смерти

заключение Чулковской сказки о Васильѣ Буслаевичѣ: «Онъ владѣлъ надъ Новымъ-Градомъ съ мудростью и милостью. Никто не смѣлъ на него подняться, всѣ сосѣди присылали къ нему мирныхъ пословъ со дары многими... Онъ княжилъ лѣты многія, проживалъ годы мирныя».

IV.

Вторая часть повѣсти о Робертѣ (разсказъ объ его борьбѣ съ невѣрными) встрѣчается, какъ мы видѣли, не во всѣхъ пересказахъ. Нормандская хроника, сохранившая одинъ изъ старѣйшихъ вариантовъ повѣсти, не говоритъ ни объ юродствованіи Роберта при дворѣ какого-то царя, ни о побѣдахъ, одержанныхъ покаявшимся удалцомъ. Пересказъ хроники заканчивается извѣстіемъ о путешествіи Роберта въ Иерусалимъ и объ его пустынножителствѣ въ Палестинѣ. Нижнепѣмецкое стихотвореніе (*De vorlogne Sone*) отступаетъ отъ другихъ вариантовъ въ изображеніи дѣтства и юности человѣка, обреченнаго дьяволу. *Vorlogne Sone* чуждъ тѣхъ дурныхъ наклонностей, той жестокости и буйства, которыя доставили Роберту прозвище дьявола. Герой нѣмецкаго разсказа—юноша даровитый и добрый, возбуждающій общія симпатіи:

de moder settede ! to der schole dat kunt,
 wysheyt he beghunde leren synt,
 also dat he wart kunsten ryk;
 he was ok houesch vnde mynnechlyk,
 leftalych vnde ok wol ghehogen!
 se worden alle ghudes hoghen
 alle de ene angheseghen (vv. 144—150)

Удаленіе юноши изъ родительскаго дома объясняется скорбью и слезами матери. Узнавъ причину ея печали, обреченный демону пускается въ путь, чтобы отыскать человѣка, который помогъ бы ему избавиться отъ власти духа тьмы. Видимъ такимъ образомъ, что пересказы разсматриваемой нами саги представляютъ существенную разницу въ передачѣ и вступительной и заключительной части повѣствованія. Какъ же объяснить эту разницу? Какой изъ видовъ повѣсти слѣдуетъ признать болѣе близкимъ къ основному?

Отвѣтъ на эти вопросы можетъ дать сравненіе нашей повѣсти съ такими разсказами, которые несомнѣнно родственны съ преданіями о Робертѣ, но составъ которыхъ менѣе сложенъ, болѣе удобенъ для историко-литературнаго анализа.

1) Давно уже отмѣчено близкое сходство сказанія о Робертѣ съ легендой о чловѣкѣ, обреченномъ дьяволу и спасшемся отъ его власти при помощи св. Дѣвы. Первый указалъ на эту легенду *Pichard* въ указанной выше статьѣ: *Le Dict de Robert le Diable* ¹⁾; въ дополнительномъ примѣчаніи къ статьѣ напечатанъ текстъ легенды по рукописи парижской національной бібліотеки. По той же рукописи, болѣе точно, чѣмъ *Pichard*'омъ,—издана легенда въ приложеніи къ книгѣ *Wreul*'я ²⁾. Нѣсколько рукописныхъ пересказовъ указали *Mussaſia* и *Tobler* ³⁾. Не осталась неизвѣстной эта легенда и въ греко-славянскомъ мірѣ. Пересказъ ея внесенъ въ сборникъ благочестивыхъ размышленій и легендъ, составленный монахомъ *Агапіемъ* подъ заглавіемъ: *Ἀμαρτωλῶν σωτηρία*; извѣстны славянскіе переводы этого сборника, русскій и болгарскій ⁴⁾.

¹⁾ *Revue de Paris*. 1834, VII, 44.

²⁾ *Op. cit.*, стр. 210.

³⁾ *Mussaſia*, Studien zu den mittelalterlichen Marien-Legenden, 50, 56, 84 (*Sitzungsberichte der Wiener Akademie*, 1888, Bd. CXV); *Tobler*, Altfranzösische Legenden, 21 (*Jahrbuch f. roman. und engl. Litter.*, hrsg. von *Ebert*, 1866, VII, 412—413). Легенда извѣстна и въ драматической обработкѣ: *Un miracle de Notre Dame d'un enfant qui fu donne au dyable quant il fu engendre* (изданъ въ сборникѣ: *Miracles de Notre Dame publiés par G. Paris et U. Robert*, I, и отдѣльно *Keller*'омъ. *Ср. Götting. gel. Anzeigen*, 1867, II, 912; *Revue Critique* 1866, pp. 103—105).

⁴⁾ Полное заглавіе труда Агапія такое: Βιβλίον ὑπαιότατον κηλοόμενον Ἀμαρτωλῶν Σωτηρία συντεθέν εἰς κοινὴν τῶν Γραικῶν διάλεκτον παρὰ Ἀγαπίου μοναχοῦ τοῦ Κρητός. Въ книгѣ три части; легендарный матеріалъ собранъ преимущественно въ послѣдней, содержащей чудеса Пресвятой Дѣвы. Авторъ бралъ этотъ матеріалъ частью изъ греческихъ синаксарей и патериковъ, частью изъ западныхъ источниковъ: онъ указываетъ на βιβλία διαφορά Ἰταλικά καὶ Ῥωμαϊκά, упоминаетъ о Цезаріи (*Caesarius Heisterbacensis*) и Винценціи (*Vincentiu Bellovacensis*). Книга Агапія имѣла нѣсколько изданій (1641, 1671, 1803, 1840, 1883). Въ рукописномъ сборникѣ XVII вѣка московской синодальной бібліотеки (№ III—337) помѣщены въ переводѣ два отрывка изъ книги: Ἀμαρτωλῶν Σωτηρία: относительно втораго отрывка въ описаніи синодальныхъ рукописей замѣчено: «черновой списокъ, правленный рукою Евѣмїя монаха» (II, 3, стр. 808—809, 812). Въ числѣ рукописей архангельской семинаріи упоминается «Гръшныхъ спасеніе, твореніе пустынножителя Агапія святогорца. Въ сей книгѣ написаны чудеса Пресвятыя Богородицы, числомъ 67» (*Викторовъ*, Описи рукописныхъ собраній сѣверной Руси, стр. 56). Судя по послѣднему замѣчанію, архангельская рукопись содержитъ переводъ только послѣдней части греческой книги. Въ отчетѣ Императорской публичной бібліотеки за 1876 г. (стр. 44) указанъ рукописный сборникъ XVIII в. (Q. I. 786), заключающій въ себѣ переводъ того же отдѣла чудесъ изъ книги Агапія. У меня есть списокъ перевода первой части; заглавіе: «Книга пренерядная, именуемая Амартоловъ Сотирія, си-

Содержаніе легенды слѣдующее.

Жила въ нѣкоемъ городѣ благочестивая чета. Избѣгая плотскихъ утѣхъ, мужъ и жена порѣшили воздерживаться отъ супружескаго общенія. Долгое время они хранили свой обѣтъ, но остаться ему вѣрными до конца не смогли. Обѣтъ былъ нарушенъ по невоздержности мужа. Жена, нехотя уступившая его желанію, въ досадѣ обрекла дьяволу зачатое дитя (*laquelle en eust si grant dueil quelle donna au deable lenfant se point en engendroit*¹⁾). Родился хорошенькій мальчикъ. Мать часто плакала надъ нимъ, припоминая свое неосторожное слово. Когда мальчикъ подросъ, онъ сталъ спрашивать мать, о чемъ она такъ часто плачетъ. Женщина долго не рѣшалась объяснить причину своего горя, но, наконецъ, по настоятельной просьбѣ сына, открыла ему свою тайну. Юноша, желая спасти свою душу и тѣло отъ власти дьявола, отправился къ папѣ и рассказалъ ему о своей бѣдѣ; папа послалъ его къ епископу іерусалимскому (*a levesque de Jerusalem*), а тотъ направилъ къ святому отшельнику. Пустынникъ, выслушавъ рассказъ несчастнаго, молится вмѣстѣ съ нимъ Господу объ избавленіи отъ лукаваго. Разъ, когда святой мужъ служилъ обѣдню, явился дьяволъ, схватилъ обреченнаго ему и понесъ въ адъ. Но благословенная Дѣва Марія защитила несчастнаго, исторгла его изъ рукъ демона и передала пустыннику. Тогда отшельникъ и мальчикъ, узнавъ, что молитва ихъ услышана, воздали благодареніе Богу и Дѣвѣ Маріи. И возвратился отрокъ къ родителямъ своимъ и жилъ свято (*et revint li enfes a son pere et a sa mere et mena sainte vie*).

Кромѣ этого краткаго извода, легенда о человѣкѣ, обреченномъ дьяволу, встрѣчается еще въ двухъ редакціяхъ болѣе сложнаго со-

рѣчь: грѣшныхъ спасеніе, юже сочини на греческій простый языкъ многимъ прилѣжаніемъ Агапій, критянинъ, скитствующій во стѣи горѣ Аеонстѣи и исправи той же и печатію издаде в Венециѣ (имѣется, вѣроятно, въ виду изданіе 1641 года). Въ болгарскомъ переводѣ задана послѣдняя часть труда Агапія: «Чудеса Пресвятыя Богородицы преведени отъ книга нарицаемая Грѣшникомъ спасеніе» (1817, 1846, 1851). У меня были въ рукахъ Венеціанское изданіе греческаго текста 1888 года и болгарскій переводъ въ изданіи 1846 г. Этими книгами я пользовался изъ библіотеки П. А. Сыржу, которому приношу глубокую благодарность. Считаю не бесполезнымъ перепечатать въ приложеніи (№ VIII) легенду о человѣкѣ, обреченномъ демону, въ греческомъ пересказѣ и въ русскомъ его переводѣ.

¹⁾ Въ пересказѣ, занесенномъ въ *Speculum Historiale Vincentii Bellovacensis*, слова женщины переданы такъ: *quidquid in hac nocte a nobis fuerit operatum, sit maledictum et a dyabolo mancipatum (Lib. VIII, cap. CXV: De puero in vigilia Paschae concepto, quem Dei genitrix eripuit ab inferno)*.

става. Въ одной изъ этихъ редакцій легенда соединяется съ сказкой о мнимомъ шелудякѣ, въ другой — съ сказаніемъ о покаявшемся разбойникѣ

2) Сказка о шелудякѣ (Grindkopf) извѣстна въ многочисленныхъ пересказахъ¹⁾. На основаніи ихъ сравненія сказка можетъ быть раздѣлена на двѣ части. Вторая часть въ общихъ ея чертахъ передается одинаково во всѣхъ пересказахъ. Въ нѣкоторомъ царствѣ появляется юноша чужеземецъ, скрывающій свое имя²⁾. Голова юноши покрыта повязкой или пузыремъ; въ нѣкоторыхъ вариантахъ объясняется значеніе этой повязки: юноша утверждаетъ, что голова у него шелудивая, а потому онъ и закрываетъ ее. Юноша поступаетъ на службу при царскомъ дворѣ: помогаетъ царскому садовнику или повару. Спустя нѣкоторое время, на страну, гдѣ нашель себѣ пріютъ шелудякъ, напали сосѣди. Враги разбиты были какимъ-то неизвѣстнымъ удалцемъ, скрывшимся послѣ побѣды. На-

¹⁾ Рядъ вариантовъ этой сказки указали: *Grimm* (Märchen, Anmerk. zu № 136: Der Eisenhans), *R. Köhler* (Jahrbuch f. roman. und engl. Litteratur; VIII, 253; Sicilianische Märchen, ges. v. *Laura Gonzenbach*, № 26, II, 222; *Zeitschrift für romanische Philologie*, II, 182), *Liebrecht* (Göttingische gel. Anzeigen, 1870, 1417; *Heidelberger Jahrbücher der Litteratur*, 1869, Bd. LXII, 115; Zur Volkskunde, 107), *Cosquin* (Contes populaires lorraines, № XII: Le prince et son cheval, *Romania*, 1877, t. VI, 1881. t. X). Не повторяя этихъ указаній, ограничимся перечнемъ русскихъ пересказовъ: лубочная «сказка о Иванѣ богатырѣ, крестьянскомъ сынѣ» (*Росинскій*, Русскія народныя картинки, кн. I, стр. 161—169, ср. кн. IV, стр. 163), лубочная же «сказка о Булатѣ молодцѣ» (*ibid.*, I, 170—178; IV, 163—164), «Сказка о Иванѣ Кручинѣ, купеческомъ сынѣ» (*Бронницинъ*, Русскія народныя сказки, С.-Пб., 1838, стр. 63—85), «Сказка объ Иванѣ богатырѣ» (*Московской Городской Листокъ*, 1847 г., №№ 153, 154, 155, стр. 613, 616—618, 621—622), «Незнайко» (*Аванасеевъ*, Нар. русскія сказки, изд. 2, кн. III, № 165, а—б, стр. 62—86, кн. IV, стр. 391—405), «Димитрій царевичъ» (*Худяковъ*, Великорусскія сказки, вып. I, № 4, стр. 21—25; ср. *ею же*, Матеріалы для изученія народной словесности, стр. 49), «Иванъ Ивановичъ» (*Рудченко*, Народныя южнорусскія сказки, I, № 47, стр. 100—109), «Незнайко» (*ibid.*, № 48, стр. 109—115), «Про царевича и его коня» (*Чубинскій*, Труды этнограф. экспедиціи въ Юго-Зап. край, II, № 58, стр. 214—219), «Голопузъ» (*ibid.*, № 59, стр. 219—226), «Старецъ пилигримъ» (*Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла Геогр. Общества*, т. I, вып. 3: Верхоянскій сборникъ, стр. 268—288, якутскій пересказъ).

²⁾ Поэтому въ русскихъ пересказахъ онъ называется обыкновенно „Незнайко“. Подобное же прозвище встрѣчается въ одномъ изъ нѣмецкихъ вариантовъ (*Zingele, Sagen aus Tiröl*, № 28). Упомянутое о мнимо-шелудивой головѣ во многихъ пересказахъ опущено; я удерживаю, однако, названіе: шелудякъ (Grindkopf), какъ установившееся и повторяемое въ изслѣдованіяхъ о сказкахъ.

паденіе повторилось, и снова побѣдителемъ остался невѣдомый воинъ ¹⁾). Загадка рѣшается при участіи царской дочери, которая видѣла, какъ мнимый шелудякъ отправился въ битву и какъ онъ вернулся послѣ побѣды. Сказка заканчивается бракомъ царевны съ заѣзжимъ удалцемъ. Вотъ для примѣра разсказъ одного изъ велико-русскихъ вариантовъ.

«Иванъ, купеческій сынъ,... нарядился въ бычью шкуру, на голову пузырь надѣлъ и пошелъ на взморье. По синю морю корабль бѣжить; увидали корабельщики адакое чудище—звѣрь не звѣрь, человѣкъ не человѣкъ, на головѣ пузырь, кругомъ шерстью обросло, подплывали къ берегу на легкой лодочкѣ, стали его выспрашивать, изъ ума вывѣдывать. Иванъ, купеческій сынъ, одинъ отвѣтъ ладить: «не зная!». Коли такъ, будь же ты Незнайкою! Взяли его корабельщики, привезли съ собой на корабль и поплыли въ свое королевство. Долго ли, коротко ли—приплыли они къ столеному городу, пошли къ королю съ подарками и объявили ему про Незнайку. Король повелѣлъ поставить то чудище предъ свои очи свѣтлыя. Привезли Незнайку во дворецъ, сбѣжалось народу видимо-невидимо на него глазѣть. Сталъ король его выспрашивать: «что ты за человѣкъ?»—Не знаю.—«Изъ какихъ земель?»—Не знаю.—«Чьего роду племени?»—Не знаю. Король плюнулъ и отправилъ Незнайку въ садъ: пусть де на мѣсто чучела птицъ съ яблонь пугаетъ, а кормить его наказалъ съ своей королевской кухни.

«У того короля было три дочери: старшія хороши, меньшая еще лучше! Въ скоромъ времени сталъ за меньшую королевну арабской королевичъ свататься, пишетъ къ королю съ такими угрозами: «если не отдашь ее изъ доброй воли, то силой возьму». Королю это не по праву пришло, отвѣчаетъ арабскому королевичу: «начинай де войну; что велятъ судьбы Божіи!». Собралъ королевичъ силу несмѣтную и обложилъ все его государство. Незнаюшка сбросилъ съ себя шкуру, снялъ пузырь, вышелъ на чистое поле, припалилъ волосокъ и крикнулъ громкимъ голосомъ, богатырскимъ посвистомъ. Откуда ни взялся его чудной конь—конь бѣжить, земля дрожить: «Гой еси доброй молодець, что такъ скоро меня требуешь?»—На войну пора!—Сѣлъ Незнаюшка на своего коня добраго, а конь его спрашиваетъ: «Какъ тебя высоко нести—въ полдерева или поверхъ лѣса стоячаго?»—Неси поверхъ лѣса стоячаго!—Конь поднялся отъ земли и полетѣлъ на

¹⁾ Въ нѣмецкой сказкѣ, помѣщенной въ сборникѣ бр. *Гриммъ*, королевичъ-шелудякъ является на первую битву въ красномъ вооруженіи, на вторую—въ бѣломъ, на третью — въ черномъ (№ 136: *Der Eisenhans*). Ср. подобное же разнообразіе вооруженія въ поэмѣ: *Sir Gowther*.

вражбе воинство. Наскакалъ Незнайко на непріятелей, у одного мечъ боевой выхватилъ, у другаго шишакъ золотой сдернулъ да на себя надѣлъ, закрылся налѣчникомъ и сталъ побивать силу арабскую: куда ни повернуть, такъ и летять головы—словно сѣно косить! Король и королевны съ городской стѣны смотрять да дивуются: «что за витязь такой! отколь взялся? ужь не Егорій ли Храбрый намъ помогаетъ?»—а того и на мысляхъ нѣтъ, что это тотъ самый Незнайко, что воронъ въ саду пугаетъ. Много войскъ побилъ Незнаюшко, да не столько побилъ, сколько конемъ потопталъ; оставилъ въ живыхъ только одного арабскаго королевича да человекъ десять для свиты на обратный путь. Послѣ того побоища великаго подѣхалъ онъ къ городской стѣнѣ и говорилъ: «ваше королевское величество, угодна ли вамъ моя послуга?». Король его благодарилъ, къ себѣ въ гости звалъ, да Незайка не послушался: ускакалъ въ чистое поле, отпустилъ своего добраго коня, вернулся домой, надѣлъ пузырь да шкуру и началъ попрежнему по саду ходить, воронъ пугать.

«Прошло ни много, ни мало времени, опять пишетъ къ королю арабской королевичъ: «коли не отдашь за меня меньшую дочь, то я все государство выжгу, а ее въ полонъ возьму». Королю это не показалось; написалъ въ отвѣтъ, что ждетъ его съ войскомъ. Арабской королевичъ собралъ силу больше прежняго, обложилъ государство со всѣхъ сторонъ, трехъ могучихъ богатырей впередъ выставилъ. Узналъ про то Незнаюшко, сбросилъ съ себя шкуру, снялъ пузырь, вызвалъ своего добраго коня и поскакалъ на побоище. Выѣхалъ супротивъ него одинъ богатырь; сѣхались они, поздоровались, копыями ударились. Богатырь ударилъ Незайку такъ сильно, что онъ едва-едва въ одномъ стремѣ (стремени) удержался; да потомъ оправился, налетѣлъ молодцомъ, снесъ съ богатыря голову, ухватилъ ее за волосы и подбросилъ вверхъ: «вотъ такъ-то всѣмъ головамъ летать!». Выѣхалъ другой богатырь, и съ нимъ то же сталося. Выѣхалъ третій, бился съ нимъ Незнаюшка цѣлый часъ: богатырь разсѣкъ ему руку до крови, а Незайко снялъ съ него голову и подбросилъ вверхъ; тутъ все войско арабское дрогнуло и побѣжало врозь. Въ тѣ поры король съ королевнами на городской стѣнѣ стоялъ; увидала меньшая королевна, что у храбраго витязя кровь изъ руки струится, снимала съ своей шеи платочекъ и сама ему рану завязывала; а король звалъ его въ гости. «Буду,—отвѣчалъ Незайко,—только не теперъ». Ускакалъ въ чистое поле, отпу-

стиль коня, нарядился въ шкуру, на голову пузырь надѣлъ и сталъ по саду ходить, воронъ пугать.

«Ни много, ни мало прошло времени, просваталъ король двухъ старшихъ дочерей за славныхъ царевичей и затѣялъ большое веселье. Пошли гости въ садъ погулять, увидали Незнайку и спрашиваютъ: «это что за чудовище?». Отвѣчаетъ король: «это Незнайка, живеть у меня вмѣсто пугала—отъ яблонь птицъ отгоняетъ». А меньшая королева глянула Незнайкѣ на руку, запримѣтила свой платочекъ, покраснѣла и слова не молвила. Съ той поры, съ того времени начала она въ садъ почасту ходить, на Незнайку засматриваться, про пиры, про веселье и думать забыла. «Гдѣ ты, дочка, все ходишь?—спрашиваетъ ее отецъ.—Ахъ, батюшка, сколько лѣтъ я у васъ жила, сколько разъ по саду гуляла, а никогда не видала такой умильной пташки, какую теперь видѣла!—Потомъ стала она отца просить, чтобъ благословилъ ее за Незнайку замужъ идти; сколько отецъ ее ни отговаривалъ, она все свое: «если, говорить, за него не выдашь, такъ вѣкъ въ дѣвкахъ останусь, ни за кого не пойду!». Отецъ согласился и обвѣнчалъ ихъ. Послѣ того пишетъ къ нему арабской королевичъ въ третій разъ, проситъ выдать за него меньшую дочь: «а коли не такъ, все государство огнемъ сожгу, а ее силой возьму». Отвѣчаетъ король: «моя дочь уже обвѣнчана; если хочешь, прїѣзжай — самъ увидишь». Арабской королевичъ прїѣхалъ; видя, что такое чудовище да на такой прекрасной королевнѣ обвѣнчано, задумалъ Незнайку убить и вызвалъ его на смертный бой.

«Незнайко сбросилъ съ себя шкуру, снялъ съ головы пузырь, вызвалъ своего добраго коня и выѣхалъ такимъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Съѣхались они въ чистомъ полѣ, широкою раздольѣ; бой не долго длился: Иванъ, купеческій сынъ, убилъ арабскаго королевича. Тутъ только король узналъ, что Незнайко—не чудовище, а сильно могучій и прекрасный богатырь, и сдѣлалъ его своимъ наслѣдникомъ» ¹⁾).

Захожіи юноша прикрываетъ свою голову пузыремъ, выдавая себя за шелудяка ²⁾). На самомъ дѣлѣ повязка или пузырь нужны

¹⁾ *Дюанасъевъ*, Народныя русскія сказки, III, № 165.

²⁾ Въ нѣмецкой сказкѣ королевичъ, объясняя, почему его голова всегда покрыта, говоритъ: „ich habe einen bösen Grind auf dem Kopf“ (*Grimm*, № 136). Въ русскомъ пересказѣ: „царь позвалъ садовника, спрашиваетъ его: почему никогда шапки не съмаешь? — У меня, — говоритъ Иванъ, — голова не чиста“ (*Дюанасъевъ*, № 165).

ему для того, чтобы скрыть *золотые волосы*. «Царевна пришла къ своему мужу по приказу своего отца и стала его будить, однако разбудить не могла и во время его сна увидила царевна у него на голове *златые власы*», — замѣчено въ лубочной сказкѣ объ Иванѣ богатырѣ ¹⁾. Эта подробность повторяется во многихъ пересказахъ. Даже и въ тѣхъ вариантахъ, гдѣ золотые волосы забыты, удерживается покрываніе головы, указывающее на что-то недосказанное. Нужно поэтому признать, что золотые волосы представляютъ подробность, принадлежащую основному содержанію сказки.

Вступительный отдѣлъ сказки, рассказъ о приключеніяхъ мнимаго шелудяка до его появленія въ чужомъ государствѣ, — передается разнообразно. Въ большей части вариантовъ содержаніе вступительной части таково: юноша волей или неволей оставляетъ родительскій домъ и проводитъ нѣсколько времени въ обществѣ какаго-то необыкновеннаго существа. Нѣмецкая сказка въ сборникѣ бр. Гриммъ (№ 136) рассказываетъ при этомъ о королевскомъ охотникѣ, который нашелъ въ лѣсу дикаго человѣка (ein wilder Mann). Чудовищный человѣкъ посаженъ въ клѣтку. Сынъ короля выпустилъ дикаря и унесенъ имъ въ лѣсъ. Дикарь поручилъ мальчику смотрѣть за колодцемъ съ золотой водой (Goldbrunnen). Разъ юноша нагнулся надъ колодцемъ, длинные волосы его опустились въ воду и стали золотыми: голова его сіяла, какъ солнце (das ganze Haupthaar war schon vergoldet und glänzte, wie eine Sonne). Дикій человѣкъ, узнавъ объ этомъ, разсердился на юношу и удалилъ его отъ себя, но въ благодарность за освобожденіе изъ плѣна далъ обѣщаніе являться къ царевичу всякій разъ, какъ онъ будетъ нуждаться въ его помощи. Слѣдуетъ рассказъ о появленіи юноши въ чужомъ государствѣ и объ его побѣдахъ при помощи дикаго человѣка. Русская сказка о Булатѣ молодцѣ замѣняетъ дикаго человѣка этимъ именно Булатомъ, который освобожденъ изъ темницы сыномъ царя Ходора. Освобожденный указываетъ царевичу, гдѣ и какъ онъ можетъ найти коня богатырскаго, и обѣщаетъ свою помощь въ случаѣ нужды ²⁾ Въ

¹⁾ *Росинскій*, Народныя картинки, I, стр. 169; *Аванесетъ*, Сказки, IV стр. 399.

²⁾ Сказка забыла золотые волосы, но удерживаетъ упоминаніе о колодцѣ, хотя и въ иномъ значеніи. Послѣ свиданія съ Булатомъ царевичъ возвращается домой, а потомъ отправляется „во мнѣя государства“ вмѣстѣ съ своимъ дядькой. Подъѣхали они къ колодцу. Чтобы достать воды, царевичъ опускается на веревкѣ въ глубину водоема. Дядька соглашается вытаскать спутника только подъ условіемъ переимѣниться именемъ: дядька выдаетъ себя за царевича, а царевичъ

одномъ изъ вариантовъ сказки о Незнайкѣ чудовище, къ которому попадаетъ сказочный герой,—змѣй чудо-юдо о двадцати пяти головахъ. «Иванъ... нанялся служить этому змѣю. На другой день говорить ему чудо-юдо: «вотъ тебѣ мои ключи; вездѣ можешь ходить, не ходи только въ конюшню; коли ослушаешься, убью тебя!». Чудо-юдо полетѣлъ въ дальнія страны, за синія моря, за темные лѣса, а Иванъ, купеческій сынъ, не вытерпѣлъ, пошелъ и отворилъ конюшню; а въ конюшнѣ конь да левъ привязаны... Говорить ему конь: «приподыми подо мной половицу, достань мазь оттуда и намажь свою голову». То же и левъ сказалъ. Иванъ, купеческій сынъ, помазалъ правую половину головы одной мазью, а лѣвую—другою, и сдѣлались у него кудри золотыя да серебряныя. Послѣ того ушелъ онъ отъ змѣи, нарядился въ коровью шкуру и нанялся къ царю въ садовники» и т. д. Въ другихъ вариантахъ сказки о Незнайкѣ упоминаніе о пребываніи Ивана у чудовища опущено; рѣчь идетъ только о чудесномъ конѣ, доставшемся сказочному герою ¹⁾. Забыто чудовище и въ нѣкоторыхъ другихъ пересказахъ (наша лубочная сказка о Иванѣ богатырѣ, крестьянскомъ сынѣ; французскій вариантъ въ сборникѣ лотарингскихъ сказокъ *Cosquin*'а и др.) ²⁾.

Во всѣхъ отмѣченныхъ пересказахъ юноша по той или другой причинѣ самъ оставляетъ родительскій домъ. Но есть группа вариантовъ, въ которыхъ обстоятельства удаленія юноши передаются иначе: сказочный герой удаленъ изъ дома отцомъ, вынужденнымъ исполнить обѣщаніе, данное по неосторожности или по невѣдѣнію. Пересказы этого разряда представляютъ два типа.

Примѣромъ перваго типа вариантовъ могутъ служить малорусскія сказки о Незнайкѣ въ сборникѣ *Рудченка*: «Був собі купец Иван

играетъ роль слуги. Побѣды, одержанныя истиннымъ царевичемъ, обнаруживаютъ коварство самозванца.

¹⁾ *Аванасьева*, Сказки, № 165. Замѣчательной чертой сказки о Незнайкѣ представляется примѣсь изъ сказокъ о злой мачехѣ. Отецъ сказочнаго героя женатъ на второй женѣ; мачеха преслѣдуетъ пасынка, старается его извести; юноша оставляетъ родительскій домъ при помощи чудеснаго коня. Ср. еще сказку объ Иванѣ Кручинѣ въ сборникѣ *Бронницма*. Въ малор. сказкѣ „Про царевича и его коня“ (*Чубинскій*, 58) мачеха замѣнена злой матерью, измѣнившей отцу царевича. Упоминаніе объ измѣнницѣ встрѣчается и въ другихъ пересказахъ (*Sicilianische Märchen*, II, 222, Anm. zu № 26). Въ сказкѣ, помѣщенной въ *Моск. Гор. Листки*, Иванъ богатырь—вдовій сынъ.

²⁾ И въ этихъ сказкахъ помощникомъ героя является чудесный конь. Въ началѣ сказки объ Иванѣ богатырѣ введены подробности, напоминающія дѣтство Ильи Муромца.

Иванович; він усе йїздив по морі. Ото набрав харчі на сім год и отправився з своїми робітниками на море. Плавав він по тому морю довго, и залпив у таке море, що не видно ни світа, ни неба. То він узяв харчі на сім год, а то вже й не стало. Робітники на його кричать: «давай нам хліба а то ми тебе туть утопим!». Він ім каже: пливім далі, може, кого таки побачим. Ото пливають, тай пливають; коли дивляцца, аж шось горить. Так він тоді каже: «пливім туди», Допливають до того огню, так, може, як на саженой десять: аж то змій з дванадцятю головами, той каже йім; а хто то таїй?—Иван Иванович каже йому: «я—Иван Иванович». Змій: знаю я тебе добре, а чоґож ти тут?—Иванович: «заблудив, не попаду на свою дорогу». Тоді змій йому каже: а що мині дасі, як я виведу тебе изь цієї темноти?—Иван Иванович каже йому: «а що тобі дати?»—Змій: а даси те, що в тебе дома без тебе стало.—Иван Иванович: «що-ж там таке? може, пара волив чумацких?»... Змій: я не скажу, бо ти не даси.—А Иван Иванович подумав: «чи луче тут пропасти, чи луче отдать йому те! Отдам». Послѣ такого обѣщанія змій указавъ купцу дорогу. Иванъ Ивановичъ «приїзжає до дому, аж йому син,—той, що як його не було дома, то він родився,—каже: «ви мене, тату, *отдали чортови*». Тоді батько так зажуривсь, а син йому: «нічого, тату; якось будем жить». Цей же син та звався Иваном. Ото вони радяцца: як би тут достацца туда. Так син йому каже: «глядіть, тату, достаньте таку віровку, щоб була сорок сажен». Запасшись такою веревкой, отецъ и сынъ идуть къ колодцу. Мальчикъ опущенъ въ глубину и попадаєть «на тотъ свѣтъ», къ двѣнадцати-головому змію. Освободивъ трехъ чудныхъ коней, купеческій сынъ при ихъ помощи выбираєтся изь подземнаго царства. Во время пребывания здѣсь голова у него стала золотой, руки—серебряными, ноги—мѣдными. Слѣдуєть рассказъ о службѣ Незнайки у какого-то царя, о побѣдѣ надъ врагами и т. д. ¹⁾. Сходенъ съ этимъ пересказомъ и другой варіантъ, помѣщенный у Рудченка. Купеческій сынъ отданъ змію, находитъ у него трехъ чудныхъ коней, выбираєтся изь подземнаго міра и поступаєть на службу къ царю; побѣда надъ царскими неприятелими замѣнена борьбой со зміємъ и спасеніємъ отъ него трехъ царевенъ, на младшей изъ которыхъ Незнайко женится ²⁾. Въ сказкѣ о «Голопузѣ», помѣщенной въ сборникѣ *Чубинскаго*, блужданіє по морю замѣнено бѣдствіємъ на

¹⁾ № 47, стр. 100—109.

²⁾ № 48, стр. 109—115.

сушѣ, недостаткомъ воды. «Прийшлося напоїти коней, шукать води,—нема, а коні ажъ и ржуть. Що робить? уже версть на пять обшукали води округи,—нема ніде. Позїздилися до повозокъ и хотїли уже запрягать коней, коли це вилазить изъ земли якийсь человекъ». Человекъкъ этотъ обѣщаетъ показать воду, если купецъ согласится отдать, «що дома есть милїше». Путешественникъ соглашается и обрекаетъ такимъ образомъ чорту своего сына. Юноша, отданный чорту, отправляется къ нему и проводитъ на службѣ цѣлый годъ. Выбравшись при помощи коня, герой сказки «узявъ тай обмазався увесь половою». Въ такомъ видѣ юноша, назвавшійся Голопузомъ, идетъ на царскїй дворъ и нанимается помогать садовнику. Разъ вышли въ садъ три царевны. «Гуляли, зривали яблука та іли, а меньша баринья побачила, що лежить Голопузъ пїдъ деревомъ, пїдійшла близче до ёго, дивитьця—трошки закотилося у ёго щось на виду. Вона пїдняла ту шкурку до половини, дивитьця—красавчикъ, вона й влюбилась у ёго». Царевна выходитъ замужъ за Голопуза. На царя три раза нападають враги; Голопузъ каждый разъ остается побѣдителемъ ¹⁾).

Примѣры сказочнаго зачина втораго типа можно найти въ сказкахъ: итальянской, переданной *Келеромъ*, греческой въ сборникѣ *Хана* и нѣмецкой въ сборникѣ *Зоммера* ²⁾). Бездѣтные супруги томятся желанїемъ испытать чувство родительской любви. Мужъ встрѣчается съ чародѣемъ (такъ въ итальянской сказкѣ; въ греческой вмѣсто чародѣя выступаетъ дракъ; въ нѣмецкой—ein graues Mäpchen), который обѣщаетъ помочь горю, если только желающїй стать отцомъ согласится отказаться отъ ребенка черезъ опредѣленное время. Слово дано. Обѣщанїе исполняется: у старика рождается сынъ. Когда мальчикъ подросъ, отецъ принужденъ отвести его къ волшебнику или драку. Далѣе сказка развивается по знакомому уже намъ плану: юноша нарушаетъ запрещенїе, данное тѣмъ, у кого онъ во власти; золотые волосы (или золотое пятно) выдають его; герой сказки уходитъ отъ страшнаго существа, прикрывъ слѣды золота повязкой или колпакомъ. Мнимый шелудякъ. Служба у царя, побѣда надъ его врагами открываютъ, кто именно скрывался подъ образомъ шелудяка.

Въ послѣднихъ пересказахъ, изображающихъ сѣтующую бездѣтную чету, слышатся несомнѣнно отзвуки легенды о малюткѣ, обре-

¹⁾ № 59, стр. 219—226.

²⁾ Всѣ эти сказки отмѣчены и рассмотрѣны въ указанной выше работѣ *Келера (Jahrbuch f. rom. und engl. Literatur, VIII)*.

ченномъ дьяволу. Нельзя, однако, не только доказать, но и предположить, что изъ всѣхъ вариантовъ сказки о шелудякѣ первоначальная редакція сохранилась именно въ послѣднихъ пересказахъ. Противъ этого говоритъ рядъ такихъ вариантовъ, въ которыхъ вступительная часть сказки не имѣетъ никакого сходства съ преданіемъ о человѣкѣ, обреченномъ демону; къ этому ряду принадлежитъ большая часть вариантовъ. Да и сказки, упоминающія объ отцѣ, отдающемъ ребенка чудовищу, не безъ причины, конечно, замѣняютъ демона чародѣемъ, дракономъ, змѣемъ. Въ этомъ обнаруживается вліяніе традиціи, первичной сказочной схемы, не дававшей мѣста образу демона. Видимъ такимъ образомъ, что сказка о шелудякѣ въ нѣкоторыхъ вариантахъ приблизилась къ сказанію о жертвѣ, отданной демону, но вполнѣ слиться легенда и сказка не могли.

Обратимся къ вопросу объ отношеніи рассматриваемой сказки къ повѣсти о Робертѣ Дьяволѣ. Указаніе на присутствіе въ этой повѣсти подробностей, напоминающихъ сказку о шелудякѣ, сдѣлано было впервые по поводу одного изъ русскихъ вариантовъ. *Дитрихъ*, издавшій въ 1831 году небольшой сборникъ русскихъ сказокъ въ нѣмецкомъ переводѣ, въ примѣчаніи къ сказкѣ объ Иванѣ, крестьянскомъ сынѣ, припомнилъ сходное преданіе о нормандскомъ герцогѣ: «In einigen Theilen hat dieses, so wie das zehnte Märchen (Bulat der brave Bursche) grosse Aehnlichkeit mit dem englischen Volksmärchen «Robert der Teufel» ¹⁾. Это указаніе прошло, кажется, безслѣдно. На него не обратили вниманія изучавшіе повѣсть о Робертѣ. Сближеніе повѣсти съ сказками того разряда, къ которому принадлежатъ указанные Дитрихомъ варианты, сдѣлалось предметомъ историко-литературныхъ соображеній только со времени появленія замѣтки Либрехта, помѣщенной въ *Göttingische Gelehrte Anzeigen* 1869 года ²⁾. Либрехтъ останавливается на второй части саги о Робертѣ, то-есть, на разсказѣ о пребываніи кающагося разбойника при императорскомъ дворѣ, объ его побѣдѣ надъ сарацинами, о женитьбѣ на нѣмой принцессѣ. Послѣднее обстоятельство, женитьба Роберта,

¹⁾ Russische Volksmärchen in den Urschriften gesammelt und ins Deutsche übersetzt v. *Ant. Dietrich* (1831), S. 260. Дитрихъ называетъ сагу о Робертѣ „англійской сказкой“, потому что познакомился съ этой сагой въ англійскомъ пересказѣ. Онъ цитуетъ: *Altenglische Sagen und Märchen... hrsg. von W. S. Thoms, deutsch... von R. O. Spazier*, 1830. Замѣчаніе Дитриха полностью повторено г. *Ровинскимъ* (Народныя картинки, IV, стр. 163, примѣч.).

²⁾ Замѣтка перепечатана въ известномъ сборникѣ статей *Либрехта*: *Zur Volkskunde*, 106—107 (Robert der Teufel).

не встрѣчается,—замѣчаетъ Либрехтъ, — въ древнѣйшихъ пересказахъ саги. Возможно, что составитель народной книги (Vie de Robert) ввелъ это измѣненіе, приравливаясь къ вкусу своихъ читателей; но во всякомъ случаѣ и древнѣйшая версія саги не сохранила неизмѣненнымъ ея первоначальнаго вида. Сага принадлежитъ къ пространенному кругу сказокъ о шелудякѣ (Grindkopf). Въ средніе вѣка церковные писатели охотно брали и перерабатывали сообразно съ своими цѣлями мірской литературный матеріалъ. Къ сказкѣ о шелудякѣ придѣлано было вступленіе, связанное съ ученіемъ о дьяволѣ, и назидательное заключеніе ¹⁾. Это замѣчаніе Либрехта, повторенное Cosquin'омъ въ примѣчаніи къ французскому варианту сказки о шелудякѣ ²⁾, положено Вреу'емъ въ основу выясняемаго имъ генезиса всей повѣсти о Робертѣ. Указавъ на предположеніе Либрехта и Коскена, Брейль говоритъ: «Взглядъ этихъ изслѣдователей—вмѣстѣ съ тѣмъ и мой... По моему мнѣнію, легенда о Робертѣ представляетъ переработку старинной широко распространенной сказки объ юношѣ-героѣ, уничижающемся, а потомъ награждаемомъ рукой царской дочери,—сказки о männliche Aschenputtel, по удачному выраженію Гримма» ³⁾. «Въ предупрежденіе недоразумѣній,—продолжаетъ Брейль,—замѣчу, что я не думаю, будто можно найти сказку, которая бы во всѣхъ подробностяхъ соответствовала сагѣ о Робертѣ... Духовному писателю, знакомому со сказками, могли припомниться тѣ или другія сказочныя подробности, которыми онъ и воспользовался; такимъ образомъ «первичная сказка» (das ursprüngliche Märchen) можетъ быть понимаема только, какъ «сумма преданій» (die Summe der Traditionen), которыя являются переработанными въ сагѣ о Робертѣ» ⁴⁾. Слѣдуетъ затѣмъ подробное сопоставленіе предполагаемой «первичной сказки» съ разными версіями саги о Робертѣ ⁵⁾. По мнѣнію Брейля, это сопоставленіе не только убѣждаетъ въ томъ, что сага о нормандскомъ герцогѣ принадлежитъ къ кругу сказокъ о мнимомъ шелудякѣ, но и даетъ основаніе для дальнѣйшихъ соображеній: Führt uns die

¹⁾ Diese Sage..., deren eigentliche Grundlage sich in dem letzten Theile derselben befindet und, wie ich gezeigt, aus dem angeführten Märchenkreise hervorgegangen ist, hat im Mittelalter, wo die Kirche so viele profane Stoffe für ihre Zwecke verwandte und umarbeitete, einen diabolischen Anfang und erbaulichen Schluss erhalten (l. c., 107).

²⁾ Toute cette partie de notre conte se retrouve dans une légende du moyen âge, celle de Robert le Diable (примѣч. къ сказкѣ: Le prince et son cheval).

³⁾ Op. cit., 115—116.

⁴⁾ Ibidem, 117.

⁵⁾ Ibidem, 118—129.

untersuchung dazu, in ihm zunächst einen elfensohn, mit wunderbaren kräften ausgestattet, zu sehen, einen spross überirdischer wesen, dessen überaus schnelles wachstum, goldiges haar, frühzeitige staunenswerte kraftentfaltung und weiser sinn seine herkunft noch verraten. Sollten wir aber nicht noch einen schritt weiter gehen dürfen und in seiner person ursprünglich einen lichten, segenspendenden gott, etwa den sonnengott oder frühlingsgott erkennen? ich bin mir sehr wohl bewusst, dass diese hypothese durch das bisher bemerkte noch keineswegs sicher erwiesen ist, doch scheint mir in allen den hier in betracht kommenden sagen und märchen sehr vieles eine solche vermutung wahrscheinlich zu machen. Auch der sonnengott oder der frühlingsgott lebt eine zeitlang verborgen und in niedrigkeit unter der herrschaft des bösen prinzijs, der nacht oder des winters, unter dessen gewalt die menschheit leidet, aber er besiegt und vernichtet diesen, überwindet die feinde des lichten, die drachen und riesen, gleich Apollo und Thor; in strahlender rüstung auf windschnellen rosse eilt er durch die lande; wo er sich zeigt, weichen die finsternen mächte vor ihm zurück und fliehen machtlos auseinander; aus langer banger haft befreit, entfaltet er plötzlich ungeahnte kräfte und zeigt sich der erstaunten und entzückten welt als herrscher in herlichkeit¹⁾. Эти соображения Брейля вызвали возражение со стороны одного изъ критиковъ его книги, *К. Боринскаго*. «Der Charakter der Legende,—говорить Боринскій,— ist wie auch ihrer ersten Bearbeitungen ein rein geistlicher, ja kirchlicher. Reuige Bekehrung eines grossen und zugleich gefährlichen Sünders ist das Motiv... Der Typus jener Märchen vom «Grindkopf» (wie ihn Köhler bezeichnet) oder vom «Starken Hans» in Nöten (vergl. Grimmische Märchen, III, 258 ff.), wie man sie vielleicht charakterischer taufen könnte, enthalten zunächst den geraden Gegensatz zur Robertsage. Es ist der Held im Narrenkleide (vergl. Chrestien-Wolframs junger Parzival), der Königssohn in Niedrigkeit oder der in allen Gefahren unverwüsthche Wundersteinbesitzer, der bretonische Lancelot, der Stammvater aller neueren Fortunaten. Hier ist ein gutes Princip im Kampf mit bösen Mächten, die durch Wolken brechende Sonne. Robert aber zeigt in seinem Grundwesen ein entschieden böses Princip im trotzigen Kampf mit guten, hilfreichen Mächten. Es ist nicht in Not, wie jene Helden, sondern er schafft Not und zwar ohne jeden Grund. Er hat keines von den Attributen jener alten Sonnenhelden, selbst die

¹⁾ Ibidem, 129—130.

Stärke tritt zurück vor der «Wildheit», ist höchstens übel angewendete Stärke mit dem Grundzug der Bosheit»¹⁾. Съ этимъ замѣчаніемъ Боринскаго можно согласиться только на половину. То вѣрно, что сказаніе о Робертѣ Дьяволѣ, имѣющее яркую легендарную окраску, существенно отличается отъ сказки о мнимомъ шелудякѣ, но вѣдь ни Брейль, ни Либрехтъ не утверждаютъ, конечно, что въ сагѣ удержаны основной характеръ и идеальный смыслъ сказки. И Либрехтъ, и Брейль говорятъ о церковно-легендарной передѣлкѣ, давшей сказкѣ новое значеніе и новую мысль. Брейль, мнѣ кажется, былъ бы совершенно правъ, еслибы остановился на точкѣ зрѣнія Либрехта и не пускался въ догадки о какомъ-то солнечномъ героѣ или даже божествѣ, будто бы скрывающемся за образомъ Роберта Дьявола. Либрехтъ говоритъ о сходствѣ со сказкой во *второй части* повѣсти о Робертѣ. Отрицать это сходство едва-ли возможно: униженное положеніе героя повѣсти, коварство сенешаля²⁾, нападеніе враговъ, борьба съ ними мнимо-убогаго человѣка, участіе царской дочери— всѣ эти подробности совершенно одинаково повторяются и въ сказкѣ, и во второй части повѣсти о Робертѣ. Воспользовавшись указаніемъ Либрехта, Брейль попытался распространить параллелизмъ сказки и саги и на первый отдѣлъ повѣсти о Робертѣ. Несостоятельность этой попытки ясно обнаруживается въ странномъ противорѣчьи, замѣчаемомъ въ положеніяхъ Брейля. Es ist also nach meinem dafürhalten die legende von Robert dem Teufel die geistliche überarbeitung eines alten weitverbreiteten volkmärchens vom sich selbst erniedrigenden und endlich durch die hand einer königstochter belohnten heldenjünglinge, dem männlichen aschenputtel, wie es treffend in der anm. zu Grimm's nr. 136 heisst» (стр. 115—116). Рѣчь идетъ объ определенной сказкѣ; изъ этой именно сказки объ Aschenputtel мужескаго рода Брейль обѣщается объяснить намъ все развитіе саги о Робертѣ. На слѣдующей страницѣ, послѣ приведенной выше оговорки о «суммѣ традицій, переработанныхъ въ сагѣ о Робертѣ» читаемъ: «im allgemeinen gesagt ist unsere sage eine zusammensetzung aus zwei märchen, deren erstes in den kreis der «kinderwunschkinder», deren zweites in den der märchen vom «grindkopf» oder «männlichen aschenputtel» gehört» (стр. 117). Оказывается такимъ образомъ, что изъ сказки о шелудякѣ объяснить всю сагу о Робертѣ нельзя; нужно предположить сліяніе въ сагѣ двухъ сказокъ: сказки о героѣ въ

¹⁾ „Zur Legende von Robert dem Teufel“ (*Zeitschrift für Völkerpsychologie*, 1889, 1, 78—79).

²⁾ Припомнимъ, напримѣръ, коварнаго дядьку въ лубочной сказкѣ о Булатѣ.

уничженіи и какой-то сказки о желанныхъ дѣтяхъ; ближайшаго опредѣленія послѣдней сказки Брейль не даетъ. Эта поправка, внесенная изслѣдователемъ въ гипотезу о мнимомъ шелудякѣ, какъ первообразъ Роберта, ясно показываетъ, что самая гипотеза требуетъ иной формулы, не похожей на восстановление какой-то первичной сказки. «Ich will,—говоритъ Брейль,—nun das «ursprüngliche» *märchen der Robert-sage* zum zweck einer eingehenden vergleichung zug um zug gegenüberstellen und dabei auf verwandte märchen hinweisen» (стр. 118). Но о какой же первичной сказкѣ можетъ быть рѣчь, если самъ же изслѣдователь говоритъ, что сага основана на слияніи сказокъ, относящихся къ двумъ различнымъ кругамъ? Брейль не берется доказать, что рассказъ о бездѣтной четѣ, о ребенкѣ, обреченномъ демону, составлялъ существенную, исконную часть сказки о шелудякѣ; нельзя, стало быть, утверждать, что первый и второй отдѣлы саги о Робертѣ имѣютъ общую первоначальную основу.

Присматриваясь къ этимъ двумъ отдѣламъ саги, какъ они передаются въ разныхъ пересказахъ, находимъ, что одинъ изъ древнѣйшихъ пересказовъ,—пересказъ нормандской хроники,—знаетъ лишь первый отдѣлъ саги, совсѣмъ не упоминая о подробностяхъ, сходныхъ со сказкой о шелудякѣ. Не смотря на такой пропускъ, содержаніе рассказа и самый образъ Роберта сохраняютъ полную опредѣленность и законченность. Для церковнаго писателя, для этого *geistlichen Uebersetzer* народныхъ преданій, первая часть саги и должна была имѣть особенную цѣнность; въ этой именно части опредѣлялся нравоучительный замыселъ повѣсти. Поэтому, если нужно говорить объ основѣ саги о Робертѣ, то такую основу можно предполагать въ легендарномъ, а не сказочномъ отдѣлѣ саги. Въ дополненіе слѣдуетъ еще замѣтить, что приведенная выше легенда о ребенкѣ, обреченномъ дьяволу, легенда несомнѣнно родственная съ сказаніемъ о Робертѣ, достаточно ясно говоритъ о самостоятельномъ значеніи перваго отдѣла саги.

Что касается второй части повѣсти о Робертѣ, то взятая внѣ связи съ первымъ отдѣломъ, она примкнетъ къ сказкамъ о мнимомъ шелудякѣ, которыя уведутъ насъ далеко отъ какихъ бы то ни было христіанско-легендарныхъ преданій. Правда, сказка о шелудякѣ въ нѣкоторыхъ вариантахъ представляется, какъ мы видѣли, соединенной съ рассказомъ о ребенкѣ, отдавшемъ свое дитя демону¹⁾. Для

¹⁾ Чтобы правильно оцѣнить это сочетаніе, не нужно опускать изъ виду, что обреченіе демону примѣшивается и къ сказкамъ нѣаго состава. Такъ, въ одномъ изъ вариантовъ нашей сказки о Василисѣ Премудрой вмѣсто образа царя

саги, дающей подобное же соединеніе, отыскивается такимъ образомъ литературная аналогія, которая могла бы получить значительную цѣнность, еслибы нашлись основанія для предположенія, что такая именно сводная версія сказки извѣстна была еще въ XIII вѣкѣ. Для разъясненія дѣла можемъ допустить такое предположеніе. Признаемъ, что ранѣе обработки саги о Робертѣ была уже извѣстна сказка, въ которой соединенъ былъ рассказъ о человѣкѣ, отданномъ демону, съ подробностями сказки объ уничижающемся героѣ. На возможность такого предположенія указываетъ ниже-нѣмецкое стихотвореніе, гдѣ выступаетъ De vogelroene Sone. Стихотвореніе это, найденное въ рукописи XV вѣка, не предвѣщаетъ, конечно, литературной обработки преданій о Робертѣ, но оно свидѣтельствуетъ во всякомъ случаѣ о раннемъ соединеніи легенды и сказки. Но ни нѣмецкое стихотвореніе, ни сказка о шелудякѣ съ легендарнымъ зачиномъ не объясняютъ намъ повѣсти о Робертѣ вполне.

Въ вариантахъ сводной сказки повторяется безъ измѣненій знакомая намъ легенда о мальчикѣ, освобождающемся отъ власти дьявола. Но повѣсть о Робертѣ, при несомнѣнномъ сходствѣ ея общаго

водянаго рисуется чортъ: „Воротился охотникъ домой, а у него сынъ родился; жаль стало ему *отдавать чорту* дѣтище родимое“ и т. д. (*Аванасьева*, II, стр. 334, № 125). Подобную же замѣну отмѣтилъ Аванасьева и въ другихъ пересказахъ (IV, стр. 282, 285, 293). Въ сказкѣ о Василисѣ развивается тема трудныхъ задачъ (постройка моста въ одну ночь, разведеніе сада въ такой же короткій срокъ и проч.). Такое же соединеніе мотивовъ обреченія демону и трудныхъ работъ находимъ въ лотарингской сказкѣ: *La bague merveilleuse* (*Cosquin*, № LXXV, *Romania*, X), а также въ великорусскихъ сказкахъ въ сборникѣ *Худякова*: Мужикъ и Настасья Адовна (вып. I, № 18, стр. 60—65) и младъ Вьюноша (вып. III, № 118, стр. 150—154). Въ нѣмецкой сказкѣ: *Der König von goldenen Berg* (*Grimm*, № 92), имѣющей много родичей, обреченіе демону связывается съ добываніемъ клада: бѣднякъ получаетъ золото за обѣщаніе отдать сына чорту (пересказы отмѣчены въ *Jahrbuch für roman. und engl. Literatur*, 1866, VII, S. 139—148). Сказка въ сборникѣ *Cosquin'a*: *Le fils du diable* (№ XIV), примыкающая къ тому кругу сказокъ, образцомъ которыхъ можетъ служить Пушкинская сказка о попѣ и работникѣ его Балдѣ, (ср. *Аванасьева*, № 87, *Grimm*, № 90), соединяетъ основную тему съ вступленіемъ, рассказывающимъ объ отцѣ, отдавшемъ сына демону. Въ свою очередь сказка о шелудякѣ замѣняетъ иногда обреченіе демону преданіями совершенно иного характера. Въ сборникѣ русскихъ народныхъ легендъ *Аванасьева* помѣщенъ рассказъ: „Крестный отецъ“ (№ 30, стр. 99—104 и 183—195), представляющій замѣчательное соединеніе сказки о шелудякѣ съ легендой о Божьемъ крестникѣ (Повѣсть о сынѣ крестномъ, какъ Господь крестилъ младенца убогаго человѣка). О послѣдней легендѣ см. замѣчанія г. *Петрова* въ *Трудахъ Киевской Духовной Академіи*, 1872, № 8, стр. 765—766. (Ср. Описаніе рукоп. Киевской Академіи, вып. II, 517—518).

содержанія съ легендой, представляет и существенное различіе. Въ краткой легендѣ, а также въ ниже-нѣмецкомъ стихотвореніи предъ нами появляется несчастный невинный мальчикъ, обреченный дьяволу, но спасенный отъ угрожавшей ему бѣды молитвами и заступничествомъ Св. Дѣвы. О злобѣ и жестокости юноши нѣтъ и помину; онъ изображается, напротивъ, съ чертами добраго и кроткаго человѣка. Не таковъ Робертъ. Подобно герою легенды, Робертъ подчиняется власти дьявола и избавляется отъ этой власти при помощи св. пустытника. Но Робертъ не только несчастный человѣкъ, но и великій грѣшникъ; онъ не обреченъ дьяволу, а рожденъ подъ воздѣйствіемъ темной силы; онъ не жалкая жертва демона, а его страшный плодъ; онъ нуждается не только въ защитѣ отъ лукаваго, но и въ очищеніи отъ грѣха, въ прощеніи преступленій. Какъ объяснить эту разницу? Легенда ли осложнилась подробностями сказанія о покаявшемся грѣшникѣ, или образъ преступника успѣлъ освободиться въ легендѣ отъ покрывавшей его нечистоты? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать—

3) сказаніе, соединяющее легенду о малюткѣ, обреченномъ дьяволу, съ повѣствованіемъ о покаявшемся разбойникѣ¹⁾. Мнѣ кажется, что сказаніе это, не привлекавшееся къ тѣлованію преданій о Робертѣ, можетъ послужить полезнымъ подспорьемъ при выясненіи развитія занимающей насъ саги. Въ большей части пересказовъ, которыхъ извѣстно не мало, содержаніе сказанія передается такъ: человѣкъ, возвращающійся изъ путешествія, попадаетъ въ болото, изъ котораго не въ силахъ выбраться. Явившійся дьяволъ обѣщаетъ выручить путника изъ бѣды, если тотъ согласится отдать ему то, что неожиданно найдетъ у себя дома. Путникъ соглашается. Когда онъ приблизился къ дому, вышла къ нему на встрѣчу жена съ новорожденнымъ сыномъ (или беременная жена); ребенокъ оказывается такимъ образомъ обреченнымъ демону²⁾. Ро-

¹⁾ Обстоятельное обозрѣніе вариантовъ этого сказанія см. въ статьяхъ г. Карловича: *Podanie o Madeju* (въ журналѣ: *Wisła*, т. II, 804—814; т. III, 102—134, 300—305, 602—604, 881—885. *Madej*—имя разбойника въ польскихъ пересказахъ). Въ русской литературѣ останавливались на этомъ сказаніи *А. Н. Аванасьевъ* (*Народныя русскія легенды*, № 27, Кумова кровать, стр. 177—180), *А. Н. Веселовскій* (*Разысканія въ области р. духовн. стиха*, X, стр. 378—382); *Н. О. Сумцовъ* (*Кіевская Страница*, 1887 г., т. XIX, стр. 35—36, въ статьѣ: *Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ*).

²⁾ Такая завязка повторяется, какъ мы видѣли, и въ нѣкоторыхъ вариантахъ сказки о шелудякѣ. Припомнимъ малорусскіе пересказы въ сборникѣ *Рудченка*.

дителі скорбять, не находя средствъ помочь бѣдѣ. Вотъ для при-
мѣра одинъ изъ малорусскихъ пересказовъ. «Бив един чоловік, іхав
в дорогу і позастрігали му кони в багно велике. І так приходит к
нему проклятий, повідат: «Запиши мі того, у нім незнаеш нічъ, то
я тя вибавлю, а як ні, то згинеш ту і з всім товаром». Тот взяв,
пригадавав собі де що мав, та записав; а оно жона зашла в тяж,
а він не знав, і відтак як записав і приїздив домів і повідат жоні:
«Кгаздинойко! бив ем в такім, же бив бим згиб, а приходит такій
ге паничъ, та мовит: жебим того записав зацом не свідомий; та я
записав».

«А она мовит: «Кгаздойко! то ти свою детину записав». Він
взяв, тот запис у скриню замок, та ся зажуриав. Приїшло, она злегла,
уродила хлопця; як уродила, так хлоп росте, так хлоп росте—дала
го до чків учиться; уже ся вивчив і приїшов домів на вакацію, та
сі ходит так з вітцем, і его сі отец все сумуе. Він повідат: «Та-
туню, чому ви таки все сумні дуже?—Повідат: дітино, моя дітино! я
сумний, бо ся тобов недовго видиш буду тішити.

«Тот ся питат: чому? А тот му не хоче повісти; потом пішов
домів з поля, а отец му забив ключик, тот приїшов і знайшов тот
запис, що у матерній утробі запроданий». Провѣдавъ такимъ обра-
зомъ о своей судьбѣ, мальчикъ рѣшается отправиться въ адъ и
освободиться отъ условія, заключеннаго его отцемъ. На пути онъ
встрѣчается съ разбойникомъ. Узнавъ, куда идетъ захожий человекъ,
разбойникъ проситъ развѣдать, какая мука приготовлена для него
въ аду. Въ указанномъ выше пересказѣ приводится при этомъ такой
разговоръ разбойника и юноши:

— «Ого, повідат (разбойникъ), хвала Богу, то я тя забю.

— «О, повідат, вже мені одно, бій!

— «А шо ти за един?

— «Я такій самій, як ти.

— А ци ти у матери в утробі запроданий?

— «Я,

— «Шу, то *ти такій, як я е*, та ідиж на вислугу, іди, я тебе
не буду бити, а жебись мі повів, яке мені тамъ ложе постелено» ¹⁾.

Обреченный дьяволу приходитъ въ адъ и при Божьей помощи
достигасть того, что дьяволъ отказывается отъ условія, заключен-
наго съ нимъ когда-то человекомъ, завязанимъ въ болотѣ. Узнаеть
юноша и о наказаніи, ожидающемъ разбойника: для него пригото-

¹⁾ Драгомановъ, Малорусскіе народныя преданія и рассказы, стр. 406—408.

влено ложе съ острыми гвоздями. Если разбойникъ желаетъ избавиться отъ этой муки, онъ долженъ не только бросить свое ремесло, но выдержать еще такое испытаніе: воткнувъ въ землю сухую палку, поливать ее до тѣхъ поръ, пока она не зазеленѣетъ и не дастъ плодовъ. Разбойникъ кается и терпѣливо выдерживаетъ испытаніе. Прошло много лѣтъ. Человѣкъ, побывавшій въ аду, рукоположенъ былъ въ священники. Разъ случилось ему проходить около того мѣста, гдѣ жилъ кающійся разбойникъ. Изъ палки успѣла вырости яблоня. На деревѣ было много плодовъ. Это свидѣтельствовало о томъ, что срокъ покаянія окончился. Привожу для примѣра отрывокъ бѣлорускаго пересказа: «Jonъ вернувся съ пекла, иде до той хатци и кажець разбойнику: якъ ты людзей рѣзау, такъ и себе рѣзаць будуць!» Дыкъ jonъ просе высповадаць яго. Той мальчикъ каже: я не ксеядзъ тебе сповадаць».—Коли не будзешъ сповадаць, я тебе зарѣжу!—Ну, jonъ зачау спавядаць яго. Разбойникъ каже, кабъ покуту задау. Jonъ пашоу у лѣсъ з нимъ, знашоу сухую яблыню и кажець: «носи съ своей хатци воду у губѣ на колѣняхъ и поливай яе, ажъ поки яна ни отживецъ и будуць на ей яблыки; сколько ты душъ забиу, столько тамъ будзе яблыковъ». Сказау и самъ поѣхау дамоу до своего бацьки. Бацька отдау яго учицца: jonъ выучиуся и высвяциуся на ксеядза: Ёдзе jonъ дамоу са школы презъ той лѣсъ, идець быу разбойникъ, и чуе — яблыки пахнуць; стау шукаць и нашоу тую яблыню, што показывау разбойнику за покуту поливаць, ажъ подъ тей яблыней ляжиць умершій разбойникъ. Jonъ узяу яго, повезъ съ собой и сховау подъ церковой»¹⁾.

Двойственный составъ переданной легенды очевиденъ. Легенда слагается изъ рассказовъ: а) о покаявшемся разбойникѣ и б) о человѣкѣ, обреченномъ демону. Независимость этихъ двухъ повѣствованій подтверждается такими вариантами, въ которыхъ кающемуся разбойнику дается болѣе дѣятельная роль, чѣмъ въ отмѣченныхъ выше пересказахъ. Для примѣра можно указать одинъ изъ малорусскихъ вариантовъ: «Якъ бувъ собі розбойникъ і він ходивъ дванадцять годъ по світу, щобъ хто зъ попівъ покуту ёму накинунъ за грѣхи. Якъ которий не накинне, то вінъ ёго і вбѣе. За дванадцять годівъ убивъ дванадцять попівъ. Пришовъ до 13-го, щобъ той спокутувавъ ёго грѣхи, розказавъ своѣ походженіе і похвалився, стѣлко попівъ убивъ. Передякався піпъ і каже: «ну, я тобі покуту накинуну. Іди, каже, до мене в сад, тамъ есть яблуня і відъ неі йде 7 одростківъ, зрубай ти її, пору-

¹⁾ *Аванасъгъ*, Народныя русскія легенды, 178.

бай на мілкі часті, запали, тай положи зверху руки по лікті, а ноги по коліна». Зробив так разбойник і поодпалював собі руки й ноги. Після того приносе ему піп мідну цеберку й каже: «на, та в цій цеберці носи дванадцять годъ воду, та поливай яблуню, поки вона одросте і уроде». Пройшло двѣнадцять лѣтъ; у разбойника отросли руки и ноги; яблоня поккрылась листвой и плодами. Попъ велѣлъ трихнуть яблоню; всѣ яблоки осыпались, осталось на деревѣ только два. «Піп и каже: «то батькові та материні гріхи». Шоб спокутувати, каже піп, батькові й материні гріхи, то наймись до мене, або так стань на год вівці пасти». Разбойникъ согласився. От раз іде по біля кладбища, коли дивиться, ходе человек з цѣпком, тай штрика в гробки: «уствайте, каже, сукнини-сини, та ідіть на панщину». Разбойникъ прийшовъ тай пита: «шо ти тут робиш? Той молчить». Каюційся убиваетъ этого человекѣка и рассказываетъ объ этомъ священнику. Оказывается, что это убійство завершило покаянные подвиги бывшего разбойника. «Ну, каже піп, тепер ти совсімъ спокутував уже свої гріхи і не грішним став, бо вбив того чоловіка, шо ёго й земля не прийма: то чоловік був у пана отаманом надъ панськими людьми, та так дуже обіжав людей, та не по правді робив, шо грішнішого від ёго мабуть і в світі вже не було». Тай отпустив тоді піп разбойника» ¹⁾. О человекѣкѣ, обреченномъ дьяволу, о видѣніи страшнаго ложа въ этомъ пересказѣ нѣтъ и помину. Остановимся еще на любопытной легендѣ «Грѣхъ и покаяніе», помѣщенной въ сборникѣ Аѳанасьева. Сынъ бѣдной вдовы нашель кладъ— большой котель съ золотомъ. Онъ нагнулся и только хотѣлъ горсть набрать, какъ послышался голосъ: «не смѣй брать этихъ денегъ, а то худо будетъ!». Оглянулся онъ назадъ, никого не видно и думаетъ: вѣрно мнѣ почудилось. Опять нагнулся и только хотѣлъ горсть набрать изъ котла, какъ послышались тѣ же самыя слова. «Что такое?—говоритъ онъ самъ себѣ:—никого нѣтъ, а голосъ слышу». Думалъ, думалъ и рѣшился въ третій разъ подойти къ котлу. Опять нагнулся за золотомъ и опять раздался голосъ: «Тебѣ сказано: не

¹⁾ Драгомановъ, *op. cit.*, 131—132. Въ сводномъ разказѣ, сообщенномъ г. Кулишемъ, выступаетъ также разбойникъ, ищущій покаянныхъ испытаній. Онъ убилъ двухъ священниковъ, не умѣвшихъ назначить ему эпитимію. Только третій духовникъ, человекъ, бывавшій въ аду, указалъ на поливаніе палки, какъ на средство покаянія. Особенностью этого пересказа представляется его заключение: покаяніе не достигло цѣли, разбойникъ не получилъ прощенія. Явившійся священникъ велѣлъ кающемуся трихнуть яблоню: „усі сѣрібні яблука обсыпались, а двое золотыхъ висять.. Оце жь, каже (іерей), твоі два гріхи висять, що ти отця й матірѣ убивъ“. (Записки о южной Русь, I, 309—311).

смѣй трогать! А коли хочешь получить это золото, такъ ступай домой и сдѣлай напередъ грѣхъ съ родной матерью, сестрою и кумою. Тогда и приходи, все золото твое будетъ». Воротился парень домой и крѣпко призадумался. По настоянію матери, парень открылъ ей причину своей задумчивости. Жадная старуха подговорила куму и дочь добиться того, чтобы золото досталось парню. Онѣ подпоили его, и грѣхъ былъ совершенъ. «Шьяному море по колѣно, а какъ проснулся да вспомнилъ, какой грѣхъ-то сотворилъ, такъ просто на свѣтъ не смотрѣлъ бы!—«Ну, что же, сынокъ,— говоритъ ему старуха,— о чемъ тебѣ печалиться? Ступай-ка на гору да таскай деньги въ избу». Собрался парень, взошелъ на гору, смотритъ: золото стоитъ въ котлѣ не тронуто, такъ и блестятъ: «Куды мнѣ дѣвать это золото? я бы теперь послѣднюю рубаху отдалъ, только бѣ грѣха избыть». И послышался голосъ: «Ну, что еще думаешь? Теперича не бойся, бери смѣло, все золото твое!» Тяжело вздохнулъ парень, горько заплакалъ, не взявъ ни одной копѣйки и пошелъ, куда глаза глядятъ. Идетъ себѣ да идетъ дорогою и, кто ни встрѣтится, всякаго спрашиваетъ: не знаетъ ли, какъ замолить ему грѣхи тяжкіе? Нѣтъ, никто не можетъ ему сказать, какъ замолить грѣхи тяжкіе. *И съ страшнаго гора пустился онъ въ разбой*; всякаго, кто только попадетъ на встрѣчу, онъ допрашиваетъ: какъ замолить ему передъ Богомъ свои грѣхи? и если не скажетъ, тотчасъ убиваетъ до смерти. Много загубилъ онъ душъ, загубилъ и мать, и сестру, и куму, всего девяносто девять душъ, а никто ему не сказалъ, какъ замолить грѣхи тяжкіе». Послѣдней, сотой жертвой разбойника сдѣлался отшельникъ, неумѣвшій сказать, какъ замолить грѣхи. Наконецъ, несчастный отыскалъ таки такого человѣка, который указалъ средство, какъ очиститься отъ грѣха. То былъ скитникъ, обитавшій въ дремучемъ лѣсу.

«Взялъ скитникъ горѣлую головешку, повелъ назбойника на высокую гору, вырылъ тамъ яму и закопалъ въ ней головешку. «Видишь,—спрашиваетъ онъ,—озеро?» А озеро-то было внизу горы, съ полверсты эдакъ.—«Вижу»,—говоритъ разбойникъ.—«Ну, ползай же къ этому озеру на колѣняхъ, носи отгудова ртомъ воду и поливай это самое мѣсто, гдѣ зарыта горѣлая головешка и до тѣхъ таки поръ поливай, покуда она не пуститъ она отростковъ и не выростетъ отъ нее яблоня. Вотъ когда выростетъ отъ нее яблоня, зацвѣтетъ да принесетъ сто яблоковъ, а ты тряхнешь ее и всѣ яблоки упадутъ съ дерева на землю, тогда знай, что Господь простилъ тебѣ всѣ твои грѣхи». Прошло 37 лѣтъ. «Выросла яблоня, разцвѣла и принесла

сто яблоковъ. Тогда пришелъ къ разбойнику скитникъ и увидѣлъ его худаго да тощаго: однѣ кости! «Ну, братъ, трясн теперь яблоно!» Тряхнулъ онъ дерево, и сразу осыпались всѣ до одинаго яблоки; въ тужь минуту и самъ онъ померъ. Скитникъ вырылъ ему яму и предалъ его землѣ честно¹⁾. Легенда, рассказывая о кающемся кровосмѣсителѣ, примыкаетъ къ цѣлому ряду сказаній подобнаго же содержанія²⁾, но замѣчательно, что русскій пересказчикъ легенды нашелъ возможнымъ слить съ нею рассказъ о кающемся разбойникѣ. Очевидно, что легенда объ инцестѣ напоминала нѣкоторыми подробностями рассказъ о разбойникѣ; составъ этихъ двухъ сказаній представлялъ нѣкоторое сходство, вызывая смѣшеніе. Кающійся любодѣй-разбойникъ самъ (а не черезъ посредство челоуѣка, обреченнаго демону) разузнаеть, какъ ему замолитъ грѣхи тяжкіе; способъ примиренія съ небомъ указываетъ ему, какъ и кающемуся Роберту, благочестивый отшельникъ.

Что касатся другаго разказа, входящаго въ составъ приведенной выше легенды, то въ нѣкоторыхъ вариантахъ этотъ рассказъ допускаеть любопытное замѣщеніе: вмѣсто путника, отдающаго дьяволу свое дитя за помощь, оказанную нечистымъ, появляется знакомый намъ образъ бездѣтной четы, обрекающей демону своего единственнаго ребенка. Таковъ вариантъ, записанный въ Бретани. Бездѣтные

¹⁾ *Аванасевъ*, Легенды, № 28, стр. 91—94.

²⁾ Сводъ легендъ о кровосмѣшеніи см. въ статьѣ *A. Seelisch'a*: Die Gregorius-Legende; въ концѣ: Uebersicht über die Gregorlegende und verwandte Fassungen (*Zeitschrift für deutsche Philologie*, 1887, Bd. XIX, 385—421). Известные у насъ пересказы разсматривали: *Костомаровъ* (Легенда о кровосмѣсителѣ въ Моногр., I, 329—358) *V. Diederichs* (Russische Verwandte der Legende von Gregor auf dem Stein und der Sage von Judas Ischariot въ *Russische Revue*, 1880, Bd. XVII, 119—146), *Веселовскій* (Андрей Критскій въ легендѣ о кровосмѣсителѣ и сказаніе объ ап. Андрѣ, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1885, июнь). Смѣшеніе легендъ о кровосмѣсителѣ и разбойникѣ облегчалось сходствомъ покаянныхъ испытаній. Поливаніе сухаго дерева примкнуло къ апокрифнымъ преданіямъ о ветхо-завѣтномъ инцестѣ: Авраамъ приказываетъ Лоту принести три головки и поливать ихъ: „аще в 40 днѣй оживятся и вкоренятся главни, въ домо буди, яко умилнлтися естъ Богъ“ (*Порфирьевъ*, Апокриф. сказанія о ветхо-завѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукоп. Солов. библіот., стр. 102). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что палка, дающая ростки,—подробность, повторяющаяся во многихъ легендахъ, не только христіанскихъ (*Веселовскій*, Разысканія..., X, 379—380; ср. въ моей книгѣ: «Къ литер. исторіи р. былевой поэзіи, стр. 183; *Мандельштамъ*, Опытъ объясненія обычаевъ, соуд. подъ вліяніемъ мѣа, I, стр. 102—104), а и буддійскихъ (*Стасовъ*, О происх. р. былинъ въ *Востникъ Европы*, 1868, мартъ, стр. 273; ср. *Миллеръ*, Илья Муромецъ, стран. 738, примѣч. 39).

супруги тоскуютъ въ одиночествѣ. Разъ у горюющей женщины вырвались неосторожныя слова: «мнѣ хотѣлось бы имѣть дитя, хотя бы потомъ и чортъ его взялъ». Это желаніе исполняется. Появляется на свѣтъ Божій малютка, еще до рожденія обѣщанный дьяволу. Слѣдуетъ затѣмъ разсказъ о томъ, какъ обреченный демону идетъ за совѣтомъ къ священнику, какъ священникъ отсылаетъ его къ папѣ, а папа—къ пустыннику, какъ мальчикъ встрѣчается съ разбойникомъ¹⁾ и т. д. Нѣчто подобное находимъ въ великорусской сказкѣ: «Спасеніе души», помѣщенной въ сборникъ *Худякова*. «Жила баба на горѣ; мужъ у ней ушелъ въ Москву. А къ ней вмѣсто мужа приходилъ чортъ. Вотъ родился у нихъ сынъ. Нечистый и написалъ: «живой твой, а мертвый мой». Стало ему восемь лѣтъ; а эта записка была въ столикѣ. Онъ игралъ, игралъ, да и заглянулъ въ столикъ, а въ столикѣ лежитъ записка. Онъ и читаетъ: «живой твой, а мертвый мой».—Мамаша, говорить, что это такое?—Она разсказала ему. Мальчикъ взялъ эту записку и пошелъ свою душу отыскивать. Пошелъ онъ къ труженику. Пришелъ, показываетъ ему записку. «Ахъ, говорить, какъ мнѣ душу выручить?»—Ты, говорить, ступай къ такому-то купцу, наймись у него служить». — Мальчикъ исполнилъ этотъ совѣтъ. Купецъ, оказывается, водилъ знакомство съ нечистымъ. Отправившись вмѣстѣ съ хозяиномъ къ чертямъ, мальчикъ выручилъ свою душу и узналъ о казни, ожидающей купца: ему приготовлена желѣзная кровать, а подъ кроватью бугоръ огня. «Купецъ и спрашиваетъ: «какъ же мнѣ, говорить, душу свою выручить?» А мальчикъ и говорить: «я схожу, говорить, къ труженику, узнаю, что онъ мнѣ скажетъ». Пошелъ онъ къ труженику узнавать, какъ купцу душу выручить. Труженикъ ему и говорить: «скажи купцу: сколько у него ни есть денегъ, чтобы на всѣ деньги дровъ закупилъ. Возилъ бы ихъ въ поле; когда до копѣйки деньги выйдутъ, тогда зажечь эти дрова; покуда они всѣ не сгорятъ въ уголья, лечь и у Бога прощенія просить».—Купецъ такъ и сдѣлалъ. «Зажечь онъ эти дрова, и горѣли они три года. Пока не сгорѣли всѣ эти дрова, купецъ лежалъ на жару и у Бога прощенія просилъ.

¹⁾ *Luzel*, *Légendes chrétiennes de la Basse Bretagne*, I, 107—203 (указ. у *Карловича*, *Wisla*, II, 117). Легенда удерживаетъ упоминаніе о покающемся разбойникѣ. Сказка въ сборникѣ *Sovquin'a: Saint Etienne* (№ LXIV) передаетъ разсказъ о чловѣкѣ, отданномъ дьяволу, еще ближе къ приведенной выше старо-французской легендѣ. Подробностей, напоминающихъ сказку о шелудякѣ или легенду о разбойникѣ, въ разсказѣ о св. Стефанѣ нѣтъ.

Богъ его простилъ»¹⁾. Любопытно, что и въ сказкѣ, записанной въ Бретаня, разбойникъ строитъ печь; жаръ печи долженъ напоминать грѣшнику огонь геенны. Въ одномъ изъ малорусскихъ пересказовъ начало легенды передано такъ: «Була на селі вдова та все її хотілось, щоб син був у неї. От чорт і довідався та перекинувся паном і перестрів її. «Деб тут, кае, можно було переночувать та так щоб і з бабою?»—Чом, кае, не можно, і я переночую.—«Ну, так, то її так, кае, тільки зробимо росписку, як син народиться, то буде твій до зросту, а там буде мій, а як дочка—хай твоя!»—Та вертілась, вертілась,—согласилась. Погуляли от то ніч, вранці распровствивсь чорт і пішов. От як уж вийшло її, родила вона сина. Став син до літ доходити, такий став грамотний та разумний. Якось і найшов ті росписки. «Шо це ви, кае, мамо, наробили?»—Плаче.—Слѣдуетъ далѣе розказъ о путешествіи къ сатанѣ, о страшной кровати и проч.²⁾.

Знакомясь съ пересказами отмѣченныхъ выше легендъ и сказокъ, мы вращаемся, очевидно, въ кругу эпическихъ данныхъ, связанныхъ взаимнымъ притяженіемъ, и потому легко поддававшихся соединенію и обмѣну подробностей. Легенда о челоуѣкѣ, освобождающемся отъ власти дьявола, сливалась то съ разказомъ о побаявшемся разбойникѣ, то съ сказкой о мнимомъ шелудякѣ.

Связь этихъ переплетающихся повѣствованій съ сказаніемъ тиша Роберта Дьявола несомнѣнна: въ легендахъ и сказкахъ мы находимъ всѣ элементы, изъ которыхъ сложилась повѣсть о смрившемся удалыцѣ. Одна легенда разказывала о бездѣтныхъ супругахъ, обрекающихъ демону желанное дитя (прямымъ ли призываніемъ нечистаго, или нарушеніемъ обѣта цѣломудрія); позже этотъ обреченный дьяволу челоуѣкъ, при помощи благочестиваго отшельника, освобождается отъ темной силы. Въ другой легендѣ рѣчь шла о великомъ преступникѣ, о разбойникѣ, разузнающемъ, какъ ему загладить свои грѣхи; способъ примиренія съ небомъ указывается свитымъ отшельникомъ. Мы знаемъ, что эти двѣ легенды соединились въ сводномъ разказѣ: обреченный демону встрѣчается съ разбой-

¹⁾ Великорусскія сказки, вып. III, стр. 95—97. Припомнимъ, что по одному изъ малорусскихъ вариантовъ разбойникъ, по наставленію священника, долженъ развести огонь и положить «зверху руки по лікті, а ноги по коліна» (*Драюмановъ*, 131). Въ нѣмецкомъ пересказѣ разбойникъ разводять огонь, ставитъ на него котель съ масломъ и погружается въ горячую жидкость. (*Monat. Anzeiger für Kunde der deutschen Vorzeit*, 1837, VI, 890—400; *Teutsche Volkssagen* № 30).

²⁾ *Драюмановъ*, *op. cit.*, стр. 50—51.

никомъ и не только самъ спасается отъ грозившей ему бѣды, но и разбойнику указываетъ путь спасенія. Повѣсть типа Роберта Дьявола представляетъ иное сдѣленіе тѣхъ же легендъ: Робертъ—человѣкъ, отданный дьяволу, и кающійся разбойникъ. Въ только что указанномъ свободномъ разказѣ образъ благочестиваго отшельника, назначающаго преступнику эпитимію, сливается съ образомъ человѣка, ходившаго въ адъ. Повѣсть о Робертѣ даетъ иное смѣшеніе, отождествляя человѣка, обреченнаго демону, съ разбойникомъ, отыскивающимъ средство примиренія съ небомъ.

Остается коснуться еще одного вопроса. Въ приведенныхъ выше легендахъ настойчиво повторяется одно и то же покаянное испытаніе: поливаніе сухаго дерева. Испытаніе Роберта иное. Не мѣшаетъ ли эта разница сопоставленію легендъ о разбойникѣ съ сагой о нормандскомъ герцогѣ? Въ правѣ ли мы поэтому разсматривать сводную легенду о разбойникѣ и человѣкѣ, обреченномъ демону, какъ литературную аналогію повѣсти о Робертѣ? Драгоценнымъ пособіемъ для разрѣшенія этихъ недоумѣній можетъ служить житіе св. Варвара разбойника, помѣщаемое въ житейныхъ сборникахъ греческихъ и славяно-русскихъ¹⁾. Житіе это представляетъ замѣча-

¹⁾ Память св. Варвара помѣщается въ славянскихъ прологахъ и минеяхъ подъ разными числами: 6-го мая, 18-го августа, 2-го октября (*Серій*, Полный мѣсяцесловъ Востока, т. I, прилож., стр. 114; т. II, ч. I, стр. 118, ч. 2, стр. 125). Въ четырехъ минеяхъ Дмитрія Ростовскаго въ началѣ житія Варвара (подъ 6-мъ мая) помѣчено на полѣ: „изъ великія минеи четьи“. «Слово о Варварѣ, разбойницѣ, како приведе его Богъ на покаянье» издаво недавно г. *Допаретимъ* по рукописи. Торжественнику XVI вѣка (Описаніе рукописей Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности, ч. I, № CLXXXV, стр. 344—346). Въ греческихъ синаксаряхъ память Варвара отнесена къ 15-му мая. Г. *Пападопуло Карамей* нашелъ и напечаталъ Κωνσταντίνου Ἀκροπολίτου Λόγος εἰς τὸν ἄγιον Βαρβάρου (Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς ἀρχαιολογίας... Ἐκδ. ὑπὸ Α. Παπαδοπούλου-Κεραιέως, τόμος Α' XVIII, 406—420). Разказъ Константина Акрополита, писателя XIII—XIV вѣка, представляетъ значительныя разницы сравнительно съ текстомъ, внесеннымъ въ наши и греческіе синаксаря. *Гаер Сп. Дестунисъ*, въ статьѣ, вызванной появленіемъ сборника г. Керамей, высказываетъ такіа соображенія относительно разницъ въ сказаніи о Варварѣ: „Въ сказаніяхъ, доселѣ издававшихся о житіи этого угодника... обращеніе его изъ разбойника и безбожника въ христіанина изображалось, какъ плодъ его собственнаго размышленія и богомыслия. По тексту Константина Акрополита, на обращеніе Варвара подѣйствовало необычайно сильное впечатлѣніе, произведенное на него святою литургіей. Хотя авторъ этого жизнеописанія жилъ въ XIII—XIV вѣкахъ и отдѣленъ былъ слишкомъ четырьмя столѣтіями отъ самыхъ событій, но онъ, безъ сомнѣнія имѣлъ, подъ рукою болѣе вѣрные источники, чѣмъ тѣ, которыми пользовались, издаваемыя доселѣ минеи. Въ новомъ текстѣ находимъ живую картину

тельное сходство съ одной стороны съ отмѣченными выше легендами, а съ другой—съ сказаніями о Робертѣ.

Варварь разбойничалъ «въ странахъ Ликийскихъ, многи крови чловѣческия проливая; никто же можаше его няти, ни противитися

религіозныхъ гоненій, совершавшихся въ царствованіе Михаила Косноязычнаго (Травла) (820—828 г.) и рядомъ съ ними опустошеній имперскихъ земель извнѣ саракинами. Съ этимъ-то общимъ ходомъ дѣлъ въ тѣсную связь поставлена прежняя грѣховная жизнь Варвара и его обращеніе на путь истины. Отложивъ въ сторону плохое объясненіе самого Константина о происхожденіи этого лица отъ Афровъ, мы однако не отвергаемъ того факта, рассказаннаго тѣмъ же авторомъ, что Варварь принадлежалъ къ сонмищу жителей мѣстечка *Драомиасто*, по соседству съ Амвракіей (Артой) и что въ своихъ походахъ онъ доходилъ до Ниша (*Núsav*). Итакъ, правдоподобнымъ намъ кажется, что онъ былъ славянинъ». (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1892; августъ, стр. 393—394). Не касаясь вопроса объ исторической основѣ житія, вызывающей не мало недоумѣній (*Серій* op. cit. II, 2, 124—125), позволю себѣ высказать догадку о самой легендѣ, связанной съ именемъ Варвара. Неодинаковые изводы сказанія о Варварѣ напоминаютъ литературную исторію западной легенды о св. Христофорѣ, соединившей рассказа о дикарѣ, ставшемъ христоносцемъ, съ памятью св. мученика, носившаго имя Христофора. Основую нашей легенды могла быть поучительная притча о дикарѣ, обратившемся къ Христу. Имя *βάρβαρος*, имѣвшее въ притчѣ нарицательное значеніе, дало однако поводъ къ смѣшенію анонимнаго рассказа съ памятью о св. мученикѣ Варварѣ, извѣстномъ по восточнымъ и западнымъ легендамъ. Позже, подъ вліяніемъ этого смѣшенія, когда легенда о Варварѣ распалась на двѣ редакціи (древнюю и новую, основанную на притчѣ), раздвоился и образъ Варвара: явилось „въ Греціи два Варвара муроточца: одинъ усѣченный при Гуліанѣ во Фракіи, но коего мощи положены въ Месонѣ пелопонескомъ, другой—на сѣверѣ Греціи“ (*Серій*, 1, cit.). Первая, пелопонеская локализациа, принадлежитъ древней легендѣ. Для новой, приточной редакціи понадобилось отыскать и новую мѣстность. Она найдена была тамъ, гдѣ злыны смѣшивались съ варварами, въ странахъ съ греко-славянскимъ населеніемъ. Памятникъ, въ которомъ сохранилась эта приточная редакціа,—слово Константина Акрополита. „*Ἦν μὲν ἐκ Βαρβάρων*“, замѣчаетъ Константинъ о своемъ героѣ. Видимъ такимъ образомъ, что нарицательное значеніе имени Варвара сохраняетъ еще полную провѣрочность. Обращеніе Варвара къ Христу изображается такъ: *δακρυα γάρ χροονηδὸν προχέας τῶν ὀφθαλμῶν ὁ δάκρυα πολλὰκις περιδῶν, μᾶλλον δὲ συχνοῖς συχναῖς δακρύων ἀφορμὰς παρασχόμενος, καὶ τὰ πιστὰ δοῦς ἐνθένδε τῆς μεταθέσεως μοιῆται τὰ ὑψηλότερα, τὴν μακαρίαν ὁμολογεῖ Τριάδα καὶ Κανδάκης τις ἄλλος χυδαπερεὶ βαπτισθῆναι ζητεῖ καὶ βαπτίζεται;* то-есть: ручьемъ злигъ слезы изъ глазъ многократно презиравшій слезы, болѣе того—многимъ много поводовъ давшій къ слезамъ; доказавъ этимъ свое раскаяніе, онъ посвящается въ высочайшія тайны (вѣры): исповѣдуетъ блаженную Троицу и, подобно Кандаку, ищетъ крещенія и крѣстится (стр. 413). Оказывается такимъ образомъ, что варварь былъ язычникъ; авторъ слова сравниваетъ его съ зѣлопомъ, обращеннымъ и крещеннымъ ап. Флиппомъ (книга Дѣяній апостоловъ VIII, 27—39). Выраженіе Константина, *Κανδάκης τις ἄλλος*—не точно; въ книгѣ Дѣяній упоминается *δυναστὴς Κανδάκης*

ему; зане крѣпокъ бѣ тѣломъ». Разъ, когда разбойникъ сидѣлъ въ пещерѣ и разсматривалъ золото, собранное грабежемъ, «внезапу осия его свѣтъ и умился душою, прииде, въ страхъ божии, в себѣ бывъ и плакашеся душа своя грѣшныя». Задумавъ покаяться, Варваръ «остави все, токмо единъ мечъ подъ пазуху вземъ, и иде въ село, в немъ же бѣ церковь; и узре прозвитера въ церкви, по утренни падъ на ногу его моляшеся со слезами» ¹⁾. Священникъ приводитъ грѣшника къ алтарю, выражая готовность выслушать его исповѣдь. Этой готовностью духовникъ спасъ себѣ жизнь. Оказалось, что разбойникъ уже обращался раньше къ двумъ іереямъ, но тѣ отказались принять его покаяніе и были убиты. «Убихъ, кается Варваръ, до трехсотъ мужей мечемъ своимъ, убихъ двою прозвитеръ не хотѣвшіе мя прияти на покаяніе». Припомнимъ совершенно сходную подробность въ народныхъ легендахъ о кающемся разбойникѣ: онъ

της βλαπίστου Αιδιόπων. Но подобное же перенесеніе имени Кандаки на ея вельможу, встрѣчается, впрочемъ, и у другихъ писателей (*Lirvius, Die arosgurhen Arostelgeschichten*, II, 2, 40). Упомянутое о слезахъ, которыя презирагъ и принималъ Варваръ, объясняется его жизнью до обращенія къ Христу: онъ былъ разбойникъ (стр. 410). Редакція житія, известная по синаксарямъ, запомнила только последнюю подробность, разбойничью жизнь Варвара. Его обращеніе къ Христовой вѣрѣ, всѣ подробности этого обращенія забыты. Въ этой вторичной передѣлкѣ легенда объ обращенномъ Варварѣ перестроилась по типу рассказовъ о покаившемся разбойникѣ. Сообразно съ этимъ измѣнены, какъ увидимъ при дальнѣйшихъ сличеніяхъ, и нѣкоторыя подробности разказа. вмѣстѣ съ тѣмъ и имя Варвара утратило прежнюю значимость; оно могло быть понято только какъ имя собственное. При передачѣ содержанія житія я держался славянскаго текста, изданнаго г. Лопаревымъ.

¹⁾ Въ словѣ К. Акрополита обращеніе Варвара объясняется чудеснымъ видѣніемъ: присутствуя въ церкви при литургіи, Варваръ видѣлъ въ алтарѣ пресвитера и съ нимъ прекрасное дитя (ὄρα θαυμάσια οἶα καὶ βλίπαι ἐξαίσιαι· πρῶτα μὲν γάρ τὸν πρεσβύτερον καὶ περὶ αὐτὸν βρέφος περικαλλές ἀστειὸν περιπολεῖον τὸ αὐτοῦ, стр. 411), видѣлъ также двухъ свѣтозарныхъ юношей, которые помѣщались по сторонамъ священнослужителя, держась надъ землей локтя на два (τεθέσται δὲ καὶ νεανίας δύο ὡς λευκά μὲν ἐνδεδομένους, ἡλίου δὲ δίχην μᾶλλον δὲ καὶ ὑπὲρ ἡλίου λάμποντας· οἱ καὶ ἐχάτερονθεν τὸν θύτην ὑπὲρθεον καὶ τῆς γῆς ὡσεὶ δύο πῆγαις ἐτίθειον μετέσφρον, стр. 412). Это видѣніе напоминаетъ «Указаніе Амфилога царя о святѣй литургіи» («видѣлъ Христа яко дитятко малое») и другіе подобные же рассказы объ евхаристическомъ чудѣ. Рассказы эти рассмотрѣны въ ст. *А. Н. Веселовскіи*: «Амфилогъ—Eualach въ легендѣ о св. Грагѣ» и «Къ видѣнію Амфилога» (Разыск. въ области р. дух. стиха, вып. V, гл. XVII, стр. 331—349. 375—376, вып. VI, гл. XXI, стр. 137—146). Въ дополненіе могу указать рассказы, записанные въ *Dialogus miraculorum* (отд. IX: De sacramento) и въ нашемъ патерикѣ (Древній патерикъ, изложенный по главамъ, изд. 2, стр. 339—341, 342—344).

убиваетъ нѣсколько священниковъ, отказавшихся наложить на него эпитимію ¹⁾.

Выслушавъ исповѣдь Варвара, священникъ сказалъ ему: «чадо, нѣсть грѣхъ, иже милость Божію удоволити, но токмо не отчайся и поиди въ домъ мой, да яже ти глаголю, то сѣтвори дѣло». Пошедшу же прозвитеру изъ церкви и обратися *видѣ Варвара на колыну и на логтию по себѣ идуща* ²⁾ и рече: что се чадо? Онъ же рече: «Отнележе отвергохся всего зла предѣ Богомъ, своихъ грѣховъ, и не имамъ вѣстати, дондеже ми отпущены будутъ. Вшедшима же нма в домъ и рече ему попъ: се, чадо, дѣти мои, а сѣ раби и пси, кому хоцещи равенъ быти, да с тѣми ядъ прими. Варваръ же рече: азъ есми ни псомъ себе помышляю равна быти, но обаче нужды ради тѣлесныя, съ тѣмы пси яди вкушу... ³⁾. И рече ему: сѣтвори, чадо, якоже предѣ Богомъ реклъ еси, и *пребысть три мѣта съ пси яды*». Такимъ образомъ кающійся Варваръ оказывается выдерживающимъ то именно испытаніе, которое знакомо намъ по сагѣ о Робертѣ: *ascendit aulam regiam, pugnât cum canibus, rapit ea, quae eis proiciuntur, ab eorum dentibus*. Этотъ же видѣ покаянія повторяется въ нѣкоторыхъ другихъ западныхъ сказаніяхъ: въ сагѣ о Валентинѣ и Орсонѣ ⁴⁾ и въ одной изъ переработокъ легенды о гордомъ царѣ ⁵⁾. Припомнимъ при этомъ еван-

¹⁾ Близкое сходство съ житіемъ Варвара представляетъ исландская легенда о разбойникѣ Vilchín-ъ: разбойникъ убилъ двухъ священниковъ, отказавшихъ ему въ прощеніи грѣховъ; третій духовникъ назначаетъ кающемуся эпитимію (составъ эпитиміи иной, чѣмъ въ житіи Варвара); прохожій человекъ убилъ покаившагося разбойника.—Сходная по началу легенда известна и въ нѣмецкомъ пересказѣ. (*H. Gering, Isländische Legenden, Novellen und Märchen, II, 19—22, 394*).

²⁾ Хожденіе на четверенькахъ упоминается, какъ было уже замѣчено, въ нѣмецкомъ пересказѣ о французскомъ королѣ: *er solt kriechen auf dem ertrich als ein vihe* (*Germania, 1892, 50*).

³⁾ Варваръ самъ выбираетъ себѣ этотъ способъ покаянія. Подобная же черта встрѣчается въ нормандской хроникѣ: *et voua a Dieu que iamais viande ne mengeroit sil ne lotoit aux chiens*. (*Breul, op. cit. 76—77*).

⁴⁾ *Valentin und Namelos... nebst Einleitung, Bibliographie und Analyse des Romans Valentin et Orson von W. Seelmann* (*Denkmäler, herausg. vom Verein für niederdeutsche Sprachforschung IV*), S. L, LVI.

⁵⁾ Переработка эта приурочена къ имени Роберта, короля Сицилійскаго (см. *H. Varnhagen, Ein indisches Märchen auf seiner Wanderung durch die asiatischen und europäischen Litteraturen, 64—90*). Фарнгагенъ съ излишней, кажется, рѣшительностью утверждаетъ, будто авторъ стихотворенія о Робертѣ сицилійскомъ nicht verschmähte, gewisse Züge der im Mittelalter ebenfalls weit verbreiteten, interessanten Sage von Robert dem Teufel zu entlehnen und seiner Dichtung einzuverleiben. So nennt er auch den Helden Robert.

гельскую притчу о богатѣ и нищемъ.—Бѣдный Лазарь «желалъ питаться крошками, падающими со стола богача, и псы приходя лизали стружья его». (Ев. Луки, XVI, 21). Нашъ духовный стихъ развиваеъ евангельскую картину:

Псы по подстолямъ похаживали,
Обронныя крошечки собиравали,
Къ убогому Лазарю принашивали.
(Калѣки перех. I, 56).

Этою же евангельскою картиной уничиженія воспользовалась и легенда, придавъ ей значеніе покаяннаго испытанія ¹⁾.

Собачьей жизнью не ограничилось испытаніе Варвара. Послѣ трехъ лѣтъ такой жизни священникъ сказалъ покаявшемуся разбойнику: «уже, чадо, не велить ти Богъ питатися съ тѣми. И рече Варварь: отче, аще хочу скотомъ пасомъ быти. — И рече попь: «се, чадо, Богъ вѣсть, за предвѣя свои прегрѣшенія хощещи страдати. *И тако изыде скоты пасти*; оттолѣ же изыде въ дубраву и пребысть 12-ть лѣтъ в пустыни, зѣлия суровыя по нужѣ вкушаше, нагъ ходя, ничего же на тѣлѣ своемъ имѣяше; бяше же ему плоть, аки кора финикова, отъ мраза разсѣдшися, отъ солнца почерневши») ²⁾. Подобное же превращеніе разбойника въ пастуха встрѣчается и въ указанныхъ выше народныхъ легендахъ:

«Шоб спокутувать, каже піп, батькові й материні гріхи, то наймись до мене, або такъ стань на год вівці пасти. Разбойникъ согласвся» и пр.

Выдержавъ покаянный искусь, Варварь скончался смертью муче-

¹⁾ Иное опять значеніе. — значеніе жизненнаго опыта, — получаетъ этотъ образъ въ парченіяхъ Даніила Заточника: «Не бившися со псомъ объ одинъ моклокъ, добра не видати. Не гнавши бо ся кому послѣ шершня съ метлою о кроху, ни скакавши со стола по горохово зерно, добра не видати». Въ былинѣ о Хотенѣ Блудовичѣ Часова жена пользуеться сходнымъ же образомъ, чтобы поглумиться надъ бѣдностью жениха своей дочери:

Онъ ходитъ по городу—уродуетъ,
Ищетъ-то упалаго зерничка,
А чѣмъ бы ему голова пропитать.

(Рыби. I, 256, 252; III, 142; Гилуб., 836).

²⁾ Константинъ Акрополитъ изображаетъ покаянное испытаніе Варвара иначе: на руки и ноги его накладываются тяжелыя путы; на шею накладывается цѣпь, пригибающая голову къ рукамъ (πεδεῖται χεῖρας ἄμα καὶ πόδας βαρυστατοῖς ὅτι κλοισί, καὶ ἐξαρτάτι τοῦτοφ τοῦ τραγγίλου σερῖα, τὴν κεφαλὴν σφικτακλίνοισα ταῖς χερσὶ 414).

ника. Какіе то прохожіе купцы приняли его за звѣря и подстрѣлили. Когда же они подошли и увидѣли свою ошибку, ужасъ охватилъ ихъ. Но умирающій не повелѣлъ имъ скорбѣть, разтказать о себѣ и попросилъ отогнать овецъ къ попу. Священникъ, получивъ извѣстіе о смерти Варвара, пришелъ похоронить его и увидѣлъ тѣло его, свѣтящееся какъ солнце.

Двойной параллелизмъ житія Варвара разбойника придаетъ этому памятнику особенное значеніе. Повѣсть о св. Варварѣ представляетъ несомнѣнно пересказъ той именно легенды, которая извѣстна и по народнымъ преданіямъ о покаявшемся разбойникѣ. Сходство такихъ мелочныхъ подробностей, какъ убійство двухъ священниковъ, не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Но житіе Варвара выдается изъ ряда сходныхъ съ нимъ сказаній картиною покаяннаго испытанія. Это испытаніе одинаково съ тѣмъ, которое изображается въ сагѣ о Робертѣ. Сага оказывается такимъ образомъ и въ этомъ пунктѣ примыкающей къ тому же кругу сказаній, къ которому принадлежатъ извѣстныя намъ народныя легенды.

Повѣсти о Варварѣ и Робертѣ тѣмъ удобнѣе сопоставить, что какъ та, такъ и другая дошли до насъ путемъ не устной, а письменной традиціи. Традиція эта уводитъ насъ за предѣлы русской литературы. Сага о Робертѣ знакомитъ насъ съ западной легендой. Житіе Варвара даетъ возможность прослѣдить сходныя черты въ области греческой агиологіи.

Но легенда о покаявшемся разбойникѣ объясняетъ лишь часть саги о Робертѣ, другая ея часть связана, какъ мы видѣли, съ легендой о человѣкѣ, обреченномъ демону. Сага не сопоставляетъ только эти двѣ темы, какъ сводный разсказъ о разбойникѣ и о посѣтителѣ ада, а соединяетъ ихъ въ эпическое цѣлое, проникнутое одной мыслью и расположенное по опредѣленному, выдержанному плану. Повѣсть— не скопленіе легендарныхъ и сказочныхъ подробностей, набранныхъ по сходству содержанія, а обдуманное, цѣлесообразное сочетаніе этихъ подробностей, сплоченное живымъ творческимъ замысломъ. Въ одномъ изъ указанныхъ выше малорусскихъ разсказовъ разбойникъ встрѣтившійся съ юношей, обреченнымъ демону, спрашиваетъ: «А ци ти у матери в утробі запродажи?» На утвердительный отвѣтъ юноши разбойникъ замѣчаетъ: «Ну то ти такіи какій як я е». Этотъ намекъ на какую-то связь разбоя съ обреченіемъ демону остался въ народномъ разсказѣ не развитымъ. Въ сагѣ о Робертѣ эта именно мысль о воздѣйствіи дьявола на обреченнаго ему человѣка положена въ основу всего разсказа. Древній поэтъ, слагавшій впервые такой разсказъ, зналъ

преданія о чертовѣхъ дѣтяхъ, о людяхъ съ демонической природой, какъ императоръ Юстиніанъ, и т. п. Эти преданія послужили для него образцомъ, дали ему основную нить, на которую онъ нанизывалъ подробности изъ подходящихъ по содержанию, и при томъ же легко поддававшихся скрепчиванію легендъ и сказокъ: о человѣкѣ, обреченномъ демону и освободившемся отъ его власти, о покаявшемся разбойникѣ, о мнимомъ шелудякѣ. Получилась сложная, но цѣльная повѣсть, которая повторяется и во французскомъ романѣ о нормандскомъ герцогѣ, и въ англійской поэмѣ о герцогѣ австрійскомъ, и въ нѣмецкомъ разсказѣ о какомъ-то французскомъ королѣ, и въ нашей былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ.

Правда, наша былина не знаетъ теперь подробностей, соответствующихъ второй половинѣ саги о Робертѣ и его литературныхъ двойникахъ. Но въ древнюю пору, въ первоначальной редакціи былины такія подробности, вѣроятно, были. Припомнимъ приуроченіе имени Василья къ году осады Новгорода суздальскими войсками. Такое приуроченіе, какъ было уже замѣчено, даетъ поводъ къ догадкѣ, что въ древней былинѣ передавался разсказъ объ осадѣ города, объ отраженіи вражескаго набѣга, при чемъ дѣйствующимъ лицомъ выступалъ Василій Буслаевичъ. Припомнимъ еще пѣсню, гдѣ Василій является въ положеніи Ваньки ключника:

И пошелъ молодецъ нуъ земли въ землю,
И попалъ молодецъ къ королю въ Литву,
Нанялся молодецъ къ королю на двѣнадцать лѣтъ,
И первый годъ жилъ въ конюхахъ:
И вива-то горькаго молодецъ не пивалъ,
Сладкимъ медомъ не закусывалъ...

На другой годъ молодецъ жилъ во поварахъ, на третій годъ—во ключникахъ (*Рыбниковъ*, II, № 49, стр. 260).

Для изображенія Василья въ такомъ положеніи приживальщика при королевскомъ дворѣ должны же были представляться какія-нибудь основанія; въ пѣсняхъ о Васильѣ должно было отыскиваться что-то похожее на положеніе добраго молодца, служившаго на чужбинѣ. Если дошедшіе до насъ пересказы былины не представляютъ такого сходства, то остается предположить, что въ этихъ пересказахъ нѣкоторыя подробности прежней былины забыты. Пѣсня о Васильѣ, королевскомъ конюхѣ и ключникѣ, получаетъ, при такомъ предположеніи, значеніе смутнаго, искаженнаго воспоминанія объ утраченномъ эпизодѣ древней былины.

Устойчивой подробностью сказки о шелудякѣ представляется,

какъ мы видѣли, упоминаніе о золотыхъ волосахъ сказочнаго героя. Эти золотые волосы сближаютъ мнимаго шелудяка съ «Васильемъ златовласымъ, королевичемъ Чешскія земли», дѣйствующимъ лицомъ повѣсти, вѣроятно, захожей, но успѣвшей натурализоваться на русской почвѣ¹⁾. Въ известномъ теперь текстѣ повѣсти нѣтъ объясненія прозвища героя; золотые волосы Василья не впадаютъ въ содержание разсказа. Но литературное творчество стараго времени не терпѣло условныхъ, ничего не выражающихъ прозвищъ. Вѣроятно, повѣсть о Василіѣ была измѣнена, при чемъ кое-какія подробности были забыты²⁾. Повѣсть развиваетъ теперь тему сказокъ о гордой, разборчивой невѣстѣ; въ сказкѣ этой группы женихъ является обыкновенно «въ чужомъ образѣ: нищаго, бѣдняка, садовника, ходебщика, угольщика, пекаря, парикмахера, пастуха, лакея, юрודиваго, гусельника»³⁾. Такая тема имѣетъ нѣкоторое сходство съ знакомыми намъ сказками о герояхъ въ униженіи, о мнимомъ шелудякѣ. Не представлялся-ли первоначально златовласый Василій такимъ именно златовласымъ шелудякомъ, какъ Незнайко и подобные ему сказочные герои? Повѣсть о королевичѣ Чешскія земли примкнула бы при такомъ предположеніи къ тому кругу сказокъ, къ которому съ другой стороны примыкаетъ повѣсть о Робертѣ, родственная съ былинной о Василѣ Буслаевѣ. Не случайно, быть можетъ, сходство именъ чешскаго королевича и новгородскаго удалыца...

Собирая эти мелочные, полузабытые намеки, предполагающіе

¹⁾ Повѣсть о Василіѣ указана была впервые *И. М. Смирновымъ* (въ изслѣд. о лубочныхъ картинкахъ; ср. *Лыкинъ*, Исторія повѣстей и сказокъ, 223), найдена въ погодинской рукописи *А. Ф. Бычковымъ* (Описание рукоп. сборниковъ Публичной бібліотеки, стр. 272), издана *И. А. Шляпкинмъ* (Памятники др. письменности 1882 г.), рассмотрѣна *А. Н. Веселовскимъ* (Замѣтки по литературѣ и народной словесности, стр. 62—80).

²⁾ На измѣненія и пропуски въ текстѣ повѣсти указываютъ и другія подробности ея состава. «Имена главныхъ дѣятелей повѣсти, замѣчаетъ академикъ Веселовскій, принадлежать вѣроятно ея искомому оригиналу, въ которомъ, быть можетъ, нашли бы себѣ объясненія и *нѣкоторые неясно разсказанные ея эпизоды*. Къ чему оказывается нужнымъ стеклянный полъ, прикрытый сукномъ? Откуда взялись у царевича чудесныя гусли, очевидно, гусли сказки, гдѣ онѣ чередуются съ столь же диковинною свирѣлью, то усыпляющей, то подстрекающей къ пляскѣ? Мудрость царевны, о которой говорится въ началѣ разсказа, даѣе ничѣмъ не мотивирована, какъ остается не объясненнымъ, почему и гость, ѣдущій съ царевичемъ, и его тридцать спутниковъ названы Васильями» (op. cit. 66—67).

³⁾ *ibid.* 73. См. еще замѣчанія о сказкахъ этой группы въ ст. *И. Кузьмичева*: Шолудовый Бунака въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ (Кіевская старина, 1887. т. XIX, октябрь, стр. 237—241).

сходство древней былины о Васильѣ со второй частью саги о Робертѣ, я совсѣмъ не думаю утверждать, что такое предположеніе неизбежно необходимо. Если наша былина не знаетъ подробностей, отвѣчающихъ сказкѣ о мнимомъ шелудякѣ, то вѣдь не знаетъ такихъ подробностей и одинъ изъ древнѣйшихъ пересказовъ саги о Робертѣ,—Нормандская хроника. Былина о Васильѣ Буслаевѣ въ ряду родственныхъ ей сказаній дѣйствительно должна занять отдѣльное мѣсто, должна быть признана своеобразною редакціей широко распространенной саги, но право на такое признаніе дается нашей былинѣ не отсутствіемъ сходства съ сказкой о шелудякѣ, а иными, болѣе важными и интересными особенностями.

V.

Кающійся разбойникъ—образъ, часто появляющійся въ христіанско-легендарной литературѣ. Рѣзкій переходъ отъ мрака къ свѣту, отъ разгула грѣшныхъ страстей къ суровымъ подвигамъ покаянія, превращеніе злодѣя въ праведника—тема драгоцѣнная для поучительныхъ выводовъ. Составители благочестивыхъ легендъ охотно возвращались къ этой темѣ, имѣя образецъ въ евангельскомъ разсказѣ о «благоразумномъ» разбойникѣ, покаявшемся на крестѣ.

«И сказалъ ему Иисусъ: истинно говорю тебѣ, нынѣ же будешь со Мною въ раю» (Ев. Лукы, XXIII, 43). Эти святые слова оправдались на многихъ грѣшникахъ и болѣе поздней поры. Въ ряду сказаній объ апостолѣ Іоаннѣ находимъ «слово о уноши разбойницѣ, его же спасе Іоаннъ Богословець» ¹⁾. Анастасій Синайскій въ своихъ Вопросы-отвѣтахъ упоминаетъ о разбойникѣ, котораго исправили вниманіе и заботливость императора Маврикія ²⁾. Отрывокъ изъ сочиненія Анастасія, передававшій этотъ разсказъ, переписывался въ славянскомъ Прологѣ и въ Четивхъ Минеяхъ въ видѣ отдѣльной статьи (подъ 17-мъ октября). Въ тѣхъ же Минеяхъ и въ Прологѣ находимъ еще «Житіе и жизнь старѣйшаго разбойниковъ, именемъ Флавіана» (подъ 18-мъ октября), знакомое намъ житіе св. Варвара, бывшаго разбойника (подъ 6-мъ мая), разсказъ «о разбойницѣ, иже исповѣдая вся своя согрѣшенія предъ всѣми каяся» (подъ 7-мъ мая).

¹⁾ Великія Четив Минеи митрополита Макарія. вып. 3, ст. 1582—1584.

²⁾ Patrolog. cursus compl., t. 89.

Такія же сказанія заносились и въ патернки. Такъ, въ сводномъ, такъ называемомъ азбучномъ патерикѣ находимъ упомянутое уже житіе Флавіана, рассказы о покаявшихся разбойникахъ Давидъ, Кириакъ и др. ¹⁾.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться на всѣхъ этихъ легендахъ. Для примѣра напомнимъ въ самыхъ короткихъ словахъ содержаніе лишь двухъ отмѣченныхъ выше рассказовъ: о разбойникѣ, обращенномъ апостоломъ Іоанномъ, и о покаявшемся Флавіанѣ. Юноша, о которомъ говорится въ сказаніи о св. Іоаннѣ, обращенъ былъ апостоломъ на путь правый, но потомъ снова пустился въ разбой. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ отправился въ горы, гдѣ скрывался разбойникъ. Увидѣвъ святаго, юноша побѣждалъ отъ него. Старикъ хочетъ его догнать, но скоро теряетъ силы, падаетъ и съ мольбой простираетъ руки къ этому человѣку, удалявшемуся на свою гибель... Онъ не погибъ, однако. Подвигъ любви не могъ остаться безплоднымъ. Юноша вернулся къ тому, кто звалъ его на путь добра. О Флавіанѣ рассказывается, что онъ былъ страшный разбойникъ. Предводительствуя шайкой подобныхъ ему головорѣзовъ, онъ распространялъ ужасъ въ странахъ Египетскихъ. Последнее злодѣяніе, задуманное Флавіаномъ,—нападеніе на женскій монастырь. Оставивъ свою дружину въ засадѣ, разбойничій атаманъ вошелъ въ обитель, переодѣтый монахомъ. Онъ имѣлъ въ виду выждать удобное время и впустить товарищей внутрь монастырскихъ стѣнъ. Случилось иное. Видъ кроткихъ отшельницъ, радушіе, благоговѣнный почетъ, съ которымъ приняли онъ захожаго старца, пробудилъ дремавшія въ разбойникѣ добрыя чувства. Чудо, совершившееся по волѣ Божіей, совершило его обращеніе: глухонѣмая дѣвочка, жившая въ монастырѣ, была исцѣлена водой, которой монахини обмывали ноги путника, просившаго пріюта. Эта чудотворная вода милосердія исцѣлила и Флавіана ²⁾. Онъ возродился къ новой жизни. Дружинники вмѣсто призыва къ нападенію слышали отъ своего атамана покаянное признаніе. Простившись съ прежней жизнью, Флавіанъ уже не захотѣлъ вернуться въ міръ. Онъ остался среди тѣхъ, кому обязанъ былъ своимъ спасеніемъ. Изъ западныхъ легендъ подобнаго же содержанія можно указать на легенду о св. Гутлакѣ († 715). Есть житіе этого подвижника, составленное по повелѣнію Етельбалда, короля Anglorum orientalium; Ordericus Vitalis занесъ свѣдѣнія о

¹⁾ Патерикъ азбучный (Почаевъ, 7299 г.), Д, гл. 15; З, гл. 4; К, гл. 11, Ф, гл. 8.

²⁾ Великія Четивъ Миней, вып. 5, ст. 1109—1111.

Гутлакъ въ свою церковную исторію; извѣстно еще англо-саксонское стихотвореніе, рассказывающее жизнь знаменитаго отшельника ¹⁾. Гутлакъ, принадлежавшій къ знатному и богатому роду, бурно и буйно провелъ свою молодость. Cum adolescentiae vires increvissent et juvenili in pectore egregius dominandi amor fervesceret, tunc valida priscorum heroum facta reminiscens, veluti ex sopore evigilans, mutata mente, aggregatis satellitum turmis, sese in arma convertit, et cum adversantium sibi urbes et villas, vicos et castella igne ferroque vastaret corrosisque undique diversarum gentium sociis immensas praedas congregaret; tunc velut ex divino consilio edoctus, tertiam partem aggregatae gazae possidentibus remittebat. Въ этихъ наѣздахъ и грабежахъ прошло восемь лѣтъ. Наконецъ, post tot praedas, caedes garinasque Гутлакъ почувствовалъ отвращеніе къ той жизни, какую велъ. «Mirum dictu!—воскликаетъ авторъ житія,—extemplo velut percussus pectore spiritualis flamma omnia praecordia supra memorati viri incendere cepit». Оставивъ родныхъ и друзей, Гутлакъ ушелъ въ монастырь и принялъ tonsуру, а затѣмъ удалился въ пустыню, гдѣ и провелъ остальную жизнь въ суровыхъ аскетическихъ подвигахъ. Прославленный еще заживо даромъ прозрѣнія и чудотворенія, онъ по смерти причисленъ былъ къ лику святыхъ ²⁾.

Замѣчательно, что поэма о Gowther'ѣ отождествляетъ австрійскаго принца съ этимъ именно св. Гутлакомъ ³⁾. Такое отождествленіе важно, какъ выраженіе литературнаго сознанія. Авторъ поэмы, очевидно, понималъ переданную имъ сагу, какъ одну изъ легендъ о покаявшемся удалцѣ. Сказаніе о Робертѣ Дьяволѣ или о его англійскомъ двойникѣ дѣйствительно представляетъ обработку такого именно литературнаго матеріала, какъ отмѣченныя выше легенды.

¹⁾ Acta Sanctorum, aprilis, t. II, p. 38—50 (Vita auctore Felice); Historiae Normannorum scriptores antiqui ed. A. Duchesnius Turonensis (1619), p. 537 sq. (Orderici Vitalis Angligenae coenobii Uticensis monachi Ecclesiasticae historiae lib. IV). Подробный анализъ англо-саксонскаго стихотворенія см. въ статьѣ Fr. Charitius'a: Ueber die angelsächsische Gedichte vom heil. Gudlac («Anglia», B. II, 1879).

²⁾ Acta Sanct., l. c.

³⁾ Замѣчаніе Breuġа что легенда о св. Гутлакѣ hat faktisch mit der unrigen (Sir Gowther) nichts zu tun (op. с., 191), требуетъ поправки. Тотъ, кто отождествилъ Gowther'a съ Гутлакомъ, имѣлъ, очевидно, въ виду юношескія проказы Гутлака и его позднѣйшее подвижничество. Подобное же превращеніе буйнаго удалца въ святаго угодника изображается и въ поэмі о Gowther'ѣ. Это именно общее сходство въ судьбѣ двухъ легендарныхъ героев и дало поводъ къ смѣшенію ихъ въ одно и то же лицо.

Но сказаніе относится къ легендамъ, какъ сложная, развившаяся литературная форма къ ея простѣйшимъ зачаткамъ. Легенды о разбойникахъ, оставшіяся достояніемъ патериковъ, записывались лишь съ цѣлью назиданія. Литературная форма, занимательность разсказа, подробности его завязки и развязки, яркость бытовой обстановки, образность стили—все это мало интересовало благочестивыхъ писателей поучительныхъ повѣствованій. Сказаніе, давшее основу для саги о Робертѣ Дьяволѣ и для нашей былинны о Васильѣ Буслаевѣ, примыкаетъ къ литературѣ легендъ, но оно не осталось въ предѣлахъ поучительно-повѣствовательной письменности; судьба его была иная. Легенда, покинувшая страницы синаксаря, попавшая въ среду, гдѣ въ почетѣ было «замышленіе бояне», не могла довольствоваться своимъ прежнимъ скромнымъ костюмомъ. Пѣснотворцы стараго времени не останавливались на тѣхъ скудныхъ литературныхъ средствахъ, какими ограничивались составители легендарныхъ сборниковъ. Въ средѣ этихъ пѣснотворцевъ легенда осложнялась, развивалась, разнообразилась, превращалась въ романъ, въ поэмѣ, въ былинѣ. При этомъ неизбѣжно являлось различіе редакцій и пересказовъ, вводящихъ или опускавшихъ тѣ или другія подробности.

Въ занимающемъ насъ сказаніи разнообразіе пересказовъ обнаруживается преимущественно въ двухъ пунктахъ: въ изображеніи обстоятельствъ, вызвавшихъ расканіе грѣшнаго удальца, и въ заключительной части сказанія.

А. Раненый Робертъ находитъ пріютъ у отшельника; внушенія благочестиваго старика такъ подѣйствовали на больного, что онъ съ ужасомъ осматривается на свою прежнюю жизнь и въ подвигахъ покаянія ищетъ примиренія съ проснувшейся совѣстью. Такъ разсказываетъ нормандская хроника. Въ другихъ пересказахъ саги перемена въ душевномъ настроеніи Роберта объясняется общимъ страхомъ и отчужденіемъ, которые поразили Роберта при его появленіи въ замкѣ матери. Въ испанской драмѣ съ содержаніемъ, взятымъ изъ преданій о Робертѣ, покаяніе грѣшника слѣдуетъ за явленіемъ Христа ¹⁾. Австрійскій принцъ задумывается послѣ обличительныхъ словъ какого-то графа; подобный же мотивъ обращенія въ нѣмецкомъ разсказѣ о французскомъ королѣ. У нашего Василья Буслаева новое настроеніе является, повидимому слѣдствіемъ его боя съ новгородцами.

¹⁾ *Breul*, op. cit., 232.

Какъ у молода Васильюшки Буславьева
 Богатырско его сердце пожадѣлося,
 Пожадѣлося сердце и разгорѣлося
 Съѣздить со дружиною хороброю
 На тую на матушку Ердань рѣку,
 Къ тому ко граду Еросолиму,
 Господу Богу помолитися,
 Ко Господнему гробу приложитися
 И во Ердань рѣкъ окупатися ¹⁾
 Со своей дружиной со хороброю.

(Рыбниковъ, I, стр. 361).

Обращаясь къ матери, Василій говоритъ:

Спусти меня, молодца, въ Еросолимъ градъ
 Во святую святыню помолитися,
 Ко Христову гробу приложитися,
 Во Ердань рѣку окупатися.
*Сдѣлаъ я велико прегрѣшеніе,
 Прибилъ много мужиковъ повюродскихъ!*

(Гильфердингъ, ст. 726).

Или:

Ахъ, ты, мать, ты, моя матушка,
 Спусти меня Богу молитися,
Въ грѣхъ пойду прощатися,
 Во Ердани-то пойду купатися.

(Тихомировъ и Миллеръ, 62).

По пересказу Кирши, Василій заявляетъ корабельщикамъ:

Гой еси вы, гости корабельщики!
 А мое-то вѣдь гулянье не охотное:
*Съ молоду бито много, граблено,
 Подъ старость надо душа слисти ²⁾.*

(Стр. 169).

¹⁾ Въ такихъ же точно выраженіяхъ говорить о путешествіи во Св. Землю одинъ изъ старо-русскихъ паломниковъ: „я обѣщахся въ печали своей во Иерусалимъ ити помолитися и у Господня гроба приложитися, и во Ерданѣ искупатися и многимъ патриархомъ греческимъ о грѣсѣхъ своихъ блудныхъ и скверныхъ покаятися“. (Хожденіе Вас. Гагары, стр. 2 по изд. С. О. Долова, въ 33 вып. Палестинскаго сборника).

²⁾ Въ пересказѣ, замѣняющемъ имя Василья именемъ другаго эпического лица, измѣненіе въ его настроеніи поставлено въ ближайшую связь съ убійствомъ крестнаго отца:

Тутъ самъ Вольга ужаснулся одруи,
 Убирался онъ съ матушки съ Волхова,
 Приходитъ къ родители къ матери

Такъ говорить Василій передъ поѣздкой въ Святую Землю. Но далѣе, при изложеніи подробностей самаго путешествія, мы встрѣчаемся въ былинѣ съ эпизодомъ, развивающимъ мотивъ увѣщанія, предостереженія, обращеннаго къ грѣшному человѣку. Я разумѣю при этомъ рассказъ о говорящемъ черепѣ.

...На пути лежитъ пуста голова, человѣчья кость,
Пнулъ Василій тою голову съ дороги прочь;
Провѣщится пуста голова:
„Гой еси ты, Василій Буслаевичъ!
Къ чему меня, голову, попинываешь
И къ чему побрасываешь?
*Я молодецъ не хуже тебя былъ,
Да умню валятися на той горѣ Сорочинскій;*
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Лежать будетъ и Васильевой головѣ“.

(*Дирна*, стр. 176—177).

Черепъ, вѣщающій такого рода предостерегающія рѣчи, извѣстенъ не по одной былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ. Такой же черепъ воспроизводится на одной изъ лубочныхъ картинокъ, издававшейся или отдѣльно, или въ ряду изображеній, входившихъ въ составъ лицеваго синодика. Къ изображенію присоединяются надпись и подпись: «Зри, человѣче, и познавай, чія сія глава, по смерти твоей будетъ твоя такова. *Глаголю сія зрящему на мя: азъ убо бѣхъ, якоже ты, ты же будеши, якоже азъ.* Сія глава сама о себѣ сказуетъ и подобіе свое намъ показуетъ». «Кости зракъ—смерти знакъ; зри се всякъ, будеши такъ. Виждь, человѣче, свое тѣлесное суетствіе и внимай, яко будеши по малѣ времени самъ костемъ сообразенъ и всякаго временнаго имѣнія и красоты міра сего суетнаго лишаемъ»¹⁾. Изображеніе мертвецовъ, напоминающихъ живымъ объ ожидающемъ

Самъ Вольга и хвастаетъ:
„Ай, родитель моя матушка!
И сдѣлалъ теперь незаконный судъ,
Убилъ своего отца было крестнаго!“
Говорить родителю ему матушка,
Тому Вольгѣ Всеславьеву:
„Молодой Вольга Всеславьевичъ!
Не потерпѣть тебя небесной царь,
Что убилъ отца ты крестнаго
За ту напрасну смерть.“

(*Гильбердингъ*, № 2).

О смѣшеніи пѣсень о Васильѣ Буслаевѣ съ былинной о Вольгѣ см. въ гл. VII.

¹⁾ *Росинскій*, Русскія народныя картинки, кн. III, стр. 190, 131, 216.

ихъ концѣ, повторяется въ цѣломъ рядѣ памятниковъ средневѣковой литературы и искусства. Однообразно передаются при этомъ и приведенныя выше слова: «азъ бѣхъ, якоже ты, ты же будеши, якоже азъ».

Quod nunc es, fuimus.
Quod sumus, hoc eris.

Nous étions ce que vous êtes et vous serez ce que nous sommes.

Sus sprechent die dâ sint begraben
bei diu zen alten and zen knaben:
„daz ir dâ sit, das wâre wir,
daz wir nû sin, daz werdēt ir.“

(*Freidank* ¹⁾).

Въ пѣснѣ о новгородскомъ удалцѣ поучительное напоминаніе мертвеца потеряло условную форму иносказанія; говорящій черепъ понять, какъ былевая картина. Подобная же картина рисуется въ одной изъ новогреческихъ пѣсней. «Я гулялъ по кладбищу... наступилъ случайно на могилу удалца (ἀντρασιμένου μνημα). Изъ могилы слышались стоны и тяжелые вздохи. «Что съ тобой, могила? О чемъ ты вздыхаешь и стонешь, молодецъ? Земля ли тебѣ тяжела, или велика мраморная плита?» Мнѣ земля не тяжела, не велика мраморная плита, но больно мнѣ стало, когда наступилъ ты мнѣ на голову (ἐπάνω σὸς κεφάλι). Развѣ и я не былъ молодъ, развѣ и я не былъ храбрымъ паллигаромъ?» и т. д. ²⁾ Въ старо-французскомъ сказаніи о трехъ мертвыхъ и трехъ живыхъ (*Li trois mors et li trois vis*) предостереженіе, даваемое мертвыми, развивается въ болѣе сложную картину; трое молодыхъ людей встрѣчаются съ тремя мертвецами; живые и умершіе обмѣниваются рѣчами; мертвые говорятъ о ничтожности земныхъ радостей, о могуществѣ смерти ³⁾. Въ *Dialogus miraculorum* находимъ рассказъ *De converso a spiritu superbiae tentato et per angelum per ostenta cadavera mortuorum liberato*. Указывая

¹⁾ Рядъ такихъ изреченій собранъ въ статьѣ *R. Köhler*'а: *Der Spruch der Todten an die Lebenden* (*Germania*, V, 220—226). Ср. „*Serapeum*“, VIII, 137, 172 (ст. *Massmann*'а); *Wackernagel*, *Kleinere Schriften*, I, 338. Подобныя же изреченія отыскиваются и въ литературныхъ памятникахъ востока (*Monatsberichte der Berlin. Akademie*, 1858, 512).

²⁾ *B. Schmidt*, *Griechische Märchen, Sagen und Volkslieder*, S. 168—171.

³⁾ См. *Histoire littéraire de la France*, t. XXIII, 278—279. Ср. *Wackernagel*, *Kleinere Schriften*, I, 321, 326. Текстъ сказанія о трехъ мертвыхъ и трехъ живыхъ изданъ *Todd*'омъ въ 1883 г.

на трупы, ангелъ говоритъ гордецу: *Vides hunc hominem? Cito talis eris....*¹⁾).

Въ сохранившихся пересказахъ былины черепъ, найденный Васильемъ Буслаевымъ, говоритъ вразумляющую рѣчь уже послѣ того, какъ въ душѣ ушкуйника совершился переходъ къ новому настроенію. «Много бито, граблено,.... надо душа спасти», говоритъ Василій и затѣмъ слышитъ вразумляющую рѣчь мертвой головы. Болѣе естественнымъ представляется, конечно, иной порядокъ. Вразумленіе было бы умѣстно не позже, а прежде, чѣмъ въ душѣ Василья созрѣла рѣшимость идти въ Іерусалимъ градъ, замолишь свои грѣхи. Мы видѣли уже, что въ разсказѣ о путешествіи Буслаева дошедшіе до насъ пересказы былины смѣшиваютъ, повидимому, двѣ поѣздки Василья: его ушкуйническое гулянье на Волгѣ и его странствованіе въ Святую Землю. Приключеніе съ черепомъ въ первоначальной редакціи былины могло заканчивать первую изъ этихъ поѣздокъ. Горячая молодая сила встрѣчается съ холодной смертью. Встрѣча не переходитъ въ борьбу, какъ въ извѣстномъ «Прѣннѣ Живота и Смерти». Жизнь и безъ борьбы убѣждается въ всепобѣждающей силѣ великой противницы. Беззаботный молодецъ задумался надъ черепомъ былого удальца. Изъ «пустой головы» ему слышится голосъ:

Я, молодецъ, не хуже тебя былъ,
Да умѣю валаться на той горѣ Сорочинскія.

«Ужъ какъ тутъ Василью стосковалось», замѣчено въ одномъ изъ пересказовъ (*Гильфердингъ*, ст. 219). Эта тоска—первое проявленіе душевнаго перелома, испытываемаго новгородскимъ ушкуйникомъ. Чтобы спасти душу, онъ идетъ на богомолье въ Іерусалимъ градъ²⁾).

¹⁾ IV, 4, p. 175—176 (по изд. *Strange*).

²⁾ Въ дополненіе къ приведеннымъ выше примѣрамъ можно еще отмѣтить, что говорящій черепъ встрѣчается и въ иныхъ литературныхъ сочетаніяхъ. Въ легендѣ о св. Макаріи черепъ открываетъ отшельнику тайны загробнаго міра (разборъ этой легенды см. въ сочиненіи *Θ. Д. Батюшкова*: *Прѣнне души съ тѣломъ*, стр. 14—15, 24, 281); въ сербскомъ преданіи объ основаніи Царьграда черепъ говоритъ царю объ ожидающемъ его бѣдствіи (*Веселовскій*, *Южно-русскія былины*, стр. 295; *Mazmann, Kaiserchronik*, III, 870). Припомнимъ еще мертвую голову въ сказкѣ объ Еруслави. «Прѣхалъ Уруславъ, сталъ надъ головою, а говоритъ: Голова де была добраго человѣка. И голова промолвить: Брате де Уруславъ Залаворевичъ! *Твоей голови такожь лежатъ*» и т. д. (*Дѣтноп. русской литературы и древн.*, II, отд. II, стр. 114—115; *Ср. Ромилскій*, *Русск. народныя картинки*, кн. I, стр. 62—63).

Предположеніе двухъ поѣздокъ Василья оправдывается намеками и недомолвками извѣстныхъ теперь пересказовъ былины. Но если даже устранить это предположеніе, значеніе говорящаго черепа не можетъ измѣниться: Василій гуляетъ на Волгѣ, наступаетъ на черепъ, слышитъ отъ него неожиданное внушеніе, задумывается надъ своею жизнью и отправляется «душа спасти». И при такой схемѣ придется допустить если не двѣ поѣздки, то два различные отдѣла одной и той же поѣздки: на Волгѣ и въ Палестинѣ. Приключеніе съ черепомъ заканчиваетъ первую часть путешествія, отдѣляя ее отъ второй.

На смѣшеніе двухъ путей или двухъ поѣздокъ Василья, кромѣ другихъ причинъ, могло оказать вліяніе сближеніе *черепа*, встрѣча съ которымъ заканчиваетъ первую поѣздку, съ *камнемъ*, упоминаемымъ въ концѣ разсказа о второй поѣздкѣ. Такое сближеніе ясно, хотя и неодинаково, выражается въ пересказахъ былины. По нѣкоторымъ вариантамъ кость и камень лежатъ на одной и той же горѣ Сорочинской:

И завидѣлъ Василій гору высокую Сорочинскую,
Захотѣлось Василью на горѣ побывать,
Приставали къ той Сорочинской горѣ,
Сходни бросали на ту гору.
Попшелъ Василій со дружиною,
И будетъ онъ въ поль-горы,
И на пути лежитъ пуста голова, человѣчья кость...
.
Взошелъ на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Гдѣ стоитъ высокой камень,
Въ вышину три сажени печатныя и т. д.

(*Кирша*, стр. 176—177; ср. *Гильфердингъ*, ст. 218—219).

Въ пересказѣ *Рыбникова*, I, 60 (стр. 361—362) камень лежитъ на Оаворъ-горѣ, а черепъ—на пути къ этой горѣ. По другимъ вариантамъ тамъ, гдѣ лежалъ черепъ, появляется позже камень:

И будетъ онъ противъ матушки Сіонъ-горы,
И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
„Ай же ты, дружинишка хоробрая,
Зайдемъ на матушку на Сіонъ-гору,
И зашли они на матушку на Сіонъ-гору,
И нашелъ Василій косточку сухояловую...

Позже Василий и его дружинники снова

Пришли против матушки Сионъ горы,
И говорятъ Василий сынъ Буславъевичъ:
„Ай же ты, дружиннушка хоробрая!
Зайдемъ на матушку Сионъ-гору,
Посмотримъ косточки сухояловы“.
Туть они не нашли косточки сухояловы,
На томъ мѣстѣ лежить былъ горючъ камень.

(Рыбниковъ, III стр. 239—240; ср. Гилбердинъ, ст. 726—727, 294—295).

Какъ объяснить это сближеніе черепа и камня? При разсказѣ, упоминавшемъ объ Іерусалимѣ, о Христовой гробницѣ, въ сознаніи пѣвцовъ, передававшихъ былины, легко могли всплыть реминисценціи изъ палестинскихъ легендъ, изъ сказаній о великихъ событіяхъ, совершившихся въ Іерусалимѣ. Такая именно реминисценція и могла натолкнуть на смѣшеніе камня и головы. Разъ, во время охоты, говоритъ одно изъ апокрифныхъ сказаній, ловчій царя Соломона зашелъ въ какую-то пещеру, оказавшуюся на самомъ дѣлѣ громаднымъ черепомъ. То былъ черепъ Адама. «Видѣхъ,—говоритъ ловчій,—пещеру, и внидохъ въ ней, конь мой вънеуду стояше, азъ же съ хрътомъ і ястрѣбомъ внидохъ и *выдехъ кость, а не камень пещера ть*. Царь наутріе иде и очисти кость отъ коренія и отъ прѣсты и позна, яко то есть Адамова глава» ¹⁾. *Черепъ и камень* упоминаемые въ былинѣ, могли сблизиться въ воспоминаніи съ этимъ *черепомъ Адама, похожимъ на камень*.

В) Епитимійныя испытанія, изображаемыя въ легендахъ о покаявшемся разбойникѣ, разнообразны: грѣшникъ поливаетъ сухое дерево, ходитъ на четверенькахъ, ползаетъ съ путами на рукахъ и ногахъ, страдаетъ отъ жара горящаго костра или печи, живетъ и ѣсть съ собаками, юродствуетъ... Нѣкоторыя изъ этихъ испытаній перенесены въ сагу о Робертѣ Дьяволѣ.

Наша былина объ ушкуйникѣ, задумавшемъ спасти душу, заканчивается картиной неудачнаго прыганья Василя черезъ какой-то камень.

И упалъ черезъ былъ горючъ камень
И раскололъ буйную головушку,
И остался лежать по вѣку.

(Рыбниковъ, III, 241).

¹⁾ *Тихомировъ*, Отреч. книги, I, стр. 312.

Или:

Какъ тутъ-то вѣдь Василій смнѣ Буславьевичъ
 Задѣлъ какъ своимъ чоботомъ сафьяннымъ
 За тую гору да за каменну.
 Поворотило какъ Васильюшка Буславьева
 Вничь его вѣдь молодца головушкой;
 Какъ палъ тутъ Василей о сыру землю;
 Пришла тутъ Васильюшку горькая смерть.

(Гильбердингъ, 295).

Былина знаетъ предсмертныя страданія Василія, она рисуеъ его *горькую* смерть, но пѣснѣ чужда, повидимому, мысль объ очищающемъ значеніи страданій, о той мукѣ перерожденія, которая придаетъ смыслъ уродливымъ образамъ покаянныхъ испытаній. Пѣсня оканчивается печально, обрывается на крикъ боли, замирающимъ безъ отзыва...

Но еще безотрадиѣ заканчивается замѣчательная версія сказанія о Робертѣ Дьяволѣ, которой я намѣренно не касался въ предшествующемъ изложеніи. Свѣдѣнія объ этой версіи переданы Görres'омъ въ его «Die teutschen Volksbücher» (1807), гдѣ указано такое преданіе (Volkssage): «Робертъ Дьяволъ, герцогъ нормандскій, 768 г., могъ оборачиваться разными звѣрями; три года онъ каялся, но подь конецъ взялъ его чертъ, поднялъ на воздухъ и бросилъ, чтобы *онъ разбился*»¹⁾. «Къ сожалѣнію,—замѣчаетъ Брейль,—Гёрресъ не присоединилъ никакого замѣчанія о томъ, гдѣ онъ нашелъ сагу, локализовавшуюся въ такомъ видѣ; я при своихъ разысканіяхъ нигдѣ не натолкнулся на подобную версію». Только у Bergh'a въ его книгѣ: De nederlandsche Volksgromans Брейль нашелъ намекъ на какое-то сказаніе, въ которомъ шла рѣчь о томъ, какъ Робертъ, отдавъ свою душу дьяволу, получилъ за это знаніе тайнъ чародѣяннн²⁾. Боринскій въ рецензіи на сочиненіе Брейля называетъ рассказъ Гёрреса позднѣйшей протестантской редакціей преданія о Робертѣ: Diese Version aber steht..... unter dem Einflusse des protestantischen Geistes, der für die Verworfenen keine Busse kennt. Der ursprüngliche Robert aber ist ein Sohn des Zeitalters, in dem die Kirche keinen höheren Ehrgeiz kennt, als dem Teufel eine Seele zu entreissen³⁾. Въ позднѣйшей работѣ, въ послѣсловіи къ нѣмецкому разсказу о французскомъ королѣ, Боринскій высказываетъ

¹⁾ Die teutschen Volksbücher, S. 216.

²⁾ Breul, op. cit., 106.

³⁾ Zeitschrift f. Völkerpsychologie, XIX (1889), 82.

нѣкоторое сомнѣніе относительно сообщенія Гёрреса: *Unter den deutschen Bearbeitern in neuerer Zeit ist Görres der einzige, der mit seiner ganz individuellen Fassung in seinen teutschen Volksbüchern (die freilich ebensowohl blossе Phantasie sein kann) auf eine originale deutsche Version weisen könnte* ¹⁾.

Разсказъ Гёрреса представляется такимъ образомъ какой-то загадкой. Стоитъ ли останавливаться на этой загадкѣ? Можно ли признать разсказъ, переданный въ teutschen Volksbücher особой версіей саги о Робертѣ? Есть ли какія нибудь литературныя данныя, объясняющія намеки Гёрреса? Передъ этими вопросами, передъ этой загадкой, заданной старымъ собирателемъ народныхъ преданій, мы не остаемся совершенно безпомощными. Любопытную аналогію съ разсказомъ Гёрреса представляютъ нѣкоторыя подробности одного изъ памятниковъ старо-нѣмецкой литературы—поэмы о Вольфдитрихѣ (Wolfdietrich A и его сокращеніе) ²⁾. Въ эту многосоставную поэму, на ряду съ другими эпическими данными, несомнѣнно вошло *сказаніе, родственное съ преданіями о Робертѣ Дьяволѣ* ³⁾.

О Вольфдитрихѣ разсказывается, что нѣкоторые считали его сыномъ дьявола. Основаніемъ для такой догадки послужила необыкновенная сила и жестокость, обнаруженныя Вольфдитрихомъ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Разъ, когда ему было всего три года, онъ сидѣлъ за столомъ съ кускомъ хлѣба въ рукахъ; подбѣжала собака и хотѣла вырвать у него хлѣбъ; ребенокъ схватилъ животнсе и расшибъ его объ стѣну. Послѣ этого нѣкоторые стали говорить Гугдитриху, отцу маленькаго силача: «Король, прикажите его убить, онъ сынъ злого чорта, повѣрьте, онъ отъ чорта. Откуда бы иначе онъ взялъ эту силу? Если оставить расти этого чорта, будетъ тебѣ много горя; придетъ онъ въ свои года, пострадаютъ отъ него и люди и страна».

Hër künes, nu heizt in toeten,	er ist des übeln tiuvels kint.
Ir sult daz gelouben,	erst von dem tiuvel komen.

¹⁾ *Germania*, XXXVII (1892), 57, Anm.

²⁾ Анализъ поэмы о Вольфдитрихѣ и пересмотръ мнѣній объ ея составѣ см. въ книгѣ *А. И. Курпичникова: Поэмы ломбардскаго цикла*, стр. 30—87, 124—146. Приводимые ниже отрывки цитуются по изданію Амелунга и Енике: *Deutsches Heldenbuch*, 3-ter Theil. Ortnit und die Wolfdietriche herausg. v. *Arth. Amelung und Osk. Jänicke* (1871).

³⁾ Замѣчательно, что сказаніе вошло именно въ редакцію А, въ составѣ которой обнаруживается вообще «влияніе литературы легендъ» (*Курпичникова*, *op. cit.*, 140).

Wâ solte er dise sterke	anders han genommen?
Laest du den tiuvel wahsen	dir wirt dâ von sorge bekant:
Kumt er ze sinen jâren	er verderbet liute und lant.

(Стр. 40—41).

Графъ Сабене изъ ненависти къ матери Вольфдитриха развиваеъ эту догадку о чортѣ въ цѣлый рассказъ. Онъ говоритъ, что королева поносъ понесла послѣ того, какъ произнесла разъ ночью имя дьявола:

Dô sprach er zuo dem kûnege:	herre ich sage dir daz,
Swaz ich eins nahtes hôrte,	do ich bi der frouwen saz:
Si sprach: „und wolte den tiuvel	immer bi mir sin!“
Von den selben sachen	ist komen daz kindelin (стр. 45) ¹⁾ .

Король допрашиваетъ жену: «откуда у тебя ребенокъ, ты зачала его отъ чорта?»—Нѣтъ,—отвѣчала королева. Но Гугдитрихъ не вѣритъ, онъ отказывается признать ребенка своимъ сыномъ и наследникомъ:

der kûnec sprach zuo der frouwen:	„wâ naem daz kindelin,
du ennaemest von dem tiuvel?“	„nein“, sprach diu kûnigin.
Dô sprach der kûnec in zorne:	„ez sol niht lenger leben;
Ich wil im ouch mins erbes	nimmer halbe stat gegeben,
Im wirt ouch von mir nimmer	beidiu burc unt lant:
swaz ich im erbes gaebe,	daz waer übelo gewant“ (стр. 62).

«Какъ ему оставить королевство? Ни тѣломъ, ни душой онъ не похожъ на королевское дитя,—прибавляетъ Гугдитрихъ,—онъ будетъ убивать въ лѣсу людей, чтобы овладѣть ихъ добромъ».

Wer liez im sin kûnicriche?	er mac niht kûneges kneht
gesin mit sinem libe:	er hât niht kûneges muot;
er sol in dem walde liute	morden umbe ir guot“ (стр. 65).

Ребенку, отвергнутому отцемъ, грозитъ гибель; но тотъ, кому поручено убить дитя, сохраняетъ ему жизнь, оставляетъ у себя и воспитываетъ, какъ сына. Годы дѣтства и юности Вольфдитриха, когда онъ жилъ у Берхтунга (такъ звали его воспитателя), напоминаютъ молодость Роберта и нашего Васьки Буслаева: «кого за руку возьмешь, рука прочь, кого за ногу—нога прочь». Берхтунгъ видѣлъ

daz er in der bürge	niemen niht vertrauo,
daz er sô manegen starken	rufete unde sluoc.
Ouch wart er in der bürge	sô frevel und müelich,
daz si alle wâfen schriuwen	über den Wolf Dietrich (стр. 252—253).

¹⁾ Въ сокращенной редакци Вольфдитрихе А Сабене говоритъ, что ребенокъ принесенъ чортомъ.

Берхтунгу не легко было обуздывать буйство Вольфдитриха: онъ и съ воспитателемъ готовъ былъ вступить въ борьбу. Когда умеръ Гуддитрихъ, старый Берхтунгъ намекнулъ своему воспитаннику объ его матери. Вольфдитрихъ, также какъ и Робертъ, бросается къ матери съ обнаженнымъ мечемъ и требуетъ, чтобы она открыла ему тайну его рожденія. Королева была въ церкви:

er truoc vil zornliche	daz swert in siner hant:
hin gie er in das münster,	dâ er sin muoter vant.
Er sprach: „nu saget mir, frouwe,	und heizt ir ein künigin,
wizt ir ob ir erkennet	den lieben vater min?“ (стр. 298—299)

Спустя много лѣтъ, послѣ цѣлаго ряда подвиговъ и приключеній, Вольфдитрихъ возвращается на родину, въ Константинополь, и спѣшить посѣтить могилу своего воспитателя.

Мертвый провѣщился:

Got peid sie do erhorte:	die tot zung zu ym sprach и. т. д. ¹⁾
	(Стр. 110 сокрац.).

Подъ конецъ жизни Вольфдитрихъ идетъ въ монастырь и выдерживаетъ здѣсь страшное испытаніе: черти схватываютъ его, хотятъ унести его въ адъ, но по Божьей волѣ принуждены оставить свою жертву. Поднятый и потомъ брошенный демонами, Вольфдитрихъ падаетъ на землю:

Da bleib er in dem kloster	der helt Wolfditereich
und puszt darinn sein sunde	di er beging sein tag:
dar umb het er grosz rewe	und jamerliche klag.
Er peiht di sund dem abte.	man legt in auf ein par,
er puszt in einer nachte	sein sund auch alle gar.
Man gab im gotes segen,	befal in got zu stunt:
manch teufel wolt in furen	mit in in helle grunt.
Si furten in von dannen	und prachten in da wider,
als bald in got gepote,	liessen in fallen nider. (Стр. 161 сокрац.).

Выдержавъ испытаніе, герой умираетъ. О покаяніи его есть разсказъ и въ такъ называемомъ Вольфдитрихѣ D: кающійся проводитъ ночь въ церкви; души имъ убитыхъ являются и вступаютъ съ нимъ въ борьбу; утромъ нашли Вольфдитриха еле живаго; волосы

¹⁾ Въ редакціи В мертвый сообщаетъ Вольфдитриху вѣсти изъ загробнаго міра. Нельзя при этомъ не припомнить остроумной догадки г. Потанина, что „Пуста голова — это, можетъ быть, голова самого пилигримаца“, убитаго Васильемъ (*Этнограф. Обзоріе*, 1891, № 2, стр. 77, въ статьѣ: „Пилигримъ въ былинахъ и сказкахъ“).

его побѣдили въ страшную ночь. Послѣ такого испытанія онъ жилъ еще нѣсколько лѣтъ ¹⁾).

Картина испытанія, нарисованная въ Вольфдитрихѣ А, не представляется неожиданностью. Припомнимъ заключеніе легенды о чловѣкѣ, обреченномъ демону: «Когда пустынный служилъ обѣдню, пришелъ дьяволъ, схватилъ мальчика и понесъ его въ адъ; но благословенная Дѣва Марія взяла его и возвратила на прежнее мѣсто». Эта подробность удержана и въ стихотвореніи: *De vorlogene sone* (ст. 741—766). Но герои легенды и стихотворенія—только жертвы, а не дѣти дьявола; въ ихъ природѣ нѣтъ ничего демоническаго. Дьяволъ пытается овладѣть невинными людьми, но высшая сила спасаетъ ихъ. Въ легендѣ, примкнувшей къ Вольфдитриху, адскій полетъ получаетъ значеніе испытанія: каявшійся пострадалъ отъ демоновъ, они схватываютъ и бросаютъ его.

Соединяя легенду о чловѣкѣ, освободившемся отъ власти дьявола, съ картиной покаянныхъ испытаній, заканчивающей, обыкновенно, повѣствованія о покаявшемся удалцѣ, поэма о Вольфдитрихѣ повторяетъ, очевидно, то же сводное сказаніе, которое отразилось и въ сагѣ о Робертѣ Дьяволѣ. Остовъ этого сказанія, порядокъ его основныхъ подробностей сохранился въ поэмѣ съ полной ясностью. Зачатіе Вольфдитриха отъ демона представляется невѣрной догадкой и злой клеветой; не смотря на это, удержаны и картина юношескаго

¹⁾ Передъ изображеніемъ испытанія Вольфдитриха редакція D помѣщаетъ разсказъ о нападеніи на монастырь, гдѣ поселился Вольфдитрихъ, языческаго короля Тарсіаса. Вольфдитрихъ отражаетъ это нападеніе подобно тому, какъ кающийся Робертъ отбиваетъ варваровъ, напавшихъ на городъ, гдѣ онъ отбывалъ свое покаяніе. Покаяніе Вольфдитриха, сообразно съ общимъ планомъ поэмы, отнесено въ концу его жизни, къ годамъ его старости. Нашъ Василій Буслаевичъ, отправляясь въ Іерусалимъ, заявляетъ, что „съ молодю бито много, граблено, *подъ старость* надо душа спасти“. Это выраженіе, встрѣчающееся въ пересказѣ Кирши, даетъ, быть можетъ, поводъ къ догадкѣ, что первоначальный планъ нашей былины былъ близокъ къ тому виду легенды о покаявшемся удалцѣ, который извѣстенъ по поэмѣ о Вольфдитрихѣ. Выше я имѣлъ случай замѣтить, что приведенное выраженіе пересказа Кирши не можетъ имѣть рѣшающаго значенія при опредѣленіи времени покаяннаго путешествія Василія. Во всѣхъ извѣстныхъ теперь пересказахъ, говорящихъ о поѣздкѣ въ Іерусалимъ (не исключая и пересказа Кирши), Василій представляется молодымъ чловѣкомъ: упоминается его мать, которая даетъ сыну не только благословеніе, но и напутственныя наставленія. Что касается древней редакціи былины, то и въ ней покаяніе Василія не могло быть отнесено къ послѣднимъ годамъ его жизни: извѣстная лѣтописная замѣтка сообщаетъ, что Василій умеръ новгородскимъ посадникомъ.

буйства, и грозное обращеніе къ матери съ вопросомъ объ отцѣ, и покаянное испытаніе—рядъ подробностей, повторяющихся и въ сагѣ о Робертѣ Дьяволѣ. Древнѣйшіе пересказы послѣдней саги, принадлежащіе французской литературѣ, восходятъ къ XIII вѣку; поэма о Вольфдитрихѣ, составленіе которой относятъ къ тому же XIII вѣку, даетъ основаніе утверждать, что сказаніе сходнаго состава съ давней поры извѣстно было и въ нѣмецкой литературѣ. Сказаніе, насъ занимающее, построено, какъ мы видѣли, на соединеніи легендъ о чело-вѣкѣ, обреченномъ демону, и о покаявшемся разбойникѣ. Пересказы съ именемъ Роберта примыкаютъ въ картинѣ испытаній ко *второй* легендѣ; пересказъ, вошедшій въ поэму о Вольфдитрихѣ, повторяетъ въ той же картинѣ испытаній заключительную часть *первой* легенды.

Преданіе, записанное Гёрресомъ, заканчивается такой же картиной, какъ и поэма о Вольфдитрихѣ: Робертъ, какъ и Вольфдитрихъ, поднятъ демонами на высоту и затѣмъ брошенъ на землю. Преданіе это и рассказъ о Вольфдитрихѣ представляютъ, очевидно, два варианта одного и того же извода основной саги. Особенностями Гёррессова варианта представляются: а) изображеніе Роберта, какъ чародѣя, и б) предположеніе несчастнаго исхода демонскаго полета: о прощеніи Роберта, о его примиреніи съ небомъ нѣтъ упоминанія. На первой особенности остановимся позже (въ главѣ VII). Что же касается несчастнаго исхода Робертова паденія, то сравненіе съ поэмой о Вольфдитрихѣ даетъ право признать такой исходъ позднѣйшимъ измѣненіемъ саги. Подобное измѣненіе находимъ и въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ преданіяхъ о Робертѣ, изображающихъ за-гробныя страданія нормандскаго удалца. По одному изъ такихъ преданій около развалинъ замка нормандскихъ герцоговъ появляется иногда Робертъ въ образѣ волка, жалобный вой котораго напоминаетъ человѣческій голосъ ¹⁾. Преданіемъ забыто покаяніе Роберта,

¹⁾ Мѣстные нормандскіе рассказы о Робертѣ Дьяволѣ записаны были не разъ. Привожу одинъ изъ пересказовъ: „Sur la rive gauche de la Seine,—рассказываютъ *Taylor* и *Charles Nodier* (*Voyage pittoresque de l'ancienne France*),—non loin de Moulineaux, on aperçoit des ruines colossales, que l'on prétend être des restes du château ou de la forteresse de Robert le Diable. Des souvenirs vagues, une ballade, des récits de bergers, voilà toutes les chroniques de ces débris imposants. Toutefois le bruit des déportements de Robert le Diable retint encore dans la contrée qu'il habita. Son nom même éveille toujours ce sentiment de crainte qui ne résulte ordinairement que d'impressions récentes. Aux environs du château de Robert le Diable tout le monde connaît ses exploits désordonnés, ses violentes victoires et les rigueurs de sa pénitence. Les cris de ses

какъ забыто оно и сказаніемъ, переданнымъ Гёрресомъ. Подъ вліяніемъ печальнаго конца измѣняется, очевидно, и смыслъ саги о Робертѣ: легенда о силѣ покаянія превращается въ повѣсть объ отомщеніи, ожидающемъ зло. Какъ ни существенно такое измѣненіе, оно легко могло явиться подѣ въздѣйствіемъ литературной аналогіи. Есть преданія, сходныя въ основныхъ чертахъ съ сказаніемъ о Робертѣ, но завершающіяся такимъ именно сходствомъ, какъ и рассказъ Гёрреса. Таковы именно преданія «о поганомъ зломъ Дедрикѣ» изъ

victimes résonnent encore dans les souterrains et viennent l'épouvanter lui même dans ses promenades nocturnes, car Robert est condamné à visiter les ruines et les tombes de son château. Vers la fin de l'automne, au souffle des brises qui murmurent dans les feuilles desséchées, aux cris des arbres morts qui se rompent, un loup paraît sur le coteau, dans un sentier qui n'est pratiqué que par lui; il s'avance lentement, s'arrête, regarde l'antique forteresse et remplit l'air d'affreux hurlements. Ce loup, c'est Robert, qui se souvient de sa gloire et de ses conquêtes. Il se montre sans peur. Jamais pourtant les chasseurs ne l'ont surpris, malgré toutes leurs embûches. Il doit subir sa longue pénitence. On le reconaît à son poil blanchi par l'âge, à l'attention douloureuse avec laquelle il regarde ses anciens domaines, à sa voix plaintive qui ressemble à une voix d'homme. Quelquefois, s'il faut en croire les plus anciens de la contrée, on a vu Robert, encore vêtu de la tunique flottante d'un ermite, comme le jour où il fut enseveli, parcourir les environs de son château et visiter, les pieds nus, la tête échevelée, le petit coin de la plaine, où devait être placé le cimetière. Quelquefois un pâtre, égaré dans le taillis voisin à la recherche de ses troupeaux dispersés par un orage du soir, a été frappé de l'aspect redoutable du fantôme, qui errait, à la lueur des éclairs, au milieu de ses fosses. Il l'a entendu, dans les intervalles de la tempête, implorer la pitié de leurs muets habitants; et le lendemain il s'est détourné de ce lieu avec horreur, parce que la terre, nouvellement remuée, s'y est ouverte de toutes parts, pour effrayer les regards de l'assassin par d'épouvantables débris" (Légendes de l'autre monde... par T. Collin de Plancy, p. 118—119). Въ преданіи Робертъ принимаетъ видъ волка; о такихъ волкахъ-оборотняхъ (волкодлакѣ, Werwolf, loup-garou) извѣстно много сказаній (см. Grimm, D. Mythol., II⁴, 915—918, III, 316; Аванасьева, Повѣстч. возр. славянъ на природу, I, 736. III, 526—532, 548—551). Въ патристической и средневѣковой литературѣ волкъ служитъ обыкновенно символомъ дьявола (Grimm D. Myth., II⁴, 832). По мнѣнію В. Гримма, этотъ символическій образъ, сливавшійся съ воспоминаніями о мнѣическомъ значеніи волка, можетъ помочь объясненію преданій о Вольфдитрихѣ. Es lag in dem Geist des Alterthums Menschen deren Eigenschaften das gewöhnliche Mass überschritt, einen dämonischen Ursprung beizulegen... Die Wölflinge sind ein Heldengeschlecht, dessen Abuherr wahrscheinlich ein dämonischer Wolf war... Weitere Aufschlüsse gestattet das Gedicht von Wolfdieterich. Въ подтвержденіе Гриммъ указываетъ, между прочимъ, на нѣкоторыя черты въ характерѣ Вольфдитриха, намекающія на его демоническую природу. (W. Grimm, Die mythische Bedeutung des Wolfs въ Haupt's Zeitschrift für d. Alterth., XII, 203—228).

града Берна (припомнимъ, что съ Дитрихомъ Бернскимъ сближаютъ и Вольфдитриха). Въ Тидрексагѣ разсказывается, между прочимъ, о поединкѣ Дитриха и Гегни (Högni). Разгнѣванный герой называетъ своего противника сыномъ альфа, а тотъ въ отвѣтъ обзываетъ Дитриха *сыномъ чорта* ¹⁾. Это прозвище не объясняется изъ самой саги: въ ней нѣтъ разсказа о вліяніи демона на рожденіе Дитриха. Но разсказъ такого содержанія былъ извѣстенъ. Мы находимъ его въ прибавленіи къ книгѣ о богатыряхъ (Heldenbuch). Когда мать Дитриха, говорится въ этой книгѣ, была имъ беременна, явился ей во снѣ злой духъ Махметъ въ образѣ отсутствовавшего мужа. Женщина проснулась, протянула руки къ мнимому мужу и тотчасъ же убѣдилась, что передъ нею духъ (do greiff sú vf ein holen geist). Этотъ духъ, называемый прямо чортомъ (duvel), предсказываетъ матери Дитриха, что ребенокъ, который у нея родится, прославится необычайной храбростью, но отъ сна, видѣннаго матерью, у него при гнѣвѣ будетъ показываться изо рта огонь (wurtt im das fir vssz dem mund schiessen, so er zornig wurtt) ²⁾. Прозваніе Дитриха чортовымъ дѣтищемъ предполагаетъ если не это именно, то подобное преданіе о рожденіи героя. Кончина Дитриха представляется такой же загадочной, какъ и его рожденіе. По Тидрексагѣ онъ умчался неизвѣстно куда на чудесно явившемся ворономъ конѣ. Дитрихъ догадывается, что его уноситъ не конь, а чортъ ³⁾. Предполагаютъ, что на это именно преданіе объ исчезновеніи Дитриха намекаетъ Отгонъ Фрейзингенскій (XII вѣка) въ извѣстіи о смерти Оеодориха Великаго: Ob ea non multis post diebus, XXX imperii sui anno, subitanea morte rapitur ac juxta beati Gregorii dialogum a Ioanne et Symmacho in Aetnam praecipitatus, a quodam homine cernitur. Hinc puto fabulam illam traductam, qua vulgo dicitur: *Theodoricus vivus equo sedens ad inferos descendit*. У Григорія Двоеслова, на котораго ссылается Отгонъ, дѣйствительно есть разсказъ о низверженіи несчастнаго Оеодориха in Vulcani ollam (Dial. VI, 30). Это низверженіе было наказаніемъ за смерть папы Іоанна и патриція Симмаха, убитыхъ по приказу Оеодориха ⁴⁾. Связь смерти Оеодориха съ казнью невинныхъ людей указывается также въ разсказѣ Проконія Кесарій-

¹⁾ Die deutsche Heldensage und ihre Heimat von *Aug. Raszmann*, II-ter B., S. 94. Подобный же намекъ встрѣчается въ другомъ отдѣлѣ саги. Монахи, которымъ угрожаетъ другъ Дитриха Геймиръ, обзываютъ Дитриха, чортомъ (ib. 680).

²⁾ Ibid., 358.

³⁾ Ibid., 684—685.

⁴⁾ Ibid., 685—686.

скаго, передающаго, впрочемъ, другія подробности. По волѣ Θεодориха казнены были Симмахъ и Боецій, люди знатные и уважаемые. Вскорѣ послѣ этихъ казней случилось слѣдующее: разъ за ужиномъ Θεодориху подана была голова какой-то большой рыбы; ему показалось, что это *голова недавно казненнаго Симмаха*. Въ ужасѣ онъ уходитъ изъ-за стола и удаляется въ спальню. Видѣніе сразило Θεодориха: онъ захворалъ и вскорѣ умеръ ¹⁾.

Возвращаемся къ испытаніямъ, которымъ подвергаются Вильфдитрихъ и Робертъ Герресова разсказа: демоны поднимаютъ ихъ и потомъ *бросаютъ на землю*. Картина такого испытанія удерживаетъ насъ въ предѣлахъ все той же легендарной литературы, въ памятникѣхъ которой отыскались и другія подробности изучаемаго сказанія. Вотъ для примѣра нѣсколько разсказовъ объ искушеніяхъ, напоминающихъ полетъ и паденіе Вольфдитриха и Роберта. Въ Великомъ Зерцалѣ есть разсказъ о трактирщикѣ, который «вснхъ тако злыхъ, якоже и добрыхъ в домъ свой примоваше и попускаше играти и плещуще скакати, блядословити, и упиватися, и всякое беззаконіе плодити. Единою же въ день недѣльный, егда вино несе гостемъ ис пивницы... и се вихрь зѣльный восхити его по воздуху несе предъ всѣми видящими людьми. Егда же его тако *дьяволи вознесоша*, возопи сокрушеннымъ сердцемъ: «о Боже, что будетъ с душою моею!», и тако дьяволи отступиша во единомъ поли, глаголюще: аще бы сего не сотворилъ еси, то съ душою и тѣломъ во адъ убо бы ты погрузили. И тако обретеса в поли и принесенъ бысть в домъ, и елико можаше, исправи животь свой, вино-продавство остави и никому же по семъ попусти в дому своемъ играти, блядословити, скакати или что иное зло творити» ²⁾. Подниманіе на высоту имѣетъ въ этомъ разсказѣ значеніе казни, которая не могла исполнѣ осуществиться только потому, что грѣшникъ раскаялся и обратился съ молитвой къ Богу. Иной смыслъ имѣли подобныя же дѣйствія духа тьмы, когда они были направлены противъ людей, спасавшихъ свою душу. Одному изъ такихъ подвижниковъ явился разъ демонъ въ образѣ соблазнительной женщины. Предложеніе искусительницы не имѣло, однако, успѣха. *Quae cum verbis*

¹⁾ Δειπνοῦντι δὲ οἱ ὀλίγαις ἡμέραις ὑστερον (послѣ убійства Симмаха) ἰχθυὸς μεγάλου κεφαλῆν οἱ θηράποντες παρέτιθεσαν, αὐτῇ Θεοδέρχῳ ἔδοξε κεφαλὴ Σιμμάχου νεοσφαγῶς εἶναι (De bello Goth., I, 1) Своѣхъ преданій о Θεодорихѣ см. въ указанной книгѣ *Рассмана* (I. с. 685—6-9), а также у *Массмана* (Kaiserchronik, III, 243—244) и *Уланды* (Schriften, I, 203—205).

²⁾ Рукопись Публичной Библіотеки, Погодинск. древлехран., № 1382, л. 586 об.—587.

non proficeret inter brachia sna virum tollens et multum comprimens *in aera levavit* atque ultra monasterium Sancti Patrocli, quod satis altum est illum transferens in pasculo deposuit. Брошенный демономъ былъ еще живъ и не скоро пришелъ въ себя ¹⁾. Старцу Ору явился разъ дьяволъ въ образѣ свѣтлаго духа и сказалъ: «исправилъ еси вся, о человекъ, прочее поклони ми ся и яко *Илію вознесу тѣя*». — «Господь не будетъ требовать отъ меня поклоненія, потому что я всегда поклоняюсь ему», отвѣчалъ Оръ. Дьяволъ исчезъ ²⁾. Подобное же искушеніе испыталъ и другой благочестивый монахъ. Предсталъ предъ нимъ духъ тьмы въ образѣ ангела и сказалъ: «Вѣждь, отче, яко непорочнаго ради твоего жителства и равноаггельнаго житія *пріити имуть къ тебѣ и друзіи ангели, яко да тако съ тѣломъ вознесутъ тѣя на небеса*». Монахъ передалъ объ этомъ видѣніи игумену. Тотъ объяснилъ неопытному подвижнику хитрости демоновъ. «И тиъ вземше мантию прелщеннаго безвѣсти быша, и зрящеса мантия восходящи на высоту воздуха, дондеже скрыся, и по часѣ доволнѣ се мантия сходящи паде на землю» ³⁾.

Къ этимъ разсказамъ объ искушеніяхъ близки и по замыслу и по составу легенды, въ которыхъ демонскія козни развиваются также въ картину полета и паденія, но безъ демонскаго вознесенія. Образцемъ для такихъ легендъ послужилъ евангельскій разсказъ объ искушеніи Иисуса. «Потомъ беретъ Его дьяволъ въ святой городъ и поставляетъ Его на крылѣ храма. И говоритъ Ему: если ты сынъ Божій, бросься внизъ, ибо написано: *Ангеламъ своимъ заповѣдаетъ о Тебѣ и на рукахъ понесутъ Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею* (Псал. ХС, 11—12). Иисусъ сказалъ ему: написано также: не искушай Господа Бога твоего» (Ев. Матѣ, IV, 5—7; Лук., IV, 9—10). Въ легендахъ евангельскіи разсказъ отражается съ измѣненными чертами. Неосторожные люди, не понявъ козней дьявола, бросаются съ высоты и разбиваются. Такъ нѣкій монахъ былъ прельщенъ бѣсомъ и поклонился ангелу сатанину, принявъ его за вѣстника Божія. Демонъ повелѣлъ прельщенному броситься въ глубокій ровъ, увѣряя, «яко никакоже бѣду прочее постраждетъ за сущую ему добродѣтель велику и яже по Бозѣ труды. Той же не разсудивъ помысломъ совѣщающа ему сіа, но помрачився мыслию верже

¹⁾ Dial. miracul. III, 11, p. 223—224 (по изд. Strange).

²⁾ Пандекты Някона Черногорца, л. 323 (по Почаевскому изданію 1795 г.).

³⁾ Ibid., л. 319 — 320: Подобныя же легенды о монахахъ, разсказывающія о подниманіи на воздухъ и паденіи, извѣстны и по памятникамъ буддійской литературы. (*Liebrecht, Zur Volkskunde, 113*).

себе посредѣ ноци въ ровникѣ и по мнозѣ же увидѣвше братіа случшеся со мнозѣмъ трудомъ едва возмогоша исполу мертва исторгнути его. По исторгнутіи же его поживъ два дни въ третій умереть» ¹⁾. У Цезарія Гейстербашскаго находимъ разскзъ: *De homine qui... spe diaboli de turri saltans diruptus est* ²⁾.

Подниманіе на высоту получаетъ въ легендахъ значеніе или демонскаго искушенія, или испытанія, связаннаго съ покаяніемъ грѣшника. Подобное же двойственное значеніе имѣетъ картина «преткновенія о камень». Приведенныя выше легенды, упоминающія о паденіи и преткновеніи, развиваютъ тему искушенія, удерживая при этомъ основныя черты евангельскаго образца. Въ яномъ видѣ и съ иной мыслью представляется преткновеніе въ небольшомъ легендарномъ повѣствованіи, извѣстномъ мнѣ по одному изъ рукописныхъ сборниковъ Публичной Библіотеки ³⁾. Вотъ текстъ этого повѣствованія, имѣющаго заглавіе: «О прѣнии аггломъ о діи з бесы». «Нѣкто иногда покаявся иде безмолвствовати. *Случи же ся ему абие на камень пасти и узвѣтитися ногою*, и яко же много крови источившу и малодушьствовавшу предати душу, придоша же бѣсове взяти душу его; и рѣша имъ аггли: *возрите на камень и видите кровь его, иже излия Гѣ ради; і рекшимъ аггломъ свободися душа отъ лукавыхъ бѣсовъ*». Разсказъ—сжатый, довольствующійся только намеками, но несомнѣно построенный на соединеніи картины преткновенія съ мыслью о покаянномъ подвигѣ: «нѣкто *покаявся* иде безмолвствовати». Паденіе на камень понято въ разсказѣ какъ испытаніе, какъ очистительное страданіе: видите кровь его, юже *излия Господа ради*. Послѣ испытанія ангелы защищаютъ умирающаго отъ бѣсовъ, которые, повидимому, считали его душу своей добычей: «придоша же бѣсове взяти душу его». Сходная легенда извѣстна и въ латинскомъ пересказѣ: *De latrone penitente. Fuit quidam latro, qui cum filio suo latens per nemora furta et homicidia multo tempore perpetraverat. Quodam autem die cum jaceret in gremio filii sui dixit ei filius cachinnando: «Pater, jam canus es et senex, amodo te deberes corrigere». Quo audito compunctus, surgens de gremio filii, cum de confessione anxius cogitari coepit, vidit conventum monachorum alborum funns quoddam processionabiliter ferentem per illud nemus transeuntem. Et occurrens post illos cum magno clamore: «Expectate, inquit, peccatorem*

¹⁾ Ibid., л. 322.

²⁾ У, 35, р. 318—319.

³⁾ Рукоп. Публичной Библіотеки Q. I, № 1009 (изъ собр. Богданова), л. 489.

confiteri volentem et poenam agentem». Quo cognito timentes, ne sub fraude vellet eos occidere, cum ingrado (?) concito fugerent, et ille eos velociter sequeretur; *offenso pede ad truncum cecidit et fracto sibi collo protinus expiravit*. Cujus animum cum quidam sanctus monachus qui erat inter alios vidisset in coelum ab angelis deferri et animum usurarii, cujus corpus ferebant honorifice, torqueri a dæmonibus, in infinitum stupescens narravit caeteris veritatem ¹⁾. Краткіе намеки славянскоі легенды получаютъ при сопоставленіи съ этимъ латинскимъ разсказомъ большую ясность и опредѣленность. Вмѣсто невѣдомаго «нѣкто» называется прямо *latro, qui furta et homicidia perpetraverat*. Предъ нами рисуется знакомый образъ кающагося разбойника. Въ грѣшникѣ проснулась совѣсть, онъ спѣшитъ покаяться, но на пути «случися ему на камень (*var. на пень, ad truncum*) пасти и уязвится ногою»; паденіе вмѣняется пострадавшему въ епитимію. Узнаемъ такимъ образомъ, что легенда о покаявшемся разбойникѣ, кромѣ повторенія знакомыхъ намъ картинъ покаянныхъ испытаній, могла еще развиваться по своеобразному плану: кающійся подвергается неожиданному страданію, наталкивается на камень преткновенія, падаетъ и получаетъ прощеніе грѣховъ.

Мы подошли къ развязкѣ новгородской былины. Василій Буславъ кающійся удалецъ, сознавшій, что «съ молоду бито много, граблено, подь старость надо душа спасти». Онъ отправился въ покаянное странствованіе и дорогой преткнулся о камень ногою своєю... Былина повторяетъ легенду.

Повторяетъ, впрочемъ, не безъ измѣненій и добавокъ. Жителямъ черноземныхъ равнинъ и песчаныхъ низменностей были недостаточно ясны, не представлялись съ наглядностью тѣ камни, на которые наталкивались и падали обитатели горныхъ странъ и каменистыхъ пустынь. Поэтому такой камень, особенно, когда онъ встрѣчался въ легендѣ съ подробностями изъ области чудеснаго,—могъ представляться предметомъ необыкновеннаго значенія, невольно вызывающимъ работу воображенія. Припоминался при этомъ, усиливая напряженность поэтической мысли, *библейскій камень преткновенія* (*λίθος προσκόμιτος lapis offensionis*), этотъ великій и загадочный камень, изображаемый метафорическимъ стилемъ священныхъ писателей на страницахъ и ветхаго и новаго завѣта. «Аще будещи цювая на него,—пишетъ пророкъ Исаія,—будеть Тебѣ во освяще-

¹⁾ A selection of latin stories ed. *Thomas Wright* (1842), p. 94 — 95. Cp. *Isländische Legenden, Novellen und Märchen hrsg. v. H. Gering*, II, 22.

ніе, а не якоже *о камень преткнанія преткнешися*, ниже яко о камень паденія» (Ис., VIII, 14). Выраженія ветхозавѣтнаго пророка повторяются въ посланіяхъ апостоловъ Петра и Павла. «Сказано въ писаніи: вотъ я полагаю въ Сіонѣ камень красугольный, избранный, драгоцѣнный, и вѣрующій въ Него не постыдится. И такъ онъ для васъ, вѣрующихъ, драгоцѣнность, а для невѣрующихъ камень, который сдѣлался главою угла, *камень преткнанія* и камень соблазна. (I Посл. Петра, II, 6 — 7). *Се полагаю въ Сіонѣ камень преткновенія* и камень соблазна; но всякій вѣрующій въ Него не будетъ постыжденъ» (Посл. къ Римл., IX, 33). Народный эпосъ не знаетъ библейскаго символизма. Камень преткновенія могъ быть понятъ реально, какъ предметъ, находящійся на горѣ Сіонѣ. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ новгородской былины камень, на который падаетъ Василій, помѣщается на этой именно Сіонъ-горѣ:

Пріѣхали противъ матушки Сіонъ-горы,
И говорятъ Василій сынъ Буславьевичъ:
„Ай же ты, друживнушка хоробрая!
Зайдемъ на матушку Сіонъ-гору,
Посмотримъ косточки сухояловы.“
Тутъ они не нашли косточки сухояловы,
На томъ мѣстѣ лежить бѣль горючъ камень.
(*Рыбниковъ*, III, стр. 240; ср. *Гильфердингъ*, ст. 727).

Вліяніе воображенія, встревоженнаго библейскими воспомина- ніями, особенно ясно обнаруживается въ подробностяхъ, съ какими изображается камень въ разныхъ пересказахъ былины. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ упоминается только «бѣль горючъ камень» (*Рыбниковъ* I, стр. 360; II, стр. 208; III, 240; *Гильфердингъ*, стр. 727), въ другихъ вариантахъ камень опредѣляется, какъ «бѣль и великъ» (*Рыбниковъ*, I, стр. 362), или «превеличающей» (*Гильфердингъ*, ст. 1242). Въ пѣснѣ Кириши Данилова точно указывается величина камня:

Въ вышину три сажени печатныя,
И черезъ его только топоромъ подать,
Въ долину три аршина съ четвертью.

(Ст. 177).

Въ пересказахъ *Гильфердинга*, №№ 44, 141, 259, размѣры камня увеличены съ большой смѣлостью:

И въ долину-то камень сорока сажень,
А въ ширину-то камень тридцати сажень.

(Ст. 219).

Въ долину камень сорокъ сажень,
Въ ширину камень двадцать сажень.

(Ст. 727).

Въ долину камень до сорока сажень,
Въ вышину камень до двадцати сажень,
Въ толщину камень до десяти сажень.

(Ст. 1187).

Патолкнуться незамѣтно на такую громаду нельзя. Преткновеніе ногою о камень въ нѣсколько сажень можетъ быть понято только, какъ рискованная попытка перескочить черезъ высокую преграду, какъ своего рода испытаніе силы:

Скочилъ задомъ черезъ бѣлъ горючъ камень,
И задѣла за камень ножка правая,
И упалъ Васильюшка Буслаевичъ
Ожестокъ камень плечмы богатырскими.

(Рыбниковъ, I, стр. 363).

Этотъ разсказъ даетъ намъ своеобразно понятое, эпически разработанное и раскрашенное описаніе камня преткновенія, который оказывается и камнемъ паденія. На счетъ этой же эпической разработки нужно отнести и надписи на камнѣ. Камни съ подписью всегдѣ извѣстны: они часто встрѣчаются въ сказкахъ, попадаются и въ былевыхъ пѣсняхъ. Въ былинѣ о трехъ поѣздкахъ Ильи Муромца:

Бѣдилъ старъ доброй молодець
Съ младости и до старости
На своемъ на добромъ конѣ во чистомъ полѣ,
И наѣхалъ во чистомъ полѣ камень бѣлый.
Отъ камени пошло три дороженьки,
На камени подпись подписана...

(Рыбниковъ, III, стр. 40).

Или въ другой былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ:

Отправлялся Илей къ стольному городу ко Кіеву,
Пришелъ къ тому камени неподвижному,
На камени была подпись да подписана:
Илей, Илей, камень сопри съ мѣста неподвижнаго...

(Гильбердинъ, ст. 648).

Подпись, прочитанная Васильемъ Буслаевымъ, передается разнообразно:

А кто-де у камня станеть тѣшиться,
А и тѣшиться, забавляться,
Вдоль скакать по камению,
Сломить будетъ буйну голову. .

(Кирша, стр. 177).

Кто скочитъ черезъ этотъ бѣль горючъ камень,
Тотъ буде живъ,
А не скочитъ, не бывать живу.

(Рыбникова, I, 360).

Кто перескочитъ трюды черезъ бѣль камень,
Тотъ достигнетъ церкви соборнѣя
И тому образу Преображенскому;
А кто не перескочитъ черезъ бѣль камень,
Тотъ не достигнетъ церкви соборнѣя
И тому образу Преображенскому.

(Рыбникова, I, стр. 362).

А кто-то тутъ черезъ гору перескочитъ,
Перескочитъ черезъ гору три разу,
Тою-то тутъ да етъ Господь проститъ;
Ахъ кто-то вѣдь есть не перескочитъ,
Тотъ будетъ трюю проклять на вѣку то былъ

(Гильбердинъ, ст. 294).

Еще кто этотъ камень вѣдь перескочитъ,
Такъ вѣдь богато будетъ жать ¹⁾.

(Гильбердинъ, ст. 1242).

Такое обиліе и такая пестрота вариантовъ ясно указываютъ на то, что слова подлиси не имѣли существеннаго значенія и тѣсной связи съ содержаніемъ былины: подлиси можетъ быть та или другая, ходъ эпическаго дѣйствія не мѣняется. Нужно еще прибавить, что какъ подлиси, такъ и другія подробности, окружающія камень преткновенія, проходятъ не черезъ всѣ пересказы былины. Такъ, въ пѣснѣ Рыбникова, II, № 33, все приключеніе съ камнемъ передано въ четырехъ строкахъ:

Пріѣзжаютъ они ко Фаворъ-горѣ,
И увидѣлъ Василій бѣль-горючій камешекъ,
И скочилъ онъ черезъ камешекъ,
И о камень головушкою ударился.

(стр. 208).

¹⁾ Эта послѣдняя редакція подлиси напоминаетъ преданіе, записанное Олсариемъ. По его словамъ, на берегу Волги у горы Арбухимъ, ниже Симбирской горы, лежалъ большой камень, длиною въ 10 локтей, вышиною нѣсколько ниже этой мѣры. На камнѣ было написано: „Поднимешь ты мя, добро тебѣ будетъ“. — „Однажды русскій стругъ долженъ былъ стать въ этомъ мѣстѣ на якорь, по причинѣ противнаго вѣтра, и 50 человекъ, прочитавши подлиси на камнѣ и думая найти подъ нимъ большія сокровища, съ великими усиліями подкопали и перевернули камень, но ничего не нашли, кромѣ слѣдующей надписи, высѣченной на другой сторонѣ камня: „Что ищешь? Ничего не положено“, (Путешествіе Олсарія, перев. Барсова, стр. 424).

Изложенное въ такомъ видѣ паденіе Василія на камень почти совпадаетъ съ легендами о преткновеніи.

Латинскій пересказъ легенды о преткновеніи оканчивается смертью упавшаго: *fracto collo protinus expiravit*. Въ пересказѣ, извѣстномъ по русской рукописи, нѣтъ упоминанія о смерти. Покаявшемуся грѣшнику во время пути «случися на камень пасти и уязвитися ногою, и якоже много крови источившу и малодушьствовавшу предати душу, придоша же бѣсове взяти душу его». Выраженія легенды не даютъ основанія говорить, что упавшій на камень долженъ былъ умереть; онъ только «малодушествова предати душу», то-есть, упалъ духомъ, боялся, что тотчасъ же умретъ, считалъ себя близкимъ къ смерти. Бѣсы готовы «взяти душу» пострадавшаго. Ангелы защищаютъ его, но нѣтъ и слова о томъ, что они принимаютъ душу спасеннаго ими человѣка. «И рекшимъ ангеломъ свободися душа отъ лукавыхъ бѣсовъ». Этими словами заканчивается наша легенда. Латинскій пересказъ прибавляетъ, что душа умершаго стнесена была ангелами на небо; это вознесеніе зрѣлъ какой-то святой монахъ. Нельзя допустить, чтобы наша легенда опустила такую или подобную картину блаженной кончины, еслибы она дѣйствительно имѣла въ виду изобразить *смерть* покаявшагося человѣка. Подробности нашей легенды иныя. Демоны *придоша взяти* душу путника, но не взяша ее. Этого не допустили ангелы, но вѣдь и они не взяли души преткнувшагося о камень. Стало быть, онъ остался живъ. Паденіе было только умиловительнымъ страданіемъ «Господа ради». Есть подобная, хотя и обставленная иными подробностями легенда, гдѣ преткновеніе о камень имѣетъ подобное же значеніе богоугоднаго испытанія. Нѣкій отшельникъ отправился къ жившему недалеко старцу, чтобы подѣлиться съ нимъ запасомъ хлѣба. «Идущу же ему путемъ преткну персты ноги своея о камень; текущи же крови отъ ноги его, начатъ мнихъ плакати о болѣзни». Является ангелъ и утѣшаетъ больного: «Не плачи прочее, но радуйся, ибо стопы, яже твориши ко старцу трудяся, отъ Господа изочтени и со многою мздою предъ лицемъ Божиимъ стоять, но обаче множае да извѣщу ти: се предъ тобою возьму отъ крови твоея и приноса предъ Бога, яко миро благовонное»¹⁾. Винцентій Бовэ въ своемъ *Speculum historiale* передаетъ рассказъ, въ которомъ преткновеніе о камень соединено съ изображеніемъ очистительныхъ страданій. Нѣкій бѣдникъ шель босикомъ,

¹⁾ Рукоп. Публичной Библиотеки, Q. I, № 1009, л. 331 об. — Ср. Древній Патерикъ, излож. по главамъ, стр. 336 (по 2 изд. 1892 г.).

наткнулся на камень и расшибъ себѣ ногу (lapidis offensione pedem, quem nudum habebat, sibi lesit). Раздраженный болью, онъ поминалъ нечистаго, сказавъ: камень этотъ положенъ тутъ во имя дьявола (vi doloris substomachans dyabolum nominavit, dicens, lapidem illum in nomine dyaboli ibi fuisse positum). Лишь только онъ произнесъ эти слова, какъ почувствовалъ, что силы его оставляютъ. Онъ не могъ двинуться съ мѣста. Несчастный пораженъ былъ затѣмъ страшной болѣзнью, которую всѣ признавали за проказу (ab omnibus elephantico morbo percussus diceretur). Страдалецъ спасенъ былъ покаяніемъ и молитвой. При помощи Божіей, по заступничеству Пресвятой Дѣвы, онъ исцѣлился (Dei auxilio et Ejus martis suffragio ad plenum curatus est) ¹⁾.

Въ извѣстныхъ теперь пересказахъ былина о Васильѣ Буславѣ оканчивается такъ-же, какъ латинская легенда De latrone poenitente. Есть однако основаніе предполагать, что первоначально преткновение о камень имѣло въ былинѣ иной исходъ и иное значеніе. Паденіе на камень не заканчивало былину, а соединялось съ дальѣйшими подробностями, слагавшимися въ общую картину покаянныхъ испытаній. Изъ которое представленіе объ этой древней картинѣ можетъ дать ея замѣчательная копія, сохранившаяся въ финскомъ пересказѣ былины объ Ильѣ Муромцѣ ²⁾. Илья встрѣчается съ каликой и мѣняется съ нимъ платьемъ. Богатырь и калика подходятъ затѣмъ къ горѣ, въ расщелинѣ которой находятъ человѣка, жившаго триста лѣтъ. «Снова они обмѣнялись платьемъ съ Ильей и освобождаютъ того человѣка. Вокругъ горы стала изгородь по колѣна вышиной. «Если вы перепрыгнете черезъ ограду спиной вперёдъ, то будете жить также долго, какъ и я,—говоритъ человѣкъ,—не то быть вамъ въ бѣдѣ». Калика пытается прыгнуть, но зацѣпился крючьями и разбилъ голову о гору. Илья перепрыгнулъ легко и живымъ взять на небо за то, что освободилъ человѣка». Въ этомъ разсказѣ мы находимъ своеобразную передачу того же самаго приключенія, съ которымъ знакомитъ насъ и былина о Васильѣ Буславѣ. Странное смѣшеніе былинъ о новгородскомъ удалцѣ и о кievскомъ богатырѣ предполагаетъ, очевидно, какое-то сходство, которое находили народные сказатели между приключеніями Василья и Ильи. Былинный Илья переодѣвается каликой; Василій Буславъ дѣлается каликой, странствуетъ къ святымъ мѣстамъ. Такое внѣшнее, случайное сходство

¹⁾ Vincentii Bellovacensis Speculum historiale, l. VIII, cap. XCVIII.

²⁾ Этотъ пересказъ приведенъ въ одной изъ „Иамѣтокъ къ жыланамъ“ А. Н. Веселовскаго (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1890, мартъ, 15).

не могло, конечно, вызвать перемѣщенія эпических картинъ. Сходство должно было казаться самого содержанія этихъ картинъ, ихъ существенныхъ подробностей. Илья Муромецъ финской побывальщины смѣшивается съ пророкомъ Ильей, онъ даже прямо называется пророкомъ. Этимъ объясняется заключеніе побывальщины. Илья «живымъ взять на небо». Но если эта картина вознесенія только прибавка, подсказанная именемъ Ильи, его смѣшеніемъ съ пророкомъ, то какъ объяснить, что къ картинѣ примкнулъ рассказъ о прыжкѣ черезъ ограду,—рассказъ, не вѣдущій никакой связи съ воспоминаніями о библейскомъ праведникѣ? Могло ли образоваться такое сочетаніе, еслибы въ рассказѣ о прыжкѣ не было какихъ нибудь подробностей, отвѣчающихъ картинѣ вознесенія? При отвѣтѣ на этотъ вопросъ едва ли возможны колебанія. Необходимо поэтому допустить, что въ первоначальномъ сказаніи, которое приладилось въ финской побывальщинѣ къ имени Ильи, кромѣ пересказыванія черезъ ограду, упоминалось еще о подниманіи на высоту, о какомъ-то полетѣ. Это подниманіе и могло дать поводъ къ приуроченію рассказа о прыжкѣ къ имени Ильи Муромца, смѣшиваемого съ Ильей пророкомъ. Далѣе: заключительная картина вознесенія, слѣдующая въ побывальщинѣ непосредственно за прыганьемъ черезъ ограду, представляетъ странное противорѣчіе съ словами трехсотлѣтняго старика: «если перепрыгнете черезъ ограду, будете жить также долго, какъ я». Илья перепрыгнулъ, но слова старика не сбылись: вслѣдъ за прыжкомъ Илья живымъ взять ни небо. Если старикъ говорилъ: «будете жить также долго, какъ я», то онъ разумѣлъ, конечно, не вѣчную, небесную жизнь, а жизнь здѣшнюю, земную. Очевидно поэтому, что въ первоначальномъ сказаніи, которое отразилось въ финской побывальщинѣ, если и изображалось какое нибудь вознесеніе героя, то оно должно было заканчиваться не удаленіемъ его изъ среды людей, а возвращеніемъ въ условія земнаго человеческого существованія... Припомнимъ заключеніе Вольфдитриха и сходныя съ нимъ легенды. Въ сказаніи, отрывки котораго уцѣлѣли въ финской побывальщинѣ объ Ильѣ и въ нашихъ пѣсняхъ о Васильѣ Вуслаевѣ, сливались, вѣроятно, въ одну картину подробности легенды—о преткновеніи и демонскомъ полетѣ. Такое сліяніе облегчалось родствомъ темъ и образомъ, принадлежащихъ къ одному и тому же кругу сказаній объ освобожденіи отъ демонской власти. Покаявшійся удалецъ отирается въ благочестивое странствованіе. Дорогой «случися ему на камень пасти и узвѣтися ногою, и якоже много крови источившу и малодушествовавшу предати душу, придоша бѣсове»... Они схва-

тили пострадавшего, подняли его на воздухъ для адскаго полета, но высшая сила остановила нечистыхъ. Появляются ангелы. Полетъ демоновъ смѣняется движеніемъ небесныхъ силъ, взявшихъ грѣшнаго человѣка подъ свою защиту. Подобнымъ образомъ схваченъ и оставленъ былъ демонами Вольфдитрихъ, De vorlogne sone, мальчикъ, обреченный демону...

Возстановленіе одного изъ эпизодовъ древней новгородской былины предлагается, конечно, только какъ догадка. Несомнѣнно лишь то, что разсказъ финской побывальщины о прыжкѣ Ильи основанъ былъ на эпической картинѣ, изображавшей не гибель героя послѣ salto mortale, а испытаніе, заканчивавшееся обновленіемъ силъ. Это заключеніе идетъ на встрѣчу выводу, сдѣланному ранѣе на основаніи разсмотрѣнія инаго матеріала. «Того же лѣта (8679—1171) представился въ Новѣгородѣ посадникъ Васка Буславичъ». Это лѣтописное извѣстіе, въ связи съ окончаніемъ нѣкоторыхъ сказокъ о новгородскомъ удалыцѣ, даетъ право утверждать, что первоначальное сказаніе о Васильѣ Буславичѣ не могло заканчиваться такой печальной развязкой, какую помнятъ дошедшія до насъ пѣсни. Къ такому же выводу приводитъ и финская побывальщина, сохранившая разсказъ о прыжкѣ въ своеобразной формѣ, необъяснимой изъ извѣстныхъ намъ пересказовъ новгородской былины. Въ дополненіе считаю умѣстнымъ остановиться здѣсь на одномъ загадочномъ извѣстіи, касающемся Новгорода. Извѣстіе это записано въ памятникѣ XV вѣка, въ сочиненіи Энея Сильвія Пикколомини (бывшаго впоследствии папой подъ именемъ Пія II, ум. 1464 г.): De Polonia, Lithuania et Prusia sive Borussia. Въ одной изъ главъ этого труда собраны свѣдѣнія De Ruthenis et quomodo principatus apud eos soleat assequi. О Новгородѣ говорится здѣсь слѣдующее: In hac gente civitatem permaximam esse tradunt Nogardiam appellatam, ad quam Teutonici mercatores magno labore parveniunt. Magnas ibi esse opes fama est et multum argenti, pellesque praetiosas vendentesque atque ementes ponderato argento, non signato utuntur. *Lapis in medio fori quadratus est, quem qui ascendere potuerit neque deiectus fuerit principatum urbis assequitur.* Pro ea re in armis dimicant saepeque una die plures conscendisse ferunt, unde saepe seditiones in populo emersere ¹⁾. Оказывается

¹⁾ Polonicae historiae corpus, ex biblioth. Pistorii, t. I, p. 4. Извѣстіе, впервые записанное Пикколомини, повторяется позднѣйшими писателями. См. *Antonii Sabellici Opera*, II, 906—908 (*lapis est in medio fere quadrata forma, quem si quis ascendit, nec inde vi deturbari possit, principatum urbis obtinet, ingens de ascensu loci et deiectione dimicatio inter indigenas saepiusque ob eam rem pugna-* русскій вылевой вѣпсь.

такимъ образомъ, что въ Новгородѣ среди площади находился квадратный камень. Камень этотъ имѣлъ рѣшающее значеніе при перемѣнѣ правителя города: власть оставалась за тѣмъ, кому удавалось вспрыгнуть на камень и удержаться на немъ. Что касается самой власти (*principatus*), связанной съ удачнымъ прыжкомъ, то подъ ней разумѣется, конечно, посадничество. Историческая критика едва ли занесетъ это извѣстіе о камнѣ въ списокъ матеріаловъ для бытовой исторіи Новгорода. Посадники въ Новгородѣ и Псковѣ назывались степенными: «вѣроятно потому,—говоритъ историкъ Псковскаго княжества,—что при избраніи на вѣчѣ возводили и сажали ихъ на возвышенное мѣсто со степенями, съ коего они и судъ производили. Сие можно заключить изъ двухъ случаевъ, упоминаемыхъ въ Псковской лѣтописи. въ коей подъ годомъ 1462 сказано, что псковичи будучи недовольны своимъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, на вѣчѣ сохнувши его со степени и выгнали, а подъ 1510 годомъ замѣчено, что присланный въ Псковъ отъ великаго князя московскаго дьякъ Третьякъ Далматовъ, на вѣчѣ объявивъ псковичамъ указъ великокняжескій, сѣлъ на степени»¹⁾. Описывая новгородское вѣче, Костомаровъ замѣчаетъ: «Судя по чертамъ описанія послѣдняго вѣча во Псковѣ, возвышеніе, куда вели ступени, служило трибуною. Съ него говорили народу. Оно находилось у отъечевой башни: въ ней помѣщалась вѣчевая изба, то есть, канцелярія вѣча»²⁾. Въ сообщеніи ученаго итальянца упоминается не эта вѣчевая эстрада, а какой-то квадратный камень, лежащій среди площади; рисуется картина состязанія: сбѣгаютъ честолюбивые люди и стараются вспрыгнуть на камень власти. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло къ какимъ-то мѣстнымъ новгородскимъ преданіемъ, которому приданъ лишь видъ бытоваго факта. Преданіе, несомнѣнно плохо понятое, дошло до итальянскаго писателя въ искаженномъ пересказѣ. Новгородецъ XV вѣка не могъ рассказывать, будто власть въ его вѣчевой общинѣ достается

tum inter cives...), *Raphaelis Volaterrani Commentariorum urbanorum libri XXXVIII*, tom. I, lib. VII, col. 259 (Hic lapis in medio foro quadratus, quem, dum civitas erat libera, qui ascendere poterat, neque inde deiici, princeps habebatur).

¹⁾ *Евгеній (Болговитиновъ)*, Исторія княжества Псковскаго, ч. I, стр. 36—37.

²⁾ Исторія Новгорода и Пскова, т. II, гл. II, стр. 39. Некоторое представление о вѣчевыхъ „степеняхъ“ можетъ дать древняя печать Великаго Новгорода. На ней изображена возвышенная площадка, на которую ведетъ рядъ ступеней; вдоль ступеней положены посохи. Посохи служатъ, конечно, символомъ архіепископскаго достоинства, власти церковной, а ступени должны, вѣроятно, указывать на власть вѣча и посадника.

или доставалась тому, кому только поможет случай и отвага. Каковы бы ни были неурядицы, въ которыхъ запутывалась иногда общественная жизнь Новгорода, въ его гражданахъ жило и ясно обнаруживалось сознание, что власть въ Новгородской землѣ можетъ принадлежать только тому, кому вручить ее народная воля, кто будетъ выбранъ на вѣчѣ, поставленъ отъ всего Великаго Новгорода. «А вы, братіе, въ посадничествѣ и въ князѣхъ вольны есте»,—говорилъ на вѣчѣ посадникъ Твердиславъ въ 1218 году. Такова была новгородская пошлина. Въ XV вѣкѣ, въ виду усиленія Москвы, эта пошлина получила для новгородцевъ особенное значеніе, они дорожили ею, какъ завѣтомъ предковъ, какъ родовой святыней. Въ новгородскихъ сказаніяхъ XV вѣка обыкновенно старательно отмѣчаются особенности древне-новгородскаго государственнаго быта: «Въ то же время Новаграда люди житие ияху самовластно, по своей волѣ, никимъ же обладаеми, властвующе областью своею, якоже имъ лѣпо есть». Могли ли люди, такъ ревниво дорожившіе началомъ самоуправления, рассказывать, будто власть у нихъ получалъ тотъ, кто раньше другихъ умѣлъ прыгнуть на какой-то камень? Но если такихъ рассказовъ быть не могло, то какъ же объяснить извѣстіе, переданное Пикколомини? Едва ли не слѣдуетъ предположить, что въ этомъ извѣстіи дошелъ до насъ далекій отзвукъ того же новгородскаго сказанія, которое извѣстно и по былинамъ о Василѣ Буслаевѣ. Въ Новгородѣ рассказывали объ удалцѣ, который натолкнулся на камень преткновенія; это преткновеніе и паденіе на камень соединялись съ представленіемъ о прыжкѣ:

И увидѣлъ Василій бѣль-горючій камешекъ

И скочилъ онъ черезъ камешекъ.

Позже, прибавляли рассказчики, этотъ прыгавшій черезъ камень человекъ былъ новгородскимъ посадникомъ. Какой-нибудь иностранецъ слышалъ новгородскую былинку, слышалъ также рассказы о новгородскомъ вѣчѣ, о выборѣ и смѣшеніи посадниковъ, объ усобицахъ новгородскихъ. При недостаточномъ знакомствѣ съ особенностями русскаго быта подробности этихъ свѣдѣній легко могли быть перепутаны (тѣмъ ли, кто первый слышалъ новгородскіе рассказы, или послѣдующими передатчиками): возвышеніе, на которое входилъ степенный посадникъ, смѣшалось съ камнемъ, на который натолкнулся посадникъ, Василій; подъ вліяніемъ такого смѣшенія связь послѣдовательности смѣнилась связью причинной (вмѣсто: прыгалъ и *потомъ* сталъ посадникомъ, явилось: прыгалъ и *потому* сталъ посадникомъ); свѣдѣнія о новгородскихъ усобицахъ слились съ воспоми-

наніями о боѣ Василя съ новгородцами, окончившемся торжествомъ удалца; торжество же это могло быть понято, какъ пріобрѣтеніе власти, и примкнуло къ общей картинѣ новгородскихъ обычаевъ. Въ итогѣ всей этой путаницы получило извѣстіе о небываломъ состязаніи изъ-за власти, о какомъ-то скачкѣ на камень почета. Нужно еще замѣтить, что на такое искаженіе новгородскихъ рассказовъ могла оказать вліяніе и литературная аналогія. Есть преданія, въ которыхъ пріобрѣтеніе власти представляется дѣйствительно дѣломъ удачи, побѣды на состязаніи. Припомнимъ, напримѣръ, польское преданіе о Лешкѣ, который провозглашенъ былъ княземъ послѣ побѣды на состязаніи въ бѣгѣ коней ¹⁾. Иностранецъ, слышавшій нашу былинку, могъ быть знакомъ съ подобными преданіями и невольно, незамѣтно вложилъ новый смыслъ въ недостаточно ясное для него новгородское сказаніе.

VI.

Въ предыдущей главѣ я пытался выяснитъ главнѣйшія особенности былины о Василя Буслаевичѣ. Но этими особенностями не ограничивается отличіе былины отъ родственныхъ ей сказаній. Русскій изводъ интересующей насъ саги выдѣляется цѣлымъ рядомъ своеобразныхъ подробностей, объясняемыхъ частью условіями бытоваго пріуроченія переходной повѣсти, частью литературными отношеніями, въ которыя вступала эта повѣсть въ предѣлахъ нашей народной словесности. Съ чертами бытоваго реализма новгородской былины мы уже знакомы. Припомнимъ хоть одинъ образецъ такого реализма. Грубость, дикій и жестокій нравъ молодого Роберта иллюстрируются картиной неудавшагося турнира. При участіи чортова дѣтища турниръ превращается въ побоище. Въ нѣмецкомъ разсказѣ, изданномъ Боринскимъ, турниръ замѣняется придворнымъ собраніемъ (ein grosser Hof). Наша былина изображаетъ либо праздничный пиръ у князя, либо городскую братчину. Появленіе Василя вноситъ сумятицу въ среду пировавшихъ. Предложенный на пиру «закладъ» о кулачномъ боѣ готовитъ новгородцамъ новую бѣду. Состязаніе удалцевъ принимаетъ видъ кровавой расправы, при которой бѣшеный Василій не даетъ пощады никому. Примѣромъ вліянія литературной аналогіи можетъ служить указанная выше пѣсня, въ

¹⁾ Объ этомъ преданіи см. *San-Marte*, Die polnische Königssage (Aus dem *Neuen Jahrbuche für deutsche Sprache und Alterthumskunde*, B. VIII), 1848, 5-ter Kapitel (Die Fürstenwahl).

которой Василий Буслаевич изображается королевским ключникомъ.

Остановимся еще на нѣкоторыхъ бытовыхъ и литературныхъ данныхъ, представляемыхъ новгородской былиной. Эти данныя важны для раскрытія литературной исторіи пѣсни.

А) Въ разсказахъ о дѣтствѣ и юности Роберта мы постоянно встрѣчаемся съ его отцемъ, хотя болѣе значительная, болѣе дѣятельная роль принадлежитъ бесспорно матери. По ея винѣ дитя обрекается дьяволу; она же преимущественно заботится объ исправленіи несчастнаго. Правда, не подъ влияніемъ посвященія въ рыцари, какъ предполагала мать, а подъ влияніемъ иныхъ, болѣе сильныхъ впечатлѣній совершается переломъ въ душѣ Роберта, но и въ этомъ случаѣ рѣшительное слово принадлежитъ опять таки матери: только послѣ ея разсказа о призываніи злаго духа Робертъ бросаетъ прежнія привычки и отдается заботамъ о спасеніи души. Въ нѣмецкомъ разсказѣ роль отца еще менѣе значительна: изображеніе неудавшагося праздника и обращеніе грѣшника на путь правый отнесены ко времени послѣ смерти отца: *Do nu das kint also aufwuchse das es kam zu sein jagen, do starb sein vater der kunig von Franckenreich* ¹⁾. О смерти отца упоминаетъ и поэма, изданная Брейлемъ. Пересказы былины о Васильѣ Буслаевичѣ обыкновенно и начинаются разсказомъ о смерти стараго Буслая:

Въ славномъ Великомъ Новѣградѣ,
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ;
.
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и переставился.
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалось его житье бытъе
И все нѣнѣе дворянское;
Осталася матера вдова,
Матера Амелфа Тимоеевна,
И оставалось чадо милое,
Молодой сынъ Василь Буслаевичъ.

(*Кирша*, стр. 72).

Только одинъ изъ вариантовъ сохранилъ, хотя и въ видѣ отрывка, разсказъ объ отцѣ Васильѣ Мамелфа, очевидно, заслонила передъ нашими пѣвцами стараго Буслава. Объясняется это, вѣроятно, влияніемъ многочисленныхъ пѣсенъ о вдовьихъ сыновьяхъ. Потерявъ мужа, Мамелфа присоединилась къ кружку эпическихъ вдовъ, ко-

¹⁾ *Germania*, 1892, I N., 47.

торымъ беспокойные сыновья причиняютъ много горя и заботь. Припомнимъ былины о Добрынь Никитичѣ, объ Иванѣ гостинномъ сынѣ, о Ванькѣ Удовкинь сынѣ, малорусскую думу объ Иванѣ Коновченикѣ и многочисленныя безыменныя пѣсни о сынѣ вдовы ¹⁾. Замѣчено, что изображеніе «честной вдовы» не рѣдко встрѣчается и въ нашей древней письменности ²⁾. Извѣстно также, что образъ «сына вдовы» любимъ въ новогреческихъ пѣсняхъ ³⁾.

Б) Пересказы саги о Робертѣ долго останавливаются на его дѣтской жестокости: онъ кусалъ мамокъ, бросалъ въ сверстниковъ чѣмъ попадо; когда подростъ, билъ нещадно всякаго встрѣчнаго. Наша былина, при изображеніи дѣтства Василья, не вдаваясь въ подробности, ограничивается такой картиной:

Сталъ Васишка на улочку похаживать,
Не легкія шуточки пошучивать:
За руку возьметъ, рука прочь,
За ногу возьметъ, нога прочь;
А котораго ударить по горбу,
Тотъ пойдетъ, самъ сутулится.

(*Рыбниковъ*, I, стр. 335).

Совершенно сходныя выраженія встрѣчаются въ цѣломъ рядѣ памятниковъ нашей народной словесности. Въ былинѣ о Константинѣ Сауловичѣ:

Будеть онъ, Константинушка, десяти годовъ,
Сталъ онъ по улицамъ похаживати,
Сталъ съ ребятами шутку шутить.
.....
Онъ шутку шутить не по ребячью,
А творилъ творилъ не по маленькимъ:
Котораго возьметъ за руку,
Изъ плеча тому руку выломить;
И котораго задѣнетъ за ногу,
По ... ногу оторветъ прочь;
И котораго хватятъ поперекъ хребта,
Тотъ кричитъ, реветъ, окорачъ ползеть,
Безъ головы домой придеть.

(*Кирша*, стр. 254).

¹⁾ *Киршевскій*, II, № 4; *Гильфердингъ*, № 172; *Рыбниковъ*, I, № 76; *Головацкий*, Пѣсни Галицкой Руси, I, стр. 9—12 и др. Указываю для примѣра лишь по одному пересказу каждой пѣсни.

²⁾ *Основа*, 1861 г., т. II, июнь, стр. 62—63 (въ ст. *М. Сухомятина*: „О преданіяхъ въ древней русской лѣтописи“).

³⁾ *Дестунисъ*, Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ, стр. 120.

Въ сказкѣ о богатырѣ Никитѣ Поповичѣ говорится, что онъ «обладалъ, еще въ молодыхъ годахъ, такой силой, что кого изъ парней однихъ съ нимъ лѣтъ схватить за голову — голова прочь, за ногу — нога прочь» ¹⁾. Въ сказкѣ объ Урусланѣ: «И какъ будетъ Урусланъ десети лѣтъ, выдетъ на улицу: и ково возьметъ за руку, и у того руку вырветъ, а ково возьметъ за ногу, тому ногу выломить» ²⁾. Въ лубочной сказкѣ о богатырѣ Самсонѣ: когда минуло ему 12 лѣтъ, началъ она шутить шутки нехорошія: кого хватить за руку, у того рука прочь, кого за ногу, у того нога прочь ³⁾. Въ одномъ изъ вариантовъ сказки о королевичѣ и его дядкѣ: «Жиль-быль король, и у него былъ одинъ сынъ Иванъ Королевичъ: сталъ онъ на возрастъ, собралъ своихъ сверстниковъ и началъ съ ними погуливать и шутить шутки нехорошія: кого за руку ухватить — рука прочь, кого за голову — голова прочь» ⁴⁾. Въ сказкѣ объ Иванѣ богатырѣ: «кого за руку дернетъ, нѣтъ руки. За голову схватить, головы не стало. Гдѣ щелкнетъ, тамъ и упадетъ либо носъ, либо ухо» ⁵⁾. Повторяясь въ рядѣ памятниковъ неодинаковаго содержания ⁶⁾, картина уродованія представляетъ родъ общаго мѣста, мало выразительнаго для изображенія такого удальца, какъ Василій Бу-слаевичъ.

В) Одно изъ самыхъ тяжкихъ преступленій Роберта — убійство его наставника. Чтобы уяснить все ужасное значеніе этого душегубства, нужно припомнить, что даже оскорбленіе наставника признавалось преступленіемъ, требовавшимъ суровой кары. Въ поэмѣ о Флоовантѣ разсказывается, что этотъ французскій королевичъ обрѣзалъ бороду у своего наставника, когда тотъ спалъ; за этотъ проступокъ Флоовантъ приговоренъ былъ къ смерти, и только по просьбѣ его матери казнь замѣнена была изгнаніемъ изъ Франціи на семь

¹⁾ *Ефименко*, Матеріалы по этнографіи Архангельской губерніи, стр. 187.

²⁾ Лѣтописи русск. литерат. и древн. II, отд. II, стр. 100—101. Ср. *Росинскій*, Русск. нар. картинки, кн. I, стр. 42. Такія же жестокія проказы приписываются и восточному предку нашего Еруслана—Рустему (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа. VI, приложение, стр. 20. Ср. *Вс. Миллеръ*, Экскурсы въ область русск. народн. эпоса, стр. 43).

³⁾ Къ литературной исторіи русск. былевой повѣи, стр. 172, примѣч.

⁴⁾ *Аванасевъ*, т. I, № 67, стр. 234.

⁵⁾ *Московскій Городской Листокъ*, 1847, № 153, стр. 618.

⁶⁾ См. еще *Миллеръ*, Илья Муромецъ, стр. 40, 48, 123; *Стасовъ*, О происхожденіи русск. былинъ (*Вѣстникъ Европы*, 1868 г., январь, 196—197); *Найн*, *Sagwissenschaftliche Studien*, 340 (*Arische Aussetzungs- und Rückkehr-Formel*).

лѣтъ ¹⁾. Въ *Knabenspiegel* Викрама (XVI вѣка) разсказывается о безпутномъ юношѣ, который бросился съ ножомъ на своего учителя; боясь наказанія, юноша бѣжалъ изъ отечества ²⁾ Пилигримъ, котораго убилъ Василій Буслаевъ, лишь въ нѣкоторыхъ пересказахъ удержалъ значеніе учителя; въ большей же части сохранившихся пѣсень пилигримъ представляется только крестнымъ отцемъ Василья:

И на встрѣчу Васильюшку Буслаеву
Идетъ крестовой батюшко, старчище пилигримище...
Говорятъ Старчище Пилигримище:
Ай же ты, мое чаделко крестовое,
Молодой курень, не попархивай;
На своего крестоваго батюшка не поскакивай.

(*Рыбниковъ*, I, 343)

Пилигримъ называется обыкновенно «старцемъ» (старчище), то-есть, монахомъ. По просьбѣ новгородцевъ онъ покидаетъ келью, чтобы унять своего крестника и ученика ³⁾. Въ такомъ изображеніи наставника и крестнаго отца Василья былина остается вѣрною старо-русскимъ обычаямъ. «Восприемниками при крещеніи князей,—замѣчаетъ С. М. Соловьевъ,—встрѣчаемъ духовныя лица: такъ, владыка новгородскій Василій ѣздилъ во Псковъ крестить сына (Михаила) у князя Александра Михайловича Тверскаго; митрополитъ Алексій крестилъ князя Ивана Борисовича Нижегородскаго; у Дмитрія Донскаго сына Юрія крестилъ св. Сергій Радонежскій; у князя Василья Михайловича Капинскаго крестилъ сына Дмитрія троицкій игумень Никонъ..., у Василія Васильевича Темнаго крестилъ сына (Іоанна) троицкій же игумень Зиновій» ⁴⁾. Иванъ Грозный и братъ его Юрій были крестниками переяславскаго игумена Даніила. Крестнымъ отцемъ царевича Ивана Ивановича, сына Грознаго, былъ митрополитъ Макарій. У дочери Ивана IV Анны восприемниками были два старца: Адрианъ изъ

¹⁾ *Darmesteter*, De Floovante vetustiore gallico poemate, p. 35—36, 55

²⁾ *Bobertag*, Geschichte des Romans... in Deutschland, I, 246.

³⁾ «Жилъ еще въ мостынари, старчищо тамъ жилъ перегримищо» (*Гильбердинъ*, ст. 292), «Былъ у новгороджанъ староста Ома Родивоновичъ, шоль въ монастырь де онъ Юрьевской, упросилъ де онъ старца, сильна богатыря"... (ibid., ст. 1186). «Есть у моего чада милаго во томъ во монастырь во Сергеевомъ крестовой его батюшка старчище пилигримище, имѣеть силу нарочитую» (*Рыбниковъ*, I, стр. 348—349). «Онъ же вы, братцы, удалые молодцы! Въ томъ ли монастырь во Кириловскомъ есть старчище пилигримище» (ibid., стр. 356). «Тогда мужики Новгородчана достали старца со монастыря Преугрюмова» (*Рыбниковъ*, II, стр. 206).

⁴⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи, IV, 189.

Андросовой и Геннадій изъ Сарайской пустыни ¹⁾. О крестникѣ новгородскаго архіепископа Василя, князь Михаилъ Александровичъ, сохранилось въ лѣтописи такое извѣстіе: «Прихаль Михаилъ княжичъ Александровичъ со Тыфѣри в Новгородъ ко владыцѣ, *сынъ хрестыный, грамотъ учится*» ²⁾. Кумовство съ монахами нельзя, конечно, считать особенностью княжескаго быта; оно было явленіемъ общераспространеннымъ ³⁾. Василий Буслаевичъ не пощадилъ пилигрима, котораго долженъ былъ уважать, какъ старца ⁴⁾, какъ крестнаго отца, какъ наставника.

Подойдя къ пилигриму новгородской быliny, нельзя не задѣтъ его знаменитаго колокола.

Стоять тутъ старецъ пилигримаща,
На могучихъ плечахъ держитъ колоколъ,
А вѣсомъ тотъ колоколъ во триста пудъ.

(*Кирша*, стр. 80).

Или:

На буйной головы—колоколъ пудовъ въ тысячу,
Во правой рукѣ—языкъ во пятьсотъ пудовъ.

(*Рыбниковъ*, I, стр. 343).

Извѣстно, что академикъ Срезневскій объяснялъ этотъ колоколъ, какъ забытое названіе одежды. «Колоколомъ, klakol, и колокольцей, klakolca, у чеховъ въ древности назывался плащъ, въ родѣ капы, носимой пилигримами.... И не у однихъ чеховъ въ средніе вѣка плащъ назывался колоколомъ. Англичане и французы также употребляли это слово, разумѣется, выговаривая по-своему: англичане—cloak, французы—cloche, clochette, въ латинскомъ выговорѣ у тѣхъ

¹⁾ Ibid., VII, 2—3.

²⁾ Новгородская лѣтопись по харатейному списку, стр. 340—341 (подъ 1341 г.).

³⁾ *Бостомаровъ*, Очеркъ домашней жизни великорусскаго народа, стр. 155: «Выборъ воспріемниковъ падалъ чаще всего на *духовнаго отца* или родственника».

⁴⁾ Въ пересказѣ *Рыбникова*, II, 33, Василий, какъ было уже замѣчено, щадить старца,

«Старца убить—не спасенья зались,
А грѣха себѣ на душу!»
И подхватилъ старца на руки:
«Поди-тко ты, старецъ преугрюмище, на свое мѣсто,
А въ наше дѣло ты не суйся».

Подобное же выраженіе объ убійствѣ «старца» повторяется и въ другихъ пѣсняхъ, напримѣръ, въ былинѣ о двухъ королевичахъ изъ Брякова:

Въ кельѣ старца убить, то есть не спасенье;
Черна ворона подстрѣлить, то не корысть получить.

(*Рыбниковъ*, I, стр. 415).

и у другихъ одинаково сlossa, и такъ же со смысломъ колокола и плаща (ср. нѣм. сlossa, glossa, gloske), плаща дорожнаго, безъ разрѣза напереди. По уставу Юліанской обители аббата Михаила, братья-священники въ поѣздкахъ должны были употреблять именно колокольъ приличной длины... Вотъ колокольъ былины о Васильѣ Буславичѣ, капа, плащъ. Употребленіе этого слова въ пересказахъ былины, хотя и неправильное, доказываетъ, что когда-то оно было у насъ употребляемо и въ значеніи одежды, и, судя по тому, что въ пересказахъ былины оторвано отъ своего настоящаго смысла, употребляемо было только въ древности, можетъ быть, даже не долго¹⁾. Не отрицая этой догадки, замѣчу, однако, что колокольъ нашего пилигрима можетъ дать поводъ къ сближеніямъ инаго рода.

Пилигримъ новгородской былины изображается съ чертами необычайнаго силача, напоминающаго сказочныхъ великановъ²⁾.

Старчище Питигришище сокручается,
 Сокручается онъ, снаряжается,
 Къ своему ко хрестнику любимому,
 Одѣваетъ старчище кафтанъ въ сорокъ пудъ.
 Колпакъ на голову полагаетъ въ двадцать пудъ,
 Ключу въ руки беретъ въ десять пудъ.

(Рыбниковъ, I, 349).

О такихъ эпическихъ силачахъ рассказывается, что они могутъ держать на головѣ колоколь, точно шапку. Можно при этомъ указать на нѣмецкую сказку въ сборникѣ бр. Гриммъ: *Der junge Riese* (№ 90). Силачъ, окруженный раздраженной толпой, бросается въ колодезь; поселяне, преслѣдующіе великана, снимаютъ съ башни колоколь и бросаютъ въ колодезь, чтобы придушить врага. Силачъ выскакиваетъ изъ колодца *съ колоколомъ на голову*. «Вотъ такъ славный колпакъ!» — крикнулъ онъ и убѣжалъ отъ растерявшейся толпы³⁾.

Въ одной изъ побывальщинъ объ Ильѣ Муромцѣ рассказывается, какъ богатырь посѣтилъ Билогремлица, «который въ свое время носилъ на головѣ вмѣсто шишака колоколь въ 300 чудовъ, а на

¹⁾ *Срезневскі*, Крута каличья, 14—15 (*Извѣстія Археологич. Общ.*, т. IV).

²⁾ Самое употребленіе увеличительныхъ „старчище“, „пилигришище“ указываетъ на фигуру не обычныхъ размѣровъ

³⁾ *Kinder-und Hausmärchen*, III, S. 160. Миеологи сближаютъ этотъ колоколь съ котломъ, который добываетъ Торъ у великана Гимира и который онъ приносить на головѣ (*Grimm, D. Mythol.*, 155—156, по 4 изд.: *Simrock, Mythol.* 259, 256. Ср. *Потанинъ*, Очерки Сѣв.-Западн. Монголіи, IV, 817).

плечѣ палицу и того тяжелѣй. И когда скликалъ свою дружину по темнымъ лѣсамъ, тогда булавою ударялъ въ колоколь»¹⁾).

Тяжести, подобныя тѣмъ, которыя носилъ новгородскій пилигримъ, находимъ и у другихъ каликъ.

Есть то калика переходящая:
Туть то каликушка справляется,
Туть то калика снаряжается,
Къ городу калика къ Іерусалиму,
Сильный, могучій ли Иванище

А были у калики ключи въ сорокъ пудъ.

(*Рыбниковъ*, I, стр. 89).

Такъ начинается одинъ изъ пересказовъ былины объ Ильѣ Муромцѣ и Идолицѣ поганомъ. Въ другомъ пересказѣ той же былины богатырь, встрѣтившійся съ каликой, говоритъ:

Разболокай, Данило, платье каличье,
Скидай съ ногъ лапоточки-обтопочки,
Подавай мнѣ-ка шляпу землегредую,
Землегредую шляпу сорокъ пять пудовъ.

(*Киртесскій*, IV, стр. 23).

Въ былинѣ о Михаилѣ Потокѣ говорится, что богатыри

Сустыгли старчища пилигримища.
Ключи у него сорока пудовъ.

(*Рыбниковъ*, I, стр. 232).

Но силъ этихъ тяжело вооруженныхъ каликъ не соответствовала ихъ отвага. Илья Муромецъ говоритъ встрѣтившемуся каликѣ:

Есть въ тебѣ, Иванище, силы два меня,
А нѣтъ въ тебѣ смѣлости полъ-меня.

(*Киртесскій*, IV, стр. 21).

Или:

Ай же ты, калика, калика переходящая!
Молода въ тебѣ въ два меня,
И силы-то у тебя въ три меня,
А смѣлости нѣтъ и въ полъ-меня.

(*Рыбниковъ*, III, стр. 29).

Съ такихъ неудалыхъ и неуклюжихъ каликъ срисовано и изо-

¹⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1868, ч. 138, стр. 624 (въ ст. Л. Н. Майкова о 4-мъ томѣ пѣсень, собр. Рыбниковымъ). О. Ѳ. Миллеръ справедливо признавалъ этого Билогремлица за одного изъ „тѣхъ всенародныхъ перехитряемыхъ великановъ, къ которымъ относится и Омгровъ Поляфемъ“ (Илья Муромецъ, стр. 241).

браженіе крестнаго отца Василья Буслаевича. Одѣтый въ тяжелый кафтанъ, съ большимъ колоколомъ на головѣ, съ огромной клюкой въ рукахъ, пилигримище представляетъ героин-комическую фигуру, не отвѣчающую, конечно, первоначальному замыслу былины. Въмѣсто убійства беззащитнаго старца предъ нами рисуется столкновение ловкаго удалца съ неповоротливымъ великаномъ, напоминающее бой печенѣжскаго силача съ лѣтописнымъ усмошвецомъ, и т. п.

По нѣкоторымъ пересказамъ пилигримъ появляется на мѣстѣ боя по просьбѣ новгородцевъ. Формула просьбы представляетъ замѣчательную двойственность:

Ай же ты, старчище пилигримище,
Послужи ты намъ вѣрой-правдою,
Сходи ты на мостикъ на Волховскій
Ко своему ко сыну крестовому,
Молоду Васильюшкѣ Буславьеву:
Уговори его сердце богатырское,
Чтобы онъ оставилъ побойще,
Не билъ бы мужиковъ новгородскихъ,
Оставилъ бы малую часть на сѣмена.

(Рыбниковъ, I, стр. 349; ср. Гильфердингъ, ст. 217).

Или:

Былъ у новгороджанъ староста Фома Родивоновичъ,
Шолъ въ монастырь де онъ Юрьевской,
Упросилъ де онъ старца сильна богатыря,
Посулялъ де онъ старцу много золотой казны,
Чтобы онъ побѣдилъ де Василья Буславьева ¹⁾.

(Гильфердингъ, ст. 1186).

Ясно, что значенію пилигрима, какъ крестнаго отца и наставника Василья, отвѣчаетъ именно первая формула. Вооруженіе старца и его намѣреніе не уговорить, а одолѣть Василья можно объяснить только позднѣйшимъ измѣненіемъ пѣсни. Къ этому измѣненію мы еще вернемся.

Г) Въ эпитимійномъ номоканонѣ сказано: «Аще кто разбой створить... 10 лѣтъ *да покается въ иномъ области*; толи потомъ да пріять будетъ въ свое отечество, аще будетъ покаялся о хлѣбѣ

¹⁾ Ср. въ пересказѣ Рыбникова, I, 57:

Ой же вы, братцы, удалые молодцы!
Въ томъ ли монастырѣ во Кирьловскомъ
Есть Старчище-Пилигримище;
Пойдемъ-те-ка, братцы, подкупимъ-те:
Бываетъ, онъ побѣтъ Васку Буслаева.

(Стр. 356).

и водѣ... Аще ли ся будетъ не добръ покаять, то не приять будетъ въ свое отечество» ¹⁾). Подобное же правило встрѣчается и въ постановленіяхъ западной церкви ²⁾). Сообразно съ этимъ правиломъ построены сказанія о кающемся Робертѣ Дьяволѣ и о Васильѣ Буслаевѣ. Первый отбываетъ свое покаяніе въ Римѣ, второй—въ Святой Землѣ.

Направляя Василья по знакомому паломничьему пути, былина не могла не внести и соответствующихъ подробностей, которыя не трудно было отыскать въ запасѣ устныхъ и письменныхъ разсказовъ бывалыхъ людей. Подобно всѣмъ каликамъ, ходившимъ въ Палестину, Василий и его дружинники посѣтили Іерусалимъ, побывали и на Іорданѣ:

Какъ будутъ они во Іерусалимѣ,
Святой святыни помолвились
И ко Господнему гробу приложивсь,
Во Іорданъ рѣкъ стали купатися.
Василій-то сынъ Буслаевичъ
Купатися нагимъ тѣломъ...

(*Рыбниковъ*, III, 240).

Послѣднему обстоятельству, купанью въ Іорданѣ, былина придаетъ особое значеніе. Въ священной рѣкѣ купались обыкновенно, не снимая рубашки. «Божіею благодатію, говоритъ Вас. Гагара,—сподобихомся искупатися во Ерданѣ рѣцѣ: мужіе и жены всѣ купались въ рубашкахъ» ³⁾). Новгородскій ушкуйникъ отступаетъ отъ этого обычая, не смотря на предостереженіе, данное ему или матерью передъ отъѣздомъ въ Палестину, или на самомъ мѣстѣ купанья какой-то «женщиной престарѣлой», бабой залѣсной, дѣвкой чернавкой.

А его свѣтъ государыня матушка,
Честная вдова Мамелфа Тимоѣевна,
По поѣздѣ его давала родительско благословеніе:

¹⁾ *В. А. Яковлевъ*, Къ литературной исторіи древнерусскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія „Имарагда“, стр. 153. Ср. *Тихонравова*, Отреч. книги т. II, стр. 304.

²⁾ „Странствіе Василья Буслаевича,—замѣчаетъ Срезневскій,—было какъ будто исполненіемъ того постановленія, долго остававшагося въ полной силѣ въ южной Франціи, по которому всякій убійца покаившись... исповѣдывался въ преступленіи, перековывалъ свой мечъ въ цѣпи... заковывалъ себя въ нихъ и отправлялся на поклоненіе святыни“ (Русскіе калики древняго времени, стр. 209, въ *Зап. Акад. Наукъ*, т. I, кн. 2).

³⁾ Хожденіе Вас. Гагары, стр. 71, по изд. *С. О. Домова* въ 33 вып. „Палестинскаго Сборника“.

„Ай же ты, мое чадо милое!
Будешь ты у матушки Ердань рѣки,
Не куплись Васильюшка, нагимъ тѣломъ.
Нагимъ тѣломъ купался самъ Исусъ Христосъ“.

(Рыбниковъ, I, 361).

Или:

И говоритъ дѣвушка чернавушка:
„Ай же ты, Василій сынъ Буславьевичъ!
Какъ ты куплешься нагимъ тѣломъ:
Кто у насъ купался нагимъ тѣломъ,
Тотъ у насъ живъ не доѣзжалъ“.

(Рыбниковъ, III, стр. 240).

Иначе:

Идетъ тутъ женщина престарѣлая
И проговорить она таково слово:
„Ай же, молодой Василій сынъ Буславьевичъ!
Что же ты купаешься нагимъ тѣломъ?“

(Рыбниковъ, II, стр. 208; ср. *Кириа*, стр. 174).

Какъ объяснить и это предостереженіе и это нарушеніе Василемъ общепринятаго обычая? Быть можетъ, эти подробности введены въ былинку только для того, чтобы еще одной лишней чертой обрисовать самоувѣренность и легкомысліе Василья: онъ не вѣритъ подписи на камнѣ, не внимааетъ голосу мертвой головы, не обращаетъ вниманія и на предостереженіе, требовавшее уваженія къ священнымъ воспоминаніемъ, связаннымъ съ Иорданомъ. Но возможна и другая догадка.

Положеніе кающагося Роберта, принужденнаго скрывать и свое имя и свою знатность, напоминаетъ положеніе наказаннаго гордеца въ легендѣ о зазнавшемся царѣ, извѣстной во многихъ пересказахъ. Въ одной изъ версій этой легенды, приуроченной къ имени Роберта, короля *Сицилійскаго*, гордецъ подвергается, какъ было уже замѣчено выше, такому же испытанію, какое выдерживаетъ *Робертъ Нормандскій* ¹⁾. Это сходство имени и эпитиміи ясно указываетъ, что легенды о наказанномъ гордецѣ и кающемся дупегубцѣ представляли нѣкоторыя точки соприкосновенія, допускали смѣшеніе подробностей.

Среди вариантовъ легенды о гордомъ царѣ есть цѣлая группа рассказовъ, связывающихъ начало испытанія съ купаньемъ. Для примѣра можно указать на рассказъ «Римскихъ Дѣяній» о гордомъ цесарѣ Евиньянѣ. «Евиньянъ цесарь зѣло можный въ Римѣ царствс-

¹⁾ *H. Varnhagen*, Ein indisches Märchen auf seiner Wanderung durch die asiatischen und europäischen Litteratureu, 65—66.

валъ и въ нѣкоторое время, на ложѣ лежаши, чрезъ великую возможность свою подѣлоса сердце его в великую гордость, и почалъ мыслить, самъ въ себѣ глаголя: нѣсть Богъ иный смьльнѣйшій и можнѣйшій, паче мене. (Est ne aliquis alius deus quam ego?). А какъ онъ такъ мыслить, уснулъ. И рано вставши, паномъ своимъ и дворяномъ повелѣлъ, чтобъ готовы были всѣ съ нимъ ѣхать на ловлю. Тогда дворяня его изготовилися, того же дня ѣхали съ нимъ. А какъ были на дорогѣ, и тогда цесарь отъ солнечнаго зноу такъ разгорѣся, что умереть хотѣлъ, толко бы не искупался въ студеной водѣ... Тогда цесарь узрѣ издали великую воду, рекъ своимъ рыцаремъ: «Остантеса вы тутъ и подождите мя, дондеже азъ шедъ искупаюсь», и отъѣхавъ отъ нихъ; и пришедъ до оной воды и разодѣвся, нача купатися; а какъ онъ купался, тогда приде нѣкій человекъ, въ словѣ и въ походкѣ и во всемъ образомъ подобенъ цесарю и облечеса во все цесарское одѣяніе, и всѣдши на его коня, ѣхалъ къ рыцаремъ. Видѣвши дворяне образъ цесаревъ мнѣли бытъ цесарю своему и пріаши его съ честію, а цесаря нага оставиша... Евинянь цесарь, вышедъ изъ воды, не узрѣ ни платя, ни коня... и дивися велми, что никого не видалъ, смутися, что будучи цесаремъ, а сталъ нагъ, и почалъ мыслити, самъ въ себѣ рече: что имамъ сотворити, что такъ нужно и ганебне отъ своихъ оставленъ», и т. д. Одежда купавшагося взята была ангеломъ, принявшимъ видъ цесаря. Послѣ многихъ униженій и страданій проученный гордецъ возстановленъ былъ въ своемъ прежнемъ званіи. Послѣ испытанія «Евинянь цесарь, будучи паки привращенъ на престолъ свой, благодарилъ Господу Богу и ходилъ во всѣхъ заповѣдѣхъ Господнихъ... и соверши послѣдній день свой въ покою» ¹⁾. Не представлятъ ли и рассказъ о купаньѣ Василья нагимъ тѣломъ реминисценціи изъ круга сказаній о наказанномъ гордецѣ? На такую реминисценцію могли натолкнуть не только обычаи, соблюдавшіеся при погруженіи въ Иорданъ («всѣ купались въ рубашкахъ»), но и нѣкоторыя преданія, связанныя съ этою рѣкой.

Иорданъ — рѣка покаянія. Согрѣшившій Адамъ говоритъ своей женѣ: «Вниди ты въ Тигръ рѣку, положи камень на главу свою, а

¹⁾ Римскія Дѣянія, изд. Общ. любит. др. письменности, вып. I, стр. 69—85. Съ купаньемъ связано и указанное выше именованіе Датриха Бернскаго по рассказу Тидрексаги (*Raszmans* op. cit., 684—685). Обзоръ сказаній о гордомъ царѣ см. въ отмѣченной книжкѣ Фаргагена, а также въ статьяхъ R. Köhler'a: Der nackte König (*Germania*, II), и А. Н. Веселовскаго: Новые данныя къ исторіи Соломоновскихъ сказаній (Разысканія въ обл. русск. дух. стѣха, V).

другий подь ноги своя, стани до выи въ водѣ и не послушай никогоже, да не пави предана будеши». Самъ Адамъ идетъ къ Иордану: «Воставъ Адамъ и иде во Иорданъ каятися... Погрузися весь во Иордани и пребысть 40 дній» ¹⁾. Тутъ же, на мѣстѣ покаянія Адама, каялся и павшій Лотъ, исполняя эпитимию, наложенную на него Авраамомъ ²⁾. Въ одномъ изъ апокрифныхъ сказаній о Соломонѣ рассказывается, что мудрый и могущественный еврейскій царь, потерявъ чудесный перстень, оказался въ положеніи, напоминающемъ испытаніе наказаннаго гордеца: онъ лишился своей прозорливости и силы. Перстень потерявъ былъ Соломономъ во время купанья въ Иорданѣ ³⁾.

Наказаніе, которому подвергается легендарный гордецъ, было пригодно и для Василья Буслаева. Былина несомнѣнно хочетъ выставить его не только человѣкомъ необузданнымъ, но и до дерзости самоувѣреннымъ. На слова старухи объ Иорданѣ дружина Василья отвѣчаетъ:

Нашъ Василій тому не вѣруетъ...

(Жирна, стр. 175).

Подобнымъ же образомъ выражается и самъ Василій:

А не вѣрую я, Василья, ни въ сонъ ни въ чохъ,
А и вѣрую въ свой червленый вязъ.

(Ibid. 179).

Любопытно при этомъ обратить вниманіе на то, что самоувѣренность и вольнодумство Василья рисуется чертами, въ которыхъ церковный писатель нашелъ бы только отсутствіе суевѣрія. Василій не вѣруетъ ни въ сонъ, ни въ чохъ; противъ вѣры въ такія примѣты вооружалась и духовная литература. Въ извѣстномъ поученіи

¹⁾ *Порфирьевъ*, Апокриф. сказанія о ветхоз. лицахъ и событіяхъ по рукоп. соловецкой библиот., стр. 93, 41—43; *Тихомировъ*, Отреч. книги, I, стр. 4; *Пыпинъ*, Ложныя и отреч. книги, стр. 2.

²⁾ «Двѣ рѣкъ в Палестинѣ суть вкупѣ смѣшени, иже Иоръ и Данъ, и едину рѣку свершаютъ Иорданъ... Посредѣ убо соединенія рѣкъ близъ явъ двохъ смѣшеніяхъ, обходящу во онъ годъ великому Аврааму, бысть обрѣсти ему нѣкоего мужа горко рыдающа и плачуща"... Авраамъ воткнулъ въ землю, въ разстояніи полпоприща отъ рѣки, три головни и заповѣдалъ Лоту носить воду изъ Иордана и поливать головни въ теченіи 40 дней. По истеченіи этого срока головни дали ростки. Это означало, что грѣшникъ прощенъ. (*Порфирьевъ*, op cit., 101—102; *Пыпинъ*, 82).

³⁾ *Веселовскій*, Сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 132.

о казняхъ Божіихъ читаемъ: «Друзіи же и закыханью вѣрують, еже бываетъ на здравье главѣ» ¹⁾.

Тяжелая эпитимія, которую пришлось выдержать Роберту, напоминаетъ изслѣдователямъ подобныя жѣ испытанія, о которыхъ рассказываютъ и христіанскія легенды ²⁾, и сказанія о буддійскихъ подвижникахъ. «In der that, замѣчаетъ Breul, finden sich innerhalb der geschichten von buddhistischen heiligen züge, welche durchaus denen entsprechen, welchen wir in der Robert-sage und den verwandten legenden begegnen» ³⁾.

Рассказъ о паломничествѣ нашего Василья Буслаевича давалъ поводъ къ подобнымъ же сопоставленіямъ съ восточными сказаніями. Примѣры такихъ сопоставленій можно найти въ трудахъ почтеннаго фольклориста, обогатившаго нашу литературу изданіемъ и изслѣдованіемъ обширнаго запаса этнографическихъ данныхъ, собранныхъ среди разноплеменныхъ обитателей Азии. Въ «Очеркахъ сѣверо-западной Монголіи» г. Потанина помѣщено описаніе «камланыя», — обряда, совершаемаго шаманами и символически изображающаго путь приближенія къ божеству. При камланьѣ въ честь Ерлика, подземнаго бога, поется пѣсня, изображающая путь, по которому будто бы движется шаманъ (камень). «За двумя скучными степенями, поетъ между прочимъ камень, лежитъ желѣзная гора Темиръ-тайха (то-есть, желѣзный бѣлокъ)»; камень приглашаетъ дружину быть единодушнѣе на опасномъ подъемѣ... Далѣе камень описываетъ трудный подъемъ на гору, представляетъ, будто онъ поднимается на нее, и потомъ, взобравшись на вершину горнаго перевала, тяжело вздыхаетъ. На горѣ онъ видитъ множество костей когда-то погибшихъ при смѣломъ и самонадѣянномъ подъемѣ камней, отправившихся также къ Ерлику, но не обладавшихъ достаточнымъ количест-

¹⁾ Лѣтоп. по Лавр. сп., стр. 166. Ср. *Востоковъ*, Словарь церк.-слав. языка подъ словомъ „чыхъ“ (стр. 570). *Срезневскій*, Матер. для словаря русск. языка, вып. 2, ст. 925 (закыханіе). Рядъ указаній относительно вѣры въ чохъ см. въ сочин. *Снегирева* (Русскіе простонар. праздники и обряды, I, 70), *Аванасьева* (Поэтич. возвр. славянъ, II, 338, примѣч.), *Сумцова* (Культурныя переживанія 284—285).

²⁾ Такова легенда о св. Албанѣ, Dit des III chanoines и др. (*Breul*, op. cit. 130—132). „Un grand nombre de ces légendes, замѣчаетъ G. Paris, sont originellement orientales, l'ascétisme bouddhique en est le premier inspirateur, et le christianisme s'est approprié“... (*Revue critique*, 1866, p. 45—46).

³⁾ Op. cit. 132.

вомъ силы... «Кости мужей навалены рябыми горами, конскія кости пѣгими горами стали»... «Небесный край прыдаетъ, желѣзная крыша ударяется. Небесный край прыдаетъ, единодушно пройдемъ! Желѣзная крыша ударяется, прыгнувъ перескочимъ!» Пропѣвъ эти слова, камъ и въ самомъ дѣлѣ прыгаетъ; тихо поколотивъ въ бубень послѣ прыжка и помолчавъ немного, камъ тяжело вздыхаетъ... Потомъ камъ подѣзжаетъ къ отверстию, ведущему въ подземный мѣръ... Спустившись въ земную пасть, камъ опять ѣдетъ по плоскости и встрѣчаетъ море, чрезъ которое протянуть одинъ волосъ. Онъ переходитъ по этому опасному мосту и т. д. ¹⁾ Въ примѣчаніи указано сходство нѣкоторыхъ подробностей этого обряда съ былинной о Васильѣ Буслаевѣ и съ преданіемъ о первомъ бурятскомъ шаманѣ Моргонъ-Хара. «Множество костей, лежащихъ на вершинѣ Темиръ-Тайги, а также около того мѣста, гдѣ приходится прыгать между толкучими краями неба и земли, напоминаетъ прыгающихъ на камнѣ мнѣическаго бурятскаго шамана Бохоли-хара (или Моргонъ-хара) и нашего В. Буслаева» ²⁾. Объ упомянутомъ шаманѣ говорится, что онъ раздражилъ царя злыхъ духовъ Эрленъ-хана и божество неба Эсэгэ-Маланъ-Тенгерн. «Моргонъ-Харанъ несколько не уступалъ и даже, повидимому, превосходилъ царя злыхъ духовъ Эрлен-хана своими таинственными силами и чародѣйствомъ. Моргонъ-хара велъ жестокую борьбу съ злыми духами, которые всегда стремились поймать человѣческую душу и посадить ее въ адъ, по приказанію своего царя Эрленъ-хана, то-есть, царя-сатаны, который управляетъ злыми духами. Первый бурятскій шаманъ Моргонъ-хара никогда не давалъ душу человѣка злomu духу, который старался поймать душу; а поймавши ее, злой духъ запиралъ въ адъ, заковывалъ въ тяжелыя желѣзныя цѣпи, которыя надѣвалъ на шею, на руки и на ноги, чтобы пойманная душа не могла убѣжать обратно къ своему тѣлу или въ Уханъ-хатъ, куда онѣ убѣгаютъ иногда во время преслѣдованія злыми духами и прячутся въ Уханъ-хатъ, гдѣ злые духи не могутъ поймать человѣческую душу, ибо ей покровительствуетъ (Уханъ-хатъ)... Нѣсколько разъ злой духъ похищаль души людей и заключалъ ихъ въ адъ, а шаманъ Моргонъ-хара, возвращалъ душу обратно тѣлу. Наконецъ, злой духъ поднялся на небо къ Эсэгэ-Маланъ-Тенгери жаловаться на шамана Моргонъ-хара, который такъ жестоко поступалъ съ злымъ духомъ, обижая его на каждомъ шагу.

¹⁾ Очерки свѣ.-зап. Монголіи, IV, 64—65.

²⁾ Ibid. 690.

Злой духъ говорилъ Эсэгэ-Малань-Тэнгэри: «Ты создалъ насъ обоихъ и приказалъ раздѣлить людей пополамъ, живыхъ ему, то-есть, шаману Моргон-хара, а мертвыхъ мнѣ (то-есть, души умершихъ людей), но шаманъ Моргон-хара не даетъ мнѣ ни одной души; я возьму какую-нибудь, посажу въ адъ или спрячу куда-нибудь, а Моргон-хара находить вездѣ и освобождаетъ, вслѣдствіе этого не могу овладѣть ни одной человѣческой душой; такимъ поведеніемъ Моргон-хара нарушаетъ твое повелѣніе, которое должно исполняться съ обѣихъ сторонъ ненарушимо до окончанія свѣта». Эсэгэ-Малань-Тэнгэри захотѣлъ испытать правдивость жалобы злого духа Эрленхана и могущество шамана Моргон-хара, которому придавали сверхъестественную силу и который соперничалъ съ царемъ злыхъ духовъ. Эсэгэ-Малань-Тэнгэри взялъ душу одного человѣка, положилъ въ бутылку и закрылъ отверстіе бутылки большимъ пальцемъ правой руки.» Шаманъ сумѣлъ освободить и эту закупоренную душу. За это Эсэгэ-Малань-Тэнгэри разсердился на шамана Моргон-хара и наказалъ его слѣдующимъ образомъ: «поставилъ его на сѣверо-восточной сторонѣ на черный камень величиною съ быка, чтобы Моргонъ-хара на этомъ камнѣ скакалъ до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не сотрется и ничего не останется отъ него, тогда исполнится его полное наказаніе за то, что онъ осмѣлился дерзнуть на Отца Неба. Моргонъ-хара до сихъ поръ скачетъ на одномъ и томъ же камнѣ, гдѣ его поставилъ Отецъ неба. Послѣ Моргон-хара всѣ шаманы далеко стали слабѣе знаніями и силами и не достигали до такого совершенства, какъ шаманъ Моргон-хара, потому что отецъ неба (Эсэгэ-Малань Тэнгэри) уменьшилъ ихъ силы и знанія»¹⁾.

Путешествіе къ Эрлику, освобожденіе заключенныхъ въ твердыняхъ ада повторяется и въ другихъ монгольскихъ сказаніяхъ. Герой одного изъ такихъ сказаній—Иринь-Сайнь-Гунынъ-Настай-Мекеле. Этотъ Мекеле родился, когда отцу его было 990, а матери 886 лѣтъ. «Изъ утробы матери родившійся мальчикъ держалъ во рту алмыса (дьявола)... Только что родившемуся ему уже нужна была одежда, какъ на пятнадцатилѣтняго мальчика; со дня рожденія онъ уже могъ состязаться въ стрѣльбѣ и съ мудрецами бесѣдовать; въ крыльцахъ его была сила 70 лу (драконовъ), по поясъ у него была сила Ханъ-Харидэ... Пальцы его были такіе, что чего ни коснется, все ломается.... Имя его раздавалось во всѣхъ сторонахъ. Если война

¹⁾ *Извѣстія Восточно-Сибирскаго отдѣла Географическаго общества*, т. XI, № 1—2. («Первый Бурятскій шаманъ Моргонъ-Хара»).

была далеко, онъ поражалъ войска мыслью; если близко—личнымъ участіемъ. Сорокъ тысячъ мангысовъ онъ могъ подъ стремянемъ задавить, десять «муджи» могъ ладонью раздавить». Слѣдуетъ разсказъ о подвигахъ и приключеніяхъ Мекеле. Послѣдній изъ этихъ подвиговъ—путешествіе въ царство смерти. Мекеле былъ женатъ уже пять лѣтъ, но не имѣлъ дѣтей. Горюя объ этомъ, онъ отправился за совѣтомъ къ благочестивому ламѣ. Тотъ посоветывалъ молиться Гучинъ-Гурбу-Хормусту. Разъ, во время молитвы этому божеству, Мекеле услышалъ голосъ: «Ты, крѣпкорожденный герой, очисти восемнадцать адовъ Ерлика, уничтожь Ерликъ-Намынь-хана. Если это повелѣніе исполнишь, у тебя родится сынъ». Герой исполнилъ данное ему повелѣніе: раскрылись при его приходѣ двери ада и «всѣ заключенные поднялись на небо и сдѣлались бурханами». Не могъ быть освобожденъ одинъ только великій грѣшникъ Алачь-Укуръ-Хара-Батырь. «Этотъ человекъ семь лѣтъ рождался на свѣтъ и каждый разъ во время своей земной жизни онъ убивалъ своихъ отца, мать и учителя».—Предсказаніе, данное Мекеле, исполнилось. Вернувшись домой, онъ обрадованъ былъ рожденіемъ сына ¹⁾. Сходнаго содержанія—разсказъ о бездѣтномъ старикѣ, ходившемъ къ Бурхану-бакши. На пути онъ находитъ рогатую змѣю, которая отломилла одинъ рогъ и сказала: «покажи этотъ рогъ Бурхыну-бакши и спроси его: за что онъ наказалъ меня этою парюю роговъ? Они мѣшаютъ мнѣ пролѣзать въ нору и выходя изъ нея я всегда сбиваю кожу съ головы. Пусть онъ проститъ меня». Встрѣчается потомъ старый лама. Узнавъ, что путникъ идетъ къ Бурхыну-бакши, лама сказалъ: «когда дойдешь до него, спроси, когда будетъ конецъ моей молитвѣ. Восемнадцать лѣтъ сижу здѣсь, рукъ не разводя, такъ что онѣ обросли травой. Не пора ли мнѣ дать отпущеніе?» Слѣдуетъ, наконецъ, встрѣча съ тремя людодѣдами (махачи). «Они просятъ старика попросить Бурхынь-бакши, чтобы тотъ простилъ ихъ, великихъ грѣшниковъ. Старикъ передалъ эти просьбы божеству. Относительно змѣи Бурхынь-бакши сказалъ, что «ей не будетъ отпущенія, потому что она много зла сдѣлала. На счетъ ламы Бурхынь-бакши сказацъ, что ему тоже не будетъ отпущенія, потому что онъ молился только о себѣ. Про трехъ же махачи сказацъ, что онъ ихъ прощаетъ, потому что они давно покаялись и признали себя грѣшниками». Когда старикъ объявилъ людодѣдамъ это рѣшеніе, «они тотчасъ же стали подниматься на небо и сдѣлались бурханами». Вернувшись домой, ста-

¹⁾ Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 429—430, 481—484.

рикъ помолодѣлъ; вернулась юность и къ его женѣ; у нихъ родился сынъ ¹⁾). Въ другомъ подобномъ же разказѣ рѣчь идетъ о бѣднякѣ, который «надумался на старости лѣтъ идти на богомолье въ Богдохуре (то-есть, въ Ургу) поклониться Богдо». На пути онъ встрѣтилъ ламу, который «такъ долго молился, что у него и четки износились и пальцы истерлись отъ перебирания. Лама, вручивъ четки старику, просилъ показать ихъ Богдо. Далѣе странникъ заходитъ въ жилище Махачи. Узнавъ, что старикъ идетъ къ Богдо, «махачи, разрѣзавъ свою грудь, вынулъ свое сердце, отдалъ его старику и сказалъ: «Передай это Богдо и скажи ему, что я великій грѣшникъ, много зла на землѣ сдѣлалъ, пусть проститъ меня». Старикъ исполнилъ данныя ему порученія. Лама оказался осужденнымъ, потому что молился только о себѣ, а покаявшійся разбойникъ прощенъ и сталъ бурханомъ ²⁾). Противопоставленіе мнимаго благочестія ламы и искренности кающагося грѣшника дало также содержаніе бурятскому преданію о птицѣ ангирь. «Птица турпанъ (по-бурятски, ангирь) прежде была ламою. Одинъ лама, желая очистить свои грѣхи, переселился на высокую гору надъ моремъ. Сидя на горѣ онъ читалъ священныя книги въ продолженіе трехъ лѣтъ. Онъ пересталъ чувствовать голодъ, холодъ и жаръ. Однажды къ ламѣ приходитъ одинъ человѣкъ и говоритъ, что онъ ищетъ Бога, что найдя его, онъ хочетъ ему помолиться. Тогда лама говоритъ: «Я сижу на этой горѣ и читаю священныя книги въ продолженіе трехъ лѣтъ и до сихъ поръ не вижу бога. Ты тоже не увидишь бога». Не вѣря словамъ ламы, этотъ человѣкъ сталъ допытываться: «Ты знаешь, гдѣ богъ. Укажи мнѣ!» Онъ упрасивалъ ламу до того, что надоѣлъ ламѣ. Лама говоритъ ему: «садись на коня верхомъ и съ этой горы прыгни въ море! Тогда увидишь тамъ бога!» Человѣкъ повѣрилъ ламѣ, сѣлъ верхомъ на коня и прыгнулъ въ море, но на пути былъ поднятъ вверхъ на небо. Тогда лама тоже прыгнулъ въ море, но на пути былъ обращенъ въ птицу турпана и улетѣлъ ³⁾). Въ вариантѣ этого преданія ламѣ противопоставляется именно кающійся разбойникъ ⁴⁾).

Сопоставленіе этихъ разказовъ (со включеніемъ и камской мистеріи) приводитъ г. Потанина къ выводу, что «эти произведенія

¹⁾ Ibid., IV, 272—274.

²⁾ Ibid., 259.

³⁾ *Записки Восточно-сибирск. отд. Географ. общ.*, I, 1, стр. 123, 152 (Бурятскія сказки и повѣрья).

⁴⁾ Ibid. I, 2, стр. 139.

народнаго творчества не суть заимствованія изъ южно-буддійскихъ сказаній, а возникли самостоятельно на шаманской почвѣ южной сибери и сѣверной Монголіи» ¹⁾). Повторяя этотъ выводъ знатока народной монгольской словесности, не могу однако не замѣтить, что такія подробности разсматриваемыхъ сказаній, какъ неоднократное рожденіе хара-батыря (въ сказкѣ о Мекеле) указываютъ, повидимому, на вліяніе буддійскихъ представленій, примѣшавшихся къ шаманской основѣ. При предположеніи такихъ буддійскихъ вліяній легче объяснить какое-то сходство приведенныхъ рассказовъ съ группой европейскихъ легендъ о покаявшемся разбойникѣ.

Въ сказкахъ о Мекеле и о бездѣтномъ старикѣ мы находимъ тѣ же эпическіе элементы, которые легли въ основу и знакомой намъ легенды о Мадеѣ: бездѣтные супруги; рожденіе у нихъ давно желаннаго сына; путешествіе въ адъ; покаяніе и прощеніе разбойника. Соединеніе этихъ элементовъ въ монгольскихъ и европейскихъ легендахъ не одинаково: въ восточныхъ рассказахъ путешествіе въ подземный міръ и встрѣча съ разбойникомъ усвояются бездѣтному старику, у котораго послѣ путешествія рождается сынъ; въ европейскихъ преданіяхъ рожденіе желаннаго сына предшествуетъ рассказу о путешествіи; странствующимъ представляется мальчикъ, обреченный родителями демону. Такая разница комбинаціи не закрываетъ однако сходства входящихъ въ ея составъ элементовъ. Важенъ и самый фактъ комбинаціи: сходны эпическіе элементы, сходно и то, что эти элементы представляются такъ или иначе связанными.

Выше я старался показать, что сказаніе, уцѣлѣвшее въ повѣсти о Робертѣ Дьяволѣ и въ былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ, родственно съ преданіями типа Мадея. А такъ какъ эти преданія обнаруживаютъ близость къ приведеннымъ выше монгольскимъ сказаніямъ, то устанавливается нѣкоторая связь съ этими сказаніями и нашей былины. Мнѣ кажется, что слѣдуетъ остановиться на предположеніи только такой именно непрямой и отдаленной связи нашей былины съ преданіями востока ²⁾). Рассказы, сообщенные въ сборникѣ г. Потанина, убѣждаютъ, что нѣкоторые элементы, входящіе въ составъ западныхъ легендъ о кающемся разбойникѣ, извѣстны и среди обитателей Азіи. Въ виду того, что проникновеніе въ область христі-

¹⁾ Очерки с. в. Монголіи, IV, 910.

²⁾ Едва ли есть основаніе подчеркивать отдѣльные подробности, какъ напримѣръ, прыганье шамана въ обрядѣ камланья, прыжокъ съ горы въ преданіи о птицѣ ангирь. Ближайшаго сходства съ извѣстнымъ эпизодомъ новгородской былины эти прыжки не представляютъ.

анско-легендарной литературы восточных, именно буддйских, преданий подтверждается прочно-установленными литературными фактами (повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ), мы не имѣемъ основанія отрицать, что могли заходить съ востока и сказанія, подобныя отмѣченнымъ выше. Но вѣдь проникая въ христіанскую литературу, заходяе эпическіе элементы не оставались неизмѣнными; они принимались какъ литературный матеріалъ для новыхъ, своеобразныхъ сочетаній. Мы видѣли, какъ не однородна по составу повѣсть о Робертѣ Дьяволѣ: нити ея тянутся и къ преданіямъ о чертовомъ дѣтищѣ, и къ легендамъ о покаявшемся разбойникѣ, и къ сказкѣ о мнимомъ шелудяѣ. Эта многосоставность повѣсти, это соединеніе въ ней нѣсколькихъ легендарныхъ темъ устраняють, кажется, возможность предполагать для нея какой-нибудь опредѣленный восточный прототипъ.

Для нашей былины предположеніе такого прототипа имѣетъ еще меньше значенія. Еслибы восточный образецъ не только могъ быть предполагаемъ, а даже былъ бы указанъ, ближайшее пособіе для экзегезы новгородской былины пришлось бы все таки отыскивать не въ этомъ первообразномъ сказаніи. Легенда, давшая основу былинѣ, прежде чѣмъ достигнуть береговъ Волхова, должна была пройти долгій литературный путь, подвергаясь при этомъ разнообразнымъ влияніямъ, испытывая перемѣны и въ содержаніи и въ формѣ. Ближайшій этапъ, съ котораго пришла къ намъ легенда, можетъ быть, предполагаемъ на двухъ противоположныхъ концахъ великаго пути изъ варягъ въ греки, проходившаго черезъ русскую землю. Имѣя дѣло съ сказаніемъ, осѣвшимъ на новгородской почвѣ, нельзя не припомнить культурныхъ связей Новгорода съ міромъ варяжскимъ. Мы знаемъ, что эти связи находили выраженіе и въ фактахъ литературнаго общенія. Сказаніе, давшее основу для новгородской былины, могло быть такимъ же заноснымъ съ запада произведеніемъ, какъ Двоесловіе Живота и Смерти или легенда о земномъ раѣ ¹⁾. Не устраняется, однако, возможность и другаго предположенія. Легендарные элементы, изъ которыхъ сложилось сказаніе о грѣшномъ удалыцѣ, представляютъ общее достояніе средне-вѣковой литературы. Они также были извѣстны на христіанскомъ востокѣ, какъ и на христіанскомъ западѣ. Припомнимъ житіе Варвара разбойника, вѣро-

¹⁾ Сравненіе новгородскаго сказанія о земномъ раѣ съ западными легендами сходнаго содержанія см. въ «Разысканіяхъ въ области русскаго духовнаго стиха» акад. *Весселовскаю* (вып. VI, ст. XIX, стр. 91—104). О преніи Живота и Смерти въ моей кн. «Къ литературной исторіи русской былевой повѣи», стр. 2—14, 193—200.

ванія во вліаніе демоновъ на человѣческое зачатіе. На востокѣ же, въ области греческой, византійской литературы могла сложиться и та комбинація легендарныхъ элементовъ, которую находимъ въ сказаніи, давшемъ основу для саги о Робертѣ и для новгородской былины.

Нельзя здѣсь не остановиться на остроумной догадкѣ Боринскаго объ исторической основѣ саги о Робертѣ Дьяволѣ. Относительно этой былевой основы саги высказано было нѣсколько предположеній. Одни старались угадать въ легендарномъ Робертѣ одного изъ исторически извѣстныхъ нормандскихъ герцоговъ (Роллонъ, Робертъ I, Робертъ II); другіе предполагали, что сага представляетъ воспоминаніе объ эпохѣ, предшествовавшей образованію нормандскаго герцогства, что Робертъ—имя правителя области, позднѣе вошедшей въ составъ Нормандіи ¹⁾. Въ виду противорѣчивости и малобудительности всѣхъ этихъ догадокъ нѣкоторые изслѣдователи саги о Робертѣ совершенно отказывались отъ историческихъ предположеній. Такъ, по мнѣнію Ed. du Méril'я, даже самое имя Роберта могло появиться въ сагѣ лишь вслѣдствіе его символическаго значенія, отвѣчающаго прозвищу: Дьяволъ ²⁾. Либрехтъ, разсматривающій повѣсть о Робертѣ, какъ передѣлку сказки о мнимомъ шелудякѣ, рѣшительно отрицаетъ историческую основу саги: *eine historische Basis ist... umsonst gesucht worden und kann auch nie gefunden werden* ³⁾. Къ этому мнѣнію присоединился и Брейль. Боринскій, не смотря на рѣшительный приговоръ Либрехта, рѣшился возобновить историческія догадки. По его мнѣнію, Роберта саги нѣтъ надобности искать среди герцоговъ Нормандіи. Въ древней редакціи саги Робертъ представляется уроженцемъ Нормандіи, но дѣятельность его развивается далеко отъ Нормандіи: онъ идетъ въ Римъ, борется съ сарацинами. Робертъ, повидному,—какой-то итальянскій норманнъ. Боринскій указываетъ такого именно историческаго норманна въ лицѣ извѣстнаго Роберта Гвискара: «Weg in

¹⁾ Обзоръ всѣхъ этихъ догадокъ см. у *Breul'*я (op. cit. 107—111).

²⁾ «Par euphémisme on désigna le diable lui-même par le nom de Robert. Въ подтвержденіе приведены два отрывка изъ памятниковъ XIII и XII вѣковъ:

Competenter per Robert robbur designatur,
Robertus excoriat, extorquet et minatur
Vir quicumque rabidus consors est Roberto.

Другой примѣръ: *Secundus dicebatur Robertus, quia a re nomen habuit, spoliator enim diu fuit et praedo* (*Revue contemporaine*, 1854, t. XIV, 51).

³⁾ *Zur Volkskunde*, 107.

Gibbons History die Charakteristik des berühmtesten und bedeutendsten jener normännischen Räuber liest, deren Abenteuerleben mit einer Fürstenkrone endet, der wird in Robert Guiscard Zug für Zug die Bedingungen wiederfinden, die bei unserem Legendenkreis voraussetzen sind¹⁾. Въ послѣсловіи къ тексту нѣмецкаго разсказа о французскомъ королѣ Боринскій возвращается къ своей догадкѣ. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что въ нѣмецкомъ разсказѣ кающійся король отправляется въ Апулію (das lant Pullen), живеть при дворѣ короля неаполитанскаго (des kunigs hoff Napels). Wir betonen diesen Zug... als lehrreiche Bestätigung unserer bereits... vertretenen Ansicht, dass diejenigen Forscher, die Möglichkeit einer historischen Unterlage der Sage in Erwägung zogen,... besser gethan, hätten statt an die normännischen Herzoge und ihre Ahnen, lieber an die *italienischen* Normannen und unter ihnen an den furchtbaren, vom apulischen Räuber zum Herzog erhöhten, zum Helfer und Retter des Kaisers und des mächtigsten Papstes «bekehrten» Robert Guiscard zu denken²⁾. Разсказъ Гиббона, на который ссылается Боринскій, основанъ на свидѣтельствахъ западныхъ и византійскихъ лѣтописцевъ³⁾. Эти свидѣтельства показываютъ, что борьба Роберта съ греками, его удачные набѣги и безопасная расправа съ побѣжденными, обружили имя норманскаго хищника рядомъ сказаній, въ которыхъ народная молва смѣшивала были и небылицы, впечатлѣнія дѣйствительности и догадки возбужденнаго воображенія. Молва шла изъ южной Италиі, гдѣ утвердился Робертъ,—изъ области съ смѣшаннымъ греко-итальянскимъ населеніемъ. Здѣсь же, въ этой смѣшанной средѣ, въ предѣлахъ вліянія византійской культуры, могли отыскаться матеріалы и для саги о Робертѣ Дьяволѣ, если допустить догадку Боринскаго о тождествѣ легендарнаго Роберта съ Робертомъ Гвискаркомъ⁴⁾. Нельзя

¹⁾ *Zeitschrift f. Völkerpsychologie*, XIX, 84.

²⁾ *Germania*, 1892, 60.

³⁾ „Въ первыхъ подвигахъ, которые онъ совершилъ, воюя съ греками и съ мѣстнымъ населеніемъ, не легко различить героя отъ разбойника. Напасть врасплохъ на какой нибудь замокъ или монастырь, поймать въ ловушку какого нибудь важноточнаго мѣстнаго жителя, награть въ сосѣднихъ деревняхъ съѣстные припасы—таковы были безславные подвиги, на которые онъ тратилъ свои умственные и физическія силы. Норманскіе волонтеры стали стекаться подъ его знамя, а служившіе подъ его начальствомъ калабрійскіе крестьяне усвоили названіе и характеръ норманновъ“ (*Гиббонъ*, *Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи*, переводъ Невѣдомскаго, т. VI, стр. 332).

⁴⁾ Общую характеристику культурно-этнографическихъ отношеній южной Италиі въ средніе вѣка см. въ книгѣ, *А. Н. Веселовскаю*: *Боккаччо, его среда и сверстники*, I, 20—24.

при этомъ не остановиться еще на одной подробности саги,—на изображеніи города, въ которомъ жилъ каявшійся герцогъ. Городъ этотъ, безымянный въ латинской легендѣ (*civitas regia*), въ романѣ и въ позднѣйшихъ пересказахъ саги называется Римомъ. Въ этомъ городѣ живетъ и папа, передъ которымъ кается Робертъ, и императоръ, у котораго нашелъ себѣ пріютъ нормандскій герцогъ. Такое изображеніе Рима въ произведеніи французскаго писателя XIII вѣка представляется загадочнымъ. Невольно является вопросъ: не скрывается ли за этимъ папско-императорскимъ Римомъ воспоминаніе о другомъ «новомъ Римѣ» (*νεὸν Ῥώμη*), который дѣйствительно былъ резиденціей и царя, и патриарха? Такое воспоминаніе указывало бы на среду, въ которой сложилась первоначально сага о Робертѣ... Сказаніе, основы, котораго извѣстны были среди «ромеевъ», легко могли найти доступъ и въ литературу запада, и въ область древне-русской поэзіи.

Каковы бы ни были пути, по которымъ двигалась легенда о покаявшемся удалецѣ, и каковы бы ни были измѣненія, которымъ подвергалась она, останавливаясь и обживаясь то тамъ, то здѣсь, основныя черты преданія удерживаются во всѣхъ его пересказахъ и передѣлкахъ. Поэтому и западные рассказы о Робертѣ Дьяволѣ, и наша былина о новгородцѣ Васильѣ обнаруживаютъ несомнѣнное родственное сходство, хотя способъ храненія и передачи нашихъ и западныхъ оказаній былъ не одинаковъ.

Западные отраженія легенды могутъ быть изучаемы по литературнымъ памятникамъ, рядъ которыхъ восходитъ до XIII вѣка. Матеріалами для ознакомленія съ русской обработкой той же легенды служатъ устно-передававшіяся пѣсни и сказки, записанныя лишь въ XVIII—XIX вѣкахъ, да отрывочная замѣтка, занесенная въ лѣтописный сборникъ XVI вѣка. Сопоставленіе этого небогатаго матеріала съ болѣе древними и болѣе полными сказаніями о Робертѣ помогло намъ выяснитъ общія очертанія древне-русскаго извода повѣсти о смирившемся удалецѣ. Считаю не лишнимъ припомнить здѣсь схему этой повѣсти, дошедшей до насъ въ отрывочномъ видѣ.

А) Супружеская чета—Буславъ и Мамелфа—долгое время оставалась бездѣтной. Отсутствие потомства особенно тяготитъ старика Буслава. Члобы помочь горю, онъ прибѣгаетъ къ волхвованію, обращается къ бабищѣ матерой.

Б) Сынъ Буслава, рожденный отъ волхвованія, рано обнаруживаетъ дикій и жестокій нравъ: кого за руку схватитъ, рука прочь, кого за ногу—нога прочь. Съ лѣтами задоръ Василя усиливается.

Собравъ дружину сорванцовъ, онъ а) безчинствуетъ на пиру, б) беспощадно бьетъ новгородцевъ на кулачномъ бою, в) убиваетъ стараго монаха, своего наставника и крестнаго отца, г) ушкуйничаетъ на Волгѣ.

В) Настроеніе Василья мѣняется (подъ вліяніемъ рѣчи мертвеца?). Онъ отправляется въ Святую землю замаливать свои грѣхи. Во время этого путешествія случилось ему преткнуться о камень ногою своею. Тяжелыя страданія, пережитыя бывшимъ ушкуйникомъ послѣ этого паденія на камень, послужили для него полезнымъ урокомъ. Василій вернулся на родину новымъ человѣкомъ; новгородцы поняли и оцѣнили измѣнившееся настроеніе Буслаева сына, избравъ его своимъ посадникомъ ¹⁾.

Въ позднѣйшихъ пересказахъ древній составъ былины не остался неизмѣннымъ. Въ произведеніяхъ такъ называемаго народнаго эпоса, въ былевыхъ пѣсняхъ, сохраняющихся путемъ устной передачи, — легче всего подвергаются порчѣ и утратѣ вступительныя и заключительныя картины, начало и конецъ пѣсни ²⁾. Въ дошедшихъ до насъ пересказахъ новгородской былины такой именно процессъ разрушенія оставилъ ясныя слѣды. Вступленіе, упоминающее о тоскѣ бездѣтнаго Буслава, удержалось въ одномъ только пересказѣ, — удержалось при томъ въ видѣ полузабытаго отрывка, потерявшаго метрическую оболочку. Второй отдѣлъ пѣсни, — рассказъ о путешествіи Василья въ Іерусалимъ, — въ пересказахъ, сохранившихъ оба отдѣла былины, передается обыкновенно далеко не съ такой обстоятель-

¹⁾ Замѣчательно, что на сходномъ мотивѣ построена была и былина о Садкѣ. Содержанію втораго отдѣла этой былины (путешествіе Садка по морю, хожденіе къ морскому царю) отвѣчаетъ цѣлый рядъ рассказовъ о наказанныхъ и покаявшихся преступникахъ: они обречены на выбрасываніе въ море, но чудесно спасаются отъ гибели послѣ раскаянія въ грѣхахъ (пророкъ Іона, *Sados* старо-французскаго романа: *Tristan le Léonais* и др.). Припомнимъ, что, по старѣйшему пересказу Кирши, Садко „удалый добрый молодецъ“ *цудалъ* по матушкѣ Волгѣ рѣкѣ двѣнадцать лѣтъ (Разборъ былины о Садкѣ и сходныхъ съ нею сказаній см. въ статьѣ *А. Н. Веселовскаю*, помѣщенный въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1886, декабрь).

²⁾ „Многіе у насъ знаютъ былины, немногіе только умѣютъ *завести пѣсню* и рассказать, какъ слѣдуетъ, чѣмъ былина окончилась“. Такъ говорилъ мнѣ одинъ изъ лучшихъ пѣвцовъ былины, Ив. Тр. Рябининъ. Какъ видно изъ этого свидѣтельства, труднѣе всего удерживаются памятью именно начало и конецъ пѣсни; хорошей пѣвецъ — тотъ, кто умѣетъ завести пѣсню и знаетъ, какъ ее кончить, то-есть, помнить вступленіе и заключеніе былины. Сказанное о пѣсняхъ подтверждается изученіемъ сказокъ. Наиболѣе вариантовъ замѣчается обыкновенно въ заключительномъ и вступительномъ отдѣлахъ сказокъ.

ностью, какъ отдѣлъ первый. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ (*Гильфердинъ*, №№ 259, 284, *Тихомировъ* и *Миллеръ*, №№ 62, 63) рассказъ о путешествіи сокращается въ небольшую заключительную замѣтку, имѣющую видъ добавки къ главному содержанію пѣсни, къ повѣсти о проказахъ Василья. Въ отдѣльныхъ пѣсняхъ странствованіе Василья изображается полнѣе, но уже самое распаденіе былины на двѣ пѣсни свидѣтельствуешь о разрушеніи первоначальной цѣльности сказанія. Эти отдѣльныя пѣсни о Васильѣ напоминають старинную рукопись, разбившуюся на два отрывка съ утраченными листами въ началѣ и концѣ.

Разрушеніемъ и порчей нѣкоторыхъ подробностей первоначальнаго сказанія не ограничилось его измѣненіе. Пѣсня не только разрушалась, но и видоизмѣнялась, перестраивалась. Съ нашимъ Васильемъ Буслаевичемъ повторилось то же, что испыталъ и его литературный двойникъ герцогъ Робертъ. Рядомъ съ сказаніемъ, оканчивавшимся перерожденіемъ Роберта, слагались преданія, изображавшія казнь грѣшника, его неожиданную и страшную смерть. Василій Буслаевъ первоначальнаго сказанія извѣстенъ былъ какъ почтенный новгородскій гражданинъ; онъ умеръ въ званіи новгородскаго посадника. Васька дошедшихъ до насъ пѣсень извѣстенъ только какъ удалой предводитель дружины ушкуйниковъ. Онъ умеръ во время путешествія въ Иерусалимъ, разбившись о какой-то камень. Вернушіеся домой дружинники Василья приносятъ его матери вѣсть о смерти сына:

И собрала она все свое имѣнье-богачество
И роздала она по Божьимъ церквамъ,
По Божьимъ церквамъ, по монастырямъ.

(*Рыбниковъ*, II, стр. 208).

Н. И. Костомаровъ сближалъ былину о Васильѣ съ южно-русской пѣснью объ Иванѣ Коновченкѣ: «конецъ Василья, говоритъ историкъ, представляетъ сходство съ окончаніемъ исторической пѣсни объ Иванѣ Коновченкѣ, которая и вообще въ своемъ духѣ имѣетъ сходство съ новгородскою думою» ¹⁾.

Между южно-русской и сѣверно-русской пѣснями, дѣйствительно, есть нѣкоторое сходство. Это сходство не касается первоначальнаго замысла былины, но оно не лишено значенія для уясненія ея позднѣйшей литературной исторіи:

¹⁾ *Исторія Новгорода и Пскова*, т. II, стр. 148.

Въ славнимъ мѣстѣ у Черкасѣ, тамъ жила вдова,
 Вдова Коновчиха красна, молода;
 Мала вона сына одного Ивася,
 Тай той ся сынъ на войну наперае:
 „Гей! Мати жь моя, рѣдненькая мати!
 Пусти мене съ казаками погуляти,
 Щобы отцевскую славу не втеряти“.

Мать удерживаетъ сына, но тотъ настаиваетъ на своемъ желаніи и
 уѣзжаетъ къ казакамъ:

Якъ прїѣхавъ Коновченко до обозу,
 Тамъ всѣ козаки взяли ся изъ нимъ витати,
 Старшина его дуже собѣ полюбила,
 Тай до курѣня заразъ го прїймила.

Новый казакъ спѣшитъ

Славы лыцарства козацкому войску доставати,
 Та и отцевской славы не втеряти.

Онъ проситъ атамановъ отпустить его «на Черкению долину гуляти».

Старики предостерегаютъ неопытнаго удальца:

„Ой ты, Коновченко, молода детино,
 Не ѣди съ казаками на Черкению долину!
 Бо ты ни на полѣ, ни на морѣ не бувало.
 Смертьи козацкой коло себе не видало.
 Якъ ты съ Турковъ кровь уздришь, на кони зѣмлѣешь,
 На кони зѣмлѣешь и до дому не прїѣдешь“.

Предостереженіе атамановъ не имѣло успѣха:

Ой рано, ранесенько и коника сѣдлае
 И коника сѣдлае, а на Бога не гадае,
 На Бога не гадае, та на войну ся наперае.
 Ой выѣхавъ съ казаками, и козаки ся росступаютъ,
 Козаки ся росступаютъ, ему Бѣгъ допомагае,
 Ему Бѣгъ допомагае, а вѣнъ Турковъ рубаетъ,
 На арканъ бере, въ неволю посылае.

На другой день послѣ этой стычки все войско казацкое отправляется
 въ походъ. Коновченко:

Ой рано, ранесенько и горѣвки ся напиваетъ
 И ѣсти ся доправуетъ, и на войну ся збераетъ.

По этому поводу гетманъ и молодой удалецъ обмѣниваются такими
 рѣчами:

„Ой сыну, Коновченко, треба ся впередъ вымыти,
 И Богу ся помолити, вѣттакъ на войну ити!“
 — Ей, батьку, Гетьмане! Я ся вчера не моливъ
 И лица' мѣ не мывъ, а преддѣ только Турковъ побивъ.
 „Ей, сыну Ивасю! Треба ся, сыну, впередъ умыти,
 И Богу ся помолити, тай горѣвки не пити;

Бо горѣвки нашьесья—сонъ голову похилить
И зобачуть тя турки, то в'ны тя порубають".
— Ей, батьку, Гетьмане! Я ся ихъ не бою,
Най ся они мене боюють, якъ я выйду погуляти".

Слова гетмана сбылись:

Гей! Поѣхавъ на войненьку—сонъ голову похиле,
Ивасенько коникови по гривѣ ся постеле.
Ой узрѣли Турки—прибѣгли, его порубали.

Возвратившіеся домой казаки сообщаютъ старой Коновчихѣ о смерти сына:

„Ой, вдово Коновчихо, нема твого сына Ивася!
Турки его пострѣляли, тай на смерть го порубали“¹⁾.

Изображеніе удалца, умирающаго на чужбинѣ, повторяется во многихъ народныхъ пѣсняхъ. Такую именно картину смерти находимъ въ известной великорусской пѣснѣ: «Ужъ какъ палъ туманъ на синемъ море». Раненый молодецъ лежитъ одинокой среди зеленой дубравы:

Что изъ далеча-далеча, изъ чистаго поля,
Приходятъ къ нему братцы товарищи,
Зовуть ли добра молодца на святую Русь,
Отвѣтъ держитъ добрый молодецъ:
„Подите, братцы, на Святую Русь,
Приходить ли мнѣ смерть скорая;
Отцу, матери скажите челобитье.
Роду-племени скажите по поклону всѣмъ,
Молодой женѣ скажите волюшку свою
На всѣ ли, на четыре на сторонушки,
Малымъ дѣтушкамъ скажите благословеньце“²⁾.

По другому варианту раненый посылаетъ вѣсть о себѣ черезъ коня:

Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое;
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать колена стрѣла³⁾.

По одному изъ вариантовъ пѣсни о Коновченкѣ, мать его, получивъ известіе о смерти удалого сына,

Всѣхъ козаківъ на хлѣб-на сізъ зазывала,
Похороны и весѣля Ивасеві одбувала⁴⁾!

¹⁾ Головацкий, Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, ч. I, стр. 9—12. Обзоръ пересказовъ пѣсни о Коновченкѣ см. въ книгѣ г. Житецкаго: Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ, стр. 209--210.

²⁾ Сахаровъ, Сказанія р. народа, т. I, кн. 3 стр. 204, № 9.

³⁾ Ibid. 203, № 5.

⁴⁾ Костомировъ, I. с.

Былина о Васильѣ Буслаевѣ выказываетъ несомнѣнное тяготѣніе къ этому циклу пѣсенъ о безвременно погибшемъ удалецѣ: Василій умираетъ на чужбинѣ; его товарищи приносятъ матери вѣсть о смерти сына. Въ одномъ изъ пересказовъ находимъ даже сравненіе смерти съ бракомъ ¹⁾, повторяющееся въ приведенныхъ выше отрывкахъ.

И тутъ-то Василій Буславьевичъ помирать зачалъ,
И наказываетъ своей братіи:
„Скажите-ко, братія, родной матушкѣ,
Что сосватался Василій на Фаворъ-горѣ
И женился Василій на бѣломъ горячемъ камешкѣ“.

(Рыбниковъ, II, стр. 208; Тихомировъ и Миллеръ 230)

Такое сходство былины съ пѣснями о матери, оплакивающей смерть отважнаго сына, указываетъ на одно изъ измѣненій, пережитыхъ былиной. Подъ вліяніемъ эпической аналогіи забытый конецъ пѣсни, о которомъ мы знаемъ изъ лѣтописной замѣтки, замѣстился иной развязкой, взятой изъ того круга пѣсенъ, къ которому принадлежитъ дума объ Иванѣ Коновченкѣ.

Съ измѣненіемъ развязки соединилось измѣненіе не только въ строѣ пѣсни, но и въ обрисовкѣ ея героя.

Древняя пѣсня изображала глубокій переворотъ въ душѣ чело-вѣка, надѣленнаго могучими силами «демонической природы». Прикосновеніе высшаго начала измѣнило эту природу: сила осталась, но отъ нея отнять былъ злой, разрушительный характеръ. Буйный, немилостивый на кровопролитіе удалецъ превращается въ полезнаго общественнаго работника. Появленіе сказанія съ такимъ замысломъ именно въ новгородскомъ эпосѣ отвѣчаетъ, какъ было уже замѣчено, быту и исторіи Новгорода. Исторія Новгорода знала людей такого типа, какъ Василій Буслаевъ древней пѣсни,—съ молоду буйныхъ удалцевъ, подъ старость степенныхъ посадниковъ.

Не таковъ Василій Буслаевичъ позднѣйшихъ пѣсенъ. Онъ до конца остается такимъ же сорванцемъ, какимъ былъ въ дѣтствѣ. Отправился удалецъ на богомолье въ святую землю, но и на чужбинѣ онъ ведетъ себя также, какъ въ Новгородѣ. Попадаетъ ему на дорогѣ

Пуста голова, челоуѣчья кость,
Пнулъ Василій тою голову съ дороги прочь.

¹⁾ Нѣсколько примѣровъ представленія смерти въ образѣ брака см. въ моей книгѣ: Къ литератур. исторіи русской былевой поэзіи, стр. 223—225. Ср. Халанскій, О сербскихъ народныхъ пѣсняхъ Косовскаго цикла, стр. 34—35.

Голова провѣщилась.

Плюнуть Василій, прочь пошоль:
„Али, голова, въ тебѣ врагъ говорить,
Или нечистой духъ“.

Передъ купаньемъ въ Иордань-рѣкѣ какая-то женщина престарѣлая предостерегаетъ Василья:

Ай же молодой Василій сынъ Буславъевичъ!
Что же ты купаешься нагимъ тѣломъ?

Василій отвѣчаетъ грубой шуткой:

„Ай же ты, женщина престарѣлая!
Кабы ты была на сей сторонѣ,
Я бы тебѣ сдѣлалъ двухъ мальчиковъ,
Двухъ мальчиковъ—двухъ богатырей“.

(*Рыбниковъ*, II, стр. 208; ср. *Тихомировъ* и *Миллеръ*, стр. 229).

Пѣсня выставляетъ на видъ не столько силу и жестокость Василья, сколько его легкомысленную самоувѣренность и мальчишескій задоръ. Онъ и падаетъ жертвою этого задора. Читаетъ удалецъ подпись на камнѣ:

А кто-де у камня станеть тѣшиться,
И и тѣшиться, забавляться,
Вдоль скакать по камению,
Сломить будетъ буйну голову.
Василій тому не вѣруеть;
Сталъ со дружиною тѣшиться и забавляться,
Поперекъ камню поскакивати;
Захотѣлось Василью вдоль скакать,
Разбѣжался, скочилъ вдоль по камению,
И не доскочилъ только четверти
И тутъ убился подъ каменемъ.

(*Кирша*, стр. 177).

Въ этомъ изображеніи задорной удали Василья, не оставляющей его и во время странствованія въ святую землю, видны слѣды какой-то новой мысли. Василій прыгаетъ черезъ камень, не смотря на предостерегающую подпись. Это предостереженіе, очевидно, только раздражило его. Ему хочется сдѣлать именно то, что выставляется опаснымъ, рискованнымъ, запретнымъ. Его манитъ эта игра на жизнь и на смерть, эта задача, считающаяся нерѣшимой, эта борьба съ невидимымъ противникомъ, который слыветъ непобѣдимымъ. Василій не выдержалъ этой борьбы, но онъ остался вѣренъ себѣ до конца: онъ умеръ удалцомъ, не знающимъ страха, безпощаднымъ къ другимъ, но безпощаднымъ и къ себѣ. Такой рассказъ о смерти Василья дол-

женъ, повидимому, примирить насъ съ его преступнымъ прошлымъ. Василій дорого расплатился за свою буйную удачу... Да и самыя преступленія Василья пѣсня изображаетъ въ чертахъ, рассчитанныхъ на смягченіе нашего приговора. Говоря о дѣтствѣ Василья, былина отдѣляется краткой замѣткой, которая примѣняется въ памятникѣхъ народнаго творчества не къ одному Василью. Въ рассказъ объ убійствѣ наставника введены комическія подробности, имѣющія, повидимому, цѣлю ослабить впечатлѣніе, оставляемое содержаніемъ рассказа.

Такія измѣненія и добавки трудно объяснить случайнымъ искаженіемъ полузабытой пѣсни, или воздѣйствіемъ эпической аналогіи. Измѣненія такъ важны и такъ послѣдовательны, что мы въ правѣ принять ихъ за указаніе на новую переработку древняго преданія, на установленіе новой редакціи былины. Кому же принадлежитъ эта редакція? Какъ объяснить ея появленіе?

Въ понятіи «народнаго творчества» мы едва ли найдемъ основаніе для отвѣта на эти вопросы. Тутъ, въ установленіи позднѣйшей редакціи былины, обнаруживается, очевидно, воздѣйствіе болѣе опредѣленной среды, — среды умѣвшей не только хранить древнія сказанія, но и передѣлывать старыя погудки на новый ладъ. Чтобы опредѣлить точнѣе этотъ новый ладъ, намъ нѣтъ надобности пускаться въ область догадокъ. О средѣ, въ которой жила нѣкогда наша былевая пѣсня, мы имѣемъ свидѣтельство писателя, еще заставшаго обломки старорусскаго быта. «Я прежде у скомороховъ пѣсни старинныя о князѣ Владимірѣ слыхалъ, говорить Татищевъ, въ которыхъ женъ его именами, такожь о славныхъ людѣхъ Ильѣ Муромцѣ, Алексѣ Поповичѣ, Соловѣ разбойникѣ, Долкѣ Стефановичѣ и проч. упоминають и дѣла ихъ прославляють»¹⁾. Свидѣтельство историка подтверждается указаніями пѣсни.

Одна изъ былинь оканчивается такой припѣвкой:

То старина, то и дѣянье,
 Какъ бы синему морю на утишенье,
 А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
 Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
 Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье,

¹⁾ Исторія російская, кн. I, ч. 1, стр. 44. Ср. *Веселовскій*, Разысканія въ области русск. дух. стиха, VI—X, стр. 218; *Дашкевичъ*, Былины объ Алешѣ Поповичѣ, стр. 49; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, Былины старой и новой запися, отд. I, стр. 74.

Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
 Испиваючи медъ, зелено вино;
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
 Тому боярину великому
 И хозляту своему ласкову.

(*Кириа*, стр. 283).

«Веселые молодцы», которыхъ за пѣсни угощаютъ пивомъ,—тѣ же скоморохи, о которыхъ говоритъ и Татищевъ.

Черезъ скоморошью среду прошла, конечно, и пѣсня о Васильѣ Буслаевѣ. На это указывасть составъ пѣсни. Тотъ новый ладъ, на который настроена былина въ дошедшихъ до насъ пересказахъ, вполне отвѣчаетъ вкусамъ и повадкамъ «веселыхъ молодцевъ», ихъ болѣе, чѣмъ снисходительной морали.

Припомнимъ свѣдѣнія о скоморохахъ, сохраненныя въ Стоглавѣ: «По дальнимъ странамъ ходятъ скоморохи, совокупяся ватагами многими, по 60 и по 70 и до 100 человекъ, и по деревнямъ у крестьянъ сильно ѣдятъ и пьютъ, и изъ клѣтей животы грабятъ и по дорогамъ людей разбиваютъ». (Гл. 41, вопр. 19). Такими же неразборчивыми на средства наживы людьми изображаетъ скомороховъ и пѣсня:

Веселые по улицамъ похаживаютъ,
 Гудки и волынки понашиваютъ,
 Промежду собой весело разговариваютъ:
 Да гдѣ же веселымъ будетъ спать, ночевать?
 Мы ночуемъ у старой бабы во келейкѣ.
 У старой бабы во келейкѣ бесѣдушка была,
 Промежду собой старухи разговаривали:
 У кого денегъ полтина, у кого двѣ, три,
 У меня ль, у старой бабы, четыреста рублей
 Въ подпольѣ на полкѣ въ кубышкѣ лежатъ.
 Веселые-то ребята злы, догадливы:
 Ай одинъ началъ играть,
 А другой началъ плясать,
 А третій веселой будто спать захотѣлъ,
 Онъ и ручку протянулъ
 И кубышку стянулъ.
 Пойдемте-тко ребята
 Подъ раки товъ частой кустъ,
 Станемъ денежки дѣлить,
 Стару бабушку хвалить:
 Ты живи, баба, подолѣ,
 Ты копи денегъ поболѣ,
 И мы дворъ твой знаемъ,
 Опять зайдёмъ,
 Мы кубышку твою знаемъ
 Опять возьмемъ;

А тебя дома не найдемъ,
И дворъ сождемъ ¹⁾).

«Веселые» обворовали богатую старуху, да они же и смѣются надъ ней. У нихъ и лихое дѣло мѣшается съ шуткой.

Въ Васильѣ Буслаевѣ дошедшихъ до насъ пѣсенъ есть черты, намекающія на его родство съ этими шутливыми ворами. Скоморохи поздней поры нашли, очевидно, въ старой пѣснѣ о новгородскомъ ушкуйникѣ что-то отвѣчавшее ихъ тревожному житью-бытью и передѣляли былину на свой ладъ. Въ этой передѣлкѣ новгородскій посадникъ былъ забытъ, на смѣну его выступилъ удалый добрый молодецъ, большой грѣховодникъ, но парень лихой. Еще въ дѣтствѣ онъ шутилъ шуточки нехорошія, да такимъ шутникомъ и остался на всю свою недолгую жизнь. Онъ и умеръ забавляясь:

Сталъ со дружиною тѣшиться и забавляться,
Поперекъ камению поскакивати;
Захотѣлось Василью вдоль скакать,
Разбѣжался, скочилъ вдоль по камению.
И не доскочилъ только четверти
И тутъ убился подъ каменемъ.

Чѣмъ больше отодвигалась въ историческую даль былая новгородская жизнь, тѣмъ все менѣе и менѣе понятной и интересной дѣлалась древняя былина и тѣмъ успѣшнѣе и шире распространялась ея позднѣйшая передѣлка.

VII.

Предшествующее изложеніе оставило нетронутымъ одинъ изъ вопросовъ, вызываемыхъ изученіемъ быliny о Васильѣ Буслаевѣ. Вопросъ касается отношенія быliny къ пѣснямъ о Волхѣ (или Вольгѣ) Всеславичѣ. Народные пѣвцы выказываютъ несомнѣнную наклонность къ смѣшенію этихъ пѣсенъ. Въ пересказѣ, записанномъ Рыбниковымъ и Гильфердингомъ отъ Козьмы Романова, Вольга называется по отчеству Буслаевичъ, при чемъ это опредѣленіе проходитъ чрезъ всю былинку ²⁾.

¹⁾ *Сахаровъ*, Сказанія русскаго народа, I, 8, стр. 221. Сводъ пѣсенныхъ вѣстей о скоморохахъ см. въ книгѣ *Фаминина*: Скоморохи на Руси. (С.-Пб. 1889).

²⁾ Въ пересказѣ *Рыбниковъ*, I, № 55 находимъ иную замѣну: къ имени отца Василья прилагается отчество: Сеславьевичъ (стр. 335).

Закатилось красное солнышко
 За горюшки высокія, за моря за широкія,
 Разсаждался звѣзды частыя по свѣтлу небу:
 Порождался Вольгѣ сударь Буслаевичъ
 На матушкѣ на святой Руси.
 Рось Вольга Буслаевичъ до пяти годковъ
 Пошелъ Вольга сударь Буслаевичъ по сырой земли и т. д.
 (*Рыбниковъ*, I, стр. 1—6; *Гильфердингъ*, ст. 551—556).

Въ пѣснѣ, записанной Гильфердингомъ отъ Петра Калинина (№ 2, ст. 9—16), слиты былины о Садкѣ, Вольгѣ и Васильѣ Буслаевѣ, при чемъ имя Василья замѣщено именемъ Вольги. Пѣсня начинается разсказомъ о Садкѣ (Сатокѣ), который побился съ купцами новгородскими о великѣ залогъ скупить у нихъ всѣ запасы хлѣбныи и всѣ товары красныи. Много накупилъ Садко всякаго товара, но всего скупить не могъ.

За свое за бахвальство за ложное,
 За свое пустое за хвастанье
 Отсѣчь набѣ Сатку буйна голова,
 Прикончить Сатку своя скоро жизнь.
 Сбѣжалъ Сатокъ купецъ богатый
 Отъ тыхъ купцевъ новгородскихъ,
 Сбѣжалъ изъ думы изъ крѣпкихъ
 Къ тому Вольги Всеславьеву:
 „Молодой Вольга Всеславьевичъ,
 Сбереги меня Сатка купца богатаго
 Отъ тою смерти напрасною
 За свое за ложное хвастанье!“
 Одѣвался Вольга Всеславьевичъ
 И въ латы богатырскіи,
 Береть орудію богатырскую,
 Ставился Вольга Всеславьевичъ,
 Ставился на матушку на Волхово,
 Ставился на широкъ мостъ,
 Казнилъ онъ народъ безщадно, безпошлино,
 Рылъ народъ во матушку во Волхово и т. д.

Продолжается разсказъ о боѣ Вольги съ новгородцами, представляющемъ точное повтореніе знакомаго намъ боя Василья Буслаевича. Упоминается при этомъ и о крестномъ отцѣ Вольги:

Одѣвается отецъ его крестныи,
 Кладывае колоколъ себѣ на главу,
 Кладывае колоколъ же мѣдныи,
 Мѣдныи колоколъ еще сорокъ пудъ.
 Идетъ къ крестовому дитятку,
 Къ тому Вольги Всеславьеву и т. д.

Крестный отецъ убитъ. Послѣ боя Вольга отправляется съ дружиной хороброю въ дальню сторону. Слѣдуетъ встрѣча Вольги съ пахаремъ Видулой Селягиннымъ. Послѣ этой встрѣчи Вольга и его дружинники

Поѣхали въ путь дороженку,
 Не доѣхали до города Орѣхова,
 Попадае имъ камень огромный,
 На камешки подпись великая:
 „Скакать черезъ этотъ же камешокъ
 Тому же богатырю
 Тому Вольги Всеславьеву,—
 Дружинишки его въ поперекъ камня,
 Ему Вольги вдоль камешка.
 Не скочить Вольга Всеславьевичъ,
 Тутъ будетъ Вольги скоро смерть“.
 Отправляется дружина хоробрая
 Скакала она впоперекъ сѣго камня;
 Направляется Вольга Всеславьевичъ
 Скочить сѣго вдоль камня.
 Скочилъ Вольга Всеславьевичъ
 Черезъ всю длину сѣго камня,
 Задѣвае конь подковами
 За длинныи за камешекъ.
 Застрадалъ Вольга Всеславьевичъ,
 Не доѣхалъ Вольга до Орѣховца,
 Скончался на той пути дороженки
 И тотъ же Вольга Всеславьевичъ.
 Доставала дружина хоробрая,
 Доставала Вольгу Всеславьева
 Въ свое же мѣсто великое;
 Тутъ же Вольга приставился.

Былина о Вольгѣ, записанная Гильфердингомъ отъ Троф. Рябинина, начинается выраженіями, напоминающими обычное вступленіе пѣсенъ о Васильѣ Буслаевѣ:

Жилъ Святославъ девяносто лѣтъ,
 Жилъ Святославъ да переставился
 Оставалось отъ него чадо милое,
 Молодой Вольга Святославовичъ
 Сталъ Вольга ростѣть-матерѣтъ и т. д.

(Ст. 435).

Подобное же сходство выраженій находимъ въ былинѣ Кириши Данилова при разсказѣ объ ученѣ Волха Всеславьевича:

А и будетъ Волхъ семи годовъ,
 Отдавала его матушка грамотѣ учиться,
 А грамота Волху въ наукъ пошла,

Посадила его ужъ перомъ писать.
Письмо ему въ наукъ пошло ¹⁾.

(Ст. 46).

Всѣ приведенные примѣры указываютъ, конечно, лишь на позднѣйшее смѣшеніе пѣсенъ. Это смѣшеніе — дѣло передатчиковъ былинъ, а не ихъ древнихъ редакторовъ. Тотъ же Рябининъ, который по записи Гильфердинга, начиналъ былину о Вольгѣ упоминаніемъ объ его отцѣ, при передачѣ пѣсни Рыбникову ²⁾, пѣлъ вступленіе былины такъ:

Когда воссіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославговичъ.
Сталъ Вольга ростѣть-матерѣть и пр.

(Рыбниковъ, I, стр. 17).

Этимъ замѣчаніемъ о позднемъ смѣшеніи пѣсенъ не лишается однако, значенія самый фактъ смѣшенія. Смѣшиваются пѣсни о Вольгѣ и Васильѣ не въ одномъ пересказѣ и при томъ не въ однихъ и тѣхъ же подробностяхъ. Такое повторяющееся смѣшеніе едва ли можетъ быть случайнымъ.

Предположеніе случайности покажется намъ еще менѣе вѣроятнымъ, если обратимъ вниманіе на то, что подобное же смѣшеніе находимъ и въ кругу тѣхъ западныхъ разсказовъ, съ которыми мы сравнивали былину о Васильѣ Буслаевѣ. Припомнимъ разсказъ Гёрреса: «Робертъ Дьяволь.... могъ превращаться въ разныхъ живот-

¹⁾ «Черта эта (обученіе грамотѣ) должна быть признана замѣшавшеюся сюда изъ былинъ о Васильѣ Буслаевѣ», замѣчаетъ *Op. G. Миллеръ* (Илья Муромецъ стр. 193).

²⁾ „При ближайшемъ знакомствѣ съ пѣвцами, говоритъ Рыбниковъ, я замѣтилъ, что они не всегда поютъ былины совершенно одинаково. Сказатели знаютъ часто одну и ту же былинку отъ нѣсколькихъ учителей и, разумеется, только тогда различаютъ варианты, когда они резко отличаются одинъ отъ другаго; когда же варианты очень близки между собой, тогда пѣвецъ поетъ одинъ разъ былинку по одному варианту, а другой разъ по другому. Напримѣръ, въ 1862 г. Рябининъ пѣлъ у меня на дому былинку о Вольгѣ (№ 3, ч. I) и такъ завелъ ее.

Жилъ Святославъ 90 лѣтъ,
Живучисъ Святославъ состарился,
Состарился и переставился.
Оставалось чадо милое,
Молодой Вольга Святославговичъ.

Это начало быть можетъ, заимствовано изъ старины о Васильѣ Буслаевѣ, но, можетъ, оно принадлежитъ и особому варианту о Вольгѣ“ (Пѣсни, т. III, Замѣтка собирателя, стр. XXXIX—XL).

ныхъ (vermögте in alle Thiergestalten sich zu verwandeln); три года онъ каялся, но подь конецъ взялъ его чортъ, поднялъ его на воздухъ и бросилъ (führте ihn in die Luft und liess ihn herabfallen, dass er zerschmetterте). Въ этомъ преданіи Робертъ представляется такимъ же чародѣемъ, волхвомъ, какъ и нашъ Волхъ (Вольга) Все-слаевичъ:

А и будетъ Волхъ десяти годовъ,
 Втапоры поучилса Волхъ ко премудростямъ:
 А и первой мудрости училса
 Обертываться яснымъ соколомъ;
 Ко другой-то мудрости училса онъ Волхъ
 Обертываться сѣрымъ волкомъ;
 Ко третьей-то мудрости училса Волхъ
 Обертываться гнѣдымъ туромъ—золотые рога.

(Кириша, стр. 47).

Съ былиннымъ Волхомъ проф. Буслаевъ не безъ основанія сближалъ того Волхва, о которомъ говорится въ Сказаніи объ основаніи Новгорода: «Волхъ Вселавичъ даже по самому рожденію своему — существо сверхъестественное. Хотя онъ родился отъ обыкновенной женщины, отъ какой-то княжны Мары Васильевны, но отцемъ его былъ лютый змѣй, вѣщая натура котораго отозвалась въ сынѣ тѣмъ, что онъ былъ чародѣй, оборотень: самъ обертывался яснымъ соколомъ, сѣрымъ волкомъ, туромъ—золотые рога и умѣлъ превращать въ нечеловѣческіе образы всю свою храбрую дружину. Наши грамотные предки даже XVII вѣка вѣрили, что этотъ Волхъ былъ старшій сынъ миоическаго Словена. Отъ Словена будто бы получили названіе славяне, а отъ Волхва—рѣка Волховъ, прежде называвшаяся Мутною. Этотъ Волховъ будто бы былъ «бѣсоугодный чародѣй, лютъ въ людяхъ; бѣсовскими ухищреніями и мечтами превращался въ различные образы и въ лютаго звѣря крокодила; и залегалъ въ той рѣкѣ Волховѣ водный путь тѣмъ, которые ему не поклонялись: однихъ пожиралъ, другихъ потоплялъ. А невѣжественный народъ—будто бы—тогда почиталъ его за бога и называлъ его Громомъ или Перуномъ. И постановилъ этотъ окаянный чародѣй, ночныхъ ради мечтаній и собранія бѣсовскаго, городокъ малый на нѣкоторомъ мѣстѣ зовомомъ Перыня, гдѣ и кумиръ Перуна стоялъ. И баснословятъ о немъ невѣжды, говоря (вѣроятно иословицею): *о бои стлз*. И былъ этотъ окаянный чародѣй давленъ отъ бѣсовъ въ рѣкѣ Волховѣ, и мечтаніями бѣсовскими несено было окаянное тѣло его вверхъ по той рѣкѣ и извержено на берегъ противъ Волховскаго его городка, что нынѣ зовется Перыня. И со многимъ пла-

чемъ отъ невѣждъ тутъ былъ онъ погребенъ съ великою тризною поганскою, и могилу ссыпали надъ нимъ высокую, по обычаю язычниковъ. И цо трехъ дняхъ послѣ того тризница разверзлась земля и пожрала мерзкое тѣло крокодилово, и могила просыпалась надъ нимъ на дно адское: иже и доннѣ, якоже повѣдаютъ, знакъ ямы тоя стоитъ не наполняяся» ¹⁾. Если допустить сближеніе Волха и Волхва ²⁾, то передъ нами обрисуеться эпическая схема, близкая къ разсказу Гёрреса: Волхвъ-чародѣй, принимавшій видъ разныхъ животныхъ; подъ конецъ черти подхватили его, вознесли на воздухъ и бросили.

Какъ объяснить это замѣчательное сходство русскаго и нѣмецкаго преданія о чародѣяхъ Волхъ и Робертъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ объяснить намъ, быть можетъ, и странное смѣшеніе Волха—Вольги съ Васильемъ Буслаевичемъ.

Въ самыхъ сказаніяхъ о Васильѣ и Робертѣ мы не найдемъ данныхъ для рѣшенія вопроса объ ихъ отношеніи къ преданіямъ о чародѣяхъ. Приходится допустить, что параллельное уподобленіе и Роберта и Василья Буслаева какому-то волхву объясняется какимъ-то влияніемъ извнѣ, примѣсью какого-то особаго сказанія, отразившагося и въ нашей былинѣ, и въ нѣмецкомъ преданіи: Мнѣ кажется, можно не только предполагать, но и указать это сказаніе. Я

¹⁾ Историч. очерки русск. народн. словесности и искусства, т. II, стр. 8. Ср. *его-же* „Народная поэзія, историч. очерки“, стр. 34—35, 268. Текстъ „Исторія еше о началѣ Рускія земли и созданіи Новаграда и откуду влечашеся родъ Словенскихъ князей“ напечатанъ *А. Н. Поповымъ* въ Изборникѣ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи“ стр. 442—447. Разсказъ о смерти Волхва переданъ въ изданномъ текстѣ такъ „Наше же христіанское истинное слово не ложнымъ испытаніемъ многоспытнѣ извѣстися о семъ окаяннѣмъ чародѣи волхвѣ, яко злѣ разбіенъ бысть и удаленъ отъ бѣсовъ въ Волховѣ и мечтаніями бѣсовскими окаянное его тѣло несено бысть вверхъ по оной рѣцѣ Волхову и извержено на брегъ противу волховнаго его городка, идѣ же нынѣ зовется Перыня“.

²⁾ Былинное имя Волхъ (а не Волхвъ) едва ли можетъ служить препятствіемъ къ сближенію сказаній о Волхвѣ и Волхъ. Формы: волхъ, волхи соотвѣтствуютъ въ языкѣ былинъ церк.-слав. влѣхвъ, влѣсви. Примѣръ:

Ай же вы мои да князи, бѣяра,
Сильни русскіе могучіе богатыри
Еще вси волхи бы всѣ волшебники“ (*Гильфердингъ*, стр. 475).

Въ пѣснѣ Кириши (№ IX) Волховъ (прилагательное отъ Волхъ, по объясненію Буслаева) замѣняется названіемъ Волхъ—рѣка. Сближеніе Волха и Волхва повторено г. *Халанскимъ* въ его изслѣдованіи о Маркѣ Кралевичѣ, при чемъ указанъ и приведенный примѣръ изъ сборника Гильфердинга (*Русскій Филологическій Вѣстникъ*, 1892 г., кн. I, стр. 142).

разумѣю при этомъ апокрифное повѣствованіе о Симонѣ волхвѣ, известное по Дѣянїямъ апостола Петра и по ихъ многочисленнымъ передѣлкамъ, распространеннымъ въ средніе вѣка ¹⁾. Наши предки познакомились съ разсказами о Симонѣ.

а) по славянскому переводу Дѣянїй ап. Петра: «Бысть по отшествїи святаго апостола Павла отъ Гавдомелетскаго острова» и т. д. (Ἐγένετο μετὰ τὸ ἐξελθεῖν τὸν ἅγιον Παῦλον ἀπὸ Γαυδομελέτης τῆς νήσου... ²⁾).

б) по особому разсказу о пренїи Петра съ Симономъ волхвомъ («Словопрѣніе Петрово съ Симономъ волхвомъ» или: «о прѣнїи Петровѣ съ Симономъ»), основанному также на «Дѣянїяхъ» ³⁾.

¹⁾ Подробное обозрѣніе апокрифныхъ сказанїй объ апостолахъ Петрѣ см. въ книгѣ *Lipsius'a*, Die apocryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden, II-ter B., Erste Hälfte. Въ этой книгѣ можно найти указанїя и на рукописи славянскаго перевода Дѣянїй (II, I, 208, 210, 294—295; Ergänzungsheft, 49—52); указанїя эти сообщены были нѣмецкому ученому г. Соколовымъ. Позже г. Сперанскїй сдѣлалъ нѣсколько дополненїй къ сообщенїямъ Соколова (см. слѣдующее примѣчанїе). Греческіе и латинскїе пересказы Дѣянїй изданы были Tischendorfомъ, а потомъ Lipsiusомъ (Acta apostolorum apocrypha post Const. Tischendorf denno ediderunt R. Ad. Lipsius et Max Bonnel. Pars prior, Acta Petri... ed. R. Ad. Lipsius. Lipsiae. 1891.—Ср. *Masemann*, Kaiserchronik, III, 635—677 694—714. (Сводъ извѣстїй о Симонѣ волхвѣ), Dictionnaire des apocryphes, т. II стр. 700 и слѣд.

²⁾ Тексты славянскаго перевода приготовлены были къ изданїю *А. Н. Поповымъ*, изданы послѣ его смерти подъ редакціей и съ примѣчанїями г. *Сперанскаго* (Чтенїя въ Обществѣ Исторїи и Древн. Россїйскихъ, 1889, кн. 3: „Библиографическіе матеріалы“, собр. *А. Н. Поповымъ*). Изданїе воспроизводитъ два текста Дѣянїй: а) рукоп. Чудова монастыря № 62/264 (XVI вѣка) съ разсужденїями изъ рукоп. Ундольскаго № 1299 (XV вѣкъ) и б) рукоп. Хлудова № 105 (XV вѣкъ) Первый текст имѣетъ ближайшее сходство съ греческими Πράξεις τῶν ἁγίων ἀποστόλων Πέτρου καὶ Παύλου (Tischendorf—Lipsius, 178—222); текстъ рукописи Хлудова представляетъ сокращенную редакцію Дѣянїй; по мнѣнію г. Сперанскаго, переводъ этой краткой редакціи „сдѣланъ независимо отъ полнаго и также съ греческаго оригинала“.

³⁾ „Прѣніе“ издано дважды: а) *И. А. Лазровскимъ* по рукоп. прологу XIII вѣка Публ. библиот. („Описанїе семи рукописей Публичной библиотекы“ въ Чтенїяхъ Ист. и древн. росс. 1858 г., кн. 4) и б) *Н. А. Петровскимъ* по рукоп. прологу XVII вѣка соловецкой библиот. („Нѣсколько словъ о Прологѣ, памятникѣ древне-русской письменности“ въ *Извѣстїяхъ Казанскаго Университета* 1875 г., № 5). Изданїя сопровождаются объяснительными статьями. И въ томъ и въ другомъ изданїи передается сходный текстъ (нач. „Пришедшу убо святому апостолу Петру отъ Антиохїа въ Римъ“). По рукописямъ известна еще иная редакція Прѣнїя (Нач. „По Клавдіи же царствова сынъ его“...); см. объ этой редакціи сообщенїя Соколова въ книгѣ Lipsiusа (II, 1, 210—212; ср. *Сперанскїй*, I. с. стр. 50—51):

в) По извлеченію изъ Дѣяній, занесенному въ хроники Малалы и Амартола ¹⁾).

Въ библейской книгѣ Дѣяній апостольскихъ говорится, что Симонъ «волхвовалъ и изумлялъ народъ самарійскій, выдавая себя за кого-то великаго. Ему внимали всѣ отъ малаго до большаго, говоря: сей есть великая сила Божія. А внимали ему потому, что онъ не малое время изумлялъ ихъ волхвованіями». (Гл. VIII, ст. 9—11). Апокрифныя сказанія развиваютъ это краткое извѣстіе о волхвованіи Симона въ болѣе сложную картину. Симонъ, говорится въ этихъ апокрифныхъ сказаніяхъ, былъ великій чародѣй, какового раньше не бывало: онъ бросался въ огонь и оставался невредимъ, леталъ по воздуху, показывалъ какія-то тѣни, называя ихъ душами умершихъ, приводилъ въ движеніе статуи и другіе предметы, *принималъ видъ разныхъ животныхъ* и творилъ много иныхъ удивительныхъ знаменій ²⁾. Въ Римѣ Симонъ встрѣтился съ апостоломъ Петромъ. Выдавая себя за высшее существо, магъ объявилъ, что, подобно Христу, онъ вознесется на небо. Демоны подняли Симона на воздухъ, но по молитвѣ апостола должны были отступить. Симонъ упалъ, расшибся и умеръ.

«Рече Симонъ Петру: Реклъ еси, яко Христосъ Богъ твой възнесея, се и азъ вознесуся. И видѣвъ сго Петръ възнашаема влшпвениемъ на въздусъ посредѣ града Римскаго, помолися, и абіе

¹⁾ Эти рассказы византийскихъ хроникъ вносились въ наши хронографы. (Поповъ, Обзоръ хронографовъ, I, стр. 44—45, 139) и лѣтописные своды (Лѣтоп. по Лаврент. списку стр. 175; Новгород. лѣтоп. по синод. сп. стр. 110). Изъ памятниковъ древней письменности, повторяющихъ извѣстія о Симонѣ, можно еще отмѣтить посланіе о латинахъ м. Никифора (Макарій, Ист. р. церкви, т. II. прилож. № 9 и 10, стр. 353, 359—360) и «Слово похвальное св. апостоламъ Петру и Павлу» Григорія Самвлака (ср. слѣд. примѣч.).

²⁾ Вотъ для примѣра описаніе волшебныхъ дѣяній Симона по пересказу Григорія Самвлака: «Въ Римъ пришедъ дѣяше волхвованія многа: идолы дрянныя и каменныя творяше ходити сатанинскимъ дѣйствомъ, и въ огни валяшеся и не стараше; по воздуху леташе, змѣй бѣваше, въ злато прелагашеся, двери заключенныя и веревя отверзаше и желѣзная кожа рѣшаше, на вечерехъ образы и виды всяческія представляше» (Минел Четья, іюнь, подъ 29 ч., рукоп. Публ. библ. F. I, 294 = Толст. I, 265). Привожу для сравненія одинъ изъ греческихъ пересказовъ: ἀνδρίαντας γὰρ ἐποίησεν περιπατεῖν, εἰς πῦρ κολιόμενος οὐκ ἐκχάετο, εἰς ἀέρα ἵπτατο, ἐκ λίθων ἄρτους ἐποίησεν, δράκων ἐγένετο, εἰς χρυσόν μετεβάλλετο, καὶ εἰς ὄφεις καὶ ἕτερα ζῷα μετεμορφόετο, διπρόσωπος ἐγένετο, θύρας κλεισμένας καὶ μεμοχλευμένας ἤνοιξε, σιδηρὰ δεσμά διαλύεν, ἐν δείπνοις εἶδωλα παντοδαπῶν ἰδεῶν παρίστα, τὰ ἐν οἰκίᾳ σκευὴ αὐτομάτως φέρεσθαι πρὸς ὑπηρεσίαν ἐποίησεν τῶν φερόντων οὐκ ὀρωμένων, σκιάς πολλὰς προηγείσθαι αὐτοῦ παρεσκεύαζεν, ἀσπερ ψυχὰς τῶν τεθνεώτων ἐφασκεν εἶναι... (Georg, Cedrenus, I, 368—369).

падь Симонъ и съкрушья умреть. Мръзкое же его тѣло положено бысть, идѣже и паде. И прозвася мѣсто оттолѣ Сиимоново». Такъ рассказываетъ Георгій Амартолѣ ¹⁾. Въ «Дѣянїяхъ» Петра паденїе Симона описывается нѣсколько подробнѣе. Во время пренїя Симона съ ап. Петромъ въ присутствїи Нерона магъ обратился къ императору съ такой просьбой: «Повелї ми стлпъ створити дрѣвнъ высокъ, да възлѣзу на нъ и призову аггли своѣ и повелю имъ, да всѣмъ зрещимъ, възнесутъ ме къ отцу моку на небо» ²⁾. Желанїе волхва было исполнено. На Марсовомъ полѣ (ἐν τῷ κάμπῳ Μαρτίῳ) построена была высокая башня. Множество народа собралось посмотриѣть на полеть знаменитаго мага. «Тогда Симонъ възыде на столпъ предо всѣми и въздѣвъ руцѣ, увязенъ же бѣ даоннїемъ (ἐστεφανωμένος δάφνας), начать летѣти... Петръ възрѣвъ слѣдъ Симона, рече: «заклинаю вы аггли сотоинны, носящїи Симона по воздуху на прельщенїе срѣць члкъ невѣрныхъ Богомъ сотворьшимъ всяческая, Г^мъ ІѢ Х^смъ, егоже в третїи днь воскресї изъ мртвыхъ і ѿ сего часа до (не) носите его к тому, да останетеса его». Абие же упушенъ бысть, паде на мѣсте нарицаемомъ Сагра вїя, яже есть і людскїи путь, и на четыри части разбїся, четырьмя тцками каменными, гладкими и обогренными, яже в темне, їма же путь стелють, пишуща, яже суть на свидѣтельство апостольскаго одолѣнїя і до днешняго дне» ³⁾. Последнїя подробность, упоминанїе о камняхъ, передана въ славянскомъ переводѣ не ясно. Греческїй оригиналъ говоритъ о камняхъ, которые соединены, склеены были кровью Симона: Καὶ παραχρῆμα ἀπολούθεις ἔπεσεν εἰς τόπον λεγόμενον Σάγρα Βία, ὃ ἐστὶν ἱερά ὁδός· καὶ τέσσαρα μέρη γινόμενος τέσσαρας σίλικας συνήνωσεν, οἱ εἰσὶν εἰς μαρτύριον τῆς τῶν ἀποστόλων νίκης ἕως τῆς σήμερον ἡμέρας ⁴⁾. У Малалы вмѣсто этихъ камней упоминается каменная ограда, которой окружено было мѣсто, гдѣ упалъ Симонъ: καὶ τὸ λείψανον αὐτοῦ κεῖται ἕχει ἕως ἄρτι ὅπου ἔπεσε, καὶ ἔχει περίε κάχκελλον λίθινον καὶ ἀχοῦει ὁ τόπος

¹⁾ Лѣтовникъ Георгїя инокѣ, изд. Общ. любит. древней письменности, стр. 159.

²⁾ По рукоп. Хлудова, л. 63 (*Чтенїя*, 1889, III). Подобнымъ же образомъ изображается неудачное вознесенїе Симона и во многихъ другихъ пересказахъ, но есть группа памятниковъ, въ которыхъ паденїе мага передается нѣсколько иначе: Симонъ бросается съ горы, увѣряя, что поддерживаемый ангелами онъ спокойно опустится на землю; по молитвѣ апостола полеть оканчивается низверженїемъ. Дипсиусъ полагаетъ, что последнїя версия представляетъ первоначальную редакцію легенды. (op. cit., 328).

³⁾ По Чуд. рукоп. л. 215 (*Чтенїя*, 1889, III).

⁴⁾ Acta apostolorum apocrypha, I, 211.

ἐκεῖνος ἔχτοτε τὸ Σιμώνιον ¹⁾). Мѣстное римское преданіе помнило и указывало камень, на который упалъ Симонъ. Въ церемоніалѣ XII вѣка, описывающемъ шествіе папы изъ Ватикана въ Латеранъ, замѣчено между прочимъ: «Transit per silicem, ubi cecidit Simon Magnus, iuxta templum Romuli» ²⁾).

По другимъ пересказамъ легенды Симонъ послѣ паденія еще жилъ нѣкоторое время. Онъ былъ унесенъ изъ Рима въ Арицію, потомъ въ Террачину, гдѣ и умеръ. Καὶ καταπεζόντος αὐτοῦ ἄνωθεν τὸ σκέλος κατέαξεν ἐκ τριῶν τόπων.... Ὁ δὲ Σίμων ἐν τῇ συμφορᾷ γενόμενος εὗρὲν τινὰ τοῦς διακομίζοντας αὐτὸν νοκτὸς κραββάτω ἀπὸ Ῥώμης εἰς Ἀριχίαν κάκει ἐπιμείνας ἀπηνέχθη πρὸς τίνα Ῥώμης ἐξορισθέντα Κάστωρα εἰς Ταρακίαν ἐπ' αἰτίᾳ μαγικῆ, κάκει κατατεμνόμενος, τὸ πέρας τοῦ βίου ὁ τοῦ διαβόλου ἄγγελος ἔδωκεν Σίμων ³⁾). Въ соотвѣтствующемъ латинскомъ текстѣ: Et continuo cecidit ad terram, fregit crus in tres partes... Simon autem male tractatus invenit qui eum tollerent in grauato extra Romam Aricia. Et ibi paucos dies fecit et inde tultus est quasi exiliaticum ab urbe nomine Castorem Terracina. Et ibi duo medici concidebant eum, extremum autem diem angelum satanae fecerunt, ut expiraret ⁴⁾). Иначе: venit Simon ex alto in terram et crepuit medius, nec tamen continuo exanimatus est, sed fracto debilitatoque corpore, ut poenam suam et ruinam cognosceret, ad locum qui vocatur Aricia sublatus, post paululum cum diabolo eius anima discessit in gehennam ⁵⁾).

Новгородская повѣсть о Волхвѣ рассказываетъ, что «люди... невѣгласи богомъ сущимъ того окаяннаго нарицаху и грома его пли Перуна нарекоша... И баснословятъ о семь Волхвѣ невѣгласи глаголюще: въ бога сѣлъ». Признавался за бога и Симонъ волхвѣ. Римляне, пораженные знаменіями, которыя совершалъ Симонъ, поставили въ честь его статую съ надписью: Simoni deo sancto. Древнѣйшее извѣстіе объ этой статуѣ находится въ Апологіи Іустина Философа: Σίμωνά τινα Σαμαρέα... ὅς ἐπὶ Κλαυδίου Καίσαρος διὰ τῆς τῶν ἐνεργούντων δαιμόνων τέχνης δυνάμεις ποιήσας μαγικὰς ἐν τῇ πόλει ὑμῶν βασιλίδι Ῥώμῃ Θεὸς ἐνομιόθη καὶ ἀνδριάντι παρ' ὑμῶν ὡς Θεὸς τιτίμηται, ὅς ἀνδριάς ἀνεγήγερται ἐν τῇ Τίβερι ποταμῷ μεταξὺ τῶν δύο γεφυρῶν, ἔχων

¹⁾ J. Malalae Chronographia, ex recens. Dindorfii, p. 255.

²⁾ Lipsius, op. cit., 326.

³⁾ Acta apost. апострыpha, 82, 84.

⁴⁾ Ibid. 85.

⁵⁾ Ibid. 232.

ἐπιγραφὴν ῥωμαϊκὴν ταύτην Σίμωνι Δεῶ Σαύκτω ¹⁾. Одинъ изъ увѣровавшихъ въ божественность Симона, Марцеллъ, признавался апостолу Петру: *magъ me tantum suavit, ut statuam illi ponerem suscriptioni tali: Simoni iuveni deo* ²⁾. Была еще въ римѣ статуя двудликого Симона, воздвигнутая по повелѣнiю Нерона ³⁾.

Въ спорѣ съ апостоломъ Симонъ называетъ себя сыномъ божiимъ, богомъ, принявшимъ видъ челоуѣка: «Симонъ же рече къ Перону: аще не явлюся и покажу себя суца бога, никто же ми достойныя чести воздай» (Ἐγὼ εἶν μὴ φανερώσω ἐμαυτὸν καὶ ὑποδείξω εἶναι θεόν, οὐδεὶς μοι τὸ ὀφειλόμενον ἀποπέμει σέβας). Магъ предлагаетъ слѣдующее испытанiе: «аще мниши, благый царю, волхва мя суца, повели усѣкнути мя в темнѣ мѣстѣ, и аще в третiй день не встану, вѣждь мя волхва суца; ащели же воскресну, вѣждь, яко сынъ есмь божiий (γίνωσκε οὐδὲν με εἶναι τοῦ θεοῦ). Апостоль Павелъ уговариваетъ Нерона не вѣрить знаменiямъ волхва: «Симъ словесемъ не внимамай, царю, льстець бо и волховъ есть Симонъ, в погибель хощетъ ввести душу твою... Якоже бо египетьстии волсви Аннiй и Амврiй прельстиша еараона и воя его, дондеже погрязоша въ морѣ; такожде и Симонъ наказанiемъ *отца его дьявола* (διὰ τῆς τοῦ πατρὸς αὐτοῦ τοῦ διαβόλου παιδεύσεως) творить челоуѣкомъ многа в себѣ удержати зло (πεῖθει τοὺς ἀνθρώπους πολλὰ κακὰ εἰς ἐποχτοὺς ποιεῖν)». Приготовляясь къ полету, Симонъ говоритъ о вознесенiи къ отцу своему на небо (πρὸς τὸν πατέρα μου εἰς τὸν οὐρανὸν); апостоль же заклиняетъ ангеловъ сатаны (οἱ ἄγγελοι τοῦ σατανᾶ), и Симонъ низвергается на землю ⁴⁾.

Нѣмецкое преданiе записанное Гѣрресомъ, имѣетъ ближайшее сходство съ легендой о Симонѣ волхвѣ: Робертъ, какъ и Симонъ,—чародѣй, принимавшiй видъ разныхъ животныхъ; и Робертъ, и Симонъ поднимаются на воздухъ при помощи ангеловъ сатаны; и тотъ и другой падаютъ и разбиваются. Схема этого разсказа повторяется, какъ было уже замѣчено, и въ новгородскомъ сказанiи о Волхѣ-волхвѣ.

¹⁾ Извѣстiе объ этой статуѣ объясняется смѣшенiемъ имени Симона съ названiемъ одного изъ древне-сабинскихъ божествъ: Semo Sancus. Въ 1574 году въ Римѣ,—въ той именно мѣстности, которая указана Иустиномъ, найдена была статуя съ надписью: Semoni Saneo Deo и т. д. (*Lipsius*, 33—34).

²⁾ Acta apostol. апосцрypha, 57.

³⁾ Ibid. 227.

⁴⁾ По Чуд. рукописи листы 211—212, 215. Acta apost. апосцрypha 200—203, 208—211.

Какъ объяснить сходство этихъ сказаній? Что могло дать поводъ къ сближенію Роберта съ библейско-апокрифнымъ магомъ?

Въ спорѣ съ Симономъ апостоль Павелъ называетъ мага сыномъ дьявола: Симонъ творить знаменія «наказаніемъ отца его дьявола». Эти слова напоминаютъ подобныя же библейскія выраженія. Въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ разсказывается о столкновеніи апостола Павла съ волхвомъ, который старался отвратить отъ вѣры во Христа проконсула Сергія Павла. Апостоль сказалъ при этомъ волхву: «О исполненный всякаго коварства и всякаго злодѣйства, *сынъ дьявола* (οἰε δαβόλου), врагъ всякой правды! Перестанешь ли ты совращать съ прямыхъ путей Господнихъ?» (XIII, 10). Христіанское преданіе усвоило эту точку зрѣнія на волхвованіе, какъ на дѣло темныхъ силъ, при чемъ выраженіе: «сынъ дьявола», понятое въ буквальномъ смыслѣ, давало поводъ къ созданію легендъ о чародѣяхъ, рожденныхъ отъ демона. Припомнимъ отмѣченное выше сказаніе о волшебникѣ Мерлинѣ, зачатомъ отъ демона ¹⁾.

Если чародѣи признавались дѣтьми дьявола, то и «сынъ дьявола», какииъ представлялся Робертъ, могъ въ свою очередь принять видъ чародѣя. Но такая возможность еще не объясняетъ пріуроченія къ имени Роберта подробностей опредѣленной легенды, — легенды о Симонѣ. Нельзя не обратить вниманія на другое обстоятельство. Волхвъ Симонъ погибаетъ послѣ паденія, которымъ закончилось его неудачное вознесеніе. Подобное же вознесеніе и паденіе мы видѣли и въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ о побаянныхъ испытаніяхъ (Вольфдитрихъ). Не слѣдуетъ ли поэтому допустить, что существовала такая версія саги о Робертѣ, въ которой каявшійся удалецъ подвергался испытанію, сходному съ тѣмъ, которое выдержалъ смирившійся Вольфдитрихъ? Грѣшникъ, поднятый демонами на воздухъ и потомъ брошенный на землю, могъ, дѣйствительно, напоминать вознесеннаго и павшаго волхва... ²⁾.

¹⁾ По свидѣтельству Псевдо-Климентовыхъ *Recognitioes* магъ Симонъ, сынъ Антонія и Рахили, утверждалъ, будто Антоній ему не отецъ, будто Рахиль зачала его, оставаясь дѣвою (*Livius*, 41). Для позднѣйшихъ писателей это свидѣтельство послужило основаніемъ къ сопоставленію Симона съ Мерлиномъ (*Masstann*, *Kaiserchronik*, III, 658).

²⁾ Сказанія о Симонѣ волхвѣ послужили, какъ извѣстно, основой для повѣсти о Фаустѣ. Замѣчательно, что повѣсть удержала картину полета и паденія, пріурочивъ ее къ самому Фаусту. *Er wollte sich zu Venedig sehen lassen und sagte, er werde gen Himmel fliegen. Der Teufel aber zog ihn herab und gab ihm einen solchen Stoss, dass er auf die Erde stürzte und fast gestorben wäre,*

Допустивъ такое сближеніе, мы откроемъ себѣ путь къ объясненію смѣшенія и нашихъ сказаній о Васильѣ Буславѣ и Волхѣ-Волхвѣ. Въ области русскаго эпоса повторилось то же, что замѣчается въ кругу западныхъ преданій о Робертѣ Дьяволѣ. Волхъ новгородскаго преданія «злѣ разбіенъ бысть и удушенъ отъ бѣсовъ въ Волховѣ и мечтани бѣсовскими окаянное его тѣло несено бысть вверхъ по оной рѣцѣ Волхову» и т. д. Последняя подробность, упоминаніе о рѣцѣ, объясняется географическимъ приуроченіемъ легенды, смѣшеніемъ Волхва съ Волховомъ. Несмотря, однако, на такое смѣшеніе, Сказаніе помнитъ, что волхвъ «злѣ разбіенъ бысть отъ бѣсовъ». Рисуется картина, напоминающая знакомое намъ вознесеніе и паденіе Симона: нашъ Волхвъ упалъ, разбился и брошенъ въ Волховъ.

Поворотило какъ Васильюшка Буслаева
Внизъ его вѣдь молодца головушкой,
Какъ палъ тутъ Василей о сыру землю,
Пришла тутъ Васильюшку горькая смерть.

(Гильбердинъ, 295).

Изученіе преданій, родственныхъ съ былинной о Васильѣ, привело насъ къ предположенію, что въ первоначальной редакціи былинны испытаніе, выдержанное новгородскимъ удалцомъ, могло быть соединено съ подниманіемъ на высоту: грѣшникъ поднять демонами и брошенъ на землю. Паденіе волхва — казнь, паденіе Василья — испытаніе, но это не могло помѣшать сближенію сходныхъ картинъ...

Волховъ книжнаго сказанія — сынъ князя Словена и жены его Шелони, племянникъ Русса, братъ Волховца и Жилотуга. Былина о Волхѣ не знаетъ, конечно, этой искусственной генеалогіи. Былинный Волхъ называется Всеславьевичъ, но матерью его оказывается «молода княжна». Рожденіе сына этой княжны также необычайно, какъ и рожденіе нѣкоторыхъ другихъ чародѣевъ:

По саду-саду зеленому ходила-гуляла
Молода княжна Марца Всеславьевна.
Она съ камня скочила на лютаго на змѣя;
Оббивается лютой змѣй около чебота—зелень сафьянъ,
Около чулочника шелкова, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну.
А втапоры княжна понось понесла,
А понось понесла и дитя родила.

doch starb er nicht... (*Massmann*, Kaiserchronik, III, 702). Припомню при этомъ, что нѣкоторые французскіе изслѣдователи (*Du Méril*, *Ristelhuber*) сближали сагу о Робертѣ съ повѣстью о Фаустѣ (*Breul*, op. cit., 102).

А и на небѣ просвѣта свѣтелъ мѣсяцъ,
 А въ Киевѣ родился могучъ богатырь,
 Какъ бы молодой Волхъ Всеславьевичъ:
 Подрожала сыра земля,
 Стряслось славно царство индѣйское,
 А и сивее море сколебалось
 Для ради рожденья богатырского,
 Молода Волха Всеславьевича ¹⁾.

Подобное же нападеніе змѣя изображается какъ извѣстно, и въ другихъ пѣсняхъ: въ былинѣ о Саурѣ Ванидовичѣ и въ безымянной пѣснѣ о какой-то княгинѣ:

Ходила княгиня по крутымъ горамъ,
 Ходила она съ горы на гору,
 Ступала княгиня съ камня на камень;
 Ступала княгиня на люта змѣя,
 На люта змѣя на Горынича.
 Вокругъ ея ножки змѣй обвился,
 Вокругъ ея башмачка сафьянова,
 Кругомъ ея чулочка скурлатъ-сукна;
 Хоботомъ бьетъ ее въ бѣлыя груди,
 А княгиня втопоры поносъ несла.

(Рыбниковъ, I, стр. 12).

Изъ того ли изъ подъ бѣлаго камешку
 Выползала змѣя лютая,
 Кидалась она княгинѣ на бѣлую грудь,
 Бьетъ хоботомъ по бѣлу лицу.
 Молодая княгиня испужалась,—
 Во чревѣ дитя встрепелулося.

(Киртесскій, III, стр. 113—114).

Разсказы о змѣяхъ, вступавшихъ въ сношеніе съ женщинами основываются на широко распространенномъ повѣрѣѣ. Такіе разсказы находимъ еще у древнихъ писателей (Плутархъ Эліанъ) ²⁾. Въ сочиненіи *Περὶ δράκόντων*, приписываемомъ Іоанну Дамаскину, опровергается вѣрованіе въ драконовъ, похищающихъ женщинъ и вступающихъ съ ними въ связь (*δράκοντες... γυναῖκας ἀρπάσσοντας, καὶ*

¹⁾ Знаменія, сопровождающія рожденіе Волха, принадлежатъ какъ извѣстно, къ числу эпическихъ картинъ, имѣющихъ не мало параллелей въ другихъ литературныхъ (Миллеръ Илья Муромецъ, 190—192; Веселовскій, Св. Георгій, стр. 118—119). Припомнимъ, что подобныя же знаменія упоминаются и въ нѣкоторыхъ пересказахъ саги о Робертѣ. (Ср. *Breul*, op. cit. 120—121).

²⁾ Нѣсколько такихъ сказаній указалъ *Aug. Marx* въ сочиненіи *Griechische Märchen von dankbaren Tieren und Verwandten* (1889), в. 121—123. Ср. *Истрия*, Александрія р. хронографовъ, прилож. стр. 13, 16.

συνουσιασμένους ἀδελφούς¹⁾. Образъ этого любострастнаго змѣя или дракона появляется и въ легендарной литературѣ. Есть разсказъ о рожденіи отъ змѣя св. Георгія, то-есть, того именно святаго, который извѣстенъ какъ змѣеборецъ²⁾. Этимъ сближеніемъ змѣеборства съ рожденіемъ отъ змѣя объясняются намеки нашей безымянной пѣсни о княгинѣ и змѣѣ:

Носила въ утробѣ чадо девять мѣсяцовъ;
На десятой-то мѣсяцъ чадо провѣщилось,
Провѣщилось чадо проговорилось:
»Ужь ты гой еси, матушка родимая!
Не дамъ я тебя змѣю въ обиду.
Когда я буду на возрастѣ,

.
Тогда то я, матушка, буду со змѣемъ воевать:
Я заѣду-то къ нему въ пещеричка змѣиная,
Сниму ему буйную головушку,
Подниму его головушку на острый колъ,
Поднесу его головушку къ твоему двору.

(*Рыбниковъ*, I, стр. 12—13).

Припомнимъ далѣе нашу легенду о Петрѣ и Февроніи муромскихъ.

Въ мнѣологическихъ преданіяхъ образъ змѣя двоится: онъ представляется или существомъ добрымъ, благодѣтельнымъ, или силой темной и злой³⁾. Въ легендарной литературѣ утвердился второй, мрачный образъ змѣя, отвѣчающій воспоминаніямъ о библейскомъ искусителѣ. О женѣ муромскаго князя говорится: «искони ненавиждяй добра роду человѣческому дияволъ и всели неприязнена летяща змяя к женѣ князя того на блудъ. И являшеся ей, яковъ же бѣяше естествомъ, приходящимъ же людямъ являшеся своими мечты, якоже князь сѣдѣше с женою своею»⁴⁾. Змѣй, прилетающій къ женщинѣ, извѣстенъ и по памятникамъ народнаго суевѣрія. «Какъ во градѣ Лукорѣѣ, говорится въ одномъ изъ великорусскихъ заклинаній, летѣлъ змѣй по поморію, града царица имъ прельщалася, отъ тоски по царѣ убивалася, съ нимъ, со змѣемъ, сопрягалася, бѣлизна ея умалялася, сердце тосковалося, одному утѣшенію предавалася, — какъ змѣй прилетить, такъ ее и обольститъ»⁵⁾. Въ южной Руси

¹⁾ *Patrologiae cursus compl.*, Series graeca, t. 94, 1599—1602.

²⁾ *Веселовскій*, Св. Георгій, стр. 113—114.

³⁾ *Лавровскій*, О мнѣстическихъ вѣрованіяхъ у славянъ въ облако и дождь, 39 (*Ученія Записки II-ю отдѣл. Академіи Наукъ*, VII, 2). Ср. *Aug. Marx*, op. cit. 96 fg.

⁴⁾ Памятники стар. русской литературы, I, стр. 34.

⁵⁾ *Майковъ*, Великорусскія заклинанія, стр. 577.

русскій вылевой эпосъ.

демонъ—обольститель называется лѣтавцемъ. «Здѣ же прилучится можетъ, говорить Иннокентій Гизель, и смѣшеніе тѣлесное съ диаволомъ, сіестъ съ лѣтавцемъ, который блудъ есть нантяжшій» ¹⁾. Тотъ же образъ и съ тѣмъ же именемъ (Latawies) извѣстенъ по польскимъ повѣрьямъ ²⁾.

Былина рассказываетъ о сынѣ змѣя, обладавшемъ чародѣйской способностью оборачиваться и соколомъ, и волкомъ, и туромъ; имя этого змѣевича—Волхъ. Книжное сказаніе говоритъ о Волхвѣ,—чародѣй, который могъ превращаться въ лютаго звѣря. Нельзя не предположить связи этихъ сказаній, сходныхъ и по именамъ дѣйствующихъ лицъ, и по основной чертѣ дѣятельности Волха и Волхва. Но нарицательное Волхъ, какъ имя героя былины, едва ли можетъ быть явленіемъ первичнымъ. Сравненіе новгородскаго сказанія съ апокрифною легендой о Симонѣ волхвѣ, даетъ основаніе догадываться, что нашъ Волхъ-Волхъ—одно изъ превращеній знаменитаго мага. Приуроченіе же захожей легенды къ русскимъ историческимъ воспоминаніямъ объясняется, вѣроятно, тѣмъ значеніемъ, какимъ пользовались у насъ въ древнюю пору волхвы. Припомнимъ извѣстія о волхвахъ, появившихся именно въ Новгородѣ. При князѣ Глѣбѣ († 1078) явился волхвъ «*творися аки боги и многи прельсти, мало не всего града, глаголашеть бо, яко провѣде вся и хуля вѣру хрестыанскую, глаголашеть бо, яко переиду по Волхову предъ всми.* И бысть мятежь в градѣ, и вси яша ему вѣру и хотяху погубити епископа». Князь Глѣбъ убилъ волхва; «онъ же погыбе тѣломъ и

¹⁾ Лѣтописи русской литературы и древности, т. I, отд. III, стр. 149—150. (въ „Замѣткахъ о старинѣ и народности“ *Ф. Ис. Буслаева*): *Сумцовъ*, Культурныя переживанія, стр. 278—279. Ср. *Аоанасьева*, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, II, 607—616, III, 479—480; *Поповъ*, Вліяніе церковнаго ученія на міросозерцаніе русскаго народа, стр. 192—193; *Записки Географ. общ. по отдѣлу этнографіи*, т. II, стр. 36.

²⁾ Latawies—incubus ad masculos accedens, feminam fingit, feminas aggressiens masculum se exhibet. (*Linde*, Słownik, указ. *Сумцова*, I. с.). Въ 1687 г. переведена была съ польскаго языка на русскій книга демонологическаго содержания: „Противъ чловѣка, всечестнаго творенія Божія, завистное сужденіе и злое поведеніе проклятаго демона“. (Ср. Лѣтоп. русск. литературы, т. III, отд. II, 42—43; *Шляпкинъ*, Св. Димитрій Ростовскій и его время, 91). Въ 18 главъ этой книги (О покусахъ и препинаніяхъ чловѣкомъ) сообщаются свѣдѣнія о разнаго вида и наименованія демоновъ, между ними о демонѣ Лѣтавецъ; въ 20 главъ (о фантазмахъ демонскихъ, сирѣчь призракахъ) рѣчь идетъ объ явленіи женщинамъ демона мечты; приводятся при этомъ рассказы о Мерлинѣ, о рыцарѣ Лебеди и др. Помѣщая эти извѣстія и рассказы въ приложеніи.

душею, предавъся дьяволу» ¹⁾. Въ 1227 году «ижгоша вѣлхвы 4, творяхуть е потворы дѣюще, а Богъ вѣсть; и съжгоша ихъ на Ярославли дворе» ²⁾. Выраженія лѣтописи о волхвѣ: «многы прельсти, вси яша ему вѣру» указываютъ на силу и вліяніе волхвовъ. Чародѣянiе поражало умы; волхвы возбуждали удивленіе и ужасъ передъ загадочной силой, открывавшейся въ ихъ потворахъ. Но замѣчательна разница въ настроеніи новгородцевъ XI и XIII вѣковъ. Народная толпа, современная князю Глѣбу, и вѣрила и сочувствовала волхву: «вси яша ему вѣру и хотяху погубити епископа». Въ XIII вѣкѣ новгородцы еще вѣрятъ въ чародѣянiе (творяхуть е потворы дѣюще), но относятся къ волхвамъ, какъ къ носителямъ темной и злой силы. Въ Никоновской лѣтописи приведенное выше извѣстіе о волхвахъ 1227 года передано такъ: «Явишася въ Новѣградѣ волхвы, вѣдуны и потворицы, и многая волхвованiа, и потворы, и ложная знаменiа творяху и много зла содѣваху, многихъ прельщающе. И собравшеся новгородци изымаша ихъ, и ведоша ихъ на архіепископъ дворъ, и се мужи княже ярославли вступишася о нихъ; новгородци же ведоша волхвовъ на ярославль дворъ, и съкладше огонь великій на дворѣ ярославли и связавше волхвовъ всѣхъ, и вринуша во огонь, и ту згорѣша вси» ³⁾. Эти «потворы» волхвовъ и рассказы о нихъ подготовили почву для заносной легенды о древнемъ магѣ. Легенда не затерялась среди переводнаго литературнаго матеріала; она принялась на почвѣ нашего эпоса и дала отростокъ въ видѣ былины о Волхѣ-Волхвѣ.

Остается коснуться сближенія именъ: Волхвъ и Волховъ. «Словенъ князь съ родомъ, иже подъ рукою его, сѣде на рѣцѣ, зовомой тогда Мутная, послѣди же Волховъ проименовася во имя старѣйшаго сына Словенова Волхва зовамаго». Волхвъ «залягаше въ той рѣцѣ Волховъ путь водный»; въ Волховъ же было брошено тѣло Волхва. Какое значеніе и цѣну имѣютъ эти извѣстія? Авторъ «Сказанiа о началѣ Русскiа земли» желаетъ отыскать героевъ — эпонимовъ для объясненія племенныхъ и географическихъ наименованiй. Упоминаются братья Русъ и Словенъ; у Словена — жена Шелонь, дѣти: Волхвъ и Волховецъ; сынъ Волховца — Жилотугъ («и протокъ проименовася во имя его Жилотугъ, въ немъ же и утопе еще дѣтищъ сый»); у Руса — жена Порусiа и дочь Полиста. Нѣтъ надобности

¹⁾ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, 173—174 (подъ 1701 г.); Новгор. лѣтоп. по синод. списку, 110—111.

²⁾ Новгор. лѣтоп. по синод. сп. 223—224.

³⁾ Русская лѣтоп. по Никонов. списку, ч. II, стр. 357.

доказывать, что эта генеалогія — не запись народныхъ преданій, а псевдо-историческая комбинація книжника. Волхвъ же—одинъ изъ членовъ этой генеалогіи; *какъ эпонимъ Волхова*, онъ не отдѣлимъ поэтому отъ Руса и Словена, отъ Шелони и Жилотуга. Нельзя затѣмъ не обратить вниманія на отождествленіе Волхва съ Перуномъ: авторъ сказанія видимо желаетъ приладить рассказъ о Волхвѣ къ лѣтописному извѣстію о низверженіи идола Перуна. Въ лѣтописи: «И прииде епископъ Іоакимъ, и требища разори и Перуна посѣче, что въ Великомъ Новѣградѣ стоялъ на Перыни, и повелѣ повлещи въ Волховъ;... и вринуша его въ Волховъ; онъ же пловяше сквозѣ великій мость» и т. д. ¹⁾. Въ сказаніи: «Постави же онъ окаянный чародѣй... градокъ малъ на мѣстѣ нѣкоемъ, зовомомъ Перыня, идѣже и кумирь перуновъ стояше,... окаянное его тѣло несено бысть вверхъ по оной рѣцѣ Волхову и извержено на брегъ противу волховнаго его городка, иже нынѣ зовется Перыня». Созвучіе именъ: Волхвъ и Волховъ, отождествленіе Волхва съ Перуномъ,—таковы основанія, на которыхъ построилъ авторъ Сказанія соображеніе о Волхвѣ, какъ эпонимѣ Волхова. Отъ себя этотъ авторъ прибавилъ еще упоминаніе о лютомъ звѣрѣ коркодилѣ, въ котораго превращался Вохвъ и залегалъ путь водный.

Но вся эта работа книжника не успѣла, однако, вполне закрыть слѣды народно-поэтического преданія въ рассказѣ о Волхвѣ. Авторъ Сказанія несомнѣнно зналъ такое преданіе: онъ ссылается на толки «невѣгласовъ». Волхвъ былъ великій чародѣй, превращавшійся въ лютаго звѣря. *«Сею же ради люди, тогда невѣгласи, Богомъ сущимъ того окаяннаго нарицаху»*. Далѣе: «И баснословятъ о семъ Волхвѣ невѣгласи глаголюще: *въ бога стлѣ»*. Послѣ того какъ чародѣй «злѣ разбіенъ бысть и удавленъ отъ бѣсовъ», онъ «отъ невѣгласъ погребенъ бысть... съ великою тризною поганскою и могилу ссыпаша надъ нимъ вельми высоко, якоже есть обычай поганымъ. И по трехъ убо днехъ окаяннаго того тризница просѣдеша земля и пожре мерзкое тѣло коркодилово, и могила его пресыпаша съ нимъ во дно адово, иже и доннынѣ, якоже повѣдаеть, знакъ ямы тоя не наполнится» ²⁾.

¹⁾ Новгородскія лѣтописи, стр. 172—173.

²⁾ *Поповъ*, Изборникъ, 443—444. Ср. *Чулковъ*, Абвега русскихъ суевѣрій, стр. 69; *Михаилъ Поповъ*, Описаніе древняго славянскаго баснословія, стр. 4—5.

Черезъ посредство Волха-Волхва Василій Буслаевичъ породнился и съ Вольгой Сеславичемъ, который въ былинахъ отождествляется, обыкновенно, съ Волхомъ.

Былина о Волхѣ не знаетъ той заключительной картины, которая удержалась въ Сказаніи о созданіи Новгорода. Въ былинѣ эта картина замѣщается иными подробностями, какихъ нѣтъ ни въ сказаніи о древнемъ магѣ, ни въ преданіяхъ о Робертѣ Дьяволѣ.

Сталъ себѣ Волхъ онъ дружину прибирать,
Дружину прибралъ въ три годы,
Онъ набиралъ дружины себѣ семь тысячей.

Съ этой дружиной Волхъ отправляется «ко славному царству индѣйскому», властитель котораго задумалъ «Кіевъ градъ за щитомъ весь взять». При помощи оборотничества, принимая видъ тура, сокола, горноста, Волхъ добрался до царства индѣйскаго, проникъ въ царскія палаты, подслушалъ тайныя рѣчи царя и царицы, забрался затѣмъ въ погреба и подвалы.

У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ,
У каленыхъ стрѣлъ желѣзны повывинималъ,
У того ружья вѣдь у огненнаго
Кременья и шомполы повывергалъ,
А все онъ въ землю закапывалъ.

Обернувшись «мурашками», Волхъ и его дружинники «прошли стѣну бѣлокаменну», окружавшую индѣйское царство, и напали неожиданно на царя Салтыка Ставрुльевича. Царь убитъ.

И тутъ Волхъ самъ царемъ насѣлъ,
Взявши царицу Азвяковну,
А и молодую Елену Александровну;

Пережилились и его дружинники и «стали люди посадскіе».

Онъ злата, серебра выкатилъ,
А и коней, коровъ табуномъ дѣлилъ,
А на всякаго брата по сту тысячей.

(Кириш, № 6).

Весь этотъ разсказъ о походѣ, соединенномъ съ превращеніями, повторяется въ пѣсняхъ о Вольгѣ, при чемъ вмѣсто индѣйскаго царства называется Турецъ—земля или Золота орда ¹⁾. Такое чередо-

¹⁾ Обзоръ пересказовъ былинны о Вольгѣ см. въ книгѣ *Миллера* (Илья Муромецъ, гл. IV, стр. 188 и слѣд.) и въ статьѣ *Веселовскаго* (Мелкія замѣтки къ былинамъ, гл. XV, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1890 г., мартъ, стр. 24—26).

вані именъ Волха и Вольги указываетъ на смѣшеніе эпическихъ образовъ и соединенныхъ съ ними преданій: захожій волхвъ, натурализовавшійся на русской почвѣ, отождествленъ былъ съ вѣщимъ Вольгой Святославичемъ.

По поводу этого отождествленія я могу предложить лишь нѣсколько отдѣльныхъ припоминаній и замѣтокъ:

а) Подробности, связываемыя въ пѣсняхъ съ именемъ Волха-Вольги, даютъ поводъ къ сближенію нашей былины съ старо-нѣмецкой поэмой объ Ортнитѣ. Такое именно сближеніе сдѣлано было А. Н. Веселовскимъ: «я сравниваю ее (былину о Вольгѣ) съ поэмою объ Ортнитѣ, предполагая, что въ основѣ ихъ мотивы сходились ближе, и что нѣкоторое разногласіе внесено лишь позднѣйшею передѣлкой. Ортнитъ сверхъестественнаго происхожденія; его отецъ—демонъ Альберихъ; его чудесной помощи Ортнитъ обязанъ успѣхомъ своей брачной поѣздки, но можно предположить такую редакцію сказанія, въ которой чудесное происхожденіе отражалось въ такихъ же дарахъ самаго героя. Сюжетъ саги о немъ: брачная поѣздка на востокъ; отецъ невѣсты ему враждебенъ, мать подается и уговариваетъ мужа согласиться: вѣдь Ортнитъ разгромилъ Судерсъ, возьметъ силой и невѣсту. Въ отвѣтъ на это разгнѣванный Махарель бьетъ жену по лицу и обезумѣлъ отъ гнѣва, когда въ бесѣду вмѣшался невидимый Альберихъ. Напомнимъ еще эпизодъ объ Альберихѣ, портящемъ бранный снарядъ неприятелей; въ древней пѣснѣ эти продѣлки могли быть рассказаны о самомъ Ортнитѣ, тайно (оборотно?) проникнувшемъ въ осажденный городъ»¹).

б) По мнѣнію Мюлленгофа, поэма объ Ортнитѣ родственна съ древне-сѣверными сагами о Гаддингахъ,—а именно съ *Örvarodds saga* и *Hervararsaga* (въ послѣдней сагѣ упоминается также объ Орвароддѣ)²). Основаніемъ для такого предположенія послужила этимологическая связь именъ: Гаддинги (*Haddingr*) и Гартинги или Гартунги (*Hartinc*). На эту связь указалъ еще Як. Гриммъ³). Отрывки сказаній объ этихъ Гартунгахъ или Гаддингахъ Мюлленгофъ отыскиваетъ и въ *Tidrekasag*, и въ *Hervararsaga*, и въ поэмахъ ломбардскаго цикла. Въ *Hervararsaga* говорится о двухъ братьяхъ, сы-

¹) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1890, мартъ. 23—24.

²) *Zeitschrift für deutsches Alterthum*, XII (1865), 352:... hat die altnordische Sage von den Haddingen (in der Hervarar-saga und Örvarodds-saga überliefert) als der deutschen Ortnit-und-Wolfdietrichssage verwandt erkannt... (въ статьѣ, *Zeugnisse und Excurse zur deutschen Heldensage*, гл. XXIV).

³) *Deutsche Mythologie*, I, 283—284 (по 4 изд.).

новьяхъ короля Atngim'a. По догадкѣ Мюлленгофа этимъ братьямъ соответствуютъ въ Тидрексагѣ Гертвигъ и Гирдиръ (Hirdhir, Herder), въ нѣмецкихъ поэмахъ Ортвигъ и Вольфдитрихъ ¹⁾).

в) Давно указано ближайшее сходство извѣстнаго лѣтониснаго преданія о смерти Олега съ рассказомъ сѣверной саги о смерти Орвар-одда. Какъ нашему Олегу, такъ и герою сѣверной саги предсказано, что они умрутъ отъ любимаго коня; предсказаніе сбывается; и Олегъ и Орвар-оддъ умираютъ ужаленные змѣей, выползшей изъ конскаго черепа ²⁾).

Получается такимъ образомъ видъ нѣкотораго литературнаго уравненія: былина о Вольгѣ родственна съ поэмой объ Ортвигѣ; поэма объ Ортвигѣ сближается съ сагами, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ Орвар-оддъ; съ однимъ изъ эпизодовъ саги объ Орвар-оддѣ тождественно лѣтонисное преданіе, приуроченное къ имени вѣщаго Олега.

Можно ли объяснить этотъ рядъ сближеній случайнымъ совпадениемъ? Не слѣдуетъ ли предположить, что въ этихъ сближеніяхъ просвѣчиваютъ намеки на эпическую связь былиннаго Вольги и лѣтониснаго Олега? Такое предположеніе представляется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что оно встрѣчается съ догадкой, исходившей изъ изученія собственно русскаго эпоса. По этой догадкѣ былина о Вольгѣ признается отголоскомъ преданій о вѣщемъ Олегѣ ³⁾).

Рядомъ съ былинами о Вольгѣ хранились и передавались пѣсни о Волхѣ, Волхвѣ, связанныя съ зажими сказаніями о Симонѣ магѣ. Въ дошедшихъ до насъ пересказахъ эти двѣ былины,—о вѣщемъ Волхвѣ и о вѣщемъ Вольгѣ,—сливаются.

¹⁾ *Müllenhof*, l. c. Ср. *Курничиковъ*, Поэмы ломбардскаго цикла, 107—108; *Sarrazin*, Germanische Sagenmotive im Tristan-Roman, 3—4 (*Zeitschrift für vergleichende Literaturgeschichte*, I, 1887).—Анализъ содержанія одной изъ указанныхъ сагъ см. въ статьѣ *А. Н. Веселовскаго* (въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1888, май, стр. 78 и сл.): „Готы и Гунны и русская мѣстность Нервагасага“ (по поводу книги *R. Heinzel's*, Ueber die Nervaagsaga).—*Örvarodds-saga* изд. *Boer'омъ* (1888).—Извлеченія изъ той и другой саги помѣщены въ *Antiquités russes*, t. I (1850), p. 89—211.

²⁾ «Въ одной исландской сагѣ, замѣчаетъ Карамзинъ, сообщенной намъ Торфеемъ, есть такая же басня о рыцарѣ Орварѣ Оддѣ» (Цит. *Torfuei Historia regum norvegicarum*... Т. I, VI, 273).—Позже *Сухомлиновъ* (О древней русской лѣтописи, 123—124), *Simrock* (*Handbuch der Deutschen Mythologie*, 197—198, по 3 изд.), *Liebrecht* (*Germania*, X, 110—111, въ рецензій на книгу Зямрока) указали и другіе варианты этой „басни“.

³⁾ *Миллеръ*, Илья Муромецъ, стр. 188, 193, 396; *Костомаровъ*, Монографія XIII, 84.

Въ сказаніи о Волхвѣ передатчики былины находили кое-что сходное съ пѣснями о Васильѣ Буслаевичѣ. Былины о новгородскомъ удалцѣ не слились, правда, съ пѣснями о Волхѣ-Волгѣ, но въ сознаніи народныхъ пѣвцовъ Василій и Волхъ-Волга обнаруживаютъ, какъ мы видѣли, несомнѣнную склонность къ взаимному сближенію.

ПѢСНИ О КНЯЗѢ РОМАНѢ.

Географія великорусскихъ былинь давно обратила на себя вниманіе изслѣдователей, давая основанія для соображеній о роднѣ и времени первоначальнаго разцвѣта нашего былеваго эпоса.

Изъ ряда географическихъ названій, встрѣчающихся въ нашихъ былинахъ, особенный интересъ и важность представляютъ тѣ, которыя принадлежатъ мѣстностямъ далекимъ и малоизвѣстнымъ на сѣверѣ. Таково названіе Галичъ, встрѣчающееся въ былинахъ съ характеристическимъ, не оставляющимъ мѣста недоразумѣнію, прибавленіемъ: *Волинь, указывающимъ на землю Галицко-Волинскую.* Былина о Дюкѣ Степановичѣ открывается такою картиной:

Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ славна Волинца, красна Галичья,
Изъ тоя Карелы богатыя,
Какъ ясень соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлой кречеть вонъ выпархивалъ,
Выѣзжалъ удача добрый молодець,
Молодой Дюкъ, сынъ Степановичъ ¹⁾.

Та же картина повторяется въ былинѣ о Михаилѣ Казаринѣ:

Какъ изъ далеча было изъ Галичья,
Изъ Волинца города изъ Галичья. . .
Выѣзжалъ удача доброй молодець,
Молодой Михайло Казарининъ ²⁾.

Въ пѣснѣ: «Сорокъ каликъ со каликою»:

Изъ Волинца города изъ Галича,
Изъ той же Карелы изъ богатыя
Во ту ли во пустыню во Данилову
Собиралось, собрунялось
Сорокъ каликъ со каликою ³⁾.

¹⁾ Др. рос. стихотворенія, собр. *Киршию Даниловымъ*, 22.

²⁾ *Ibid.* 203.

³⁾ Пѣсни, собр. *Киртескимъ*, III, 81.

Простодушные сказатели XVIII и XIX вв., упоминая Волынь и Галичъ, не отдавали себѣ, конечно, отчета въ истинномъ значеніи этихъ названій. Они смѣшиваютъ Галичъ съ болѣе знакомою Карелой; названія же Галичъ, Волынь повторяются какъ что-то заученное, доставшееся отъ старины. Что же это за старина? Какое время оставило свой слѣдъ въ приведенныхъ выше традиціонныхъ заповѣяхъ? Могли ли сѣверно-русскіе пѣвцы, поэты московской эпохи имѣть достаточный поводъ и интересъ перенести мѣсто дѣйствія передававшихся ими сказаній въ далекій, забытый ими Галичъ, если бы для этого не представлялось какихъ-либо основаній въ эпическомъ запасѣ болѣе ранняго времени, если бы самое имя Галича не было подсказано какими-нибудь «старыми словесы»? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ, конечно, быть колебаній и разногласія.

Галицко-Волынская земля оставила свое имя въ былинахъ. Но ужели только имя? Нельзя ли отыскать въ былинахъ слѣдовъ не имени, а исторіи Галича? Сохранились ли какія-нибудь эпическія воспоминанія о былой жизни этой юго-западной русской украины?

Въ исторіи Галицкаго княжества былъ блестящій, но очень не продолжительный періодъ, когда оно занимало важное, вліятельное положеніе среди другихъ русскихъ областей. Этотъ періодъ, когда событія, совершавшіяся въ Галичѣ, могли привлекать общее вниманіе, обнимается княженіемъ Ярослава Осмомысла, Романа Мстиславича и его сына «короля» Даніила. Сыну Даніила Льву еще удавалось поддерживать славу отца и дѣда, но по смерти Льва († 1301) Галичъ быстро утрачиваетъ свое былое значеніе. Его исторія наполняется мелкими усобицами и неудачною борьбой съ сосѣдями. Въ половинѣ XIV столѣтія Галичъ теряетъ самостоятельность, дѣлается частью Польскаго государства. Галицко-русскій народъ будетъ бережно хранить черты родной старины, но его политическая жизнь пойдетъ по чужой дорогѣ, отдѣльно отъ исторіи Руси. Отрѣзаннымъ ломтемъ въ ряду другихъ русскихъ земель остается Галичъ и до нашихъ дней. Поэтому если пѣсенная традиція могла сохранить какія-нибудь воспоминанія объ исторической жизни Галича, то эти воспоминанія должны, конечно, относиться къ далекой порѣ его мимолетной славы, къ эпохѣ Даніила и Романа.

Послѣднее имя, имя князя Романа, не чуждо дѣйствительно и нашимъ былинамъ. Связь былинныхъ сказаній о князѣ Романѣ съ воопоминаніями о знаменитомъ Галицкомъ князѣ была уже отмѣчена г. Безсоновымъ, мнѣніе котораго повторено г. Дашкевичемъ и Ор.

Миллеромъ ¹⁾, Задача моей работы—представить болѣе обстоятельное обозрѣніе тѣхъ эпическихъ данныхъ, которыя связываются съ именемъ князя Романа въ памятникахъ письменности, въ произведеніяхъ южно-русской поэзіи и въ великорусскихъ былинахъ.

I.

Наши свѣдѣнія о жизни и дѣятельности князя Романа Мстиславича далеко не отвѣчаютъ той извѣстности, которою онъ пользовался среди современниковъ, и той славной памяти, которую оставилъ въ потомствѣ. Извѣстно, что та часть Галицко-Волинской лѣтописи, которая сохранилась въ сборникахъ типа Ипатскаго списка, открывается припоминаніями, вызванными смертью Романа; предшествующая же часть, которая должна была содержать рассказъ о княженіи Романа, утрачена ²⁾. Свѣдѣнія о первой половинѣ жизни Романа, до утверженія его въ Галичѣ, ограничиваются отрывочными извѣстіями, находимыми въ южно-русскомъ и Новгородскомъ лѣтописныхъ сводахъ; для второго, галицкаго періода жизни Романа всего больше даютъ матеріала польскіе лѣтописцы ³⁾.

Я ограничусь лишь самымъ бѣглымъ припоминаніемъ данныхъ Романовой біографіи, чтобы съ большимъ вниманіемъ остановиться на извѣстіяхъ, указывающихъ на глубокой слѣдъ, оставленный дѣятельностью Романа въ умахъ его современниковъ и въ памяти народной.

Романъ Мстиславичъ, сынъ Мстислава Изяславича и какой-то

¹⁾ Пѣсни, соб. *Рыбниковымъ*, т. I, замѣтка г. *Безсонова*, стр. IV—V. *Дашкевичъ*, *Даніилъ Галицкій* 111—112, примѣч. *Миллеръ* въ *Ист. р. слов. Галахова*, т. I, изд. 2-е, стр. 120—121.

²⁾ О лѣтописи Галицко-Волинской см. *Ко жомароу*, *Лекціи по р. ист.* 47—51; *Бестужевъ-Рюминъ*, *О составѣ русскихъ лѣтописей*, 151—157.

³⁾ Изъ польскихъ лѣтописцевъ особенно важенъ *Кадлубекъ*, современникъ Романа († 1223); хроника его доведена до 1203 г. Хроника *Богуслава* или *Годислава Пашка* въ основныхъ своихъ частяхъ принадлежитъ также XIII вѣку, но въ составъ ея внесено позже много дополненій и измѣненій. Изъ позднѣйшихъ компиляторовъ, извѣстія которыхъ касаются и времени Романа, назовемъ *Длугоша* (XV в.), *Бельскаго* (XVI), *Стрыйковскію* (XVI). О древне-польскихъ лѣтописцахъ см. соч. г. *Линиченка*: *Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XVI ст.* (Кіевъ, 1884), гл. I.—Объ извѣстіяхъ Кадлубка, касающихся Руси, есть статья г. *Ярмазовича*: *Magistri Vinc. Kadlubkopis Chronica Polonorum*, какъ источникъ для русской исторіи (въ *Кіевскихъ унив. Извѣстіяхъ* 1878 г., декабрь). Извлеченіе изъ Длугоша извѣстій о Руси дано *К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ* въ приложеніи къ сочиненію о составѣ лѣтописей.

польской княжны, воспитывался въ Польшѣ при дворѣ своего дяди ¹⁾. Въ 1168 г. Романъ занялъ княжескій столъ въ Новгородѣ, но оставался тамъ недолго. Вскорѣ послѣ знаменитой побѣды новгородцевъ надъ суздальскими войсками ²⁾, новгородцы «показаша путь» Роману (1170). Въ это же время онъ получилъ извѣстіе о смерти отца и, по совѣту дружины, посѣдѣшилъ на югъ, въ Владиміръ Волинскій, гдѣ и занялъ столъ княжескій. Въ 1187 г., по смерти Ярослава Осмомысла, Романъ, пользуясь нерасположеніемъ галичанъ къ ихъ князю Владиміру Ярославичу, пытался овладѣть Галичемъ, но удержаться здѣсь ему на этотъ разъ не удалось. Его вытѣснили изъ Галича угры, которые впрочемъ тоже недолго владѣли этою русскою областью. Въ 1190 г. Владиміръ Ярославичъ снова занялъ галицкій столъ. Романъ же, при помощи своего тестя Рюрика Ростиславича, сѣлъ опять во Владиміръ Волинскомъ. Въ 1198 г. умеръ Владиміръ Ярославичъ. Романъ снова рѣшился овладѣть Галичемъ и на этотъ разъ, при помощи польскихъ войскъ, успѣлъ утвердиться здѣсь; польскіе лѣтописцы сообщаютъ, что съ недовольными его властью Романъ раздѣлялся преслѣдованіями и казнями.

Изъ событій, относящихся ко времени княженія Романа на Волыни и въ Галичѣ, извѣстны: борьба Романа съ его тестемъ Рюрикомъ Ростиславичемъ, походы противъ Литвы и половцевъ и вмѣшательство въ польскія дѣла.

¹⁾ „Крайне запутаны“, говоритъ г. Линниченко, — „благодаря состоянію источниковъ, родственныя отношенія Романа Мстиславича и Казимира Справедливаго. Кадлубекъ, правда, выразительно называетъ Романа Мстиславича и Казимира двоюродными братьями; наша лѣтопись называетъ Мѣшко Стараго, брата Казимира, уемъ Роману; но вопросъ этимъ не разрѣшается, ибо по однимъ извѣстіямъ мать Романа была сестрой Казимира, по другимъ самъ Казимиръ былъ женатъ на дочери русскаго князя“. Какая именно сестра Казимира была матерью Романа, и какая русская княжна была замужемъ за Казимиромъ, остается неяснымъ. Г. Линниченко выставляетъ гипотезу: „не былъ ли Казимиръ женатъ на сестрѣ Мстислава Изяславича? И въ такомъ случаѣ Лешекъ и Романъ были бы двоюродными братьями и Мѣшко могъ называться уемъ Романа“ (op. cit., 62—64). Трудно согласиться съ этимъ предположеніемъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ Мѣшко едва ли бы названъ былъ уемъ Романа, ибо приходился бы Роману родственникомъ по отцу, а не по матери. О воспитаніи Романа въ Польшѣ упоминаетъ Кадлубекъ: «Meminit namque idem Romanus, quanta erga se Casimiri fuerint beneficia, apud quem pæne a cunabulis educatus» (л. IV, с. 23).

²⁾ Объ этой побѣдѣ новгородцевъ надъ суздальцами есть особая повѣсть (Памятн. стар. р. лит. I, 241—242). Въ повѣсти упоминается, конечно, о князѣ („Бысть же у нихъ въ то же время князь Романъ сынъ Мстиславъ, внукъ Изяславъ“), но главнымъ дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ не онъ, а знаменитый архіепископъ Іоаннъ.

Романъ поспорилъ съ тестемъ изъ-за нѣсколькихъ городовъ въ Кіевской области (Торческъ, Каневъ, Триполь, Корсунъ и Богуславъ). Рюрикъ, занявшій (въ 1195 г.) кіевскій столъ по смерти Святослава Всеволодовича (извѣстнаго по «золотому слову» въ Словѣ о полку Игоревѣ), далъ упомянутые города Роману, но потомъ отнять ихъ по требованію великаго князя Суздальскаго Всеволода. Романъ соединился съ Ольговичами Черниговскими и послалъ войско въ Кіевскую область, но въ это время на его собственныя владѣнія напали Ростиславъ Рюриковичъ и Владиміръ Галицкій. Романъ не имѣлъ силъ отбить нападенія и принужденъ былъ смириться. Позже, когда Романъ утвердился въ Галичѣ, Рюрикъ пытался отнять у него эту область, но поплатился за это своимъ княженіемъ. Романъ взялъ Кіевъ (1202 г.), выгнавъ оттуда тестя. Въ 1204 г. Рюрикъ снова овладѣлъ Кіевомъ, но не надолго. По приказанію Романа, Рюрикъ былъ схваченъ, отвезенъ въ монастырь и постриженъ. Въ то же время пострижены жена Рюрика и его дочь, жена Романа, который вступилъ потомъ въ новый бракъ.

О битвахъ Романа съ Литвой упоминаютъ польскіе лѣтописцы и Слово о полку Игоревѣ ¹⁾. Въ русской лѣтописи подъ 1196 (6701) г. отмѣчено: «Тое же зимы ходи Романъ Мѣстиславичъ на Ятвягы отомъщеваться, бяхуть бо воевали волость его, и тако Романъ вниде въ землю ихъ, они же не могучи стати противу силъ его, и бѣжаша во своя тверди, а Романъ пожегъ волость ихъ и отомстився возвратися во свояси» ²⁾.

Есть лѣтописныя извѣстія и о походахъ Романа противъ половцевъ. Въ 1202 (6710) г. «ходи Романъ князь на половци, и взя вежѣ половечьскыѣ, и приведе полона много, и душъ хрестьянскихъ множество отполони отъ нихъ, и бысть радость велика в земли Русьстѣй». Въ 1205 (6713) г. «ходиша Рустии князи на половци, Рюрикъ Кіевскій, Ярославъ Переяславскій великаго князя Всеволожь сынь, Романъ Галицкій Мстиславичъ и инни князи; бысть же тогда зима люта, и половцемъ бысть тегота велика, посланая на ня казнь отъ Бога, и взяша Рускии князи полону много, и стада ихъ заяша, и возвратишася во свояси с половомъ многимъ, и бысть ра-

¹⁾ „Тѣмъ грѣсну земля и многы страны: Хынова, Литьва, Ятвязи, Деремела и Половци“ (по чтенію проф. *Потебни*). Упоминаемыя здѣсь побѣды, относящіяся ко времени до 1187 года (когда написано Слово о полку Игоревѣ), неизвѣстны по лѣтописямъ.

²⁾ Полное собр. р. лѣт. II, 150, 326.

дость велика всѣмъ хрестьяномъ Русской земли» 1). О первомъ изъ этихъ походовъ рассказываютъ также византійскіе лѣтописцы. Половцы опустошали Фракію. Походъ Романа, къ которому обращался за помощью Алексѣй Комнинъ, отвлекъ ихъ силы отъ греческихъ владѣній 2).

Что касается вмѣшательства Романа въ польскія дѣла, то оно вызвано было просьбой «Казимиричей» (Лешка и Конрада), которые боролись со своимъ дядей Мечиславомъ. Романъ двинулся съ своими войсками въ польскіе предѣлы, но былъ раненъ въ битвѣ при Мозгавѣ и вернулся въ Волинь (1195). Побѣда осталась за Мечиславомъ 3). Позже дружественныя отношенія Романа къ Казими-

1) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 397, 399. Ср. П. собраніе р. лѣт., II, стр. 328.

2) Успенскій, Образование втораго Болгарскаго царства, стр. 208—209. Ср. Карамзинъ, И. Г. Р. III, стр. 66 (изд. Эйнерл.), пр. 108. Въ описаніи путешествія въ Царградъ Добрыни Андрейковича упоминаются послы «отъ великаго князя Романа», прибывшіе въ Константинополь, вѣроятно, для переговоровъ по поводу упомянутаго похода на половцевъ, (Путешествіе Новгородск. архіепископа Антонія, изд. съ примѣчаніями Савваитова, 79). Польскіе лѣтописцы, а за ними и Густынская лѣтопись, рассказываютъ еще, что по взятіи Константинополя крестоносцами Алексѣй Ангелъ бѣжалъ въ Галичь къ Роману: «они же (войска римскія и нѣмецкія) прійдоша къ Цариграду моремъ и обрѣтоша Алексѣя Ангела царя Греческаго не готова, ихъ же Алексѣй убояся, ксеуму же яко не имѣя во Гречѣхъ никого же себѣ пріязнаго, сего ради, оставивъ царство Исаакію, ослѣпленному брату своему, а самъ со своими бояры и со множествомъ богатства и сокровищъ побѣже въ Русскую землю ко Роману Мстиславичу въ Галичь» (Собраніе лѣт., II, 327). Вѣроятно, въ связи съ утвержденіемъ латинянъ въ Царградѣ стоить и посольство къ Роману отъ папы (1204 г.). Намѣстникъ отвѣтъ Романа легату: «такое ли мечъ у папы?» (Макарій, Исторія Русской церкви, III, стр. 284—285).

3) «Романъ же... ѣха въ Ляхы помочи дѣла (въ борьбѣ съ тестемъ своимъ Ричрикомъ) ко Казимиричемъ и рекоша ему Казимиричи: «мы быхомъ тобѣ радѣ помочи, но обидитъ насъ стрый свой Межька, ищеть надъ нами волости, а не рече оправн насъ, а быхомъ былъ вси Ляхове не разнo, но за одинѣмъ быхомъ щитомъ былъ съ тобою и мьстили быхомъ обиды твоя». Романъ же улюбоуи събитъ ихъ и послушавъ ихъ, и поѣха на Межьку со сыновци его съ Казимиричи, сдума съ мужи своими, рекъ: «самъ примучю сихъ, а Богъ ми на ми поможеть, и тогда совокупивъ всехъ на одно мѣсто исполню съ ними честь свою и хотаніе мысли своея налѣзу»; и то помысливъ въ сердци своемъ, и полкъ притиву Мьжьцѣ битися. Межько же приславъ противу ему и не хоташе бити съ нимъ, но велашеть Романови, абы и уладилъ со сыновци его; Романъ же не послушавъ ихъ и ни мужій своихъ, и да ему полкъ. И ударилася Ляхове съ Русью, и потопташа Ляхове Русь, и побѣди Межько Романа, и избивша мнѣшу его Руси много и Ляховъ своихъ; а самъ утече къ Казимиричемъ въ Царградъ, и оттуду всевши и дружина его, несоща и къ Володимерю». (П. собр.

ричамъ смѣнились открытою враждой. Галицкій князь требовалъ отъ польскихъ князей Люблинскую область, какъ вознагражденіе за издержки, вызванныя походомъ противъ Мечислава. Неудовлетвореніе этого требованія вызвало войну. «Романъ Мстиславичъ Галицкій, ища вины на Ляховъ, посла съ гордостію до Лешка Бѣлаго, князя Полскаго, да ему дасть волость во своей державѣ за труды, яже подъять помогая ему на Мечислава Стараго, стрія его; Лешко же отвѣща ему, яко недостойнъ еси мзды, понеже бѣжалъ еси отъ брани. Романъ же разгнѣвася велми и собра велико множество вой, поиде въ державы лядскія, хотя Ляховъ и вѣру ихъ погубити, и пришедь къ Люблину облеже ѳ и стоя подъ нимъ мѣсяць, но не може его взяти; и потомъ услыша, яко Лешко князь съ Кондратомъ братомъ своимъ идуть на него, оставивъ Люблинъ, поиде противу ихъ презъ Вислу, и тамо подъ Завихвостомъ градомъ пораженъ и убиенъ бысть сей великій и храбрый и славный во князѣхъ Романъ Мстиславичъ; и оста по немъ два сына его, Данило, имѣя лѣтъ четыре. и Василко двою лѣтъ» ¹⁾, Вдова Романа отдалась подъ покровительство короля Угорскаго Андрея. Угорскія войска заняли Галичь, но скоро вытѣсненны были оттуда Черниговскими князьями. На галицкомъ столѣ сѣлъ Владиміръ Игоревичъ (упоминаемый въ Словѣ о полку Игоревѣ). Жена Романа бѣжала съ дѣтьми сначала во Владиміръ Волинскій, а оттуда въ Краковъ къ Лешку Бѣлому, съ которымъ такъ недавно воевалъ Романъ. Лешко отправилъ Данила въ Угрію; Василко приглашенъ былъ на княженіе въ Брестъ. Въ Галичь между тѣмъ Игоревичей смѣнилъ присланный королемъ Андреемъ воевода Бенедиктъ, заслужившій своими дѣйствіями прозвище Антихриста. Игоревичамъ удалось прогнать Бенедикта, но король Андрей снова отправилъ противъ нихъ войско, съ которымъ прибылъ и Данилъ Романовичъ. Населеніе съ радостью привѣтствовало появле-

р. лѣт., II, 145—146 подъ 6703—1195 г.). „Польскіе историки пишутъ“, говоритъ Карамзинъ, — „что онъ (Романъ) повелѣвалъ только однимъ крыломъ, а воевода Краковскій Николай другимъ и среднюю. Сражались съ утра до вечера. Мечиславъ побѣдилъ, и Романъ, жестоко уязвленный, велѣлъ нести себя къ предѣламъ Волиніи. Знаменитый епископъ Краковскій Фулько ночью догналъ его и заклиналъ возвратиться, боясь, чтобы непріятель не взялъ столицы. „Не имѣя ни силы въ рукахъ, ни воиновъ, отчасти убитыхъ, отчасти расхванныхъ, могу ли быть вамъ полезенъ?“ сказалъ ему Мстиславичъ, а на вопросъ епископа: „чтожь дѣлать?“ отвѣтствовалъ: защищать столицу, пока соберемъ съ силами. (И. Г. Р., изд. Эйнера., III, стр. 58).

¹⁾ П. собр. р. лѣт. II, 329 (Густ. лѣт.). Ср. Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, 404—405, подъ 6714—1206 г.

ніе молодого князя, надѣясь на прекращеніе смуть и усобиць ¹⁾. Даниль сѣлъ въ Галичѣ; туда же прибыла и мать его. Вскорѣ однако враждебное настроеніе нѣкоторыхъ бояръ Галицкихъ, неприязненное движеніе одного изъ сосѣднихъ князей (Мстислава Ярославича Нѣмого, князя Пересопницкаго) заставили Данила снова оставити Галичѣ. Онъ бѣжалъ въ Угрію, оттуда къ Лешку Бѣлому, а затѣмъ въ Каменецъ, куда еще ранѣе прибылъ Василько, принужденный оставить Брестъ ²⁾. Только много лѣтъ спустя, послѣ тяжелой борьбы и цѣлаго ряда приключеній, Даниль успѣлъ утвердиться въ Галичѣ (1235 г.).

Характеръ князя Романа, полный неутомимой энергіи и поразительной силы, его разнообразная дѣятельность, вызывавшая сношенія и столкновенія съ русскими князьями и половецкими ханами, съ польскими владѣтелями и съ послами изъ Византіи и Рима, полная превратностей судьба Романа, ставившая его въ положеніе то завоевателя, то изгнанника, его смерть на полѣ битвы, страданія и приключенія, выпавшія на долю оставленныхъ имъ дѣтей, изъ которыхъ одинъ носилъ потомъ титулъ короля,—все это придавало Роману черты одного изъ тѣхъ историческихъ образовъ, которые приковываютъ къ себѣ общее вниманіе, которые дѣлаются достояніемъ народныхъ разсказовъ, пѣсенъ, преданій. «Романъ», говоритъ Карамзинъ,—«надолго оставилъ память блестящихъ воинскихъ дѣлъ, извѣстныхъ отъ Константинополя до Рима... Ему принадлежитъ честь знаменитости между нашими древними князьями» ³⁾. Эти слова можно подтвердить рядомъ свидѣтельствъ русскихъ и польскихъ лѣтописцевъ. Мы увидимъ изъ этихъ свидѣтельствъ, что образъ Романа долго тревожилъ народное воображеніе и на Руси, и въ Польшѣ. Разказы о Романѣ даже современныхъ ему писателей носятъ несомнѣнные слѣды такого потревоженнаго воображенія. Въ памятникахъ позднѣйшаго времени черты поэтическаго замышленія выступаютъ еще яснѣе.

¹⁾ П. собр. р. лѣтописей, II, стр. 155—159.

²⁾ „Княгини же Романова (съ) сыномъ своимъ Даниломъ и съ Вячеславомъ Толъстымъ бѣжаша во Угры, а Василько съ Мирославомъ ѣхаша въ Бѣлзъ... Даниль же отъиде съ матерью своею въ Ляхи, отпросився отъ короля, Лесько же прія Данила съ великою честью; и оттуда же иде въ Каменецъ съ матерью си, братъ же его Василько и бояре вси срътоша и съ великою радостью... Потомъ же Данило и Василько Леськовою помощію пріяста Тихомля и Перемильте Олександра, и княжаста съ матерью своею въ немъ, а на Володимерь грязци: „се ли, ово ли Володимерь будетъ наю“ (ibid. 159—160).

³⁾ И. Г. Р., III, стр. 68—69.

1) Въ 1187 году авторъ Слова о полку Игоревѣ обращался къ князю Роману, тогда еще Волынскому князю, съ такими словами: «А ты, буй Романи и Мстиславе! Храбрая мысль носить вашъ умъ на дѣло: высоко плаваеши на дѣло въ буети, яко соколъ на вѣ-трехъ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи напорзи подь шеломы латинскими, тѣми тресну земля и многы страны: Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша подь тьи мечи харалуж-ныи». Авторъ Слова хорошо знаетъ современныхъ ему князей и ихъ относительное значеніе. Пышное обращеніе, облеченное въ форму, навѣянную «старыми словесы», даетъ понять, какъ отражалась дѣ-ятельность Романа въ умахъ современниковъ.

2) Отрывокъ Галицко-Волынской лѣтописи открывается слѣдую-щею замѣткой о Романѣ: «По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержца всея Руси, одолѣвши всимъ погань-скимъ языкомъ ума мудростью, ходяща по заповѣдемъ Божинмъ: устремилъ бо ся бяше на поганя, яко и левъ, сердитъ же и бысть яко и рысь, и губяше, яко и коркодиль, и прехожаше землю ихъ яко и орелъ, храборъ бо бѣ, яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганя Измаилтяны, рекомыя Половци, изгнавшю отрока во Обезы за желѣзная врата, Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою ожившю; тогда Володимеръ Мономахъ пилъ Золотомъ шеломомъ Донъ, приѣмши землю ихъ всю и загнавшю ока-янныя Агаряны. По смерти же Володимерѣ оставшю у Сыръчана единому гудьцю же Ореви, посла и во Обезы река: «Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, пойдѣ въ землю свою, молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни половецкія; оже ти не восхо-четь, дай ему поухати зелья, именовъ евшанъ (емшанъ). Оному же не восхотѣвшю обратитися, ни послушати, и дасть ему зелье, оному же обухавшю и восплакавшю, рече: «да лучше есть на своей землѣ костью лечи, не ли на чужѣ славну быти». И приде во свою землю, отъ него родившюся Концаку, иже снесе Сулу, пѣшь ходя, котель нося на плечеву. Роману же князю ревновашю за то, и тщапсея погубити иноплеменики» ¹⁾.

3) Въ 1251 году князья Даниилъ и Василько, сыновья Романа одержали побѣду надъ Ятвягами. Лѣтопись сопровождаетъ извѣстіе объ этомъ такой замѣткой: «многи крестьяны отъ плѣненія избави-ста, и пѣснь славну пояху има, Богу помогшю има, и придоша со

¹⁾ П. собр. р. л. II, 155.
русскаго вышешаго зпосъ.

славою на землю свою, наслѣдивши путь отца своего великаго Романа, иже бѣ изоострился на поганья, яко левъ, имъ же Половци дѣти страхаху» ¹⁾).

4) Въ 1257 году князь Даниилъ Романовичъ снова воевалъ съ ятвягами и наложилъ на нихъ дань. Лѣтопись замѣчаетъ при этомъ: «по великомъ князѣ Романѣ никтоже не бѣ воевалъ на нѣ въ Рускихъ князихъ, развѣ сына его Данила» ²⁾).

5) Въ 1288 году умеръ князь Владиміръ Васильковичъ. «Плакахуся по немъ», говоритъ лѣтописецъ,—«лѣншіи мужи Володимерьстїи, рекуче: «добро бы ны, господине, съ тобою умрети, створшему толикую свободу, якоже и дѣдъ твой Романъ свободилъ бя шеть отъ всихъ обидъ; ты же бяше, господине, сему поревновалъ и наслѣдилъ путь дѣда своего; нынѣ же, господине, уже ктому не можемъ тебе зрѣти, уже бо солнце наше зайде ны и во обидѣ всѣмъ остахомъ» ³⁾).

Изъ приведенныхъ отрывковъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ охотно вспоминали о князѣ Романѣ въ Галицко-Волинской землѣ, особенно интересны отрывки второй и третїи.

Замѣтка лѣтописи, посвященная воспоминаніямъ о Романѣ и Владимірѣ Мономахѣ, много разъ разсматривалась изслѣдователями Слова о полку Игоревѣ, которые находили въ этой замѣткѣ нѣкоторое сходство съ литературнымъ стилемъ Слова. Еще митрополитъ Евгеній указывалъ на сходство выраженій Слова «съ Волинскою лѣтописью». Головинъ въ изданіи Слова (1846 г.) отмѣтилъ приведенный выше отрывокъ, какъ образецъ литературнаго изложенія, напоминающаго слогъ пѣвца Игорева ⁴⁾. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей Вс. О. Миллеръ, идетъ далѣе. «Быть можетъ», говоритъ онъ,—«эта повѣсть была частью извѣстнаго намъ «Слова», вышла изъ-подъ пера того же автора и нѣкоторыя черты ея по реминисценціи занесены лѣтописцемъ» ⁵⁾. Въ такомъ предположеніи едва ли есть надобность. Но замѣченное сходство слога разсказа о Романѣ и Слова о полку несомнѣнно. Изложеніе Слова о полку Иго-

¹⁾ Ibid. 187. Въ Ермолаевскомъ спискѣ прибавлено: «страхаху: Романъ! Романъ! албо: Русъ! Русъ!» Ср. въ Повѣсти объ Александрѣ Невскомъ: «начана жены мовавтьскыя полошати дѣти своя, ркуче: Александръ ѣдетъ!»

²⁾ Ibid. 194.

³⁾ Ibid. 220.

⁴⁾ Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей (изд. *Москвитянина*) I, 243. Ср. *Смирновъ*, О Словѣ о полку Игоревѣ (Литература слова), I, 35, 89.

⁵⁾ Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ, 138—141.

ревѣ представляет художественный сплавъ народно-пѣсенныхъ приемовъ съ чертами, заимствованными изъ книжно-переводной литературы. То же, дѣйствительно, находимъ и въ приведенномъ отрывкѣ лѣтописи. Относительно книжныхъ вліяній я позволю здѣсь повторить свою замѣтку, помѣщенную въ статьѣ о Словѣ о полку: «Не отрицая вліянія народно-поэтическихъ преданій на упомянутое лѣтописное воспоминаніе, замѣчу, что въ немъ видно присутствіе и другого рода литературныхъ элементовъ, вліяніе памятниковъ переводныхъ. «По смерти же великаго князя Романа... одолѣвъша всемъ поганьскимъ языкомъ ума мудростью, ходяща по заповѣдемъ Божиимъ»... Въ «Лѣтописцѣ Еллинскомъ и Римскомъ» въ разсказѣ объ Ираклѣ читаемъ: «Палицею оубивша змяя, рекше одолѣвшу тремъ частемъ злымъ похотемъ ума мудростью акы палицею, ходяща въ котызѣ, акы въ лѣвъ язвенѣ, въ твердѣ умѣ» и т. д. (Поповъ, Обзоръ хронографовъ р. ред. вып. I, стр. 14; ср. *Fragmenta hist. graec. coll. C. Müllerus, t. IV, p. 543*)¹⁾. Что касается народно-поэтической стихіи въ замѣткѣ о Романѣ, то она вѣрно была угадана поэтическимъ чувствомъ одного изъ нашихъ поэтовъ²⁾, Разсказъ о гудцѣ Орѣ, который пѣснями и запахомъ степной травы напоминалъ изгнаннику его далекую родину, воспоминаніе о Кончакѣ, «иже снесе Сулу, пѣшь ходя, котельнося на плечеву»,—все это носитъ несомнѣнный характеръ поэтическаго преданія. Воспоминанія о князѣ Романѣ и его походахъ на половцевъ слились съ этими поэтическими сказаніями старины.

Третій изъ приведенныхъ выше лѣтописныхъ отрывковъ, упоминающій о походѣ Даніила и Василька на Ятвяговъ въ 1251 г., важенъ по прямому указанію на пѣсенное славеніе князей. Лѣтопись сопоставляетъ удачу сыновей Романа съ побѣдами ихъ отца: «придоста со славою на землю свою, наслѣдивши путь отца своего великаго Романа, иже бѣ изоострился на поганья, яко левъ, имъ же половци дѣти страцаху». Это сопоставленіе, хотя бы въ иныхъ выраженіяхъ, можетъ принадлежать пѣснѣ. Но если пѣсня славилась тѣхъ, кто только шелъ по слѣдамъ Романа, ужели она молчала о немъ самомъ?

Что касается польскихъ лѣтописцевъ, то они особенною подробностью разсказываютъ: 1) о жестокостяхъ, которыми сопровожда-

¹⁾ Литература Слова о полку Игоревѣ, 52—53 (въ *Кіевскихъ университетскихъ Извѣстіяхъ* 1880 г.).

²⁾ См. стихотвореніе А. Н. Майкова „Емшанъ“.

лось второе занятіе Галича Романомъ; 2) объ его походахъ въ Литву и 3) о послѣдней битвѣ Романа съ польскими князьями.

1) Винцентій Кадлубекъ, современникъ Романа Мстиславича, рассказываетъ, что занявъ Галичъ, Романъ началъ страшную расправу съ враждебными ему боярами: закапывалъ живыхъ въ землю, сдиралъ кожу, разрывалъ на части, разстрѣливалъ. Вотъ слова Кадлубка: *Vix enim dux Lestco pedem cum suis dimoverat, quum Galiciensium satrapas et eubagionum florentissimos incautos occupat ac trucidat, quosdam vivos terrae infodit, quosdam membratim discerpit, alios excoriat, multos quasi signum ad sagittam figit, nonnullos prius exenterat, quam interimit. Unde solenne illi erat quasi proverbium: melle securius uti apum non posse, nisi penitus oppresso, non rarefacto examine; nec sapere species, nisi creberrime pilo contusas*¹⁾. На этотъ разсказъ Кадлубка оказала несомнѣнное вліяніе быстро растущая народная молва. Позднѣйшіе лѣтописцы польскіе или повторяютъ почти буквально разсказъ Кадлубка (Богухвалъ, Сарницкій), или распространяютъ его нѣкоторыми новыми подробностями (Длугошъ, Стрыйковскій). Вотъ разсказъ Стрыйковского: *Roman xiaże Wladimirskie... wielkim się rychło tyrannem sstał: niktorych scinał y czwiertował niktorych żywych w ziemię zagrzebywać, drugich z skory lupić, w stuki rozsiekiwać, na pale wbijać, scinać, palić, topić, pilami przecierać, oczy wymować y rozmaitymi mękami prawie tiranskimi mordować kazał. A panow ruskich, ktorzy przed jego tyranstwem uciekali, łagodnym ofiarowaniem przyzwawszy potym na drzewie zawieszonych każdego ustrzelał, przypominając to zwykle swoje tyranskie*

¹⁾ Monumenta Poloniae historica, vyd. Aug. Bielowski, t. II, 440. О приведенной Кадлубкомъ пословицѣ Карамзинъ замѣчаетъ: «Сію пословицу, известную и римлянамъ во времена ихъ тирановъ, нашелъ я въ Волинской лѣтописи Галицкій сотникъ Микла говоритъ сыну Романову, Данилу: „Господине! не погнетши пчель, меду не ясти“ (И. Г. Р. III, пр. 106. Ср П. собр. р. лѣт. II, 171). Тотъ же Кадлубекъ передаетъ еще другую пословицу, сказанную будто бы Романомъ Краковскому епископу послѣ битвы при Мозгавѣ, когда раненый князь долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ войнѣ Казимиршею противъ Мешка: *caput (разумѣется столица) ergo et custodiri et defendi convenit, donec nostrorum livor vulnecum detumescat. Piscis enim quorsumvis sequitur, si illius filo branceam teneas*». Карамзинъ замѣчаетъ: „Послѣдняя рѣчь значитъ: „и рыба идетъ, куда хочешь, если захватишь оную за жабры“. Романъ, назвавъ столицу главою, прибавляетъ иносказательно, что неприятель овладѣетъ и государствомъ, если возьметъ оную. Въ сравненіи съ рыбою слово *жабры* употреблено вмѣсто *головы*“ (И. Г. Р. III, пр. 93).

przysłowie, iż żaden miodu bezpiecznie pożywać nie może, aźby pierwey roje pszczoł wygładził. Wielkie też skarby zebrał, pobierając dobra y majetności uciekających y wywołanych panow ruskich» ¹⁾).

2) О походах против Литвы находимъ рассказъ у Стрыйковскаго: «Litwę też Jatwieżow, ludzi lesnych w sąsiedztwie przyległych zwojował, zholdował y do posłuszeństwa ruskiego mocą przyrędził. Plънниковъ литовскихъ wszystkich do bydłych robot, со мiалы конie y woly robić, przymuszał ²⁾». Крімъ того Стрыйковскій даєть другой рассказъ о борьбѣ Руси съ Литвой, рассказъ ошибочно связанный съ именемъ Романа Ростиславича Смоленскаго: «А gdy Litwa z Jaczwingami, ludzie lesni, zebrawszy się, s polna mocą do ruskich xięstw wtargnęli y łupy wielkie pobrali, z ktorych byli zwykli żyć, zebrał się na nich Roman monarcha Kijowski a s korzyscią w lesne jaskinie uciekających dogonił y poraził, rosproszył y lupow część większą odgromiwszy, wielkosć Jatwieżow y Litawow poganow poimал a zagnawszy ich do Kijowa y do inszych zamkow ruskich w srogim więzieniu chował, ciężkie a bydzące roboty nimi odprawując: drugich kazał okowawszy w плугу zaprzagać a jako wolami pola orać, starzyny karczce na nowinach albo ladach, jako po rusku zowa, uprzętać, skąd ona przypowieść była wrosła, gdy jeden Litwin nauczywszy się języku ruskiego u плугу ciągnac rzekł: Romanie, Romanie lichym się karmisz, Litwoju oresz ³⁾». Этотъ рассказъ повторяется и въ позднихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ, напримѣръ, въ такъ называемой «Подробной лѣтописи»: «По преставленіи благовѣрнаго князя Глѣба, сѣде на престолѣ Кіевскомъ Романъ князь Смоленскій. Сей бѣ зѣло храбръ и Литву порази, многихъ же плъннивъ въ жестокихъ узахъ держаше и тяжкія работы на нихъ возлагаше, и пныхъ окованныхъ въ плугъ впрягаше и ими, яко волами, поля окрестъ Кіева оряше, и оттуда оная притча израсте, егда одинъ литвинъ въ плузѣ тянувъ, научися языка руска, и рече: Романе, Романе, худымъ живеши, Литвою ореши» ⁴⁾). Эта «притча» представляетъ примѣненіе къ обстоятельству Романовой борьбы съ Литвой известнаго въ нѣсколькихъ вариантахъ сказанія объ обращеніи побѣжденныхъ въ положеніе ра-

¹⁾ Ks. VI, rozdz. V. По изд. 1582 г. стр. 238. Статья о Романѣ имѣетъ заглавіе: „O tyranstwie Романа Wladimirskiego y Halickiego“. На полѣ: „Roman xiąże drugi Phalaris y Nero“.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid., str. 227.

⁴⁾ Ч. I, стр. 115—116.

бочаго скота. Извѣстѣйшій изъ такихъ вариантовъ — преданіе объ Обрахъ, занесенное въ начальную лѣтопись ¹⁾).

3) Особенно интересны и важны рассказы польскихъ лѣтописцевъ о послѣдней борьбѣ Романа съ поляками и объ его смерти. У Кадлубка извѣстія объ этомъ нѣтъ. Бѣлевскій въ своемъ изданіи польскихъ историковъ замѣчаетъ, что Кадлубекъ имѣлъ однако въ виду рассказать о походѣ Романа въ Польшу. Основаніемъ этой догадки служатъ слова Кадлубка: *Quod beneficii qua tandem gratiarum devotione Polonis rependere studuit, suo loco docebitur*. Обѣщанный Кадлубкомъ рассказъ Бѣлевскій находитъ въ старомъ Краковскомъ лѣтописцѣ (подъ 1205 г.). Догадка основывается на сходствѣ слога. Извѣстіе лѣтописца—краткое: *in Zavichost est in proelio interfectus*; прибавлено, что битва сопровождалась страшнымъ кровопролитіемъ: *insuper cedis valitudinem inauditam fuit protestata et exundans cruoris effusio in flumine Wizla* ²⁾. Въ хроникѣ Богухвала въ рассказѣ о пораженіи Романа замѣчено, что немногимъ изъ русскихъ удалось тогда спастись; остальные были убиты или погибли въ Вислѣ ³⁾. У позднѣйшихъ компиляторовъ (Длугошъ, Мѣховита, Кромель, Стрыйковскій, Бѣльскій), вмѣсто такихъ краткихъ извѣстій о послѣдней битвѣ Романа, находимъ подробный рассказъ, интересный по нѣкоторымъ чертамъ и намекамъ народно-эпического характера. Порядокъ рассказа такой: Романъ требуетъ у польскихъ

¹⁾ «Въ лѣтописи Величка... рассказывается, что поляки запрягали въ плуги людей и женщинъ-матерей, сестеръ и женъ, и заставляли орать по льду на рѣкѣ, а жиды подгоняли ихъ бичами. Въ фальшивой исторіи Коняскаго рассказывается, будто римско-католическое духовенство развѣзжало по Малороссіи въ длинныхъ повозкахъ, запряженныхъ людьми». (*Костомаровъ*, Моногр. XIII, 32). О молдавскомъ воеводѣ Стефанѣ вел. (на дочери котораго Еленѣ женатъ былъ сынъ Ивана III—Иванъ молодой) преданіе говоритъ, что послѣ побѣды надъ поляками (1496) онъ приказалъ запрячь плѣнниковъ въ плуги и вспахать ими все поле битвы (*Головацкий*, Пѣсни Галицкой и Угорской Руси, ч. I, стр. 281, чит. 681). Пѣмецкая пѣсня рассказываетъ о графѣ Александрѣ, который взятъ былъ въ плѣнъ языческимъ королемъ. Александру предложили на выборъ смерть, или работу въ плугѣ. Плѣнникъ дорожилъ жизнью.

Alexander sprach: „Edel ist das Leben,
wann mir Gott gehelfen mag;
ich mich willig in den Pflug ergeben“.

Графа, вмѣстѣ съ другими христіанскими невольниками, впрягли въ плугъ; надсмотрщики били нещадно несчастныхъ рабовъ. (*Uhlands Schriften*, IV, 300—301).

²⁾ *Monumenta Pol. hist.* II, 440.

³⁾ *Ibid.* 553.

князей Люблинскую область въ вознагражденіе за потери и убытки, понесенные имъ въ битвѣ при Мозгавѣ. Получивъ отказъ, Галицкій князь вторгается въ польскія владѣнія; переправившись черезъ Вислу у Завихвоста (въ 1½ миляхъ отъ Сендомира), онъ расположился лагерь на берегу; туда поспѣшили польскія дружины подъ начальствомъ Лешка и Конрада. Въ ночь передъ битвой (19 іюня) Романъ видѣлъ сонъ: отъ Сендомира прилетѣли щеглы, напали на воробьевъ и побили ихъ; по утру Романъ разсказалъ свой сонъ: одни объясняли его въ благопріятномъ смыслѣ, другіе видѣли въ немъ предвѣстіе бѣды. Приблизились между тѣмъ польскія войска. Романъ, не ожидавшій такого быстрого нападенія, поспѣшилъ привести свои дружины въ нѣкоторый боевой порядокъ. Началось сраженіе. Русскіе были отброшены къ рѣкѣ. Въ это время подъ Романомъ былъ убитъ конь; онъ бросился на первую попавшуюся кобылу и выплавъ переправился черезъ Вислу. Но поляки и здѣсь преслѣдовали отступавшихъ противниковъ. Романъ, замѣшавшійся въ толпѣ, не былъ узнавъ и палъ подъ ударами какого-то польскаго воина. Тѣло его было погребено въ Сендомирѣ, но потомъ русскіе выкупили его и похоронили въ родной землѣ. Привожу для образца разсказъ Длугоша. *Ad fluvium quoque Vislam perveniens, partim illum navibus et lembis, partim vadis in aliquot locis repertis siccitate aestatis aquis illius diminutis superat, et ad oppidum Zawichost stativa ponit; illi iceum consistentem frequenter sui exploratores de Polonorum adventu avisant. Quorum cum irrideret relationes, milites, quos pro excubiis tenendis transmiserat, exploratorum sententiam confirmant, sed cum his quoque Romanus diffideret et Polonos nequaquam secum pugnatuos crederet, 19 die mensis Iunii S. Gervasti et Protassii martyrio dicata, sole oriente, Leszko et Conradus Duces cum Polonorum exercitibus, quorum Christinus Palatinus Masoviæ erat ductor, adveniunt et ordinatas acies decertare parati ostendunt. Romanus ex fastuoso trepidus factus, vix primas acies urgentibus et infestantibus eum Polonorum sagittariis explicare in spatio arcto permissus, copias tumultuario magis, quam legitimo more educit et signis collatis dimicat. Ingenti clamore ab utroque exercitu snblato, infestis lanceis concursus est, et æquo primum Marte praelium gerebatur... Interim fervente pugna primis Ruthenorum ordinibus per Polonos contritis et prostratis, Polonorum res meliori, Ruthenorum deteriori loco esse cœpit. Abundante tamen multitudine, et Romano integros pro cadentibus aut vulneratis subducente, providentia et sollicitudine ducis Romani praelium in pluribus locis inclinatum re-*

stituitur, Poloni non Ruthenis, sed duci Romano velut proditori defrago et transfugae irati ad illius occisionem ardentissime conspirant, et globo facto Romanum inter primos pugnantem ex insignibus cognitum adorti invadunt. Romano duce gravissima cuncta observante oculis, manus universa militum, quae circa illum conglobata, haecenus illum egregie defenderat, a Polonis deleta, strenui ac fortissimi quique pugnatore, ante ducis sui ora caesi, mutuoque cadentes fugam et ducis Romani et caeterorum suorum Ruthenorum inhibebant. Inter haec Romanus dux ultimi periculi videns sibi imminere discrimen, jam enim et equus, cui insidebat, telis frequentibus confossus, excutere illum sategebat, per medias acies prorumpens ad fluvium Vistulam pervenit, ubi equus corruens illum deseruit. Hinc vero majus obortum periculum, quoniam modo manus illorum esset evasurus et fluvium trajiceret, tandem effoetam, ut fertur, equam a suis sibi administratam ascendens fluvium aegre superavit. Mixtus deinde fugientium suorum turbae... a Polonis fugientes insequentibus et gregarium militem illum existimantibus obruncatus est... Victoria quoque ipsa tam sonora et famosa fuit, ut vicinarum nationum gentium gentiumque crebris celebraretur sermonibus. Poloni quoque, quibus provenerat, quosque fama, divitiis et honore extulerat, variis illam et seriem ejus prosequerantur carminibus, quae etiam in hanc diem canora voce in theatris audimus promulgari. Cadaver Romani ducis, quod jam Sandomiriae Leszkonis jussu sepultum erat, exhumatum per Ruthenorum Proceres, omnibus, quos ceperat ex Polonis restituit in libertatem captivis, et mille marcis argenti ad sepulturam a Leszkone Polonorum duce redemptum, et in Wladimiriam delatum est... Fertur, Romanus nocte praecedente cladem per quietem somniasse, quod parvus avium rubra capita (quos Sczygielki appellamus) habentium numerus ab ea parte, qua Sandomiria sita est, adveniens maximum passerum numerum devoravit. Id cum amicis in diluculo retulisset, licet plerique juvenes felix auspiciam pronunciassent, senes tamen et prudentes astruxerunt, somnium triste esse et Polonis quidem felicem portendere successum, Ruthenis vero adversum et calamitosum» ¹⁾. М. Бѣльскій въ «Хроникѣ Польской» повторяетъ тотъ же разсказъ, но съ любопытнымъ измѣненіемъ въ концѣ: *Clalo jego*

¹⁾ S. a. 1205. Тѣ же подробности повторяются у Кромера, Мѣховиты, Стрыйковскаго.

w Sendomirzu pochowano, ale ie Rusacy odkupili tysiacem funtow srebra y pochowali miedzy Bohatyrzys w Kijowe»¹⁾).

Сонъ Романа принадлежитъ къ числу тѣхъ вѣщхъ сновъ, которые упоминаются во множествѣ пѣсней, сказокъ и преданій. Символика сна напоминаетъ нѣкоторые образы Слова о полку Игоревѣ: «О, далече зайде соколъ, птицъ бя, къ морю!—Почнуть наю птицы бити въ полѣ Половецкомъ.—Не было въ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый Половчине!»

Высокій интересъ представляетъ свидѣтельство Длугоша о томъ, что въ его время (XV в.) слышались еще въ Польшѣ пѣсни о поражении Романа; quae (carmina) etiam in hanc diem canora voce in theatris audimus promulgari. Здѣсь снова является тотъ же вопросъ, который представился намъ при обзорѣ русскихъ свидѣтельствъ о Романѣ: ужели не было русскихъ пѣсней объ этомъ князѣ, если имя его упоминалось даже въ пѣсняхъ польскихъ?.. Свидѣтельство Бѣльскаго разрѣшаетъ это недоумѣнiе, давая, какъ мнѣ кажется, твердое основанiе для положительнаго отвѣта на поставленный вопросъ: «тѣло Романа Русскiе похоронили въ Кiевѣ среди своихъ богатырей». Какой смыслъ имѣетъ это извѣстiе? Откуда оно явилось? На чемъ основано? Богатырскiя могилы въ Кiевѣ упоминаются не однимъ Бѣльскимъ. Припомнимъ извѣстное свидѣтельство Сарницкаго: «quod olim Romani de septentrionalibus et indianis monstris et miraculis sparserunt, hos Russi de prodigiis et heroibus snis, quos Bohatiros, id est semideos vocant, aliis persuadere conantur. Contumulare autem istos solent in cavernis rupium». Бѣльскiй и Сарницкiй повторяли въ своихъ извѣстiяхъ только то, чтó хранилось и передавалось на Руси. Въ XVI вѣкѣ въ Кiевѣ показывали путешественникамъ могилы богатырей Ильи и Чоботка (разсказъ Лассоты). Въ XVII в. Калнофойскiй въ описанiи Кiево-Печерскаго монастыря упоминаетъ о мощахъ св. Ильи, котораго lud rospolity Czobotkiem zowie, и котораго представляли великаномъ (obrzum). Свидѣтельство Бѣльскаго указываетъ, что въ ряду кiевскихъ богатырей давали мѣсто и князю Роману; его могилу отыскивали среди гробницъ Ильи, Чоботка и другихъ «храбрыхъ» стараго времени²⁾. Переводя эническiе образы народнаго

¹⁾ Kronika Polska (изд. 1830 г.) II, 74.

²⁾ Въ Книгѣ о росси́йскихъ святыхъ (XVII в.) есть такое извѣстiе о св. Меркурiи Смоленскомъ: «св. великомученикъ Меркурiй воинъ, смоленскiй чудотворецъ, въ лѣто 6747 (1239) ноямвриа въ 14 день во гробѣ въ Кiевѣ приплы». (Буслаевъ, Очерки, II, 194). Это извѣстiе представляетъ любопытную параллель

преданія на обыкновенную рѣчь, мы получимъ такой выводъ: образъ князя Романа, какъ онъ отпечатлѣлся въ народномъ воображеніи, тѣ черты, которыя входили въ составъ этого образа, то, что соединилось съ этимъ образомъ въ народныхъ воспоминаніяхъ, все это очень близко напоминало то, что соединялось обыкновенно съ представленіями о богатыряхъ; а такъ какъ представленія о богатыряхъ неразрывно связывались съ рядомъ подвиговъ и приключеній, которыя передавались въ пѣсняхъ и преданіяхъ, то слѣдуетъ допустить, что подобныя же пѣсни и преданія соединялись и съ именемъ князя Романа. Романа причисляли къ богатырямъ, потому что о немъ рассказывалось что-то похожее на былины о богатыряхъ. Иное толкованіе свидѣтельства Бѣльскаго едва ли возможно.

Заручившись такимъ образомъ указаніями на существованіе поэтическихъ преданій о князѣ Романѣ Мстиславичѣ, мы уже съ большою смѣлостью можемъ отыскивать слѣды этихъ преданій въ памятникахъ народной словесности южно-русской и сѣверно-русской.

II.

Изъ памятниковъ южно-русской словесности для изученія преданій о князѣ Романѣ важны два: 1) преданіе и пѣсня о пораженіи и смерти хана Боняка и 2) игра и пѣсня «Воротарь».

1) Въ книгѣ Іоанникія Галатовскаго: «Небо новое» въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: «Чуда пресвятой Богородицы розныи на розныхъ мѣстахъ» читается между прочимъ такой разсказъ: «Въ Малой Россіи, въ повѣтѣ Галицкомъ, есть мѣсто Заваловъ, названное отъ валовъ давно высыпавшихъ, которыхъ есть три надъ тымъ мѣстомъ на горѣ. Межи тыми трома валами знайдется монастырь при церквѣ святого архіерея Николая. Повѣдаютъ люде старши духовныи и свѣцкии, которые отъ дѣдовъ и прадѣдовъ своихъ чували, же Бунякъ (яко они мовять), але рачей Батій, царь Татарскій, егда воевалъ землю Русскую, на той часъ еденъ воевода, на имя Романъ, з землѣ Русской вышолъ з войсками своими противъ ордамъ татарскимъ, а видячи великую потугу поганскую, а свое малое войско христіанское, окончался трома валами и фрасовался и фрасуючися зоснулъ, которому въ снѣ показался святой архіерей Николай и

къ разсказу Бѣльскаго о перенесеніи въ Кіевъ Романова тѣла. Кіевъ—эпическій центръ, къ которому стягивались всѣ преданія, въ которыхъ открывались черты богатырской былины.

казаль ему ити смѣле на орды бѣсурманскіи и где бы нагонилъ погановъ и звытяжилъ ихъ, казалъ ему на томъ мѣсту церковь збудовати на честь пресвятой Богородици, за которой помочу мѣлѣ махметановъ звытяжити, межи тыми зась трома валами, казалъ збудовати церковь на честь святому архіерею Николаю. Очкнувшись отъ сна, Романъ воевода рушился смѣле з войсками своими на татаровъ и погналъ ихъ и утѣкающихъ гонилъ и доганялъ на тыхъ поляхъ, которые недалеко за мѣстомъ Тысменицею находятъся, и славное надъ ними одержалъ звытяство, по которомъ звытяствѣ на тымъ полю збудовалъ церковь Успенія Пресвятой Богородици за которой предстательствомъ звытяжилъ орды поганьскіи. Въ той церквѣ есть намѣстный образъ пресвятой Богородици чудотворный. При той церквѣ находятъся монастырь, который называется Погоня для того, же тамъ Романъ воевода погналъ и догналъ и разогналъ татаровъ неприятелей своихъ и могъ мовити слова Давидовы: пожену враги моя и постигну я и не возвращуся, дондеже скончуютъся, оскорблю ихъ и не возмогутъ стати, падуть предъ ногами моима. По звѣязствѣ же межи трома валами збудовалъ церковь святого архіерея Николая, который ему тамъ во снѣ показалъся и казалъ одну церковь на честь пресвятой Богородици, другую на имя свое збудовати¹⁾.

Тотъ же рассказъ отысканъ въ «Krajowej galicyjskiej Tabuli»: Романъ, князь Островскій, братъ короля Данила Галицкаго, вмѣстѣ съ братомъ Дмитріемъ и племянникомъ Васильемъ, князьями Острожскими, выступилъ, противъ *sołodywego Buniaka, inaczej sołodywo albo wsiów dsiowiska, księcia i herszta Połowców, to jest Podolanów*. Утромъ въ день битвы является Роману во время молитвы святитель и повелѣваетъ вступить въ бой съ невѣрными, обещающа побѣду. Половцы дѣйствительно были разбиты. Русскія войска гнали ихъ до Днѣстра. Большая часть половцевъ при этомъ погибла, оставшіеся въ живыхъ бѣжали въ горы за Днѣстръ. Буняку отрубили голову, а тѣло его сожгли и пепель выбросили въ Днѣстръ²⁾.

Далѣе, то же преданіе записано въ Галиціи въ нашемъ столѣтіи на основаніи устнаго народнаго пересказа. Содержаніе этого пересказа, сходное вообще съ приведенными уже вариантами, представляетъ слѣдующее дополненіе въ концѣ: когда Бунякъ былъ убитъ,

¹⁾ Л. 211 (по изд. 1699).

²⁾ Pokucie. Obraz etnograficzny ser. *Osk. Kolberg*, t. I, 344—346. Преданіе отыскано въ «Krajowej galicyjskiej Tabuli, e libro fond, pag 109».

его отрубленная голова покатила съ мѣста боя ¹⁾; она была перехвачена только на полѣ, что за мѣстечкомъ Тысменцей, отчего и мѣсто это получило названіе «Погоня» ²⁾.

Наконецъ, на ту же тему о гибели Буняка есть и пѣсня. Пѣсня эта, по свидѣтельству лица ее записавшаго ³⁾, сохраняется среди обитателей Подиѣстровья. Вотъ текстъ пѣсни въ томъ видѣ, какъ онъ переданъ въ трудѣ польскаго собирателя:

Szczoż to za dywy!
może Buniak solodywy?
każut jeho czereda
pryszła nas wyhnaty.
Łysze dadut jemu znaty,
kuda bude utikaty.

¹⁾ Эта катаящаяся голова Буняка напоминаетъ ударъ, которымъ сразилъ Илья Муромецъ Идолице поганое. Богатырь

Металь шляпой въ Одолицца поганого,
Попадалъ ему въ буйну голову,
Полетѣла голова ровно пугвица,
Вышибала въ горницѣ три паклинка.
(Пѣсни, собр. Кир., IV, 32—33).

Въ индійской Викрамачаритрѣ рассказывается, что, «побѣдивъ войско Викрамидетья, Саливахана отрубаетъ ему самому голову съ такой силой, что она полетѣла въ Ужжанин, гдѣ найдена и сожжена тайнымъ образомъ» (*Веселовскій*, Соломонъ и Кятоврасъ, 29 прим.).

²⁾ Pokucie, l. c. Преданіе о поражениі Буняка подъ Заваловомъ передается еще въ другомъ видѣ: Gdy szeludywy Buniak najeżdżał Ruś, żyła nabwczas bardzo sławna wróżka. Do nięj zgromadzili się pierwsi męże ruscy, prosząc ją, aby wynalazła środek, którym bu można zgubić szeludywego Buniaka. J wróżka pod warunkiem, że jęj syn zostanie królem, obiecała go zgubić. Jakoż gdy jęj uroczyscie przyrzekli, skąpawszy pierw syna w ziolach, z zamową wyprawila go z czarnym wołem pierwakiem na wojnę. Zaszła bitwa pod Zawałowem, wojsko szeludywego Buniaka pobyte przez Rusinów rozpierzchło się, syn wróżki spotkał się z szeludywym Buniakiem w pojedynku i głowę sciał, która spadłszy zerwała się i ptakiem zleciała. Puscili się za nią w pogoń i dopędzili ją pod Tysmienicą. Wlęś Pohonia ćwierć mili od Tysmienicy do dziś dnia przypomina to zdarzenie. Owoż tam wielu obietnicami uprosiła głowa, że ją praczka pod chusty skryła. Wynaleziono ją i po naradzie skazano na spalenie na stosie cierniowym. Gdy mieli już palić, głowa przemówiła: „Jeśli chcecie, aby się wam w najlepiej rodziło, wetknijcie mi w zęby. Jistotnie wetknęli jęj w zęby, ale coż: tarki i polne roze, które jeśli zarodzą, to owoc oblipnie około gałązek, tak że i liścia niedojrzeć. Z płomieni wyprysnęły dwa trzonowe zęby i uciekły aż na Turezyzne“ (Bibliot. Ossol. 1844, XI, str. 184—185).

³⁾ Свищеника Гарасевича, сообщеніе котораго напечатано было въ альманахѣ Lwowianin 1837 г.

Hej na na
 Buniaka!
 Ej berut sia do neho
 kniaz Roman, bojary,
 a szczoż bude z neho,
 gdy pide w prehony.
 Ot wtikajet holowa,
 Za nym biżyt czereda,
 Holowa Buniaka,
 Zdrast wam Boże,
 Wże nasza ¹⁾).

Изложение преданія въ книгѣ I. Гаятовскаго носитъ на себѣ слѣды неудачнаго мудрованія. Этимъ объясняются такія выраженія—какъ «Бунякъ (яко они мовять) але рачей Батій, царь Татарскій» или «мѣлъ махOMETановъ звытяжати» и т. п. Наименованіе Романа воеводой противорѣчитъ остальнымъ вариантамъ. Не болѣе удачное мудрованіе видно и въ вариантѣ Tabuli: князь Романъ, противникъ Буняка, князя половцевъ, *to jest Podolanów* (sic!), называется братомъ короля Данила. Такого брата у Данила не было, также какъ не было въ ту эпоху и Острожскихъ князей Данила и Василя. Народные пересказы проще и лучше. Они, безъ всякихъ уловокъ и оговорокъ, ставятъ рядомъ имена хана Боняка и князя Романа. Анахронизмъ очевиденъ: дѣятельность знаменитаго въ своемъ родѣ хана Боняка относится къ XI и началу XII вѣка; первый Галицкій князь, носившій имя Романа, былъ Романъ Мстиславичъ, боровшійся съ половцами въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка. Но этотъ

¹⁾ Ibid. Г. Василевичъ (въ статьѣ *Szełudywy Buniak. Z podań ludu*) высказывалъ сомнѣніе въ подлинности пѣсни о Бонякѣ: *ona nie zdaje mi się być ludowa, chociaż bardzo przyromina Żelmana z obżędu Gajówek* (Biblioteka Ossolińskich, t. XI, 1844, str. 186).—Это сомнѣніе раздѣляетъ г. Кузьмичевскій, авторъ изслѣдованія: «Шолудивый Буняка въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ» (Кіевская Старина, 1887 г., августъ 676—713, октябрь, 233—276). «Уже самая манера сообщенія ея: *krąży czasem taka wpiewka*,—замѣчаетъ г. Кузьмичевскій,—очень напоминаетъ выраженія съ какими сообщали въ 30-е—40-е годы усердные патриоты фальшивыя пѣсни. Далѣе такіе литературные приемы, какъ „кажутъ, его череда“ и др., неупотребительны въ устной пѣснѣ; наконецъ финалы куплетовъ пѣсенки совсѣмъ странны. По этимъ признакамъ пѣсенка Гарасевича кажется намъ издѣліемъ грамотѣя, если не самаго Гарасевича, на тему прозаическаго преданія“ (стр. 682). Пѣсня, дѣйствительно, кажется не народной (сочиненной, или, по крайней мѣрѣ, подправленной), но основа ея, преданье о смерти Буняка, несомнѣнно извѣстна въ народѣ, какъ указываетъ приведенный выше прозаическій пересказъ.

анахронизмъ вполне понятенъ и объяснимъ съ точки зрѣнія народнаго эпоса.

Половецкіе ханы хорошо были знакомы русскимъ людямъ и какъ враги, и какъ временные, наемные союзники нѣкоторыхъ князей. Но дѣятельность хана Боняка представляла явленіе, выходящее изъ ряда обычныхъ половецкихъ набѣговъ; появленіе на Руси отважнаго хана производило на современниковъ впечатлѣніе чего-то ужаснаго и вмѣстѣ загадочнаго. Припомнимъ разсказъ начальной лѣтописи, подъ 6604 (1096 г.), гдѣ такъ живо передается переполохъ печерскихъ монаховъ при печальномъ появленіи Боняка: «Приде второе Бонякъ безбожный, шелудивый отай хыщникъ къ Киеву везану и мало в градъ не вѣхаша половци, и зажгоша болонье около града .. И придоша на манастырь Печерскій, намъ сущимъ по кѣльямъ почивающимъ по заутрени, и кликнуша около монастыря, и поставиша стяга два предъ враты монастырскими, намъ же обѣжающимъ задомъ манастыря, а другимъ възбѣгшимъ на полати. Безбожные же сынове Измаилеви высѣкоша врата манастырю, и поидоша по кельямъ, высѣкающе двери, и изношаху аще что обрѣтаху в кельи; посемь възгоша домъ святыя Владычицы нашея Богородица и придоша к церкви, и зажгоша двери, яже къ угу устроени, и вторыя же к сѣверу, и влѣзше в притворъ у гроба Феодосьева, емлюще иконы, зажигаху двери и укоряху Бога и законъ нашъ» ¹⁾.

Припомнимъ далѣе разсказъ лѣтописи подъ 6605 (1097 г.) о битвѣ Боняка въ союзѣ съ Давидомъ Игоревичемъ противъ угровъ: «Идущема же има, стана ночлегу; и яко бысть полунощи, и вставъ Бонякъ отѣха отъ вой, и поча выти волчьскы, и волкъ отвьсе ему и начаша волци выти мнози, Бонякъ же приѣхавъ повѣда Давыдови, яко побѣда ны есть на угры заутра». Угры дѣйствительно были разбиты: «Бонякъ же раздѣлися на три полкы, и сбиша Угры в мячь, яко се соколъ сбиваетъ галицѣ» ²⁾. Разсказъ этотъ, какъ занимательная историческая «притча», припоминается въ Словѣ Давида Заточника (по ред. XIII в.): «Тако и Бонякъ судивый хитростію побѣди угры у Галича; онѣмъ нарядившимся на естушь, а сіи, яко ловцы, разсыпашася по земли. Тако избѣи угры на избой и злѣ ихъ погуби» ³⁾. Припомнимъ наконецъ извѣстіе лѣтописи о смерти

¹⁾ Лѣтоп. по Лавр. сп., 224—225.

²⁾ Ibid. 261.

³⁾ Русская Бесѣда, 1856, № 2. Буслаевъ, Русская Хрестом., 138.

сына Боняка: «Ту же и Севенча Боняковича дикаго половщина убиша, иже башеть рекль: «хощю съчи въ золотая ворота, якоже и отець мой»¹⁾.

Преданія о Боняѣ хранятся и до нашихъ дней въ южно-русскомъ народѣ, причемъ удерживается и характерный эпитетъ этого хана «шелудивый» или «солодивый»²⁾. Одно изъ такихъ преданій говоритъ «о крѣностяхъ галицкихъ, якъ ихъ добувалъ солодивый (шелудивый) Бонякъ, а не мѣгши добути ни якимъ способомъ, ужилъ

¹⁾ П. собр. р. лѣт. II, 62. Бонякъ былъ убитъ во время одного изъ своихъ набѣговъ на Русь. Въ извѣстномъ лѣтописномъ разсказѣ о походѣ Игоря Святославича на половцевъ и о послѣдствіяхъ этого несчастнаго похода читаемъ: «молвншеть бо Кончакъ: «пойдемъ на Киевскую сторону, гдѣ суть избита братья наша и великій князь нашъ Бонякъ» (П. собр. р. лѣт. II, 132) Когда и гдѣ именно палъ Бонякъ, неизвѣстно. У польскихъ историковъ находимъ, правда, извѣстіе, что Бонякъ убитъ въ 1107 г., вмѣстѣ съ своимъ братомъ и ханомъ Шаруканомъ (*Strykowski*, 202, по изд. 1882 г.), но нашими лѣтописями это извѣстіе не подтверждается. Подъ 6615—1107 г. въ лѣтописи говорится: «Убиша же Таза, Бонякова брата, а Сугра яша и брата его, а Шаруканъ едва утече» (Лѣт. по Лавр. сп., 271—272). Перечень лѣтописныхъ извѣстій о Бонякѣ см. въ Указателѣ къ П. собр. р. лѣт. вып. I, стр. 59.

²⁾ Въ Словѣ Данила Зат. Бонякъ названъ «судивый», въ лѣтописныхъ спискахъ: шелудивый, шолудивый, солудивый, солодивый, шюлудивый; въ народныхъ разсказахъ: шолудивый, солодивый. Пр. *Потебня* отдаетъ предпочтеніе первой формѣ (судивый), сближая ее съ польск. *szdźiwu*, чешск. *šedivý*, съдой, старый. Въ формѣ шелудивый, по его мнѣнію, *ш* есть, быть можетъ, вставка переписчика (Слово о п. Иг. 34). Согласится съ этимъ предположеніемъ мѣшаетъ устойчивость формъ: шелудивый и солодивый и въ письменной, и въ устной традиціи. Изъ этихъ двухъ формъ первоначально слѣдуетъ, кажется, признать форму: солодивый. Эта неясная форма подъ вліяніемъ звуковой аналогіи легко могла замѣниться распространеннымъ словомъ: шелудивый («конь шелудивый» въ былинахъ и сказкахъ), обратное измѣненіе (изъ шелудивый—солодивый) представляется мало вѣроятнымъ. *Солодивый*, въ формѣ неполногласной—*сладивый*, могло быть образовано (блдивый, блдивый, правдивый, завидивый) отъ *слад*, *солод*. Припомнимъ, что ц.-сл. *сласть* имѣетъ постоянное значеніе: *трофѣя*, *delicieux*, наслажденіе, притомъ наслажденіе чувственное, удовольствіе стола и ложа. Слово: *слаць*, *слащии* употребляется въ значеніи сластолюбивый (*Востокъ*, Словарь в. в.). Не могло ли предполагаемое: *сладивый* (солодивый) имѣть подобное же значеніе? Любопытно, что лѣтописный разсказъ о нападеніи Боняка на монастырь Печерскій отмѣчаетъ веселье и потѣхи половецкихъ грабителей: «Хрестьяномъ бо многими скорбми и напастми внити в царство небесное, а омиъ поганымъ и ругателемъ на *семъ сътъ примышимъ веселье и пространство*, а на ономъ свѣтъ примуть муку съ дьяволомъ и огонь вѣчный» (6604 г.). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что «шелудивый» и «солудивый» могли быть просто параллельными формами одного и того же слова съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ.

лести, то-есть вслѣлъ собѣ дати по нарѣ голубѣвъ изъ каждаго двора, а одступивши не далеко, казалъ привязовати зажженніи сички къ ногамъ сихъ птицъ, котори вернувшись въ свои гнѣзда, зажгли дома и городъ подался» ¹⁾. Каждый, конечно, припомнитъ при этомъ лѣтописный разсказъ о взятіи Ольгою древлянскаго города Искоростеня, разсказъ, имѣющей многочисленную родню ²⁾.

По другому преданію, Бонякъ (шолудивый Бунякъ) представляется людѣдомъ и притомъ существомъ страшнаго вида: «мало того, що страшенно великій, ще выбачайте, у его печінки й легке

¹⁾ Вѣнокъ Русинамъ на обжинки, ул. *Ив. Головацкій*, ч. II (У Вѣдн 1847), 165—166. Приданіе это приурочивается къ гор. Бычъ (теперь сел. Тустановичи), Галичь, Жидачевъ и др. (Biblioteka Ossolińskich, t. VI, 1843, str. 163 t. XI, 1844, 182), при чемъ Бонякъ изображается страшнымъ существомъ съ паршивою головою, съ вѣнами длинными, какъ у вія. съ открытыми внутренностями: „Straszny Szeludywy Buniak pół-demon z parchami (szeludami) na głowie, powiekami długimi, spływającymi do ziemi, które szeladz na rozkaz podejmuje slotemi widlami, i z brzuchem otwartym“. Подобный же образъ извѣстенъ и по великорусск. сказкамъ (*Аванасьеъ*, Нар. русскія сказки, кн. IV, стр. 118; Повѣст. возрѣнія славянъ, I, 171, 550). Ср. представленія объ уродливыхъ великанахъ (*Grimm, D. Mythol. I. 436—437* по 4 изд.).

²⁾ Пов. вр. лѣтъ подъ 6454 г. Въ одномъ повѣдномъ лѣтописномъ сборникѣ (XVII в.) разсказъ о взятіи Ольгою Коростеня и о сожженіи его посредствомъ голубей и воробьевъ приуроченъ къ Царьграду“ (*Бычковъ*, Опис. рук. сборн. Имп. П. Библ. 154). Указано множество вариантовъ этого сказанія. См. *Шегиревъ*, Ист. р. слов. I, 231—232, 256; *Сухомлиновъ*, «О преданіяхъ въ древней р. лѣтописи» въ журн. *Основа* 1861 г. июнь; *Худяковъ*, Народныя историч. сказки въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1864, мартъ отд. IV, стр. 53; *Костомаровъ*, Преданія первонач. р. лѣтописи въ Моногр. XIII, 108—109; ср. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1875, февраль (въ ст. пр. *Басильевскаю*: Варяго-русская дружина въ Константинополь); *Liebrecht—J. Dunlop's Gesch. der Prosadichtungen* 202, 486; Anm. 273 a; *Otia imperialia v. Gerv. v. Tilbury*, 81, 262 Nachtr.; *Zur Volkskunde*, 109—110, 263; ср. *Ettmüller*, *Altnordischer Sagenschatz*, 18.—Утверждаютъ, что всѣ эти разсказы стоятъ въ связи съ повѣрьями объ огненной птицѣ (avis incendiaria у Плинія *Hist. Natur. X. 17*), а эти повѣрья связаны въ свою очередь съ мифическимъ представленіемъ молніи и огня въ образѣ птицы, „краснаго пѣтуха“ (*Kuhn*, *Die Herabkunft des Feuers* 28—31; *Аванасьеъ*, Повѣст. возр. сл. I, гл. X. Сказки т. IV, стр. 291, Ср. *Orient et Occident I. 363*). Любопытно однако, что эти зажигающія птицы не остались только достояніемъ поэтической саги, а находили себѣ бытовое примѣненіе. *Liebrecht* (*Zur Volkskunde*, 262—263) приводитъ такое описаніе персидскаго праздника «Сада», справлявшася въ октябрь: „Nac quidem nocte ubique festivales ignes accendunt, et reges et principes, accipientes aves et alia animalia et eorum pedibus alligantes herbas aridas, eas igne accendunt et ignitas reddunt, et sic flammantes dimittunt, ut volent et currant per campos et montes et hoc modo omnia accendant. (въ *Hyde*, *Veter. Persar. Relig. Hist.* 1760, 255 sq.).

та буді на верси, отакъ отъ і стреміли за плечіма». По требова-
нію людюда къ нему приводили хлопцевъ, которыхъ онъ и пожи-
ралъ. Пришла очередь ити къ нему хлопцу, который былъ одинъ
сынъ у матери. При прощаніи мать дала сыну пирожковъ, приго-
товленныхъ на ея молокъ, и приказала, чтобы онъ этими пирож-
ками угостилъ непременно Буняку. Хлопецъ такъ сдѣлалъ. «Як же
наівся Буняка тіх періжків, заразь і почув, яка въ іх заправа
була. «Ну, каже, хлопце, дякуй свой матері, що такъ мудро вхи-
трувалася: тепер ти еси визволений від смерти, не можу бо я тобі
того лиха заподіяти черезъ те, що ти стався міні братом» ¹⁾.
Ночью хлопецъ отрѣзалъ у спавшаго людюда печенки. «Як відтяв.
Буняка заразь і пропав» ²⁾. Варіантъ этого преданія занесенъ въ
Львовскую хронику Канонника Юсефовича подъ 1663 г. Бунякъ
представляется въ этомъ варіантѣ принимающимъ участіе въ ка-
зацкихъ набѣгахъ. His forte expeditionibus cecidisse in acie cum
nostris perhibetur famosus apud Cosacos bellator, Soloduszczy Bu-
niak dictus, Polonorum hostis acerrimus, spectrum quinimo cacodaem-
on forma humana indutus. Cujus quia vulgatum in Ukraina no-
men multique et magni acervi cadaveritii, vulgo Mogily, Polesiam

¹⁾ Въ виду того, что „обычай молочнаго усыновленія на Кавказѣ—черта
реально бытоваи и locus сошт. народныхъ сказаній“, г. Халанскій дѣлаетъ
предположеніе, что „малорусское преданіе о шелудивомъ Бунякѣ сложилось
подъ непосредственнымъ вліяніемъ кавказскихъ, и, можетъ быть, черкесскихъ
сказаній и обычаевъ“. (Великор быльни, 35. 37). Едва ли есть надобность въ
такомъ предположеніи, ибо молочное родство извѣстно не на одномъ Кавказѣ.
Въ Сербіи родство молочное приравнивается къ кровному: молочный братъ не
вступаетъ въ бракъ съ молочной сестрой; въ Персіи подобныя браки запрещены
закономъ (*Ploss*, Das Kind in Brauch und Sitte der Völker, 2 Aufl. II, 180).
Печенье, приготовленное на материнскомъ молокъ, упоминается въ цѣломъ рядѣ
сказокъ (См. *Пушкинъ*, Сочин., изд. литерат. фонда, III, 450; *Худяковъ*, Мате-
ріалы для изученія народной словесности, стр. 25, 41, 71; *Потанинъ*, «Восточ-
ный параллели къ нѣкот. русскимъ сказкамъ», въ *Этногр. Обзорникъ*, кн. VIII,
стр. 153; *Radloff*, Proben der Volkslitteratur der türk. Stämme, 300—301). Изъ
числа этихъ сказокъ близкое сходство съ преданіемъ о Бунякѣ представляетъ
сербская сказка о Змѣѣ, пожправнемъ дѣтей. Мать одного изъ мальчиковъ,
обреченныхъ змѣю, даетъ ему передъ отправленіемъ къ чудовищу калачъ, при-
готовленный на ея молокъ. Змѣѣ съѣдаетъ калачъ и даетъ пощаду молочному
брату. Окончаніе сказки напоминаетъ извѣстное преданіе о Троянѣ: чудовище
погибаетъ, оставивъ жилище послѣ восхода солнца. (*Худяковъ*, I. с. Первонач-
ально сказка напечатана была въ сборникѣ *Николича*: Народне србске припо-
ведке. 1842 г.).

²⁾ *Драгомановъ*, Малор. нар. преданія, 224—225. Преданіе приурочено къ
„Бунякову замчищу“, около села Деревичи Новоградволинскаго уѣзда.

Kijoviam versus erecti, sylvis pineis, quercinis cooperti, hucusque retinent, non abs re iudico vulgatam illius hystoriam, ex relationibus Cosacorum petitam et apud illos, nugis fabellarum assvetos, facile credibilem referre. Narrant itaque aliqui Cosacorum, quod Sołodowy Buniak miles illorum fuerit a scabioso capite, id est od głowy parszywey, sic dictus, ignotam originem habens, qui ardentibus Cosacorum odio turmis se adunxit magnamque crudelitatem in Polonos aequae ac Cosacas praefecturam assecutus exercuit. Illic semel in mense balneo utebatur semperque secum unum sequentem ex ordine registri turmalem militem assumebat, quem lotione perfunctum illico occidi mandabat sive ipse perimebat, vel ideo, ne cuiquam narraret, quod praeter vultum, manus, pedes et viscus putrefactum, non carnem, non corpus viventium hominum, sed skieletum, prout cadavera videntur aut mors in imaginibus adumbratur, praesentabat. Accidit, ut turnus eundi pro comite ad fatales terms in quendam caderet filiam unicum superviventis matris, qui mortem indubitam praesentens, matrem accersit, multorum fata suumque vitae discrimen, situm corporis sui praefecti enarrat, quomodo itaque certam mortem evadere sive a consortio praefecti sui declinare possit, consilium opemque exquiri. Intellexit illa forte non inscia doli infernalis, utpote volatilis (versatilis?) mulier, quis in illo imaginario homine lateret, ideo filium bono animo esse jubet, placentam illi lacte uberum suorum conditam offert, quam ut egrediens a thermis in oculis praefecti manducaret eidemque petitulo partem sponte offerret, serio demandat, quod Cosacus ille fatalium thermarum socius adimplendum constituit. Dum itaque saevus ille baluator placentam a commilitone lotione perfuncto comestam videret, ut sibi frustum divideret, rogasse fertur, quod dum oblatum sapide comederat dixisse narratur: Eja, nunc mortem evasisti, sed mihi intulisti, quia insimul eodem ubere matris lactati sumus. Sic ille Cosacus mortis laqueos jam paratos evasit et suis diffidens, ad nostros Polonos profugus secretum spectri illius, quod ictus Polonorum irritos reddebat et summopere nocebat, propalasse narratur. Atque sic adhibitibus benedictionibus innuus ille cadaver portans pro corpore humano ferro visibili inperius in conflictu succubuisse sive evanuisse creditur. Haec si pro rei veritate non subsistunt (apud Cosacos enim praestigia locum habent) pro exhilaratione tamen legentium sufficiant. Hoc tamen observatione dignum, quod loca illa, quae idem Buniak possederat, lemures infecta ac inhabitabilia ad praesens dicantur ¹⁾.

¹⁾ Annales revol. regni Poloniae et rerum notabilium civitatis Leoburgicae

По свидѣтельству Костомарова, «между Кременцемъ и Дубномъ, близъ мѣстечка Вербы, показываюгъ курганъ, гдѣ будто-бы погребень Бунякъ» ¹⁾).

Третье преданіе о Бунякѣ связано съ урочищемъ «Настина Могила» (около мѣстечка Мирополя Новоградволинскаго уѣзда). Жилъ тутъ въ давнюю пору «поганый Буняка, ворожитъ татаринъ». Взялъ себѣ этотъ Буняка «за жінку Настю, тутешню таки дівку, чи молодицю». Настя, увидѣвъ, что у ея сожителя «печінкі на версі» и догадавшись кромѣ того, «що то він не аби з ким знається», тайкомъ убѣжала отъ Буняка. Тотъ догналъ ее и сталъ уговаривать вернуться. Настя отказалась и поплатилась за это жизнью. «Ота ж сама Настя сказала була, щоб на її кошть поставили у степу корчму. То от, де її вбито, висипали могилу, такъ вона й зветься Настина могила, а на шляху за Миропільямъ постановили корчму,—вона й тепер стоить і теж зветься Настиною» ²⁾).

Четвертое преданіе, сохранившееся въ Галиціи, рассказываетъ о

ab anno 1614 usque ad 1700. Приведенный отрывокъ включенъ г. *Петрушевичемъ* въ его «Сводную Галицко-Русскую летопись», стр. 320—321 (Литературный Сборникъ, издаваемый Галицко-русскою Матицею, 1872—1873 г.). На основаніи хроникі Юсефовича преданіе пересказано *Этцелемъ* (*Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Kosaken*, 1796, 155) и *Костомаровымъ* (Богданъ Хмельницкій, изд. 3, I, 180—Монографія, т. IX).—Г. *Кузьмичевскій* (op. cit. 249—250) передаетъ этотъ же рассказъ по польскому переводу хроникі Юсефовича. Ср. еще *Bibliot. Ossol.* 1844, t. XI, str. 190—191. Хроника упоминаетъ о могилахъ (*multi et magni acervi cadaveritii. vulgo Mogily... sylvis cooperti*) насыпанныхъ Бунякомъ. Подобное же преданіе записано въ Луцкомъ уѣздѣ, причѣмъ имя «Бунякъ» получаетъ собирательное значеніе. «Происхожденіе кургановъ приписываютъ какому-то воинству, подъ названіемъ „Бунякъ“, которое прошло всю вселенную и на мѣстахъ своего отдыха дѣлало курганы, насыпая при этомъ землю своими башмаками». (*Чубинскій*, Труды этнограф. экспедиціи въ Западно-русскій край, т. I, стр. 39).

¹⁾ I. с.

²⁾ *Дригомановъ*, op. с., 225—226. Изображеніе чудовищнаго Буняка съ торчащими свади внутренностями напоминаетъ распространенное представленіе черта. По русскому повѣрью, чтобы узнать черта, принявшаго видъ человѣка. «нужно заглянуть ему за спину: спины у него нѣтъ, и внутренности лежатъ наружу въ грудномъ ящикѣ, какъ въ корытѣ». (Этногр. Сборникъ, вып. VI, стр. 143, въ ст. *Потанина*: Юго-Западная часть Томской губерніи)—Въ одной изъ легендъ, занесенныхъ въ *Dialogus Miraculorum* (III, 6), дьяволъ самъ признается: *Licet corpora humana nobis assumamus, dorsa tamen non habemus* *Es ist hierbei,—замѣчаетъ Roskoff,—an die Frau Welt und die nordischen Waldroen, welche hinten wie ein hohler Baum oder ein Ba ktrog anzusehen sind, erinnert worden.* (*Geschichte des Teufels*, I, 319).

разрушеніи Бунякова замка. Шелудивый Бунякъ поселился со своею дружиной въ укрѣпленномъ мѣстѣ, гдѣ собралъ много награбленнаго добра, драгоценныхъ тканей, золотыхъ и серебрянныхъ вещей, денегъ. Разъ мимо этого замка проходили музыканты. Бунякъ приказалъ ихъ позвать. Началась пирушка. Когда шелудивый, его приближенные и прислуга перепились, музыканты забрали все, что могли унести, вставили въ бочки съ порохомъ зажженные свѣчи и ушли. Спустя нѣкоторое время, когда скоморохи были уже далеко, раздался страшный ударъ: замокъ Буняка взлетѣлъ на воздухъ; подъ его развалинами погибли всѣ тамъ бывшіе, кромѣ самого Буняка. На золотой колесницѣ онъ отправился въ Угрію, но на границѣ коляска задѣла за дерево, опрокинулась и вросла въ землю. Говорятъ, что и самъ Бунякъ вросъ вмѣстѣ съ колесницей ¹⁾.

Пятое галицкое преданіе связываетъ имя Буняка съ именемъ «Царицы Елены». Г. Петрушевичъ указываетъ надпись въ церкви Плесницко-Подгорецкаго монастыря, основанную на этомъ преданіи. Надпись гласитъ: «1180 року гони *Батый* Елену княжну, яже и церковь сію въ то время сооружи» ²⁾. Народное преданіе замѣняетъ Батю Бунякомъ. Царица Елена объявила что выйдетъ за мужъ за того, кто отгадаетъ, что за животное сидитъ у нея въ банкѣ. Шелудивый Бунякъ съ длинными вѣками отгадываетъ, что

¹⁾ Jeden Szeludywy Buniak na złotój kolesnicy ujechał na Węgry, a i ta na granicy uderzyła o buk, zapadła i wrosła; dodają niektórzy, że sam szeludywy Buniak wrósł razem z kolesnicą (Biblioteka Ossolińskich, t. VI, 1843, str. 164—165). Вотъ еще нѣсколько разказовъ о гибели Буняка. W Samborze opowiadają, że Buniakowi idącemu przez kładkę, baba wróżka piorąca chusty narzécie. toporom głowę odcięła, a wtedy po wstrząśnieniu kładki ześliznął się i upadł. W Rozdole opowiadają, że Buniaka zabili dwaj bracia bliźnięta i pierwaki synowie wróżki, gdy się kąpał w łaźni. W Pomorzaniach opowiadają, że gdy się Buniak oparł o morze, wystąpił przeciw niemu Aleksander wielki, człowiek z ogromnym zwierciadłem, gdzie gdy ujrzał sam siebie Buniak, w ziemię się zapadł. W Narajowie opowiadają, że Buniaka zaprosił do córki wyłożonej zwierciadłami na nabożeństwo przemądry Salamon, tu zaś lżył go najsmotrotniej, poki ow w gniewie nie rozkazał sobie podjąć powiek, ale zobaczywszy sam siebie w zwierciadłach, w ziemię się zapadł. (Op. cit. 1844, t. XI str. 183—184).

²⁾ Сводная галицко-русская летопись, стр. 223—224, 321—322. По замѣчанію г. Петрушевича, это преданіе приурочивается и къ другимъ урочищамъ, «Народъ нашъ... спрошенъ при всѣхъ большихъ русскихъ городищахъ, кто бы разрушилъ тѣ города, всегда тоже толкуеть, что ихъ построила св. Елена царица, вмѣстѣ съ великолѣпнымъ св. храмамъ, но Шелудивый Бунякъ, гоняся за нею, разорилъ ихъ своимъ страшивымъ взоромъ, когда ему только дружина его желѣзнымъ вилами подняла долговолосыя брови».

въ банкѣ—блоха, откормленная до необычайныхъ размѣровъ. Не желая выйдти за чудовищнаго жениха, Елена пускается въ стѣгство. Ее сопровождаетъ небольшая дружина. Около города Плесниска Елена и ея друженники остановилась и устроили окопы. Въ это время проходилъ около Плесниска польскій королевичъ съ большимъ войскомъ. Елена соглашается отдать ему руку, если онъ защититъ ее отъ Буняка. Подходить Бунякъ. Получивъ отъ Елены отказъ, онъ проклинаетъ ее и королевича. «Ты царица, со своимъ дворцомъ, казною и людьми провалишься; разъ только въ годъ, въ ночь передъ Пасхой, и то на минутку только, ты будешь выходить на верхъ земли съ твоей пышностью и богатствами. Ты же, королевичъ, провалишься со всѣмъ твоимъ войскомъ и будешь терпѣть кару. Когда же Польша погибнетъ, тогда каждый годъ будетъ въ пасхальную ночь открываться ходъ въ твое жилище, и кто будетъ такъ счастливъ, что въ эту минуту войдетъ и на твой вопросъ: пора ли уже? отвѣтитъ: «уже пора для тебя», тотъ станетъ твоимъ избавителемъ. Тогда ты выйдешь съ твоимъ войскомъ и отобьешь отъ враговъ твое королевство». Проклятiе Буняка исполнилось: царица, ея дружина, дворецъ, казна, а также и королевичъ съ войскомъ провалились въ землю»¹⁾.

Къ этимъ преданiямъ примыкаютъ и указанные выше рассказы о Бунякѣ и князѣ Романѣ. Помнили страшнаго Буняка; помнили и грознаго Романа, «имъ же половци дѣти стращаху». Эти два ряда воспоминанiй шли на встрѣчу одинъ другому. Когда приходилось говорить о набѣгѣ «поганныхъ», невольно подвертывалось имя шелудиваго Буняка; когда нужно было рассказать объ отраженiи и гибели степняковъ, изъ памяти выдвигался образъ князя Романа, который «устремилъся бяше на поганья, яко и левъ... и прехожаше землю ихъ, яко и орелъ». Получался такимъ образомъ образчикъ своеобразнаго поэтическаго синтеза, въ которомъ сливались во-едино явленiя разновременныя, но по существу однородныя.

2) Пѣсня, соединенная съ игрой «Воротарь», принадлежитъ къ отдѣлу веснянокъ²⁾. Ходъ игры такой: участвующiе раздѣляются

¹⁾ Пересказъ и обстоятельный разборъ этого преданiя см. въ указанномъ послѣдованiи г. Кузьмичевскаю (стр. 691—713, 233—244). Запись преданiя помѣщена въ сборникъ С. Баронча: *Wajki, fraszki, podania, przyslowia i pieśni na Rusi* (Львовъ, 1886), стр. 76—80. Было бы очень важно имѣть другую запись этого преданiя, особенно второй его части (предсказанiе Буняка).

²⁾ Текстъ пѣсни и описанiе связанной съ нею игры см. въ сборникахъ *Головацкаю* (Нар. пѣсни Галицкой и Угорской Руси, ч. II, 695; ч. III, отд. 2, 159,

на двѣ партіи: одна изображаетъ стражу, стоящую у воротъ города, другая—отрядъ, подступающій къ городу. Въ рядахъ второй партіи, которая называетъ себя «людьми князя Романа», находится ребенокъ: сидитъ онъ на золотомъ креслѣ, одѣтъ дорогимъ аксамитомъ,

165, 175), *Чубинскаю* (Труды Экспед. въ Западно-русскій край т. III, 38—41), *Кольбера* (Рокисіе, I, 173, 181, 186), *Антоновича* и *Драгоманова* (Историч. пѣсни малор. народа, I, 38—42), *Шейковскаю* (Быть подолянъ, I, 1, стр. 27). Объясненія пѣсни даютъ гг. Антоновичъ и Драгомановъ, Костомаровъ и Штебня. Издатели «Историческихъ пѣсенъ малор. народа» замѣчаютъ: „Слова этихъ игровыхъ пѣсенъ — разговоръ двухъ хоровъ, изъ которыхъ одинъ, представляется, сидитъ въ городѣ, а другой проситъ привратника... пустить въ городъ. Этотъ второй хоръ *несетъ дань*; дань эта теперь, сообразно обычаямъ игры, дѣтя, но въ варьянтахъ... упоминается обычная дань старой Руси—медь. Замѣчательно, что во всѣхъ приведенныхъ варьянтахъ изъ Подлясіи... князь называется Романомъ. Должно думать, что князь Романъ называется въ подляскихъ пѣсняхъ не случайно и что пѣсни эти относятся къ Роману Мстиславичу Галицкому. Дѣтские пѣсенъ нашихъ должны быть древніе обитатели Подлясіи—Ятвяги, въ землѣ которыхъ Романъ владелъ городами, входы въ которые должны были крѣпко оберегаться воротарями; часть Ятвяговъ была у Романа въ подданствѣ и платилъ ему дань“ (41—42). Указаніе на скрытое въ пѣснѣ воспоминаніе о Галицкомъ князѣ представляется мнѣ несомнѣннымъ, но съ подробностями объясненія согласиться не могу. Дѣтя въ рассматриваемой пѣснѣ—существенный и основной образъ, около котораго вращается все содержаніе пѣсни во всѣхъ ея варьянтахъ; такой образъ не могъ явиться случайною приставкой, позднѣйшею замѣной какихъ-то другихъ подробностей. Допустимъ однако приставку. Предполагается, что пѣсня говоритъ о принесѣ дани. Примѣсь къ такой пѣснѣ упоминанія о дѣтяти является необъяснимою. О дани дѣтскими едва ли можетъ быть рѣчь; образъ приносимаго ребенка не могъ представлять никакой аналогіи съ рассказомъ о дани. Если же однако образъ этотъ въ пѣснѣ есть, и притомъ въ значеніи существенной подробности, то остается допустить, что основное содержаніе пѣсни—не рассказъ о дани. Присматриваясь къ пѣснѣ, мы найдемъ этому подтвержденіе. Несущіе ребенка называютъ себя людьми князя Романа. Что значить это наименованіе? Могли ли быть названы такъ представители чужаго, враждебнаго, хотя бы и принужденнаго платить дань, племени, такого племени, какъ ятвяга? Варьянты пѣсни выводятъ насъ изъ недоумѣнія: выраженіе: люди „князя Романа“ чередуется съ другими: „князеві служенькі“, „паньцькіе служеньки“, „царсьяпн служечки“, „пана государа“, „царя Александра“. Ясно, что несущіе ребенка — не данники, а слуги князя, его дружина, а слѣдовательно, и пышно одѣтый ребенокъ („паньськое дѣтятко“, „гетманьское дѣтя“), находящійся среди дружинниковъ, тоже не чужой Роману. Да и нужно ли было упоминать о необыкновенной роскоши, окружающей дѣтя (одежда изъ аксамита, золотое кресло и т. п.), еслибы рѣчь шла о принесеніи дани?—*Костомаровъ*, не находя убѣдительнымъ приведенныя выше соображенія издателей «Историческихъ пѣсенъ», вовсе отказывается отъ примѣненія исторической экзегезы къ рассматриваемой пѣснѣ. По его мнѣнію, пѣсня о воротарѣ имѣетъ мифологическій смыслъ: ребенокъ „вѣроятно означалъ символическое изображеніе наступающаго земледѣльческаго

играет золотымъ яблокомъ. Между стражей и подступающею къ городу дружиной идутъ переговоры, оканчивающіеся тѣмъ, что стража переходитъ на сторону «Романовыхъ людей» и открываетъ городскія ворота (изображаемыя скрученнымъ платкомъ, за концы

года, считавшагося съ весны. образъ, замѣчаемый во многихъ миеологіяхъ“. (*Вѣстн. Евр.* 1874, № 12, 590. Ср. *Бесѣда* 1872 г., IV, 65, V, 80 въ ст. «Историч. знач. ю.-р. пѣс. творчества»). Вопросъ о князѣ Романѣ и его людяхъ остается такимъ образомъ открытымъ.—Пр. *Потебня* не отрицаетъ присутствіи въ пѣснѣ о Воротарѣ историческихъ воспоминаній, но не придаетъ имъ существеннаго значенія: «Мнѣ кажется», говоритъ онъ,—«что въ малороссійской пѣснѣ могло сохраниться имя русскаго князя XII вѣка, но что для объясненія самой игры эта черта не существенна. Важнѣе именно тѣ черты малороссійской игры, которыя допускаютъ, по видимому, миеологическое объясненіе. (Объясненіе малороссійскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень, 56). Нельзя согласиться съ этимъ мнѣніемъ, которое ни въ его сущности, ни въ его примѣненіи къ рассматриваемой пѣснѣ не имѣетъ достаточныхъ основаній. Миеологическій анализъ символическихъ образовъ, входящихъ въ составъ народныхъ пѣсень, также необходимъ, какъ необходимъ этимологическій анализъ словъ и формъ нашего языка. Но на миеологическомъ только анализѣ поэтическихъ образовъ остановиться нельзя, также какъ при изученіи литературнаго текста нельзя ограничиться справками съ корнесловомъ. Безавѣтная преданность миеологической этимологіи въ примѣненіи къ объясненію народнаго эпоса можетъ привести къ самымъ страннымъ натяжкамъ и несообразностямъ. Такихъ натяжекъ не чуждо и объясненіе пѣсни о Воротарѣ, предложенное г. Потебней. 1) Пѣсня о Воротарѣ говоритъ о ребенкѣ, о малюткѣ, котораго носятъ, который играетъ серебряными орѣшками и золотымъ яблочкомъ. Для миеологической экзегезы такой возрастъ неудобенъ, такъ какъ „заключая отъ другихъ весеннихъ игръ, можно ожидать, что и здѣсь миеологическія черты, буде они есть, приурочены къ сватанью и браку“—нужна взрослая дѣвица. Предполагается повтому, что въ рассматриваемой игрѣ „дѣтя“ понималось какъ малый ребенокъ, „можетъ быть подъ вліяніемъ какъ самаго слова, такъ и другой игры «смость», въ которой по рукамъ, сложеннымъ въ видѣ моста, дѣйствительно ходитъ маленькая дѣвочка, потому ли, что если дать эту роль взрослой, то игра изъ эстетической превратится въ гимнастическую, или, что менѣе вѣроятно, по требованію лежащаго въ основаніи мива“ (57—58). Такимъ образомъ дѣтскій возрастъ пѣсеннаго «дѣтяти» оказывается совершенною случайностью, вызванною чуть ли не гимнастическими соображеніями. 2) Въ игрѣ, сопровождающей пѣсню о Воротарѣ, дѣти—обыкновенно мальчикъ: «двѣ дѣвушки берутся за руки, на руки имъ садится мальчикъ» (*Чубинскій*, ор. с. 38. Ср. *Шейковскій*, *Быть* подолянь, I, 27); въ вариантахъ пѣсни упоминается впрочемъ и „мивильночка дочка“ или «смолада дівонька». Для миеологическаго объясненія нужна дѣвушка, образъ которой и признается порвоначальнымъ. Но при этомъ возникаетъ недоумѣніе: замѣна мальчика дѣвочкой легко объясняется литературною аналогіей, на которую указываетъ самъ г. Потебня, говоря о вліяніи на Воротаря игры «смость», въ которой по рукамъ, сложеннымъ въ видѣ моста, дѣйствительно ходитъ маленькая дѣвочка». (Ср. вариантъ у *Головацкаго*, II, 694—696, гдѣ смѣшеніе пѣсень

котораго держатся двое изъ участвующихъ). «Дитя», охраняемое преданною ему дружиной, вступаетъ въ городъ. Въ пѣсенную форму облечены переговоры двухъ сторонъ:

1. Володарь (=Воротарь), Володарку, отчини ворота!
2. Чого хочете, чого клинете?

выступаетъ ясно). Обратное явленіе, то-есть, предполагаемое замѣщеніе дѣвочки мальчикомъ остается неяснымъ. 3) Дѣвица въ пѣснѣ о Воротарѣ кажется мнѣ не нужно даже и въ томъ случаѣ, если держаться только того способа объясненія, какой предлагается г. Потебней. Сказавъ, что имя Романа—черта не существенная, г. Потебня продолжаетъ: «Въ *сходной* сербской игрѣ говорится не о людяхъ князя Романа, а о войскѣ Стефана бана изъ Цареграда». Эта пѣсня о банѣ Стефанѣ рассмотрѣна пр. Потебней въ § 2 той же главы о веснянкахъ, гдѣ рѣчь идетъ о Воротарѣ (§ 3), при чемъ сербская пѣсня сопоставляется съ такими русскими «играми», какъ Сѣяніе проса, Царевъ сынъ, Король. Въ этихъ пѣсняхъ одна сторона, мужская, грозитъ взять дѣвицу силой; другая, женская, сторона принуждена «отворить ворота» (48). Правда, въ пѣснѣ о банѣ Степанѣ «не молодецъ, а дѣвица требуетъ: отвори врата...», но «здѣсь, по замѣчанію г. Потебни, можно предположить такое же смѣшеніе ролей, какъ въ сѣяніи проса» (51). Если такое соображеніе примѣнимо къ сербской пѣснѣ, отчего же нельзя примѣнить его къ *сходной* русской игрѣ о Воротарѣ? Отчего нужно предполагать и настаивать, что въ Воротарѣ подступающая къ городу сторона женская? Вѣроятно, упоминаніе о какой-то платѣ, о какомъ-то подаркѣ, который приносятъ подступающіе къ городу: «що за даръ дасте?—Срѣбло та золото». Но эта плата вполне совпадаетъ съ тѣмъ выкупомъ коней, о которомъ упоминается въ пѣснѣ: Сѣянье проса: «а мы дадимъ сто рублей, сто рублей». Самъ же г. Потебня вполне убѣдительно доказалъ, что это предложеніе платы идетъ отъ мужской, подступающей стороны, при чемъ пѣсня должна оканчиваться вступленіемъ молодецвъ въ станъ сѣятельницъ проса (*ibid.*, 39—45). 4) Общее заключеніе г. Потебни о первоначальномъ смыслѣ игры и пѣсни о Воротарѣ такое: „Первоначальная сцена здѣсь не земли, а небо. Ворота—сутъ небесныя ворота, въ которыхъ восходитъ и заходитъ солнце и другія свѣтила. Ихъ отпираетъ и запираетъ, отмыкаетъ ключами и замыкаетъ *заря* (а можетъ быть, и мужескій образъ того же явленія), выпуская при этомъ *росу*, отождествляемую по одному возвращенію съ *ключами* зары, по другому—съ *медомъ*“ (93). Что даетъ такое объясненіе? Да и гдѣ въ пѣснѣ черты, соответствующія *выпусканію* зарей росы или меда? 5) Г. Потебня допускаетъ, какъ мы видѣли, вліяніе историческихъ воспоминаній о кн. Романѣ на пѣсню о Воротарѣ, но эта черта кажется ему не существенною (56). Нѣсколько далѣе, въ той же главѣ своего труда, онъ говоритъ между прочимъ о бѣлорусской пѣснѣ, въ которой передается причтаніе дѣвушки: „Абрусы маі шавковые, а ци горы вами высцѣлаці?“ и т. д. Эти выраженія напоминаютъ извѣстную пѣсню царевны Ксеніи (въ сборникѣ Джемса): „А свѣты бранни убрусы, береза ли вами крутити?“ и проч. «Этотъ мотивъ, какъ плачь самой невѣсты... по горячимъ слѣдамъ событій примѣненъ къ положенію и вложенъ въ уста Ксеніи Борисовны Годуновой» (73). Можно ли сказать, что это примѣненіе «по горячимъ слѣдамъ событій», это историческое приуроченіе обрядоваго дѣвичьяго причтанія въ пѣснѣ о Ксеніи—черта не су-

1. Пускайте в город, пускайте в город.
2. А що-ж за людзі, а що-ж за людзі?
1. Кнѣзя Романа, нашего пана!
2. Нїт ёго в дома, нїт ёго в дома.
1. А де поїхав, а де поїхав?
2. До Львова на торг, до Львова на торг.

щественная? Конечно, г. Потебня этого не сказал бы, потому что при всем сходстве обрядового и былевого плача только сопоставление пѣсни Ксенія съ историческими о ней извѣстіями можетъ объяснить и нѣкоторыя частныя подробности произведенія (Гришка Отрепьевъ Разстрига... полонивъ меня хочеть *постричи*), и художественную предельность цѣлаго. Пѣсня составлена *послѣ* постриженія, *послѣ* встрѣчи съ самозванцемъ, *послѣ* отпращиванія царевны „въ дальнюю пустыню“, но пѣсня не рассказываетъ всѣхъ этихъ фактовъ; неизвѣстный поэтъ, слагавшій пѣсню, ставитъ себя иную задачу: онъ пытается представить, какъ движеніе грозныхъ историческихъ событій должно было отразиться въ зеркалѣ наивнаго чувства „малой птички“, застигнутой политической бурей, онъ рисуетъ намъ настроеніе Ксенія передъ наступленіемъ страшной грозы, при чемъ ргг антисіраціономъ упоминается и постриженіе, и ссылка; грядущее точно бросаетъ тѣнь на этотъ чистый и кроткій образъ, выступающій въ пѣснѣ. Пѣсня о Воротарѣ, какъ и пѣсня о Ксеніи, представляетъ сляніе элементовъ обрядовой пѣсни (весенней игры) и исторической были. Я вспоминаю при этомъ превосходное замѣчаніе профессора Потебни по поводу того мѣста Слова о П. Иг., гдѣ рѣчь идетъ о Всеславѣ Полоцкомъ («вѣрже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ люблю... скопчи къ граду Къеву и дотѣчеса стружпемъ злата стола Къевскаго»), «Вс. Миллеръ замѣчаетъ, что Всеславъ напоминаетъ здѣсь тѣхъ сказочныхъ богатырей, которые добываютъ руку царевны, сидящей на башнѣ удалимъ скачкомъ коня. Раздѣляя это мнѣніе, замѣчу....., что *дѣвица* можетъ имѣть здѣсь символическое значеніе *города, волости*. Все это могло быть приурочено ко Всеславу подъ влияніемъ величальныхъ пѣсней уже примѣненныхъ къ этому князю. плн же—общихъ. Обыченъ мотивъ величаній молодца въ колядкахъ: X добываетъ городъ и не мирится ни на какомъ выкупѣ, предлагаемомъ горожанами, кромѣ дѣвицы... Любою Всеславу дѣвицей можетъ быть Новгородъ, Кіевъ» (Сл. о П. Иг., 121—122; ср. *Оломовскій*, Сл. о П. Иг., 107). Это замѣчаніе проливаетъ свѣтъ и на пѣсню о Воротарѣ, которая могла сложиться также, какъ предполагаемая пѣсня о Всеславѣ. Существовала весенняя игра, подобная извѣстнымъ и теперь игровымъ пѣснямъ: мр. „король“ (*Чубинскій*, III, 42—46). вр. «княжіи сынъ» (*Сазаровъ*, Сказ., I, кн. 3, 37), пѣсня, стоящая въ связи съ символическими изображеніями брака. Позже пѣсня эта, говорившая о приближеніи къ городу какой-то дружины, была примѣнена *mutatis mutandis* къ опредѣленной исторической былѣ. Важнѣйшее *mutatum*—изображеніе ребенка, находящагося въ рядахъ дружины. Это черта, подсказанная конечно, не древнею игрою, а условіями ея историческаго приуроченія. Сляніе историческихъ воспомнаній и подробностей былевого эпоса съ народными играми—явленіе, указанное въ нѣсколькихъ примѣрахъ. (*Антоновичъ* и *Драгомановъ*, I, с. Ср. *Дашкевичъ*, Былны объ Алешѣ Поповичѣ, 56, примѣч.; *Миллеръ*, *Илья Мур.*, 328, прим. 2).—Въ недавнее время коснулся пѣсни о Воротарѣ г. Лопаревъ въ одномъ изъ примѣчаній къ изданному имъ тексту „Слова

1. Коли поїхав, коли поїхав?
2. Вчора з вечора, вчора з вечора.
1. Коли приїде, коли приїде?
2. Завтра к обідю, завтра к обідю.
1. Що за дар дасте, що за дар дасте?
2. Мізіне дзецко, мізіне дзецко.
1. А в чім те дзецко, а в чім те дзецко?
2. У срібру, в золоті, в ткацькій роботі.

(Историч. пісні ю.-р. народа, I, 38—39).

о погибели Руския Земли". Почтенный издатель „Слова“ возвращается к предположению о посольствѣ съ данью, какъ былевой основѣ „Воротаря“. Въ „Словѣ о погибели“ говорится, что древнимъ русскимъ князьямъ „Половци дѣти своя ношаху в колыбѣли“. Г. Лопаревъ припоминаетъ для объясненія этого извѣстія лѣтописную замѣтку, помѣщенную подъ 1256 годомъ: «Ятвязи се послаша послы своя и дѣти своя и дань даша, и обещавхуся работѣ быти ему и города рубити в землѣ своей (П. С. Р. Л. II, 194). О Романѣ Галицкомъ лѣтопись говоритъ, что онъ «ревноваше дѣду своему Мономаху, погубившему поганыхъ замалдѣтны, рекомыхъ Половци». Сопоставленіе этихъ извѣстій съ пѣсней о Воротарѣ приводитъ г. Лопарева къ такимъ соображеніямъ: „Если Половцы, подобно Ятвягамъ, приносили дань Владиміру (Роману) *въ видѣ дѣтей*, то объясненіе этого можно найти въ пѣснѣ и игрѣ „Воротарь“. Одинъ хоръ съ *ребенкомъ* (вариантъ: съ медомъ) *въ видѣ дани* подходитъ къ другому и проситъ пропустить въ городъ къ Роману, называя себя княжими слугами. Весьма вѣроятно,.... что это Половцы, принесшіе Роману дань въ видѣ ребенка въ знакъ покорности и называющіе себя поэтому княжими слугами“ (Памяти. др. письменности, № LXXXIV: Слово о погибели руския земли, стр. 22). Замѣчу прежде всего, что приведенныя г. Лопаревымъ свидѣтельства не даютъ еще права говорить о «дани въ видѣ дѣтей» или о «ребенкѣ въ видѣ дани». Лѣтописная замѣтка 1256 г. отдѣляетъ дѣтей отъ дани, упоминая о дѣтяхъ вмѣстѣ съ послами: „послаша послы своя и дѣти своя и дань даша“. Была отправлена дань, ее сопровождали послы и дѣти. Такъ какъ послы не были, конечно, отправлены „въ видѣ дани“, то нѣтъ достаточно яснаго основанія утверждать, что и дѣти, бывшіе при послахъ, назначались именпо для дани. Дѣти могли быть посланы или какъ заложники, или только какъ выразители усиленной просьбы, мольбы о пощади и мирѣ. Что касается свидѣтельства „Слова о погибели р. з.“, то самъ же г. Лопаревъ замѣчаетъ, что „можно вм. „ношаху“ (дѣти своя) читать и „страшаху“. Дѣйствительно, фраза Слова близко намъ напоминаетъ знакомое намъ замѣчаніе лѣтописи о Романѣ Мстиславичѣ: „имъ же Половци дѣти страшаху“. Подобныя же выраженія находимъ въ Сказаніи объ Александрѣ Невскомъ: „начаша жены Моавитьскыя полошати дѣти своя, ркуше: Александръ ѣдетъ“.—Допустимъ, однако, что дѣти Половцевъ или Ятвяговъ оставались у русскіихъ князей,—оставлялись хотя бы и не «въ видѣ дани», а какъ заложники. Можно ли въ пѣснѣ о Воротарѣ видѣть картину посольства, сопровождающаго какого-то малолѣтняго заложника? Интересъ пѣсни, какъ было уже замѣчено, сосредоточивается на изображеніи мальчика, окруженнаго людьми князя Романа Дитя одѣто «у срібру в золоті, или «в чорнім оксампті», посажено на «золотім креслі»; для игры у ребенка есть «золота дудочка», червоне

Или:

1. Вородарь, Вородаричку,
Очяни ворітечка!
2. Хто з за воріт кличе?
1. Царевні слуги.
2. А що ж він (?) вносять?
1. Мизине дитятко.
2. А в чім да наряджене?
1. У сріблі у златі.
2. А на чім да посажене?

ячко или „червоне яблучко“; для разръзванія яблочка есть „золотий ножик“; мальчикъ даритъ „золоті перстюнки“. Нѣкоторые пересказы вносятъ въ изображеніе дитяти даже фантастическія подробности: „на місяцю посажено, вірнами обгорожено“. Зачѣмъ нужно было останавливаться на этомъ великолѣпіи, окружающемъ ребенка, если пѣсня представляетъ воспомнаніе о прибытіи половецкаго заложника, а не отрывокъ величальной пѣсни въ честь какого-то князя? Въ величальныхъ пѣсняхъ такое именно изображеніе роскоши и блеска, какое находимъ въ пѣснѣ о Воротарѣ, дѣйствительно обычно. Припомнимъ колядки, гдѣ рисуется „господиновъ дворъ на седьми верстахъ, около двора желъзной тынь, на всякой же тычинкѣ по маковкѣ, на всякой же по крестнику, на всякомъ же крестнику по жемчужку“, рисуются „три терема златоверховаты: въ первомъ терему—красно солнце, въ другомъ терему—свѣтелъ мѣсяць, въ третьемъ терему—часты звѣзды“ и т. п. Припомнимъ еще epitheton „златъ“, которымъ постоянно сопровождается въ Словѣ о полку Игоревѣ наименование предметовъ княжескаго быта (златъ столъ, златъ стремень, златъ шеломъ, злато сѣдло, злато ожереліе). Стиль древнихъ величаній удерживается и въ пѣснѣ о Воротарѣ.—Выше было уже замѣчено, что Воротарь, какъ пѣсня игорная, родственна съ другими подобными же пѣснями: Царевъ сынъ, Король и т. п. Вотъ для примѣра отрывокъ пѣсни о царевичѣ:

Вовъ городѣ царевна, царевна,
Какъ за городомъ царевъ сынъ, царевъ сынъ,
Какъ по городу щеголяеть, щеголяеть,
Золотымъ перстнемъ сіяеть, сіяеть.
Отворяйтесь-ко, ворота, ворота,
Какъ царевъ сынъ вовъ городъ, вовъ городъ,
Поклонитесь-ко пониже, пониже,
Какъ еще тою пониже, пониже и т. д.

(Рибн. III, стр. 441).

Этотъ же образъ повторяется и въ Воротарѣ. Зачѣмъ было бы нужно говорить объ укрѣпленномъ городѣ, о воротахъ, охраняемыхъ, стражей, передавать переговоры подступающихъ къ городу со стражей, если бы смыслъ пѣсни сосредоточивался на изображеніи появленія пословъ побѣжденнаго народа, несчастныхъ данниковъ, являющихся съ заложникомъ ребенкомъ? Если остановиться на предположеніи о данн, то придется признать, что въ Воротарѣ какъ бы намѣренно собраны подробности, не выясняющія, а затемняющія основной смыслъ эпической были.

1. На золотім крислі.
2. А чим забавляється?
1. Золотим яблучком.
2. А чим покриває?
1. Золотим ножичком (ibid., 328—329).

1. Молода ворбтничка,
Отвори жь намъ ворбточка!
2. Що же намъ за панъ їде?
Що жь то намъ за даръ везе?
1. Дзелене дзерняточко,
Найкрашше дятяточко.

(Пісци Гал. Руся, III, 2, стр. 159).

Прочитаемъ теперь лѣтописный разсказъ о занятіи Галицкаго стола малолѣтнимъ Даниломъ Романовичемъ послѣ бѣгства въ Угры: «Свѣтъ же створиша Игоревичи на бояре Галичкыи, да избьютъ и по прилучаю избьени быша, уьено же бысть ихъ числомъ 500, а иніи разбѣгошася, Володиславъ же кормилчичь бѣжа во Угры, и Судиславъ, и Филипъ. Нандоша Данила во Угорьской землѣ дѣтська суца, и просиша у короля Угорьскаго: «дай намъ отпича Галичу Данила, ать съ нимъ примемъ и отъ Игоревичевъ». Король же съ великою любовью посла вся въ силѣ тяжцѣ, и великого дворьского Пота, поручивъ ему воеводство надо всеми вои... И совокупившися вси, первое придоша на градъ Перемышль, и пришедши Володиславу ко граду, и рече имъ: «Братье! Почто смущаетесь? Не сіи ли избина отци ваши и братью вашу, а инѣи и имѣніе ваше разграбиша, и дщери ваша даша за рабы ваша, а отъчествіи вашими владѣша иніи пришелцы? То за тѣхъ ли хочете дуню свою положити?» Они же сжалившися о бывшихъ, предаша градъ и князя ихъ Святослава яша. Оттуду же проидоша ко Звенигороду, Звенигородцемъ же люте борющимся имъ съ ними и не пуцающимъ ко граду, ни ко острожнымъ вратомъ, онѣмъ же стоящимъ окрестъ града»... Княживший въ Звенигородѣ Романъ Игоревичъ «изъиде изъ града, помози ища въ Рускыхъ князѣхъ... ять бысть Зернькомъ и Чюхомою и приведенъ бысть во станъ ко князю Данилови и ко всемъ княземъ и ко воеводамъ Угорьскимъ. И послаша ко гражаномъ, рекуще: «предайтеся, князь вашъ ять бысть», онѣмъ же не имущимъ вѣры, донелѣ же извѣстно бысть имъ, и предашася Звенигородци. Оттуду же поидоша къ Галичу, и Володимеръ бѣжа изъ Галича и сынъ его Изяславъ... Тогда же... вси бояре Володимерьстїи и Галичкыи и воеводы Угорьскыи посадиша князя Данила

на столѣ отца своего великаго князя Романа во церкви святыхъ Богородица Приснодѣвица Марья» (П. С. Р. Л., II, 158—159).

Сходство этого лѣтописнаго разсказа съ приведенною выше пѣсней «Воротарь» такъ велико, что пѣсня и игра кажутся просто повтореніемъ того, что говорится въ лѣтописи. Въ пѣснѣ и лѣтописи тѣ же лица и тѣ же положенія: люди князя Романа (Володиславъ и др.) съ «маленькимъ дитятей», права котораго они защищаютъ (то-есть, съ княземъ Даниломъ Романовичемъ), подступаютъ къ укрѣпленному городу (Перемышль, Звенигородъ) и вступаютъ въ переговоры съ гражданами (пришедшию Володиславу ко граду и рече имъ...; и послаша ко гражданамъ рекуше...); городъ сдается (предаша градъ...; предашася Звенигородъци). Я говорю объ очевидности сходства, имѣя въ виду игорный характеръ пѣсни о Воротарѣ. Въ пѣснѣ былевой, не соединенной съ «дѣйствомъ», чисто-литературное развитіе эпической темы можетъ существенно измѣнить составъ древней были, послужившей первоначальною основой пѣсни. Не то въ пѣсняхъ обрядовыхъ и игорныхъ. Здѣсь нужно было не распространеніе, а возможно сжатое выраженіе основнаго содержанія пѣсни. Устойчивость этого содержанія находилась подъ охраной «дѣйства». Конечно, и пѣсня связанная съ игрой, не можетъ считаться застрахованною отъ измѣненій: въ нѣкоторыхъ пересказахъ «Воротаря» очевидна примѣсь изъ другихъ игръ и пѣсней (Пѣсни Гал. Руси, II, 694—696; Историч. пѣсни ю.-р. нар. I, 42, 329). Но и при этихъ измѣненіяхъ общій ходъ игры и основныя поэтическія формулы остаются одинаковыми во всѣхъ вариантахъ.

Соединеніе пѣсни о появленіи въ Галичѣ Романова сына съ народною игрой и сохраненіе этой былевой игры въ рядѣ поколѣній—явленіе любопытное, объясненія котораго слѣдуетъ искать въ содержаніи пѣсни и въ судьбѣ ея героя. Велпчальныхъ пѣсней въ честь князей слагалось, конечно, много, но на долгъ этихъ пѣсней рѣдко выпадала долгая жизнь. Большею частью онѣ также легко забывались, какъ быстро складывались. Такой печальной судьбы могли избѣжать только тѣ пѣсни, которыя представляли почему-нибудь особую занимательность. А такой именно не заурядною пѣснью и была пѣсня объ юномъ Данилѣ. Ребенокъ, окруженный военнымъ отрядомъ, присутствующій при осадахъ и битвахъ, вступающій въ городъ какъ побѣдитель и князь, представлялъ такого необыкновеннаго пѣсеннаго героя, который возбуждалъ невольный интересъ. Въ пѣснѣ, разсказывавшей о такомъ героѣ, было что-то сказочное, вызывавшее въ памяти образы дѣтей, которыя растутъ не по днямъ,

а по часамъ, выказываютъ рановременную мудрость и т. п. Успѣхъ и живучесть пѣсни были такимъ образомъ обезпечены. Припомнимъ еще, что ребенокъ, о которомъ говорила пѣсня, сталъ потомъ знаменитымъ «королемъ» Даниломъ, котораго величали въ «славныхъ пѣсняхъ», какъ наслѣдника подвиговъ и славы своего отца. Въ эти годы силы и величія Данила и онъ самъ, и его современники нерѣдко, конечно, вспоминали, какъ онъ еще ребенкомъ появился въ Галичѣ во главѣ вооруженной дружины и занялъ княжескій столъ. Эта первая удача казалась предвѣстницей будущей славы, прекраснымъ прологомъ торжественной пьесы. Сравненіе предвѣщанія съ исполненіемъ, того, что было, съ тѣмъ, что стало, придавало воспоминаніямъ о дѣтствѣ Данила особый смыслъ и значеніе, и увеличивало сумму тѣхъ благопріятныхъ условій, которыя окружали пѣсню о Романовомъ сынѣ. Эпическій ростокъ нашелъ себѣ хорошую почву, пустилъ корни, которые обезпечили ему долгую жизнь.

Отпрыски этихъ корней мы найдемъ далеко на сѣверѣ, въ былевыхъ пѣсняхъ, сохранившихся въ Обонежѣ и въ Двинской землѣ.

III.

Великорусскихъ былинъ, въ которыхъ выступаетъ князь Романъ, три:

1) былина о набѣгѣ на владѣнія Романа двухъ племянниковъ короля Литовскаго (Рыбниковъ, I, № 73, 74, 75; III, № 51, IV, № 17; Гильфердингъ, № 12, 42, 61, 71; *Тихомировъ* и *Миллеръ*, № 69; Записки восточно-сибирск. отдѣла географ. общества, т. I, вып. 3, стр. 303—307).

2) былина о похищеніи жены князя Романа Марьи Юрьевны (Кирѣевскій, V, стр. 92—96 и 96—99)¹⁾;

3) пѣсня о томъ, какъ «князь Романъ жену терялъ» (Кирѣевскій, V, 100—102, 102—104, 104—105, 106—108, 108—111, 111—112)²⁾.

¹⁾ Оба пересказа записаны г. *Максимовымъ* въ Архангельской губерніи. Изданы были первоначально въ сборникахъ *П. Якушкина*: а) Русскія народныя пѣсни, собр. *П. И. Якушкинымъ*, съ предисл. *Буслаева* (*Лѣтописи р. литер. и древн.*, т. I), стр. 122—125 и 119—122; б) Русскія пѣсни, собр. *П. Якушкинымъ*, С.-Пб. 1860, стр. 62—66 и 66—68; в) Народныя русскія пѣсни изъ собранія *П. Якушкина*. С.-Пб. 1865. (Первые листы этого сборника, стр. 1—106. взяты изъ предшествующаго изданія 1860 г.). Въ сборникъ *Безсонова* („Пѣсни, собр. *Куртескимъ*“) пѣсни перепечатаны изъ послѣдняго сборника Якушкина.

²⁾ Пересказъ 4-й взятъ изъ Новиковскаго пѣсенника съ разнорѣчіями изъ пѣсенника Чулковскаго; пересказъ 5-й—изъ сборника *Бирши Данилова*; пере-

Первая изъ этихъ былинъ, о нападеніи королевскихъ племянниковъ, слагается изъ слѣдующихъ эпизодовъ:

а) Передъ Чимбаломъ, (=Чембаломъ, Чумбаломъ, Цимбаломъ, Чолпаномъ), королемъ Литовскимъ (=королемъ Политовскимъ да земли Польскіи), появляются два его племянника «два брата, два Ливика» (Рыбн., I, 73; Гильф., 42, 61), иначе: «два малыхъ два витвичка» (Гильф., 12) или «два витника—совитника» (Рыбн., I, 74; Гильф., 71), Левики королевичи (*Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 69). Королевичи просятъ позволенія отправиться въ походъ противъ князя Романа:

Ахъ, ты дядюшка нашъ, Чимбалъ король,
Чимбалъ, король земли Литовскія!
Дай-ка намъ силы сорокъ тысячъ,
Дай-ка намъ казны сто тысячей:
Поѣдемъ мы на святую Русь
Ко князю Роману Митріевичу на почетный пиръ.
(Рыбн., I, 73).

Иначе:

. . . не можемъ болѣ терпѣть славы великія
Про Московскаго князя Романа Дмитріевича,
Давай-ка намъ прощеньице-благословеньице,
Силу-войско, латниковъ-кольчужниковъ,
Силу-войско на добрыхъ коняхъ (ib. 74),

Пересказъ Гильф. № 12 соединяетъ Москву съ Золотою ордой.

Политовскій король да земли польскія!
Думаемъ мы думушку нуль крѣпкую,
Крѣпкую мы думу заединую,
Ѣхать намъ во матушку во каменну Москву,
Въ каменну Москву, да въ золоту орду.

Имени князя въ этомъ вариантѣ нѣтъ. Вмѣсто Романа выступаетъ «старый Никитушка Романовичъ» ¹⁾). Король не даетъ согласія:

сказъ 6-й—изъ „Русскихъ народныхъ пѣсней, собранныхъ въ Саратовской губерніи *А. Н. Мордовцевой* и *Н. И. Костомаровымъ*“ (*Дѣтск. р. лит. и драм.*, т. IV). Можно еще указать пересказъ въ сборникѣ *Суханова*: Древнія русскія стихотворенія, служащія въ дополненіе къ Киршъ Данилову. С.-Пб. 1840, № 2. Нѣмецкій переводъ далъ *Goetze*: Stimmen des russischen Volks in Liedern. 1828, № 55: „Князь Роман“. Вариантъ этой же пѣсни, но безъ имени князя, у *Рыбн.*, III, № 64, стр. 342—344.

¹⁾ Въ пересказѣ *Гильф.* № 42 королевскіе племянники просятъ позволенія „ѣхать на святую Русь, къ Роману Митріевичу на почетный пиръ“, но въ дальнѣйшемъ изложеніи вмѣсто Романа выступаетъ царь Иванъ Васильевичъ: „перепала тутъ вѣсточка нерадостная грозному царю Иванъ Васильевичу“ и т. д. Въ пересказѣ, записанномъ г. Истоминымъ (*Тих.* и *Милл.* 69), имя князя: Константинъ Дмитріичъ. Въ Сибирскомъ пересказѣ: „царь Елизаръ“.

Ай же вы, два брата, два ливика,
 Королевскихъ два племянника!
 Не дамъ я вамъ силы сорокъ тысячей
 И не дамъ прощеньца-благословеньца,
 Чтобы ѣхать вамъ на святую Русь,
 Ко князю Роману Мптріевичу на почестный пирь.
 Сколько я на Русь не ѣзживаль,
 А счастливъ съ Руси не выѣзживаль. (Рыбн., I, стр. 73).

Вмѣсто набѣга на владѣнія Романа король совѣтуетъ племянникамъ отправиться «во землю во Левонскую» (Рыбн., I, 73, 74) или «Лимоньскую» (Гильф., 71).

Побъжайте вы во землю во Левонскую
 Ко тому ко городу ко Красному,
 Ко тому селу-то ко Высокому:
 Тамъ молодцы по спальнымъ засыпалися,
 А добры кони по стойламъ застоилися,
 Цвѣтно платице по вышкамъ заложалося,
 Золота казна по погребамъ запасена.
 Тамъ получите удалыхъ добрыхъ молодець,
 Тамъ получите добрыхъ коней,
 Тамъ получите цвѣтно платице,
 Тамъ получите безсечету золоту казну (Рыбн., I, 73).

Въ другихъ пересказахъ вмѣсто Левонской земли упоминается Кіевъ (Рыбн., I, 75), Индія богатая—Корела проклятая (Гильф., 12), Золотая орда (*Тихонр.* и *Милл.* 69), или просто «чисто поле» (Гильф., 42). Въ пересказѣ Гильф., 61 совѣтъ короля опущенъ.

Въ пересказахъ Рыбн., I, 74, и Гильф., 12, 71 бесѣда короля съ племянниками соединяется съ рассказомъ о пирѣ: у короля было столованье

На своихъ-то на пановей,
 На пановей на улановей

Всѣ на пиру наѣдалися, всѣ на пиру напивалися, только два королевские племянника

Не пьютъ они, не кушаютъ,
 Бѣлой лебеди не рушаютъ,
 Новѣшены буйны головы
 Ниже плечъ своихъ могучихъ.

Король спрашиваетъ: отчего они не веселы. Оказывается, что они не могутъ «терпѣть славы великія» князя Романа Дмитріевича.

Упоминаемые въ этомъ рассказѣ «панове и уланове»змѣнились въ некоторыхъ пересказахъ въ названіе мѣстности: «на Паневѣ было на Улановѣ» (Рыбн., I, 73; III, 51; Гильф., 61).

б) Походъ въ землю Левонскую (=Индію богатую) былъ удаченъ:

Во землѣ во Левонской на бою имъ пришла Божья помочь:
 Тыи города они огнемъ сожгли,
 Какъ оттуда они погнали добрыхъ коней стады-стадомъ,
 Добрыхъ молодцовъ рядмы-рядомъ,
 А красныхъ дѣвушекъ, мосодыхъ молодухекъ
 Повели оттуль толпцами:
 Несчетной золотой казны
 Насыпали телги ордынскія.
 Красна золота, чиста серебра, скатна жемчуга.

(Рыбн., I, 74).

Или:

А поѣхали они да во Индѣюшку,
 А въ ту было Индѣю во богатую,
 А въ ту было Карелу во проклятую

Разорили тутъ Индѣю всю богатую
 Разорили всю Карелушку проклятую,

Изъ конца они въ конецъ да съ головней прошли
 (Гильф., 12).

Въ пересказѣ Рыбн., I, 75, и Гильф., 61, нѣтъ разсказа о походѣ въ Левонскую землю или Индію. Пересказъ Гильф., 42 замѣняетъ походъ повѣзкой въ чисто поле.

в) Предостереженіе короля пропало даромъ. Племянники его не отказались отъ рѣшенія напасть на владѣнія князя Романа. Послѣ побѣды въ землѣ Левонской

... Выѣхали два брата—два Ливика
 Во далечо-далече чисто поле,
 Развернули шатры полотняные,
 Начали ѣсть, пить, веселитися
 На той на великой на радости,
 Сами говорятъ таково слово:
 Не честь-хвала молодецкая
 Не съѣздитъ намъ на святую Русь
 Ко князю Роману Митріевичу на почетный ширъ

(Рыбн., I, 73).

Сказано—сдѣлано. Польскіе королевичи опустошили три села, принадлежавшія Роману ¹⁾, и взяли въ плѣнъ княгиню Настасью Митріевичну съ «младенцемъ двумѣсячнымъ (=трехмѣсячнымъ, трех-

¹⁾ Села называются Славское, Корочаево, Переяславское (Рыбн., I, 73); Ярославское, Переславское и Косы Улицы (Гильф., 12); Ярославское, Катеринградское, Косоульское (Гильф., 61). Въ переск. Рыбн., I, 74 и Гильф., 71 упоминаются четыре села: Славское, Переславское, Корачаево, Косоулицы (Рыбн.) Лягово, Коротяево, Карачаево и Косы Улицы (Гильф.). Въ пересказѣ Рыбн. I, 75 вмѣсто селъ называются улицы города Сребрянскаго: Березина, Крестовая, Красныя Лавицы.

лѣтнимъ). Княгиня называется то женой (Рыбн., I, 75), то сестрой (Рыбн., I, 74; Гильф., 61, 71), то племянницей (Гильф., 12) Романа.

Набѣгъ королевичей не встрѣтилъ отпора, потому что (какъ замѣчено въ нѣкоторыхъ пересказахъ) князя Романа не было въ то время дома:

И тая побѣда учинилася,
Дома князя не случилось (Рыбн., I, 75).

Или:

А въ ты поры было, въ то время
Князя Романа Митриевича при домѣ не случилось.
А былъ-то князь за утѣхою,
За утѣхою былъ во чистомъ полѣ (ib., 73).

г) Романъ узнаетъ о случившейся бѣдѣ:

А провѣдалъ тутъ же онъ побѣдушку (Гильф., 12).
Пережала тутъ вѣсточка нерадостна (ib., 42).

По большей части пересказовъ, эту вѣсточку нерадостну приносить Роману какая-нибудь птица (воронъ, голубъ и голубка, жаворонокъ)¹⁾.

А тутъ князь Романъ Митриевичъ
Скоро вставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Хваталъ онъ ножище-кинжалище,
Бросалъ онъ о дубовый столъ,
О дубовый столъ, о кирпичень мость,
Сквозь кирпичень мость о сыру землю,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Ахъ ты, тварь, ты, тварь поганая,
Ты поганая тварь, нечистая!
Вамъ ли, щенкамъ, насмѣхатися?
Я хочу съ вами, со щенками, управиться (Рыбн., I, 73).

Въ другихъ пересказахъ негодование Романа выражается менѣ бурно:

Закручинился князь, запечалился,
Повѣсилъ буйную голову
И рветъ свою сѣдую бороду:
„Ахъ ты, старость моя, старость глубокая!
Налетѣла изъ чиста поля чернымъ ворономъ,
Садилась на плечушки на могутныя.
А молодость моя, молодость молодая!
Когда-жь ты была на мошъ плечахъ,
Такъ не смѣялся воръ — самъ король,
А теперича насмѣхаются два королевича, два выблудка“.
(Рыбн., I, 75).

¹⁾ По пересказу въ сборникъ Тихонравова и Миллера, вѣсть приноситъ гонецъ.

Нужно освободить семью из плѣна. Князь Романъ созываетъ свою дружину (40.000; 9.000) и выбираетъ изъ нея отрядъ наиболѣе надежныхъ людей, которые, какъ показали нѣкоторыя примѣты, устоять въ бою, не будутъ ни убиты, ни ранены ¹. Съ этимъ отборнымъ отрядомъ Романъ отправляется въ походъ. Приблизившись къ лагерю королевичей, онъ оставляетъ войско въ засадѣ, приказавъ ему двинуться въ путь по данному знаку:

„Ай же вы, дружинушка хоробрая!
 Какъ заграю во первый наконъ
 На сыромъ дубу чернымъ ворономъ,
 Вы сѣдайте скоро добрыхъ коней;
 Какъ заграю я во второй наконъ
 На сыромъ дубу чернымъ ворономъ,
 Вы садитесь скоро на добрыхъ коней;
 Какъ заграю я въ третій наконъ,
 Вы будьте на мѣстѣ на порядноемъ
 Во далече-далече во чистомъ полѣ“ (Рыбн., I, 73).

д) Романъ проникаетъ въ непріятельскій станъ, обернувшись сначала сѣрымъ волкомъ, а потомъ горностаемъ.

Самъ князь обернется сѣрымъ волкомъ,
 Побѣжалъ-то князь во чисто поле,
 Ко тымъ ко шатрамъ полотнянымъ,
 Забѣжалъ онъ въ конюшни во стоялыя
 У добрыхъ коней глоточки повыхваталь,
 По чисту полю поразметаль;
 Забѣжалъ онъ скоро въ оружейную,
 У оружицевъ замчки повывертѣль,
 По чисту полю замочки поразметаль;
 У тугихъ луковъ тетивочки повывкусаль,
 По чисту полю тетивочки поразметаль;
 Обвернулся тонкимъ бѣлымъ горностаемъ,
 Прибѣгалъ онъ скоро во бѣлый шатеръ (Рыбн., I, 73).

Узнаетъ Романа его малолѣтній сынъ (=племянникъ):

Сидитъ княгиня Настасья Митріевична
 Со малымъ со отрокомъ двумѣсячнымъ,
 И говоритъ Насдасья Митріевична:
 „Была бы у твоего батюшки прежняя молодость,
 Повыручилъ-бы тебя съ полону великаго;
 А старость застигла глубокая,
 Не выручить тебя съ полону великаго“.
 И говоритъ малый отрокъ двумѣсячный:

¹) Въ пересказѣ, помѣщенномъ въ сборникѣ Тихонравова и Миллера, подробности выбора дружины опущены.

„Ай же ты Настасья Митріевична!
 Нашъ батюшко ходитъ—дѣло дѣлаетъ
 Малыиъ бѣлымиъ горностаюшкоиъ“ (Рыбн., I, 75).

Королевичи хотять поймать горностая:

Какъ тутъ-то сила пробуждалася,
 Пробуждалася она, перепалася,
 Какъ вешняя вода всколыбалася:
 Стала имать горносталя во шатрикахъ,
 Соболиныма шубкама призакидывать.
 Онъ по шубкамъ, по рукавчикамъ выскакиваль,
 На улушѣ обернулся чернымъ ворономъ,
 Вылетѣлъ во сырой дубъ,
 Самъ загралъ во всю голову (ib., 74).

Бросились къ оружію, чтобы убить ворона. Оружіе оказалось поломаннымъ. А между тѣмъ по данному знаку подоспѣла дружина Романова:

Какъ наѣхала силушка Романова,
 Большему брату глаза выкопали,
 А меньшому брату ноги выломали,
 И посадили меньшаго на большаго,
 И послали къ дядюшкѣ
 Чимбаль-королю земли Литовскія,
 Самъ-же князь-то приговариваль:
 „Ты, безглазый, носи безногаго,
 А ты ему дорогу показывай“ (ib., 73).

Этою расправой обыкновенно и оканчивается былина о Романѣ. Но въ нѣкоторыхъ пересказахъ присоединены въ концѣ слѣдующія подробности:

Какъ приходятъ во землю во литовскую,
 Увидѣлъ ихъ дядюшка Цимбаль-король.
 „Ахъ вы, любезные два витника, два совитника!
 Говорилъ я вамъ, удалимъ молодцамъ:
 Не ходите вы на святую Русь
 Ко князю Роману Дмитріевичу.
 Князь Романъ хитерь-мудерь,
 Знаетъ онъ языки ворониныс,
 Знаетъ языки всѣ птичіс,
 У меня была пора—сила великая,
 И терпѣлъ я славу вѣкъ по вѣку,
 А вы теперъ получили безчестье великое
 Великое безчестье, на вѣки нерушимос!“
 Говорятъ они таковы слова:
 „Ай же ты, родный нашъ дядюшка!
 Не можемъ мы терпѣть безчестья великаго,
 Казни насъ казнью своеручною:
 Руби намъ буйны головы,

Копай насъ во матушку сыру землю".
 Онъ какъ бралъ сабельку вострую,
 Рубилъ имъ буйны головы,
 Копалъ ихъ во матушку сыру землю,
 Теперь-то двумъ витникамъ, двумъ совитникамъ
 Славу поють (Рыбн., I. 74; ср. Гплзф., 71).

Пѣсня о похищеніи жены князя Романа рассказываетъ, подобно разобранной уже былинѣ, о набѣгѣ на Романовы владѣнія литовскихъ людей, но это происшествіе обставлено здѣсь новыми подробностями:

Жилъ-былъ князь Романъ Митріевичъ,
 Съ женой спалъ, и ей прищавилось ночью,
 Что у ней перстень спалъ съ правой руки,
 Съ правова перстечка съ мезеночка
 И рассынался на мелкія зернотка,
 Она всѣ собрала, одного не могла отыскать.
 „Даемъ мы знать по всѣмъ землямъ,
 По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
 Чтобы твой сонъ разсудили,
 Чтобы твой сонъ рассказали“.
 — Я свой сонъ сама разсужу,
 Я свой сонъ сама расскажу:
 Прибѣгутъ ко мнѣ изъ-за моря
 Три червленыхъ три корабля,
 Увезутъ меня, Марью, за сине море,
 За сине море за соленое
 Къ тому Мануилу сыну Ягайлову.
 Онъ не слушалъ тѣхъ рѣчей,
 Онъ ушелъ скорѣй въ тихи мелки заводи
 Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
 Маленькихъ пернатыхъ сѣрыхъ утокъ (Кир., V, стр. 92).

Въ другомъ пересказѣ вмѣсто посланцевъ Ягайла называются «поганы татарове». Романъ уѣзжаетъ «сбирать дани за тѣ годы за старые». Вѣщій сонъ сбылся.

Она сѣла къ окопечку косивчату
 И глядитъ: бѣжать изъ-за моря,
 Изъ-за моря изъ-за синя
 Три черныхъ три корабля,
 Приворачиваютъ къ нимъ въ гаваць корабельную (ib., 93).

Марья убѣгаетъ въ чисто поле и «засѣла подъ яблонь кудреватую». Но ее отыскали тамъ, забрали на корабль и отвезли къ Мануилу сыну Ягайлову (царю Батышу Батурьевичу).

Онъ встрѣчаетъ ее съ честью съ радостью,
 Онъ бралъ Марью за руки за бѣлами,
 За тѣ ли перстни значеныи,

Онъ хочетъ цѣловать ея въ сахарны уста.

Говорить ему Марья Юрьевна:

— У насъ до трехъ годовъ не цѣлуются,

Не цѣлуются, не обнимаются (ib, 94).

Разъ Мануилъ Ягайловичъ отправился на охоту:

Пойдучи матери наказывалъ:

„Дай ей нянюшекъ-служаночекъ,

Ежели она закручинится“.

Романова жена дѣйствительно закручинилась:

Мать дала ей няничекъ-служаночекъ

(Няничекъ служаночекъ) въ сады гулять,

И дала напитоковъ всякихъ разныхъ,

И дала козла любимова Моналинова.

Она напоила нянекъ до пьяна,

Что няньки лежатъ сами бѣзь себя;

Вотъ она взяла козла-зарѣзала,

Пришла Марья на гору высокую,

Скидывала свое платье цвѣтное,

Надѣвала на лѣсиночку и пошла съ горы.

Ей на встрѣчу быстра рѣка.

И быстра рѣка идетъ, что громъ гремитъ.

И взмолилась Марья быстрой рѣкѣ:

— Ой же ты, мать Дарья рѣка!

Сдѣлайся по женскимъ перебродницамъ,

Станьте переходы узкіе, переброды мелкіе

Пропустите меня Марью Юрьевну!

И рѣка Марью послушалась:

Сдѣлалась по женскимъ перебродницамъ,

Перебрела она черезъ быстру рѣку,

Пошла она впередъ попадать.

И пришла ей больше того рѣка,

Она видитъ, что перейти нельзя;

Смотрить,—плавааетъ на другой сторонѣ

Плавааетъ колода бѣлодубова;

И взмолился Марья той колодѣ бѣлодубовой:

— О же ты, колода бѣлодубова!

Перевези меня черезъ быстру рѣку,

А выйду на святую Русь,

Вырѣжу тебя на мелки кресты,

На мелки кресты, на чудны образы.

И вызолочу червопнымъ краснымъ золотомъ.

И колода ее послушалась:

Перевезла ее черезъ быстру рѣку (ib., 95—96).

Добравшись до дому, княгиня рассказала мужу про чудесную колоду. Вывезли колоду на святую Русь, вырѣзали на мелки кресты и на чудны образы, позолотили ихъ и разослали по церквамъ.

Третья изъ указанныхъ выше пѣсенъ говоритъ о томъ, какъ князь Романъ ¹⁾ жену терялъ.

А князь Романъ жену терялъ,
Жену терялъ, онъ тѣло терзаль,
Тѣло терзаль, во рѣку бросаль,
Во ту ли во рѣку во Смородину.
Слетались птицы разныя,
Сбѣгались звѣри дубравныя;
Откуль взялся младъ сизою орель,
Унесъ онъ рученьку бѣлую,
А праву руку съ золотымъ перстнемъ.

(К и р., V, стр. 108).

Дочь Романа спрашивазтъ его о матери. Отецъ даетъ противорѣчивые отвѣты, лживость которыхъ скоро открывается.

Схватилася молода княжна,
Молода княжна Анна Романовна:
„Ты гои еси, сударь мой батюшка,
А князь Романъ Васильевич!
Ты гдѣ дѣвалъ мою матушку?“

Романъ отвѣчаетъ:

Ушла твоя матушка мытися,
А мытися и бѣлитися,
А въ цвѣтно платьѣ наряжатися
.
Пошла она молода княжна
Со своими няньки-мамками:
Ходила она по всѣмъ высокимъ теремамъ,
Не могла найдти своей матушки.

Снова спрашиваетъ она отца о матери. Романъ говоритъ:

Ушла твоя матушка родимая,
Ушла гулять во зеленой садъ,
Во вишенье, во орѣшенье.

И это указаніе оказалось ложнымъ. По нѣкоторымъ вариантамъ, Романъ старается утѣшить дочь обѣщаніемъ подарковъ:

„Ты, сударь, ты мой батюшка!
Ты куда дѣвалъ мою матушку?
— Ты не плачь-ка, дочка Марьюшка,
Я куплю тебѣ золотъ перстень,
Золотъ перстень со алмазами.
„Мнѣ не надо золота перстня,

¹⁾ Одинъ изъ пересказовъ (въ сборникъ *Мордочевой и Костомарова*) имя Романъ замѣняетъ именемъ: Демьянъ.

Золота перстня зо алмазами.
 Ты куда дѣваль мою матушку?
 — Твоя мать въ новой горницѣ,
 Она бѣлится и румянится,
 Во цвѣтно платьѣ наряживатся и т. д. (ib., 104).

Дѣло раскрывается съ появленіемъ орла, который приноситъ отрубленную руку Романовой жены.

Ни отколь взялся младъ сизой орель,
 Въ когтяхъ несетъ руку бѣлую,
 А и бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ
 Во тотъ ли зеленый садъ;
 А втапоры нянюшки-мамушки
 Подхватили онѣ рученьку бѣлую,
 Подавали онѣ молодой княжѣ
 Молодой—душѣ Аннѣ Романовнѣ;
 А втапоры Анна Романовна
 Увидѣла она бѣлу руку,
 Опознавала она хорошъ золотъ перстень
 Ея родимыя матушки;
 Ударилась о сыру землю,
 Какъ бѣлая лебедушка скрикнула (ib., 110).

Въ нѣкоторыхъ вариантахъ орель не только приноситъ руку, но и рассказываетъ о преступленіи:

Что летить-летить птица грозная,
 Птица грозная, младъ сизой орель.

 Увидѣла Марья дочь Романовна,
 Закричала громкимъ голосомъ:
 „Ой же ты, птица грозная,
 Птица грозная, младъ сизой орель!
 И ты гдѣ же взялъ ты праву руку,
 Ты правую руку въ золотыхъ перстняхъ?
 — Ой же ты, Марья дочь Романовна!
 Ужь какъ князь Романъ тутъ жену терзалъ,
 Онъ терзалъ-терзалъ и тѣло терзалъ,
 Онъ терзалъ-терзалъ, во рѣку бросалъ,
 Во тоѣ ль во рѣку во Смородину“ (ib., 101; ср. 103, 107).

Въ одномъ вариантѣ вмѣсто орла приноситъ руку и сообщаютъ вѣсть объ убійствѣ волки.

Пошла дочь во темный лѣсъ,
 На встрѣчу ей волки сѣрые.
 Волки сѣрые несутъ руку бѣлую,
 Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ (105).

Романъ пытается успокоить дочь:

Ты не плачь, Марья дочь Романовна:

Я сострою тебѣ новъ высокъ теремъ
 Я складу тебѣ печь муравленую,
 Я солью тебѣ золотъ перстень,
 Я сошью тебѣ кунью шубу,
 Приведу я къ тебѣ молодую мать

— Ты сгори, сгори, новъ высокъ теремъ,
 Провалился ты, печь муравленая,
 Растопился, мой золотой перстень,
 Ты сотлѣй, моя шуба куньяя,
 Ты умри, моя молодая мать,
 Молодая мать, злая мачиха,
 И ты встань-проснись, родная матушка (102).

Въ пересказѣ Новиковскаго пѣсенника разговоръ Романа съ дочерью переданъ такъ:

Ахъ, свѣтъ моя дочь любезная!
 Не я терялъ, не мои руки:
 Потеряло ея слово противное.
 Приведу я тебѣ матушку любезную.
 Что возговорить молода княжна:
 „Не желаю матушки любезныя,
 Желала бъ свою матушку родимую“ (108).

Вариантъ Кирши Данилова вмѣсто заключительнаго разговора отца съ дочерью даетъ рассказъ о похоронахъ убитой: княжна послала нянюшекъ-мамушекъ и сѣнныхъ красныхъ дѣвушекъ отыскать тѣло матери:

Нашли они нусту голову,
 Сбирали они съ пустою головой
 А всѣ тутъ кости и ребрушки;
 Хоронили они и нусту голову
 Со тѣми костями, со ребрушки,
 И ту бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ (111)

Изъ пересказанныхъ былинь о князѣ Романѣ я постараюсь прежде всего выдѣлить тѣ эпическія картины и подробности, которыя встрѣчаются въ другихъ памятникахъ въ иныхъ сочетаніяхъ, и которыя поэтому безъ особыхъ доказательствъ не могутъ быть признаны принадлежностью основнаго, первоначальнаго состава разсматриваемыхъ пѣсенъ.

І. Хромецъ и слѣпецъ. Дружинники Романовы

Взяли большему брату выкопали очи ясныя,
 Меньшему-то брату по колѣнъ отсѣкли ноги рѣзвыя,

Садилн безногаго на безглазаго,
Отпущали къ Цимбалу королю Литовскому.

(Рыбн., I, стр. 437).

Подобнымъ же образомъ расправляется съ врагами Илья Муромецъ въ былинѣ о Калинѣ царѣ ¹⁾.

Тутъ Илья взялъ,—сломалъ ему бѣлыя руки,
Еще сломалъ собакѣ рѣзвы ноги,
Другому Татарину онъ сильному
Ломалъ ему бѣлыя руки,
Выкопалъ ему ясны очи,
Привязалъ собаку за плечи Татарину,
Привязалъ его, самъ выговаривалъ:
„На-тко, Татаринъ, неси домой
А ты, собака, дорогу показывай“ (ib., 106).

Это изображеніе хромца на слѣпцѣ повторяется во множествѣ вариантовъ, отысканныхъ и на востокѣ, и въ греко-римскомъ мірѣ, и въ средневѣковой письменности восточной и западной Европы, и въ ново-европейскихъ литературахъ ²⁾.

Къ восточнымъ вариантамъ принадлежать: арабскій рассказъ о чудѣ Иисуса Христа, арабскій же рассказъ о судѣ Божиемъ надъ людьми, подобный же рассказъ еврейскаго Талмуда, одна изъ сказокъ Тысячи и одной ночи. Въ литературѣ греческой извѣстно на ту же тему небольшое стихотвореніе Филиппа Фессалоникійскаго (современника Августа), внесенное въ Антологію. Подобное же стихотво-

¹⁾ Ср. въ былинѣ о Кострюкѣ:

Михайла расхѣдился,
Михайла рассѣрдился,
Коструку ноги выломалъ,
Коструку глаза выкопалъ

Изъ платьевъ вонъ вытрехнулъ (Рыбн., II, стр. 229).

²⁾ Указанія относительно многочисленныхъ пересказовъ притчи о хромцѣ и слѣпцѣ дали: *Kurz* (Ejorus v. *B. Waldis*, II, Th., B. IV, № 61, S. 145, 168), *Oesterley* (*Kirchhof*, *Wendunmuth*, B. V., S. 131. № 124. въ *Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart*, B. 94; *Gesta Romanorum*, S. 723, 71), *Liebrecht* (*Germania*, XXV, 1880, 3, 298—299), *Perles* (*Monatschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judenthums*, 1873, Febr.), *Сухомлиновъ* (Соч. Кирилла Туровскаго, XLVI—LI; Повѣсть о судѣ Шемляи въ XXII т. *Зап. Ак. Наукъ*, 34—35. Два семитическія сказанія, встрѣч. въ памятникахъ русской литературы, II—въ *Запискахъ Ак. Наукъ* 1873). *Ровинскій* (Русскія народныя картинки, кн. IV, стр. 574—576, въ *Сборн. 2-ю отд. Ак. Наукъ* т. XXVI). Пр. *Воеводскій* (Этнологическія и мнѳологическія замѣтки въ XXV т. *Зап. Новор. Univ.*, 75—76) едва ли удачно сближаетъ сказочныхъ хромца и слѣпца съ «греческими могущественными богатырями близнецами Молюнами», которые представляли «олпцетвореніе верхняго и нижняго жернова».

рсии есть у Авзония (IV вѣка). Въ средневѣковой литературѣ можно указать на пересказы повѣсти о хромцѣ и слѣпцѣ, внесенныя въ *Gesta Romanorum*, въ *Speculum morale* Винценція изъ Бовэ и др. Въ новоевропейскихъ литературахъ эта повѣсть повторяется писателями XVI, XVII, XVIII (Геллертъ, Флоріанъ) вѣковъ.

Въ старорусской письменности рассказъ о хромцѣ и слѣпцѣ передается въ «Притчѣ о тѣлѣ человѣчествѣ и о души и о въскресе-ніи мертвыхъ». Эта притча помѣщается въ спискахъ «Пролога» подь 28-мъ сентября; другой ея пересказъ, представляющій мало-важныя отличія отъ проложнаго варианта, встрѣчается съ именемъ Кирилла Туровскаго ¹⁾. Та же притча перенесена была на дубокъ и вошла въ рядъ такъ называемыхъ народныхъ картинокъ ²⁾.

Отдѣльно отъ притчи стоитъ сказка «Безногій и слѣпой богатыри» ³⁾. Въ сказкѣ передается между прочимъ, какъ «слѣпой богатырь, славный своимъ бѣгомъ. . . находитъ безногаго Катому, и вздумали они жить и кормиться вмѣстѣ: безногій служить слѣпому своими глазами, а слѣпой безногому своими скорыми ногами» ⁴⁾.

Всѣ отмѣченные пересказы повѣсти о хромцѣ и слѣпцѣ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, на два извода ⁵⁾. Образцомъ перваго извода можетъ служить стихотвореніе греческой антологіи и Авзоніева эпиграмма.

Πρὸς ὁ μὲν γυίοις, ὁ δ' ἄρ' ὄμμασιν ἀμφότεροι δε
εἰς αὐτοὺς τὸ τύχης ἐνδεὲς ἤρανισαν.
τυφλὸς γὰρ λιπόγειον ἐπιμαθῖον βάρος αἴρων,
ταῖς κείνου φωναῖς ἀτραπὸν ὄρθοβατεῖ,
πάντα δε ταῦτ' εἶδιδεξε πικρὴ παντόλμος ἀνάγκη,
ἀλλήλοισ μερίσαι τοῦλλιπὲς εἰς ἔλεον. (Anthol. LXIX).

¹⁾ Соч. Кирилла Туровскаго, ред. *Сухомлинова*, 136—141, XLVI—LI. Ср. Библиографическіе матеріалы, собр. *А. Н. Поповымъ*, изд. *В. Щенкинъ*, стр. 127—146, XXVII—XXI (Чтенія въ Общ. Исторіи и древн. росс. 1889 г., кн. III).

²⁾ *Ровинскій* I. с.

³⁾ *Аванасьева*, Сказки, изд. 2-е № 116. Малорусскій вариантъ въ Запск. о кожной Руса *Кулиша*, II, 59—82.

⁴⁾ *Аванасьева*, IV, стр. 258.

⁵⁾ Поэтому, если принять, что родиной повѣсти былъ востокъ, придется допустить два переноса ея на европейскую почву, какъ это предполагается относительно нѣкоторыхъ другіхъ сказокъ (*Bensley*, *Pantschatantra*, I, 359—361. Ср. въ моеѣ книгѣ „Къ литературной исторіи русской былевой повѣи“, стр. 33—36, примѣч.). Но зтогъ двойной переносъ не надо ли представлять въ такомъ видѣ: басня съ европейской почвы переносится на востокъ, а оттуда въ измѣненномъ видѣ снова возвращается въ Европу?

Insidens caeco graditur pede claudus utroque.
 Quo caret alteruter, sumit ad alterutro.
 Caecus namque pedes claudo gressumque ministrat,
 At claudus caeco lumina pro pedibus. (Epigr. CXXXVI)

Смысль притчи указанъ греческимъ стихотвореніемъ: нужда учить, вызываетъ находчивость и чувство взаимопомощи. Та же мысль лежитъ на основѣ 71-й главы «Римскихъ Дѣяній»: богатый человѣкъ устрояетъ пиръ и зоветъ на него всѣхъ желающихъ; слѣпой беретъ себѣ на плечи хромого и такимъ образомъ оба попадаютъ на пирь ¹⁾. Позднѣйшіе европейскіе варианты представляютъ подраженіе греческому и латинскому стихотвореніямъ. Для примѣра укажу на Wendunmuth Кирхгофа. Solchs haben die Griechen in einer feinen pictur und bildniss gantz artig vorgestellet, also dass ein blinder einen krüppel auffgefasset und dahin er begehret, tragen wolte, die weit aber dem blinden der weg unkäntlich, unterstund sich der lame ihm den weg anzuzeigen, nnd thet ein ieglicher so viel er vermöchte. Слѣдуютъ затѣмъ versiculi de caeco et claudo (эпиграмма Авзонія) и вольный ихъ переводъ ²⁾.

Къ этому изводу притчи о хромцѣ и слѣпцѣ примыкаетъ и наша сказка о слѣпомъ и хромомъ богатыряхъ.

Образцомъ втораго извода можетъ служить сказка «1001 ночи». Привожу эту сказку въ передачѣ акад. Сухомлинова: «Визирь спросилъ у принца: душа и тѣло одинаково ли подлежатъ наградѣ и наказанію?» «Ихъ ждетъ одинаковая участь, ибо и здѣсь они дѣйствуютъ вмѣстѣ, какъ нѣкогда хромой и слѣпой». «Что это за исторія?» «Хромой и слѣпой жили въ дружбѣ и вмѣстѣ просили милостыню; разъ какъ-то выразили они желаніе, чтобы какой-нибудь богатый человѣкъ приставилъ ихъ къ своему саду. Услышавши это, какой-то добрякъ сжалился надъ ними, взялъ ихъ въ свой садъ, нарвалъ имъ плодовъ, и оставляя ихъ въ саду, просилъ только ничего въ немъ не портить. Но плоды до того понравились имъ по вкусу, что они едва отвѣдали ихъ, имъ захотѣлось еще болѣе, хромой и слѣпой сообщили другъ другу свое желаніе и вмѣстѣ сожалѣніе, что одинъ не видитъ плодовъ, а другой не можетъ подойти къ нимъ. Пришедшій на ту пору сторожъ спрашивасть о причинѣ ихъ увнѣнія,

¹⁾ Морализація басни гласитъ: слѣпецъ-богачъ, хромецъ-нищій; только помогая бѣднымъ, богачъ можетъ достигнуть небеснаго царства: certe elemosinas eis dando et in eorum necessitatibus subveniendo, hoc est pauperes portare, et fideliter viris ecclesiasticis decimas dare (изд. Oesterley, стр. 386).

²⁾ V. Buch, 124 (В. III, S. 361—362 въ изд. Oesterley).

и узнавши въ чемъ дѣло, вскрикиваетъ: «Горе вамъ! развѣ не слышали вы, какъ хозяинъ предостерегалъ васъ ничего не портить въ саду? Обуздайте свои желанія, иначе онъ выгонитъ васъ изъ сада». Но они возразили: «Мы хотимъ плодовъ во что бы то ни стало, и хозяинъ ничего не замѣтитъ; не выдай только насъ, и укажи способъ удовлетворить наше желаніе». Сторожъ, видя, что не хотятъ слѣдовать его совѣту, сказалъ слѣпому: «Возьми хромого къ себѣ на плечи; онъ будетъ руководить тебя своими глазами, а ты своими ногами донесешь его до дерева; я уйду, и вы можете наслаждаться». Слепой сейчасъ же взялъ хромого на плечи, принесъ его къ дереву, и они принялись срывать плоды, наломали вѣтвей и перепортили весь садъ. Но какъ только хозяинъ воротился домой и увидѣлъ садъ въ такомъ безпорядкѣ, онъ съ гнѣвомъ обратился къ нимъ: «Что вы надѣлали? Это ли награда за то, что я пустилъ васъ въ садъ свой и надѣлилъ плодами? Можно ли было такъ злоупотреблять моимъ довѣріемъ? Они отвѣчали: «Господинъ, ты вѣдь знаешь, что мы ничего не могли испортить, потому что одинъ изъ насъ слѣпъ, а другой хромъ». Но онъ возразилъ: «Или вы еще думаете заператься, и полагаете, что я не знаю, какъ вы это сдѣлали; еслибы вы сознались въ своей винѣ, я отпустилъ бы васъ во-своица; но такъ какъ вы запераетесь, то и заслуживаете наказанія». Онъ выгналъ ихъ изъ сада и заключилъ въ темницу, гдѣ они и погибли. «Значеніе этой притчи», продолжалъ принцъ,—«слѣдующее: Слепой представляетъ тѣло, хромой—душу; садъ есть образъ этого міра; владѣлецъ сада есть Богъ и творецъ; дерево означаетъ животныя стремленія, а сторожъ—разумъ, предостерегающій отъ дурнаго и направляющій къ хорошему. Посему душа и тѣло подлежатъ совокупной наградѣ и совокупному наказанію».

Тоже основное содержаніе (сравненіе человѣка, грѣшащаго душой и тѣломъ, съ слѣпымъ и хромымъ ворами, дѣйствовавшими за одно) находимъ въ талмудическомъ и мусульманскомъ сказаніяхъ о Божіемъ судѣ ¹⁾ и въ притчѣ Пролога, пересказанной Кирилломъ

¹⁾ Раббинъ Іегуда, говоритъ въ талмудѣ, объясняя императору Антонину Пію ученіе о будущемъ судѣ Божіемъ и наказаніи за грѣхи, рассказалъ ему притчу о хромцѣ и слѣпцѣ. Хозяинъ обворованнаго виноградики посадилъ хромого на слѣплого и наказалъ ихъ обоихъ вмѣстѣ. Такъ поступаетъ и Господь Богъ: онъ беретъ душу, помѣщаетъ ее вторично въ плоть и наказываетъ ихъ обѣихъ вмѣстѣ. Мусульманское преданіе изображаетъ судящаго людей Господа *ragabolan illis prorsuturum socii et claudii*. Хромецъ и слѣпецъ, вмѣстѣ обокравшіе садъ, вмѣстѣ и наказаны; такъ наказываются душа и плоть, обѣ принимавшія участіе въ грѣхѣ. Въ арабскомъ разсказѣ о дѣтствѣ Іисуса Христа воровство

Туровскимъ. Старо-русскій вариантъ (предполагающій, конечно, греческій оригиналъ) заканчивается изображеніемъ суда надъ ворами: «Тогда господинъ, сѣдъ на суднѣмъ столѣ, начать има судити, и рече: якоже еста грала, тако да всядеть хромецъ на слѣнца. Всѣдшою же хромцю, повелѣ предъ всѣми ствоими рабы немилостивно казнити» ¹⁾. Изображеніе казни враговъ въ нашихъ былинахъ о Калинѣ царѣ и о князѣ Романѣ навѣяно, конечно, этимъ приточнымъ судомъ.

II. Выборъ дружины. Собрать войско урѣки Березины, Романъ

Припущалъ силушку пить во рѣку во Березину.

Начала силушка пить во рѣкѣ во Березины:

Котора сила пила пападкою,

Говорилъ князь Романъ Дмитріевичъ:

„Той силы на бою мертвой быть“;

Отпущалъ назадъ тую силушку ²⁾.

Котора сила пила шеломамы да черепушками,

Тую силу съ собой бралъ (Рыбн., I, стр. 435).

хромца и слѣнца понято не какъ parabola, а какъ реальнѣй фактъ. Dixit Wahab Ibn Mamba, cui propitius sit Deus: Hoc quoque est ex miraculis Jesu. Aedes Dacani, ad quem Maria et Jesus diverterant, ingressus est fur et abstulit quidquid in illis erat. Tristis ergo Dacanus inquit Jesu: Indica mihi, quis opes meas abstulerit. Respondet Jesus: convoca mihi totam familiam tuam. Quod cum fecisset, inquit Jesus: Ubi est coecus ó δαίμα? (supple: et claudus ille? замѣчаніе переводчика) His ergo adductis, inquit Jesus: Isti duo sunt fures, qui tua omnia abstulerunt. Haec cum miraretur populus, inquit illis Jesus: claudus iste adjutus fuit viribus coeci et coecus visu claudi; claudus enim manu sua funem tenebat in fenestra dum singula (coecus) afferret et ad ipsum rediret (Evangelium infantiae ed. H. Sike, 40—43; Thilo, Codex apocr. novi testam. 145—146). Ср. Батюшковъ, Споръ души съ тѣломъ въ памятникахъ средне-вѣковой литературы, стр. 58—59.

¹⁾ Соч. Кир. Тур. L.

²⁾ Въ сказкѣ о морскомъ царѣ и Василісѣ Премудрой говорится, какъ нѣкій царь возвращался изъ далекаго путешествія въ свое государство. «Напала на него жажда великая: что ни дать, только бы воды испить! Осмотрѣлся кругомъ и видить невдалекѣ большое озеро; подъѣхалъ къ озеру, слѣзъ съ коня, прилегъ на брюхо и давай глотать студеную воду. Пьетъ и не чуетъ бѣды, а царь морской ухватилъ его за бороду» и т. д. (Аван. Сказка, изд. 2, II 335; ср. ib. 192, IV, 292, Добровольскій, Смоленскій этнографич. сборникъ, I, стр. 99). Такой же способъ питья въ припадку находилъ примѣненіе въ странномъ обрядѣ, описанномъ въ Topographia Hibernica Giraldi Cambrensis (Dist. III, c. xxv): Est igitur in boreali et ulteriori Ultoniae parte, scilicet apud Kenelcunnil, gens quaedam, quae barbaro nimis et abominabili ritu sic sibi regem creare solet. Collecto in unum universo terrae illius populo, in medium producitur jumentum candidum. Ad quod sublimandus ille non in principem, sed in beluam, non in regem, sed exlegem coram omnibus bestialiter accedens, non minus impudenter

Иначе:

Стала сила пить воды:
 И которая сила копкакомъ пьеть,
 И которая сила шеломомъ пьеть,
 И которая сила нападчи пьеть.
 Которая сила нападчи пьеть,
 Тая сила будетъ мертвая;
 • Которая сила копкакомъ пьеть,
 Тая сила будетъ полоненая;
 А которая сила шеломомъ пьеть,
 Тую силу съ собой беретъ (ib., 441).

Этотъ былинный эпизодъ—вариантъ всёмъ знакомаго библейскаго разсказа о Гедеонѣ: «Геровааль, онъ же и Гедеонъ, всталъ по утру и весь народъ, бывшій съ нимъ, и расположились станомъ у источника Харода: Мадіамскій же станъ былъ отъ него къ сѣверу у холма Море въ долину. И сказалъ Господь Гедеону: народа съ тобою слишкомъ много, не могу я предать мадіанитянъ въ руки ихъ, чтобы не возгордился Израиль предо Мною, и не сказалъ: моя рука спасла меня. Итакъ провозгласи вслухъ народа и скажи: кто боязливъ и робокъ, тотъ пусть возвратится и пойдетъ назадъ съ горы Галаада. И возвратилось народа двадцать двѣ тысячи, а десять тысячъ осталось. И сказалъ Господь Гедеону: все еще много народа: веди ихъ къ водѣ, тамъ Я выберу ихъ тебѣ. О комъ я скажу: пусть идетъ съ тобою, тотъ пусть идетъ съ тобою, а о комъ скажу тебѣ: не долженъ идти съ тобою, тотъ пусть и не идетъ. Онъ привелъ народъ къ водѣ. И сказалъ Господь къ Гедеону: кто будетъ лакать воду языкомъ своимъ, какъ лакаетъ песь, того ставъ особо, также и тѣхъ всѣхъ, которые будутъ наклоняться на колѣна свои и пить. И было число лакавшихъ ртомъ своимъ съ руки триста человекъ; весь же остальной народъ наклонялся на колѣна свои пить воду. И сказалъ Господь Гедеону: тремя стами лакавшихъ Я спасу васъ, и предамъ мадіанитянъ въ руки ваши, а весь народъ пусть идетъ каждый въ свое мѣсто». (Книга Судей, гл. VII, ст. 1—7).

Въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины о князѣ Романѣ (Рыбн., 1,

quam imprudenter se quoque bestiam profitetur. Et statim jumento interfecto et frustatim in aqua decocto, in eadem aqua balneum ei paratur. Cui insidens de carnibus illis sibi dilatis circumstante populo suo et convalescente, comedit ipse. De jure quoque, quo lavatur, non vase aliquo, non manu, sed ore tantum circumquaque haurit et bibit. Quibus ita rite, non recte completis, regnum illius et dominium est confirmatum (Gir. Cambr. opera, v. V въ изданіи Rerum britann. medii aevi scriptores).

73; Гильф., 42) выборъ по способу питья замѣненъ выборомъ по жребію: дружинники Романовы рѣзали жеребья липовы, всякъ на своемъ жеребѣ подписывалъ. Бросили потомъ жеребья въ рѣку: у однихъ они поплыли по теченію, у другихъ—противъ, у третьихъ ко дну пошли.

Вставалъ князь Романъ Митріевичъ,
 Самъ говорилъ таковы слова:
 Которы жеребья каменемъ ко дну,
 Тая сила будетъ убитая;
 Которы жеребья противъ быстрины пошли,
 Тая сила будетъ поранена;
 Которы жеребья по воды пошли,
 Тая сила будетъ здравая.
 Не надобно мнѣ силы девять тысячей,
 А надобно столько три тысячи (Рыбн., I, стр. 426).

Пересказъ Гильф. 61 соединяетъ оба способа выбора: испытаніе питьемъ и бросаніе жребія.

III. Жалоба на старость. Получивъ извѣстіе о набѣгѣ королевичей,

Говоритъ князь Романъ Дмитріевичъ;
 Ахъ ты, молодость моя молодецкая!
 Какъ былъ-то я (мастеръ) въ молодую пору
 По темнымъ лѣсамъ летать чернымъ ворономъ,
 По чисту полю скакать сѣрымъ волкомъ,
 По крутымъ горамъ тонкимъ бѣлымъ горностаемъ,
 По синимъ морямъ плавать сѣрою утушкою.
 Ахъ ты, старость моя глубокая,
 Да не въ пору молодца старость состарила!
 У меня ль головка состарѣла,
 Сердце молодецкое соржавѣло,
 Русы кудри посѣдѣли (Рыбн., I, стр. 434).

Такая же жалоба читается въ одномъ изъ пересказовъ былины о трехъ поѣздкахъ Ильи Муромца:

Ѣздитъ-то старъ по чисту полю,
 А самъ себѣ старой дивуется:
 „Ахъ ты, старость, ты, старость, ты старая,
 А старая старость глубокая,
 А глубокая старость триста годовъ,
 А триста годовъ да пятьдесятъ годовъ!
 Застала ты стараго въ чистомъ поли,
 Во чистомъ поли застала чернымъ ворономъ,
 А сѣла ты на мою буйную голову.
 А молодость моя, молодость молодецкая!
 Улетѣла ты молодость во чисто поле,
 А во чисто поле да яснымъ соколомъ. (Гильф., ст. 946).

Далѣ та же жалоба на старость влагается въ былинахъ въ уста Никиты Романовича:

Ай же, молодость, ты, моя молодость,
Улетѣла отъ меня да во чисто поле,
Во чисто поле улетѣла яснымъ соколомъ!
Ай же, старость моя, старость глубокая!
Налетѣла ко мнѣ старость изъ чиста поля,
Изъ чиста поля налетѣла чернымъ ворономъ
Садилась на плечика могучіе ¹⁾. (Рыбн., I, стр. 408—409).

Г. Безсоновъ сопоставляетъ эту жалобу съ знаменитымъ золотымъ словомъ Святослава въ Словѣ о полку Игоревѣ: «Се ли створиște моеи сребренеи сѣдинѣ?.. А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ, высоко птиць взбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду». Ср. еще въ Илиадѣ рѣчь Нестора на тризнѣ Патрокла (XXIII, 629—645).

IV. Птица-вѣстница. Князь Романъ получаетъ извѣстіе о набѣгѣ королевичей отъ птицы:

Прилетѣла пташечка со чиста поля,
Она сѣла пташица на бѣлой шатеръ,
На бѣлой шатеръ полотняненькой.
Она начала пташица пѣть—жушѣть,
Пѣть—жушѣть, выговаривать:
„Ай же ты, князь Романъ Митріевичъ!
Снишь ты, князь не пробудишься,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
Приѣхали два брата, два Ливика,
Королевскіихъ два племянника,
Разорили оны своихъ три села“ и т. д.

(Рыбн., I, стр. 424—425).

Птица-вѣстница—одинъ изъ самыхъ распространенныхъ образовъ народной поэзіи. Изъ множества отмѣченныхъ вариантовъ этого эпического мотива ²⁾, оставившаго слѣдъ въ извѣстной поговоркѣ: «сорока на хвостѣ принесла», укажу хоть два примѣра. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины объ отъѣздѣ Добрыни вѣсть о готовящейся свадьбѣ его жены приносятъ богатырю птицы. Добрыни отдыхаетъ въ шатрѣ, разбитомъ подъ дубомъ:

¹⁾ Ср. Рыбн., IV, 95.

²⁾ *Uhländ's Schriften*, III, 109—128; *Веселовскій*, Южнор. былины, II, 9—10, 403—406. Ср. *Grimm*, D. Mythol. II⁴, 558—563 и III, Nachträge; *Лавинская*, Поэтич. возвр. I, 509—511.

На этотъ сырой дубъ прилетитъ голубь съ голубушкой,
И голубь со голубушкой стали оны прогуркивать:
„Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
Снишь ты да проклаждаешься,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
Твоя-то молода жена Настасья Микулична,
За мужъ идетъ за славнаго богатыря,
За того Олешеньку Поновича“ (Рыбн., I, стр. 163).

Въ малороссійской колядкѣ:

Ой ластѣвонька та прилѣтае,
Господаренька та пробуждае:
„Ой, устань, устань, господареньку,
Побуди усю челядоньку“ (Голов., II, 32).

Въ былинѣ о томъ, какъ князь Романъ жену терялъ, орель-
вѣстникъ выступаетъ съ особымъ значеніемъ обличителя преступле-
нія, свидѣтеля убійства:

А князь Романъ жену терялъ,
Жену терялъ, онъ тѣло терзаль,
Тѣло терзаль, во рѣку бросаль
.
Откуль взялся младъ сизой орель,
Унесъ онъ рученьку бѣлую,
А праву руку съ золотымъ перстнемъ.

Орель приноситъ руку княжнѣ и извѣщаетъ о совершенномъ
убійствѣ.

Подобную же картину находимъ и въ другихъ пѣсняхъ. Въ ма-
лорусской пѣснѣ объ убитомъ казакѣ:

Десь узился сизоперий орель,
Та взявъ руку зъ козацького трупу,
Та понісь руку у чистее поле,
Тай ставъ руку бити, побивати;
Стала рука до орла промовляти:
Колибъ сее отецъ и мать знали.
Вони бъ сее тіло поховали.

Въ великорусской пѣснѣ о падшемъ воинѣ: «пзъ-залѣса летить
орель и несеть въ когтяхъ руку молодецкую»¹⁾.

¹⁾ *Костомаровъ*, Историч. знач. южно-русскаго народнаго пѣс. творчества, 24—25 (*Бесѣда*, 1872, IV).—Сочиненія *К. Аксакова*, I, 396. Тотъ же „образъ извѣщенія родственниковъ убитаго посредствомъ принесенія орломъ или ворономъ руки съ перстнемъ пользуется довольно широкимъ распространеніемъ въ славянской (сербской, болгарской) народной поэзіи“. (*Халанскій*, О сербскихъ нар. пѣсняхъ Косовскаго цикла, 56—59, въ *Р. Филол. Вѣстникѣ* 1883 г.).

Уландъ приводитъ шотландскую балладу, въ которой разсказывается о рыцарѣ, убитомъ его ревнивою подругой; птица открываетъ преступленіе и указываетъ мѣсто, гдѣ брошенъ трупъ: «Hier erinnert man sich, замѣчаетъ Уландъ,—sonst bekannten Sagen von der Mordklage, die in Ermanglung anderer Zeugen den Vögeln obliegt, von den Kranichen des Ibycus an bis zu den Raben des heiligen Meinrad und dem Adler, der seinen Flügel in das Blut des Erschlagenen taucht und damit in die Wolken auffliegt» ¹⁾).

V. Вызовъ дружины троекратнымъ звуковымъ сигналомъ. Извѣстнѣйшій примѣръ такого вызова находимъ въ сказаніяхъ о Соломонѣ. Соломонъ, отправившійся отыскивать свою похищенную жену, проникаетъ въ городъ, гдѣ она находилась; дружина оставлена въ засадѣ. Когда Соломону грозитъ бѣда, когда онъ уже приведенъ къ вислицѣ, онъ проситъ позволенія поиграть на трубѣ. Позволеніе дано. Соломонъ трубитъ три раза, является его дружина и расправляется съ врагами ²⁾).

Пріѣхали къ релі ко дубовыи,
 Становился Саламанъ на первой ступень

 Затрубилъ Саламанъ во турій рогъ во первый разъ
 Сила то вся сколыбається,
 Скоро сѣдлали добрыхъ коней

 Стушилъ Саламанъ на второй ступень,
 Затрубилъ въ третій рогъ во второй разъ:
 Сила то вся сколыбалася,
 Скоро садилась на добрыхъ коней

 Вступилъ Саламанъ на третій ступень,
 Затрубилъ ли онъ въ турій рогъ по ратному:
 Сила то вся оболелѣяла,
 Будто ясные соколы облетѣли,
 Будто сѣріе-то волки обрыскали и т. д. ³⁾).

Подобный же способъ извѣщенія о грозящей бѣдѣ находимъ въ русской сказкѣ «Балдакъ Борисевичъ» ⁴⁾, въ нѣмецкой сказкѣ «Der

¹⁾ Schriften, III, 127; ср. *Benfey*, *Pantschat*, I, 573; *Grimm*, *Märchen*, III, 196.

²⁾ *Лютон. р. лит. и древн.*, т. IV, отд. 2, 119—121, 144—147, 151—153; *Памятники стар. р. литер.* 3, 68; *Буслаевъ*, *Истор. христом.*, 718—721.

³⁾ *Рыбниковъ*, *Пѣсни*, II, № 52, 53, III, № 56. Ср. *Худяковъ*, *Сказки*, № 80, 83.

⁴⁾ *Аванасевъ*, *Сказки*, № 180; IV, 459. Ср. *Рыбниковъ*, *Пѣсни*, II, CCCLII—CCCLVII.

treue Johannes», въ поэмѣ о Ротерѣ ¹⁾ и т. д. Въ былинѣ о князѣ Романѣ игра на трубѣ замѣнена троекратнымъ крикомъ:

Ай же вы, дружинушка хоробрая!
 Какъ заграю во первый наконъ
 На сырѣмъ дубу чернымъ ворономъ,
 Вы сѣдлите скоро добрыхъ коней;
 Какъ заграю я во второй наконъ
 На сырѣмъ дубу чернымъ ворономъ,
 Вы садитесь скоро на добрыхъ коней,
 Какъ заграю я въ третій наконъ,
 Вы будьте на мѣстѣ на порядномъ
 Во далече-далече во чистомъ полѣ.

(Рыбн. I, стр. 426—127).

VI. Герой пѣсни—оборотень. Романъ проникаетъ въ станъ королевичей, оборачиваясь волкомъ и горностаемъ. То же находимъ опять въ сказаніяхъ о Соломонѣ ²⁾. Далѣе, подобное же превращеніе находимъ въ былинахъ объ Иванѣ Удовкинѣ сынѣ, о Вольгѣ, о Никитѣ Романовичѣ:

Обвернулся Ванька горностаемъ,
 Сманулъ Ванька въ подворотенку,
 Заходилъ въ палату во царскую,
 Въ палаты обвернулся добрымъ молодцемъ (ib. 444).

О Вольгѣ:

Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
 Малымъ горносталюшкомъ:
 Зашелъ во горницу во ружейную,
 И повернется онъ добрымъ молодцемъ:
 И тугіе луки переломалъ,
 И шелковыя тетивочки перервалъ,
 И каленыя стрѣлы всѣ повыломалъ,
 И у оружей замочки всѣ повывертѣлъ,
 Въ боченкахъ порохъ перезолитъ.
 Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ сѣрымъ волкомъ,
 Поскочилъ онъ на конюшенъ дворъ,
 Добрыхъ коней перебралъ,
 А глотки у всѣхъ у нихъ перервалъ (ib. 5—6).

О Никитѣ Романовичѣ:

Обвернулся тонкімъ бѣлымъ горностаемъ
 И бѣжалъ то онъ по славной каменной Москвы,

¹⁾ *Веселовскій*, Сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, 297; Разысканія въ области р. дух. стиха, V, 84—88, 99—102; *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1888 г., мартъ (въ разборѣ книги Gaster'a); *Киртичниковъ*, Поэмы ломб. цикла, 183—184. Ср. *Рыбниковъ*, Пѣсни, II, СССIV.

²⁾ *Веселовскій*, Соломонъ и Китоврасъ, 238.

Забѣгалъ онъ въ магази въ оружейны,
 Отъ оружіи онъ замочки прочь вышалакивалъ.
 Обвернулся Микита сѣрымъ волкомъ,
 Бѣжалъ онъ на конюшни лошадины,
 У коней онъ глоточки повыторкалъ (ib. 409).

Въ былинѣ о Волхѣ Всеславьевичѣ упоминается особая наука оборотничества:

Втапору поучился Волхъ ко премудростямъ:
 А и первой мудрости учился
 Обертываться яснымъ соколомъ;
 Ко другой-то мудрости учился онъ Волхъ
 Обертываться сѣрымъ волкомъ;
 Ко третьей-то мудрости учился Волхъ
 Обертываться гнѣдымъ туромъ-золотые рога (Кирша, 47).

Въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ:

Царь Афромеѣй Афромеевичъ
 Скоро онъ вражбучинилъ,
 Обернется гнѣдымъ туромъ,
 Чистыя поля туромъ перескакалъ,
 Темныя лѣса сободемъ пробѣжалъ,
 Быстрыя рѣки соколомъ перелетаъ (ib., 142).

Король Литовскій говоритъ о князѣ Романѣ:

А какъ ѣнъ да хитѣрь-мудѣрь:
 А какъ знать языки какъ ужъ птичьин,
 Знать ѣнъ языки какъ вранины,
 А какъ ѣнъ мастеръ вѣдь по полямъ скакать,
 Ай по полямъ скакать да онъ сѣрымъ волкомъ,
 А по темнымъ лѣсамъ летать да чернымъ ворономъ,
 А по крутымъ горамъ скакать чернымъ да горностаюшкомъ,
 Ай какъ по синимъ морямъ плавать сѣрой утушкой¹⁾.
 (Гильф., стр. 401).

VII. Описательное обозначеніе осени. Королевичи Литовскіе, послѣ опустошительнаго набѣга на Романовы волости, раздёрнули шатры бѣлополотняны:

И стоятъ—дожидаютъ осени богатя,
 Богатя осени хлѣбородныя,
 Когда будетъ баранъ тучень, овесъ ядрень,
 Когда повырутуть пшеницы бѣлояровы,

¹⁾ Въ спискѣ «сложныхъ книгъ» упоминается книга «Чаровникъ»: «се же есть первое—тѣло свое хранить мертво, и летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ, и совою, рыщутъ, лютымъ звѣремъ, и вепремъ дикимъ и волкомъ, летаютъ змиемъ, и рыщутъ рысію и медвѣдемъ». (Лит. зам. археол. комм., I, отд. 1, стр. 42—43). Ср. *Лавнасьега*, Повѣч. возар., I, 793—796; III, 525—568,

Тогда еще грозят заѣхати

Во матушку во славу каменну Москву.

(Рыбн. I, стр. 432; Гилъф., 402).

Такое же обозначеніе осени находимъ въ народной сказкѣ о Мамаѣ безбожномъ: «когда будетъ овесъ кудравъ, баранъ мохнатъ, у коня подъ копытомъ и трава, и вода, вѣпоры стану Русь воевать». Эта угроза, по замѣчанію Аонасьева, «напоминаетъ обычные выраженія крымскихъ грамотъ XVI и XVII столѣтій»¹⁾.

VIII. Пиръ. Былина о набѣгѣ королевичей на Романовы земли открывается, по нѣкоторымъ пересказамъ, описаніемъ пира у короля:

Во той земли, въ хороброй Литвы,
У Цимбала короля Литовскаго,
Какъ было столованье почестенъ пиръ
На своихъ-то на пановой.
На пановой на улановой.
Собиралися-сѣзжалися на почестенъ пиръ
Всѣ его князья-боярины,
Всѣ дьяки его думные,
Всѣ панове и уланове
И вся поленица удалая.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на ширу напивалися,
Похвальбамы всѣ похвалялися.
Король по палатушкѣ похаживаетъ,
Ажно увидѣлъ двухъ своихъ витниковъ-совитниковъ,
Двухъ любезныхъ королевскихъ племянничковъ,
Увидѣлъ за столами за дубовыма:
Не пьютъ они, не кушаютъ,
Бѣлой лебеди не рушаютъ:
Повѣшены буйны головы
Ниже плечъ своихъ могучихъ.
Притуплены очи ясныя во кириченъ полъ.
Говорилъ король таковы слова:
„Ай же вы, два витника-совитника,
Королевскихъ два племянника!
Что же вы не пьете, не кушаете,
Бѣлой лебеди не рушаете,
Повѣсили буйныя головы
Ниже плечъ своихъ могучихъ.
Притупили очи ясныя во кириченъ полъ?
Какую же вы невзгодушку свѣдали,
Что же пехоршее призапльшали?

¹⁾ Сказки, изд. 2, III, № 182; IV, стр. 406.

Али вась мужикъ—деревенщина,
 Либо вась голь кабацкая,
 Либо мурза-татаринъ поганый
 Обнесъ вась словами неразумныма?
 Али ѣствушки мои не по праву,
 Напиточки мои не по обычаю?«

Племянники отвѣчаютъ королю, что никѣмъ они не обижены, нравятся имъ и угощенье королевское, а невеселы они оттого, что не могутъ болѣе терпѣть славы князя Романа Дмитриевича. (Рыбн., I, 74. Гильф., 12, 71).

Этотъ рассказъ о пирѣ и о задумавшихся гостяхъ—буквальное повтореніе тѣхъ описаній пировъ князя Владиміра, которыя такъ часты въ богатырскихъ былинахъ. Вотъ начало былины объ Иванѣ Гостинномъ сынѣ:

Въ стольнѣнѣмъ красномъ Кіевѣ,
 У ласкова князя у Владиміра,
 Былъ то у него почестенъ пиръ
 На многихъ на князей, на бояровъ,
 На русскіихъ могучіихъ богатыревъ.
 Все на пиру да наѣдалися,
 Все на пиру да напивалися,
 Все на пиру да порасхвасталися.
 Умный хваста отцемъ, матерью,
 Ой безумный хваста молодой женой,
 Душка Иванъ Гостинный сынъ
 Сидитъ-то овъ, не ѣсть, не пьетъ,
 Не ѣсть, не пьетъ, ничѣмъ не хвастаетъ.
 Сговоритъ Владиміръ стольно-кіевской:
 Душка, Иванъ Гостинный сынъ!
 Что же ты сидишь, не ѣшь, не пьешь,
 Не ѣшь, не пьешь, не кушаешь,
 Бѣлыя лебеди не рушаешь?
 Мѣсто ли было тебѣ не по любви,
 Хлѣбъ да соль не по души,
 Царой тебя подбошли,
 Пьяница не надсмѣялась ли? и т. д. (Гильф., ст. 698).

Ср. был. объ Иванѣ Годиновичѣ (ib., № 293, ст. 1262), о Данилѣ Игнатьевичѣ (ib., № 192, ст. 927). Вопросы о причинѣ недовольства подобные тѣмъ, которые находимъ въ нашихъ былинахъ, обычны также въ ново-греческихъ пѣсняхъ ¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины о набѣгѣ королевичей встрѣ-

¹⁾ *Дестуниъ*, Был. объ Армури, стр. XVIII. Ср. *Веселовскій*, Южно-русск. былины, II, 8—9.

чаемъ еще упоминаніе пира съ тѣмъ символическимъ значеніемъ битвы, которое знакомо намъ по Слову о полку Игоревѣ:

Ахъ, ты, дядюшка нашъ, Чимбаль король,
 Чимбаль, король земли Литовскія!
 Дай-ка намъ силы сорокъ тысячей,
 Дай-ка намъ казны сто тысячей,
 Поѣдемъ мы на святую Русь
 Ко князю Роману Митріевичу на почестный пиръ.
 (Рыбн., I, № 73; ср. Гильф., 42; 61).

Въ Словѣ о полку Игоревѣ: «ту пиръ докончаша храбрін Русичи: сваты напоища, а сами полегоша за землю Русскую». Комментаторами Слова указано много примѣровъ подобнаго же изображенія битвы въ образѣ пира въ памятникахъ народной поэзіи.

IX. Описательное обозначеніе роскоши. Въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ рассказывается, какъ послы Владиміра входятъ въ палату бѣлокаменную и привѣтствуютъ бывшую тамъ женщину:

„Здравствуешь, честна вдова Настасья Васильевна,
 Дюкова Степанова Матушка!“
 Говоритъ она таковы слова:
 „Не есть я Дюковая матушка.
 „А есть я Дюковая рукомоиница“.

Послы идутъ дальше. Въ другомъ покоѣ опять встрѣчаютъ они женщину и повторяютъ свое привѣтствіе.

Говоритъ она таковы слова:
 „Не есть я Дюковая матушка,
 „А есть я Дюковая портомоиница“.

Въ третьемъ покоѣ—новая встрѣча и прежняя ошибка:

„Не есть я Дюковая матушка.
 „А есть я Дюковая стольница (Рыбн., I, стр. 294).

Эта ошибка при отыскиваніи хозяйки повторяется въ былинѣ о похищеніи жены кн. Романа. Похитители

Приходили въ высокъ теремъ,
 Тую ходитъ Марына протомоиница.

Ее спрашиваютъ:

„Ты скажи намъ, скажи, не утай—скажи,
 Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?“
 И говорила имъ Марына протомоиница:
 „Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
 „Я есть Марына протомоиница“.

Далѣе—встрѣча съ ключницей:

И говорила имъ Марына ключница:
 „Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
 Я есть Марына ключница“. (Кир., V, стр. 98):

X. Сонъ о кольцѣ. Жена Романа видитъ во снѣ,

Что у ней перстень спалъ съ правой руки,
 Съ правова перстечка, съ мезѣночка
 И рассыпался на мелкія зернотка;
 Она всё собрала, одного не могла отыскать ¹⁾.

Символика сна такъ ясна, что для объясненія его княгиня нѣтъ
 надобности въ знахаряхъ:

Я свой сонъ сама разсужу,
 Я свой сонъ сама разскажу:
 Прибѣгутъ ко мнѣ изъ-за моря
 Три червленыхъ, три корабля,
 Увезутъ меня, Марью, за сине море ²⁾.

Подобный же сонъ упоминается въ одной пѣснѣ въ сборникѣ
 Сахарова:

Какъ вочорь-то молодешенькѣ
 Мнѣ мало спалось, много видѣлось.
 Не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся:
 Ужь кабы у меня, у младешеньки,
 На правой рукѣ, на мизинчикѣ
 Распаялся мой золотой перстень.
 Выкатился дорогой камень ³⁾.

Въ другой пѣснѣ говорится, что дѣвушка обронила золото кольцо.
 Это предвѣщало ей милому «вѣсть недобрую—горько разлученьце» ⁴⁾
 Ср. въ Краледворской рукописи стихотвореніе «Роза».

Usnuch, snieše mi se ve sně,
 jakoby mně nebožse
 na pravej ruce z prsta
 svlekl se zlatý prstének,
 smekl se drahý kamének.
 Kamének nepadidech,
 Zmlitka se nedoždech

Я заснула, мнѣ приснилось,
 Что съ руки-го у бѣдняжки,
 Перстенецекъ спалъ завѣтнѣй,
 Выпалъ камень самоцвѣтнѣй.
 Не нашла я камня снова,
 Не дождалась я милова!

¹⁾ Лит. р. лит., I, отд. 2, 122. Въ перепечаткѣ *В. Безсонова* (Пѣсни К и р ѣ-
 е в с к. V, 92) послѣдняя строка пропущена.

²⁾ Въ другомъ вариантѣ:

... спалъ у меня, у Марьюшки, алачень перстень
 Со меньшова перста, съ мизеночка
 И рассыпался на мелкія зернотка, на мушенки,
 Тутъ изъ далеча, далеча, чиста поля
 Прилетѣло стадо вороновъ
 Расклевали мой Марьюшкинъ алачень перстень.

Тотъ же образъ въ иномъ примѣненіи встрѣчается во многихъ народныхъ
 пѣсняхъ (*Потѣбля*, Объясненіе малор. и сродныхъ нар. пѣсенъ, 160—169).

³⁾ Пѣсни семейныя, № 12 (въ Сказ. р. народа, т. I).

⁴⁾ Русское національное пѣснопѣніе, 179—180.

XI. Переправа черезъ рѣку. Жена Романа, возвращаясь изъ плѣна, подходитъ къ рѣкѣ:

Смотритъ, плаваетъ на другой сторонѣ
 Плаваетъ колода бѣлодубова;
 И взмолятся Марья той колодѣ бѣлодубовой:
 „Ой же ты, колода бѣлодубова,
 Перевези меня черезъ быстру рѣку,
 А выйду на святую Русь,
 Вырѣжу тебя на мелки кресты,
 На мелки кресты, на чудны образы,
 И вызолочу червоннымъ краснымъ золотомъ.
 И колода ее послушалась:
 Перевезла ее черезъ быстру рѣку. (К и р., V, 95—96).

Княгиня исполняетъ свое обѣщаніе. Колода пошла на кресты. Переправа черезъ воду (переплываніе, переходъ въ бродъ или по мосту)—одинъ изъ самыхъ любимыхъ и часто употребительныхъ образовъ народной поэзіи. Обычное символическое значеніе этого образа—вступленіе въ бракъ, проявленіе любовныхъ отношеній ¹⁾. Поэтому и возвращеніе плѣнницы къ мужу, возстановленіе нарушенныхъ семейныхъ отношеній могло символизироваться въ подобномъ же образѣ. Менѣе яснымъ съ точки зрѣнія эпической символики представляется употребленіе колоды на кресты. Едва ли мы не имѣемъ здѣсь передъ собою реминисценціи изъ сказаній о крестномъ дровѣ. По одному изъ такихъ сказаній дерево, изъ котораго сдѣланъ былъ крестъ Христовъ, служило сначала мосткомъ черезъ потокъ; царица Савская, прибывшая къ Соломону, не рѣшается вступить на этотъ мостокъ и объясняетъ будущее священное употребленіе лежавшей черезъ потокъ колоды ²⁾. Подобное же отраженіе сказаній о деревѣ, изъ котораго сдѣланъ былъ крестъ Христовъ, видятъ въ образѣ малороссійской колядки: «райское дерево плыветь» ³⁾.

¹⁾ Обильный матеріалъ, объясняющій пѣсенное употребленіе этого символа, собранъ пр. *Потебней (Древности, археологич. вѣстникъ, изд. Московск. археол. общества, 1868 г., т. I, 254—266: «Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака»; «Объясненіе малоросс. и сродныхъ народныхъ пѣсенъ», 132—151; ср. Обзоръ поэтич. мотивовъ колядокъ и щедрив., указатель).*

²⁾ *Веселовскій, Опыты по исторіи развитія христ. легенды II, 1 (Журн. Мин. Нар. Пр. 1876, февраль 245); Разыск. въ области русск. дух. стиха, X, 383, 417—418).*

³⁾ *Потебня, Обзоръ поэт. мот. колядокъ, II, 234. Нужно впрочемъ припомнить еще замѣчаніе пр. Булаева, сблизившаго бѣлодубовую колоду, упоминаемую въ пѣснѣ о женѣ кн. Романа, съ представленіями о гробѣ-ладѣ: „Извѣстно, что колода (у Нестора клада) была древнѣйшимъ у насъ названіемъ гроба,*

ХП. Похищенная жена. По былинь о двухъ Ливикахъ, жена Романа захвачена въ плѣнь во время набѣга. Но другой былинь, она похищена пріѣхавшими изъ-за моря людьми:

И приѣхали три кораблика три черныхъ
 Прямо въ гавань корабельную.
 Подбирали парусы полотняны,
 И метали якоря булатные,
 И выпускали шеенки шелковые.
 И спускали на воду шлюпку легкую,
 И сѣли въ шлюпочку, пріѣхали
 Прямо въ гавань корабельную.
 И шли въ полаты бѣлокаменны
 И искали Марью: не могутъ найти.
 Одинъ былъ воръ, поваренный дѣтинушка,
 Не искомъ ищетъ—сладочки выпрашиваетъ.

Дѣтинушка отыскалъ Марью

И увозилъ на червленомъ на кораблѣ
 За синее море за Соленое. (К и р., V, стр. 93—94).

Такимъ же образомъ похищается и жена Соломона, при чемъ въ нѣкоторыхъ пѣсенныхъ пересказахъ этого эпизода выступаетъ тотъ же дѣтинушка поваренный, какъ и въ пѣснѣ о женѣ кн. Романа.

Василій Окульевичъ ищетъ себѣ жену красавицу. Помочь ему вызывается

. дѣтина поваренный,
 Поваренный, помаранный (Рыбн., II, стр. 289, 278).

Нужно, конечно, замѣтить, что увозъ похищенной женщины на кораблѣ встрѣчается не только въ сказаніяхъ о Соломонѣ, наиболѣе

равно какъ и до нашихъ временъ раскольники и простой народъ кое-гдѣ кладутъ покойниковъ въ дубовыя колоды. Известно также, что древнѣйшій обрядъ похоронъ совершался спусченіемъ мертвеца на воду въ ладѣ. На этомъ вѣроятно основывается древне-чешское выраженіе: „йти до *навы*“, то-есть, до корабля или лодки (слич. лат. *navis*, санскр. *navi* и проч.); сюда же должно отнести древне-болг. *наси*—царство мертвыхъ, тартаръ, древне-русское *наше*—покойники и выраженіе: „въ навѣ зрѣти“ въ известной муромской легендѣ. Такъ какъ на ладѣ же прибываютъ изъ невидимаго міра новорожденные эпические герои, а иногда и взрослые, только все же изъ міра таинственнаго, какъ напримѣръ, *Рыцарь лебедя* или малорусскій *Ивася*; то въ чудесной *священной* колодѣ Марьи Юрьевны изслѣдователь древнѣйшихъ эпическихъ преданій не безъ вѣроятности можетъ усмотрѣть любопытный остатокъ сказаній, относящихся къ упомянутымъ выше первобытнымъ обрядамъ и мифологическимъ представленіямъ“ (*Лит. р. лит.*, I, отд. 2, 91—92; Очерки р. нар. слов. и искусства, I, 427).

¹⁾ Ср. *Весел.* Соломонъ и Китевр., 239.

близкихъ къ нашей былинѣ, а повторяется въ цѣломъ рядѣ памятниковъ ¹⁾).

Изъ трехъ пѣсенъ о князѣ Романѣ двѣ имѣютъ, какъ мы видѣли, близкое сходство, а именно: былина о набѣгѣ королевскихъ племянниковъ и былина о похищеніи жены Романовой. Въ той и другой пѣснѣ рѣчь идетъ о захватѣ Романовой жены и о возвращеніи ея на родину ²⁾. Въ былинѣ о похищеніи этимъ рассказомъ объ удаленіи и возвращеніи княгини исчерпывается все содержаніе пѣсни; въ былинѣ о набѣгѣ упомянутый рассказъ соединяется съ другимъ: о походѣ Романа въ Литовскую землю. Третья пѣсня (объ убійствѣ жены) стоитъ особнякомъ, хотя и въ ней дѣйствующими лицами выступаютъ князь Романъ и его жена.

Чтобы выяснитъ себѣ основной составъ и постепенное развитіе пѣсенъ, связанныхъ съ именемъ князя Романа, остановимся прежде всего на послѣдней пѣснѣ.

Пѣсня о томъ, какъ князь Романъ убилъ жену, имѣетъ видъ какого-то отрывка. Она начинается довольно необычно для народной пѣсни, безъ вступленія, прямо упоминаемъ о совершенномъ убійствѣ:

Какъ князь Романъ жену тераль,
Тераль-терзаль, въ рѣку бросаль,
Во ту рѣку во Смородину.

За что князь убилъ жену, при какихъ обстоятельствахъ? Пѣсня

¹⁾ *Гирничниковъ*, Поэмы ломб. ц., 178—179; *Ор. Миллеръ*, Илья Муромецъ, 560; *Халанскій*, Великор. былины, 160—165.

²⁾ Въ пересказахъ былины о нападеніи на Романа польскихъ королевичей взятая ими въ плѣнъ женщина называется, какъ мы видѣли, то женой, то сестрой, то племянницей Романа. Слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, отдать предпочтеніе первому обозначенію а) на основаніи сравненія былины о нападеніи польскихъ князей съ былиной о похищеніи Марьи Юрьевны: въ этой послѣдней былинѣ, передающей эпизодъ похищенія отдѣльно отъ другихъ подробностей, изложенныхъ въ былинѣ о нападеніи, похищенной представляется именно *жена* Романа; б) на основаніи сравненія пѣсни о нападеніи королевичей съ отгвѣченными выше сказаніями о похищенныхъ женахъ (о женѣ Соломона). Подробности этихъ послѣднихъ сказаній могли оказаться въ былинахъ о Романѣ только въ томъ случаѣ, если похищенной изображалось *жена*. Любопытно, что въ югославянскихъ пѣсняхъ о похищеніи жены Марка королевича встрѣчается подобная же замѣна: вмѣсто жены называется въ нѣкоторыхъ вариантахъ сестра. Первое обозначеніе признается и здѣсь первоначальнымъ (*Халанскій*, Замѣтки, по славнар. поэзіи, 27—43).

о Романи молчить объ этомъ. Иначе представляется дѣло въ тѣхъ безыменныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ въ положеніи князя Романа является «казакъ», или «молодой маіоръ», или просто «добрый молодецъ»¹⁾. Въ этихъ безыменныхъ пересказахъ пѣсня начинается не *ex abrupto*, а открывается вступительною картиной, знакомою по многимъ другимъ памятникамъ народной поэзіи:

У ключа было у гремчаго
Донекой казакъ коня поилъ (Кир., V, 113).

Въ малорусскомъ вариантѣ:

Коло колодезя, коло дубового,
Ой тамъ козакъ коні наповввъ (Чуб., V, 795).

Въ одномъ рядѣ пересказовъ вслѣдъ за этою вступительною картиной слѣдуетъ рассказъ объ убійствѣ

Гдѣ коня поилъ, тутъ жену терялъ.
(Кир., V, 113, стр. 114, 115, 117. Чуб., 1 с.)

Или,

У колодезя у студенаго
Добрый молодецъ тутъ коня поилъ,
Онъ поилъ коня, самъ выглаживалъ,
Онъ выглаживалъ, выхорашивалъ:
„Охъ ты стой-постой, мой добрый конь!“
Во кусту, во кусту во ракивовомъ,
Тутъ Донской казакъ жену терялъ.
(Кир., V, стр. 120, ср. 120—121, 123).

Въ другомъ рядѣ пересказовъ вступительная картина распространяется новою чертой:

У колодда у студенаго
Молодой маіоръ коня поилъ,
Красная дѣвица воду черпала (ib., 127).

Эта красная дѣвица представляется или только свидѣтельницей преступления, или соумышленницей убійцы:

Изъ-подъ камушка—камня бѣлова
Протекала тутъ рѣка быстрая.
Какъ по той ли лз рѣченьки
Плыла легка лодочка.
За той ли за лодочкой
Плылъ тамъ корабличекъ,
Въ томъ ли корабличкѣ
Душа красна дѣвица.

¹⁾ Пѣсни *Киртескаго*, V, 113—127 (13 пересказовъ). Нужно еще указать малорусскій вариантъ (*Чубинскій*, Труды экспед. въ зап.-русс. край, V, стр. 795, № 369).

Она мылася и бѣлилася,
И бѣлилася, и румянилася,
Нарумянившись, на гору взшла.
Какъ увидѣла она добраго молодца
У колодезя у студенаго:
Онъ стоялъ тутъ и коня поилъ,
Не коня поилъ, жену терялъ. (Кир., 123—124, ср. 119).

Иначе:

Во колодезяхъ Молодой Маіоръ самъ коня поилъ,
Напоя коня сталъ думу думати,
Думу крѣпкую съ красною дѣвкою:
„Красная дѣвушка, какъ мнѣ быть,
Какъ мнѣ быть, какъ жену сгубить?“ (126, ср. 122),

Послѣ вступительной сцены въ пѣснѣ передается послѣдняя просьба несчастной жены:

Жена мужу взмолилася,
Ниже пояса поклонилася:
„Мужъ мой, батюшко, Донской казакъ,
Не теряй меня рано съ вечера,
Потеряй меня во глуху полночь,
Какъ добры люди спать полягутся,
Наши дѣтушки угомонятся“.

По утру дѣти ищутъ мать, не находятъ ея, спрашиваютъ отца и т. д., какъ въ знакомой намъ пѣснѣ о князѣ Романѣ.

Въ одномъ изъ пересказовъ пѣсни о женоубійствѣ отецъ говоритъ дѣтямъ:

Ваша матушка распутная,
Пошла гулять съ полюбовникомъ (ib. 114).

Это обвиненіе, передаваемое въ одномъ только пересказѣ, представляетъ лишь одну изъ тѣхъ отговорокъ, которыми отвѣчаетъ убійца на вопросы дѣтей о матери. Видѣть въ этихъ словахъ указаніе на причину убійства нельзя. Истинный мотивъ преступленія опредѣляется вступительною сценой. Приближеніе къ колодезю, поевіе коня—символическая картина, встрѣчаемая обыкновенно въ пѣсняхъ при описаніи любовнаго свиданія ¹⁾. Поэтому упоминаніе о встрѣчѣ

¹⁾ „У криницы“, говоритъ Костомаровъ,—„мѣсто первой любви и вообще любовныхъ свиданій... Особенно любимый народною поэзіею образъ: казакъ поить коня, а дѣвица беретъ воду; тутъ между ними происходитъ разговоръ: казакъ просить дѣвицу напоить коня изъ криницы, а скромная дѣвица отвѣчаетъ, что она еще не принадлежитъ ему, чтобы поить его коня“ (Всегда, 1872, V, 111, въ ст. „Историч. значеніе ю.-р. нар. творчества“. Ср. В. Миллеръ, Слово о полку Игоревѣ, 236—238.

героя пѣсни съ красною дѣвицей (хотя и опускаемое въ нѣкоторыхъ пересказахъ) нужно считать существенною и первоначальною чертою пѣсни объ убійствѣ жены. Пропускъ этой подробности лишаетъ вступительную часть пѣсни ея истинно-эпическаго значенія: сцена у колодца получаетъ при этомъ видъ случайной обстановки, при которой совершено убійство, а такая случайность не имѣетъ мѣста въ произведеніяхъ народнаго творчества. Кромѣ того, указаніе на встрѣчу героя пѣсни съ красною дѣвицей, указаніе на новую любовь, которая и вызвала убійство постылой жены, вполне отвѣчаетъ заключенію пѣсни: отецъ, утѣшая дѣтей, говоритъ, что приведетъ онъ имъ «молодую мать» (118, 127). Пѣсня такимъ образомъ получаетъ законченность и опредѣленный порядокъ: женатый человекъ, любивъ другую (сцена у колодца), убиваетъ жену и собирается жениться на дѣвушкѣ, возбудившей его позднюю страсть.

Примѣненная къ князю Роману, эта пѣсня потеряла существенное измѣненіе: вся первая часть (сцена у колодца, рѣчь жены) оказывается отброшеною, не будучи замѣнена никакою новою добавкою. Это важное измѣненіе не можетъ быть признано случайнымъ, потому что оно повторяется во всѣхъ пересказахъ пѣсни о Романѣ, а такихъ пересказовъ, записанныхъ въ разное время и въ разныхъ мѣстностяхъ, сохранилось не мало. Ясно, что въ сознаніи пѣвцовъ примѣненіе первой части пѣсни о женоубійствѣ къ князю Роману оказывалось неудобнымъ, неумѣстнымъ, а это въ свою очередь съ очевидностью показываетъ, что князь Романъ, введенный въ пѣсню о женоубійствѣ, не былъ для пѣвцовъ только именемъ, которое можно было подставить для того, чтобы какъ-нибудь назвать пѣсеннаго героя, а былъ живымъ и опредѣленнымъ эпическимъ образомъ, съ которымъ приходилось считаться, къ которому нужно было прилаживать пѣсню, дѣлая соответствующія измѣненія въ ея составѣ. Ясно также съ другой стороны, что и самое примѣненіе къ Роману той или другой пѣсни, при необходимости допустить опредѣленное эпическое значеніе этого имени, могло состояться только въ томъ случаѣ, если содержаніе примѣняемой пѣсни могло дать къ этому поводъ, если между этою пѣсней и тѣмъ, что извѣстно было о Романѣ, оказывалось нѣкоторое соответствіе.

Въ пѣснѣ о женоубійствѣ, примѣненной къ Роману, отброшена вступительная сцена, изъ которой мы узнаемъ, что убійство вызвано было не виной жены, а несчастною страстью мужа. Ясно, что эта сцена, а слѣдовательно, и указанная въ ней причина убійства, не могли быть примѣнены къ князю Роману. Для убійства совершен-

наго Романомъ, предполагался, очевидно, какой-то другой мотивъ. Какой же?

Пѣсня о Романѣ изображаетъ расправу его съ женой не только какъ убійство, но какъ истязаніе, терзаніе:

Ужь какъ князь Романъ жену терялъ,
Онъ терялъ—терялъ и тѣло терзаль,
Онъ терзаль—терзаль и во рѣку бросаль (100).

Это указаніе на терзаніе повторяется во *всѣхъ* вариантахъ съ именемъ Романа (102, 104, 106, 108). Ни въ одномъ, напротивъ, безыменномъ пересказѣ подобнаго выраженія нѣтъ. Далѣе, въ одномъ изъ вариантовъ убійство, совершенное Романомъ, представлено такъ:

Во чистомъ полѣ подь пвкою,
Подь ивкою, подь раикткою,
Князь Романъ тутъ жену терялъ.
Пускалъ руду во сыру землю,
Металь тѣло по чисту полю (100).

Это разбрасываніе тѣла вполне отвѣчаетъ той картинѣ отысканія частей трупа, которую находимъ въ пересказѣ Кириши Данилова (III). Такихъ подробностей нѣтъ также ни въ одномъ изъ безыменныхъ вариантовъ.

При разсказѣ о томъ, какъ жена поплатилась жизнью за преступное увлеченіе мужа, картина истязанія была, конечно, рѣшительно неумѣстна. Влюбленному убійцѣ не за что было терзать свою жертву. Въ иномъ видѣ представляется убійство, совершенное Романомъ. Если онъ не убиваетъ только, а еще терзаетъ жену, то, очевидно, его преступленіе имѣло, по мысли пѣвцовъ, иной смыслъ. Вызвано было инымъ мотивомъ, чѣмъ преступленіе «добраго молодца». Романъ убиваетъ въ гнѣвѣ, изступленіи; онъ не убиваетъ, а мучительно казнить. Гнѣвъ былъ же чѣмъ-нибудь вызванъ; казнь послѣдовала за какую-нибудь вину. По одному изъ пересказовъ Романъ говоритъ дочери:

Ахъ, свѣтъ, моя дочь любезная!
Не я терялъ, не мои руки;
Потеряло ея слово противное (108).

Придавать этой Романовой отговоркѣ рѣшающее значеніе нельзя не только потому, что подобное указаніе дано однимъ только вариантомъ, но и по рѣшительному несоответствію вины и наказанія. Народный эпосъ нерѣдко изображаетъ намъ расправу мужа съ женой, расправу, оканчивающуюся смертью, но эта расправа всегда вызывается одною, самою тяжкою, по мысли пѣснотворцевъ, женскою

виной—измѣной, невѣрностью. Такъ именно истязаетъ и губитъ свою преступную жену Иванъ Гоудиновичъ:

Старалъ Иванъ на рѣзвы ноги,
Взимаеъ тую сабельку вострую,
Отсѣкъ еѣ бѣлы рученьки,
Отсѣкъ, самъ выговаривалъ:
„Этыхъ мнѣ рученекъ не надобно;
Обнимали поганого Татарина“.
Отсѣкъ ей уста сахарнія,
Отсѣкъ, самъ выговаривалъ:
„Этыхъ мнѣ губушекъ не надобно
Цѣловали поганого Татарина“.
Отсѣкъ ей рѣзвы ноженьки,
Отсѣкъ, самъ выговаривалъ:
„Этыхъ мнѣ ноженекъ не надобно:
Охапляли поганого Татарина“ (Рыбн., I, 201).

Подобно Ивану Гоудиновичу губитъ Добрыня Марину Игнатъевну (Кн. р. II, стр. 60). Инымъ, еще болѣе жестокимъ способомъ расправляется съ невѣрной женою Потокъ:

Настасью, Лебедь Бѣлую, дочь Лиходѣвну
Къ семи жеребцамъ къ хвостамъ привазалъ;
По чисту полю ее раздернули (Рыбн., I, 227).

Такое же значеніе мучительной казни измѣнницы должно представлять то женоубійство, которое изображается въ пѣснѣ о князѣ Романѣ. Но какъ объяснить появленіе такой пѣсни? Измѣненія, которымъ подверглась пѣсня о женоубійствѣ въ примѣненіи къ Роману, заставили насъ признать, что имя князя Романа связано было въ мысли пѣвцовъ съ какими-то опредѣленными преданіями, вліяніемъ которыхъ и можно только объяснить упомянутыя перемѣны. Пѣсенныя преданія о князѣ Романѣ знакомы намъ теперь по былинамъ о захватѣ въ плѣнъ Романовой жены. Если эти былины и пѣсни о женоубійствѣ Романа не представляютъ лишь случайнаго сходства въ имени героя, а дѣйствительно относятся къ одному и тому же эпическому лицу, то между означенными былинами и тѣми измѣненіями, которыя отыскиваются въ пѣснѣ о женоубійствѣ, приуроченной къ Роману, должно оказаться извѣстное соотвѣтствіе.

Такое соотвѣтствіе дѣйствительно есть. Былины о похищеніи жены могутъ объяснить пѣсню объ убійствѣ. Намъ нужно при этомъ остановиться прежде всего на одномъ эпизодѣ былины о двухъ королевичахъ. Былина говоритъ о троекратномъ сигналѣ, которымъ вызываетъ свою дружину князь Романъ, пробравшійся къ похитителямъ своей жены. Эта подробность, какъ было уже замѣчено, встрѣ-

чается и въ другихъ памятникахъ и притомъ въ такомъ же сочетаніи, какъ и въ былинѣ о Романѣ: троекратнымъ сигналомъ вызывается дружину мужъ, отыскивающій похищенную жену. Похищенная оказывается обыкновенно измѣнницей. Типическимъ образцомъ такого рода сказаній могутъ служить повѣсти о Соломонѣ. У этого мудраго царя похищена была жена. На чужбинѣ она успѣла привязаться къ похитителю. Соломонъ, пробравшійся къ измѣнницѣ, схваченъ и по ея совѣту приговоренъ къ повѣшенію:

И приходитъ прекрасный царь Василій Окульевичъ

И заходитъ въ палату бѣлокаменну.

Говоритъ царица Саламанія:

„Ты прекрасный царь, Василій Окульевичъ!

Кого мы боялись съ поры,

И кого мы боялись по два года,

Тотъ замкнуть нонь въ окованъ ларець.

.

Ты поди-тка во славное чисто поле,

Поставь-ка два столбика точеныхъ,

И клади-тка во славное чисто поле,

И клади-тка грлдочку орленую,

Наладь-ка петелку шелковую;

И мы повѣсимъ-ка царя Саламона.

Во эту во петелку шелковую“ (Рыбн., II, 283—284).

Когда Соломона ведутъ на казнь, онъ проситъ позволенія три раза поиграть на трубѣ; вызванная этимъ сигналомъ дружина выручаетъ царя изъ бѣды и помогаетъ ему расправиться съ врагами. Соломонъ казнить похитителя и его помощника, а потомъ и свою невѣрную жену;

И повѣсили царицу Саламанію

Во тую во петелку шелковую (ib., 287).

Замѣчено, что совершенно сходное приключеніе (отыскиваніе жены и казнь ея за измѣну) разсказывается въ нѣкоторыхъ памятникахъ европейскаго эпоса (французская поэма о Bastard de Buillon, португальскія преданія о королѣ Рамиро ¹⁾). Не можетъ подлежать сомнѣнію, что указанные выше подробности проникли въ пѣсни о князѣ Романѣ именно какъ реминисценціи такихъ сказаній объ отыскиваніи похищенной жены, какъ сказаніе о Соломонѣ. Но пѣсня о плѣнѣ Романовой жены останавливается при этомъ, такъ сказать, на полпути: жена Романова не похожа на Саламанію; она любитъ мужа и остается вѣрна ему. Пѣсня о женоубійствѣ Романа идетъ дальше въ

¹⁾ См. выше стр. 22—23. Ср. *Миллеръ*, *Илья Мур.*, 372.

смѣшеніи сказаній. Она пытается дополнить рассказы о Романѣ такою чертой, которая подсказывалась аналогіей сказаній о похищенныхъ женахъ ¹⁾. Въ этой пѣснѣ Романова жена оказывается такою же измѣнницей, какъ похищенные жены типа Соломоновскихъ сказаній. Припомнимъ, что близкое сходство пѣсенъ о Романѣ съ сказаніями о Соломонѣ замѣчается и въ другихъ пунктахъ. Такъ, въ былинѣ о похищеніи Романовой жены приключеніе это изображается какъ мы видѣли, въ чертахъ, напоминающихъ похищеніе жены Соломона (корабль; дѣтинушка поваренный). Былина о набѣгѣ королевичей изображаетъ Романа проникающимъ къ похищенной оборотнемъ; къ оборотничеству прибѣгаетъ и Соломонъ, отыскивающийъ жену. Быть можетъ, и самое соединеніе въ одну былинку двухъ рассказовъ изъ жизни Романа (возвращеніе изъ плѣна Романовой жены и война съ Литвой) явилось не безъ вліянія литературной аналогіи. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не обратить вниманія на то, что пѣсня о похищеніи и возвращеніи Романовой жены рассказываетъ эти событія, не упоминая ни о набѣгѣ сосѣдей-враговъ, ни о походѣ противъ нихъ Романа. Видѣть въ этой былинѣ обособившійся эпизодъ былинны о набѣгѣ едва ли можно, потому что трудно указать причину или поводъ такого выдѣленія. Скорѣе можно предположить, что пѣсни о Романовой женѣ и о походѣ Романа въ Литовскую землю имѣли первоначально видъ отдѣльныхъ рассказовъ, которые только позже слились въ одну былинку по аналогіи сказаній о похищенныхъ женахъ.

Но это воздѣйствіе литературной аналогіи, такъ ясно выступающее въ пѣсняхъ о князѣ Романѣ, не дошло однако, какъ видимъ, до уподобленія одного сказанія другому. Рядомъ съ чертами сходства отыскиваются и черты различія. Подъ вліяніемъ аналогіи пѣсня о женоубійствѣ Романа рассказываетъ о казни измѣнницы. Но былинны о набѣгѣ и о похищеніи не знаютъ этой подробности. Развязка этихъ былинъ совсѣмъ иная, чѣмъ въ сказаніи о Соломоновой женѣ, и т. п.

¹⁾ Въ сказаніи о похищеніи жены Соломона рассказывается, что Соломонъ, пробравшійся во владѣнія похитителя, встрѣчается прежде всего съ служанкой, черпавшею воду: „пріиде въ садъ, гдѣ черпають воду Китоврасу парю, и выиде дѣвка по воду въ садъ со златымъ кубцомъ, и рече Соломонъ: „дай же ми, дѣвица, изъ сего кубца испити“ и т. д. (*Веселовскій*, Разысканія, V, 78). Та же подробность повторяется въ пѣсняхъ о женѣ Марка Королевича (*Халаевскій*, I. с.). Можно бы предположить, что этотъ эпизодъ встрѣчи съ служанкой могъ дать поводъ къ сближенію пѣсни о женоубійствѣ, открывающейся сценой у колодца, съ пѣснями о похищеніи жены, къ которымъ примкнула и былина о женѣ кн. Романа; но этой догадкѣ мѣшаетъ отсутствіе упоминанія о встрѣчѣ съ дѣвицей во всѣхъ тѣхъ вариантахъ пѣсни объ убійствѣ жены, гдѣ выступаетъ кн. Романъ.

Если ближе присмотрѣться къ былинамъ о Романѣ, то въ нихъ отыщется нѣсколько такихъ подробностей, которыя являются неумѣстными въ пѣсняхъ о похищенной женѣ, и присутствіе которыхъ указываетъ на нѣкоторую традицію, которая сдерживала и ограничивала вліяніе аналогіи. Слѣды этой традиціи даютъ намъ возможность разглядѣть первоначальныя очертанія пѣсенъ о Романѣ, просвѣчивающія сквозь слой позднѣйшихъ измѣненій. Такимъ, напримѣръ, остаткомъ первоначальнаго вида пѣсенъ о Романѣ слѣдуетъ признать упоминаніе похищеннаго малютки въ былинѣ о набѣгѣ королевичей. Нечего и говорить, что въ пѣснѣ на тему о похищеніи замужней красавицы эта черта совершенно лишняя: похитителю нужна чужая жена, а не чужая семья. Очевидно, въ первоначальномъ видѣ пѣсенъ о Романѣ условия, при которыхъ удалялись на чужбину, а потомъ возвращались домой жена князя и его ребенокъ, не имѣли ничего общаго съ сказаніями о похищенныхъ женахъ: Позже, при измѣненіяхъ пѣсни подъ вліяніемъ эпической аналогіи, указанная подробность (похищенный ребенокъ) утрачивала смыслъ и должна была исчезнуть. Она и исчезла въ самомъ дѣлѣ въ пѣснѣ объ увозѣ Романовой жены, потому что пѣсня эта въ большей степени подверглась дѣйствию литературныхъ вліяній, чѣмъ пѣсня о набѣгѣ королевичей. Въ пѣснѣ объ увозѣ ясно выраженъ мотивъ похищенія, мотивъ совершенно сходный съ сказаніями Соломонова типа:

И пришелъ дѣтнунка поваренный
 Къ Манулу сыну Ягайлову.
 Онъ встрѣчаетъ его съ честью, съ радостью,
 Онъ бралъ Марью за руки за бѣзья,
 За тѣ ли перстни злеченя,
 Онъ хочетъ цаловать ея въ сахарны уста
 Говоритъ ему Марья Юрьевна:
 „У насъ до трехъ годовъ не цалуются,
 Не цалуются не обнимаются“ (94).

Въ былинѣ о нападеніи королевичей нѣтъ такихъ подробностей. Далѣе, между пѣсней о похищеніи Романовой жены и былинной о набѣгѣ польскихъ князей есть еще другая любопытная разница. Въ пѣснѣ объ увозѣ похититель одинъ; тѣ люди, которые захватываютъ Марью Юрьевну, только исполняютъ волю этого похитителя. Это вполне отвѣчаетъ разсказу о похищеніи Соломоновой жены. Въ былинѣ о набѣгѣ похитителями являются два брата, два королевича: обстоятельство, исключющее тотъ мотивъ похищенія, который слышится въ пѣснѣ объ увозѣ. Ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ остаткомъ такого разсказа объ удаленіи на чужбину Романовой жены,

который был построен совершенно иначе, чѣмъ рассказъ о похищеніи замужней красавицы.

Такимъ образомъ въ пѣсняхъ, связанныхъ съ именемъ кн. Романа, ясно замѣчается борьба двухъ теченій. Одно теченіе позднѣйшее, опредѣлявшееся вліяніемъ элической аналогіи, втягивавшей пѣсни о Романѣ въ кругъ сказаній Соломонова типа. Другое теченіе древнѣйшее, теченіе исторической традиціи, опредѣлявшейся первоначальнымъ составомъ были о кн. Романѣ и его семьѣ. Мы видѣли въ чемъ именно сказалось вліяніе аналогіи, видѣли также, что комбинаціи, данная этимъ позднѣйшимъ вліяніемъ, не вездѣ хорошо прилажены къ составу пѣсенъ о Романѣ, не вездѣ оказываются умѣстными. Ясно, что преданіе успѣло прочно установить основные факты сказаній о Романѣ; позднѣйшая обработка пѣсенъ могла внести новые мотивы и подробности, но остовъ пѣсенъ оставался неизмѣннымъ. Этотъ традиціонный остовъ сводится къ слѣдующимъ фактамъ:

1) Князь Романъ ведетъ борьбу съ двумя сосѣдними князьями, родными братьями: дружины этихъ сосѣдей вторгаются въ русскія области; кн. Романъ оплачиваетъ за этотъ набѣгъ походомъ въ землю непріятелей.

2) Семья Романа, его жена и малолѣтній сынъ, принуждены удалиться на чужбину; они—въ плѣну у тѣхъ именно князей, съ которыми борется Романъ. Позже княгиня и юный князь возвращаются на родину.

Въ историческихъ чертахъ былинь о кн. Романѣ, въ ихъ географической и этнографической терминологіи, замѣчается такая же двойственность, такая же борьба двухъ теченій, какъ и въ подробностяхъ, касающихся состава былинь. Одно теченіе указываетъ на западно-русскія отношенія: выступаютъ король земли польской, его племянники, русскій князь Романъ, владѣнія котораго сосѣдять съ землей, принадлежащей королю.

Другое теченіе привноситъ черты восточно-русскихъ отношеній: Романъ—князь Московскій; его враги—татары; въ нѣкоторыхъ пересказахъ появляются, какъ дѣйствующія лица, Никита Романовичъ и Иванъ Грозный. Едва ли нужно доказывать, что первое теченіе есть древнѣйшее, первоначальное, основное. Стоитъ только прочесть тѣ мѣста былинь о Романѣ, гдѣ встрѣчаются историческія и

географическія упоминанія, чтобы тотчасъ замѣтить, что московскія черты являются несомнѣнною и очевидною примѣсью, притомъ же плохо примѣненною и ясно отдѣляющеюся. Вотъ примѣры:

У того же короля да Политовскаго
Пированьцо было на третій день.

Сидятъ на пиру два малыхъ два Витвичка,
Два тыхъ поганныхъ Татарина (Г и л ѣ ф., ст. 100).

Или:

Ай какъ у Чембала¹⁾ короля у Литовскаго
Ай какъ было столованье почестенъ пиру
А для своихъ какъ для пановъевъ для улановъевъ
А для бурзовъ поганныхъ татаровъевъ (ib., 399),

Что упоминаніе здѣсь татаръ неумѣстно и неудачно, ясно само собою. Припомнимъ при этомъ, что дядя «двухъ витниковъ» во всѣхъ пересказахъ называется королемъ. Въ былинѣ объ увозѣ Романовой жены лицомъ, для котораго совершаеся похищеніе, называется Мануйло Ягайловичъ (Кир. V, 94), имя несомнѣнно связанное съ воспоминаніями изъ польско-литовской исторіи; въ другомъ пересказѣ въ томъ же положеніи выступаетъ Батышъ царь Батурьевичъ, властитель «земли Бусурманской» (ib. 99). Что первое обозначеніе слѣдуетъ признать отзвукомъ отношеній, изображавшихся въ первоначальномъ сказаніи о Романѣ, а второе—позднѣйшимъ измѣненіемъ, это подтверждается всѣмъ складомъ русскаго былеваго эпоса. Враги, съ которыми борются обыкновенно наши былинные воители,—татары. Перенесеніе этихъ постоянныхъ враговъ въ пѣсню, изображавшую первоначально инныя отношенія,—явленіе понятное и нерѣдкое²⁾. Обратное измѣненіе, то-есть замѣна болѣе употребительнаго наименованія менѣе употребительнымъ, представляется явленіемъ маловѣроятнымъ. Далѣе, что касается главнаго героя разсматриваемыхъ пѣсень, то нельзя не обратить вниманія на замѣчательную устойчивость его имени. Его постоянно, удерживаемое во всѣхъ почти пересказахъ имя—князь Романъ. Князь этотъ представляется въ былинахъ владѣющимъ «каменной Москвой», называется

¹⁾ Имя Чимбалъ напоминаетъ имя татарскаго царя Кумбала въ былинѣ о Суровцѣ-Суздалицѣ. Выраженіе: „панове-уланове“ встрѣчается и въ другихъ былинахъ (см., напримѣръ, Пѣсни, собр. *Киржевскимъ*, III, 16).

²⁾ Подобное же смѣшеніе Татарщины съ Литвой и Польшей—въ пѣсняхъ о женитьбѣ Ивана Грознаго (*Веймбергъ*, Пѣсни объ Иванѣ Грозномъ, 12—13) Упоминаніе враждебной Литвы не рѣдко и въ малор. пѣсняхъ (*Потемня*, Объясненіе пѣсень, 35—36).

прямо «Московскимъ княземъ» (Рыбн. I, № 74); но нечего и говорить, что московскія историческія преданія не могли подсказать этого имени. Это имя могло удержаться только въ силу пѣсенной традиціи, указывающей, вопреки упоминанію Москвы, на иной край Русской земли, на иную, не-московскую эпоху. Отыскать этотъ край и эту эпоху не трудно. Изъ князей, носившихъ имя Романа, можно указать только одного, воспоминанія о которомъ могли дать такое эпическое отраженіе, какое мы видимъ въ разсматриваемыхъ былинахъ. Это—князь Галицкій и Волынской Романъ Мстиславичъ, знакомый намъ уже по лѣтописямъ и народнымъ преданіямъ.

Остается еще коснуться обозначенія той страны, куда направляетъ своихъ племянниковъ Польскій король. Вмѣсто того, чтобы нападать на владѣнія могучаго князя Романа, король совѣтуетъ племянникамъ идти въ землю Левонскую (Рыбн., I 73; 74) или Лимонскую (Гильф., 71). Въ этомъ названіи не трудно, конечно, угадать землю Ливонскую. Черты въ какихъ изображается въ былинахъ эта «Левонская земля», вполне совпадаютъ съ тѣмъ представленіемъ о Ливоніи, которое составилось у русскихъ людей послѣ ближайшаго знакомства съ этою страной во время походовъ Ивана IV. Въ былинѣ о землѣ Ливонской говорится такъ:

Поѣзжайте вы во землю во Левонскую.

 Тамъ молодцы по спальнымъ засыпалися,
 А добры кони по стойламъ застоилися,
 Цвѣтно палтыце по вышкамъ залежалося,
 Золота казна по погребамъ запасена.
 Тамъ получите удалыхъ добрыхъ молодець,
 Тамъ получите добрыхъ коней,
 Тамъ получите цвѣтно палтыце,
 Тамъ получите безсчета золоту казну (Рыбн., I, стр. 243).

Или:

А поѣзжайте-тко во землю во Лимонскую.
 Ай какъ та земля есть пребогатѣюща,
 Ай какъ въ той земли много есть краснаго золота,
 Ай какъ въ той земли много есть да чиста серебра,
 Ай какъ много есть мелкаго скатняго да жемчугу,
 А силы-рати въ ней мало можется.
 Ай какъ можете тую землю въ полонь-то взять.
 (Гильф., ст. 401).

Очень сходное съ этимъ изображеніе Ливоніи находимъ у Курбскаго въ его исторіи Ивана IV: «И воевахомъ ее (Ливонію) мѣсяць цѣлый, и нигдѣже опрощася намъ битвою; точю со одинаго

града изошли сопротивъ посылокъ нашихъ, и тамо поражено ихъ. И шли есмь ихъ землю, воююще вдоль вѣще четыредесять миль, и изыдохомъ въ землю въ Лифляндскую съ великаго мѣста Пскова, и вышли есмь совсѣмъ здраво съ ихъ земли ажъ на Иванъ-градъ, вколо ихъ землею ходяще; и изнесоша съ собою множество различныхъ корыстей: понеже тамъ земля зѣло была богатая и жители въ ней быша такъ горды зѣло, иже и вѣры христіанскія отступили, и обычаевъ и дѣлъ добрыхъ праотецъ своихъ, но удалилися и ринулися всѣ ко широкому и пространному пути, сирѣчь къ пьянству многому, и невоздержанію, и ко долгому спанію, и лѣннеству, къ неправдамъ и кровопроливанію междоусобному, яко есть обычай презлыхъ ради догматовъ, таковымъ и дѣломъ послѣдовати»¹⁾. Такое же сужденіе о положеніи Ливоніи влагасть Курбскіи въ уста «славнаго начальника Лифляндскаго, храбраго мужа Филиппа ленсмаршалка». Вотъ что говорилъ этотъ Филиппъ: «Нынѣ, егда отступихомъ отъ вѣры церковныя, и дерзнухомъ, и опровергохомъ законы и уставы святые, и пріяхомъ вѣру новозобрѣтенную, и затѣмъ въ невоздержаніе ко широкому и пространному пути вдахомся, вводящему въ погибель: и явственнѣе нынѣ обличающе Господь грѣхи наши и казняще насъ за беззаконія наши, предавъ насъ въ руки вамъ, врагомъ нашимъ. И яже сооружили были прародители наши намъ грады высокіе и мѣста твердыя, палаты и дворы пресвѣтлыя, вы, о томъ не трудившись, ни проторовъ многихъ полагающе, внидоша въ нихъ; садовъ же и виноградовъ нашихъ не насадивше наслаждаетесь, и другихъ таковыхъ устройствъ нашихъ домовыхъ ко житію потребныхъ.—А что глаголю о васъ, иже, аки бы мните, мечемъ побросте? Другіе жъ безъ меча въ наши богатства и стяжанія туне внидоша, ни мало ни въ чесомъ же трудившись, обѣщавающе намъ помощь и оброненіе. Се добра ихъ помощь, иже стоимъ предъ враги связаны»²⁾. Такимъ образомъ, не можетъ быть, кажется, сомнѣнія, что земля Левонская—Ливонія, «земля Лифляндская». Но рядомъ съ этимъ упоминаніемъ Ливоніи, навѣяннымъ московскою эпохой, пересказы былинны даютъ другія географическія названія, указывающія на то, что мѣстомъ дѣятельности «двухъ витниковъ» была первоначально не Ливонія, а какая-то другая область. Въ пересказѣ Рыбн., I, № 75 вмѣсто Ливоніи называется Кіевъ³⁾.

¹⁾ Сказанія кн. Курбскаго, изд. 3, стр. 47—48.

²⁾ Ibid. 65—66.

³⁾ Въ пересказѣ *Гильф.* № 42 названіе страны, куда должны отправиться королевичи, забыто. Упоминается просто „чисто-поле“.

Въ пѣснѣ, помѣщенной въ сборникѣ *Тихомирова* и *Миллера* (№ 69) упоминается «золотая орда». Въ пересказѣ Гильф., № 12 король направляетъ своихъ племянниковъ въ Индію богатую, въ Корелу проклятую:

„Поѣзжайте-тко въ Индѣю во богатую,
„А во ту Корелушку проклятую“.

Племянники

А послухали тутъ дядюшки да стараго,
Стараго тутъ дядюшки, матераго,
А того же короля да Политовскаго,
А поѣхали они да во Индѣюшку,
А подѣ ту было Индѣю подѣ богатую,
А подѣ ту было Корелу подѣ проклятую.
Разорили тутъ Индѣю всю богатую,
Разорили всю Корелушку проклятую.
Изъ конца они въ конецъ да съ головней пропан.
(ст. 101) ¹⁾.

Эта Индія-Корела хорошо знакома намъ по другимъ былинамъ, гдѣ она обыкновенно соединяется съ другимъ названіемъ, съ *Во-лынцемъ-Краснымъ Галичемъ*. Напримѣръ, въ былинѣ о Дюкѣ:

Изъ славнаго города изъ Галича,
Изъ Волянъ-земли богатыхъ,
Да изъ той Корелы изъ упрямые,
Да изъ той Сорочины изъ широки,
Изъ той Индѣи богатые
Не ясенъ соколъ тамъ пролетывалъ и т. д.
(Гильф., ст. 1068).

Въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ:

Изъ Волянца города изъ Галича,
Изъ Волянъ-земли невѣрные,
Изъ той Корелы изъ упрямые
Лежала дорожка широкая и т. д. (ib., 1155).

Въ пѣснѣ о сорока калкахъ:

Изъ Волянца-города, изъ Галича,
Изъ той же Корелы изъ богатыхъ,
Во ту пустыню во Данилову
Собиралося, собрунялося
Сорокъ каликъ со каликою (Кал. пер., I, 21).

Такимъ образомъ, сочетанія *Волянъ-Галичъ* и *Индія-Корела* представляютъ какое-то общее мѣсто нашихъ былинъ, а это наводитъ на догадку, не явилась ли и въ былинѣ о Ромѣнѣ Индія-Ка-

¹⁾ Ср. въ Сл. о Полку Игоревѣ: „смагу мычючи въ пламянѣ розѣ“.

рела изъ сочетанія съ Волинцемъ-Галичемъ, что указывало бы въ свою очередь на первоначальную географію пѣсни? Но допустивъ это, мы должны будемъ признать, что упоминаемые въ пѣснѣ два похода королевичей (въ землю Левонскую и во владѣнія Романа) представляли первоначально только два эпизода изъ исторіи отношеній кн. Романа и его польскихъ сосѣдей. Это соединеніе двухъ эпизодовъ въ одномъ разсказѣ явилось, быть можетъ, плодомъ той компилятивной работы, которую мы предположили въ основѣ пѣсни о двухъ Ливикахъ. Въ пѣснѣ этой слиты были два разсказа: о войнѣ Романа съ Польшей и сбѣ удаленіи на чужбину семьи Романовой. Тотъ и другой разсказъ могъ открываться упоминаніемъ о набѣгѣ: а) польскіе князья нападаютъ на владѣнія Романа; Романъ отплачиваетъ за это походомъ въ Польскую землю; б) польскія дружины вторгаются въ земли Романа; семья Романа принуждена удалиться на чужбину. Диаскевасты пѣсни о двухъ витникахъ, соединяя эти разказы, поставили въ связь удаленіе семьи Романа и его походы въ Польшу; но при этомъ оставался не приуроченнымъ къ общему ходу событій другой польскій набѣгъ, который въ подробностяхъ могъ представлять своеобразныя черты, а потому и не могъ быть безслѣдно опущенъ. Приходилось повторить разсказъ о набѣгѣ два раза; пѣвцы такъ и дѣлаютъ, отличая одинъ набѣгъ отъ другаго чертой, которая могла быть дана и первоначальнымъ сказаніемъ: одинъ набѣгъ сдѣланъ съ согласія короля, даже по его совѣту; другой—противъ его воли. Различеніе набѣговъ по мѣстности могло быть дѣломъ позднѣйшихъ пересказчиковъ. Въ этомъ случаѣ могла оказать вліяніе своеобразная историческая аналогія, слѣды которой наблюдаются въ былинахъ о Романѣ. Передъ мыслью народныхъ пѣвцовъ открывалось какое-то сходство между содержаніемъ пѣсней о Романѣ и явленіями московской исторической жизни XVI вѣка. Этою только аналогіей и можно объяснить, какъ въ былинахъ о Романѣ пробрался Никита Романовичъ и самъ грозный царь Иванъ Васильевичъ ¹⁾. Этою же аналогіей объясняется и упоминаніе Ливонской земли. Въмѣсто «Краснаго Галича» явилось такимъ образомъ два названія: побѣдитель Романъ—владѣлецъ «каменной Москвы»; завоеванная сосѣдями страна «земля Левонская».

¹⁾ Гильф., № 12 и 42.

Имя князя Романа, нѣкоторыя подробности былинь о немъ напомнили намъ образъ Галицко-Волынскаго князя Романа Мстиславича. Но это сопоставленіе пѣсеннаго и историческаго Романа все еще имѣетъ значеніе только догадки, хотя и вѣроятной. Нужно чтобы не имя, не отдѣльныя подробности, а тотъ рядъ фактовъ, который составляетъ основу пѣсенъ о Романѣ, могъ найти себѣ объясненіе въ историческихъ преданіяхъ о Галицкомъ князѣ.

Такое объясненіе дѣйствительно отыскивается. Припомнимъ основные факты пѣсенъ о Романѣ и пересмотримъ ихъ параллельно съ историческими извѣстіями и преданіями о знаменитомъ Галицкомъ князѣ.

1) Эпическій князь Романъ ведетъ борьбу съ двумя братьями. племянниками короля Польскаго: ¹⁾ Въ жизни историческаго Романа важное, роковое значеніе имѣла его борьба съ родственными ему польскими князьями, двумя братьями Лешкомъ и Конрадомъ Казимиричами. Въ 1194 г. кн. Романъ выступилъ съ своими войсками на помощь этимъ юнымъ князьямъ, «королевскимъ двумъ племянникамъ», которые боролись съ своимъ дядей Мечиславомъ († 1202). Раненый въ битвѣ при Мозгавѣ, Романъ долженъ былъ отступить и удалился въ свое княжество. Но этотъ походъ на помощь Лешку и Конраду далъ Роману основаніе требовать отъ этихъ князей вознагражденія: ему хотѣлось присоединить къ своимъ владѣніямъ область Люблинскую, которая находилась подъ польскою властью. По-

¹⁾ Послѣ соединенія Польши съ Литвой русскіе люди привыкли въ теченіе долгаго времени представлять себѣ одного короля польско-литовскаго. „Литва“, была, конечно, болѣе извѣстна, болѣе близка. Поэтому, говоря о королѣ, упоминали часто только о Литвѣ. Напримѣръ:

А и нѣту у насъ царя въ ордѣ, короля въ Литвѣ,
Мы тебя поставимъ царемъ въ орду, королемъ въ Литву.

(*Киртеск.* 3, 121).

Въ загадкахъ: „Никого не боюсь, ни царя въ Москвѣ, ни короля въ Литвѣ“, или: „Видѣла царя въ Москвѣ, короля въ Литвѣ“. (*Садовниковъ*, Загадки русск. народа, стр. 252). Встрѣчаются, впрочемъ, упоминанія и о другой королевской землѣ:

Гуляль-гуляль Дунай да съ земли въ землю,
И загуляль Дунай да къ королю въ Литву,
А къ тому ли королю да Ляховинскому.

(*Киртеск.* 3, 58).

Въ разсматриваемыхъ нами пѣсняхъ король, какъ было уже замѣчено, называется Литовскимъ, или „Полятовскимъ да земли Польскіи“. (*Гильф.* № 12. ст. 100).

лучивъ отказъ, Романъ измѣнилъ свои отношенія къ королевичамъ: «*Nam et negotiantes, говоритъ Длугошъ, in terris suis Polonos singulis fortunis dispoliat et commercia illis cum suis subditis de caetĕro interdicit. Ad haec terras Sandomiriensem et Lubliensem suis finitimas primum clandestinis, mox etiam publicis excursionibus invadit et vexat. In plerisque quoque locis praesidia locat, et milites in frequenti numero illis imponit, terras Leszconis vastaturus, Лешко требуетъ, чтобы Романъ прекратилъ набѣги. Получивъ отказъ, гепрессалибусъ Leszko uti coepit et vicissitudinariis ordinatis praesidiis, Ruthenos temere progressos et ad spolia effusos aliquot certaminibus prosperis stravit eorumque insolentiam brevi composcuit* 1). То же рассказываетъ Бѣльскій. Романъ нападаетъ на Сендомирскую область. Изъ Сендомира отвѣчаютъ вторженіемъ въ Романовы владѣнія. Затѣмъ когда Романъ услышалъ, что противъ него идутъ Лешко и Конрадъ, онъ выступилъ противъ нихъ, при чемъ во время похода дѣйствовалъ съ беспощадною жестокостью 2). Видимъ такимъ образомъ, что борьба вызывала чередованіе нападений: то русскія дружины нападали на польскія земли, то польскія войска вторгались въ Романовы владѣнія. Пѣсня вѣрно передаетъ общій характеръ борьбы Романа съ сосѣдями, удерживая даже точное опредѣленіе противникомъ Галицкаго князя (два королевича). Но при такомъ сходствѣ между пѣсней и историческими извѣстіями о Романѣ есть и существенное различіе. Последній походъ Романа противъ польскихъ князей окончился, какъ извѣстно, несчастно: Романъ былъ убитъ въ битвѣ при Завихвостѣ. Пѣсня же заканчиваетъ борьбу Романа побѣдой и страшною расправой съ противниками. Открывается такимъ образомъ рѣзкая, непереходимая, по видимому, грань между пѣсней и исторіей, между былинной и былью. Но при ближайшемъ ознакомленіи съ историческими преданіями о кн. Романѣ рѣзкія очертанія этой грани сглаживаются. Дѣло въ томъ, что въ ряду извѣстій о последнемъ походѣ Романа мы находимъ и такіе рассказы, которые носятъ несомнѣнные слѣды своеобразнаго патриотизма, не примирявшася съ пораженіемъ и смертью знаменитаго князя. Таковъ рассказъ, переданный Татищевымъ: «Въ концѣ лѣта сего (1205) Романъ, видя что отъ полякъ никоего ему удовольствія не учинено, собравъ войско, пакъ пошелъ въ Польшу къ Люблину и взявъ два города и часть войска, отпустилъ въ развѣздъ къ Сен-

1) Подъ 1204 г.

2) *Kronika Polska* (1830), II, 72—73.

домиру для разоренія земли и множество сельъ пожегъ; но услыша, что поляки идутъ противу его, самъ совсѣмъ пошелъ къ Сендомиру, и перешедъ черезъ Вислу, ставъ на берегу, посылалъ всюду разъѣзды о войскѣ польскомъ провѣдывать, но не могъ никакой подлинно вѣдомости получить. Тогда прѣехали къ нему паки послы о мирѣ, и онъ имѣя съ ними разговоры, и познавъ, что они никакой власти о договорѣ не имѣютъ, послалъ съ ними своихъ пословъ къ Лешку увѣдать о подлинномъ намѣреніи польскомъ, приказавъ, что онъ до получения подлиннаго отвѣта будетъ стоять на томъ мѣстѣ, и разорять болѣе не будетъ; а Лешковы послы договоромъ съ клятвою его увѣрили, что съ ихъ стороны никакого дѣйства военнаго до сѣзда пословъ или отказа не будетъ, что имѣло быть въ десять дней. На сіе Романъ обнадѣлся, велѣлъ всѣхъ посланныхъ по земли для разоренія, разъѣзды возвратитъ къ полкамъ, и ожидая отвѣди той, до урочнаго дня былъ безопасенъ, не думая, чтобъ за положеннымъ договоромъ могло кое отъ полякъ нападеніе учиниться. Но въ седьмый день послѣ отъѣзда пословъ, октября 13-го дня, поѣхалъ съ малыми людьми на псовую охоту прогуляться; и какъ былъ недалеко отъ полковъ, тогда нѣсколько поляковъ стояло въ лѣсу, и усотря его, тотчасъ отъѣхавъ отъ полковъ, напали на него. Романъ, видя такое злоключеніе, мужественно оборонялся, и нѣсколько поляковъ побилъ, доколѣ въ его полкахъ увѣдавъ, на помощь къ нему поспѣшали. Между тѣмъ Романъ проколотъ былъ тяжело копьемъ, и едва отнять его могли и привезли въ обозъ едва жива. Поляковъ же оныхъ едва кто ушелъ, всѣхъ ухвата порубили безъ милосердія, а Романъ того дня скончался. Тысяцкій Романовъ, взявъ тѣло его, возвратился со всѣмъ войскомъ къ Галичу; Лешко же съ польскимъ войскомъ хотя не далѣ полудня былъ, но наступить не смѣлъ и возвратился¹⁾). Оказывается такимъ образомъ, что Романъ вовсе не потерпѣлъ пораженія. Онъ, правда, былъ тяжело раненъ во время нечаяннаго нападенія на охотѣ²⁾, но подоспѣвшая дружина жестоко отплатила врагамъ за рану князя. Поляки были побиты, такъ что едва ли и спасся кто-нибудь изъ нихъ. Это пораженіе навело такой страхъ на Лешка, что онъ поспѣшилъ отступить. Романъ умеръ побѣдителемъ. Слѣды подобнаго же изображенія послѣдняго Романова похода нахо-

¹⁾ Исторія росс., кн. 3, 346—347.

²⁾ При нѣкоторой свободѣ домысла съ этимъ рассказомъ объ охотѣ, во время которой подоспѣваютъ къ Роману его войска, можно бы сопоставитъ былинный эпизодъ о Романовыхъ превращеніяхъ.

димъ въ замѣткѣ такъ-называемой «Подробной лѣтописи»: «По семъ великій князь и самодержецъ Романъ животь смертію премѣни и погребень бысть во Владимірѣ Волынскомъ честно»¹⁾. Въ извѣстномъ сборникѣ былей и небылицъ, носящемъ заглавіе «Россійской исторіи» О. Эмина, говорится, что Романъ удачнымъ набѣгомъ на польскія земли добился своего: Люблинская область была ему отдана. «Тогда послы, именемъ своего государя согласясь на его требованія уступили ему Люблинскую провинцію во владѣніе до тѣхъ поръ, пока не выплатятъ требуемой княземъ Романомъ суммы. Тогда же Романъ удалился въ городъ Галичъ, гдѣ годъ цѣлый владѣвъ мирно скончался, оставивъ послѣ себя наслѣдникомъ первороднаго своего сына Данилу»²⁾. Эти рассказы указываютъ на существованіе преданія, въ которомъ развязка борьбы Романа съ польскими князьями представлялась совсѣмъ не такъ, какъ изображается она въ памятникахъ польской исторіографіи. Что касается народной пѣсни о Романѣ, то въ ней нельзя и ожидать иной развязки, кромѣ той, какую находимъ въ сохранившихся былинахъ. Пѣсня заканчиваетъ походъ Романа такъ, какъ этотъ походъ долженъ бы окончиться, какъ оканчивались другія, болѣе раннія столкновенія Романа съ его сосѣдями.

2) Семья Романа, его жена и малолѣтній сынъ, принуждены удалиться на чужбину; они въ плѣну у тѣхъ королевичей, съ которыми враждуетъ Романъ; позже княжичъ и княгиня возвращаются однако на родину. Такъ рассказываетъ пѣсня. Судьба Романова семейства намъ извѣстна. Послѣ Романа остались два малолѣтнихъ сына: Данилъ 4 лѣтъ и Василько 2 лѣтъ. Данилъ, по смерти отца, провозглашенъ былъ княземъ Галицкимъ, но недолго пользовался этимъ титуломъ. Рюрикъ Ростиславичъ въ союзъ съ Ольговичами Черниговскими двинулся къ Галичу³⁾ Узнавъ объ этомъ, вдова Романа вмѣстѣ съ дѣтьми поспѣшила во Владиміръ Волынской, но скоро ей пришлось покинуть и этотъ городъ. Боясь угрозъ утвердившагося въ Галичѣ Владиміра Игоревича, который хотѣлъ «искоренити племя Романово», княгиня рѣшилась отдаться въ руки враговъ ея мужа, которые еще не прекращали войны съ Галичемъ, съ которыми еще не былъ заключенъ миръ. «Княгини... свѣтъ створи съ Мирславомъ съ дядькомъ, и на ночь бѣжаша въ Ляхы. Данила же возмъ дядьба передъ ся, пзиде пзъ града, Василка же Юрьи погъ съ

¹⁾ Часть I, стр. 118.

²⁾ Т. III, 433.

³⁾ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, 405.

кормилицею возмя, изыде дырею градною, не вѣдяху бо камо бѣ-
 жаше, бѣ бо Романъ убьенъ на Ляхохъ, а Лестько мира не ство-
 рилъ» ¹⁾. Лешко и Конрадъ могли быть довольны: Романа не стала,
 семья его шла къ нимъ въ добровольный плѣнъ. «Богу же бывшу
 послѣшнику, Лестко не помяну вражды, но съ великою честью прія-
 ятровъ свою и дѣятѣ, сожаливъ си и рече: яко дьяволъ есть по-
 вергль вражду сію межи нами» ²⁾. Выказавъ великодушіе побѣди-
 теля, Лешко не думалъ однако оказать дѣятельную помощь искав-
 шимъ его покровительства князьямъ. Даниилъ отправленъ былъ къ
 Угорскому королю; вдова Романа съ младшимъ сыномъ осталась въ
 Польшѣ ³⁾. Спустя нѣкоторое время Василько и его мать выбра-
 лись на Русь по просьбѣ жителей Бреста: «и пріѣхаша Берестыне
 ко Лестькови и просиша Романовой и дѣтате... и вдасть имъ, да
 владѣть ими; они же съ великою радостью срѣтоша ѳ, яко вели-
 каго Романа жива видяще» ⁴⁾. Позже вернулся въ Галичъ и Да-
 нилъ. «Тогда же пріѣха княгини великая Романовая видитъ сына
 своего присного Данила. Тогда же бояре Володимірьстїи и Галич-
 кыи... посадиша князя Данила на столѣ отца своего великаго князя
 Романа ⁵⁾. Въ пѣсенномъ отраженіи удаленіе на чужбину Романо-
 вой семьи представляется плѣномъ, каковымъ оно въ сущности и было.
 Жители Бреста привѣтливо встрѣтили маленькаго князя, возвратив-
 шагося вмѣстѣ съ матерью изъ Польши, «яко великаго Романа жива
 видяще». Привѣтствіе могло быть облечено въ форму величальной
 пѣсни, въ форму обрядоваго славленья. Былина рассказываетъ также
 о возвращеніи изъ плѣна жены Романа и его маленькаго сына, но
 пѣсня не знаетъ лѣтописнаго «яко жива». Романъ дѣйствительно

¹⁾ П. собр. р. лѣтописей, II, 156.

²⁾ Ibid.

³⁾ Лешко и Конрадъ продолжали между тѣмъ вмѣшиваться въ дѣла русскаго княжества. По просьбѣ Александра Всеволодовича, Романова племянника, Лешко двинулся къ Владимиру и, овладѣвъ этимъ городомъ, отдалъ его Александру. Походъ сопровождался грабежомъ и жестокостями. „Возведе Олександръ Лестька и Кондрата. Придоша Ляхове на Володимерь и отвориша имъ врата Володимерци, рекуше: „се сыновець Романови“. Ляхове поплѣниша городъ весь. Олександрю молящюся Лестькови о останцѣ града и о церкви святѣй Богородици; твердымъ же бывшимъ дверемъ, не могоша и съсѣчи, донелѣже Лестько пріѣха и Кондратъ и возбѣста Ляхы своя; ти тако спасена бысть церква и останокъ людїи“ (П. С. Р. Лѣт., II, 156).

⁴⁾ Ibid. 157.

⁵⁾ Ibid. 158.

живъ ¹⁾. Его врагамъ не долго удалось торжествовать. Жена ²⁾ и сынъ Романа, пошавшіе въ плѣнъ, благополучно возвращаются на родину.

Въ заключеніе нужно еще обратить вниманіе на тѣ черты, которыми описанъ въ былевыхъ пѣсняхъ образъ князя Романа.

Романъ—могучій и грозный князь, съ которымъ опасно вступать въ борьбу. Польскій король говоритъ своимъ племянникамъ:

Ай же вы, два любезныи племянника!
 А у меня была пора—сила великая,
 Я не смѣлъ ѣхать да на святую Русь,
 А ко князю Роману Митріевичу (Гильф., ст. 401).
 Сколько я на Русь не ѣзживалъ,
 А счастливъ съ Руси не выѣзживалъ (Рыбн., I, стр. 423).

Въ этотъ изображеніи не трудно узнать лѣтописнаго «великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержьца ³⁾ всея Руси, одолѣвша всимъ поганьскимъ языкомъ».

Пѣсенный Романъ—человѣкъ необыкновенный:

А какъ ѣнъ да хитѣръ мудѣръ,
 А какъ знать языки какъ ужъ птичьин,
 Знать ѣнъ языки какъ враниныи,

¹⁾ Припомнимъ впрочемъ приведенное выше замѣчаніе професс. Буслаева о значеніи „колоды былодубовой“. Пѣсня въ первоначальномъ ея видѣ могла соединять рассказъ о возвращеніи Романовой семьи съ воспоминаніемъ о прибытіи гроба Романа.

²⁾ Въ большей части пересказовъ былины о двухъ королевичахъ, жена Романа называется Настасья Дмитріевна. Любопытно, что то же имя встрѣчается въ подложныхъ грамотахъ, данныхъ будто бы Романомъ монастырю Печерскому: „се азъ князь Романъ Галицкій, Кіевскій, Владимерскій, Луцкій и иныхъ земель русскихъ обладатель съ женою моею княгинею *Амстасіею* надали есмь“ и т. д. (*Востоковъ*, Описание рукописей Румянцевскаго музея, стр. 114).

³⁾ Этотъ эпитетъ „самодержецъ“ получаетъ надлежащій смыслъ, если припомнимъ, что въ польскихъ извѣстіяхъ о Романѣ князь этотъ изображается напротивъ ставленникомъ и вассаломъ польскихъ владѣтелей. Кадлубекъ, упоминая о томъ, что Романъ при помощи Лешка занялъ столю Галицкій, прибавляетъ: *Quod beneficij qua tandem gratiarum devotione Polonis rependere studuit, suo loco docebitur* (Monum. Poloniae, t. II, 440; рассказъ о пораженіи Романа у Кадлубка, какъ мы знаемъ, нѣтъ). Позднѣйшіе историки прямо называютъ Романа вассаломъ Лешка „in rebellionem.... versus, pensa hactenus denegat tributa et se non vasallum, neque subjectum, sed hostem infestum Leszkoni et suis Ducatibus declarat (Длугошъ подъ 1204 г.). Сужденія польскихъ историковъ повторяетъ Густинская лѣтопись: «Романъ же съѣдъ на князствѣ цѣлова крестъ Лешку королю, яко послушень ему быти» (П. собр. р. лѣтописей, II, 326, подъ 6707—1199 г.).

А какъ ёнъ мастеръ вѣдь по полямъ скакать,
 Ай по полямъ скакать да онъ сѣрымъ волкомъ,
 А по темнымъ лѣсамъ летать да чернымъ ворономъ,
 А по крутымъ горамъ скакать да горносталюшкомъ,
 Ай какъ по синимъ морямъ плавать сѣрой утушкой
 (Гильф., 401).

Лѣтопись говоритъ о Романѣ Мстиславичѣ: «устремилъ бо ся быаше на поганяя, яко и левъ, сердить же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ, яко и орель, храборъ бѣ, яко и туръ» ¹⁾). Подобныя выраженія могли быть и въ пѣсняхъ о Романѣ въ ихъ первоначальномъ видѣ. Ср. въ Словѣ е Полку Игоревѣ: «скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ пльночи изъ Бѣлаграда»; «скочи влѣкомъ до Немиги съ Дудутокъ»; «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше»; «а Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду; вѣвржеся на брѣзъ комонъ и скочи съ него босымъ влѣкомъ и потече къ дугу Донца и полетѣ соколомъ подъ мыглами»; «коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влѣкомъ потече». Народная пѣсня замѣняетъ такія образныя выраженія реальнымъ изображеніемъ оборотничества.

Пѣсенный Романъ—человѣкъ суровый и мстительный. Въ гнѣвѣ онъ не помнитъ себя. Получивъ извѣстіе о набѣгѣ польскихъ князей,

Скоро вставалъ онъ на рѣзвы ноги,
 Хваталъ онъ ножище-кинжалнице,
 Бросалъ онъ о дубовый столъ,
 О дубовый столъ, о кирпичень мость,
 Сквозь кирпичень мость о сыру землю,
 Самъ говорилъ таковы слова:
 „Ахъ ты тварь, ты тварь поганая!
 Ты, поганая тварь, нечистая!
 Вамъ ли, щенкамъ, насмѣхатися?
 Я хочу со вами, со щенками, управитися“.

(Рыбн., I, стр. 425).

Съ побѣжденными противниками Романъ учиняетъ страшную расправу: вырѣзываетъ глаза, ломаетъ ноги и при этомъ издѣвается:

Самъ же князь-то приговаривалъ:
 „Ты, безглазый, неси безногаго,
 А ты ему дорогу показывай“ (ib., 428—429).

Припомнимъ рассказы о Романѣ польскихъ лѣтописцевъ, въ которыхъ за преувеличеніями и прикрасами скрывается, конечно, истори-

¹⁾ П. С. Р. Л., II, 155.

чески вѣрная основа. Утвердившись въ Галичѣ, Романъ расправляется съ противниками: «quosdam vivos terrae infodit, quosdam membratim discerpit, alios excoriat, multos quasi signum ad sagittam figit, nonnullos prius exenterat, quam interimit» ¹⁾. Во время послѣдняго похода въ Польшу Романъ «okazował wielkie okrucieństwo nad ludem pospolitym w ciągnieniu, nie przepuszczając wszelkiemu stanowi, a nauwięcey kapłanu dziwnemi mękami trapił, kościoły palił, dziewczki gwałcił, gorzezy niż kiedy poganin» ²⁾. Съ этими извѣстіями можно сопоставить приведенныя выше слова лѣтописи: «сердить же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодиль». Татищевъ приводит такое описаніе наружности и нравственныхъ качествъ Галицкаго князя, «Сей Романъ Мстиславичъ, внукъ Изяславовъ, ростомъ былъ хотя не весьма великъ, но широкъ и надмѣрно силенъ, лицемъ красенъ, очи черныя, носъ великъ съ горбомъ, волосы черныя и коротки, вельми яръ былъ во гнѣвѣ, косенъ языкомъ, когда осердится, не могъ долго слова выговорить, много веселился съ вельможи, но пьянъ никогда не бывалъ, много женъ любилъ, но ни едина имъ владѣла, воинъ былъ храбрый и хитрый на устроеніе полковъ... всю жизнь свою въ войнахъ препровождалъ—много побѣды получилъ, а единою побѣжденъ былъ, того ради всѣмъ окрестнымъ былъ страшенъ. Когда шелъ на полякъ, то сказалъ: или полякъ побѣжду и покорю, или самъ не возвращусь, и збылося послѣднее» ³⁾. Это изображеніе не имѣетъ конечно цѣнности достовѣрнаго историческаго извѣстія, но оно любопытно, какъ попытка возстановить образъ грознаго Галицкаго князя, который долго продолжалъ тревожить народное воображеніе и на Руси, и въ Польшѣ.

Польскія пѣсни о Романѣ Мстиславичѣ извѣстны намъ только по упоминанію Длугоша. Русскія пѣсни о знаменитомъ Галицкомъ князѣ сохранились и на югѣ, и на сѣверѣ нашей земли.

Основы малорусскихъ и великорусскихъ пѣсень о князѣ Романѣ восходятъ къ одной и той же исторической были XIII вѣка, но судьба этихъ пѣсень была не одинакова. Малорусская пѣсня о вортарѣ, связанная съ игрой, могла измѣняться сравнительно мало, допуская лишь примѣсь изъ другихъ игорныхъ пѣсень. Сѣверно-рус-

¹⁾ Mon. Pol., II, 440.

²⁾ Бѣльскій, Kronika Polska (1830), II, 73.

³⁾ Ист. Росс., III, 347—348.

скія пѣсни о Романѣ носятъ слѣды болѣе глубокихъ измѣненій. Захваченныя широкимъ потокомъ нашего былеваго эпоса, пѣсни эти подвергались и взаимному слиянью, и равнообразнымъ воздѣйствіямъ литературной и исторической аналогіи. Изучая былины о Романѣ, я пытался опредѣлить, что именно слѣдуетъ признать въ нихъ принадлежащимъ первоначальной основѣ, и въ чемъ можно видѣть слѣды позднѣйшихъ измѣненій. Нѣкоторые пункты этихъ измѣненій, можетъ быть, опредѣлены неудачно, но указанный выше ходъ литературной исторіи былинь о князѣ Романѣ кажется мнѣ соответствующимъ въ общихъ чертахъ и характеру историческихъ преданій объ этомъ князѣ, и составу сохранившихся о немъ пѣсень.

Выше (стр. 426—427) было уже замѣчено, что историческая основа пѣсень о князѣ Романѣ угадана была давно. Проверка этой догадки по историческимъ и эпическимъ даннымъ убѣдила меня въ томъ, что пѣсни о князѣ Романѣ не только могутъ, но и должны быть поставлены въ связь съ преданіями о Романѣ Мстиславичѣ. Въ дополненіе считаю, однако, необходимымъ замѣтить, что высказывались объ этихъ пѣсняхъ и инныя догадки. Такъ, г. А. С—кій пытался разглядѣть въ великорусскихъ пѣсняхъ о Романѣ слѣды историческихъ воспоминаній о литовско-русскихъ отношеніяхъ XIV—XV вѣковъ. «Онѣ (пѣсни о кн. Романѣ) говорятъ о двухъ литовскихъ князьяхъ Витвибахъ, родственникахъ польскаго короля Ягайловича, о нападеніи ихъ (передъ нападеніемъ на Русь) на Ливонскую землю, о сборѣ Романомъ войска на берегу рѣки Березины; сверхъ того, онѣ упоминаютъ о Москвѣ. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ тою эпохою борьбы Руси съ Литвою, когда княжили въ Литвѣ два брата (Ольгердъ и Кейстутъ), когда Литва боролась, кромѣ Руси, съ ливонскими нѣмцами, когда, наконецъ, установились союзныя отношенія Литвы съ Польшею. Имя *Витвики*—какъ будто искаженіе историческаго имени *Витовтъ*. Такимъ образомъ, передъ нами XIV и начала XV вѣка.—Романъ нашихъ пѣсень не можетъ быть Романомъ галицко-волынскимъ. Мы должны искать его среди князей смоленскихъ, рязанскихъ, брянскихъ XIV—XV в., изъ нихъ же нѣкоторые носили имъ Романа. Лѣтописи сохранили намъ объ нихъ мало свѣдѣній, но это нисколько не мѣшаетъ предполагать, что одинъ или двое изъ нихъ остановили на себѣ вниманіе современниковъ и сдѣлались героями пѣсень». ¹⁾

Догадка высказана съ большою рѣшительностью, но соображенія, представленные для подтвержденія этой догадки, мало убѣдительны.

¹⁾ *Живая Старина*, вып. I, отд. III, стр. 19.

амбчаает историкъ вел. княжества литов
дн смоленскіе интересы, относился къ (с
къ области, находившейся отъ него
договоръ заключили съ великимъ княземъ
итовскіе. смоленскому же посольству при
и, вѣроятно, установить только окончатель
ымъ вопросамъ»¹⁾. Не довольствуясь этими от
ности, Ольгердъ задумывалъ, повидимому, по
неніе смоленскихъ владѣній къ княжеству Лито
г. литовское войско заняло Ржеву; самъ Ольгерд
Смоленску и «у князя Василья Ржеву, а Литву изгнаша»²⁾, но
дровича) полонилъ сына»³⁾. Спустя два года, (1357 г.)
да можайская взяша Ржеву, а Литву изгнаша»⁴⁾, но
емъ же году Ржева снова должна была принять
Литовскаго князя Мстиславль⁵⁾. При сынѣ и преемникѣ
Литвы удерживалась въ полной силѣ. «Малѣйшее укло
ленскаго князя отъ этой зависимости ведетъ къ тяжелымъ
Литвы со стороны Ольгерда. Такъ, когда въ 1374 году одинъ
походу великаго князя московскаго на Тверь, присоеди
онно вступилъ въ смоленскую территорию, «глаголя: пошто
ую дили воевати князя Михаила?» Онъ сильно опустошилъ смо
область, разорвалъ пригороды и увелъ въ полонъ многихъ влі
Попытки Москвичей противудѣйствовать литовскому влі
на Смоленскъ имѣли мало успѣха: въ 1368 году они «пово
часть смоленской области, а въ 1375 рать, посланная Дми
Ивановичемъ, осаждала Ржеву, сожгла посадъ, но не могла
имости города. Такимъ образомъ Смоленскъ остался въ полной зави
Остатокъ времени паденія князя Литовскаго и ясно было, что прибли
единенія его къ Литовскому государству»⁶⁾. Послѣ смерти Ольгерда

¹⁾ В. Ф. Антоновичъ, Монографіи по исторіи западной и юго-западной Рос
сін, т. I, стр. 112. (Очеркъ исторіи вел. княжества Литовскаго).
²⁾ Никои. лѣтоп. III, 207.
³⁾ Ibid. 211.
⁴⁾ Ibid. 213.
⁵⁾ Ibid. 213.
⁶⁾ Антоновичъ, Монографіи, I, 113.

1) Догадка страдает нѣкоторой неопредѣленностью. Эта неопредѣленность достаточно ясно выступаетъ въ сопоставленіи Ольгерда и Витовта. Въ пѣсняхъ о Романѣ «мы имѣемъ дѣло съ тою эпохою борьбы Руси съ Литвою, когда княжили въ Литвѣ два брата (Ольгердъ и Кейстутъ),... когда установились союзныя отношенія Литвы съ Польшею. Имя *Витвикъ*—какъ будто искаженіе историческаго имени *Витостъ*». Итакъ, къ какому же именно времени нужно отнести историческую основу пѣсенъ о кн. Романѣ,—ко времени ли Ольгерда и Кейстута, или къ порѣ болѣе поздней, къ эпохѣ Витовта и Ягелло, ко времени, когда установились союзныя отношенія Литвы съ Польшею? Если остановиться на Ягеллѣ и Витовтѣ, то придется устранить, какъ малозначительную подробность, упоминаніе пѣсни о двухъ братьяхъ, нападавшихъ на Русь. Если же придавать упоминанію о братьяхъ существенное значеніе, то окажется, что указаніе пѣсни на какого-то короля должно быть рассматриваемо какъ примѣсь, не принадлежащая основному замыслу пѣсни. Замѣчаніе о Витвикѣ—Витовтѣ едвали прибавляетъ что либо къ убѣдительности и ясности догадки. Пѣсня упоминаетъ о двухъ «витвичкахъ», или о двухъ «витникахъ». Можно при этомъ припомнить чешское *vítník*, витязь, удалецъ.

2) Пѣсеннаго Романа г. А. С—кій предлагаетъ «искать среди князей смоленскихъ, рязанскихъ, брянскихъ XIV—XV в.». Поищемъ. Изъ смоленскихъ князей современниками Ольгерда и Витовта были Иванъ Александровичъ (+1359), Святославъ Ивановичъ (+1386), Юрій Святославичъ (+1407). Первый изъ этихъ князей, Иванъ Александровичъ, называлъ себя «младшимъ братомъ» Гедимина. Какъ видно, еще до Ольгерда установились отношенія какой-то зависимости Смоленска отъ Литвы. Ольгердъ старательно поддерживалъ эти отношенія. Въ 1340 году «прииде Олгердъ князь великій литовскій со многою ратию ко граду Можайску, и волости и села плѣни и посадъ позже»¹⁾. Походъ предпринять былъ съ цѣлію возвратить Можайскъ смоленскому князю, союзнику Ольгерда. Въ 1352 году московскій вел. князь Семень Ивановичъ выступилъ къ Смоленску. На границѣ смоленской области его встрѣтило Литовское посольство. Семень «не оставя слова Олгердова, миръ взя и послы отпусти с миромъ». Спустя нѣкоторое время явились и смоленскіе послы. Въ отвѣтъ на это посольство московскій князь «и своя послы посла в Смоленскъ и взя миръ, возвратися к Москвѣ»²⁾. «Изъ

¹⁾ Никон. лѣтоп. III, 174.

²⁾ Ibid. 195.

разказа этого ясно,—замѣчаетъ историкъ вел. княжества литовскаго,— что Ольгердъ, охраняя смоленскіе интересы, относился къ Смоленскому княжеству какъ къ области, находившейся отъ него въ зависимости: мирный договоръ заключили съ великимъ княземъ Московскимъ послы литовскіе, смоленскому же посольству пришлось принять его условія и, вѣроятно, установить только окончательное рѣшеніе по частнымъ вопросамъ»¹⁾. Не довольствуясь этими отношеніями подчиненности, Ольгердъ задумывалъ, повидимому, постепенное присоединеніе смоленскихъ владѣній къ княжеству Литовскому. Въ 1355 г. литовское войско заняло Ржеву; самъ Ольгердъ направился къ Смоленску и «у князя Василья Смоленскаго (брата Ивана Александровича) полонилъ сына»²⁾. Спустя два года, (1357 г.) «тверская рать да можайская взяша Ржеву, а Литву изгнаша»³⁾, но въ слѣдующемъ же году Ржева снова должна была принять намѣстниковъ Ольгерда⁴⁾. Въ тоже время присоединенъ былъ къ владѣніямъ Литовскаго князя Мстиславъ⁵⁾. При сынѣ и преемникѣ Ивана Александровича, Святославѣ Ивановичѣ, зависимость Смоленска отъ Литвы удерживалась въ полной силѣ. «Малѣйшее уклоненіе смоленскаго князя отъ этой зависимости ведетъ къ тяжелымъ репрессіямъ со стороны Ольгерда. Такъ, когда въ 1374 году одинъ изъ удѣльныхъ смоленскихъ князей, Иванъ Васильевичъ, присоединился къ походу великаго князя московскаго на Тверь, то Ольгердъ немедленно вступилъ въ смоленскую территорію, «глаголя: почто есте ходили воевати князя Михаила?» Онъ сильно опустошил смоленскую область, разорилъ пригороды и увелъ въ полонъ многихъ жителей. Попытки Москвичей противудѣйствовать литовскому вліянію на Смоленскъ имѣли мало успѣха: въ 1368 году они «повоевали» часть смоленской области, а въ 1375 рать, посланная Дмитріемъ Ивановичемъ, осаждала Ржеву, сожгла посадъ, но не могла взять города. Такимъ образомъ Смоленскъ остался въ полной зависимости отъ великаго князя Литовскаго и ясно было, что приближалось время паденія самобытности этого русскаго удѣла и присоединенія его къ Литовскому государству»⁶⁾. Послѣ смерти Ольгерда

¹⁾ В. Б. Антоновичъ, Монографія по исторіи западной и юго-западной Россіи, т. I, стр. 112. (Очеркъ исторіи вел. княжества Литовскаго).

²⁾ Никон. лѣтоп. III, 207.

³⁾ Ibid. 211.

⁴⁾ Ibid. 213.

⁵⁾ Ibid. 213.

⁶⁾ Антоновичъ, Монографія, I, 113.

(+1377) Святославъ Ивановичъ пытался отнять у литвы Мстиславль. Витовтъ вмѣстѣ съ князьями Ольгердовичами выступилъ противъ Смоленскаго князя. Въ битвѣ подъ Мстиславлемъ были убиты Святославъ Ивановичъ и его племянникъ Иванъ Васильевичъ. «Литва... взяша всю волю свою, елико восхотѣша, а на княженіи у нихъ въ Смоленсцѣ посадиша и—своей руки князя Юрья Святославича, и брата его князя Глѣба Святославича поведоша с собою въ Литву; и поидоша въ свояси с побѣдою великою и славою, побѣдивше многое множество Смоленскаго воинства, князей и бояръ, и воеводъ и слугъ, и простыхъ людей безъ числа» ¹⁾. Князь Юрій, посаженный Литвой, недолго княжилъ въ Смоленскѣ. Въ 1395 году началась усобица между смоленскими князьями: «бысть в нихъ замятня велика и не послушаху братъ брата и другъ друга» ²⁾. Юрій Святославичъ удалился въ Рязань; Смоленскъ занятъ былъ Витовтомъ. Въ 1401 году князь Юрій, при помощи Олега Рязанскаго, снова «сяде на великомъ княженіи Смоленскомъ», ³⁾, но владѣлъ онъ этимъ княженіемъ недолго. Въ 1404 Смоленскъ взятъ былъ Витовтомъ и присоединенъ къ княжесгву Литовскому ⁴⁾.

Помощь, оказанная Олегомъ Ивановичемъ Рязанскимъ зятю его, Смоленскому князю, вызвала враждебныя столкновенія Витовта съ Рязанскою землею. Въ 1395 году Олегъ Ивановичъ съ Юріемъ Смоленскимъ, съ князьями Пронскими, Козельскимъ и Муромскимъ «поиде ратью на Литву и много зла сотвориша имъ» ⁵⁾. Витовтъ отвѣчалъ на этотъ набѣгъ нападеніемъ на Рязанскую область ⁶⁾. Въ 1397 году Литовскій вел. князь снова двинулся на Рязань: «прииде ратью на Рязанскую землю и много зла сотвори Рязанской землѣ, люди улицами сажали, сѣкли, и много кровь неповинная пролита бысть» ⁷⁾. Посадивъ въ 1401 г. на Смоленскомъ столѣ Юрія Святославича, Олегъ Ивановичъ «с прочими князи и со всѣмъ воинствомъ идоша въ Литву і воеваша и со многимъ полономъ возвратишася во свояси» ⁸⁾. Ободренные успѣхомъ Рязанцы въ слѣдующемъ (1402) году снова двинулись противъ литовскаго князя. Про-

¹⁾ Никон. лѣтоп. IV, 153—154.

²⁾ Ibid. 265.

³⁾ Ibid. 301—302.

⁴⁾ Ibid. 310.

⁵⁾ Ibid. 265.

⁶⁾ Ibid. 265—266.

⁷⁾ Ibid. 269.

⁸⁾ Ibid. 302.

тивъ Родослава Ольговича, предводительствовавшаго Рязанцами, выступили Семень Лугвеній Ольгердовичъ и князь Александръ Патрикевичъ Стародубскій: «и одолѣша Литва и избѣша Рязанцевъ, а иныхъ насѣкоша, а самого князя Родослава Ольговича взяша и привелоша его к Витовту Кестутьевичу и пребысть в няти и в нужи велицей 3 лѣта; тажъ потомъ взя на немъ Витовтъ Кестутьевичъ окупа 3000 рублевъ и отпусти его в Рязань» ¹⁾. Великій князь рязанскій Олегъ Ивановичъ умеръ въ 1402 году. Изъ преемниковъ его современниками Витовта (+1430) были Федоръ Олеговичъ и Иванъ Федоровичъ. Федоръ жилъ въ мирѣ съ Литвой, а Иванъ вступилъ даже въ зависимыя отношенія къ Витовту: «добилъ челомъ, дался ему на службу» ²⁾ Что касается предшественника Витовта, Ольгерда, объ его столкновеніяхъ съ Рязанью нѣтъ извѣстїи Правда, въ 1370, во время похода Ольгерда на Москву, противъ него выступилъ князь Владиміръ Пронскій «а с нимъ рать великаго князя Олга Ивановича Рязанскаго», но этой рати не пришлось биться съ Литвой. Ольгердъ и Московскій князь успѣли заключить миръ ³⁾.

Обратимся къ Брянску. Воспользовавшись смутами, долгое время волновавшими Брянскъ, Ольгердъ безъ усилій овладѣлъ этимъ русскимъ княжествомъ. Въ 1355 году умеръ князь Брянскій Василій. «И бысть въ Брянскѣ мятежъ отъ лихихъ людей, и заматня велия и опустѣние града; и потомъ нача обладати Брянскомъ князь великий Литовский» ⁴⁾. «Этотъ неясный, лишенный подробностей рассказъ,—замѣчаетъ историкъ Литовскаго княжества,—составляетъ единственное лѣтописное свидѣтельство о присоединеніи Брянскаго удѣла къ великому княжеству Литовскому; по послѣдовавшимъ фактамъ можно заключить, что вслѣдъ за Брянскомъ Ольгерду подчинились и многочисленныя удѣлы, на которые распадалось Черниговско-сѣверское княженіе; вѣроятно, послѣ паденія Брянска многіе удѣльные князья Сѣверщины добровольно признали надъ собою власть Ольгерда и потому въ послѣдующее время многіе представители княжескаго черниговскаго рода: князья Новосильскіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Бѣлевскіе и т. д. продолжаютъ княжить въ своихъ удѣлахъ подъ верховною властью великихъ князей литовскихъ» ⁵⁾.

¹⁾ Ibid. 305—306.

²⁾ А. В. Эжмиларскій, Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ Татарскій періодъ, т. II, стр. 594, 596—597.

³⁾ Никон. лѣтоп. IV, 27.

⁴⁾ Ibid. III, 207.

⁵⁾ Антоновичъ, Моногр. I, 114—115.

Сравнимъ приведенныя извѣстія о борьбѣ русскихъ и литовскихъ князей съ пѣснями о князѣ Романѣ.

Въ пѣснѣ рисуется могущественный и грозный князь, котораго побаивается король Политовскій. Удерживая своихъ племянниковъ отъ похода на Русь, противъ «московскаго князя Романа Дмитриевича», король говорить:

У меня была пора—сила великая
 Не во васъ удаыхъ добрыхъ молодцевъ,
 И тутъ я не смѣлъ ѣхать на святую Русь.
 Колько я на Русь силу не важиваль,
 Со святой Руси силы не вываживаль,
 А несчастный все выѣзживаль

(Рыбн., I, стр. 430).

Такое изображеніе Романа, какъ сильнаго, могучаго князя, нельзя не признать принадлежащимъ древнѣйшему составу пѣсни. На это указываетъ упоминаніе о Москвѣ (*Рыбн.* IV, № 17; *Гильф.* 12, 42, 61, 71; *Тихопр.* и *Милл.* 69), названіе Романа Московскимъ княземъ (*Рыбн.* I, 74). Пѣвцы московской эпохи находили, очевидно, въ древней пѣснѣ образъ такого князя, какимъ представлялся для нихъ только великій князь Московскій.—Молодые витники нападаютъ на владѣнія Романа; ихъ ожидаетъ за это страшная расправа: Романъ и его дружинники

Присѣкали—прирубали всю Литву поганую;
 Взяли большему брату выкопали очи ясныя,
 Меньшему то брату по колѣнь отсѣкли ноги рѣзвыя,
 Садили безногаго на безглазаго,
 Отпущали къ Цимбалу, королю Литовскому.

(Рыбн. I, стр. 437).

Похожи ли на этого страшнаго князя Романа тѣ слабые удѣльные князья, которымъ приходилось ладить съ Литвой, а въ случаѣ сопротивленія или набѣга расплачиваться опустошеніемъ ихъ владѣній или даже потерей княжества? Припомнимъ отношенія къ Смоленску Ольгерда и Витовта, присоединеніе къ Литвѣ Брянска. Даже Олегъ Рязанскій, сильнѣйшій изъ упомянутыхъ выше князей, дорого платился за свои набѣги въ Литву. Борьбу Олега съ Литвой можно было бы сопоставить съ пѣснями о князѣ Романѣ, еслибы въ положеніи этого Романа изображенъ былъ не русскій, а литовскій князь.

Пѣсни называютъ русскаго князя Романомъ. Въ ряду тѣхъ князей, съ которыми боролись Ольгердъ и Витовтъ, не находимъ князя Романа ¹⁾.

¹⁾ Выше названы были имена старшихъ князей Смоленскихъ, современныхъ Ольгерду и Витовту. Вотъ имена ихъ родственниковъ: у Ивана Александровича

Пѣсня говорить о двухъ братьяхъ, племянникахъ какого-то короля. Король, человекъ опытный, многе испытанный, не совѣтуетъ «витникамъ» нападать на владѣнія русскаго князя Романа. Удалие, но легкомысленные королевичи не слѣдуетъ этому совѣту.

И выѣхали два брата, два Ливика
 Во далече-далече чисто поле,
 Раздернули шатры полотняные,
 Начали ѣсть—пить, веселиться.....
 Сами говорятъ таково слово:
 „Не честь—хвала молодецкая
 Не съѣздить намъ на святую Русь
 Ко князю Роману Митріевичу на почестень пиръ“.
 Тутъ два брата, два Ливика
 Скоро сѣдзали добрыхъ коней,
 Брали свою дружину хоробрую,
 Стрѣльцовъ—удалыхъ добрыхъ молодцевъ.

Ливики разорили три села, принадлежащія Роману, и полонили «Молоду Настасю Митріевичну со младенцемъ со двумѣсячнымъ». Разгнѣвался Романъ, получивъ вѣсть объ этомъ набѣгѣ:

„Вамъ ли, щенкамъ, насмѣхаться?
 Я хочу со вами, со щенками, управиться“.

И дѣйствительно, какъ мы знаемъ, управился. «Щенки» подверглись страшной казни.

Можно ли въ этомъ эпическомъ отраженіи какой-то были отыскать что—либо напоминающее положеніе и дѣятельность Ольгерда и Кейстута, Витовта и Ягелло? О впечатлѣніи, которое произвела на

братъ Василій, у Василья сынъ Иванъ; у Святослава Ивановича братъ Василій, у Василья сынъ Иванъ; у Юрія Святославича—сынъ Федоръ, братья: Глѣбъ, Иванъ, Владиміръ.—Нѣтъ Романа и среди Рязанскихъ князей второй половины XIV и начала XV ст. (См. Родословную таблицу князей рязанскихъ, муромскихъ и пронскихъ) въ прилож. къ указанному выше сочин. *г. Экземлярская*, т. II; ср. т. I, стр. 105: замѣчаніе о *Романѣ Новосильскомъ*, упоминаемомъ (съ титуломъ князя Рязанскаго) въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Ольгердомъ 1373г.).—Изъ числа Брянскихъ князей извѣстны два Романа. Первый изъ нихъ жилъ въ XIII столѣтіи. Второй извѣстенъ какъ подручникъ Витовта. Въ 1401 г., какъ было уже упомянуто, князь Юрій Святославичъ овладѣлъ Смоленскомъ. „Онъ же вшедь во градъ Смоленскъ... Витовтовыхъ воеводъ ляховъ изсѣче; тогда убо во градъ сѣдзълъ отъ Витовта намѣстникъ и воевода князь Романъ Михайловичъ Брянскій, онъ же и того уби, и бояръ брянскихъ и смоленскихъ изби, которые не хотѣли его, а княгиню Романову и дѣти отпустиша“ (Никон. лѣтоп. IV, 802). Подъ 1374 г. князь Романъ Михайловичъ Брянскій упоминается въ числѣ князей, выступившихъ вмѣстѣ съ Дмитріемъ Донскимъ противъ Тверскаго князя (ibid 42).

Русскихъ людей дѣятельность Ольгерда, можно судить по отзывамъ лѣтописи. «Сей же Олгердь премудръ бѣ зѣло, и многими языки глаголаше, и превзыде властью и саномъ паче всѣхъ; і воздержаніе имяше велие, отъ всѣхъ плищей суетныхъ отвращашеся, потѣхи и игранія и протчихъ таковыхъ не внимаше, но прилежаше о державѣ своей всегда день и ночь; и пиянства отвращашеся.... и велико воздержание имяше во всемъ. И отъ сего великъ разумъ и смыслъ приобрѣте, и крѣпку думу стяжа и таковымъ коварствомъ многи земли и страны повоева, и грады и княженія поималъ за себя и удержа власть велию, и умножися княженіе его паче всѣхъ, ниже отецъ его, ниже дѣдъ его таковъ бысть». ¹⁾—Или: «Бѣже обычай Олгерда Гедимановича таковъ: никтоже не вѣдѣше его, куды смыслише ратию ити, или на что збираетъ воинства много, понеже и самии тии воинственнии чинове и рать вся не вѣдѣше, куды пдѣше, ни свои, ни чужии, ни гости пришелцы, в тайнствѣ все творяше любомудро, да не изыдетъ вѣсть въ землю, на неяже хочетъ ити ратию. И таковою хитростью... поималъ многи грады и страны поплѣнилъ, не только силою, елико мудростию воеваше. И бысть от него страхъ на всѣхъ и превзыде княженіемъ и богатствомъ паче многихъ». ²⁾ Говоря о занятіи Смоленска Витовтомъ, лѣтописецъ замѣчаетъ: «и такова на нихъ бѣда не бывала, ниже прежь сихъ надъ Смоленскомъ, якоже нынѣ пострадаша отъ Витовта лукаваго и несыгата чюжая восхипати». ³⁾ Для изображенія такихъ насильниковъ эпосъ, безъ сомнѣнія, нашель бы краски непохожія на тѣ, которыми набросаны въ пѣснѣ портреты юныхъ королевичей,—смѣлыхъ, но безразсудныхъ витниковъ.

3) Пѣсня упоминаетъ о землѣ Левонской или Лимонской. Земля эта изображается, какъ страна богатая, но слабо защищаемая.

Тамъ молодцы по спальнымъ засыпалися,
А добры кони по стойламъ застоилися,
Цвѣтно платьице по вышкамъ залежалося,
Золота казна по погребамъ запасена.

Или:

Тая земля пребогатѣюща;
Много есть злата и серебра,
Много есть безсчетной золотой казны,
Силы-войска рати маломошица.

¹⁾ Никон. лѣтоп. III, 174; IV, 49.

²⁾ *ibid.* IV, 20—21.

³⁾ *ibid.* IV, 266.

Напоминает ли это изображеніе Ливонію XIV и начала XV столѣтія? Извѣстенъ цѣлый рядъ нападеній Ливонскихъ рыцарей на владѣнія литовскихъ князей. «Набѣги... предпринимаются безпрерывно: принимая въ расчетъ только болѣе крупныя, тѣ, подробности которыхъ записаны въ лѣтописяхъ ордена, мы насчитываемъ до 70 походовъ въ Литву со стороны прусскихъ крестоносцевъ и *болѣе 30 со стороны Ливоніи въ промежутокъ времени 1345—1377 годъ*; если въ теченіи этого времени встрѣчаются рѣдкіе годы отдыха, когда лѣтописи умалчиваютъ о походахъ крестоносцевъ на Литву, за то въ другіе годы свѣдѣнія о нихъ бываютъ особенно многочисленны. Такъ подъ 1362, 1367, 1375 и 1377 годами лѣтописцы помѣчаютъ отъ 4 до 8 походовъ въ годъ». ¹⁾

Очевидно ли, что въ пѣсняхъ о князѣ Романѣ мы имѣемъ дѣло съ тою эпохою борьбы Руси съ Литвою, когда княжили въ Литвѣ два брата (Ольгердъ и Кейстутъ), когда Литва боролась, кромѣ Руси, съ Ливонскими нѣмцами, когда, наконецъ, установились союзныя отношенія Литвы съ Польшею? Мнѣ кажется, нѣтъ, не очевидно.

По мнѣнію Д. И. Иловайскаго «былинному князю Роману могутъ соответствовать: во-первыхъ, знаменитый Романъ Волинскій, а во-вторыхъ, Романъ Брянскій, тоже довольно крупное лицо въ XIII вѣкѣ». ²⁾ Пересматривая сохранившіяся до насъ извѣстія о Романѣ Брянскомъ, ³⁾ не нахожу основаній присоединиться къ предположенію почтеннаго историка о сводномъ характерѣ разсмотрѣнныхъ выше пѣсенъ о князѣ Романѣ.

¹⁾ Антоновичъ, Монографія, I, 98—99.

²⁾ Русскій Архивъ, 1893 г., № 5, стр. 35 (въ статьѣ: „Богатырь-казакъ Илья Муромецъ, какъ историческое лице“.)

³⁾ Лѣтописныя извѣстія объ этомъ Романѣ, князѣ Брянскомъ, будутъ приведены ниже, въ статьѣ: „Пѣсни о князѣ Михайлѣ“.

ПѢСНИ О КНЯЗѢ МИХАИЛѢ.

Былина о кн. Михайлѣ, извѣстная въ нѣсколькихъ пересказахъ, ¹⁾ имѣеть слѣдующе содержаніе:

Князь Михайло отправляется на войну (или на охоту), оставивъ дома молодую жену.

Или: Собирался князь Михайло
Въ государеву во службу (К и р. 5., ср. 1, 2, 3).

Какъ поѣхалъ же князь Михайло
Въ чисто полечко погуляти
Со своими князьями—боярами,
Со совѣтничками потайными,
Со причетниками удалыми. (Рыбн., II, 46).

Такъ начинается пѣсня о князѣ Михайлѣ въ большей части пересказовъ. Но два пересказа (Рыбн. 47, Гильф. 299) упоминаютъ прежде всего, что Михайло женился противъ воли матери. Невѣстка не нравилась свекрови.

Поѣхалъ князь Михайло жениться,
Женился—у матушки родимой не спросился.
Обвѣнчался онъ—ей не сказался,
Его матушка родима
Была гнѣвна и сердита. (Рыбн. 47).

Уѣзжая кн. Михайло просить мать позаботиться объ его женѣ.
Онъ наказываетъ родной матушкѣ:

„Охъ ты, матушка родимая!
Береги мою молодую княжну;

¹⁾ Пѣсни, собр. *Киртескимъ*, вып. V, пять пересказовъ: стр. 68—70; 70—71; 72—73; 74; 75—76; Пѣсни, собр. *Рыбниковымъ*, т. II, № 46 и 47, стр. 249—250; Онежскія былинны, запис. *Гильфердингомъ* № 299 ст. 1277—1278; Новгородскій Сборникъ, вып. II (1865), отд. I стр. 169—171 и 171—173; Пѣсни изъ собр. *Якушкина*, стр. 125—126.

Клади ее спать во соборную вечерню,
 Подымай ее во соборную обѣдню;
 Ты корми ее крупитчатыми калачами,
 Ты пой ее медовой сытой. (К и р. 3).

Въ пересказѣ *Кир.* 2 указывается на необходимость особаго рода заботъ:

Не покинь мою молоду княгиню
 Да при нужномъ при времѣ.

Въ отсутствіе сына мать рѣшается погубить невѣстку.

Какъ съѣхалъ князь Михайло
 Съ широкаго подворья,
 Велѣла она банюшку топить,
 Горючь камень разжигати;
 Молодой княгинѣ
 На бѣлыя груди клала;
 Она первый разъ закрпчала,
 А въ другой-то застонала,
 А въ третій замолчала. (К и р. 2).

Въ нѣкоторыхъ пересказахъ это злое дѣло передается съ такими подробностями:

Его матушка родима
 Скоро съ дому спроводила,
 Парну баенку топила,
 Парну байну не угарну;
 Созвала мать княгиню
 Въ парну баенку помыться

 Выжигала у княгини
 Мать младеня изъ утробы,
 Завернула мать младеня
 Въ бѣлотравчату рубашку,
 Положила мать княгиню со младенемъ
 Въ бѣлодубову колоду,
 Набивала на колоду
 Три обруча желѣзныхъ,
 Опустила мать колоду
 Въ синѣ морѣ Волинско (Р и б н. 47).

По дурнымъ примѣтамъ князь догадывается, что у него дома ворится что-то недоброе.

Добрый конь его спотыкнулся! ¹⁾

¹⁾ Споткнувшійся конь—дурная примѣта, нерѣдко упоминаемая въ памятникахъ народнаго эпоса. Споткнулся конь Марка Краевича, предвѣщая его смерть. У Добрыни конь потыкается, “давая знать о готовящейся свадьбѣ жены Добрыниной съ Алешей. (Пѣсни, собр. Рыбниковымъ I, стр. 132; *Миллеръ*, Илья Муром, стр. 494, 794). См. еще *Чубинскій*, Труды эксп. въ зр. край, V, стр. 719, № 312; *Sušil*, Moravské národní písně, стр. 88, № 91.

„Ахти, братцы, не здорово!
Либо матушки не стало,
Либо молодой княгини!“ (К и р. 1).

Или:

Подъ княземъ конь спотыкнулся,
Подъ правой рукой
Ясный соколъ встрепенулся,
Съ князя шапочка свалилась.
Какъ возговорить Михаилъ князь:
„Ахти, дома всё здоровы-ль?
Вѣрно матушки не стало
Или молодой моей княгини“ (К и р. 3).

Пересказъ Новгородскаго сборника присоединяетъ къ изображенію убійства подробности, неизвѣстныя по другимъ вариантамъ. Мать

Парну байну затопляла,
Понасередки ¹⁾ клала.
— Ты, родная моя мать!
Позволь три слова сказать,—
Съ отцемъ, матерью проститься
И со княземъ со Михайломъ.
Она вышла на крылечекъ,
Закричала громкимъ голосомъ:
— Вы завійте, витры буйны,
Зашумите, лиса темны,
Сколыбайся, сине море,
Сдогадайся, князь Михайло!
— Охти мни, братцы, тошненько
Ретиву сердцу больненько!
Либо дома не здорово,
Либо матушки не стало,
Не то молоденькой княгини,
Моей поручной Катерины.
Князь Михайло побросался
Въ легку лодку,
Легка лодка въ сине море,
Съ синя моря въ чисто поле.
Въ чистомъ поли на добра коня садился,
Добры конь подъ имъ бодрился.

Князь спѣшитъ домой, узнаетъ о случившемся и умираетъ, самъ лишивъ себя жизни. Этотъ послѣдній эпизодъ пѣсни передается въ пересказахъ неодинаково:

¹⁾ «Обыкновенное очень выраженіе во всей Новгородской губерніи, если хотятъ выразить, что сдѣлано что-нибудь по злобѣ». (Примѣч. Собр.)

а) Михайло встрѣчается съ матерью и отъ нея узнаеть о страшной потерѣ.

Ужь ты, матушка родная!
Гдѣ-жь моя княгиня?
— Ужь твоя, сударь, княгиня
Во бѣлыхъ палатахъ:
Во тесовой во гробницѣ.
Вынимаетъ князь саблю остру,
Съ себя голову снимаетъ (К и р. 4).

Въ пересказѣ К и р. 5 мать на вопросъ сына о женѣ отвѣчаетъ словами злобы и клеветы:

Что твоя-то ли княгиня,
Что твоя-то ли молодая
Всю ноченьку не сыпала,
Все съ друзьями просидѣла:
Она топеречи почиваетъ
Что во свѣтлой во свѣтлицѣ,
Во дубовой во гробницѣ.

б) Князя встрѣчаютъ его слуги.

На вопросъ:

Охъ вы, вѣрны мои слуги,
Все-ли дома здорово?

Слуги отвѣчаютъ:

Слава Богу, да не само.

Такой же загадочный отвѣтъ даютъ затѣмъ нянюшки и сѣнны дѣвушки. Далѣе слѣдуетъ: встрѣча съ матерью, печальное извѣстие, смерть (Кир. 1).

в) Князь встрѣчается прежде всего съ матерью; на вопросъ о женѣ мать даетъ уклончивые и ложные отвѣты:

Твоя молода княгиня
Съ нянькамъ—мамками играетъ (Кир. 2).

Или:

Пошла твоя княгиня во высокъ теремъ,
Во высокъ теремъ бѣлиться, руманиться. (Кир. 3).

Михайло узнаеть правду отъ сѣнныхъ дѣвушекъ:

Ахъ ты, батюшко нашъ, Михаилъ князь,
Мы не смѣемъ вамъ сказать:
Наша молодая княгиня переставилась,
Она стоитъ во соборной церкви (Кир. 3.)

г) Отъ слугъ узнаеть Михайло о смерти жены и въ тѣхъ пересказахъ, которые упоминають о бросаніи труповъ въ воду ¹).

¹ Въ плохомъ пересказѣ Рыбн. 46, рассказывается, что княгиня сама бро-

Онъ пошелъ, князь Михайло,
 Къ рыболовамъ,
 Велѣлъ онъ рыболовамъ
 Закинуть шелковъ неводъ.
 Шелковъ неводъ закидали,
 Колоду вытягали;
 Тутъ колоду разбивали,
 Увидалъ тутъ князь Михайло
 Княгиню со младенемъ,
 На колоду ушибался,
 Со бѣдымъ свѣтомъ прощался,
 Со своей душой разстался (Рыбн. 47).

Пѣсня заканчивается криками муки и раскаянія преступной матери:

Его маминька родима
 Вдоль по бережку ходила,
 По бережку ходила,
 Причеты говорила:
 „Тяжко, тяжело согрѣшила,
 „Три души я погубила:
 „Перву душу безымянну,
 „Другу душу безответну,
 „Третью душееньку сердечну“ (Рыбн. 47).

Или:

Его матушка раскаялась,
 Со слезами слово молвила;
 „Передъ Богомъ согрѣшила я,
 „Три души я погубила вдругъ:
 „Первую душееньку—сыновнюю,
 „Другую душу—невѣстину,
 „А третью— младенца во утробѣ. (Кир. 3).

сигласъ въ воду въ припадкѣ умопомѣшательства. Слуги говорятъ вернувшемуся князю:

Княгиня то, наша матушка,
 Ума—разума лишилася,
 Она бросилась вовъ сине море,
 Вовъ сине море къ желтымъ пескамъ.

Этимъ и заканчивается пѣсня. Объясненіе этого разсказа объ утопленницѣ слѣдуетъ искать въ смѣшеніи рассматриваемой былинны съ особаго рода пѣснями образцомъ которыхъ можетъ служить моравская пѣсня: „Utonulá“. Герой пѣсни отправляется на войну, оставивъ на родинѣ любящую подругу. Истекаетъ семь лѣтъ; милый не возвращается. Думая, что его уже нѣтъ въ живыхъ, дѣвушка бросается въ Дунай. Возвратившійся узнаетъ о бѣдѣ и убиваетъ себя. (Sušil, Moravské národní písně, стр. 87—88, № 91).

Памятники народной поэзии вообще, а побывальщины въ особенности представляют обыкновенно широкій просторъ для сопоставлений и параллелей, которыя отыскиваются и въ предѣлахъ и за предѣлами той литературы, которой принадлежитъ изучаемый памятникъ. Пѣсня о князѣ Михайлѣ не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія.

Ближайшее сходство съ нашей былинной имѣютъ пѣсни словенская (словацкая) и моравская, текстъ которыхъ привожу вполнѣ.

Katariena a Herceg.

Bola jedna stará vdova,
Sedem synov vychovala,
A tú ôsmu Katarienu,
Do dvora ju slúžit' dala.
«Ne daj ma tam, stara mati,
Bo tam ľudia všelijaci;
Najdu sa tam stari, mladi,
S dievčatmi sa hrajú radi».

Katariena kravy dojí,
Mladý herceg pri nej stojí;
Katariena mlieko cedi,
Mladý herceg pri nej sedí.
Mladý herceg strojí vojnu
A ľúci sa s Katkú strojnú:
Zdravá buď, moja dušička,
Nezabývaj na mužička.»
Katrienka po dvore chodí,
A ruce za hlávku lomí:
«Ach Bože mój premilený,
Kto že mne je v tom príčina?»
Hercegová stará mati
Dala Katku zavolať.
„Katariena, dievka moja,
Od koho si samodrubá?“
— „Od koho by od druhého,
Od hercega od mladého!“
„Katariena, Katariena,
Akú si smrť zaslúžila?
Či na kusy posekati,
Či za živa zahrabati?“
— „Radš' na kusy posekati,
Jak za živa zahrabati!“
Vsécti pani z vojny idú,
Mladý herceg smutný ide;
Všetkým kone poskakujú,

РУССКІЙ БЫЛОВОЙ ЭПОСЪ.

Milenka st'ata.

Byla jedna chudá vdova
Svojich osem synů měla.
Měla ona osem synů,
A devátú Katerinu,
A tu dala do majira,
Do Heršekového dvora.
Paní mámo moja milá,
Nedávaj mňa do majira.
Šak sa mně tam neco stane,
Čo mňa velce hanba bude.
Neminula malá chvíľa,
Katariena sama drubá.
Na koho mám žalovať,
Na koho mám povidať?
Na Heršeka na mladého,
Ci na služebníka jeho?
Nepovíďaj na jiného,
Na Heršeka na mladého.
Už páni do vojny jedú,
Svojich páni si ne vezú.
Heršek mladý taky jede,
Katerinky si ne veze.
Hned izbetky zametala
Slzami jich polévajala.
Ach čeho sem tu dočkala,
Svuj věneček jsem stratila!...
Už ti páni z vojny jedú,
Svojim paňám dary vezú,
Haršek mladý taky jede,
Katerince dary veze.
Veze on jí postelenku,
V postelence kolébenku.
Jak ho máti uviděla,
Hned mň vrata otvírala.
Peni mámo moja milá,

Jeho smutne vykročujú.
 „Otvor, mamuš, otvor brann,
 Nach uvidím Katarienu
 Či so synom, či so dcérou.“
 — „Nie so synom, nie so dcérou,
 Lež na kusy posekanú,
 V širom poli zahrabanú.“
 Mladý herceg nič ne meškal,
 Len do ruky dva nože bral;
 Jedným nožom jamu kopal,
 A druhým si srdce preklal.
 „Nach tu leží telo s telom.
 A tri duše s Pánom Bohom“.

(Sborník slovenských narodných piesní... A hned rychle k Dunaju jel.
 Vyd. Matica slovenská, Sv. II, Soš. I, Postřetil ho tam starý pán:
 1874, стр.100—101, № 36).

Kde je moja Katerina?
 A v kravárni kravy dojí,
 Druhá dívka u ní stojí.
 Heršek mladý s koňa skočil
 A hned do kravárne vkročil.
 Kde je moja Katerina,
 Moja věrná služebkyňa?
 Není tu tvá Katerina,
 Šak o ní ví paní máma.
 Paní mámo moja milá,
 Kde je moja Katerina?
 Poslala jsem ju pret šaty,
 Nemožu sa ji dočkáti.
 Heršek mladý koňa bodel,
 A hned rychle k Dunaju jel.
 Postřetil ho tam starý pán:
 Heršek mladý, kam jedeš, kam?
 A ja jedu ku Dunaju,
 A ja tam mám Katerinu,
 Svoju věrnú služebkyňu.
 Není tu tvá Katerina,
 Šak o ní ví paní máma
 Paní mámo moja milá
 Kde je moja Katerina?
 Dala jsem ju katom st'ati,
 Měla na t'a nesvad'ati.
 A měl on dva nože čisté,
 Na oba dva boky ostré.
 Jedným sobě hrob vykopal,
 Tým druhým si hlavěnku st'al.
 Zostavaj tu tělo s tělom,
 A dušičky s Pánem Bohem.
 (Moravské národní písně sebr.
 od Fr. Sušila, стр. 89—90, № 92).

Въ вариантѣ словенской пѣсни, къ сожалѣнію напечатанномъ
 неполнѣ, Катерина называется даже *женой* графа (такъ титулуется
 героиня пѣсни):

Vyhral hrabe vojnu veľ'kú,
 Domov chváta objat' žienku:
 Ale konik smutne kráča,
 Z boka na bok sa otača.

 Bo Katuska tvoja žena
 S synom v hrobe zavraždená (l. c.)

Такимъ образомъ сходство нашей былины о кн. Михайлѣ и пѣ-

сень словенской и моравской такъ велико, что оно сводится въ сущности къ отношенію пересказовъ одной и той же пѣсни.

Пѣсни, указываемыя далѣе, не представляютъ такого полного параллелизма. Сходство окажется не во всѣхъ, а лишь въ нѣкоторыхъ хотя и существенныхъ, частяхъ пѣсни. Установленіе такихъ частныхъ параллелей имѣетъ особенный интересъ, помогая намъ разглядѣть художественное строеніе пѣсни и опредѣлить ея связи съ другими соотвѣствующими ей произведеніями народнаго эпоса.

Былина о кн. Михайлѣ представляетъ художественное сляніе нѣсколькихъ пѣсенныхъ темъ, которыя даютъ содержаніе отдѣльнымъ произведеніямъ, осложняясь и разнообразясь при этомъ тѣми или другими подробностями,

1) Жена (=невѣста, любовница) умираетъ въ отсутствіе мужа (=жениха, любовника). Вдовецъ — въ отчаяніи. Образцомъ пѣсенъ на эту тему могутъ служить тѣ безыменные пересказы, которыя напечатаны въ сборникѣ Кирѣвскаго въ видѣ дополненія къ пѣснѣ о кн. Михайлѣ. Дѣйствующимъ лицомъ въ этихъ пересказахъ является «король», «королевичъ», «козаченко». Содержаніе пѣсни одинаково передается во всѣхъ вариантахъ; разница между ними замѣчается только въ томъ, съ большей или меньшей полнотой передаются всѣ подробности пѣсни. Извѣстны и малорусскіе пересказы этой пѣсни ¹⁾. Привожу рядомъ два пересказа,—великорусскій и малорусскій:

Отъѣзжаетъ королевичъ на разгуляньице (вар. воеваньице),	Поѣхавъ Ивасенько на полованье,
Покидаетъ Марусеньку на гореваньице.	Лишивъ свою милу на горѣванье.
Пустилъ своего добраго коня на зеленые луга,	Выѣхавъ Ивасенько въ чисто поле
Ложился спать въ бѣломъ шатрѣ,	Пустивъ коника на попасанье,
Въ бѣломъ шатрѣ, на крутой горѣ.	А самъ припавъ къ сирѣй землѣ на спочиванье.
Привидѣлся королевичу явншунекъ сонъ:	Приснився Ивасенкови дивненькій сонъ,
	Що злетѣвъ съ правой ручки лясенькій соколъ,

¹⁾ Пѣсни, собр. *Кирѣвскимъ*, вып. 5, стр. 78—91. Помѣщено 11 пересказовъ. Пересказъ № 9 взятъ изъ сборника *Мордовцевой и Костомарова* (Лѣт. р. лѣт. и древн. т. IV, отд. II, стр. 48—49); послѣдній пересказъ—малорусскій (изъ ст. *Костомарова* о Горѣ-Злосчастьѣ въ „Современникъ“ 1856, № 10 и въ Памяти. стар. лѣт. вып. I.—Пѣсни, собр. *Якушкинымъ* 120—122. Новгородскій Сборникъ. вып. III (1865), отд. I, стр. 1—3. *Голованскій*, Пѣсни гал. Русн, I, стр. 181—182; *Чубинскій*, Труды эксп. въ зап. р. край, V, 766—778 (18 пересказовъ).

Изъ—подъ ручки изъ—подъ правой
соколя вылеталъ,
Изъ—подъ лѣвой изъ—подъ ручки сѣ-
рая утица.
Сказали вѣсть королевичу — и ра-
дость и печаль—
„Твоя жена Марусенька сына ро-
дила,
По утрицу ранѣшенько сама по-
мерла.
Воротился королевичъ къ дому сво-
ему:
Широкіе воротички растворены сто-
ятъ,
Косячетыя окошечки повываженны,
Генералы—полковники въ черномъ
убраны.
„Твоя Марусенька въ цвѣтномъ убра-
на“.
Ударился королевичъ объ дубовый
столъ:
„Ахъ свѣтъ—моя Марусенька, опу-
стѣлъ домокъ!
Очи ея прекрасныя не ўзрѣли меня,
Ножки ея рѣзвешуньки не встрѣтили
меня,
Ручки ея бѣлешуньки не обняли
меня.
Уста ея сахарныя не промолвили.
(К и р. 5).

Вариантъ:

Привидился королевичу сдннъ ди-
вень сонъ:
Поѣхалъ королевичъ къ старой бабѣ
вoroжить.
„Скажи, скажи, бабусенька, мнѣ пра-
вду-истину:
Вечеръ я, королевичъ, ложился спать
На крутой на горѣ, во бѣломъ шатрѣ;
Изъ правой моей ручки ясенъ со-
коля вылеталъ,
Изъ лѣвой моей ручки сѣрая утица“.
—Скажу тебѣ, королевичъ, правду-
истину:
Вечеръ твоя Марусенька сына ро-
дила

А зъ лѣвой изъ бѣлой свая зозуля.
Пріѣхавъ Ивасенько до вороженьки.
Щобъ вѣдгадала диввенькій сонъ:
Вороженька голубонька сонъ отга-
дала,
Молодому Ивасеви жалю задала:
„Уже-жь твоя Марисенька сына по-
вила,
А за сыномъ Марисенька сама по-
лягла“.
—Ступомъ, ступомъ, сивый коню,
нога за ногою,
Та чей же я ще застану миленьку
мою!
Ѣде, Ѣде Ивасенько, все конника
бьючи,
А вже своей миленькой та не за-
стаючи.
Пріѣхавъ Ивасенько та поѣвъ воро-
точка,
Стукнувъ, пукнувъ сивый коникъ та
у копыточка.
Выйшла до него найстаршая свѣсть:
„А вже жъ тобѣ, Ивасеньку, недо-
брая вѣсть!
Витай, витай, пане зятю чужій, а
не нашъ,
Бо вже твоей миленькой на свѣтъ
не машь“.
Війшовъ Ивасенько до новой свѣт-
лицы,
Лежить его миленькая на престѣл-
ницѣ:
„Ножки-жь мои скоропадни, чому
на подете?
Ручки мои бѣленькіи, чомъ не при-
горнете?
Очка мои чорненькіи, чому не гля-
нете?
Уста мои приязненьки, чомъ не про-
мовите?“
—Ножки мои скоропадни вже ся
находили,
Ручки мои бѣленькіи вже ся наро-
били,
Очка мои чорненькіи вже ся надп-
вили,

По утру ранешенько сама померла. Уста мои синенькіи вже съ наговорили.

(К и р. 1). (Головацк., I, стр. 181—182 4).

Съ южно-русскими и сѣверно-русскими пересказами побывальщины о несчастномъ вдовцѣ можно сопоставить цѣлый рядъ пѣсень сходнаго содержанія въ другихъ литературахъ. Такова нѣмецкая пѣсня о молодой женщинѣ, умершей отъ родовъ въ отсутствіе мужа. Мужъ, отправившійся пригласить тещу, слышитъ, возвращаясь домой, похоронный звонъ. Встрѣтившійся пастухъ объявляетъ ему значеніе этого звона. Несчастный спѣшитъ домой, цѣлуетъ умершую и закалывается. Умираетъ и мать: у нея разрывается сердце отъ горя 2).

Есть подобнаго же содержанія датская пѣсня. Malfred беременна двѣнадцатымъ ребенкомъ. Мужъ ея Esben отправляется пригласить родныхъ. Жена проситъ его остаться, подождать: еще въ ранней молодости ей было предсказано, что она умретъ, если забеременѣетъ двѣнадцатый разъ. Esben не обращаетъ на это вниманія и уѣзжаетъ. Дорогой ему каждую ночь грезятся печальные сны. Вернувшись, онъ видитъ дѣтей въ траурѣ, встрѣчается затѣмъ съ матерью и узнаетъ отъ нея, что предсказаніе сбылось. Въ отчаяніи Esben хватаетъ ножъ и убиваетъ себя. Мужъ и жена погребены въ одной могилѣ 3).—Въ новогреческой пѣснѣ объ умершей женѣ дѣйствующими лицами выступаютъ Харось, молодая женщина и ея мужъ. Стрѣла смерти поражаетъ женщину, когда мужа ея не было дома. Вернувшійся мужъ лишаетъ себя жизни. На могилахъ супруговъ вырастаютъ кипарисъ и тростникъ 4). Въ вариантѣ этой пѣсни вмѣсто мужа и жены упоминаются женихъ и невѣста 5) Такое же обозначеніе упоминаемыхъ въ пѣснѣ лицъ повторяется въ шведскомъ пересказѣ. Птица приноситъ жениху вѣсть отъ невѣсты. Вѣсть эта

1) Сходство великорусской и малорусской пѣсень объ умершей женѣ давно указано было *Костомаровымъ*, по мнѣнію котораго сѣверная пѣсня—пересказъ южной. „Не много нужно навыка къ народной поэзіи, чтобы видѣть въ пѣснѣ не чисто великорусскую, а перенятую отъ малороссіянъ“. (Пам. стар. р. лит. I, стр. 16). Подобное же замѣчаніе находимъ въ статьѣ г-жи *Кожановской*: „Сличеніе нѣсколькихъ русскихъ пѣсень“. (Воронежская Бесѣда 1861 г.) Слѣдуетъ, кажется, согласиться съ этимъ мнѣніемъ.

2) *Uhlands* Schriften, IV 13. (Anmerkungen zu den Volksliedern) S. 99—100.

3) *Ibid.* 100.

4) *Passow*, *Popularia carmina Graeciae recentioris* № 414—416. Ср. *Liebrecht*. *Zur Volkskunde*, S. 182—183.

5) *Uhlands* Schriften. IV. 104. Пѣсня—изъ сборника *Форіелла* (II, 112).

намекает на какую-то печаль. Жених сплшитъ къ возлюбленной и застаётъ ея похороны. Онъ останавливаетъ погребальное шествіе, проситъ сдлать могилу побольше, бросается на мечъ и погребень, какъ хотѣлъ, вмѣстѣ съ невѣстой. На ихъ могилѣ вырастаетъ липа, листья которой сплетаются одинъ съ другимъ ¹⁾). Шотландская баллада рассказываетъ о лордѣ Lovel и Lady Nanciebel, которые любили другъ друга. Lovel отправляется въ далекій путь, изъ котораго вернется только черезъ семь лѣтъ. Но миновать лишь одинъ годъ, какъ у него является какое-то тяжелое предчувствіе. Онъ возвращается къ возлюбленной, но уже не застаётъ ея въ живыхъ. Снимаетъ онъ гробовую крышку, открываетъ покровъ и цѣлуетъ блѣдныя губы усопшей. Lovel не пережилъ потери. На другой день онъ умеръ ²⁾). Семилѣтнее отсутствіе влюбленнаго чловѣка, упоминаемое шотландской балладой, повторяется въ моравской пѣснѣ: «Milá v hrobě» ³⁾). Юрій отправляется на войну, оставивъ на родинѣ невѣсту:

Marianno dzèvečko,
Ež do ročku sedmého
Ně miluj tu žadného.

На седьмой годъ Юрій возвращается и узнаетъ, что его милой уже нѣтъ въ живыхъ. Онъ сплшитъ на могилу невѣсты.

Třikrát klášter odjechal,
Marijanku zavolal.
„Marijanko dzèvečko,
Přemluv ke mně slovečko!“
— „Cěžké moje mlaveni,
Dy ve mně dechu není.“
Zlaty prsteň s prstu sjal,
Marijance na prst dal,
A sam se zamordoval.

Есть варианты этой пѣсни, заканчивающіеся голосомъ изъ могилы ⁴⁾). Самоубійство возвратившагося не упоминается, какъ и въ русскихъ пѣсняхъ о королюшкѣ.

¹⁾ Ibid., 101.

²⁾ Ibid., 103.

³⁾ Sušil Moravské nár. písně № 96, стр. 92—96 (6 пересказовъ). Въ при-
мѣчаніи къ пѣснѣ указаны ея варианты въ другихъ славянскихъ литературахъ:
Ерв. I, 19; *Луž.* I, 34, 88. *Војс.* I, 56; II, 295, *Ол.* 399. *З. Р.* ч. II, 13.

⁴⁾ Ibid. 92, 93, 95.

Во всѣхъ указанныхъ пѣсняхъ ¹⁾ нѣтъ и намека на жестокою свекровь. Страданія невѣстки отъ свекрови—особая тема, которая въ пѣсняхъ такого типа, какъ наша былина о кн. Михайлѣ, сплелась съ темою, повторяющейся въ приведенныхъ выше пересказахъ пѣсни объ умершей женѣ.

2) Мужъ уѣзжаетъ, оставивъ жену на попеченіи своей матери. Свекровь преслѣдуетъ невѣстку, обижаетъ ее. Возвратившійся мужъ узнаетъ объ этомъ. Злой матери приходится раскаиваться въ своей безразсудной жестокости. Изъ пѣсенъ съ такимъ содержаніемъ укажу прежде всего на новогреческую пѣсню. Молодая женщина терпитъ въ отсутствіе мужа всякаго рода оскорбленія отъ свекрови и деверей. Когда сынъ вернулся, мать пытается обмануть его: говорить, что жены его уже нѣтъ въ живыхъ. Ложь открывается. Мужъ находитъ жену въ полѣ: ее заставили пасти скоть. Злая мать должна сознаться и въ обманѣ и въ жестокости. ²⁾ Совершенно сходнаго содержанія испанская пѣсня: Don Guillermo. Онъ отправляется на войну, оставивъ жену у матери. Свекровь обижаетъ невѣстку, обременяетъ ее работой, посылаетъ ее пасти свиней. Вернувшійся мужъ узнаетъ объ этомъ. «Еслибы ты не была моя мать, говорить онъ жестокой старухѣ, я бы сжегъ тебя и пепель пустилъ по вѣтру.» ³⁾—Къ этому кругу пѣсенъ принадлежитъ малорусская пѣсня:

Поїхавъ Ясенюко та й на воєванне,
Ой гою, гою, гою та й воєванне,
Покинувъ Касеньку та на горованне.
Казавъ давати Каси пшеничного хлѣба,
Казавъ їй давати пити зеленого вина,
Казавъ кладовити спати въ пуховихъ перинахъ.
Матка Яся не слухала и казала їй давати овсяного хлѣба,
Давала їй пити помий ізъ корита,
Казала їй спати у ячної полові.
Ажъ на трете літо мой Ясенюко їде;

¹⁾ Обиліе вариантовъ разсматриваемой пѣсни (о смерти жены или невѣсты) въ европейскихъ литературахъ, вариантовъ чрезвычайно близкихъ одинъ къ другому и къ нашей пѣснѣ о королевичѣ даетъ основаніе предполагать, что русская пѣсня—прямой потомокъ баллады, занесенной съ запада. Роль посредницы при этомъ могла принадлежать народной поэзіи одного изъ западно-славянскихъ племенъ. На русской почвѣ заносная пѣсня усвоена была сначала на югѣ, а оттуда перебралась на сѣверъ, въ область великорусской народной поэзіи.

²⁾ *Pavow* op. cit. № 458. Ср. *Liebrecht*, *Zur Volkskunde*, 187.

³⁾ *F. Wolf*. Proben portugiesischer und catalanischer Volksromenzen, 145 (Sitzungsberichte der philos.—hist. Classe der Wiener Akademie. Bd. XX).

То Ясенько іде, штирі кони веде;
 Штирі коні веде, самъ на п'ятому іде.
 Кася не видала, matka вискочила.
 „Матуню, матуню, ци гораздъ все дома.
 Ци гораздъ все дома, ци Кася здорова?“
 — Синочку Ясеньку, усе гораздъ дома,
 Усе гораздъ дома и Кася здорова.
 Синочку Ясеню, мене Кася не слухала.
 Въ сваюлю вдала. (Чуб. V, 726—727 .

Пісня представляется не законченной. Сравненіе съ указанными выше пересказами позволяет восполнить недостающее: обманъ и клевета раскрываются; мужъ узнаетъ, какія оскорбленія приходилось переносить его женѣ.—Французскій пересказъ этой пісни (La Rochégonne), представляющій близкое сходство съ указанными выше вариантами, отличается отъ нихъ одной лишней подробностью, занесенной изъ другаго круга пісень.

C'est monsieur de Beauvoire,
 Tout jeun' s' est marié.
 Na pris un' femm' si jeune
 Qu' ell' ne sait pas habillier.

Юной четѣ не долго пришлось побыть вмѣстѣ. Мужу нужно отправиться на войну. Уѣзжая, онъ поручаетъ свою жену заботамъ матери въ выраженіяхъ, напоминающихъ слова нашего князя Михаила:

„Mèr', voila mon épouse:
 Mère, gardez-la bien.
 Ne faites lui rien faire
 Qu'a boire et à manger
 Et aller à la messe,
 Quand il faudra y aller.
 Quand elle ira à la messe,
 Trois chambrières apres:
 Un' portera son livre,
 Et l'autre ses gants blancs,
 Et l'autre sa bourse
 Pour donner aux pauvres gens.“

Мать выслушала просьбу сына, но лишь только онъ уѣхалъ, злая женщина отобрала у невѣстки всѣ дорогія вещи, которыя подарилъ ей мужъ, и послала ее пасти свиней. Прошло семь лѣтъ. Мужъ возвращается. Приближаясь къ дому, онъ встрѣчается въ полѣ съ пастушкой, въ которой узнаетъ свою жену, самъ оставаясь неиз-

наннымъ. Не узнаеть его и мать, когда онъ вошелъ въ домъ и попросилъ дать ему помѣщеніе и ужинъ. Просьба эта исполнена. Пріѣзжій заявляетъ потомъ, что онъ не хочетъ провести ночь одинокимъ. Старуха рекомендуетъ ему свою пастушку. Послѣ ужина мужъ уводитъ съ собой все еще не узнающую его жену.

Allons donc, porchéronne,
 Tu couch'ras avec moi.
 — „Ho! non, ho! non, monsieur,
 J' lai pas accoutumé;
 Je couche à l'écurie
 Avecque mes lévriers.“
 L'a pris par sa main blanche,
 En chambre l'a mené;
 La pauvre porchéronne
 Ell' s' est mise à pleurer.
 — „J'en suis fille honnête,
 Je perdrais mon honneur.
 „Ne pleurez pas, madame,
 Je suis votre mari.“

Жена узнаеть наконецъ мужа и рассказываетъ ему о своихъ лишеніяхъ. Утромъ старая хозяйка будить мнимую пастушку: пора ей приниматься за работу. На это требованіе отвѣчаетъ мужъ:

„Allez-y vous, ma mère,
 Elle y est tant allée!
 Si vous n' étiez ma mère,
 Tuée vous en seriez;
 Du fil qu'elle a filé
 Vous en seriez étranglée;
 Du bois qu'elle a porté
 Vous en seriez brûlée;
 Puisque vous êtes ma mère
 Tout sera pardonné.
 Ho! donnez moi, ma mère,
 Les clefs de mon château.“¹⁾

Сходнаго содержанія пѣсня о Germaine (или Germaine). Мужъ въ отвѣздѣ. Спусти семь лѣтъ, онъ возвращается и просить у жены, не узнавшей его, позволенія переночевать.

Non, non, mes beaux messieurs, je ne puis vous loger:
 Car à mon mari je promis fidélité.
 Allez à c' beau château que vous voyez d'ici,
 Là vous y trouverez un log'ment pour la nuit:
 Car c'est là qu'reste la mèr' de mon mari.

¹⁾ „Romania“, I (1872), 352—359.

Въ замкѣ пріѣзжіи и его спутники встрѣчаютъ радушный пріемъ. Они просятъ, чтобы приглашена была Germaine. Хозяйка согласна исполнить эту просьбу. Она отправляется къ невѣсткѣ, зоветъ ее. Та съ негодованіемъ ствергаетъ сдѣланное ей приглашеніе:

Si n'étiez pas la m^èr', la m^èr' de mon mari,
 Je vous ferais passer à Lyon sur le pont
 Pour vous faire manger les petits poissons!
 La bell'-m^èr' s' retourne, s'en retourne en pleurant:
 — Mangez, mes beaux messieurs, Germin' n'veut pas venir;
 C'est la plus méchant' femm' qu'il y ait dans le pays.
 — Si vous n'étiez pas la m^èr', la m^èr' qui m'a nourri,
 Je vous ferais passer au fil de mon épée,
 D'avoir voulu séduir' Germin' ma bien aimée ¹⁾.

Этотъ рассказъ о неузнанномъ мужѣ примѣшался къ пѣснямъ о преслѣдуемой невѣсткѣ изъ особаго рода пѣсенъ, извѣстнымъ во множествѣ вариантовъ ²⁾.

Нѣкоторыя изъ пѣсенъ разсматриваемаго круга, рассказывающія о страданіяхъ невѣстки отъ преслѣдованій свекрови, вводятъ такую подробность: мать, встрѣчая сына, клеветаетъ на его жену, обвиняя ее въ своевольствѣ и легкомысліи ³⁾. Относительно этой подробности нужно замѣтить, что клевета свекрови—тема, развиваемая въ особыхъ пѣняхъ, въ которыхъ притомъ живыя обвиненія не разоблачаются такъ скоро и такъ удачно, какъ въ приведенныхъ пересказахъ. Пріѣхавшій мужъ, повѣривъ наговорамъ матери, въ гнѣвѣ убиваетъ жену. Позже онъ узнаетъ, что былъ обманутъ, и проклинаетъ злодѣйку. Пѣсня съ такимъ именно содержаніемъ извѣстна и въ Малой, и въ Великой и въ Бѣлой Руси. Вотъ варианты малорусскій и великорусскій:

Ой уже сімъ лѣтъ доныцъ-за Дону	Летѣла пава черезъ улицу,
нітъ,	Ронгла пава павино перо.
А на восьмий годъ донецъ на Дону	Ой не жаль пера, жаль мнѣ павушки,
иде.	Ой мнѣ жаль младца, одинъ сынъ
Пристигла ёго нічка темная,	въ отца,
Нічка темная, та невидная;	Одинъ сынъ въ отца, добрый молодецъ.
Вінъ самъ лігъ та на кургані,	
Привязавъ коня до дубового колка.	Онъ на службу идетъ государеву;

¹⁾ Chants populaires recueillis dans le pays Messin... par le c-te de P u y m a i g r e, nouv. éd. (1881) t. I. p. 47—59.—Указаны варианты бретонскій, прованскій и др. Ср. „Romania“ X, 369—371, 584—587.

²⁾ Напрям. op. cit. 60—64 („Le retour du Mari“).

³⁾ Клевета матери внесена, какъ мы видимъ, и въ нѣкоторые пересказы пѣсни о князѣ Михаилѣ (Кир. № 5).

Приїзла къ нѣму чорна гадина;
 То не гадина—то мати его.
 „Ой ти їдь, козаче, на швидчій на
 Донъ,
 Ой уже твій двірби изпустошений,
 Вже твої жінка та заміжъ пішла,
 Вже твої діти посиротіли,
 Вже твої слуги безъ пана живуть,
 Вже твої жупани поношені,
 Вже твої меда одпечатані.“
 Приїзжає казаченько на тихій Дінъ,
 Зустріла єго жінка молода.
 Ой якъ вихопивъ та остренький мечъ,
 Та й знавъ жінці голову зъ плечъ.
 Приїзжає казакъ та у свій у двіръ,
 Его дворочекъ—та якъ віночокъ,
 Діточки его за столомъ сидять,
 За столомъ сидять, все перомъ пишуть,
 А слуги єго золотомъ шпують,
 Золотомъ шпують, силненко плачуть
 По своїй паней та по добренькій.
 Якъ увійде вінъ въ нові комори,
 У его жупани та позлежовалися,
 Якъ увійде вінъ въ нові погребі,
 У его меда позацвітали...
 —„Ой, мати моя, моя мати!
 Ты не мати—чорна гадина!
 Зыла сонце, зышъ і місяци,
 Зыжъ і зірочки-дрібні діточки“.

Онъ и годъ служилъ, и другой служилъ,
 А на третій годъ ко двору идетъ.
 Его мать встрѣла среди поля,
 А сестра встрѣла среди села,
 А жена встрѣла среди двора.
 Ой, и мать сыну поразжилилась:
 „А твоя жена увесь домъ снесла!
 Что коней твоихъ пораспродала,
 Соколовъ твоихъ пораспустила,
 А меда твои поразвыпила.“
 Вынулъ молодець саблю вострую,
 Онъ и снесъ женѣ буйну голову;
 Голова жены покатилася
 Ворону коню подъ праву ногу...
 Пошелъ молодець во конюшенку,
 Кони стоятъ, сѣно-овесъ їдятъ,
 Пошелъ молодець во соколенку,
 Соколы сидять, почищаются,
 И меда стоятъ не починены.
 Пошелъ молодець на новы сѣни,
 На новыхъ сѣняхъ колыбель висить.
 Колыбель висить, тамъ дитя кричить,
 „Ты баю-баю, мое дитятко,
 Ты баю—баю, мое милое!
 У тебя, дитя, нѣту матери,
 У меня, младца, молодой жены.
 Пошелъ молодець на высокъ теремъ:
 Какъ ударился о дубовый столъ:
 „Что не мать ты мнѣ и не матушка-
 А змѣя же ты подколодная!“¹⁾

(Чуб. V, стр. 734—735)

(Воронежская Бесѣда 1861 г.)

Варіантъ, сообщенный въ сборникъ Гильфердинга («Онежскія былины», № 253) подъ неудачнымъ заглавіемъ: «Ревнивый мужъ», представляетъ нѣкоторыя особенности. Уѣзжавшій и вернувшійся—князь.

¹⁾ Въ статьѣ г-жи Кохановскоѣ: „Сличеніе нѣсколькихъ русскихъ пѣсень“. Ср. Пѣсни изъ собр. Якушкина (1865) стр. 114. Сличеніе приведеннаго великорусскаго пересказа съ малорусскимъ указываетъ, при полномъ сходствѣ основнаго содержанія, нѣкоторыя разности въ подробностяхъ. Слѣдуетъ допустить существованіе великорусскаго пересказа болѣе близкаго къ малорусскому, ибо приведенный южнорусскій варіантъ по его складу, по его поэтическому стилю, предполагаетъ, кажется, великорусскій первообразъ. — Два бѣлорусскихъ варіанта см. въ сборникѣ Шейна: Матеріалы для изученія быта и языка р. населенія сѣверо-зап. края, т. I, ч. 1, стр. 434—435 и 481—482.

И женился князь во двѣнадцать лѣтъ,
 Онъ ли бралъ княгиню девяти годовъ,
 Онъ ли жилъ со княжной ровно три года,
 На четвертой годъ онъ домой пошелъ.
 Онъ гулялъ, гулялъ да ровно три года,
 На четвертой годъ онъ домой пошелъ.

Ложныя вѣсти о женѣ сообщаютъ ему встрѣтившіяся «двѣ старицы, двѣ чѣрноризицы»:

„Молода жена во терему сидитъ.
 Во терему сидитъ, колубень качать.“
 И не синѣ-то море всколыбалосе.
 У князя сердце разгорѣлосе.
 И приходитъ князь къ своему дворцу,
 Къ своему дворцу да княженецкому,
 Тонне ворота правой ноженкой,
 Удѣтъли тѣ ворота среди двора,
 Среди двора да княженецкаго,
 Вышла княгиня на круто крыльцо,
 Въ одной тоненкой рубашкѣ безъ нѣтничка,
 Въ однѣхъ бѣленкихъ чулочкахъ безъ чоботовъ.
 Выпмалъ тутъ князь востру сабельку,
 А срубилъ у княгини буйну голову.

Убѣдившись потомъ, что обвиненіе, взведенное на его жену, было ложно, князь спѣшитъ въ погоню за старицами.

И заставалъ онъ князь и въ чистомъ поли
 Ѣтыхъ старицей да чѣрноризицей.
 Вынимаетъ князь и востру сабельку,
 Онъ срубилъ у старицъ буйну голову. ¹⁾

¹⁾ Варианты этой былины записаны О. М. Истоминымъ въ г. Онегѣ и свящ. К. И. Богольповымъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи. Въ Шенкурскомъ пересказѣ нѣтъ имени князя.

„Жилъ былъ князь, имя коего неизвѣстно. Женился этотъ князь въ 12 лѣтъ взявъ онъ княгиню 9 годовъ и 9 мѣсяцевъ, жилъ онъ съ княгиною ровно 3 года и 3 мѣсяца, а на 4-й годъ гулять пошелъ. Ходилъ онъ,—гулялъ ровно 3 года и 3 мѣсяца, а на 4-й годъ князь домой пошелъ. Идучи дорогой, видитъ, идутъ ему на встрѣчу три старицы, три монахини черноризицы и бѣлокнижныцы. Давно ли вы, спрашиваетъ ихъ князь, съ моего двора съ Княжевинаго, съ Екатеринскаго? Отвѣчали старицы: мы вчера съ твоего двора съ Княжевинаго, съ Екатеринскаго, и у тебя, князь, въ дому все не по старому, не по прежнему—всѣ добрыя кони по колѣнъ въ наѣму стоятъ, ѣдятъ траву все осатину, пьютъ воду все наземную, золота казна вся расхищена, въ теремѣ колубень виситъ (люлька). Выслушавши все это, князь погонилъ своего добра коня, сломя голову. Приѣзжаетъ князь къ своему двору къ Княжевинскому, къ Екатеринскому: выходитъ молодая жена, встрѣчаетъ въ одной тоненькой рубашкѣ—безъ косетчина (сарафана), въ однѣхъ тоненькихъ чулочкахъ, безъ башмачекъ; выни-

Съ этими русскими пѣснями можно сопоставить одинъ изъ романсовъ, сообщенныхъ въ упомянутомъ выше трудѣ Вольфа. Мужъ въ отъѣздѣ. Вернувшись, онъ не находитъ жены дома: она отправилась къ своимъ роднымъ. Свекровь клеветаетъ на невѣстку. Разгнѣванный мужъ спѣшитъ въ домъ тестя и требуетъ, чтобъ жена сейчасъ же отправилась вмѣстѣ съ нимъ, не смотря на ея болѣзнь. Во время пути несчастная женщина умираетъ. Вдовецъ пускается въ паломничество ²⁾).

Послѣдняя подробность могла находиться и въ первообразѣ русской пѣсни. Въ измѣненномъ видѣ это паломничество могло дать поводъ къ упоминанію въ пѣснѣ странствующихъ старицъ, замѣнившихъ клеветницу-мать.

3) Пѣсня о кн. Михайлѣ соединяетъ два разсказа объ отсутствующемъ мужѣ (умершая жена, преслѣдуемая невѣстка), но при этомъ соединеніи вводится новая подробность, которая и служитъ связующимъ элементомъ, придающимъ пѣснѣ значеніе самостоятель-

маетъ князь саблю вострую, срубилъ, сказнилъ полчечъ голову, укатилась голова конямъ подъ ноги. Потому заходитъ князь въ конюшню свою и находитъ, всѣ кони по колѣнъ въ овесъ, они ѣдятъ траву все шелковую, они пьютъ воду: все ключевую, все цвѣтно платье по ступочкамъ, во теремѣ золота казна по пикатулочкамъ, бѣла посуда по наблюдничкамъ, ключи-замки все по полочкамъ, во теремѣ зашелъ, колубни тутъ нѣтъ, дитя малаго не видано, тутъ пѣла стоятъ золоченыя, не столько въ нихъ што, сколько плакано, все князя въ домъ дождано. Въ другой теремъ заходитъ и тутъ все въ порядкѣ находитъ; за бѣду князю тутъ стало, за досадушку великую. Заходитъ князь во конюшню во свою выбираетъ князь лошадь добрую, погонялъ онъ коня, сломя голову, ко двумъ старикамъ, двумъ монашицамъ, черноризицамъ, бѣлокнижницамъ, я, прибывши къ нимъ, говорить: ужъ вы старицы, монашицы, черноризицы, бѣлокнижницы, зачѣмъ, зачѣмъ вы мнѣ наврали? Потому вяялъ саблю острую и срубилъ, сказнилъ имъ головы, а самъ бросился на колъ-вострой конецъ, и тѣмъ предалъ себя скорой смерти.“ («Живая старина», 1890 г., вып. II, отд. I, стр. 23). Въ записи о. Боголѣнова пѣсенный складъ разсказа удержался съ достаточной ясностью, но мѣстами этотъ метрической складъ уже разрушенъ. Въ Онежскомъ пересказѣ имя князя—Димитрій. Убивъ оклеветанную жену, князь Димитрій палъ на саблю вострую ретивымъ сердцемъ. Родные князя послали птицу вѣрную «за живой водой за мертвою.» Вода принесена. Умершіе возвращены къ жизни, пѣсня оканчивается казнью монашенокъ. (Пѣсни русск. народа, собр. въ губ. Архангельской и Олонецкой въ 1886 г., стр. 63—67.)

²⁾ Sitzungs-Berichte der Wiener Akademie, XX, 99—103. («Helena»).—Ср. Liebrecht, Zur Volkskunde, 187 (Злая мачиха, обижавшая жену своего пасынка во время его отсутствія, клеветаетъ на нее, когда тотъ вернулся, обвиняетъ въ вѣдѣнѣ. Мужъ требуетъ, чтобы жена сама покончила съ собой. Внезапно молнія поражаетъ злую старуху. Мужъ видитъ въ этомъ проявленіе божественнаго суда, наказавшаго неправду, и примиряется съ женой).

наго цѣлаго. Мать кн. Михайла—убійца; она не обижала только свою невѣстку, а извела ее. На внесеніе этой подробности, а слѣдовательно и на сложеніе самой былины, могла оказати вліяніе аналогія пѣсень, въ которыхъ идетъ рѣчь о злой женщинѣ, которая задумываетъ погубить невѣсту (жену) сына и при этомъ губить и самого сына. Таковы пѣсни о матери-отравительницѣ, образцомъ которыхъ можетъ служить былина о Васильѣ и Софьѣ ¹⁾.

Во славномъ городи во Кіевѣ
 Жила-то была честная вдова.
 Было у вдовишки тридцать дочерей
 И вси оны во спасеніе пошли,
 Вси разѣхались по пустымъ пустынямъ
 И по всѣмъ монастырямъ,
 Всѣ становились по крылосамъ
 И всѣ поють: „Господи Боже“.
 Одна Сафеюшка промовилась:
 Хотѣла сказать: „Господи Боже“,
 А втапору сказала: „Васильюшко, подвинься сюды“.
 Услышала Васильева матушка,
 Скорешенько бѣжала во Кіевъ градъ,
 На гривенку купила зелена вина,
 На другую купила зелья лютаго.
 Василью наливала зелена вина
 А Сафею наливала зелья лютаго.
 Говоритъ она таково слово:
 „Ты, Васильюшка, пей, да Сафею не давай,
 А, Сафеюшка, пей, да Василью не давай.“
 А Васильюшка пила и Сафею подносила,
 А Сафеюшка пила и Василью подносила.
 Васильюшка говоритъ, что головушка болитъ,
 А Сафея говоритъ: ретиво сердце щемитъ.
 Они оба вдругъ переставились
 И оба вдругъ переславились.

¹⁾ Пересказы: Бевсоновъ, Казѣки переходіе, ч. I, вып. 3, №№ 167 и 168, стр. 697—700; Гильфердингъ, Онежскія былины, №№ 31, 134, 285, стр. 154—156, 696—697, 1242; Варсовъ, Изъ обычаевъ обонежскаго народа, № 12 (Олон. губ. вѣд. 1867, № 14). Г. Квашининъ-Самаринъ (въ статьѣ о сборникѣ Гильфердинга) относитъ пѣсню о Васильѣ и Софьѣ къ ряду былинь о Васильѣ Казимировичѣ: «думаемъ, что дѣло идетъ о немъ, другаго Василья въ кіевскомъ эпосѣ мы не знаемъ, да онъ же названъ княземъ» („Русск. Вѣстн.“ 1874, № 10, 784—785). Основаніе, какъ ясно само собой,—недостаточное.—Имена великорусскаго варианта (пѣсня, какъ увидимъ, известна и за пределами русскаго былеваго эпоса) могли быть подсказаны смутными воспоминаніями о царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ и князѣ Васильѣ Васильевичѣ Голицынѣ.

Василья несутъ на буйныхъ головахъ,
 А Сафею несутъ на бѣлыхъ на рукахъ,
 Василья хоронили по правую руку,
 А Сафею хоронили по лѣвую руку.
 На Васильѣ выросло кипарично дерево,
 А Сафеѣ выростала золота верба;
 Они вмѣстѣ вершочками свивалися
 И вмѣстѣ лпсточками слппалися.
 Тутъ старый идетъ-то наплачется,
 А младый идетъ надивуется,
 А малый идетъ—то натѣшится.
 Тутъ провѣдала Васильева матушка,
 Кипарично дерево повырубила,
 А золоту вербу повмысушила.

(Гильф. 134).

Разницы, находимыя въ вариантахъ пѣсни, сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

а) Въ пересказѣ Безсонова 168, къ упоминанію Кіева присоединяется указаніе на кн. Владиміра:

Повелъ онъ Софію по Кіеву
 Ко славному князю Владиміру.

Въ пересказѣ Безсонова 167 говорится только, что мать Василья «сходила во въ Кіевъ городокъ». Переск. Гильф. 285 замѣняетъ Кіевъ Китай-городомъ («поѣзжала во Китай-города»). Въ вар. Гильф. 31 и Барсовъ 12 мѣсто дѣйствія не опредѣляется.

б) Пересказы Гильф. 31 и 285 упоминаютъ о вѣнчаніи Василья и Софьи:

Взялъ онъ Салфею за бѣлы руки,
 Повелъ Салфею во Божью церкву,
 Принялъ съ Салфеей золоты вѣнцы.

в) Число дѣтей Софьиной матери опредѣляется неодинаково: 9 дочерей (Гильф. 31; Барсовъ 12); 30 дочерей (Безс. 168); 33 доч. (Гильф. 285); 33 сына и одна дочь (Безс. 167).

г) Въ пересказѣ Гильф. 285 Василій названъ княземъ:

Князь молодой ты, Васильюшко,
 Ты, Васильюшко, иодвинься сюда.

д) Въ вариантѣ, сообщенномъ г. Барсовымъ, свиданье Василья и Софьи передаются такъ:

Всѣ они (сестры Софьи) ношли по Божьимъ церквамъ,
 Меньшая сестра—на бесѣдушку.
 Она сѣла-посѣла на дверну лавочку.
 Надумала сказать, что „Господи прости.“

И пошло сказать, что „Васильюшко дружокъ,
Потролся, подвинься на лавочкѣ сюда.“

Извѣстно не мало пѣсень, сходныхъ съ нашей былинной о Васильѣ и Софьѣ. Такова малорусская пѣсня о юношѣ, который выбралъ себѣ невѣсту противъ воли матери:

А мати якъ ся дознала,
Доразъ на гору бѣжала,
На високу гору бѣжала,
Жолте корѣня копала,
Въ червеномъ вишѣ мочила,
Жебы невѣсту гостила.
Невѣста презъ прагъ вкочуе,
Свекра ей съ виномъ честуе:
„Пій ты, невѣсто, пій вино,
Не пила 'сь таке якъ живо!“
Невѣста краснѣ здравкала,
Не пила, Ванѣви дала.
Скоро Ванюсѣ ся напилъ,
Доразъ за сердце ся хватилъ:
„Ахъ, мамо, чыто вы зробили,
Никда вы добры не были,
Хотѣли 'сте Ганчю стравити,
Ей, а вы меня стравили.“

(Голов. II, стр. 711—712. Ср. I, стр. 81).

Такого же содержания моравская пѣсня: «Matka travička». Дѣвушка идетъ по воду. Проѣзжіе люди зовутъ ее съ собой. Дѣвушка соглашается, отправляется въ путь, прося уведомить ея мать,

Že se svadba stroji
Na Rakúském poli

По другому варианту начало пѣсни передается такъ: юноша и дѣвушка полюбили другъ друга, сблизились. Женихъ приводитъ невѣсту въ свой домъ. Дальше варианты сходятся:

Matka ne meškala,
Dvě sklenice vzala,
Do sklepa běžela
A do jedné medu,
A do druhé jedu.
A před syna s medem,
Před nevěstu s jedem.
Sám Pán Bůh to změnil,
Napil se syn jedu,
A nevěsta medu.
Syn se jedu napil,
Po světnici chodil,
Poručenství robil.

Брату онъ отказываетъ коней, сестрѣ—коровъ, милой—свой домъ.
Очередь доходить до матери.

Co mně, synu, co mně?
Co mně, staré mamě?
Tobě, matko, tobě
Ten kameň široký
A Dunaj hluboký.
Že's mě otravila,
S milú rozlúčila ¹⁾.

Можно еще указать новогреческую пѣсню: злая мать отравляетъ жену своего сына варевомъ, приготовленнымъ изъ змѣй ²⁾.

Заключеніе русской пѣсни объ отравленіи сближаетъ ее съ пѣснями на другую, хотя и близкую, тему: юноша и дѣвушка любятъ другъ друга, но мать (его или ея) мѣшаетъ ихъ браку; для несчастныхъ влюбленныхъ жизнь теряетъ свою прелесть: они умираютъ одинъ за другимъ (онъ, потомъ она, или наоборотъ). Въ сборникѣ Караджича помѣщено нѣсколько пересказовъ сербской пѣсни такого именно содержанія: Смрт драге и драгога, Смрт Ивана и Јелене, Смрт Омера и Мериме ³⁾.

Для образца привожу въ пересказѣ одну изъ этихъ пѣсней. «Иванъ и Елена сильно любили другъ друга. Вотъ однажды Иванъ и говоритъ Еленѣ: «Елена, душа моя дорогая! спрашиваю тебя, хочешь ли выйти за-мужъ за меня»? Елена ему отвѣчаетъ: «Дорогой мой Иванъ! Ты меня спрашиваешь, хочу ли я выйти за тебя? Да, я хочу, но нужно спросить у милой моей матери, выдастъ-ли она меня за тебя». Идетъ она къ бѣлому двору, увидѣла матушку и спрашиваетъ: «Милая матушка моя, проситъ меня у тебя молодой Иванъ. Хочешь ли выдать меня за него?» — «Не дури, Елена, — говоритъ мать, — я хочу выдать тебя за лучшаго и богатѣйшаго». Идетъ Елена къ горѣ, встрѣчаетъ Ивана и рассказываетъ ему обо всемъ. Затѣмъ подаетъ ему такой совѣтъ: «Иванъ мой, дорогой изъ дорогихъ! Проси племянницу мою Манду, она меня и выше, и лучше, и одеждой богаче». На это Иванъ ей отвѣчаетъ: «Лучше не говори пустяковъ, дорогая моя Еля! Пусть себѣ Манда и выше, и лучше, и одеждой богаче, но сердцу моему она не мила». Какъ бы то ни было, онъ все-таки послѣдовалъ совѣту своей милой. Отправляется

¹⁾ Sušil, Moravské nář. písně, стр. 154—155, № 157.

²⁾ Passow, № 456, 457. Ср. Liebrecht, Zur Volkskunde, 187, 214 (указано нѣсколько параллелей).

³⁾ Спрске народне pjesme, ч. I (1841), стр. 238—259, №№ 340—345.

онъ къ бѣлому двору и просить Маиду; получивъ согласіе, онъ отправляетъ къ ней сватовъ. Елена увидѣла сватовъ Ивана, подзвала свою матушку и сказала, что еслибъ она согласилась тогда выдать ее за Ивана, то теперь они шли бы къ ней. Когда сваты прошли мимо двора Елены, заплакала прекрасная дѣвица: она не могла снести душевнаго горя, взшла на башню и тамъ повѣсилась. На ея могилѣ простился съ душой и Иванъ. Здѣсь подлѣ милой его Елены похоронили и его» ¹⁾). Въ другой пѣснѣ разсказывается, что юноша погибаетъ изъ-за черноокой дѣвицы. «Мать уложила его на носилки, пронесла его возлѣ двора любимой его дѣвушки. Черноокая увидѣла его и говоритъ своей старой матери: «Я умираю, моя старая мать! Положи меня на легкія носилки и неси меня за этимъ мертвецомъ. Выкопайте намъ рядомъ могилы и чрезъ гробы соедините наши руки» ²⁾). Пѣсни этого круга заканчиваются обыкновенно картинкой, знакомой намъ по нѣкоторымъ вариантамъ пѣсни объ умершей женѣ и по былинѣ о Васильѣ и Софьѣ:

Мало врое затиѣ постајало,
Више драгог зелен бор израсте,
А виш' драге румена ружница;
Па се вије ружа око бора,
Као свила око ките смилѣа (№ 341).

Есть малорусская пѣсня, чрезвычайно сходная съ указанными сербскими пересказами. Жили двѣ сосѣдки,—у одной была дочь, у другой—сынъ.

Тоты двое люди такъ ся любовали,
Же и въ святой церкви покоя не мали.
Они въ святой церкви покоя не мали,
Со златымъ яблочкомъ до себе метали.

Любовь мѣшаетъ имъ молиться, какъ Василью и Софьѣ. Ганусина мать противится сближенію молодыхъ людей, разлучаетъ ихъ. Влюбленные не переносятъ разлуки.

„Умру я, мамичько, про бѣлу Ганичку.“
А ужь конецъ былъ, серденько не било.
Ганчи ся дознала, кановцу порвала,
Кановцу порвала, на воду бѣжала,
Труны ся хватила, жита утратила.

¹⁾ Пересказъ взять изъ соч. г. Веревскаго: Вукъ Караджичъ и его сборникъ народныхъ сербскихъ пѣсень, стр. 72—73 («Филологич. Записки» 1889 г., вып. 2).

²⁾ Ib. 72.

А такъ едно тѣло легло съ другимъ тѣломъ,
 Души спочиваютъ съ милымъ паномъ Богомъ,
 Съ одной страны церкви Яничька сховали,
 Съ другой про Ганичьбу смутный гробъ выбрали;
 На Янчовомъ гробѣ росла розмарія,
 На Ганчиномъ бѣла прекрасна лелія,
 Тотъ двое зѣля такъ повырастали,
 Ажъ ся ихъ вершочки верхъ черви схаждали.
 Ганусина мати на томъ застоля,
 Драбины ставляла, вершки соживала,
 Яничьково тѣло съ гробу прогварило:
 „Ей мати, ты, мати, пренедобра мати,
 Не дала 'сь намъ жити, дай намъ почивати!
 Хоць тѣло въ гробѣ гнѣе, порохнѣе,
 Але наша любовь и за гробомъ жие.“

(Г о л о в. II, стр. 710—711).

Въ новогреческой пѣснѣ о злой матери разсказывается слѣдующее: мать, подслушавъ вѣжнѣйшій разговоръ дочери съ молодымъ человекомъ, подговариваетъ своихъ сыновей убить сестру; умершую несутъ мимо дома ея возлюбленнаго; тотъ, узнавъ о несчастіи, закалывается; женихъ и невѣста погребены въ одной могилѣ; два растенія поднимаются надъ этой могилой, обнимаясь и цѣлуясь одно съ другимъ ¹⁾.

Близость указанныхъ выше пѣсенныхъ темъ вела къ ихъ смѣшенію. — Слѣды такого смѣшенія замѣтны и въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ уже пересказовъ. Такъ пѣсни о смерти жены въ отсутствіе мужа допускаютъ разницу въ заключительной части. Наша пѣсня (Королевичъ) заканчивается изображеніемъ горя вдовца; въ испанскомъ пересказѣ, указанномъ Уландомъ, послѣдняя часть пѣсни передается такъ: вдовецъ идетъ на могилу жены, онъ проситъ умершую взять его къ себѣ, но изъ могилы слышится голосъ, призывающій къ жизни и счастью ²⁾; подобное же окончаніе (голосъ изъ могилы) мы встрѣтили въ нѣкоторыхъ вариантахъ моравской пѣсни. По другому ряду пересказовъ пѣсня оканчивается изображеніемъ смерти вдовца, причемъ, какъ заключительная подробность, упоми-

¹⁾ Passow, № 469, 470. Liebrecht, op. cit. 188—189.

²⁾ Schriften, IV, 103—104.

нається появленіє на могилѣ сплетаючихся растений ¹⁾. Такое оконочаніє пѣсни сложилось едва ли не подъ вліяніємъ аналогіи съ пѣснями такого типа, какъ «Василій и Софья» или «Смртъ драге и драгога» и т. п.

Еще яснѣе выступаєть вліяніє аналогіи въ нѣкоторыхъ малорусскихъ пѣсняхъ разсматриваемаго круга. Такова пѣсня объ отравленіи, которую привожу въ двухъ разныхъ вариантахъ:

Оженила мати своего сина,
Молодої невістки да не любила.
Що синъ пішовъ у військо-дорогу,
Молода невістка — коней стадо
насти ²⁾

Коней пасе, рушникъ вишиває,
Рушникъ вишиває, до коней промов-
ляє:

„Пасітєся, коні, на шовковій травці,
Да пийте, коні, холодную воду,
Поки приїде милый ізъ війська, зъ
дороги.“

Прийшовъ милый ізъ війська, зъ до-
роги,

Да кланяєтєся своїй жінці низенько
у ноги:

— „Ходімъ, жінко, до матері въ гості.“

Пришли до матері—чоломъ и рукою,
А мати до сина ізъ горілкою,

А до невістки ізъ отрутою;
Посадила сина у конець стола,

Молоду невістку у порога;
Да частує сина горілкою,

Молоду невістку отрутою.
„Ой, вилиймо, жінко, горілку до дому,
Да вилиймо отруту за мною;

Вилиймо, жінко, да по повній чарці,
Щобъ насъ похвали да у одній ямці;

²⁾ В а р і а н т ь:

Та послала сина въ далеку дорогу,
А молоду невістку—стада насти.

На середѣ села сєдѣла вдова,
Ой мала жъ вона сына Василя,
Ой мала жъ вона, до школы дала,
Збѣ школы взяла, въ войско вѣдала,
Въ войско вѣдала, на войну пос-
лала!...

Чекає рочокъ, не йде сыночокъ,
Чекає другій, не йде синъ любий,
На третій рочокъ идєть сыночокъ,
Сыночокъ иде, невістку веде.

Ой вийшла мати зъ нової хати,
Ой взяла жъ вона сына витати:

Вынесла вона двѣ скляницѣ вина,
А трєта бутылка сама тротина.

До сынонька пѣє червонымъ виномъ,
Невістцѣ дає саму тротину.

Синъ вина не пивъ, подѣ коня
выльвавъ,

А тротинювку по половницѣ;
Невістка пѣє, та й омлѣває,

А синъ ся дивить съ коня ся хилєє.
„Знала 'сь насъ, мати, якъ чаровати
Знай же насъ, мати, вкущѣ сховати“.

А мати сына не послушала,
Якъ сама хтѣла, такъ ихъ сховала:

Сына Василя подѣ оконцями,
А невісточку подѣ воротцями;

На сыну Василю совенько сходитъ,
На невістонцѣ увєсь мїръ бродить;

На сыноньковн явѣрь зелененькій,
На невістонцѣ бѣла березонька.

Береза ростє, розростаєся,

¹⁾ Сплетаючіяся растєнія—образное вираженіє той мысли, что разлученные здѣсь соединяются тамъ. Поэтому появленіє такого образа существенная и необходимая заключительная часть тѣхъ пѣсєнь, которыя построены на упомянутой антитезѣ совершающагося до могилы и за могилѣй. Внесенный въ пѣсєни о женщинѣ, смерть которой изображается, какъ „судъ Божій“, образъ этотъ утрачиваетъ свой первоначальный смыслъ.

Ой выпиймо да по половинці,
Щобъ насъ поховали въ одній домо-
вниці.“

Ой, умеръ синъ у неділю въ ранці,
Молода невістка—пообідавши.
Положили сина на тисовий лавці,
А невісточку на постійниці. (?)
Що по синові отець, мати плаче,
А по невісточці чорный воронъ
кряче.

Що по синові въ усі звони звонять,
А по невісточці всі люде говорятъ.
Заховали сина підъ церквою,
Молоду невістку —підъ звонницею.
Та на синові яворъ зеленіе,
А на невісточці береза біліе,
Гілька до гільки схиляется,
Мати за дітьми да побивається:
„Коли бъ я була знала, да дітей не
труїла,
Своего серденька да не печалила.“
(Чуб. V, стр. 711—712).

Листъ до листонька привертаеся,
А явбръ росте, розрастаеся,
Листъ вѣдъ листонька вѣдвертаеся.
(Голов. I, стр. 186—187).

Соединеніе въ первомъ изъ этихъ пересказовъ (Чуб.) двухъ пѣсенныхъ темъ (отравленіе; женщина, обижаемая свекровью во время отлучки мужа) ясно до очевидности ¹⁾.

Другой яркій образецъ слиянія пѣсенныхъ темъ представляетъ малорусская же пѣсня, очень близко стоящая къ нашей былинѣ о кн. Михайлѣ (Голов. I, стр. 74—77, №№ 30 и 31). — Молодой человекъ, женившійся безъ вѣдома матери, уѣзжаетъ на войну, оставивъ жену у свекрови.

Ой поѣхавъ Ивасенько семь лѣтъ на войну,
Лишивъ свою Марусеньку на матѣнку рѣдну.
Ой поѣхавъ на войноньку, просивъ свою матѣноньку:
„Ой матусю, матусенько, шануй мою Марусеньку!
Купай же ю, моя мамко, въ бѣломъ молоцѣ,
Постели и, моя мамко, пѣдъ бѣкъ перину,
Положи и въ головоньки двѣ подушеньки,
Накрывай и, моя мамко, лехковъ периновъ,
Годуй же и, моя мамко, съ перцемъ каплуномъ,
Наповай и, моя мамко, медомъ та и виномъ!“

Мать Ивасенька не послушала: купала ее въ холодной водѣ, вмѣсто перины дала «стару ряднину», вмѣсто подушекъ — камни,

¹⁾ См. еще белорусскія пересказы въ сборникѣ Шейна: Матеріалы для изученія быта и языка р. населенія с.-зап. I, 1, стр. 447—451.

годовала ее не каплуномъ, а «лютымъ ящуромъ», пошла «гѣркимъ долиномъ».

Ой а за дня Марусенька ще кужель прjala,
А зъ вечера Марусенька дeтj купала,
О пѣвночи Марусенька та й застогнала,
Ой у курихъ Марусенька вже исконала.
Не наймали Мзрусенцѣ, абы звонили,
Ой до днини Марусеньку вже й поховали,
Щобы да ту Марусеньку й люди не знали!

Ивасенько возвращается и узнаеть о бѣдѣ.

Ой та пѣшовъ Ивасенько на Марусячинъ грѣбъ,
Та уклjякъ же Ивасенько Марусѣ до нѣгъ:
„Чи кажешъ ми, Марусечко, чи кажешъ ся жинити,
Чи кажешъ ми, Марусечко, вдѣвцемъ ходити?
—„Ахъ, я жъ тебѣ, Ивасеньку, та й не бороню...
Твоя мати—чарѣвниця, счаруе й тоту,
Якъ вона мня, Ивасеньку, та й счаровала,
Лютыми мня ящурами нагодовала;
Не паймала, Ивасеньку, менѣ звонити,
Щобы менѣ, Ивасеньку, тяжко лежати!„

Вариантъ:

Нѣ кажу ти женитоньки, нѣ кажу ти тужитоньки;
Посѣй же ты руту круту, на сѣмъ камені:
Якъ та рута, якъ та крута буде сходити,
Тогдѣ жъ ты ся, Ивасеньку, будешъ женити.
Ой якъ озьмешъ лѣпшу мене, забудешъ за мене,
А якъ озьмешъ гѣршу мене, то згаадешъ мене.“

Нѣкоторые отдѣлы этой пѣсни буквально сходны съ приведенными выше пересказами пѣсни о смерти жены въ отсутствіе мужа; заключительная часть совпадаетъ съ той группой вариантовъ, въ которой упоминается только о горѣ вдовца (голосъ изъ могилы). Но не менѣе близкое сходство представляетъ указанная пѣсня и съ пересказами побывальщины о преслѣдуемой невѣсткѣ: мужъ уѣзжаетъ, жена остается у его матери, сынъ проситъ мать позаботиться о молодой женщинѣ, свекровь обижаетъ и преслѣдуетъ невѣстку. Вступленіе пѣсни («Поѣхавъ Ивасенько на войну» = «на полованье») — буквальное повтореніе соответствующаго мѣста въ пѣснѣ о несчастной невѣсткѣ. Что касается изображенія смерти молодой женщины («счаровала, лютыми ящурами нагодовала»), то тутъ слышится отголосокъ пѣсенъ объ отравленіи.

Пѣсня такого типа, какъ былина о кн. Михайлѣ, идетъ далѣе въ слjянiи пѣсенныхъ темъ. Къ рассказамъ о преслѣдованіи невѣ-

стки свекровью и о смерти жены былина присоединяет еще рассказ о самоубийствѣ вдовца,—рассказъ, появляющійся (какъ мы видѣли) и въ нѣкоторыхъ вариантахъ пѣсни объ умершей женѣ, но не представляющій существенной, первоначальной части этой пѣсни. Было уже замѣчено, что въ пѣснѣ объ умершей женѣ рассказъ о самоубийствѣ внесенъ вѣроятно подъ влияніемъ поэтической аналогии. Это замѣчаніе можно повторить и относительно былины о кн. Михайлѣ съ оговоркой, что въ былинѣ означенная подробность (самоубийство) могла явиться черезъ посредство того извода пѣсенъ о смерти жены, который осложнился рассказомъ о смерти вдовца. Въ былинѣ недостаетъ только упоминанія о сплетающихся растеніяхъ¹⁾,—подробности, которая такъ часто встрѣчалась намъ въ пѣсняхъ разсматриваемаго круга.

Сліяніе пѣсенныхъ темъ въ былинѣ о кн. Михайлѣ и сходныхъ съ нею пѣсняхъ (пересказы моравскій и словацкій)—не плодъ смѣшенія неточно сохраняемаго памятью эпического матеріала, какъ это нерѣдко бываетъ при передачѣ пѣсни плохими пѣвцами. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ другаго порядка. Сліяніе темъ въ былинѣ о кн. Михайлѣ—не ошибка памяти, а выраженіе художественнаго замышленія пѣвца-устроителя пѣсни,—замышленія, составляющаго основу всей пѣсни, а потому проходящаго чрезъ всѣ ея пересказы. Пѣсня построена на нѣсколькихъ темахъ, но знакомясь съ нею вы не замѣчаете какой-нибудь спайки разнородныхъ частей; всѣ подробности слиты въ единствѣ содержанія, развивающагося съ стройной послѣдовательностью: кн. Михайло уѣзжаетъ, оставивъ беременную жену на попеченіи матери; мать, женщина жестокая, не любитъ невѣстки и не задумывается надъ преступленіемъ, чтобы освободиться отъ постылой; вернувшійся мужъ, узнавъ о бѣдѣ, не въ силахъ пережить ея: онъ умираетъ¹⁾.

¹⁾ Объ этомъ образѣ см. А. Koberstein: Ueber die in Sage und Dichtung gangbare Vorstellung von dem Fortleben abgeschiedener menschlicher Seelen in der Pflanzenwelt (Weimarisches Jahrbuch für deutsche Sprache, Literatur und Kunst, I Band. S. 73—100) и дополненіе къ этой статьѣ R. Köhler'a, (Vom Fortleben der Seelen in der Pflanzenwelt, ein Nachtrag... *ibid.* 479—483). А е а н а с ь е в ъ, Поэт. возр. слав. на природы, т. 2, стр. 500—508; Liebrecht, Dunlop's Geschichte der Prosadichtungen, 84; Le c t e d e Р u y m a i g r e, Choix de vieux chants portugais (Paris, 1881), 188—190; М а н д е л ь ш т а м ъ Опытъ объясненія обычаевъ, созданныхъ подъ влияніемъ мѣся, ч. I стр. 59—69; „Melusine“, t. IV (1888), 12, 60—62, 85—91, 142; t. V, 39—40; «Этнографическое Обзорніе» 1889 г., кн. III, стр. 50—53, 211 (Замѣтки г. Н. Я. и В. В. К а л а ш а); «Живая старина», вып. II (1890), стр. 193.

²⁾ Кромѣ разсмотрѣнной былины о кн. Михайлѣ, есть еще великорусская

II

Имя князя Михаила встрѣчается и въ пѣсняхъ юго-западной Руси. Въ сборникѣ «Историческихъ пѣсень южно-русскаго народа» Антоновича и Драгоманова помѣщены двѣ пѣсни, въ которыхъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ именно «князь Михайло». Вотъ эти пѣсни:

А.

Мати дочку карала:
Гдѣсь ты, доню, веньчик діла?
Ехавъ, мамко, князь Михайло.
І зняв, мамко, веньчик з мене.
Повѣз, мамко, дорогою широкою,
Дубровою зеленою,
Через село Луніньскее,
Через місто боярское.
Касіна маті по двору ходит,
Слуги будит:
Слуги мої молодіе,
Уставайце, закладайце
Коні вороніе
Да бежице, доганяйце,
З пліч головку здойміце! (стр. 56).

Б.

Въ темнум лѣсѣ
На й оресе
Зовзуленька гнездо звіла,
Звівши гнездо заковала,
Заковавши поленула
Въ тее село Луніньскее
Въ тее місто боярское,
А въ тим селі удивонька

пѣсня о смерти какого-то «командира» русской «армеюшки», называемаго въ пѣснѣ «княземъ Михайломъ». Этотъ Михайло попалъ въ плѣнь къ врагамъ («злымъ-чернымъ молдаванамъ и злымъ безбожнымъ татарамъ»):

Какъ ни мучили, ни били, души его не выняли;
И умеръ князь Михайло на тридцатомъ на году.

(Кир. V, стр. 77).

Содержаніе пѣсни напоминаетъ нѣкоторыя малороссійскія думы; любопытно, что въ пѣснѣ упоминаются «войска русскія — козаки украинскіе». По стилю пѣсня похожа на позднія солдатскія пѣсни. Нѣтъ, конечно, основанія приурочивать эту пѣсню къ тому-же эпическому лицу, о которомъ говорится въ разсмотрѣнной былинѣ.

Двор буде,
 А збудовавши да й малюе,
 А помалёвавши да й говорит.
 Кто в гетим дворі
 Паном буде?
 Кто моім деткам
 Бацьком буде?
 Кто в гетим двору
 Панією буде?
 Кто моім деткам
 Маткою буде?
 Ехав селом
 Князь Міхайло
 Да каже: я в гетом дворі
 Паном буду,
 Твоім деткам
 Бацьком буду,
 А моя жинка панею буде,
 Твоім дітками маткою буде ¹⁾.

(стр. 56—57).

«Пісни эти довольно не ясны,—замѣчают ученые издатели,— какъ это часто бываетъ съ варьянтами, записанными въ полѣской мѣстности, и даже не совсѣмъ вяжутся одна съ другою... Первая пісня передаетъ въ довольно общихъ выраженіяхъ тему извѣстную

¹⁾ Текстъ пісень взять изъ сборника Пинскихъ пісень Зенькевича (Zieńkie wicz, Piosenki gminne ludu pińskiego, Kowno, 1851) стр. 150—152, 154—156, въ отдѣлѣ: „Piesni wiosenne“. Въ изданіи гг. Антоновича и Драгоманова (т. I, стр. 56—57) измѣнена лишь транскрипція пісень. Вариантъ первой пісни записанъ свящ. Д. Г. Булгаковскимъ въ пинскомъ же уѣздѣ

Маты доню бѣе, карае:
 Дѣ ты, доню, вінчикъ діла?
 Іхав, мати, князь Михайло,
 Изнявъ вінчикъ дай поіхавъ
 Дорогою широкою,
 Дубровою веленою.
 Маты ходить, слуги будять:
 Ой вы, слуги молодые,
 Берите кони вороные,
 Да бѣжите, дожените,
 Съ плічъ головку здымите,
 Да везите черезъ село селянское,
 Черезъ місто мѣщанское,
 Нехой стары дивуются,
 А молодые покаются,
 Дѣвкамъ танка не мѣшають,
 Съ дѣвки вѣнка не знимають.

(Пинчуки. Этнографическій сборникъ, стр. 87 въ Запискахъ Импер. русск. географич. общ. по отдѣл. этногр. т. XIII, вып. 3).

и изъ другихъ, какъ малорусскихъ, такъ и западныхъ пѣсень ¹⁾,— о насильствѣ надъ дѣвушкою, или обманѣ, или похищеніи дѣвушки,— хотя и безъ тѣхъ подробностей, какія мы видимъ въ этихъ пѣсняхъ».

Мнѣ кажется, нѣкоторое объясненіе этихъ пѣсень можно получить путемъ сопоставленія ихъ съ пѣснями того круга, къ которому принадлежитъ великорусская былина о кн. Михаилѣ. При этомъ намъ нужно прежде всего ознакомиться съ особымъ изводомъ пѣсень о женщинѣ, умершей въ разлукѣ съ любимымъ человекомъ, изводомъ, котораго я намѣренно не касался въ предшествующемъ изложеніи. Въ пѣсняхъ этого извода рѣчь идетъ о дѣвушкѣ, покинутой ся любовникомъ и умирающей въ разлукѣ съ нимъ; окончаніе пѣсни сходно съ заключительной частью былины о кн. Михайлѣ. Вотъ для образца нѣмецкій пересказъ этой пѣсни:

Der Ritter und die Maid.

1. Es spilt ein ritter mit einer Maid,
Sie spilten alle beide,
Und als der helle morgen anbrach,
da hub sie an zu weinen.
2. „Weine nicht, weine nicht, brauns mägdelein!
dein er will ich dir zalen,
ich will dir geben ein reitersknecht
dazu dreihundert taler.“
- 3 Den reitersknecht den mag ich nicht,
will lieber den herren selber,
krieg ich den herren selber nicht,
so klag ichs meiner mutter.
4. Und da sie vor die stat Augsburg kam,
wol vor die hohen tore,
da sah sie ir frau mutter sten,
die tät ir freundlich winken.
5. O tochter, liebste tochter mein,
wie ist es dir ergangen,
dan dir dein rock von vorn so klein
und hinten vil zu lange?“
6. Sie nam das maidlein bei der hand
Und führt sie in ir kammer,
sie setzt ir auf ein becher wein
dazu gebackne fische.
7. „Ach, mutter, liebste mutter mein,
ich kan noch essen noch trinken,

¹⁾ Указаны нѣкоторыя малорусскія, моравскія и лужицкія пѣсни.

- macht mir ein bettlein weiss und feln,
dass ich darinn kan ligen.“
8. Und da es kam um mitternaecht.
dem ritter traunt es schwäre,
als wenn sein herzallerliebster schatz
im kindbett gestorben wäre.
9. „Ste auf, ste auf, lieb reitknecht mein,
sattel mir und dir zwei pferde!
Wir wollen reiten tag und nacht.
biss wir den traum erfahren.“
10. Und als sie über die heide kamen,
hörten sie ein glöcklein läuten.
„Ach reicher gott vom himmel herab,
was mag doch diss bedeuten!“
11. Und als sie vor die stat Augsburg kamen,
sahen sie die gräber gruben
und als sie vor das tor hin kamen,
sahen sie die träger tragen.
12. Stellt ab, stellt ab, ir träger mein,
lasst mich den toten schauen!
es möcht mein herzallerliebste sein
mit iren schwarzbraunen augen“.
13. Er deckt ir auf den schleier weiss
und sah ir unter die augen:
„o we, o we! der blasse tod
hats änglein der geschlossen!“
14. Er deckt ir auf den schleier weiss
und schaut ir auf die hände:
„du bist einmal mein schatz gewest,
nun aber hats ein ende.“
15. Er deckt ir auf den schleier weiss
und schaut ir auf die füsse:
„du bist einmal mein schatz gewest,
nun aber schläfst du süsse“.
16. Er zog herauss sein blankes schwert
und stach sich in sein herze:
„hab ich dir geben angst und pein,
so will ich leiden schmerzen“.
17. Man legt den ritter zu ir inn sarg
verscharrt sie wol unter die linde,
da wuchsen nach drei vierteljarn
auss irem grab drei liljen ¹⁾.

Близость этой пѣсни къ приведеннымъ выше вариантамъ пѣсни
объ умершей женѣ очевидна. Въ нѣмецкой пѣснѣ есть только одна
новая для насъ, чрезвычайно важная въ общемъ содержаніи пѣсни,

¹⁾ *Umland*, Alte hoch-und-niederdeutsche Volkslieder, S. 220—223, № 97.

черта—указаніе на отвергнутую любовь, на разлуку. Есть варианты, въ которыхъ эта черта выражена еще сильнѣе. Въ португальской пѣснѣ, переданной Вольфомъ, разсказывается, какъ дѣвушка, покинутая своимъ возлюбленнымъ, идетъ его отыскивать, находитъ женатымъ и умираетъ. Онъ не могъ ее пережить. Вдова хоронитъ мужа и его подругу вмѣстѣ. На ихъ могилѣ появляются сплетающіяся растенія ¹⁾.—Сходна англійская пѣсня, указанная Уландомъ. Дѣвушка узнаетъ, что ея женихъ беретъ замужъ другую; она видитъ, какъ онъ идетъ со своею невѣстой. Покинутая умираетъ. Ночью ея призракъ является къ брачному ложу невѣрнаго. Ему кажется, что его постель полна крови. Придя въ себя, онъ спѣшитъ къ дому умершей, онъ проситъ ея братьевъ пустить его проститься съ ней, поцѣловать ее въ послѣдній разъ,—онъ докажетъ, что любилъ ее больше, чѣмъ кто либо изъ ея родныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, доказательство не замедлило явиться: сегодня умерла она, а завтра онъ. На ихъ могилѣ любовно свились роза и шиповникъ. ²⁾—Въ греческой пѣснѣ о Синодинѣ—то же содержаніе, но съ новыми подробностями. Четырнадцать лѣтъ продолжалась связь Синодина съ сестрой его жены. Вздумалъ онъ разъ посмѣяться надъ своей любовницей и говорить ей: «Не хочешь ли ты выйти за мужъ?» — Кто меня теперь возьметъ? отвѣчаетъ она. Мое платье стало мнѣ спереди коротко, кушакъ едва сходится, а прежде я могла имъ опоясаться три раза, да еще оставались концы.—«Попроси мать сшить тебѣ новое платье», продолжаетъ издѣваться Синодинъ. — Я лучше умру, говоритъ она, чѣмъ стану обращаться къ матери съ такой просьбой.—«А хочешь умереть, такъ ступай въ садъ, попробуй тамъ соку лавра да дикой оливы, съѣшь еще змѣнную голову, — смерть будетъ вѣрная». Дѣвушка такъ и сдѣлала. Узналъ о томъ Синодинъ, пришелъ къ умершей, простился съ ней, а потомъ выхватилъ кинжалъ и вонзилъ себѣ въ сердце. Умершіе погребены въ одной могилѣ. На ней выросли кипарисъ и лимонное дерево. Каждое воскресенье деревья склоняются одно къ другому, цѣлуются ³⁾.

Положеніе дѣвушки въ пинской пѣснѣ (А) о князѣ Михайлѣ напоминаетъ несчастную судьбу покинутой любовницы въ приведенныхъ пѣсняхъ. Кася потеряла свой вѣнокъ, его взялъ князь Михайло. Соблазнитель ухалъ. Кася—у матери, отъ которой не могло

¹⁾ Sitzungsberichte d. Wiener Akademie XX, 94 (Примѣч.).

²⁾ Schriften, IV, 101—102. Ср. Herders, Stimmen der Völker № 7 (Wilhelm und Margreth).

³⁾ Liebrecht, Zur Volkskunde, 175—176.

укрыться положеніе дочери. Мать—въ гнѣвѣ, она посылаетъ слугъ догнать Михайла, убить его. Что же дальше? Пѣсня молчитъ объ этомъ. Въ ней нѣтъ конца. Мы не знаемъ, какъ именно завершились отношенія Михайла и Каси, что случилось съ нимъ и съ нею, не знаемъ развязки Лунинской драмы.

Упомянутое о погонѣ за соблазнителемъ напоминаемъ (какъ замѣчено уже гг. Антоновичемъ и Драгомановымъ) особыя пѣсни на эту тему. Въ пѣсняхъ этихъ рассказывается, какъ мать узнаетъ, что ея дочь похищена; за дѣвушкой отправляются въ погоню ея братья; сестра отказывается вернуться домой ¹⁾. Вотъ два несходныхъ пересказа этой пѣсни:

Пріѣхавъ Ивасенько съ Подбля,
Та присилить коника до гôля;
Насунула чорна хмара съ Нôдгôря,
Ой прійшовъ вôнь до Марусô въ
подвôря:

„Ой идь менѣ, Марусенько, идь менѣ!
Привѣзъ ешь ти сребла, злота двѣ
скрынѣ!“

— „По тихеньку, жой миленькій, го-
вори, •

Щобъ не вчула моя мати съ коморы“.

Ой учула стара мати съ коморы:

„Хто съ тобою, Марусенько, говори?“

— Съ кухарками, моя мати, говори,

Высылаю по Дунаю по воду“.

— „На що тобѣ Марусенько та вода?“

— Умытися, напнитися, якъ треба.

— „Ой, маешь ты мѣдъ, вино, на-
пійся!

Ой маешь ты молоко, умыйся!

Маешь ты садъ вишневыи, пройдися!

Ой маешь ты бѣле ложе, преспися!“

Матѣнонька стара заснула, заснула,

Марусенька зъ Ивасенькомъ мах-
нула.

Ой устала стара мати на зорѣ, на
зорѣ:

„Не маешь мосей Марусеньки въ ко-
морѣ!“

Ой устала стара мати раненько,

Та ишли Ляшки изъ Аршави,

На ихъ сині шаровари;

Вони й Катю й подмовляли:

Та идь; Катю идь изъ нами,

Ой идь зъ нами Ляшеньками.

Та купишь тоби два персики,

Два персики золотіи,

Два жупани голубіи,

Два коники воронні“.

Та дурна Катя й послухала,

Зъ Ляшеньками й поіхала.

Та й ажъ приходитъ мати съ поля;

Не зостае дочки дома:

„Та сусідочки, голубочки,

Не бачили ви моєї дочки?

— Та ми бачили й ми видали,

Поіхала зъ Ляшеньками.

„Та сини жъ мої й дорогіи,

Сідайте коні воронні,

Доженить Катю зъ Ляшеньками“.

Та якъ прибігли до Полтави,

Сидить Катя зъ двома Ляшками:

— „Та здорова будь, сестро наша,

Де поділась твоя зъ лица краса?

Та два ляшки полюбила—

Зъ лица красу залубила.

(Чуб. V, стр. 908).

¹⁾ Сходное содержаніе—въ повѣсти „объ убіеніи злочестиваго царя Батыя“, занесеной въ житіе Михайла кн. Черниговскаго. (Объ этой повѣсти см. Ключевскій, Др.-русс. житія, 147, Халанскій, Великор. былинны, стр. 111 сл.).

Заплакала по Маруси ревненько ¹⁾:

„Ой сѣдайте, рѣднїй братя, на конї,

Доганїйте Марусеньку въ погонї!“

Ой дѣгнали Марусеньку въ пѣвъ бору:

— „Ой вертайся, Марусенько, до
дому!“

— „Не на то я, мои братя, махнула,

Щобы я ся та изъ вами вернула,

Лишила 'мъ въ моѣй мамцѣ призна-
чокъ —

У пивницѣ на кѣлочку вѣночокъ.

Та возмѣте той вѣночекъ съ пивницї,

Повѣсьте го на кѣлочокъ въ свѣтлицѣ:

Ой що моя стара мати погляне,

Ой то мене молоденьку спомяне:

„Ой десь, моя Марусенька дѣтина,

Та що вона въ тїмъ вѣночку ходила!

Десь то моя Марусенька въ чужинѣ,

Догаджае Ивасеви въ дружинѣ.

(Г о л о в. I, 77—78).

Въ нѣкоторыхъ вариантахъ конецъ пѣсни передается такъ: **братья**,
отыскавшїе сестру,

Що хотїли, те й зробили,

Да таки жъ поляченькївъ порубили,

Марусеньку ись собою забрали

(Ч у б. 909).

Или:

Сребро, золото—все забрали

И Ляшенька зарубили (ibid).

Иначе:

Гнали, гнали, не дѣгнали.

Ажъ у Львовѣ та й пѣзнали:

Ходить Кася та въ рубочку,

Носить дѣтя по рыночку.

„Помагай Бѣгъ, сестро наша!

Десь подѣла свекра Яся?“—

— „Ой у дому за столикомъ,

Пѣе си вино зъ ремѣсникомъ“.

— Помагай Бѣгъ, ой ты, Ясю,

Десь ты подѣвъ сестру Касю?

¹⁾ Вариантъ: Ой устала стара мати раненько,
Побудила челядоньку борзенько.

(Г о л о в. III, 1, стр. 17, ср. стр. 18).

— Якъ утали по коѣна:
 „Отъ тожь, Ясю, намовлѣна!“
 Якъ утали вижше паса:
 „Отъ тожь тобѣ, сестра наша!“

(Г о л о в. I, стр. 85, стр. 86—87).

Съ этими русскими пѣснями можно сопоставить англійскую балладу о Черномъ Дугласѣ.—У лорда Дугласа похищена дочь Маргарита. Какъ и въ нашей пѣснѣ, мать первая узнаетъ объ этомъ и поднимаетъ тревогу. Въ погоню отправляются отецъ и братья похищенной. Бой. Дугласъ раненъ, сыновья его убиты. Раненъ и похититель. Онъ съ Маргаритой едва успѣваетъ добраться до своего дома, гдѣ его ждетъ мать. Лордъ Вильямъ умеръ отъ ранъ. Вскорѣ послѣ него умерла и Маргарита. На ея могилѣ выросла роза, на его—боярышникъ. Растенія склонялись одно къ другому и сплетались вѣтвями, такъ что каждый могъ узнать, что тутъ покоятся двое влюбленныхъ. Ъхаль мимо черныи Дугласъ и вырвалъ боярышникъ ¹⁾).

Близость пѣсни о кн. Михайлѣ и Касѣ къ пѣснямъ объ увезенной дѣвушкѣ—несомнѣнна. Сходство замѣчается и въ подробностяхъ содержанія, и въ изложеніи. Но это сходство не даетъ еще намъ права утверждать, что пинская пѣсня—испорченный вариантъ пѣсни о похищеніи. При всемъ сходствѣ пѣсни о кн. Михайлѣ съ пѣснями о похищеніи, есть между ними и существенная разница. Кася увлечена Михайломъ, но она имъ не похищена. Кася остается дома, она брошена любовникомъ; объ этомъ узнаетъ ея мать. Ясно, что интересъ пѣсни долженъ сосредоточиться на изображеніи того, что станется съ покинутой, какъ она перенесетъ разлуку и позоръ, какъ отзовется ея горе на судьбѣ ея любовника. Словомъ, положеніе Каси, какъ было уже замѣчено, ставитъ пинскую пѣсню въ ближайшую связь съ пѣснями о покинутой любовницѣ.

Это явленіе двойнаго параллелизма, наблюдаемое при сравненіи пѣсни о кн. Михайлѣ съ родственными ей памятниками народной поэзіи, можетъ быть объяснено только тѣмъ, что въ пѣснѣ этой слиты двѣ темы (похищеніе и разлука), причемъ это слитіе не выгодно отразилось на составѣ пѣсни. Пинская пѣсня имѣетъ видъ какого-то обломка, потому что внесенныя въ нее темы плохо ладили одна съ другой, разнородныя подробности не сливались въ художественное цѣлое.

¹⁾ Versuch einer geschichtlichen Charakteristik der Volkslieder german. Nationen v. Talvj, 565—567.

Перейдемъ ко второй изъ приведенныхъ выше пинскихъ пѣсень о кн. Михайлѣ. Въ томъ видѣ, какъ эта пѣсня записана Зенькевичемъ, она недостаточно ясна. Рѣчь идетъ о какой-то вдовѣ, «будующей дворъ». Она спрашиваетъ, кто въ этомъ дворѣ будетъ паномъ и панею, кто будетъ отцемъ ея дѣтямъ. Появляется кн. Михайло и заявляетъ, что онъ будетъ паномъ и отцемъ, а его жена—панею и матерью. Рисуетъ поэтическая картина безъ движенія, безъ опредѣленной завязки и развязки,—явленіе довольно необычное въ области народнаго эпоса. Что за отношенія у кн. Михайла къ этой женщинѣ, строящей домъ? Какой смыслъ имѣютъ его слова:

А моя жинка панею буде
Твоимъ дѣткамъ маткою буде.

Въ пѣснѣ мѣстомъ дѣйствія представляется «село Луцнское», которое упоминается и въ другой, знакомой уже намъ, пѣснѣ о кн. Михайлѣ. Это сходство имени лица и названія мѣстности даетъ основаніе предположить, что и упоминаемая въ пѣснѣ женщина есть та же самая Кася, которую любилъ и покинулъ кн. Михайло.

Вступительная часть пѣсни о вдовѣ и кн. Михайлѣ напоминаетъ пѣсни о вдовѣ, увлеченной зажими людьми. Такова именно моравская пѣсня:

Nematka.

Při jedné dolině
Větr profukuje,
Při druhé dolině
Sněžek poletuje.
Při třetí dolině
Vdova dům buduje,
Vdova dům buduje.
Kolem ho cifruje.
Jedú Turci, jedú,
Před domem stanuli,
Před domem stanuli,
Na vdovu volali:
Vdovo, milá vdovo,
Zanech budování,
Zanech budování,
A povandruj s nami.
Pane, milý pane,
Já bych vandrovala,
Kam bych děla ditky,
Ubohé sirotky?

Турки (въ вариантахъ: «tři pěkní mládenci», или «Janek, z Po-

dola furmanek») отвѣчаютъ, что старшихъ дѣтей она можетъ оставить на родинѣ, а маленькое дитя пусть возьметъ съ собой. Дорогой ребенокъ расплакался.

Vdovo, milá vdovo,
S dětma sem t'a nebral,
Než sem t'a bral samu
Za svú věrnú ženu.
Vdovo ne meškala
Březu ohýbala,
Vintušku vázala,
Syna do ní klala.

Но она не вынесла разлуки съ дѣтьми:

A dyž už zajeli
Za hory daleko,
Tepr v milú vdovu
Bolelo srdečko.
Bolelo, bolelo
Nad dětma jejíma,
Srdečko v ní puklo
Nad dětma drobnýma.

По другому пересказу, мать убита похитителями:

Dy's ty chtěla dítě litovati,
Neměla's s námi jíti.
Hned Marušku mezi sebe vzali,
Na kusy roztrhali. ¹⁾

Моравская пѣсня—эпическая сосѣдка такого рода произведеніи народнаго творчества, какъ приведенныя выше пѣсни о дѣвушкѣ, увлеченной зажими людьми, а эти пѣсни имѣютъ, какъ мы видѣли, нѣкоторыя родственныя черты съ первой изъ пинскихъ пѣсень о кн. Михайлѣ. Особенностью моравской пѣсни, напоминающею вступительную картину второй пинской пѣсни, является то, что увлекаемой представляется вдова, имѣющая дѣтей, Разказы, слѣдующіе за вступленіемъ въ моравской и пинской (Б) пѣсняхъ, не имѣютъ однако сходство.

Нѣкоторыя выраженія нашей пѣсни о вдовѣ и кн. Михайлѣ повторяются въ малорусской пѣснѣ такого содержанія: бѣдная вдова горюетъ и причитаетъ:

„Ой якъ мені жити, ой якъ горювати,
Якъ мені свої дітки тай нагодувати?“
Ой озоветься та козакъ-бурлакъ:

¹⁾ Sušil, Moravské písně, 139—141, № 144.

русскій выглевый эпосъ.

Не журися, бідная вдова
Я твоему добру хазяїнъ буду,
Я твоимъ діткамъ батенькомъ буду.

Оказывается однако, что слова эти нельзя понимать въ прямомъ смыслѣ:

Я твою худобу попропываю,
Я твої дітоньки порозганяю,—

говорить козаць ¹⁾. Вдова отвѣчаетъ:

Ламли калиноньку, ламли еї й вітки,
Любишь удівоньку, люби еї й дітки.

(Чуб., V, стр. 821—822).

Послѣднія слова болѣе умѣстно приводятся въ другой малорусской пѣснѣ: молодой козаць полюбилъ дивчину, но не могъ на ней жениться: ее выдали за другого; позже онъ встрѣчается съ ней, уже вдовой:

„Калиноньку ломлю, ломлю,
А ви, віти, одхилитесь;
Удівоньку люблю, люблю,
А ви, діти, розійдітєся!“
— Коли ломишь калиноньку,
То ломай її віти,
Коли любишь удівоньку,
То люби її діти. (Чуб. стр. V, 822—823, № 391).

Пѣсня о встрѣчѣ кн. Михайла съ какой-то вдовой, имѣющая нѣкоторое сходство съ указанными пѣснями, отличается отъ нихъ важной, существенной подробностью: князь Михайло, разговаривающій съ вдовой, ж е н а т ь:

А моя жинка панею буде,
Твоім діткам маткою буде.

Дѣйствіе пѣсни, очевидно, должно было развиваться иначе, чѣмъ въ пѣсняхъ о вдовѣ, выходящей замужъ.

Въ малорусскихъ пересказахъ пѣсни о возвращающемся мужѣ, женщина, томящаяся ожиданіемъ, называется вдовой:

Край города, край села
Проживае удова.

Къ ней заходитъ козаць и проситъ пріюта. «Вдова» говоритъ:

Молоденький козаченько,
Боюсь поговору...

Оказывается потомъ, что захожіи козаць—вернувшійся, но не

¹⁾ Сходна бѣлорусская пѣсня въ сборникѣ Ш е й н а (Матеріалы... I, 1, стр. 415, № 506).

узнанный мужъ. (Чуб. V, стр. 815). Такое же наименование женщины, находящейся въ разлукѣ съ ея возлюбленнымъ, встрѣчаемъ въ другой малорусской пѣснѣ:

„Ой удово, вдово, удово—небого,
Ой якъ ти живешъ на чужині,
Що ворогівъ много?“

Женщина, называемая вдовой, говоритъ:

„Ой повіи, вітроньку, зъ яру на гору,
Прибудь, прибудь, мій миленький, зъ Дону до дому.
Вітеръ повіває, хмару розганяє,
А мій милий прибуває, славу покриває.

(Ibid. 813—814).

Подобнымъ же образомъ и женщина, упоминаемая въ пинской пѣснѣ Б, могла быть названа вдовой по тому только, что ей пришлось жить въ разлукѣ съ отцемъ ея дѣтей. Допустивъ это, мы устраняемъ препятствіе для сближеніе второй пинской пѣсни съ первой. Изъ пѣсни А мы узнаемъ, что въ селѣ Лунинскомъ осталась покинутая княземъ Михайломъ его полюбовница Кася; пѣсня Б рассказываетъ, что, проѣзжая черезъ то же село Лунинское, кн. Михайло, успѣвшій уже жениться, встрѣчается съ женщиной, положеніемъ которой онъ имѣетъ какое-то основаніе интересоваться. Мы подходимъ такимъ образомъ къ знакомой намъ темѣ пѣсенъ о покинутой любовницѣ, встрѣчающейся съ своимъ невѣрнымъ другомъ послѣ его женитьбы. Съ вѣроятностью можно предположить, что и окончаніе пинской пѣсни должно было быть сходно съ приведенными выше балладами. Рѣчи кн. Михайла о покровительствѣ, которое онъ обѣщаетъ «вдовѣ» и отъ себя и отъ своей жены, должны были звучать для Каси, какъ горькое оскорбленіе и злая насмѣшка. Она не перенесла обиды. Обидчикъ, въ порывѣ поздняго раскаянія, «пронзаетъ свое ретиво сердце», какъ говорится въ великорусской пѣснѣ о кн. Михайлѣ. Таковъ былъ, вѣроятно, конецъ разсмотрѣнной нами пинской пѣсни, распавшейся на два эпическихъ обломка, въ которыхъ затерялся смыслъ первоначального цѣлаго.

Выводъ изъ всѣхъ приведенныхъ выше сопоставленій и параллелей получается такой: сѣверно-русскія и западно-русскія пѣсни о кн. Михайлѣ имѣютъ нѣкоторыя общія, родственныя черты, позволяющія утверждать, что пѣсни эти стоятъ въ генеалогической связи, представляютъ развѣтвленія одного и того же первоначального сказанія. Составъ этого сказанія извѣстенъ намъ въ двухъ изводахъ: а) смерть женщины, на время оставленной мужемъ; б) смерть жен-

пѣны, покинутой ея любовникомъ. Сѣверно-русская пѣсня передаетъ рассказъ перваго извода; изученіе пинскихъ пѣсенъ обнаруживаетъ ихъ близость къ рассказу втораго извода — къ пѣснямъ о покинутой полюбовницѣ.

Но что же слѣдуетъ сказать о тѣхъ подробностяхъ пинскихъ пѣсенъ, которыя напоминаютъ рассказы о дѣвущкѣ или вдовѣ, увлекающейся зажими людьми? Эти подробности настойчиво повторяются въ пинскихъ пересказахъ: для пересказа А отыскиваются параллели въ пѣняхъ о погонѣ за бѣглянкой ея родныхъ; пересказъ Б въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ сходенъ съ моравскою пѣснью о вдовѣ, выходящей за мужъ на чужбину. Можно, конечно, предположить, что эти подробности позже примѣшались къ пѣснѣ о кн. Михаилѣ, имѣвшей первоначально такое содержаніе, которое указано выше. Но не устраняется возможность и другого, противоположнаго предположенія: пѣсня о кн. Михаилѣ въ ея первоначальномъ видѣ могла принадлежать къ ряду пѣсенъ о женщинѣ, увозимой на чужую сторону; позже, путемъ эпической ассимиляціи, пѣсня сблизилась съ рассказами совершенно иного содержанія, подъ влияніемъ которыхъ измѣнился самый составъ памятника. Въ этомъ измѣненномъ видѣ получила пѣсня, похожая по содержанію на побывальщины о брошенной и умирающей любовницѣ. Въ области великорусскаго эпоса преобразованная пѣсня подверглась новому измѣненію: пѣсня о смерти покинутой любовницы перестроилась по типу родственныхъ ей пѣсенъ о смерти женщины, на время оставленной мужемъ. Какое изъ этихъ двухъ предположеній представляется болѣе основательнымъ, какому изъ нихъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе?

Нѣкоторый, конечно только вѣроятный, отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать разсмотрѣніе исторической стороны пѣсенъ о кн. Михаилѣ. Это имя: «князь Михайло», повторяющееся и въ сѣверно-русскихъ и въ западно-русскихъ пересказахъ, не можетъ быть случайнымъ. Безспорно, это имя историческое.

III.

О слѣдахъ историческихъ воспоминаній въ пѣняхъ о кн. Михаилѣ гг. Антоновичъ и Драгомановъ говорятъ слѣдующее: «мы рѣшаемся видѣть въ этихъ двухъ пѣняхъ память о какомъ-то частномъ и мѣстномъ событіи, такъ какъ въ двухъ вариантахъ названо не только одно имя, но и одно мѣсто и притомъ послѣднее съ

характеристическимъ прозваніемъ. — Походженія князя Михайла происходятъ въ «боярскомъ селѣ», или мѣстечкѣ Лунинскомъ, т. е. въ ту эпоху, когда низшіе слои боярщины, населяя цѣлыя села, превратились въ свободное, но малоземельное, сословіе хлѣбопашцевъ, болѣе сближавшееся съ крестьянскимъ (также свободнымъ, но по большей части безземельнымъ), чѣмъ съ рыцарскимъ сословіемъ, т. е. въ XV или XVI столѣтіи. Самое названіе—село Лунное есть названіе географическое: село это существуетъ въ Гродненской губерніи и принадлежало къ леннымъ владѣніямъ князей Сопиговъ (Сапѣговъ). Вѣроятно, князь Михайло — одинъ изъ членовъ этого рода. Въ 1533 г. Лунное село находилось во владѣніи князя Льва Михайловича Сопѣги» (Стр. 56).

Замѣчаніе это вызываетъ возраженіе со стороны географическаго опредѣленія «села Лунинскаго». Село это упоминается въ пинскихъ пересказахъ. Едва ли есть надобность отыскивать это село въ Гродненской губерніи ¹⁾, если подобное же, вполне совпадающее съ пѣсеннымъ, мѣстное наименованіе встрѣчаемъ въ предѣлахъ Пинскаго же уѣзда. Въ «Историко-статистическомъ описаніи девяти уѣздовъ Минской губерніи» въ списокѣ населенныхъ мѣстъ Пинскаго уѣзда значится между прочимъ мѣстечко Лунинъ (въ 38 верстахъ отъ Пинска) ²⁾. Г. Зеленскій въ описаніи Минской губерніи сообщаетъ, что Лунинъ принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ «застѣнковъ», при чемъ это названіе объясняется такъ: «Застѣнки составляютъ особенность сѣверо-западныхъ губерній. Отличительная черта ихъ, равно какъ и околицъ, заключается въ томъ, что всѣ они заселены или шляхтою, пользующеюся и теперь правами дворянства, или однодворцами, т. е. людьми, потерявшими дворянство по неимѣнію на то доказательствъ» ³⁾. Такое значеніе застѣнка объясняетъ выраженія пѣсенъ:

Через село Лунинское,
Черезъ мѣсто боярское (А)

или:

В тее село Лунинское
В тее мѣсто боярское (Б)

¹⁾ При томъ же названіи Гродненскаго села не совпадаетъ вполне съ пѣсеннымъ: Лунное, по Геогр. Словарю Семенова-Лунна (т. III, в. v.)

²⁾ Труды Минскаго губ. статист. комит. 1870 г.

³⁾ Матеріалы для геогр. и статистики Россіи. Минская губернія (Спб. 1864) ч. II, стр. 662. Лунинъ отнесенъ адѣсь по ошибкѣ къ Игуменскому уѣзду; въ списокѣ населенныхъ мѣстъ этого уѣзда (Труды статист. комит.) такою мѣстечка не значится.

Зенькевичъ въ примѣчаніи къ этимъ пѣснямъ говоритъ; *Lunowieś ksiązat Hieronimów Druckich-Lubeckich* ¹⁾. Друцкіе-Любецкіе—потомки владѣтельныхъ князей Друцкихъ ²⁾. Поэтому съ вѣроятностью можемъ догадываться, что рассказъ о событіи, мѣстомъ дѣйствія котораго представляется «село Луниинское», а дѣйствующимъ лицомъ—князь Михайло, всего скорѣе могъ быть связанъ съ воспоминаніями, имѣющими отношеніе къ какому либо лицу изъ рода именно Друцкихъ князей. Въ русскихъ памятникахъ нѣтъ опредѣленныхъ извѣстій о родословіи Друцкихъ князей. Карамзинъ только догадывается, что «князья Друцкіе должны быть потомки древнихъ владѣтелей Кривскихъ или Полоцкихъ» ³⁾. Польскіе генеалогисты утверждаютъ, что Друцкіе ведутъ свой родъ отъ князя *Михайла Романовича*, одного изъ сыновей знаменитаго Романа Галицкаго. У этого Михайла былъ сынъ Семень, у Семена—Димитрій и т. п. ⁴⁾. Что родословная эта не безупречна, ясно само собой. У Романа Мстиславича не было сына Михайла. Въ усвоеніи родоначальника Друцкихъ Галицкому князю сказалаь только обычная слабость генеалогистовъ, желавшихъ связать начало того или другого рода съ какимъ-нибудь крупнымъ историческимъ именемъ. Но на основаніи этой ошибки мы едва ли въ правѣ признать указанный перечень Друцкихъ князей лишеннымъ всякой исторической достовѣрности ⁵⁾, ибо трудно допустить, чтобы въ княжескомъ родѣ, принадлежавшемъ къ числу владѣтельныхъ князей—Рюриковичей, не сохранялось воспоминаній о предкахъ, неизвѣстно

¹⁾ *Piosenki...* стр. 157. Ср. того же Зенькевича *O utoczyskach i zwyczajach ludu pińskiego*, стр. 8—9: „*Lunin na północ-wschód od Pinska, leży o mil 7 drogą zimową, a o 10 letnią*“.

²⁾ Друцкъ (Дрютьскъ, Дрюцкъ)—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ русскихъ; первое лѣтописное упоминаніе о немъ относится къ 1092 году. Теперь Друцкъ—мѣстечко Могилевской губ. и уѣзда, въ 65 верстахъ отъ города. (см. Геогр. Словарь Семенова, т. II. Опытъ описанія Могилевской губ. Дембовецкаго, кн. 2, 37—38).

³⁾ *Ист. гос. росс. IV*, пр. 317. Въ родословныхъ нашихъ извѣстія о кн. Друцкихъ—очень позднія: „Князь Василей, да князь Богданъ, да Андрей Дмитріевичи, а Дмитрій Друцкой Юрьевичъ; Друцкіе пріѣхали изъ Литвы служить къ великому князю Василью Ивановичу всея Руся“ (*Временникъ Общ. ист. и др. р. кн. X*, стр. 198).

⁴⁾ *Herbarz Polski K. Niesieckiego wyd. przez J. N. Bobrowicza*, III, 409.

⁵⁾ Князь Друцкій Семень Михайловичъ упоминается у Стрыйковскаго (*Кроника...* изд. 1846 г., т. I, 249, стр. 251, гдѣ упоминается кн. Дмитрій Друцкій).

было даже имя родоначальника. Помнили, конечно, что старѣйшимъ Друтскимъ княземъ былъ Михаилъ Романовичъ; но генеалогическое положеніе этого князя въ ряду другихъ Рюриковичей могло быть забыто: свѣдѣнія объ этомъ выходили за предѣлы фамильныхъ и мѣстныхъ воспоминаній. Названіе Михаила Ромаовича Друтскаго сыномъ Романа Галицкаго—плодъ неудачнаго соображенія генеалогиста; оно не лишено значенія только какъ указаніе на эпоху, къ которой приурочивалось время жизни перваго Друтскаго князя. Среди русскихъ князей XIII вѣка, современныхъ дѣтямъ Романа Мстиславича (Даниль † 1266; Василько † 1269), извѣстенъ одинъ только князь, носившій имя Михаила Романовича, именно Михаилъ, сынъ Романа князя Брянскаго ¹⁾. Не былъ ли родоначальникомъ князей Друтскихъ этотъ именно Михаилъ Романовичъ?...

Въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго: 1) князья Брянскіе (Дебрянскіе) принадлежали, по всей вѣроятности, къ роду Смоленскихъ князей (Ростиславичей). Первый Брянскій князь, о которомъ сохранились извѣстія,—только что названный нами князь Романъ. Лѣтописи упоминаютъ: а) о нѣсколькихъ походахъ этого князя противъ Литвы (въ 1263, 1264, 1275 г. ²⁾), б) о бракѣ дочери Романа съ Волынскимъ княземъ Владиміромъ Васильковичемъ (1263) ³⁾ и в) о попыткѣ Брянскаго князя овладѣть Смоленскомъ (1285) ⁴⁾. По родословнымъ, Романъ былъ сынъ извѣстнаго Михаила Всеволодовича Черниговскаго (убитаго въ ордѣ и признаннаго святымъ): «А у великаго князя Михаила Всеволодовича у Кіевскаго и у Черниговскаго было 5 сыновъ... другой сынъ его кн. (Романъ) былъ послѣ отца своего на княженіи на Черниговѣ и на Брянскѣ, и отъ него пошли Осовецкіе князи, а убилъ его царь во ордѣ» ⁵⁾. Соловьевъ не рѣшается принять это извѣстіе, хотя и не отвергаетъ его прямо. Въ одномъ изъ примѣчаній (344) къ третьему тому «Исторіи Россіи» читаемъ: «Романъ Брянскій считается сыномъ Михайловымъ». Въ текстъ исторіи (стр. 237) это извѣстіе не внесено; нѣтъ имени Романа и въ родословной таблицѣ князей Черниговскихъ, приложенной къ 3 тому (№ III, 3). Далѣе, подѣ

¹⁾ Нужно прибавить, что и между всеми русскими князьями извѣстенъ, кажется, одинъ только Михаилъ Романовичъ, а именно упомянутый сынъ Брянскаго князя. (См. Указатель Строева къ исторіи Карамзина).

²⁾ П. Собр. р. лѣтопис. Т. II, 201, 202, 205—206.

³⁾ Ibid. 202.

⁴⁾ Лѣт. по Лавр. сп. 459.

⁵⁾ Временникъ Общ. ист. и др. росс. X. 68.

1309 годомъ въ Никоновской лѣтописи помѣщена такая замѣтка: «того же лѣта князь Святославъ Глѣбовичъ выгна брата ни ча своего князя Василія изъ Брянска, и самъ сяде на княженіи во Брянске; того же лѣта князь Василей Брянскій иде во орду ко царю жаловатися на дядю своего на князя Святослава Глѣбовича» (ч. III, стр. 106). По поводу этой замѣтки Карамзинъ говоритъ: «Въ Волынск. лѣт. упоминается о двухъ сыновьяхъ Романа Брянскаго, Олегъ и Михайлъ: Василій могъ быть сыномъ того или другаго; а Святославъ, его дядя, меньшимъ сыномъ Романовымъ, вопреки Никонов. Лѣтописцу, который не отличилъ Святослава Глѣбовича Можайскаго, плѣннаго Георгіемъ Московскимъ, отъ Святослава Брянскаго» (И. Г. Р. т. IV, прим: 242). Иначе смотритъ на дѣло Соловьевъ: «Никонов. списокъ считаетъ Василія Брянскаго сыномъ Александра Глѣбовича Смоленскаго, дядю его, Святослава, Глѣбовичемъ, который былъ лишенъ Можайскаго княжества и взятъ въ плѣнъ Юріемъ Московскимъ; Карамзинъ, обвиняя (голословно) Никон. въ смѣшеніи разныхъ князей, говоритъ, что Василій могъ быть внукомъ... Брянскаго князя Романа. Дмитрій Брянскій по родословнымъ считается также Александровичемъ Смоленскимъ, слѣдовательно братомъ Василія» (III, прим. 430). Замѣчаніе Карамзина о Святославѣ Глѣбовичѣ справедливо названо голословнымъ, но соображеніе самого Соловьева объ Александровичахъ Брянскихъ едва ли основательно: а) Никон. лѣт. не называетъ отчества Брянскаго князя Василія, хотя изъ другого мѣста той же лѣтописи мы и узнаемъ, что у Александра Глѣбовича было два сына Василій и Иванъ (III, 108); б) относительно извѣстія родословной книги («пришелъ изъ Смоленска князь Александръ Глѣбовичъ; у него три сына: Дмитрей, Володимерь, Иванъ; Дмитрей да Володимерь были воеводы у вел. кн. Дмитрея на Дону») находимъ замѣчаніе у Карамзина, съ которымъ въ этомъ случаѣ трудно не согласиться: «Сии Александровичи, вышедшіе въ Москву съ отцемъ около времени Мамаевыхъ, не могли быть сыновьями владѣтельнаго смоленскаго князя Александра Глѣбовича, умершаго еще въ 1313 году». (IV, прим. 315). Строевъ въ Указателѣ къ Исторіи Госуд. Росс. отождествляетъ Дмитрія Брянскаго съ Дмитріемъ Романовичемъ Смоленскимъ, ходившимъ въ 1311 году въ Финляндію съ дружинами новгородскими ¹⁾. Если это вѣрно, то нельзя ли и Василія, предполагаемаго брата Дмитрія, считать сыномъ не Александра, а Романа Глѣбовича? Указаніе Ни-

¹⁾ Карамзинъ, IV, прим. 214; Соловьевъ, III, стр. 283.

кон. лѣт. о Святославѣ Глѣбовичѣ, боровшемся съ Брянскимъ и лемянникомъ Васильемъ, осталось бы при этомъ сохраняющимъ свою силу. О Романѣ Глѣбовичѣ мы имѣемъ извѣстіе лѣтописи подъ 1300 годомъ: «Того же лѣта Олександръ Глѣбовичъ ис Смоленска приводилъ рать къ Дорогобужю, и оступъ городъ воду отъялъ; Андрѣй Вяземскій князь приде с Вяземци и поможе Дорогобужьцемъ, и убиша у Олександра сына, а самого Олександра ранили князя, и брата его Романа, а Смолнянъ убили 200 человекъ, и Олександръ взратися всояси»¹⁾. Нельзя ли допустить, что этотъ Романъ Глѣбовичъ и упомянутый выше князь Брянскій Романъ—одно и то-же лицо? При такой догадкѣ установилась бы такая преемственность Брянскихъ князей: Романъ Глѣбовичъ, сынъ его Василій, братъ Василья—Димитрій. Можно, пожалуй, замѣтить, что Романъ Брянскій еще въ 1263 выдавалъ замужъ дочь, а потому едва ли въ 1300 году, т. е. спустя 37 лѣтъ, могъ принимать участіе въ походѣ. Но замѣчаніе это не можетъ имѣть рѣшающаго значенія: намъ извѣстенъ ранній, даже дѣтскій возрастъ, въ которомъ заключались въ ту пору браки у нашихъ князей²⁾.

2) Каково бы ни было родословіе Брянскихъ князей, несомнѣнно, что Брянскъ и Смоленскъ и князья этихъ городовъ находились въ живыхъ, постоянныхъ отношеніяхъ: исторія Брянска примыкаетъ къ исторіи Смоленска. Въ 1309 г., Святославъ кн. Смоленскій, какъ мы видѣли, борется съ своимъ племянникомъ изъ-за Брянска. Въ 1340 г. сидѣлъ въ Брянскѣ кн. Глѣбъ Святославичъ³⁾, сынъ только что названнаго Смоленскаго князя. Брянскіе князья пытаются, съ своей стороны, утвердиться въ Смоленскѣ: въ 1285 г.—Романъ, въ 1333 г.—Димитрій⁴⁾. Въ грамотѣ отъ епископа рижскаго къ смоленскому великому князю Ѳедору (1281—1297) упоминается Брянскій князь, называемый при этомъ «намѣстникомъ великаго князя»⁵⁾.

3) Извѣстно, что еще «въ началѣ XIII в. Полоцкое княжество было въ зависимости отъ Смоленска или въ какой-то связи съ нимъ»⁶⁾. Въ упомянутой выше грамотѣ Рижскаго епископа конца

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп., стр. 461.

²⁾ „Женили князья сыновей своихъ вообще довольно рано, иногда одиннадцати лѣтъ; дочерей иногда выдавали замужъ осьми лѣтъ“ (Соловьевъ, III, 8).

³⁾ Соловьевъ, III, 309.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Русско-ливонскіе акты, № XXXIV.

⁶⁾ Бестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія, I, 181.

ХІІІ вѣка говорится, что Витѣбляне жаловались на Рижанъ предъ Брянскимъ княземъ, намѣстникомъ вел. князя Смоленскаго. Видимъ, такимъ образомъ, что Полоцкія волости и въ это время находились въ зависимости отъ Смоленскихъ князей. При такихъ отношеніяхъ Полоцка къ Смоленскому нѣтъ ничего удивительнаго, что вѣтвь Брянскихъ князей, родственныя и политическія отношенія которыхъ перепахиваются съ исторіей Смоленскихъ князей, могла утвердиться въ одномъ изъ удѣловъ Полоцкаго княжества — Друтскѣ¹⁾. Мы возвращаемся такимъ образомъ къ сдѣланному выше предположенію, что родоначальникомъ князей Друцкихъ могъ быть Михаилъ Романовичъ, сынъ Брянскаго князя Романа.

Объ этомъ кн. Михаилѣ Романовичѣ въ лѣтописи сохранилось такое извѣстіе: «бысть свадьба у Романа князя у Брянскаго, и нача отдавати милую свою дочь, именемъ Олгу, за Володимера князя, сына Василкова, внука великаго князя Романа Галичкаго. И въ то время рать приде Литовская на Романа; онъ же бися съ ними и побѣди я, самъ же раненъ бысть и не мало бо показа мужество свое, и приѣха во Брянскъ съ побѣдою и честью великою и не мня раненъ на тѣлеси своемъ за радость; и отда дочь свою: бѣхуть бо у него иныѣ три, а се четвертая; сія же бяшетъ ему всихъ милѣе, и посла съ нею сына своего старѣйшаго Михаила и бояръ много»²⁾.

Выраженія, въ которыхъ записано это извѣстіе, указываютъ, что свадьба княжны Ольги, любимой дочери ея отца Романа, свадьба, совпавшая съ побѣдой Романа надъ Литвой, осталась памятнымъ событіемъ въ семьѣ Брянскихъ князей. Могла явиться и пѣсня о томъ, какъ юная княжна отвезена была на чужую сторону ея братомъ княземъ Михайломъ.

Извѣстны свадебные обряды и пѣсни съ ясно выраженными воспоминаніями объ умыканіи невѣсты. Въ пѣсняхъ этого рода говорится о насильникѣ, захватывающемъ дѣвушку; невѣста обращается

¹⁾ Удѣлы въ предѣлахъ Полоцкаго княжества: Изяславль, Логожскъ, Стрѣжевь, Друтскъ, Минскъ. (Погодинъ, Исслѣдованія и замѣтки, т. V, 303). Были, конечно, въ Друтскѣ князья и прежде предполагаемаго утвержденія въ немъ вѣтви Смоленскихъ князей. Въ концѣ ХІІ вѣка (подъ 6703—1195 г) упоминается въ лѣтописи Друтскій князь Борись (II, Собр. р. лѣт. II, 147), котораго считают сыномъ Полоцкаго князя Давида Всеславича (Указ. къ лѣт. I, 65).

²⁾ II. Собр. лѣт. II, 202.

къ брату съ просьбой защитить ее отъ чужаго человѣка, не выдавать ее:

Родимый ты, братецъ мой!
Ты поди-ка въ темный лѣсъ,
Ты сруби, сруби березыньку,
Загради ты путь-дороженьку,
Чтобы моимъ недругамъ
Нельзя было пройти, ни проѣхати!

Или:

Ахъ, ты, братецъ, голубчикъ мой!..
Не оставь меня, милой братъ,
На чужой на сторонукѣ,
У чужова отца, матери,
У чужова роду-племени!

Предполагаемая пѣсня объ Ольгѣ Романовнѣ сложена была, конечно, по типу обрядовыхъ брачныхъ пѣсенъ съ особенностями и дополненіями, которыя подсказывались обстоятельствами дѣла. Въ пѣснѣ говорилось о разлукѣ княжны съ отцемъ, который любилъ ее больше другихъ дѣтей, говорилось и о кн. Михайлѣ, который сталъ не защитникомъ, а разлучникомъ сестры, который взялся отвезти ее на чужую сторону. Быть можетъ, брату разлучнику давалась въ пѣснѣ особенно важная, главная роль.

Пѣсня, связанная съ именемъ Михаила Романовича, сохранилась, вѣроятно, среди лицъ, близкихъ къ нему и къ его потомкамъ, князьямъ Друтскимъ, но по занимательности ли содержанія, или по достоинствамъ изложенія пѣсня эта могла найти и болѣе широкое распространеніе. При этомъ пѣсня о были XIII вѣка не избѣжала, конечно, общей участи памятниковъ устной поэзіи. — перерожденія, обусловливаемаго вліяніемъ литературной аналогіи.

Предполагаемое содержаніе древней пѣсни о Михайлѣ Романовичѣ и наблюденіе надъ составомъ сохранившихся пѣсенъ о князѣ Михайлѣ позволяютъ свести литературную исторію этихъ эпическихъ памятниковъ къ слѣдующимъ пунктамъ:

* 1) Слагается обрядово-историческая пѣсня такого содержанія: молодая княжна разлучается съ родной семьей: ее берутъ заѣзжіе люди, отвозятъ на чужую сторону; съ дѣвушкой отправляется ея братъ, кн. Михайло; вмѣсто того, чтобы защищать сестру отъ «чужанина», онъ оставляетъ ее у этого чужанина — Волынскаго князя который облюбилъ Ольгу, назвалъ ее своей.

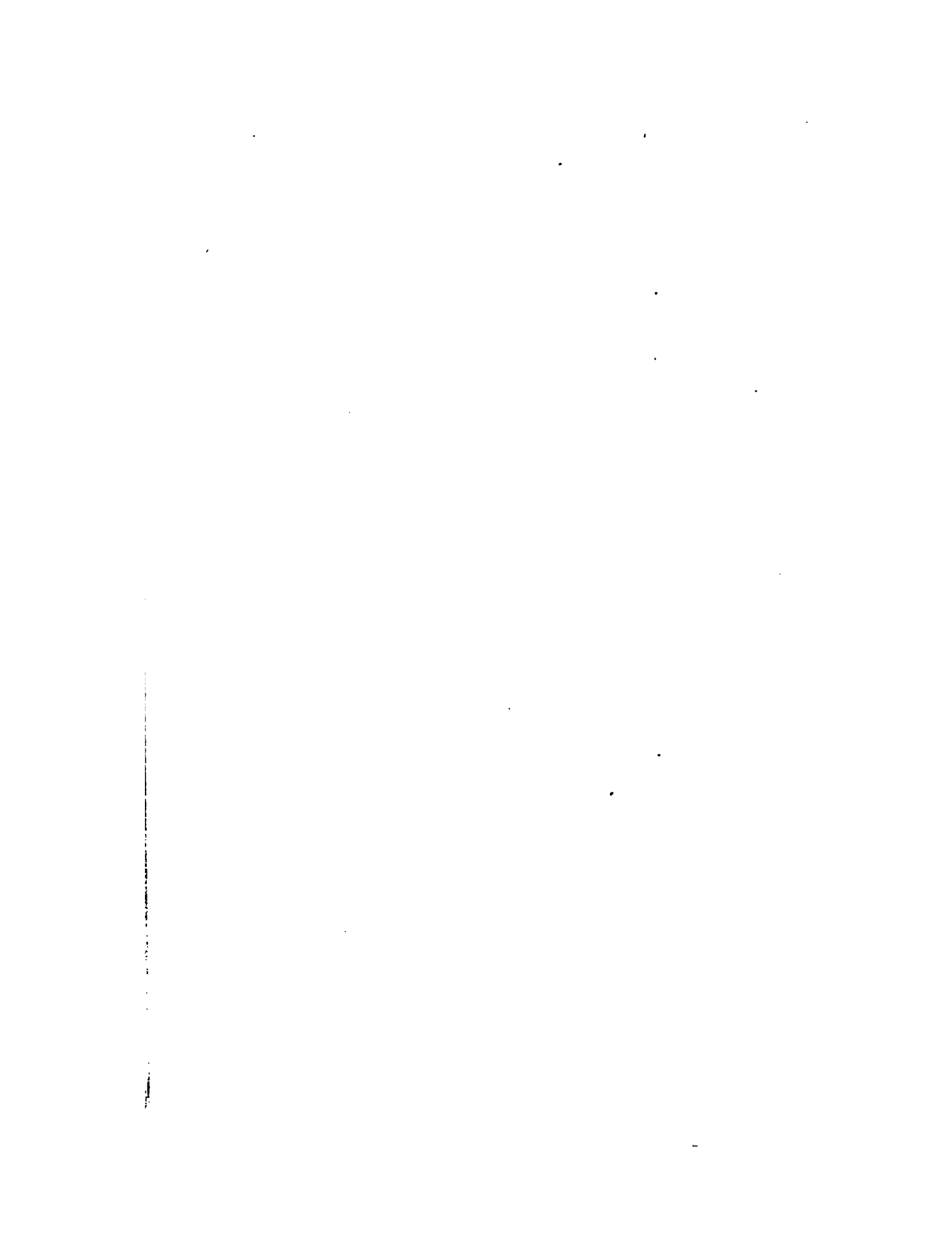
* 2) Утративъ, со временемъ, историко-бытовую опредѣленность,

пѣсня эта обближается съ рядомъ пѣсенъ о похищаемыхъ, увлѣкающихся красавицахъ: дѣвушка увозится на чужбину; за нею отправляются ся брать или братья; но возвращаются они домой одни: дѣвушка привязалась къ похитителю, полюбила его. Имя кн. Михайла, какъ имя главнаго дѣйствующаго лица первоначальной пѣсни, могло удержаться и здѣсь, но оно перемѣстилось съ измѣнившимся содержаніемъ пѣсни: князь Михайло — похититель.

3) Пѣсня объ увезенной красавицѣ смѣшивается съ пѣснями объ увлеченной и покинутой дѣвушкѣ. Слѣды этого смѣшенія видны еще въ сохранившихся нинскихъ пѣсняхъ о кн. Михайлѣ.

4) Составъ пѣсенъ о покинутой любовницѣ имѣетъ ближайшее родство съ пѣснями о женщинѣ, оставленной мужемъ и умирающей во время его отлучки. Великоорусская былина о кн. Михайлѣ — одинъ изъ пересказовъ такой именно пѣсни объ умершей женѣ. Историческимъ остается, такимъ образомъ, въ былинѣ только имя дѣйствующаго лица; то, что разсказывается объ этомъ лицѣ, — представляетъ повтореніе странствующей баллады, въ которой мы можемъ отыскивать отраженіе бытовой, но не былевой дѣйствительности.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Сказаніе о Вавилонѣ градѣ.

(По рукописи проф. М. Ив. Соколова, № 143)¹⁾.

Сказаніе царя Лѣвуя, нареченнаго во святомъ крещеніи Василия, о Вавилонѣ градѣ и о великомъ змѣи, что въкругъ града лежитъ, и какъ посылалъ царь великіи въ Вавилонѣ градѣ чрезъ того великаго змѣя, чрезъ градовую стѣну трехъ человекъ проповѣдати въ царство святыхъ тріехъ отроковъ, Ананіи, Азаріи и Мисаила, и въ царскихъ палатахъ, и вся тамо видѣти, и каково и что есть.

Бысть у царя Новходоносора младъ юноша отъ великаго роду, и помниша во умѣ своемъ с младаго своего ума сотворити змѣя великаго и страшнаго. И собралъ со всего града Вавилона младыхъ юношей, и уставилъ у нихъ урядники, кому нарежать, чтобы ему удѣлать того великаго змѣя около всего Вавилона града. И начаша глину копати и основаша того великаго змѣя, и уставилъ челюсти змѣевы у вратъ градныхъ, а хоботъ привелъ къ тѣмъ же вратамъ. И какъ уже здѣлать того змѣя великаго и украсилъ его различными цвѣты и прописавше на немъ травы различныя. И увѣдавъ Новходоносоръ царь радъ бысть велики тому сотворенному змѣю великому, и поиде съ царицею своею видѣти того змѣя великаго. Царица же видѣвши змѣя того великаго, и возрадовася радостію великою зѣло, и рече царица Новходоносору царю, да повелитъ ей украсити жемчугомъ и златомъ і сребромъ и каменіемъ многоцѣннымъ. Царь же положи на волю ей. Царица украсивши змѣя того великаго, царь же пророчествова, и рече царице своей: наше бо все будетъ подножіе змѣя того. Змѣю же тому стоящу два лѣта на мѣстѣ томъ около всего града Вавилона и не бысть отъ него зла ничего

¹⁾ Ср. выше стр. 22, примѣч. 5.

опричь того, что царю и царице потѣха на всякъ день, такоже и младымъ юношамъ видѣти велми потѣшно. На третіе же лѣто ¹⁾ вложи дѣволъ въ того змія дыханіе, и сталъ живъ, и нача двигаться и рыкати, аки ехидна, і аки левъ страшный и нача съедати на день по единому крылатому, сиречь по птице. И повѣдаша о томъ Навходоносору царю, халдѣи начаша пророчествовати о томъ змін великомъ. Навходоносоръ же царь и царица нача мыслити, какъ бы того змія извести. Халдѣи же рекоша царю Навходоносору: «Царь, уже во градѣ змій крылатыхъ птицъ всѣхъ поядаетъ, ничего не осталось, и вамъ будетъ тоже, тебѣ, царю, и царице твоей, и ни единого человѣка не останется въ Вавилонѣ градѣ отъ того змія великаго, и постель не воспоетъ и пси не пролаютъ». Навходоносоръ же царь разгнѣвася на халдѣянъ, и повелѣ ихъ всадити въ темницу и заклепати. Змію же великій во градѣ снѣдаше волю и всякое животное, и все збытсѣ халдѣйское пророчество: не птицъ, ни всякаго скота четвероногаго, ничего неосталось во градѣ, и учаль змін великіи во градѣ Вавилонѣ все поядать. И потомъ повѣдаша Навходоносору царю, царь же велми печаленъ бысть, и повелѣ халдѣевъ истемницы выпустити. Зміюже тому велми рыкающу, а малѣйшия же змін около того великаго змія множество же, и какъ змій великіи тронетсѣ с мѣста своего, и ложе его, сиречь мѣсто, полно младыхъ змиевъ и жабъ, и скорпѣевъ. Великіи же змін Вавилонѣ градъ кругомъ весь охватилъ хоботомъ своимъ и нача поядать людеи: котории человѣкъ поидеть ко вратамъ граднымъ, тутъ ему и смерть, а малые змін ползающе во градѣ и поядающе младенцы. Царь же и царица, видѣвши во градѣ уже змін великіи всѣхъ людей пояде, токмо онъ единъ с царпцею и з боляры, зѣло плаканіе і совѣтоваше с боляры, глаголюще: «змій великіи поядаетъ, а намъ что будетъ?». По малѣмъ же времени и бояръ всѣхъ пояде, токмо остася царь и царица. И пришедши дни уреченному, и нача змін великіи рыкати; царь же съ царицею нача между себе помышляти, како избыти имъ отъ того змія великаго, во врата проити градныя, и нача жребіи метати, кому из нихъ прежде ити ко вратомъ граднымъ на съеденіе змію тому великому, и падѣ жребіи царице птти. Царица же зельне плачущися и горко рыдающа, и простисѣ съ царемъ своимъ поиде во врата ко змію великому, змійже принялъ ея въ челюсти свои, и сниде ея. Царь печаленъ велми, и снятъ зъ главы своей царьскіи свои вѣнецъ и положи въ полатѣ царскон и у гроба свитыхъ трехъ отрокъ, Ананіи, Азаріи и Мисаила, и плачася горко, припадая ко

¹⁾ Въ рукоп. „лѣто“.

святимъ и прощанся и поиде ко вратомъ граднымъ и не смѣяше того проити. Змій той великіи, услышавъ царя стояща у вратъ, возьметъ его въ челюсти и съѣде. И отъ того времени градъ бысть пустъ и не бысть в немъ людей никого и всякого животнаго, и порастѣ лѣсомъ и быліемъ великимъ, токмо во градѣ Вавилонѣ великіи зміи и змій малыя, и жабы и скорпіи многіи.

Царь же Лѣвъ, а наречеѣныи во святомъ крещеніи Василии, посла въ великіи во градъ Вавилонъ испытати и взяти въ церкви святыхъ тріехъ отрокъ, Ананіи, Азаріи и Мисаила, и въ царскихъ полатахъ потребная. Первое послалъ тріехъ человекъ, христіанскаго роду дарситскаго, да греченина; тии же люди рекоша: «царю Василіе, не подобаетъ намъ быти, но пошли царю иныхъ людей, из грекъ греченина, из бѣжъ бѣженина, из руси русянина». Царь же посла ихъ, якоже хотяше быти; и какъ будетъ ¹⁾ близъ Вавилона града за 15 дней, и рече царь Василии къ посланнымъ: «аще какое ²⁾ вамъ будетъ знаменіе отъ святыхъ тріехъ отрокъ Ананіи, Азаріи и Мисаила, да не отлучитесь отъ Иерусалима, но будите подобни въ христіанстей и поборники на враги иновѣрныя за родъ христіанскій; хотя и постражите, то вѣнцы на васъ положени будутъ». Бѣженинъ же—Ияковъ именованъ, русянинъ же—Іулианъ, греченинъ—Илия. Они же помолившися и поѣхаша до Вавилонъ, и придоша тамо и не видѣша долго Вавилона града, бѣ бо оброслъ лѣсомъ болшимъ и быліемъ великимъ, якоже и царскихъ полатъ невидѣти. Они же поускавшіе коней своихъ, бяше себѣ путь малъ къ Вавилону граду, хожденіе звѣремъ, по тому пути таможе сколько былія травы, а вдвое тово гаду всякого, но небысть имъ страху и тремету. Они же придоша къ Вавилону и къ великому змію, и бяше тутъ лѣствица здѣланна отъ древа кипариса, и преложена чрезъ великаго змія на стѣну; и бяше на лѣствице написано: «котораго человека Богъ привелъ к лѣствице, (второе слово написано бѣжское, третіе русское итакъ глаголетъ) да лѣзи чрезъ стѣну великаго змія того, и во градъ Вавилонъ без боязни с лѣствицы поиди»; да часовіи тутъ лѣсть на стѣну пная лѣствица 17 степеней, такова бо бяше и толстн чрезъ того великаго змія ³⁾. Они же въздоша къ горѣ на стѣну чрезъ ве-

¹⁾ Въ рукоп. „будете“. Ср. въ текстѣ Румянц. музея: „дѣхавъ царь Василей Вавилона града за 15 поприщъ, и призва посланниковъ своихъ и глагола имъ“ и т. д. (Пам. стар. русск. литер. 2, 394).

²⁾ Въ рукоп. «кое».

³⁾ Текстъ испорченъ. Пропущено указаніе на греческую надпись. Ср. въ Румянц. музеѣ: «на той лѣствицѣ написано три писма: первое греческимъ языкомъ, второе—объжанскимъ языкомъ, третіе—славянскимъ и російскимъ языкомъ, русскій вылевой эпосъ.

ликаго змія того, а другая же лѣствица внутрь града таковаяже, на ней же тоже. Ониже поидоша въ полаты, полаты бо полны всякаго гаду ползающаго, но ничесоже имъ зла сотвориша. Они же пришедше въ церковь святыхъ тріехъ отрокъ Ананіи, Азаріи и Мисаила и наполнишася всякаго благоуханія отъ мощей святыхъ мученикъ уста ихъ много, аки яденія и питія, а въ церкви написано вельми пречюдно; и поклонишася святымъ тріемъ отрокомъ Ананію, Азарію и Мисаилу, и глаголаша къ нимъ: «Богохранимыи и великіи царь Василіи повелѣ у васъ просити знаменія», и в то время стояще, видяще купокъ златыи на гробѣ каменіемъ драгимъ и жемчюгомъ многоцѣннымъ вельми украшенъ стоитъ полнъ мира, и сткланица стоитъ тогоже мира полна. Мы же пихомъ ис кубка того и быхомъ веселы и помыслихомъ тои кубокъ взяти и нести къ царю Василию; и стоящимъ намъ бысть гласъ отъ раки святыхъ въ 9-мъ часу дни: «Не берите, знаменію здѣсь ничтоже, но идѣте въ царскіи домъ и полати и тамо возмите знаменія ско(лко) мощно вамъ». Они же ужасни бывше вельми и стояхомъ со страхомъ, и во вторыи часъ гласъ бысть намъ: «Не ужасайтесь, идите и творите повелѣнное». И восташа и поидоша въ царскія полаты, и видѣвше тамо одръ стоящъ и на немъ лежаще два вѣнца драгоцѣнны, Новходоносора царя и ево царицы. Они же вземше тѣ вѣнцы видѣвша на столѣ златѣ написано грѣцескимъ языкомъ: «Сіи вѣнцы сотворены быша, егда Новходоносоръ царь сотвори златое тѣло и постави на полѣ Медналамтѣ, тѣ бо вѣнцы бяху здѣланы отъ камене самоира да измарагда, отъ жемчюга драгаго и отъ злата аравицкаго, а нынѣ положены будутъ на богохранимаго царя Василія на главѣ его, и на его благовѣрной царицѣ Александре». И молитвами святыхъ вшедше въ другую царскую полату и видѣвше тамо лежаще запоны и норфиры царскія драгія, і егда приіяшася руками своими, и все бысть, яко прахъ; и стояще ларцы многія со златомъ и серебромъ украшени вельми пречюдно; и открывше ларцы и видѣвше многое множество злата и серебра, и каменія многоцѣннаго, и жемчюговъ великихъ (вземше) числомъ двадесять отвѣсть къ царю Василию, а и себе вземше, якоже мощно, и взяши кубокъ, что въ церкви святыхъ тріехъ отрокъ, и не бысть имъ гласа ничтоже; и начаша скорбѣти и вземше отъ

комъ. А написано глаголетъ сѣце: греческимъ: «своего человека Богъ принесеть, поиди къ лѣствицѣ»; сеже обожанскимъ яыкомъ глаголетъ: „погъзи на лѣствицу сію безъ боязни чрезъ великаго змія“; а по словенски глаголетъ: „да поиди и по другой лѣствицѣ во градъ и до самыя тоя церкви не убояся“. (Пам. ст. р. лвт. 2, 395).

купка того испиша и быша весели. И бысть имъ гласъ глаголющъ: «Заутра свитающу дни неделному...¹⁾ и рекоша к себе: чемъ умыемъ лица своя?», и видѣша купокъ церковный стоящъ полнь воды²⁾, и умывше лица своя из него и воздаша хвалу Богу и святымъ тріемъ отрокомъ Ананію, Азарію и Мисаилу, и отпѣвше заутреню и часы, и бысть имъ гласъ: «Поидите путемъ своимъ ко царю Василию богохранимому». Они же поклоншеся святымъ и испивше по три чаши, и поидоша изъ церкви на стѣну, и поползоша по лѣствице чрезъ великаго змія. Беженіи же, именемъ Іяковъ, запнулся на 17 степени, и спаде с лѣствицы и обуди великаго змія. Зміи же на мѣсте своемъ тронулся, и воста на немъ чешуя, аки волны морскія. Они же взявше друга своего Іякова, и поидоша сквозъ былія тоуже травомъ аки с полдни, и видѣвше кони своя ходяще и други своя и егда начаша складиватися на кони своя вся потребная, и великіи зміи свиснуль. Они же отъ страха того падоша на землю, аки мертвы царю же Василию стоящу и ожидающу детей своихъ,—баше бо нарече ихъ себѣ, аки дѣти своя. Свистъ же змія того слышанъ бысть тамо, и падоша мнози и отъ страха изомроша яко три часа. Стояще же 15 дней и глагола царь Василии: «долго дѣтей моихъ нѣсть», и рече: «дѣти моя изомроша». Токмо царь Василии еше пождавъ малое время, они же восташа, яко отъ сна своего, и поидоша путемъ своимъ и достигоша царя Василия, и пришедше поклоншася царю; царь же радъ бысть и вси его; ониже сказаша царю все бывшее, что видѣли. Патріархъ же вземъ два вѣнца и прочая³⁾ царская, и возложи на главу царя Василия, и другіи вѣнецъ возложи на главу царице Александре. Царь же вземъ кубокъ з золотомъ и серебромъ и наполниша сосуды золотомъ и серебромъ и каменіемъ драгимъ, и посла къ патріарху во Іерусалимъ, а что себѣ принесоша, царь же ничтоже у нихъ взялъ, но даде имъ по три пера златыхъ, и отпусти ихъ с миромъ, гдѣ ихъ родители живутъ. Они же прославиша Бога и святыхъ тріехъ отрокъ, Ананія, Азарія и Мисаила и царя Левія, нареченнаго во святомъ крещеніи Василия, имъ же честь и слава со безначальнымъ его Отцемъ и с пресвятымъ и благимъ и животворящимъ его Духомъ ѳиѳ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

¹⁾ Въ спискѣ Румянц. музея: „Заутра свитающу воскресному дни на 1-мъ часу бысть имъ гласъ: „...умыйте лица своя“ (l. cit.).

²⁾ Въ рукоп. „виды“.

³⁾ Въ рукоп. „причая“.

ея велми чисто, і прія поцеловавъ ея, і пребысть с нею в любви, і умывся бѣседова с нею пия і веселяся. Царица^а послыша в животѣ своемъ, что понесе во утробѣ своей, і ударивъ челомъ царю Соломону і простився, і поиде во свою землю, і приде во свое царство южское. Боляре же ея і велможи пришедь к ней поклонишася і здравствова(ша) ей. Она^а почтивъ боляръ своихъ, они же разъехашася по домомъ своимъ. Царица^а Малкодушка, видевъ утробу свою ростише, уже спеще, она же нача скриватися отъ боляръ своихъ и начá пребывати (в) внутреннихъ своихъ царскихъ ложницахъ, а к боляромъ своимъ не выходаше, скриваяся отъ боляръ своихъ, дабы не обозрили ея чрева; повелѣ своимъ вернымъ мамкамъ боляромъ отказывать, что не домогаетъ царица. Егда приспѣ рождению, роди царица отроча мужескъ полъ, і призва к себѣ верна слугу и одари его, и дасть ему злата много, і повѣлъ ему отроча своего в Вавилонские пределы отвѣсти, на лѣсу положить повѣлъ. Царица^а Малкодушка великие радости наполнися избывша пакости царствуя по прежнему.

Отвергнутый сынъ Соломона и южской царицы—будущій великій царь Навуходоносоръ.—Вслѣдъ за приведеннымъ отрывкомъ въ рукописи помѣщены: сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ (Нач. «Бысть в Вавилонскомъ государствѣ царь Аксерскъ...», л. 153—161) и повѣсть о посольствѣ въ Вавилонъ царя Алевуя (Нач. «Бысть во Цареграде царь Алѣвуи, во святомъ крещени Василѣи...», л. 162—167).

III.

Посланіе въ Вавилонъ градъ отъ царя греческаго Улевуя.

(По рукописи Тверскаго музея, № 3146, л. 375—386) ¹⁾.

Посланіе ото Улевуя Греческаго Царя, во святомъ крещеніи Василя, іже посла въ Вавилонъ градъ посланники своя іспытати тамо знаменіе у святыхъ тріехъ отроковъ, Ананіи і Азаріа і Мисаила.—Прежде царь Греческій ²⁾ Василій хотя послати в Вавилонъ дву человекъ розноязычныхъ кр(е)стианска рода, они же два рекоша царю: «Недостойтъ намъ двема сущимъ ітти тамо, понеже путь есть тѣсенъ, но пошли ізъ грекъ гречанина, а изъ обѣжанъ обѣженна, а изъ русиновъ словянина». І бысть слово сие угодно царю Василию, і сотвориша тако, якоже восхотѣша посланницы его. І посла трехъ благочестивыхъ мужей крестьянска рода, іменемъ Юрья гречанина, Іякова обѣженна, Лавра словянина. Егда же посла ихъ, а сам же царь Василей собра воинство безчисленное множество, і пойдоша во слѣдъ посланныхъ своихъ, і недошедъ Великаго Вавилона царь Василей ста на мѣсте единомъ за 15 поприщъ, і призва посланники своя сие глаголя: «Послушайте мене, вамъ глаголю, Юрие і Лавре і Якове, нынѣ же глаголю вамъ,—отселѣ пойдите въ Вавилонъ градъ водими Богомъ; аще будетъ тамо, обрящете гдѣ знаменіе святыхъ тріехъ отроковъ, і да принесете сѣмо на мѣсто, і самъ азъ не отлучуся отъ Ерусалима, но буду ноборникъ на враги іновѣрныя о православной верѣ за родъ крестіянскій» Трѣе жъ мужи, слышавше глаголемая отъ царя, і поклонилися ему до земли і отыдоша отъ царя путемъ ко граду Вавилону. Ідоша же посланницы медливо зѣло, понеже путь тѣсенъ і с великою

¹⁾ Рукопись—сборникъ. Перечень входящихъ въ составъ рукописи статей см. въ «Описаніи рукописей Тверскаго музея» *М. И. Сперанскаго* (М. 1891), стр. 161—163.— Считаю долгомъ засвидѣтельствовать глубочайшую благодарность г. директору Тверскаго музея А. К. Жизневскому, доставившему мнѣ возможность пользоваться Тверскою рукописью здѣсь, въ Петербургѣ.

²⁾ въ рукоп. „Вавилонскій“.

нуждею ідоша, і уже приідоша близъ града, ничтоже видѣша града, ни полатъ. Они же пустиша кони своя в путлахъ і обрѣтоша путець, малаго звѣря хожденне, ту бо ізрасте былие великое, аки лѣсъ, і волчець безгодная трава кругомъ всего Вавилона, а вдаль отъ града Вавилона тое травы за 15 поприщъ. Бѣ же по тому былию две части противъ гадовъ всякаго змиинаго родства, полозовъ и скорпей, і отъ жабъ великихъ іное различное змеино родство, іхже не бѣ числа: аки великіе копны осенняя вьющеса отъ земли і до верха быліа того, овнн же свисташе, а иннн сипяше агѣ, і студове отъ нихъ ісходять, яко зиме. Но Божимъ ізволеннемъ і молитвами триехъ святыхъ отроковъ не бѣ посланникомъ тѣмъ страха, ни уяденія отъ гадовъ тѣхъ, но вси гади бѣжаще отъ нихъ с шумомъ крыющеса главы своя і отступиша отъ стезя іхъ въ далнныя страны быліа того. Они же посланники въ 3 день дойдоша великаго змія, іже бѣ лежить кругъ всего града обогнувся, якоже прочіе змеи согнувся лежать кругъ всего того мѣста; толстота же того змія выше градныя стѣны.—Бѣ же ту лѣствица отъ древа кипариса положена чрезъ того великаго змія на градную стѣну, а еже кто постави лѣствицу ту, і то Богъ вѣсть; высота же тоя лѣствицы осмъ надесять ступеней. На той же лѣствицѣ написаны три писанія, первое греческі, второе бѣжескіи, третье словенскіи і російскіи, а писанія сия глаголютъ: по греческіи: «когого человекъ Богъ принесетъ сѣмо к лѣствицѣ сей», по бѣжескіи глаголетъ: «да лезетъ на лѣствицу безъ боязни чрезъ великаго того змія», по рускіи же: «да идетъ по второй лѣствицѣ во градъ і до самыя тоя (?) не ужасаясь». Тамо внутрь града чрезъ великаго того змія до часовниці утверждена вторая лѣствица, а гдѣ же болшия врата града Вавилона, і ту бысть глава великаго того змія. Сам же той великнй змій обогнувши кругъ всего града, а хобот же свой пригнувшн к темъ же вратомъ, ідѣже лежить глава его. Посланницы же со дерзновениемъ ідоша на лѣствицу ту чрезъ великаго того змія і по второй лѣствицѣ поидоша внутрь града, еже утверждена з градныя стѣны і до часовниці, і тамо на той лѣствицѣ написаны три же писма, якоже і на первой лѣствицѣ: не повелѣваетъ гадовъ тѣхъ страшитися, ні самого того великаго змія. Они же, вшедше в церковь святыхъ триехъ отроковъ, і наполнишася уста іхъ благоуханія. Бяху бо во церкви святыхъ отроковъ многія писанія і дѣянія, писано в лицѣхъ по стѣнамъ церкви. Они же трие благочестивыя мужи поклонишася гробомъ святыхъ отроковъ і глагола: «придохъ сѣмо поклонитися вамъ, святнн отроцы, Аваніи і Азаріи

нимъ не бѣ гласа отъ гробовъ святыхъ, посланницы же они сего ради въ велицѣй печали быша, приступиша со дерзновениемъ і еще іспиша іс кубка того і обвеселишася, і отъ сего упоша во всѣ ношѣ; а за утраже, свѣтающе недѣльному дню, на первомъ часу дни бысть имъ гласъ вторицею глаголи: «Умойте лица ваша». Они же посланницы воспрянуша скоро, тутъ кубокъ стояше церковный с водою, взявше его и умыша лица своя і воздаша хвалу Богу і святимъ триемъ отрокомъ; і егда совершися утреннѣе пѣніе і часы, тогда бысть имъ і третицею гласъ, глаголи: «Яко взясте знаменне отъ насъ, нынѣ же поидите в путь свой водими Богомъ ко царю Василию». Ониже слышавше і поклонишася гробомъ святыхъ отроковъ, но и еще іспиша по три чаши ¹⁾ іс того кубка; кубокъ же той Божию благодатию стоитъ полонъ, не убываетъ из него. Потомъ же посланницы поидоша к лѣствицѣ і понесоша своя тяжкая бремена, іже бѣ взяша во градъ Вавилонъ. Взыдоша же по лѣствицѣ из града і поидоша за градъ на вторую лѣствицу чрезъ великаго змяя; единъ же отъ нихъ, Іаковъ обѣжанинъ, ступи сверху на третью ступень і спаде с лѣствицы на великаго змяя і убуди его отъ сна. Великій же той змій послышалъ, і воста на немъ (чешуя), яко волны морския колебахуся. Посланницы же они, взявше третяго своего (друга) Іакова, скоро бѣжаще в былье ко царю Василию, і уже близъ полудни обрѣтоша кони своя на мѣсте, ідѣже оставиша ихъ, і положиша бремена своя на нихъ і сами всѣдоша; і уже имъ сѣдящимъ на конехъ, в той часъ свиснувше той великій змій, яко не бѣ такова зыка слышати нигдѣже; отъ зыка же того с коней своихъ вси на землю спадоша, яко мертвіи, і лежаше на земли долгъ часъ, і егда очутишася, на кони своя сѣдоша і добѣжавъ мѣста, ідѣже стоялъ царь Василей с войскимъ своимъ, і не бѣ ту царя, ни силы его, ні вѣсти про него, ні послышання, только видѣша умершихъ коней множество. Егда той великій змій свиснулъ, въ той часъ в стану цареви сотворися велиа пакости царю Василию і людемъ его: люди же вси і воинство его с коней спадоша, овии умроша отъ свитання того, а друзи оглушишася і коней множество умроша. Царь же Василій устранися сего і отступи отъ мѣста того за 15 поприцъ на второе мѣсто отъ града Вавилона. Печаленъ же бѣ царь Василей о трехъ мужей, іже посла ихъ въ Вавилонъ, тако глаголи о нихъ: «Уже дѣти моя умроша отъ свистання того—такъ зжалися царю Василию,—да пожду ихъ мало на семъ мѣсте, яко чаю они сохра-

¹⁾ Въ рукоп. „часы“.

нены і живи Богомъ і святихъ отроковъ молитвами». Посланиці же они дойдоша царя на второмъ мѣсте і пришедше, поклонишася царю. Царь же, видя посланики Чюва, возрадовася зѣло, прослави Бога і святихъ триехъ отроковъ чудеса. Они же посланиці повѣдаша царю грамоту, яже взяша в полатѣ царевѣ на одре, царь же вземъ ю і отдасть патриарху; патриархъ же прочте ю і вземъ у посланиковъ царскія венцы, і положи единъ венець на главу царю Василию, а другий венець положи на главу царіцѣ его Александре, і благослови ихъ патриархъ. Царь же Василей вземъ у посланиковъ кубокъ і наполни златомъ; взя же 20 каменій драгихъ і пять каменій мелкихъ і кубокъ со златомъ і посла во Иерусалимъ 5 и 10 каменій остави у себя. А что они посланиці принесли злата и сребра, каменія і бисера драгаго і отъ иныхъ драгихъ узорочей, і то все царю объявиша. Царь же Василей нічто у нихъ не взя, токмо почте ихъ і дасть імъ свои дары по 30-ти златниковъ і тако глагола імъ царь: «Поидите с миромъ і просите у мене, елико хочете, да азъ дамъ і со вторицею вамъ по прошенію вашему». Посланиці же слышавъ і поклонишася царю; шедше же прославиша Бога і благочестиваго греческаго царя Елевуиа, во святомъ крещеніи Василя.

Примѣчаніе. Въ разсказъ о посольствѣ въ Вавилонъ греческаго царя Льва изображается страна, кишачая змѣями. Въ окрестностяхъ Вавилона „сколько былия травы, а вдвое того гаду всякаго“. Много тутъ водилось „всякаго змінаго родства, полозовъ, и скорпей, и жабъ великихъ“.—Извѣстія о Вавилонскихъ змѣяхъ восходятъ къ далекой старинѣ. Знали этихъ змѣй древніе греческіе и римскіе писатели. Аполлоній Дисколъ сообщаетъ извѣстіе о змѣяхъ въ Вавилонѣ, которыя нападаютъ на чужеземцевъ, а мѣстныхъ жителей щадятъ. *Περὶ Βαβυλωνία δὲ, διαβάντι τὸν Εὐφράτην ποταμὸν ὀφείλια γίγνεται καὶ τοὺς ξένους τῶνται, τοὺς δὲ ἔντοπιους οὐκ ἄδικεῖ* ¹⁾). Аполлоній повторяетъ свидѣтельства болѣе древнія. У Аристотеля есть разсказъ о змѣяхъ, переплывающихъ съ одного берега Еврата на другой; туземцевъ эти змѣи не трогаютъ, злиновъ кусаютъ. *Ἐν δὲ τῇ Μεσοποταμίᾳ τῆς Συρίας φασὶ καὶ ἐν Ἰστροῦντι ὀφείδια τινα γίνεσθαι, ἃ τοὺς ἑγχωρίους οὐ δάκνει, τοὺς ξένους δ' ἄδικεῖ σφόδρα. Περὶ δὲ τὸν Εὐφράτην καὶ τελείως φασὶ τοῦτο γίνεσθαι. πολλοὺς γὰρ φαίνεσθαι περὶ τὰ χεῖλη τοῦ ποταμοῦ καὶ διανέοντας ἑφ' ἑκάτερα, ὥστε τῆς δεξιῆς ἑνταῦθα θεωρουμένους ἅμα τῇ ἡμέρᾳ ἐπὶ θατέρου μέρους φαίνεσθαι, καὶ τοὺς ἀναπαυομένους τῶν μὲν Σύρων μὴ δάκνειν, τῶν δ' Ἑλλήνων μὴ ἀπέχεσθαι* ²⁾). Сходное извѣстіе находимъ у Плинія. *In Syria angues*

¹⁾ Apollonii Dyscoli Historiae commentitiae liber, cap. XII.

²⁾ Περὶ θηρασίων ἀκουσμάτων, гл. CXLIX—CL.

circa Euphratis maxime ripas, dormientes Syros non attingunt, aut etiamsi calcati momordere, non sentiuntur maleficia; aliis cujuscumque gentis infesti avidè et cum cruciatu exanimantes, quomobrem et Syri non pesant eos. ¹⁾

Еврейскіе пророки говорили о змѣяхъ въ Вавилонѣ, какъ о Божіей карѣ, которая должна постигнуть нечестивую страну. „И будетъ Вавилонъ въ запустѣніи, жилище змѣемъ, въ чудо и позвизданіе, понеже не будетъ живущаго“ (Иерем. LI, 37).—Позднѣйшіе христіанскіе писатели пользовались библейскимъ образомъ нечестиваго Вавилона для символическаго изображенія царства мрака и вѣчной погибели. „I нынѣ есть Вавилонъ, мѣсто великое,—говоритъ Кириллъ Транквилионъ,—зобрая всѣхъ нечестивыхъ сыновъ гнѣва вѣчнаго, праве великое, яко три части свѣта гинеть и до него збирается на мешканя и вѣчное згнѣненя. Но и смокъ есть страшливый, седмглавый змій древный прелестникъ оторіи не тѣла едины пожираеть, но и души людскіе“ ²⁾.

¹⁾ Historia natur. Lib. VIII, cap. LXXXIV (LIX).

²⁾ Зерцало богословія, л. 33, по изд. 1618 г.

IV.

Сказаніе о князехъ Владимірскихъ.

(По рукописи Имп. публ. бібліотеки. Q. XVII, № 149, л. 131—138; въ примѣчаніяхъ этотъ списокъ обозначается буквой O. Варіанты—изъ рукописей публ. бібліотеки: Погод. № 1572 (A); O. IV. № 21 (B); F. IV, № 238 (B). Основной списокъ XVI вѣка, остальные XVII. Дополненія и равночтенія, внесенныя въ текстъ, означены скобками и курсивомъ).

Сказаніе великихъ князей ¹⁾ Владимірскихъ великіа Росія ²⁾.

Отъ исторія Ханаонова и предѣла ³⁾, рекомаго *Арфафсадова* ⁴⁾ перваго сына Ноева рождышагося по потопись.

(По) ⁵⁾ отца своего Ноя благословенію раздѣлися ⁶⁾ вся вселенная на три части тремъ сыномъ его: Симу, Хаму и Афету; извержеса отъ нерадѣнія Хамъ отъ благословенія отца своего, ⁷⁾ зане не покры наготы отца своего Ноя ⁸⁾ упивъшася ⁹⁾ виномъ. Егда истрезвися Ной отъ вина и вразумѣ, елика ¹⁰⁾ сотвори сынъ его ¹¹⁾ меншіи, и рече ¹²⁾: «Проклять буди Хамъ, да будетъ рабъ братама своимъ», и благослови дву сыновъ своихъ Симъ и Афета, иже покрыша наготу отца своего *такы* ¹³⁾ зряще ¹⁴⁾, наготы же ¹⁵⁾ не видѣша. И благослови Симова сына *Арфафсадова* ¹⁶⁾, яко да вселится въ предѣлахъ ханаоновыхъ, и *родишася ему* ¹⁷⁾ двѣ ¹⁸⁾ близнате: первому имя Мерсемъ, ¹⁹⁾ второму Хусъ, сіи началницы Египту.

¹⁾ о великихъ князехъ А, Б. ²⁾ Русіа А; Руси В; Росія Б. ³⁾ предѣла В. ⁴⁾ Б, В; Аераксадова А; Арфафсадова O. ⁵⁾ А, Б, В. ⁶⁾ разделился В. ⁷⁾ *приб.* Ноя А, Б, В. ⁸⁾ *словъ:* Зане не покры наготы отца своего Ноя *нѣтъ* Б. ⁹⁾ упившися А. ¹⁰⁾ елика А, Б, В. ¹¹⁾ *нѣтъ* Б. ¹²⁾ *приб.* ему Б. ¹³⁾ А, Б, В; въ O: в знакъ. ¹⁴⁾ зряши В. ¹⁵⁾ *приб.* его А. ¹⁶⁾ Аераксада А. ¹⁷⁾ А, В; въ O: родиша. ¹⁸⁾ два Б. ¹⁹⁾ *приб.* а А.

У.

Посланіе Спиридона Саввы:

(Погод. Древлехр. № 1567, л. 95—105).

О святѣмъ Дусѣ Спиридонѣ рекомый, Сава глаголемый, сынови смиренія нашего їмре радоватися, аще ти в потребу молитва нашего смиренія со благоговеніемъ. Слышаніе мое, еже потребавалъ еси отъ насъ своимъ писаніемъ и нашими черньцы, ищучи отъ насъ нѣкихъ прежнихъ лѣтъ ото историкѣи атъ ханаонова предѣла, рекомаго отъ Арѣаксадова, первого сына Ноева рожешегося по потопѣ.

И по отца своего Ноя благословенію раздѣлися вселенная на три части тремъ его сыномъ: Симу, Хаму и Аѣету, и извержеса отъ небреженія Хамъ благословенія отца своего: упившуся виномъ, и истрезве Ной отъ виннаго вкуса и своихъ двоихъ сыновъ Сима и Аѣета благослови, иже покрыша ногу срамоты его опакы, не зряще стыденія отца своего Ноя; благослови же и четвертаго своего сына Арѣаксада вселитися въ ханаоновыхъ предѣлахъ, и родишася ему двѣ близняте: первому имя Мерсемъ, второму Хусъ, сии начальницы Египту. І умножившимся отъ нихъ родамъ колѣна, и отлучися Хусъ въ глубочайшая страны Индія и распространися тамо на востоце; Месрену же умножишася по колѣну племѣна даждь до Сеостра; и Аѣету излишася племѣна отъ вечернихъ странъ до полунощія. И воста нѣкій начальникъ из рода того, именовъ Фарсисъ, в Калаврѣйскихъ странахъ и созда градъ во имя свое. Имяше же и Симъ, сынъ Ноевъ, сынъ, именовъ Арѣаксадъ, отъ его же рода правнукъ его, именовъ Гандуварій; сей первое написа астронамбію во Асиріи въ

И умноживъшимся ихъ ¹⁾ родомъ по колѣномъ ²⁾ отлучися Хусъ въ глубочайшаа ³⁾ страны Индия ⁴⁾ и распространися тамо на востоцѣ; Мерсу же *умножишася* ⁵⁾ племена даже и ⁶⁾ до сей страны; Афету же излишняа ⁷⁾ племена отъ сѣверныхъ странъ даже и до полунощныа ⁸⁾ И воста нѣкій начальникъ тогоже роду, именовъ Фарисъ в Калаврійскихъ странахъ и созда градъ во имя свое, именовъ Арфакса, правнукъ же его, именовъ Гундаварій ⁹⁾ сей первый написа астрологию во Асирии въ предѣлахъ Симовѣхъ ¹⁰⁾ и ¹¹⁾ по семъ Сотръ ¹²⁾. Первое ¹³⁾ всѣхъ Сотръ воцарися во Египтѣ лѣтъ 20, ¹⁴⁾ и по колѣну его многа ¹⁵⁾ лѣта преминуша. И отъ того ¹⁶⁾ роду *нача* ¹⁷⁾ царствовать Филиксъ ¹⁸⁾ и той пооблада всю ¹⁹⁾ вселенную ²⁰⁾. По Филиксѣ же многимъ лѣтомъ минувъшимъ воста нѣкій царь во Египтѣ отъ того же роду, именовъ Нектанавъ волюхвъ; сей роди Александра, Макидонскаго ²¹⁾ отъ Алимпиады ²²⁾ жены Филиповы. Сей второй пооблада вселенную ²³⁾ лѣтъ 12, и всѣхъ лѣтъ живота его 32, и ²⁴⁾ скончася, ²⁵⁾ предаде Египетъ ряднику своему Птоломѣю. Мати же Александра, по смерти сына своего, возвратися ко отцу своему Фолу, царю Ефиопскому; Фоль же дастъ ²⁶⁾ ю ко второму браку за Виза сродника Нектанавова. Визъ же роди отъ нея дщерь и нарече имя ей Антия ²⁷⁾ и созда градъ в Созсвѣнехъ ²⁸⁾ и нарече (имя) ²⁹⁾ граду тому ³⁰⁾ во свое имя и дщеря своя ³¹⁾ Византия, вже нынѣ зовется ³²⁾ Царьградъ. И ³³⁾ отъ ³⁴⁾ Александра царя ³⁵⁾ Макидонскаго премину до Птоломѣя царя ³⁶⁾ прокаженнаго во Египтѣ *Птоломѣевъ 22.* ³⁷⁾

¹⁾ отъ нихъ А, Б. ²⁾ *приб.* и А. ³⁾ глубочайшїа. А. ⁴⁾ Индїа А; Индїа В. ⁵⁾ А, Б; въ О: умножившеся. ⁶⁾ *нѣтъ.* А, Б. ⁷⁾ излишася Б. ⁸⁾ полунощїа А, Б, В. ⁹⁾ Гайдуварій А. Б. В. ¹⁰⁾ Симовыхъ А. ¹¹⁾ *нѣтъ* А. ¹²⁾ Сеостръ. ¹³⁾ пръвее В. ¹⁴⁾ Сей же Сеостръ первїе всѣхъ на земли воцарися А. *слов:* лѣтъ 20 *нѣтъ* А. Б. ¹⁵⁾ многая А, Б. ¹⁶⁾ его А, Б. ¹⁷⁾ А, Б, В; въ О: начаша. ¹⁸⁾ А, Б, В; въ О: Филиксви ¹⁹⁾ *нѣтъ* А, Б, В. ²⁰⁾ вселенною А, Б. ²¹⁾ Македонскаго А. ²²⁾ Алимпиады А. ²³⁾ вселенною А, Б, В. ²⁴⁾ *нѣтъ* А. Б. ²⁵⁾ *приб.* и А. ²⁶⁾ вдасть А, Б, В. ²⁷⁾ нарече ю Антїа А, Б, В. ²⁸⁾ Сосеенехъ А. ²⁹⁾ А, Б, В; въ О *нѣтъ.* ³⁰⁾ *нѣтъ* А, Б. ³¹⁾ въ О *носторено:* и свое. ³²⁾ именуемъ А, Б. ³³⁾ *приб.* пакъ В. ³⁴⁾ А, Б, В; въ О: какъ- ³⁵⁾ *нѣтъ* А, Б, В. ³⁶⁾ *нѣтъ* А, Б, В. ³⁷⁾ А, Б, В; въ О: Птоломѣй поживъ лѣтъ 22.

предѣлехъ Симовѣхъ, прародителя своего ¹⁾, и Сеостръ же первѣе всехъ на лица всея земля воцарися во Египтъ отъ колѣна Месренова, и по колѣну его многия лѣта мимоидоша. И отъ его рода нача царствовати нѣкто Филиксъ именемъ; сии бо Филиксъ пооблада вселенною ¹⁾. По Филиксе же во много число лѣтъ воста нѣкій царь во Египте отъ рода его, именемъ Ахтанавъ волхвъ ²⁾; сей роди Олександра Макидонскаго отъ Олимпиады жены Филиповы. Сей второе пооблада вселенную; жить же Александръ 30 лѣтъ и скончася, и предаде Египетъ ряднику своему Птоломѣю. И отъ Птоломѣя Заѣчича ³⁾ до Птоломѣя прокаженнаго премину во Египте Птоломѣевъ 20. А мати же Александрова, по смерти сына своего, возвратися ко отцу своему Еѳиопскому царю Фолу ⁴⁾; Фоль же вда ю ко второму браку за Виза Ахтанавова сродника, Визъ же роди отъ нея дщерь і нарече имя ей Антія, и созда градъ в Сосвенехъ ⁵⁾ и нарече имя граду тому во имя дщери своея и свое Византія, иже

¹⁾ Сообщаемый здѣсь перечень дѣтей и внуковъ Ноя противорѣчатъ библейскимъ извѣстіямъ. (Кн. Бытія, гл. 10; кн. Паралипом. I, гл. 1). Въ Библии упоминаются только три сына Ноя. Арфаксадъ—внукъ Ноя, сынъ Симы. Хусъ и Месранъ—дѣти Хама. Фарсисъ—внукъ Іафета, сынъ Іована. Имя Гандуварія встрѣчается въ византійскихъ хроникахъ. "Οτι διαμερισθέντων τῶν ἔθνων ἀνεφάνη τις ἀνὴρ Ἰυδός ἐκ τοῦ γένους Ἀρφαζάδ, τοῦνομα Ἀνδοῦβάριος, ὃς παρέδωκε τοῖς Ἰυδοῖς ἀστρονομίαν (G. Cedrenus, I, 27 по Боннскому изд.). Это извѣстіе повторяется и въ нашихъ хронографахъ: Въ лѣта же та отъ племени Афраксадова обрѣтесе мужъ нѣкыи муринъ мудръ индіанинъ астрономъ, именемъ Гандуварія, иже и списалъ пръвѣе въ Индіохъ астрономію. (*Истрия*, Александрія русскихъ хронографовъ, стр. 329).

²⁾ Месренъ, Сеостръ, Филиксъ, то-есть, Μεστράριμ (=Μεστρέμ), Σώσις, Φοῦλις; византійскихъ хроникъ. О послѣднемъ изъ этихъ влaстителей Египта сообщается, что онъ παρέλαβε μετὰ δυνάμεως πολλῆς πᾶσαν τὴν γῆν ἕως τοῦ Ὀκεανοῦ (I. Malalae Chronogr. Боннск. изд. 21, 24—25; G. Cedreni Hist. comp. I, 21, 32, 36. Ср. *Полова*, Обзоръ хронографовъ р. ред. I, 19).

³⁾ Ахтанавъ (Νεχταναβῶ, Νεχτεναβῶ, Νεχτέναβος, Ἐχτέναβος), отецъ Александра Македонскаго, извѣстенъ по „Александріи“ и по ея многочисленнымъ отраженіямъ въ позднѣйшихъ греческихъ хроникахъ. (См. напр. *Cedr.* I, 264 *Malal.* 189).

⁴⁾ Птоломей Заечичъ, то-есть, Πτολεμαῖος ὁ Λαίγιος. Такой же переводъ (Птоломей Заечичъ) находимъ въ славянскомъ текстѣ временника Г. Амартола и Лѣтописца патр. Никифора (*Истрия*, op. cit. 287; II. Собр. русск. лѣтоп. IX, стр. XVII).

⁵⁾ О Фоль, отцѣ Олимпиады, упоминается въ словѣ Мееодія Патарскаго. (Памятн. отреч. р. литерат. II, 218. Ср. *Веселовскій*, Phol als aethiopischer König въ *Archiv* въ Ягпча, III, 84—86).

Птоломѣй же ¹⁾ прокаженный имѣя дочь премудру, именемъ Клеопатру, и та *правляше* ²⁾ царство свое ³⁾ подѣ отцемъ своимъ Птоломѣемъ. И въ тоже время Юліи ⁴⁾ кесарь римскій посла зятя своего Антонина стратига римскаго воинствомъ на Египеть. Антонину же пришедшу со многими вой по суку и по морю на брань ко Египту, посла же Клеопатра ко ⁵⁾ Антонину, стратигу римскому, послы своя з дары многими ⁶⁾ (глаголющи) ⁷⁾: «вѣси ли, о стратиге римскій, ⁸⁾ египетское царство и ⁹⁾ богатество, лучше ли есть с покоемъ ¹⁰⁾ царствовать, нежели ¹¹⁾ с малоуміемъ излити крови челоуѣческия». Умиливъ же ся ¹²⁾ Антонинъ, прия ¹³⁾ Египеть бес крове, и посаже зань ¹⁴⁾ царица Клеопатра премудра, и воцарися Антонинъ во Египтъ ¹⁵⁾. Услышавъ Уліе ¹⁶⁾, кесарь римскій, Антониново прерозство, и постави брата своего Августа стратигомъ надѣ ипаты и посла его с четырьмя браты своими и со всею областію римскою на Антонина ¹⁷⁾. И пришедъ Августъ, и ¹⁸⁾ възять Египеть, и уби зятя своего Антонина, а ¹⁹⁾ самъ сяде ²⁰⁾ во Египтъ. И ²¹⁾ възя же ²²⁾ Клеопатру царицу, дочь Птоломѣя ²³⁾ прокаженаго, и посла ю ²⁴⁾ в Римъ в кораблехъ со многымъ богатствомъ Египетскимъ; и ²⁵⁾ Клеопатра ²⁶⁾ уморися ядомъ аспидовымъ во умѣ глаголющи: «лучши ли ²⁷⁾ есть царице ²⁸⁾ Египетской смерть прияти, нежели илѣнницею приведенѣй ²⁹⁾ быти в Римъ» ³⁰⁾.

Восташа же ипаты на Улія ³¹⁾ кесаря, Врутосъ ³²⁾, и Панпліи ³³⁾, и Красть, и убиша его в Римѣ; и скоро приидѣ вѣсть ко Августу во Египеть о Уліевѣ смерти ³⁴⁾. Онъ-же зѣло опечалися о братни смерти ³⁵⁾ и скоро созва вся воеводы и *чиномачальники* ³⁶⁾, и нумеры, и *препроситы* ³⁷⁾, и возвѣщаеть имъ смерть Иулія кѣ-

¹⁾ иже В. ²⁾ А, Б; В; въ О; правящи. ³⁾ Египетское царство А. Б. В. ⁴⁾ Іуліе А; Б, В. ⁵⁾ *имѣ* А, Б. ⁶⁾ со многими дарми А, Б. ⁷⁾ А, Б; въ В; глаголюще; въ О *имѣ*. ⁸⁾ *имѣ* А, Б. ⁹⁾ *слово*: царство и *имѣ* въ А, В. ¹⁰⁾ с покоемъ—*имѣ* Б. ¹¹⁾ не Б. ¹²⁾ умилжсе ся А, Б, В. ¹³⁾ приять А, Б, В. ¹⁴⁾ А, Б; въ О: занеже ¹⁵⁾ *приб.* и А, Б. ¹⁶⁾ Уліе А, Б, В. ¹⁷⁾ Антония В. ¹⁸⁾ *имѣ* А. ¹⁹⁾ *имѣ* Б. и А, В. ²⁰⁾ сяде А. ²¹⁾ *имѣ* А, В. ²²⁾ взятже А, Б; взявъ же В. ²³⁾ *приб.* царя В. ²⁴⁾ *имѣ*, А. ²⁵⁾ *имѣ* А. ²⁶⁾ *приб.* же А; *слова*: уморися... во умѣ *опущены* въ А; въ Б: Клеопатру, она же глаголющи. ²⁷⁾ *имѣ* А. ²⁸⁾ царица В. ²⁹⁾ приведенной А, Б, В. ³⁰⁾ *въ* А и Б *приб.* И уморя себя ядомъ аспидовымъ (аспидовнымъ Б). ³¹⁾ Іуліа А, В. ³²⁾ Врутосъ Б. ³³⁾ Помпійи А, Б. ³⁴⁾ *приб* и Б. ³⁵⁾ *Слова*: онъ же . . . смерти *имѣ* въ А, въ Б иѣтъ *слова*: онъ же зѣло. ³⁶⁾ А, Б, В; въ О: начальники. ³⁷⁾ А, Б; въ О и препроситы.

зовется и нынѣ Костянтинъградъ. Ся о ¹⁾ сихъ; і паки на предлежащее возвратимся.

Птоломѣй же прокаженный имѣ дщерь зѣло премудру, именовъ Клеопатру, ²⁾ и та правяше Египетское царство подо отцемъ своимъ подѣ Птоломѣемъ. И в то время Уліе кесарь римскій посла зятя своего стратига римска, именовъ Антонина, во Египетъ воинствомъ. Антонину же пришедшу со многими вой сухомъ и моремъ на брань ко Египту, посылаетъ же Клеопатра ко Антонину стратигу римскому послы своя со многими дары: «веси ли ся, о стратиге римскіи, египетское богатство, лутше есть с покоемъ царствовать, нежели съ малоумнемъ излнати кровь челоѳическу» ³⁾. Умили же ся Антонинъ и пріять Египетъ бес крови, и посяже занъ парицы Клеопатра премудрая, и воцарися Антонинъ во Египтѣ. И услышавъ Иуліе, кесарь римскіи, Антониново прозорство и постави брата своего Августа стратигомъ надъ ипаты и посла его с четырьми браты своими и со всею областію римскою на Антонина. І прииде Августъ на Египетъ и уби зятя своего бывшего Антонина, а самъ оста на Египтѣ; взять же Клеопатру парицу, дщерь Птоломѣя прокаженнаго, и посла ю в Римъ на кораблехъ со всемъ богатствомъ Египту; и Клеопатра уморится ядомъ аспидовымъ в мори глаголюще: «лутчи есть парицы Египетской смерть пріяти, нежели пленницею приведенной быти в Римъ».

Всташе же ипаты на Улія кесаря Врутосъ и Помпие и Красъ и убиста и мечи своими руками премудраго Иулія, кесаря римска; и скоро прииде вѣсть ко Августу стратигу во Египетъ о Уліевѣ смерти, и скоро созываетъ вся воеводы, и чиновники, и нумеры, и

¹⁾ Въ рукоп. «отъ».

²⁾ Въ хроникѣ Малалы упоминаются двѣ женщины, носившія имя Клеопатры: одна изъ рода Птоломеевъ, другая—изъ рода Селевкидовъ. 1) δωδέκατος δὲ Πτολεμαῖος ἐβασίλευσεν ὀνόματι Διονύσου. ., ὃς ἔοχε θυγατέρα ὀνόματι Κλεοπάτραν καὶ υἱὸν ὀνόματι Πτολεμαῖον. καὶ λοιπὸν τρισχαιδέκατῃ βασίλισσα τῶν Πτολεμαίων Κλεοπάτρα; 2) Μετὰ δὲ Ἀντιόχου τὸν Εὐεργέτην ἐβασίλευσεν ἐκ τοῦ γένους αὐτοῦ ἄλλοι θ' βασιλεῖς ἕως τῆς βασιλείας Ἀντιόχου τοῦ Διονίκου τοῦ λατροῦ τοῦ πατρὸς Κλεοπάτρας καὶ Ἀντιόχου; (Mal. 197, 208; ср. примѣч. Edm. Chilmeadi p. 1551: Quisnam vero sit Antiochus iste Dionicius... fateor me nescire). Въ нашемъ памятникѣ Птоломей Діонисъ и Антиохъ Діоникъ прокаженный соединены въ одно лице.

³⁾ Въ текстѣ родословной книги Клеопатры переданы такъ: „вѣси ли, о преславный стратиге, Египетское богатство лутше есть безъ брани пріяти и съ покоемъ во Египтѣ царствовать, нежели съ малоуміемъ излнати кровь челоѳическія“.

саря римскаго. Они же единогласно рѣша, римляне и египтянѣ: «о преславный стратиже, Улія ¹⁾ кесаря, брата твоего, отъ смерти возставити не можемъ, а твое величество венчаемъ ²⁾ римскаго царства венцемъ ³⁾». И облекоста его во одежду Сеострову ⁴⁾ начальнаго царя Египту, въ порфиру ⁵⁾ и виссонъ, и препоясаста его поясомъ дермидомъ и возложиаста на главу ему ⁶⁾ митру Пора царя индѣйскаго, юже принесъ царь ⁷⁾ Александръ Макидонскій ⁸⁾ отъ Индѣя, и приодѣша ⁹⁾ по плещема окройничего царя Филикса владѣющаго ¹⁰⁾ вселенною и радостно воскликнуша велимъ ¹¹⁾ глаголюмъ: «радуйся, Августе, цесарю Римскіи и всея вселенныя!» ¹²⁾.

Въ лѣто 5457 Августу кесарю Римскому градушу во Египеть съ своими ипаты, яже ¹³⁾ бѣ ¹⁴⁾ власть его ¹⁵⁾ Египетская рода суща ¹⁶⁾ Птоломѣева. И стрѣте его Иродъ Антипатровъ, творя ему велие послуженіе вои и ¹⁷⁾ пищею и дарми. Предаде же Богъ Египеть и Клеопатру въ руцѣ Августу. Августъ же начатъ дань подкладати на вселенней. Постави брата своего Патрекіа ¹⁸⁾ царя Египту, Ангусталіа, другаго брата своего, постави Александрии властодръжца, Ирода же Антипатрова Асколовятина ¹⁹⁾ за многіе ²⁰⁾ его почести постави царя надъ Июдѣи ²¹⁾ въ Іерусалимѣ, Асію же поручи Евлагерду сроднику своему, Лирика ²²⁾ брата своего постави в повершіи *Истра, Піона* ²³⁾ постави во отоцехъ златыхъ, иже нынѣ нарицаются ²⁴⁾ Угрове и ²⁵⁾ Пруса ²⁶⁾ сродника своего постави ²⁷⁾ в брезѣ Вислы рецѣ ²⁸⁾ в градѣ Марборокъ и Турнъ и Хвоица ²⁹⁾ и пресловыи Гданескъ и ныи многи ³⁰⁾ грады по реку, глаголемую Нѣмонъ. впадшую въ море. И жить Прусъ многа времена лѣтъ и до четвертаго роду ³¹⁾; оттоле и до сего времени зовется Прусская земля.

¹⁾ Іуліа А; Іулія В. ²⁾ *приб.* венцемъ А, Б, В. ³⁾ *нѣтъ*, А, Б, В. ⁴⁾ А, Б, въ О: в сеострову. ⁵⁾ перфиру А. ⁶⁾ его А, Б. ⁷⁾ *нѣтъ* А, Б. ⁸⁾ *нѣтъ* А. ⁹⁾ *приб.* его А, Б, В. ¹⁰⁾ владущаго А, Б. ¹¹⁾ великимъ Б. ¹²⁾ *далѣе въ О пропускъ до-словъ*: яко да пошлете въ прусскую землю⁴; *недостающее пополнено по ст. А.* ¹³⁾ Иже В. ¹⁴⁾ *нѣтъ* В. ¹⁵⁾ *нѣтъ* В. ¹⁶⁾ *нѣтъ* В. ¹⁷⁾ *нѣтъ* Б. ¹⁸⁾ Патриккіа Б. ¹⁹⁾ Асколотянина В. ²⁰⁾ *приб.* ради Б, В. ²¹⁾ Индѣею, ²²⁾ Лирика Б, а Лирика В. ²³⁾ Б; Истратиона А; Истранциона В. ²⁴⁾ нарицаются Б. ²⁵⁾ а В. ²⁶⁾ Просу Б. ²⁷⁾ *нѣтъ* Б, В. ²⁸⁾ рецѣ Б. ²⁹⁾ Хвоини Б, В. ³⁰⁾ ныи многи В. ³¹⁾ *приб.* и Б, В.

препоситы и возвещаетъ имъ смерть Иулія кесаря римскаго. Они же единогласно рѣша, римляне и египтяне: «о преславный стратиже, Иуліе кесарю, а отъ смерти его воставити не можемъ, а твое величестіе венчеваемъ венцемъ римскаго царства ¹⁾ в похвалу добродѣемъ, а в мѣсть злодѣемъ». И облекоста я во одежду царя Сеостра, началнаго царя Египту, въ пореиру и виссонъ, і препоясаста и поясомъ еелрмидомъ ²⁾ и возложиста на главу ему митру царя Пора индѣйскаго, юже принесе Александръ Макидонскій отъ Индія, и приодеша и по плещамъ окройницею царя Филикса владущего вселенною, содѣланною отъ самбукиа, и радостнѣ вси воскликнуша велимъ гласомъ: радуйся!

Августъ же начатъ рядъ покладати на вселенную: постави брата своего Патрекия царя Египту и Августалия брата своего Александрѣи властодержца постави и Кириѣя ³⁾ Сиріи властодержца положи, и Ирода же Антипатрова отъ Аманитъ за многія дары и почтенія постави царя еврейска во Еросалиме, а Аспию всю поручи Евлагероду сроднику своему, и Илирика брата же своего постави в повершии Истра, ⁴⁾ и Пиона поставивъ в Затоцехъ Златыхъ, иже нынѣ наричютца Угровѣ ⁵⁾, а Пруса в брезехъ Вислы рѣки во градѣ, глаголемый Мамборокъ, и Турокъ, и Хвойница, и пресловы(й) Гданескъ и иныхъ многихъ градовъ по реку глаголемую Нѣмокъ,

¹⁾ Ἐν Ῥώμῃ μόνος Αὐγουστος Ῥωμαίων μοναρχεῖ, διαβητα πρῶτος καὶ κόσμον τὰ τε λοιπὰ περιέμενος βασιλικὰ σύμβολα. (*Georg. Syncelli Chron.* Бонн. изд. 589).

²⁾ Въ „Книгѣ, глаголемой Козмографія“ читаемъ: „Страна Угорская и Ческая... нарицалися они Златыя Отоцы, что златыя руды копаютъ множество и златыя угорскія идуть по всей земли“ (*Поповъ, Изборникъ статей, внесенныхъ въ хронографы*, стр. 462).

³⁾ Въ Сказаніи о князехъ Владимірскихъ и Родословцѣ: „поясомъ дермидомъ“. Дермидъ, дермидъ=въльръमितъ, въльръमितъ, т. е. *vermiculatus, vermilius, vermilius* (красный, алый). Въ Шестодневѣ Іоанна ексарха Болгарскаго находимъ такое описаніе княжескаго наряда: „аще се прилоучятъ емоу и кнеза видѣти съдеца въ срацѣ бисромъ покыданѣ, гривною цетавоу на выи носеща и оброчи на роукоу, поясомъ въльръмитомъ поясана и мечъ златъ при бедрѣ висещъ“. (*Горскій и Невоструевъ, Описаніе рукоп. Моск. синод. библиот.* II, 1, стр. 22; *Востоковъ, Словарь цсл. яз.* 123; *Срезневскій, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка*, вып. I, 384).

⁴⁾ Извѣстіе о Кириѣи взято язъ Евангелія Луки (гл. II, ст. 1—2): „Въ тѣ дни вышло отъ Кесаря Августа повелѣніе сдѣлать перепись по всей землѣ. Сія перепись была первая въ правленіе Квирина Сирією (ἡγεμονεύοντος τῆς Χωρίας Κυρηναίου)“. Въ бѣлорусскомъ спискѣ Родословца извѣстіе намѣнено: «Кириѣи і Сирѣи положи властодрѣца Ирода Антипатрова» (Чтенія въ Общ. Исторіи и древн. росс. 1889 г., кн. 3, стр. 69).

⁵⁾ въ рукописи: „поверши листра“.

И в то время нѣкин воевода Новгородскій ¹⁾, именемъ Гостомысль, скончаваетъ свое житіе и созва ²⁾ владѣльца Новгорода и рече имъ: о мужне Новгородстѣи, ³⁾ совѣтъ даю вамъ азъ, яко да пошлете въ Прусскую землю мужа мудрѣя ⁴⁾ и призовите отъ тамо ⁵⁾ сущихъ роловъ владѣльца себѣ ⁶⁾. Они же шедше въ Прусскую землю ⁷⁾, обрѣтоша тамо нѣкоего князя, именемъ Рюрика, суца отъ рода римска ⁸⁾ Августа царя, и молиша князя Рюрика посланницы отъ всѣхъ Новгородцевъ ⁹⁾, дабы шелъ к нимъ княжити. Князь же Рюрикъ пришедъ ¹⁰⁾ въ Новгородъ, имѣя с собою два брата, имя единому Труворъ, а другому ¹¹⁾ Синеусъ, а третей племянникъ его с ним ¹²⁾, имянемъ Олегъ; и отъ того времени ¹³⁾ нареченъ бысть великій Новградъ ¹⁴⁾, и нача князь великій Рюрикъ первыи княжити въ немъ въ лѣто 6375 ¹⁵⁾. Отъ ¹⁶⁾ великаго князя Рюрика ¹⁷⁾ великій князь Владимерь 4-е колѣно ¹⁸⁾, иже просвѣти ¹⁹⁾ русскую землю святымъ крещеніемъ въ лѣто 6496 ²⁰⁾.

Поставление великихъ князей русскихъ откуду бѣ, и како начаша ся ставити на великое княженне святыми бармами и царскимъ венцемъ ²¹⁾.

В лѣта 6622 бысть сиі князь великій Владимерь Всеволодовичъ ²²⁾ Манамахъ, князь великій киевскіи, правнукъ великаго князя Владимера, просвѣтившаго ²³⁾ Русскую землю, отъ него же 4-е колѣно. Той бо Мономахъ прозвася отъ таковыя вины ²⁴⁾.

Егда сѣде въ Киевѣ на великое княженне ²⁵⁾, начатъ свѣтъ творити со князі ²⁶⁾ своими и з боляры и с велможи, глаголя ²⁷⁾ тако рече: ²⁸⁾ «егда азъ малъ смь ²⁹⁾ преже мене царствовавшихъ и хорюгви правящихъ ³⁰⁾ скипетра великия (Росія) ³¹⁾, якоже князь

1) .Ноугородскій В. 2) *приб.* вся В. 3) Ноугородствѣи В; Новгородцы В. 4) мудры А, Б. 5) тамо отъ А. 6) к собѣ владѣльца А, Б. 7) *приб.* и А, Б, В. 8) римскаго А, Б, В. 9) Ноугородцевъ Б. 10) приде А, Б. 11) второму В. 12) *словъ:* с нимъ *нѣтъ* А, Б. 13) *вмѣсто:* отъ того времени—оттоле А, Б. 14) Новгородъ А. 15) *словъ:* въ лѣто 6375 *нѣтъ* А, Б. 16) и отъ Б. 17) *приб.* четвертое колѣно А, Б. 18) *нѣтъ* А, Б. 19) просвѣтилъ А, Б, В. 20) *въ* В это хронологическое указаніе отнесено къ началу разказа о Владимірѣ Мономахѣ 21) *Замѣсія нѣтъ;* А, Б. 22) Всеволодичъ В. 23) крестившаго В. 24) Въ А и Б начало разказа о Владимірѣ Мономахѣ изложено такъ: А отъ великаго князя Владимера четвертое колѣно князь великій Владимерь Всеволодичъ Манамахъ правнукъ. 25) на великомъ княженіи А, Б. 26) съ князми А, Б. 27) *нѣтъ* А, Б. 28) такъ рекъ В. 29) есмь А. 30) А Б В; въ О: правяще. 31) В; Русія А, В; въ О *нѣтъ*.

впадшую в море ¹⁾; и уселися ту Прусь многими времени дѣтъ, пожить же до четвертого роду по колѣну племени своего; и до сего часа по имени его зовется Прусская земля. И сїя о сїхъ.

И в то время нѣкїи воевода Новгородцкии, именовъ Гостомысль, скончаваеъ житїе и создавъ владалца сущая с нимъ Новгородца и рече: совѣтъ даю вамъ, да послете в Прусскую землю мудры мужа и призоветъ князя отъ тамо сущїхъ родовъ римскаго цря Августа рода. Они же шедше въ Прусскую землю и обрѣтоша тамо нѣкоего князя именовъ Рюрика, суца отъ рода римска царя Августа, і молиша его посланми всехъ Новгородцовъ. Князь же Рюрикъ приде к нимъ в Новгородъ і имѣ с собою два брата, имя единому Труворъ, а другому Синѣусъ, а третїи племянникъ, именовъ Олегъ; и оттоле наречень бысть Новгородъ великїи; княжевъ с нимъ князь великїи Рюрикъ, и отъ великого князя Рюрика четвертое колѣно князь великїи Володимеръ, просвѣтивый землю рускую святымъ крещенїемъ, нареченный во святомъ крещенїи Василен; и отъ него четвертое колѣно князь великїи Володимеръ Всеволодичъ.

И совѣтъ творяше со князми своими и з бояры своими и с велможамїи и з бояры глаголя: «егда азъ есмї конѣши преже мене державствовавшихъ и хорогови правящихъ скипетра великїи Росїи, яко тои князь великїи Олегъ ходилъ и взять с Константинаполя, с новаго Рима, по главамъ данъ и здравъ возвратиса во своя сїи; и потомъ князь великїи Святославъ Игоревичъ, пореколь имый Лехкїи, и иде в ладїяхъ на двою тысящъ и седмью сотъ и взять на Костентинове граде тяжчаишую данъ и возвратиса во своя отечество, Киевскую землю, и скончаваеъ житїе. А мы есмї наслѣдницы прародителей своихъ и отца моего Всеволода Ярославича и наслѣд-

¹⁾ Перечень поставленныхъ Августомъ правителей представляетъ смѣсь историческихъ именъ (Иродъ, Кирией) и титуловъ, принятыхъ за имена собственные (Августалїй, Патрикїй). Что касается имени Пруса, то оно извлечено, конечно, изъ названїи страны и народа, но что могло дать основанїе конечно, только призрочное) сблизить этого Пруса съ Августомъ? Не привѣшалось ли тутъ воспоминанїе о пасынкѣ Августомъ Друзъ и его походахъ въ Германїю? Къ владѣнїямъ Пруса причисляются, кромѣ Гданска, Мамборокъ (Марьборокъ, то-есть, Marienburg, польск. Malborg), Хвойница (польск. Chojnice, нѣм. Kopitz. См. Головицкїй, Геогр. словарь зап.-слав. земель, 189, 38), Турокъ (=Турогъ, въ Степной книгѣ Туронъ, то-есть Торунъ, нѣм. Thorn). Нѣмокъ (=Немьанъ, Немонъ) —Нѣманъ. Подобно имени Пруса образованы имена Илирика и Піона (ср. «Пеони глаголемъи Угри, иже сами нарицаются Магеръ» въ Повѣсти о латынѣхъ. Цоловъ, Полем. соч. 187).

великіи Олегъ ходилъ и възьялъ со ¹⁾ Царяграда велию ²⁾ дань на вся воя своя ³⁾ и потомъ великіи князь Всеславъ Игоревичъ ходилъ и възьялъ на Константинѣ градѣ тяжчаишую дань. А мы есмь ⁴⁾ Божиею милостию настолиницы своихъ прародителей и отца своего ⁵⁾ великого князя Всеволода Ярославича и наслѣдницы тоя же чести (отъ Бога) ⁶⁾ сподоблены, ⁷⁾ и нынѣ убо ⁸⁾ съвѣтъ ⁹⁾ ішу отъ васъ, моя полаты, князей, и бояръ, и воеводъ и всего надъ вами ¹⁰⁾ христоролюбиваго воинства, и ¹¹⁾ да превознесетъ ¹²⁾ имя святыя и ¹³⁾ живоначалныя Троица ¹⁴⁾ ваша ¹⁵⁾ храбрости могутствомъ Божиею волею с нашимъ повелѣниемъ, и кии ми ¹⁶⁾ съвѣтъ ¹⁷⁾ воздаете? Отвѣщаста же великому князю Владимиру Всеволодовичю ¹⁸⁾ князи и бояря ¹⁹⁾ его и воеводы и рѣша ему ²⁰⁾: «сердце царево в рупѣ Божіи, якоже есть писано ²¹⁾, а мы есмь ²²⁾ вси раби твои ²³⁾ подъ твоею властію ²⁴⁾». Великіи же князь Владимиръ збираетъ ²⁵⁾ воеводы благоискусны и благоразумны и благоразсудны, ²⁶⁾ поставляетъ чиновачальники ²⁷⁾ и сотники и пятидесятники, и совокупи многи тысяща ²⁸⁾ воинствъ ²⁹⁾ и отпусти ихъ на Фракию Царяграда бласти, и поплѣниша ихъ ³⁰⁾ довольно, и возвратишася со многимъ богатствомъ здрави во свояси).

1) зъ В. 2) великую А, Б. 3) *приб.* и здравъ во своя си возвратися А, В, В. 4) *кътъ* А; есмь В. 5) моего Б. 6) А, Б, В. 7) *кътъ* А, Б. 8) *кътъ* А, 9) совѣта Б 10) *словъ*: надъ вами *кътъ* въ А, Б. 11) *кътъ* А, Б. 12) вознесеть А. 13) *кътъ*. В. 14) *приб.* и А. 15) ваша А. 16) нѣтъ А. 17) отвѣтъ противу А. 18) Всеволодичю А, Б, В. 19) бояре А, Б. 20) *словъ*: и рѣша ему *кътъ* въ А, Б. 21) *словъ*: якоже есть писано *кътъ* въ А, Б. 22) *кътъ* А; есмь В. 23) *приб.* и В. 24) всѣ в твоей воле А, Б. 25) собираетъ А. 26) *приб.* и А. 27) *приб.* надъ различными чины борѣнія, тысящники.. В; въ А и В: надъ различными воинствами, тысящники, сотники, пятидесятники надъ различными чинми боренія и совокупи.. 28) тысяща А. 29) воинства А, Б. 30) *кътъ* А, я Б. 31) *словъ*: здрави во свояси *кътъ* въ А, Б.

ницы тоя же чти отъ Бога. и совѣта ницу отъ васъ, моя полаты князи, и бояре, и воеводы, и всего подъ вами христолюбиваго воинства, да превознесетъ имя живоначальныя Троица вашня храбрости могутствомъ Божію волею с нашимъ повелѣниемъ, кѣи ми совѣтъ воздаваете?» Отвѣщаста же великому князю Володимиру Всеволодичю (послѣди нареченъ Манамахъ) князи, и болярове, и воеводы его, рѣша: «серце царево в руцѣ Божіи, якоже писашеся, а мы есми въ твоей воли, государя нашего по Бозѣ». Великии же князь Володимеръ зъбираетъ воеводы благоискусныя і мноразумныя и поставляетъ чиновники надъ различнымъ воинствомъ, тысящники, и сотники, и пятидесятники надъ различными чины борѣния, и совокупи многия тысяща воинства, и отпусти я а на Оракию Царяград(а), и плениша ю довольно, и возвратишася со многимъ богатствомъ во здравие мнозѣ во своя си. И сия о нихъ тако.

В та бо времена въ лѣто 600(0)-ное 550-го отвержеся Римъ, испаде папа Формозъ отъ вѣры ¹⁾, Царю же Костянтину Манамаху о таковыхъ вещехъ во мнозѣ печали сущу, собираетъ соборъ по совѣту царску и по благословенію святѣйшаго патрiарха Киръ Лария ²⁾; и воспосылаютца скорѣйшая посланья ко другимъ патрiархамъ, ерусалимску і александръску і антиохѣиску. И паки тѣ посланницы вскоре возвратишася и послы тѣхъ патрiархъ и съ ихъ послами і совѣтомъ духовнымъ. І совѣщаста святѣйшии вселенскии патрiархъ Кир-Ларье ³⁾ и боголюбивыи царь Костянтинъ, глаголемыи Манамахъ, совѣтомъ вселенскаго собора четырехъ патрiархъ и сущихъ подъ ними митрополитъ і епископъ даже и до нижнихъ чиновъ ⁴⁾, сирѣчь до ерѣи, и діаконъ, и поддьяконъ, извергоста папино имя ис паралипомѣна церковныхъ престолъ четырехъ патрiархъ вселенскихъ; і отъ тѣхъ временъ и лѣтъ даже до сего часа лы-

¹⁾ Формозъ жилъ не въ XI (6550—1042 г.), а въ IX столѣтіи (былъ папой 891 — 896 г.). Имя Формоза повторяется во многихъ древне-русскихъ сочиненіяхъ противъ латинянъ (*Поповъ*, Обзоръ полем. соч. пр. лат. 5, 142, 183, 388), а также въ сочиненіяхъ старообрядцевъ (Ср. *Гилляръ-Платоновъ*, О папѣ Формозѣ въ *Писаньяхъ къ твор. св. отцевъ*, 1855, ч. XIV, кн. 2, 239—277. Воспоминанія о Формозѣ встрѣчаются въ сборникахъ повѣстей и сказокъ *Isländische Legenden, Novell n und Märchen*, hrsg. v. *N. Gering*, № XII).

²⁾ въ рукоп. Лария.

³⁾ Киръ-Ларий, Кир-Ларье. то-есть Михаилъ Кирларій (Μιχαήλ ὁ Κηρουλάριος) патрiархъ Константинопольскій (1043—1059). Соборъ по поводу известнаго посольства отъ папы Льва былъ въ 1054 г.

⁴⁾ Въ рук. «даже и до ниже чиновности рече до ерѣи».

Тогда ¹⁾ бѣ во Цареградѣ ²⁾ благочестивый царь Костянтинъ ³⁾ Манамахъ, и в то время брань имѣя ⁴⁾ с Персы и с Латыны ⁵⁾. И составляетъ ⁶⁾ съвѣтъ благъ ⁷⁾ премудрый царскіи ⁸⁾, отряжасть убо ⁹⁾ послы своя ¹⁰⁾ к великому князю Владимиру Всеволодовичю ¹¹⁾ митрополита Ефесскаго Неофита отъ Асія ¹²⁾ и с нимъ два епископа, Митулинскаго и Мелетинскаго ¹³⁾, и стратига ¹⁴⁾ антхоийскаго, игѣмона Иерусалимскаго Иеустафия ¹⁵⁾ и иныхъ своихъ благородныхъ. Отъ своея же царскія ¹⁶⁾ выя снимаетъ ¹⁷⁾ животворящій крестъ отъ самого животворящаго древа, на немъже распятъ владыка Христосъ, снимаетъ ¹⁸⁾ же отъ своея главы ¹⁹⁾ царскій венецъ и поставляетъ его на блюде злате; повелѣваетъ же принести крабѣйцу ²⁰⁾ сердоликову, из нея же Августия ²¹⁾ царь римскіи ²²⁾ веселящися, ²³⁾ посылаетъ же ²⁴⁾ и ожереліе, сирѣчь святія бармы ²⁵⁾, иже на плещу свою ²⁶⁾ ношаше ²⁷⁾, и чепъ отъ злата аравитскаго ²⁸⁾ скованну ²⁹⁾ и ныи многи дары царскія, и дасть ³⁰⁾ ихъ митрополиту Неофиту и ³¹⁾ епископомъ ³²⁾ и своимъ благороднымъ посланникомъ, и отпусти ³³⁾ ихъ къ великому князю Владимиру Всеволодовичю ³⁴⁾ моля его (и) ³⁵⁾ глаголя: «Пріими отъ

¹⁾ *приб.* же В. ²⁾ Цариградѣ Б. ³⁾ Константинъ А. ⁴⁾ имый Б. ⁵⁾ латынею А, В. ⁶⁾ *приб.* же В. ⁷⁾ *нѣтъ* А, Б. ⁸⁾ мудрѣи царскыи А. ⁹⁾ *нѣтъ* А, В. ¹⁰⁾ *нѣтъ* А, Б. ¹¹⁾ Всеволодичю А, Б. ¹²⁾ *словъ:* отъ Асія *нѣтъ* А, Б. ¹³⁾ Милитинскаго В; въ А и В: два епископа Милитинска А, Б. ¹⁴⁾ антпата А, Б. ¹⁵⁾ Еустаѳіа А, Б. ¹⁶⁾ *нѣтъ* А, Б. ¹⁷⁾ съемлетъ А. ¹⁸⁾ съемлетъ А, Б. ¹⁹⁾ *приб.* и В. ²⁰⁾ крабѣйцу А, Б, В. ²¹⁾ Августуса Б. ²²⁾ *нѣтъ* А. ²³⁾ А, Б, В; въ О: веселящися. ²⁴⁾ *нѣтъ* А, Б. ²⁵⁾ *словъ:* сирѣчь святія Бармы *нѣтъ* А, Б. ²⁶⁾ своею А, Б. ²⁷⁾ *нѣтъ* въ О и В. ²⁸⁾ аравіска А, Б; арависка В. ²⁹⁾ исковану А. Б. ³⁰⁾ предаде А, Б. ³¹⁾ со А, Б. ³²⁾ епископы А, Б. ³³⁾ посла, А Б. ³⁴⁾ Володимеру Всеволодичю А, Б. ³⁵⁾ А.

тають отъ православныя вѣры отпадшии, наречени быша латыня, и к тому не поминается папино имя въ церковныхъ преданиехъ отъ четырехъ патриаршескихъ престолъ вселенскихъ. Сеи бо блядивныи Ѳормось не нарицаемъ отголе папа, но отступникъ ¹⁾ православныя вѣры нашия, юже прияхомъ благовѣстиемъ Господа нашего Іса Христа Сына Божія, Слова и Бога, и святыхъ ученикъ его проповеданми, вселѣнскихъ седми соборъ преданми. Сеи бо окаянный Ѳормось пресѣче живоначалныя Троица составъ и впаде в латынскіи языкъ, четвертое лице въ Божествѣ, еже исходити Духу Святому и отъ Сына, блядословляше; мы же, православія ученицы, исповѣдуемъ безначална Отца и безначална Сына Его Слова и сопрестолна суща Святаго Духа, исходяща ис Пречистыхъ вѣдръ отчихъ, единасущна бо есть Троица, Отець, и Сынъ, и Святыи Духъ. И сия о сихъ; мы же паки на вредлежащее поидемъ.

Царь же боголюбивыи Костянтинъ Манамахъ составляетъ совѣтъ и отряжаетъ послы к великому князю Володимеру Всеволодичю в Киевъ и в Володимеръ Неонята митрополита отъ Асія Ееескаго и с нимъ два епископа Митѣлейска и стратига антиохиска і авеусталия александрейска и гермона ерусалимска Еустаоѣя, и отъ своея выи приемлетъ животворящии крестъ отъ самого животворящего древа, на немже распятся владыка Христось, снем же с своея главы вснецъ царскіи поставляетъ его на блюде злате; повелеваетъ же принести и крабицу сердоликову, из нея же Августъ кесарь римскіи веселяшеса, и ожерелие, иже на плещу своею ношаше, и капыю ²⁾, иже отъ злата аравитьска исковану, и змирну со многими благовоными цвѣты Индіискія земля составлену, и ливанъ отъ злата аравитска трема смѣшеніе имати, и ины многи дары, и предаеть ихъ митрополиту Неоненту со епископы и своимъ благороднымъ рядникомъ и посылаетъ ихъ к великому князю Володимеру Всеволодичю в Киевъ: «Принми отъ насъ, о боголюбивыи и благовѣрныи княже, сия честная дорове отъ начатокъ вѣчнаго твоего родства поклонения на славу и честь и венчание твоего волнаго и самодержавнаго царства; имже начнутъ ты молити наши пословѣ, и мы отъ твоего благолюбія просимъ мира и любвѣ, да церкви Божия без мятежа будутъ и все православне в покои пребудутъ подъ сущемою властію нашего царства и твоего волнаго самодержавства великія Росія, да

¹⁾ Въ рукоп. „не нарицаемъ, но отголе папа отступникъ“...

²⁾ Кація, кація—ручная кадильница (Словарь цсл. и русск. яз. изд. II, в. Указ. Акты арх. эксп. I, 469).

насть, ¹⁾ боголюбивыи и благовѣрныи ²⁾ княже, снѣ честныи дарове ³⁾ (иже отъ начатка ⁴⁾ вѣчныхъ лѣтъ твоего родства ⁵⁾ и *поколѣнія* ⁶⁾ царьскихъ ⁷⁾ жребіи на славу и честь ⁸⁾ на венчаніе твоего (волнаго) ⁹⁾ и самодержавнаго царствія ¹⁰⁾. О немъ же ¹¹⁾ начнуть молити тя ¹²⁾ наши посланницы, что мы отъ твоего благородія просимъ мира и любви, яко да ¹³⁾ церкви Божія (безмятежна) ¹⁴⁾ будетъ ¹⁵⁾ и все православіе въ покои *да* ¹⁶⁾ пребудеть подѣ сущен (властїю) ¹⁷⁾ нашего царства и твоего волнаго самодержавства великія Росія, ¹⁸⁾ да нарицаешися ¹⁹⁾ боговенчанныи царь, венчанъ симъ царскимъ венцемъ рукою святѣйшаго митрополита Кирь Неофита съ епископы». И с ²⁰⁾ того времени князь великіи Владимиръ Всеволодовичъ ²¹⁾ наречеса Манамахъ, царь великія Росія ²²⁾, и потомъ пребыста ²³⁾ прочаа времена съ царемъ Константиномъ ²⁴⁾ князь великіи Владимиръ ²⁵⁾ въ мирѣ ²⁶⁾ и любви. Оттогда ²⁷⁾ и донныи тѣмъ царскимъ ²⁸⁾ венцемъ венчаются ²⁹⁾ великіи князи Владимерстія, его же присладе греческіи царь Константинъ Манамахъ егда поставятся ³⁰⁾ на великое княженіе росіинское ³¹⁾. Преставися князь великіи Владимиръ Клевскіи Монамахъ въ лѣто 6632, княжилъ въ Киевѣ лѣтъ 13, а живе всѣхъ лѣтъ 73, и положенъ бысть во святѣи Софѣи въ Киевѣ мая въ 19 день. ³²⁾

В царство же Константина Манамаха отлучися отъ Цариграда Церкви и отъ правыи вѣры отпаде римскіи папа Формосъ ³³⁾ и уклонися въ Латынство. Царь же Константинъ и святѣйшии патриархъ Кирь Иларіе повелѣ собратися собору во царствующи градѣ, святѣйшии патриарси Александринскіи и Антиохійскіи і Ерусалимскіи, и сихъ совѣтомъ благочестивыи царь ³⁴⁾ Манамахъ съ святымъ вселенскимъ соборомъ, четырьми патриархи, и митрополиты, и епископы, (и) перфи, извергоша папино имя не поминаней церковныхъ и отлучиша его отъ четырехъ патриархъ и отъ православныи вѣры отпадна; и отъ того времени и донныи лятають, наре-

кошася латыня; мы же, православнии крѣтяне ³⁵⁾, исповѣдаемъ святую Троицу, безначалнаго Отца съ едиnorodнымъ Сыномъ и *с пресвятымъ единъ сущимъ и животворящимъ Духомъ* ³⁶⁾ во единомъ Божествѣ, вѣруемъ и славимъ и покланяемъся.

¹⁾ *приб.* о А. В. ²⁾ *словъ:* и благовѣрныи *нѣтъ* А. ³⁾ дары А. ⁴⁾ начала В. ⁵⁾ благородія В. ⁶⁾ А, Б, В; въ О: поколѣнн. ⁷⁾ царьскіи А. Б. ⁸⁾ *приб.* и А. ⁹⁾ А, В ¹⁰⁾ *приб.* и А. ¹¹⁾ *словъ:* твоего.. о немъ же *нѣтъ* В. ¹²⁾ молитися В. ¹³⁾ *нѣтъ* А. Б. ¹⁴⁾ Б; безмятежно А. ¹⁵⁾ будутъ А. ¹⁶⁾ Б; въ О: и; *нѣтъ* В. ¹⁷⁾ А, Б. В. ¹⁸⁾ *приб.* яко А, Б, В. ¹⁹⁾ *приб.* отседе А. Б. ²⁰⁾ отъ А, Б. ²¹⁾ Всеволодичъ А. ²²⁾ Русія А. ²³⁾ пребысть А, Б. ²⁴⁾ *слѣдующи* *нѣтъ* *словъ:* князь великіи Владимиръ въ мирѣ и любви *нѣтъ* Б. ²⁵⁾ *словъ:* князь великіи Владимиръ *нѣтъ* А. ²⁶⁾ смиреніи А. ²⁷⁾ И оттогда А, Б. ²⁸⁾ *нѣтъ* А, Б. ²⁹⁾ *приб.* царскимъ А, Б. ³⁰⁾ ставится А, Б. ³¹⁾ руское А, Б, В. слѣдующаго далѣе извѣстія о смерти Владимира Монамаха *нѣтъ* въ А и Б. ³²⁾ здѣсь оканчиваются списки О и В. Последній отдѣлъ (каванія) издается по спискамъ А и Б. ³³⁾ Формасъ Б. ³⁴⁾ *приб.* Константинъ Б. ³⁵⁾ Хрестіане Б. ³⁶⁾ Б; въ А: пресвятѣй единосущный и животворящій Духъ.

нарицаешися отселе боговѣнчанныи царь вѣнчався ¹⁾ симъ царскимъ вѣнцемъ рукою святѣйшаго митрополита Неонита и съ епископы». И отъ того времени князь великий Володимиръ Всеволодовичъ наречеса Манамахъ и царь великий великия Росия, и отъ того часа тѣмъ вѣнцемъ царскимъ, что присла великий царь греческий Константинъ Манамахъ, вѣнчаются вси великие князи Володимерския, сгда ставятся на великое княжение руское, якоже и сие волныи и самодержаць царь великия Росия Василей Ивановичъ второйнадесять по колѣну отъ великого князя Володимера Манамаха, а отъ великого князя Гюрика 25-е колѣно, и братья его Ивановичи и Андрѣевичи.

Сия убо, аще и грубъ, изрекохъ скудостью домысла, пачеже старостию одержимъ многию, имамъ бо лѣтъ отъ роженія много девятьдесять и едино, но паче увидѣхомъ отъ историкя Гаднуярия нѣкоего именовъ отъ рода Армаксадова, первие исписавшу астрономию во Асирью Еврѣйска и о ка²⁾ питуды Римскы. Не просто бо глагслеть государей нашихъ поколѣнства благочестія удръжавшихъ православныи вѣры, родомъ бо ихъ начатокъ отъ Месрема внука Ноева. Претече же нынѣ до великого князя Василя Ивановича волнаго самодержца и царя лѣтъ 4000 осмъ сотъ. А царству ихъ начатокъ отъ Сеостра (и отъ Августа) ³⁾ кѣсаря римска и царя, сей бо Августъ пооблада вселенною.

¹⁾ въ рукоп. вѣнчая.

²⁾ Здѣсь оканчивается текстъ старинной рукописи; остальное написано (на вpletенномъ въ рукопись листѣ) рукой Строева.

³⁾ слова: „и отъ Августа“ въ рукоп. пропущены.

VI.

Походъ Владиміра Мономаха къ Царюграду ¹⁾.

Сей же благовѣрный великій князь Володимеръ Всеволодовичъ украшенъ добрыми нравы и прослытый в побѣдахъ, его-же имени вся страны трепетаху, понеже бо онъ всею душою возлюбилъ Господа Бога і возлагая все упование на всдержителя Бога, во время же княжения своего собралъ вои многи и иде во Греки ко Царюграду, тогда же во Царѣградѣ царствующу Константину нарицаемому Мономаху. Онъ же со многими войнствомъ прииде ко Царюграду і посла ко царю: «Аще не покоришимся, то вскорѣ градъ возму и васъ всѣхъ подъ мечъ подклоню». Царь же со всеми гражданы убоявшеся и дающе дань, что хоцещи. Князь же великій Владимиръ: «не хошу убо ни злата, ни сребра взяти», токмо прошаше у нихъ: «дайте ми диадиму, снѣ рѣ пореиру царскую, да шапку, да скипетръ державы греческаго царствія, и азъ градъ вашъ свободу и миръ с вами сотворю». Царь-же і вси люде ради быша прошенію его і вынесоша к нему диадиму, снѣ рѣ пореиру, да шапку царскую, да скипетръ, державу греческаго царствія. Онъ же прия у нихъ с великою любовію і честію и отступи отъ града, сотвори с ними вѣчный миръ; и прииде во свою отчину в богоспасемый градъ Кіевъ с великою побѣдою и честію. И какъ великому князю Владимиру прилучися время причаститися божественныхъ таинъ, тогда возлагаше на себя пореиру царскую и шапку и тако причащаяся божественнымъ тайнамъ со страхомъ и трепетомъ. Всемилостивый же человекълюбець Богъ за его премногую добродѣтель покори ему многи страны і языки, прозвася имя его во всеі вселеннѣи: Царь и великій князь Владимиръ Всеволодичъ, нарицаемый Мономахъ, всеа великия Росені самодержецъ. Прия даръ отъ Бога: егда в церковь вниде, слыша божественное пѣніе, слезы испущаше и молитву ко владыцѣ Христу творяше отъ всеа души своея, і милостыню требующимъ раздая доволну. И исполни лѣта живота своего в доброденствіи і в покое безмятежно ²⁾.

(Рукоп. Московской синод. бібліот. № 964, л. 316—317.

¹⁾ Ср. выше стр. 139.

²⁾ ср. въ Степ. книгъ т. I, стр. 246—247 (по изд. Миллера).

VII.

Новгородскіе разбойники Кій, Щекъ и Хоривъ ¹⁾).

В тѣ времена и лѣта Олговы бысть в великомъ Новѣградѣ и нѣщии мужы воины, си ре разбойницы лютиі, три брата: перьвый братъ Кій, вторый братъ Щекъ, третии братъ Хоривъ, да у нихъ сестра Лыбѣдъ, такоже была храбра и велми красна. И много тѣ мужы и сестра ихъ (зла) творяша новгородцомъ ²⁾, разбои чиняше во граде и по сѣламъ. Новго(ро)тцы же гражане мужы Кіа и брата его и сестру ихъ Лыбѣду поймавъ и посадиша ихъ в порубѣ, и жены, и дѣти ихъ, и весь родъ ихъ, и всѣхъ ихъ числомъ до тридеса душъ; всѣ были храбры и сильны добрѣ. И седяше тѣ мужы много лѣтъ в темницы, и Новгородцы же повелѣша их обесити. Кіа же и братья ево нача плакати и битъ челомъ князю Олгу: «Господине княже Олгъ, яви милость рабомъ своимъ, вели ис темницы выпустити, и мы отойдемъ отъ града сего и отъ твоея благиости, идеже, господине, держава твоя ни есть». И умилосердися Олгъ князь и от(пу)сти Кіа и братию его и весь родъ его. Они же идяше дебриемъ до дву мѣсець, и дойде до реки великиє, рекомаго до Днепра, иже течеть изъ Руси на полдень в море теплоє, по нему живуть Варяги; и придоша на горы высокия и обрете на тѣхъ горахъ крестъ, его же постави при страсти Господни первозванный апостоль Анѣдрей, братъ Петровъ. И грече сице святыи Андрей: «в последние лѣта и на сихъ горахъ възсияеть благодать Божья и будетъ градъ нареченъ имя ему Киевъ; той градъ будетъ всемъ градомъ рускимъ мати, и утвердитца о немъ хрестиянская вѣра и прославитца той градъ во всеї стране Еленские области и поклонятца ³⁾ цари, и князи, и колѣна варварьская господьямъ града того». И полюби Кіа мѣсто сие и вселися на горѣ, иже есть и доньне Кивица, а братъ его Щекъ вселися близъ его на второй горѣ, иже есть Щековина, а Хоривъ вселися на третье горѣ, иже есть Хоривица, а Лыбедь сестра ихъ таже веселися со всеми роды

¹⁾ ср. выше стр. 148 и 277.

²⁾ въ рукоп. Новгородскомъ.

³⁾ въ рукоп. варварьскаго.

своими. И посемъ Кии и весь родъ его нача делати землю руками
своими и нача славно жыти, и прихожаху к нимъ многие люди со
всѣхъ странъ и вселяхуся ту с Киемъ, и распространися мѣсто сие
и людей мно^г множество в немъ; и тогда наченше Кия и дружину
его наймовати Древляне, и в то время Кии з дружиною своею сотъ-
вори себе градецъ малъ Киевецъ. И нача слыти первой Киевъ по
всемъ странамъ и болши того множесътво множайше людей к месту
тому прихождаху. И по семъ князь Олгъ посла изъ Новагорода
(послы) своя ко Царюграду и греческому царю Михайлу с великою
честію и со многими многими ¹⁾ царскими драгими дары. И послаша
к нему два мужа чесные, единому имя Осколдъ, а второму имя
Идиръ; ониже пасланнии мужы Олговы приидоша до Кия до горъ
тѣхъ, ²⁾ и дивитися наченше, зряще красоты мѣста того; и пу-
стиша посланьнии мужы на Кия и побиша они Кия и всю братію
его и весь родъ его, а сами не поидоша ко Царюграду посольст-
вомъ, и вселишася ту и создаша градецъ, боде перваго, и живяше
во славе велицей многи дни.

(Рукоп. Имп. Публ. библиот., Q. XVI. 72. Ср. Погод. древлехр.
№ 1578. Въ Погодинскомъ сборникѣ сохранился лишь отрывокъ
приведеннаго сказанія, отъ словъ: к нему два мужа чесные, еди-
ному имя Осколдъ).

¹⁾ въ рукоп. множествомъ.

²⁾ въ рукоп. Погод. № 1578 приб. Днепрѣю.

VIII.

Λεγeνδα ο ανθρωπίνω, ανρечeннoмъ дeмoнu *)).

(Βιβλίον φραιότατον καλούμενον
Ἀμαρτωλῶν Σωτηρία)

Θαῦμα Μ'.

Περὶ τοῦ παραδοθέντος ὑπὸ τῆς
μητρὸς ἐντῆ συλλήψει αὐτοῦ τῷ
Δαίμονι.

Ἦτον ἓνα ἀνδρόγυνον, ἀμφότεροι φο-
βοῦμενοι τὸν Θεὸν ποιῶντες ἐλεημοσύνας,
καὶ ἄλλας ἀρετάς· καὶ ἀποῦ ἕκαμαν ἀντάμα
ἱκανοὺς χρόνους, ἐσυμφώνησαν νὰ κάμωσιν
ἀποχὴν τῆς σαρκικῆς μίξεως, καὶ οὕτως
ἐπέρασε πολὺς καιρὸς, ὅπου ἐζούσαν ὡς
ἀδελφοὶ καὶ ὄχι ὡς ἀνδρόγυνον. Ἄλλ' ὁ
ἐχθρὸς τῆς σωφροσύνης ἐφθόνησε τὴν ἀρετὴν
τούς, καὶ ἐπολέμησε τὸν ἀνδρα μίαν ἡμέραν,
ὅπου ἦτον μέγα Σάββατον., καὶ τοῦ ἔδωκε
τόσον πειρασμόν, ὅπου μὴ δυνάμενος νὰ ὑπο-
μένῃ, ἔπεσε μετὰ τῆς γυναικὸς αὐτοῦ στα-
νικῶς τῆς, ἣ ὅποια τὸν ὠνείδισε πολλὰ, καὶ
ἤλεγξεν, ἐνθυμίζουσα τὸ τῆς ἡμέρας αἰδέσι-
μον, ἀμὴ ἐκεῖνος δὲν ἐσυλλογίσθη τὸν ἐλεγ-
χον ἀλλὰ ἕκαμε τὴν ἐπιθυμίαν του.

Τότε τοῦ λέγει ἡ γυνὴ μετ' ὀργῆς·
Ἐπειδὴ δὲν εὐλαβήθης ἀνόητε τὴν σεβασ-
μίαν τοῦ Κυρίου Ἀνάστασιν, παρακαλῶ
τὸν Θεόν, εἴτι γεννηθῆ ἀπὸ λόγου μας
τὴν νύκτα ταύτην νὰ ἦναι παραδομένον τοῦ
Δαίμονος.

(Амартолонъ сотирiа, сирѣчь
чюдеса всехвальныя Богоматере).

Чюдо четыредeсятое.

О преданномъ въ зачатiи ма-
терiю отроча(ти) бѣсу.

Бяше едино супружество, обоe
боящeся Бога и творяще милостыни
и нныя добродѣтели; и пребыша
купно доволна лѣта, согласистася
воздержатися отъ смѣса плоти, и
такo мнy время многое: живяста,
яко братiя, а не яко супружество.
Но врагъ цѣломудрiю позавидѣ
добродѣтели ихъ и боривъ мужа
въ день великiя субботы, и даде
ему толико искушенiе, яко не мо-
гущи стерпѣти, паде с женою своею
нужно, якоже поноси ему велии
и обличаше, воспоминаючи дни
святость и величество, но той не
помысливъ на обличенiе, но сотво-
ривъ похоть свою. Тогда рече ему
жена со гнѣвомъ: «понеже не усты-
дился еси, безумне, честнѣйшаго
Господа востанiя, молю Бога, еже
ся родить отъ наю ноци сея, да
будеть отданое бѣсу».

*) Ср. выше стр. 309—310.

Τὴν ὥραν ἐκείνην, ὅπου εἶπε τὸν λόγον ἢ ἄγνωστος, ἐσυλλήθη, καὶ μετὰ τὸν καιρὸν ἐγέννησεν ἓνα ἀρσενικὸν παιδί ὠραιότατον, τὸ ὅποιον ὅσον ἐτρέφετο, εἶδειχε πλεον χαριτωμένον καὶ φρόνιμον, τόσον ὅπου ἔχαιροντο οἱ συγγενεῖς νὰ τὸν βλέπουσιν. Ὅταν δὲ ἐφθασεν εἰς τοὺς 13' χρόνους, φαίνεται πρὸς τὴν μητέρα αὐτοῦ ὁ Δαίμων, καὶ λέγει τῆς:

Εἰς τρεῖς χρόνους, ἔρχομαι νὰ πάρω τὸ δῶρον, ὅπου ἔταξες. Ταῦτα ἀκούσασα ἡ ἀθλία μήτηρ, ἔλαβε θλίψιν καὶ πόνον εἰς τὴν καρδίαν, καὶ καθεκάστην ἐθρῖνει ἀπαρμύθητα, καὶ μάλιστα ὅταν ἐκότταξε τὸν υἱὸν τῆς, ὅστις ἐθαύμαζεν εἰς αὐτὸ, καὶ τὴν ἠρώτησε λέγων.

Εἰπέ μοι, μήτηρ, παρακαλῶ σε, διὰ ποίαν αἰτίαν πάντες οἱ φίλοι καὶ συγγενεῖς με βλέπουν καὶ χαίρονται, καὶ σὺ μόνον δακρύεις ὀρώσά με; Ἡ δὲ εἶπεν αὐτῷ πᾶσαν τὴν ἀλήθειαν.

Ὁ νέος λοιπὸν ἐπικράνθη πολλὰ, καὶ φοβούμενος μὴ πάθῃ τίποτε ἐναντίον ἀπὸ τὸν ἀνθρωποκτόνον διάβολον, ἔφυγε μίαν νύκτα, καὶ πορευθεὶς εἰς τὰ Ἱερουσόυμα, ἐξωμολογήθη τῷ Πατριάρχῃ, ὅστις τὸν ἔστειλεν εἰς ἓνα Ἐρημίτην Πνευματικὸν ἀγιώτατον ὅπου ἐτρέφετο ἐκ χειρὸς Ἀγγέλου ὁ ὅποιος τοῦ ἔφερνε καθ' ἑκάστην ἓναν ἄρτον θαυμασίον· ὅταν δὲ ἀπῆρχετο τινὰς νὰ τὸν εὔρῃ, τοῦ ἔφερνε ὁ Ἀγγελὸς δύο ἄρτους, καθὼς ἔκαμε καὶ τὴν ἡμέραν ἐκείνην. Εἰς ὀλίγην ὥραν ἔλθων ὁ νέος, τοῦ ἔδωκε τὸ γράμμα τοῦ Πατριάρχου, καὶ ἀφοῦ τὸ ἀνέγνωσεν, εἶπεν αὐτῷ. Ἄς ἐπικαλέσωμεν, τέκνον μου, τὴν πανάμωμον Δέσποιναν, ἥτις δύναται πολλὰ κατὰ τῶν δαιμόνων, ὅτι αὐτὴ τοὺς ἐξενεύρισεν, ἀφανίζουσα αὐτῶν τὴν δύναμιν ἅπασαν καὶ πολλὰς ψυχὰς ἄρπασεν ἀπὸ τὰς, χεῖρας αὐτῶν, καὶ ἐλύτρωσε τῆς αἰωνίου κολάσεως. Οὕτως εἶπε, καὶ νοουθετήσας αὐτὸν νὰ προσεύχεται μετὰ δάκρυα πολλὰ καὶ εὐλάβειαν, τὸν ἐκράτησεν εἰς τὸ κελλίον τοῦ ἕως τὴν ἁγίαν Λαμπρὰν,

В часѣ убо томѣ, иже изрече слово безумная, зачать и со временемъ породе мужеска полу прекрасное отроча, которое, елико воспиташеся, толма являшеся даровитое и мудрое, толма яко радовахуся сродницы видѣти его. Егда бысть 12 лѣтъ, является ко матери его бѣсъ и рече ей: «еще три лѣта, и прииду взяти даръ, иже мнѣ обѣтовала еси». Ся услышавши окаянная мати пріять скорбь и болѣзнь въ сердцѣ и на всякъ часть рыдаше неутѣшно и наипаче егда зряше на сына своего. Онъ же чудашеся о семъ и вопроси матеръ свою глаголя: «Скажи ми, мати моя, молюся, закую вину вси сродницы и друзи зряще мя радуются, а ты точію самая слезиши, зряще мя?» Она же сказа ему всю правду.

Младый убо огорчился велии и боянцися, да не нѣчто постраждетъ противное отъ бѣса и челоуѣкоубійицы діавола, бѣ же ноцію шедъ во Іерусалимъ и исповѣдася патриархови. Онъ же его посла къ пустыннику духовному святому, иже питашеся изъ рукъ аггла, приносяща ему всегда единъ хлѣбъ дивень, егда же ему гость кто приходяше приносяще ему аггль два хлѣба, якоже сотворивъ и в день той. По маломъ часѣ пришедъ юный даде ему писаніе отъ патриарха и прочетши рече ему: «Призовемъ чадѣ всенепорочную владычицу, иже можетъ велии на бѣсы. Она бо исцѣче ихъ и искоренивши имъ силу всю и многи души исхити изъ

рукъ ихъ и избави вѣчнаго мученія» Сиде рече и поучивши его молитися со слезами многими и благоговѣніемъ, удержа его въ келии своей даже до дне свѣтлаго Воскресенія.

Ὅπου ἐτελείωναν οἱ τρεῖς χρόνοι ἀπὸ τῆν ἡμέραν, ὅπου ὁ δαίμων ἐσύντηχε τῆς μητρὸς τοῦ νέου· καὶ τότε ὁ Ἅγιος ἐλειτούργησεν. Ὁ δὲ νεανίας ἐστέκετο ἐκεῖ ἐμπροσθεν τῆς ἁγίας Τράπεζης μετὰ φόβου καὶ τρόμου πολλοῦ. Ὅταν δὲ ἐξῆλθεν ὁ Ἱερεὺς μετὰ Ἅγια εἰς τὸν Χερουβικὸν ὕμνον, εἰσῆλθεν ὁ δαίμων καὶ ἄρπασας τὸν νέον, τὸν ὕψηεν εἰς τὴν κόλασιν σύσωμον. Ὁ δὲ Ὅσιος ἀκούσας τοῦ νέου τὰς φωνὰς ἐθλίβη πολλά, καὶ ἀπόθεις τὰ Ἅγια εἰς τὴν ἱεράν Τράπεζαν ἐδέετο μετὰ δακρύων, ἱκετεύων ἐκτενῶς τὸν Δεσπότην, καὶ τὴν Ἀειπάρθενον Μητέρα αὐτοῦ, νὰ μὴν ἀφήσουν ἀπειθευτον τοιαύτην αὐθάδειαν καὶ ἀναισχυντίαν τοῦ Δαιμονος, ἀλλὰ νὰ τοῦ παρουσιν εἰς τὸ πείσμα του τὸν νεανίαν, νὰ τὸν στρέψουσα σῶον καὶ ἀβλαβῆ διατὶ ἐτόλμησεν ὁ τρισκατάρατος νὰ τὸν ἀρπίσῃ ἀπὸ τὸ ἅγιον Βῆμα. Ταῦτα εἰπὼν ὁ Ὅσιος ἀνέγνωθε τὰς εὐχὰς τῆς Ἱερουργίας, νὰ μὴ τὴν ἀφήσῃ ἀτελείωτον καὶ καθὼς ἔλεγε τὴν εὐχὴν ταύτην.

Ὡς τε γενέσθαι τοῖς μεταλαμβάνουσιν εἰς νῆψιν ψυχῆς, εἰς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν, καὶ τὰ ἐξῆς, ἤρουν, ἀφοῦ ἐτελειώθησαν τὰ Ἅγια, ἔταν ἐκφώνησε, λέγων·

Ἐξαιρέτως τῆς Παναγίας ἀγράντου·

Μέγας εἰ Κύριε, καὶ θαυμεστὰ τὰ ἔργα σου! Ὡ τῆς ἀηττήτου τῆς Παρθένου δυνάμεως! εὐρέθη ὁ νέος εἰς τὸ ἄγιον Βῆμα, καὶ ἐφώνησε λέγων. Μέγα τὸ ὄνομα τῆς ἁγίας Τριάδος. Αφοῦ δὲ ἐτελείωσεν ἡ Λειτουργία, ἐκοινώνησεν ὁ νέος, ἔπειτα τὸν ἠρώτησεν ὁ Ὅσιος ποῦ τὸν ὕψησας, καὶ τί ἐπαθεν; Ὁ δὲ εἶπεν ὅτι, καθὼς τὸν ἄρπασεν ὁ Δαίμων, τὸν ἐρρίψεν εἰς ἓνα τὸπον ζωφώδη καὶ δυσωδέστατον, ὅπου ἦσαν ψυχὰι ἁμαρτωλῶν ἀναοιθμητοί, ἀρρήτως βασανιζόμεναι, καὶ εὐθὺς παρεγένετο ἡ πολύμητος Δέσποινα, καὶ τὸν εὐγαλεν ἀπ’

Егда исполнишася три лѣта, отшелъ же бѣсъ глагола матери юнаго, и тогда святыи служивъ святую литургию, юноша же стояше предъ святымъ престоломъ со страхомъ многимъ. Егда же изыде священникъ со святыми на херувимской пѣсни вниде бѣсъ и, похитивши юнаго, несе его въ муку съ тѣломъ. Преподобный же слыша юнаго вопль, опечалися велии и, положивши святаи на священной трапезѣ, помолвися со слезами, прося прилѣжно пресвятую Владычицу приснодѣвную Матерь Божию не оставити безъ казни сидевую гордость безстуднаго бѣса, но да отъиметь на уничтоженіе ему юношу, возвративъ ¹⁾ его цѣла и невредна, занеже дерзнувъ треклятый онъ похитити отъ святаго олтаря. Сія рекши, преподобный прочиташе молитвы священнодѣйствія, да не оставитъ несовершенна: и егда бысть гдаголющю ему молитву сію: «якоже быти причащающимся во пѣтрезвіе души, во оставленіе грѣховъ» и прочая, сіестъ повнегда совершенна бысть стая, егда возгласивъ глагола: «Изрядно о пресвятѣй, пречистѣй, преблагословенѣй, славнѣй владычицѣ напей

¹⁾ Въ рукоп. „возрастивъ“.

ἐκείνον τὸν πανώδυνον τόπον, καὶ οὕτως εὐρέθη εἰς τὴν Ἐκκλησίαν. Ὁ γοῦν Ἅγιος ἐδόξασε τὸν Κύριον, καὶ τὴν Ἀειπάρθενον Κόρην, ὅπου ἐπήκουσαν τῆς αὐτοῦ δεήσεως.

Богородицѣ и Приснодѣвѣ Маріи» — велий еси еси Господи и чудна дѣла твоя! О непобѣдимыя силы пресвятыя Приснодѣвы! обрѣтесе юный во святомъ оltарѣ и возгласивъ: «Велико имя святыя Троицы!» и совершися святая литургія; причастися и юноша, таже вопроси его преподобный, гдѣ веденъ бысть и что пострада? Онъ же рече, яко похитивъ его бѣсъ, въверже в мѣсто мрачно и злосмрадно, идѣ же суть души грѣшныхъ бесчисленнии несказанно мучимии, и абіе прииде пресвятая и всепѣтая Владычица и изведе его из онаго и всеболѣзненнаго мѣста, и тако обрѣтесе въ церкви. Святый же прослави Господа и приснодѣвую Отроковицу, услышавшую молитвы его.

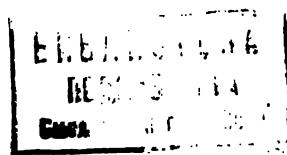
Ὁ δὲ νεανίας ἀπελθὼν εἰς τὸν Πατριάρχην, καὶ εὐλογηθεὶς ὑπ' αὐτοῦ, παρεγένετο εἰς τοὺς συγγενεῖς τοῦ οἵτινες ἐκλιον αὐτοῦ τὴν ἀπώλειαν, νομίζοντες ὅτι οἱ Δαιμονες τὸν ἐπήρασαν. Ἴδόντες δὲ αὐτὸν ἀνεπίστως, πᾶς τις ἤμπορεῖ νὰ καταλάβῃ πόσῃ ἀγγαλίᾳσιν ἔλαβον, καὶ πόσας εὐχαριστίας ἀνέπεμψαν τῷ Δεσπότη Χριστῷ, καὶ τῇ πανομνήτῃ αὐτοῦ Μητρὶ, ἧς ταῖς ἰκεσίαις τύχομεν τῆς οὐρανόυ Μακαριότητος.

(Стр. 323—325 по изд. 1883 г.)

Младыи же пошедъ къ патриарху и благословися отъ него, прииде к сродникомъ своимъ и родителемъ, иже плакаху по немъ о погибели его, мняще, яко бѣсове взяша его. Видящи же его нечаянно всякъ, кто можетъ уразумѣть, колику радость пріяша, видѣвши и колику благодареніе возслаша владыцѣ Христу и преблагословенной Его Матери, Ея же молитвами да улучимъ небесное блаженство.

(Рукоп. Публ. библиот. Q. I. № 786, л. 136—138).

4240

IX.

Демонъ Летавецъ:

(Сужденіе діаволе противу рода человѣча ¹⁾).

Глава 18. О покусахъ и препинанихъ чевѣкомъ.

Летавецъ демонъ на земли и на воздухѣ держится, таковыхъ же обычаевъ, яко и овин ²⁾, тоцію иже тѣла ³⁾ на ся приємлетъ мечтательно ⁴⁾ і прелестное и ⁵⁾ темности держится, яко нетопырь или кротъ. Приемлють сего въ свое послуженіе бабы и всѣ зломышленныя чаровники и чаровницы и разговариваютъ со онемъ в темноти тако, иже единъ другаго не видитъ. Сей всезлбный повреждаетъ чевѣкомъ любовное брачество и отънимаетъ жены, обаче не таковымъ обычаемъ, якоже (человѣцы) ⁶⁾ мнѣть, — не яко браческимъ совокупленіемъ, — не вѣрь никтоже сему! — не имать бо по чевѣческому естеству ничтоже, ни сущаго тѣла, тоцію притворное и ничтоже чевѣкоподобное, — но лестное и мучительное. Множество же о семъ блазнятся, а паче иже древле писали и глаголютъ, яко святыи Мерлинъ почася и родися отъ летавца: азъ же глаголю, яко той Мерлинъ родися отъ чевѣка, якоже и прочи, но мати его ради стыда своего, она кралева ⁷⁾ британскаго господарства ⁸⁾, сказала на летавца. Обаче бывають въ демонскомъ родѣ и самецъ и самица, но притворно же.

¹⁾ По рукоп. Публ. Библиот. Q. I, № 232 (=Толст., II, 268); дополненія и разночтенія по рукоп. Публ. Библиот. Q. I, № 1022. За указаніе на послѣднюю рукопись приношу благодарность Ив. Ав. Бычкову.

²⁾ Ранѣе идетъ рѣчь о демонахъ, именуемыхъ Фалеръ, Обсесъ и др.

³⁾ тѣло.

⁴⁾ мечтательное.

⁵⁾ в.

⁶⁾ чевѣцы — изъ рук. № 1022.

⁷⁾ кралева.

⁸⁾ гдѣрства.

Глава 20. О фантазмахъ демонскихъ, сирѣчь призракахъ.

Святый Августинъ въ наказательныхъ словесѣхъ своихъ пишетъ сице: несносное бремя Адамъ возложи на наслѣдие свое, сирѣчь на родъ человѣчь на земли отъ исхода человѣка на свѣтъ и до изшествія изъ него, не точию на престарѣлыя и средовѣчныя, но и на младенцы безгрѣшныя, иже аще (и) ¹⁾ обновляются отъ ветхаго пратеческаго грѣха Духомъ пресвятымъ и благимъ, искусителя же козней избыти не могутъ, ибо фантазмы, показующи имъ в нощи, толико зѣло страшать я ²⁾, иже ниже опочивати, ниже упокоитися могутъ, точию велми плачють. Фантазма же здѣ разумѣтся демонъ внутри и в мысли вселяющеся, иже можетъ възяти на ся, аще хошетъ, и скотску особу и человѣческу, звѣрску же и гадцку, и мечтатися ³⁾ и свѣтомъ и тмою, водою и горою и всякимъ страшнымъ и злымъ привидѣнїемъ: можетъ же злыми своимъ мечты положити ⁴⁾ в колыбель въ мѣсто сущаго младенца облудное и прелестное, а истинное дитя на ино мѣсто отнести, дабы въ семъ злобу и печаль и зловѣрїе ⁵⁾ въ человѣцѣхъ утвердилъ, якоже прилучися таковое кралевѣ Британскія земли. — Сїя никогда ⁶⁾ же исходила ⁷⁾ изъ своихъ чертогъ, ниже кто, кромѣ дѣвицы, бяше при ней, породила же сына, имянемъ Мерлина. Егда же о семъ, откуда ей се бысть, вопрошена и отъ кого, почела отвѣщать: ⁸⁾ «окномъ ко мнѣ, рече, леталь не вѣмъ кто, и отъ сего ми сіе сотворися, и вси на се положиша, яко леталь к ней летавецъ, си есть фантазма или мечта. Гисториографи же за истину сіе вознепщеваша и писаша, яко отъ лета(в)ца Мерлинъ почася, иже бысть человѣкъ великій и ученый, и господарь; у мудрыхъ же человѣковъ сіе не приемлется, понеже духъ не можетъ въсплодити, не имать бо ничтоже тѣлесное, ниже отъ другихъ сѣмене, якоже нїи мнать, приносить, но се бываетъ и отсюду ⁹⁾ Мерлинъ почася, яко оный лѣтавецъ или мечтавецъ

1) „и“—изъ рук № 1022.

2) страшатся.

3) мечтается.

4) подложить.

5) зловѣрїе.

6) нѣкогда.

7) исходила.

8) отвѣща.

9) Далѣе въ рукописи № 232 пропускъ, недостающее (до словъ: „Пишетъ же нѣкто Гилиманъ“) взято изъ рукоп. № 1022.

чужее нѣгдѣ дитя украде и ко кравевѣ принесе, вне ума сотворивъ ю, и кравева она во мнѣниі своемъ облознися.

Пишуть же в неметскихъ гисторияхъ ученныи челоувѣцы сицѣ: Нѣкии юноша шляхтичъ в вечеру восхотѣ в мори при песцѣ искупатися, и егда нача купатися, приплывѣ к нему жена и егда ю той вопроси, кто есть, не отвѣща ему ничесоже, точию уласкается к нему. Онъ же взявъ ю под одежду свою, приведе в домъ свой и поразсмотре, видѣвъ же, яко чюдная красоты, и непщева о молчаніи, яко стыдится, оженися ею, восплоди же с нею сына. И по неколицѣхъ летахъ начаша ему сродниі его зазирати и зазлѣвати глаголюще, яко глуху и нѣму жену поя. Онъ же стужи си отъ своихъ, вземъ кордъ ¹⁾ введе ю в ложницу, глаголетъ: «пробию ты, аще не будешь со мною глаголати». Она же поглагола к нему сице: «егда мя глаголати приневоляеши, ктому мя отселѣ у себѣ не узриши, аще же бы глаголати мя не принуждалъ, благополучну и мирну жизнь пожилъ бы еси и многое сокровище приобрѣлъ бы еси». И сие изрекши изчезе и к тому паки не показася. Бысть же сие удивително всѣмъ. И дѣтище с нею же прижи, и уже подросте в добромъ наказаніи, нѣкогда изыде купатися; на оноже мѣсто приде она и восхити его, и оттолѣ никдоже виденъ бысть отъ кого.

Здѣ показуется, яко и рожденное отъ нея мечтателное и привидѣнное бѣ, яко и она; аще же бы истинныи челоувѣкъ былъ, не претерпѣлъ бы, но задушился бы отъ воды и моремъ изверженъ бы былъ и при брегахъ обрѣтенъ.

Пишетъ же нѣкто Гелимандъ ²⁾ о нѣкоемъ воинѣ, иже привезе его лебедь въ лодіицѣ по рѣкѣ Ренѣ на златой чеши, возложенной ему на шею. Егда же привезеся ко берегу, изыде из лодіицы всѣмъ зрящимъ со удивленіемъ, понеже никтоже знааше его. Егда же воинъ изыде, лебедь отплы по рѣкѣ Ренѣ въ море и ктому не видѣша еге. Воинъ же той знаменитъ и славенъ сотворися, купи же и домъ ³⁾ славенъ надъ рекою Реною, и оженися, и чадо ⁴⁾ со оною женою возимѣ. По неколицехъ же лѣтехъ премногимъ челоувѣкомъ на брегъ Рены изшедшимъ и всѣмъ зрящимъ лебедь оный приплыве, лодіицу тягяше возложенною на шію сіи златою чешию. Воинъ оный стоя близая ⁵⁾ всѣхъ, и абіе всъкочи во ону лодіицу и сѣдши

¹⁾ Въ рукописи кодръ.

²⁾ Гелимандъ (то-есть, Helinand).

³⁾ дворъ.

⁴⁾ чадо.

⁵⁾ близаяе.

поклоняся ¹⁾ всѣмъ, поѣде по Рене в море и ктому никтоже нигдѣже видѣ его. Дѣти же его быша истинни и добрии (и) честни, и пребываетъ родство ихъ и до нынѣшнихъ временъ. Носятъ же за гербъ лебедя со златою чепью на шеяхъ и отсюду разумно, яко воинъ онъ былъ призракъ или мечта, а не человекъ, такожде и лебедь и чепь и лодіца мечтательство бѣ, такожде и приѣздъ его и отъѣздъ призракъ бѣ, якоже когда и апостоли, егда видѣша Христа Господа по морю ходяща, глаголаша, яко призракъ есть. Дѣтей же она фантазма покраде нѣгдѣ отъ иныхъ колыбелей, а ины подожилъ.

Пишутъ же и о Португанской кралевнѣ ²⁾: восхотѣся оной покупатися на морскихъ пескахъ при брезѣ и купающейся ей з дѣвѣвицами подплыве подъ ню ³⁾ водою потиху сатыръ, сирѣчь мужъ дикій или водный, восхити же ю и утече с нею толико скоро, иже никими мѣрами со всякимъ усилиемъ и тщаніемъ достигнути не могла, но не дивно сіе, понеже въ морѣ и в дѣсехъ премного есть различныхъ и дивныхъ видовъ на свѣтѣ и подобныхъ человекъ. Здѣ не демонскою кознию стася, но отъ прилучая и отъ притворства морскаго.

¹⁾ уклоняся.

²⁾ кралевѣ.

³⁾ по дну.

ДОПОЛНЕНИЯ И ПОПРАВКИ.

Стр. 8. Оплетавъ богатырь. Сходное имя (Оплетай) находимъ въ сибирскихъ повѣрьяхъ. «О плета и—люди, состоящіе изъ половины и способные спаряться; когда идетъ одинъ Оплетай, онъ не страшень, потому что имѣеть одну ногу, одну руку, одинъ глазъ, но если два оплетая сростутся, то отъ нихъ и на конѣ не ускрестись». (Этнографическій Сборникъ, вып. VI, стр. 149 въ статьѣ г. *Потанина*: Юго-западная часть Томской губ. въ этногр. отношеніи).

Стр. 17—18. Борьба льва съ дракономъ. Ср. *Liebrecht, Zur Volkskunde, 472.*

Стр. 25. Хрустальные поды извѣстны и въ нашемъ былевомъ эпосѣ. По одному прозаическому пересказу былины о Дюкѣ (Юнкѣ) Степановичѣ въ палатахъ его «половицы въ полу стеклянныя, подъ ними вода течеть, вовъ водѣ играютъ рыбки разноцвѣтныя» (*Рыбниковъ*, Пѣсни I, стр. 311). Ср. *Миллеръ*, Илья Муромецъ, стр. 611; *Веселовскій*, Южно-русскія былины, 222; *Liebrecht, Zur Volkskunde, 115.*

Стр. 49. Дѣянія ап. Оомы. Въ «Библиографическихъ матеріалахъ» *А. Н. Потова*, изд. подъ редакціей г. *Щеткина* (Чтенія въ общ. исторіи и древн. росс. 1889 г., кн. III) помѣщенъ текстъ славянскаго перевода Дѣяній св. Оомы по русскому списку XIV вѣка (стр. 61—71, XXIII—XXVI).

Стр. 69—70. Родословіе великихъ князей русскихъ. Кромѣ указанныхъ списковъ этого Родословія, слѣдуетъ еще отмѣтить списокъ XVI вѣка въ бѣлорусскомъ сборникѣ, принадлежащемъ Чудову монастырю. Нѣкоторые отдѣлы этого сборника изданы въ Чтеніяхъ въ общ. ист. и древн. россійскихъ 1889 г., кн. III (Библиографическіе матеріалы *А. Н. Потова*, изд. подъ ред. г. *Сперанскаго* стр. 69—71).

Стр. 103—105. Южно-славянское вліяніе на русскую письменность разсматривается въ «Рѣчи, читанной на годичномъ актѣ Ар-

хеологич. Института 8 мая 1894 года проф. *А. И. Соболевским*. Въ приложеніи къ рѣчи помѣщенъ «списокъ литературныхъ произведеній, появившихся въ нашей литературѣ послѣ половины XIV вѣка». (стр. 17—22). Ср. изслѣд. *А. С. Архангельскаго*: «Къ изученію древне-русской литературы. Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности», стр. 136—142.

Стр. 125. Сказанія, касающіяся священной римской имперіи. Обильный матеріалъ для изученія этихъ сказаній указанъ въ книгѣ проф. *G. von Zezschwitz*—а: *Das Mittelalterliche Drama vom Ende des römischen Kaisertums deutscher Nation*. Императорское достоинство представлялось перенесеннымъ на западъ отъ грековъ. — Есть извѣстія и о драгоценностяхъ, которыя присылались западнымъ монархамъ греческими императорами. Такъ въ *Chronographia Sigeberti Gemblacensis* подъ 872 годомъ записано: *Basilius imperator Graecorum inter caetera munera, mittit Ludowico regi Germanorum christallum mirae magnitudinis mire auro gemmisque ornatum, cum parte non modica sanctae crucis.* (*Pertz*, *Monum. germ.* VIII, 341).

Стр. 135. Походъ на Цареградъ. Ср. замѣтку *В. В. Калаша* въ *Этнографическомъ обзорѣ* н. и, кн. IV, смѣсь, стр. 8—9 (Мелкія этнологическія замѣтки: 6. Къ сказанію о хожденіи русскихъ богатырей въ Царьградъ).

Стр. 181. Сказки о хитрой невѣстѣ. Ср. указанія г. *Кузьмичевского* въ «Кіевской старинѣ» 1887 г., окт. стр. 237—241.

Стр. 194. 247. Пѣсня о В. Буслаевичѣ, записанная отъ В. Щеголенка. Эта же пѣсня отъ того же сказателя записана была г. *Гурьевымъ* (Записки русск. геогр. общ. по отдѣл. этнографіи, т. III, 1873 г., стр. 573—578).

Стр. 335. Видѣніе Амфилога. Ср. замѣтку *А. Н. Веселовскаго* въ «Живой Старинѣ» вып. I (1890), отд. I, стр. 124—125.

Стр. 354. Вольфдитрихъ. Либрехтъ сближаетъ поэму о Вольфдитрихѣ съ старо-англійскимъ стихотвореніемъ о *Guy of Warwick*. Сходство отыскивается въ рядѣ подробностей, между прочимъ и въ заключительномъ отдѣлѣ сказаній: «*um den Rest seines Lebens in Busse zu enden, pilgert Guy nach dem heiligen Lande, rettet zurückgekehrt sein Vaterland von den Heiden, indem er deren Vorkämpfer Colbrand erschlägt, und zieht sich sodann in eine Einsiedelei zurück; ganz so beschliesst auch Wolfdietrich sein Leben im Kloster, nachdem er dasselbe vorher.... gegen die Heiden vertheidigt und diese besiegt hat.* (Zur Volkskunde, 472). Припомнимъ указанное выше (стр. 279, 339) приуроченіе лѣтописнаго из-

вѣстїя о Васильѣ Буслаевѣ къ году осады Новгорода суздальскими войсками.

Стр. 418. «Завистное сужденіе демона». Свѣдѣнія о спискахъ и содержаніи этой книги см. въ сообщеніи *А. И. Кирпичникова*, изд. Обществомъ любителей древней письменности. (Памятники др. писемъ. 1894 г., вып. CV: «Сужденіе дьявола противъ рода человѣческаго»).

Стр. 451—452. Хроника Юзефовича. См. о ней статью *В. Б. Антоновича*: «Лѣтопись Яна Юзефовича, какъ источникъ для исторіи южной Руси» (Кіевская старина, 1887 г., ноябрь, стр. 529—536). Ср. Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Руси, изд. подъ ред. проф. *Антоновича* (К. 1888), стр. 113 и слѣд. (извлеченіе изъ хроники), XXX—XLVI (ислѣдованіе о хроникѣ).

Стр. 453. Бонякъ. Есть еще мѣстное Кіевское преданіе о Бонякѣ, связывающее имя грознаго хана съ воспоминаніемъ о золотыхъ воротахъ. Бонякъ выломалъ, говорятъ, эти ворота и увезъ ихъ въ свою землю. (*Закревскій*, Описаніе Кіева, т. I, стр. 326—327, при мѣчаніе).

УКАЗАТЕЛЬ

I.

- А**
Аввакумъ Болгаринъ 32.
Августалій 66. 67. 77. 594. 595.
Августъ Кесарь 65. 70. 71. 75. 77. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 99. 100. 101. 110. 148. 592—597. 600—603.
Авдотья Васильевна, мать Василія Буславича 196. 211. 212. Ср. Мамелфа.
Авель 285.
Авраамъ 884.
Адамъ 850. 384. 612.
Адріанъ, старецъ Андросовой пустыни 376.
Азарія (Ананія и Мисаилъ) 25. 28. 51. 577—579. 582—583.
Аскерскъ 56. 581.
Алачъ-Укуръ-Харъ-Батыръ 388.
Алевуй, царь см. Левъ.
Александра царица 23. 26. 27. 578. 579. 586.
Александръ и Людовикъ: повѣсть о нихъ 152—164.
Александръ Всеволодовичъ, кн. 511.
Александръ Глѣбовичъ кн. 568—569.
Александръ Македонскій 19. 62. 65. 66. 85. 590—591. 594—595.
Александръ Михайловичъ кн. Тверской 270. 376.
Александръ Патрикѣевичъ кн. Стародубскій 519.
Александръ Ярославичъ Невскій кн. 251. 252. 458.
Алексѣй, архіеп. Новгородскій 263.
Алексѣй, митрополитъ 376.
Алексѣй Комнинъ, импер. 74. 75. 76. 78. 79. 97. 430.
Алексѣй Михайловичъ, царь 113. 138.
Алеша Поповичъ 58. 145. 401. 525
Альберихъ 36. 422.
Amelius (Omelius), Amiles см. Amicus.
Амелфа Тимоеевна 225. 228. 230. 238. 373. Ср. Мамелфа.
Amicus, Amis (et Amelius, Amiles) 164—168. 175.
Амфилогъ царь 335. 616.
Ананія (Азарія и Мисаилъ) 25. 26. 28. 51. 577—579. 582—583
Ананія (Онанья) посади. Новгород. 251
Андрей ап. 50. 605.
Андрей Боголюбскій кн. 97. 264.
Андрей Вяземскій кн. 569.
Андрей Дмитріевичъ кн. Друцкій 566.
Андрей Ивановичъ кн. 67.
Андронище (Андронище) 218—219. Ср. Старчище паллигримше.
Анна, дочь Ивана IV 376.
Анна Романовна, дочь кн. Романа (въ пѣснь) 471.
Антихристъ 288—289.
Антиохъ Діоникъ 593.
Антія 590. 591.
Антонинъ 86. 87. 592—593.
Антоній 88.
Анфалъ 269. 270.
Аполлинарій, александрійскій епископъ 28. 29. 34—
Аполлоній Тирскій 29. 36. 151 Ср. Лоній.
Артуръ, король 32.
Agius, 166. Ср. Olivier.
Арексадъ. 86. 88. 89. 91. 588. 589. 591. 603.
Аскерскъ, царь. 23. 24.
Аскольдъ (Оскольдъ) 148. 606.
Ассуръ. 32.
Астраханское царство. 14. 16.
Атланъ Вавилонянинъ. 41.
Афеть. 88.
Ахиронъ. 80.
Ахтанавъ см. Нектанавъ.
Aschenputtel. 322.

Бабища матерая. 198. 282.

Багдадъ. 34

Багдадъ Борисъевичъ. 18. 33. 34. 483.

Bandifort, царь. 32.

Басарга. 56.

Bastard de Buillon. 498.

Батый. 442. 445. 452.

Батышъ Батуръевичъ, царь. 469. 502.

Бенедиктъ, воевода. 431.

Беркай. 252.

Билгремлице. 378. 379.

Богданъ Дмитріевичъ кн. Друцкій 566.

Богдо. 388.

Богуславъ. 195—196.

Бонякъ ханъ, преданія о немъ 840. 442—453. 617.

Боромыслъ. 56.

Борисъ (и Глѣбъ). 274.

Борисъ Годуновъ. 56. 118.

Борма (Ярыжка). 1—4. 9—10. 17—31.

35. 68—64. 150—151.

Борма Фелоръ см. Фелдоръ Борма

Briuehaut, дочь Іуды Макиавея. 32. 33

Брутусъ. 87.

Брячиславъ, кн. Полодкій 284.

Булатъ-моловецъ, 173. 174. 311. 315.

Булякъ см. Бонякъ

Буртасы. 95.

Буръ-храберъ. 60.

Бурма Давидъ, 9—10.

Бурхынъ-бакша 388.

Буславъ (Буславлюшко, Буславлюшко,

Буславей, Бусланей, Буслай, Бусла-

юшко, Богуслай) 195—198, 250. 282.

373.

Бѣла Урошь 110.

Вавилонъ, Вавилонское царство 1. 10 15.

19. 21—47. 51—52. 64—65. 150—

151. 575—577. 582—587.

Валаамъ волхвъ 39.

Валентинъ (и Орсонъ) 336.

Валитъ, Варентъ 35.

Валтасаръ 32.

Ванька ключникъ 339.

Ванька удовникъ сынъ 374.

Ванюша Новгородянинъ, одинъ изъ дру-

жинниковъ Василья Буслаевича 204.

Васенька маленький, одинъ изъ дружин-

никовъ Василья Буслаевича 203. 206.

Варваръ св. 333—338. 391.

Варентъ см. Валитъ

Варлаамъ (и Іосафъ) 391.

Василій Александровичъ кн. Смоленскій

517. 521. 568.

Василій Буслаевичъ: родители его, Бус-

лавъ и Мамелфа, долго оставались

бедѣтными; Буславъ обращается къ

бабищѣ матерой 197—199. 282. 291. 394.

рано лишившись отца, Василій остается

на попеченіи матери 195—197. 373.

—учится грамотѣ 199. 291.

—шутить шутки недобрыя 200—202.

291—292. 374. 394—395.

—собираетъ дружину хоробрую 202—

204. 254—255. 292.

Василій и его дружинники появляются

на пиру, гдѣ собрались Новгородцы,

и затѣваютъ съ ними ссору 204—

207. 256. 258—259. 292. 295.

«Закладъ» Василья и Новгородцевъ от-

носительно боя 207—210. 259—261.

Мать запираетъ Василья въ погребѣ

211—213. 217.

дружинники Василья бьются съ новгород-

цами; Василій, освободившись изъ

затвора, принимаетъ участіе въ боѣ

213—217. 292. 395.

—убиваетъ своего крестнаго отца и на-

ставника 218—223. 292. 376—380.

395.

—не даетъ пощады и „брату крестово-

му“ 221.

На мѣстѣ боя появляется мать Василья;

бой прекращается 223—227.

Василій снаряжаетъ корабль и отпра-

вляется къ морю (Каспійскому, Ве-

ряжскому) 230—234. 263. 292. 395.

—странствуетъ въ Іерусалимъ градъ

229—230. 234—244. 292. 344—345.

380—381. 395.

—купается въ Іорданѣ нагимъ тѣломъ

239—240. 381—382.

—находитъ человѣческой черепъ; черепъ

проѣщился 235—238. 240. 241—242.

243—244. 346—350. 399—400.

смерть Василья послѣ неудачнаго прыж-

ка черезъ камень 238. 240. 241—

242. 243—244. 292. 350—351. 363—

365. 386. 396. 399—400

Василій—новгородскій посадникъ 245—

246. 278—279. 292. 369. 395.

—въ положеніи Ивана Годиновича 247.

—на службѣ у короля Литовскаго 247—

248.

Василій Васильевичъ Голицынъ 542.

Василій Васильевичъ Темный вел. кн.

276. 280. 376.

Василій Дмитріевичъ вел. кн. 105. 106.

117. 118.

Василій Дмитріевичъ кн. Друцкій 566.

Василій Златовласый, королевичъ Чеш-

скія земли 340.

Василій Ивановичъ вел. кн. 65 67. 114.

128. 282. 603.

Василій Ивановичъ кн. Смоленскій 521.

Василій Ивановичъ Шуйскій царь 69. 113

- Василій II импер. 147. 616.
 Василій и Софья: пѣсня о нихъ 542—544. 546.
 Василій Казимировичъ 542.
 Василій князь (въ пѣснѣ) 145.
 Василій кн. Брянскій 519.
 Василій кн. Острожскій 443. 445.
 Василій Леоновичъ 78.
 Василій Михайловичъ, кн. Кашинскій 376.
 Василій Михайловичъ царь (въ пѣснѣ) 189.
 Василій новгородецъ 272—273.
 Василій Окуловичъ 491. 498.
 Василій (Романовичъ? Александровичъ?) кн. Брянскій 568.
 Василій Скрыба, устюжанинъ 270.
 Василій, сынъ Навуходносора 23, 39. 41. 42.
 Василій царь греческій (въ повѣсти о Вавилонѣ) 26. 27. 62—63. 119. 122. 130. 575—579. 582. 586.
 Василій Ѳedorовичъ новгородецъ 267.
 Василиса Премудрая 323—324. 478.
 Василиска Дьявольска 7.
 Василистій 46.
 Василько Романовичъ кн. 431—435. 510—511. 567.
 Васьякъ Бѣлозерянинъ, одинъ изъ дружинниковъ Василья Буслаевича 205.
 Весельчакъ—пьяница 18. ср. Борма.
 Визъ 590. 591.
 Викула Окуловъ 205—206.
 Викула Селягинъ 405.
 Витники (витвики, левики, ливики) королевичи 463. 491. 502. 506. 515. 520.
 Витовтъ 516. 518. 519. 521. 522.
 Вій 448.
 Владимірко кн. Галицкій 97.
 Владиміръ Александровичъ кн. 568.
 Владиміръ Васильковичъ кн. 434. 567. 570.
 Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ вел. князь: сказаніи объ его войнѣ съ греками и о полученіи даровъ отъ греческаго царя Василія 28. 62—63. 122. 139. 150.—о борьбѣ его съ Константиномъ Мономахомъ, о полученіи даровъ отъ этого императора и о парскомъ вѣнчаніи русскаго князя 63—118. 123. 126—131. 136—140. 150. 596—604.—о походѣ на Кафу 119—122. 131—133. 137. 139—140. 150. упом. 488. 434. 458.
 Владиміръ Игоревичъ кн. 431.
 Владиміръ кн. Пронскій 519.
 Владиміръ князь Стольно-Кіевскій (въ народн. преданіяхъ) 57. 129. 133. 135. 136. 137. 144. 205. 207. 210. 249. 401. 487.
 Владиміръ Святославичъ св. кн.: война съ греками и царское вѣнчаніе Вл—ра 121—123. 130. 138. 140—146. упом. 66. 80. 85. 91. 92. 94. 184. 150. 596. 597.
 Владиміръ Святославичъ кн. Смоленскій 521.
 Владиміръ царь 18.
 Владиміръ Ярославичъ кн. (XI ст.) 130. 131. 140.
 Владиміръ Ярославичъ кн. (XII ст.) 428. 429.
 Водовикъ, посадникъ новгородскій 253.
 Волховъ, сынъ кн. Словена 407—408. 413. 418. 419. 420. 423. 424.
 Волхи, волхвы 408. 418—419.
 Волховецъ 415. 419.
 Волхъ Всеславьевичъ 403. 405. 408. 415. 421. 422. 423. 485.
 Волянъ, Воляннецъ см. Галичъ.
 Вольга Буслаевичъ 403.
 Вольга Святославичъ 37. 345—346. 404—406. 421—423.
 Вольфдитрихъ 18. 36. 352—356. 359. 368. 369. 414. 423. 616.
 Врутось 86. 102. 592. 593.
 Всеволодъ Мстиславичъ кн. 264.
 Всеволодъ Юрьевичъ кн. 95.
 Всеволодъ Ярославичъ кн. 66. 77. 136. 137. 597. 598.
 Всеславъ кн. Полоцкій 284. 457.
 Вышата Васильевичъ, новгородецъ 266.
 Вышата, воев. кн. Ярослава 130—131. 140.
 Вышата сынъ Остромира 265.
 Вятскіе разбойники 276—277.
 Вячеславъ Владиміровичъ кн. 78. 130.
- Г**
 Гадинги 422.
 Гандуварій, Гайдуварій. 86. 88. 89. 589—591. 603.
 Галичъ 425. 426. 505. 506.
 Гданскъ 66. 594. 595.
 Гедеонъ 479.
 Гедиминъ 516.
 Геннадій, старецъ Сарайской пустыни 377.
 Генрихъ Бѣдный (Armer Heinrich) 172.
 Генрихъ Левъ 18.
 Георгій Владиміровичъ, кн. 127.
 Георгій Ивановичъ, кн. 67.
 Георгій Побѣдоносецъ св. 11. 19. 21. 32. 33. 35. 36. 275. 276. 279. 313. 417.
 Гертнгатъ 423.
 Гимиръ, великанъ 378.
 Гирляръ 423.
 Глѣбъ, кн. Рязанскій 265.
 Глѣбъ Святославичъ кн. Брянскій 569.
 Глѣбъ Святославичъ, кн. Новгородскій 418. 419.

Глѣбъ Святославичъ, кн. Смоленскій 518. 521.
 Gowther Sir 243. 294. 296. 303. 305. 312.
 Голисъ, вавилонскій властитель 34.
 Голопузь 311. 317. 318.
 Гордець, великанъ 33. 34.
 Горыничъ, змѣй 416
 Гостомыслъ 66. 87. 596. 597.
 Готфридъ Бульонскій 62.
 Григорій Памвлякъ 102.
 Гудятрихъ 352. 353. 354.
 Гундафоръ, царь 49.
 Гунны 288.
 Huon de Bordeaux 33—34. 36.
 Гутлакъ, св. 342. 343.
 Гучнвъ-Гурбъ-Хормустъ (божество) 388.
 Guy of Warwick 616.

Давидъ Игоревичъ, кн. 446.
 Давидъ, разбойникъ 342.
 Данило Александровичъ, кн. 129.
 Данило Ивановичъ, Божинъ внукъ 252.
 Давило Игнатъевичъ 234. 487.
 Данило калика 379.
 Даниллъ Романовичъ, кн. Галицкій 426.
 481—435. 443—445. 460—462. 510—511. 567.
 Даньславъ Лазутиничъ 264.
 Дворянинъ безчастный молодець 57.
 Демьянъ, кн. 471.
 Дзвкй Бурьма см. Бурьма.
 Дмитрій Александровичъ кн. 568.
 Дмитрій Андреевичъ кн. 68.
 Дмитрій, сынъ кн. Василья Михайловича Кашинскаго 376.
 Дмитрій Ивановичъ Донской в. кн. 20.
 271. 280. 376. 517. 521.
 Дмитрій Ивановичъ, кн. (внукъ Ивана III) 94.
 Дмитрій Ивановичъ, кн. (сынъ Ивана III) 67.
 Дмитрій Острожскій кн. 443.
 Дмитрій Романовичъ, кн. Смоленскій 568
 Дмитрій Романовичъ? Александровичъ? кн. Друтскій 568—569.
 Дмитрій Семеновичъ кн. Друтскій 266.
 Дмитрій Солунскій, св. 19. 20. 21. 32. 35. 36.
 Дмитрій царевичъ 311.
 Дмитрій Юрьевичъ кн. Друцкій 566.
 Динара царица 47.
 Диръ 148. 606.
 Дитрихъ Бернскій 358. 383.
 Dietrich см. Engelhard.
 Диоклитіанъ 109.
 Діонсій, митрополитъ Терновскій 124.
 Добрыня Никитичъ, богатырь 137. 249. 374. 481. 482. 497. 525.
 Довмонтъ кн. 265.

Друтскъ (Дръютскъ, Дрюцкъ) 566. Друтскіе князья 566—570.
 Дунай богатырь 148—149.
 Дюкъ (Долкъ) Стефановичъ 248. 401. 425. 488. 505.
 Дѣвушка чернавушка 213. 215. 217. 238.
 Дятковичъ, властелиничъ Болгаристръ 41.

Евнинъ (Ювиніанъ) цесарь. 382.
 Евлагердъ 66. 594. 595.
 Евстафій, игемонъ іерусалимскій 67. 71. 600. 601.
 Евемій, патриархъ Терновскій 102.
 Егорій Храбрый см. Георгій св.
 Ексерксенъ (Сексенъ) царь перскій 37.
 Елевверій, Елефѣрій Сбыславичъ 265.
 Елена, царица (въ народныхъ преданіяхъ) 452.
 Елена Александровна, царица (въ пѣснѣ) 421
 Елена Глинская 282.
 Елена, царица Казанская 13. 146.
 Елизарище 218. 219. Ср. Старчище Пилгримище.
 Елизаръ, царь 463.
 Еліахимъ 44.
 Engelhard (u Dietrich) 166.
 Ерданъ см. Иорданъ.
 Ерликъ, подземный богъ 385.
 Есифъ см. Иосифъ.
 Есклармонда 34.

Жеромъ 36.
 Жилотугъ 415. 419. 420.

Залѣшена мужики 203. 255.
 Заплетай Заплетаячъ 5. 8.
 Затоки Златые 66. Ср. Отоцы.
 Зиновій, игумень Троицкій. 376.
 Золотая орда 421. 464.

Иванище Сильное, одинъ изъ дружинниковъ Василья Буслаява 203.
 Иванъ Александровичъ кн. Смоленскій 516. 517. 520. 568.
 Иванъ Андреевичъ кн. 68.
 Иванъ Алексѣевичъ п. 63.
 Иванъ, богатырь 311. 316. 375.
 Иванъ Борисовичъ кн. 68. 376.
 Иванъ III Васильевичъ вел. кн. Московскій 114. 116—118. 270. 276. 280.
 Иванъ Васильевичъ кн. Смоленскій 518. 521.
 Иванъ Васильевичъ царь 1. 12—18. 15. 63. 70. 82. 112. 115. 118. 139. 141. 145. 146. 151. 189—191. 205. 226. 283. 376. 463. 501. 502. 506.

Иванъ Войтишчъ 76. 130.
 Иванъ Годиновичъ 248. 485.
 487. 497.
 Иванъ гостинный сынъ 148. 374. 487.
 Иванъ Даниловичъ Калита вел. кн. 129.
 280.
 Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ 7.
 Иванъ Коновченко 374. 396—398.
 Иванъ королевичъ 875.
 Иванъ Кручина 316.
 Иванъ Святославичъ, кн. Смоленскій 521.
 Иванъ (Иванко) Тимошкиничъ 253.
 Иванъ Туртыгинъ освобождаетъ похитенную змѣемъ царевну Слпелтру 4—5. 8.
 Иванъ Удовкинъ сынъ 484.
 Иванъ Федоровичъ, кн. Рязанскій 519.
 Ивейнъ 18.
 Игнатъище 208. 218. 227. ср. Старчище Пялигримище.
 Игорь кн. 95. 137. 148.
 Идолище поганое 379. 444.
 Илирикъ 66. 594. 595.
 Илья Муромецъ 316. 367. 368. 369. 378. 379. 401. 441. 444. 474. 490. 505.
 Илюшка, сынъ матроса 148—149.
 Индія богатая (царство индійское) 28. 33. 37. 49. 421. 464. 465. 505.
 Иннокентій III, папа 62.
 Иннокентій VIII, папа 172.
 Иривъ - Сайнъ - Гуынъ - Настай - Мекеле 387.
 Иродъ 66. 87. 88. 594. 595.
 Исидоръ, митрополитъ 116.
 Истръ 66,

Иаковъ Обезьяннъ 26. 577. 582. 585.
 Иафетъ 65. 588—589. 590.
 Иерусалимъ градъ 27. 64. 345. 348.
 Иоаннъ архіепископъ 428.
 Иоаннъ Палеологъ, царь греческій 107.
 Иоаннъ (и Киръ) св. 28. 34. 36.
 Иоаннъ, царевичъ греческій 76.
 Иоаннъ Шишманъ, царь болгарскій 106.
 Иоакимъ 44.
 Иорданъ 236. 239. 345. 391. 383. 400.
 Иосифъ (Есифъ) Варооломеевичъ 267.
 Иосифъ, сынъ патриарха Іакова 159. 160.
 Иуда Маккавей 32.
 Іуліанъ 577. 579.
 Іулій см. Юлій.

Казаки (на Волгѣ) 281.
 Казань, Казанское царство 11. 12. 14—16. 139.
 Казимиръ Справедливый 428.
 Капнъ 285.

Каликонтсары 285.
 Калики 379—380. 425.
 Калинъ, царь 474.
 Карлъ Великій 34. 43. 165.
 Касачникъ 252.
 Кафа 119. 122—123. 131—133. 139. 150.
 Кейстутъ 515. 516. 521. 523.
 Кентавры 30.
 Киканось, царь сарацинскій 39.
 Киприанъ, митрополитъ 15. 82. 91. 102—107.
 Кириней 66. 87. 90. 595.
 Киріакъ, св. 342.
 Киръ (и Иоаннъ) св. 28. 34. 36.
 Китоврасъ 18. 439.
 Кій (Щекъ и Хоривъ) 148. 277. 605—606.
 Клеопатра 86. 87. 90. 592—594.
 Козьма Кривой 10. Ср. Одноглазый великанъ.
 Козьма Родионовичъ. 206.
 Кола 35.
 Коврадъ, кн. польскій 430—432. 439. 507—508. 511.
 Констанъ великій 109.
 Константинополь см. Цареградъ.
 Константинъ Великій 109. 172.
 Константинъ Дмитріевичъ кн (въ пѣснѣ) 463.
 Константинъ Мономахъ 65—67. 70—71. 79. 83—84. 87. 94. 113. 118. 127. 129—131. 138—141. 150. 599—604.
 Константинъ VIII, импер. 147.
 Константинъ Сауловичъ 374.
 Кончакъ 433.
 Корела (богатая, проклятая), Корельская земля 35. 95. 425. 464—465.
 Корсунъ 132—133. 138—139. 146. 150.
 Косовокой богатырь 8. Ср. одноглазый великанъ.
 Кострюкъ 474.
 Костя Бѣлозерянинъ, одинъ изъ дружинниковъ Василя Буслаева 204.
 Костя Новоторжанинъ, одинъ изъ дружинниковъ Василя Буслаева 202—204. 208—209. 214. 254—255.
 Котельная Пригарина, одинъ изъ дружинниковъ Василя Буслаева 204. 214.
 Кошуй Трипетовичъ 247.
 Крассъ 86—87. 592. 593.
 Кривой богатырь 5. Ср. Одноглазый великанъ.
 Ксенія Борисовна Годунова. 456. 457.

Лазаръ (въ евангельской притчѣ) 337.
 Лалла Рукъ 49.
 Лебедъ Бѣлая, дочь Лиходѣвна 497.
 Левонская земля (Лимонская), Ливонія 464. 465. 503. 506. 522. 523.

Левъ Михайловичъ Сопѣга 565.
 Левъ Филологъ 104.
 Левъ (Левуи, Ливуи, Алевуи, Улевуи)
 царь греческій 21. 22. 23. 25. 26.
 28. 29. 31. 37. 38. 47. 48. 51. 63. 64.
 150. 575. 577. 579. 581. 582. 584.
 Леонъ царевичъ 75. 76. 78.
 Лешко кн. польскій 430. 431. 432. 436.
 439. 507—509. 511.
 Ливики см. Витники.
 Ливонія см. Левонская земля.
 Ливуи царь см. Левъ
 Ливоній 110.
 Лихо одноглавое 17. 32. Ср. Одноглазый
 великанъ.
 Lohet и Maller 166.
 Лодомеръ царь 32.
 Лоніи 29—51 Ср. Аполлоній.
 Лоть 384.
 Лука, основатель Великихъ Лукъ (по
 народному преданію), 277.
 Лука Бареоломеевичъ 254. 266.
 Лука и Моисей, двѣ боярскіе, дружин-
 ники Василья Буслаева 203. 209.
 255.
 Лунинское, село 552. 560. 563. 565. 566.
 Лунинъ, село 565—566.
 Лунна, Лунное, село 565.
 Лыбедь 605.
 Людовикъ и Александръ см. Александръ.
 Людовикъ XI 172.
 Людовикъ XV 172.
М
 Мадей 325. 390.
 Макарій, митрополитъ 376.
 Макарий св. 348.
 Максентій 109.
 Максиміанъ Геркулій 109.
 Малкодушка 580. 581.
 Maller см. Lohet.
 Мамай 19.
 Мамборокъ 66. 594. 595.
 Мамелфа Тимофеевна (Амелфа, Омель-
 фа, Емельфа, Намельфа, Мальфа,
 Ванильфа)—имя матери Василья Бу-
 слаевича 196—199. 201. 206—213.
 217—220. 223—232. 278. 325. 375.
 381.
 Мавуиль, сынъ Ягайловъ 469. 500. 502.
 Мавуиль импер. 96—98.
 Марина Игнатьевна 497.
 Маркъ Королевичъ 499. 525.
 Марія, дочь Владиміра Мономаха 77.
 Марья Юрьевна, жена кн. Романа (въ
 пѣснѣ) 462. 470. 490. 491. 492. 500.
 Марва Всеславьевна, княжна (въ пѣснѣ)
 415.
 Мелетій, патріархъ Александрійскій 124.
 Меркурий св. Смоленскій 441.

Мерлинъ 38. 288. 414. 418. 611—612.
 Месреми, (Мерсемъ, Месраинъ) внуку
 Ноя 89. 588—591. 603.
 Мечиславъ кн. польскій 430. 431.
 Микула Селянинъ 205.
 Митрій Сольнскій 11. 19. Ср. Дмитрій
 Солунскій.
 Мисаилъ (Ананія и Азарія) 25. 28. 51.
 577—579. 582—583.
 Михайлъ Александровичъ кн. Тверской
 577.
 Михайлъ Всеволодовичъ кн. Чернигов-
 скій 73. 567.
 Михайлъ Долгогоровичъ 248.
 Михайлъ VII Дука импер. 77. 132.
 Михайлъ Казаряннинъ 425.
 Михайлъ Керулларій патріархъ 67. 112.
 116. 599. 602.
 Михайлъ Клопскій св. 92.
 Михайлъ кн., пѣсня о немъ 524—572.
 Михайлъ Потыкъ см. Потыкъ
 Михайлъ Романовичъ, кн. Друтскій 566.
 Михайлъ Романовичъ, сынъ Романа кн.
 Брянскаго 567. 568. 570.
 Михайлъ Феодоровичъ царь 56. 113.
 Михайлъ царь греч. 606.
 Михайло Росохинъ 276.
 Михайло Трунщикъ достаетъ корону
 изъ змѣйнаго царства 5—7.
 Михайло Степановичъ 251. 252.
 Моисей, архіепископъ Новгородскій 263.
 Моисей пророкъ 39.
 Могие, фея 32.
 Моргонъ-Хара, бурятскій шаманъ 386—
 387.
 Мстиславъ Владиміровичъ кн. 264.
 Мстиславъ Иаяславичъ 427.
 Мстиславъ Мстиславичъ кн. 433.
 Мстиславъ Ростиславичъ кн. 264.
 Мъшекъ Старый 428.
Н
 Навуходоносоръ 23—24. 26. 31—32.
 36—37. 39. 41. 43—47. 52. 54—56.
 150—151. 575—576. 578. 581. 584.
 Настасья Дмитріевна (Митріевична), же-
 на Василья Буслаевича 247.
 Настасья Дмитріевна (Митріевична),
 жена кн. Романа (въ пѣснѣ) 465.
 468. 512. 521.
 Настасья Королевична 149.
 Невродъ, царь Вавилонскій 24.
 Нектанавъ (Ахтанавъ) волхвъ. 590. 591.
 Немротъ (Nemrot) король Романія 29. 32.
 Незнайко 311—314. 316—317.
 Неофитъ, митрополитъ ефесскій 67. 71.
 73. 77. 78. 83. 94. 600—603.
 Никита Поповичъ, богатырь 375.
 Никита Романовичъ 226. 481. 484. 501.
 506.

Нинифоръ патриархъ 97.
Никола Зноповичъ 205. 208. 219. 228.
Николай св. 20. 59. 442. 443.
Никонъ игумень Троицкій 376.
Ной 32. 65. 69. 588.

Оберонъ (Auberon) 32—35.

Одноглазый великанъ 2. 5. 6. 8. 10. 17.
Олеъ кн. 94. 115. 136. 137. 425. 596—
598. 605—606.

Олеъ Ивановичъ кн. Рязанскій 518—
520.

Олеъ Романовичъ, кн. 568.

Ольга кн. 92. 448.

Ольга Романовна, кн. 570—571.

Ольгердъ 515. 516. 517. 519. 521. 522. 523.

Olivier и Artus 166.

Олимпиада, мать Александра Македонск.
510. 591.

Оmelius см. Amelius

Онисифоръ (Онцифоръ) новгородецъ 266.

Оплетавъ богатырь 8. 615. Ср. Заплетай.

Орвар-одъ 422—423.

Ортнитъ 86. 422. 423.

Орсонъ и Валентинъ 336.

Орь. пѣвецъ 433. 435.

Осей Кормичичъ 261.

Отопы златые 595.

Офимья Александровна, мать Василія
Буслаевича 196. Ср. Мамелфа.

Павель ап. 413. 414

Патрикій 66. 102. 594. 595.

Пахомій сербъ 103. 104. 107. 108. 111.

Перская царица 24.

Перунъ 261—262. 407. 420.

Перфиль 146.

Петръ ап.: дѣнія его 409—411.

Петръ Великій 56—57. 63.

Петръ и Февронія муромскіе 417.

Пилигримши см. Старчище.

Піовъ 66. 594. 595.

Пираморъ, кентавръ 30. 32.

Плещеевъ, воевода 268.

Пліадесь, жена кентавра Пираморта 30.
32.

Повольники повгородскіе 263—267.

Полемонъ 100.

Поляста 419.

Полифемъ 17. Ср. Одногласный великанъ.

Помпій 86. 87. 592. 593.

Поръ, царь индейскій. 11. 19. 37. 66. 85.
594. 595.

Потанюшка Хроменькій, одинъ изъ дру-
жинниковъ Василія Буслаевича 203.
204. 214. 227. 279.

Потаненька сутуль-горбать 205. См.
Потанюшка.

Потыкъ богатырь 379. 497.

Правда (человѣкъ, называющій себя
„Правдой“) 11. 36.

Премыслъ 53.

Проварна Ярыжа достаетъ царскую
корону для русскаго царевича Ивана
Ивановича 7—9.

Прокофій Новгородецъ 268. 269.

Проходимъ, царь 12.

Прусь, братъ кесаря Августа 66. 69—
71. 85. 87. 89. 93. 94. 98. 100. 101.
113—115. 118. 594. 595.

Птоломей, полков. Александра Макед.
590. 591. 592.

Птоломей Діонисъ 593.

Птоломей Заевичъ 86. 88. 89. 591.

Птеломей прокаженный 86. 87. 590. 591.
592. 593.

Пясть 53.

Рамиро, король 498.

Робертъ, по прозванію Дьяволъ, герцогъ
Нормандскій: сага о немъ 291. 292—
308. 319—325. 332—333. 338—339.
343—344. 350—351. 353. 355—357.
359. 372—373. 381—382. 385. 390—
392. 394. 396. 406. 408. 413. 415.

Робертъ Гвискаръ 392—394.

Робертъ, король Шипцкій 382.

Рогѣда кн. 149.

Родославъ Олеговичъ кн. Рязанскій 519.

Романъ Глѣбовичъ кн. 569.

Романъ (Глѣбовичъ? Михайловичъ?) кн.
Брянскій 521. 523. 567. 568. 569—
570.

Романъ Игоревичъ кн. 460.

Романъ кн. (въ пѣснѣ) 426—427. 444—
445. 453—523

Романъ Михайловичъ кн. Брянскій 521.

Романъ Мстиславичъ кн. 427—442. 445.

454. 458. 503. 507. 513—515. 566.

Романъ Новосильскій кн. 521.

Романъ Островскій кн. 443.

Романъ Ростиславичъ кн. 437.

Ростиславъ Владиміровичъ кн. 265.

Ростиславъ Мстиславичъ кн. 97.

Ростиславъ Рюриковичъ кн. 429.

Ротерь 46. 484.

Русь 415. 419. 420.

Рустемъ 375.

Рюрикъ кн. 70. 71. 87. 91. 95. 100—101.
113. 115. 148. 596. 597.

Рюрикъ Ростиславичъ кн. 428. 429. 510.

Сабра, дочь египетскаго царя Птолемея
34.

Савская царица 490.

Садко 395. 404.

Салтыкъ-Ставрѣвичъ 421.
 Салтън, астраханскій кн. 269.
 Самсонъ богатырь 375.
 Саулъ царь 53.
 Саулъ Ванидовичъ 416.
 Сватополикъ Изяславичъ кн. 98.
 Святославъ Всеволодовичъ кн. 429.
 Святославъ Глѣбовичъ кн. 568—569.
 Святославъ Ивановичъ кн. Смоленскій 516. 518. 521.
 Святославъ Игоревичъ кн. 66. 94. 136—137. 597.
 Севенчъ Боняковичъ 447.
 Сексенъ (Ексерксенъ) царь перскій 37.
 Семенъ Борисовичъ новгородецъ 253.
 Семенъ Жадовскій новгородецъ 276.
 Семенъ Ивановичъ вел. кн. Московскій 280. 516.
 Семенъ Ивановичъ кн. 67.
 Семенъ Лугвеній Ольгердовичъ 519.
 Семенъ Михайловичъ кн. Друтскій 566.
 Semo Sancus 413.
 Сеостръ, царь египетскій 65. 66. 85. 589—591. 594. 603.
 Сергій Радонежскій св. 376.
 Sévaige 32.
 Симеонъ, архіепископъ новгородскій 253. 262.
 Симеонъ Находъ 46.
 Симеонъ, царь казанскій 13. 146.
 Симонъ волхвъ 409—415. 418.
 Смигъ 65. 86. 89. 588. 589.
 Синеусъ 66. 71. 101. 115. 596. 597.
 Сіонъ-гора 240—241. 349—350. 363.
 Скипетра, царевна 4. 5.
 Скоморочи 401—408.
 Словенъ кн. 407. 419—420.
 Соловей разбойникъ 401.
 Соломонія, жена вел. кн. Василія Ивановна 168. 282.
 Соломонъ 18. 24. 384. 483. 490—492. 498—500. 580. 581.
 Софья см. Василій и Софья.
 Софья Алексѣевна 542.
 Софья Палеологъ 116. 117.
 Спиридонъ митрополитъ: посланіе его. 65—69. 81. 84. 86—118. 589.
 Ставръ новгородецъ 253.
 Старчище паллигримище, угрюмище (старецъ преугрюмище, старецъ со монастыря преугрюмова, старчище многолѣтище), крестный отецъ Василія Буслевича 218. 220. 221. 223. 224. 354. 376—378. 380.
 Староста братчины 210. 257. 258.
 Степанко новгородецъ 252.
 Степанъ Ляна новгородецъ 265.
 Степанъ Твердиславичъ новгородецъ 253.
 Стефанъ Лазаревичъ 109, 110.
 Стефанъ, воевода молдавскій 438.

РУССКІЙ ВЫЛЕВОЙ ЭПОСЪ.

Стефанъ св. Пермскій 271.
 Сѣнховъ 37.

Твердиславъ, посадникъ новгородскій 371.
 Тевривъ Моренстровичъ 41.
 Тиридать 55.
 Торъ 321. 378.
 Тохтамышъ 269.
 Троянъ 449.
 Труворъ 66. 71. 101. 115. 596. 596.
 Трунщиковъ Михайло см. Михайло Трунщиковъ.
 Тугаринъ Змѣевичъ 135.
 Турецъ-земля 421.
 Туртыгимъ Иванъ см. Иванъ Туртыгинъ.

Угрюмище, учитель Василія Буслевича 199. 205. 227. Ср. Старчище паллигримище.
 Улевуи См. Левъ.
 Урусанъ 348. 375.
 Ушкуйники новгородскіе 266—272. 277.

Фаустъ 414. 415.
 Февронія муромская 457.
 Фетьма, имя матери Василія Буслевича 196. 206. 212. Ср. Мамелфа
 Филіксъ 65. 66. 85. 590. 591.
 Филоеѣй, патріархъ 73.
 Флавіанъ св. 341—342.
 Флоовантъ 375.
 Флорента (въ повѣсти объ Александрѣ и Людовикѣ) 160—161.
 Фоль, царь Есіонскій 590—591.
 Формозъ, папа 67. 69. 70. 73. 81. 87. 91. 112. 116. 599. 601. 602.

Хамъ 65. 588. 589.
 Хиранъ король Македонскій 82.
 Хозрой 55.
 Холопій Городъ 275.
 Хомушка Горбатенькій, одинъ изъ дружинниковъ Василія Буслевича 204. 214.
 Хоривъ (Кій и Щекъ) 148. 276. 604—605.
 Хотень Блудовичъ 337.
 Христофоръ св. 334.
 Хусъ 588. 589. 590. 591.

Цареградъ 10. 12. 15. 16. 28. 64. 66. 72. 135.
 Царь—дѣвка 2. 31.

Часова жена 337.

Черть 6. Ср. Одноглазый великанъ-Чимбалъ (Чембалъ, Чумбалъ, Цимбалъ. Чолпанъ), король польскій 463. 468. 474. 486. 488. 502.

Чингисханъ 52.

Чоботокъ богатырь 441.

Чурило богатырь 213. 286

Шаруканъ ханъ 447.

Шелонъ 419. 420.

Шелудякъ мнимый (въ сказкахъ) 321—325.

Шемяка (повѣсть о судѣ Шемяки) 474.

Щекъ (Кій и Хоривъ) 148. 277. 604—605.

Эрлен-ханъ, божество Бурятъ 386.

Эрликъ, божество Бурятъ 387. 388.

Эсэгъ-Маланъ-Тенгери, божество Бурятъ 386. 387.

Эццелино, ладуанскій правитель 290—291.

Юднѣв 44.

Южичская царица 24. 580.

Юлій Цезарь 32. 33. 65. 85. 86. 90. 592—595.

Юрій Васильевичъ, кн. 376.

Юрій Дмитріевичъ сынъ Дмитрія Донского 376.

Юрій Святославичъ кн. Смоленскій 516. 518. 521.

Юстиніанъ, импер. 289—290.

Ягелло 516. 521.

Янъ Вышатичъ 75.

Ярославъ Владимировичъ кн. 131. 264. 266—267.

Ярославъ Всеволодовичъ кн. Переяславскій 429.

Ярославъ Осмомыслъ кн. 97. 426. 428.

Ярыжка Проварна смотри Проварна Ярыжка.

Оаворъ 241. 242. 244. 365.

Оарскъ 589. 590. 591.

Оедоръ Борисовичъ кн. 68.

Оедоръ Борна Пьяница приноситъ изъ Вавилона царю Ивану Васильевичу порфиру, вѣнецъ, скипетръ и жезлы царскіе 10—12. 15. 19.

Оедоръ Васильевичъ царь (въ пѣснѣ) 182.

Оедоръ Ивановихъ царь 70. 115. 124. 125. 190.

Оедоръ Ивановичъ царевичъ (въ пѣснѣ) 189.

Оедоръ Олеговичъ кн. Рязанскій 519.

Оедоръ Юрьевичъ кн. Смоленскій 521.

Оедька наслѣдникъ 57.

Оеодорихъ Великій 858.

Оома ап.: дѣянія его 47—49. 615.

Оома Благоуродливый, одинъ изъ дружинниковъ Василія Буслаевича 279.

Оома Ратиборичъ 76. 130.

Оома Ременниковъ, названный братъ Василія Буслаевича 227.

Оома Родіоновичъ, старшина новгородскій (въ пѣснѣ) 205. 208. 219. 228.

Оома Толстородливый, одинъ изъ дружинниковъ Василія Буслаевича 204.

II.

Багряница царская 26.

Бармы 119. 126. 140. 142. 600. 601.

Богатыри: могилы ихъ въ Кіевѣ 441.

Бой въ образѣ пира 216—217. 232.

Братчины 205. 207. 209. 210. 251. 256—259.

Братья названные 255.

Былина о Васильѣ Буслаевичѣ: 193—424. 616.

— о Васильѣ и Софьѣ 542—544. 546.

— „Похожденія Ивана или Неразсказанный сонъ“ 181—188. 189. 191—192.

— „о царствѣ подсолнечномъ“ 189. 191. Ср. пѣсни.

Виссонъ (виссъ) царскій 26. 28. 63. 122.

Вода живая 18.

Волкъ, его мненческое значеніе 357.

Волосы золотые 340.

Вооруженіе, чѣмъ понало 216.

„Воротарь“ (пѣсня и игра) 453—461.

Вѣнцы царскіе 26—28. 65. 67. 73. 74. 76. 83. 84. 113. 122. 124. 126. 140. 142. 600. 601. Ср. Корона, шапка Мономахова.

Вѣнчаніе царское 14. 15. 63. 67. 71. 73—74. 77. 78. 119—121. 123—129. 140—145.

Вязъ червленый, какъ оружіе 215.

Гимнъ о душѣ въ апокр. Дѣянїяхъ ап. Ѡмы. 49.

„Двоесловіе живота и смерти“ 391.

Дерево засохшее (=палка, головня), дающее ростки 327. 328. 329. 330.

Держава (рукъ держава) 1. 10. 604.

„De vorlogne Sone“ 294. 308. 324. 369. Ср. легенда о человѣкѣ, обреченномъ демону.

Діадима 73. 74. 83. 84. 125.

Дружина: выборъ ея 478.—**вызовъ трехкратнымъ сигналомъ** 483. Ср. Василій Буслаевичъ.

Дѣтей выбрасываніе 53.

Дѣянїя ап. Петра 409—411.

Дѣянїя ап. Ѡмы 47—51. 287. 615.

Жалоба на старость 466. 480.

Жезлы царскіе 11. 19.

Животныя помогающія (въ сказкахъ) 4. 7. 8. 10. 31.

Жребїи 480.

Задачи трудныя (въ сказкахъ) 177. 181.

Закладъ 259.

Змѣи въ Вавилонѣ 1—2. 11. 25—27. 40—42. 575—579. 583. 585—587.

Змѣи-насмѣшники 416—418.

Змѣица лютая 51. **Змѣи въ Египтѣ** 51.

Змѣи Горыничъ 2. 4—5. **Змѣи, побѣжденный св. Георгіемъ** 33.

Знаменія при избранїи царя 40. 56—62.

Знаменія при рожденїи 296. 416.

Золотые волосы 315.

Игрища и бои 259—262.

Избраніе царя по знаменїю 56—62.

Инкубы 286—287.

Калики: „Сорокъ каликъ со каликою“ 425.

Камень преткновенїя 360—368.

Камень съ подписью 236. 242. 243. 364—365. 400.

Камень квадратный на площади въ Новгородѣ 369—372. Ср. Василій Буслаевичъ (смерть послѣ прыжка черезъ камень).

Камланые, обрядъ совершаемый шаманами 385—386.

Кація 67. 601.

- Клобукъ бѣлый 73. 74.
 „Книга о семи мудрецахъ“ 152—162. 187.
 Коверъ самолетный 184.
 Колоколь на головѣ 377—378.
 Кольцо 489.
 Конь (поenie коня) 493. Конь споткнувшійся 525.
 «Король» (пѣсня и игра) 459.
 Корова 1. 5. 7. 9. 10—11. 19. 38. Ср. вѣнецъ.
 Костыль царскій 9. 12. 13—147.
 Кость (человѣчья, сухоялова, богатырская) 235. 240. 241. 243. Ср. черепъ.
 Крабійца сердоличная 26. 28. 63. 67. 73. 83. 600. 601.
 Кресть царскій 65. 67. 73. 74. 83. 600. 601.
 Кровь: леченіе кровью 163. 166. 169. 170. 171—172.
- Л**евъ, борющійся со змѣею 4. 5. 8. 10. 17—18. 615.
 Легенда о Божьемъ крестникѣ 324. — о гордомъ царѣ 336. 382. — о земномъ раѣ 391. — о странникахъ, ходившихъ въ Компостеллу 171. — о человѣкѣ, обреченномъ дьяволу 309. 324. 607—610. — о кровосмѣшеніи 328—330. — Легенды о покаившемся разбойникѣ 325—338. 341—344. 361—362. 388—389.
 Летавецъ демонъ: повѣрья о немъ 418. 611—614.
 Лѣтописецъ вскорѣ патриарха Никифора 97.
- М**ечъ, отдѣляющій мнимыхъ супруговъ 166. Мечъ самостѣкъ аспидъ-змій 40—42. 54.
 Milgot, пнорогъ 30. Ср. животныя помогающія.
 Молочное родство 449.
 Морская пучина 244. Морской царь. 478.
 Москва—третій Римъ 17. 109. 114.
- О**боротничество 406—408. 410. 420—421. 467. 484—485.
 Обреченіе человѣка демону 324. 325.
 Обрядъ поставленія правителей 54.
 Осень: ея описательное обозначеніе 485—486.
 Ось тележная, какъ оружіе 216.
- П**алица Перуа 261.
 Панахида 9.
- Парамиды 83.
 Переправа черезъ рѣку: символическое значеніе этого образа въ пѣсняхъ 490.
 Пыры, изображаемые въ пѣсняхъ 486—488.
 Пятіе забудущее 211.
 Повѣсти о Вавилонѣ 1—52. 62. 575—579. 582—586. Ср. Вавилопъ.
 Повѣсть объ Александрѣ и Людовикѣ 152—164. — объ Аполлоніѣ Тирскомъ 29—32. — о бѣгомъ клобукѣ 73—74. — о Василіѣ Златовласомъ 340. — о градѣ Вяткѣ 273. — о Латынѣхъ 138. — о Мономаховомъ вѣнцѣ 71—75. 80—118. 187. о судѣ Шемяки 474.
 Покаянныя испытанія 327—332. 336. 337. 350.
 Покры хрустальные 24—25. 612.
 Порамиды 73.
 Порфира царская 10. 12. 13. 15. 19. 26. 28. 63. 122. 147. 604
 Посланіе о Мономаховомъ вѣнцѣ Спиридона Савы 65—69. 86—118. 589—603.
 Пословицы (притчи) 436—437.
 Поставленіе великихъ князей русскихъ 72. 596—602.
 Поясъ вълѣгъмитъ (дермидъ, еедрмидъ) 695
 Превращенія въ сказкахъ 178.
 Проказа, исцѣленіе ея кровью 163. 166. 168. 169. 170. 172.
 Пряжка Навуходносора 31. 36.
 Птица-вѣстница 466. 472. 481—483. 533.
 Птицы (взятіе и сожженіе города посредствомъ птицъ) 448.
 Птичій языкъ 60. 155. 160. 175. 176.
 Пѣсни о двушкѣ (или вдовѣ) увлеченной захожими людьми 557—559. 560—561. 564. — о женщинѣ, умершей въ разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ 531—535. 554—557. — о жестокой свекрови 535—541. 547. 549. — о матери-отравительницѣ 542—545. 548.—550. — о князѣ Михайлѣ 524—572. — о князѣ Романѣ 426—427. 458—523. Ср. былины.
- Р**астенія надъ могилами безвременно погибшихъ 533. 534. 543. 547. 548. 549. 551. 555. 556. 559.
 Рогъ со знаменіемъ 40. 56. Ср. знаменія при избраніи царя.
 Родословіе русскихъ князей 69—71. 84—93. 95. 615.
 Родословіе сербскихъ кралей 109—110.

Рожденіе при помощи волхвованія 282—284. Рожденіе отъ змѣя 286.—отъ демона 287—291. 295 296.

Роскошь: ея описательное обозначеніе 488.

Свѣча самозагорающаяся 56—62. 177. 191.

Семь мудрецовъ см. „Книга о семи мудрецахъ“

Сказаніе Амфилога царя о святой литургіи. 335. 616.—о великихъ князьяхъ Владимірскихъ 69. 75—151. 588—602.—о Кѣвскихъ богатыряхъ 135.—объ основаніи Новгорода 407.—о семи русскихъ богатыряхъ 135.

Сказаніе о взятіи города и о сожженіи его посредствомъ птицъ 448.—о выброшенныхъ и чудесно спасенныхъ дѣтяхъ 52. 53.—о крестномъ древѣ 490.—объ обращеніи побѣжденныхъ въ положеніе рабочаго скота 437—438.

Сказка о Васильѣ царевичѣ и Еленѣ прекрасной 57.—объ исцѣленіи проказы кровью 169—170.—о милосердіи бѣднякъ 58.—о солдатѣ и чортѣ 177.—объ уткѣ съ золотыми яйцами 59.—о «Хитрой наукѣ» 178.—Сказки о благодарныхъ животныхъ 17. 31.—о добываніи живой воды 18.—о добываніи царскихъ драгоценностей (корона, порфира, скипетръ) 5—7. 7—8. 7—9. 9—10. 10. 10—12.—о мудромъ мальчикѣ, понимавшемъ языкъ птицъ 156—158. 175—177. о шелудякѣ 325.—о хитрой невѣстѣ 181. 616.

Скатереточка-хлѣбосолочка 184.

Скипетръ царскій 1. 10. 11. 19. 26. 63. 604.

„Слово о погибели Русскія земли“ 95—97.—о христоролибомъ купцѣ 168—169.

Смерть въ образѣ брака 399.

Сны вѣщіе 176—177. 180—188. 489. 531—533.

Вѣра въ сны 384.

Сорочка (*pileus naturalis*) 284.

Споръ о чудесныхъ вещахъ въ сказкахъ 188.

Степенная книга 81—84. 92. 111.

Стрѣлы съ написью 202.—съ привязанными письмами 147.

Суккубы 286—287.

Тидрексага 358. 383. 422—423.

Титуль царскій московскихъ государей 14—17. 106—108. 115. 141—143.

Трудныя задачи въ сказкахъ 324.

Упыри 286.

Хламида царская 76.

Хромецъ и слѣпецъ (въ притчѣ) 473.

Хрустальные полы см. полы хрустальные.

Царевъ сынъ (пѣсня и игра) 459.

Царя избраніе по знаменію 40.

Цѣпь золотая 83. 140. 600.

Черепь конскій 423.

Черепъ человѣческій говорящій (=сухая голова, пуста голова) 285. 238. 241—244. 346—349.

Черти—безъ спины 451.

Честна вдова 197.

Чохъ (чиханье) въ народныхъ суевѣріяхъ 384—385.

Шапка Мономахова см. вѣнцы царскіе.

Шапочка-невидимочка 184.

Шахматы Навуходносора 31. 36.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ исправить:
6	23	расахватило	расхватило
44	20	царствоватой	царствова той
—	21	ево	его
52	37	<i>Потаминъ</i>	<i>Потанинъ</i>
59	7	выг-	вы-
—	8	налъ	гналъ
68	16	«такъ: бывшу	такъ: «бывшу
86	25—26	о Птоломеяхъ	о Птоломѣ Заечдѣ
87	22	Спирядна	Спирядона
90	32	родословпа	родословца
97	20	комниновъ	Комниновъ.
98	34	Пгрусъ	Прусъ
103	31	<i>Оби.</i> ,	<i>Оби.</i>
119	32	iz	iž
—	—	сам	сам
—	37	zadnemu	zadnemu
129	7	veticintum	vaticinium
143	31	царцей	царцей
172	1	разказовъ	разказовъ
194	23	запись	запис.
221	41	замись	зались
232	32	мусту	моству
233	19	Цереградъ	Цареградъ
298	11	geni	gens
309	30	Vincentiu	Vincentius
334	41	(вѣры):	(вѣры),
336	27	Novelleu	Novellen
338	3	разказалъ	разказалъ
358	20	умчалс	умчался
—	37	Дитриха,	Дитриха
631	19	агли	агли
862	34	<i>прохѣматосъ</i>	<i>прохѣматосъ</i> ,
367	39	Иамѣтокъ	Замѣтокъ
—	—	Жылиннамъ	былиннамъ

394	13	основы,	основы
416	32	Плутархъ	Плутархъ,
439	22	ill iceum	illic eum
447	4	Боняѣ	Бонякъ
450	8	Совасас .	Совасос
458	46	Романа	Романа.
525	42	потыкается,	потыкается»,
—	—	«давая	давая
538	5	mér'	mér'
541	36	водоѣ	водоѣ,
551	33	Köhlera	Köhler—a
555	3	mitternacht.	mitternacht,
—	9	nacht.	nacht,
—	16	gruben	graben;
—	26	der	dir
—	39	sarg	sarg.
562	1	вдова	вдова,
567	36	исторiя	Исторiя
616	17	germ.	Germ.
624	17	Птеломей	Птеломей
